

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 397 863

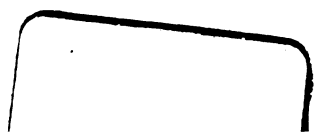
2497

~~12
18~~

P Slav 460.5 $\left(\frac{1899}{9-10} \right)$

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

История № 2497

Штаб 4

Полка 8

Место книги на полку 5

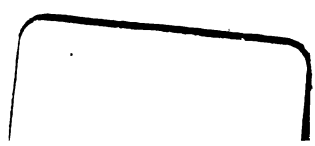
2494.

~~12
18.~~

PSlav 460.5 $\left(\frac{1899}{9-10}\right)$

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

История № 2497

Шифр 4

Полка 8

Место книги на полке 5

0573

Годъ VIII-й.

Сентябрь 1899 г.
№ 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

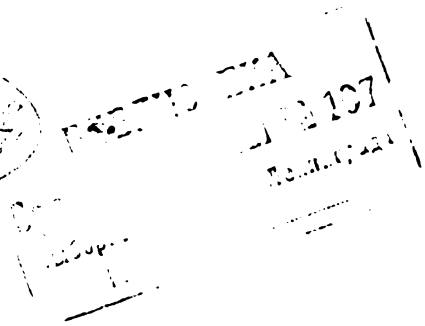
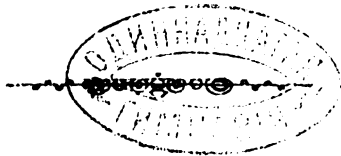
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

1770
2484

СЕНТЯБРЬ

1899 г.

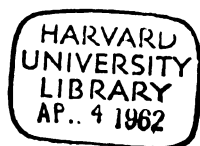

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1899.

0
Pfleger 460.5 (1899)
7-10

✓

62 7 2

Дозволено цензурою 24-го августа 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	ОТР.
1. БОМАРШЕ. (Къ столѣтію его смерти). Евгения Дегена. . .	1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) СНЫ УЗНИКА. (Изъ Чезаре Николіни).	
2) ТЮРЕМНАЯ МЕЛОДІЯ. (Изъ Чезаре Николіни). 3) НА	
ЧУЖБИНѢ. (Изъ ирландскихъ пѣсенъ О'Коннора). П. Я.	22
3. ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ. (Очерки и наблюденія). (Продол-	
женіе). Н. Манасеиной.	26
4. АЛХИМІЯ И АЛХИМИКИ. (Страничка изъ исторіи науки). Привать-доцента кіевскаго университета Н. Н. Володкевича. .	47
5. ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРИИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. (Окончаніе). Проф. Р. Вилпера. .	62
6. ПРОЧЬ. Разсказъ Афъ Г. Гейерстама. (Переводъ со швед-	
скаго И. Л.)	78
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. * * * Allegro.	110
8. НОВЫЙ ЭТЮДЪ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢ-	
ЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. Л. Сѣдова.	111
9. ОСВОБОДИЛАСЬ. Повѣсть. (Продолженіе). А. Вербицкой . . .	134
10. РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. Роберта Сизеранна. Пер.	
съ франц. Т. Богдановичъ. (Продолженіе). Часть третья. . .	164
11. УЧЕНІЕ О ЛОКАЛИЗАЦИИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНО-	
СТЕЙ. (Исторія и современное состояніе). Проф. Г. Челпанова. .	183
12. МОЦЬ КООПЕРАЦИИ. В. Тотоміанца	197
13. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КИТАЯ. К. Каутскаго. Пе-	
реводъ съ нѣмецкаго Вик. Мазуренко.	209
14. ДУШНАЯ НОЧЬ. (Степные очерки). Юліи Безродной.	219

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. ГАЗЕТА ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Замѣтка). С. Ашевскаго.	1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Временныя правила.—Изъ поѣздки къ голодающимъ. — Экономическое значеніе грамот-	
ности.—Духоборы въ Квебекѣ.—Изъ хроники переселенія.— Что читаетъ народъ.—На нефтяныхъ промыслахъ.	9
17. За границей. Американскіе университеты. — Религіозный кри-	
зисъ въ Англіи. — Чествованіе памяти венгерскаго поэта.— Выставка Арміи Спасенія.—Швейцарскія дома для рабочихъ. .	21

	СТР.
18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Psychological Review». — «Deutsche Revue». — «Revue de Paris». — «Nineteenth Century». — «Nouvelle Revue».	28
19. ДАРОВОЙ ОБЪДЪ ДЛЯ БѢДНЫХЪ УЧЕНИКОВЪ ВЪ БОРО. Чарльса Морлей. Перев. съ англійскаго Н. Кургановой.	35
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Ботаника. Выдѣленіе тепла въ цвѣтахъ Victoria regia. — Бактеріологія. Къ вопросу о взаимодействіи между бактеріями и зараженнымъ ими организмомъ. — Зоологія. 1) О движеніи инфузорій. — 2) Обоняніе птицъ. — Физика. Телеграфированіе безъ проволокъ. Д. Н. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.	42
21. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «М. Е. Салтыковъ», А. Н. Пыпина. — Публицистическая дѣятельность Щедрина въ 60-ые годы. — Его общественные взгляды. — Мнѣніе о реформѣ печати и о «направленіяхъ». — Взглядъ на молодое поколѣніе вообще. — Его отрицательное отношеніе къ Писареву и «вислоухимъ». — «Оба Гордѣевъ» г. Горькаго. А. Б.	59
22. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика. — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Соціологія. — Философія. — Естествознаніе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	71
23. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. О политикѣ и соціологіи въ современной Франціи. Ив. Иванова	100
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	122

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. Эдмонда де-Амичиса. Переводъ съ итальянскаго Ел. Колтоновской. (Продолженіе).	51
26. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный Морицомъ Вильномомъ, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Могилянскаго и Д. Н. Нелюбова. Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Окончаніе).	247
27. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕРЦОГА СЕНТЬ-СИМОНА. Пер. съ франц. Со статьей Сентъ-Бэва о герцогѣ Сентъ-Симонѣ.	1

Бомарше.

БОМАРШЕ.

(Къ столѣттю его смерти).

Какъ мысли черныя къ тебѣ придуть,
Откупори шампанскаго бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».

Пушкинъ.

...Un jeune homme ardent au plaisir; ayant tous les goûts pour jouir; faisant tous les métiers pour vivre; maître ici, valet là, selon qu'il plaît à la fortune! ambitieux par vanité, laborieux par nécessité, mais paresseux... avec délices! orateur selon le danger, poète par delassement; musicien par occasion, amoureux par folles bouffées; j'ai tout vu, tout fait, tout usé.
«Figaro».

I.

Въ обыденномъ разговорѣ, въ газетныхъ фельетонахъ, въ юбилейныхъ спичахъ нерѣдко говорится о національномъ характерѣ, о духѣ народа, какъ о чемъ то вполне опредѣленномъ, постоянномъ и всѣмъ извѣстномъ. Если вы поинтересуетесь ближе узнать, каковъ же собственно характеръ данной націи, вы можете услышать отвѣтъ, что англичанинъ практиченъ и предприимчивъ, нѣмецъ аккуратенъ и склоненъ къ философіи, французъ остроуменъ, болтливъ и легкомысленъ, итальянецъ влюбчивъ и музыкаленъ и такъ далѣе до безконечности. На основаніи такихъ опредѣленій рѣшаются и политическіе вопросы: какой, напр., можетъ быть споръ между «кичливымъ ляхомъ» и «вѣрнымъ россомя»? И напрасно бы вы стали указывать на извѣстнѣйшіе примѣры непрактичности англичанъ, неаккуратности нѣмцевъ и кичливости россовъ,—вамъ возразятъ, что исключенія только подтверждаютъ правило. Если же мы обратимся къ этнологической наукѣ, единственной инстанціи, компетентной въ рѣшеніи вопросовъ по народной психологіи,—то мы не только не услышимъ опредѣленнаго утвержденія, но усомнимся, пожадуемъ, въ самой возможности ставить подобныя задачи. Какая бы психологическая черта ни показалась намъ характерной для

данной народности, въ необъятныхъ массахъ накопленнаго наукой матеріала мы непремѣнно натолкнемся на сотни доказательствъ, что та же черта встрѣчается и у другихъ націй, на сотни фактовъ, не позволяющихъ видѣть въ ней общаго признака данной національной группы. То, что ходячее мнѣніе приписываетъ народу, какъ пѣлому, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается присущимъ лишь данной національной средѣ въ данную историческую эпоху. Сословныя, классовыя черты внутри той или иной народности, можетъ быть, поддаются болѣе точной формулировкѣ, но и тутъ ни одна характеристика до сихъ поръ не можетъ претендовать на значеніе безапелляціоннаго приговора. Единственно, что мы можемъ утверждать съ достовѣрностью, это то, что извѣстный складъ личности въ опредѣленной средѣ повторяется въ продолженіи цѣлаго ряда поколѣній. Такую цѣпь типовъ, какъ извѣстно, можно подмѣтить въ русской литературѣ. Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ, Бельтовъ, Рудинъ и всѣ дальнѣйшіе ихъ нисходящіе потомки,—все это интеллигенты, которымъ извѣстная идеальность мѣшаетъ слиться съ растительною жизнью окружающей среды, а отсутствіе воли и сознательной цѣли мѣшаетъ вести побѣдоносную борьбу съ этою средою. Французской литературѣ также знакомы такія преемственные типы, при чемъ не трудно указать ихъ родство съ дѣйствительно существующими личностями. Возьмемъ, напр., аристократическій типъ, порожденный реакціоннымъ романтизмомъ: начиная отъ Рене Шатобриана и кончая «врагомъ законовъ» Мориса Барреса, можно подобрать одинъ сплошной рядъ субъектовъ, впитавшихъ въ себя глубокое убѣжденіе, что отношеніе между ними и обыкновенными смертными такое же, какъ между единицей и безконечно малыми величинами, что они вправѣ отдаваться наслажденію, красотѣ, не спрашивая себя, на чей счетъ они забрались такъ высоко. Въ реальной жизни этотъ типъ также живучъ и устойчивъ, несмотря на значительныя колебанія и варіаціи. Шатобрианъ, Мюссе, Боделеръ, Флоберъ, Ренанъ, включительно до послѣдняго поэта, который пузырится въ кабачкахъ Латинскаго квартала,—всѣ они претендуютъ на феноменальность и невмѣняемость гениа.

Другой типичный герой игралъ въ жизни Фронціи гораздо болѣе видную роль. Въ то время, какъ демоническій «врагъ законовъ» будировалъ на своихъ парнасскихъ высотахъ или въ матовомъ свѣтѣ алькововъ и съ невыразимой гримасой отворачивался отъ дѣловой жизни, этотъ захватилъ въ свои руки всѣ бразды, душой и тѣломъ окунулся въ аферы, спекуляціи, грюндерство, агитируетъ, ведетъ политику и именуется себя носителемъ принциповъ великой революціи. Въ литературу этотъ герой попалъ сравнительно поздно. Ихъ превосходительства Эженъ Ругонъ и Нума Руместанъ казались новыми людьми, зато они до сихъ поръ не сходятъ со сцены: Зола, Мопассанъ, А. Доде, Барресь (*La journée parlementaire*, *Les déracinés*) не устаютъ варіировать

все тотъ же типъ бозшабашнаго «борда за существованіе» и считаютъ его—одни дѣтищемъ второй имперіи, другіе—порожденіемъ парламентарной республики. Въ дѣйствительности онъ гораздо старше, хотя до 1848 г. его далеко еще нельзя назвать героемъ времени. При реставраціи онъ заявляетъ о своемъ существованіи довольно невиннымъ образомъ, нюхая изъ табакерки, на крышкѣ которой написанъ текстъ великой хартіи вольностей. При іюльской монархіи онъ уже ставитъ затрудненія министерству при бюджетныхъ дебатахъ, а подъ конецъ становится во главѣ всѣхъ недовольныхъ элементовъ страны. Наконецъ, наступаетъ день его торжества, когда онъ съ великими словами на устахъ разстрѣливаетъ тысячи своихъ наивныхъ согражданъ, повѣрившихъ въ серьезность этихъ громкихъ многообѣщающихъ словъ. Узурпація 2-го декабря какъ будто снова ставитъ его въ тѣнь, но онъ быстро приспособляется къ обстоятельствамъ. Потерявъ политическую власть, онъ тѣмъ ожесточеннѣе борется за матеріальное преобладаніе. Въ этомъ направленіи на его пути нѣтъ никакихъ преградъ, и его алчность находитъ полное удовлетвореніе. Когда же наконецъ разразился всеобщій крахъ, когда послѣ перваго момента ошеломленія и новой кровавой ванны можно было оглядѣться, нашъ герой оказался уже у самого кормила. Отнынѣ онъ является то избирателемъ, то депутатомъ, то министромъ; онъ ведетъ съ виду лихорадочную политическую дѣятельность, въ результатѣ которой являются перетасовки личностей, а общественная машина стоитъ все на томъ же мѣстѣ; онъ все еще продолжаетъ оглашать воздухъ словами—свобода, равенство... но больше всего дорожитъ ненарушимостью догмата о свободѣ конкуренціи; онъ бряцаетъ саблей и очень храбръ на воинственныхъ парадахъ, вадѣясь ими запугать вѣмца; онъ ни одному народу на свѣтѣ не хочетъ позволить опередить Францію въ культурныхъ предіриятіяхъ и для пуцаго возвеличенія своей обожаемой родины устраиваетъ Панаму; онъ же, наконецъ, изъ патріотизма фальсифицируетъ судебные приговоры и честь свою полагаетъ въ неприкосновенности вопіющихъ, злодѣяній, лишь бы они оставались подъ густымъ покрываломъ.

Мы начали съ конца, вернемся къ началу. Біографія нашего героя начинается гораздо ранѣе XIX вѣка, и надо сказать, что при старомъ режимѣ ему волей-неволей приходилось быть несравненно порядочнѣе, чѣмъ въ наши дни. Здѣсь намъ не придется говорить объ отвлеченномъ персонажѣ, синтезированномъ изъ отдѣльныхъ чертъ,—передъ нами живой *striggler for life*: Пьеръ Огюстенъ Каронъ, ставшій знаменитымъ подъ именемъ Бомарше.

II.

Если мы возстановимъ въ своей памяти всю поразительную картину этой необычайной жизни, исполненной униженій и славы, жуированія

*

и смертельныхъ опасностей, богатства и нищеты, тайныхъ интригъ и смѣлыхъ вызововъ сильнымъ міра сего, громкихъ фразъ и безпринципности, мы увидимъ, что герой современнаго натуралистическаго романа, при несомнѣнной родственности основныхъ чертъ, есть только блѣдная копія блестящаго рагуveni прошлаго вѣка. Оставляя пока въ сторонѣ геніальныя писательскія способности Бомарше, которыя составляютъ конечно капитальную разницу между нимъ и его мизерными преемниками, обратимъ вниманіе на то, что біографія Бомарше заключаетъ въ себѣ столько «человѣческихъ документовъ», что изъ нихъ можно было бы выкроить не одинъ, а десятокъ романовъ по рецепту Зола.

Почти всѣ видные писатели XVIII вѣка были далеко не аристократическаго происхожденія, всѣ они прошли тяжелую жизненную школу, нѣкоторые изъ нихъ вполне удовлетворили своему честолюбію и достигли весьма обезпеченнаго матеріальнаго положенія, какъ, на примѣръ, Вольтеръ, другіе наоборотъ всю жизнь чувствовали себя въ нравственныхъ и матеріальныхъ тискахъ, какъ напр., Руссо, но ни одинъ изъ нихъ не испыталъ такихъ рѣзкихъ и многочисленныхъ поворотовъ фортуны, какъ Бомарше. Судьба предназначала ему карьеру искуснаго часовыхъ дѣлъ мастера. Мало того, что онъ въ мастерской отца изобрѣлъ какое-то усовершенствованіе въ часовомъ механизмѣ и доказалъ свое первенство противъ конкурента Лепота передъ судомъ Академіи: изобрѣтатели часто сидятъ безъ хлѣба,—Бомарше сумѣлъ создать моду на свое искусство. Онъ получилъ заказъ и угодилъ М-ше Помпадуръ и Людовику XV, а потомъ, конечно, вся придворная клика стала заказывать себѣ у молодого Карона часы, точъ въ точъ такіе, какъ у короля и его любовницы. Менѣе предприимчивый часовщикъ ограничился бы такимъ успѣхомъ и всю жизнь положилъ бы на поддержаніе своей коммерческой репутаціи, но Бомарше видѣлъ въ этомъ только возможность поставить ногу на первую ступеньку той лѣстницы, которая оканчивалась для него самого неизвѣстно гдѣ. Его мастерство по части часовыхъ дѣлъ позволило ему извлечь пользу изъ другого своего таланта—музыкальности: онъ сдѣлался учителемъ гитары и арфы у дочерей Людовика XV. Неизвѣстно впрочемъ, насколько тутъ играли роль музыкальныя дарованія молодого часовщика, но несомнѣнно, что его веселый нравъ, остроуміе, почтительный тактъ и его «авантажная» наружность, какъ онъ впоследствии самъ сознавался, оказала ему въ данномъ случаѣ важную услугу. Онъ не только училъ принцессъ и участвовалъ въ ихъ домашнихъ концертахъ, гдѣ иногда присутствовалъ самъ король и дофинъ, но и исполнялъ городскія порученія своихъ высокихъ ученицъ, для чего требовалось иногда много находчивости, ловкой деликатности и покладливости. Странные дебюты для человѣка, который впоследствии прослылъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ глашатаевъ и вдохновителей идей великой революціи.

Въ то самое время, когда Бомарше искалъ въ Версагѣ почестей

или того, что тогда считалось почестями, онъ успѣлъ уже разбогатѣть, женившись на своей заказчицѣ, купить званіе ея перваго мужа—«контролера кухни короля» и вновь обѣднѣть, овдовѣвъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы и потерявъ процессъ изъ-за наслѣдства жены съ ея родственниками. Молодой авантюристъ не унывалъ. Богатство было ему необходимо во что бы то ни стало. Понятіе о чистоплотности въ средствахъ успѣха было знакомо Бомарше менѣе, чѣмъ кому бы то ни было въ ту эпоху. Онъ не пренебрегалъ никакими связями. Такъ онъ сдѣлался другомъ дома у смиреннаго мужа М-ше Помпадуръ. Здѣсь онъ сошелся съ извѣстнымъ финансистомъ и богачемъ Дюверне, который обѣщалъ составить его счастье, если онъ черезъ принцессу выхлопочетъ, чтобы король посѣтилъ основанную на деньги Дюверне военную школу. Бомарше былъ бы непохожъ на себя, если бы не взялся за такое порученіе и не сумѣлъ бы его выполнить. Отнынѣ онъ становится крупнымъ аферистомъ за счетъ Дюверне, купивъ себѣ, за его же счетъ, должность смотрителя королевской охоты,—званіе болѣе почетное, чѣмъ контролеръ кухни. На поприщѣ финансовыхъ аферъ Бомарше нашелъ, кажется, свое настоящее призваніе, такъ какъ трудно рѣшить, какая изъ многочисленныхъ его специальностей, связанныхъ съ рискомъ, интригой и наживой, привлекала его больше всего.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ жизни Бомарше является его экскурсія въ Мадридъ. Здѣсь впервые онъ соединяетъ роль благороднаго заступника оскорбленной невинности съ весьма двусмысленными коммерческими спекуляціями и съ попыткой вмѣшаться въ международную политику. Въ своихъ мемуарахъ Бомарше увѣряетъ, что единственной причиной его поѣздки въ Испанію было желаніе отомстить за свою сестру, обманутую обѣщаніемъ жениться со стороны довольно извѣстнаго испанскаго писателя Клавихо, и что «очень интересное» коммерческое порученіе Дюверне пришлось только кстаті. На дѣлѣ, повидимому, было наоборотъ: миссія нѣжнаго брата, оскорбленнаго въ своихъ принципахъ чести и нравственности, очень кстаті отвела глаза отъ главной задачи экспедиціи Бомарше, которая должна была носить секретный характеръ. За это говорить и самая хронологія событій. Получивъ извѣстіе о горѣ сестры въ февралѣ 1764 г., Бомарше такъ былъ взволнованъ и раздраженъ, что, не теряя ни минуты времени, добылъ необходимыя свѣдѣнія и рекомендаціи и, по его словамъ, «однимъ скачкомъ» перелетѣлъ изъ Парижа въ Мадридъ. Скачокъ этотъ однако занялъ время до 18 мая. Свое семейное дѣло онъ велъ также ловко и энергично, какъ и всѣ дѣла, за которыя брался, и окончилъ его ровно въ одинъ мѣсяць (дата послѣдняго письма Клавихо 17 іюня 1764 г.), но изъ Испаніи уѣхалъ только въ мартѣ слѣдующаго года. Хотя планы Дюверне не имѣли никакой удачи, нельзя сказать, чтобы Бомарше праздно проводилъ время своего путешествія. Онъ пробовалъ всевозможныя аферы и спекуляціи, между прочимъ, даже хотѣлъ взять на

себя снабженіе испанскихъ колоній неграми, что не мѣшало ему впоследствии стать союзникомъ Штатовъ въ войнѣ ихъ за свободу противъ Англіи. Кроме того, подготавливалъ почву для французскаго вліянія на Испанію. Въ средствахъ для столь благой цѣли Бомарше оказался опять вполне вѣрнымъ себѣ. Свою любовницу, жену французскаго генерала на испанской службѣ, при помощи камердинера короля Карла III, онъ подсунулъ послѣднему, снабдивъ ее надлежащими инструкціями. Это считалось тогда настоящей политикой.

III.

Только послѣ испанскаго путешествія начинается, наконецъ, литературная дѣятельность Бомарше. До сихъ поръ онъ сочинялъ забавныя пьески для свѣтскихъ и придворныхъ вечеровъ, писалъ куплеты, пѣсенки, сегедилли, рондо и т. п. Все это, конечно, не могло считаться литературой. Даже послѣ постановки своей первой серьезной драмы Бомарше говоритъ, что онъ «не считаетъ себя писателемъ, — для этого ему никогда не хватало времени и талантовъ». «Я былъ всегда слишкомъ серьезно занятъ,—продолжаетъ онъ,—чтобы искать въ литературѣ что-либо иное, кромѣ отдыха». То же самое онъ говоритъ еще и въ *Свадьбѣ Фигаро* устами своего героя. Оказывается, что все, чѣмъ Бомарше заслужилъ благодарную память потомства, было простымъ дилетантствомъ, зигзагами пера дѣловаго человѣка. Въ произведеніяхъ его дѣйствительно есть нѣкоторыя черты, подтверждающія это признаніе. Дилетанты обыкновенно избираютъ одинъ изъ двухъ путей: они или стремятся поразить міръ необычайною новизною своихъ созданій, при чемъ чаще всего идутъ бессознательно по давно проторенной дорожкѣ, или наоборотъ—боятся отступить на шагъ отъ признанныхъ образцовъ, при чемъ опять-таки по невѣдѣнію иногда сохраняютъ лишь внѣшнее сходство со своими оригиналами. Бомарше, который въ литературѣ, какъ и во всемъ, стремился прежде всего къ успѣху, пошелъ по второму пути, избравъ за образецъ самый модный тогда литературный жанръ—слезливую драму въ прозѣ. Онъ самъ указываетъ, что слѣдуетъ по стопамъ Дидро, написавшаго уже своего *Отца семейства*. Критика относилась очень строго къ этому литературному роду, зато публикѣ онъ очень нравился. *Новая Элоиза* и англійскій сентиментальный романъ создали повѣтріе на чувствительность. По существу психологія оставалась такая же грубая и жестокая, но глаза стали источать обильныя слезы. Одинъ сатирикъ описываетъ дамъ, плачущихъ надъ страдающей собачкой или бабочкой, но спокойно идущихъ насладиться зрѣлищемъ смертной казни. Такое настроеніе создало слезливый успѣхъ первой драмѣ Бомарше *Eugénie*, несмотря на полное отсутствіе въ ней художественныхъ достоинствъ. Для насъ это произведеніе интересно только тѣмъ, что Бомарше вос-

пользовался въ немъ отчасти исторіей своей сестры (хотя есть и литературный источникъ, откуда взята авторомъ тема), и многія наиболѣе трогательныя мѣста въ послѣдствіи вошли въ мемуаръ объ испанскомъ путешествіи.

Запутанныя авантюры, которыя до того времени пережилъ Бомарше, дѣтская игра въ сравненіи съ тѣмъ, что его ожидало теперь. Женившись вторично на богатой вдовѣ, онъ черезъ три года вновь овдовѣлъ, не только потерявъ при этомъ все состояніе жены, но навязавъ себѣ на шею упорныя, хотя совершенно неосновательныя подозрѣнія въ отравленіи, что впрочемъ имѣло мѣсто и послѣ смерти первой жены. Однако, лишь теперь враги, которыхъ въ изобиліи создала быстрая карьера Бомарше, нашли случай утилизировать эти негѣпные слухи. Еще нѣсколько ранѣе умеръ старикъ Дюверне, не приведя своихъ дѣлъ въ полный порядокъ. Наслѣдникъ его, графъ Лаблашъ, изъ самодурства и ненависти къ Бомарше, началъ противъ послѣдняго безконечный процессъ изъ-за 15.000 ливровъ, которые Бомарше долженъ былъ получить по долговому обязательству изъ наслѣдства Дюверне. Бомарше былъ юридически правъ, но Лаблашъ былъ вліятеленъ и не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы погубить противника. Бомарше былъ ославленъ извергомъ, поддѣльвателемъ и убійцей. Дворъ отвернулся отъ него. Къ довершенію несчастія, вслѣдствіе скандальной ссоры съ однимъ герцогомъ изъ-за общей любовницы, Бомарше былъ посаженъ въ тюрьму въ тотъ самый моментъ, когда ему надо было усиленно хлопотать по своему дѣлу съ Лаблашемъ.

Тогдашній судъ во Франціи представлялъ злѣйшую пародію на правосудіе. Это было дѣтище всемогущаго канцлера Мопу. Прежніе «парламенты», въ которыхъ должности покупались или переходили по наслѣдству, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, имѣли одно достоинство: они были въ значительной степени независимы отъ правительства и послѣ смерти Людовика XIV завоевали себѣ крупныя прерогативы. Они имѣли право «ремонастрацій», т. е. могли не соглашаться съ мѣропріятіями правительства. Общество привыкло видѣть въ этихъ парламентахъ единственныхъ представителей своихъ интересовъ. Мопу, желавшій имѣть полную свободу для беззапѣтливой финансовой политики Людовика XV, въ одну прекрасную ночь арестовалъ всѣхъ членовъ парламента, а черезъ нѣкоторое время выкупилъ въ казну парламентскія мѣста и учредилъ новый парламентъ, въ которомъ всѣ судьи назначались правительствомъ. Этотъ знаменитый «парламентъ Мопу» оказался на дѣлѣ организованной шайкой грабителей. Выигрывалъ тотъ, кто больше давалъ. Бомарше далъ судѣ Гезману меньше, чѣмъ Лаблашъ, и потерялъ процессъ.

Приговоромъ суда Бомарше былъ разоренъ окончательно. Всѣ отъ него отвернулись,—онъ очутился одинокимъ и, казалось, безсильнымъ. Но тутъ то онъ и обнаружилъ всѣ силы своей цѣпкой и гибкой на-

туры. Терять ему было рѣшительно нечего, но и выиграть не было, повидимому, никакой надежды. По крайней мѣрѣ ни одинъ адвокатъ не соглашался вести дѣло противъ Гезмана за то, что тотъ или, точнѣе говоря, жена его не полностью возвратила Бомарше взятку. Даже при невѣроятномъ предположеніи, что судъ признаетъ со стороны М-ше Гезманъ присвоеніе 15 луидоровъ, дѣло обѣщало мало чести той и другой сторонѣ: брать взятки преступно, но давать взятки, т. е. пользоваться преступленіемъ въ своихъ интересахъ, при всей обыденности такого явленія, было также не особенно доблестно. Бомарше, однако, не остановился передъ подобнымъ соображеніемъ. Онъ поставилъ свое дѣло, по существу некрасивое и никому неинтересное, на такую почву, на которой приговоръ суда подлежалъ суду всего парижскаго общества. Въ своихъ неподражаемыхъ мемуарахъ, которые Бомарше выпускалъ по мѣрѣ хода процесса, онъ такими чертами изобразилъ ненавистное всѣмъ судилище, что общественное мнѣніе, забывъ о ничтожествѣ повода, увидѣло въ Бомарше мстителя за поруганную произволомъ справедливость.

Странная повторяемость историческихъ событій: на разстояніи больше столѣтія два судебныхъ процесса, не заключающіе въ себѣ никакихъ общественныхъ элементовъ, дали поводъ раскрыть поразительную картину злоупотребленій, коренящихся въ самомъ существѣ современныхъ общественныхъ и соціальныхъ условій. Но то, что въ наши дни могла достигнуть лишь равнодѣйствующая огромнаго числа отдѣльныхъ силъ, совокупность дѣйствій массы писателей, адвокатовъ, политическихъ дѣятелей,—сто двадцать пять лѣтъ назадъ было выполнено однимъ частнымъ человѣкомъ съ помощью таланта и безграничной энергіи въ борьбѣ за свое существованіе. Легко современнымъ французамъ доискиваться въ дѣлѣ Дрейфуса затерявшейся истины, когда къ ихъ услугамъ почти ничѣмъ не стѣсняемая свобода слова и печати, тогда какъ Бомарше долженъ былъ дѣйствовать въ эпоху, когда, по словамъ Фигаро, «подъ условіемъ не задѣвать въ своихъ писаніяхъ ни власти, ни религіи, ни политики, ни морали, ни должностныхъ лицъ, ни акредитованныхъ посольствъ, ни оперы, ни иныхъ спектаклей, ни вообще кого бы то ни было, кто имѣетъ отношеніе къ чему бы то ни было,—можно было свободно печатать все, подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензоровъ».

Извѣстенъ результатъ тяжбы между Бомарше и Гезманами. Судъ, не найдя средствъ облить М-ше Гезманъ, приговорилъ и ее, и Бомарше къ позорящему наказанію (порицанію), при чемъ не забылъ постановить, чтобы всѣ четыре мемуара Бомарше, касающіеся этого процесса были сожжены рукой палача. Впослѣдствіи, адвокатъ Бомарше при пересмотрѣ процесса, слѣдующимъ образомъ оцѣнивалъ юридическую сторону приговора: судьи,—говорилъ онъ,—побоялись объяснить проступокъ, за который они обвинили Бомарше. Это былъ актъ

мести, а не правосудіа; обвиненный не вѣдаетъ своего преступленія, а общество можетъ предположить какое угодно; подобнаго рода судебная практика наводитъ ужасъ на честныхъ и нисколько не устрашаетъ злыхъ.

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, напрасно было упоминать объ обществѣ: оно не было введено въ заблужденіе судебнымъ приговоромъ. Бомарше сталъ популярнѣйшимъ человекомъ, его привѣтствуютъ, какъ героя. Принцъ де-Конті говорилъ о заслугахъ его передъ Франціей. Вольтеръ былъ въ восторгѣ, онъ восхищался мемуарами Бомарше и находилъ, что такой шутникъ не можетъ быть отравителемъ *). Богѣе того, маститый писатель, гремѣвшій на всю Европу, сдѣлалъ честь Бомарше, опасаясь его соперничества: «Я думаю всетаки,—писалъ Вольтеръ, прочтя мемуары,—что нужно кое-что большее, чтобы создать *Заиру* и *Меропу*». Теперь, послѣ столькихъ переворотовъ въ литературныхъ оцѣнкахъ, мы бы выразили ту же мысль иначе:—какъ ни блестящи, какъ ни разрушительны были мемуары Бомарше, въ отношеніи благороднаго безкорыстія, принципиальности и гуманнаго чувства они не идутъ въ сравненіе съ тѣмъ, что Вольтеръ писалъ по поводу процессовъ Каласа и Лабара. Быть можетъ, лучшимъ доказательствомъ увлекательности мемуаровъ Бомарше служить то, что даже такой неповоротливый критикъ, какъ Лагарпъ, заплѣсневѣвшій со своими классическими ярлычками, не можетъ не допустить въ данномъ случаѣ изыятія изъ общаго правила. Правда, онъ находитъ въ нихъ много ошибокъ противъ вкуса, шокирующія выраженія, недопустимые переходы отъ разговорнаго стіля къ возвышенному, онъ вообще не рекомендуетъ никому слѣдовать подобнымъ «образцамъ ораторскаго искусства», но признаетъ, что при данныхъ исключительныхъ условіяхъ Бомарше обнаружилъ много писательскаго таланта, логики и діалектическихъ способностей.

IV.

Какъ ни блестяще разрослась репутація Бомарше благодаря негѣному приговору суда, положеніе его съ грозящимъ впереди позорнымъ наказаніемъ было далеко не завидно. Рукоплескавій толпы и лестныхъ отзывовъ Вольтера не размѣняешь на звонкую монету, а безъ нея Бомарше всегда чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ. Казалось бы теперь, когда его литературный талантъ обнаружился съ такимъ фейерверочнымъ блескомъ, когда уже написана была такая талантливая комедія, какъ *Севильскій Цирюльникъ*, оставалось только посвятить себя этому поприщу, обѣщавшему въ будущемъ дѣйствительно благо-

*) Ce Beaumarchais n'est point un empoisonneur, il est trop drôle. Это соображеніе Пушкинъ вставилъ въ уста Сальери:

Онъ слишкомъ былъ смѣшонъ для ремесла такого.

родный успѣхъ. Но для Бомарше скромный удѣлъ писателя казался черезчуръ мелкимъ; онъ еще не былъ утомленъ авантюрами и не испробовалъ всѣхъ положеній. Снова не безъ помощи королевскаго камердинера, Бомарше добываетъ себѣ «дипломатическую» миссію въ Лондонъ—сторговаться съ авторомъ брошюры, неприятной для М-ше Дюбарри. Въ случаѣ успѣха ему уже грезится новая близость ко двору въ награду за столь крупную заслугу передъ Франціей, но неудача слѣдуетъ за нимъ по пятамъ: все, что добыло его патріотическое рвеніе, злой рокъ стеръ однимъ взмахомъ. Людовикъ XV умеръ! По ироніи судьбы Бомарше былъ однимъ изъ того ничтожнаго числа людей, для которыхъ день смерти позорнѣйшаго изъ французскихъ королей не былъ праздникомъ. «Все пропало!»—воскликаетъ будущій творецъ *Свадьбы Фиаро*.

Однако предаваться унынію было не въ характерѣ Бомарше. Новый курсъ не хуже стараго допускалъ патріотическія услуги. На этотъ разъ приходилось выкупать пасквиль на королеву. Кому же поручить такое деликатное дѣло, какъ не испытанному и преданному слугѣ трона! И Бомарше опять скачетъ въ Лондонъ, орудуетъ, хлопочетъ, торгуется и достигаетъ успѣха. На этотъ разъ онъ также не вкусилъ въ полной мѣрѣ плодовъ своего искусства по своей собственной винѣ: онъ перехитрилъ. Преодоливъ дѣйствительныя затрудненія и преграды, онъ, чтобы увеличить цѣнность своихъ подвиговъ, выдумалъ совершенно небывалыя осложненія, сочинилъ цѣлую разбойничью исторію, скакалъ сломя голову въ Амстердамъ и Нюрнбергъ, на свой страхъ пытался разыграть важнаго дипломатическаго агента при дворѣ Маріи Терезіи. Въ результатѣ онъ получилъ брилліантовый перстень, но не завоевалъ себѣ довѣрія при Людовикѣ XVI. Надо было начинать сначала. Новая миссія въ Лондонъ, новая рискованная шахматная игра заразъ на нѣсколькихъ доскахъ: торгъ съ темными личностями, жуированіе, салонная жизнь, изученіе англійской политики и общества, настойчивые совѣты королю вмѣшаться въ англо-американскую войну тайною помощью возставшимъ колоніямъ. Французское правительство наконецъ повѣрило генію интригъ, который Бомарше уже столько разъ предлагалъ къ продажѣ, и поручило ему организацію тайной помощи американскимъ Штатамъ. Основывается фирма *Родриго Горталезъ и К^о*, которая будто бы ведетъ частную торговлю съ Америкой, продавая Штатамъ пушки, порохъ, амуницію. Первоначально въ этомъ предпріятіи не участвовало ни одного су частныхъ капиталовъ,—весь оборотъ производился на миллионную субсидію отъ казны; торговля должна была служить только маской для политики, но Бомарше вовсе не желалъ упускать обѣщанное Штатами возмѣщеніе издержекъ фиктивной компаніи. Американцы однако не торопились съ уплатой. Бомарше не терялъ надежды и проявлялъ небывалую энергію. За израсходованіемъ казенной субсидіи, послѣ гибели французскихъ кораблей,

онъ обратился къ частнымъ силамъ, организовалъ національную подписку, агитировалъ въ коммерческихъ палатахъ, взывалъ къ національной гордости и великодушію французовъ, доказывалъ баснословныя выгоды предпріятія, словомъ эксплуатировалъ тѣ же самыя чувства, которыя такъ недавно заставляли французскихъ гражданъ нести свои сбереженія въ бездонныя карманы Панамы. Въ результатъ получилось лишнее подтвержденіе извѣстной истины, что великодушныя, челоуѣколюбивыя идеи выгоды не приносятъ: самоотверженная фирма *Родриго Горталезъ и К^о* потеряла три милліона... казенныхъ денегъ. Но при этомъ какъ-то вышло, что самъ Бомарше, имѣвшій въ моментъ смерти Людовика XV «пустой кошелекъ», уже черезъ три года оказался однимъ изъ самыхъ богатыхъ гражданъ Парижа, при чемъ его счета и книги сохранили полную коммерческую корректность.

Не надо, впрочемъ, думать, что дѣло освобожденія американцевъ поглощало всего Бомарше. Мы не успѣли рассказать, что еще въ 1775 г. онъ, наконецъ, поставилъ на сцену *Севильскаго Цирюльника*, котораго за всякими недосугами три года не могъ показать публикѣ. Исторія этой комедіи весьма характерна для писательской манеры Бомарше. Первоначально онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей пьесы итальянскую оперу, но актеры не приняли ея, тогда авторъ передѣлалъ ее въ комедію, въ какомъ видѣ она и появилась на сценѣ *Comédie Française*. Когда же она въ первомъ представленіи не имѣла никакого успѣха, онъ вторично перекромсалъ свое дѣтище, значительно урѣзавъ его, согласуясь съ указаніями зрителей перваго представленія. Публика вполне оцѣнила покорность автора, и второе представленіе *Севильскаго Цирюльника* было уже триумфомъ.

Кромѣ того Бомарше добился отъ короля отміны приговора суда по своему старому дѣлу и пересмотра своей претензіи къ Лаблашу, съ котораго и было присуждено въ пользу Бомарше 12.000 ливровъ. Парламентъ Мопу былъ уже уничтоженъ, и старая магистратура была восстановлена. Процессъ этотъ, происходившій теперь въ провинціальномъ городкѣ, былъ сплошнымъ торжествомъ Бомарше, котораго громадная толпа привѣтствовала, какъ героя.

Наступало время, когда все удавалось ему. Всѣ завѣтныя мечты его были осуществлены: онъ былъ баснословно богатъ, его громадная популярность могла удовлетворить самому взыскательному самолюбію, министры совѣщались съ нимъ и давали ему порученія государственной важности, хорошее общество болѣе не чуждалось его, и важные господа не только благосклонно принимали участіе въ его обѣдахъ, но въ трудныхъ обстоятельствахъ оказывали честь его кошельку. Щедрость его, впрочемъ, не знала въ это время сословныхъ и классовыхъ предразсудковъ. Достигнувъ личнаго изобилія, Бомарше давалъ полную волю своей природной добротѣ. Теперь онъ имѣлъ возможность и время дѣлать добрыя дѣла совершенно безкорыстно. Въ этомъ отношеніи онъ

продолжалъ роль недавно умершаго фернейскаго патріарха, расточавшаго на всѣ стороны свою любезность, умъ, деньги, совѣты и силу своего пера. Бѣдные литераторы, обманутыя дѣвушки, обанкротившіеся банкиры, безвѣстные изобрѣтатели, начинающіе актеры и актрисы—всѣ находили поддержку словомъ и дѣломъ въ нѣсколько безвкусномъ, но комфортабельномъ домѣ Бомарше въ Антуанскомъ предмѣстьи. На 54-мъ году онъ позволилъ себѣ даже роскошь жениться на бѣдной женщицѣ, отъ которой у него уже ранѣе была дочь. По отношенію къ этой любимой дочери Евгеніи и къ своей третьей женѣ онъ до конца жизни оставался нѣжнымъ и заботливымъ семьяниномъ. Впрочемъ, по понятіямъ XVIII вѣка, которымъ Бомарше оставался вѣренъ въ любви и въ литературной дѣятельности, самое строгое отношеніе къ супружескимъ обязанностямъ вовсе не обуславливало отказа отъ эпизодическихъ развлеченій на сторонѣ. Бомарше до самой старости сохранилъ способность увлекаться женской красотой и внушать къ себѣ самую пылкую взаимность.

V.

Но и въ моментъ наивысшихъ милостей фортуны, Бомарше ни на одну минуту не прекращалъ своей лихорадочной предпринимательской дѣятельности. Трудно перечислить десятки крупныхъ и мелкихъ дѣлъ, коммерческаго, общественнаго, государственнаго или литературнаго характера, въ которыхъ онъ принималъ участіе, въ большинствѣ случаевъ въ качествѣ инициатора или организатора. Тутъ мы встрѣчаемъ и союзъ драматурговъ для борьбы съ нахальною алчностью актеровъ, и учетныя кассы, и устройство водопровода въ Парижѣ, которое впервые привело Бомарше въ столкновеніе съ представителями идей будущаго, въ лицѣ Мирабо, тутъ-же, наконецъ, и грандіозное предпріятіе изданія полнаго собранія сочиненій и переписки Вольтера. Убѣждая министра Морепа въ томъ, что нельзя уступать Екатеринѣ II честь посмертнаго изданія величайшаго французскаго писателя того вѣка, Бомарше, какъ во всѣхъ своихъ планахъ, имѣлъ въ виду личныя и общія соображенія. Въ данномъ случаѣ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, онъ хотѣлъ оказать услугу національной гордости французовъ, но его манила эта трудная задача, конечно, потому, что этимъ путемъ его имя связывалось неразрывно съ всемірно знаменитымъ именемъ, а также потому, что и на матеріальный успѣхъ можно было основательно надѣяться. Плачевный результатъ этого предпріятія доказалъ, что для успѣха такой серьезной работы мало одного коммерческаго генія. Характерною чертою аферъ Бомарше была всегда смѣлость замысла и широкая постановка. Такъ онъ принялся и за изданіе Вольтера. Затраты издателя были поистинѣ изумительны. Ни одно изданіе во Франціи до тѣхъ поръ не было обставлено съ такою роскошью. Изъ Англій

были выписаны лучшія въ Европѣ типографскія формы и шрифты Баскервиля; спеціально для этого изданія была построена въ Вогезахъ бумажная фабрика; у собственника прежнихъ изданій, Панкука, пришлось скупить всё его склады, а у наслѣдницы Вольтера, М-ше Дени, приобрѣтены были рукописи, при чемъ и тотъ, и другая, по свидѣтельству современниковъ, содрали съ Бомарше небывалую цѣну. Никакіе расходы и затрудненія не пугали издателя. Печатать Вольтера во Франціи было немислимо. Хотя произведенія его наводняли страну, но официально на нихъ лежало строгое запрещеніе духовенства. Такимъ образомъ, несмотря на покровительство новому изданію министра Морена, его приходилось печатать за-границей, для чего Бомарше купилъ обширное помѣщеніе у маркграфа баденскаго. Послѣдній, впрочемъ, также ставилъ всякія цензурныя затрудненія, которыя лишь съ большими усиліями можно было преодолевать. Изданіе было задумано двойное: одно главное in—8° въ количествѣ 15.000 экземпляровъ по 15 луддоровъ, другое дешевое въ маленькомъ форматѣ. Матеріальные расчеты Бомарше совершенно не оправдались: онъ потерялъ на изданіи цѣлый милліонъ ливровъ своихъ личныхъ денегъ. Дорогое изданіе не расходилось, а дешевое не давало прибыли. Литературныя достоинства изданія также не отвѣчали израсходованнымъ на него деньгамъ и труду. Къ тому, что было извѣстно при жизни Вольтера, прибавилось весьма немногое, кромѣ писемъ, да и эти были напечатаны весьма неполно, отчасти по затруднительности собиранія ихъ, отчасти по настоянію Екатерины II. Общая редакція текста была поручена маркизу Кондорсе, весьма почтенному философу и ученому, но оказавшемуся не на высотѣ своей задачи. При мародерской системѣ печатанія злободневныхъ сочиненій, которая существовала въ XVIII вѣкѣ, когда текстъ искажался по различнымъ соображеніямъ отчасти самими авторами, но еще болѣе безсовѣстными плагиаторами, которые крали у авторовъ рукопись, препарировали ее по своему и въ такомъ видѣ печатали ее гдѣ-нибудь въ Амстердамѣ или Лондонѣ, необходимо было много труда, знаній и чутья, чтобы возстановить первоначальный текстъ такого многогрѣшнаго писателя, какъ Вольтеръ. Кондорсе не сумѣлъ установить вариантовъ, а во многихъ мѣстахъ давалъ даже менѣе исправный текстъ, чѣмъ предыдущее изданіе Дидо. Любопытно, что Бомарше не могъ даже оцѣнить впередъ всю трудность предпринятаго дѣла,—лишнее подтвержденіе того, насколько онъ былъ диллетантомъ въ той области, которой онъ обязанъ лучшею стороною своей славы.

Диллетантизмъ этотъ однако какъ разъ въ это время создалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ шедевровъ французской литературы вообще и въ частности почти единственное художественное произведеніе своего вѣка. Среди особенностей французской литературы XVIII столѣтія, до сего времени вызывающихъ такой законный интересъ, именно художественная сторона занимаетъ мизерное мѣсто. Даже романы Руссо

и Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера, которымъ болѣе, чѣмъ кому-либо изъ современниковъ, знакомо было поэтическое настроеніе, читаются въ настоящее время съ трудомъ, если не смотрѣть на нихъ, какъ на историческіе памятники когда-то господствовавшей психологіи. Но *Свадьба Фигаро* вѣроятно еще долго способна будетъ вызывать искреннее веселье, независимо отъ характера современной театральной моды. Признакъ истинно классическаго произведенія, что изображеніе дѣйствительной жизни заслоняетъ въ немъ всѣ случайныя черты литературной школы, въ высшей степени присущъ комедіи Бомарше. Какъ въ лучшихъ комедіяхъ Мольера, такъ и въ *Свадьбѣ Фигаро* зритель можетъ совершенно забыть, что оба автора имѣли желаніе или по крайней мѣрѣ дѣлали видъ, будто желаютъ «поучать его забавляя»,— онъ видитъ передъ собою просто une tranche de nature. Обыкновенно говорятъ, что комедія не можетъ обойтись безъ извѣстной дозы шаржа. На примѣрѣ Бомарше мы какъ разъ въ состояніи проверить это мнѣніе. Развѣ жизнь автора не представляетъ десятки положеній, гораздо болѣе рискованныхъ въ своемъ комизмѣ? Развѣ среда, въ которой ему приходилось не столько вращаться, сколько изворачиваться, не состояла изъ безконечно многочисленной коллекціи типовъ, гораздо болѣе утрированныхъ, чѣмъ Альмавива, донъ Базилю и Бридуазонъ? Наконецъ, развѣ самъ Бомарше не изворотливѣе, не умнѣе, не безцеремоннѣе, словомъ не ярче, чѣмъ Фигаро? Вольтеръ высказался по поводу мемуаровъ Бомарше, которые были вѣдь только протоколами дѣйствительности, что «не существуетъ болѣе забавной комедіи, болѣе трогательной трагедіи», чѣмъ эти мемуары. Насчетъ трагедій Вольтеръ имѣлъ дурной вкусъ и смѣшивалъ декламацію съ трагизмомъ; что касается комедіи, то его приговоръ совершенно справедливъ.

Въ сущности и *Севильскій Цирюльникъ* обнаруживаетъ уже ту силу и мѣткость характеристики, которая составляютъ лучшее качество *Свадьбы Фигаро*. Главное преимущество этой комедіи передъ ея предшественницей заключается въ эволюціи героя или, что одно и то же, самого автора. Фигаро *Севильскаго Цирюльника* еще слишкомъ поглощенъ заботой о личномъ преуспѣяніи, онъ плутуетъ, интригуетъ, выслуживается, но не видитъ особенной связи между своею судьбою и общимъ порядкомъ вещей, онъ еще не догадывается, что ему гораздо труднѣе просто существовать, чѣмъ другому управлять Испаніей. Ко времени своей свадьбы Фигаро выросъ на цѣлую голову. Онъ все также напряженно борется за свое личное благополучіе,—впрочемъ въ этой борьбѣ для него вся приманка существованія,—но онъ теперь находитъ, что въ конкуренціи всѣ должны были бы стоять въ равномъ положеніи, и что кромѣ личныхъ качествъ и талантовъ несправедливо создавать еще искусственныя привилегіи. Въ этой «философской» постановкѣ чисто личнаго вопроса заключалось все общественное значеніе комедіи, поэтому то такъ трудно было провести ее на

спену при старомъ режимѣ и въ этомъ также видѣли позднѣе провозглашеніе принциповъ революціи. Самъ авторъ, впрочемъ, до извѣстнаго времени не вполне ясно видѣлъ всю революціонную силу идей своего героя. Творчество Бомарше было такъ мало сознательно, что онъ былъ сильно удивленъ и не особенно доволенъ, когда друзья и враги въ одинъ голосъ стали кричать о сходствѣ Фигаро съ авторомъ,—онъ находилъ, что въ этомъ для цирюльника «слишкомъ много чести». Онъ также усиленно защищался отъ обвиненія въ потрясеніи основъ общественной жизни. Въ письмѣ королю, который слышать не хотѣлъ о постановкѣ пьесы, Бомарше смиренно рассказываетъ, что онъ готовъ подчиниться «трибуналу, составленному изъ академиковъ, цензоровъ, литераторовъ, свѣтскихъ людей и придворныхъ, столь же справедливыхъ, сколь просвѣщенныхъ, которые бы въ присутствіи министра обсудили идею, содержаніе, форму и выраженія этой пьесы, сцена за сценой, фраза за фразой, слово за словомъ». Онъ увѣряетъ, что подобный трибуналъ, составленный министрами, не нанесъ въ его комедіи ничего предосудительнаго, кромѣ отдѣльныхъ выраженій и словъ, которыя онъ безпрекословно и выкинулъ. На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, онъ не измѣнилъ ни одной іоты. Въ предисловіи, написанномъ къ печатному изданію *Свадьбы Фигаро*, Бомарше всѣми силами старается убѣдить, что онъ имѣлъ въ виду исключительно моральную цѣль и писалъ сатиру противъ злоупотребленій, а отнюдь не противъ общаго порядка. Да и какая почва для общей сатиры? «Въ благодатную эпоху, при справедливомъ королѣ и умѣренныхъ министрахъ, писатель можетъ громить угнетателей, не боясь никого оскорбить... Чѣмъ мудрѣе, чѣмъ просвѣщеннѣе правительство, тѣмъ менѣе угнетается свобода слова: всякій исполняетъ свой долгъ и никто не боится намековъ; такъ какъ ни одно должностное лицо не страшится того, что слѣдуетъ уважать, то у насъ не стремятся притѣснять ту самую литературу, которая составляетъ нашу славу за границей и даетъ намъ извѣстнаго рода первенство, недостижимое для насъ другимъ путемъ». Положимъ, что въ этихъ словахъ заключается злѣйшій сарказмъ; черезъ страницу Бомарше мысленно представляетъ себѣ, какъ различно будетъ положеніе писателя черезъ восемьдесятъ лѣтъ: «наши дѣти,—говоритъ онъ уже съ горечью,—будутъ знать, какую цѣною можно было увеселять ихъ отцовъ». Но когда онъ говоритъ о привилегіяхъ аристократіи, его слова звучатъ довольно искренно. Бомарше цитируетъ отрывокъ изъ собственной рѣчи по дѣлу съ Лаблашемъ: «Не только не слѣдуетъ забывать, чѣмъ мы обязаны высшимъ классамъ,—напротивъ того, справедливо, чтобы преимущества рожденія были безспорны болѣе, чѣмъ всякія иныя». Они не могутъ оскорблять ничьего самолюбія, потому что основанія ихъ восходятъ къ заслугамъ предковъ. Кромѣ того, «если бы уничтожить промежуточные сословія въ монархіи, то было бы слишкомъ большое разстояніе между монархомъ и подданными; скоро

остались бы только деспотъ и рабы: въ сохраненіи постепенной гѣстницы отъ земледѣльца до самодержца одинаково заинтересованы люди всѣхъ состояній, и въ этомъ, быть можетъ, самая крѣпкая опора монархической государственности». Такая логика казалась въ XVIII вѣкѣ убѣдительною не одному Бомарше. Это были ходячія фразы, подобныя тѣмъ, которыми въ наши дни французскіе премьеры восхваляютъ республиканскій режимъ, когда ихъ упрекаютъ, что они опираются на правую.

VI.

Разумѣется, всѣ, кромѣ автора, видѣли гораздо яснѣе дѣйствительные выводы, вытекавшіе изъ комедіи Бомарше. Совершенно понятна и послѣдовательна была упорная оппозиція Людовика XVI, долго не уступавшаго общественному мнѣнію, жаждавшему увидѣть *Свадьбу Фигаро* на общественной сценѣ. Бомарше, со свойственнымъ ему чутьемъ биржевого дѣльца, прекрасно утилизировалъ въ свою пользу королевское veto. Любопытство придворной знати и салонной публики было такъ возбуждено, что авторъ не въ силахъ былъ отказываться отъ безчисленныхъ приглашеній прочесть свое произведеніе, хотя по тонко рассчитанной скромности онъ уступалъ этимъ просьбамъ съ видимою неохотой. Результатъ борьбы, гдѣ на одной сторонѣ стоялъ слабохарактерный и неумный король, а на другой неподражаемый ажіотаторъ, мобилизовавшій себѣ въ поддержку всѣ слои парижскаго населенія, не могъ быть сомнительнымъ. Послѣ многихъ колебаній, уступокъ и безтактностей со стороны власти, *Свадьба Фигаро* появилась наконецъ 27 апрѣля 1783 года на сценѣ *Comédie Française*. Побѣда эта досталась Бомарше, быть можетъ, съ бѣльшимъ напряженіемъ силъ, чѣмъ всѣ другія, зато грандіозность успѣха превышала все, о чемъ могъ мечтать пылкій и честолюбивый авторъ. Мы впрочемъ не будемъ повторять описанія этого великаго въ исторіи французскаго театра дня, которое дѣлалось десятки разъ. Характеръ этого праздника общественнаго мнѣнія понятенъ самъ собою. Если аристократія, которая должна была бы, собственно, негодовать на притчу Бомарше, домилась въ театръ и бѣшено аплодировала автору, то восторгъ демократическаго партера былъ гораздо болѣе основателенъ. Для него театръ давно уже игралъ роль форума, гдѣ онъ по каждому поводу выражалъ свое оппозиціонное настроеніе и жажду реформъ. Чуткій и остроумный партеръ умѣлъ подчеркивать даже у Расина отдѣльные стихи, соотвѣтствовавшіе злобѣ даннаго дня. Что же удивительнаго, что представленіе *Свадьбы Фигаро* въ значительной степени неожиданно для самаго автора обратилось въ сплошной митингъ протеста. Въдъ веселый циркульвикъ, несмотря на свой испанскій костюмъ, былъ плотъ отъ плоти и кость отъ кости той парижской улицы, которая черезъ

нѣсколько лѣтъ свесла Бастилю и вѣшала на фонаряхъ дворянъ. Всякая сентенція Фигаро казалась родившейся на рынкѣ. Друзья порядка, какъ тогда назывались сторонники злоупотребленій стараго режима, отлично понимали это и только ахали, какъ могло правительство допустить, чтобы ему дали публично такую грандіозную пощечину! Бомарше на это только подсмѣивался: «Вы думаете, господа,—говорилъ онъ,—что у меня былъ какой-нибудь талисманъ, чтобы обмануть, соблазнить и связать руки цензурѣ и властямъ, когда я отдавалъ на ихъ усмотрѣніе свое произведеніе?» Состояніе духа этихъ властей, которые чувствовали себя одураченными безъ талисмана, было самое неприятное. Король въ досадѣ попробовалъ было посадить Бомарше подъ замокъ, но только подогрѣлъ этимъ симпатіи общества къ герою момента.

Этотъ моментъ былъ самымъ блестящимъ, но и послѣднимъ крупнымъ торжествомъ Бомарше. Вскорѣ послѣ постановки *Фигаро* началась неприятности, затѣмъ пошла неудачи, богатство стало таять быстрой, чѣмъ оно нарастало, затѣмъ стали угрожать опасности, наконецъ наступило забвеніе, самое тяжелое испытаніе для такой натуры, какъ Бомарше, но онъ все еще возлагалъ надежду на свой выносливый характеръ.

Dans mon printemps
J'eus du bon temps.
Après l'été
Trop ballotté,
Si mon automne
Est monotone,
Puisse un bon esprit encor vert
Me garantir du triste hiver *).

Такъ сжато характеризовалъ Бомарше свою біографію на старости лѣтъ. Мы подошли къ послѣднему періоду его бурнаго лѣта. Онъ еще не думалъ сдаваться передъ натисками грозъ, но силы его уже замѣтно начинаютъ слабѣть.

Первый серьезный ударъ былъ нанесенъ человѣкомъ, который вскорѣ долженъ былъ стать такимъ же героемъ момента, какъ Бомарше. По своей одаренности, по идейному оппортунизму, по страстному тщеславію, Мирабо не уступалъ своему посѣдѣлому противнику. Но характеръ его рѣчи былъ иной, болѣе подходящій къ наступающему историческому моменту. Сезонъ насмѣшки, каламбуровъ, остротъ кончался; отъ вожака толпы теперь требовались величественные жесты и патетическій голосъ трибуна. Поводъ для столкновенія былъ весьма прозаическій. Бомарше, какъ одинъ изъ директоровъ водопроводной компаніи, былъ заинтересованъ въ высокой котировкѣ водопроводныхъ

*). Моя весна была погожая. Если послѣ слишкомъ бурнаго лѣта моя осень монотонна, пусть бодрая душевная свѣжесть мнѣ скраситъ печальную зиму.

акцій, а катоновскій паеосъ Мирабо, залѣзшаго по уши въ долги, былъ взятъ на откупъ финансистами, игравшими на пониженіе этихъ акцій. Но Мирабо поставилъ споръ на почву общественную и нравственную, почти тоже, что дѣлалъ когда-то Бомарше: онъ оплакивалъ несчастныхъ отцовъ семейства, которые ввѣрили свои сбереженія сомнительнымъ аферистомъ, онъ копался въ прошлыхъ грѣхахъ Бомарше, тогда какъ послѣдній на этотъ разъ почему-то держался исключительно на почвѣ ариеметики. Оружіе было неравное, и Бомарше первый разъ въ жизни спасовалъ и умолкъ.

Затѣмъ всплыла исторія супруговъ Корнманъ, въ которой Бомарше принадлежала безусловно великодушная и безкорыстная роль. Когда-то онъ вступился за несчастную беременную женщину, которую мужъ посадилъ въ тюрьму, вымогая отъ нея приданое въ возмѣщеніе за ея невѣрность. Невѣрность эта совсѣмъ не шокировала щепетильнаго супруга, пока любовникъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ военнымъ министромъ. Но нашелся новый Катонъ, безвѣстный и честолюбивый пасквилянтъ Бергассъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ происшествія написалъ громовую брошюру отъ имени оскорбленнаго супруга. Въ этой брошюрѣ Бомарше обвинялся въ пособничествѣ адюльтеру, въ потрясеніи священной власти мужа, снова разбирались по косточкамъ всѣ прошлые некрасивые поступки и небывалыя преступленія прославленнаго писателя. Бомарше энергично защищался своимъ испытаннымъ оружіемъ—мемуарами и жаловался въ судъ. Но въ этихъ мемуарахъ уже нѣтъ и слѣда прежняго увлекательнаго веселья *quand mème*. Они все также доказательны, но, въ то время какъ въ прежнихъ мемуарахъ главная ихъ прелесть заключалась въ томъ, что авторъ относился ко всѣмъ своимъ противникамъ и къ ихъ свидѣтелямъ, какъ къ персонажамъ веселаго фарса, теперь Бомарше впадалъ въ серьезный тонъ Бергасса и на этой почвѣ не выдерживалъ съ нимъ соперничества. Публика, всегда равнодушная къ существу дѣла и жадная къ побочнымъ скандальнымъ обстоятельствамъ, столько разъ апплодировала Бомарше, когда его правота была небызупречна,—теперь эта самая публика игнорировала фактическія доказательства и всецѣло симпатизировала низкому клеветнику. Едва ли Бомарше удовлетворенъ былъ судебнымъ приговоромъ, произнесеннымъ чуть не наканунѣ созыва генеральныхъ штатовъ въ 1789 г., по коему всѣ обвиненія Корнмана и Бергасса объявлялись «живыми, оскорбительными и клеветническими» и оба они присуждались къ денежному штрафу. Въ этотъ моментъ общественному мнѣнію было уже не до частныхъ тяжбъ и препирательствъ. Бомарше старался вознаградить себя тѣмъ, что вывелъ своего противника въ роли новаго Тартюфа подъ прозрачной анаграммой Бежарссъ въ неудачной драмѣ *Преступная мать*. Пріемъ этотъ когда-то съ большимъ успѣхомъ принимался Вольтеромъ, но тогда театральные зрители хорошо знали издателя журнала *Année littéraire* Фрерона, ко-

котораго Вольтеръ отдавалъ въ помяншице подъ именемъ Grélon (трутенъ), тогда какъ партеръ 1792 года не зналъ и не интересовался Бергассомъ.

Впрочемъ, популярность Бомарше оживилась еще на моментъ до революціи. Слава прежнихъ комедій навела его на мысль вернуться къ серьезному театру. Онъ задумалъ преобразовать оперу, которая отличалась полною безсодержательностью и скукой. Фигаро неожиданно попалъ въ политики, поэтому Бомарше хотѣлъ пойти еще дальше и поставить въ своей оперѣ новыя идеи на философскую почву. Онъ обратился даже къ Глюку съ предложеніемъ написать музыку къ *Tararu*, но тотъ вѣжливо отказался и передалъ неблагодарную работу своему ученику Сальери. Правительство теперь подозрительнѣе, чѣмъ когда-либо относилось къ театральнымъ пьесамъ Бомарше, и разрѣшеніе долго не получалось. Въ миниатюрѣ повторилось то же, что было со *Свадьбой Фигаро*. Новая опера читалась въ салонахъ, интересъ къ ней муссировался слухами, публика пошла на эту удочку и по старой памяти хорошо приняла первое представленіе, состоявшееся въ 1787 году. Бомарше пишетъ теплое благодарственное письмо Сальери, немножко преувеличивая восторги слушателей. Но увлеченіе послѣднихъ быстро охладѣло. Музыка была посредственная, да и текстъ со всѣмъ не поддавался музыкальной обработкѣ. Самая же драма была ниже посредственности: какъ философъ, Бомарше стоялъ на равномъ уровнѣ съ Фигаро, т. е. знакомъ былъ съ нею лишь постольку, поскольку ею въ тѣ времена пропитанъ былъ воздухъ. Поэтому вся затѣя ни къ чему не привела. Опера осталась безсодержательной и скучной, а писательская слава Бомарше потерпѣла значительный ущербъ.

VII.

Зная характеръ Бомарше и его прошлое, можно было безошибочно предвидѣть, какую роль онъ будетъ играть при революціонномъ режимѣ. Намъ извѣстно, что онъ всегда такъ домогался королевскаго вниманія и такъ цѣнилъ малѣйшую ласку великихъ міра сего. Онъ носилъ на шеѣ въ золотомъ футлярѣ нѣсколько строкъ, собственноручно написанныхъ Людовикомъ XVI, «какъ самую большую драгоценность изъ всего, что ему принадлежитъ». Мы слышали, какъ онъ распинался за привилегіи дворянства, не говоря уже о томъ, что онъ еще въ молодости сочинилъ себѣ дворянскую фамилію де-Бомарше, по имени, котораго никогда не существовало. Но было бы странно заподозрять, что его преданность династіи, его лояльныя, монархическія чувства приведутъ его на эшафотъ, какъ несчастнаго и честнаго поэта Андре Шенье. Если бы Бомарше повѣсили или гильотинировали, — перспектива, которая на самомъ дѣлѣ ему нерѣдко грозила, — можно быть увѣреннымъ, что это случилось бы не по его винѣ. Онъ всѣми силами

*

старался приспособиться къ новымъ условіямъ и утилизировалъ для этого всю революціонную силу рѣчей Фигаро, отъ которой прежде онъ такъ отрещивался. Онъ присочинилъ въ своей комедіи даже цѣлую сцену, которая должна была подогрѣть симпатіи революціонной публики къ полузабытой пьесѣ. Въ новой своей драмѣ, дѣйствіе которой приурочено къ 1790 году, выводится «молодой человекъ, влюбленный въ свободу, какъ всѣ пылкія и неиспорченныя души». Эта пылкая душа читаетъ въ какомъ-то собраніи трактатъ «о злоупотребленіи монашескими обѣтами». Во всѣхъ случаяхъ отнынѣ Бомарше исповѣдуетъ такую же преданность «народному дѣлу», какъ прежде интересамъ королевскаго дома. Не можетъ быть сомнѣнія, что, если бы Бомарше-Фигаро былъ не такъ старъ, если бы онъ не успѣлъ еще составить себѣ состояніе, то онъ съ удовольствіемъ надѣлъ бы фригійскій колпакъ, затянулъ бы карманъюлу и пошарилъ бы въ отелѣ какого-нибудь знатнаго барина, «врага народа». Теперь, когда у него у самого былъ прекрасный домъ недалеко отъ Бастиліи, онъ также не прочь былъ спести ее, и даже самъ предлагалъ исполнить эту обязанность, лишь бы не повредить «сосѣднихъ домовъ». Кромѣ того, Бомарше попытался даже по старому пуститься въ коммерческія предпріятія, теперь, конечно, подъ флагомъ народнаго блага. Оказалось, однако, что ему уже не по силамъ взвѣшивать обстоятельства: вмѣсто того, чтобы упрочить свое пошатнувшееся состояніе и приобрести репутацію радѣтеля на пользу свободаго отечества, Бомарше былъ обвиненъ въ обманѣ и предательствѣ, и весьма малаго недоставало, чтобы его постигла жестокая и несправедливая казнь. Бомарше храбрился, упорствовалъ, писалъ по прежнему оправдательные мемуары и хотѣлъ во что бы то ни стало довести дѣло до конца. Но старые враги не дремали, доносили конвенту, подстрекали уличную чернь, которая и безъ того подозрительно поглядывала на пышный домъ въ предмѣстьѣ С-тъ Антуанъ; обыскамъ, арестамъ, угрозамъ по видимому, не предвидѣлось конца. Когда Бомарше удавалось заставить себя выслушать, ему не стоило большого труда реабилитироваться: неутомонный старикъ опять скакалъ за-границу въ качествѣ «коммиссара республики», но новый нелѣпый доносъ опять колебалъ подъ нимъ зыбкую почву. Директорія застала его эмигрантомъ. Его семья, жена, сестра, дочь сидѣли въ тюрьмѣ, его имущество было конфисковано. Наконецъ, послѣ трехъ лѣтъ жизни въ Гамбургѣ, Бомарше могъ вернуться въ свой любимый Парижъ, въ свой ограбленный домъ. Позабытый и утомленный, онъ старался скоротать въ кругу семьи свою «монотонную осень», не покидая надежды на «бодрую старость».

Но, несмотря ни на что, тихая жизнь ветерана не у дѣлъ не могла его удовлетворить. Его неудержимо тянуло въ водоворотъ общественно-коммерческой дѣятельности. Онъ въ директорію обращался съ проектами грандіозныхъ предпріятій. Въ проектахъ этихъ замѣчательнымъ

образомъ предуказаны пути, по которымъ чуть не черезъ сто лѣтъ суждено было идти излюбленнымъ людямъ во Франціи. Самые крупныя факты общественной исторіи Франціи послѣ 1871 года—это несомнѣнно Панама и франко-русское сближеніе. Въ запискѣ, которую Бомарше подалъ директоріи, заключались проекты прорытія Панамскаго перешейка и развитія торговли съ Чернымъ моремъ.

Бомарше умеръ въ послѣдній годъ вѣка просвѣщенія, какъ Расинъ умеръ въ послѣдній годъ вѣка Людовика XIV. Оба во многихъ отношеніяхъ служатъ блестящими образчиками своихъ эпохъ, но если Расинъ завершалъ собою извѣстный кругъ явленій, то Бомарше нѣкоторыми своими чертами являлся предтечей нашихъ современниковъ. Какъ всякая борющаяся за преобладаніе сила въ исторіи прогрессивна и, выражаясь субъективно, симпатична, поскольку она побѣждаетъ отжившую силу и разрушаетъ устарѣвшія формы жизни, такъ и Бомарше, какія бы чувства, монархическія или республиканскія, онъ ни высказывалъ, одинаково достоинъ вниманія историка, потому что однимъ своимъ существованіемъ, преслѣдованіемъ исключительно своихъ личныхъ интересовъ онъ служилъ общественному прогрессу. Въ его лицѣ выступалъ на историческую арену классъ, которому предназначена была такая крупная роль въ истекающемъ нынѣ столѣтіи. Промышленная и торговая буржуазія, предприимчивая, живучая, себялюбивая и неунывающая, въ моментъ разрушенія прогнившаго и изъѣденнаго червями феодализма порождала гениальныхъ рагвенус, которые съ одинаковой стремительностью и успѣхомъ дѣйствовали въ политикѣ, въ индустріи, въ финансахъ и въ литературѣ. Теперь тотъ же самый классъ можетъ выставить только Мелиновъ и Дюпюи, которые также пасуютъ и теряются передъ новыми задачами времени, передъ молодыми элементами общества, какъ министры Людовика XVI передъ генеральными штатами.

Евгеній Дегень.

СНЫ УЗНИКА.

(Изъ Чезаре Никколини).

1.

Все золотые сны о волѣ...
О, сколько муки, сколько боли
Въ тѣхъ сновидѣньяхъ золотыхъ!

Вотъ шорохъ дальняго движенья,—
Не съ неба ль ангелъ утѣшенья?
Не другъ ли, вѣстникъ избавленья?
Увы! то—смѣна часовыхъ.
И, какъ въ гробу, все тихо снова...

Но, чу! шаги... звучнѣй, звучнѣй...
Запоры прочные дверей
Гремятъ... И выразить ли слово,
И передасть ли сердца крикъ?
О радость! О блаженства мигъ—
Она!.. Какъ мученика слава,
Вошла—прекрасна, величава.

Но что съ тобою? Ты блѣдна,
Ты молчалива, ты грустна?
Съ какой безстрастностью нѣмой
Твоя рука лежитъ въ мѣей,
Какъ странень блескъ твоихъ очей...
О другъ мой, другъ мой, что съ тобою?!

2.

Мнѣ снилось—ты навѣкъ уснула,
Но друга не забыла ты
И въ часъ ночной къ нему впорхнула,
Неслышнѣй тѣни иль мечты.

Не загремѣлъ затворъ тяжелый,
 Не распахнулась дверь тюрьмы,
 Но, какъ въ былые дни, веселый
 Мнѣ голосъ прозвучалъ изъ тьмы:

„Я порвала земныя цѣпи!
 Передо мной—весь Божій міръ.
 Небесъ лазуревыя степи,
 Свобода вѣчная и миръ...
 Иди за мной!..“

ТЮРЕМНАЯ МЕЛОДИЯ.

(Изъ Чезаре Николини).

Не уснуть!
 Пышетъ грудь,
 Будто пламенная,
 И растутъ,
 И гнетутъ
 Стѣны каменные...

Вотъ, волной
 Грозовой
 Подступающая,
 Рвется вонъ —
 Сердца стонъ —
 Пѣснь рыдающая.

О, зачѣмъ?
 Гробъ твой нѣмъ.
 Боль растравленную
 Схорони,—
 Не кляни
 Жизнь раздавленную,

Ни за что,
 Ни про что
 Жизнь загубленную,
 Не за кровь —
 За любовь
 Неподкупленную!

Нѣтъ, не спитъ,
 Все болитъ
 Грудь пылающая,
 И поетъ
 И растетъ
 Пѣснь рыдающая.

НА ЧУЖБИНѢ.

(Изъ ирландскихъ пѣсенъ О'Коннора).

Съ далекой родины приходятъ злыя вѣсти
 О черныхъ дняхъ бѣды, нависшей надъ страной;
 Во снѣ и на яву зоветъ къ борьбѣ и мести
 Изнеможенный ликъ Ирландіи родной.
 И въ сердцѣ крикъ встаетъ: „О, гдѣ жъ друзья свободы?
 Чего молчатъ они? Чего еще онъ ждетъ,
 Правдивой битвы мечъ?“

Мельбаютъ дни и годы...

О Боже! Кто спасетъ покинутый народъ?

Туманная весна... Одѣтый первымъ пухомъ,
 Недвиженъ сонный лѣсъ; въ заброшенныхъ поляхъ
 Не ходитъ острый плугъ, и пахарь. павшій духомъ,
 Надъ мертвой влячею стоитъ съ слезой въ очахъ.
 И видитъ онъ вдали погнувшуюся хату,
 Больныя личики дѣтей полунагихъ
 И знаетъ—каждый день сулитъ ему утрату,
 Обиду новую, отраву слезъ живыхъ.

Не плачь, несчастный братъ! Не думай, что мольбою
 Ты тронешь гнѣвъ небесъ, пославшихъ чашу бѣды,
 Не думай, что вампиръ, взлелѣянный тобою,
 Захочетъ винуть самъ изсохшій твой скелетъ!
 Отъ чуда ли ты ждешь желаннаго спасенья?
 Избавить Римъ тебя отъ гнета хищныхъ лапъ?
 Защиты въ небѣ нѣтъ! Надежды нѣтъ въ терпѣньи!
 Иль самъ себя спасай, иль погибай, какъ рабъ!
 Но хуже ль ты другихъ? Изъ полного бовала
 Не можешь радость пить со смѣхомъ на устахъ?
 Зеленый Эринъ мой, воспрянь! Пора настала
 Оковы ржавыя разбить и бросить въ прахъ!

Вставай—ударилъ часъ! Живой огонь тревоги
Воспламени въ сердцахъ, народы всколыхни,
Всели холодный страхъ въ бездушные чертоги,
Затворы отомени!.. И изъ своей могилы
И мы, забытые, живые мертвецы,
Лишенные давно и мужества и силы,
Воспрянувъ, явимся—среди бойцовъ бойцы.
И если лучшій сокъ пожралъ огонь страданья,
И если лучшихъ силъ назадъ не возвратимъ,
То кровь послѣднюю, послѣднее дыханье
Тебѣ, о родина, съ восторгомъ отдадимъ!

П. Я.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ.

(Очерки и наблюденія).

(Продолженіе *).

Приближалось Рождество. Черезъ нѣсколько дней должны были окончиться занятія и Вѣра Павловна не безъ удовольствія подумывала объ отдыхѣ. По утрамъ она все чаще и чаще поднималась разбитой и утомленной, но собирались дѣвочки и желаніе дать какъ можно больше этимъ дѣтямъ, для которыхъ она была единственнымъ источникомъ свѣта и всякаго знанія, охватывало дѣвушку. Удачные уроки, во время которыхъ чувствовалось, что ей удалось захватить дѣтей и добиться успѣха, безконечно радовали новую учительницу, но зато неудачные приводили ее въ уныніе. Винила она въ такихъ случаяхъ только одну себя и вмѣстѣ съ сознаніемъ собственнаго несовершенства въ ней пробуждалось стремленіе наверстать то, что было ею упущено въ долгіе годы непосильнаго изводящаго труда. На Рождество она возлагала большія надежды: ей хотѣлось отдохнуть, почитать и позаняться самой. Минутами она чувствовала себя заржавѣвшей и запыленной машиной и ей страстно хотѣлось стряхнуть пыль прошлаго, чтобы съ новыми силами отдаться живому, настоящему дѣлу, выпавшему ей на долю послѣ долгихъ лѣтъ томительнаго ожиданія.

Что касается дѣвочекъ, то большинство изъ нихъ было недовольно тѣмъ, что наступаютъ каникулы. По сравненію съ ихъ собственными жилищами школа казалась имъ особенно просторной, свѣтлой и уютной и онѣ неохотно раставались съ ней.

Вѣра Павловна всѣми силами старалась придать помещенію наиболѣе привлекательный видъ. На классныхъ окнахъ и въ рекреационной она какъ-то поставила горшки съ цвѣтами и нужно было видѣть съ какой любовью дѣвочки ухаживали за растеніями и какъ огорчались, когда цвѣты, несмотря на заботливый уходъ, гибли одинъ за другимъ, не вынося усиленнаго провѣтриванія и ѣдкой, густой пыли.

По мѣрѣ того какъ приближались праздники, разговоры о предстоящей на Рождествѣ въ школѣ елкѣ становились все оживленнѣе. Въ

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

переѣмны объ этой елкѣ говорилось во всѣхъ углахъ и стоило Вѣрѣ Павловнѣ появиться въ рекреационный, чтобы ее тотчасъ же забросали разспросами: «Будетъ ли въ этомъ году волшебный фонарь? Когда же начать одѣвать куколъ для маленькихъ? Пора ли писать на билетикахъ про подарки?..» Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ были непонятны для новой учительницы, но дѣвочки, ходившія въ школу еще при старой учительницѣ охотно рассказывали ей, какъ устраивалась елка въ прежніе годы.

Обыкновенно на билетикахъ дѣвочки писали, какой именно подарокъ желаетъ получить каждая изъ нихъ. Маленькія всегда записывали куколъ и этихъ куколъ учительница покупала не одѣтыми, а одѣвали ихъ старшія.

Вѣрѣ Павловнѣ понравилась мысль о билетикахъ и она предложила дѣвочкамъ написать свои желанія.

Дѣвочки взволновались ужасно, потомъ разомъ наступила необыкновенная тишина: каждая придумывала про себя, но это оказалось довольно затруднительнымъ. Чернокова, напримѣръ, такъ ничего и не придумала. Она положительно не знала, чего пожелать, да и писать не умѣла. Настюшка Савина тоже совсѣмъ растерялась. Брусенцева захотѣла ей помочь и посовѣтовала записать гребенку или чулки, но она въ отвѣтъ только замотала головой. И гребенка, и чулки все это такъ просто, обыкновенно, а ей хотѣлось придумать что-нибудь совсѣмъ необычайное...

Вечеромъ Вѣра Павловна очень смѣялась, перебирая билетики и тщетно стараясь разобрать нѣкоторые изъ нихъ. Какихъ только желаній не было здѣсь! Бортгаузенъ просила красную ленту, Крылова молитвенникъ, а Савина «большущій шаръ». Просили мячиковъ, скакалокъ, сумокъ для книгъ, пеналей, рабочихъ корзиночекъ. Ильина написала—очки для бабушки, Люша Александрова—«ничѣго нѣ нада». Попадались билетики, на которыхъ были записаны теплыя платки, капоши, ватныя пальто и платья. Эти билетики Вѣра Павловна съ грустью откладывала въ сторону. На елку отпускалось всего 20 рублей, а у самой учительницы не было ничего кромѣ 45 рублей въ мѣсяцъ, и билетики приходилось вернуть съ предложеніемъ желаніе переѣменить.

Ожиданіе елки отражалось на ученіи и поведеніи ученицъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Даже лѣнивая Чернокова какъ-то особенно старательно выводила свои каракули, а слова «безъ елки останешься» усмиряли самыхъ шумныхъ и непокорныхъ. Вѣра Павловна рѣдко прибѣгала къ нимъ, но Татьяна и дежурныя пользовались ими въ самомъ широкомъ смыслѣ.

За это время дѣвочки какъ-то ближе сошлись между собой. Даже Бортгаузенъ и Зина Богданова какъ-будто совсѣмъ привыкли къ школѣ.

Бортгаузенъ совершенно отдѣлилась отъ маленькихъ и подружилась со старшими. За послѣднее время она сильно поблѣднѣла и похудѣла,

а весь ви́шній видъ ея производилъ впечатлѣніе бѣдности и неряшества. Вѣра Павловна, разговоровшись съ дѣвочкой, узнала, что ея семьѣ приходится совсѣмъ плохо. Деньги, заработанныя отцомъ въ Зоологическомъ саду, пришли къ концу; думалъ онъ на Рождество въ балаганы наняться, но простудился и пропустилъ всѣ мѣста.

— Въ лавочкѣ больше въ долгъ не даютъ,—глотая слезы, говорила дѣвочка.

Вѣра Павловна убѣдила дѣвочку завтракать въ кухнѣ. Бортгаузенъ долго упиралась, но въ концѣ-концовъ голодъ побѣдилъ и она съ наслажденіемъ ѣла горячій супъ и даже просила прибавки. Деньги на завтраки перестали отпускать съ 1-го декабря, но Вѣра Павловна продолжала кормить дѣвочекъ на свой счетъ. Такъ поступала и Марья Михайловна, такъ дѣлали почти всѣ учительницы. Даже Ольга Ивановна, затруднявшаяся, чѣмъ кормить собственныхъ дѣтей, и та не прекращала выдачи завтраковъ.

Вѣра Павловна спрашивала старыхъ учительницъ о причинахъ такой страшной экономіи, и ей объяснили, что это дѣлается съ цѣлью усиленія средствъ на устройство лѣтнихъ колоній для дѣтей. Цѣль сама по себѣ прекрасная, но способъ достиженія ея показался въ высшей степени страннымъ. Почему дѣти должны были постомъ обезпечивать себѣ кандидатуру на дачу,—этого не понимала ни Вѣра Павловна, ни другія учительницы.

Однажды, войдя какъ-то въ кухню во время завтрака, Вѣра Павловна замѣтила, что Зина Богданова сидитъ особнякомъ на ларькѣ, а ея порція супа остается на столѣ петронутой.

— Ты почему не ѣшь?—спросила она дѣвочку.

Та насупилась еще больше и ничего не отвѣтила. Вѣра Павловна стала наблюдать за Зиной и замѣтила, что дѣвочка опять одичала и дѣти какъ-будто сторонятся ея. Какъ-то въ перемѣну Вѣра Павловна услышала, какъ Савина отгоняла Зину, подошедшую къ кружку маленькихъ.

— Ну проходи, проходи! Около меня не заставляйся,—грубо говорила Настюшка.

— Что она тебѣ сдѣлала? Почему ты ее гонишь?—придерживая дѣвочку за плечо и строго заглядывая въ ея бѣгающіе глаза, спросила Вѣра Павловна.

— Мы изъ-за нихъ безъ хлѣба сидимъ,—буркнула Савина.

— Безъ хлѣба изъ-за Зины?—съ удивленіемъ переспросила Вѣра Павловна.

— Мать ея на фабрикѣ изломала машинку, а изъ-за нея всѣхъ работниковъ расчатали. Она озорничаетъ, а мы безъ хлѣба сидимъ,—злобно поглядывая на Зину, говорила Савина.

Зина молчала. Она стояла потупивъ глаза и Вѣра Павловна не добилась отъ нея ни слова, а Настюшка упорно повторяла одно и то же.

Пришлось обратиться за объясненіемъ къ взрослымъ. Въ подобныхъ случаяхъ Вѣрѣ Павловнѣ часто помогала Татьяна. И на этотъ разъ она уже знала всю исторію отъ Настюшкиной матери, съ которой она встрѣтилась на улицѣ.

И Савина, и Богданова были щипалками на табачной фабрикѣ и обѣ зарабатывали по 30 копѣекъ въ день. Савина своимъ заработкомъ была довольна и не мечтала ни о чемъ болѣе выгодномъ, Богданова же все надѣялась перейти въ другой болѣе выгодный отдѣлъ, но у нея вышли неприятности съ приказчикомъ и лучшаго мѣста ей такъ и не дали, несмотря на то, что она была хорошая работница.

И вотъ въ одно темное декабрьское утро, когда работницы при огнѣ сидѣли уже за работой, въ комнату, гдѣ они щипали табакъ, принесли какую-то машинку.

Оказалось, что эта машинка продѣлываетъ ту же работу, что и щипалки, только исполняетъ ее много чище и притомъ несравненно быстрѣе ихъ.

Въ первую минуту новинка такъ заинтересовала женщинъ, что онѣ, побросавъ работу, залюбовались на ея ловкость. Но потомъ ихъ взяло раздумье. Онѣ сообразили, что какъ ни работай, а за машинкой никому не угнаться. Зинина мать расшумѣлась первая.

— Этакъ насъ и расчигать недолго: она, проклятая, человекъ за 50 работаетъ,—заговорила она.

Въ завтракъ Богданова куда-то исчезла, потомъ вернулась и говорить:

— Теперь хозяинъ ни одной щипалкѣ больше 20 копѣекъ платить не станетъ.

Горе взяло бабъ. А Зинкина мать все не унимается:

— Изломать ее, проклятую, только одно и остается,—говорить.

— Что же изломать, такъ изломать,—говорятъ и другія.

— Пока тамъ еще другую машинку выплюютъ, а мы праздникъ сытыя встрѣтимъ.

— Ну и изломала она машинку,—разсказывала Вѣрѣ Павловнѣ Татьяна.—Что она тамъ съ этой самой машинкой сотворила—неизвѣстно, а только стала машинка: ни назадъ, ни впередъ нейдетъ. Сначала всѣ было обрадовались, что аглицкую штуку перехитрить удалось, а къ вечеру всѣхъ работницъ какъ есть безъ расчета уволили. Многія теперь къ празднику совсѣмъ безъ хлѣба остались, а Зининой матери просто прохода не даютъ. Побить собираются... Да ей хоть бы что,—только отругивается. Дѣвчонку по вечерамъ побираться посылаетъ... Сама ночью бродяжничаетъ...

Зининой матери, несмотря на всю ея прославленную отчаянность, приходилось между тѣмъ очень плохо. Женщины, оставшіяся безъ работы, не давали прохода ни ей, ни дочери. Настюшка смотрѣла на Зину настоящимъ волчкомъ. Ея отношеніе вмѣстѣ съ доходившими

въ школу рассказами о бѣдствіяхъ, виновницей которыхъ была мать Зины, отражалось и на дѣтяхъ. Дѣвочки сторонились Богдановой и Вѣра Павловна видѣла съ грустью, что Зина съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе сумрачный и дикій видъ. Ея вмѣшательство только обостряло отношенія и она рѣшила предоставить дѣвочекъ самимъ себѣ въ твердой надеждѣ, что за время праздниковъ все сгладится и забудется.

Зина ходила въ школу грязная, оборванная и нечесанная. Теплый платокъ, подаренный ей Вѣрой Павловной, исчезъ безслѣдно. Несмотря на сильные морозы, дѣвочка бѣгала въ одномъ ситцевомъ платкѣ на головѣ.

Вѣра Павловна пыталась вызвать въ школу мать Зины, но та не явилась. Наконецъ, и сама дѣвочка перестала ходить въ школу. Вѣра Павловна отправилась навѣстить ее, думая, что она больна, но на квартирѣ ей сказали, что Богдановы переѣхали.

Адресъ ихъ былъ неизвѣстенъ, потому что онѣ отжѣтились за городъ.

Долго не могла Вѣра Павловна отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго исчезновеніемъ дѣвочки.

Всѣ справки съ цѣлью отыскать ее не повели ни къ чему. Дѣвочка исчезла безслѣдно.

За пять дней до Рождества окончилось занятіа въ городскихъ школахъ и по утрамъ Шурка напрасно поджидала Настю.

Пользуясь свободнымъ временемъ, Вѣра Павловна собиралась навѣстить кое-кого изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Но ей нигдѣ не сидѣлось, ее тянуло домой въ маленькія уютныя комнатки, гдѣ все напоминало ей о жизни, которая съ каждымъ днемъ становилась ей болѣе близкой и дорогой. Ей нравилось проводить вечера въ полномъ одиночествѣ. Скуки она не знала: работы у нея было всегда достаточно. Она читала, оканчивала шитье дѣвочекъ, готовила елочныя украшенія и въ видѣ отдыха отправлялась бродить по пустому классу, гдѣ каждая вещь говорила ей о временно притихшей жизни, на которой постепенно сосредоточивался весь смыслъ ея существованія.

Какъ то рано утромъ въ передней послышался робкій едва слышный звонокъ.

— Меня мама прислала. Она проситъ васъ за нея жалованье и награду въ Думѣ получить,—сказала отворившей дверь Вѣрѣ Павловнѣ дѣвочка глѣть восьми съ выраженіемъ недѣтской озабоченности на худощавомъ миловидномъ личикѣ. Это была Люба, дочь учительницы Орловой. Вѣрѣ Павловнѣ стоило большого труда убѣдить дѣвочку войти въ комнату. Ей хотѣлось разспросить ее о матери.

Ольгу Ивановну Вѣра Павловна видѣла очень рѣдко. Раза два ей пришлось побывать у Орловой и каждый разъ она уходила съ сознаниемъ, что той совсѣмъ не до нея и гости только мѣшаютъ ей.

Люба сообщила Вѣрѣ Павловнѣ, что мама больна и что у нихъ родился новый братецъ.

— Мамѣ самой никакъ нельзя поѣхать въ Думу, а деньги очень нужны, самой же Любѣ необходимо торопится домой, потому что прислуги у нихъ нѣтъ и мама съ дѣтьми совсѣмъ одна,—говорила озабоченно дѣвочка.

— Ну тогда бѣги скорѣй,—согласилась Вѣра Павловна.—А мамѣ скажи, чтобы она не беспокоилась. Я все устрою.

Въ тотъ же день Вѣра Павловна отправилась въ Думу.

Стояла оттепель и несмотря на то, что было всего около трехъ часовъ, начинало уже темнѣть, а въ казначействѣ было и совсѣмъ темно.

Эта мрачная комната съ ея грязью, полутьмою и спертымъ удручивымъ воздухомъ всегда вызывало уныніе въ Вѣрѣ Павловнѣ, и тоска окватывала дѣвушку едва, только она ходила въ нее.

На скамейкахъ вдоль стѣны сидѣли сѣрыя печальныя фигуры бѣдняковъ, хлопотавшихъ о пособіяхъ къ празднику. Преобладали женщины; по ихъ фигурамъ и лицамъ было видно, что они ждутъ кого-то и давно ждутъ. Утомленіе отъ напраснаго ожиданія сказывалось въ ихъ удрученныхъ позахъ и въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ онѣ встрѣчали каждаго входившаго въ комнату. Но входили главнымъ образомъ сторожа, не то сонные, не то пьяные; нѣкоторые изъ нихъ, безцѣльно пройдясь по комнатѣ, уходили назадъ, другіе подходили къ просителямъ и лѣниво предлагали имъ разойтись. «Не прійдетъ ужъ теперь»,—объяснялъ сторожъ старушкѣ въ салонѣ съ большимъ саквояжемъ въ рукахъ. Лицо старушки, маленькое, сморщенное, съ заискивающей растерянной улыбкой, невольно бросилось въ глаза Вѣрѣ Павловнѣ, когда она пробиралась къ рѣшетчатой желѣзной загородкѣ, на которой крупными буквами стояло: «сборъ съ лошадей» и «выдача жестянокъ».

Передъ этой рѣшеткой каждое двадцатое число собирались учительницы. Лошадей у нихъ не было, жестянокъ имъ не выдавали и Вѣра Павловна долго не могла сообразить, какое отношеніе къ городскимъ учительницамъ имѣютъ эти надписи. Потомъ ей объяснили, что эти дощечки касаются только проходящихъ сюда извозчиковъ, но каждый разъ она невольно улыбалась, машинально прочитывая эти бросившіяся ей въ глаза надписи. Передъ загородкой уже стояла цѣлая толпа женщинъ. Это все были городскія учительницы, явившіяся получить жалованье и награду.

Вѣра Павловна стала позади всѣхъ. Знакомыхъ среди учительницъ у нея было очень мало и стоять позади всѣхъ этихъ закутанныхъ фигуръ было довольно томительно. Въ толпѣ не замѣчалось никакого движенія. За рѣшеткой въ пространствѣ, освѣщенномъ газомъ, чиновники усердно щелкали счетами и что-то писали, не обращая никакого вниманія на собравшихся женщинъ.

Выдача жалованья почему-то не начиналась и по всему было

видно, что ждать еще придется довольно долго. Разговоры въ толпѣ съ каждой минутой становились все оживленнѣе.

Было жарко и душно. Учительницы снимали платки, разстегивали шубы...

Говорили объ елкѣ, о даровыхъ билетахъ въ театръ, о прогулкѣ съ дѣтьми на балаганы.

— Я каждый годъ на Царицынъ лугъ путешествую. Хлопотливо и утомительно, но для дѣтей это такое удовольствіе!—говорила одна изъ учительницъ.

— Хорошо бы еще билеты въ циркъ раздобыть!—подхватила другая.—Въ театрѣ такъ и не достала билета, всѣ уже разобраны,—жалѣла третья.—А у васъ елка на который день? Я къ вамъ за волшебнымъ фонаремъ приплю, можно? Новыя картины въ этомъ году изъ Соляного Городка удалось достать,—долетали до Вѣры Павловны изъ общаго гула отрывочныя фразы.

— Превосходные коньки подъ Лаврой за 40 копѣекъ продаютъ,—сообщала своей сосѣдкѣ молоденькая хорошенькая учительница въ съѣхавшей на сторону барашковой шапочкѣ.

— Ну, для насъ это дорого. Попечитель ничего не даетъ на елку и больше 20 копѣекъ на подарокъ нельзя тратить,—отозвалась съ сожалѣніемъ худая истощенная учительница съ нервнымъ подергиваньемъ глаза.

— Коньки за 40 копѣекъ? Гдѣ же это? Адресъ скажите!—подхватили близко стоявшія учительницы и молодая дѣвушка, отвѣчая имъ, принялась подробно рассказывать, какъ найти лавку.

— Жаль, что такъ далеко,—сказала блѣдная дѣвушка съ подвязанной щекой.

— А вы по конкѣ: это очень удобно,—посоветовала ей брюнетка съ энергичнымъ лицомъ.—Мнѣ въ этомъ году тоже порядочно путешествовать пришлось. Не знаю почему, но почти всѣ на рабочія корзиночки записались; въ гостинномъ ихъ по четвертаку продаютъ, а корзиныкъ по 12 копѣекъ работаетъ, ну и отправилась я за ними въ Гавань. Двадцати рублей на елку маловато, приходится всячески выгадывать.

Всѣмъ рѣшительно, кромѣ тѣмъ немногихъ счастливицъ, которымъ прибавляли попечителя, приходилось страшно рассчитывать. Никому не хотѣлось оставлять дѣтей безъ подарковъ и за этими подарками бѣгали, не жалѣя ни времени, ни ногъ, чтобы выгадать лишніе гроши на лакомства для дѣтей.

Въ тѣсной толпѣ съ киждой минутой становилось все болѣе душно. Почти всѣ остались въ верхнемъ платьѣ, никакъ не ожидая, что выдача жалованья затянется до такой степени. Всѣмъ было невыносимо, но никто не рѣшался спуститься въ переднюю, чтобы раздѣться, изъ боязни пропустить очередь.

Въ толпѣ слышались жалобы на задержку; учительницы, стоявшія у самой рѣшетки, стали спрашивать чиновниковъ, когда же, наконецъ, начнется выдача жалованья.

— Бумага еще у городского головы. Ждемъ съ минуты на минуту,—раздалось изъ за рѣшетки.

Разговоры въ толпѣ возобновились, но черезъ нѣсколько времени опять раздались нетерпѣливые раздраженные голоса.

— Неслыханный беспорядокъ! Возмутительно! Никто не имѣетъ права такъ задерживать!—горячились женщины, а за рѣшеткой въ пространствѣ, освѣщенномъ газомъ, было попрежнему тихо. Мужчины что то писали, щелкали счетами и только тогда, когда толпа ужъ очень расшумѣлась, какой то сѣденькій старичокъ, подойдя къ рѣшеткѣ, добродушно посовѣтовалъ всѣмъ теперь разойтись и явиться завтра.

Это предложеніе вызвало цѣлую бурю. Приходить вторично никто не хотѣлъ: у каждаго было много хлопотъ передъ праздниками, а главное всѣмъ безъ исключенія были необходимы деньги.

— Да я ничего, ждите, стойте, если хотите,—бормоталъ совсѣмъ сконфуженный старичокъ.

Зажгли газъ и въ громадной комнатѣ стало еще непригляднѣе. Черный отъ пыли и копоти потолокъ, грязныя стѣны и залоптанный полъ производили отталкивающее впечатлѣніе грязи и неряшливости.

У Вѣры Павловны отъ долгаго стоянья заняли ноги. Она хотѣла уйти, но вспомнила, что Орлова ждетъ денегъ, и осталась.

Теперь толпа уже молчала. Лица у всѣхъ были утомленныя, глаза усталые.

Одна изъ учительницъ вздумала было воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы собрать подписи для какого то юбилея.

— Подпишитесь: юбилей Аносова,—усиленно предлагала она, раскладывая на выступѣ у рѣшетки бумагу для подписей.

Но Аносова, одного изъ попечителей, знали мало, любили и еще того меньше, да и время для собиранія подписей было выбрано неудачно... Подписалась учительница, стоявшая рядомъ съ предлагавшей, да и та расписалась отъ неожиданности, вторая поставила свою фамицію изъ вѣжливости, чтобы не отказывать предлагавшей, а третья потому, что ей было рѣшительно все равно, и она ставила свою подпись вездѣ, гдѣ ей только предлагали. Остальныя въ отвѣтъ только отрицательно качали головой или просто отворачивались. Учительница разсердилась, сложила подписной листъ и, видимо сконфуженная, безсѣдно исчезла, затерявшись въ толпѣ.

— Г-жа Лунина!—вдругъ раздалось за рѣшеткой.

Толпа всколыхнулась и подалась впередъ. Одной изъ учительницъ сдѣлалось дурно, она выбралась изъ толпы и вся блѣдная опустилась на скамейку у стѣнки.

Въ углу, какъ разъ позади толпы за маленькимъ столикомъ между

тѣмъ пристраивались двѣ учительницы. Одна изъ нихъ завѣдывала похоронной кассой, другая кассой взаимной помощи.

— И я къ вамъ, можно?—спросила, подходя къ нимъ, Марья Михайловна Кунина.—Хочу учительницамъ о сапожномъ обществѣ напомнить.

Почти всѣ учительницы, получивъ жалованье, подходили къ столу; у всѣхъ имѣлись какія-нибудь дѣла въ кассахъ, только напоминающія Куниной оставались безплодными.

— Съ учительницъ много не наберешь, даже и настаивать какъ то стыдно, а въ обществѣ сочувствія мало,—пожаловалась она подошедшей къ ней Вѣрѣ Павловнѣ.

Когда очередь получать жалованье дошла, наконецъ, до Вѣры Павловны, она совсѣмъ изнемогала отъ жары и усталости. Въ ушахъ у нея шумѣло, ноги дрожали. Росписываться въ полученіи денегъ нужно было у окошечка съ надписью «сборъ съ лошадей», а деньги получали тамъ, гдѣ стояло «выдача жестянокъ». Она все перепутала и вздохнула съ облегченіемъ, когда очутилась наконецъ на улицѣ.

Прямо изъ Думы Вѣра Павловна отправилась къ Орловой.

На ея звонокъ дверь отворила Люба.

— Можно маму повидать?—спросила Вѣра Павловна.

— Можно, только мама въ постели,—отвѣтила нерѣшительно дѣвочка.

Вѣра Павловна раздѣлась и прошла за Любой въ комнату, гдѣ на кровати сидѣла похудѣвшая и окончательно осунувшаяся Ольга Ивановна.

— Спасибо вамъ большое,—съ растерянной и смущенной улыбкой сказала она, протягивая руку гостьѣ.

Вѣра Павловна присѣла на стулъ у кровати и стала спрашивать Орлову объ ея здоровьѣ.

Двое маленькихъ дѣтей, мастеровившихъ что-то на полу изъ кубиковъ, бросили свою работу и молча разсматривали гостью. На одной изъ дѣтскихъ кроватокъ, стоявшей у постели матери, лежалъ какой-то свертокъ, прикрытый съ одного конца кисейкой.

— Здоровье ничего себѣ. Поправляюсь. Хорошо, что все это...—Ольга Ивановна указала глазами на свертокъ—случилось, когда я школу уже распустила, отпуска брать не пришлось.

Теперь, когда она лежала больная въ комнатѣ, служившей спальней для цѣлой семьи, убожество всей ея жизни бросалось особенно въ глаза. Она видимо сознавала это и присутствіе челоуѣка въ этой убогой неприбранной комнатѣ, съ остатками какой то ѣды на столѣ, болѣзненно тяготило ее.

Вѣра Павловна замѣтила это и поспѣшила уйти, сославшись на усталось. Когда она проходила въ переднюю, изъ кухни выбѣжала Люба съ озабоченнымъ лицомъ.

— Ты, кажется, хозяйничаешь?—спросила ее Вѣра Павловна.

— Прислугѣ помогаю. Одной ей ни за что не справится, боюсь, какъ бы опять не ушла,—серьезно отвѣтила дѣвочка.

Въ первый день Рождества, какъ только стало темнѣть, въ ворота дома, гдѣ помѣщалась школа, пропшыгнула первая закутанная дѣтская фигурка. Быстро сѣменя ножонками, она пробѣжала по двору, однимъ духомъ взбѣжала въ четвертый этажъ и робко позвонила у дверей школы.

— Елку, Татьянашка, скоро зажигать будутъ?—спросила она у отворившей ей дверь женщины.

— Ну, до елки еще далеко, да ничего раздѣвайся, коли пришла.

— Настя!—радостно взвизгнута Шурка. Она уже начинала ходить и, пресмѣшно растопыривъ ручки, ребенокъ сдѣлалъ нѣсколько невѣрныхъ шаговъ навстрѣчу дѣвочкѣ, которая въ эту минуту напрасно старалась освободиться отъ большого байкового платка, туго затянутого узломъ на спинѣ.

Когда Татьяна помогла раздѣться пришедшей и Шурка убѣдилась, что это была совсѣмъ не Настя, то въ первую минуту она оторопѣла, но въ потомъ опять улыбнулась и захопала рученками. Она такъ соскучилась безъ дѣвочекъ, что готова была радоваться каждой изъ нихъ.

Вслѣдъ за первой маленькой гостьей явилась вторая, потомъ третья и въ самомъ непродолжительномъ времени вся кухня наполнилась празднично разодѣтыми дѣвочками.

Дѣвочки шуршали накрахмаленными юбками; ихъ тщательно вымытыя лица даже лоснились и пахло отъ нихъ смѣсью помады, душистаго мыла, деревяннаго масла и новыхъ башмаковъ.

— Въ рекреационную проходите! Въ рекреационную!—торопливо проговорила, показываясь въ кухонныхъ дверяхъ раскраснѣвшаяся и видимо захопотававшаяся Вѣра Павловна.

Дѣвочки бросились къ ней.

— Съ праздникомъ, Вѣра Павловна! Съ праздникомъ!—шумѣли онѣ.

— Некогда, некогда!—замахала на нихъ Вѣра Павловна.—Въ рекреационную проходите!—повторила она и скрылась за дверьми класса, которыя плотно захопнулись за нею.

Въ рекреационной дѣвочки, старательно оправивъ платья, чинно разсѣлись по скамейкѣмъ. Говорить никому не хотѣлось; всѣхъ охватило ожиданіе чего-то необыкновеннаго; особенно волновались маленькія; ихъ было большинство и очень многія изъ нихъ никогда не видѣли зажженной елки.

Дѣвочки постарше съ видимымъ интересомъ занимались изученіемъ нарядовъ. Ни одинъ бантикъ, ни одна оборочка не ускользнули отъ ихъ внимательныхъ любопытныхъ взоровъ.

— У тебя новое платье?—Нѣтъ, мама подержавое на рынкѣ ку-

*

пила.—А совсѣмъ какъ новое!—А тебѣ кто шилъ?—Это намъ готовое, господа подарили,—раздавалось среди старшихъ.

Разсолова въ пышномъ кисейномъ платьѣ съ необыкновеннымъ количествомъ оборочекъ и бантиковъ, сознавая собственное великолѣпіе, ни за что не хотѣла садиться на скамейку, несмотря на любезное предложеніе подругъ потѣсниться, чтобы ей было мѣсто. Важно откинувъ голову съ заплетенными на ночь въ мелкія косички и потому удивительно пушистыми волосами и держа въ рукахъ скатанный въ комочекъ носовой платокъ, дѣвочка ходила по комнатѣ, предоставляя сидящимъ всестороннее изученіе безукоризненнаго наряда и бронзовыхъ туфель съ помпонами. Эффектъ былъ полный.

Ни одно платье не выдерживало сравненія съ ея нарядомъ. Были розовыя и голубыя платья, было даже нѣсколько шерстяныхъ, но всѣмъ имъ было далеко до пунцоваго великолѣпія Разсоловой. Бронзовыя туфли были тоже единственными въ своемъ родѣ и тѣ, кто думалъ поразить новыми лайковыми башмаками на пуговкахъ, потерпѣли полнѣйшее разочарованіе, а дѣвочки въ заплатанной обуви, разглядѣвъ золотистыя щегольскія туфельки, совсѣмъ сконфузились и скромно поджали ноги.

— Пойдемте ходить,—предложила Разсолова, которой въ концѣ концовъ все-таки стало скучно разгуливать въ одиночествѣ, но въ эту минуту въ дверяхъ показалась Люша Александрова и всѣ взоры устремились на нее. По шопоту одобренія, которымъ дѣвочки встрѣтили Люшу, было замѣтно, что и ея нарядъ произвелъ впечатлѣніе, и дѣвочка, почувствовавъ это, нахально вздернула свой курносый, покрытый веснушками носикъ.

Все дѣло испортила Лиза дворника.

Шумя туго накрахмаленнымъ розовымъ платьемъ, она подскочила къ Люшѣ и, тыча пальцемъ въ низко подвязанный пунцовый кушакъ, съ самымъ искреннимъ изумленіемъ спросила Люшу:

— А ты себѣ зачѣмъ этакъ-то животъ затянула?

Очарованіе было нарушено. Люша фыркнула и собралась было выругаться, но не успѣла: дружный хохотъ дѣвочекъ огласилъ комнату. Всѣмъ сразу стало ужасно весело.

Еще больше развеселила всѣхъ явившаяся Настюшка. Она показала въ дверяхъ въ сопровожденіи неуклюжаго мальчика гѣтъ шести въ красной кумачевой рубашкѣ и валенкахъ. На самой Настюшкѣ было розовое не очень свѣжее, но довольно затѣйливое платье. Ей его подарила барышня, жившая съ ней въ одномъ домѣ. Барышня была выше и толще Настюшки; дѣвочка пробовала собственными силами уладить платье, но вышло довольно неудачно: сзади оно оказалось длиннѣе, чѣмъ спереди. Настюшкѣ надобно возиться и она рѣшила больше не передѣлывать. Волосы для праздника она вымазала русскимъ масломъ; это было не особенно красиво, но зато гладко, и На-

стюшка, не обращавшая обыкновенно ровно никакого вниманія на свой туалетъ, на этотъ разъ осталась собою очень довольна.

— Это твой братъ? Какъ его зовутъ? Сколько ему лѣтъ? Какой смѣшной!—зашумѣли дѣвочки, обступая Настюшку съ ея спутникомъ.

— Дя не братъ онъ мнѣ! Это просто мальчишкѣ съ фатеры,—съ комичной досадой объясняла заторможенная дѣвочка.—Вѣра Павловна мнѣ велѣла безпремѣнно на елку съ братомъ приходиться, а его мамка еще вчера на ту сторону увела, да такъ и не возвращалась. Ну, я и подумала: чѣмъ мѣсту-то зря пропадать, дай-ка я хоть Кирюшку съ собою захвачу.

Дѣвочки опять разсмѣялись, а Настюшка разсердилась.

— Чего зубы то скалите?—огрызнулась она, но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ и сама разсмѣялась.

Почти всѣ дѣвочки любили Настюшку и въ смѣхѣ ихъ не было ничего злого; но трудно было не смѣяться, глядя на дѣвочку, а въ особенности на ея спутника. Смущенный вниманіемъ наступавшихъ на него задорныхъ маленькихъ женщинъ, онъ громко сопѣлъ носомъ и былъ готовъ разревѣться.

— А ты не робѣй!—бросила ему въ видѣ ободренія Настя и по своему обыкновенію затараторила съ дѣвочками.—На фатерѣ у насъ почитай что всѣ пьяные. Утромъ мальчишки приходили Христа славить, звѣзду этакую большущую приволокли... Хозяйка щи мясныя варила и свинину жарила. Мамка съ самаго сочельника куда-то запропала, ну, да я и не горюю объ этомъ. Меня для праздника такого большого всѣ кругомъ на угощенье зовутъ. Такъ наѣлась, что даже дышать больно...—раздавался ея бойкій оживленный говоръ.

Приползла и Шурка въ рекреационную.

— Нася!—закричала она съ порога, и Настя бросилась къ ней.

Кто-то изъ маленькихъ вздумалъ было подсматривать въ замочную скважину у классныхъ дверей. Преступницу изловили на мѣстѣ; она пробовала кусаться, но получила за это должное возмездіе. Поднялся шумъ. Дѣвочки раскричались, чуть не подрались. Становилось душно, въ воздухѣ пахло елью, помадой и башмаками.

— Отворяють, отворяють!—вдругъ закричалъ кто-то.

Всѣ глаза устремились на двери; онѣ распахнулись, дѣвочки, тѣсня и давя другъ друга, бросились въ классъ и остановились, пораженные великолѣпіемъ того, что увидѣли. Онѣ положительно не узнавали такъ хорошо знакомой имъ комнаты. Классъ былъ залитъ потоками свѣта и весь этотъ свѣтъ шелъ какъ разъ съ того мѣста, на которомъ обыкновенно помѣщался учительскій столъ. Теперь этого стола не было: онъ вмѣстѣ съ другими столами и скамейками исчезъ куда-то безслѣдно, а какъ разъ на его мѣстѣ, на самой срединѣ класса возвышалось блестящее сверкающее великолѣпіе, живое воплощеніе красоты въ глазахъ этихъ чердачныхъ и подвальныхъ обитателей.

Маленькія видѣли елку въ первый разъ. Онѣ стояли совсѣмъ пораженные съ глазами, поднятыми кверху, и съ раскрытыми ртами.

— Какъ хорошо!—вдругъ громко вырвалось изъ глубины чьего-то переполненнаго дѣтскаго сердца.—Красиво! Блестить! А огоньки точно звѣздочки! Ангелъ совсѣмъ какъ живой!—послышалось въ толпѣ.

«Рождество Твое, Христе Боже Нашъ»,—начала по знаку Вѣры Павловны Брусенцева и къ ея красивому мягкому голосу дружно присоединились всѣ дѣтскіе голоса. Вѣрѣ Павловнѣ казалось, что никогда еще ея дѣвочки не пѣли такъ хорошо, какъ въ этотъ Рождественскій вечеръ.

«Христосъ на землѣ», звонко пѣли дѣти, всѣмъ существомъ ощущая присутствіе невидимаго Христа, въ день Рождества Котораго загорѣлась для нихъ эта чудесная елка. Каждый звукъ пѣсни отдавался въ сердцахъ Вѣры Павловны и непрощенныя слезы туманили глаза дѣвушки.

Волна радости и какого-то ликованія подхватила и унесла съ собою дѣтей. Въ сіяющихъ отъ восторга раскраснѣвшихъ лицахъ Вѣры Павловны не узнавала своихъ безцвѣтныхъ, блѣдныхъ и богѣзненныхъ ученицъ. Въ играхъ и въ общемъ веселѣй принимали участіе даже самыя дикія, молчаливыя и забытыя дѣвочки.

Въ этотъ вечеръ Вѣра Павловна поняла, что ничто не сближаетъ такъ сильно, какъ общая радость, и она невольно пожалѣла бѣдную Зину. Можетъ быть, въ этотъ вечеръ разогрѣлось бы и ея застывшее сердце и она навсегда перестала бы чувствовать лишней и одинокой на бѣломъ свѣтѣ.

Елка удалась на славу. Игры прошли очень весело. Играя въ коршуна, дѣти такъ визжали, что прохожіе во дворѣ съ испугомъ поднимали головы къ освѣщеннымъ окошкамъ школы.

Даже дичившійся Кирюшка къ концу вечера разошелся во всю. Изображая кошку, онъ до такой степени вошелъ въ свою роль, что ни за что не хотѣлъ выпустить пойманную мышку и та чуть не разревѣлась, стараясь выскользнуть изъ цѣпкихъ пальцевъ, охватившихъ ее.

Потомъ Вѣра Павловна показывала волшебный фонарь.

Лампы были потушены и дѣти усѣлись прямо на полъ передъ спущенной съ потолка простынкой. Картины вызвали шумный восторгъ зрителей. Особенно понравились олени съ необыкновенными по своей величинѣ даже для этихъ животныхъ рогами. Какъ живые пронеслись они по сѣвѣрной пустынѣ прямо навстрѣчу великолѣпному сѣверному сіянію. Очень хорошъ былъ поварь, которому пѣтухъ вцѣпился прямо въ носъ. Не дурны были и клоуны... Дѣти смѣялись надъ ними до слезъ. Потомъ Вѣра Павловна раздавала подарки.

Здѣсь не обошлось безъ маленькихъ недоразумѣній. Климова, средъ него отдѣленія, изъ важности написавшая на билетикѣ корзинку для рукодѣлія, теперь горько раскаявалась и чуть не плакала, съ завистью

разглядывая великолѣпно разодѣтыхъ куколъ съ настоящими волосами. Червокова предлагала всѣмъ дать ей что-нибудь въ обмѣнъ на пеналь. Господа къ празднику подарили ей тоже пеналь и теперь у нея было ихъ два. Кирюшка, получившій лопадь и трубу, продолжалъ тянуться за всѣмъ, что только оставалось на столѣ и на елкѣ. Лицо у него было потное, красное и весь онъ дрожалъ, охваченный жаждой получить и увести съ собой какъ можно больше изъ всего этого великолѣпія. «Мнѣ, мнѣ, мое все!» бормоталъ мальчикъ въ какомъ-то экстазѣ.

Счастливыя и довольныя, съ полученными подарками въ рукахъ, дѣвочки успѣли отдохнуть подъ елкой. Оставшіеся гостинцы бережно увязывались въ носовыя платки.

Становилось поздно и за нѣкоторыми изъ маленькихъ пришли матери, чтобы вести ихъ домой.

Первою собралась уходить Маяя Николаева; ея маленькая сестренка совсѣмъ засыпала и еле держалась на ногахъ. Вслѣдъ за Николаевой стали собираться и другія дѣвочки. «Спасибо, спасибо! Благодарствуйте!» раздавалось вокругъ Вѣры Павловны.

Настюшка ушла послѣдняя. Она долго завязывала свои и Кирюшкины гостинцы.

«Сважи: благодарствуйте, тетенька!» учила она мальчика, подводя его за руку къ Вѣрѣ Павловнѣ.

Но тотъ молчалъ, хотя его сонная блаженно улыбающаяся рожица говорила краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Вѣра Павловна нагнулась и крѣпко поцаловала мальчика.

Въ кухнѣ, разметавшись въ корзинкѣ и крѣпко прижимая къ груди только что полученныя красныя туфли, спала Шурка. Сонъ ея былъ тревожный. Ея худое истощенное тѣлце было не въ силахъ выдержать всѣхъ яркихъ впечатлѣній минувшаго вечера и радость, слишкомъ большая для ея маленькаго существа, переходила въ страданіе.

Довольная и счастливая заснула Вѣра Павловна. Засыпая она какъ-то невольно вспомнила далекое дѣтство, вспомнила себя маленькой дѣвочкой, вначалѣ безпечной и веселой, потомъ задумчивой и грустной. Все дѣтское веселье связано было въ ея памяти съ воспоминаніемъ о рождественской елкѣ: перестали зажигать елку и дни потянулись тоскливыя, безрадостныя, семья распалась, обѣдѣла, было не до елки. Это Рождество безъ елки тянулось долго, мучительно долго, и въ послѣдніе годы, когда съ наступленіемъ праздника и сознаніемъ собственного одиночества обострялось все, что накопилось горькаго на душѣ, Вѣра Павловна чувствовала себя особенно тоскливо. Вспоминалось все, что осталось невыполненнымъ въ жизни, просыпалась жажда ласки и дружескаго привѣта. И вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ томительныхъ лѣтъ она испытала, что значить имѣть возможность радовать другихъ. Въ этотъ вечеръ оттаяло ея сердце, застывшее въ

одиночествѣ жизни: она поняла, что она не одна, что она нужна всѣмъ этимъ обездоленнымъ дѣтямъ... Ей казалось, что и для нея вернулось, наконецъ «Рождество съ елкой», котораго она была лишена долгіе годы.

Пришли рождественскіе каникулы и вмѣстѣ съ ними кончилось непривычное затишье въ школѣ Вѣры Павловны. Она ждала начала занятій съ радостью. Отдохнувшая и болѣе бодрая, чѣмъ когда-либо, она съ увлеченіемъ принялась за уроки; даже голось за праздники у нея поправился и въ немъ не замѣчалось смущавшей ея хрипоты. И опять въ школѣ все пошло попрежнему или, вѣрнѣе, даже лучше прежняго. Опять, какъ и раньше, черноволосыя и бѣлокурыя головки прилежно наклоняются надъ тетрадями и книгами во время самостоятельныхъ работъ или же не спускаютъ внимательныхъ, осмысленныхъ глазъ съ учительницы, жадно ловя ея каждое слово въ то время, когда она начинаетъ что-нибудь объяснять. Опять, какъ и прежде, въ перемены во всѣхъ уголкахъ копошатся и возятся дѣти, слышенъ смѣхъ, веселая болтовня, а временами раздаются и пѣніе. Все идетъ какъ и раньше, по виду не измѣнилось ровно ничего и попечитель, изрѣдка наѣзжающій въ школу, находитъ, что у Вѣры Павловны дисциплина страдаетъ попрежнему; но это мало огорчаетъ ее: она радуется тому, что между нею и дѣтьми образовалась, наконецъ, прочная внутренняя связь. Дѣвочки дѣтскимъ инстинктомъ поняли, что для блѣдной тихой дѣвушки онѣ самыя близкія существа, и это сознаніе вмѣстѣ съ чувствомъ благодарности уничтожило послѣднюю тѣнь отчужденія между учительницею и ученицами. Каждый новый день приноситъ Вѣрѣ Павловнѣ все новыя и новыя доказательства довѣрія. Теперь ей нѣтъ надобности подстергать чью-нибудь нужду и волноваться мыслью о томъ, что она узнаетъ о чемъ-нибудь горѣ позднѣе всѣхъ. Дѣвочки ей первой рассказываютъ о всемъ сколько-нибудь важномъ въ ихъ бѣдной радости, но богатой огорченіями жизни.

Вѣра Павловна узнала, что болѣзнь и безработица—два главныхъ несчастія, которыя тяготѣютъ надъ ними и служатъ источникомъ всякихъ бѣдствій. Присмотрѣвшись къ дѣвочкамъ, она теперь безошибочно по внѣшнему виду ученицъ узнавала, что въ семьѣ не все благополучно. Изъ своего жалованья Вѣра Павловна кое-что удѣляла на обувь и одежду бѣднѣйшимъ ученицамъ, а въ случаяхъ заболѣваній посылала дѣвочкамъ молоко, яица, масло. Теперь ей достаточно было поддѣлать стыдливое отщипываніе кусочковъ изъ ситцеваго мѣшочка для завтрака, чтобы понять, что ребенокъ голодаетъ. Въ чулункѣ у Татьяны для такихъ случаевъ всегда припасалась лишняя мисочка супа и не одна дѣвочка во время безденежья родителей кормилась школьными завтраками. Походитъ нѣсколько дней на кухню, а потомъ и сама изъ дома булку приноситъ. «Спасибо, мы теперь поправились», говоритъ. Случаевъ пользованія завтраками безъ особой нужды не бывало. Дѣвочки поражали Вѣру Павловну даже излишней щепетильностью на этотъ счетъ.

Все чаще и чаще заходили теперь въ школу родители, чтобы поговорить съ учительницей о своихъ дочеряхъ.

Приходили, главнымъ образомъ, матери; между ними были и такія, которыя приходили совѣтоваться по поводу своихъ домашнихъ дѣлъ, иныя просили что-нибудь почитать. Ученьемъ дочекъ почти всѣ были довольны, хотя и не скрывали, что больше строгости никогда не мѣшаетъ. Одна изъ матерей какъ-то явилась къ учительницѣ съ покорнѣйшей просьбой выпороть дочку за какую-то домашнюю провинность и была очень недовольна отношеніемъ Вѣры Павловны къ ея предложенію.

Въ числѣ недовольныхъ учительницей была кухарка Чернокова, хвалившаяся осенью на пріемѣ, что «ея дѣвочка такъ ужъ тиха, такъ тиха, что безъ ея позволенія и съ табуретки не сойдетъ».

— Избаловали дѣвчонку,—укоризненно отчитывала она Вѣру Павловну.—Сладу съ ней нѣтъ никакого. Надняхъ вздумала пѣсни запѣть. У меня отъ страха сердце даже упало, что думаю, какъ барыня слышается... И кабы еще хоть божественное что изъ школы принесла, а то про цаплю какую-то затинула... Сократите вы ее, сдѣлайте такую иность,—упрашивала она учительницу.—Сами вы при вашей учености понимать должны, что въ нашемъ званіи бойкости отъ нея не требуется...

Но Вѣра Павловна не стала сокращать дѣвочку; напротивъ, она радовалась, замѣтивъ, что у той пропадало лѣнивое, сонное выраженіе и что-то осмысленное загоралось въ заплавленныхъ глазахъ. Но разубѣдить мать ей не удалось; кончилось тѣмъ, что кухарка взяла дѣвочку и помѣстила ее въ мастерскую, гдѣ готовили золотыя и серебряныя кисти для украшенія гробовъ. Вѣра Павловна продолжала уговаривать мать, чтобы та оставила въ школѣ дочь хотя бы до конца учебнаго года, но безуспѣшно.

— Нѣтъ, ужъ по всему видно, что добра отъ этого ученья не будетъ, баловство одно,—упрямо отвѣчала Чернокова въ отвѣтъ на всѣ доводы учительницы.

Вѣра Павловна винила себя въ томъ, что не умѣла поладить съ матерью, но это непріятное впечатлѣніе вскорѣ сгладилось другими болѣе крупными несчастіями, которыя одно за другимъ неожиданно свалились на школу.

Одна изъ дѣвочекъ въ день посѣщенія докторшей школы пожаловалась на головную боль.

Дарья Ивановна приложила руку ко лбу дѣвочки и заглянула ей въ горло. Голова была горячая, а горло красное.

— Глаза все что-то чешутся,—сказала дѣвочка.

Дарья Ивановна велѣла ей растегнуться.

— Сейчасъ же удалите изъ школы. У дѣвочки, по всей вѣроятности, корь,—взволнованнымъ голосомъ обратилась она къ Вѣрѣ Павловнѣ. Вѣра Павловна перепугалась не менѣе докторши.

Мигомъ собрали тетради и книги больной, сунули ей въ руки сумку и послали въ кухню одѣваться, чтобы идти домой.

Дѣвочка расплакалась. Ей очень не хотѣлось отправляться домой и она молчала, пока ей сильно нездоровилось, перемогалась всячески, чтобы ходить въ школу, а теперь, когда ей стало значительно лучше, ее вдругъ отсылаютъ.

— Я зайду навѣститъ тебя,—сказала ей въ видѣ утѣшенія Вѣра Павловна.

— Раньше шести недѣль въ школу не показывайся,—напутствовала ее взволнованная Дарья Ивановна.

Дѣвочка расплакалась громче прежняго. Татьяна пошла провожать ее до дома.

— Непрiятно, очень непрiятно,—повторяла Дарья Ивановна.—Если это окажется корью, придется продезинфицировать всю школу. А теперь-пока послѣ занятій провѣтрите хорошенько все помѣщеніе: полы велите вымыть, скамейки суемой оботрите... Я вамъ сейчасъ же пришло цѣлую бутылъ.

Все было сдѣлано, какъ приказала Дарья Ивановна. Татьяна потрудилась насовѣсть. Вечеромъ, когда она покончила съ уборкой, на ней просто не было лица.

— Устали вы очень, Татьяна?—участливо спросила ее Вѣра Павловна.

— Сердце болитъ, барышня, — отвѣтила та. — Вѣдь корь, говорятъ, пристаесть сильно. Боюсь я, какъ бы Шурка не свалилась. Куда я тогда съ нею дѣнусь—ума не приложу.

— Ну, Богъ дастъ, ничего не будетъ, а если и случится что, больница подъ бокомъ,—стараясь успокоить женщину, сказала Вѣра Павловна.

— Въ больницѣ-то, говорятъ, давнымъ давно жѣстовъ нѣтъ. Коровой баракъ надняхъ новый открыли и тамъ уже все полно... По нѣскольку дѣтей на одну кровать кладутъ, а матери, которыя при грудныхъ состоятъ, въ повалку на полу спятъ... У Климовой нашей тамъ братишка лежалъ. Я съ матерью какъ-то на улицѣ повстрѣчалась, она мнѣ все и рассказала. Просто адъ кромѣшный тамъ, говорятъ.

Вѣра Павловна всѣми силами старалась успокоить Татьяну, но смутное безпокойство схватило и ее самое. Дѣйствительно, что дѣлать съ Шуркой въ случаѣ ея болѣзни?

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки домой больной дѣвочки, нѣсколько ученицъ одна за другой перестало ходить въ школу.

Дѣвочки рѣдко пропускали уроки по-болѣзни. Ихъ часто задерживали дома разныя хозяйственныя дѣла: матери уходили на работу и нужно было понаньчить грудного, или въ семьѣ ктонибудь расхворался и нуждался въ уходѣ. Нѣкоторыя изъ дѣвочекъ по субботамъ всегда оставались дома, такъ какъ на ихъ обязанности лежало мытье половъ и уборка квартиры. Матерямъ было некогда: онѣ работали на сторонѣ и прибирать собственный уголъ у нихъ не хватало ни времени,

ни силъ. Вѣра Павловна привыкла къ такимъ манкировкамъ и относилась къ нимъ снисходительно. Легкое недомоганіе у дѣтей не считалось за болѣзнь. Необыкновенно терпѣливыя и выносливыя, онѣ перемогались до послѣдней возможности.

Отсутствіе дѣвочекъ въ виду недавняго случая кори испугало Вѣру Павловну. Она вызывала матерей, ходила справляться сама.

Мать одной изъ ученицъ даже расплакалась въ отвѣтъ на настойчивые разспросы, чѣмъ больна ея дочь.

— Помилуйте, Вѣра Павловна, у дѣвочки голова болитъ, горло чуть-чуть захватило, а вы меня безъ ножа рѣзать собрались. Вѣдь, если про корь слухи пойдутъ, у меня всѣ наготовленные къ вербамъ цвѣты пожгутъ, а я на одинъ матеріалъ больше 40 рублей затретила...

Женщина приготовляла къ Рождеству и къ Пасхѣ бумажные цвѣты. Вѣра Павловна знала какимъ подспорьемъ является для нея этотъ заработокъ и понимала, что потеря сорока рублей грозитъ разореніемъ для цвѣточницы, бравшей деньги на матеріалъ обыкновенно въ долгъ.

Вообще болѣзни, а заразныя въ особенности были страшнымъ бѣдствіемъ для рабочаго люда.

Дворникъ Часовниковъ, громадный широкоплечій мужикъ, чуть не повалился въ ноги Вѣрѣ Павловнѣ, когда она сказала, что попросить школьнаго врача навѣстить его заболѣвшую дочку.

— Ослобоните! Ради Самого Христа ослобоните,—взмолился онъ.— Въ больницу вѣдь все равно дѣвченку не примутъ, тамъ ужъ давно всѣмъ отказываютъ, потому что мѣстовъ нѣтъ, а дома держать тоже не позволяютъ, когда огласка выйдетъ. Только всего и будетъ, что съ мѣста сгонять. Помилосердуйте, барышня!

Почти на всѣхъ, съ кѣмъ приходилось разговаривать Вѣрѣ Павловнѣ, слово «больница» наводило ужась.

Жена приказчика въ бумажномъ магазинѣ сама пришла заявить, что у ея дѣвочки корь.

Вѣра Павловна знала, что въ этой семьѣ много дѣтей.

— Если больную оставить дома, всѣ перехвораютъ,—предупредила она.

— Пусть ужъ лучше хвораютъ, а въ больницу ни за что не отдавъ. У меня тамъ мальчика въ прошломъ году уморили,—отвѣтила мать достаточная и не глупая женщина, бывшая ученица профессиональной школы.

— Уморили?—переспросила Вѣра Павловна.

— Да, именно уморили,—подтвердила женщина.—Мальчику четыре года было; хорошенькимъ, здоровенькимъ, да веселенькимъ такимъ росъ. Гдѣ-то корь захватила. Пригласила я думскаго доктора и тотъ велѣлъ мнѣ немедленно ребенка въ больницу отправить. Квартира у насъ при магазинѣ и кромѣ того, что всѣ дѣти перехворали бы, можно было и покупателямъ заразу передать. Поплакали мы съ мужемъ, по-

горевали и ребенка въ больницу свезли, потому что сами видѣли, что иначе нельзя. Болѣзнь у него самая легкая оказалась и его уже черезъ четыре недѣли къ выпискѣ готовили. Только пріѣзжаю это я за нимъ въ назначенный день, а мнѣ и говорятъ: у вашего мальчика скарлатина объявилась.

Голосъ женщины дрогнулъ, но она справилась съ волненіемъ и продолжала:

— Чуть я ума тогда не лишилась. Отъ скарлатины мальчикъ тоже поправился, только худенькій да слабенькій сдѣлался, на ножкахъ послѣ этой второй болѣзни совсѣмъ не стоялъ... Лучше ему стало. Я дня два пропустила, не ѣздила: больница далеко, сама я простудилась и лежала. Мужу тоже никакъ нельзя было магазинъ бросить. Поправилась я, пріѣзжаю... Умеръ, говорятъ, мальчикъ вашъ... Онъ у нихъ тамъ еще дифтеритомъ послѣ всего заразился...

Женщина замолчала, молчала и Вѣра Павловна. Всякія слова утѣшенія въ данномъ случаѣ были бесполезны, и у нея вдругъ пропала всякая охота давать совѣты относительно помѣщенія дѣтей въ больницу.

Какъ разъ во время переполоха, вызваннаго болѣзью, Шурка еще больше сдружилась съ Настюшкой. Обѣ дѣвочки были почти неразлучны въ свободное отъ уроковъ время, а нерѣдко случалось, что и во время урока открывалась дверь въ классъ и въ щель просовывалась лохматая головенка съ глазами, пытливо выглядывавшими исчезнущаго друга. Обыкновенно подоспѣвавшая Татьяна быстро подхватывала дочку, но и черезъ закрытыя двери еще долго доносился въ классъ требовательный настойчивый крикъ ребенка, звавшаго Настю.

Дѣвочки смѣялись. Улыбалась и Настя и въ улыbkѣ ея сквозило маленькое тщеславіе, вслѣдствіе пріятнаго сознанія, что Шурка любить ее больше, чѣмъ всѣхъ другихъ дѣвочекъ.

Однажды оба друга показались подозрительными Вѣрѣ Павловнѣ.

Вмѣсто нѣжныхъ отношеній и тихихъ разговоровъ они поминутно ссорились. Настюшка была какая-то вялая и то и дѣло отталкивала льнувшую къ ней даже болѣе обыкновеннаго Шурку.

Кончилось все это тѣмъ, что Шурка пребольно укусила за плечо своего друга. На крикъ прибѣжали Вѣра Павловна и Татьяна. Татьяна, не долго думая, здѣсь же отхлопала дочку.

Настюшка неистово ревѣла. Вѣра Павловна велѣла ей показать укушенное плечо.

— Да у тебя сыпь! — испуганно проговорила она, когда дѣвочка спустила рукавъ.

Послали за Дарьей Ивовоной.

Ждать пришлось довольно долго. Дарья Ивановна еще путешествовала по школамъ.

Настюшка, печально опустивъ голову, покорно ожидала рѣшенія своей судьбы. Дѣвочка сидѣла на диванѣ въ пріемной, куда Вѣра Павловна помѣстила ее, чтобы отдѣлать отъ другихъ дѣтей.

На душѣ у Настюшки было довольно скверно. Особеннаго нездоровья она не чувствовала, но мысль очутиться дома казалась ей въ высшей степени непривлекательной.

Ея мать, лишившись работы на фабрикѣ, не имѣла постоянного заработка и перебивалась случайной работой: нанималась мыть полы и стирать бѣлье. Мальчика ей удалось пристроить въ ясли, но и за него приходилось платить въ день десять копѣекъ. Мать кормилась у тѣхъ, кто бралъ ее работать, а дѣвочка завтракала супомъ и старалась оставаться въ школѣ какъ можно дольше, чтобы захватить обѣдъ у Вѣры Павловны и Татьяны. Шурка служила благовиднымъ предлогомъ для такихъ задержекъ. Обыкновенно передъ самымъ уходомъ Настюшка выдумывала какую-нибудь интересную забаву и оставалась одна послѣ ухода дѣвочекъ, наслаждаясь просторомъ и свѣтомъ въ опустѣвшей школѣ.

«Вотъ придетъ докторша и навѣрное домой отправить. А дома то грязь, духота и не только обѣда, а и супа теперь долго къ завтраку въ глаза не увидишь»...—проносилось въ головѣ дѣвочки.

Пришла Дарья Ивановна и дѣйствительно велѣла Настюшкѣ отправляться домой. Показала ей Вѣра Павловна и Шурку.

— Что-то плохо смотреть она сегодня,—сказала Татьяна и Вѣра Павловна, взглянувши на нее въ эту минутку, замѣтила въ ея глазахъ опасливое выраженіе собаки, которая ждетъ и боится удара. Вѣра Павловна перевела глаза на ребенка и испугалась. Вѣки Шурки покраснѣли, распухли и совсѣмъ закрыли глаза.

— Сними съ нея платье!—приказала матери докторша.

Испугалась ли Шурка чужого голоса или ее вдругъ охватилъ безсознательный ужасъ передъ чѣмъ-то непонятнымъ, невыносимо страшнымъ, но она забилась и затрепетала на рукахъ матери, какъ подстрѣленная птица.

— У-у-у!—кричала она, отмахиваясь руками и, вытянувъ впередъ шею, старалась раскрыть запухшія вѣки. Но это ей не удалось, она ничего не видѣла и ужасъ охватывалъ ее все сильнѣе и сильнѣе...

— У-у!—не переставая разносилось по школѣ.

Сыпи на тѣлѣ не оказалось, но она могла выступить каждую минуту.

Дарья Ивановна написала на своей карточкѣ нѣсколько словъ.

— Въ больницѣ рядомъ съ вами открытъ баракъ для коревыхъ. Пошлите туда вашу прислугу съ ребенкомъ. По этой карточкѣ ее должны немедленно принять.

— У-у! — кричала надрываясь Шурка, которую Татьяна уносила въ кухню.

— Вотъ вамъ и неудобство брать прислугу съ дѣтьми, — укоризненно замѣтила Вѣрѣ Павловнѣ докторша.—Завтра какъ разъ праздникъ, занятій не будетъ, такъ я къ вамъ дезинфекторовъ припшлю.

— Это почти бесполезно: корь перебрала теперь всѣхъ, у кого ее еще не было,—отвѣтила Вѣра Павловна.

Между тѣмъ Татьяна собирала затихшую Шурку. Она одѣлась и сама, а дѣвочку накутала всѣмъ теплымъ, что только нашлось у нея.

Лицо у Татьяны за эти нѣсколько часовъ осунулось, стало какое то желтое, глаза ввалились.

— До свиданія, барышня,—тихо проговорила она, низко поклонилась Вѣрѣ Павловнѣ и, взявъ закутаннаго ребенка на руки, набросила на него еще сверху байковый платокъ.

— У-у!—опять закричала Шурка.

И долго этотъ испуганный, душу раздражающій крикъ больно отдавался въ душѣ Вѣры Павловны каждый разъ, какъ ей приходилось вспоминать о Шуркѣ.

Татьяна осталась въ больницѣ вмѣстѣ съ дочкой и Вѣрѣ Павловнѣ, не хотѣвшей брать на время новую прислугу, пришлось управляться одной. Дѣвочки наперерывъ предлагали ей свои услуги и, еслибы не тревожныя мысли о хворавшей Шуркѣ, которую всѣ очень любили, онѣ готовы были радоваться этой непривычной вознѣ. Мести полъ и вытирать пыль всегда было много охотницъ, а топить плиту и варить супъ для казенныхъ дѣвочекъ и того больше. Всѣ эти неожиданныя хозяйственныя хлопоты нисколько не мѣшали ученью: никогда дѣвочки не учились еще такъ охотно, какъ теперь, когда вмѣсто пѣнія, игры и возни онѣ въ перемѣны съ озабоченными лицами суетились по школѣ, съ наслажденіемъ отдаваясь врожденной женской потребности устранивать и хлопотать въ любимомъ углу.

— Дома, какъ тамъ ни прибирай, все грязно,—говорила одна изъ маленькихъ, съ увлеченіемъ вытирая полотенцемъ классный столъ.—А здѣсь только чистой тряпкой проведешь и все заблеститъ.

— Вѣра Павловна, позвольте у васъ въ пріемной прибрать?—просили часто дѣвочки.

— Нѣтъ, спасибо, ужъ я сама,—обыкновенно отказывалась въ первую минуту Вѣра Павловна, но въ концѣ концовъ она все-таки уступала настойчивымъ просьбамъ.

И нужно было видѣть, какъ хлопотали дѣвочки. Съ какой заботливостью убирали онѣ письменный столъ учительницы, старались поставить стулья, какъ она любила...

Послѣ дезинфекціи новыхъ заболѣваній не было. Всѣ перехворали до дезинфекторовъ.

Черезъ пять дней послѣ того какъ Шурку отправили въ больницу, Вѣра Павловна узнала, что дѣвочка умерла, а еще черезъ недѣлю въ школьной кухнѣ опять водворилась Татьяна, сильно осунувшаяся и худѣвшая въ лицѣ.

Н. Манасейна.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АЛХИМІЯ И АЛХИМИКИ.

(Страничка изъ исторіи науки).

Привать - доцента кievскаго университета Н. Н. Володневича.

Πάντα χωρεῖ *).

(Гераклитъ).

Всякому образованному человѣку знакомо слово алхимія, но далеко не у всякаго связывается съ нимъ вѣрное представленіе. Всѣмъ извѣстно, что алхимія—это наука о превращеніи неблагородныхъ металловъ, напр., свинца, въ благородные, т. е. въ серебро и золото; всѣ знаютъ, что алхимики, на ряду съ этой цѣлью, добивались также полученія жизненнаго элексира, служащаго для продленія жизни. Когда наука о природѣ выступила на настоящій путь,—путь опытнаго изслѣдованія,—естественно было, что, въ виду поразительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ ею, стали относиться съ пренебреженіемъ къ алхиміи и алхимикамъ; наука эта была объявлена ложною, а ея адепты—обманщиками. Въ особенности такой взглядъ получилъ распространеніе въ публикѣ, среди неспеціалистовъ. Алхимію стали сравнивать съ астрологіей; можно часто встрѣтить ту мысль, что алхимія стоитъ въ такомъ же отношеніи къ химіи, какъ астрологія къ астрономіи. Наибольшей заслугой, которую рѣшались признать за алхиміей,—было случайное, попутное открытіе алхимиками нѣкоторыхъ веществъ, имѣющихъ большое значеніе въ химіи, и нѣкоторыхъ химическихъ фактовъ.

Внимательное изученіе вопроса показываетъ, однако, что такое ходячее мнѣніе объ алхиміи далеко невѣрно. Алхимія—не сознательный обманъ, не магическое искусство; алхимики—не обманщики, а настоящіе ученые, терпѣливо и упорно изучавшіе природу. Конечно, и въ ихъ средѣ встрѣчались низкіе шарлатаны, сдѣлавшіе изъ науки средство для обираянія легковѣрныхъ людей; но они появились въ то время, когда алхимія, какъ наука, уже сослужила свою службу и замѣнилась новыми направленіями. Большинство же алхимиковъ усердно занима-

*) «Все течетъ», т. е. жизнь есть непрерывное движеніе.

лись своимъ дѣломъ, одушевленные только идеей, только жаждой знанія. Всю жизнь они проводили окруженные таинственными въ глазахъ профановъ приборами, манускриптами; они отдавали излюбленному дѣлу всю свою душу, и не искали себѣ никакой награды, ни богатства, ни славы. Таковы великіе для своего времени ученые—Роджеръ Бэконъ, Василій Валентинъ, Раймондъ Люлли, Бернгардъ Тревисскій, Альбертъ Великій и другіе алхимики, о которыхъ читатель найдетъ свѣдѣнія ниже.

Неужели же трудъ этихъ фанатиковъ былъ безплоденъ? Какъ могла зародиться въ ихъ умахъ такая химерическая идея, какъ превращеніе въ золото другихъ малоцѣнныхъ металловъ? Какъ объяснить ихъ упорство въ преслѣдованіи этой обманчивой цѣли, въ невозможности достиженія которой ихъ убѣждалъ постоянный опытъ? Какое значеніе имѣютъ ихъ труды для современной науки? Вотъ вопросы, на которые посильный отвѣтъ предлагается въ настоящемъ очеркѣ.

Вопросъ о происхожденіи алхимистическихъ взглядовъ имѣетъ двѣ стороны. Во-первыхъ, необходимо опредѣлить, подъ совокупнымъ вліяніемъ какихъ условій могли возникнуть теоріи, руководившія алхимиками въ ихъ занятіяхъ, и во-вторыхъ—установить тѣ факты, которые служили опорой теоріи и объяснялись ею. Для рѣшенія перваго вопроса необходимо заглянуть въ глубокую древность.

Египеть—древнѣйшая культурная страна. Его культура такъ стара, что о ея началѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ, никакихъ воспоминаній. На зарѣ исторіи мы видимъ Египеть съ установившимся правленіемъ, обычаями, религіей, письменностью; самъ древній Египеть помнить себя только такимъ, и своей цивилизаціи, своему устройству приписываетъ божеское начало. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что Египеть дебютируетъ на аренѣ исторіи такими сооружениями, какъ пирамиды Хеопса, Менефа, воздвигнутыми за 3.000 лѣтъ до Р. Х.? Такими научными трактатами, какъ сочиненіе Амоса (за 2.000 л. до Р. Х.), въ которомъ рѣшаются уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ, опредѣляются площади геометрическихъ фигуръ, вычисляется величина π ? Такими практическими свѣдѣніями, какъ бальзамировка мумій, приготовленіе различныхъ красокъ, добываніе металловъ, полученіе стекла и т. п.? Египеть не зналъ молодости: онъ самъ себя помнить только старцемъ, опытнымъ, мудрымъ и многознающимъ. И какъ старецъ, онъ почти не зналъ прогресса; всѣ его вѣрованія, наука, искусство—все сохраняло не тотъ же объемъ, но тотъ же духъ, то же направленіе, что и въ глубочайшей древности. Его пирамиды возвышались уже 2.000 лѣтъ на границѣ пустыни, когда греки только начинали полагать основанія своей гражданственности; онъ считали себѣ уже 2500 лѣтъ, когда свойственная грекамъ любовь къ спекулятивному мышленію нашла себѣ выраженіе въ ученіи перваго греческаго философа Фалеса милетскаго. Въ VII в. до Р. Х. Псамметихъ I открылъ иностранцамъ доступъ въ Египеть; тогда-то начались путешествія лю-

бознательныхъ грековъ въ Египетъ и ознакомленіе ихъ съ этой загадочной страной. Все, что они видѣли здѣсь, не могло не поражать ихъ воображенія: пирамиды, хранившія муміи фараоновъ, колоссальныя статуи, звучавшія при восходѣ солнца, аллеи сфинксовъ, іероглифы, столь древніе, что ихъ смыслъ былъ затерянъ даже жрецами; могущественная власть жрецовъ, предъ волею которыхъ склонялись даже цари, направлявшіе арміи рабочихъ для постройки пирамидъ; глубокія познанія жрецовъ въ наукахъ,—въ астрономіи, математикѣ, медицинѣ; религія, выражавшаяся въ рядѣ величественныхъ, полныхъ тайнаго смысла символовъ—для посвященныхъ, и грубое суевѣріе массы; искусство, измѣрившее всѣ части человѣческаго тѣла, точно опредѣлившее ихъ соотношенія и неизблемыми законами стѣснившее свободу творчества. Сама природа не менѣе загадочна, не менѣе величественна: Нилъ, съ неизбежностью рока, въ извѣстные мѣсяцы переполнявшійся невѣдомо откуда берущейся водой и затѣмъ постепенно входившій въ берега; яркая звѣзда, правильно появлявшаяся на горизонтѣ передъ каждымъ разливомъ и возвѣщавшая тѣмъ его приближеніе; климатъ, не знавшій ни засухи, ни дождя, никакихъ рѣзкихъ переměвъ; природа тамъ вылилась въ такія же неизмѣнныя формы, какъ и духовная жизнь народа.

Въ этой-то загадочной странѣ, странѣ глубокаго и тайнаго знанія, впервые начала развиваться алхимія. На Египетъ, какъ на родину алхиміи, указываютъ и всѣ преданія, и всѣ данныя, добытыя въ наше время изученіемъ памятниковъ. Но не одинъ Египетъ, не одна тайная мудрость египетскихъ жрецовъ положили начало алхиміи; эта наука—дѣтище совокупной мысли многихъ народовъ древности: египтянъ, персовъ, евреевъ и грековъ. Какія же историческія событія поставили лицомъ другъ къ другу, въ одной странѣ, въ Египтѣ, философскія воззрѣнія этихъ различныхъ народовъ? Походы Александра Македонскаго по своимъ послѣдствіямъ имѣютъ не меньшее значеніе для исторіи человѣческой мысли, чѣмъ и для политической исторіи. Этотъ воспитанникъ Аристотеля, величайшаго и разностороннѣйшаго ума древности, былъ не чуждъ любви къ наукамъ; распространивъ свою власть надъ всѣми культурными народами древности, онъ тѣмъ самымъ способствовалъ и распространенію греческой цивилизаціи; вслѣдствіе его завоеваній, облегчился обмѣнъ идей между спекулятивнымъ грекомъ, склоннымъ къ символизму, и глубокимъ египтяниномъ, вдохновеннымъ іудеемъ, мистическимъ персомъ. Отъ народовъ, различавшихся и направлениемъ ума, и характеромъ, и традиціями, и религіей—воспринималъ пылливый умъ грека новыя идеи и перерабатывалъ ихъ во всеобъемлющія спекуляціи. Новая столица, Александрія, сдѣлалась центромъ новаго умственнаго движенія, и знаменательно было то, что новый періодъ культуры начался все въ томъ же старомъ Египтѣ. Государство Александра распалось послѣ его смерти, но умственный центръ

остался въ томъ же городѣ, и новое, еще сильнѣйшее значеніе было ему придано преемниками Александра, именно Птолемеємъ Лагидомъ, основавшимъ здѣсь знаменитый Александрійскій музей за 250 л. до Р. Х. Трудно оцѣнить вполне все значеніе, которое имѣлъ этотъ музей для умственнаго развитія европейскихъ народовъ. Никогда впослѣдствіи ни одинъ городъ, ни одинъ народъ не имѣлъ подобнаго учрежденія; здѣсь одно время было до 14.000 ученыхъ, занимавшихся всѣми извѣстными тогда науками. Здѣсь было собрано до 700.000 рукописей; такимъ образомъ, здѣсь были воплощены результаты умственной дѣятельности всего человѣчества, достигнутые имъ къ тому времени.

Вотъ здѣсь-то и родилась алхимія.

До насъ дошли многіе греческіе манускрипты, посвященные алхиміи; это древнѣйшіе манускрипты; они составлены, какъ показываетъ ихъ критическое изученіе, въ періодъ времени отъ II до IV в. послѣ Р. Х. Эти рукописи служатъ главнѣйшимъ основаніемъ нашихъ выводовъ о происхожденіи и первоначальномъ развитіи алхиміи. Мы безпрестанно находимъ въ нихъ слѣды египетскихъ вліяній. Вотъ, напр., списокъ мѣстъ, гдѣ занимаются алхиміей: «Узнай, о другъ, мѣста гдѣ совершаютъ божественное дѣло; это Египеть, Александрія, Фракія, Кипръ и храмъ Мемфиса». Или вотъ списокъ алхимиковъ: «имена философовъ науки и божественнаго искусства: Моисей, Демокритъ, Синезій, Паузерій, Пибихій, Ксенофонтъ, Африканъ, Лука, Діогенъ, Гиппась, Стефанъ, Химесь, Христіаникъ, Марія, Петазій, Гермесь, Θεοσεβίη, Агатодемонъ, Теофилъ, Исидоръ, Фалесь, Гераклитъ, Зосима, Филаретъ, Юліана, Сергій». Въ другомъ спискѣ, кромѣ многихъ изъ этихъ именъ, встрѣчаемъ имена Діоскора, жреца въ храмѣ Сераписа въ Александріи, Останеса мидійца, Комарія египтянина; «это адепты вездѣ знаменитые и почтенные, продолжатели Платона и Аристотеля»,—сказано въ манускриптѣ. Многія изъ этихъ именъ египетскія, напр. Пибихій, Паузерій, Гиппась, Химесь, Петазій, или эллинизированные египетскія, напр., Исидоръ (дары Изиды), Гермесь; при другихъ именахъ прибавлены указанія на египетское происхожденіе (Комарій, Діоскоръ) алхимика. Многіе знаки, употребляющіеся въ алхимическихъ трактатахъ для обозначенія различныхъ веществъ, тождественны съ ихъ іероглифами; такъ, іероглифъ, означавшій воду—нѣсколько волнистыхъ линий—тождественъ съ ея алхимическимъ знакомъ; также одинаковы алхимическій знакъ и іероглифъ солнца и др. Есть одинъ трактатъ, написанный въ видѣ обращенія Изиды къ ея сыну Гору; вообще, имена египетскихъ божествъ очень часто встрѣчаются въ алхимическихъ сочиненіяхъ. Числу 4, игравшему большую роль въ религіозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ египтянъ, придается большое значеніе и въ первыхъ алхимическихъ трактатахъ. Ихъ символизмъ имѣетъ много общаго съ символизмомъ египетской религіи. Тайна, которую дѣлали изъ своей науки адепты,—прямое продолженіе той таинствен-

ности, въ которую облекали свое ученіе египетскіе жрецы. Особенно важно, что преданія настойчиво приписываютъ изобрѣтеніе великаго дѣла или алхиміи Гермесу Трисмегисту, т. е. трижды великому,—эллинизированному богу Тоту древняго Египта. Этотъ богъ считался основателемъ всѣхъ вообще наукъ и искусствъ; Ямвлихъ приписываетъ ему составленіе 20.000 книгъ различнаго содержанія, а жрецъ Манефонъ—даже 36.525. Позднѣе, Климентъ Александрійскій, описывая египетскія мистеріи въ александрійскій періодъ, сообщаетъ о существованіи 42 книгъ Гермеса; 36 первыхъ заключали все необходимое для жреческой науки—всю египетскую философію и весь жреческій ритуалъ, а въ 6 послѣднихъ содержались свѣдѣнія по медицинѣ и естественнымъ наукамъ. Соотвѣтственно преданіямъ о происхожденіи алхиміи изъ Египта и самое слово «химія» производили отъ древняго названія Египта—Кеми, или черная земля.

Не менѣе ясныя указанія сохранились и относительно халдейскихъ и вавилонскихъ вліяній. Одинъ изъ часто упоминаемыхъ алхимиковъ—индеецъ Останесъ; онъ считался учителемъ апокрифическаго Демокрита, сочиненія котораго очень цѣнились первыми алхимиками. Халдеи въ древности считались особенными знатоками магическаго искусства; самое слово магія происходитъ отъ названія халдейскихъ жрецовъ, или маговъ. Халдеямъ принадлежитъ взглядъ, что металлы образуются въ вѣдрахъ земли подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ планетъ: подъ вліяніемъ солнца образуется золото, подъ вліяніемъ луны—серебро, и т. д.; всего семь планетъ и семь металловъ. Эта предполагаемая связь планетъ и металловъ очень интересовала алхимиковъ; отсюда идетъ обозначеніе металловъ знаками соотвѣтствующихъ планетъ, принятое уже у первыхъ алхимиковъ, и вообще идея химическихъ символовъ или знаковъ. Мистицизмъ халдейскихъ ученыхъ оставилъ большіе слѣды въ сочиненіяхъ первыхъ алхимиковъ.

Обращаясь къ евреямъ, мы находимъ слѣды и ихъ вліяній. Въ древнихъ манускриптахъ встрѣчаются имена Авраама, Исаака и Иакова; Моисей считался однимъ изъ наиболѣе успѣвшихъ алхимиковъ; въ одной древней рукописи есть рецептъ «диплозиса», приписываемый Моисею (операція диплозиса имѣла цѣлью увеличеніе вѣса взятаго золота, что достигалось сплавленіемъ золота съ мѣдью или другимъ подходящимъ металломъ). Въ числѣ авторовъ встрѣчается Марія-еврейка; французское названіе водяной выпарительной бани, bain marie, происходитъ отъ имени этой женщины-алхимика, которой приписываютъ изобрѣтеніе названнаго прибора, и теперь употребляющагося въ химической практикѣ.

Символизмъ алхимическихъ трактатовъ въ значительной мѣрѣ долженъ быть приписанъ вліянію гностиковъ; первые алхимики, о которыхъ сохранились историческія свѣдѣнія, были гностики. Благодаря именно имъ, въ первыхъ алхимическихъ сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ обрывки христіанскихъ ученій; часто упоминаются имена лицъ св. Троицы, апо-

*

столовъ; Іоаннъ Богословъ считался выдающимся алхимиковъ. Одинъ изъ наичаще встрѣчающихся алхимическихъ символовъ—змѣя, кусающая свой хвостъ. Это изображеніе обоготворялось одной гностической сектой. Взглядъ на необходимость участія мужского и женскаго начала въ совершеніи «дѣла» (т. е. превращенія металловъ) алхимики заимствовали у гностиковъ.

Наконецъ, что касается греческихъ вліяній, то они настолько сильны, что отдѣльно здѣсь я не буду останавливаться на этомъ вопросѣ; вся философія алхимиковъ основана, какъ увидимъ дальше, на ученіяхъ греческихъ философовъ іонійской школы.

Приведенныя данныя (число которыхъ можно было бы значительно увеличить) позволяютъ опредѣлить мѣсто и время возникновенія первоначальныхъ алхимическихъ взглядовъ, т. е. начало алхиміи. За начало алхиміи, какъ науки, мы должны принять тотъ періодъ, въ который были составлены первыя сочиненія, трактующія объ алхимическихъ вопросахъ; появленіе подобныхъ сочиненій знаменуетъ собою первую попытку сведенія вмѣстѣ до того времени разрозненныхъ фактовъ и взглядовъ, сведенія, указывающаго на то, что уже признана и поставлена опредѣленная цѣль, къ достиженію которой будутъ затѣмъ стремиться адепты новой науки.

Когда же появились эти трактаты? Слѣды гностическихъ идей указываютъ, что это было не раньше II—III вѣка нашей эры; мѣсто же ихъ составленія—Египетъ, именно Александрія и другіе города, имѣвшіе греческія школы, напр., Оивы, Мемфисъ, Гелиополисъ. Изъ вышеизложеннаго можно уже видѣть, какую удобную почву для разработки новой науки представлялъ Египетъ александрійскаго періода, съ его традиціями, древней наукой, съ его учеными центрами, гдѣ сталкивались идеи всего древняго культурнаго человѣчества; изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что Египетъ же далъ фактическія основанія для новой науки, а греческая философія снабдила ихъ теоретическими объясненіями. Прежде всего мы и рассмотримъ тотъ фактическій матеріалъ, который могъ послужить для алхимиковъ исходной точкой въ производствѣ ихъ опытовъ. Для этого намъ необходимо ознакомиться съ состояніемъ химическихъ знаній у древнихъ египтянъ.

Наибольшимъ количествомъ химическихъ свѣдѣній обладали въ глубокой древности именно египтяне. Выше упомянуто о преданіяхъ, указывающихъ на существованіе герметическихъ книгъ, заключавшихъ свѣдѣнія по естествознанію и медицинскимъ наукамъ; но и помимо преданій у насъ есть факты, въ видѣ письменныхъ и вещественныхъ свѣдѣтельствъ, дошедшихъ до насъ отъ древняго Египта.

Неизвѣстно, когда возникло искусство полученія металловъ изъ ихъ рудъ; во всякомъ случаѣ, наиболее легко добываемые металлы и получены были раньше другихъ. Прежде всего—золото, затѣмъ серебро, встрѣчающіяся почти исключительно въ самородномъ состояніи; даль

ше—мѣдь и ея сплавы съ цинкомъ и оловомъ, т. е. латунь и бронза; эти послѣднія получались вслѣдствіи примѣси свинцовыхъ и цинковыхъ рудъ къ мѣдной рудѣ. Желѣзо, выплавка котораго болѣе затруднительна, было получено гораздо позже. Древнимъ египтянамъ были извѣстны слѣдующіе металлы и минералы, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ изображенія и надписи на архитектурныхъ памятникахъ: 1) нубъ—золото, 2) аземъ или электрумъ—сплавъ золота съ серебромъ. 3) хать—серебро, 4) хестебъ—синій минералъ, 5) мафекъ—зеленый минералъ, 6) хомтъ—бронза или мѣдь, 7) менъ—желѣзо, 8) тать—свинецъ. Впослѣдствіи къ этимъ металламъ присоединилась ртуть, неизвѣстная въ древнемъ Египтѣ. Въ приведенномъ спискѣ прежде всего обращаетъ вниманіе то, что египтяне не различали металловъ отъ ихъ сплавовъ; аземъ, т. е. сплавъ серебра и золота, стоитъ на ряду съ металлами—нубъ, хать, тать; и мѣдь, и ея сплавъ съ оловомъ обозначаются однимъ названіемъ—хомтъ. Это смѣшеніе не удивительно, такъ какъ египтяне не умѣли получать металловъ въ чистомъ состояніи, особенно мѣди, къ рудамъ которой часто примѣшиваются въ природѣ руды цинка и олова. Во-вторыхъ, изъ того же списка видно, что египтяне не дѣлали различія между металлами и минералами, сопоставляя ихъ вмѣстѣ; наконецъ, они не различали и отдѣльныхъ минераловъ; слово «мафекъ» означало всякій зеленый минералъ,—и изумрудъ, и малахитъ, и мѣдную зелень; слово хестебъ—всякій синій минералъ—и ляписъ-лазури, и сапфиръ. Сближеніе металловъ и драгоценныхъ камней, вродѣ сапфира, изумруда, могло произойти вслѣдствіе общности нѣкоторыхъ свойствъ, напр., блеска, неизмѣняемости на воздухѣ, окраска, твердости. Мы не должны удивляться этому сближенію; пока не выработаны рациональныя основанія классификаціи, люди часто относятъ въ одну группу предметы, имѣющіе весьма мало общаго между собою; вспомнимъ, какое множество предметовъ сбнижается въ общежитіи подъ терминомъ «земля» или «камень», вслѣдствіе чего крайне трудно и даже невозможно дать точное опредѣленіе подобному понятію. На ряду съ металлами и минералами египтяне ставили также и искусственные драгоценныя камни; они умѣли готовить стекло и сообщать ему, прибавленіемъ различныхъ веществъ, окраску, вслѣдствіе чего получалась имитация драгоценныхъ камней.

Теперь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе и коснуться современныхъ взглядовъ на вещество, съ тою цѣлью, чтобы въ свѣтѣ существующихъ теорій яснѣе представилось намъ коренное заблужденіе алхимиковъ.

Весь окружающій насъ видимый міръ представляетъ различныя виды вещества. Подъ этимъ терминомъ, не опредѣляя его ближе, мы понимаемъ все то, что имѣетъ вѣсъ; такимъ образомъ понятіе «вещество» очень широко. Минералъ, растеніе, животное—различныя виды вещества; какъ ни разнообразны по свойствамъ тѣ предметы и ихъ

части, которые относятся къ каждому изъ этихъ трехъ классовъ, — безконечно много предметовъ, которые не могутъ быть отнесены къ одному изъ нихъ. Такимъ образомъ, виды вещества безконечно разнообразны. Одинъ изъ наиболѣе широкихъ выводовъ, которые открываются при наблюденіи видовъ вещества — это ихъ способность видоизмѣненія, превращенія. Минералъ, напр., гранитъ, вывѣтривается и превращается въ песокъ и глину; изъ этого матеріала и ругихъ образуется почва; растеніе развивается и вырастаетъ, перерабатывая въ себя вещества почвы и воздуха; животныя усваиваютъ вещества растенія. Наша промышленность основывается на превращеніи однихъ видовъ вещества въ другіе; растеніе превращаетъ вещества почвы въ хлѣбныя зерна; ихъ крахмалъ превращается въ спиртъ, спиртъ — въ уксусъ, уксусъ съ мѣдью образуетъ краску. Первобытныя растенія образовали въ земныхъ вѣдрахъ толщи каменнаго угля; при сухой перегонкѣ каменнаго угля получается свѣтильный газъ, деготь и щелочная жидкость; изъ этой жидкости получаютъ амміачныя соли; свѣтильный газъ освѣщаетъ улицы и, сгорая, превращается въ воду и углекислоту, которая затѣмъ, въ свою очередь, примутъ участіе въ образованіи растительныхъ тканей; изъ каменноугольнаго дегтя, рядомъ превращеній, образуютъ безчисленное множество красокъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, идущихъ на окраску шерстяныхъ и шелковыхъ тканей. До безконечности разнообразно превращеніе вещества; въ рукахъ химика вещество — что мягкій воскъ въ рукахъ скульптора; и если не всѣ возможныя въ теоріи превращенія вещества осуществлены въ настоящее время, то нѣтъ основанія сомнѣваться, что они будутъ произведены впоследствии.

Второй главнѣйшій выводъ, добытый изученіемъ превращенія вещества, состоитъ въ томъ, что при всѣхъ этихъ превращеніяхъ масса вещества остается безъ перемѣны; качество мѣняется, количество — постоянно. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вещество, повидимому, исчезаетъ, напр., при горѣнн топлива, свѣчи, оно только измѣняетъ свой видъ, подвергается превращенію; вещество свѣчи, сгорая, превращается въ углекислоту и воду, масса которыхъ даже больше массы свѣчи, потому что при горѣнн свѣчи къ ея веществу присоединялся еще кислородъ воздуха. Если опредѣлить сумму массъ веществъ, бывшихъ до превращенія, то окажется, что она точно равняется суммѣ массъ веществъ, образовавшихся вслѣдствіе этого превращенія; этотъ законъ не представляетъ ни единого исключенія; такимъ образомъ, нельзя ни вновь создать, ни уничтожить даже малѣйшаго количества вещества, — *вещество не создается и не разрушается.*

Что же остается неизмѣннымъ при всѣхъ этихъ видимыхъ превращеніяхъ вещества? Масса чего остается постоянной, если вещества, получающіяся вслѣдствіе превращенія, представляютъ ту или другую массу, и только *сумма* ихъ массъ остается постоянной? Въ теченіе долгаго періода своего развитія, химія дала отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Громадное большинство веществъ оказалось возможнымъ разложить на болѣе простыя составныя части; въ концѣ такихъ послѣдовательныхъ разложеній были получены вещества, которыхъ не удалось разложить на простѣйшія примѣненіемъ даже наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, находящихся въ распоряженіи науки. Эти-то вещества, или *элементы*, число которыхъ не превышаетъ 70, и изъ которыхъ широко распространены въ природѣ не болѣе 15, эти-то вещества составляютъ матеріалъ, служащій для постройки всего видимаго міра, и они-то оказываются не создаваемыми, неразрушаемыми и качественно неизмѣняемыми. Сами по себѣ или въ соединеніи между собою они образуютъ всѣ окружающія насъ вещества; превращенія, которымъ подвергаются различныя вещества, состоятъ въ образованіи новыхъ комбинацій между собою простыхъ или неразлагаемыхъ веществъ. Такимъ образомъ, искусственно или же въ природѣ совершается разрушеніе или образованіе только *сложныхъ* веществъ, *простыхъ* же вещества только вступаютъ въ соединеніе или выходятъ изъ него, не уменьшаясь и не увеличиваясь въ массѣ и не измѣняясь качественно, не создаваясь и не уничтожаясь.

Этихъ представленій у первыхъ изслѣдователей вещества не было. Поэтому, превращеніе вещества казалось имъ настоящимъ превращеніемъ, кореннымъ измѣненіемъ природы вещества. Съ другой стороны, различіе веществъ, именно сложныхъ, для нихъ не могло состоять въ различіи ихъ составныхъ частей, подобно тому, какъ мы различаемъ изумрудъ, малахитъ или зеленое стекло: существенныя части перваго—алюминій и бериллій, втораго—мѣдь, третьяго—кремній и кальцій и небольшое количество окиси мѣди или хрома, придающій зеленую окраску. Для первыхъ химиковъ различіе веществъ состояло поэтому въ различіи наиболѣе рѣзкихъ физическихъ свойствъ, напримѣръ, тяжести (плотности), блеска, особенно цвѣта; поэтому всѣ одноцвѣтные минералы относились въ одинъ классъ. Они не знали, подобно намъ, что изъ металлической мѣди можно получить зеленый малахитъ, а изъ него обратно то же количество мѣди, но что изумруда изъ мѣди получить нельзя. Сплавы они не представляли себѣ состоящими изъ веществъ, взятыхъ при сплавленіи; образованіе сплава казалось имъ кореннымъ измѣненіемъ, образованіемъ совершенно новаго вещества. Выплавку металла изъ руды они не представляли себѣ какъ выдѣленіе металла, предшествовавшаго въ рудѣ, но понимали этотъ процессъ какъ новообразованіе металла, превращеніе въ него земли или руды. Извѣстны, напримѣръ, свинцовыя руды, не имѣющія, благодаря примѣсямъ, металлическихъ свойствъ; обжиганіемъ изъ нихъ можно выдѣлать свинецъ, металлъ, но неблагородный, и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ сколько было руды; но затѣмъ изъ полученнаго свинца можно выдѣлать и нѣкоторое количество серебра, благороднаго металла, притомъ въ значительно меньшемъ количествѣ сравнительно со свинцомъ. Мы знаемъ,

что въ рудѣ находились и свинець, и серебро; мы знаемъ также, что полученіе свинца основывается на отдѣленіи его отъ землистыхъ частей руды и удаленіи (въ случаѣ свинцоваго блеска) сѣры, соединенной прежде со свинцомъ, въ видѣ сѣрнистаго газа; намъ извѣстно, наконецъ, что при этомъ остается въ свинцѣ и серебро, предсуществовавшее въ рудѣ; но первымъ изслѣдователямъ должно было казаться, что здѣсь происходитъ постепенное облагораживаніе сначала руды (т. е., по ихъ понятіямъ, земли) въ неблагородный металлъ, и затѣмъ этого послѣдняго въ благородный, т. е. они полагали, что здѣсь имѣеть мѣсто коренное измѣненіе природы вещества.

Древнимъ были извѣстны и другіе опыты, которыхъ они не могли, толковать иначе, какъ въ приведенномъ смыслѣ. Напримѣръ, мѣдь растворяясь въ сѣрной кислотѣ, образуетъ вещество синяго цвѣта, такъ называемый мѣдный купоросъ, способный растворяться въ водѣ; если въ такой растворъ, въ которомъ они, конечно, не подозрѣвали присутствія мѣди (такъ какъ превращеніе мѣди въ купоросъ казалось имъ полнымъ уничтоженіемъ мѣди, какъ таковой), если въ такой растворъ опустить желѣзную пластинку, то она покроеся красноватымъ налетомъ выдѣлившейся мѣди; здѣсь произошло вытѣсненіе желѣзомъ мѣди изъ мѣднаго купороса и образованіе, взамѣнъ послѣдняго, желѣзнаго купороса; но первые химики понимали образованіе красноватаго налета, какъ превращеніе желѣза въ мѣдь, неблагороднаго металла въ болѣе благородный. Ртуть образуетъ нѣкоторыя соединенія, напримѣръ, съ хлоромъ, способныя растворяться въ водѣ; если въ такой безцвѣтный растворъ опустить мѣдную пластинку, то выдѣлится ртуть и взамѣнъ ея, вступитъ въ соединеніе съ хлоромъ мѣдь; выдѣлившаяся ртуть образуетъ съ мѣдью амальгаму бѣлаго, серебристаго цвѣта, вслѣдствіе чего мѣдная пластинка принимаетъ бѣлый цвѣтъ; и эта реакція понималась первыми изслѣдователями какъ процессъ облагораживанія мѣди—превращеніе ея въ серебро. Если въ растворъ серебряной соли ввести нѣсколько капель ртути, то выдѣлится серебро въ видѣ красивыхъ, вѣтвистыхъ кристалловъ, такъ называемаго діаминна дерева; не зная, что въ растворѣ предсуществуетъ серебро, можно толковать и этотъ опытъ, какъ превращеніе ртути въ серебро. Если сплавить мѣдь съ цинкомъ, то получится сплавъ болѣе свѣтлаго цвѣта, чѣмъ мѣдь; и этотъ фактъ можно толковать въ смыслѣ кореннаго измѣненія вещества мѣди и приближенія по свойствамъ къ серебру.

Такимъ образомъ, не имѣя понятія о простыхъ и сложныхъ веществахъ, первые химики должны были постоянно ошибаться и принимать за превращенія, за полное, коренное измѣненіе вещества тѣ случаи, гдѣ происходитъ самая простая химическая реакція, и вотъ почему въ ихъ умахъ могла зародиться мысль о возможности взаимнаго превращенія металловъ.

Выше сказано, что древніе не дѣлали различія между металлами, сплавами и минералами; по сходству съ послѣдними, они относили въ эту же группу и искусственные минералы — окрашенные стекла. Небольшое количество солей окиси мѣди окрашиваетъ стекло въ зеленый цвѣтъ, солей закиси мѣди или кассіева пурпура (соединеніе золота) — въ красный цвѣтъ, солей кобальта — въ синій и т. д. Этому измѣненію цвѣта придавалось большое значеніе: оно сильно поражало воображеніе; черезъ окраску пріобрѣталось важнѣйшее, повидимому, свойство драгоценныхъ камней. Возможность искусственнаго полученія природныхъ продуктовъ — минераловъ или драгоценныхъ камней — могла наводить на мысль, что окажется возможнымъ получать искусственно и другіе природные продукты — металлы, тѣмъ болѣе, что египтяне не проводили строгаго различія между металлами и минералами; какъ при полученіи вторыхъ нужно сообщить безцвѣтному стеклу окраску, такъ и при полученіи первыхъ наиболѣе существеннымъ казалось сообщеніе благородному металлу цвѣта и блеска благороднаго. Вообще, не зная существенныхъ, химическихъ признаковъ, виды вещества различимы по признакамъ внѣшнимъ, физическимъ, особенно по цвѣту; поэтому, при полученіи сплавовъ, пріобрѣтеніе сплавомъ болѣе бѣлой окраски, свойственной серебру, или болѣе желтой, свойственной золоту, считалось существеннымъ приближеніемъ къ серебру или золоту; часто встрѣчаются въ манускриптахъ и рецепты приготовленія сплавовъ цвѣта золота или серебра. Вслѣдствіе такого большого значенія, придаваемого окраскѣ, и самая наука первоначально носила названія *λευκοσις*, *ξανθοσις* (отъ *λευκός*, бѣлый, *ξανθός*, желтый), наряду съ *χρυσοποιία* (дѣланіе золота).

Выяснивши нѣкоторые факты, которые послужили опытнымъ основаніемъ для алхимическихъ стремленій, необходимо рассмотреть и теоріи, которыми оправдывалось и объяснялось предположеніе о возможности взаимнаго превращенія металловъ.

Эти теоріи происхожденія греческаго. Что греческая философія имѣла существеннѣйшее вліяніе на взгляды алхимиковъ, видно не только изъ анализа ихъ теорій, но также и изъ прямыхъ указаній самихъ первыхъ алхимиковъ. Многіе трактаты приписываются Демокриту; Зосима Панополитанскій — послѣдователь философіи Платона; Синезій, Олимпіодоръ, Стефанъ — неоплатонники.

Разсмотримъ воззрѣнія греческихъ философовъ на природу вещества.

Впервые *Талесъ* изъ Милета въ Іоніи за 640 лѣтъ до Р. Х. поставилъ вопросъ: откуда произошло все, что насъ окружаетъ? что такое вещество? и отвѣтилъ: вода начало всѣхъ вещей; все состоитъ изъ воды. Въ самомъ дѣлѣ: и животныя, и растенія содержатъ воду; безъ воды ничто живущее не можетъ жить; испаряя воду, мы находимъ землістый остатокъ, значить и земля произошла изъ воды; наконецъ, вода можетъ дѣлаться твердой, какъ камень, и легкой, какъ воздухъ.

По *Анаксимену* (VI в. до Р. Х.) такимъ всеобщимъ началомъ слѣдуетъ считать воздухъ; разрѣженный воздухъ—это огонь; сгущаясь, воздухъ образуетъ облака, воду, землю, камни.

Гераклитъ (около 500 года) этимъ началомъ признавалъ огонь; постепеннымъ его сгущеніемъ образуются всѣ остальные виды веществъ. Отъ огня происходитъ свѣтъ, тепло и самая жизнь; отъ него происходитъ все, и все, сгорая, превращается въ огонь. Все непрерывно измѣняется, но мѣняетъ только форму, а душа, сущность, остается; это огонь.

Эмпедокль (450 г.) принялъ существованіе четырехъ элементовъ: земли, воды, воздуха и огня; эта теорія исчезла всего сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ. Три элемента являются представителями трехъ физическихъ состояній или свойствъ: земля—твердости, вода—влажности, воздухъ—летучести. Четвертый элементъ—огонь—принципъ дѣятельный по преимуществу, а другіе элементы относятся пассивно, инертно. Дѣленіе элементовъ на пассивные и активные тоже сохранялось очень долгое время.

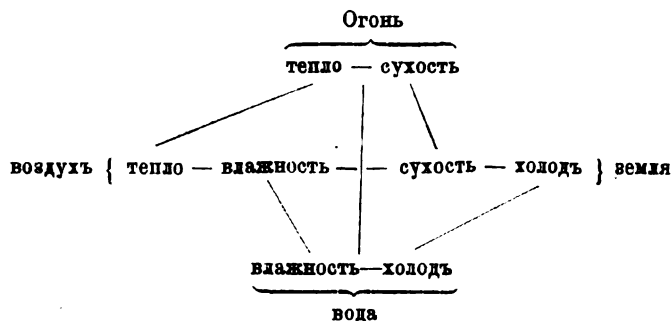
Пифагоръ съ учениками составилъ своеобразную теорію. «Начало всего—число»; числу придается здѣсь очень широкій смыслъ: величины, количества, объема, отношенія. Четвныя числа—несовершенныя, нечетныя—совершенныя; самое совершенное число—десять, потому что оно заключаетъ въ себѣ всѣ единицы и потому также, что оно представляетъ сумму первыхъ четырехъ единицъ. Отъ глубокой мысли о томъ, что числа управляютъ вселенной, что въ числахъ выражаются законы явленій, пифагорейцы переходятъ къ представленію о томъ, что число—единственная реальность; что земля есть кубъ, огонь—тетраэдръ, воздухъ—октаэдръ и т. д. и т. д.

Левкиппъ и *Демокритъ* — творцы атомической теоріи. Демокриту принадлежитъ много свѣтлыхъ взглядовъ, раздѣляемыхъ современной наукой; но атомистическій взглядъ на вещество не привился у первыхъ алхимиковъ.

Платонъ (420 г.) признавалъ существованіе первичной матеріи, которая не есть ни огонь, ни воздухъ, ни вода, ни земля, но которая способна принимать всѣ эти формы. Весь міръ состоитъ изъ этихъ ближайшихъ составныхъ частей: изъ огня образованы боги, изъ воздуха—птицы, изъ воды—рыбы, изъ земли—все живущее на землѣ. Вода, сгущаясь, превращается въ землю и камень, плавясь и раздѣляясь—въ вѣтеръ и воздухъ; зажженный воздухъ образуетъ огонь; огонь, сгущенный и погасшій, дѣлается воздухомъ; воздухъ, сгустившись, даетъ туманъ, а потомъ и воду; изъ воды происходятъ земля и камни. Таковъ круговоротъ всѣхъ четырехъ элементовъ; всѣ они взаимно превращаются другъ въ друга, именно потому, что они составляютъ лишь видоизмѣненія первичной матеріи.

Аристотель развилъ взгляды Платона. Онъ признавалъ реальное

существованіе физическихъ свойствъ, главнѣйшими изъ которыхъ считагь слѣдующія четыре: холодъ, тепло, влажность, сухость. Соединяясь попарно, они образуютъ четыре элемента, какъ ближайшія составныя части всѣхъ веществъ: тепло и сухость образуютъ *огонь*, тепло и влажность—*воздухъ* или *паръ*; холодъ и сухость образуютъ *землю*, холодъ и влажность—*воду*; такимъ образомъ, четыре элемента Аристотеля являются носителями физическихъ свойствъ, а не представляютъ элементы въ современномъ смыслѣ, т. е. вещества, не разлагаемыя на простѣйшія и получаемыя въ изолированномъ состояніи. Тотъ тонкій субстратъ, присоединеніемъ къ которому основныя физическія свойства образуютъ названные четыре элемента, Аристотель называлъ *essentia quinta* (отсюда квинтэссенція). Взаимныя превращенія элементовъ основываются на отнятій одного изъ двухъ физическихъ свойствъ и замѣнѣ его противоположнымъ, каждыя два элемента обладаютъ однимъ общимъ и однимъ противоположнымъ свойствомъ; кромѣ того, двѣ пары элементовъ обладаютъ только противоположными свойствами:

Такимъ образомъ, замѣняя въ воздухѣ влажность сухостью, получаемъ огонь; замѣняя въ огнѣ тепло холодомъ, превращаемъ его въ землю; замѣняя въ землѣ сухость влажностью, получаемъ воду; наконецъ, отъ послѣдней переходимъ къ воздуху, замѣняя холодъ тепломъ.

Таковы теоріи греческихъ философовъ, имѣвшія большое вліяніе на взгляды алхимиковъ. Нужно замѣтить, что многіе изъ этихъ философовъ посѣщали Египетъ и Востокъ (между прочимъ, Демокритъ ставитъ себѣ даже въ особенную заслугу свои путешествія); такимъ образомъ они знакомились съ восточными философскими ученіями. Но важное преимущество древнихъ грековъ—ихъ способность, обобщать систематизировать и доходить до конечнаго логическаго вывода изъ своихъ посылокъ, не останавливаясь на полудорогѣ; поэтому то, что у другихъ народовъ выражалось только намекомъ, символомъ, смутнымъ представленіемъ, у грека облекалось въ живые образы и получало законченную форму въ стройной системѣ. Этимъ объясняется вліяніе древнихъ грековъ на умы современниковъ и всего послѣдующаго человечества.

Прежде всего пытливый умъ грека желаетъ опредѣлить то постоянное, что скрывается за видимымъ разнообразіемъ матеріальнаго міра; и онъ отвѣчаетъ, что міръ состоитъ изъ одного общаго принципа, изъ воды (Фалесъ), воздуха (Анаксименъ), огня (Гераклитъ); всѣ вещества представляютъ видоизмѣненіе одного основного начала. У каждаго изъ трехъ философовъ этотъ принципъ дѣлается все болѣе утонченнымъ—повидимому, легче понималось превращеніе, вслѣдствіе сгущенія, чѣмъ вслѣдствіе разрѣженія. Но самая сущность и причина превращенія все-таки остается непонятной: теорія Эмпедокла старается уяснить это, принимая три элемента, представляющіе три физическихъ состоянія тѣлъ; такимъ образомъ, каждый изъ трехъ элементовъ превращается въ вещества, ему подобныя по физическому состоянію; въ то же время, принятіемъ четвертаго элемента, огня, какъ активнаго принципа, теорія опредѣляетъ и причину превращеній. Въ теоріи Эмпедокла мы видимъ отвлеченіе движущаго принципа отъ инертной матеріи; это отвлеченіе пошло еще дальше у Пиеагора и приняло чисто мистическій характеръ. Эмпедоклъ принимаетъ во вниманіе свойства веществъ (именно, наиболѣе рѣзко бросающееся въ глаза физическое состояніе), и объясняетъ превращенія веществъ сходствомъ свойствъ элемента и образующагося изъ него вещества; у Платона эта мысль развивается еще яснѣе. Онъ вполне отвлекаетъ свойства отъ вещества; такъ какъ виды вещества, лишенаго свойствъ, ничѣмъ не могутъ различаться между собою, то вещество дѣлается единой матеріей, субстратомъ, способнымъ принимать тѣ или другія свойства, какъ нѣчто существующее помимо матеріи. Эти взгляды были еще яснѣе формулированы и надолго закрѣплены Аристотелемъ. Въ его теоріи выразилось окончательное раздѣленіе матеріи и свойствъ, такъ сказать, объективизація свойствъ; матерія—едина; она только носитель свойствъ, притомъ физическихъ; отнимая одни изъ четырехъ главныхъ свойствъ и сообщая другія, получаемъ четыре основные элемента, какъ ближайшія составныя части всѣхъ веществъ; остальные же виды вещества отличаются между собою присутствіемъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, или же полнымъ отсутствіемъ другихъ второстепенныхъ физическихъ свойствъ, какъ, напр., тяжести, блеска, цвѣта и т. п.

Такой именно взглядъ на вещество былъ воспринятъ алхимиками. Основныя положенія—матерія едина; виды вещества отличаются по различію физическихъ свойствъ; эти послѣднія существуютъ помимо матеріи, могутъ быть ей приданы и отъ нея отняты. Вотъ золотая статуя; всякій видитъ, что это Ахиллесъ, но мастеръ перелилъ эту статую въ плевальницу, и та же матерія, что была прежде Ахиллесомъ, теперь стала плевальницей. Подобно тому, какъ можно перемѣнить форму, можно перемѣнить и свойства. Но какъ же придать матеріи новыя свойства? Для этого нужно отнять одни и замѣнить ихъ другими. Вотъ что говоритъ одинъ изъ алхимиковъ: «Наблюдая всѣ ка-

чества золота, мы видимъ, что оно имѣетъ желтый цвѣтъ, большой удѣльный вѣсъ, что оно ковко; и тотъ, кто будетъ знать всѣ формулы и операци, необходимыя для того, чтобы по желанію произвести желтый цвѣтъ, большой удѣльный вѣсъ и ковкость, кто будетъ знать средство вызывать всѣ эти свойства въ желаемой степени, тотъ соединитъ ихъ въ надлежащемъ веществѣ и такимъ образомъ получитъ золото». Превращеніе осуществить тѣмъ легче, чѣмъ меньшее число свойствъ подлежатъ перемѣнѣ; поэтому, по словамъ Альберта Великаго (позднѣйшаго алхимика), изъ серебра легче дѣлать золото, чѣмъ изъ другихъ металловъ, такъ какъ для превращенія нужно перемѣнить въ этомъ случаѣ только цвѣтъ.

Позднѣе выясняется мысль о необходимости отнять сначала всѣ свойства, а затѣмъ уже сообщить желаемыя; такъ высказывается, напр., Арнольдъ Виллакованскій: «истинно говорю тебѣ, что если ты не получишь первичную матерію, то не сумѣешь получить и золото».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. Р. Вишпера.

(Окончаніе *).

XII Поворотъ къ натурализму въ общественныхъ и историческихъ ученіяхъ.

Въ рядѣ разсмотрѣнныхъ социальныхъ и философско-историческихъ теорій отъ Вико и Монтескье до Конта и Гегеля, за время приблизительно полутора столѣтій, можно сначала различить эпоху ученій, какъ бы отражающихъ болѣе спокойныя и устойчивыя общественныя отношенія; поздѣе, приблизительно съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, общественная и историческая мысль испытываетъ сильный подъемъ, словно вступаетъ въ полосу религіознаго увлеченія. Главнымъ продуктомъ этого настроенія была теорія прогресса человѣчества.

Первая характерная черта этой теоріи заключалась въ томъ, что прогрессъ человѣка и человѣческаго общества на землѣ понимался не только какъ соединеніе извѣстной группы фактовъ въ послѣдовательности времени, но какъ безусловный законъ, какъ необходимое, неизбежное движеніе отъ начала культуры до ея современнаго момента.

Въ исторической демонстраціи поэтому старались показать, что прогрессъ былъ непрерывенъ для человѣчества, какъ цѣлаго. Остановка, прекращеніе мѣстныхъ культуръ у отдѣльныхъ народовъ или на большихъ территоріальныхъ полосахъ, разрушеніе націи, класса, здороваго элемента общества, и даже самая крупная гибель, прекращеніе античной культуры, не смущала, или не должна была смущать вѣры историка въ непрерывность и не вліяла на изображеніе общей судьбы человѣчества. Каковы бы ни были остановки, отклоненія,—въ цѣломъ все, казалось, шло на пользу.

Теорія прогресса получила крайне оптимистическую окраску. Она требовала отъ историка вѣры, что въ исторіи нѣтъ невозвратныхъ потерь, что проигрышъ націи, общества, культурной среды и, наконецъ, всей человѣческой породы, проигрышъ въ одномъ направленіи необходимо заполняется и перевѣшивается выигрышемъ въ другомъ, что изъ самаго зла вырабатываются средства противъ него или элементы новаго культурнаго приобрѣтенія. Въ картинѣ общаго прогресса совершенно исчезали

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

скачки, перерывы и пробѣлы. Все прошлое выстраивалось сообразно послѣдней цѣли, торжеству объединеннаго культурнаго человѣчества, по одной линіи, хотя и колеблющейся, слагаемой изъ разныхъ отрѣзковъ, но въ концѣ концовъ образующей одну равнодѣйствующую.

Послѣдній достигнутый моментъ, культурная Европа, которому такъ легко давали заголовокъ «всего міра», закрывалъ все предшествующее, все «введеніе», какъ выражался Контъ; этотъ моментъ, представляясь послѣдней цѣлью, заставлялъ забыть о томъ, что человѣчества, какъ органическаго связнаго цѣлаго, прежде не было, что это—наша современная фикція. Забывалось, что вѣдь именно только въ нашей мысли мы составляемъ это цѣлое изъ разбросанныхъ элементовъ; забывалось, что эти элементы могутъ имѣть для насъ научную цѣну и интересъ въ извѣстныхъ сопоставленіяхъ и соединеніяхъ, но что въ дѣйствительности они составляли группы и общества, которыя жили для себя и часто ничего не имѣли общаго между собою.

Любопытно замѣтить, что система идей, изъ которой состоитъ теорія непрерывнаго и необходимаго прогресса человѣчества, никогда не подвергалась во всей своей полнотѣ открытому опроверженію. Она прививалась сначала, какъ воспламеняющій догматъ, потомъ какъ труднѣе, какъ безспорная очевидность. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ масса историческихъ наблюденій прошла мимо ея затѣйливыхъ сводовъ и фасадовъ, ея значеніе стало блѣднѣть, меркнуть само собою: она стала вывѣтриваться изъ общаго сознанія.

Представленія, связанныя съ теоріей непрерывнаго прогресса человѣчества, стали расшатываться и измѣняться въ разныхъ направленіяхъ. Прежде всего среди идей, заключенныхъ въ теоріи, начинаетъ смущать мысль о планомѣрности прогресса, о томъ, что въ его ходѣ должна быть выполнена великая просвѣтительная, воспитательная система. Эта мысль была въ сущности продолженіемъ старыхъ религіозныхъ направленій, искавшихъ въ исторической жизни путей Провидѣнія.

Вглядываясь внимательно въ разныя всемірно-историческія построенія, въ планировку ли исторіи по отдѣламъ древности, среднихъ вѣковъ и новаго времени въ качествѣ трехъ возрастовъ человѣчества, или въ стройный чертежъ трехъ религіозно-научныхъ періодовъ у Контъ, мы узнаемъ въ нихъ нѣчто, близко напоминающее четыре монархіи пророчества Даніила, въ которыя старались включить историческій матеріалъ встарину. Недаромъ же иные послѣдователи теоріи прогресса человѣчества выражались, что всемірная исторія непонятна, невычислима безъ «всемірнаго управленія», а богѣ горячіе требовали даже демонстраціи всемірнаго суда и возмездія въ исторіи человѣчества. Теперь чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе удовлетворяла эта мысль, эта драматическая постановка историческихъ вопросовъ, эта формулировка предустановленнаго плана.

Другая черта теоріи прогресса, которая постепенно стала вызы-

вать недовѣріе, состояла въ томъ, что она выдѣляла въ исторіи ростъ человѣческаго сознанія въ качествѣ особаго, почти чудеснаго ряда творческихъ силъ, что она представляла идеи какимъ-то правящимъ, руководящимъ, организующимъ началомъ, которое царитъ надъ историческимъ матеріаломъ. Вильгельмъ Гумбольдтъ, которому принадлежатъ вышеприведенное выраженіе о всемірномъ управленіи, представлялъ поэтому идеи чѣмъ-то сверхъестественнымъ: онъ видѣлъ въ идеяхъ—обнаруженные концы непознаваемаго, пути къ раскрытію чуда въ исторіи.

Наконецъ, въ теоріяхъ прогресса всегда имѣли въ виду человѣчество, человѣческое общество въ единственномъ числѣ. Старые мыслители, Вико, Монтескье, были скромнѣе и осторожнѣе: они говорили о группахъ людей, объ обществахъ въ исторіи. Когда распространились полныя религіознаго увлеченія теоріи о предстоящемъ, близкомъ, безконечно счастливомъ и разумномъ періодѣ, о своего рода тысячелѣтнемъ царствѣ Христа на землѣ, весь родъ человѣческой смѣшался мысленно въ одну массу: совершенно такъ бывало и во всѣхъ религіозныхъ системахъ, открывавшихъ всемірную пропаганду. Созерцаніе послѣдняго момента широкихъ культурныхъ сношеній на земномъ шарѣ положило печать и на представленія о прошломъ. Ничего не повторялось въ исторіи,—думали вѣровавшіе въ непрерывный прогрессъ,—было только одно восхожденіе одной группы, сначала небольшой, потомъ постепенно сдѣлавшейся всесвѣтной.

Между тѣмъ слабѣлъ и отодвигался вглубь образъ революціи, запечатлѣвшій эту грандіозную идею, и новыя реальныя впечатлѣнія вызывали новое направленіе мысли. Пройдя нѣкоторую общую полосу космополитическихъ увлеченій и переворотовъ, европейскія общества почувствовали себя опять каждое въ своеобразной средѣ, связанной со своимъ исконнымъ ростомъ и развитіемъ, со своими какъ бы основными свойствами.

Все болѣе и болѣе опредѣлялись въ Европѣ условія, которыя выдвигали интересъ къ изученію развитія многихъ обществъ, сходныхъ между собою, а не одного единственнаго общества. Выросшая изъ революціи объединенная французская нація, энергичная, притязательная и воинственная, своей политической пропагандой и своими захватами вызвала къ жизни другія національности—нѣмецкую, итальянскую, испанскую. Движеніе передалось дальше—въ славянскій міръ.

Національная война становится въ XIX вѣкѣ возвышеннымъ освободительнымъ лозунгомъ, начиная со времени борьбы противъ Наполеона. Національно-политическое объединеніе представляется теперь единственно достойной формой для крупной народности. Насколько рѣзко перемѣнились условія въ какія-нибудь 50 лѣтъ, можно судить, сопоставивъ настроеніе воинственныхъ рѣчей Фихте «къ нѣмецкой націи» съ заявленіемъ Лессинга, что особенность нѣмца состоитъ именно въ томъ,

чтобы сознать себя космополитомъ и не нуждаться въ политическомъ отечествѣ.

Важную роль въ объединеніи народовъ Европы и въ обособленіи ихъ другъ отъ друга сыграли экономическія переиѣны. Населеніе растетъ, потребности питанія не могутъ быть покрыты мѣстными продуктами, возникаетъ необходимость расширенія индустріи и широкаго сбыта фабрикатовъ въ другія страны. Ради этого каждая страна хочетъ цѣльнѣе организовать свои промышленныя силы и оградить ихъ. Наполеоновская континентальная система, направленная противъ Англіи, заключала чисто диктаторскую попытку круто, желѣзомъ и приказомъ, рѣшить вопросъ: пока англичанамъ были заперты ходы, на материкѣ должна была успѣть сложиться крупная самостоятельная французская индустрія. Когда кончилась война противъ Наполеона, ходы на континентъ открылись, и когда дружественная Англія наводнила раздробленную экономически и политически Германію своими товарами,—нѣмецкій купецъ и фабрикантъ стали великими патріотами: они заговорили объ единомъ и мощномъ отечествѣ. И не даромъ первой формой единенія Германіи за 40 лѣтъ почти до образованія военной и парламентарной имперіи явился «Таможенный союзъ» германскихъ государствъ.

Вопреки ожиданіямъ поклонниковъ новой индустріи, развитіе промышленности и торговли не упразднило войны. Со времени великой революціи европейскія государства все болѣе и болѣе вооружаются: ожившіе старые народныя счеты въ родѣ того, чей долженъ быть Рейнъ, или на чемъ должно остановиться «отмщеніе Итали», соединяются съ экономическими мотивами въ большія національныя программы, и сначала для проведенія этихъ притязаній и программъ, потомъ для защиты себя отъ раздраженнаго противника и обезпеченнаго сосѣда націи создаютъ военныя громады.

Одновременно поднимается и растетъ другая война,—война тарифовъ, возникаютъ своего рода крѣпостные валы пошлинъ и торговыхъ запретовъ. Оба вида вооруженнаго мира, милитаризмъ и протекціонизмъ, слетаются вмѣстѣ: для охраны торговыхъ преимуществъ всегда въ глубинѣ, какъ послѣдняя угроза, стоятъ пытки, съ другой стороны, огромные капиталы страны вложены въ поддержаніе войска и военныхъ сооружений и, слѣдовательно, національная промышленность обратно заинтересована въ существованіи или, лучше сказать, затянута въ интересы военнаго колосса. Такимъ образомъ индустріальный вѣкъ пока оказался вдвойнѣ воинственнымъ.

Неисчерпаемый запасъ человѣческаго оптимизма далъ возможность идеализировать даже эти явленія народной вражды. Народъ въ оружіи, это—поэтическая тема въ XIX вѣкѣ. Соблюденіе вѣрности расовымъ свойствамъ, культъ своей національности вплоть до самыхъ исключительныхъ чувствъ, стали своего рода добродѣтелью, облеклись у самыхъ спокойныхъ и гуманныхъ умовъ въ этическія формы. Люди стали

приписывать своей націи или націямъ родственнымъ особия нравственныя качества, придавать миссіонерскія черты; многіе готовы про-тивопооставлять свой народъ, свою расу, съ одной стороны, и чужія народности, чужія расы, съ другой,—почти какъ спасителя, искупителя, и заблудшихъ, погибающихъ или обреченныхъ на историческую казнь. Понятіе о націи, о расѣ, какъ нравственномъ цѣломъ, какъ характерѣ и личности, было перенесено и на прошлое, и собственно въ наукѣ, въ искусствѣ оно дало раньше опредѣленные результаты, чѣмъ въ политикѣ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка романтики углублялись въ изученіе народнаго духа, отыскивая его въ сказкахъ, повѣрьяхъ, легендахъ, въ чертахъ обычнаго права, въ старинномъ языкѣ. Они добивались въ этихъ источникахъ не послѣдовательной индивидуальной работы выдающихся личностей, а какой-то мистической творческой силы всего народа и представляли себѣ народъ точно многоголовое цѣлое съ единой душой.

Исторія стала для нихъ разлагаться на жизнь и борьбу рѣзко очерченныхъ коллективныхъ индивидуальностей. Формы собственности, черты судебного строя, религіозныя понятія историки сводили на созданіе или воздѣйствіе той или другой расы, германцевъ или римлянъ, норманновъ или англосаксовъ, нѣмцевъ или славянъ. Учрежденія и понятія тѣхъ странъ, гдѣ произошло соединеніе двухъ народностей въ государствѣ, гдѣ одна поработила другую, стали представлять себѣ въ видѣ сплетенія или борьбы двухъ рядовъ идей, созданныхъ двумя разными національными геніями; каждая національная или расовая линія вытягивалась мысленно черезъ нѣсколько вѣковъ отъ темныхъ началъ средневѣковья до нашего времени. Современныя сословія, дававшія битвы другъ другу въ эпоху революціоннаго періода, выводились историками и политиками прямо отъ народовъ, которые дѣлили Европу между собою въ началѣ нашей эры и тогда въ борьбѣ забирали землю или оттѣснялись на подневольный трудъ.

Когда-то теоретики соціальной неподвижности, какъ напимѣръ Монтескьё, находили въ сведеніи сословій на расы оправданіе вѣчной іерархіи и несдвигаемаго неравенства современнаго общества. Теперь, въ XIX вѣкѣ, въ объясненіи сословій изъ расъ историки получили доказательства, формулы и картины историческаго движенія, активности соціальныхъ группъ, непрерывности соціальныхъ перестановокъ и соціальнаго прогресса.

Такъ у Огюстена Тьерри представлена исторія Франціи: это—четыринадцативѣковая борьба воителей-франковъ, обратившихся въ дворянство, съ галло-римлянами, которые стали третьимъ сословіемъ; порабощенные сначала галлы, этотъ народъ культуры и труда, медленно организуются; въ силу переворотовъ, въ началѣ которыхъ стоитъ освобожденіе городовъ, а въ концѣ—великая революція, они берутъ

верхъ. Въ ХІХ вѣкѣ потомки галловъ, въ качествѣ торжествующей буржуазіи, поворачиваютъ исходъ старой національной борьбы; они занимаютъ теперь положеніе какъ разъ обратное тому, какое выпало на ихъ долю въ V вѣкѣ, когда пришли предки дворянъ, франки. Основная галлоримская буржуазія и мѣщанская народность, на сторожѣ которой—всѣ симпатіи историка, постепенно націонализировала,—какъ онъ думалъ,—всѣ учрежденія, особенно королевскую власть: она освободила эту власть отъ ложныхъ влеченій къ завоеваніямъ, указала ей социальную роль, она скрѣпила эту власть органически съ народною жизнью. Историкъ имѣлъ несчастье дожить до революціи 1848 года и видѣть, что королевская власть, окончательно и навсегда, по его мнѣнію, націонализированная, оказалась ненужной націи. Но націоналистическая теорія жила и еще живетъ, несмотря на такіе жестокіе уроки дѣйствительности.

Позднѣйшія изслѣдованія стали разрушать ее съ другой стороны. Они показали, во-первыхъ, что нѣтъ чистыхъ расъ и націй, что въ лицѣ современныхъ народностей мы имѣемъ группы весьма сложныя, образовавшіяся поздно, что не нація рождаетъ культуру, а культура образуетъ націю.

Далѣе, они показали, что сословія невозможно свести къ народностямъ, потому что условія труда и владѣнія не сообразуются съ рѣчью на томъ или другомъ языкѣ, съ тою или другой физической наружностью; они выяснили притомъ, что нынѣшнія сословія слагались въ эпоху, сравнительно весьма позднюю, и представляютъ собой нѣчто подвижное и текучее въ своемъ составѣ; они отучили гордиться расовой чистотой, показавши, на примѣръ, что французское дворянство въ 1789 году было не только не потомствомъ несокрушимыхъ франковъ V—VI вѣковъ, но даже не происходило и отъ военной феодальной аристократіи X—XI вѣковъ, что оно было по преимуществу новаго происхожденія и образовалось изъ выслужившихся, произведенныхъ въ дворянство людей съ XV, XVI, XVII вѣковъ.

Но націоналистическая точка зрѣнія въ исторіи дала важный и сильный толчокъ научной работѣ. Она заставила расчленять историческій матеріалъ иначе, чѣмъ это дѣлалось въ эпоху революціонно-религіознаго энтузіазма, не сбивать его въ одну массу общечеловѣческаго движенія. Изученіе множества національныхъ процессовъ, множества такихъ раздѣльныхъ коллективныхъ жизней заставило изслѣдователей замѣтить фактъ повторяемости историческихъ явленій въ опредѣленныхъ рядахъ.

При такомъ сравненіи историкъ получалъ впечатлѣніе, что каждая народная группа, каждое національное общество пробѣгаетъ опредѣленные ступени развитія, которыя повторяются у всякой другой. Обнаружилось сходство и въ моментахъ движенія, и въ порядкѣ ихъ слѣдованія другъ за другомъ. Явилась возможность дѣлать за-

*

ключеніе отъ судьбы одной народности, одного національнаго общества къ развитію другой. Разъ были извѣстны всѣ ступени, пройденныя одной группой, отсюда можно было выводить наличность такого-то неизвѣстнаго или неяснаго момента у изслѣдуемой другой группы, можно было стараться угадать, что ожидаетъ эту другую группу, если она отстала въ своемъ ходѣ отъ первой. Французы стали склоняться къ такимъ заключеніямъ о своемъ настоящемъ и будущемъ по урокамъ исторіи Англіи; нѣмцы приобрѣли наклонность и сейчасъ не могутъ отвыкнуть, чтобы не искать отвѣтовъ и поученія къ своей исторіи въ XIX вѣкѣ, къ своему освобожденію и объединенію—въ исторіи древней Греціи, въ возникновеніи демократіи изъ національной войны съ персами, въ паденіи греческой демократіи при новыхъ попыткахъ объединенія подъ властью военной монархіи македонской и т. д.

Постепенно новыя явленія европейской жизни внесли существенную поправку въ историческія представленія и историческія сравненія, вытекавшія изъ націонализма. Нація имѣетъ одно военное знамя, одну столицу, обыкновенно одинъ законодательный сводъ и также обыкновенно одинъ языкъ. Но этимъ ли она держится? У англичанъ и англо-американцевъ—одинъ языкъ и даже происхожденіе общее; но это—двѣ націи. Обратнo, въ швейцарской націи, по крайней мѣрѣ, три языка, что не мѣшаетъ ей крѣпко держаться. Знамя есть разгорячающій воображеніе символъ, который самъ не объясняетъ покрываемаго имъ чувства. Законодательный кодексъ—нѣкоторымъ образомъ произведеніе искусства, которое предполагаетъ уже соединенныхъ, связанныхъ людей. Все это—знаки, иллюстраціи какого-то факта, продукты какой-то силы. А что-же такое самый этотъ фактъ, сама эта сила? Мы называемъ этотъ фактъ и эту силу обществомъ.

Въ понятіи этомъ можно предполагать разные оттѣнки смысла, но оно насъ удовлетворяетъ, какъ исходный пунктъ въ нашихъ разсужденіяхъ. Въ старину науку о человѣческихъ союзахъ и ихъ развитіи называли «политикой», т. е. ученіемъ о гражданствѣ или государствѣ; мы называемъ соотвѣтственную науку недаромъ «соціологіей», т. е. наукой объ обществѣ или точнѣе объ обществахъ.

Общество можетъ совпадать или не совпадать съ государствомъ и съ націей. Правда, оно, повидимому, прочнѣе, если оно въ національномъ отношеніи однородно; правда, оно стремится быть государствомъ, т. е. или старается соединиться въ политической союзъ, если было политически разбито, или государство можетъ расколоться, если состоитъ изъ очень энергичныхъ и самостоятельныхъ общественныхъ цѣлыхъ. Но все это именно и показываетъ, что общество существуетъ отдѣльно отъ государственнаго союза, что оно именно первое, болѣе глубокое, хотя и менѣе замѣтное образованіе.

Есть факты, которые какъ будто говорятъ, что общество—фикція,

что это только вмѣстилище, арена столкновенія извѣстныхъ интересовъ. Такимъ фактомъ является происходящая въ общественной средѣ борьба различныхъ классовъ, напимѣръ земледѣльцевъ и промышленниковъ, помѣщиковъ и крестьянъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, капиталистовъ и рабочихъ. Однако совмѣстное существованіе въ обществѣ борющихся классовъ заставляетъ всмотрѣться въ ихъ отношенія и открыть въ нихъ не только антагонизмъ, но и взаимодействіе. Профессиональныя группы, личности ищутъ улучшенія своей участи, но въ цѣломъ они работаютъ въ предѣлахъ одной общественной организаціи.

Нѣтъ нужды здѣсь развивать это положеніе. Наша задача состояла въ томъ, чтобы указать, какое направленіе получила общественная и историческая мысль къ половинѣ XIX вѣка. Наука съ этого времени преимущественно исходитъ отъ представленія объ общественныхъ типахъ, изучаетъ въ исторіи не единый процессъ, а множество сходныхъ процессовъ. Она отправляется отъ мысли о повторяемости извѣстныхъ историческихъ явленій и комбинацій тамъ, гдѣ повторяются соотвѣтствующія условія, отъ мысли о существованіи нѣкоторыхъ нормъ и нѣкоторой нормальности общественнаго развитія; поэтому она идетъ путемъ сравненія. И она до тѣхъ поръ будетъ дѣлать новыя заключенія и открытія на этомъ пути, пока общественную мысль будутъ удовлетворять эти общія представленія.

Поворотъ къ изученію сходныхъ группъ съ аналогичными ступенями повторяющихся явленій, къ изученію социальныхъ типовъ, на которые распадается собирательное имя человѣчества, повлекъ за собою естественно разрушеніе того предполагаемаго плана, въ рамкахъ, подъ руководство котораго прежде соединяли мысленно всѣ человѣческія группы. Можно ли было по прежнему искать единого принципа движенія человѣческой массы на землѣ, искать одной цѣли, собирающей въ себѣ въ концѣ концовъ всѣ человѣческія усилія?

Вмѣстѣ съ этимъ поворотомъ не могло не измѣниться и отношеніе къ тому элементу въ историческомъ процессѣ, въ которомъ предшествовавшія теоріи видѣли направляющую силу почти сверхъестественнаго свойства, къ «идеямъ».

Великій историческій чертежъ разстраивался, его линіи теряли свою связь, вмѣсто прежнихъ будто бы гармоническихъ взаимныхъ соотношеній между ними выступала на видъ ихъ своеобразность для отдѣльныхъ историческихъ моментовъ. Наконецъ, поколѣнія, удалявшіяся отъ революціи, освобождались отъ обаянія или отъ гнетущей мысли о человѣческомъ фатумѣ событій, неустранимомъ, но постигаемомъ въ его символахъ, «идеяхъ». Со вступленіемъ въ болѣе спокойное русло общественныхъ явленій ослабѣвалъ и головокружительный антропоцентризмъ, который во всемъ мірѣ видѣлъ только систему, вращающуюся кругомъ потрясеннаго и возрожденнаго революціей европейскаго ума. Есте-

ственно было желаніе теперь ввести «идеи» въ общее теченіе историческихъ явленій, разсматривать ихъ не въ качествѣ путеводныхъ свѣточей, поставленныхъ указаніемъ высшей силы, а прежде всего, какъ продукты и какъ выраженіе извѣстныхъ жизненныхъ отношеній въ разнообразныхъ соціальныхъ группахъ.

Это стремленіе повело къ попыткамъ воспользоваться въ объясненіи хода историческаго развитія аналогіей тѣхъ процессовъ, которые изучаются естественными науками. Мы не спрашиваемъ, какія цѣли осуществлялись въ образованіи земной коры и въ развитіи формъ растительнаго и животнаго міра. Если мы наблюдаемъ тамъ извѣстную прогрессію, усложненіе, усовершенствованіе, то мы не добиваемся узнать, въ какихъ видахъ, съ какими цѣлями обитатели лѣса, воздуха, воды организуютъ качества и строй жизни будущихъ своихъ поколѣній. Мы ищемъ лишь выясненія факторовъ совершающихся перемѣнъ. Мы спрашиваемъ, какія условія дали возможность выжить однимъ формамъ и погубили другія, какія условія повели у извѣстныхъ видовъ къ выработкѣ такихъ-то органовъ и атрофированію другихъ и т. д.

Не должно ли было казаться теперь пріемомъ болѣе осторожнымъ поставить вопросъ и здѣсь, въ сферѣ историческаго развитія, на такую натуралистическую почву вмѣсто того, чтобы искать цѣлей въ исторіи человѣчества, зажигать постоянно переливающуюся игру «идей», и стараться въ сочетаніи ихъ свѣтовыхъ эффектовъ схватить смыслъ совершающагося? Человѣческой міръ можно также разсматривать, какъ царство природы. Нельзя ли было извлечь новыя поученія, изслѣдуя его судьбу, какъ самопроизвольный естественный ходъ вещей, въ которомъ люди выполняютъ функціи, намѣченные ихъ природой, гдѣ качества ихъ вырабатываются изъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ? Нельзя ли было попытаться взглянуть на общество, какъ на одно изъ органическихъ явленій общей природы, какъ на организацию, подобную животнымъ организмамъ?

Термины «органической», «организмъ» въ примѣненіи къ обществу были пущены въ ходъ еще реакціонерами, когда они приглашали личность смириться, отречься отъ святотатственныхъ и безумныхъ попытокъ перестраивать дѣло природы, и когда они требовали, чтобы личность заняла свое мѣсто рабочей, слѣпо подчиненной частицы въ общественномъ цѣломъ. Но они остались лишь при формулировкѣ какъ бы таинственнаго мистическаго закона, который они связывали съ сверхъестественной творческой силой.

Къ половинѣ нашего вѣка мысль объ органическомъ характерѣ общества приняла болѣе спокойную научную форму. Въ то же время рядъ открытій въ области біологіи какъ бы указывалъ общественно-исторической мысли болѣе точную и плодотворную аналогію; таково было въ особенности открытіе растительной и животной клѣточки, въ качествѣ основной единицы въ образованіи тканей, въ ростѣ и раз-

множеніи органическихъ существъ. Это открытіе давало возможность разсматривать организмъ въ видѣ сложнаго соединенія однородныхъ первоначально частицъ, между которыми распредѣлены разныя функціи, раздѣленъ трудъ, направленный къ сохраненію цѣлаго, а въ этомъ цѣломъ видѣтъ какъ бы колонію, общество тѣсно связанныхъ между собою мельчайшихъ тѣлъ.

Не могъ ли соціологъ при помощи этого открытія развить дальше свою аналогію человѣческаго общества? Быть можетъ, уподобленіе отдѣльнаго человѣка или первоначальной семьи клѣточкѣ помогло бы открыть законы соотношенія личности и общества, законы роста самого общественнаго союза?

Эта попытка была одѣлана Гербертомъ Спенсеромъ, типичнымъ натуралистомъ человѣческаго общества и его исторіи, по своему энциклопедическому интересу напоминающимъ Конта.

Общество для Спенсера есть особое живое существо. Оно похоже на животный организмъ по условіямъ своего строенія и роста. Оно складывается и растетъ путемъ размноженія своихъ частицъ, которыя въ то же время сами являются живыми существами, какъ, напримѣръ, въ колоніи полиповъ. Цѣлый рядъ сходныхъ условій допускаетъ такую аналогію: общество также начинается съ мелкой группы и можетъ вырастать въ 10.000 разъ больше своихъ первоначальныхъ размѣровъ; дагѣ, въ первыхъ шагахъ его развитія связь между составляющими его частицами лишь очень слаба, но по мѣрѣ роста и усложненія ова становится все тѣснѣе, пока, наконецъ, частица приходитъ въ полную и всестороннюю зависимость отъ цѣлаго; наконецъ, жизнь общества, какъ и животнаго организма или колоніи, продолжительнѣе жизни частей, т. е. въ данномъ случаѣ людей, которые живутъ, растутъ, работаютъ, производятъ новыя частицы и умираютъ, между тѣмъ какъ политическій союзъ, образуемый ими, переживаетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, возрастая въ массѣ, сложности своей организаци и въ разнообразіи своей дѣятельности.

Разсматривая строеніе общественнаго организма, Спенсеръ замѣчаетъ въ немъ ту же группировку клѣточекъ, какъ въ животномъ. Такъ же какъ въ животномъ, выдѣляется одинъ внѣшній слой клѣтокъ, эктодермъ, который служитъ къ тому, чтобы задерживать или пропускать воздѣйствіе на организмъ внѣшней среды, воды, воздуха и т. д.; въ это время другой внутренній, энтодермъ, служитъ къ усвоенію и переработкѣ веществъ, необходимыхъ для жизни организма. Уже въ первобытной человѣческой ордѣ Спенсеръ находитъ это раздѣленіе; первый слой образуется воинственной группой свободныхъ, которые отражаютъ внѣшнія нападенія, второй—женщинами, военноплѣнными, рабами, которые осуществляютъ работу, необходимую для питанія. Совершенно такъ же, какъ на высшихъ ступеняхъ въ развитіи животнаго организма изъ эктодерма, внѣшняго слоя клѣтокъ, образуется

регулирующая нервная система, и въ первоначальномъ общественномъ организмѣ изъ военного класса образуется правящая группа, правительство.

Аналогія идетъ еще дальше: между эктодермой и энтодермой постепенно вдвигается средній слой, мезодерма, который вырастаетъ въ систему, служащую распредѣленію соковъ въ организмѣ, въ кровеносную систему. Такъ и въ обществѣ: между правящимъ и производящимъ классомъ вдвигается новый, который служитъ торговлѣ, подерживая сношенія и распредѣляя продукты.

Спенсеръ находитъ дагѣ аналогію между развитіемъ питанія въ организмѣ, распредѣленіемъ въ немъ питательныхъ соковъ—и движеніемъ обмѣна, распредѣленіемъ продуктовъ въ обществѣ. Ростъ органа только тогда возможенъ, когда продукты, получаемые въ обмѣнѣ, превышаютъ то, что отдано, что израсходовано. Такому перевѣсу усвоенія надъ потерей въ живомъ тѣлѣ отвѣчаетъ въ жизни общественнаго союза барышъ въ торговлѣ. Спенсеръ показываетъ, какъ усложненіе обмѣна въ обществѣ, выработка въ немъ все болѣе совершенныхъ средствъ, кончая установленіемъ денежной и кредитной системы, отвѣчаетъ развитію въ совершенствующихся видахъ организмовъ кровеносной системы.

Онъ беретъ для сравненія одинъ изъ низшихъ организмовъ, гидру. Въ ней нѣтъ крови, нѣтъ аппарата для приготовленія концентрированного и очищеннаго питанія; слабо связанныя клѣтки, изъ которыхъ составляется гидра, вбираютъ непосредственно питательныя вещества. Совершенно тоже самое происходитъ въ неорганизованной первоначальной народной ордѣ, гдѣ всѣ члены индивидуально, обособленно приобрѣтаютъ или готовятъ все необходимое для своей грубой жизни.

По мѣрѣ того какъ совершенствуется живой организмъ и общество, съ развитіемъ особыхъ функцій органовъ, особыхъ аппаратовъ, масса питательнаго вещества становится лучше по качеству входящаго матеріала и дѣлается болѣе разнообразной по составу. Наконецъ, и въ организмѣ, и въ обществѣ къ этой массѣ присоединяется элементъ, который самъ по себѣ непитателенъ, но необходимъ для процесса питанія. Это въ одномъ случаѣ кровяные шарики, въ другомъ—деньги.

То же самое относительно путей, по которымъ идетъ движеніе продуктовъ, въ одномъ случаѣ кровеносныхъ сосудовъ, въ другомъ—каналовъ, дорогъ, рельсовыхъ путей и т. д. Въ низшихъ организмахъ въ каждой части тѣла кровь течетъ извѣстное время въ одномъ направленіи, потомъ останавливается и идетъ назадъ. Такъ точно въ слабо развитыхъ обществахъ распредѣленіе товаровъ совершается медленно на большихъ ярмаркахъ, куда періодически направляются и откуда выходятъ теченія продуктовъ.

Въ болѣе совершенныхъ тѣлахъ мѣстныя и пзмѣнчивыя теченія

исчезаютъ, когда образуются большіе центры объѣма; эти центры создаютъ болѣе могущественныя теченія посредствомъ развитія настойчиваго ритма, который завершается установленіемъ быстрого и правильнаго пульса. Спенсеръ указываетъ на теченіе крови большими послѣдовательными массами въ крупныхъ артеріяхъ высшаго животнаго организма и въ соотвѣтствіе этому — на движеніе нѣсколькихъ десятковъ поѣздовъ въ одномъ направленіи по большимъ желѣзнымъ дорогамъ. На менѣе значительныхъ рельсовыхъ линіяхъ, на подъѣздныхъ путяхъ, на прилегающихъ шоссейныхъ дорогахъ, проселкахъ, улицахъ селеній и, наконецъ, на проѣздахъ къ отдѣльнымъ домамъ замѣчается все менѣе сильное біеніе, совершенно такъ, какъ это замѣтно въ развѣтвляющихся и дробящихся по органамъ мелкихъ артеріяхъ и волосныхъ сосудахъ.

Другой рядъ аналогій внушаетъ Спенсеру сопоставленіемъ, съ одной стороны, развитія нервной системы, а съ другой — развитія государственнаго руководительства въ обществѣ, развитія политическаго единства и политической активности народа. Спенсеръ находитъ аналогію между феодальнымъ обществомъ, гдѣ государственная власть раздроблена, и мѣстныя группы почти независимы, и тѣми животными организмами, у которыхъ нервные узлы, хотя и связаны между собою нервами, но почти не зависятъ отъ какой-либо направляющей силы и даютъ самостоятельно рефлекторное движеніе на то или другое раздраженіе.

Объединеніе территоріи, уничтоженіе верховенства бароновъ и развитіе центральнаго правительства, совершающееся въ концѣ Среднихъ Вѣковъ и началѣ Новой Исторіи Спенсеръ сравниваетъ съ развитіемъ центральнаго нервной системы, головного мозга. Онъ говоритъ: «свойство большихъ нервныхъ узловъ, развившихся всего позднѣе и въ высшихъ животныхъ формахъ — истолковывать и комбинировать многообразныя впечатлѣнія, которыя передаются имъ со всѣхъ концовъ животной системы, и вмѣстѣ съ тѣмъ регулировать дѣятельность организма такимъ образомъ, чтобы всѣ ея виды принять во вниманіе; совершенно также основная черта большихъ законодательныхъ собраній, лишь недавно развившихся и отличающихъ болѣе передовыя общества, — истолковывать и комбинировать желанія всѣхъ классовъ и мѣстностей и составлять законы въ согласіи съ общими нуждами».

Прилагая къ общественному союзу аналогію животнаго организма, Спенсеръ наблюдаетъ въ ростѣ общественнаго тѣла и общій органическій законъ. Спенсеръ формулируетъ этотъ законъ, какъ размноженіе мелкихъ недѣлимыхъ частицъ и переходъ отъ жизни массы несвязанныхъ между собою однородныхъ существъ къ сложной цѣльной организаціи, въ которой разнообразная, но служащая одной цѣли работа распредѣляется между существами, выдѣлившимися по своимъ

спеціальностямъ. Эти шаги дробленія, движенія вширь, и гармонизація, движенія къ единству, онъ называетъ дифференціаціей и интеграціей.

Въ спенсеровскихъ двухъ стадіяхъ процесса общественно-историческаго развитія и ихъ смѣнѣ можно узнать отголоски дѣленія историческихъ эпохъ на критическія и органическія, динамическія и статическія, отрицательныя и положительныя, дѣленія, опредѣлявшаго основную мысль въ теоріяхъ сенсимонистовъ, Конта, Гегеля. Мы находимъ у Спенсера очень ослабленное, очень стертое въ своихъ конкретныхъ чертахъ, но все еще то же самое представленіе о смѣнѣ прогресса и порядка, движенія и системы, распадѣнія и единенія, которое сложилось подъ впечатлѣніемъ революціонной катастрофы, крушенія стараго общества и возникновенія новаго. Спенсеръ ищетъ аналогій во вѣщеловѣческой природѣ, но къ своимъ сравненіямъ онъ подступаетъ уже съ готовой схемой, съ бессознательно-привычнымъ методическимъ разрѣзомъ, въ свое время скопированнымъ съ великаго образа недавнихъ судебъ европейскаго общества.

Спенсеръ признаетъ однако и существенную разницу между животнымъ и общественнымъ организмомъ. Между тѣмъ какъ клѣточки, органы животнаго не имѣютъ отдѣльнаго сознанія и направляются изъ одного нервнаго центра,—въ обществѣ сознаніе дробится между отдѣльными членами, составляющими его: въ то же время раздробленное въ обществѣ сознаніе обнаруживаетъ извѣстную однородность, гармонию. Различіе это затрудняетъ аналогію. Далѣе, животному организму сознаніе помогаетъ лучше воспользоваться лишь извѣстными, уже присущими ему свойствами. Въ обществѣ мы имѣемъ дѣло съ сознательной стройкой и перестройкой, отъ которыхъ видоизмѣняется само общество, измѣняется его общее строеніе, мы встрѣчаемся съ законодательствомъ, реформами, воспитаніемъ поколѣній; далѣе мы наблюдаемъ передачу идей отъ одного общества къ другому, воздѣйствіе одной культурной среды на другую. Животный міръ не представляетъ аналогій этимъ процессамъ. Спенсеру остается теперь угадывать законъ этихъ высшихъ формъ жизни на основаніи разъ усвоеннаго общаго принципа, въ согласіи съ принятой общей конструпціей явленій.

Сознательные акты людей, работа мысли, все это въ его глазахъ—продолженіе естественнаго, природнаго процесса. Противоположности между натурой и культурой, между природой и духомъ для Спенсера нѣтъ. Онъ думаетъ, что природа путемъ борьбы и отбора даетъ выжить или развиться болѣе совершеннымъ формамъ общества. Спенсеръ убѣжденъ, что удовольствія и страданія, испытываемыя человекомъ при тѣхъ или другихъ ощущеніяхъ и дѣйствіяхъ, стоятъ въ прямомъ отношеніи къ пользѣ или вреду этихъ ощущеній и дѣйствій. Чтò полезно для продолженія и укрѣпленія жизни, то должно быть пріятно, и наоборотъ, чтò пріятно, то полезно для жизни. А полезное для жизни тѣмъ самымъ и нравственно. Такимъ образомъ наши дѣйствія, напра-

вѣнныя къ полезному и нравственному, совпадаютъ съ дѣломъ природы, которая доставляетъ намъ удовольствія и отпугиваетъ страданіями для проведенія своихъ жизненныхъ цѣлей.

Нравственный законъ поэтому есть продолженіе и исполненіе естественнаго закона. Мало того: такъ какъ въ человѣческомъ обществѣ нравственное и разумное скорѣе всего ведетъ къ цѣлямъ природы, то нравственные поступки—самые цѣлесообразныя и планомѣрныя, самыя прочныя для общежитія. Спенсеръ увѣренъ, что безнравственное поведеніе лишено плана, неустойчиво. Оно какъ бы брошено даромъ въ общей экономіи или же оно, ломая естественный порядокъ, заключаетъ въ себѣ потерю силъ.

Идеальгъ поэтому состоитъ въ томъ, чтобы личность, какъ органъ, исполняла свою функцію и сохраняла наибольшую способность къ исполненію ея. Чѣмъ лучше она приспособлена, чѣмъ больше трата силъ въ ней сообразована съ возмѣщеніемъ ихъ и чѣмъ согласнѣе ея пульсъ съ общимъ біеніемъ или ея дѣйствія съ общимъ ходомъ большаго естественнаго организма, тѣмъ выше, здоровѣе культура. Природа насъ подстрекаетъ, отвращаетъ, увлекаетъ, удовлетворяетъ и всѣми этими средствами направляетъ наши дѣйствія. Такъ она сама все болѣе приспособляетъ насъ. Всѣ недостатки общества сводятся къ недостаточной приспособленности людей, и ростъ культуры есть ростъ приспособленія.

Спенсеръ представляетъ себѣ, что въ обществѣ будущаго, согласованномъ изъ приспособленныхъ людей, исчезнуть имѣющіяся теперь противорѣчія, работа будетъ исключительно пріятна, счастье будетъ цѣлкомъ опираться на натуру, не будетъ вражды и столкновенія между личнымъ влеченіемъ и общественной пользой, примирится эгоизмъ и альтруизмъ. Въ обществѣ будущаго должно установиться идеальное спокойствіе, спокойствіе однако не мертвой точки, а, по выраженію Спенсера, «подвижнаго равновѣсія» и соразмѣреннаго движенія. Такимъ образомъ Спенсеръ кончаетъ картиной приближенія общественнаго организма къ механизму.

Спенсеръ пришелъ къ результатамъ, повидимому, противоположнымъ тому, на чемъ стояли теоріи прогресса первой половины вѣка. Согласно представленіямъ Конта и Гегеля, въ движеніи человѣчества, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше развивается организующая сила человѣческой мысли, тѣмъ выше и совершеннѣе цѣли, которыя она ставитъ. Спенсеръ какъ бы отказывается вовсе отъ исканія цѣлей и ограничивается исканьемъ факторовъ, естественныхъ условій, вырабатывающихъ и матеріалъ, и формы общежитія, и само сознаніе людей.

Всматриваясь ближе, мы замѣчаемъ однако, что онъ лишь перенесъ созданіе плановъ и цѣлей съ представителей человѣческаго общества на великую творящую и приспособляющую силу природы. Въ то же время Спенсеровская формула «подвижнаго равновѣсія», какъ конца вещей на землѣ, его характеристика послѣдней ступени усовершенство-

ванія общественнаго организма, превращающагося въ механизмъ—звучить слишкомъ ясно повтореніемъ Контовскаго «финальнаго состоянія» или Гегелевской «бодрой старости всемірнаго духа». Не слышится ли здѣсь та же самая мечта о примиреніи произвольнаго и необходимаго, личности и общества, порядка и свободы, объ остановкѣ рода человѣческаго въ вѣчномъ упокоеніи и блаженствѣ на землѣ съ помощью открытія всеспасающаго единаго научнаго и практическаго принципа? Въ этомъ смыслѣ Спенсера можно было бы назвать послѣднимъ представителемъ системы идеи, сложившейся подъ впечатлѣніемъ революціи и подъ настроеніемъ реакціи.

И все-таки, несмотря на олицетвореніе природы, несмотря на копированіе формулъ «окончательнаго состоянія», ученіе Спенсера знаменуетъ собой существенный поворотъ въ изученіи развитія человѣческаго общества. Этотъ поворотъ, это измѣненіе выражается для насъ смѣной термина, «прогрессъ» въ примѣненіи къ росту человѣческаго общества—терминомъ «эволюція». Въ теоріяхъ, искавшихъ формулы прогресса, перевѣшивала мысль объ опредѣленіи сознательныхъ усилій людей, направляющихъ, организующихъ движеніе согласно извѣстному плану, согласно богѣ или менѣе отдаленному идеалу. Въ теоріяхъ, ищущихъ формулъ эволюціи, люди и ихъ мнѣнія, формы ихъ сознанія рассматриваются не столько, какъ двигающій, сколько какъ движимый элементъ, не столько въ смыслѣ факторовъ переменъ, сколько—свидѣтелей и выразителей происходящаго, не столько въ качествѣ причинъ событій, сколько въ видѣ симптомовъ процесса.

Въ этой точкѣ зрѣнія заключенъ новый разрѣзъ явленій, другая постановка соціальныхъ и историческихъ вопросовъ. Можно ли примирить два названные взгляда и соединить результаты двухъ родовъ изученія историческихъ фактовъ, результаты примѣненія того и другаго умственнаго приѣма—иное дѣло, и разрѣшеніе этой задачи доставило много хлопотъ слѣдующимъ поколѣніямъ. Отсюда получился споръ, который тянется до нашего времени подъ разными названіями противниковъ: то это—противоположность субъективной и объективной школы соціализма, то борьба идеализма и матеріализма въ исторіи, то защита творческой роли личности и провозглашеніе фатальнаго движенія массъ, то наконецъ признаніе первенствующей роли въ исторіи «идеи» противъ первенства «интересовъ».

Натуралистическая теорія Спенсера проводила очень односторонне одну изъ двухъ точекъ зрѣнія, одинъ изъ двухъ приѣмовъ, какъ бы въ видѣ отпора полурелигіознымъ системамъ, примыкавшимъ къ революціи и реакціи. Можно отвергать ея заключенія о благотвѣтельномъ приспособленіи людей, совершаемомъ природой, можно не принимать самой аналогіи общества съ организмомъ и видѣть въ сравненіи этомъ лишь метафору, но за ученіемъ Спенсера во всякомъ случаѣ остается

значеніе важнаго общаго толчка въ пріемахъ историческаго изученія человѣческаго общества.

При всей связи Спенсера съ тѣмъ наклономъ мысли, который остался отъ революціи и реакціи, онъ является для насъ типичнымъ представителемъ новаго настроенія въ истолкованіи соціальной современности и ея историческаго прошлаго. Это настроеніе кажется намъ болѣе спокойнымъ, чѣмъ тотъ кругъ понятій и чувствъ, который господствовалъ въ теченіе приблизительно столѣтія отъ 1760 года до 1850 года, который поднялся до высшаго напряженія своего въ большомъ европейскомъ переворотѣ и потомъ черпалъ въ воспоминаніи о немъ новыя и новыя вдохновенія. Мы ушли изъ этой своеобразной какъ бы религиозной полосы. Она оставила намъ свои формулы, термины, свои анти-тезы и символы, но ея бурные и восторженные порывы, ея властные и вѣтерпѣливые приказы обратились въ спокойныя методическія пріемы, въ способы мысленнаго опыта; ея проблемы завоеванія или организациі всего міра замѣнились невидной борьбой ученаго съ неподатливымъ матеріаломъ, ея призывы съ церковной кафедрѣ или публичной трибуны перешли въ тишину лабораторіи. Рядомъ съ научными привычками и орудіями, которые остались намъ въ наслѣдіе отъ этой эпохи, накаплиются новыя впечатлѣнія общественной жизни, а подъ ихъ влияніемъ намѣчаются, идутъ ощупью и съ сомнѣніемъ, набѣгаютъ и борются между собою новыя историческія теоріи и истолкованія.

К о н е ц ъ .

Ш Р О Ч Ь.

Разсказъ Афъ Г. Гейерстама.

(Переводъ со шведскаго И. Л.).

Отецъ ея, какой-то неизвѣстный пьяница и драчунъ, былъ убитъ на попойкѣ въ сосѣдней волости, а мать, какъ разъ беременная въ то время, получивъ извѣстiе о смерти мужа, внезапно заболѣла и заплатилась жизнью за жизнь мертворожденнаго ребенка. Эмма Персонъ, оставшись трехлѣтней сироткой, была бы безъ крова и безъ призора, но ея тетка, жена богатаго крестьянина, взяла ее къ себѣ и воспитала какъ родную дочь.

Ей хорошо жилось у тетки. Правда, мадамъ Ольсонъ при случаѣ никому спуска не давала, но у нея было доброе, любящее сердце, что и обнаруживалось во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. А дѣти отлично это чувствуютъ.

Родителей своихъ она, собственно говоря, и не могла оплакивать, такъ какъ неясное воспоминанiе о нихъ не могло возбудить въ ней тоски или горя, да кромѣ того, какъ для сироты, ей, дѣйствительно, жилось хорошо. Тетка съ малолѣтства прiучила ее къ труду. Ей пришлось носить ведра съ водой изъ ключа, какъ только позволили возрастъ и силы. Она же помогала доить коровъ, полоть огородъ, чистить котлы, кормить куръ. Въ свободное время она играла съ мальчуганами въ селѣ, съ собакой, съ кошкой, или же молча забивалась куда-нибудь въ уголокъ, и голубые, мечтательные глаза ея безцѣльно глядѣли въ пустое пространство, или въ вечернiй сумракъ, тяжело опускавшiйся на просторъ полей и на полъ избы.

Эмма не принадлежала къ числу тѣхъ, что всегда веселы, и принимала все очень близко къ сердцу. Когда, бывало, тетка побранитъ ее, она долго спустя стоитъ передъ нею, не сводя съ нея большихъ, влажныхъ глазъ, и не уймется до тѣхъ поръ, пока не искупитъ своей вины. Ребенкомъ она часто одна-одинешенька ходила по садику, гдѣ росли кусты сирени, два высокихъ куста боярышника, маленькiя яблони и много картофеля, и копошилась съ какою-то своею выдумкою, но никому не говорила, что она дѣлаеть. Про себя она говорила, что это

она гуляетъ по пастбищу. Во время этой игры она всегда принимала необыкновенно серьезный видъ и складывала ротъ бантикомъ. И радость выражалась у ней какъ-то по-своему,—спокойно и негромко. Она никогда не шумѣла, но все лицо ея свѣтилось и глазки ея сияли какъ-то тепло и радостно. Она не похожа была на сверстницъ, такъ какъ ко всему относилась чрезвычайно серьезно.

Во время конфирмаціи она не ходила съ другими на игры и танцы, а большею частію бродила одна и все о чемъ-то думала. Дѣла по хозяйству она справляла попрежнему и за это время была очень кротка и добра ко всѣмъ. На публичномъ испытаніи люди обратили вниманіе на то, что она не плакала, а съ высоко-поднятымъ челомъ и безъ дрожи въ голосѣ отвѣтила «да» на всѣ вопросы священника. И это показалось людямъ страннымъ. Вѣдь, Эмма Персонъ обыкновенно все принимала такъ близко къ сердцу. Причастившись въ первый разъ Святыхъ Таинъ, она тотчасъ же вернулась домой и, хотя никто не просилъ ее объ этомъ, спокойно начала собирать къ обѣду. Въ этотъ день она, какъ всегда, во всемъ принимала участіе и все исполняла добросовѣстно, но тетка замѣтила по глазамъ ея, что мысли ея были гдѣ-то далеко, далеко.

Послѣ обѣда она вышла одна погулять по дорогѣ, окаймленной старыми ивами. Эта дорога тянется между двумя каменными стѣнами и ведетъ къ лужайкѣ, откуда открывается видъ на море, которое при вечернемъ солнцѣ темно-синимъ кольцомъ окружаетъ низменную, плоскую землю.

На сѣверномъ концѣ села, которое, какъ водится на островѣ Эландъ, узкою и длинною лентою тянется по обѣимъ сторонамъ дороги, жилъ морякъ, по имени Кануть. Онъ унаслѣдовалъ отъ отца маленькую мызу, гдѣ обыкновенно одиноко жила его мать во время частыхъ отлучекъ сына. Онъ уже много лѣтъ былъ въ отсутствіи, и люди говорили, что въ послѣдній разъ онъ уѣхалъ съ горя, не получивъ себѣ въ жены любимой дѣвушки. Говорили также, что эта дѣвушка—тетка Эммы, теперь мадамъ Ингридъ-Ольсонъ. Въ то время эти двое бывали неразлучны на посѣдкахъ и во время сѣнокоса; они гуляли вдвоемъ въ лѣтніе вечера, когда сельская молодежь по окончаніи работъ искала веселья, и частенько въ темные зимніе вечера они тайкомъ сходились и никто не видалъ, съ какою вѣжностью они ласкали другъ друга, когда разставались у воротъ ея родителей.

Но Ольсонъ посвящался къ дѣвушкамъ, пока Канута не было дома и Ингридъ не осмѣлилась отказать ему. Она жила въ то еще время, когда дѣти во всемъ повиновались своимъ родителямъ. Она написала Кануту, и послѣ того письма онъ только разъ, и то не надолго, заглянулъ домой и въ тотъ свой пріѣздъ онъ никогда не доходилъ до родного села, а пристроился въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ, куда мать приходила навѣщать его. Старушка была старая и хвора, и никто не

думалъ, что она доживетъ до возвращенія сына. Но говорили также, что другая причина побуждала его жить въ томъ селѣ и, что, когда онъ уѣхалъ, дожидаться его стала покинутая имъ дѣвушка съ ребенкомъ.

Весьма возможно, что онъ поступилъ легкомысленно. Но онъ былъ молодъ и статенъ, здоровъ и силенъ. Всѣмъ нравилось его удалое веселье и та сила, съ какою онъ принимался за всякую работу. Жадность и лѣность были ему чужды. Онъ всегда весело разговаривалъ или пѣлъ. Это-то съ такой силой и заполонило когда-то сердце Ингридъ. Но теперь его не было, а она замужемъ. Какъ ей было знать, думалъ ли онъ о ней, да она и узнать-то этого не стремилась. Она почти-что совсѣмъ позабыла о немъ.

А какъ сердце щемило у нихъ, у обоихъ, когда они навсегда разставались, какъ безотрадно и несхоже съ прежнимъ казалось имъ все на свѣтѣ.

Въ одинъ прекрасный день отецъ Ольсона пришелъ къ ея родителямъ сватомъ отъ сына, который долженъ былъ получить его мызу, когда онъ самъ умретъ. До тѣхъ поръ сынъ, женившись, долженъ былъ остаться въ домѣ и управлять всѣмъ хозяйствомъ. У нихъ, слава Богу, мѣста много, а старикъ уже начиналъ чувствовать приближеніе старости.

Между родителями молодыхъ свадьба эта давно уже была рѣшена. Но теперь, когда отъ Ингридъ потребовали отвѣта на сватовство, признаніе стало необходимымъ. Она собралась съ духомъ, рассказала все матери, плакала и просила, но ничего не помогло. Мать ей отвѣтила, что она не понимаетъ своей же пользы и что родители ея, проживши дольше ея на свѣтѣ, лучше ея самой сумѣютъ устроить ея жизнь. Не стоило выходить замужъ за человѣка, у котораго ничего за душою нѣтъ. Когда она выйдетъ за Ольсона и будетъ хозяйничать на собственной мызѣ, она и думать забудетъ о томъ, другомъ. И мать рассказала ей, что въ молодости и ей также приглянулся парень, служившій на сосѣдней мызѣ, но она была рада, что послушалась родителей, такъ какъ онъ потомъ сталъ пить водку, а теперь онъ уже много лѣтъ тому назадъ женился; она сама была у него въ избѣ и видала, какъ они живутъ. И она ни за что не хотѣла бы помѣняться съ его женой.

Но дочь не сдавалась. Она говорила, что у одной чувство можетъ пройти, но это еще не значить, что для всѣхъ оно пройдетъ также легко. Она напрямикъ объявила, что никогда не выйдетъ за Ольсона. Этому никогда не бывать. Легче ей будетъ утопиться. Она плакала, говорила про себя и не хотѣла даже слушать матери.

Тогда отецъ присоединился къ матери и заявилъ ей, что, если она желаетъ упорствовать, она можетъ идти, куда хочетъ со своимъ прекраснымъ женишкомъ. Но къ отцу, чтобы она и не думала придти. Ни гроша онъ ей не дастъ, посмотреть онъ, какъ-то она за-

живетъ тогда съ нимъ, съ мальчишкой, которому и самому-то жить нечѣмъ.

Позже вечеромъ пришла мать, по-хорошему уговаривала, просила ее не огорчать своихъ престарѣлыхъ родителей и утѣшала ее тѣмъ, что все будетъ хорошо.

И, Богъ его знаетъ, любовь ли ея не имѣла особенно глубокихъ корней, или то было слѣдствіемъ поразительной способности нашей природы гнуться и примѣняться ко всевозможнымъ обстоятельствамъ, какими бы противными они ни казались намъ сначала, фактъ тотъ, что дѣйствительно, все стало хорошо. Она вышла замужъ за Ольсонъ и рожала ему дѣтей. Нѣсколько лѣтъ спустя его родители умерли, и она могла все въ домѣ устроить по своему, безъ свекрови, которая прежде непрочь была заявить и свое словечко. Она была замужемъ за самымъ богатымъ крестьяниномъ въ этой мѣстности. Домъ ея былъ полная чаша, у нея было все, чего она могла желать: большой домъ, въ которомъ она была полной хозяйкой, хлѣвы, гдѣ было больше коровъ, чѣмъ дома, три служанки и четыре работника, которыхъ она должна была прокормить. Былъ у нея сынъ, который, въ свою очередь могъ принять всю мызу, когда настанетъ смертный часъ мужа, а Ольсонъ самъ ее ничѣмъ не обижалъ. Онъ былъ исправный крестьянинъ и ладно велъ все свое хозяйство. Онъ пилъ, когда подойдетъ случай, но рѣдко черезъ мѣру. Пьянымъ, собственно говоря, никогда и не бывалъ. Развѣ только по окончаніи сѣнокоса, да иногда въ Рождество. Но этого никто и не осуждалъ. Въ такіе дни пьянство разрѣшалось всякому.

Роста онъ былъ скорѣе всего невысокаго, ходилъ немножко въ наклонку, у него была маленькая, черная голова, острый носъ, сѣрые умные—многіе говорили лукавые—глаза, узкіе, маленькіе баки и длинной ротъ, выраженіе котораго мало внушало довѣрія. Сначала ей было трудно привыкнуть къ нему и въ первые полгода ихъ брака случилось, что она плакала тайкомъ безъ всякаго повода и ей приходило въ голову, что не такой ей нуженъ былъ бы мужъ. Но у нея было много дѣла, и дневная работа мало давала ей досуга задумываться о своей жизни. У нея не было длиннаго утра, когда бы она оставалась одна со своими мыслями, или вечеровъ, когда бы она, сидя за роялемъ, могла фантазировать о своей несчастной судьбѣ.

Иногда въ лѣтній вечеръ, когда солнышко тепло пригрѣвало сухую почву и синее море широко разстиралось передъ глазами, медленно прибывая къ берегамъ, или въ холодный, зимній вечерокъ, когда она на минутку присядетъ отдохнуть и уставится на огонь, гдѣ сухой хворостъ трещалъ подъ котелкомъ или кофейникомъ, случалось, что на нее нападала какая-то госка, до причины которой она и не хотѣла доискиваться. Но она быстро стряхивала съ себя это настроение и чѣмъ старше она становилась, тѣмъ рѣже она испытывала это чув-

ство. Ея глубокое убѣжденіе было, что мать и отецъ ея въ свое время были совершенно правы. До этого сознанія ее довелъ жизненный опытъ. Ей хорошо жилось во всѣхъ смыслахъ и ей и въ голову не приходило считать себя жертвой.

Она жила день за день, не разсуждая, и знала навѣрно, что, впрочемъ, ежедневно снова подтверждалось на ея глазахъ, что ни одному человѣку не удастся устроить своей жизни такъ, какъ бы хотѣлось.

По селу пошелъ слухъ, что Кануть скоро вернется и что онъ возвращается домой не такимъ, какъ уѣхалъ. Утверждали, что онъ скопилъ деньги, самъ сдѣлался вродѣ барина, знаетъ все то, чему бѣдному люду нѣтъ случая научиться, сумѣетъ постоять за себя и можетъ, коли на то пошло, купить любой хуторъ во всей волости. Впрочемъ, никто не зналъ навѣрно насколько онъ измѣнился, но всѣ его друзья заравѣе уже относились къ нему недовѣрчиво. Всѣ данныя говорили, вѣдь за то, что онъ долженъ былъ набратъся спѣси. Деньги всякаго вѣдь мѣняютъ. Скоро все село узнало, что онъ пріѣхалъ. Случилось это среди лѣта, въ воскресенье, и всѣ выстроились на пригоркѣ у церкви, чтобы поглазѣть на него, когда онъ пройдетъ. Скоро онъ, дѣйствительно, показался вдали; онъ шелъ не спѣша и немного волоча за собою ноги; одѣтъ онъ былъ въ синюю куртку, а галстухъ былъ повязанъ морскимъ узломъ. На головѣ была низкая черная шляпа, а прямая бородка его была острижена по-американски. Часто онъ останавливался и озирался по сторонамъ. Дойдя до церковнаго пригорка, онъ подошелъ къ двумъ, тремъ молодымъ парнямъ, съ которыми былъ знакомъ, и скоро около нихъ столпилась цѣлая кучка любопытныхъ.

Говорили о погодѣ, объ урожаѣ, о томъ, сколько времени Кануть былъ въ отсутствіи, о строѣ жизни въ Америкѣ и о томъ, лучше-ли тамъ, чѣмъ здѣсь.

Кануть объяснялъ, что это какъ случится. Многимъ тамъ везло, другимъ же нѣтъ. Частью это зависѣло отъ удачи, частью отъ умѣнья работать. Но тамъ научишься лучше понимать весь міръ. По крайней мѣрѣ съ нимъ такъ было.

Что онъ этимъ хочетъ сказать?

Разъясненіе это, пожалуй, потребуетъ слишкомъ много времени. Дѣло въ томъ, что тамъ ни одинъ человѣкъ не считается лучше другого, развѣ что онъ способнѣе, искуснѣе или лучше понимаетъ свое дѣло.

Всѣ согласились, что Кануть не сталъ спѣсивымъ. Онъ ласково говорилъ со всѣми и всѣхъ помнилъ.

Кануть стоялъ и слѣдилъ за тѣмъ, какъ одна темноодѣтая группа за другой входила въ ограду кладбища, медленно двигалась по посыпанной пескомъ дорожкѣ и исчезала за низкими воротами, ведущими въ церковь. Старушки бережно несли въ рукахъ носовой платокъ, сло-

женный на молитвенникѣ, а на головѣ у нихъ были головные уборы изъ чернаго шелка. Онѣ присѣдали, какъ только послышались колокола и медленно входили въ низкія ворота. Старички слегка приподнимали шляпы при звонѣ колоколовъ и, дойдя до перковной паперти, они всѣ остававливались, снимали шляпу и рукой смахивали волосы со лба.

Наконецъ раздались звуки органа, сначала длинная, заунывная жалобная прелюдія, потомъ псаломъ. Двери закрыли, а за дверьми, собралась небольшая кучка, готовая войти въ церковь при началѣ слѣдующаго псалма.

Кануть замѣтилъ, что у нихъ новый органъ. Да, органъ выпи-салъ изъ Стокгольма и стоитъ три тысячи кронъ.

Въ это время подошли Ольсоны и Ингридъ и Эмма, и остановились у церковныхъ дверей. Кануть подошелъ къ нимъ и поздоровался съ Ингридъ. Всѣ вѣдь знали, что они были хорошо знакомы и добрые друзья. Они пожали другъ другу руку и Ингридъ поздравила его съ прїѣздомъ домой. Ей было какъ-то не по себѣ, и онъ тоже ничего не говорилъ. Онъ молча стоялъ, не сводя глазъ съ Эммы, которая недоумѣвающими глазами разсматривала его. Онъ примѣтилъ ея сходство съ Ингридъ и спросилъ:

— Это твоя дочь, да?

— Нѣтъ, это дочь моей сестры; она пришла къ намъ, когда сестра моя умерла. Да, она все же похожа на меня,—добавила она.

Минуту спустя она сказала:

— Ее зовутъ Эммой.

— Теперь тебѣ живется хорошо,—сказалъ онъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь нарушить томительное молчаніе.

— Да, мы всѣ здоровы, слава Богу. Ольсонъ остался дома: онъ хотѣлъ пойти взглянуть на жеребятъ.

Онъ постоялъ немного, глядя въ землю и поворачивая, въ песокъ свою ногу назадъ и впередъ. Ему хотѣлось пошутить, но ничего не шло на умъ. Въместо этого онъ опять посмотрѣлъ на Эмму такъ, что она покраснѣла и отвела глаза.

— Я заверну къ вамъ надняхъ,—сказалъ онъ.

Въ эту минуту распахнулись церковныя двери и до пригорка ясно донесся псаломъ: «Одинъ Господь на небесахъ». Онъ хотѣлъ отойти, но Эмма взглянула на него, точно спрашивая, отчего онъ не хочетъ войти съ ними въ церковь.

— Я почти-что никогда не хожу въ церковь,—сказалъ онъ, прощаясь, и на лицѣ его чуть мелькнула улыбка. Она посмотрѣла на него широко открытыми отъ изумленія глазами и тотчасъ послѣдовала за теткой и за другими.

Какъ странно. Онъ не пошелъ за всѣми въ церковь. А между тѣмъ онъ видошъ не похожъ на тѣхъ, что проводятъ воскресное утро за

водкой и за игрой въ карты. Она думала объ этомъ во время всей проповѣди, и, по выходѣ изъ церкви, она почему-то не чувствовала себя такой веселой, какъ всегда.

Вскорѣ за этимъ Кануть навѣстилъ Ингридъ и опять встрѣтился съ Эммой. Она сидѣла въ избѣ и молча слушала, пока онъ бесѣдовалъ съ Ингридъ. Она занята была ческой шерсти и ни на минуту не отвлекала своего вниманія отъ того, что у ней было подъ руками. Но по выраженію лица ея Кануть хорошо видѣлъ, что она прислушивается къ каждому слову. И это возбуждало его.

Онъ рассказывалъ, какъ онъ сначала пріѣхалъ въ Америку. Онъ нанялся матросомъ на судно, такъ что самый переѣздъ ему ничего не стоилъ, и у него было столько денегъ съ собой, что онъ могъ обойтись ими первое время. Ему удалось-таки пробить себѣ дорогу, хотя подчасъ туго приходилось и хотя сначала ему не повезло.

Чѣмъ замѣтнѣе ему было, съ какимъ вниманіемъ Эмма слушаетъ его, тѣмъ оживленнѣе онъ начиналъ описывать свои собственные впечатлѣнія и воспоминанія. Его взяла охота высказаться, подѣлиться своими мыслями, найти кого-нибудь, кто понялъ бы чувство, испытываемое имъ теперь, когда онъ вернулся на родину и когда воспоминанія о быломъ тѣснились въ его головѣ.

Что прежде всего пришлось ему по душѣ въ Америкѣ, такъ это то, что всѣ называли его по англійски господинъ или мистеръ и что въ какомъ бы отчаянномъ положеніи онъ ни былъ, никому и въ голову не приходило такъ, здорово живешь, говорить ему ты. И это нравилось не потому, чтобы онъ гонялся за чинами. Но здѣсь дома никто и не подозрѣваетъ, увѣрялъ онъ, какъ усиливается желаніе работать, когда не приходится опасаться, что ты отъ рожденія уже обреченъ пребывать въ низшемъ сословіи, откуда ни работа, ни способности не могутъ высвободить тебя, развѣ только въ очень рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Да и живутъ-то тамъ люди проще. Если двое хотятъ повѣнчаться, имъ стоитъ только сходить къ нотаріусу и подписать контрактъ и бракъ ихъ считается вполне законнымъ. Если они потомъ не живутъ счастливо между собою, ничто не мѣшаетъ имъ опять разойтись. И это ничуть не служитъ поводомъ къ болѣе частымъ прелюбодѣйствамъ, какъ увѣряютъ люди. Вовсе нѣтъ. А если двое любятъ другъ друга, но средства не позволяютъ имъ свить свое гнѣздышко, они не принимаютъ выжидать, какъ это дѣлается у насъ, пока успѣетъ пройти и любовь и молодость, выжидать до тѣхъ поръ, пока средства позволятъ имъ зажить своимъ домкомъ, нѣтъ, тамъ люди женятся, если только есть самое необходимое, а потомъ уже сообща стараются свить гнѣздышко. Незамужнія женщины могутъ тамъ съ такимъ же успѣхомъ прокормиться, какъ и мужчины, и часто занятія ихъ совершенно одинаковы. Тамъ оба пола не составляютъ двухъ раз-

личныхъ кастъ, находящихся въ постоянномъ раздорѣ между собой: они воспитываются въ одной школѣ, учатся одному и тому же и прежде всего учатся знать и понимать другъ друга

— А религія? Что можно сказать о религіи?

Да объ этомъ никто никогда и не говоритъ; каждый держитъ при себѣ свое мнѣніе. Кануть познакомился тамъ съ массой людей, но онъ объ очень немногихъ могъ бы сказать, лютеране ли они, или методисты, или католики, вообще христіане ли они даже. Его же личное мнѣніе таково, что у большинства людей въ душѣ нѣтъ никакой опредѣленной религіи, что они только привыкли называть этимъ именемъ извѣстный рядъ чувствъ, по существу своему вовсе не сверхъестественныхъ.

Когда Кануть пересталъ говорить объ этомъ, онъ замѣтилъ, что Эмма разсматривала его большими, ясными глазами, точно желая изслѣдовать его до самой глубины его сердца. Ему хотѣлось спросить ее, что она думаетъ, но онъ такъ и не собрался, потому что, когда она глядѣла на него такимъ образомъ, у него было только одно отчетливое желаніе: встать со стула, подойти къ ней и погладить ее по волосамъ.

Потомъ они часто встрѣчались и постоянно опять возвращались къ тѣмъ же темамъ. Говорили про то, что онъ видалъ за моремъ и какъ онъ себя чувствуетъ здѣсь дома, среди, всѣхъ этихъ людей, большинство которыхъ такъ и умираетъ въ полной увѣренности, что міръ таковъ и есть, какимъ онъ имъ представляется.

Эмма испытывала такое чувство, точно она прежде жила въ избушкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ, гдѣ деревья заграждали ей весь видъ, и вдругъ кто-то пришелъ и сдѣлалъ просьбу, такъ что она сразу увидала клочокъ неба и волнующееся за лѣсомъ море. Около того мѣста, гдѣ она стояла, она едва-едва различала кое-что, но чѣмъ дальше переносились взоры ея, тѣмъ шире становилось поле зрѣнія, свободнѣе круглился синій сводъ небесъ, больше становилась поверхность плещущихъ волнъ и дальше заносились ея мысли, далеко, далеко за предѣлы плещущихъ волнъ и за высокія небеса.

Встрѣчались они все чаще и разговаривали обо всемъ и ни о чемъ. Потомъ она начала спрашивать, а онъ давалъ ей отвѣты на все, на что могъ отвѣтить. Медленно, тихо и прочно крѣпли ихъ отношенія, пока они, наконецъ, для нея не стали вмѣщать всего міра, всего того міра, о которомъ онъ говорилъ, стали той просьбой, черезъ которую она глядѣла на все, воспринимала все и догадывалась обо всемъ—о небѣ, волнахъ, чужихъ краяхъ, о новой жизни и о новыхъ людяхъ.

Кануть въ это время много и усиленно думалъ, когда для него стало ясно, что онъ любитъ Эмму. Было одно обстоятельство, сильно

мучившее его, хотя онъ раньше и не предполагалъ, чтобы онъ сталъ такъ мучиться изъ-за этого. Мысли его все снова и снова возвращались къ тому, что существовалъ ребенокъ, имѣющій права называть его отцомъ, и что онъ, женись на Эммѣ, можетъ быть, помимо ея воли ставить ее на мѣсто, по праву первенства уже принадлежащее другой.

Не могъ онъ отказаться отъ своей любви къ Эммѣ. Когда [его первая любовь была разбита, ему казалось, что ему безразлично, что бы не унесли съ собою житейскія волны. А потомъ, въ тотъ разъ, когда онъ пріѣхалъ домой и завелъ эту злополучную связь, которую онъ теперь почти-что забылъ, онъ тоже не очень-то много задумывался о подобныхъ вещахъ. Никто не научилъ его лучшему, а про себя онъ думалъ, что если только ребенокъ не будетъ нуждаться, то его ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Но теперь ему казалось, что одніи деньги дѣла не поправятъ. Его иногда пронизывало какое-то зловѣщее, острое чувство вродѣ страха, дурное предчувствіе, что его прошедшее таитъ въ себѣ призракъ, могущій обратитъ въ бѣгство всѣхъ добрыхъ духовъ. А Эмма была такъ щепетильна въ такихъ вещахъ: она вѣдь ко всему относилась по-своему.

Но онъ сообщить ей все при первомъ же случаѣ; вѣдь рассказалъ же онъ ей столько другихъ эпизодовъ изъ своей жизни. Она узнаетъ объ этомъ раньше, чѣмъ онъ скажетъ ей что-либо иное. Она такъ непохожа на другихъ дѣвушекъ изъ ея сословія. Ни одна изъ другихъ знакомыхъ ему дѣвушекъ даже и вниманія-то не обратила-бы на это обстоятельство.

Онъ непремѣнно все скажетъ. Безъ обмана. Онъ, по крайней мѣрѣ, поступитъ честно и открыто.

Такъ дни шли за днями, пока сентябрь былъ уже на дворѣ и срокъ подходилъ уже къ концу. На зиму онъ опять долженъ былъ уѣхать. А слова все не шли съ языка, какъ только онъ собирался коснуться этого вопроса.

Подоспѣло послѣднее воскресенье въ августѣ мѣсяцѣ; день близился къ вечеру, и сумерки тихо и незамѣтно окутали море и землю. Эмма и Кануть шли по узкой дорожкѣ, ведущей мимо стѣнъ церкви къ морю. Кое-гдѣ одинокая пташка заливалась въ мелкихъ кустахъ, которые, словно отшельники, раскинулись по обширной, топкой равнинѣ, а налѣво надъ небольшой трясиной бѣлесоватою вуалью висѣлъ холодный, влажный туманъ. Громкій стонъ моря гулко разносился отъ берега, къ которому они шли; они уже оставили за собой всѣ сельскія строенія, среди которыхъ высилась колокольня и гдѣ большія, четырехугольныя, обнесенныя изгородью мызы большими, темными пятнами выдѣлялись среди цѣлаго ряда малѣнькихъ низкихъ избушекъ.

— Можно взять тебя за руку?—спросилъ Кануть немного спустя, и звукъ его голоса сдѣлался какимъ-то необычайно густымъ.

Эмма безмолвно подала ему руку, и такъ они прошли еще немного. Она безъ умолку говорила, а онъ разсѣянно слушалъ, обдумывалъ то, что собирался сказать, и никакъ не могъ рѣшить, говорить ли. Было свѣжо и Эмма отняла свою руку, потому что она мерзла. Онъ опять взялъ ее, опустилъ ее въ карманъ своего кафтана и больше уже не выпускалъ.

Онъ былъ слегка раздраженъ; цѣлая масса чувствъ нахлынула на него; все было такъ богато, такъ прекрасно, такъ тепло и все же онъ не могъ отдѣлаться отъ тревоги, внушающей ему страхъ. Что-то связывало ему языкъ. Ему хотѣлось заставить замолчать Эмму, которая шла рядомъ съ нимъ мелкими, припрыгивающими шажками и открыто глядѣла ему въ лицо, болтая о разныхъ пустякахъ. Ему казалось необходимымъ ощутить въ себѣ окружающее въ природѣ безмолвіе, чтобы собраться съ мыслями. И въ то же время ему сдавалось, что они уже женихъ съ невѣстой, и онъ не могъ понять, чего это онъ такъ мучаетъ себя безъ причины.

Вдругъ онъ весь вздрогнулъ при словахъ Эммы:

— Взгляни-ка въ трясину. Взгляни-ка!

Голосъ ея звучалъ и мечтательно, и шутливо.

— Что-жъ тамъ такое?

— Тамъ я вижу своего жениха.

— Какъ же онъ выглядить?

Онъ отнялъ свою руку и весь поблѣднѣлъ.

Она засмѣялась.

— О, точь-въ-точь какъ всѣ другія ольхи.

Тогда онъ стиснулъ ей руку такъ крѣпко, что она испугалась.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

Она испуганно взглянула, но не отодвинулась отъ него.

— Да я ничего особеннаго не хочу сказать. Ну, какое же особенное тутъ можетъ быть значеніе?

— Ну, а если я скажу, что люблю тебя?

— Ахъ, Кануть!..

Говоря это, она была такъ красива, что ему захотѣлось поцѣловать ее, и какой-то тонъ въ ея голосѣ, какъ эхо, отозвался въ немъ самомъ.

Все тѣло его задрожало и немного спустя онъ спросилъ:

— Ну, что же ты отвѣтишь?

Она отвела глаза, но по всему лицу ея разлился какой-то мягкій свѣтъ, какого Кануть прежде никогда не замѣчалъ.

— Не теперь, не теперь, Кануть! Не теперь.

Онъ сталъ настойчивѣе.

— Не говори, что ты этого не знала. Ты не могла не замѣтить этого.

— Да, да! Но я не могу отвѣтить. Это слишкомъ неожиданно.

Черезъ нѣсколько дней. Дай срокъ подумать. Я не знаю, люблю-ли я тебя такъ, какъ хотѣлось бы.

Они повернули и пошли опять къ селу.

Кануть сталъ совсѣмъ спокоенъ. Всякая мысль о ребенкѣ покинула его. Онъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ счастьѣ, что ему теперь казалось ничемъ перешагнуть черезъ все прошлое. Онъ отгонялъ отъ себя всякій помыслъ объ этомъ. Не стоило же заговаривать объ этомъ теперь, когда она еще даже и не дала опредѣленнаго отвѣта. Рука за руку они опять прошли мимо стѣнъ кладбища на большую дорогу и вплоть до высокихъ, черныхъ воротъ, ведущихъ во дворъ Ольсона. Вокругъ нихъ сумерки все сгущались. Тамъ и сямъ въ маленькихъ окнахъ зажигался блѣдный свѣтъ, издали мерпающій на темной, пустынной равнинѣ.

Эмма взяла его за руку раньше чѣмъ уйти домой, но никто изъ нихъ ни слова не говорилъ. Два дня спустя все село уже знало и Кануть также, что Эмма и онъ помолвлены и обвѣнчаются, какъ только пройдетъ зима и онъ вернется изъ Америки, чтобы взять ее.

Кануть часто думалъ, что Эмма все же знаетъ про него, хотя она никогда ничего не говорила. Вѣдь, рѣшительно все село знало объ этой связи. Но онъ ошибался. Эмма была такой человѣкъ, что ей, вообще, какъ-то неохотно рассказывали о томъ, что было дурно, и потому она рѣшительно ничего и не слыхала.

Но пока Кануть колебался, время все шло и приближался тотъ день, когда ему надо было вернуться назадъ въ портъ кораблестроенія, гдѣ онъ служилъ въ Нью-Йоркѣ. Наканунѣ отъѣзда онъ сидѣлъ у Ольсонъ и бесѣдовалъ съ Эммой. Онъ все еще ничего не сказалъ.

Онъ хотѣлъ было воспользоваться минутой, пока они одни, и уже нѣсколько разъ признаніе вертѣлось у него на языкѣ, по Эммѣ, повидимому, такъ много надо было сказать ему, что ему жаль было прервать ее. Когда же онъ въ концѣ концовъ совсѣмъ было собрался принести покаяніе, вошла мадамъ Ольсонъ и помѣшала ему.

На слѣдующій затѣмъ день онъ уѣхалъ и для Эммы настала зима. Сначала придутъ осеннія бури и холоднымъ дыханіемъ своимъ обхватятъ голую равнину, потомъ морозы убьютъ всю зелень, а тамъ, куда ни взглянешь, повсюду земля побѣлѣетъ, и снѣгъ да вьюга почти не дадутъ имъ возможности выходить.

До весны еще далеко. Но она не горевала. Она навѣрно знала, что весна придетъ, а съ нею и Кануть. И онъ возьметъ ее съ собою и та полоска свѣта, которую онъ показалъ ей, расширится, такъ что она свободно и ясно увидитъ все вокругъ.

Она уѣдетъ съ нимъ. Прочь отсюда. Какъ странно и радостно думать объ этомъ.

Однажды она сидѣла дома одна. Тетка была на дворѣ и возилась

со скотиной. Изъ окна она глядѣла во дворъ, который, по эландскому обычаю, занималъ четырехугольникъ; въ глубинѣ его стоялъ жилой домъ, службы выходили на улицу, а ворота шли сквозь сѣвнй сарай. Былъ ясный осенній день. Два поросенка нѣжились на солнышѣ, переваривая пищу; нѣсколько печальныхъ утокъ старались обмакнуть свои крылья въ лужахъ около большого колодца, длинный шестъ котораго косо торчалъ кверху, а терпѣливые, выносливые гуси, успѣвшіе на сухой почвѣ эландской степи почти совсѣмъ отвыкнуть отъ потребности въ водѣ, громко гоготали и шлепали по лужамъ, вытягивая шею и усердно отыскивая въ землѣ пищу. Два годовалыхъ жеребенка пытались, насколько позволяло имъ мѣсто, сдѣлать нѣсколько жизнерадостныхъ прыжковъ и трясли гривами на своихъ нескладныхъ шеяхъ.

Эмма стояла у окна и глядѣла на все это; наконецъ, она устремила свой взглядъ на маленькій клочокъ голубого неба, виднѣвшійся надъ крышами строеній. Слезы навернулись на глаза ея, но она поспѣшно вытерла ихъ, такъ какъ ворота закрипѣли и по двору къ кухонному крыльцу прошла какая-то старушка.

То было жена торпера, хорошо знакомая ей. Она взяла къ себѣ въ домъ свою старую больную мать, но, такъ какъ ей не хватало той ржи, которую она въ видѣ вспомошествованія получала отъ общины, она частенько приходила къ Ольсонъ и жаловалась на свое горе. И всегда она получала отъ нихъ помощь,—то картофеля, то хлѣба, то немного селедки, какъ придется.

Эмма знала, что мужъ ея теперь въ Стокгольмѣ на заработкахъ во время лѣтнихъ мѣсяцевъ. Старушка остановилась у дверей и поздоровалась съ тою смѣсю снисходительности и фамильярности, что свойственна бѣднякамъ по отношенію къ тѣмъ, «кто только крестьянинъ».

Эмма ласково кивнула головой и спросила, не получила ли она извѣстій отъ мужа.

— Нѣтъ, я никакихъ вѣстей не получала. Онъ не писалъ и денегъ тоже не высылалъ.

— Войдите и присядьте. Нѣтъ, не стойте тамъ у дверей. Такъ онъ ничего не присылалъ?

— Нѣтъ, вотъ уже 14 дней прошло съ того срока, когда онъ обыкновенно посылаетъ, а онъ еще ни словечка не далъ о себѣ знать. У насъ въ домѣ ровно ничего нѣтъ, да кромѣ того еще и не знаешь, что съ нимъ могло случиться.

Она присѣла на деревянный диванъ и глядѣла прямо передъ собой усталыми, грустными глазами; потомъ она вздохнула и поправила волосы подъ головнымъ уборомъ.

— О, навѣрно, съ нимъ ничего не случилось. Онъ тогда написалъ-бы. Какъ поживаетъ бабушка? Съ нею трудно теперь будетъ.

— Да, конечно, трудно будетъ. Онъ всегда былъ такъ удивительно ласковъ къ ней. Онъ даже ни слова не сказалъ, что пришла къ намъ

въ домъ старушка-мать, которую надо кормить и нянчить. Подумайте, въ послѣднемъ своемъ письмѣ онъ просилъ меня узнать, нѣтъ ли чего-нибудь такого, чего бы ей очень ужъ хотѣлось, и велѣлъ мнѣ достать ей это. Всякъ знаетъ, каковы другіе. Но ей всего только и захотѣлось немного шафранной булки къ кофе, что я и купила ей.

Эмма, стала собирать старушкѣ кое-что: хлѣбъ, молоко и даже кусокъ окорока. Разсказъ о томъ, какъ ласково человекъ этотъ относился къ своей тещѣ, тронулъ ее. Въ деревнѣ чрезвычайно рѣдко хорошо относятся къ тому, кто получаетъ вспомошествованіе отъ общества призрѣнія о бѣдныхъ, безразлично, жѣмъ бы данное лицо ни приходилось—тещей ли, или чужой.

Затѣмъ она взяла кофейникъ, стоявшій на плитѣ, и налила ей чашку кофе.

— Выпейте глоточекъ кофе, матушка.

Жена торпера для виду нѣсколько разъ слабо отнѣкивалась, но по ея манерѣ ѣсть видно было, что она отнюдь не относилась къ этой трапезѣ единственно только какъ къ угощенію. Она ѣла медленно и сначала молча. Потомъ она сказала:

— Да, Эмма собирается замужъ къ веснѣ. Да еще за такого молодца. Теперь, поди, скучно, когда жениха нѣтъ?

— О, эти мѣсяца скоро пройдутъ.

— Ну, да, что и говорить. Вотъ она ни при чемъ и осталась. Дѣвушка въ Голью, хоть и болтала много про то, что она выйдетъ за Канута Блюмквиста, или за Блюма, какъ его теперь стали называть. Такъ ей и надо. Кто отдастся мужчинѣ, тотъ и сиди потомъ со стыдомъ.

— Про кого вы говорите, матушка? — спросила Эмма низкимъ голосомъ.

Видъ ея былъ спокоенъ, но вся комната заплясала у ней передъ глазами: печка, часы, столъ и женщина, сидящая за нимъ. Свѣтъ, что проходилъ въ окно, казался ей чернымъ.

— Ну да, известное дѣло про ту, съ которой у него мальчишка. Она всегда гонялась за парнями, а что мужчина можетъ получить, отъ того онъ никогда не отказывается: это всякъ знаетъ.

Эмма почувствовала въ груди жгучую пустоту какъ разъ въ томъ же мѣстѣ, которое прежде всегда дрожало отъ радости при мысляхъ о Канутѣ. Какъ во снѣ она сложила всѣ сѣстные припасы, предназначенные старушкѣ. Все, до чего она дотрагивалась или что видѣла передъ глазами, причиняло ей боль, точно все это находилось въ какой-то невидимой связи съ тѣмъ большимъ горемъ, что такъ внезапно нахлынуло на нее. Когда она прощалась съ женщиной, что-то въ ея глазахъ заставило старушку вздрогнуть.

— Ахти, Господи, не наговорила-ли я чего лишняго!

Эмма не шевельнулась.

— Нѣтъ, ничуть...

Она крѣпко заперла дверь и, обхвативъ голову обѣими руками и чувствуя непреодолимое дикое желаніе испытать чисто физическую боль, она безпомощно стукнулась объ стѣну, и мучительное рыданіе безъ слезъ потрясло всѣ ея члены. Она корчилась, какъ въ судорогахъ, стонала отъ боли, стискивала руки такъ, что косточки трещали и, наконецъ, изъ груди ея вырвался громкій, острый крикъ, который испугалъ ее самое. Ей показалось, что закричалъ кто-то другой. Она вскочила въ ужасѣ, оглянулась, ей показалось, что она не одна, и отъ страха морозъ пробѣжалъ по кожѣ, такъ что зубы во рту застучали.

— Ну да, извѣстное дѣло, про ту, съ которой у него мальчишка.

Она схватила шаль, закуталась въ нее и бросилась вонъ. Она шла быстрыми шагами, а въ мозгу ея что-то стучало, точно вся голова собиралась лопнуть; пла, не глядя куда, все впередъ по дорогѣ, которая длинной, изломанной линіей тянется по восточной сторонѣ острова. Она опомнилась, стоя передъ движущейся вѣтряной мельницей. Большія крылья медленно, мучительно однообразно описывали въ воздухѣ большую окружность. Она не могла понять, почему она такъ устала на нее. Машинально глаза ея слѣдили то за однимъ, то за другимъ крыломъ. Вотъ оно высоко въ воздухѣ, вотъ медленно поворачиваетъ книзу, а вотъ уже чуть-чуть не касается земли.

Она вздрогнула и пошла далѣе. Жгучая пустота опять вернулась, а съ нею страшное чувство одиночества. Она оглянулась и побѣжала, какъ, бывало, въ дѣтствѣ еще ребенкомъ бѣгала въ темнотѣ, сама не зная, чего боится. Такъ она все бѣжала впередъ, едва переводя духъ, такъ что сердце стучало и слезы готовы были брызнуть изъ глазъ. Она свернула съ дороги и побѣжала прямо по сухой пустынной степи, все бѣжала, не останавливаясь. А страшный испугъ все не покидалъ ее. Нѣтъ сомнѣнія, кто-то преслѣдуетъ ее. О Боже, Боже! Зачѣмъ она одна бѣжитъ въ темнотѣ по тусклой пустой степи, простирающейся на много, много миль кругомъ? Она зябла, хотя на лбу выступили капли пота. Она опять вскрикнула. Ей казалось, что чьи-то сильныя руки сзади пригнули ее къ землѣ, и, падая въ изнеможеніи, она залилась горькими слезами. Затѣмъ она почувствовала новый притокъ воздуха, почувствовала, что она, наконецъ, опять можетъ свободно вздохнуть, и долго, долго плакала такъ, прижавшись горячимъ лицомъ къ холодной землѣ.

На другой день Эмма одна тихонько вошла въ избу. Она подошла къ старому желтому комоду, открыла ларь и вынула оттуда перо и чернила. Потомъ она хотѣла писать, но все тѣло ея такъ сильно задрожало, что она должна была отложить перо въ сторону. Она перевела духъ и, немного спустя, опять взялась за бумагу, положила ее передъ собою и медленно написала большими холодными буквами:

«Тяжело писать тебѣ объ этомъ. Но теперь все кончено между нами. Ты самъ знаешь, что ты обманулъ меня и что другая имѣетъ на тебя право. Не возвращайся,—это ни къ чему не приведетъ. Можетъ быть, я могла бы простить тебѣ, но та великая любовь, что я питала къ тебѣ, исчезла и никогда уже не вернется, что бы я ни думала.

«Какъ могъ ты молчать, Кануть? Молчать до тѣхъ поръ, пока стало уже поздно. Никогда я не отдала бы тебѣ своего сердца, еслибъ я знала, что я этимъ причиняю несчастье другой.

«Прощай навѣкъ! опять остаюсь я здѣсь одна. Впрочемъ, нѣтъ ужъ для меня иной судьбы въ этомъ мірѣ.

Эмма».

Она сложила письмо, написала адресъ, пошла въ маленькую почтовую контору и отдала его. Но, возвращаясь, она на мгновение остановилась взглянуть на море, покрытое тяжелымъ осеннимъ туманомъ. Вздвигнувъ, она вытащила засовъ у воротъ, вошла и закрыла ихъ за собой. При этомъ раздался глухой звукъ, и съ чувствомъ безнадежнаго отвращенія ко всему она вернулась къ своимъ дѣламъ по хозяйству.

И это чувство не мѣнялось. Оно гнетомъ лежало на душѣ, какъ сѣрый туманъ надъ моремъ. Черезъ пять недѣль пришло письмо изъ Америки къ дѣвицѣ Эммѣ Персонъ. Письмо было отъ Канута.

Эмма цѣлый день продержала письмо нераспечатаннымъ въ карманѣ. Вечеромъ она взяла съ собой фонарь и пошла на чердакъ. Тамъ она усѣлась на балку и распечатала письмо.

Когда она успокоилась настолько, что могла различать буквы, она прочла слѣдующія строки, написанныя яснымъ, бѣглымъ почеркомъ, почти такъ же хорошо, какъ писалъ учитель:

«Я знаю, что у меня нѣтъ права защищаться передъ тобой, но я скажу тебѣ только одно, а именно, что я раньше каждый день собирался сказать тебѣ это. И если я ничего не сказалъ, когда сватался, такъ это оттого только, что любовь моя къ тебѣ была такъ велика, что я тогда позабылъ рѣшительно обо всемъ. А потомъ я каждый день откладывалъ это объясненіе, пока стало уже поздно. Послѣдній вечеръ я собрался было признаться тебѣ во всемъ, но вошла твоя тетка, и я такъ ничего и не сказалъ. Не хочу говорить въ свою защиту, что много, много другихъ поступало точно такъ же, какъ я. Но если ты меня любишь, ты такъ же не имѣешь права говорить такъ. Счастье не часто встрѣчается въ жизни и я всегда думалъ, что если любишь другъ друга, такъ не затѣмъ, чтобы мучить другъ друга, а чтобы создать взаимное счастье. И если я даже провинился передъ тобой, ты не имѣешь права, слышишь, не имѣешь права отталкивать меня, коль скоро я сознаюсь въ своей винѣ.

«Неужели же ты думаешь, что я чувствовалъ себя счастливымъ, зная то, что ты теперь знаешь, и думая цѣлыми днями все о томъ же?

Но мы, вѣдь, встрѣчались всего только недѣлю и я сталъ думать, что потомъ всегда можно будетъ написать тебѣ объ этомъ. Я думалъ, что если любовь твоя такова, какъ ты говорила, то чувство твое не уменьшится, если ты узнаешь, что на моей совѣсти вина. Если бы я не былъ такъ увѣренъ въ твоей любви, я раньше бы навелъ справки; но я объ этомъ никогда и не думалъ, ибо я знаю, что, если человѣкъ *не дурной* сдѣлалъ что-либо дурное, онъ особенно сильно нуждается въ поддержкѣ другого. И теперь я прошу тебя, Эмма, хоть письмо твое и было такъ сурово, подумай объ этомъ еще разъ и помни, что если я провинился передъ тобою, такъ вѣдь это можно еще поправить. Но если ты оттолкнешь меня, такъ *этого* уже никогда не поправишь.

«И никакъ я не могу повѣрить, что ты останешься при томъ, что писала. Вѣдь, ты сдѣлала бы насъ обоихъ несчастными на всю жизнь.

«Я думаю о тебѣ постоянно и днемъ, и ночью, и остаюсь твоимъ другомъ

Кавутомъ Блюмомъ».

Эмма уронила письмо на колѣни и молча оглянулась. Огонь въ фонарѣ вспыхивалъ отъ сквозняка и бросалъ слабый, дрожащій свѣтъ на сучковатый полъ, подъ строила потолка, вверхъ подъ черепицы кровли, на сундуки, старыя одежды, на разобраннй ткацкій станокъ, стоящій въ одномъ углу, и внизъ на лѣстницу съ узкими, покатыми ступеньками.

Она отрицательно покачала головой и маленькія губы ея плотно сжались. Первое чувство испуга исчезло давнымъ давно и уступило мѣсто, или вѣрнѣе, пожалуй, переродилось въ другое. Ей было совершенно ясно, хотя она не въ состояніи была бы сказать почему, что она *не можетъ* принадлежать Кавуту. Она отдалась ему въ той увѣренности, что она для него не только есть, но и была постоянно единственной женщиной въ мірѣ. Что касается до его юношеской любви къ теткѣ, такъ она въ мысляхъ своихъ какъ-то безсознательно все умаляла и умаляла это чувство, пока оно, наконецъ, не стало казаться ей мимолетнымъ увлеченіемъ, которое не могло даже претендовать на имя любви. Она въ своихъ мысляхъ совершенно отодвинула эту связь, такъ что никогда не видала ея такой, какой она была въ дѣйствительности, но съ чисто женскою непослѣдовательностью ей и въ голову не приходило отнестись такимъ же образомъ къ той, другой, къ ней, которую онъ и вправду никогда не любилъ, и съ которою только въ силу плотскаго влеченія прижилъ ребенка. Она воображала, что и онъ, такъ же, какъ и она, прожилъ жизнь съ заранѣе уже созданнымъ образомъ того, кого онъ полюбитъ, и съ извѣстною гордостью она себя увѣрила, что въ теткѣ ея онъ любилъ только то, въ чемъ она сама на нее походила. Когда онъ потомъ встрѣтился съ нею самой, она для него стала единственной и больше уже ни одной жен-

щины для него не существовало. Его любовь была точно вѣками накопленное сокровище, которое онъ подарилъ ей, и она была счастлива.

А теперь?! Нѣтъ!.. Она не могла снова увидѣть его. Та картина счастья, до которой она домечталась, сидя длинными, теплыми лѣтними вечерами передъ окномъ, глядя на богатую красками однообразную степь съ полями, засѣянными пшеницей, съ сухою травой, со скорченными кустарникомъ и верескомъ, съ высокими вѣтрянными мельницами, стоящими въ рядъ, и засматриваясь на безбрежное синее море, свободно и вольно, шумѣвшее вокругъ; то счастье, до котораго она додумалась, сидя зимнимъ вечеромъ одна одинешенька въ избѣ, уставясь глазами въ огонь на очагѣ и прислушиваясь къ завыванію вьюги въ трубѣ— эта картина такъ въѣлась ей въ душу, что она не могла уже вообразить иного счастья. Она никогда не повѣритъ въ другое счастье. Никогда. Она могла обойтись вовсе безъ него, но если ей суждено получить счастье, она хотѣла владѣть имъ сполна.

Послѣ этого она не могла любить Канута.

Она обдумывала это съ мучительною точностью, терзавшею ей грудь. Пройдутъ дни и годы, и горе убьетъ ее. Но она не можетъ дать ему иного отвѣта.

Она вошла къ себѣ и мапинально легла съ письмомъ подъ подушкой. Она лежала въ комнатѣ на чердакѣ и одна изъ служанокъ, которая спала съ нею въ одной комнатѣ, уже громко и ровно всхрапывала. Эмма не могла спать. Она нетерпѣливо вертѣлась на кровати и холодный потъ покрылъ всѣ ея члены. Она встала и босыми ногами привялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, пока все тѣло ея не стало мерзнуть. Тогда она закуталась въ шаль, взяла въ руки свѣчу и тихо стала спускаться по лѣстницѣ.

Внизу въ избѣ никто не спалъ. Она сняла ключъ, который лежалъ надъ дверною рамою, тихо перевернула его въ замкѣ и вошла.

Затѣмъ она вынула почтовую бумагу, положила ее на столъ и написала.

«Лучше пусть все останется такъ, какъ есть. Я не могу отвѣтить иначе. Между нами все кончено, и теперь прощай.

Эмма».

Затѣмъ она запечатала письмо, написала адресъ, взяла его съ собой и со свѣчою въ рукѣ отправилась той же дорогой.

Никто не слышалъ ея и, очутившись снова въ кровати, она тяжело заснула и увидала во снѣ, что какія-то невидимыя руки уносятъ ее по воздуху куда-то далеко, далеко за горы и лѣса. Она содрогнулась отъ ужаса и притаила дыханіе; вдругъ она почувствовала себя безъ опоры, упала и, дрожа отъ страха, съ крикомъ проснулась.

Разсвѣло. Другая дѣвушка только что встала.

— Что случилось?

— Мнѣ только приснилось что-то.

Она опять закрыла глаза и вся съежилась въ постели. Она боялась безконечнаго рабочаго дня, за которымъ ей не предвидѣлось ни одинаго часа праздничнаго отдыха.

Псаломъ прозвучалъ, священникъ стоялъ передъ алтаремъ и сухимъ, однообразнымъ голосомъ читалъ слова текста:

«Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ; возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко».

Эмма сидѣла на одной изъ скамеекъ, посрединѣ, рядомъ съ теткой и слупала слова священника. Прежде случалось, что она, сидя въ перкви, раздумывала о постороннемъ, а послѣ знакомства съ Канутомъ какія-то странныя мысли всегда бродили у нея въ головѣ, когда она была тамъ. Ей казалось, что ей не надо всего этого, чтобы прожить свою жизнь и умереть въ положенный часъ своею смертию. Иногда она оставалась дома, такъ какъ ничего ей не надо было, пока она была счастлива.

Но сегодня она воспринимала все иначе. Съ какимъ-то горькимъ сладострастіемъ она упивалась каждымъ словомъ священника про то иго, что налагается жизнью на каждыаго человѣка.

«Ибо всѣ вы знаете, слушатели мои, вы знаете изъ ежедневнаго и ежечаснаго опыта, что тотъ міръ, въ которомъ мы всѣ въ грѣхѣхъ рождаемся, гдѣ жизнь проводимъ въ грѣхахъ, и отъ котораго мы всею душою и всѣми силами должны отрѣшиться, этотъ міръ—вовсе не храмъ радости. Это юдоль печали. Не даромъ же священное писаніе примѣняетъ это выраженіе. Но, слушатели мои, иго бываетъ двухъ родовъ. Ибо всѣ мы рабы подъ игомъ. Но одно иго отъ міра сего, и про тѣхъ, кто служатъ міру, про тѣхъ Господь отнюдь и не говоритъ, что иго ихъ благо и бремя ихъ легко. Ибо имъ уготовано то мѣсто, гдѣ плачь не умолкаетъ и огонь не угасаетъ.

«Но, друзья мои, есть и другое иго, и отъ того, кто добровольно возьметъ его на себя, отнимется то иго, что отъ міра сего. И онъ будетъ свободенъ. Ибо то иго, которое онъ несетъ на себѣ, взято имъ по доброй волѣ и иго сіе отъ Господа нашего, Иисуса Христа. Про это-то иго Господь и говоритъ: Иго Мое благо и бремя Мое легко».

Слова проникали ей въ душу, какъ хлѣбныя зерна въ только что вспаханную, плодородную землю. Развѣ не иго она взяла на себя? Но было ли то иго Христа, о которомъ говорилъ священникъ? Развѣ же это не самое горькое, самое тяжелое изъ всего пережитаго ею?

Съ напряженнымъ вниманіемъ она слупала дальше.

А священникъ говорилъ о небѣ. «Почему же иго Христа благо, а бремя Его легко? Прежде всего потому, что это это иго Христа, что иго это возлагается на наши плечи Его кроткою рукою. Но благимъ и

легкимъ оно всегда было и будетъ потому уже, что муки, вынесенныя нами здѣсь, ничто въ сравненіи съ радостью, ожидающей насъ въ послѣдствіи тамъ, на небѣ. Упираясь, какъ дѣти, противъ воли отца, мы, можетъ быть ропщемъ на это иго и въ безуміи своемъ жалуемся на страданія, которыя, однако, ничтожны, ибо они открываютъ намъ доступъ въ блаженную страну, гдѣ исчезаетъ всякое горе и умолкаютъ всѣ жалобы при звукахъ арфы вѣчной радости. Блаженны тѣ, кто не устаетъ, блаженны тѣ, кто съ покорностью и со смиреніемъ несетъ не иго міра сего, а то иго, которое возложено на него Господомъ. Блаженны тѣ, кого Господь застанетъ бодрствующимъ, когда придетъ. Блаженны во вѣки. Аминь».

Вздохъ облегченія пронесся по всему приходу, послышался шумъ отъ всѣхъ этихъ людей, которые теперь ради удобства разомъ перемѣнили мѣсто, звуки прочищаемыхъ носовъ и не громкихъ перешептываній. Тамъ и сямъ видѣлось лицо, украдкой выглядывавшее изъ-за носового платка или руки и разсматривавшее съ любопытствомъ всю эту массу наклоненныхъ голливъ. А сверху, съ каѳедры, опять раздался голосъ священника, глухой, сухой, измѣненный и равнодушный, такъ что его съ трудомъ можно было узнать.

— Славимъ Тя, Господи, и благословляемъ во вѣки вѣковъ.

Благодарственные слова эти были произнесены такимъ тономъ точно всѣ обрадовались, что дошли, наконецъ, и до этого. Но для Эммы все то, что говорилось потомъ, о Словѣ и о Святыихъ Таинствахъ, о королѣ и о родственникахъ королевскаго дома, о государственномъ управленіи и о Божьемъ Промыслѣ, формула обрученія, объ усопшихъ по волѣ Божьей, «Отче нашъ», псаломъ и «Благослови насъ, Господи»,— все это для нея не имѣло никакого значенія.

Всею силою души она уцѣпилась за одну мысль: было-ли то иго, что она взяла на себя, отъ Бога или же нѣтъ? И съ чувствомъ какого-то оцѣпѣняющаго мира она дала мыслямъ своимъ успокоиться въ сознаніи, что она затѣмъ и родилась на свѣтъ, чтобы страдать, и что придетъ время, когда и для нея откроются врата рая, и она вкуситъ блаженство, вѣчное блаженство. Она въ какой-то полудремотѣ съ легкимъ содроганіемъ все снова и снова повторяла это слово. И въ мысляхъ ея возстало все ея однообразное дѣтство, надежда на достиженіе того счастья, которое она теперь съ мучительнымъ самообладаніемъ силилась называть счастьемъ міра сего, ей грезилось пустынная степь, гдѣ она лежала въ слезахъ въ тотъ первый, ужасный вечеръ, рисовалась безотрадная жизнь, ожидающая ее въ будущемъ, гдѣ ни единый день радости уже не смѣнитъ вѣчные будни, и, желая, чтобы звуки органа убаюкали ее, она закрывала глаза и слышала, какъ таяли тревожные крики сердца о счастьѣ въ мечтѣ о какомъ-то неопредѣленномъ блаженствѣ, сіявшемъ передъ нею такъ

же, какъ красноватые отблески заката дрожать на короткой травѣ и на густомъ верескѣ однообразной степи.

Когда служба кончилась, она пошла за теткой домой, помогла ей во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ и, когда насталъ вечеръ, она заснула, уставъ работать, уставъ думать и безсознательно радуясь, что она нашла, наконецъ, хоть слабый свѣтъ въ темнотѣ, лишенной яснаго днезнаго солнца.

Тетка, какъ и всѣ другіе, конечно, отлично знала о прошломъ романѣ Канута и, будь Эмма въ этомъ случаѣ похожа на другихъ дѣвушекъ ея среды, она давнымъ давно коснулась бы этого вопроса и постаралась-бы уговорить ее. Она про себя думала, что прошлаго уже не воротить, что измѣнить случившееся невозможно, а если дѣвушка не хочетъ любить его такимъ, каковъ онъ есть, такъ и не надо. Не требовать же, чтобы весь міръ вдругъ наполнился мужчинами—ангелами въ угоду какой-то дѣвчонкѣ. Но такъ какъ она знала про пришедшее изъ Америки письмо и послѣ того ни разу не видала дѣвушки веселой и не слышала отъ нея ни единого лишняго слова, кромѣ самаго необходимаго, ея честное и благоразумное сердце крестьянки распалилось гнѣвомъ, и въ одинъ прекрасный день она обратилась вдругъ къ Эммѣ съ вопросомъ, что съ ней такое случилось.

Тетка была маленькая и тщедушная и у ней были крошечные, сѣрые, умные глазки, которые, когда слѣдовало, зорко умѣли все подмѣтить. Теперь же все ея маленькое тѣло возмутилось.

— Что съ тобой приключилось такое, дитя? Скажи-же, ради Бога, что съ тобой попричилось? Виданное-ли дѣло ходить изо дня въ день и вѣшать носъ, какъ ты?

Эмма ничего не отвѣтила, а вмѣсто этого только усѣлась какъ можно дальше отъ тетки.

— Что съ тобой приключилось такое, дитя? Бѣда что-ли какая-нибудь случилась?

— Бѣда тутъ какъ тутъ, когда ее меньше всего ожидаешь.

— Чтонибудь съ Канутомъ? Ужъ не захворалъ-ли онъ? Ты ни слова не говорила объ этомъ.

Эмма подняла глаза.

— Да, пожалуй, лучше за одно ужъ сказать вамъ, тетя. Между нами все кончено, и этого ужъ никогда не поправить.

Мадамъ Ольсонъ замѣтила, что ей надо сначала дѣйствовать осмотрительно. Тутъ строгостью ничего не подѣлаешь.

— Ты, надо полагать, услышала что-нибудь про ребенка и про все это,—сказала она немного низкимъ, но спокойнымъ голосомъ.

Эмма кивнула.

— Не говорите объ этомъ,—запальчиво сказала она,—я все знаю. Мнѣ не втерпѣть больше думать объ этомъ.

«Миръ воиѣ», № 9, сентябрь. отд. 1.

Но тутъ мадамъ Ольсонъ тоже всплыла, она съ такой силой швырнула ложку, бывшую у ней въ рукѣ, на столъ, что по всему дому раздался грохотъ.

— Какое тебѣ до этого дѣло?—начала она.—Да, еслибъ это случилось послѣ, тогда, пожалуй, было-бы хоть съ чѣмъ нибудь сообразно. А теперь, когда прошло уже столько лѣтъ и эта старая исторія уже давнымъ давно забыта, тебѣ вдругъ пришло въ голову раздуть такую исторію, точно онъ ни вѣсть Богъ какое зло натворилъ. Ты, я полагаю, стала такъ привередлива оттого, что ты всегда дѣлала, что хотѣла, и сладу съ тобой не было, когда ты, бывало, вобьешь себѣ что-нибудь въ голову. Но теперь конецъ этому, ручаюсь. Неужели-же ты думаешь, что и берусь сказать Ольсону, что ты надумала поступить, какъ шальная, теперь, когда явилась возможность такъ честно и хорошо пристроить тебя? Мнѣ-то и говорить это, когда я же и уговорила его взять тебя въ домъ и дать тебѣ волю, точно ты была намъ родное дитя. Нѣтъ, чортъ возьми, конецъ этому и въ этотъ разъ не быть по твоему! Неужто ты думаешь, что всегда получаешь того, кого хочется? Нѣтъ, сунься да попробуй, такъ увидишь. Ну, да и такъ проживешь, хотя въ молодости и не вѣрится этому. Но, если ужъ выпадаетъ такое счастье, что, дѣйствительно, получаешь того, кого любишь; такъ надо быть безумной, чтобы вести себя такъ, какъ ты теперь. Что ты, собственно говоря, намѣрена дѣлать? Не собираешься ли остаться у насъ на хлѣбахъ, пока сдѣлаешься старой бабой?

Эмма встала.

— Я не сдѣлаю вамъ никакого ущерба или непріятности. Я могу пойти на мѣсто.

— Пххх..-! Пойдешь на мѣсто? Уши вянутъ слушать. Чтобы люди стали говорить, что мы даже и прокормить-то тебя не могли! Ужъ не носи ты лучше вздора. Вѣдь, ты, кажись, не дочь какого-нибудь торпера.

Но тутъ у Эммы развязался языкъ и она высказалась объ этомъ вопросѣ такъ спокойно, такъ холодно, такъ сурово, такъ неумолимо, что тетка почти испугалась. Она говорила, что она не могла сама себя приневолить, и никто во всемъ мірѣ не въ состояніи будетъ это сдѣлать. Она отлично знала, что тетка для нея сдѣлала и этого она никогда не забудетъ. Но она также знала, что въ этомъ дѣлѣ она сама себѣ госпожа и, если они прибѣгнутъ къ насилію, такъ лучше ей сразу уйти отъ нихъ, а если они ее запрутъ, такъ можно, вѣдь, отказаться передъ алтаремъ. Да и, впрочемъ, каковъ бы тамъ ни былъ Кануть, а не такой онъ человекъ, чтобы силкомъ взять за себя дѣвушку.

Съ этими словами Эмма вышла изъ комнаты, и онѣ больше не заводи́ли разговора на эту тему.

А тетка подумала немного, ей пришло было на умъ, каково ей са-

мой приходилось все изъ-за того же парня. Но потомъ она въ негодованіи стиснула зубы, вспомнивъ о всѣхъ толкахъ, которые теперь пойдутъ по селу. И ей стало досадно, когда она подумала, сколько они уже истратили на дѣвушку и что, пожалуй, и дѣлали-то они это зря и что останется она теперь при нихъ въ старыхъ дѣвкахъ.

Миновало полгода, и по селу пошелъ слухъ, что Эмма выходитъ замужъ за сына богатаго Ларса Эрсона, Иоанна Эрсона, и что старикъ на старости лѣтъ будетъ находиться на изживеніи у дѣтей. Никто не могъ бы сказать, какъ все это случилось. Нѣкоторые говорили, что она, очевидно, польстилась на то, что станетъ богатой хозяйкой, нѣкоторые, что тетка приневолила ее, а еще нѣкоторые (но немного было тѣхъ, кто такъ говорилъ), что она рѣшилась на это съ горя, такъ какъ для нея теперь стало безразлично, что станется съ нею, разъ ужъ не судьба ей была получить того, кого она когда-то любила.

И, наконецъ, нашлись немногіе, которые утверждали, что всѣ эти причины вкупѣ и воздѣйствовали на нее.

Достоверно то, что Эмма была уже не такой, какъ раньше. У нея прежде была кроткая, спокойная улыбка, которая совсѣмъ исчезла. Когда она теперь улыбалась, выраженіе рта ея было какое-то суровое и въ улыбкѣ ея сквозила насмѣшка. Ей не часто уже случалось смотрѣть на людей такъ привѣтливо и хорошо, какъ прежде, и она совсѣмъ ушла въ себя. И ходила-то она не прежней легкой и увѣренною поступью.

Нѣтъ, она сильно измѣнилась.

Особенно упорно она даже и не сопротивлялась, когда тетка предложила ей взять его, Иоанна Эрсона. Сначала она только головой покачала и сказала нѣтъ. Но тогда мадамъ Ольсонъ принялась говорить, и много, и пространно толковала о томъ, что когда-нибудь да надо же выйти замужъ, потому что внѣ брака нѣтъ настоящаго счастья, что если получишь хорошаго мужа и будешь хозяйкой въ богатомъ домѣ, такъ не на что будетъ жаловаться, что Иоаннъ Эрсонъ такой человѣкъ, что лучшаго и пожелать невозможно и что, если она долго будетъ артачиться и браковать все, что ей предлагаютъ, она, пожалуй, и останется въ дѣвкахъ на всю жизнь. Конечно, говорили про Иоанна, что онъ скупъ и суровъ со своими людьми. Но, вѣдь, говорили такъ много, а вѣрить нельзя и половинѣ того, что говорятъ. Иначе ловко обойдутъ тебя люди, да впрочемъ, нѣтъ, вѣдь человѣка безъ недостатковъ.

И какъ-то случилось, что Эмма приняла въ концѣ концовъ предложеніе. Но потомъ ее вгоняло и въ потъ и въ дрожь, и она выговорила себѣ право не видѣть его до свадьбы. Свадьбу рѣшили справить весною.

О Иоаннѣ Эрсонѣ многое можно было сказать. Люди говорили, что

*

съ азбукой онъ нѣсколько знакомъ, но что «Отче Нашъ» онъ вовсе не знаетъ, много носилось всевозможныхъ слуховъ о томъ, какъ онъ соблазнялъ дѣвушекъ, забивалъ животныхъ до полусмерти, и какъ скупю онъ отмѣрялъ рожь для вспомошествованія бѣднымъ, когда ему приходилось этимъ заниматься. Какіе-то люди утверждали, что онъ по истеченіи срока аренды велѣлъ съести ихъ избушку и выгналъ ихъ изъ дому: такъ что жена арендатора, лежавшая въ родахъ, принуждена была родить на улицѣ. А бѣдняки еще добавляли, что крестьянинъ для бѣдныхъ все равно, что волкъ. Если онъ можетъ съ нихъ что-нибудь собрать, такъ не задумается. Никто и не повѣритъ, какіе они могутъ быть изверги.

Фактъ оставался на лицо, что окрестные жители терпѣть не могли Іоанна Эрсона. Онъ былъ не глупый человѣкъ, но жестокъ и ладить съ нимъ было не легко. Къ счастью, онъ не пилъ. И тутъ люди говорили, что потому только онъ и не пьетъ, что душа не лежитъ къ веселью.

Но какъ бы то ни было, а онъ собрался жениться на Эммѣ Персонъ, она приняла его предложеніе, и, въ одно прекрасное утро, онъ съ поѣзжанами прикатилъ изъ сосѣдняго села, гдѣ жилъ, чтобы справить свою свадьбу у Ольсоновъ, которые замѣняли Эммѣ родителей и сами хотѣли сыграть свадьбу.

Пили и ѣли, невѣста вышла въ коронѣ и въ вѣнкѣхъ изъ миртъ, а бѣлая фата была слегка прикрѣплена къ гладко и туго собраннымъ волосамъ. Глаза ея что-то покраснѣли, и лицо было блѣдное, но это не имѣло значенія. Невѣсты почти всегда такія, говорила мадамъ Ольсонъ, а кому же и знать, какъ не ей, опытному и старому человѣку. Ужъ красива-то невѣста была несомнѣнно—это вѣрно, широка въ бедрахъ и тонка въ талии, со здоровой и пышной грудью и съ маленькими, необыкновенно маленькими ножками, спрятанными въ изящныхъ городскихъ ботинкахъ изъ лакированной кожи и на резинкахъ. Женихъ засматривался на нее и сказалъ кому-то изъ близъ стоящихъ остроуту, при чемъ его плутоватые глазки сверкнули, а ротъ раздвинулся широкой улыбкой.

И двинулся поѣздъ вверхъ по церковному пригорку въ церковь, а колокола гудѣли и заунывные звуки органа далеко разносились подѣ церковные своды. Когда женихъ у алтаря взялъ руку невѣсты, она вздрогнула, какъ отъ удара. А когда она сказала «да», она произнесла это слово съ такимъ взглядомъ, что священникъ опустил глаза, точно устыдившись, что вѣнчаетъ ихъ. Но она держалась прямо и гордо, и всякъ въ церкви могъ ясно слышать, какъ она отвѣтила «да». Не могло быть сомнѣнія въ томъ, повѣнчана ли она, потомъ благословили ихъ, молодая чета наклонила головы, старушки плакали, а старички откашливались. А когда кончился псаломъ, всѣ ушли опять домой, и тамъ задали большой пиръ, который длился

до ночи. Подъ вечеръ завели хороводъ и сняли съ нея корону, и корона эта досталась Стинѣ изъ Вестергорда, той дѣвушкѣ, что была такъ весела и всю жизнь носилась, какъ ураганъ, такъ бывало во время конфирмаціи, такъ было и теперь, когда она играла въ любовь съ парнями. Когда корону сняли, Іоаннъ взялъ свою невѣсту и посадилъ ее въ экипажъ. Онъ выпилъ и водки и вина, онъ былъ веселъ и пѣлъ.

Такъ они и уѣхали со двора, всѣ проводили ихъ крикомъ ура, Калле выстрѣлилъ изъ пистолѣта, всѣ махали шляпами, а дворовый пестъ опустил хвостъ и завылъ.

Люди сказали, что это дурное предзнаменованіе. Это къ покойнику. Но когда экипажъ выѣхалъ на проселочную дорогу въ темногу, невѣста закрыла лицо обѣими руками и зарыдала, но не могла проронить ни единой слезинки.

Теперь Эмма была замужемъ, и никто не замѣчалъ, что не все такъ, какъ должно, и какъ люди ни старались вывѣдать что-нибудь, Эмма никому не рассказывала, каково ей живется, и всегда уклончиво отвѣчала всѣмъ, кто пускался въ разспросы.

Ей жилось хорошо, въ этомъ не могло быть сомнѣвія. Только мужъ ее иногда недоумѣвалъ, о чемъ это она постоянно задумывается. Онъ иногда почти боялся этой женщины, молча и спокойно повиновавшейся ему во всемъ, такъ какъ онъ чужьемъ догадывался, что у нея есть своя собственная воля и что какъ только проснется эта воля, она окажется гораздо сильнѣе его собственной.

Ясно, что сначала у Эммы было очень много хлопотъ и заботъ. А непрерывная работа развлекаетъ мысли. Но среди всѣхъ заботъ, что за день заполняли все ее время, она постоянно испытывала какую-то все возрастающую горестъ. Эту горестъ можно было заглушить, отодвинуть, забыть про нее, но она упрямо возвращалась. И возвращалась она уже сильнѣе прежняго и разрасталась въ какую-то тревогу, преслѣдовавшую и томившую ее, и тревога эта становилась настоящимъ бичемъ. Она все время поддерживала ее душевную энергію и не давала ей возможности свыкнуться и сродиться съ тою жизнью, какую она вела. Одно страшное воспоминаніе преслѣдовала ее.

Въ первое же утро, когда мужъ ушелъ, а она уже встала, она долго, долго просидѣла неподвижно на краю кровати, и румянецъ жгучаго стыда заливалъ ей щеки. Она взглянула на свои члены и одѣлась съ лихорадочною поспѣшностью. У ней явилось непреодолимое желаніе скрыть свое поруганное тѣло, скрыть его отъ собственныхъ глазъ, чтобы они и не видали того позора, о которомъ знала только она, одна она и больше никто. Вѣдь, всѣ другіе считали законную жену этого человѣка за честную женщину.

Когда она подошла къ зеркалу, чтобы причесаться, она увидала

на одной сторонѣ шел большое блѣдно-красное пятно. Она густо вспыхнула и съ безпокойствомъ стала застегивать платьѣ до самаго ворота. И она долго простояла передъ зеркаломъ, борясь со всѣми тѣми мыслями, что возникали и пропадали въ ея душѣ.

Она его жена? Она честная? Она?!...

Когда она вошла въ кухню, ей показалось, что прислуга какъ-то оскорбительно глядитъ на нее. Она вышла изъ дому, взглянула на скотный дворъ, посмотрѣла на садъ, картофельное поле, кусты крыжовника, на капусту, прошла за ворота и бросила взглядъ вдоль сельской улицы, гдѣ строенія вытянулись длинной, однообразной лентой, всѣ съ красными стѣнами и сѣроватыми воротами, точь въ точь, какъ дома. Напротивъ, на холмикѣ кружилась вѣтряная мельница. Большія крылья описывали большую, медленную окружность. Мучительное воспоминаніе проснулось въ ней, и она не могла отвести глазъ отъ крыльевъ мельницы. Машинально она слѣдила глазами то за однимъ крыломъ, то за другимъ. Вотъ сейчасъ оно высоко, высоко взлетало на воздухъ, теперь медленно поворачиваетъ книзу, теперь почти касается самой земли.

Чудилось ей, что она у чужихъ, гдѣ ей не по себѣ, и она равнодушнымъ взглядомъ обводила все это, до чего ей не было ровно никакого дѣла.

Въ то же утро, немного попозже, пришли свадебные гости, и пиршество продолжалось.

Воспоминаніе объ этомъ днѣ была для нея крайне мучительно, и она боялась его.

Эмма себя не понимала. Она снова стала думать о Канутѣ. О Канутѣ, котораго она давно уже считала умершимъ для себя. О Канутѣ, котораго она забыла, котораго она оттолкнула. Она думала о немъ, она грезила о немъ. Однажды ей приснилось, что его голова лежитъ рядомъ съ нею на подушкѣ, и ей пришлось закусить одѣяло, чтобы не вскрикнуть, когда проснувшись, она увидала, что это другой.

Кануть вдругъ снова ожилъ для нея. За что бы она ни принялась, всюду онъ чудился ей, малѣйшій пустякъ напоминалъ ей о немъ, когда она шла куда-нибудь, ей казалось вполне возможнымъ увидѣть слѣды его ногъ. Она не тосковала по немъ, и ни за что на свѣтѣ не захотѣла бы снова встрѣтиться съ нимъ. Но самыя сокровенныя мысли ея принадлежали ему и, когда она раздумывала о своемъ бракѣ, какая-то щемящая душу тоска говорила ей, что она его обокрала.

Стина изъ Вестергорда, бывшая подружкой ея на свадьбѣ и сдѣлавшаяся ея единственнымъ, истиннымъ другомъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онѣ обѣ вмѣстѣ ходили къ священнику, однажды пришла навѣстить ее. Тогда Эмма была уже замужемъ цѣлый мѣсяць.

Стина была веселый ребенокъ, шалунья и проказница, жива и про-

ворна, какъ котенокъ, и рѣзва, какъ щебещущая пташка. Она увела Эмму съ собой въ свѣтелку и тамъ началась душевная бесѣда.

Стина сказала, что очень, должно быть, чудно быть замужемъ. Она обняла подругу, поцѣловала ее, и кружилась съ нею до тѣхъ поръ, пока у Эммы не занялось дыханіе.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь теперь? Какъ ты себя чувствуешь? Расскажи мнѣ, каково быть замужемъ. Каково тебѣ? Скажи. Очень, должно быть, чудно?

Наружность Эммы была невозмутимо спокойна и она отвѣтила только:

— О-о! придетъ срокъ, успѣешь сама узнать.

— А, такъ ты думаешь, я не знаю? Такъ я, видишь ли, могу великолѣпно себѣ это представить. Когда я была невѣстой Ионссона, такъ, знаешь ли, когда онъ, бывало, придетъ, и я его увижу, что то странно какъ-то ёкнетъ въ груди моей, и ничего мнѣ не остается, только глядѣть въ сторонку. А когда онъ потомъ, бывало, придетъ и обниметъ меня, такъ я прямо таки чувствую, какъ вся кровь моя остановится у самаго сердца... вотъ тутъ какъ разъ...—Она коснулась извѣстнаго пункта на своемъ лифѣ.

— И когда ему потомъ захочется поцѣловать меня, я не могу противиться ему, какъ бы ни желала этого, и онъ, бывало, такъ цѣлуетъ меня, что я готова прыгать и плясать. Такъ я рада. Ну, теперь конецъ этому. Хо-хо-да-да! Онъ мнѣ измѣнилъ, уродъ этакій, а теперь онъ женатъ на своемъ сокровищѣ. Да что мнѣ-то до этого? Подожди-ка, будетъ и на моей улицѣ праздникъ.

— Что, ты опять завела себѣ жениха?—сказала Эмма и улыбнулась.

— Опять?

Лицо ея приняло обиженное выраженіе.

— Да, такъ моя ли въ томъ вина? Развѣ я покончила съ нимъ? Неужели же мнѣ всю жизнь ходить отшельницей по его милости. Нѣтъ, покорно благодарю.

Она сняла шарфикъ и провела пальцами по волосамъ.

— Но, скажи, что съ тобой, Эмма? О чемъ ты задумалась? Вѣдь, у тебя видъ такой, точно ужасное горе обрушилось на тебя. Что случилось? Скажи же мнѣ. Я никому на всемъ свѣтѣ не скажу ни слова

Эмма стала серьезна. Она не могла долѣе владѣть собой; ей надо было поговорить съ кѣмъ-нибудь, кто могъ бы ее выслушать. Она знала, что другая, собственно говоря, и не пойметъ ее, но она не могла ничего подѣлать. Съ трудомъ, глухо, но ясно, она произнесла:

— Я безгранично несчастна. Ты не знаешь. Ты не можешь знать этого.

И, рыдая, она упала головой на столъ. Другая встала, подошла къ ней и заговорила безсвязно и добродушно, какъ ребенокъ, желающій утѣшить взрослого.

— Маленькая моя, милая моя Эмма, скажи мнѣ, что съ тобой?

Успокоившись немного, Эмма принялась рассказывать, сначала отрывисто и горячо, потомъ спокойнѣе. И чѣмъ больше она говорила, тѣмъ легче становилось у ней на душѣ. Точно у нея явилась опора, и все какъ-будто теперь стало яснымъ для нея, понятнымъ, страшно понятнымъ, такъ думалось ей. И когда подруга ушла, она стала такъ спокойна, какъ давно уже не бывало. Но она поняла, что поступила несправедливо, оттолкнувъ отъ себя Канута. Вѣдь всегда наши собственные недостатки учатъ насъ относиться снисходительно къ чужимъ. Теперь ей представился прекрасный случай вдуматься, каково сожительство съ кѣмъ-нибудь безъ любви. Что Кануть сдѣлалъ? Онъ только, будучи вполнѣ свободнымъ, опрометчиво завелъ связь, отъ которой онъ потомъ во что бы то ни стало хотѣлъ отдѣлаться.

А она сама что сдѣлала? Она холодно и обдуманно, несмотря на свою любовь къ Кануту, сначала оттолкнула его отъ себя, а потомъ, хотя она еще любила его, вышла замужъ за другого, съ которымъ теперь и сожительствуетъ; она законная жена этого человѣка, тогда какъ всѣ мысли ея вертятся около Канута. Она ѣсть его хлѣбъ, управляетъ его дѣломъ, она богата, всѣ почитаютъ и уважаютъ ее. И какъ ни возмущалась гордость ея, а пришлось самой себѣ сознаться, что она совершила такой же точно проступокъ. Только еще хуже, еще постыднѣе. То, что сдѣлала она,—преступленіе, наложившее на нее постыдное клеймо. И съ упорною склонностью къ самобичеванію, всегда имѣющейся у такихъ характеровъ, какъ ея, она теперь уже ясно знавала, что если она и будетъ когда-либо свободна, то не можетъ уже никогда принадлежать Кануту.

Даже если онъ проститъ ее, она не согласится на это. Никогда.

Послѣ этого она еще меньше прежняго стала разговаривать съ мужемъ. Но время шло и въ спутанныхъ мысляхъ ея назрѣвало рѣшеніе. Вся тревога ея скопилась, какъ призывъ о помощи, и помощь была уже не за горами. Она сдѣлалась достижимой для нея и уже не представлялась ей чѣмъ-то такимъ, чего даже представить невозможно. Она хотѣла уйти отъ всего, уйти прочь. Она только не знала, какъ взяться за это, какъ сдѣлать это возможнымъ. Когда она приходила въ церковь, тревога ея иногда умоляла, и она склоняла голову при мысли о словахъ, слышанныхъ отъ священника въ то воскресенье, которое представлялось ей такимъ далекимъ, далекимъ прошлымъ. Но она не могла совсѣмъ успокоиться на этой мысли. Въ ней зарождалось упорство, по ея мнѣнію, содержавшее въ себѣ зародышъ чего-то хорошаго. Смириться, можетъ быть, подчасъ и хорошо и справедливо, но иногда въ смиреніи скрывается смерть или даже хуже смерти.

А этому она не хотѣла покориться. Это зло наложено на нее не Богомъ. Она сама его на себя накликала. Она рвалась прочь, прочь отсюда. Въ головѣ ея медленно зародился планъ. Но она никому не довѣрялась. Да и развѣ нашелся бы кто-нибудь, кто не отсовѣтовалъ бы

ей? Она молчала и, идя какъ-то вечеромъ одна по полямъ, гдѣ не поднималось вверхъ ни единое деревцо, гдѣ низкія, каменные стѣны заграждали нивы, и гдѣ за стѣною беспредѣльно широко раскинулась сухая обширная степь,—она, вдругъ почувствовала себя сильной, сознавая, что она одна только знаетъ объ этомъ и что никто, никто даже и не подозрѣваетъ ея мыслей. И ей показалось, что въ молчаніи скрыта вся сила ея.

Мѣсяцы шли своимъ чередомъ, а она все точно ждала чего-то. Потомъ, какъ-то въ сентябрѣ вечеромъ завернулъ первый морозъ, но онъ тотчасъ же прошелъ, и на другой день воздухъ опять сталъ теплымъ, какъ и раньше.

Тогда она испугалась. Зима, долгая зима. Она знала, что ей не перенести зимы, и съ трепещущимъ сердцемъ она поняла, что часть настала.

Однажды утромъ она сказала мужу, что хочетъ идти къ теткѣ. Кстати, она, пожалуй, справится о деньгахъ, которыя посулилъ ей въ приданое дядя, но которыхъ они еще не получили. Что-то около тысячи кровъ. Мужъ немного опѣшилъ, но ничего не сказалъ. Разумѣется, она можетъ идти.

Она двинулась въ путь, выбрала себѣ кратчайшую тропинку по полямъ, такъ что до тетки стало не больше полумили.

Сентябское солнышко свѣжо и ясно сверкающими лучами озаряло сухую, бурюю почву; верескъ покрылся полуотцвѣтшими цвѣтами, среди которыхъ кое-гдѣ еще выглядывали запоздалые свѣжіе цвѣты, а на поляхъ рожь была уже сжата. Тамъ и сямъ прошелъ уже плугъ и разрыхлилъ черноземъ для озимаго посѣва новаго года.

Эмма тихо и спокойно шла впередъ. Иногда она останавливалась, чтобы перевести дыханіе, когда ей приходило на умъ, за какимъ дѣломъ она шла. Эти деньги, за которыми шла она теперь, и послужать ей средствомъ къ спасенію. Это ея деньги, по честности и справедливости ея. Она имѣла право взять ихъ, чтобы сдѣлаться свободной. Иногда она смотрѣла вдаль, въ сторону моря, гдѣ синій поясъ окаймлялъ извилистый берегъ. Тогда она чувствовала, какъ что-то теплое приливало къ груди, сжимало сердце, и глаза застигались слезами.

Но всю дорогу она мучила себя опасеніемъ, что ей, пожалуй, не удастся получить деньги. Она выдумывала про себя дѣлую кучу вѣроятностей, вплоть возможныхъ, и ей казалось, что всякій, взглянувъ на нее, сейчасъ же смекнетъ зачѣмъ она пришла, догадается о ея мысляхъ. Она шла все впередъ, но теперь это едва-ли зависѣло отъ ея рѣшенія. Она шла впередъ потому, что уже сдѣлала первый шагъ и не хотѣла отступать, потому, что стремилась впередъ, не могла и не хотѣла раздумывать до тѣхъ поръ, пока не остановилась передъ церковью и не увидала, какъ серьезно и торжественно прямая колокольня

ея вырисовывалась въ ясно-голубомъ воздухѣ. А напротивъ былъ домъ дяди, ея домъ, единственный родной ей домъ.

Она тихо повернула замокъ у воротъ и вошла во дворъ. Чудно было теперь проходить тамъ, видѣть цвѣточныя клумбочки подъ окнами, маленькій зеленый частоколь, отдѣляющій садъ отъ двора и, вообще, всю четырехугольную застройку съ соломенными крышами на службахъ и съ черепичной кровлей на жиломъ домѣ, этотъ тѣсный уголъ, который вмѣщалъ всю ея прошлую жизнь. Что-то больно, больно жальось въ груди при видѣ всего этого, и у нея явилось было желаніе зайти за домъ въ садъ, чтобы помечтать на покоѣ. Но это настроеніе сразу исчезло. Если она не получитъ денегъ? Если у дяди ихъ не окажется дома?

Она поспѣшно подошла къ дверямъ кухни и вошла.

Тетка стояла въ кухнѣ и натягивала основу. Она опѣшила, когда увидала Эмму.

— Тебѣ пройтись вздумалось? Ну, какъ вамъ живется?

— Спасибо. Все идетъ хорошо. Ты, тетя, возишься съ шерстью?

— Да, я собиралась поставить кросно на зиму.

Настала минутная тишина. Эмма соображала, какъ-бы лучше вести разговоръ на деньги. Она прислушалась къ тикаяню большихъ далекарійскихъ часовъ и бессознательно принялась считать.

— Надѣюсь, ничего не случилось дома у васъ?

У Эммы ёкнуло сердце.

— Нѣтъ, чему же случиться?

Потомъ она опять собралась съ духомъ.

— Іоаннъ хотѣлъ, чтобъ я сходила къ вамъ узнать, нельзя ли будетъ получить денегъ, обѣщанныхъ мнѣ въ приданое. Онъ говоритъ, что они нужны ему теперь.

Она почувствовала, что покраснѣла, потому что гнала, но сейчасъ же сообразила, что тетка подумаетъ, что она сконфузилась, напоминая про деньги.

Тетка приостановила работу.

— Точно бы Ольсонъ говорилъ, что надо устроиться такъ, чтобъ были дома деньги. Поговори-ка съ нимъ сама, когда онъ придетъ домой.

Эмма сняла кофту и стала дожидаться. Потомъ она подошла къ плитѣ и спросила, нельзя ли ей помочь готовить обѣдъ. Она не въ состояніи была сидѣть да думать.

Наконецъ пришелъ дядя. Онъ пахалъ, вспотѣлъ и усталъ. Поздоровался съ нею, ничего больше не сказалъ и усѣлся за столъ, а жена стала подавать ему кушанье.

— Эмма пришла по поводу этихъ денегъ,— сказала мадамъ Ольсонъ.

Эмма отвернулась и сильно прикусила губы. Она была почти увѣрена, что дядя не сразу дастъ деньги.

Онъ молча поѣлъ, прокашлялся и отложилъ ножикъ.

— Сколько же тебѣ слѣдовало получить?

Эмма быстро повернула голову.

— Вѣдь, вы знаете, дядя. Тысячу кронъ,—сказала она.

— Хмм... Да. Тебѣ, я думаю, хочется поскорѣе домой?

Онъ вошелъ въ свѣтелку и заперъ двери. Эмма слышала, какъ онъ тамъ перелистывалъ пачки ассигнацій. Когда онъ вышелъ, въ рукѣ у него было десять бумажекъ по сту риксдалеровъ.

Эмма взяла ихъ, не считая, и небрежно сунула ихъ въ карманъ, точно носовой платокъ.

— Батюшки свѣты, какъ ты обращаешься съ деньгами, дитя!

У нея голова закружилась, она ничего не видѣла, ничего не слышала, наскоро протиснулась, не слушая ни увѣщаній дяди побережь деньги, ни приглашенія тетки остаться обѣдать. Она слѣшила уйти, хотя волѣны подгибались отъ усталости, а въ головѣ такъ шумѣло, что весь черепъ, кажется, собирался треснуть. Она прошла по двору и, войдя въ темную подворотню, гдѣ никто не могъ ея видѣть, быстро выхватила изъ кармана ассигнаціи, все снова и снова пересчитывала ихъ, прижала ихъ къ лицу, а при этомъ грудь ея высоко вздымалась и большія, тяжелыя слезы капали на грязныя, зеленыя бумажки. Она вспомнила, что даже и не протиснулась хорошенько съ родными. А теперь она больше уже никогда не увидитъ ихъ, никогда. А они были для нея все равно, что мать и отецъ. Но она не посмѣла войти еще разъ. Не могла она придумать предлога. И потому она тихо удалилась, крѣпко скомкавъ бумажки въ судорожно сжатой рукѣ.

Два дня спустя она сказала мужу, что хочетъ съѣздить въ Кольмаръ, чтобъ навѣстить старую тетку, живущую тамъ.

Мужъ самъ утромъ запрягъ лошадь, чтобы отвезти ее къ тому мѣсту на западномъ берегу острова, откуда она должна была переправиться въ городъ.

Было ясное утро. Во время пути она все время молчала; какія-то странныя мысли тѣснились въ головѣ ея, унося съ собою весь тотъ міръ живой жизни, который до сихъ поръ существовалъ для нея; онъ какъ-то разстилали все это передъ внутренними очами ея, все становилось яснымъ, и ей показалось, что теперь она себя понимаетъ. Она поняла, какъ могла она выйти замужъ за того, кто сидѣлъ теперь бокъ о бокъ съ нею, и какъ она дошла до того, что должна была бѣжать отъ собственнаго своего дома и крова. Но она все же сидѣла прямо, прямо и спокойно. А взглядъ ея былъ прикованъ къ мѣстности, по которой ѣхали, точно она желала, чтобъ каждая особенность ея навѣки запечатлѣлась въ душѣ ея затѣмъ, чтобъ потомъ вспоминать обо всемъ этомъ, когда останется одна.

Она видѣла лугъ съ дубами, уронившими теперь свои листья, поля,

еще мѣсяцъ тому назадъ желтѣвшія отъ прекраснаго урожая, лѣсъ съ маленькими, тощими сосенками, нѣсколько старыхъ, корявыхъ вербъ. И все, что видѣла она кругомъ, точно посыпало ей прощальный привѣтъ.

Потомъ началась обширная, пустынная степь со своею коротенькою, сочною травкою, среди которой пятнами разползался низкорослый, выцвѣтшій верескъ. Тогда ея охватила глубокая, ей самой непонятная грусть. Сюда она, бывало, выйдетъ и смотреть на край неба, смотреть до самозабвенія, когда дома покажется черезчуръ тяжело и страстно захочется посмотрѣть куда-нибудь вдаль.

Весь этотъ видъ могъ рассказывать о ея мимолетномъ любовномъ счастьѣ и въ немъ было какое-то чувство, когда она внѣ себя отъ горя, безъ силъ упала на эту жесткую почву. Взоръ ея продолжалъ уноситься вдаль по этой необозримой степи, гдѣ часто совсѣмъ не видишь ни единого деревца, а тѣ немногія, что изрѣдка попадаются, какія-то жалкія, изсохшія и всегда какъ-то робко гнутся въ ту сторону, куда направилъ ихъ бичующій вѣтеръ, гдѣ маленькія, сѣренькія избушки съ торфяной кровлей и съ покосившимися трубами одиноко ютятся, точно заблудившіеся путники, или же вытягиваются длиннымъ, меланхолическимъ рядомъ одна подлѣ другой, а подлѣ избъ многочисленныя вѣтряныя мельницы, сѣрыя или грязновато-красныя, распростѣрли свои большія крылья, гдѣ, стоя у одной маленькой церкви, можно разглядѣть другую, такъ какъ ничто не мѣшаетъ кругозору. А когда они поднялись на холмикъ, гдѣ видъ расширяется, гдѣ прямо подъ ногами синѣетъ проливъ, а волны шаловливыми барашками разбѣгаются по немъ, гдѣ бѣлые паруса плавно скользятъ по синей водѣ, а яркіе солнечные лучи заливаютъ свѣтомъ противоположный берегъ, и сквозь легкую дымку утренняго тумана издали виднѣтъ Кольмаръ,— она еще разъ обернулась и долгимъ, долгимъ взглядомъ проводила все, что могла разглядѣть на Эландѣ. Теперь ей вспомнилось, какой здѣсь иногда лѣтомъ бываетъ прозрачный и чистый воздухъ, какими яркими, лучезарными лучами солнышко иногда освѣщаетъ все вокругъ, далеко, далеко, все, что можетъ обнять глазъ. Вспомнивъ, она готова была заплакать.

Но вдругъ экипажъ остановился, и путешествіе кончилось.

Когда она вышла и стала прощаться съ мужемъ, она такъ ласково пожала ему руку, что онъ послѣ вспомнилъ, какъ это его тогда изумило.

Она сидѣла на маленькомъ пароходѣ, который быстро несся прямо черезъ проливъ. Она видѣла, какъ городъ становился все яснѣе и яснѣе, различила перковь, имѣющую форму ратуши, замокъ съ валами, и наполовину разрушенными башнями, лазаретъ съ его сдавленными фасадомъ, длинный рядъ свѣтло-желтыхъ магазиновъ съ ихъ точно скучающимъ видомъ и, наконецъ, когда они завернули въ самую га-

вань, она замѣтила лодку у лодки около самой набережной, а въ лодкахъ стариковъ, бабъ, парней и ребятъ, продающихъ рыбу, которую они вытаскивали изъ бочекъ или просто со дна лодки; паруса на лодкахъ свободно мотались изъ стороны въ сторону по прихоти легкаго утренняго вѣтерка, а сами лодки носомъ царапались о толстыя каменные глыбы набережной. На берегу толпился народъ, дамы, дѣлающія покупки, фланирующіе молодые люди, собаки, которыя повсюду носились, обнюхивая что-то, служанки, женщины, рабочіе и ломовые извозчики.

Эмма была неспокойна. Почва точно горѣла подъ ногами. Вечеромъ уходилъ любекскій пароходъ, а до тѣхъ поръ она все сидѣла у старой тетки. Узелокъ платья, взятый съ собою, она оставила на пристани въ лавкѣ.

Когда насталъ вечеръ, она вышла. Она сказала, что хочетъ взглянуть на пароходъ. Ждали его въ семь часовъ, но онъ пришелъ только въ четверть девятого. Эмма пропрыгнула на судно и осталась подъ палубой, пока не услышала лязга цѣпей, когда стали отчаливать, звука свистка, и глухой, потрескивающей шумъ машины, только что пущенной въ ходъ.

Тогда она вышла на палубу и прислонилась къ борту. Долго она стояла въ сумеркахъ, глядя вдаль на море, разстилавшееся передъ нею, гдѣ одинокою свѣтлою точкою сіялъ маякъ южнаго мыса. Она свободно вздохнула и въ темнотѣ ночной простилась со всею тою жизнью, которую она теперь покидала, и чувствовала, что грядущій день принесетъ ей новую жизнь, можетъ быть, не такую покойную, но свѣтлую, сильную и богатую, жизнь, которою она можетъ жить, жизнь, которая вернетъ ей то, что отняла прежняя.

Много часовъ простояла она такъ, пока свѣтлая точка не осталась позади и не растаяла вдали контуры суши, и въ эту безмолвную ночь паръ увлекалъ ее все дальше впередъ по морю, гдѣ черныя волны, тихо покачиваясь, неслись къ той странѣ, что лежала по ту сторону моря.

* * *

День умеръ, ночь близка... извиистой каймою
Всталъ темный лѣсъ на фонѣ свѣтлыхъ тучъ,
Пятномъ туманнымъ поле предо мною,
А воздухъ тихъ, и влаженъ, и пахучъ.

Иду, какъ бы во снѣ, забытомъ, но знакомомъ,
Пятномъ луна зардѣла и взошла,
Боюсь спугнуть простымъ, холоднымъ словомъ,
Что эта ночь душѣ передала.

Я вѣрить не могу, что нѣтъ тебя со мною...
Быть можетъ, мнѣ лишь чудится во снѣ,
Что я одинъ съ туманной тишиною,
Что ты одна въ далекой сторонѣ...

Allegro.

Новый этюдъ по естественной исторіи человѣческаго общества.

Какъ развилось *человѣческое* общество, со всѣми проявленіями *человѣческой* общественной жизни, какъ слагались первыя основы организаціи общества, какъ въ жизни этого общества, представляющей лишь одно изъ проявленій жизни вообще, преломлялся общій біологическій законъ дифференціаціи, приспособленія, наследованія и отбора, вотъ вопросы, на которые пытается отвѣтить появившаяся недавно книга молодого германскаго ученаго — *Вольтмана* *). Авторъ не создаетъ самъ новыхъ теорій, но комбинируетъ въ стройную систему уже существующія воззрѣнія, развивая и углубляя ихъ, и—поскольку еще много спорнаго и неясненнаго въ тѣхъ соціологическихъ теоріяхъ, которыми воспользовался Вольтманъ,—много спорнаго и много пробѣловъ можно усмотрѣть и въ предложенномъ имъ синтезѣ, тѣмъ не менѣе не лишенномъ большого интереса. Авторъ книги — сторонникъ теоріи экономическаго матеріализма, вѣрище, онъ сторонникъ общей тенденціи этой теоріи, сущность которой онъ видитъ въ примѣненіи естественно-историческаго метода къ изученію развитія человѣческаго общества, въ идеѣ развитія и борьбы, въ этомъ общемъ принципѣ, присущемъ какъ органическому, такъ и соціальному міру. Какъ самостоятельно-мыслящій человѣкъ. Вольтманъ видитъ долгъ послѣдовавателя извѣстнаго ученія не въ томъ, чтобы клясться словами учителей—въ данномъ случаѣ Маркса и Энгельса,—а въ томъ, чтобы продолжать ихъ дѣло, углубить и пополнить ученіе, видоизмѣнить его, согласно съ современнымъ состояніемъ науки.

Уже сами Марксъ и Энгельсъ сознавали недостаточность одного только экономическаго толкованія исторіи. «Энгельсъ сообщаетъ,—говоритъ Вольтманъ,—что Марксъ намѣревался сопоставить съ данными своего матеріалистическаго изслѣдованія исторіи результаты изслѣдованія Моргана о первобытномъ обществѣ и только такимъ образомъ предполагалъ возможнымъ вполнѣ выяснитъ сущность своей теоріи». Тотъ же Энгельсъ передаетъ нѣкоторыя критическія замѣчанія Маркса.

*) Ein Beitrag zur Naturgeschichte der menschlichen Gesellschaft. Von Ludwig Woltmann, D-r med. et phil. VIII+397 s. Düsseldorf. 1899.

въ которыхъ тотъ пополняетъ экономическія соображенія фізіологическими и сводитъ сущность матеріалистическаго міровоззрѣнія къ тому, что, въ конечномъ счетѣ, опредѣляющимъ моментомъ исторіи онъ признаетъ производство и воспроизведеніе непосредственной жизни. «Но этотъ процессъ двоякаго рода: съ одной стороны, производство жизненныхъ средствъ, — предметовъ питанія, одежды, жилища, — и необходимыхъ для того орудій; съ другой — производство самихъ людей, продолженіе рода. Общественныя учрежденія, среди которыхъ живутъ люди даннаго историческаго періода и данной страны, обуславливаются обоими видами производства: исторіей развитія, съ одной стороны, *труда*, съ другой, — *семьи*». «Формы труда и семьи являются, — продолжаетъ Вольманъ, — дѣйствительно, матеріальными, т. е. техническими и органическими основами всякой соціальной естественной исторіи». Въ этомъ положеніи и заключается ядро экономическаго матеріализма. «Но нужно помнить, — говоритъ Вольманъ, — что Марксъ не развилъ своей теоріи въ полную систему, и что съ прогрессомъ положительныхъ знаній детальное развитіе этой основной мысли матеріалистическаго міросозерцанія должно необходимо измѣниться. Въ Марксовомъ представленіи исторіи, человѣкъ, являющійся въ дѣйствительности носителемъ и цѣлью всего экономическаго процесса, разсматривается только какъ экономическая, а не какъ антропологическая, точнѣе психологическая категорія. Здѣсь и находится тотъ пунктъ, въ которомъ экономическій матеріализмъ долженъ быть, путемъ болѣе широкихъ біологическихъ соображеній, приведенъ въ связь съ общимъ естественно-научнымъ ученіемъ о развитіи. Для уразумѣнія прогресса въ человѣческой культурѣ, необходимо принять въ соображеніе, кромѣ экономическихъ, еще и другія понятія, заимствуемыя изъ психологій и общей біологій, — понятія дифференціаціи, приспособленія и наследованія; необходимо также разсмотрѣть, имѣлъ ли вообще значеніе въ экономической борьбѣ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и классовъ, естественный отборъ, почему онъ не могъ вліять, и что стало на его мѣсто. Марксомъ и Энгельсомъ вопросы эти не затронуты».

Общая теорія развитія должна, съ той же біологической точки зрѣнія, съ какой разсматриваетъ она остальной міръ жизненныхъ явленій, объяснить также и образованіе специфическихъ *человѣческихъ* свойствъ, объяснить источникъ *духовной* природы человѣка, образованіе его интеллектуальныхъ и моральныхъ свойствъ. Дарвинъ, сравнивая духовныя способности человѣка со способностями высшихъ животныхъ, находитъ, что хотя между ними и громадное разстояніе, но нѣтъ никакого принципиальнаго различія. Духовныя способности человѣка, по его мнѣнію только количественно отличаются отъ такихъ же способностей у животныхъ. Изъ способности органовъ чувствъ къ воспріятію и изъ психическихъ свойствъ памяти, любопытства и вниманія, можно, думаетъ Дарвинъ,

объяснить возникновеніе человѣческаго разума, такъ какъ внутри общества, путемъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе постепенно совершенствуются высшія интеллектуальныя свойства; извѣстная ступень разума уже существуетъ у животныхъ. Важнѣйшими изъ всѣхъ отличій между человѣкомъ и болѣе низшими животными Дарвинъ признаетъ *нравственное чувство и совесть*, но старается доказать, что даже и эти качества образовались изъ социальныхъ инстинктовъ животныхъ путемъ болѣе высокаго развитія интеллекта и языка. Дарвинъ полагаетъ, что въ первобытныя времена человѣческаго существованія интеллектуальныя и моральныя свойства совершенствовались постепенно, путемъ естественнаго отбора, но не заходитъ такъ далеко, чтобы признавать непосредственный переходъ, путемъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе, социальныхъ инстинктовъ въ нравственныя свойства. Онъ замѣчаетъ: «дѣлать добро въ отплату за зло, любить своего врага,—это такая высокая нравственность, относительно которой справедливо можно сомнѣваться, могутъ ли привести насъ къ ней социальные инстинкты сами по себѣ. Прежде, чѣмъ создалось такое золотое правило, эти инстинкты, въ связи съ симпатіей, должны были достигнуть высокаго развитія и расширяться при воздѣйствіи разсудка, образованія, любви или страха Божія». Въ этихъ словахъ уже проявляется извѣстный дуализмъ, который Уоллесъ провелъ еще дальше. Одно,—говоритъ онъ,—признавать постепенное совершенствованіе интеллектуальныхъ и нравственныхъ способностей отъ животнаго и до человѣка и другое—доказать, что эти свойства должны были развиваться путемъ естественнаго отбора. Послѣдняго Дарвинъ и не сдѣлалъ. То обстоятельство, что тѣлесныя свойства человѣка развились изъ животныхъ формъ естественнымъ отборомъ, не уполномочиваетъ еще къ выводу: будто непременно тѣ же причины обусловили развитіе и духовной природы, даже если оно шло и объ руку съ тѣлеснымъ развитіемъ. Определенная часть умственныхъ и нравственныхъ свойствъ человѣка не могла возникнуть единственно путемъ варіацій и естественнаго отбора нужно было другое вліяніе, другой законъ или дѣятель, чтобы создать основаніе для ихъ проявленія. Уоллесъ перечисляетъ рядъ высшихъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ свойствъ: любовь къ правдѣ, восхищеніе предъ красотой, беззавѣтное чувство справедливости, выраженіе ликованія по поводу каждаго факта смѣлаго самопожертвованія, — свойствъ, могущихъ быть «лишь проявленіемъ высшей силы, источникъ которой не лежитъ въ борьбѣ за матеріальное существованіе».

Въ этомъ,—освобожденномъ отъ его спиритуалистической окраски,—указаніи глубокаго различія между интеллектуальными и нравственными свойствами человѣка и животныхъ больше правды, чѣмъ въ дарвиновскомъ отрицаніи подобнаго принципиальнаго отличія. Изъ разъясненій Дарвина вытекаетъ, что сущность разсудочной дѣятельности

онъ видитъ, подобно Юму, въ одной только ассоціативной работѣ мысли. Къ такой умственной работѣ, — къ механическому и инстинктивному связыванію представленій по сходству и контрасту, по ихъ близости въ пространствѣ и во времени, по ихъ причинному взаимодействию,—способны уже и нѣкоторыя животныя. Но на ряду съ этой *пассивной* работой, совершающейся и въ человѣческомъ умѣ, человѣкъ проявляетъ также способность къ *активной логической* работѣ, къ отвлеченному мышленію, къ пониманію не только послѣдовательности по мѣсту и во времени, но также и причинной послѣдовательности, въ смыслѣ ея *общеобязательности* и *необходимости*. Можетъ ли самая умная собака сдѣлать выкладку: дважды два четыре,—для меня очень сомнительно, говоритъ Леббокъ. Высшимъ животнымъ можно приписать память, даже извѣстную способность къ умозаключеніямъ, но разумъ животного связанъ *данними* чувственными представленіями,—это не логическій разумъ. Умственная работа ребенка и многихъ людей, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ протекать совершенно согласно съ сенсуалистической теоріей познанія,—это правда, но научно-мыслящій человѣкъ обладаетъ *ложкой*, которой нѣтъ у умнѣйшихъ животныхъ.

И тѣмъ не менѣе, совершенно ясно сознавая всю глубину различія между духовнымъ міромъ человѣка и животного, послѣдовательное естественно-научное представленіе о человѣкѣ не должно искать прибѣжища, по примѣру Уоллеса, въ спиритуализмѣ; оно должно попытаться прослѣдить въ развитіи интеллекта и высшихъ нравственныхъ свойствъ, проявленіе тѣхъ же общихъ біологическихъ силъ и законовъ, которые присущи развитію органическихъ и низшихъ психическихъ свойствъ. Органическая, социальная и духовная жизнь являются тремя ступенями одного и того же біологическаго ряда развитія, но есть *особыя* причины, которыя педняли органическую жизнь до социальной, а послѣднюю до духовной. Вотъ эти-то *специфическія* причины и подлежатъ изслѣдованію. Разсмотрѣніе того, какъ изъ органической жизни развилась социальная жизнь животныхъ, лежитъ внѣ предѣловъ даннаго изслѣдованія: оно ставитъ своей задачей прослѣдить лишь то, какъ развивались тѣ духовно-нравственныя человѣческія свойства, которыя придали животному обществу характеръ *человѣческаго* общества. Но необходимо, однако, подчеркнуть, что процессъ превращенія животного въ человѣка возможенъ былъ *только въ общество*, и что *социальный инстинктъ симпатіи* является *необходимой естественной основой*, на которой могли развиваться интеллектуальные процессы.

Путь развитія отъ животного къ человѣку можетъ быть, по мнѣнію Вольмана, понятъ лишь въ томъ случаѣ, если, опираясь на дарвиновскій физическій матеріализмъ, мы обратимъ вниманіе также и на человѣческую технику. Важныя указанія въ этомъ отношеніи даны уже основателями теоріи историческаго матеріализма. Марксъ въ любознательномъ примѣчаніи къ параграфу о «машинахъ и крупной промыш-

пленности проводить интересную параллель между животными органами и человѣческими орудіями труда и видить въ человѣческой техникѣ активное отношеніе человѣка къ природѣ. «Дарвинъ,—писалъ онъ,—направилъ вниманіе на исторію естественной технологии, т. е. на образованіе растительныхъ и животныхъ органовъ, какъ орудій производства въ жизни растений и животныхъ. Развѣ исторія образованія продуктивныхъ органовъ общественнаго человѣка, составляющихъ матеріальный базисъ каждой данной общественной организаціи, не заслуживаетъ подобнаго же вниманія? И развѣ не легче было бы воспроизвести такую исторію? Вѣдь человѣческая исторія, какъ говоритъ Вико, отличается отъ естественной только тѣмъ, что первую мы совершили сами, вторую—нѣтъ. Технологія раскрываетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, непосредственный процессъ производства его жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ его общественныя жизненныя отношенія и вытекающія изъ нихъ духовныя представленія». Энгельсъ въ статьѣ: «Участіе труда въ превращеніи обезьяны въ человѣка» (*Der Anteil der Arbeit an der Menscherwerdung des Affen*) указываетъ большое значеніе *труда* и притомъ *труда въ общество* для поднятія человѣческаго общества надъ обезьяньимъ стадомъ. «Чѣмъ больше люди отходили отъ животныхъ, тѣмъ больше ихъ воздѣйствіе на природу принимало характеръ дѣйствія предумышленнаго, планомѣрнаго, направленнаго на опредѣленныя, впередъ намѣченныя цѣли. Обезьянья рука, правда, въ состояніи схватить дубину для защиты отъ враговъ, бомбардировать ихъ плодами и камнями, но ни одна обезьянья рука не изготовила еще даже грубѣйшаго каменнаго ножа... *Работа создала самого человека. А работа начинается съ изготовленія орудій*».

Но нужно бы условиться, что считать человѣкомъ, къ чему сводятся тѣ специфическія свойства, которыя отличаютъ его отъ животнаго. Общеизвѣстно, что Аристотель называлъ человѣка политическимъ животнымъ, именно политическимъ, а не общественнымъ, какъ неправильно переводятъ Аристотелевское выраженіе ζῷον πολιτικόν: общественныя свойства есть уже и у животныхъ, Аристотель же, вѣроятно, употребляя свое выраженіе, имѣлъ въ виду политическую организацію, регулируемую опредѣленными законами государственное сообщество людей. Кантъ называлъ человѣка разумнымъ животнымъ, Лихтенбергъ причиннымъ, а Франклинъ животнымъ, создающимъ орудія. Различные писатели придавали человѣку еще и другія характерныя свойства. Его называли говорящимъ двуногимъ, зажигающимъ огонь, приручающимъ, создающимъ избытокъ, мозговымъ животнымъ. Всѣ эти свойства можно свести къ 3-мъ группамъ: къ психическимъ, органическимъ и техническимъ способностямъ, совершенно не встрѣчающимся у животныхъ или замѣчаемымъ у нихъ только въ зачаткѣ. Взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ свойствъ и создаетъ человѣческую культуру. Интересно прослѣдить, въ какомъ взаимо-

*

отношенія стоятъ фізіологическія свойства человѣка—его прямая походка, его мозгъ, его рука, его дыхательное горло, его органы чувства—къ психическимъ функціямъ. Важныя указанія для разрѣшенія этой задачи даны *Нуаре*, исходящимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ предшествующихъ трудовъ *Гейгера* и *Каппа*. Э. Каппъ *) старался доказать, что «возникновеніе и усовершенствованіе инструментовъ, исходящихъ изъ человѣческихъ рукъ, является первымъ условіемъ развитія человѣка къ *самосознанію*». Связь между механической дѣятельностью человѣка и его сознаніемъ Каппъ поясняетъ въ томъ смыслѣ, что «исходящій отъ человѣка внѣшній міръ механической ремесленной работы является только вещественнымъ (reale) продолженіемъ его организма и долженъ быть понимаемъ, какъ перенесеніе наружу внутреннего міра представленій». Продолженіе организма за его собственные предѣлы Каппъ называетъ отраженіемъ вовнѣ, *проекціей органовъ* (organprojection). «Рука,—говоритъ онъ,—является естественнымъ орудіемъ, изъ дѣятельности котораго выходитъ искусственный инструментъ. А именно, во всѣхъ возможныхъ видахъ положенія и движенія она даетъ первичную органическую форму, по которой человѣкъ *безсознательно* создаетъ свои первые необходимые приборы. Благодаря пользованію предметами, находящимися поблизи, «подъ рукою», появляются первые орудія, какъ продолженіе, усиленіе, укрѣпленіе тѣлесныхъ органовъ. Такъ, если рука со сжатымъ кулакомъ или камнемъ въ кулакѣ является естественнымъ молотомъ, то камень на деревянномъ стержнѣ—его простѣйшимъ искусственнымъ подражаніемъ: стержень или ручка—продолженіе руки, камень—замѣна кулака. Камень и сукъ въ рукахъ первобытнаго человѣка—обѣтованіе инструмента, первичная клѣтка цѣлаго культурнаго аппарата далекаго будущаго».

Л. Нуарэ **) углубившій изслѣдованіе Каппа о значеніи инструментовъ для исторіи человѣческаго развитія, дѣлитъ внѣшніе органы животнаго на органы движенія или перемѣщенія, органы чувственаго воспріятія и органы прямого видоизмѣненія внѣшняго міра; послѣдніе онъ называетъ *рабочими органами*. Они-то въ данномъ случаѣ и представляютъ наибольшій интересъ.

Рабочіе органы, служащіе механическимъ цѣлямъ, опять-таки представляютъ различныя стадіи развитія, какъ бы рядъ постепенныхъ переходовъ къ настоящимъ рабочимъ орудіямъ человѣка. Рабочіе органы—это продукты внѣшняго тѣлеснаго покрова, таковы, напримѣръ, рога, когти, копыта, зубы. Хотя они и органическаго происхожденія и непосредственно связаны съ организмомъ, по ихъ функціи—механиче-

*) Ernst Kapp, «Grundlinien einer Philosophie der Technik», Braunschweig, 1877 г.

**) Ludwig Noirée, «Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit», Mainz. 1880 г.

ская и техническая. Подобныя рабочіе органы есть у животныхъ почти всѣхъ классовъ. Органическаго же происхожденія, но отдѣлены отъ тѣла—различныя ткани пауковъ, имѣющія такое значеніе для добыванія пищи у этихъ животныхъ. Болѣе высокую стадію представляютъ гнѣзда птицъ, гдѣ матеріалъ уже вышшняго происхожденія. На слѣдующей ступени, предшествующей появленію человѣческихъ орудій, мы находимъ *сукъ* и *камень*, которыми *случайно* пользуются антропоидныя обезьяны. Шимпанзе на волѣ разбиваетъ камень дикіе плоды, въ родѣ орѣха. Дарвинъ приводитъ много примѣровъ употребленія животными орудій и оружія, но не признаетъ подобнаго пользованія тождественнымъ съ человѣческой работой при помощи орудій. «Между обоими этими видами работы, — говоритъ онъ, — есть очень важное различіе. Но мнѣ представляется очень вѣроятнымъ утвержденіе сэра Дж. Леббока, что первобытные люди пользуясь для какой-либо цѣли кремнемъ, могли разбить его *случайно* и затѣмъ пользовались острыми обломками. Отсюда уже не великъ шагъ до грубой обработки его. Между тѣмъ этотъ шагъ потребовалъ очень много времени, если судить по необычайно длинному промежутку, протекшему до той поры, пока человѣкъ новаго каменнаго вѣка началъ шлифовать и полировать свои орудія». Грубый обломокъ кремня, ставшій *постоянной* собственностью первобытнаго человѣка, поднялъ его изъ круга обезьяннихъ родовъ, только *случайно* пользовавшихся камнями и палками. Гдѣ орудіе стало необходимой основой существованія, тамъ начинается новая эра жизни—*человѣческое* существованіе и *человѣческая* культура. Было бы ошибочно, конечно, предполагать, что человѣкъ создалъ орудіе изъ потребности къ подражанію или что онъ планомерно изобрѣлъ его. Переходъ отъ бессознательнаго случайнаго пользованія орудіемъ къ сознательному и постоянному совершался очень постепенно, и на образованіе новаго вида животныхъ, отличавшихся этимъ постояннымъ употребленіемъ орудій, *біологическій законъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе, долженъ былъ оказать такое же вліяніе*, какое оказалъ онъ на созданіе новыхъ органовъ у животныхъ.

Употребленіе орудій, измѣнившее отношеніе человѣка къ природѣ, не могло остаться безъ обратнаго воздѣйствія на это физическое строеніе. Постоянная прямая походка, приподнятіе отъ земли головы и вышнихъ органовъ чувствъ, свободная подвижность остальныхъ членовъ—всѣ эти специфическія свойства строенія человѣческаго тѣла—могли развиться только при употребленіи орудій. Въ этомъ — матеріальныя причины образованія человѣка, превращеніе антропоиднаго организма въ *человѣческую*. Можетъ быть, по соображенію Иос. Мюллера *), особенно вліятельное и преобразующее обстоятельство заключалось въ

*) Josef Müller, «Über Ursprung und Heimat des Urmenschen». Stuttgart 1894.

томъ, что первобытный человѣкъ пользовался камнемъ, какъ метальнымъ орудіемъ: при метаніи, голова должна быть приподнята и тѣло выпрямлено, при чемъ *глазъ* и *рука* совместно увеличиваютъ боевую способность. Еще больше въ томъ же направленіи должно было вліять пользованіе сукомъ и палкой, все равно употреблялись ли они для удара или для опоры при ходьбѣ. Можно сказать, что искривленная спина обезьяны выпрямилась на своемъ орудіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ повысилась дѣятельность мозга и высшихъ органовъ чувствъ. Вмѣстѣ съ поднятіемъ груди могла идти и выработка языка, такъ какъ дыхательное горло обезьяны было достаточно подготовлено по части хрящей и мускуловъ, а легкія могли теперь свободно управлять артикуляціей воздушнаго столба въ глоточной и ротовой полостяхъ.

Параллельно съ физическимъ образованіемъ человѣка должно было идти психическое созданіе его, и совершилось оно опять-таки не безъ вліянія технической дѣятельности. Любопытныя мысли по этому вопросу высказаны уже *Д. Гейгеромъ* въ его книгѣ «Происхожденіе и развитіе человѣческаго языка и разсудка» *). «Повсюду на землѣ,—замѣчаетъ онъ,—гдѣ бы ни появлялся человѣкъ, разсудокъ является его рѣшительнымъ и общимъ свойствомъ. Утварь или орудія могутъ быть изъ камня или изъ желѣза, могутъ быть сдѣланы со всевозможнымъ искусствомъ, но человѣческими они признаются лишь потому, что носятъ на себѣ слѣды умственной работы. И это установлено прочно: поскольку говорятъ наши наблюденія, человѣкъ разуменъ... И тѣмъ не менѣе разумъ не вѣченъ. Разумъ, какъ и все на землѣ, имѣетъ происхожденіе, начало во времени. И онъ образовался не внезапно, не явился готовымъ во всемъ своемъ совершенствѣ, какъ бы въ результатѣ катастрофы, но подвергся развитію». Главное значеніе въ развитіи разсудка Гейгеръ приписываетъ выработкѣ *речи* и чувства *зрѣнія*. Безъ чувства зрѣнія совершенно невозможно представленіе о причинныхъ отношеніяхъ, такъ какъ только при помощи этого чувства можетъ быть воспринятъ, не будучи мною, предметъ, на который произведено дѣйствіе. Всѣ другія чувства, хотя и приводятъ насъ въ связь съ внѣшнимъ міромъ, но говорятъ намъ только о послѣдовательности, а не о причинной зависимости явленій. Если мы сами не совершали никакихъ дѣйствій, мы тоже имѣли бы представленіе только о послѣдовательности, а не о причинной связи. Но и процессъ, непосредственно совершающійся между нами и предметомъ, не ведетъ къ познанію причины. Для возможности образованія такого познанія, необходимо, чтобы внѣ насъ было *два* предмета, оба доступные спокойному объективному наблюденію и понимаемые въ ихъ взаимодействіи, благодаря вовлеченію въ процессъ насъ самихъ. Языкъ свидѣтель-

*) *L. Geiger*, «Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft.» Stuttgart 1868.

ствуесть намъ о томъ, какъ дошло до сознанія движеніе, ставшее *объектомъ наблюденія* и вызывавшее *соощущеніе* *) въ насъ самихъ; здѣсь-то и заключается ядро всего нашего причиннаго міросозерцанія».

Этотъ второй предметъ, продвинувшійся между человѣкомъ и объектомъ воздѣйствія, и есть орудіе, называемое обыкновенно по характеру своего дѣйствія. Посредствующая роль орудія развилась лишь постепенно и также постепенно, конечно, развилось сознаніе значенія этой роли. Разрываніе, на примѣръ, не перешло въ разрѣзываніе внезапно: этотъ переходъ совершился постепенно, при чемъ помогающій этому процессу инструментъ все также постепенно выигрывалъ въ своей самостоятельности.

Опираясь на изслѣдованія Гейгера и Каппа, Нуаре и продолживъ дальше мысль о значеніи пользованія орудіемъ для развитія рассудочной дѣятельности человѣка. Понятіе о дѣйствительныхъ причинныхъ отношеніяхъ развивается, благодаря посреднической роли орудій. Проекція органа служитъ источникомъ *объективации* въ силу того, что орудіе является *посредствующимъ членомъ* между волей и задуманнымъ дѣйствіемъ. Животное въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляется своими естественными органами; у человѣка есть орудія, и его работа—*посредственная*. Своеобразная и необычная важность роли орудія заключается въ томъ, что оно—часть субъекта и въ то же время объектъ. Благодаря орудію, дѣятельность органовъ животнаго выступаетъ въ поле его зрѣнія, т. е. самаго совершеннаго органа для воспріятія отношеній пространства и времени. Только здѣсь движеніе начинаетъ восприниматься какъ движеніе. *Наглядность* и пониманіе—для человѣческаго познанія одно и то же.

Такимъ образомъ,—говоритъ Вольтманъ, и возникаетъ *объективное представленіе о причинѣ*, въ силу того, что дѣйствіе, которое прежде воспринималось и причинялось чувственно-органически, превратилось, благодаря самостоятельности орудія, въ *наблюдаемое* и *технически* причиняемое дѣйствіе. |

Глазъ видитъ, какъ одна вещь дѣйствуетъ на другую. Въ этомъ—залогъ развитія всѣхъ высшихъ способностей человѣка. Здѣсь-то и начинается логически сознанное раздѣленіе между я и міромъ, «чудо новаго творенія» Гердера или «невидимый міръ» Уоллеса. Такимъ образомъ, прогрессъ духовной жизни является не простымъ количественнымъ приростомъ животныхъ способностей, а технически обуслов-

*) У Гейгера — *Mitempfindung*, но мы не рѣшились передать этотъ терминъ обычнымъ—«соощущеніе», такъ какъ съ этимъ словомъ у насъ обыкновенно связывается представленіе о переживаніи тѣхъ же эмоцій; въ данномъ же случаѣ дѣло идетъ о томъ, что мы какъ бы ощущаемъ совмѣстно съ орудіемъ то дѣйствіе, которое происходитъ между объектомъ и орудіемъ, такъ какъ источникъ этого дѣйствія одновременно—и въ орудіи, и въ насъ.

вленнымъ самораздвоеніемъ, совершающимся постепенно и исходящимъ изъ тѣхъ психическихъ данныхъ, какія имѣются у животнаго.

Установленіе этого взаимодѣйствія между физическими, техническими и духовными функціями еще не объясняетъ процесса созданія науки, нравственности, искусства и религіи. А вѣдь только эти именно высшія проявленія духа и обуславливаютъ возникновеніе *человѣческаго общества*, въ смыслѣ духовнаго сообщества. Сообщества другого рода существовали уже и до человѣка, и они-то составили необходимую основу для возникновенія *человѣческаго общества*, для возможности развитія высшихъ социальныхъ узъ, связующихъ теперь наше общество. У простѣйшихъ животныхъ эти сообщества объединены органическою связью, у болѣе высоко-стоящихъ—нѣтъ уже прямого органическаго соединенія въ обществѣ: объединеніе обуславливается здѣсь *психическими* отношеніями. Такъ, у пчелъ, осъ, муравьевъ существуетъ довольно сложная общественная жизнь, регулируемая соответственнымъ развитіемъ инстинктовъ. У рыбъ находимъ стаи; то же и у птицъ, на объединеніе которыхъ начинаетъ вліять психическій моментъ, называемый нами симпатіей, моментъ, играющій важную роль особенно въ объединеніи млекопитающихъ животныхъ. Брѣмъ, Эпинасъ, Дарвинъ дали намъ интересныя картины общественной жизни высшихъ млекопитающихъ. Въ социальной симпатіи, проявляющейся въ подобныхъ обществахъ, Дарвинъ видѣлъ первоисточникъ *моральныхъ* представленій, цементирующихъ общественную жизнь людей. У высшихъ млекопитающихъ есть уже раздѣленіе труда и расчлененіе общества; есть вожди и ведомые; есть предостереженіе объ опасности, совмѣстная оборона и нападеніе, защита слабыхъ и безпомощныхъ. Общественная жизнь животныхъ представляетъ такъ много аналогій съ нашей, что Эпинасъ говорилъ о *морали* животныхъ и видѣлъ въ наиболѣе общественныхъ животныхъ—умнѣйшихъ. Дарвинъ сводилъ возникновеніе симпатіи къ вліянію естественнаго отбора, «такъ какъ тѣ сообщества, которыя заключаютъ въ себѣ наибольшее количество способныхъ къ симпатіи членовъ, будутъ больше всего преуспѣвать и воспитаютъ наибольшее количество потомства». Уже упоминалось, что для превращенія естественныхъ животныхъ способностей въ высшія духовныя недостаточно одной *органической* причины, что необходимы были *техническія* средства для порожденія культуры, этой высшей ступени жизни. Указывалось также и на то, что этотъ техническій процессъ возможенъ былъ только въ обществѣ, и что социальный инстинктъ симпатіи составляетъ необходимую естественную основу для развитія интеллектуальныхъ процессовъ. Благодаря пользованію орудіями, возникаютъ представленія о причинѣ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ борьба за существованіе принимаетъ форму *труда*. А вмѣстѣ съ началомъ труда возникаетъ также, какъ показали Гейгеръ и Нуаре, изъ

субъективныхъ звуковъ животнаго объективный звукъ языка, *рѣчь*, это тончайшее техническое средство, необходимо связанное съ мыслью. Мысль и рѣчь теперь не раздѣлимы.

Какъ совмѣстная работа при помощи орудій, такъ и пользованіе рѣчью должны были усилить естественную симпатію, а тѣмъ самымъ дать ордѣ первобытнаго человѣка громадное преимущество въ борьбѣ за существованіе съ конкурирующими животными видами; представленіе о причинѣ подняло въ животной душѣ инстинктивную жизнь *склонностей* до сознанія нравственныхъ *обязанностей*. Здѣсь возникло *общее объективное понятіе* объ отношеніи къ своимъ и чужимъ, что еще больше скрѣпило сообщество орды; здѣсь впервые забрежжила заря *совѣсти*, при свѣтѣ которой въ человѣческой душѣ пробудилось представленіе объ обязанности и долгѣ. Правда, это представленіе имѣло своимъ объектомъ только маленькую группу, но такимъ образомъ возникла нравственность орды, центръ того круга, который, все расширяясь по мѣрѣ социальнаго историческаго прогресса, долженъ былъ распространить законы гуманной нравственности на все человѣчество. «Въ первобытной ордѣ, говоритъ Вольтманъ, образовалось то высшее существованіе, которое мы называемъ общественной и духовной жизнью въ тѣсномъ смыслѣ слова. Благодаря технической и логической работѣ, въ *представленіи* возникающаго человѣчества образовался, постепенно совершенствуясь, новый міръ, въ которомъ надъ всѣми духовными отношеніями царить *миръ*, эта первичная форма всей духовной жизни. Но все это вышло изъ того простаго, но имѣющаго рѣшающее значеніе факта, что особо-одаренный родъ сталъ производящимъ орудіе и причинно-мыслящимъ». Сопоставленіе, какъ равновеликихъ, «технической» и «логической» работы указываетъ, что для Вольтмана совершенно ясно различіе между генетической зависимостью данныхъ явленій, и той относительной ролью, какую играютъ уже вполне разившіяся силы въ жизни. Данная категория явленій можетъ генетически протекать изъ другой, но это не осуждаетъ ее, конечно, на постоянно подчиненное, зависимое, обусловленное положеніе. Наоборотъ, вполне разившись, эти позже пришедшія силы могутъ играть совершенно равносильную роль съ породившими ихъ силами, могутъ обратно воздѣйствовать на послѣднія, совершенно преобразовать ихъ, что вполне относится, конечно, и ко взаимодействію логической и технической дѣятельности.

Такъ приняла человѣческій обликъ прежняя животная орда. Повидимому, необходимость совмѣстной технической *) работы должна была

*) Кстати, обращаемъ вниманіе на то, что подъ «технической работой» Вольтманъ, какъ видно изъ предыдущаго, понимаетъ не одно только производство, а всѣ виды борьбы при помощи орудій—съ одной стороны, для полученія отъ природы всего необходимаго для жизни, съ другой—для защиты отъ враждебныхъ силъ какъ неодушевленной, такъ и одушевленной природы.

еще больше укрѣпить узы сообщества. Въ какія же формы вылилась и чѣмъ обусловилась первичная организація этого новаго—человѣческаго общества? Это одинъ изъ интереснѣйшихъ, но едва ли и не самый спорный вопросъ соціологіи.

Марксова теорія историческаго матеріализма видитъ причины расчлененія и организаціи общества въ характерѣ производства жизненныхъ средствъ и людей, т. е. труда, съ одной стороны, семьи — съ другой. «Чѣмъ меньше развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе количество его произведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богатство общества, тѣмъ болѣе, повидимому, общество опредѣляется характеромъ половыхъ отношеній». По этому воззрѣнію, соціальное устройство обусловливается физиологическими или экономическими причинами. И чѣмъ отдаленнѣе общественная ступень, тѣмъ болѣе сказывается опредѣляющая роль генеалогическихъ отношеній, такъ что вопросъ о сущности первобытнаго общества является, главнымъ образомъ, вопросомъ о половыхъ отношеніяхъ и о продолженіи рода въ *бракъ* и *семьѣ*. Для освѣщенія этого вопроса, особенно много сдѣлали *Л. Морганъ* и *И. Р. Мукке*. По мнѣнію *Моргана*, половыя сношенія въ первобытномъ обществѣ носили характеръ беспорядочнаго смѣшенія половъ. Но эта беспорядочность, какъ опредѣляетъ ее Энгельсъ, состояла не въ томъ, что каждая женщина фактически принадлежала каждому мужчинѣ и наоборотъ, а въ томъ, что не было *никакихъ* ограниченій того круга, изъ котораго могли быть выбраны мужъ или жена, такъ, что и въ то время могли существовать моногамическіе союзы, но супруги могли находиться безразлично во всѣхъ степеняхъ родства. Уже въ семьѣ, которой присвоено названіе «пуналуа», братья и сестры не допускаются къ брачнымъ связямъ, и такимъ образомъ все сгуживается тотъ кругъ, внутри котораго разрѣшается бракъ. И различіе животныхъ и человѣческихъ половыхъ связей состоитъ въ томъ, что у животныхъ существуютъ беспорядочныя половыя сношенія при всѣхъ степеняхъ родства, при чемъ совершенно безразлично, преобладаетъ ли моногамія или полигамія: человѣческая ступень начинается тамъ, гдѣ прекращаются беспорядочныя связи между родителями и дѣтьми, братьями и сестрами.

Распознаваніе родителей съ одной стороны, братьевъ и сестеръ — съ другой—сложный психическій процессъ, возможный только при надлежащемъ развитіи мыслительныхъ способностей. Высшимъ животнымъ, напримѣръ, обезьянамъ, приписываютъ почти безумную любовь къ дѣтямъ; но и умнѣйшая обезьяна не дойдетъ до заключенія: ты — мое дитя! Чисто физиологическій процессъ могъ перейти въ психологическій лишь путемъ постепеннаго совершенствованія, происходящаго въ обществѣ. *Мукке* *) и попытался бросить свѣтъ на міръ представленій

И. Р. Мукке, «Horde und Familie in ihrer urchesichtlichen Entwicklung.» Stuttgart 1895.

первобытной души. Онъ старается доказать, что въ первобытныя времена человѣчества не было «семьи, т. е. тѣснаго сообщества родителей и дѣтей», но, съ другой стороны, «не было и дикаго смѣшенія половъ, а существовалъ моногамическій бракъ». Какъ, по Марксу, организаціоннымъ факторомъ въ первобытномъ человѣческомъ обществѣ являлось производство и воспроизведеніе людей, такъ, по Мукке, такимъ факторомъ было рожденіе или *родство*. Общеніе въ ордѣ покоилось на чувствѣ симпатіи, порождавшей солидарность въ различныхъ степеняхъ ея. Но какъ возникли *представленія о родствѣ* въ душѣ первобытнаго человѣка, какъ возникли тѣ *духовныя* отношенія въ бракѣ, семьѣ, человѣческомъ обществѣ, которыя отличаютъ ихъ отъ подобныхъ же соединеній у животныхъ? Мукке слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Въ первобытномъ состояніи рожденіе или родство обуславливаетъ скопленіе, *скупиваніе* членовъ орды, въ смыслѣ возникновенія между ними извѣстныхъ *пространственныхъ отношеній*. Пространственное равенство происхожденія, какъ оно рисовалось чувственной душѣ первобытнаго человѣка, и является ключомъ къ тайникамъ первобытнаго человѣческаго общества. Первые представленія о родствѣ были не представленіями о *кровномъ* родствѣ, возникшими лишь на болѣе поздней ступени, а представленіями о *пространственномъ* родствѣ, «такъ какъ первые союзы, подчеркиваю,— говоритъ Мукке,— *союзы въ представленіи первобытнаго челоѣка, были пространственными союзами*». Сходные по полу и возрасту искали, по чувству инстинктивнаго притяженія, общества другъ друга. Дѣвочки пространственно примыкали къ дѣвочкамъ, мальчики къ мальчикамъ, старшіе къ старшимъ, младшіе къ младшимъ. Изъ наблюденія пространственнаго распредѣленія стоянокъ, въ зависимости отъ ихъ близости или отдаленности, возникаютъ представленія о пространственномъ родствѣ. Фактически, конечно, отдѣльные ряды образовались путемъ разновременнаго зачатія и рожденія, но въ первоначальныхъ представленіяхъ человѣка эти ряды были не поколѣніями, а группами, объединенными и раздѣленными пространствомъ. *Понятіе о поколѣннн разви-лось изъ пространственнаго понятія*. Такимъ образомъ, по Мукке, матеріальной основой первыхъ представленій о родствѣ является то или иное распредѣленіе общихъ мѣстъ для жилья, и это положеніе М. обосновываетъ на богатомъ этнографическомъ и филологическомъ матеріалѣ. Изъ пространственныхъ наблюденій большей или меньшей близости по мѣсту возникаетъ представленіе о послѣдовательности во времени; это положеніе совпадаетъ со взглядомъ Гейгера, что мысль является какъ бы вторымъ зрѣніемъ и что безъ чувства зрѣнія невозможно воспріятіе причинныхъ отношеній.

Жизнь человѣческаго общества подчинена общимъ законамъ жизни, но такъ какъ это жизнь *особаго* свойства, то и въ проявленіи общихъ

законовъ должны произойти соотвѣтственные измѣненія. Въ какомъ же видѣ проявляется здѣсь важнѣйшій факторъ совершенствованія жизни, *отборъ* въ борьбѣ за существованіе, въ чемъ отличія *соціального отбора* отъ *органическаго*?

Выраженіе «борьба за существованіе» употреблено Дарвиномъ въ картинномъ смыслѣ. Терминомъ этимъ передается тотъ естественно-историческій фактъ, что каждое органическое существо старается сохранить самого себя, что оно—самодовлѣющая цѣль и что для сохраненія своего существованія и, въ болѣе широкомъ смыслѣ, своего воспроизведенія, обыкновенно входитъ въ состязаніе съ другими существами; въ состязаніи, болѣею частью, побѣждаетъ и выживаетъ болѣе приспособленный. Личное самосохраненіе ведетъ въ то же время, съ одной стороны, къ самосохраненію рода, съ другой—къ измѣненію и усовершенствованію организаціи, являясь началомъ новаго вида.

Форма борьбы за существованіе будетъ различна, смотря по тому, направлена ли она на внѣшнія силы природы, ведется ли она между различными видами или между индивидами одного и того же вида. Будетъ она также различна и въ зависимости отъ того, активно ли мѣряются своими силами организмы одинъ съ другимъ въ дѣйствительномъ бою, или же оба пассивно подвергаются въ одинаковой степени натиску внѣшней силы, при чемъ погибаетъ болѣе слабый. *Средства* борьбы за существованіе прежде всего состоятъ въ организаціи существа, въ способности его физиологическихъ силъ къ дѣйствию и противодѣйствию. Силы эти проявляются въ 3-хъ направленіяхъ: въ способности къ размноженію, въ способности къ измѣненію и въ работѣ внѣшнихъ органовъ. Именно, чѣмъ больше зародышей производитъ организмъ и чѣмъ больше измѣнчивость этихъ зародышей, при чемъ увеличивается ихъ способность къ дифференціаціи и приспособленію, тѣмъ болѣе преимущества такого организма въ состязательной борьбѣ. Но весьма важное значеніе въ процессѣ отбора имѣютъ также внѣшніе органы движенія и чувствъ, особенно тѣ, что служатъ для нападенія и защиты. Въ смыслѣ *цели*, изъ-за которой она ведется, борьба за существованіе является состязаніемъ за пищу или за половое наслажденіе и, какъ результатъ всей жизненной конкуренціи, борьбой за сохраненіе рода, изъ-за котораго нѣкоторыя животныя способны даже къ самопожертвованію.

Съ началомъ специфически-человѣческаго періода, проявляются новыя формы, новыя средства и новыя цѣли состязательной борьбы. Эти измѣненія обуславливаются тѣмъ, что орудія, которыми борется человекъ, находятся только въ функціональномъ, а не органически-тѣлесномъ соединеніи съ борющимся индивидомъ, къ личнымъ силамъ присоединились здѣсь безличныя, связь которыхъ съ опредѣленнымъ индивидомъ не является естественно-необходимой. Для уясненія того, въ какомъ смыслѣ измѣнился органический отборъ вслѣдствіе выступ-

ленія на арену новаго средства борьбы—орудія, очень интересенъ, какъ переходная ступень между органическимъ и соціальнымъ отборомъ, тотъ видъ отбора, который Гаакъ *), въ противоположность конституціонному, назвалъ дотаціоннымъ. Подъ конституціей онъ понимаетъ отношеніе тѣла къ различнымъ химическимъ и физическимъ силамъ, подъ дотаціей (отъ dotage—снабжать, вооружать)—большее или меньшее расчлененіе, болѣе или менѣе легкое владѣніе отдѣльными органами, однимъ словомъ, болѣе или менѣе гладкій ходъ всей тѣлесной машины, а, кромѣ того, различныя внѣшнія приспособленія—въ родѣ защитной окраски и т. п. Дотація имѣетъ значеніе для борьбы съ внѣшней природой и съ другими видами, но не для борьбы между индивидами одного и того же вида, такъ какъ различія въ дотаціи отдѣльныхъ индивидовъ обыкновенно настолько незначительны, что не могутъ имѣть никакого рѣшающаго значенія для исхода борьбы. Дотаціоннаго отбора индивидовъ *внутри* вида поэтому нѣтъ; здѣсь господствуетъ *только конституціонный отборъ*. Наоборотъ, въ борьбѣ между различными видами или расами, та или иная дотація имѣетъ огромное значеніе, почему результатомъ борьбы видовъ является какъ конституціонный, такъ и дотаціонный отборъ.

Если понимать подъ дотаціей совершенно внѣшнее снабженіе механически дѣйствующими органами, то снабженіе орудіями, — этими проекціями внѣшнихъ органовъ,—должно обусловить новый видъ дотаціоннаго отбора между человѣческимъ родомъ и его конкуррентами, принадлежащими къ другимъ видамъ. Но такъ какъ орудіе и все техническое вооруженіе отдѣлено отъ организма, то физическій индивидуальный отборъ *внутри* человѣческаго общества еще въ меньшей степени можетъ быть вызванъ техническимъ отборомъ, чѣмъ онъ вызывается дотаціоннымъ отборомъ внутри животнаго вида, ибо лучшее снабженіе орудіями не соотвѣтствуетъ въ человѣческомъ обществѣ необходимо тѣмъ или другимъ органическимъ свойствамъ и не наследуется потомствомъ органически и непосредственно. Но несомнѣнно, въ борьбѣ съ *внѣшнимъ міромъ*, гдѣ весь родъ является борющейся единицей, техническій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конституціонный отборъ были необходимымъ средствомъ для побѣды человѣческаго рода надъ его соперниками. Очень вѣроятно, что въ первобытныя, *до-человѣческія* времена, когда у предковъ человѣка техническое вооруженіе едва возникло и было достояніемъ не цѣлаго рода, а *только отдѣльныхъ* индивидовъ,—это преимущество въ борьбѣ обусловило и физическій отборъ и повело къ психо-физическому образованію человѣческаго рода. Въ эти первобытныя времена способности индивидовъ выжившихъ, испытанныхъ въ борьбѣ, которая велась при помощи орудій, могли еще органически унаследоваться потомствомъ. Но какъ только выработался

*) W. Haacke, «Gestaltung und Vererbung». 1893.

наконецъ, типъ «человѣкъ», у котораго владѣніе орудіями является *общимъ* достояніемъ, то условия для борьбы *внутри* вида уравнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ для индивида, но не для вида, конечно, отпала возможность органическаго отбора. Дѣйствительно, грубый кремь первобытнаго человѣка былъ настолько недифференцированнымъ, однороднымъ орудіемъ, легко доступнымъ каждому товарищу по роду, что всѣ были вооружены совершенно одинаково и въ этомъ смыслѣ не было «лучше одаренныхъ», которые могли бы имѣть перевѣсъ и потому выжить въ индивидуальной борьбѣ внутри вида. Но и дальнѣйшее совершенствованіе техническаго вооруженія совершается не путемъ личнаго изобрѣтенія, которымъ могъ воспользоваться самъ изобрѣтатель и получить такимъ образомъ перевѣсъ въ борьбѣ. Всѣ эти совершенствованія явились результатомъ болѣе сложнаго процесса—*соціально* *труда*, этой новой формы борьбы за существованіе, которая велась техническими средствами противъ внѣшняго міра, той формы продуктивной работы, которую американецъ Стибелингъ (Stiebeling) называлъ *нормальной борьбой за существованіе*, противопоставляя ей, какъ *анормальную*, борьбу между индивидами того же вида. «Какъ животныя,—говоритъ Стибелингъ,—строятъ себѣ гнѣзда, копаютъ пещеры и т. д., чтобы защититься, съ одной стороны, отъ непогоды, съ другой,—отъ нападенія естественныхъ враговъ, такъ и человѣкъ былъ приведенъ къ изобрѣтенію оружія, орудія, одежды, жилища—путемъ нормальной борьбы за существованіе съ внѣшними силами природы и враждебными ему видами, а не путемъ ненормальной борьбы съ себѣ подобными».

Такъ какъ органическій индивидуальный отборъ внутри человѣческаго рода отстываетъ на задній планъ, то неудивительно, что костякъ человѣка, повидимому, не претерпѣлъ никакихъ измѣненій отъ дилювіальнаго періода и до нашихъ дней. Если и могутъ быть указаны какія-либо конституціонныя измѣненія въ расахъ, ушедшихъ впередъ; то лишь въ смыслѣ болѣе тонкаго развитія внутренняго строенія мозга у высшихъ расъ, по сравненію съ низшими первобытными племенами.

Неизмѣняемость внѣшняго строенія человѣка, несмотря на многовѣковую борьбу за существованіе, стоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вліяніе *животнаго* отбора сказывается на *органахъ*, тѣлесно принадлежащихъ животному, вліяніе же *соціальнаго* отбора—на проекціи органовъ, на орудіяхъ, органически съ человѣкомъ не связанныхъ. И результатъ отбора, въ смыслѣ выживанія и унаслѣдованія наиболѣе приспособленнаго, у животныхъ поэтому является *органическимъ*. Въ человѣческомъ же обществѣ отборъ распадается на *техническій* и *органическій*; индивидуально оба они совпадаютъ только случайно, соціально—непремѣнно. Общественный процессъ гораздо сложнѣе органическаго и не можетъ быть поставленъ наравнѣ съ нимъ.

Но кромѣ физическаго отбора, разсматривавшагося нами до сихъ поръ, существуетъ еще и *психическій*, играющій большую роль у тѣхъ

именно животныхъ видовъ, которые обладаютъ дифференцированной нервной системой и соответствующимъ ей развитіемъ субъективнаго сознанія. Въ борьбѣ за существованіе, вниманіе, мужество, выносливость, остроуміе, хитрость и т. д. являются цѣннымъ оружіемъ, можетъ быть, болѣе цѣннымъ, чѣмъ превосходное развитіе мускулатуры или способность къ размноженію. Потому и здѣсь результатомъ борьбы долженъ быть извѣстный отборъ въ томъ смыслѣ, что болѣе одаренный выживаетъ и его способности, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ унаслѣдоваться и его потомствомъ.

Но если вполне понятна возможность усовершенствованія, путемъ отбора въ борьбѣ за существованіе, тѣхъ интеллектуальныхъ свойствъ, которыя повышаютъ *личные* шансы борьбы, то какъ быть однако съ тѣми высшими социальными добродѣтелями, которыя составляютъ лучшее достояніе человѣческаго общества. Дарвинъ считалъ возможнымъ развитіе нравственныхъ качествъ людей изъ социальныхъ инстинктовъ животныхъ, путемъ борьбы за существованіе. Уже у животныхъ, по Дарвину, наблюдается борьба между различными инстинктами, другими словами, начало нравственныхъ конфликтовъ. Уоллѣсъ возсталъ противъ этого воззрѣнія Дарвина и считалъ совершенно невозможнымъ, чтобы въ борьбѣ за матеріальное существованіе могли развиваться высшія духовныя и нравственныя свойства. И это правда: борьба за единичныя матеріальныя цѣли никогда и нѣ при какихъ условіяхъ не могла бы создать идеальнаго духовнаго міра человѣка. Но вѣдь и среди животныхъ борьба за существованіе не во всѣхъ случаяхъ имѣетъ матеріальную цѣль. И тамъ борьба ведется не только за пищу или за половыя наслажденія, но и за сохраненіе и развитіе рода. Животныя руководствуются не идеальнымъ, только человѣку свойственнымъ сознаніемъ, а лишь инстинктивнымъ чувствомъ, но фактически храбрѣйшія изъ животныхъ доходятъ до самопожертвованія изъ-за блага рода. А развѣ для *отдѣльнаго* животнаго это актъ борьбы за *личное матеріальное* существованіе? Уже у животныхъ, кромѣ личной борьбы за существованіе, существуетъ совмѣстная борьба за общія цѣли. Соціальныя побужденія симпатіи ведутъ къ созданію общихъ интересовъ животнаго стада, къ взаимному оказанію помощи и къ совмѣстной борьбѣ съ внѣшними врагами. Прямая личная борьба за существованіе другъ съ другомъ, внутри сообщества, ослабляется; у высшихъ стадныхъ животныхъ ея почти нѣтъ. Совершенствованіе этихъ социальныхъ качествъ происходитъ тоже и путемъ отбора, но,—говоря словамъ Стибелинга,—не въ аномальной, а въ нормальной борьбѣ за существованіе. Но одно общее сосуществованіе и борьба за сохраненіе вида еще не создаютъ нравственности и совѣсти. И выше уже высказаны соображенія, что лишь послѣ того, какъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ душѣ животнаго проснулось логическое представленіе о причинѣ,—изъ симпатіи и инстинктивныхъ стремленій къ усовершенствованію вида

развилося объективное общее знаніе и совѣсть. Психическій отборъ, совершавшійся при этомъ, не совпадаетъ съ физическимъ, происходящимъ путемъ органическаго унаслѣдованія извѣстныхъ качествъ. На это указывалъ и Дарвинъ, замѣтившій по поводу племенной морали низшихъ ордъ: «Кто готовъ былъ скорѣе пожертвовать свою жизнь, чѣмъ измѣнить товарищамъ (а это дѣлали очень многіе дикари), тотъ часто не оставлялъ никакого потомства, которое могло бы унаслѣдовать его благородную натуру».

Но онъ дѣйствовалъ своимъ *примѣромъ*, нравственнымъ вліяніемъ своего поступка. Въ томъ же смыслѣ высказался и *А. Кирхгоффъ*: «Кто, презирая смерть, бросался на коня враговъ, тотъ не оставлялъ *тѣлсныхъ* наслѣдниковъ своей способности къ самопожертвованію, но онъ оставлялъ большое, *духовное* наслѣдство: кто видѣлъ его геройскій поступокъ, кто слышалъ о немъ въ пѣснѣ или разсказѣ, тотъ, чѣмъ больше были его силы духа, тѣмъ больше побуждался къ подражанію». И уже Дарвинъ указывалъ, что развитіе морали ведетъ къ уравниенію различій между расами, выростая въ идею гуманности. Въ этомъ отношеніи, Дарвинъ представлялъ полную противоположность тѣмъ «дарвинистамъ», что борются съ гуманностью, выдавая ее за слабость и глупость, и одну силу считаютъ правомъ. По поводу подобныхъ воззрѣній, Дарвинъ замѣтилъ въ своей автобіографіи о Карлейлѣ: его воззрѣнія на рабство возмутительны, въ его глазахъ сила была правомъ.

Резюмируя высказанныя выше соображенія, Вольманъ сводитъ къ слѣдующему *различію между органическимъ и социальнымъ отборомъ*.

«Развитіе человѣческой социальной жизни въ той же степени подчинено общимъ биологическимъ законамъ дифференціаціи, приспособленія, отбора и т. д., что и развитіе органической жизни. Главное различіе состоитъ въ томъ, что къ органическимъ силамъ присоединяются еще техническія орудія, т. е. безличныя и отдѣленные отъ организма силы, которыя нарушаютъ заковъ органическаго индивидуальнаго наслѣдованія и совершенствованія.

«Законъ отбора органовъ и организмовъ переходитъ на техническія орудія въ такомъ смыслѣ, что орудія дифференцируются, приспособляются къ новымъ цѣлямъ и, конечно, при посредствѣ человѣка, преобразуются въ болѣе совершенныя формы. Извѣстная непрерывность формъ наблюдается и въ исторіи орудій, и Лафаргъ правъ, говоря, что дѣйствительная борьба за существованіе и усовершенствованіе происходитъ не между людьми, а между ихъ искусственными органами.

«Всеобщіе биологическіе законы въ равной степени господствуютъ и надъ развитіемъ духовной жизни. Борьба мнѣній, отборъ и усовершенствованіе идей, путемъ критики, утвержденія или отрицанія,—все это не одно только картинное отраженіе. И духовная исторія человѣка становится относительно самостоятельнымъ міромъ причинъ и слѣдствій, гдѣ духовныя формы производятъ изъ себя новыя формы.

«Въ виду этого, экономическій и духовной отборъ не обозначаютъ непремѣнно отбора наиболѣе одаренныхъ въ духовномъ и экономическомъ отношеніяхъ людей, такъ какъ техническія и духовныя силы связаны неразрывно не съ отдѣльными личностями, а со всѣмъ органическимъ процессомъ *всего* общества. Вслѣдствіе этого способъ вліянія соціального отбора безконечно сложнѣе, чѣмъ органическаго, и весьма возможно, что первоначальный параллелизмъ между индивидуальнымъ самохраненіемъ и сохраненіемъ рода уничтожится.

«Усовершенствующій отборъ не совпадаетъ непремѣнно съ органическимъ продолженіемъ и унаслѣдованіемъ, очень часто побѣждаетъ не лучше организованный, но лучше вооруженный: между лучшей организаціей и лучшимъ вооруженіемъ нѣтъ никакого необходимаго совпаденія. Наоборотъ, часто дурной и слабый наслѣдуютъ хорошему экономическому вооруженію, тогда какъ хорошій и сильный, не смотря на выдающуюся организацію, лишены оружія и орудія; онъ гибнетъ въ борьбѣ за существованіе, а первый имѣетъ возможность передать по наслѣдству свой дурной и слабый характеръ. Здѣсь важная причина вырожденія.

«Выдающіеся индивиды, при обстоятельствахъ, продолжаютъ жить не въ своихъ *дѣтяхъ*, но въ своихъ *дѣннѣхъ*. Люди являются и исчезаютъ, народы поднимаются и падаютъ. Они работаютъ надъ *культурнымъ* *дѣломъ* рода и въ этомъ ихъ счастье и слава. Гдѣ фізіологическіе наслѣдники грековъ? У нихъ есть только духовные сыны, и они создаютъ постоянно все новое духовное наслѣдство».

Этимъ собственно и заканчивается теоретическая часть разсужденій Вольмана объ отношеніи между естествознаніемъ и обществовѣдѣніемъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ отношенію дарвинизма къ нѣкоторымъ конкретнымъ вопросамъ, изъ которыхъ мы остановимся только на двухъ: отборѣ въ борьбѣ расъ и отношеніи между борьбой за существованіе и «свободной конкуренціей».

Насколько мы можемъ возстановить исторію человѣчества, всегда и вездѣ мы находимъ племена и расы въ борьбѣ за существованіе: за владѣніе землей и питаніемъ и за господство. Расы выступаютъ одна противъ другой, какъ будто-бы онѣ были различными видами. Процессъ отбора повторяется въ болѣе узкихъ, но высшихъ жизненныхъ сферахъ, въ борьбѣ людей съ людьми. Въ первобытномъ обществѣ это не была индивидуальная борьба за существованіе (свободная конкуренція индивидовъ—продуктъ новой исторіи), но борьба между человѣческими *группами*, между *ордами*, *племенами* и *расами*. Исходъ въ борьбѣ расы съ расою обуславливается не только относительнымъ развитіемъ фізіологическихъ силъ, но также географическими и экономическими причинами, другими словами, внѣшними условіями существованія и приспособленія; онъ зависитъ столько-же отъ техники и экономики, какъ отъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ,

такъ что условія и результатъ борьбы не всегда и не во всякое время могли быть одинаковы. Это нужно постоянно имѣть въ виду, и большая заслуга Шеффле состоитъ въ указаніи того, что каждый періодъ имѣлъ свою социальную форму отбора.

Борьба расъ будетъ совершенно различна, смотря потому, ведется ли борьба между «дикарями» съ той и другой стороны, между «дикарями» и цивилизованными племенами или, наконецъ, только между цивилизованными народами, между государствами, какъ говорятъ обыкновенно.

Для большинства «дикарей», племенная борьба является нормальнымъ видомъ существованія, жизненной необходимостью, такъ какъ на этой ступени средства существованія даются въ большей степени не хозяйственнымъ трудомъ, а эксплуатацией, завоеваніемъ: охотой и войной. Здѣсь еще имѣетъ мѣсто физическій отборъ какъ отдѣльныхъ единицъ, такъ и расъ, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ примитивнѣе орудія и экономическія производительныя силы.

Совершенно въ инныя условія поставлена борьба между «дикарями» и культурными націями. Видѣть въ этой борьбѣ проявленіе закона естественнаго отбора могутъ только слѣпые «дарвинисты». Истребленіе «дикарей» высшей цивилизаціей,—порохомъ, водкой, заразными болѣзнями, грабежемъ,—въ борьбѣ, гдѣ иногда проявляются самыя отталкивающія свойства человѣческаго звѣрства,—является дѣяніемъ, въ «естественной необходимости» котораго можно очень и очень сомнѣваться. А услужливые «дарвинисты» реабилитируютъ эту разбойничью истребительную войну: что дѣлать, таковъ желѣзный законъ естественнаго отбора. При чемъ тутъ естественный отборъ: здѣсь просто одно изъ величайшихъ преступленій, совершенныхъ такъ называемыми цивилизованными націями.

Совершенно тоже нужно сказать объ оправданіи войны между культурными народами съ точки зрѣнія «дарвинистской политики». Дарвинъ по этому вопросу не былъ «дарвинистомъ», онъ видѣлъ въ войнѣ моментъ, не совершенствующій расу, а, наоборотъ, способствующій вырожденію ея. Въ молодые годы и Геккель возставалъ противъ «военнаго отбора», но затѣмъ преспокойно вычеркнулъ эти «юношескія выходки» изъ позднѣйшихъ изданій «Естественной исторіи міротворенія».—Въ послѣднее время у буржуазныхъ дарвинистовъ вошло въ моду выдавать войны между цивилизованными народами за борьбу расъ. Не говоря уже о томъ, что чистыя расы—этнологическій мифъ, но для кого-же тайна, что всѣ войны новаго времени, ведущіяся изъ-за экономическихъ интересовъ, всего меньше могутъ претендовать на названіе—борьбы расъ. И толковать о «естественномъ отборѣ» по поводу такихъ войнъ совершенно неумѣстно: всѣ онѣ являются «анормальной» борьбой за существованіе, ведущей къ не усовершенствованію, а къ вырожденію борющихся.

Отношеніе «дарвинистской» политики къ вопросу о свободной конкуренціи—одинъ изъ печальныхъ эпизодовъ изъ исторіи скитаній человѣческой мысли. Это исторія о томъ, какъ, для реабилитаціи различныхъ злоупотребленій, искажалась и кастрировалась наука. Буржуазные «дарвинисты» ухитрились обуржуазить даже природу: экономическій принципъ, возникшій сравнительно недавно, при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ, со всѣми его недостатками и ошибками, они примѣнили ко всей живой природѣ, чтобы затѣмъ, въ формѣ еще болѣе искаженной, перенести его назадъ въ человѣческое общество. «Яростная борьба интересовъ въ человѣческомъ обществѣ—только слабое отраженіе непрестанной, жестокой борьбы за существованіе, господствующей во всемъ живомъ мірѣ!»—воскликаетъ Геккель—и говоритъ завѣдому неправду. Для всего царства растений совершенно нельзя говорить о жестокой борьбѣ за существованіе; нѣтъ жестокости природы и въ борьбѣ животныхъ; тамъ вовсе нѣтъ, какъ давно указалъ уже это Уоллэсъ, той массы страданій и боли, какая сопровождаетъ борьбу въ человѣческомъ обществѣ. Но «дарвинисты» съ какою то особенною любовью рисуютъ возмутительныя картины жестокости природы, чтобы, вѣроятно, тѣмъ милѣе казались всѣ прелести свободной конкуренціи. И чѣмъ дальше, тѣмъ развязнѣе становится толкованіе «естественнаго отбора». Мальтусъ, вліяніе котораго на возникновеніе теоріи естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе несомнѣнно, еще оплакивалъ нищету и злополучіе низшихъ классовъ, онъ только не зналъ никакого цѣлебнаго средства противъ этого, казалось ему, естественнаго, неизбѣжнаго зла. Буржуазные же дарвинисты «въ своей циничной безсовѣстности, —говоритъ Вольфманъ,— кладутъ на чело бѣдности, болѣзни и оброшенности позорное клеймо—негодности и гибели всего дурнаго. Такимъ образомъ они присоединяютъ—и это позорное клеймо на ихъ лбу—къ оптимизму буржуазной политической экономіи—цинизмъ застарѣлаго заблужденія, стараясь изъ выдуманныхъ правилъ животной жизни вывести предписанія для человѣческихъ дѣйствій. Ихъ писанія, какъ сказалъ когда то Марксъ по подобному же поводу о мальтусовой книгѣ, —*насквиль на родъ человѣческій*». Толкуя совершенно на выворотъ дѣйствительныя отношенія, выдавая слѣдствія за причины, «дарвинисты» въ то же время трогательно исповѣдываютъ наивную вѣру, будто богатство и высокое положеніе являются слѣдствіемъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе и «отобранные» по наслѣдству передаютъ своимъ дѣтямъ соотвѣтственныя дарованія. Они совершенно игнорируютъ фактъ, что исходъ въ индивидуальной борьбѣ опредѣляется теперь не личными силами, а тѣмъ, главнымъ образомъ, каково экономическое и правовое положеніе борющихся. Они забываютъ, что органическое наслѣдованіе дарованій и юридическое наслѣдованіе капитала и положенія въ дѣйствительности далеко не совпадаютъ. Процессъ борьбы за

*

существованіе въ обществѣ перестаетъ быть «естественнымъ», все болѣе и болѣе отдаляясь отъ природныхъ условій. Конечно, и эта борьба ведетъ къ отбору наиболѣе приспособленныхъ, но что это за приспособленіе? Оно соответствуетъ, конечно, самому характеру борьбы, о которой *Шеффле* какъ то сказалъ, что для нея хороши всѣ средства, если только они не ведутъ на каторгу. А *Енчъ* (*Ientsch*), всего меньше могущій считаться человѣкомъ крайнихъ мнѣній (въ своихъ сочиненіяхъ онъ борется съ социализмомъ), замѣчаетъ: «Это общество, отобранное конкуренціей, должно считаться *аристократіей*? Съ такимъ же правомъ можно причислить къ аристократіи голодную собаку, отнявшую кость у другой голодной собаки».

И, конечно, было бы незаслуженнымъ оскорбленіемъ для человѣскаго рода—думать, что никогда не прекратится эта братоубійственная борьба и что «анормальная борьба за существованіе» не смѣнится «нормальной борьбой», совмѣстной работой не для личнаго, а для общаго блага... «Помилуйте, — возопять зоологи буржуазно-дарвиновскаго толка, — а естественный законъ борьбы за существованіе!» Но правы ли они въ своемъ протестѣ? Во-первыхъ, откуда это столь странное представленіе о «законѣ»? Вѣдь научный законъ—это только обобщеніе, съ одной стороны, давнихъ, доставленныхъ наблюденіемъ и опытомъ, съ другой—гипотезъ, и требовать *подчиненія* ему можно, лишь играя словами, смѣшивая его съ юридическимъ закономъ. А, во-вторыхъ, вѣдь и борьба за существованіе не есть непременно борьба другъ противъ друга, уже у стадныхъ животныхъ—это совмѣстная борьба противъ внѣшнихъ силъ, нормальная борьба, которая всегда сохранится въ человѣческомъ обществѣ и будетъ вести къ совершенствованію его. Но ужъ, навѣрное, никто не станетъ совѣтоваться съ зоологами, какъ устроить человѣческое общество, по кодексу звѣринаго права, какъ бы ни были недовольны этимъ зоологи, нежелающіе признать для человѣка естественнымъ то, чего не дѣлаютъ звѣри. «Они (зоологи), остроумно замѣчаетъ одинъ нѣмецкій писатель (*Grottewitz*), извлекаютъ изъ звѣриной жизни законы, которые, по ихъ мнѣнію, имѣютъ обязательную силу и для человѣка. Но почему-же не говорятъ они: звѣри не думаютъ, слѣдовательно, и мы не смѣемъ этого дѣлать».

Здѣсь мы можемъ разстаться съ авторомъ. Конечно, съ развитіемъ точныхъ знаній сотни измѣненій будутъ произведены въ предложенныхъ теоріяхъ, но это не мѣшаетъ и теперь уже систематизировать наиболѣе достовѣрное изъ существующаго, что, по нашему мнѣнію, очень умѣло и слѣлалъ Вольтманъ. Но каковы бы ни были будущія фактическія измѣненія, едва-ли когда-либо будутъ поколеблены основные принципы, которые неуклонно—а это и придаетъ книгѣ наибольшій интересъ—проводить въ своемъ сочиненіи В. Несомнѣнно, что и каждый послѣдующій трудъ, если пожелаетъ пролить новый свѣтъ на

явленія общественной человѣческой жизни, долженъ будетъ приѣхать къ ихъ изученію естественно-научный методъ и именно потому не забывать всего различія между зоологіей и соціологіей, а считаться со *всеми особенностями* человѣческой общественной жизни. Въ виду этихъ особенностей, въ виду *общественнаго* и *человѣческаго* характера этой жизни, общій для всей жизни біологическій законъ долженъ прегерпѣть здѣсь соотвѣтственными предположенія. И всѣ дальнѣйшія изслѣдованія только, конечно, подтвердятъ и разовьютъ основную мысль, проникающую все сочиненіе, что именно *духовныя силы* составляютъ отличительную черту человѣческаго общества и что эти силы все больше и больше выигрываютъ въ своемъ значеніи. Эта мысль,—и это, конечно, только отрадно,—не составляетъ какой-либо оригинальной черты Вольтмановской книги, ею проникнуты всѣ лучшія соціологическія сочиненія. Идею эту,—какъ это и дѣлаетъ *Шеффле* въ своей старой, но теперь совершенно заново передѣланной книгѣ («Жизнь и строеніе общественнаго тѣла» *),—можно поставить въ связь съ возрѣніемъ, давнымъ давно высказаннымъ въ геологіи. Такъ, геологъ *Дана* видитъ характерную тенденцію хода творенія—отъ древнѣйшихъ формъ до новѣйшихъ—въ образованіи головы (cephalisation), въ развитіи мозга и прогрессирующемъ подчиненіи животныхъ и растительныхъ функций—мозговой дѣятельности. И все прогрессирующее развитіе духовныхъ силъ, не только отдѣльнаго человѣка, но всего общества,—прямое продолженіе этого процесса. Стихійно вырабатывались эти силы, медленно и стихійно совершался процессъ уясненія общественныхъ отношеній, но уже теперь эти силы имѣютъ самостоятельное и серьезное значеніе въ общественной жизни. Конечно, не логика и не величія нравственности являются опредѣляющимъ факторомъ въ жизни человѣческаго общества, но факторъ этотъ на лицо, это сила и—растущая сила. И она растетъ, какъ благодаря сознательной работѣ человѣчества, такъ даже и благодаря стихійнымъ процессамъ жизни.

Л. Сѣдовъ.

*) au und Leben des Sozialen Körpers, Tübingen 1895, t. I, стр. 267—268.

ОСВОБОДИЛАСЬ.

П О В Ъ С Т Ъ .

(Продолженіе *).

VIII.

У Мельгуновыхъ только что кончили обѣдать. Мужчинъ хозяинъ пригласилъ курить въ кабинетъ. Дамы съ хозяйкой перешли въ гостиную пить кофе.

Мельгуновъ сіялъ. Обѣдъ такъ удался, что профессоръ Сивушинъ—большой гастрономъ,—въ третій разъ допытывалъ его, откуда онъ досталъ повара.

— Кухарка, бѣлая кухарка, Александръ Петровичъ, поварами я брезгаю...

— Да не можетъ быть! Никогда не повѣрю, чтобъ кухарка умѣла такъ соусъ сдѣлать... никогда...

— Ахъ, соусъ!...— усмѣхнулся Мельгуновъ и съ наслажденіемъ затянулся дорогой сигарой.—Ну, за это поцѣлуйте ручку у хозяйки... соусъ она дѣлала сама... больше двухъ часовъ работы...

Сивушинъ выпустилъ пуговицу смокинга, за которую ухватилъ было хозяина.

— Быть не можетъ!.. Сама?

Сивушинъ огорченно развелъ руками.

— Ну, знаете ли? Съ этимъ тоже, родиться надо. Не всякому дано... Заставь-ка я свою Анеточку въ кухню сидѣть. Завянетъ, зачахнетъ... Цвѣтокъ, совсѣмъ цвѣтокъ... Сейчасъ эти мигрени... Да тутъ никакому соусу не обрадуешься!.. На это здоровье нужно.

Онъ сокрушенно вздохнулъ. Мельгуновъ самодовольно потрепалъ коллегу по круглой спинѣ. Онъ выпилъ мозельвейну болѣе, чѣмъ рассчитывалъ, глаза его, какъ бы подернутые влагой, слезлись и ему хотѣлось поговорить по душѣ.

*) См. «Міръ Божій» № 8, августъ.

— Нѣтъ, а какъ она нынче спорила съ Алферовымъ насчетъ капитализма-то... слышали?

Онъ подмигнулъ на Алферова, крупнаго брюнета съ огромнымъ лысымъ лбомъ. Онъ что-то рассказывалъ въ группѣ мужчинъ, подобострастно внимавшихъ его рѣчи. Это былъ купецъ, думскій гласный, съ замѣчательнымъ образованіемъ, съ большимъ капиталомъ и связями. Мельгуновъ давно „охаживалъ“ его, ища знакомства, надѣясь привлечь его современемъ къ дѣтскому пріюту, гдѣ онъ служилъ бесплатно изъ-за чиновъ, черезъ Алферова рассчитывая получить связи и доступъ въ богатѣйшіе купеческіе дома. Въ первый разъ Алферовъ у него обѣдалъ, былъ любезенъ съ его женой, очевидно пораженъ ея начитанностью... Мельгуновъ сіялъ. День этотъ стоилъ ему дорого, но за-то онъ не прошелъ даромъ. И этимъ онъ обязанъ Лизѣ больше всего...

— Удивительная женщина эта Лизавета Николаевна, — говорилъ Сивушинъ, по хитрымъ глазкамъ котораго, какъ бы добродушно глядѣвшимъ изъ-подъ заплывшихъ вѣкъ, никогда нельзя было рѣшить, погладить ли онъ по головкѣ собирается, или держать за пазухой камень. — И когда это она все успѣваетъ? И книги, и кухня, и уроки?..

— Бросила, батенька. Вообразите — бросила...

— Что бросила?.. испуганно спросилъ Сивушинъ и курить пересталъ.

— Тсс!.. — Мельгуновъ оглянулся на гостей и понизилъ голосъ. — Только ей ни слова... Это секретъ... Возвращаюсь я изъ Петербурга, она мнѣ вдругъ объявляетъ: я уроки передала...

Острые глазки Сивушина сверкнули въ упоръ умиленному взгляду Мельгунова.

— Ну и перекреститесь, миленькій, и скажите: „слава Богу!..“ — лицомъ рно зашепталъ онъ. — Я частенько-таки побаивался за васъ...

Мельгуновъ вздрогнулъ и снялъ свою руку съ плечъ гостя, котораго фамиллярно обнималъ.

— За меня?

— Опасная штука эти передовыя женщины, что ни говорите! Эти поборницы женской независимости... Особенно, когда у нихъ свой грошникъ заведется... Чуть не по шерсткѣ ихъ погладишь, — фьютъ!.. Шевельнули хвостикомъ... Ищи ихъ!..

— Неужели вы воображаете, что такая женщина, какъ Лиза...

— Ничего я не воображаю. Я вообще... Я знаете ли всегда Мишле вспоминаю... Помните это его сочиненіе о женщинѣ, посвященное его женѣ?.. „Женщина — это цвѣтокъ“... Оно и вѣрно-съ... Умная bestія былъ старичекъ! Что говоритъ! Сладко

пѣль... Съ цвѣточками — оно, знаете, много спокойнѣе... Никакъ у васъ сигарка, батенька, потухла?

Мельгуновъ растерянно взглянулъ на кончикъ сигары. Дѣйствительно, потухла. Онъ зажегъ ее и сталъ усиленно раскуривать. — „Точно подслушала... Угадалъ что ли? Да нѣтъ!.. Не можетъ быть... Лиза — могила... Никому не скажетъ... Вотъ ядовитая жаба... настоящая жаба“, — думалъ онъ, затягиваясь.

— Женщины того типа и того поколѣнія, къ которому принадлежитъ Лиза, — сентенціозно заговорилъ онъ опять, враждебно щурясь на жирное лицо Сивушина, — отличаются отъ современныхъ молодыхъ женщинъ своими запросами, идейностью стремленій что ли... Я вамъ многихъ назову, какъ она. Изъ нихъ врачи вышли, учительницы, писательницы... Этому поколѣнію Россія обязана многимъ. Росли-то онѣ, видите ли, подъ инымъ вѣяніемъ... То было время иное, пѣсни инныя... Вотъ онѣ звуки-то этихъ пѣсенъ, въ дѣтствѣ слышанныхъ, въ душу имъ запавшихъ, черезъ всю жизнь пронесли, какъ лучшей завѣтъ прошлаго...

„Вотъ какъ поетъ... — казалось говорило, умильно улыбавшееся лицо Сивушина... — Хорошо ты поешь... гдѣ-то сядешь?..“

— Жаль, жаль, что она васъ не слышитъ. — повачалъ онъ льсой головой. — Пойдемте-ка въ гостиную, Павелъ Васильичъ, повторите-ка это при женѣ, она оцѣнитъ...

Онъ взялъ Мельгунова подъ локоть.

„И акушерка твоя это тоже оцѣнитъ...“ — говорили его глазки.

Мельгуновъ благоразумно высвободился и продолжалъ:

— Вы, какъ человѣкъ стараго уклада, можете не симпатизировать этому типу женщинъ, но отказывать ему въ уваженіи вы наврядъ ли рѣшитесь.

— Не рѣшусь, батенька, не рѣшусь... Гдѣ жъ ихъ сравнивать съ нашими молодыми дѣвицами въ юбкахъ... вродѣ Анны Васильевны, на примѣръ? Въ сравненіи съ ними Лизавета Николаевна — Донъ-Кихоть...

Мельгуновъ внутренно дрогнулъ и внимательно посмотрѣлъ въ узкіе, блестящіе глазки собесѣдника. Тотъ взялъ его конфиденціально подъ локоть и зашепталъ:

— Некрасивую штучку сыграла ваша акушерка съ Сомовой... Горячкой родильной-то она ее, говорятъ, заразила...

Мельгуновъ отодвинулся.

— Что вы?.. помилуйте... Кто вамъ сказалъ?..

— Э, Павелъ Васильичъ, слухомъ земля полнится... У нея, говорятъ, въ это время перитонитомъ больная въ пріютѣ померла, а она къ Сомовой все-таки побѣжала... Алчность ее ужъ очень заѣдаетъ... Вы бы ей велѣли поосторожнѣе быть... Въ другой разъ нагорить и права практики лишать... А главное, на васъ

вѣдь это тѣнь... Всѣ знаютъ, что она ваша protégée... Вы ужъ ее предупредите...

„Экая гадость какая“, — думалъ озабоченно Мельгуповъ, подходя къ Алферову и дѣлая видъ, что прислушивается къ его разсказу. — „Ужъ если эта старая сплетница — Сивушинъ заговорилъ, завтра вся Москва узнаетъ... А Сивушину подь меня подвѣпаться давно хочется... Онъ только предлога ищетъ, чтобъ мнѣ подставить ногу...“

Съ озабоченнымъ лицомъ онъ вошелъ въ гостиную.

На диванѣ Анна Михайловна Сивушина, хорошенькая блондинка, одѣвавшаяся у лучшей портнихи, дутала свою шейку въ дорогое страусовое боа, хотя въ комнатѣ было пятнадцать градусовъ тепла. Бывшая гимназистка, попавшая затѣмъ на курсы, она плѣнила Сивушина своей миловидностью и граціей, необыкновенно быстро освоилась съ ролью богатой женщины, забыла довольно-таки живо всѣ прежнія связи и знакомства и дружила только съ богатыми купчихами. Въ ихъ средѣ она слыла за необыкновенно развитую и передовую женщину, любила тамъ щегольнуть модными словечками вродѣ „капитализма“ и „эволюціи“, и названіемъ серьезной книги. Она втайнѣ робѣла передъ Лизаветой Николаевной, за-глаза смѣялась надъ ея чудачествами, но очень дорожила этимъ знакомствомъ, такъ какъ многія напрасно добивались сближенія съ замкнутой и строгой Мельгуновой.

— Мы съ ней друзья, — важно говорила она въ различныхъ кружкахъ, но ей плохо вѣрили.

Съ Мельгуновымъ она давно кокетничала и была не прочь отъ романа съ нимъ. Когда же супругъ сообщилъ ей о связи его съ акушеркой, — Анна Михайловна стала донимать красиваго доктора чисто-женской мелочностью и мстительными выходками. Эту акушерку изящная барыня простить ему не могла и ее только бѣсила холодная сдержанность самой Мельгуновой.

— Какъ она можетъ это выносить?.. возмущалась Анна Михайловна. — Это рыба какая-то, а не женщина...

— Да не любить его, матушка, очень просто... — объяснялъ Сивушинъ.

— Такъ что жъ, что не любить?.. Да я бы изъ самолюбія одного такъ не оставила... А она еще за столъ съ собой сажаетъ эту дрянъ...

Свое презрѣнье къ красивой акушеркѣ она умѣла выказать съ удивительнымъ мастерствомъ: разглядывала ее въ лорнетъ, какъ невиданнаго звѣря, дѣлала большіе глаза, когда та съ кѣмъ-нибудь заговаривала; наклонялась къ уху сосѣдки и прикрывшись вѣеромъ вполголоса дѣлала свои замѣчанія и звонко смѣялась.

Впрочемъ, сама Анна Васильевна Преображенская, безъ муж-

чинъ почувствовала себя, какъ рыба, выброшенная на берегъ. Ей разомъ стало душно и скучно въ гостиной. Она выпила двѣ чашки кофе, покраснѣла отъ возбужденія, потомъ зѣвнула раза три и занялась альбомами. Съ дамами разговаривать она даже не стремилась, хотя хозяйка и втягивала ее въ разговоръ.

Это была пышная, румяная, чернобровая женщина, съ цѣлой гривой вьющихся черныхъ волосъ, съ прекрасными темными глазами. Крупная, сильная, въ своемъ новомъ гремучемъ шелковомъ платьѣ, она произвела сильное впечатлѣніе на Алферова.

— Qui est-ce?..—спросилъ онъ Мельгунова послѣ обѣда и узнавъ, что она его помощница, онъ подмигнулъ хозяйку:

— Diable!.. V'là une belle créature!..

Гости еще не развѣзжались. Въ столовую подали самоваръ и хозяйка пригласила туда всѣхъ. Пришли Шура и Оля, хорошенькая племянница и крестница Мельгуновой. Она пріѣхала изъ провинціи въ сочельникъ, и Лизавета Николаевна съ ней не разставалась, возила дѣтей въ театръ, сдѣлала имъ елку, читала имъ вслухъ.

Вошелъ лакей.

— Васъ тамъ спрашиваютъ, барыня,—таинственно сообщилъ онъ, наклоняясь къ уху хозяйки.

— Кто?

— Студентъ какой-то...

ІХ.

— Гдѣ онъ?

Лизавета Николаевна такъ растерялась, что на нее было жалко смотрѣть. Она встала, вся вспыхнувъ, бросила на стулъ расшитое полотенце и порывисто пошла къ двери. Но тотчасъ опомнилась и робко улыбнулась гостямъ.

— Они въ передней-съ... не раздѣваются... говорятъ на минутку... повидать...

Лизавета Николаевна опять схватила полотенце и остановилась у стола.

— Это изъ попечительства?.. помогъ ей инстинктивно мужъ.

Онъ замѣтилъ волненіе жены и безсознательно испугался. Такая свѣтская, тактичная женщина... Что бы это значило?

— Вы развѣ концертъ опять затѣваете?..—крикнула горбоносая дѣвица и глаза ея запрыгали отъ любопытства.

— Д-да... н-нѣтъ... извините... я сейчасъ... — задохнувшись какъ-то кинула Мельгунова, разомъ поблѣднѣла и быстро пошла за лакеемъ въ переднюю.

Предчувствіе ее не обмануло. Это былъ Клименко.

Онъ стоялъ не раздвѣваясь, въ своей жиденъкой шинели, укутанный башлыкомъ.

Сердце Лизаветы Николаевны такъ стучало, что она не рѣшалась заговорить и только молча подала ему обѣ руки.

Онъ порывисто взялъ ихъ въ свои.

— Я, вѣжеться, не въ-время.. У васъ гости?

Голосъ его замѣтно дрожалъ, но въ каждой чертѣ его юнаго лица сіяла такая побѣдная радость, что Лизавета Николаевна вдругъ почувствовала себя и молодой, и счастливой. Та же жизнерадость вспыхнула въ ея глазахъ.

— Это ничего... пойдите туда... хотите чаю?.. Раздвѣвайтесь...

Лакей почтительно подошелъ, чтобъ раздѣть студента.

— Нѣтъ, пожалуйста, не трудитесь,—ужасно заспѣшилъ онъ и сконфузился.—Я самъ... Я на минутку... Только туда я не пойду... Я лучше уйду, если не въ-время...

Онъ снялъ пальто и самъ его повѣсилъ, робѣя и все конфузясь передъ лакеемъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдите сюда...

Лизавета Николаевна быстро и рѣшительно распахнула первую дверь изъ передней. Это былъ небольшой корридоръ, а за нимъ комната хозяйки.

— Сюда,—сказала она студенту...—Идите, не бойтесь... Сюда никто не придетъ... Это моя... велья...

Она засмѣялась глубокимъ, полнымъ звукомъ. И отъ этого смѣха студенту сразу стало легко.

Лизавета Николаевна зажгла лампу на столѣ.

— Вы посидите здѣсь... намъ дадутъ чаю... Я сейчасъ вернусь...

Она вышла, шумя своимъ тяжелымъ платьемъ.

Клименко остался одинъ. Онъ вздохнулъ полной грудью и оглянулся. Выраженіе счастья все еще свѣтилось въ его лицѣ. Машинально онъ перелисталъ книгу на столѣ, потомъ подошелъ въ портретамъ. Семейная группа бросилась ему въ глаза.

Его губы дрогнули. Не отрываясь, онъ глядѣлъ на фотографію и лицо его темнѣло.— „Такъ вотъ онъ, ея мужъ... Дѣйствительно, красавецъ... И она его любила?.. Конечно, любила...“

Когда онъ отвернулся отъ стола на зазвучавшіе шаги хозяйки, у него было уже совсѣмъ другое лицо.

— Вотъ сюда, Петръ... на столикъ,—сказала она лакею, внесшему стаканъ чаю на подносѣ.—Можете теперь идти...

Они остались одни.

Она вскинула на него глаза и тутъ только замѣтила въ немъ перемену. Онъ осунулся и поблѣднѣлъ, какъ будто хворалъ.

— Сядьте сюда,—показала она на кушетку.—Чай горячій... Вы любите ромъ? Пожалуйста, налейте...

Онъ хлебнулъ и закашлялся. Она перестала сіять. Краски начали сбѣгать съ ея щекъ.

— Вы давно простудились?

— Н-не помню... кажется, давно... Это пустяки... Главное тѣ... (онъ загнулся на мгновенье) что мы опять... встрѣтились...

Онъ смѣло вскинулъ на нее вспыхнувшіе глаза.

— Я къ вамъ давно собирался... вотъ послѣ того, какъ вы у насъ были передъ праздникомъ...

У насъ?.. “ больно отдалось въ душѣ Лизаветы Николаевны. — „Неужели ужъ онъ не отдѣляетъ себя отъ нея?..“

Ей стало сразу почему-то такъ грустно, что на минуту пропала даже охота разговаривать.

„Чему я обрадовалась?..“ — горько подумала она. — „Онъ просто пришелъ благодарить за „нее“ ...

— Вы тогда такъ быстро скрылись, — говорилъ Клименко, машинально болтая ложкой въ чаю. — А Марья Васильевна только минутъ черезъ пять прибѣжала мнѣ сказать... что это были вы... Пока я одѣлся, пока что... васъ ужъ нигдѣ не видно было... Вы, должно быть, не въ ту сторону поѣхали?.. Такая досада!.. До сихъ поръ обидно, что я васъ не нагналъ.

Онъ весело засмѣялся.

— Такъ вы меня догоняли?

Она задумалась.

— А почему же вы не пришли раньше?

— Я заболѣлъ... Въ тотъ же вечеръ я былъ уже безъ памяти...

— Вы?..

Она даже встала, пораженная. Такъ вотъ почему онъ не шелъ?..

— Что у васъ было?

— Инфлюэнца, сильнѣйшая... Больше недѣли я валялся въ постели... потомъ такъ сидѣлъ... Не выпускалъ меня мой медикусъ... Что-то въ легкихъ тамъ нашель... Э, пустяки, конечно!.. У кого этого нѣтъ?

Она сѣла опять.

— А я и не подозрѣвала... Я думала, вы уѣхали... А вы лежали... одинокой... вѣдь у васъ здѣсь никого... и никакого ухода... вы могли умереть...

— Да... спасибо Марьѣ Васильевнѣ... Она выходила... Славная она... Двѣ ночи какъ-то не спала... Еще счастье мое, что у нея уроковъ не было... праздники... Я—было думалъ въ больницу, а она ни за что!.. Такъ и отстояла...

— Ну, а теперь?.. Вы совсѣмъ здоровы?..

— Кашляю... но это вздоръ... Вотъ это главное... — Лизавета Николаевна...

Она встала невольно. Его глаза снизу вверх глядели въ ея глаза и она, какъ зачарованная, не могла отвернуться.

— Вы простили меня?.. Все будетъ... хорошо теперь? Да? .

Онъ прочелъ отвѣтъ въ ея серьезномъ лицѣ.

— Ну, а теперь мнѣ пора.—Онъ всталъ.—Я и то задержалъ васъ...

Онъ взялъ фуражку со стула и оглянулся.

— Вотъ я почему-то всегда представлялъ себѣ именно такую комнатку у васъ... именно такую... И какъ хорошо, что я угадалъ!.. И о васъ часто думалъ... знаете?.. Въ бреду — мнѣ Марья Васильевна рассказывала...

Онъ засмѣялся нервно, сжалъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Ослабила ли болѣзнь въ немъ задерживающіе центры, или же это было возбужденіе начинавшейся лихорадки, — но Клименко былъ уже не тотъ сдержанный и робкій юноша, который угощалъ ее мармеладомъ въ маленькой комнаткѣ.

У двери онъ остановился.

— Ну „знатная дама“... Когда же я васъ увижу?

Она засмѣялась.

— Это что за обращенье?

— Ну, конечно, „знатная дама“...—разсмѣялся и онъ.—Вы посмотрѣли бы, какъ недоувѣрчиво меня встрѣтилъ швейцаръ на вашей лѣстницѣ— „къ Мельгуновымъ?..“ переспросилъ онъ. „Что, дескать, общаго между вами?..“ И, конечно, онъ правъ... Особенно, когда вы въ этомъ платѣ... Серьезно... приходите... къ намъ...

Онъ хотѣлъ сказать „ко мнѣ“, но опять-таки не рѣшился.

Она не поняла, вѣрнѣе, поняла по своему и лицо ея стало холодно.

— Я знаю, Лизвета Николаевна, что вы славная... безъ предразсудковъ этихъ глупыхъ... По этому позволяю себѣ такъ за-просто звать васъ... У меня это все проще... по-товарищески встрѣтимся, поболтаемъ... чаю напьемся... Я вотъ теперь урокъ потерялъ... за болѣзнью-то... Отъ часу до четырехъ всегда одинъ... читаю — читаю до одури... даже тоска возьметъ... А вотъ у васъ я вижу та же книжка. — Онъ кивнулъ на столъ.—Подѣлились бы впечатлѣніями... Вообще намъ надо видѣться и я васъ жду...

Онъ сказалъ это такъ неожиданно-серьезно, почти строго, что тутъ же опомнился и засмѣялся.

— Ну прогоните меня... Я совсѣмъ забылся... Позволяю себѣ съ знатной дамой говорить, какъ съ равной... Куда идти-то?..

— Сюда... за мной...

Въ передней, одѣтый въ пальто, онъ надѣвалъ калоши и лихорадочно-оживленно болталъ, когда дверь изъ столовой открылась, и Мельгуновъ показался на порогѣ:

— Лиза, Софья Михайловна уѣзжаетъ, — сказалъ онъ очень мягко, но внушительно.

Острымъ мгновеннымъ взглядомъ Клименко охватилъ всю статную, высокую фигуру Павла Васильевича, его красивое, надменное лицо, пышную гриву волосъ. Слова его замерли. Мельгуновъ тоже пристально посмотрѣлъ въ юное лицо и первый поклонился сдержанно, но вѣжливо.

Клименко быстро перевелъ глаза на Лизавету Николаевну. Отъ тона и вида мужа она сразу какъ-то съежилась, словно подобралась вся, словно стала маленькой.

Она не познакомила ихъ. Прощаясь съ гостемъ, на его почтительный поклонъ она даже не подала ему руки, а только кивнула ему какъ-то торопливо и растерянно.

Клименко бросилъ ей уничтожающій взглядъ и вышелъ.

„Вотъ онъ—властелинъ“...—думалъ онъ, сбѣгая по лѣстницѣ и чувствуя, какъ глухая необъяснимая злоба душить его за горло и слезы обиды жгутъ ему глаза.

Х.

Мельгуновъ былъ такъ благодаренъ женѣ, что она бросила, наконецъ, свои уроки, — что всѣ праздники только и старался сдѣлать чтонибудь пріятное ей и дѣтямъ. Онъ подарилъ Олѣ двѣ дорогія книги, бралъ два раза ложу въ Малый театръ на утренники и самъ ѣздилъ съ женой и ребятами. По дорогѣ онъ покупалъ фрукты и коробку конфетъ, которую съ самодовольной улыбкой ставилъ на барьеръ ложи передъ Лизаветой Николаевной. Онъ положительно ухаживалъ за ней, выбирая самыя безобидныя темы для разговора, пуская въ ходъ самыя мягкія интонаціи, свои „бархатныя“ нотки.

Но увы!.. Онѣ уже потеряли власть надъ душой Лизаветы Николаевны. Еслибъ она была теперь способна замѣчать эту разительную, удивительную перемену въ отношеняхъ къ ней мужа, она, конечно, насторожилась бы, по крайней мѣрѣ, постаралась бы узнать, откуда это все пошло и къ чему это поведетъ? Но она всѣ эти двѣ недѣли жила, какъ сомнамбула, автоматически исполняя разъ заведенные обычаи и обряды семейной жизни, съ виду спокойная, чуть-чуть словно разсѣянная.

Въ театрѣ она сидѣла безучастная, на вопросы дѣтей отвѣчала нехотя и односложно, конфетъ мужа не ѣла, отодвигаясь отъ нихъ, какъ отъ чего-то непріятнаго. Ни разу за эти дни она не улыбнулась и сидѣла задумчивая, глядя куда-то, — не то передъ собой, не то внутрь себя, — страннымъ, сосредоточеннымъ взгля-

Мельгуновъ какъ-то разъ вглядѣлся въ лицо жены и буквально похолодѣлъ. О чемъ она думаетъ? Что она замышляетъ?.. Вотъ вамъ и порадовался!.. Ну можно ли спать спокойно человѣку, у жены котораго такое выраженіе въ глазахъ?.. Что за наказанье, Господи!..

Онъ ни разу не позволилъ себѣ за это время ни одного замѣчанія по хозяйству, хотя и случались неизбѣжныя упушенія; за столомъ не брюзжалъ, въ прислугѣ не придирался. Памятный разговоръ о разводѣ не выходилъ у него изъ головы. Нѣтъ-нѣтъ да и приснится ему, что Лиза исполнила угрозу и потихоньку уходитъ.

Эта женщина, которую онъ враждебно, мстительно вычеркнулъ изъ своей жизни, которая такъ ступевалась, что онъ почти не замѣчалъ ее послѣдніе три года,—вдругъ заняла всѣ его мысли, перевернула всю его жизнь однимъ только словомъ:

„Ухожу“...

— Барыня дома?—былъ его первый вопросъ прислугѣ, когда онъ возвращался съ лекціи или практики.

На кухнѣ и то дивились и качали головами, замѣчая всѣ эти странности.

За обѣдомъ или чаемъ онъ оживленно говорилъ, рассказывалъ городскія и больничныя новости, пробовалъ толковать и о политикѣ, старался вообще быть приятнымъ.

Но зачастую онъ даже не былъ увѣренъ, что жена его слышитъ. Ея разсѣянный, странный взглядъ скользилъ безучастно по его лицу, какая-то болѣзненная гримаса кривила уголокъ рта. Въ это осунувшееся лицо было жутко глядѣть.

Смѣхъ замиралъ на устахъ Мельгунова.

„Ужь и выкинетъ же она штучку“!—холодѣя отъ тоски, думалъ онъ.

Подъ вліяніемъ этой безомѣнной тревоги, онъ самъ понемногу выбился изъ колеи налаженной жизни, совсѣмъ забросилъ клубъ, гдѣ иногда любилъ повинтить по небольшой; въ пріютъ къ Аннѣ Васильевнѣ ѣздилъ только по утрамъ и ни разу не былъ у нея вечеромъ за эти двѣ недѣли, отговариваясь тѣмъ, что у него есть тяжело больныя. Онъ даже аппетитъ потерялъ и отъ бессонницы самъ замѣтно похудѣлъ.

Праздники кончились. Олѣ пора было ѣхать домой.

Мельгуновъ самъ купилъ ей билетъ второго класса и вызвался проводить ее съ женой на вокзалъ.

Онъ зналъ, что жена всегда сама платила за свою крестницу въ смоленскую гимназію, гдѣ та училась. Зналъ также, что передавъ свои уроки, она уже не имѣетъ возможности платить за ученіе дѣвочки. Онъ считалъ себя поэтому какъ бы обязаннымъ внести сумму за полугодіе.

Ему блеснула мысль:

„Не оттого ли она такая странная эти дни? Ей тяжело у меня просить“.

Его скупость поблѣднѣла передъ ярко охватившей его радостью сдѣлать что-нибудь пріятное для жены. Пусть оцѣнитъ его великодушіе. Разъ она для него бросила уроки (онъ былъ убѣжденъ, что она это сдѣлала для него), она, въ сущности, вправѣ отъ него требовать такія услуги.

Онъ простеръ свою деликатность такъ далеко, что безъ вѣдома Лизаветы Николаевны выслалъ ей брату (отцу Оли) нужную сумму.

Набанунѣ отъѣзда Оли онъ какъ бы вскользь сказалъ женѣ:

— За крестницу не безпокойся, Лиза, я уже отослалъ деньги Андрею Николаевичу.

Она вспыхнула, встала, хотѣла, видно, что-то сказать, но задохнулась словно и крѣпко прижмурила вѣки. Черезъ секунду, замѣтно поблѣднѣвъ, она пошла къ двери.

Нѣсколько разъ ея губы шевелились беззвучно.

— Благодарю тебя,—наконецъ вымолвила она съ усиліемъ, уже на порогѣ и вышла.

Это было въ праздникъ передъ завтракомъ. Дѣти уже болтали за столомъ, подвязывая себѣ салфетки, въ ожиданіи кулебяки, и, конечно, ничего не замѣтили.

— Какъ ей, однако, тяжело мнѣ одолжаться!—съ горечью подумалъ Мельгуновъ.—Ну да ничего! Привыкнетъ. Надо же привыкать...

Когда она вернулась, ему показалось, что у нея заплаканы глаза.

Цѣлуя Олю на вокзалѣ, Мельгуновъ сказалъ ей ласково:

— Жду тебя на все лѣто къ намъ. Опять будемъ жить на дачѣ. Деньги на проѣздъ вышло.

Онъ это говорилъ для жены. Самъ онъ терпѣть не могъ всю ея родню; сначала онъ ревновалъ къ ней свою Лизу, а потомъ, разбогатѣвъ, сталъ презирать этихъ пролетаріевъ.

Наступили будни. Въ домѣ опустѣло послѣ отъѣзда Оли и съ началомъ ученія у Шуры.

Лизавета Николаевна неожиданно очутилась въ полной праздности, не зная, куда дѣвать утро, свободная отъ уроковъ. Праздность эта ее испугала, привела въ отчаяніе.

„Да какъ же это другіе живутъ такъ всю жизнь?—поражалась она.

Пробовала она читать, шить, но день все-таки оказывался великъ.

Оставались бѣдныя, которыхъ она обходила прежде по вече-

рамъ. Теперь она перенесла эти обходы на утро, но и тутъ ее измучило непредвидѣнное обстоятельство. Не дожидаясь попечительскихъ полтинниковъ, она затрачивала свои деньги тамъ, гдѣ видѣла настоятельную нужду. Теперь надо было отвѣчать отказомъ на просьбы и это непривычное положеніе было такъ мучительно, что возвращаясь съ обходовъ, она плакала.

Она кинулась въ свое попечительство къ предсѣдателю.

— Дайте мнѣ какую-нибудь школу, мастерскую, столовую. мнѣ некуда дѣвать времени.

Предсѣдатель руками развелъ.

— Да гдѣ же я вамъ возьму среди года? Все занято. Не хотите ли помочь кому-нибудь? Я предложу Маргаритѣ Алексѣевнѣ. Въ ея пріютѣ для дѣтей, знаете? Вотъ подождите, мы съ осени открываемъ еще столовую. Мы васъ зачислимъ.

Лизавета Николаевна бѣгала всѣмъ помогать, за многихъ дежурила, но это все не рѣшало вопроса, самаго главнаго: какъ достать ей свой грошъ, безъ котораго жить было все-таки невозможно? Братъ изъ хозяйственныхъ денегъ безъ вѣдома мужа на всю эту непокрытую нужду, ее окружавшую,—она не рѣшалась. Просить у Мельгунова на бѣдныхъ — языкъ не поворачивался. Она знала его взгляды.

Какъ-то давно, чтобы угодить женѣ, съ которой уже шло на разрывъ, онъ внесъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ сто рублей.

Но на другой же день Сивушинъ пришелъ ей сообщить съ извительной улыбкой объ этой удивительной щедрости.

— Откуда вы-то знаете?—удивилась Лизавета Николаевна.

— Да въ газетахъ же пропечатано, родная моя. Вы развѣ не читаете газетъ? Такъ полнымъ именемъ и стоять: отъ Павла Васильевича Мельгунова... Хе... хе!.. Любить онъ популарность... Любить...

Какъ-то разъ, возвращаясь уже въ сумерки изъ обхода своего участка, Лизавета Николаевна на поворотѣ набѣжала на кого-то и сконфуженно ахнула:

— Ради Бога, извините!..

— Вы меня извините,—отвѣтилъ низкій голосъ.

Голосъ этотъ напомнилъ что-то Лизаветѣ Николаевнѣ. Она прошла, оглянулась. разглядѣла длинную сгорбившуюся фигуру въ узкомъ пальто, изъ подъ котораго выглядывала темная и узкая юбка. Незнакомка тоже замедлила шаги и оглянулась.

— Лиза Бѣляева.. Никакъ это ты!..—сказала она ласково.

Лизавета Николаевна всплеснула руками и порывисто кинулась навстрѣчу.

— Сонюшка!.. Неужели вы?.. Простите. Вѣдь я васъ совсѣмъ не узнала. Только по голосу, голосъ остался тотъ же.

— Да гдѣ жъ меня узнать, когда я совсѣмъ старуха стала. Онѣ стояли рядомъ и крѣпко жали другъ другу руки.

Лизавета Николаевна не могла придти въ себя отъ изумленія. Неужели эта старуха, бывшая красавица—Софья Карцева? гордость ихъ института, гдѣ имя ея и до сихъ поръ красуется на золотой доскѣ? Она кончала курсъ, когда Лиза Бѣльева была еще маленькая. А теперь ей было не больше сорока двухъ лѣтъ. Что же измѣнило ее такъ сильно?

Она пошла рядомъ.

— Не зайдешь ли ты ко мнѣ?.. предложила Карцева.

— Спасибо, но сейчасъ не могу. Меня дома будетъ ждать сынишка въ обѣду.

— А ты замужемъ?..—улыбнулась Софья Петровна и въ любопытномъ взглядѣ, которымъ она окинула Лизавету Николаевну, сказавшись женщина.

Та назвала свою фамилію.

Софья Петровна остановилась и съ замѣтнымъ уваженьемъ, видимо удивленная, стала всматриваться въ лицо подруги.

— Такъ это ты — Мельгунова?.. Вотъ какъ! Не ожидала... Вдвойнѣ приятно встрѣтиться...

Она крѣпко, по англійски, трянула руку Лизаветы Николаевны.

— Почему же?.. Развѣ?..—покраснѣвъ, залепетала та.

— Слухомъ земля полнится, голубчикъ... А о тебѣ добрая слава идетъ по Москвѣ... Мы—писави—вѣдь обо всемъ все знаемъ...

— Развѣ вы—писательница?

— Нѣтъ, голубчикъ, куда ужъ мнѣ!.. Я только литераторша...

— То есть?

— Ну переводами живу, стало быть... Вотъ ужъ скоро пятнадцать лѣтъ кормлюсь ими... всю семью содержу... маму... да вотъ племянниковъ воспитываю...

— И много зарабатываете?

— Рублей полтора ста, иногда двѣсти въ мѣсяцъ.

— Ого...—вырвалось у Мельгуновой восклицаніе, полное невольной зависти.

„Отчего бы и мнѣ не попробовать“?.. блеснула мысль и ей сразу какъ-то стало легко.

— Разумѣется, тутъ, не одни переводы,—продолжала Карцева,—я еще корректоромъ вторымъ при одной газетѣ тутъ... Ну до свиданія, дружокъ. Заходи...—Она сказала адресъ.

XI.

Лизавета Николаевна вернулась домой бодрая, розовая, съ новымъ выраженіемъ въ лицѣ. Отъ Карцевой она узнала, что за

переводы съ англійскаго платять лучше всего, рублей двадцатьпять съ листа.

„Вотъ этимъ и займусь“,—рѣшила она.

Въ дѣтствѣ она начала-было учиться, по англійски, но скоро оставила эти уроки, по недостатку средствъ. Припомнить, будетъ нелегко. Но это въ сущности вздоръ!.. Надо только узнать въ магазинахъ, какія вышли послѣднія новинки въ Англiи, написать романъ, да купить словарь...

Вдругъ у нея руки опустились.—А деньги гдѣ? Это будетъ стоить рублей восемь-десять... Она въ отчаянiи заломила руки надъ головой...

Она такъ еще не привыкла къ своей денежной зависимости, такъ еще недавно распоряжалась собственными деньгами, что постоянно забывала о печальной дѣйствительности. Она въ эту минуту показалась ей такой унижительной, такой невыносимой такимъ позорнымъ рабствомъ, что она разрыдалась.

Весь этотъ вечеръ она не выходила изъ своей комнаты, ссылаясь на головную боль.

Мельгуновъ, съ округлившимися отъ страха глазами,—послѣ того, какъ Шура проговорился ему, что мама плакала,—ходилъ на цыпочкахъ и яростно шивалъ на прислугу, отрывавшую ротъ, либо не въ время двинувшую стуломъ.

Но прошли сутки и Мельгуновъ еще больше упалъ духомъ. Жена вышла утромъ съ такимъ убитымъ, больнымъ лицомъ, что у него на сердцѣ захолоуло.

— Лиза... что съ тобой?.. Ты больна?..

Какъ ни была она разстроена, но слухъ ея странно поразили теплыя нотки участiя въ голосѣ мужа.

Она посмотрѣла на него пристально и сурово... Не надо ей его участiя!.. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!..

— Нѣтъ... Я здорова, какъ всегда.

Тонъ ея звучалъ враждебно.

Мельгуновъ со вздохомъ взялся за газету. А она сейчасъ же забыла о немъ и устремила куда-то въ пространство свой оставившiйся, тяжелый и жуткiй взглядъ. Мельгуновъ посмотрѣлъ на нее изъ-за газеты и сердце его упало.

Господи Боже мой... Могъ ли онъ думать, что она такъ страдает?.. О чемъ же? О чемъ?.. Ему казалось, что она давно примирилась съ новымъ строемъ жизни, съ ихъ отношенiями... Да и конечно примирилась...

Еще недавно она была спокойна, тактична, такъ олимпiйски равнодушна... Что же случилось новаго?.. Можетъ быть, она влюбилась?..

Онъ тутъ же прогналъ эту мысль. Слишкомъ дико, на нее

непохоже. Онъ припоминалъ, не оскорбилъ ли онъ ее чѣмъ-нибудь за это время?.. Нѣтъ... нѣтъ... Положимъ, конечно, — онъ ее оскорблялъ всѣ эти пять лѣтъ, умышленно низводи ее на роль экономки, мстя за обиду, которая и сейчасъ горитъ на его сердцѣ...

А она горда... Терпѣла долго, чаша переполнилась...

Ему вдругъ стало страшно. Невыносимая жалость къ ней охватила его душу и испугала его самого, такъ ново было для него это чувство. Ему хотѣлось встать и крикнуть.

— Прости меня, Лиза... Если въ прошломъ я виноватъ передъ тобой... Все, что отъ меня зависить...

Но что же, въ сущности, зависить теперь отъ него? Что можетъ онъ измѣнить или исправить?.. И развѣ не она своей нетерпимостью толкнула его на... все остальное?.. Какъ найти тутъ правяго? Оба виноваты... И она не меньше его... Женщина должна прощать... Она этого не поняла... А теперь? Развѣ она теперь не продолжаетъ считать себя правой?.. И... развѣ она ему—не врагъ?

Его рука бессознательно скомкала газету. Опомнившись, онъ разгладилъ ее осторожно, положилъ на столъ и поднялся.

Онъ былъ уже в двери. Она даже не оглянулась, очевидно не замѣтила его ухода.

„И если даже совсѣмъ уйду изъ ея жизни, — мелькнула у него мысль, полная невыносимой горечи, — если исчезну, умру что ли, она вотъ также останется безучастной, равнодушной... Нѣтъ!.. Она даже будетъ рада“...

Онъ вышелъ, бросивъ на жену послѣдній жгучій взглядъ. Она даже не шевельнулась...

Еслибъ Мельгуновъ зналъ, какія ничтожныя съ виду причины повергли его жену въ такое отчаяніе, онъ только развелъ бы руками и расхохотался.

Утромъ нарядная горничная Наташа, подавая барынѣ вычищенную шерстяную юбку, сказала улыбаясь:

— А ботики ваши, барыня, нивуда ужъ не годятся.. Лопнули вчера, должно-быть...

Лизавета Николаевна даже въ лицѣ измѣнилась.

— Какъ лопнули? Покажите...

Дѣйствительно, ботики никуда не годились. Ни залить, ни починить ихъ не было ни какой возможности.

— Придется вамъ новыя покупать,—улыбнулась Наташа.—А то набете снѣгу въ подошвы, хуже какъ простудитесь...

Лизавета Николаевна все-таки пошла въ этой обуви на рынокъ, стараясь выбирать дорогу, гдѣ меньше снѣга. Но какъ только перешла черезъ улицу, такъ захватила его полную ступню.

Въ передней она на силу стащила намокшіе ботики и пошла варить кофе, съ лицомъ человѣка, приговореннаго къ висѣлицѣ.

А дальше какже? Либо совсѣмъ не ходить ни на рынокъ, ни въ обходъ... либо купить новыя — на деньги Мельгунова.

Какъ достать денегъ? Гдѣ? Надо было искать выхода — во что бы то ни стало...

До перваго числа, когда Мельгуновъ выдавалъ на хозяйство деньги, оставалось еще три дня. Все у него строго рассчитано, — да и у нея тоже, — чтобы хватило до конца мѣсяца. Она не рѣшалась сдѣлать изъ хозяйственныхъ денегъ такую крупную все-таки затрату.

Кончилось все-таки тѣмъ, что она простудилась.

— Отчего ты кашляешь? Теперь такая сырость, подожди выходить, — сказалъ Мельгуновъ женѣ.

Она опять пристально посмотрѣла на него. Къ чему эта работа? Чего онъ боится? Развѣ не лучше и для него было бы въ тысячу разъ, еслибы она незамѣтно сошла со сцены и развязала ему руки? Безъ скандала, безъ исторій... Смерть все примиряетъ... Онъ женился бы на Аннѣ Васильевнѣ и былъ бы, конечно, счастливъ...

— Такъ думала она, разливая чай и кутаясь въ платокъ, потому что ее знобило. — Но на этотъ разъ она не настаивала на выходѣ. Заболѣть было бы хуже всего. Тогда наступить для нея уже полное рабство.

XII.

Прошло одиннадцать. Приемъ у Мельгунова кончился ранѣе обыкновеннаго нынче. Онъ этому былъ радъ, потому что съ утра чувствовалъ себя усталымъ. Проводивъ послѣднюю пациентку, — жирную, сырую купчиху, которая со вздохомъ сунула ему въ руку пятирублевку — (по таксъ, назначенной Мельгуновымъ), — онъ облегченно вздохнулъ и позвонилъ Петра.

— Всѣ что ли?

— Точно такъ-съ...

Онъ потянулся и зѣвнулъ...

— Готовъ мнѣ скорѣе постель и уברי тутъ...

Онъ тщательно вымылъ руки, предварительно снявъ пиджакъ и засучивъ рукава крахмальной рубашки. Какъ хорошо теперь лечь, протянуться, почитать на сонъ грядущій книжку новаго журнала... Онъ такъ давно не читалъ...

— Барыня вернулась изъ музея?.. — вдругъ вспомнилъ онъ. Въ этотъ вечеръ тамъ было засѣданіе.

— Точно такъ-съ. Къ себѣ прошли...

Лакей вышелъ, почтительно пожелавъ барину „покойной ночи“, на что тотъ даже не отвѣтилъ, не находя нужнымъ платить лакею вѣжливостью.

Послышался легкій стукъ въ дверь. У Мельгунова вся кровь прилила къ сердцу.

„Начинается“...

— Это ты, Лиза?.. войди...—крикнулъ онъ сорвавшимся звукомъ и сѣлъ, потому что у него разомъ ослабѣли ноги.

— А я къ тебѣ съ просьбой,—сказала Лизавета Николаевна, войдя.

Онъ такъ и ахнулъ. Лицо ея улыбалось и въ немъ не было ничего-таки враждебнаго.

— Что такое?.. Что такое?.. Сядь... Ахъ, Боже мой!.. какая просьба? Ты знаешь сама, что тебѣ нѣтъ отказа...

Его голосъ дрожалъ. Быстрыми, почти юношескими движеніями онъ подкатилъ ей мягкое кресло къ столу и кинулся за ширмы надѣтъ пиджакъ.

— Извини, Лиза. Я тутъ руки мылъ. Я сейчасъ къ твоимъ услугамъ...

Онъ подошелъ и, замирая весь, пытливо заглянулъ въ ея глаза. Она все улыбалась и встрѣтила спокойно его взглядъ. О, какъ радъ былъ онъ ея улыбкѣ! Не можетъ быть, чтобы съ такимъ милымъ, такимъ чуднымъ лицомъ она пришла его доконать!

— Видишь ли, отказа не должно быть уже потому, что на *этотъ* разъ (съ удареніемъ произнесла она)—я хлопочу не о себѣ одной, а о нашемъ общемъ интересѣ...

Сарказмъ прежнихъ дней, — давно забытый сарказмъ зазвучалъ въ ея голосѣ.

„Слава Богу!.. Пусть язвить, пусть дразнить и смѣется!.. Лишь бы не молчала, какъ эти дни“.

— А развѣ у насъ есть еще общіе интересы, Лиза?—спросилъ онъ вкрадливо.

Она вскинула на него глаза.

Лицо Мельгунова отразило такое сильное волненье, что Лизавета Николаевна отвернулась инстинктивно.

— Я говорю о твоей заброшенной работѣ. Помнишь научную статью, которой ты такъ интересовался прежде? О ней-то я и хочу говорить.

Мельгуновъ закусилъ губы.

— Ахъ, вотъ что!

Онъ хрустнулъ стиснутыми крѣпко пальцами.

— Я слушаю. Это, конечно, интересно, — промолвилъ онъ и отошелъ вглубь комнаты.

Онъ прошелся по ковру, возбужденно потирая руки, избѣгая

глядѣть на жену. Его огромное самолюбіе страшилось новой ошибки, которая сдѣлала бы его опять смѣшнымъ въ глазахъ этой женщины, какъ тогда, предъ Рождествомъ.

А она въ это время дружескимъ почти тономъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, — рассказывала ему, что она невыносимо скучаетъ, бросивъ уроки. Вотъ ей и пришло въ голову помочь ему разобратъ въ матеріалахъ для его книги.

Онъ слушалъ внимательно, стоя поодаль и поглаживая бородку. Глаза его зорко глядѣли въ ея лицо.

„Какъ она, однако, осунулась за эти дни! А интересно все-таки, къ чему она все это ведетъ?“

— Помнится, ты говорилъ, что все дѣло остановилось за одной англійской брошюрой. А она тебѣ необходима для справокъ, такъ?..

— Она не переведена ни на одинъ языкъ, а я по англійски не знаю, — тихо отвѣтилъ Мельгуновъ.

— Ну, вотъ видишь. Я хочу предложить тебѣ мой трудъ.

— Ты развѣ знаешь по-англійски?

— Нѣтъ! Но это вздоръ! Ты мнѣ только купи словарь. И черезъ два мѣсяца переводъ будетъ у тебя.

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ. Сердце въ немъ словно дрогнуло. Краска залила щеки. Она тоже встала и стояла передъ нимъ съ плающимъ лицомъ.

— Лиза... Такое вниманіе.. Я не нахожу словъ.

Онъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она рѣзко отдернула ее, и краска охватила ея лобъ, даже уши, загорѣвшіеся словно сразу, даже шею.

— Я не кончила, Павелъ Васильевичъ, и никакого великодушія тутъ нѣтъ. Я переведу брошюру. Больше того. Я подберу весь матеріалъ, который ты мнѣ укажешь, и сдѣлаю изъ него всѣ выборки, имѣющія отношеніе къ твоей будущей книгѣ. Я знаю, все это нелегкая задача. Это половина всей работы.

— Это страшно много, Лиза, — сконфуженно крикнулъ Мельгуновъ.

— А главное, я знаю, что, съ твоимъ самолюбіемъ, ты, кромѣ меня, никому не довѣрилъ бы этой работы, такъ?..

Онъ молча наклонилъ голову; его чуть не била лихорадка отъ ожиданія, чѣмъ она кончится?

— Я такъ и знала! — воскликнула она и вздохнула съ облегченіемъ. Никому кромѣ меня.. Но, Павелъ Васильевичъ... Я не буду работать даромъ. Ты долженъ мнѣ заплатить.

Она замолчала и стиснула свои руки. Щеки ея пылали, но глаза, устремленные въ лицо мужа, смотрѣли твердо, почти сурово.

Онъ тоже молчалъ и глядѣлъ въ ея зрачки. Онъ казался спо-

бойнымъ, только зоркій глазъ могъ замѣтить, какъ нервически заигралъ живчикъ на вѣѣ праваго глаза. Онъ боялся, какъ бы она не подмѣтила и этотъ единственный признакъ его волненія, и ему было досадно, что онъ не справился все-таки съ своими нервами.

О, да!.. Теперь ясно, къ чему она вела. И какъ онъ не догадался сразу? Опять-таки не какъ другъ пришла она и никакихъ общихъ интересовъ здѣсь нѣтъ. Такъ вотъ чѣмъ жила она все это время! Вотъ чѣмъ мучилась.

— А сколько же прикажешь тебѣ заплатить за твой трудъ? Онъ говорил глухо и медленно.

Она выпрямилась, удивленная его тономъ.

— Павелъ Васильевичъ... Ты, кажется, недоволенъ?

Болѣзненная гримаса искадила на мгновеніе его красивыя черты.

— О нѣтъ! Я очень тронутъ.

Онъ отвернулся и опять зашагалъ по кабинету.

— Во всякомъ случаѣ, я возьму съ тебя недорого,—заговорила она, съ злой поткой въ голосѣ. Дашевле, чѣмъ ты заплатилъ бы любому секретарю изъ студентовъ, либо курсистокъ.

— О, я не спору,—съ той же болѣзненной интонаціей подхватилъ онъ.—Каждый вправѣ цѣнить свой трудъ. Я заплачу, сколько ты назначишь.

„Умная ты женщина,—хотѣлось ему крикнуть ей въ лицо, а ведешь себя, какъ институтка“.

Но онъ сдержался. Къ чему ему унижаться передъ нею? Очевидно въ прошлому возврата не будетъ.

— Когда работа будетъ окончена, мы тогда посчитаемся. Я хотѣла бы только имѣть право сдѣлать теперь нѣкоторыя затраты „на себя“.

Онъ схватился рукой за внутренній карманъ тужурки, ища бумажника на обычномъ мѣстѣ.

Она вспыхнула и сдѣлала протестующій жестъ.

— Ахъ, потомъ... Не сейчасъ, пожалуйста... Я возьму изъ тѣхъ... изъ хозяйства... когда мнѣ будетъ нужно.

— Гдѣ твоя статья?—спросила она.

— И не помню сейчасъ. Я отыщу ее.

— Да, пожалуйста. А главное матеріалы дай мнѣ, уважи спсоевъ. Я помню, у тебя былъ листъ, гдѣ выписаны были всѣ нужныя для этого предмета книги.

— Развѣ?.. Да, кажется, какъ-будто былъ.

— Я помню,—перебила она нетерпѣливо. А главное, найди мнѣ брошюру съ англійскаго, если можно завтра.

— Хорошо, найду. Но почему же такъ спѣшно, Лиза? Ты какъ-будто на срокъ работаешь?

— Я сказала тебѣ, что мнѣ скучно безъ дѣла. А теперь, до свиданья...

Она холодно протянула ему руку. Онъ поцѣловалъ ея тонкіе пальцы.

— До свиданья, мой секретарь, — усмѣхнулся онъ.

Она ушла, а онъ еще долго стоялъ на томъ же мѣстѣ, глядя ей вслѣдъ, нервно дергая кончикъ бороды и помаргивая глазами, что было у него тоже всегда признакомъ волненія.

Онъ еще недавно считалъ себя застрахованнымъ разъ и навсегда отъ всякихъ глупостей. Онъ считалъ жизнь налаженной на этотъ разъ окончательно. Не легко было войти въ колею послѣ разрыва съ женой. Ломка стараго тянулась почти два года. Какъ онъ унижался передъ этой гордячкой, вспоминать больно.

Да. Но вѣдь онъ ее любилъ, любилъ тѣмъ чувствомъ, которое даетъ человѣку силу подняться на недосыгаемую другимъ высоту, либо топить его въ грязи и калѣчить.

Онъ вышелъ все-таки уцѣлѣвшимъ изъ этой борьбы, и былъ увѣренъ, что въ той новой жизни, которую онъ началъ, и гдѣ главную роль играла чернобровая Анна Васильевна, ему нечего бояться. Все предусмотрено, взвѣшано. Никакимъ увлеченіямъ и ошибкамъ нѣтъ мѣста.

Разбогатѣть, дотянуть до высшей ступени служебной лѣстницы! Вотъ была его цѣль! Спокойная, безъ романтизма, привязанность Анны Васильевны давала суррогатъ счастья.

Поэзія, страсть, духовные интересы, жажда знаній и честолюбіе ученаго, — все это исчезло въ томъ крушеніи, шесть лѣтъ назадъ. И еще недавно ему казалось, что легко обойтись безъ этихъ пріятностей. Можно вести жизнь трезвую, планомѣрную, уравновѣшенную и состариться безъ сожалѣній, безъ жгучей тоски, незамѣтно.

Однако, расчетъ оказался неправильнымъ.

Чего-же не хватаетъ ему? Гдѣ та бездѣлица, которую онъ упустилъ изъ виду, и которая все-таки портитъ жизнь?

Онъ медленно подвинулъ кресла, сѣлъ въ нихъ и взялъ со стола связку ключей. Долго глядѣлъ онъ на нихъ, сосредоточенно морща лобъ, стараясь понять, зачѣмъ онъ держитъ ихъ, какая мысль натолкнула его на это?

„Ахъ, да... статья“ — вспомнилъ онъ.

Онъ выбралъ ключъ и отперъ самый нижній ящикъ справа.

Онъ даже не сразу узналъ свой собственный почеркъ. Статья была большая, до половины конченная. Нѣкоторыя главы... Что это?.. онъ вздрогнулъ... эти главы были переписаны рукой Лизы..

Странно! Онъ объ этомъ совсѣмъ забылъ. И теперь глядѣлъ на эти страницы съ тяжелымъ и сложнымъ чувствомъ... Ему ка-

залось, что онъ читаетъ письмо когда-то дорогого покойника... И свой собственный трудъ онъ пробѣгалъ сейчасъ—словно работу чужого...

Хорошо написано!.. Сильно, сжато, смѣло.. Какъ странно, что это онъ писалъ!.. И вотъ тутъ, въ этой тетрадѣ цѣлое прошлое,—его и Лизы—и самъ онъ,— молодой еще тогда честолюбецъ, не опустившійся, какой-то другой, умершій уже человѣкъ...

Мельгуновъ нервно зашевелился въ креслахъ. Нога его двинула ящикъ и связка ключей стала раскачиваться, тихо, какъ-то жалобно звеня...

Онъ перевернулъ нѣсколько страницъ и глаза его расширились...

Почему смята эта страница?.. Да, смята, очевидно тщательно потому разглажена, но остались слѣды... вотъ надорванъ уголь, точно нервная рука хотѣла разорвать этотъ листъ и сомкнѣвъ его, швырнуть куда-то... Нѣсколько буквъ расплылись, какъ будто на нихъ капнули слезы...

Сердце Мельгунова вдругъ застучало.

Да, онъ ясно увидѣлъ слѣды высохшихъ слезъ на пожелтѣвшей покорбившейся бумагѣ.

Лиза плакала—тогда, за перепиской этого листа... О чемъ? Боже мой, о чемъ?..

Бумага нѣма... Быть можетъ, и Лиза сама не вспомнитъ теперь, что заставляло ее страдать и плакать потихоньку отъ всѣхъ... Десять лѣтъ... это вѣчность...

Спросить ее?..

Вздоръ!.. Да она и не сознается, еслибъ даже вспомнила...

Но что же было тогда? О, еслибъ вспомнить! Ревность ли это къ его глупымъ, мимолетнымъ связямъ съ пациентками?.. Или же—худшее?.. Начало разочарованія въ немъ?.. Начало конца?

Мельгуновъ застоналъ и испуганно оглянулся.

Ахъ, зачѣмъ вспоминать? Все это минуло...

Онъ не отпустилъ ее, конечно... Вѣдь и тогда она рвалась уйти... Только Шурой онъ удержалъ ее... И она, кажется, смирилась...

Почему же теперь она опять стремится ускользнуть?

Откуда это новое вѣянье, толкающее ее къ протесту?.. Ясно. какъ день, что она не бросила своей затѣи... Она будетъ бороться... Она обдумываетъ средство быть независимой... Почему она сейчасъ такъ замѣтно волновалась при разговорѣ?.. Однако—уроки она бросила... „Ничего не разберу... ни черта!..“ прошепталъ Мельгуновъ и съ силой швырнулъ тетрадку на столъ. Падая, она легла вверхъ заглавіемъ.

„И хитрость какая!..“ шепталъ онъ, щурясь на тетрадку.— „Нашъ обоюдный интересъ“...

Вдругъ лицо его измѣнилось. На заглавномъ листѣ статьи его рукой написанное стояло:

„Посвящается Лизѣ, моей нимфѣ—Эгеріи“...

Злобный смѣхъ вырвался изъ его груди. Какая иронія!

Но злоба его таяла, усмѣшка убѣгала съ лица. Красивые глаза затуманились отъ печали и стали влажными. Не отрываясь, онъ глядѣлъ на эту тетрадку...

Его рѣсницы были влажны...

XIII.

Лизавета Николаевна писала въ кабинетѣ мужа за письменнымъ столомъ.

Блѣдныя зимнія сумерки крались въ эту большую, уютную комнату, съ дорогими книжными шкапами, раскрытыми настѣжъ, на полкахъ которыхъ красовались рѣдкія изданія въ красивыхъ переплетахъ.

Въ домѣ стояла тишина. Шура еще не возвращался съ катка, куда онъ ходилъ, прямо изъ гимназіи. Мельгуновъ былъ на практикѣ. Среди разбросанныхъ по синему сукну стола брошюры и бумагы, Лизавета Николаевна писала быстро и легко,—и скрипъ ея пера былъ единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ эту тишину.

Наконецъ, она бросила перо, отынулася на спинку кресла и вся потянулася.

Ноги ея затекли, спина устала, но на лицѣ была счастливая улыбка.

На нынче довольно!.. Можно и отдохнуть... Вотъ ужъ съ недѣлю, какъ она работаетъ тутъ по шести часовъ, не завтракая, не отрываясь... Все трудное теперь позади... Она своего доби- лась, прочла съ помощью словаря до половины англійскую брошюру и теперь увѣрена, что переводъ будетъ хорошъ...

Въ комнатѣ стемнѣло. Но ей не хотѣлось зажигать лампу, убирать со стола, запирать шкафы, уходить изъ этой комнаты,— она полюбила ее,—эти стѣны, этотъ столъ эти книги... Полюбила за одиночество, за ненарушимую тишину, за тотъ покой, который проникаетъ въ ея измученную душу какъ только она переступить этотъ порогъ. Хозяйственные дразги, всѣ мелочи жизни, угнетавшія ее столько лѣтъ, словно выѣвшія мозгъ ея,— блѣднѣли разомъ и уходили вдаль...

Какъ здѣсь славно работалось! Она начала было заниматься въ своей „келіи“, но столъ у нея былъ слишкомъ малъ; да и отрываться приходилось безпрестанно въ поискахъ то одной, то другой книги...

— Отчего бы тебѣ у меня не работать?.. предложилъ Мель-

гуновъ женѣ, заставъ ее въ сумеркахъ на полу, среди вороха старыхъ книгъ, которыя, стоя на колѣняхъ въ кабинетѣ, она разбирала уже съ полчаса.

— Здѣсь тебѣ будетъ хорошо... Все подъ рукою, а я возвращаюсь поздно...

Хорошіе часы проводила она здѣсь! Давно когда-то, еще въ дѣвущихъ она знала это наслажденіе умственнаго труда... Теперь, работа словно донесла къ ней эту радость юности. Она чувствовала, что молодѣетъ, уходя такъ далеко отъ дѣйствительности... Какъ хорошо было, разбираясь въ источникахъ для статьи, находить, минуя частности, общую идею автора, слѣдить за творчествомъ другаго, отдѣлять, выбирая матеріалъ, составляя выдержки,—главное отъ несущественнаго...

А когда она, обдумывая прочитанное, откидывалась на спинку кресла, заложивъ руки за голову и глядѣла вверхъ, со стѣны изъ золотой рамки ей улыбался пятилѣтній кудрявый Шура...

Она работала „запоемъ“. Въ тетрадѣ, лежавшей передъ ней, была ея будущая независимость. Она кончить эту работу и, освоившись съ англійскимъ языкомъ, будетъ жить переводами... „Здѣсь я никому не буду стоять на дорогѣ“,—утѣшала она себя.—„Знающихъ англійскій языкъ—немного. Хорошихъ переводчицъ того меньше, а журналовъ такая масса!..

Изрѣдка ей вспоминался Клименко, но она говорила себѣ:

„Успѣется, это не такъ важно... Надо прежде найти выходы... найти почву подъ ногами... И тогда придти сказать ему: я все-таки не измѣнила себѣ... и для насъ сытыхъ и обеспеченныхъ есть счастливый и честный исходъ“...

Лизавета Николаевна словно помолодѣла...

Въ передней раздался звонокъ Шуры, короткій и рѣзкій. Это онъ вернулся съ катка. Какой-то приливъ жизнерадостности охватилъ Лизавету Николаевну.

Она вскочила и выбѣжала навстрѣчу сыну.

Шура раздѣвался въ передней и очень удивился, когда мать порывисто обняла его и расцѣловала его крѣпкія, холодныя щеки.

„Чему она рада?..“ недоумѣвалъ мальчикъ, не особенно довольный этой экспансивностью. Онъ давно старался отучить мать отъ этихъ „нѣжностей“, пригодныхъ только для дѣвчонокъ.

— Хороша погода, Шурочка.

Въ ея зазвенѣвшемъ голосѣ слышались такія красивыя вибраціи.

— Ничего, сдержанно отвѣтилъ мальчикъ и пошелъ въ свою комнату, солидно неся ранецъ и на ходу позвякивая коньками, которые качались въ его рукѣ.

Съ тоской и желаньемъ глянула Лизавета Николаевна въ си-

нія сумерки улицы. Тамъ уже дрогнули желтые лучи первыхъ фонарей.

Гулять бы теперь!.. Двигаться... дышать морознымъ воздухомъ... Какъ давно она не выходила!.. Какъ хочется видѣть Клименко!.. Почему-то весь день съ утра онъ у нея передъ глазами... Вѣдь она забыла о немъ, безсовѣстная!.. А онъ ее ждалъ...

А Шура остановился поодаль, у двери. Ранецъ и коньки онъ положилъ на стулъ, а самъ насупившись, оправдывалъ съѣхавшій ремень пояса.

— Вотъ я нынче изъ латыни три съ минусомъ получилъ, — сообщилъ онъ вдругъ тономъ увора.

— Да неужели?.. довольно равнодушно отозвалась мать и сощурилась на часы въ столовой.

„Какая обида!.. Теперь даже гулять идти поздно... Скоро обѣдъ“...

Не зная на что истратить избытокъ нервной силы, такъ и подмывавшей ее всю, — она вытянула руки, закинула ихъ сложенными за голову, и такъ замерла, закрывъ глаза, отдавшись давно небывалому блаженному настроенію..

— Теперь, пожалуй, съ перваго-то мѣста слетишь, — продолжалъ Шура, обдергивая курточку и нагнулся поднять ранецъ.

Она ничего не отвѣчала, не мѣняя позы и не открывая глазъ.

Недовольный равнодушіемъ матери, Шура закончилъ уже со-всѣмъ сурово:

— Орловъ сказалъ, чтобъ я въ четвергъ написалъ на пять съ плюсомъ... Тогда онъ можетъ быть простить эту тройку...

Она пріоткрыла глаза и сверху внизъ поглядѣла на сына такъ безучастно:

— Простить, конечно... — бросила она, почти бессознательно. Шура нахмурился и пошелъ къ себѣ.

Сколько разъ онъ говорилъ матери, чтобы взяла репетитора!.. Одному ему не справиться при новомъ и педантичномъ учителѣ... А мама сама ничего не знаетъ... И, сохрани Боже, въ гимназій узнаютъ, что онъ съ „бабой“ занимается!.. Засмѣютъ...

За обѣдомъ онъ былъ не въ духѣ.

— Ты что? Бутузъ?.. бросилъ ему отецъ.

Краснѣя, сердито онъ рассказалъ въ чемъ дѣло.

Мельгуновъ заволновался. Насколько жена его была равнодушна къ наградамъ мальчика и не поощряла его чрезмѣрнаго самолюбія, настолько Мельгуновъ дорожилъ тѣмъ, чтобъ сынъ его былъ первымъ. Въ той же гимназій учились дѣти его товарищей и знакомыхъ, и ему было досадно всякій разъ, когда Шура приносилъ „четверку“.

„Меньше пяти сынъ Мельгунова не долженъ получать“, — внушала онъ мальчику.

— Что за вздорь!.. — всегда сердилась Лизавета Николаевна. — Подумаешь — сынъ солнца!.. Что ты ему вбиваешь въ голову? Онъ и такъ тщеславенъ и учится только на показъ...

Но у Мельгунова была своя логика — и всё недочеты въ учениі онъ строго выскивалъ съ Лизаветы Николаевны.

И сейчасъ онъ хмуро посмотрѣлъ въ спокойное лицо жены.

— Ну и слетишь навѣрное... Этого только не доставало!.. Да почему такое?.. То вдругъ пять получалъ, а теперь тройки?..

Шура, раздражительно повышая голосъ, повторилъ, какія на это причины. Онъ не виноватъ, онъ по-прежнему зубрить... А учитель новый, придирается... съ нимъ трудно... И у него есть любимецъ, котораго онъ за-уши тащитъ еще съ осени...

— Я все это говорилъ мамѣ, — выкрикнулъ онъ, гремя ножомъ по тарелкѣ. — Отчего репетитора не берете?.. Павловъ прямо сказалъ: берите репетитора... Если еще получу тройку, онъ и выведетъ четыре въ эту четверть... и я слечу...

— О, чтобъ ихъ!.. — прошептала Мельгуновъ, отодвигая тарелку. — Сами ничего не дѣлаютъ въ классахъ, а отъ насъ требуютъ репетиторовъ... Какъ-будто все это денегъ не стоитъ!.. Эдакая безобразная система!..

Онъ сердито отерся салфеткой и бросилъ ее на столъ.

— Ты бы сказалъ, что съ тобой мама занимается, — внушилъ Мельгуновъ мальчику.

Тотъ угрюмо взглянулъ на мать, надулся и у него верхняя губа стала длинной-длинной, — длиннѣе чѣмъ кончикъ носа.

Лизавета Николаевна насмѣшливо сощурилась на профиль сына. Ей всегда было смѣшно, когда онъ дулся.

— „Ха!.. ха!.. Да онъ этого никому не скажетъ... Вѣдь онъ меня стыдится...“

— Чему ты улыбаешься?.. — удивился мужъ.

— Да вотъ тому, что вы трагедію дѣлаете изъ всякаго вздора... Я еще понимаю, что для Шуры все это важно, но ты-то о чемъ волнуешься?

Она пожала плечами.

— Вздоръ?.. Такъ это по твоему вздоръ?.. А что же важно для тебя?.. — Ядовито подчеркнулъ Мельгуновъ. — Мнѣ сдается, что въ данномъ случаѣ есть и твоя доля вины...

Она сощурилась на мужа и въ лицѣ ея появилось новое какое-то выраженіе, какъ бы холодной рѣшимости.

— Какая вина?.. Что я плохо знаю древніе языки? Но вѣдь я въ университетѣ не училась... Пока могла — репетировала... Но и ты не младенецъ... Долженъ знать, что я не лингвистъ и придется

тратиться на репетитора. Ахъ!..—Она устало махнула рукой.— И стоять ли въ сущности говорить столько объ этомъ.

— Вздоръ?..—подхватилъ Мельгуновъ.

Ея глаза вспыхнули.

— Конечно, вздоръ все то, что можно поправить деньгами, какими-нибудь тридцатью рублями въ мѣсяцъ. Есть много вещей, которыя и не купишь, и не поправишь за деньги...

Она рѣзко встала и отошла къ буфету, гдѣ на выдвинутой доскѣ кипѣлъ спиртовой кофейникъ. Лизавета Николаевна наклонилась надъ нимъ.

Шура удивленно и благодарно взглянулъ на мать. Онъ догадался теперь, что не она, а отецъ тормозилъ до сихъ поръ этотъ вопросъ о репетиторѣ. Онъ подобралъ верхнюю губу, шумно высморгался, буркнулъ подъ носъ шегсі, и бодро пошелъ къ себѣ. Теперь онъ былъ увѣренъ, что репетиторъ у него будетъ

Мельгуновъ молчалъ, помаргивая глазами.

— Такъ какъ же...—началъ онъ медленно.

„Что же надумала еще“...—хотѣлъ онъ спросить, но вмѣсто того неожиданно сказалъ:

— Какъ же быть съ репетиторомъ?

— Пригласить,—сухо отвѣтила она, наливая кофе въ стаканъ.

Глаза Мельгунова приняли растерянное выраженіе. Онъ сморщился.

— Ахъ, какая возня!.. Мнѣ и такъ некогда... Гдѣ я буду искать ихъ?.. Возьми это на себя, пожалуйста... Ты тамъ въ попечительствѣ встрѣчаешься... Вотъ недавно къ тебѣ приходилъ студентъ...

Лизавета Николаевна покраснѣла. За минуту передъ тѣмъ она не думала о Клименко. Но почему же и не онъ? Почему всякій другой будетъ лучше? Напротивъ. Этотъ серьезень и симпатичень... Кстати, онъ былъ безъ уроковъ...

Ей словно что-то кольнуло въ сердце. Онъ былъ боленъ, нуждался,—а она о немъ забыла...

Мельгуновъ былъ озабоченъ и не замѣтилъ ея волненья.

— Этотъ твой знакомый... какъ его?.. Юристъ или филологъ?

— Онъ юристъ,—равнодушно отвѣтила она.— И если онъ свободенъ... я приглашу его... Но меньше тридцати рублей предложить я не могу... Онъ самъ меньше не возьметъ...

Мельгуновъ пересталъ ходить.

— Не возьметъ... не возьметъ...—передразнилъ онъ сердито.— Подумаешь, они ставятъ условія... Не онъ, такъ другой... Мало ихъ безъ хлѣба сидятъ?.. Вонъ, читала недавно въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе?.. „Ищу репетитора. Два часа ежедневно. Шестъ рублей въ мѣсяцъ...“

— Ну что же изъ этого?

— Практичная дама... Не въ тебя... И не безпокойся, матушка... Будь увѣрена, что она нашла безъ труда...

— Это ни тебя, ни меня не касается, Павелъ Васильевичъ... Мы меньше тридцати рублей предлагать не смѣемъ...

Онъ расхохотался.

— Это великолѣпно... Ей Богу, великолѣпно... Распоряжается моимъ карманомъ...

Она чуть-чуть поблѣднѣла.

— Да хочешь я тебѣ завтра найду за пятнадцать?.. Кличь кликну, десятки набѣгутъ. Имъ скоро за полугодіе плату вносить надо...

— Вотъ и прижмемъ ихъ,—въ тонъ отвѣтила Лизавета Николаевна и сѣла поодаль, у стола.

Онъ передернулъ плечами.

— Фу!.. Съ тобой невозможно говорить!.. Больна ты что ли, что такъ нервничаешь? Но согласишься сама, за что такую сумасшедшую цѣну давать? Латынь и греческій. Какихъ нибудь полтора часа въ день?

— И математику. Я отъ нея отказываюсь. Наконецъ, Павелъ Васильевичъ. Ты самъ былъ студентомъ и бѣднякомъ... Какъ скоро все забывается!..

Мельгуновъ глядѣлъ на жену, вытаращивъ глаза. Воззваніе къ его прошлой бѣдности онъ пропустилъ мимо ушей. Его поразило другое.

— Ты отказываешься отъ математики? Трудно развѣ?.. Но, кажется...

Она перебила его нетерпѣливымъ жестомъ своей маленькой руки:

— Миѣ ничего не трудно... А просто я отказываюсь репетировать по этимъ предметамъ, по крайней мѣрѣ. Разъ и навсегда отказываюсь. Такъ и знай!..

Онъ развелъ руками.

— Часъ отъ часу не легче!.. Ты, кажется, скоро и отъ хозяйства откажешься?..

Она встала.

— О, объ этомъ не тревожься! Быть твоей экономкой, блюсти интересы твоего кармана,—это священная обязанность жены.

— Думаю, что такъ!—вызывающе подхватилъ Мельгуновъ. И твоя иронія тутъ неумѣстна. Но вѣдь съ сыномъ репетировать это тоже священная обязанность, и тоже интересъ моего кармана.

— Ошибаешься. Это уже залѣзаніе въ чужой карманъ.

„Чортъ васъ знаетъ, откуда у васъ эти бредни, у бабья?“— хотѣлъ онъ крикнуть, но сдержался и пробѣжалъ по комнатѣ, схватившись за волосы.

Еще годъ назадъ онъ рискнулъ бы обругать ее, дать волю вскипѣвшему раздраженію. Теперь темный инстинктъ удерживалъ эти провлятія на его языкѣ. Кто ее знаетъ, что у нея на умѣ? Собиралась уходить... Придерется къ оскорбленію... Охъ, ужъ эти сложныя натуры!..

— Ничего не понимаю!.. Ни черта!—крикнулъ онъ и стукнулъ, проходя мимо буфета, кулакомъ по выдвинутой доскѣ. Въ буфетѣ тихо звянула посуда.

Въ дверяхъ показалось удивленное лицо лакея. Его никогда не звали во время кофе. Столъ убирали потомъ, когда господа уходили.

— Чего изволите-съ?—спросилъ онъ, моргая глазами.

Мельгуновъ остановился и молча глядѣлъ на него, тяжело дыша.

— Мы не звали, Петръ. Ступайте,—тихо сказала Лизавета Николаевна.

— Убирайся ты ко всѣмъ дьяволамъ!—вдругъ завопилъ Мельгуновъ и затопалъ ногами. — И чего вы суетесь, когда васъ не спрашиваютъ?

Лакей моментально исчезъ.

Мельгунову стало легче. Онъ пробѣжалъ еще разъ по комнатѣ остановился передъ женой. Какъ ни былъ онъ возбужденъ, но и ему бросилась въ глаза блѣдность Лизаветы Николаевны. Даже губы у нея поблѣли. Короткими нервическими движеніями она потирала себѣ грудь, какъ-будто ее что-то жгло или давило.

— Объясни, пожалуйста, чѣмъ ты руководишься? — началъ онъ сдержанно. — Сорокъ лѣтъ живу на свѣтѣ, ничего не слышалъ подобнаго. Да и ты недавно думала, какъ и я, за одно!..

Она попробовала улыбнуться, но вышла какая-то болѣзненная гримаса.

— Какъ видишь, и въ наши годы можно ошибаться. Это потому, что кругозоръ нашъ ужъ очень мелокъ. Когда мы думали о другихъ?.. О томъ, что, соблюдая наши интересы, наступаемъ на чужіе? А какъ только, почему-либо натолкнешься на эту мысль, начнешь думать... Какъ страшно становится жить!..

Пока она говорила, глаза Мельгунова раскрывались всешире и, наконецъ, отразили ужасъ. „Свихнулась. Заговаривается. Это у нихъ въ роду“.

Онъ всплеснулъ руками.

— Лизанька! Это такой скользкій путь. Если такъ думать, то и жить нельзя.

Она истерически засмѣялась.

— А вотъ живемъ же. Ха!.. Ха!.. Да еще какъ спокойно живемъ! Вотъ все равно, что голодающіе. Кто о нихъ думаетъ? Всѣ знаемъ, что они тамъ—мрутъ, и все-таки кушаемъ сытно,

спимъ спокойно, потому что не видѣли. И довольно съ насъ!.. Твой интересъ. Ха!.. Ха!.. И я сколько лѣтъ думала только о твоёмъ интересѣ. И правой себя считала.

— Лиза!

Онъ дотронулся до ея руки и отступилъ. Въ ея глазахъ, когда она подняла голову, сверкали слезы.

Онъ былъ сраженъ. Онъ такъ давно не видѣлъ ея слезъ, столько лѣтъ, что стоялъ потрясенный, и у него дрожали губы.

— Лизанька... Господи!.. Да что же это? Выпей воды...

Онъ засуетился, ища графинъ.

Но она оттолкнула его руку и расплескала по скатерти воду.

— Оставь. Не бойся, пожалуйста. Ни истерикъ, ни сценъ не будетъ. Что за сантиментальности! Кому я помогу слезами?! Здѣсь жизнь измѣнить надо всю — всю до самаго основанія, — страстно крикнула она и торопливо пошла изъ комнаты. Онъ замѣтилъ, что въ дверяхъ она схватилась рукой за горло, словно ее душило что-то.

„Globus hystericus“ — понялъ Мельгуновъ. „Давно ли это съ нею?“

Лизавета Николаевна у себя въ спальнѣ судорожно растегнула лифъ платья, чуть не отрывая пуговицы. Въ горлѣ у нея стоялъ истерическій клубокъ, который душилъ ее. Хотѣлось воздуха, хотѣлось кричать. Давила невыносимая тоска.

Шатаясь, съ мутными блуждающими глазами, она притворила дверь въ комнату Шуры. Ахъ, какъ хотѣлось кричать!

Она упала на постель.

Она не помнила, сколько пролежала она такъ. Сумерки и тишина подѣйствовали успокоительно. Она была рада, что взяла себя все-таки, въ руки, не поддавшись истерическому припадку. Но это отняло у нея всѣ силы.

Вдругъ она испуганно открыла глаза. Мельгуновъ, наклонившись надъ подушкой, взволнованно вглядывался въ ея лицо. Въ комнатѣ запахло валерианомъ.

— Что тебѣ надо? — враждебно спросила она и сѣла на постель, одернувъ юбку.

Онъ протянулъ ей рюмку.

— Прими, Лиза, капли. Это поможетъ. Пожалуйста, прими.

Она съ секунду поколебалась, потомъ выпила лекарство.

Ее поразили опять эти теплыя, сердечныя нотки въ его тонѣ и ей стало досадно. Зачѣмъ эти осложненія? Ей не надо его жалости. Она проситъ терпимости и равнодушія. Только!..

— Лиза, съ тобой это часто бываетъ?

— Что за вздоръ! Я совсѣмъ здорова. Пожалуйста не беспокойся — сухо возразила она и опять безсознательно взялась за горло.

— Я прошу объ одномъ...—глухо заговорилъ онъ, замѣтивъ ея движеніе.—Если ты заболѣешь... и ночью опять... случится то же... позови меня...

— Я здорова,—отвѣтила она.—А теперъ уйди пожалуйста... я хочу лечь...

— Я ухожу,—поворно сказалъ онъ.—Но ты даешь слово, что позовешь меня?

Онъ подождать съ секунду отвѣта, глядя на нее съ нѣжностью и тоской. Лицо его, одухотворенное глубокимъ чувствомъ, было прекрасно. Но она его не видѣла. Она молча ждала, когда онъ уйдетъ.

И вотъ онъ пошелъ медленно, прислушиваясь, не вернетъ ли она его, замирая на секунду. Она молчала.

Тогда онъ глубоко вздохнулъ и вышелъ изъ гостиной, приотворивъ двери. Но даже въ столовой онъ услышалъ, какъ щелкнулъ замокъ въ спальней его жены и вздрогнулъ болѣзненно отъ этого враждебнаго звука.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РѢСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Пер. съ французскаго Т. Богдановичъ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Мысли эстетическія и социальныя.

Мудрость древнихъ гласила: «мы никогда не вступаемъ дважды въ одну и ту же рѣку». Когда мы закрываемъ эти томики цвѣта морской воды или краснаго вина съ золотыми прожилками, гдѣ мы нашли столько страницъ полныхъ глубокаго анализа, могучей страсти, высокаго вдохновенія,— у насъ также является желаніе сказать: «Мы никогда не встрѣчаемъ дважды одного и того же Рѣскина». Его противорѣчія наполняли радостью сердца его противниковъ и покрывали морщинами чело его учениковъ. Огюстенъ Филонъ написалъ однажды, что онъ беретъ извлечь изъ произведеній Рѣскина самыя противорѣчивыя положенія, а м-ръ Уильстеръ выбралъ изъ него цѣлый томъ афоризмовъ, представляющихъ собой образецъ туманности. Прочитавъ одну страницу учителя, вы думаете, что уловили его мысль; прочитавъ десять страницъ, вы сомнѣваетесь, прочитавъ двадцать, вы отказываетесь отъ этого. Неуловимыя тонкости, причудливые переливы и изгибы его мыслей дѣлаютъ изъ его системы недающійся кладъ; когда его пытаются охватить одной формулой, онъ разсѣивается какъ дымъ, подобно генію *Тысячи и одной ночи*, и рассыпается на тысячу мелочей, блестящихъ и притягательныхъ, но измѣнчивыхъ и непостоянныхъ, какъ огонь или какъ волны...

Однако рѣка, протекающая теперь передъ нашими глазами, очень похожа на ту рѣку, которая протекала въ этомъ же мѣстѣ и называлась тѣмъ же именемъ, когда нашъ дѣдушка, держа насъ за руку, впервые показывалъ ее намъ! И этотъ огонь, вспыхивающій въ обширномъ каминѣ стариннаго родового дома и населяющій его причудли-

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1899 г.

выми образами, очень напоминаетъ съ виду огонь, согрѣвавшій въ дѣтствѣ наши пальцы и заставлявшій насъ строить чудные воздушные замки, теперь разсыпавшіеся въ прахъ! Нѣтъ ни одной прежней волны, но рѣка осталась та же. Языки пламени не воспроизводятъ съ фотографической точностью своихъ прежнихъ рисунковъ, но очагъ остался тотъ же. Рѣскинъ напоминаетъ эту рѣку.

Онъ напоминаетъ этотъ огонь. Онъ никогда не повторяется; онъ безпрестанно измѣняется, но всегда остается самимъ собой. Мысли его всегда берутъ начало изъ одного—очень возвышеннаго источника. Они всегда стремятся къ одному и тому же далекому океану. Что это за источникъ? Что это за океанъ?

Мы постараемся узнать это. Быть можетъ, стремясь къ этому, мы принуждены будемъ разрушить то или другое предвзятое мнѣніе, основанное на одной какой-нибудь фразѣ Рѣскина, мы надѣемся, что намъ не поставятъ этого въ вину, — мы вѣдь не собираемся разбирать то или другое произведеніе его, мы хотимъ только бросить общій взглядъ на развитіе его мыслей отъ 1843 по 1888 годъ—мыслей о природѣ, мыслей объ искусствѣ, мыслей о жизни. И еслибы кто-нибудь изъ его учениковъ, — болѣе преданныхъ, чѣмъ проницательныхъ, — или изъ его противниковъ, болѣе остроумныхъ, чѣмъ справедливыхъ, — далъ хотя бы въ самой Англіи ложное толкованіе рѣскиньянскаго ученія, это не могло бы подорвать довѣріе къ правильности предстоящаго синтеза, наоборотъ—это подтверждало бы его необходимость. Можно, конечно, безъ труда найти у Рѣскина положенія, противорѣчающія намъ, и такъ какъ мнѣнія его облечены всегда въ абсолютную форму афоризмовъ, то легко подумать, что они исключаютъ возможность всякаго иного мнѣнія. Но въ дѣйствительно это еще ничего не доказываетъ. Это просто легкая рябь на поверхности рѣки, или водоворотъ, который можетъ вдругъ повернуть противъ теченія, не измѣняя его направленія. И какой бы силой ни обладалъ этотъ случайный водоворотъ, онъ не можетъ оказать никакого вліянія на общее направленіе его мысли, которое мы уловили и попытаемся теперь опредѣлить.

Мысль эта, спѣшимъ оговорить, во избѣжаніе недоразумѣній, принадлежитъ не намъ, а Рѣскину. Если мы излагаемъ ее со всей присущей ей убѣдительностью, то это свидѣтельствуетъ не о нашемъ согласіи съ ней, а лишь о нашей справедливости. Намъ не казалось ни полезнымъ, ни умѣстнымъ удивлять и усложнять изложенія нашими личными замѣчаніями и возраженіями. Раньше, чѣмъ оспаривать ученіе, надо его знать. Мы изложимъ, въ чемъ состоитъ ученіе Рѣскина. Когда оно будетъ извѣстно, всякій желающій можетъ его оспаривать.

ГЛАВА I.

Природа.

§ 1.

Не заключаетъ ли въ себѣ вселенная больше красоты, чѣмъ преподается обыкновенно въ нашихъ философскихъ школахъ? Не управляютъ ли порой людьми мечты, вмѣсто разсудка, и одни ли дѣти любить перелистывать книги съ картинками, забывая о дѣйствительной жизни? Объ этой жизни мы знаемъ, несомнѣнно, многое. Химики берутъ какое нибудь растеніе, уносятъ его въ свою лабораторію, разсматриваютъ его, анализируютъ, подвергаютъ различнымъ опытамъ и говорятъ, намъ изъ какихъ элементовъ оно состоитъ, сколько въ немъ азота, извести, какъ оно размножается и какъ развивается. Пусть такъ; и это несомнѣнно очень интересно. Экономисты подводятъ итоги и балансы, слѣдятъ за кривыми діаграммъ, разсматриваютъ счетныя книги и росписки, стряхиваютъ пыль съ хартій и владѣнныхъ записей и показываютъ намъ, какъ при помощи обмѣна растетъ богатство страны, какъ соображенія пользы устанавливаютъ стоимость того или другого товара, и объясняютъ, почему въ извѣстную эпоху произошелъ финансовый кризисъ. Пусть такъ. Все это истинная правда, но въ этомъ ли вся суть? Почему, скажемъ мы химику, эти розы, стоящія на каминѣ зимнимъ вечеромъ, мѣшаютъ намъ ощущать холодъ и тоску одиночества? Они вѣдь не грѣютъ и не говорятъ съ нами. . Почему, скажемъ мы экономисту, этотъ наростъ на раковинѣ, не приносящій намъ никакой пользы, имѣетъ гораздо болѣе высокую товарную стоимость, чѣмъ мѣшокъ муки, который можетъ нѣкоторое время прокормить человѣка?.. Проходящаго мимо физика мы спросимъ, почему звуки этой минорной гаммы навели на насъ грустное настроеніе, и почему солнечный лучъ развеселилъ насъ? Почему огонь, горящій въ очагѣ не дѣйствуетъ на насъ такъ живительно, какъ лучъ солнца, сверкавшій сейчасъ на окнахъ? И почему, далѣе, въ этомъ искусственномъ очагѣ, гдѣ математически рассчитанное пламя газа лижетъ мертвые куски угля, развивается достаточно тепла для термометра и такъ мало для сердца?

Выйдемъ изъ этого города, гдѣ дымъ закрываетъ небо, земля покрыта деревянной мостовой, гдѣ огонь питается только газомъ и гдѣ вода такая, что ея не рѣшаются пить,—пойдемъ взглянуть на природу тамъ, гдѣ мы еще не успѣли обезобразить ее. Почему тоже самое небо навѣвало на насъ уныніе, пока оно было сѣрымъ и снова вернуло намъ бодрость, когда стало голубымъ? Мы вышли въ открытое поле. Посмотрите на эту плоскую равнину, на эту ровную точно подстриженную траву и рядомъ взгляните на эту волнистую поляну, эти

холмы, поросшіе свободной травой и усѣянные прелестными цвѣтами. И тутъ, и тамъ химическій составъ почвы одинаковъ, одинаковое плодородіе, одинаковая и цѣнность. Въ глазахъ агронома, экономиста, философа и чиновника, завѣдующаго распредѣленіемъ прямыхъ налоговъ, между этими двумя полями нѣтъ никакой разницы. А между тѣмъ однообразныя очертанія одного изъ нихъ не останоятъ на себѣ ни нашего взора, ни нашего вниманія. А другое привлечетъ, заинтересуетъ насъ, быть можетъ, очаруетъ и тысячи переливовъ его красокъ и очертаній заставятъ насъ на минуту забыть дѣйствительную жизнь и мы вернемся домой освѣженные, примиренные, успокоенные. Почему-же?

И почему природа является намъ окрашенной, какъ картина, а не сѣрой, какъ гравюра? Почему она окрашиваетъ въ самые яркіе цвѣта свои самыя бесполезныя, но и самыя безобидныя созданья? Есть конечно, ядовитые грибы, какъ будто написанные Делькруа, и навозные жуки, точно тронутые кистью Фра Анжелико; но по большей части посмотрите, развѣ не самыя нѣжныя птички оказываются и самыя красивыми? Наклонитесь надъ этими обломками упавшей скалы... Вотъ чистая земля,—составной элементъ глины и песку,—въ порошокъ она кажется совершенно бѣлой. Но посмотрите, какъ она мѣняетъ цвѣтъ, когда въ нее проникаетъ сила болѣе интенсивной жизни, т. е. когда она кристаллизуется. Она становится изумрудомъ, рубиномъ, сафиромъ, аметистомъ и опаломъ. Откуда это отношеніе между силой кристаллизаціи и чистотой матеріи съ одной стороны и ея красотою съ другой? Посмотрите на цвѣты: точно также именно въ то время, когда жизнь ихъ достигаетъ своего высшаго напряженія, формы ихъ больше всего плѣняютъ наши человѣческіе вкусы, а цвѣта ихъ становятся наиболѣе яркими,—это основные цвѣта: голубой, желтый, красный или бѣлый—сочетаніе всѣхъ цвѣтовъ. И замѣтите, что этотъ моментъ высшей красоты совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда между растеніями возникаютъ отношенія, соотвѣтствующія радостямъ любви у человѣческихъ существъ... Почему?

Поднимитесь выше по лѣстницѣ жизни. Вотъ по тропинкѣ ползетъ что-то блестящее, извивающееся: маленькій серебристый ручеекъ, скользящій въ травѣ, кольчатое тѣло, «плывущее по землѣ, перебирая кольцами вмѣсто веселъ: волна, безъ вѣтра, потокъ безъ паденія. Откуда этотъ ужасъ, охватывающій насъ при видѣ этого существа, хотя мы знаемъ, что въ любомъ болотѣ или плохо содержимой клоацѣ, больше яда, чѣмъ въ самомъ ужасномъ Нильскомъ аспидѣ?» Или есть какая-то таинственная связь между формой змѣи и идеей зла, дремлющей въ глубинѣ нашего сознанія?.. Почему наоборотъ, мы ощущаемъ удовольствіе при видѣ быстраго, сверкающаго полета пурпурныхъ крыльевъ, которыя ни на что не нужны и приносятъ намъ меньше пользы, чѣмъ сѣрое и тусклое мясо домашней птицы? Почему

мы ощущаемъ трепеть свободной горделивой радости при видѣ легкаго и стройнаго движенія ногъ коня? Автомобиль ихъ не имѣетъ, а между тѣмъ онъ быстрѣе переноситъ насъ, куда мы хотимъ.

Эти вещи, скажете вы, не одинаково привлекаютъ вниманіе, не одинаково доставляютъ наслажденіе всѣмъ людямъ. Конечно, и это въ свою очередь создаетъ новый таинственный элементъ и въ нихъ, и въ насъ. Значитъ ли это, что подобныхъ впечатлѣній и ихъ воздѣйствій на поступки людей не существуетъ вовсе? Или, быть можетъ, существуя то въ болѣе, то въ меньшей степени, они создадутъ между живыми существами іерархію или классификацію, до сихъ поръ еще не установленную? Почему, при видѣ тѣхъ же самыхъ голубыхъ горъ, высящихся на краю горизонта,—подобно волнамъ, замороженнымъ железомъ волшебника,—одинъ человѣкъ останавливается въ волненіи, а другой равнодушно продолжаетъ путь? Развѣ всѣ, имѣющіе глаза, видятъ не одинаково? Развѣ между видами есть еще какія нибудь различія кромѣ тѣхъ, о которыхъ говорятъ биологи? «Они сообщаютъ намъ какимъ безконечнымъ разнообразіемъ зрительныхъ органовъ обладаютъ существа, копошящіяся на земномъ шарѣ; они говорятъ намъ, какъ устроены и чѣмъ управляются эти органы, какъ одни изъ нихъ самостоятельно двигаются въ своихъ орбитахъ, а другіе, напротивъ, выпукло торчатъ на верху костяной пирамиды,—или прикрѣплены къ концамъ роговъ, или разсѣяны по спинѣ и по плечамъ, или торчатъ на кончикахъ усиковъ, чтобы указывать путь головѣ,—или возвышаются въ видѣ бугорковъ въ углахъ губъ... Но какъ всѣ эти существа видятъ всѣми этими глазами?» Когда вы видите, какъ змѣя извивается по землѣ или виситъ, точно клубокъ веревокъ на вѣткѣ дерева, или въ музеѣ прижимаетъ къ стеклу витрины свои холодныя кольца, задавались ли вы когда нибудь вопросомъ, смотритъ ли на васъ змѣя и что она въ васъ видитъ? «Она способна цѣлый часъ не сводить глазъ съ вашего лица и вертикальная щелочка каждого ея глаза будетъ воспринимать такое ваше изображеніе, какое сѣтчатая оболочка и умъ змѣи могутъ получить отъ человѣка. Но какого рода изображеніе можетъ она получить сквозь свой ужасный зеленовато-голубой зрачекъ?.. Французская пословица говоритъ, что и кошка можетъ глядѣть на епископа. Пусть такъ. Но видитъ ли кошка епископа, когда она на него смотритъ? Когда кошка ласкается къ вамъ, она никогда не смотритъ на васъ. Кажется, какъ будто душа ея заключена въ спинѣ, въ лапкахъ,—но никакъ не въ глазахъ». Олень, лошадь, повидимому, болѣе чувствительны къ различіямъ зрительныхъ впечатлѣній, собака еще болѣе, и, наконецъ, человѣкъ болѣе, чѣмъ всѣ остальные животныя вмѣстѣ взятая. Человѣкъ смотритъ и созерцаетъ, человѣкъ находитъ въ зрѣніи страданіе и радость, онъ останавливается, пораженный и восхищенный, передъ такими предметами, которые не играютъ никакой роли въ его жизни:—передъ отблескомъ свѣта, который

онъ не можетъ схватить, передъ скалами, которыхъ онъ не можетъ засѣять, передъ цвѣтомъ далекаго ээира, котораго онъ не можетъ достичь. Почему?

И почему самые великіе люди—святые, исторіи которыхъ мы находимъ въ свиткахъ и на старинныхъ золоченыхъ панно—почему они любили погружаться въ созерцаніе горъ, птицъ, воды и цвѣтовъ, «всякій разъ, когда имъ предстояло свершить какой нибудь подвигъ или перенести испытаніе, превосходящее обычную силу ихъ духа»? И почему у одного и того же человѣка эти свѣтлыя и безкорыстныя впечатлѣнія всего ярче и глубже тогда, когда сердце его свободно отъ низменныхъ страстей и постыдныхъ желаній? Почему его душа болѣе всего способна ощущать зрительныя наслажденія, когда настроеніе ея уравновѣшено, его умъ, когда онъ спокоенъ, его чувства, когда они не взволнованы? Почему въ этомъ случаѣ зрительныя наслажденія и воспоминанія объ нихъ сохраняются въ немъ на всю жизнь? «Устремите вашъ взглядъ на какой нибудь неуклюжій обломокъ вѣтки странной формы во время значительнаго разговора съ любимымъ существомъ, или пусть глаза ваши бессознательно остановятся на немъ. И хотя бы вы забыли самый разговоръ, хотя бы всѣ обстоятельства, сопровождавшія его, совершенно изгладились изъ вашей памяти, все-таки всю жизнь, всякій разъ, когда глаза ваши остановятся на подобной вѣткѣ, вы будете испытывать удовольствіе,—чего вы не испытывали раньше,—удовольствіе такое тонкое, такой неуловимый слѣдъ чувства, что вы совершенно не будете сознавать особаго характера ихъ, власти надъ вами, но тѣмъ не менѣе никакое разсужденіе не въ силахъ будетъ уничтожить эти ощущенія и мало-по-малу они сдѣлаются частью вашего существа»... Почему?

Конечно, въ нашихъ школахъ объясняютъ многое, но объясняютъ ли тамъ ту роль, какую играютъ въ нашей жизни формы и краски? Тамъ анализируютъ многія свойства тѣлъ,—но постарались ли изучить главное свойство, то, которое объединяетъ все существующее въ мірѣ: свойство сочувствія и симпатіи? Разсужденія нашихъ физиологовъ и нашихъ психологовъ очень остроумны, но ихъ можно было бы съ такимъ же успѣхомъ прилагать къ окружающимъ предметамъ и въ томъ случаѣ, если бы не существовало совсѣмъ смягчающихъ линій и возбуждающихъ цвѣтовъ! Кто бы подумалъ, чигая этихъ философовъ, что міръ, о которомъ они говорятъ въ такихъ темныхъ, такихъ сѣрыхъ, такихъ холодныхъ выраженіяхъ и есть этотъ шелестъ листьевъ, эти переливы свѣта, этотъ трепетъ тѣла, это дрожанье вѣкъ, этотъ огонь взгляда,—все то, что составляетъ его прелесть для насъ? Они строятъ системы, объясняющія все въ мірѣ—кромѣ его очарованія. Они изучаютъ всѣ тайные уголки души, кромѣ восторженнаго созерцанія. Они разбираютъ всѣ наши точки соприкосновенія съ такъ называемой неодушевленной природой,—кромѣ любви..

Эти вещи, скажете быть можетъ ученый, входятъ въ область различныхъ наукъ и объясняются ими въ отдѣльности, или не входятъ ни въ одну, такъ какъ не поддаются научному анализу, оставаясь неизмѣнчивыми впечатлѣніями отдѣльныхъ индивидуумовъ, и во всякомъ случаѣ относятся къ области кажущагося, къ области призраковъ. Кажущееся? Пожалуй! Неужели вы думаете, что они утратятъ свою власть надъ человѣкомъ и надъ жизнью, оттого что вы окрестили ихъ этимъ именемъ? Неужели вы думаете, что не отъ этихъ призраковъ зависитъ большая или меньшая энергія, большая или меньшая слабость, а потому большее или меньшее страданье или счастье? Отъ призраковъ славы? Отъ призраковъ любви? Не призракъ ли героизма древнихъ создаетъ нашихъ истинныхъ современныхъ героевъ; и не призракъ ли оазиса, не миражъ ли даетъ намъ бодрость продолжать нашъ путь среди реальной жизни? Развѣ въ легендахъ заключается правда и если нѣтъ, то развѣ вслѣдствіе этого они оказали на событія жизни меньше вліянія, чѣмъ исторія? Развѣ религіи основаны на доказательствахъ, и развѣ не призраку небесъ обязаны мы, главнымъ образомъ, тѣмъ, что преобразовало землю. Скажете ли вы, что намъ не нуженъ блескъ солнца, лишь бы оно освѣщало насъ, не нужна гармонія цвѣтовъ, лишь бы они обладали лѣчебными свойствами? Или же вы скажете, что отношеніе всѣхъ этихъ предметовъ къ человѣку, всѣхъ этихъ понятій къ нашему разуму, всѣхъ этихъ представленій къ нашимъ поступкамъ и къ нашимъ чувствамъ, что всѣ эти невидимыя, но могущественныя основы, «эти таинственныя нити, связующія наши сердца», представляются намъ слишкомъ тонкими и слишкомъ своеобразными, чтобы ихъ можно было распутать, не разорвавъ грубымъ скальпелемъ наукъ, организованныхъ совѣмъ съ другими цѣлями?

Чтобы обладать этой способностью, наука должна, изучая природу, принимать во вниманіе не только ея химическій или физическій составъ, не только ея пользу, ея богатство, ея развитіе, даже ея плодородіе, но и то еще, предъ чѣмъ въ жизни преклоняются, а въ ученыхъ разсужденіяхъ презируютъ, что властвуетъ въ дѣйствительности и проклинается въ теоріи, къ чему стремятся и о чемъ умалчиваютъ, о чемъ мечтаютъ и чего боятся:—красоту. Только въ томъ случаѣ психологія могла бы дать представленіе о тѣхъ явленіяхъ, которыя мы только что описывали, и о тысячахъ другихъ, которыя мы предчувствуемъ и предугадываемъ, если бы она принимала за основныя и главныя свойства вещей ихъ форму и цвѣтъ, ихъ воздѣйствіе не только на чувство осязанія, но и на самое благородное чувство—зрѣніе, не только на наше стремленіе къ присвоенію, но и на безкорыстное чувство восхищенія. Только въ томъ случаѣ философія была бы полной, если бы она изслѣдовала не только причины *силъ*, но также и причины формъ, интересовалась бы не только законами мірозданія, но и его *радостями*, если бы она классифицировала предметы не только по ихъ внѣшнему

виду и механическимъ свойствамъ—какъ классифицируютъ двигатели на машинной выставкѣ, но и по ихъ эстетическимъ особенностямъ, по ихъ отношенію къ красотѣ,—какъ классифицируютъ картины или статуи въ музеѣ.

Такая философія или такая наука не была бы, скажутъ намъ, ни наукой въ собственномъ смыслѣ слова, ни даже философіей. Очень можетъ быть, мы не будемъ спорить о словахъ. Дѣйствительно между этими двумя родами изслѣдованія лежитъ глубокая пропасть. «Одно разсматриваетъ вещи, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ, другое—какъ онѣ воздѣйствуютъ на человѣческое сердце, на человѣческую душу. Задача этого послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы изучать тѣ естественныя впечатлѣнія, какія эти вещи производятъ на живыя существа. Обѣ науки одинаково стремятся къ истинѣ, только одна къ истинѣ впечатлѣнія, другая же къ истинѣ сущности. Одна изучаетъ отношенія вещей между собой, другая изучаетъ только ихъ отношенія къ человѣку, и во всемъ, что ему подвластно, ищетъ только одного: какъ данный предметъ вліяетъ на глаза и сердце человѣка».

§ 2.

Еще болѣе значительна разница между способностями, какія требуются тѣмъ и другимъ изслѣдованіемъ. Такъ какъ этотъ послѣдній родъ изслѣдованія, оставаясь съ одной стороны научнымъ, т. е. опытнымъ, будетъ, во всякомъ случаѣ, художественнымъ и интуитивнымъ. Чтобы постичь дѣйствіе природы на глаза и сердце человѣка, важнѣе хорошо видѣть, чѣмъ много знать, а это дѣло художника, его зрѣніе болѣе тонко, чѣнъ инструменты ученаго.

«Все геологическое общество не могло въ теченіе восьмидесяти лѣтъ опредѣлить формацию этихъ горъ, а восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ Тернеръ еще ребенкомъ изобразилъ ее нѣсколькими штрихами своей кисти. Знаніе всѣхъ законовъ планетной системы и линий движенія ядеръ не помогутъ человѣку науки нарисовать водопадъ или волну; и всѣ члены хирургическаго общества сообща не могли бы изобразить движеніе человѣческаго тѣла въ моментъ сильнаго напряженія, какъ это сдѣлалъ триста лѣтъ тому назадъ бѣдный красильщикъ (Тинторетто)».

Но чтобы почувствовать дѣйствіе природы не только на глаза, но и на сердце, недостаточно хорошо видѣть ее, надо еще сильно любить ее. «Быть можетъ, мы не въ состояніи проникнуть въ тайну одного цвѣтка, и можетъ быть намъ и не суждено постичь ее, но занятіе наукой всегда должно опираться на нѣжность чувства».

Что это за способность, позволяющая намъ въ человѣкѣ видѣть и изучать не только удивительную самодвижущуюся машину, въ растаніяхъ не только химическіе приборы, въ цвѣтахъ не только лѣкар-

ственные средства? Какимъ именемъ назовемъ мы еѣ? Несомнѣнно, это не разумъ, такъ какъ понятіе красоты инстинктивно, и когда дѣло касается его, то о разумѣ мы въ лучшемъ случаѣ можемъ сказать только, что онъ бесполезенъ. Кто сомнѣвается въ этомъ, можетъ прочесть разсужденіе Тьера о критикѣ искусства. «Если ученый скажетъ вамъ, что два такіе то цвѣта плохо гармонируютъ другъ съ другомъ, запомните это, чтобы какъ можно чаще помѣщать ихъ рядомъ». Или это чувствительность? Еслибы приходилось дѣлать выборъ этими двумя опредѣленіями, мы бы склонились къ послѣднему. «Такъ какъ способность чувствовать одновременно и самая могущественная, и самая благородная изъ нашихъ способностей. Во всѣ времена люди становились тѣмъ грубѣе, чѣмъ менѣе они были одарены чувствительностью, той чувствительностью, которою изъ растений въ наибольшей степени обладаетъ мимоза, а изъ всѣхъ живыхъ существъ — чистая женщина, той полнотой ощущенія, которая превышаетъ разумъ, руководитъ и освящаетъ его самого. Разумъ можетъ опредѣлить только, что истинно. А страсть человѣка опредѣляетъ, что хорошо».

Но развѣ одной чувствительности достаточно? Всѣ живыя существа обладаютъ способностью чувствовать. Даже растеніе ощущаетъ нѣчто: можно ли вслѣдствіе этого сказать, что оно чувствуетъ красоту? Чувства человѣка такъ сильно отличаются другъ отъ друга, что по видимому разница эта не только въ степени, но въ самой природѣ чувствъ. Развѣ чувствовать прелесть солнечнаго луча, скользящаго по далекимъ волнамъ озера тоже самое, что чувствовать запахъ ростбифа? Это послѣднее ощущеніе гораздо полезнѣе, но только первое дастъ намъ возможность изслѣдовать отношеніе природы и души. Мало того, именно, эти такъ называемыя бесполезныя ощущенія оказываются самыми могущественными, самыми совершенными и даже самыми постоянными. «Удовольствія вкуса, осязанія и всѣ другія чувственные удовольствія даны намъ въ качествѣ слугъ, въ качествѣ орудій для охраненія нашей жизни. Они побуждаютъ насъ стремиться къ вещамъ, необходимымъ для нашего существованія, и, слѣдовательно, какъ только эти вещи получены, какъ только фізіологическая функція исполнена, удовольствія эти должны окончиться, а если ихъ продолжаютъ, то лишь искусственно и подъ опасеніемъ сильнаго возмездія». Ъсть совершенно необходимо, чтобы жить, но жить, чтобы ѣсть, крайне опасно. «Наоборотъ, удовольствія зрѣнія даны намъ въ видѣ дара. Они не служатъ никакимъ насущнымъ потребностямъ существованія. Глазъ нашъ можетъ отличить и дѣйствительно отличаетъ, что намъ полезно и что вредно, не испытывая при этомъ ни малѣйшаго зрительнаго удовольствія. Мы могли бы научиться различать плоды и сѣмена цвѣтка, не испытывая при этомъ никакого удовольствія высшаго порядка отъ ихъ вида. Эти удовольствія не должны исполнять никакой фізіологической функціи, достиженіе цѣли не ставитъ границъ ихъ продолжительности,

и такимъ образомъ они могутъ постоянно испытываться нами, повтореніе ни въ какомъ случаѣ не уничтожаетъ ихъ привлекательности, наоборотъ даже увеличиваетъ ее. Въ этомъ мы находимъ достаточное основаніе для болѣе высокой оцѣнки этихъ удовольствій; во первыхъ, они вѣчны и неистощимы, во вторыхъ, они служатъ не *средствами* (орудіями), а *цѣлью* жизни. А во всѣмъ томъ, что служить цѣлью жизни, чего мы можемъ желать вѣчно и ради его самого, во всѣмъ этомъ, несомнѣнно, есть нѣчто божественное»...

Итакъ, способность воспринимать красоту не можетъ быть сведена къ простому ощущенію. Къ ней примѣшивается нѣчто другое, избавляющее ее отъ животнаго элемента и усиливающее элементъ духовный. Въ нее глубоко проникаетъ что-то, присоединяющее къ темной силѣ чувства—ясное спокойствіе духа. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, припомните, что вы испытывали, смотря на любимый вами ландшафтъ въ то время года, въ тѣ часы, когда вы чувствуете всего глубже; вспомните, что вы чувствовали при видѣ того уголка земли, который каждый изъ насъ видѣлъ когда нибудь изъ окна вагона, и смотря на который говорилъ: «Я вернусь сюда, я проведу здѣсь всю жизнь», и никогда болѣе не возвращался. Прежде всего это удовольствіе чувственное, рядомъ съ нимъ ощущается радость, любовь къ самому предмету, преклоненіе передъ его невѣдомой причиной, что-то вродѣ благодарности красотѣ за то, что она существуетъ, что она существуетъ для насъ—такъ какъ одни только мы имѣемъ глаза, чтобы видѣть ее,—если не думать, что туже дѣву и тѣже цвѣты, на которые на землѣ любятъ рыцари и сеньеры, съ вершины тучъ созерцаетъ Всемогуцій Старецъ со своими любимыми ангелами, какъ изображалось на картинахъ старинныхъ художниковъ. «Ни одна идея не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться идеей красоты, пока она не возвысилась до этого чувства, точно также, какъ мы не можемъ утверждать, что имѣемъ представленіе о письмѣ, когда мы замѣтили только его ароматъ и его прекрасный почеркъ, но не поняли ни его содержанія, ни намѣренія, съ какимъ оно писано. И такъ какъ эти ощущенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться результатомъ дѣятельности ума то очевидно, что воспріятіе красоты, не можетъ быть названо ни чувственнымъ, ни умственнымъ, его сила и правильность зависятъ отъ чистаго, прямого и открытаго настроенія сердца, зависятъ въ такой степени, что даже вѣрность сужденій ума о красотѣ зависитъ отъ силы чувства сердца въ каждомъ данномъ случаѣ». Сердце дѣлаетъ насъ способными къ чистымъ и возвышеннымъ ощущеніямъ передъ великими явленіями природы. Слѣдовательно, способность, дѣйствующая тутъ—есть способность сердца: чувство.

Это *чувство эстетическое*. Оно то и заставляетъ насъ трепетать въ лучшіе моменты жизни, единственные моменты, когда стоитъ жить. Оно устанавливаетъ между неодушевленными предметами и живыми

существами ту тайную гармонію, которую тщетно пытается анализировать наука. Не будемъ смѣшивать его ни съ какой другой способностью, ни болѣе низкой, ни болѣе высокой. Будемъ стоять твердо за его самобытность. Нашими противниками окажутся и чистые сенсуалисты, и чистые рационалисты. Намъ придется бороться и съ тѣми, кто видитъ въ этомъ чувствѣ физиологическій инстинктъ, и съ тѣми, кто видитъ въ немъ дѣйствіе ума. Это ни то и ни другое. Эстетическое чувство не есть отдаленное и бессознательное проявленіе полового инстинкта: оно само по себѣ инстинктъ. Этотъ инстинктъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ, и физиологія не имѣетъ къ нему ни малѣйшаго отношенія. «Никто никогда не восхищается розой, потому что она напоминаетъ женщину, но женщиной восхищаются, потому что она напоминаетъ розу». Это также не любовь въ высокомъ смыслѣ самопожертвованія, такъ какъ эта любовь даетъ, а въ наслажденіи,⁸ какое намъ доставляютъ растенія, волны, лучи, мы все получаемъ и ничего не даемъ. Но еще менѣе можно считать его результатомъ сужденія. Какъ только начинается разсужденіе, впечатлѣніе улетучивается. Напримѣръ, «впечатлѣніе красоты растенія порождается безкорыстнымъ участіемъ къ его счастью, а не представленіемъ о какомъ нибудь его качествѣ полезномъ для насъ, ни даже признаемъ въ немъ какихъ нибудь нравственныхъ свойствъ, кромѣ способности къ счастью. Какъ только мы признаемъ, что то или другое существо подчинено какой нибудь вѣдъ его стоящей цѣли, такъ извѣстная доля чувства органической красоты тотчасъ же утрачивается. Если намъ скажутъ, что листья такого-то растенія разлагаютъ угольную кислоту и изготовляютъ для насъ кислородъ,—мы начинаемъ смотрѣть на нихъ равнодушно, какъ будто передъ нами какой нибудь газометръ. До извѣстной степени оно превратилось въ машину. Впечатлѣніе его красоты отчасти утрачено нами. Конечно, размышляя, мы понимаемъ, что растеніе живетъ не исключительно для самого себя, что жизнь его представляетъ собою цѣпь благодѣяній, которыя оно съ одной стороны оказываетъ, съ другой получаетъ, но это сознаніе ни въ какой мѣрѣ не вліяетъ на наше представленіе о физической красотѣ его формъ. Эти формы, необходимыя, повидимому, для его здоровья—симметрія листьевъ, вѣжная гладкость стеблей,—представляются намъ доказательствомъ собственнаго его счастья и совершенства, намъ они не приносятъ никакой пользы, если не считать удовольствія. Мы не найдемъ ни разсѣченія мускуловъ, ни расчлененія элементовъ, но самый вѣрный и самый широкій взглядъ на видимыя явленія и самую прекрасную метафору для ихъ выраженія: А это постоянно повторяемое приказаніе, которому никто не слѣдуетъ: «Взгляните на полевые дилія!», обратите вниманіе—какое тонкое одухотвореніе природы; какъ извѣстно оно составляетъ характерную особенность современнаго взгляда на пейзажъ. Тутъ нѣтъ никакой науки, даже никакого представленія о наукѣ, ни перечисленія лепестковъ, ни указанія способа питанія,—

ничего кромѣ проявленія симпатіи, самой глубокой». Это и есть эстетическое чувство.

Вотъ въ чемъ заключается эта способность, помогающая намъ больше чѣмъ разумъ, больше чѣмъ чувственныя желанія, понимать «голосъ всей природы, доступной человѣческому сердцу, голосъ скалъ, голосъ волнъ, голосъ травъ, какъ неотъемлемую часть ихъ души». Мы опредѣлили теперь и орудіе нашего изслѣдованія и предметъ его, и его цѣль. Только охваченные энтузіазмомъ можемъ мы анализировать энтузіазмъ. Только испытывая восхищеніе, можемъ мы понять проявленія восхищенія. Не будемъ опасаться обвиненія въ мечтательности и предоставимъ любителямъ ироніи ихъ бесплодное занятіе! Если со своимъ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ умомъ они вздумаютъ анализировать впечатлѣнія красоты, то они уподобятся людямъ, которые съ важнымъ видомъ охлаждають вещи, на которыхъ собираются изучать дѣйствіе тепла. Въмѣсто того, чтобы направлять и обострять способности эстетика, духъ критики искажаетъ ихъ, опытъ притупляетъ, наука — убиваетъ. «Если бы мы могли пробудить въ себѣ всѣ счастливыя и необъяснимыя инстинкты беззаботнаго дѣтства, мы достигли бы болѣе быстрыхъ и болѣе безспорныхъ результатовъ, чѣмъ достигла до сихъ поръ и философія, и софистическіе приемы искусства». Только тотъ, кто сохранилъ свѣжесть впечатлѣній, можетъ вполне проникнуться свѣжестью тонкихъ оттѣнковъ. Міръ красоты подобенъ бериллу въ балладѣ Россети: «Никто не видитъ его, кромѣ чистаго сердца».

Но не будемъ отрицать эту способность и, главное, не будемъ презирать ее оттого, что она сближаетъ насъ съ простыми умами и не исходитъ изъ разсуждающаго разума! Мы пренебрегли бы въ такомъ случаѣ прекраснѣйшимъ изъ даровъ, которые дали намъ добрыя волшебницы, склонявшіяся надъ колыбелью человѣчества! Эта эстетическая способность исключительно человѣческая способность. Если польза вызываетъ размышленіе у животнаго, — мы не можемъ отрицать этого, — то красота вызываетъ трепетъ и волненіе у одного только человѣка. «Если есть въ нашей природѣ нѣчто общее съ быкомъ или боровомъ, то оно не воспринимаетъ и не создаетъ никакой красоты. То, что въ насъ есть человѣческаго, можетъ создавать и воспроизводить ее пропорціонально совершенству своей человѣческой природы. Животное видитъ, это неоспоримо, и до нѣкоторой степени оно разсуждаетъ, — человѣкъ созерцаетъ. Корова Поттера смотритъ на свое изображеніе, человѣкъ восхищается. Любить скалы не ради насъ, а ради ихъ самихъ, ради ихъ очертаній, вырисовывающихся на голубомъ небѣ, это способность человѣческая, въ высшей степени человѣческая. И если между человѣкомъ и всѣмъ, что считаютъ ему подобнымъ, есть какая-нибудь коренная разница — не ищите ее ни въ чемъ другомъ. Если вамъ скажутъ: вотъ стройное, гибкое растеніе, изгибы его линій

безконечно измѣнчивы, а сочетаніе цвѣтовъ удивительно гармонично. Мы видѣли, какъ къ нему ощупью пробиралось какое-то существо, вырвало его и пожрало. Что это за существо?—скажите: Я не знаю, это дѣйствіе инстинктивное. Но мы видѣли, что оно вырвало это растеніе и спрятаło поблизости, чтобы взять потомъ. Что это за существо?—Я не знаю. Есть много животныхъ, прячущихъ свою добычу или свою пищу. Это дѣйствіе стоитъ на границѣ разумнаго.—Но мы видѣли, что оно остановилось передъ этимъ растеніемъ и долго стояло, любясь имъ. Что это за существо?—Я знаю. Это человѣкъ. Это проявленіе эстетическаго чувства».

И такъ какъ эта способность необходимо присуща человѣку, то она должна примѣняться ко всему связанному съ человѣкомъ. Снабженная такимъ орудіемъ изслѣдованія всякая истинная философія должна въ каждомъ дѣйствіи, въ каждой идеѣ, относящейся къ ея области, опредѣлить участіе природы и отношеніе къ красотѣ. Въ душѣ она будетъ искать отпечатокъ тѣхъ пейзажей, какіе видѣли глаза. Въ сердцѣ она откроетъ желанія, которыя возбудилъ въ немъ видъ блестящихъ или матовыхъ камней. Если ее интересуютъ конечныя причины, она не скажетъ, какъ древній мыслитель при видѣ угрюмыхъ скалъ: «Для чего онѣ. могутъ быть нужны?.. А! онѣ служатъ убѣжищемъ для звѣрей!»—она задастся вопросомъ, не кажутся ли они «школами или соборами, воздвигнутыми для всего человѣческаго рода, или драгоценными иллюстраціями къ рукописямъ для школьника, или простыми и добрыми уроками для рабочаго, или спокойными убѣжищами въ ихъ мрачныхъ пещерахъ для мыслителя». «Она задастся вопросомъ, не связана ли исторія вершинъ земли съ исторіей вершинъ мысли, и можно ли по справедливости отнять у горныхъ видовъ нѣкоторое участіе въ томъ, что дало грекамъ и итальянцамъ ихъ руководящую роль въ умственной жизни европейскихъ народовъ. Она отиѣтитъ, на примѣръ, что нѣтъ ни одного уголка земли въ обѣихъ этихъ странахъ, откуда не видно было бы горъ: почти всегда онѣ составляютъ характерную особенность пейзажа. Очертанія горъ Спарты, Коринѳа, Аѳинъ, Рима, Флоренціи, Пизы и Вероны исполнены совершенной красоты; и какое бы отвращеніе или презрѣніе къ тяжелымъ горнымъ массамъ ни проявляли греки, одинъ тотъ фактъ, что они поставили святилище Аполлона у подножія Дельфійскихъ скалъ, а тронъ его на Парнасѣ, доказываетъ, что они сами приписывали свое высшее умственное вдохновеніе вліянію горъ». Быть можетъ, со временемъ въ созерцаніи извѣстныхъ пейзажей откроютъ источникъ многихъ великихъ идей, управляющихъ міромъ, на примѣръ, источникъ патріотизма. Пейзажъ является дѣйствительно любимымъ лицомъ матери-родины, которую иначе мы должны бы были представлять себѣ въ видѣ холодной абстракціи, или въ видѣ какой-нибудь тяжелой каменной женщины, какъ та, которая стоитъ на площади Согласія. Когда мы думаемъ о родинѣ, мы не думаемъ о собра-

ни черныхъ плѣшивыхъ людей, жестикулирующихъ подъ газовыми рожками парламента, или пишущихъ за рѣшетками присутственныхъ мѣстъ; мы думаемъ о причудливыхъ очертаніяхъ горъ, о быстрыхъ волнахъ рѣкъ, о прозрачныхъ водахъ голубыхъ заливовъ, о холмахъ, покрытыхъ полями, изрѣзанныхъ бороздами, о деревняхъ, разсѣянныхъ по дорогамъ, о столбахъ дыма, поднимающихся вечерами въ городахъ къ небесной лазури... И чѣмъ прекраснѣе будетъ это представленіе, тѣмъ больше будемъ мы любить нашу родину. Шотландецъ, напримеръ, страстно любитъ свою, такъ какъ характерная особенность шотландскаго пейзажа въ отличіе отъ всѣхъ другихъ странъ Сѣверной Европы заключается въ своеобразной оригинальности его чертъ. Одинъ рядъ холмовъ по берегу французской рѣки совершенно похожъ на другой; одинъ поворотъ долины въ Черномъ Лѣсу повторяетъ съ буквальной точностью другой. Но на всемъ протяженіи Твида, Тевіо, Гала, Тей, Форта и Кляйда нѣтъ, быть можетъ, ни одного уголка долины, ни одного мѣстечка равнины, который его обитатели не могли бы отличить отъ другого. Нѣтъ другой страны, гдѣ корни воспоминаній до такой степени срослись бы съ красотой родины, а не съ тщеславіемъ людей. А въ такомъ случаѣ естественно, что эта красота должна служить главнымъ предметомъ заботливости патріота, также какъ она была его главной воспитательницей. Безполезно заботиться о сохраненіи идеи родины, если не заботиться о сохраненіи любимаго лица родины. Посѣвы каменныхъ статуй не дадутъ урожая людей. Тутъ нужно заботливое вниманіе къ необточеннымъ камнямъ родной земли, — «нація только тогда достойна той страны и тѣхъ картинъ природы, которые она унаслѣдовала, когда она своими поступками и своими искусствами стремится сдѣлать ихъ еще болѣе прекрасными для своихъ дѣтей!»

§ 3.

Наконецъ, изучивъ дѣйствіе природы и красоты на человѣческую душу, вы подымаетесь выше къ вопросамъ о первопричинахъ этой природы и этой красоты, и тутъ тоже продолжается эстетическое изслѣдованіе. И ни одинъ изъ великихъ вопросовъ, касающихся души, не можетъ быть разрѣшенъ безъ помощи этой науки, область которой составляетъ душа, ни одинъ безъ помощи этого высшаго инстинкта.

Безполезно составлять какую бы то ни было теорію о мірѣ, о его законахъ, о его происхожденіи и судьбахъ, если эта теорія, даже удовлетворяя нашъ разумъ, будетъ оскорблять наше эстетическое чувство, если все наше существо будетъ страстно протестовать противъ нея. Если, напримеръ, намъ говорятъ объ эволюціонномъ прогрессѣ, пусть намъ покажутъ *Тезея* въ Пареннопѣ и объяснятъ, почему этотъ славный и безсмертный остатокъ свидѣтельствуетъ о существованіи

того, что Тэнъ назвалъ однажды «человѣчествомъ, богѣе удавленнымъ, чѣмъ наше». И показывая намъ извѣстную греко-этрусскую колесницу Деметры, колеса которой сдѣланы изъ дикихъ розъ, пусть намъ скажутъ, чего, кромѣ запаха, не хватаетъ этимъ розамъ для сходства съ розами дикорастущими на холмахъ Брантвуда. Конечно, это ничтожные вопросы для ученаго! Развѣ у него есть время всматриваться въ глаза статуи или опускать свои глаза на розы? Но тѣхъ, у кого хватаетъ на это времени, такого рода вопросы очень занимаютъ. «Для художника основнымъ качествомъ каждой вещи является форма и цвѣтъ и никакой философъ не можетъ помѣшать этому. Онъ говоритъ, напри- мѣръ, что самоваръ развиваетъ столько же тепла или движенія, или тепловой энергіи, или какъ бы они это ни называли, сколько и орелъ. Прекрасно. Это точно и весьма интересно. Нужно затратить столько же тепла, чтобы вскипятить самоваръ, какъ чтобы поднять орла на воздухъ или бросить его на зайца, на куропатку; но мы художники, зная о сходствѣ, о тожествѣ даже птицы и самовара съ научной точки зрѣнія, мы интересуемся, главнымъ образомъ, различіемъ ихъ формъ. Для насъ важнѣе знать, что у самовара — кранъ, а у орла — клювъ, что у одного на спинѣ крышка, а у другого — крылья.

Мы рассматриваемъ эти крылья, замѣчаемъ у разныхъ породъ птицъ столько различныхъ родовъ красоты, наблюдаемъ окраску перьевъ, вызывающую въ насъ невольно то грустныя, то веселыя чувства, смотримъ на пролетающаго снигиря... въ эту минуту не обращайтесь къ намъ съ вашими объясненіями, которыя объясняютъ все, кромѣ ихъ красоты и убиваютъ производимое ими очарованіе—единственную вещь, которую мы хотѣли бы сохранить.

Дарвинъ былъ великій умъ и мы обязаны ему многими правильными понятіями относительно того, что онъ видѣлъ; но все ли онъ видѣлъ? «Обычный способъ заключеній въ его системѣ мы можемъ изобразить довольно правильно слѣдующимъ образомъ: представьте себѣ, что вы привязали головную щетку къ мельничному колесу ручкой впередъ, такимъ образомъ, что она вытягивается какъ шея, она двигается все время въ одномъ направленіи и слышитъ постоянно паровой свистокъ; и вотъ, послѣ извѣстнаго количества поворотовъ, головная щетка влюбляется въ свистокъ; они женятся, кладутъ яйцо, а изъ яйца вылупляется соловей!» Это объясненіе красоты, конечно, нѣсколько утрированное, не слишкомъ сильно отличается отъ тѣхъ объясненій, которыя обыкновенно съ важностью преподносятъ намъ ученые. «Послѣдователи эволюціонной теоріи, говорятъ, напри- мѣръ, что куропатки становятся коричневыми, оттого что смотрятъ на солому, чайки становятся бѣлыми, оттого что смотрятъ на пѣну волнъ, а галки на старыхъ соборахъ становятся черными оттого, вѣроятно, что смотрятъ на пасторовъ». Но на ряду съ этими гипотезами можно отмѣ- тить, что перья у хищныхъ птицъ, обыкновенно темныхъ цвѣтовъ, и

наоборотъ они очень ярки, когда представляютъ собой какъ бы уборъ созданный для нашихъ глазъ. «Никогда не бываетъ орловъ радужнаго цвѣта или пурпурныхъ и золотыхъ чаетъ, между тѣмъ какъ большая часть ярко окрашенныхъ птицъ: попугаи, фазаны, колибри представляются созданными намѣренно для удовольствія людей. Пусть спорять относительно слова «намѣренно», это не важно. Дѣло отъ этого не измѣнится».

Итакъ если вы имѣете намѣреніе какъ нибудь объяснить намъ создание птицъ или какихъ нибудь другихъ живыхъ существъ, не забудьте эстетическую сторону вопроса: «Останавливайтесь прежде всего на формѣ и признавайте ее отличною отъ простого перехода силъ. Отличайте руку горшечника, которая творитъ, глѣня глину, отъ его ноги, которая только бьетъ, вертя колесо. Удивительно, какъ скоро при помощи формы вы обгоните философовъ»: эстетическій инстинктъ дѣйствуетъ посредствомъ синтеза, а «современная философія великая мастерица разлагать. Она представляетъ собой не болѣе, какъ развитіе великаго положенія: «Отсюда слѣдуетъ, что все прекрасное можно найти въ словаряхъ. Нужно только извѣстнымъ образомъ расположить слова». Но кромѣ способности располагать слова, есть еще одна сила, которую мы, художники, называемъ «страстью»,—я не знаю, какъ называютъ ее философы, — мы знаемъ, что она способна дѣлать людей красными и блѣдными, и слѣдовательно она сама по себѣ составляетъ нѣчто, а, быть можетъ, она и есть истинный поэтический двигатель всего, творящій міръ изъ самого себя, изъ взгляда, изъ вздоха, а отсутствіе страсти и есть истинная смерть, разрушительница всего, даже камней.

Силой этой обладаетъ художникъ; въ этомъ мы не можемъ ошибиться. «Я могу положительно увѣрить васъ, что въ моей скромной области подражательнаго искусства всѣ механическія силы міра, всѣ законы вселенной не сдѣлаютъ васъ способнымъ увидѣть хоть одинъ цвѣтъ, нарисовать хоть одну линію, если вы не обладаете этой особой силой, называвшейся въ старое время *душой*». Власть случая очень велика, но она чужда художественности; мы можемъ, пожалуй, вообразить себѣ часы безъ часовщика, но намъ очень трудно любоваться картиной художника, отрицая въ то же время существованіе этого художника. Что касается ученыхъ, то они не испытываютъ подобнаго затрудненія: они не видятъ самой картины. Чѣмъ больше они разсуждаютъ объ эстетической сторонѣ природы, тѣмъ больше они доказываютъ этими самыми разсужденіями, что они ея совсѣмъ не видѣли. Когда они пытаются объяснить прекрасное полезнымъ, «они въ ослѣпленіи безпримѣрной гордости напоминаютъ древесныхъ червей, забравшихся въ раму картины великаго художника. Они съ видомъ знатоковъ смакуютъ дерево, но, добравшись до краски, находятъ ее невкусной и объявляютъ, что эта комбинація, которой они не искали и не желали,

*

представляет собой естественный результат дѣйствія молекулярныхъ силъ...» Но для того, кто любовался картиной, кто видѣлъ все счастье жизни въ ея нѣжныхъ тонахъ, гармоничныхъ и сильныхъ, кто любилъ ее съ юношеской страстью, кто пытался воспроизводить ее въ точныхъ, но недостойныхъ ея снимкахъ, кто страдалъ, когда она отъ чего-нибудь тускнѣла, и плакалъ отъ радости, когда ей возвращалась ея первоначальная чистота, для того вопросъ о созданіи не кажется такимъ простымъ, что его можно объяснить измѣняемостью видовъ,—для того не все еще сказано въ теченіе тѣхъ шести тысячъ лѣтъ, когда живутъ и думаютъ люди!

«Эстетическая сторона взаимоотношенія видовъ не зависитъ отъ ихъ происхожденія, а именно она то насъ и интересуется... Для насъ цвѣтокъ представляетъ собою настоящую цѣль сѣмени, а не сѣмя—цѣль цвѣтка. Смыслъ существованія сѣмянъ заключается въ томъ, чтобы могли быть цвѣты, а смыслъ существованія цвѣтовъ никакъ не въ томъ, чтобы были сѣмяна. Цвѣтокъ есть то твореніе, которое создаетъ Духъ. Способность давать жизнь тому, что за нимъ слѣдуетъ, составляетъ лишь одинъ изъ элементовъ его совершенства. По отношенію къ цвѣтку, надо главнымъ образомъ отмѣтить то, что онъ составляетъ часть растенія, развивающуюся въ моментъ высшаго напряженія жизнедѣятельности растенія, и это внутреннее нарастаніе страсти выражается снаружи появленіемъ двухъ или нѣсколькихъ основныхъ цвѣтовъ. Характеръ цвѣтка зависитъ всецѣло отъ части растенія, на которой проявится это нарастаніе страсти. Иногда жизнь сосредоточивается въ его наружномъ влагалищѣ и тогда наружное влагалище становится бѣлымъ, чистымъ, исполненнымъ силы и стройности. Иногда жизнь заключена въ листикахъ прицвѣтника и они становятся красными или пурпурными. Иногда жизнь заключена въ стебелькахъ цвѣтка и они окрашиваются въ голубой цвѣтъ; иногда во вѣшней чашечкѣ цвѣтка, и еще чаще во внутренней. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ присутствіе самой интенсивной жизни проявляется такими признаками, которые доставляютъ удовольствіе человѣческому взору, и представляются созданными по отношенію къ намъ преднамѣренно,—или, лучше сказать, представляютъ въ своемъ совершенствѣ явное доказательство того, что они были созданы силою Духа, подобнаго нашему... «...И замѣтите себѣ разъ навсегда, по отношенію ко всѣмъ подраздѣленіямъ и свойствамъ растеній, что совершенно все равно, вслѣдствіе какого взаимодѣйствія обстоятельствъ и необходимостей, они постепенно развились. Это взаимодѣйствіе обстоятельствъ представляетъ само по себѣ высшій и необъяснимый фактъ. Въ послѣднемъ счетѣ мы приходимъ всегда къ основной причинѣ, управляющей и обстоятельствами и ихъ взаимодѣйствіемъ. Если вы спросите у обыкновеннаго ботаника о причинѣ формы листа, онъ скажетъ вамъ, что листъ—это «развернутая почка», а послѣдняя его форма зависитъ отъ направленія сосудистыхъ

волоконъ. Но что же направляетъ эти сосудистыя волокна? Онѣ стремятся къ тому, что имъ необходимо. Но что заставляетъ ихъ испытывать эту необходимость? Кто заставляетъ ихъ стремиться къ ней именно такимъ способомъ? Посредствомъ именно трехъ или именно пяти волоконъ? Почему они стремятся зигзагами или продолговатыми изгибами закручиваясь спиральными усиками или неудержимо вытягиваясь вверхъ? Что заставляетъ ихъ стремиться пушистыми или покрытыми иглами морщинами или блестящими зелеными поверхностями, исполненными чистой силы и прелести, которой не уничтожаетъ даже зима?

«Отвѣта нѣтъ. Но вотъ въ чемъ смыслъ всего предыдущаго: на всей поверхности земли и водъ подъ вліяніемъ силы воздуха и свѣта солнца рядъ измѣнчивыхъ формъ развился въ облака, въ растенія, въ животныя; всѣ эти формы по своей природѣ имѣютъ отношеніе къ человѣческому разуму, воспринимающему ихъ, и отпечатокъ ихъ наружнаго вида, то ужаснаго, то прекраснаго, ихъ свойства порождаютъ добро или зло, живетъ въ этомъ разумѣ, какъ рядъ миеовъ или глаголовъ творческой силы, которые люди, смотря по энергіи и страстности своей расы, заставляли служить выразителями религіи. Эту творческую силу всѣ народы или смѣшивали съ дыханіемъ воздуха, посредствомъ котораго она творитъ, или понимали, какъ творящій разумъ, исходящій отъ высшаго божества, но проникающій и вдохновляющій всѣ умы, дѣйствующіе въ гармоніи съ нимъ. И каковы бы ни были результаты, достигнутые въ наши дни теоріей, рассматривающей эту эманацию, какъ простое движеніе тѣлъ или частицъ,—всякое творческое человѣческое искусство и всѣ лучшія представленія о счастіи и строѣ человѣчества покоились на признаніи тайны его (которая несомнѣнна) и личнаго начала въ немъ».

Здѣсь проповѣдникъ красоты останавливается. Для тѣхъ, кто любитъ природу, онъ сказалъ довольно; для тѣхъ, кто не любитъ ея,—слишкомъ много. Тѣмъ не менѣе его нельзя упрекнуть ни въ предвзятомъ мнѣніи, ни въ догматизмѣ... Слѣдствіемъ этого не явилось отреченіе во имя матеріализма отъ свободы собственной эстетической мысли и преклоненіе передъ «высокомѣріемъ науки». Передъ дверями лабораторій онъ не покидалъ скептицизма. Онъ не допускалъ, чтобы наука, отдѣлялась отъ тѣхъ вопросовъ, какіе онъ ей ставилъ, отрицая ихъ или умаляя ихъ значеніе. Въ разцвѣтѣ славы, еще полный здоровья и силъ, передъ наступленіемъ вечерней зари жизни онъ снова вернулся къ природѣ и нашелъ ея красоту, если не ея силы, все также необъясненной. Эту красоту онъ всегда считалъ великой вдохновительницей человѣческихъ дѣйствій, высшей радостью и вѣчнымъ закономъ. Поэтому необходимо объяснить ее, или, если объяснить нельзя, то признать, что самая важная часть нашей жизни—созерцательная жизнь—облечена тайной. Безъ шума, но рѣшительно онъ открываетъ двери неизвѣстнаго, которыя наука пытается закрыть, и показываетъ, что наука.

какъ нѣчто единое, не существуетъ, но есть рядъ различныхъ наукъ; одна изъ нихъ, на примѣръ, настолько отстала, что почти неизвѣстна и даже не опредѣлена точно, а между тѣмъ она должна существовать, такъ какъ ея объектъ играетъ большую роль въ томъ, что насъ создало, и въ томъ, что мы создаемъ. Ему представляется несомнѣннымъ, что вопросъ, который онъ ставитъ, неразрѣшевъ, и что между небомъ и землей заключено дѣйствительно больше эстетики, чѣмъ признаютъ наши философскія школы...

Итакъ онъ возвращается къ Богу своей юности потому, что онъ даетъ объясненіе красотѣ, а философія объясняетъ только безобразіе. Христосъ представляется ему Высочайшимъ Художникомъ, работающимъ Своими руками надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать болѣе прекраснымъ жилище людей; это Садовникъ, встрѣченный Магдалиной, заботливо оберегающій вновь рожденные пѣты; это искусный Ткачъ, изготовляющій одѣяніе полевыхъ лилій, болѣе прекрасное, чѣмъ одежда Соломона; это Виноградарь въ Канѣ, который и до сихъ поръ въ каждой грозди винограда превращаетъ въ вино воды земли и неба. Онъ воскрешаетъ все весной, Онъ наполяетъ жаждущихъ, опускаясь съ высокихъ горъ. Онъ—это красота; это—любовь. Нечего удивляться, что поклонникъ прекраснаго, является въ то же время и Его поклонникомъ; и достигнувъ заката жизни, въ сентябрѣ 1888 г., составляя свое духовное завѣщаніе и собирая въ одинъ фокусъ всѣ свои истины, какъ солнце передъ тѣмъ, какъ исчезнуть, сзываетъ всѣ свои лучи, которые расточало въ теченіе дня,—Рёскинъ говоритъ такъ:

«И теперь, оканчивая въ безоблачномъ покоѣ свѣговъ Шамуни ту книгу, которую внушила ихъ красота и направляла ихъ сила, я чувствую себя болѣе счастливымъ и болѣе спокойнымъ, чѣмъ когда бы то ни было раньше, способнымъ исповѣдывать мой простой догматъ, что знаніе прекраснаго есть истинный путь первая ступень къ познанію вещей хорошихъ и полезныхъ, и что законы, жизнь и радость красоты въ матеріальномъ Божьемъ мірѣ составляютъ такую же вѣчную и священную часть творенія, какъ въ мірѣ духовномъ—добродѣтель, а въ мірѣ ангеловъ—Богочитаніе».

(Продолженіе слѣдуетъ).

УЧЕНИЕ О ЛОКАЛИЗАЦИИ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ.

(История и современное состояние).

Проф. Г. Челпанова.

Статья I.

Въ настоящей статьѣ я предполагаю разсмотрѣть вопросъ, имѣющій огромную важность для опредѣленія отношенія между психическими и физическими явлениями — именно вопросъ о такъ называемой *локализации умственныхъ способностей*.

Этотъ вопросъ въ настоящее время часто получаетъ толкованіе, возможное только при матеріалистическомъ пониманіи психическихъ явленій, и даже многіе видятъ въ этомъ ученіи опору для самой матеріалистической доктрины, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности тѣ эмпирическія данныя, на которыхъ строится это ученіе, совсѣмъ не даютъ намъ права на такое толкованіе.

Многіе думаютъ, что въ физиологій въ настоящее время доказано, что различныя психическія явленія совершаются въ опредѣленныхъ частяхъ мозга, что они тамъ имѣютъ свое мѣстопробываніе, что, напр., такая психическая способность, какъ «память на слова» находится въ одной части мозга, а, напр., «математическія способности» находятся въ какихъ-нибудь другихъ частяхъ его.

Многимъ представляется, что «мѣста» этихъ способностей физиологіей точно опредѣлены, что еще большей точности можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ и что успѣхи физиологій въ этомъ отношеніи имѣютъ огромное принципиальное значеніе, такъ какъ они приводятъ къ заключенію, что собственно психологій, какъ особой науки о душевныхъ явленіяхъ, нѣтъ.

Сторонники этого взгляда разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ. Всѣ тѣ психическія способности, о которыхъ говоритъ психологія, представляютъ нѣчто не осязательное, неуловимое, нѣчто такое, чего нельзя подвергнуть тщательному изслѣдованію. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится физиологія: предметъ ея изслѣдованія, мозгъ и его функціи, можно подвергнуть самому тщательному изслѣдованію. Поэтому, если физиологъ въ состояніи указать, въ какой части мозга, какія психи-

ческія способности локализуются, какія *фізіологическія* процессы лежатъ въ основаніи тѣхъ или иныхъ психическихъ процессовъ, то въ сущности роль психологіи, какъ особой науки о психическихъ явленіяхъ, дѣлается совершенно излишней. Путемъ изслѣдованія строенія и функцій мозга можно гораздо лучше изучить психическія явленія, чѣмъ при помощи самонаблюденія или «внутренняго опыта», какъ это рекомендуютъ психологи. Психическія явленія суть собственно *фізіологическіе* процессы, совершающіяся въ мозгу: поэтому, слѣдуетъ признать, что *психологія на самомъ дѣлѣ есть только часть мозговой фізіологіи*, что психологію долженъ собственно разрабатывать не психологъ, а *фізіологъ*.

Я считаю все это разсужденіе совершенно неправильнымъ. Я считаю, прежде всего, неправильнымъ тотъ взглядъ, что будто бы *фізіологическіе* процессы намъ извѣстны гораздо лучше, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ *психическіе*. Въ дѣйствительности, современные приемы анатоми-фізіологическихъ изслѣдованій нервной системы до такой степени несовершенны и даже грубы, что достигаемые ими результаты далеко не соотвѣтствуютъ по точности результатамъ, получаемымъ при помощи тѣхъ приемовъ, которые имѣетъ въ своемъ распоряженіи современная психологія. Въ дѣйствительности мы *знаемъ несравненно точнѣе психическіе факты, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ фізіологическіе*, а потому часто можемъ довольствоваться только психологическимъ изслѣдованіемъ, а на *фізіологическія* изслѣдованія смотрѣть, только какъ на вспомогательныя и не имѣющія рѣшающаго значенія.

Никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ взглядомъ, что будто бы *фізіологическимъ* ученіемъ о локализациі умственныхъ способностей исчерпывается содержаніе психологіи. Въ дѣйствительности, само *фізіологическое* ученіе о локализациі умственныхъ способностей невозможно безъ психологіи. *Фізіологъ*, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію локализациі умственныхъ способностей, прежде чѣмъ опредѣлять, въ какой части мозга находится способность «памяти», «воображенія», «способность зрительнаго воспріятія» и т. п., долженъ знать, что онъ обозначаетъ при помощи словъ: память, воображеніе и т. п., а это онъ можетъ знать только изъ внутренняго опыта, того приема, который является характернымъ для психологіи. Нужно предварительно установить при помощи психологіи отношеніе между умственными способностями, и только послѣ этого изслѣдовать, какія существуютъ *фізіологическія* отправленія въ мозгу, которыя соотвѣтствуютъ процессамъ, извѣстнымъ намъ изъ психологіи. Слѣдовательно нужно поступать какъ разъ наоборотъ: *отъ психологіи переходитъ къ фізіологіи, а не фізіологическимъ путемъ открывать законы психическихъ явленій*.

Я вовсе не считаю также правильнымъ возвращенія тѣхъ, которые думаютъ, что психологіи, какъ самостоятельной науки, нѣтъ и быть не можетъ. Я думаю, что тѣ, которые поставляютъ вопросъ, «кому

разрабатывать психологию?» *) и отвѣчают на него, что «психологию долженъ разрабатывать физиологъ», вовсе этимъ не разрѣшаютъ вопроса въ томъ смыслѣ, что *психологія* есть часть физиологіи. Если бы даже согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что психологию долженъ разрабатывать физиологъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что психологія есть часть физиологіи.

Но и съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Въ настоящее время между философами прочно установился взглядъ, что психологія представляетъ изъ себя такую энциклопедическую науку, что разрабатывать ее представителю одной науки было бы невозможно. Есть въ психологіи отдѣлы, которые съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ разрабатывать ученый съ специально философскимъ образованіемъ. Точно такимъ же образомъ есть отдѣлы, которые съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ разрабатывать физиологъ, и изъ того, что психологія нуждается въ помощи физиологіи, совсѣмъ не слѣдуетъ, что психологія есть часть физиологіи. Отношеніе между физиологіей и психологіей можно сравнить съ отношеніемъ, которое существуетъ между физикой и математикой. Есть отдѣлы въ физикѣ, которые безъ математики разрабатываемы быть не могутъ, но тѣмъ не менѣе никто не скажетъ, что физика есть математика; совершенно то же нужно сказать о психологіи въ ея отношеніи къ физиологіи. Физиологическія изслѣдованія весьма часто являются важнымъ вспомогательнымъ средствомъ для психологическихъ изслѣдованій, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что психологія есть часть физиологіи.

Когда говорятъ объ учении о локализациі умственныхъ способностей, то обыкновенно предполагается само собою понятнымъ, что психическія явленія или наши мысли совершаются въ мозгу, что онѣ тамъ имѣютъ свое мѣстопребываніе, или, какъ нѣкоторые выражаются, имѣютъ тамъ свое сѣдалище. Но такъ ли это? Можно ли даже выражаться такимъ образомъ? Можно ли, съ строго научной точки зрѣнія, сказать, что *мысли находятся въ мозгу*. Среди философовъ господствуетъ взглядъ, что даже такъ выражаться нельзя. Напр., нѣмецкій философъ *Паульсенъ*, пользующійся въ настоящее время громадной извѣстностью, высказался по этому вопросу слѣдующимъ образомъ: «Не можетъ быть и рѣчи о сѣдалищѣ души въ смыслѣ пространства или мѣста въ пространствѣ, въ которомъ она находится. Въ пространствѣ находятся тѣла и происходятъ движенія, но не явленія сознанія: не имѣетъ никакого смысла сказать: смыслъ или чувство находятся здѣсь или тамъ... *Мысли не находятся въ мозгу*: можно одинаково хорошо сказать, что онѣ находятся въ желудкѣ или на лунѣ. Одно не болѣе

*) См. статью проф. *Смеченова*: «Кому и какъ разрабатывать психологию?» въ «Психологическихъ этюдахъ». Спб., 1873.

несообразно, чѣмъ другое. Въ мозгу совершаются фізіологическіе процессы и ничего другого *)).

На этотъ взглядъ Паульсена извѣстный нѣмецкій психіатръ *Флексигъ*, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе въ своей книгѣ: «Мозгъ и Душа». Онъ выражаетъ неудовольствіе по тому поводу, что «еще и теперь многочисленные философы-психологи осуждаютъ внутреннее обоснованіе, логическое построеніе медицинскаго ученія о душѣ, что диалектикъ еще и теперь съ состраданіемъ смотритъ на того изслѣдователя, который старается указать душѣ особое сѣдалище въ тѣлѣ». Далѣе онъ говоритъ:—«То обстоятельство, что *мышленіе совершается въ мозгу*, есть убѣжденіе очень большого числа душевно-здоровыхъ, способствовавшихъ расширенію человѣческаго познанія, людей. Между тѣмъ, какъ до сихъ поръ я только отъ сумасшедшихъ и слабоумныхъ слышалъ, что ихъ душа попала въ желудокъ, или на луну, или на Сиріусъ» **). Такой способъ возраженія ясно показываетъ, какія обостренныя отношенія существуютъ между философами и фізіологами по вопросу о мѣстопребываніи души.

Я въ этомъ вопросѣ становлюсь на сторону Паульсена и утверждаю, что мысли не совершаются въ мозгу, что мозгъ не есть мѣстопребываніе мысли, что о мысли нельзя говорить, что она находится гдѣ-то въ мозгу, такъ какъ она, будучи непротяженной, не можетъ находиться *идъ би то ни было* въ пространствѣ. Это было бы тѣмъ, что называется *contradictio in adjecto*.

Я знаю, что этотъ взглядъ будетъ признанъ «метафизическимъ», совершенно не научнымъ, и потому слѣшу замѣтить, что такое мнѣніе было бы ошибочно, что на самомъ дѣлѣ защищаемый мною взглядъ чисто эмпирической и можетъ быть признаваемъ самими крайними противниками метафизики; такъ, напр., у *Авенариуса*, одного изъ очень видныхъ представителей современнаго позитивизма, въ его книгѣ: «*Der Menschliche Weltbegriff*» мы находимъ тотъ же взглядъ. По его мнѣнію, нельзя сказать, что «мозгъ имѣетъ мысль», потому что, если мы станемъ доискиваться до смысла слова «имѣть», то мы легко увидимъ, что оно обозначаетъ принадлежность какому либо цѣлому, какъ часть или свойство, а вѣдь это неприложимо къ мозгу. Мозгъ имѣетъ гангліиныя клѣтки и нервныя волокна, имѣетъ нейроглию и сосуды, имѣетъ различную окраску, но даже самое тонкое анатомическое разложеніе не можетъ показать, что мышленіе есть часть или свойство мозга. «*Мозгъ не есть мѣстопребываніе, сѣдалище мышленія. Мышленіе не есть обитатель мозга, но въ то же время не есть продуктъ, фізіологическая функція или вообще состояніе мозга*» ***).

*) См. его введеніе въ философію М. 1894, стр. 137. *Einleitung in die Philosophie* 1893; въ 1899 году вышло уже 5-е изд.

**) *Flehsig. Gehirn und Seele* 2-е изд. 1896, стр. 10, прим. 2-е стр. 37.

***) *Avenarius. Der menschliche Weltbegriff* стр. 75—6.

Такимъ образомъ ясно, что можно быть противникомъ метафизики и въ то же время не признавать, что мысль находится гдѣ-то въ мозгу.

Гдѣ же въ нашемъ тѣлѣ находится душа? Рассмотримъ отвѣты на этотъ вопросъ различныхъ философовъ. Начнемъ съ древнѣйшихъ временъ.

Если бы кто-нибудь поставилъ мнѣ въ упрекъ, что я этотъ вопросъ рассматриваю исторически, и замѣтилъ бы мнѣ, что было бы вполне достаточно, еслибы я рассмотрѣлъ только современное состояніе его, что только это послѣднее представляетъ интересъ, что у старыхъ писателей нельзя по этому вопросу найти чего-либо существенно важнаго, то я на это смѣшу отвѣтить, что исторія вопроса въ данномъ случаѣ имѣетъ принципиальное значеніе, потому что она можетъ показать намъ ту связь, какая существуетъ между психологіей и фізіологическимъ ученіемъ о локализациі умственныхъ способностей.

Греческій философъ *Платонъ* (427—347 до Р. Хр.) думалъ, что душа состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть—это разумная душа или источникъ познанія, вторая часть—источникъ чувствъ и, наконецъ, третья часть—источникъ страстей и желаній.

Въ то время, какъ вторая и третья части помѣщаются въ животѣ, главная часть души, разумная, имѣетъ свое мѣсто въ головѣ, которую Платонъ поэтому называетъ «Акрополемъ тѣла»: находясь въ немъ, душа властвуетъ надъ тѣломъ.

Ученикъ Платона *Аристотель* (385—322) считалъ этотъ взглядъ несостоятельнымъ. По мнѣнію Аристотеля, мозгъ не можетъ служить мѣстопребываніемъ разумной части души, потому что онъ представляетъ изъ себя безкровный и холодный органъ. Мозгъ не можетъ быть носителемъ такой важной функціи, какъ мышленіе. По мнѣнію Аристотеля, мѣстопребываніемъ души является сердце, функція же мозга заключается лишь въ томъ, чтобы охлаждать сердце.

Изъ послѣдующихъ взглядовъ заслуживаетъ упоминанія ученіе одного изъ отцовъ церкви, *Немезія* (жилъ въ V вѣкѣ), который думалъ, что душа, состоящая изъ воздухообразнаго вещества, можетъ помѣщаться только лишь въ мозгу и именно въ такъ называемыхъ мозговыхъ желудочкахъ. (Мозговые желудочки—это углубленіе, находящееся внутри мозговыхъ полушарій). Немезій думалъ, что передніе желудочки являются мѣстопребываніемъ «фантазіи». «Память» имѣетъ своимъ мѣстопребываніемъ задніе желудочки, «мыслительныя же способности» находятся въ среднихъ желудочкахъ.

Въ схоластической философіи очень сильно затруднялись въ рѣшеніи вопроса о томъ, гдѣ и какъ въ человѣческомъ тѣлѣ помѣщается душа. Философы этого періода знали, что душа непротяженна, что она недѣлима, что поэтому было бы несообразно говорить о ея пространственной локализациі, съ другой стороны—они не могли не при-

знавать воздѣйствія души на тѣло и какъ бы нахожденія ея въ этомъ послѣднемъ и потому пришли къ слѣдующему оригинальному рѣшенію. Душа, по мнѣнію схоластиковъ, находится въ тѣлѣ, но не въ смыслѣ тѣлесности или пространственности, т. е. не такъ, какъ можетъ находиться въ тѣлѣ нѣчто тѣлесное и протяженное; при томъ душа во всемъ тѣлѣ находится какъ нѣчто цѣлое и въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла она находится одновременно цѣлой и нераздѣльной. Такимъ способомъ схоластики хотѣли примирить нераздѣльность и нематеріальность души съ нахожденіемъ ея въ тѣлѣ.

Своеобразное мѣстопробываніе для души указываетъ *Декартъ* (1596—1650). Психологическія возрѣвія Декарта сводятся къ тому, что душа есть нѣчто абсолютно отличное отъ матеріи. Матерія обладаетъ протяженностью, душа лишена этого свойства; она нематеріальна, непротяженна, а если она непротяженна, то не имѣетъ частей, недѣлима. Душа, по Декарту, едина и недѣлима. Нужно было найти органъ, въ которомъ можетъ помѣщаться душа, обладающая такими свойствами. Для разрѣшенія этой задачи онъ занимался специальными анатомо-физиологическими изслѣдованіями, и его познанія въ этой области были на столько обширны, что ему даже приписывается открытіе закона такъ называемыхъ рефлексивныхъ движеній.

Декартъ думалъ, что для души, которая была единой и нераздѣльной долженъ быть найденъ подходящий органъ. Такимъ, по его мнѣнію, могла быть только лишь такъ называемая шишковидная железа (*Glandula pinealis*), потому что это былъ единственный непарный органъ въ головѣ.

Декартъ предполагалъ, что парный или двойственный органъ не можетъ быть сидалищемъ для единой и нераздѣльной души. «Хотя душа,—говоритъ Декартъ,—соединена со всѣмъ тѣломъ, но есть въ тѣлѣ нѣкоторая часть, гдѣ душа въ особенности обнаруживаетъ свое дѣйствіе, не есть ни сердце, ни мозгъ, а маленькая железа, помѣщенная среди его массы». Это есть *glandula pinealis*.

Исканіе непарнаго органа для нераздѣльной души вполне определенно указываетъ на ту связь, которая существовала между психологическими и физиологическими возрѣвіями Декарта.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка господствовала психологія *Христиана Вольфа*, которую можно назвать «психологіей способностей», потому что она предполагала, что душа состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ способностей: памяти, воображенія, разума, разсудка и т. п. Каждая способность, по мнѣнію этой психологіи, имѣетъ какъ бы самостоятельное существованіе. Въ настоящее время въ психологіи существованія отдѣльныхъ способностей, независящихъ отъ отдѣльныхъ психическихъ состояній, никѣмъ не признается. Нельзя, напр., сказать, что есть какая-нибудь способность *вниманія*, которая находилась бы *вне* отдѣльныхъ представленій или чувствъ, которыя въ данную минуту представляются

нашему сознанию съ большей или меньшей отчетливостью и ясностью, вслѣдствіе чего мы и говоримъ, что мы направляемъ наше вниманіе на извѣстныя представленія или чувства. Нельзя сказать, чтобы вниманіе было что-нибудь такое что находилось бы *внѣ* этихъ представленій и чувствъ. Самое понятіе способности вниманія возникаетъ вслѣдствіе того, что мы одни представленія воспринимаемъ отчетливо и ясно, а другія нѣтъ. Мы обобщаемъ этотъ особенный характеръ процесса воспріятія и у насъ получается понятіе вниманія; но по большей части въ такихъ случаяхъ возникаетъ тенденція принимать, что вниманіе есть нѣчто, находящееся внѣ отдѣльныхъ представленій, но это совсѣмъ невѣрно. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ способностяхъ, памяти, воображеніи, разсужденіи и т. под. Психологи Вольфовской школы именно не замѣчали, что они простое отвлечение принимали за реальность.

Изъ этой «психологіи способностей» рождается новое фізіологическое ученіе о локализациі мозговыхъ способностей, принадлежащее Фридриху Галлю (1757—1828). Я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на ученіи Галля потому, что съ его именемъ связаны самыя превратныя взгляды. О немъ думаютъ, что онъ былъ просто какой то фантазеръ, строившій свои взгляды безъ всякихъ обоснованій. Въ дѣйствительности это невѣрно. Всякій, кто далъ бы себѣ трудъ ознакомиться съ его шеститомнымъ сочиненіемъ «*Sur les fonctions du cerveau*» *) могъ бы убѣдиться въ томъ, что это былъ ученый съ огромной, всесторонней эрудиціей, пытавшійся построить свою теорію на основаніи многочисленныхъ данныхъ, вообще ученый добросовѣстный. Если его ученіе оказалось совершенно несостоятельнымъ, то это произошло, какъ мнѣ кажется, не столько потому, что онъ пользовался недостаточно обоснованными данными, сколько потому, что онъ исходилъ изъ ложныхъ психологическихъ теорій. Кромѣ того, ученіе его заслуживаетъ вниманія и потому, что, какъ указывалъ Флексигъ, онъ первый обратилъ особенное вниманіе на значеніе мозговыхъ извилинъ, и что въ этомъ смыслѣ онъ является предшественникомъ современныхъ ученій о локализациі умственныхъ способностей. О немъ справедливо замѣтили, что его заслуги извѣстны только въ узкомъ кругу спеціалистовъ, между тѣмъ какъ ошибки его ученія сдѣлались чрезвычайно популярными.

Какъ извѣстно, по его ученію, называемому *френологіей*, та или другая психическая способность связана съ развитіемъ той или другой

*) Подробное заглавіе этого сочиненія:

«*Sur les fonctions du cerveau et sur celles de chacune de ses parties, avec des observations sur la possibilité de reconnaître les instincts, les penchants, les talents, ou les dispositions morales et intellectuelles des hommes et des animaux, par la configuration de leur cerveau et de leur tête.* Paris. 1822. То же сочиненіе вышло раньше въ 1804 г. подъ заглавіемъ: *Anatomie et Physiologie du système nerveux en général, et du cerveau en particulière.*»

мозговой извилины. Особое развитіе той или другой мозговой извилины отражается на очертаніяхъ черепа, оно производитъ тѣ или другія выпуклости на черепѣ, которыя и свидѣтельствуютъ о существованіи тѣхъ или другихъ психическихъ особенностей даннаго индивидуума.

Галль въ предисловіи къ своему сочиненію самъ рассказываетъ, какимъ образомъ онъ пришелъ къ открытію своей теоріи. Онъ воспитывался въ семьѣ, въ которой было очень много дѣтей и имѣлъ случай замѣтить, что всѣ они отличались какими-нибудь психическими особенностями, которыя, по его мнѣнію, происходили не отъ воспитанія, какъ думали многіе философы того времени, а изъ какихъ-либо *врожденных* особенностей, потому что, хотя дѣти воспитывались при одинаковыхъ условіяхъ, однако впоследствии обнаруживали особенности въ психической сферѣ. То же самое онъ замѣтилъ, наблюдая и психическую жизнь животныхъ. Животныя, воспитывающіяся при одинаковыхъ условіяхъ, обнаруживаютъ несомнѣнныя психическія особенности. Отъ чего же эти особенности зависятъ? По мнѣнію Галля, отъ *врожденной физической организаціи*, и именно отъ особенностей строенія центральной нервной системы.

Въ годы студенчества онъ имѣлъ случай замѣтить, что лица, имѣющія превосходную память, имѣютъ въ то же время большіе выпуклые глаза. Отсюда онъ сдѣлалъ предположеніе, что если память обнаруживается какимъ-нибудь внѣшнимъ фактомъ, то то же самое должно быть и по отношенію къ другимъ психическимъ способностямъ; если эта психическая способность связана съ тѣми или иными физиологическими особенностями, то всякая другая способность должна быть связана съ другими физиологическими особенностями.

Для рѣшенія этого вопроса онъ сталъ наблюдать различныхъ людей, обладающихъ какою-либо замѣчательною особенностью и старался подмѣтить, какія физиологическія особенности имъ сопутствуютъ, при чемъ изъ соображеній, на которыя было указано выше, онъ обращалъ особенное вниманіе на строеніе черепа. По его словамъ, онъ собралъ огромный матеріалъ. Онъ собиралъ факты въ школахъ и въ различныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, въ сиротскихъ домахъ, въ домахъ для душевно-больныхъ, въ исправительныхъ домахъ, въ тюрьмахъ и даже на мѣстахъ казни. Онъ произвелъ многочисленныя изслѣдованія надъ убійцами, надъ слабоумными; онъ разсматривалъ статуи и бюсты и слыхалъ съ историческими описаніями, и изъ этихъ-то данныхъ онъ пришелъ къ выводамъ, о которыхъ я сейчасъ скажу.

Но, приступая къ изслѣдованію, Галль исходилъ изъ слѣдующихъ психологическихъ соображеній. Онъ думалъ, что слѣдуетъ разрѣшить вопросъ о локализациіи не души, а психическихъ способностей, но не былъ согласенъ со взглядами тѣхъ философовъ, которые принимали ограниченное число способностей вродѣ памяти, воображенія, раз-

судка и т. под. Онъ думалъ, что такое дѣленіе души на нѣсколько способностей совершенно недостаточно.

Нельзя отличить одного человѣка отъ другого, если сказать, что у одного, напримѣръ, воля отличается въ томъ или въ другомъ отношеніи отъ воли другого. Для того, чтобы достигнуть этого, намъ нужно указать, какими частными особенностями одинъ индивидуумъ отличается отъ другого. Мы вполне можемъ характеризовать того или другого человѣка, если мы въ состояніи сказать о наличности у него такихъ способностей, какъ способности къ языкамъ, способности къ музыкѣ, постоянство и т. п.

Исходя изъ соображеній такого рода, Галь призналъ слѣдующія 27 способностей:

- I. Половой инстинктъ.
- II. Любовь къ дѣтямъ.
- III. Дружба, привязанность.
- IV. Инстинктъ самосохраненія, или мужество.
- V. Кровожадность или наклонность къ убійству.
- VI. Хитрость.
- VII. Чувство собственности.
- VIII. Гордость, высокомеріе.
- IX. Тщеславіе, славолубіе.
- X. Осторожность, предусмотрительность.
- XI. Память на предметы.
- XII. Чувство мѣстности.
- XIII. Память на личности.
- XIV. Память на слова.
- XV. Способность къ изученію языковъ.
- XVI. Способность къ живописи.
- XVII. Способность къ музыкѣ.
- XVIII. Способность къ ариметикѣ.
- XIX. Механическія способности.
- XX. Способность къ сравненію.
- XXI. Умъ метафизическій.
- XXII. Остроуміе.
- XXIII. Способность къ поэзіи.
- XXIV. Доброта, благожелательство, нравственное чувство, совѣсть.
- XXV. Способность къ подражанію.
- XXVI. Религіозное чувство.
- XXVII. Постоянство, твердость, упорство.

Я позволю себѣ привести изъ его сочиненій сообщеніе о томъ, какимъ образомъ онъ приходилъ къ открытію органовъ только что приведенныхъ способностей, чтобы читатели могли получить представленіе о тѣхъ пріемахъ изслѣдованій, какими онъ пользовался.

Любовь къ дѣтямъ локализуется въ той части мозга, которая производитъ выпуклость въ черепѣ, обозначенной знакомъ II (см. рис.).

Галль сравнивалъ многочисленныя черепа женщинъ и мужчинъ и нашелъ, что первые отличаются отъ вторыхъ значительнымъ развитіемъ именно этой части черепа. По мнѣнію Галля, это происходитъ оттого, что у женщинъ болѣе развито чувство любви къ дѣтямъ. Это соображеніе подтверждается тѣмъ, что у обезьянъ, которыя также отличаются особенной любовью къ дѣтямъ, эта часть черепа обнаруживаетъ значительную выпуклость *).

Исслѣдуя черепъ одной женщины, которая была извѣстна какъ образецъ привязанности (*modèle de l'amitié*), онъ замѣтилъ у нея выпуклость той части черепа, которая на рисункѣ обозначена цифрой III.

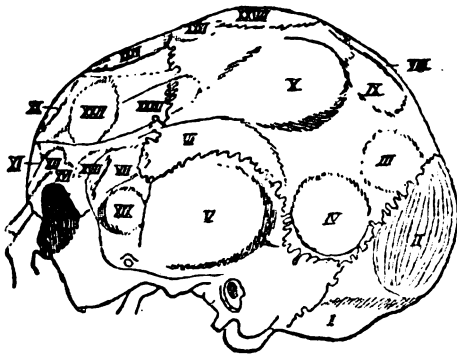

Рис. 1.

Этотъ признакъ, по его мнѣнію доказываетъ наличие чувства привязанности у даннаго индивидуума. Это соображеніе подтверждается тѣмъ, что у животныхъ, которыя способны къ особенной привязанности, какъ, напримѣръ, у собакъ, эта часть черепа особенно развита **).

Изучая черепъ одного душевно-больнаго, который страдалъ маніей величія, онъ замѣтилъ особенную выпуклость черепа, обозначенную цифрой IX. Онъ полагаетъ, что это есть органъ *тщеславія* и подтверждаетъ свой взглядъ тѣмъ, что обезьяны которыя обнаруживаютъ тщеславіе въ стремленіи себя украшать, имѣютъ на черепахъ въ этомъ мѣстѣ ту же характерную выпуклость ***).

Укажу еще на органъ «религіознаго чувства», какъ его представлялъ себѣ Галль. Для того, чтобы опредѣлить этотъ органъ, Галль

*) Ук. соч. т. III, стр. 415—419.

***) Ук. соч. т. III, стр. 473 и д. «Cette region est également plus large et plus bombée chez les animaux susceptibles d'un grand attachement, que chez les autres. Le crâne du chien est particulièrement remarquable à cet égard.» стр. 495—6.

***) Т. IV, стр. 311.

изслѣдовалъ форму головъ тѣхъ лицъ, которыя отличались своею набожностью. Онъ посѣщалъ церкви и при этомъ наблюдалъ головы тѣхъ, которые молились наиболѣе усердно. Въ этихъ наблюденіяхъ онъ замѣтилъ, что въ черепахъ ихъ есть выпуклость въ той части, которая обозначена на рисунокѣ цифрою XXVII *) Чтобы подтвердить это наблюдение, онъ предпринялъ цѣлый рядъ изслѣдованій надъ монахами, проповѣдниками и т. п. Кромѣ того, онъ сличилъ многочисленные портреты историческихъ личностей, и отличавшихся особеннымъ развитіемъ религіознаго чувства: Константина Великаго, Антонина Пія, Марка Аврелія, Іоанна Златоуста, Игнатія Лойолы, Людовика XIII и др. и у всѣхъ у нихъ онъ нашелъ подтвержденіе своей теоріи. Между прочимъ, оказалось, что голова атеиста Спинозы характерно отличается отъ формы головы людей религіозныхъ отсутствіемъ указанного возвышенія **).

Такимъ образомъ, по теоріи Галля, тѣ или другія психическія способности связаны съ опредѣленными измѣненіями мозговыхъ извилинъ, каковое измѣненіе отражается на очертаніяхъ черепа. Благодаря этому обстоятельству, мы можемъ даже при взглядѣ на черепъ опредѣлить, какія психическія способности присущи данному индивидууму.

Это ученіе было дискредитировано на первыхъ же порахъ появленія, во первыхъ, тѣмъ, что многіе воспользовались имъ для тѣхъ же цѣлей, для какихъ существовала астрологія и гороскопія, т. е. для угадыванія судьбы человѣческой и т. под.; во вторыхъ, послѣдователи Галля увеличили ошибки своего учителя. Одинъ изъ его учениковъ на черепѣ гуся показывалъ признаки 29 способностей и въ томъ числѣ способности къ музыкѣ. Другой изъ его послѣдователей число способностей довелъ до 63-хъ.

Если бы мы спросили о причинахъ неудачи системы Галля, то мы должны были бы сказать, что хотя онъ и слѣдовалъ естественно научному методу при собираніи фактовъ и наблюденій, но при этомъ онъ очень поспѣшно обобщалъ. Главная же ошибка его состояла въ томъ, что онъ исходилъ изъ ложной психологической теоріи способностей. Если бы вмѣсто того, чтобы пользоваться ходячими теоріями популярной психологіи, Галль воспользовался указаніями научной психологіи своего времени, то едва ли бы онъ пришелъ къ такимъ ложнымъ результатамъ.

Теорія Галля еще при жизни его была опровергнута эксперимен-

*) Въ этихъ наблюденіяхъ ему благоприятствовало то обстоятельство, что большинство набожныхъ людей, которыхъ наблюдалъ Галль, были плѣшивы. Je fus frappé d'abord de la circonstance que les devots les plus fervent que j'avais vus étaient presque toujours chauves.

***) Combien toutes ces têtes élevées diffèrent de la tête aplatie du haut de l'athée Spinoza?

тальными изслѣдованіями *Флуранса*, знаменитаго французскаго фізіолога *).

Онъ производилъ изслѣдованія такимъ образомъ, что удалялъ тѣ или другія части мозга, чтобы опредѣлить, каковы будутъ послѣдствія этого удаленія. Такъ, напр., онъ взялъ курицу, у которой удалилъ оба мозговыхъ полушарія. Не взирая на это, курица прожила еще 10 мѣсяцевъ, и наблюденія надъ этой курицей безъ мозговыхъ полушарій привели *Флуранса* къ слѣдующимъ результатамъ. «Какъ только я лишилъ ее обоихъ полушарій, она тотчасъ же лишилась зрѣнія въ обоихъ глазахъ. Она уже не слышала, не подавала никакого знака воли, но держалась крѣпко на ногахъ. Она начинала ходить, когда ее толкали. Она летала, когда ее бросали на воздухъ. Она проглатывала воду, когда ее лили ей въ клювъ. Она не приходила въ движеніе, если ея не возбуждали. Если ее ставили на лапки, то она оставалась въ такомъ положеніи. Когда ее клали на животъ, т. е. въ такое положеніе, въ какомъ куры находятся, когда онѣ спятъ или отдыхаютъ, то она оставалась въ томъ же положеніи. По большей части она находилась въ состояніи сонливости, которое не могли прервать ни шумъ, ни свѣтъ, а только лишь непосредственныя возбужденія, какъ напр., щипки, удары, уколы».

Это было въ первый день послѣ операціи, но то же самое повторяется во все послѣдующее время.

Флурансъ оставлялъ ее голодать почти до 3-хъ дней, затѣмъ подносить пищу къ самымъ ноздрямъ, погружаетъ ея клювъ въ зерна, кладетъ зерна на клювъ, погружаетъ клювъ въ воду, кладетъ ее, наконецъ, въ кучу зеренъ. Она не получила никакого обонятельнаго ощущенія, она ничего не проглотила, ничего не выпила, она оставалась неподвижной на кучѣ пшеницы и, конечно, умерла бы съ голоду, если-бы *Флурансъ* не заставилъ ее съѣсть зерна, кладя ихъ просто ей въ клювъ.

Много разъ *Флурансъ* вмѣсто зеренъ клалъ камешки въ клювъ; она проглатывала эти камешки, какъ еслибы это были зерна. Если эта курица на пути своемъ встрѣчаетъ препятствія, она наталкивается на него, и этотъ толчокъ останавливаетъ ее, но она останавливается совершенно безъ всякаго пониманія. Такимъ образомъ курица безъ полушарій потеряла всѣ свои инстинкты, потому что теперь она по собственной инициативѣ не ѣстъ, какому бы голоду ее ни подвергали. Она не защищается отъ другихъ куръ, она можетъ ни убѣгать, ни вступать въ борьбу.

Она потеряла разсудокъ, потому что она уже больше не имѣетъ хотѣній, воспоминаній и сужденій. Слѣдовательно, по мнѣнію *Флуранса*,

*) *Ergo* Сочиненіе *Recherches experimentales sur les propriétés et les fonctions du système nerveux* вышло въ 1824 г. 2-е изд. въ 1843 г.

мозговья полушарія суть единственный органъ воспріятія воли и сужденія.

Но отсюда для Флуранса возникаетъ новая задача. Если сказать, что мозговья полушарія являются сѣдалищемъ для воспріятія памяти, воли, то спрашивается, представляютъ ли изъ себя мозговья полушарія *однородный* органъ, во всѣхъ частяхъ котораго одинаково имѣютъ мѣсто эти функціи, или же для каждой изъ этихъ способностей существуетъ особая *часть* мозговыхъ полушарій? Для разрѣшенія этого вопроса Флурансъ произвелъ слѣдующій экспериментъ. Онъ взялъ голубя и сталъ вырѣзывать по отдѣльнымъ слоямъ мозговья полушарія. При этомъ онъ замѣтилъ, что по мѣрѣ того, какъ онъ снималъ все больше и больше слоевъ, зрѣніе ослаблялось у голубя все болѣе и болѣе. *Вместѣ* съ зрѣніемъ ослаблялся также и слухъ, а равнымъ образомъ и всѣ интеллектуальныя способности. «Со всякимъ новымъ слоемъ, говоритъ Флурансъ, зрѣніе теряло все больше и больше своей энергіи; и, по мѣрѣ того какъ голубь переставалъ видѣть, онъ переставалъ также слышать, онъ не имѣлъ воли, воспоминаній и сужденій».

Отсюда Флурансъ сдѣлавъ тотъ выводъ, что всѣ эти способности связаны съ отравленіемъ *однихъ и техъ же частей мозга*.

Затѣмъ Флурансъ произвелъ другой опытъ, который является подтвержденіемъ перваго. Онъ взялъ голубя и вырѣзалъ центральныя части обоихъ полушарій. Слѣдствіемъ этого явилось то, что голубь лишился всѣхъ чувственныхъ и интеллектуальныхъ способностей, но затѣмъ онъ сталъ оправляться, при чемъ оказалось, что всѣ способности стали къ нему возвращаться *одновременно*.

Изъ всѣхъ своихъ опытовъ Флурансъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что мозгъ представляетъ изъ себя *однородный органъ* и что не существуетъ различныхъ сѣдалищъ для различныхъ способностей и для различныхъ воспріятій. Слѣд., мозгъ во всѣхъ своихъ частяхъ функционируетъ одинаково, подобно тому какъ любой кусокъ печени приготовляетъ и выдѣляетъ желчь.

Противоположность между теоріей Галля и теоріей Флуранса очевидна. У одного для 27 способностей существуетъ столько же различныхъ органовъ въ мозгу; для другого мозгъ представляетъ однородное цѣлое.

Кто же изъ нихъ былъ правъ?

Этотъ вопросъ нужно было рѣшить современной физиологіи. Его мы рассмотримъ въ слѣдующей статьѣ, а теперь обращу ваше вниманіе на связь между психологическими теоріями и между физиологическими ученіями о локализациі умственныхъ способностей.

Когда господствовала спиритуалистическая теорія о душѣ, какъ о чемъ то единомъ, нераздѣльномъ, то философы искали одинъ какой нибудь пунктъ въ мозгу. Когда возникла «психологія способностей», то физиологія стала искать отдѣльныя мѣста въ мозгу, въ которыхъ

*

эти способности могли бы локализоваться. Въ настоящее время психологія способностей остарлена. Теперь уже не говорятъ, что у насъ въ душѣ есть какія нибудь отдѣльныя способности, которыя между собой никакой связи не имѣютъ и которыя стоятъ помимо отдѣльныхъ духовныхъ состояній. Теперь говорятъ, что вся наша душевная жизнь есть не что иное, какъ совокупность отдѣльныхъ *представленій*, связанныхъ другъ съ другомъ по законамъ *ассоціацій*. Подобно тому какъ изъ соединенія отдѣльныхъ матеріальныхъ атомовъ создается міръ физическій, такъ и изъ соединенія или ассоцірованія психическихъ атомовъ создается міръ психическій, и вотъ эта психологическая теорія переносится и въ фізіологическія ученія о локализациі умственныхъ способностей, въ чемъ мы легко убѣдимся, когда разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ современныя ученія о локализациі умственныхъ способностей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МОЩЬ КООПЕРАЦИИ *).

Современный цивилизованный человек живет под знакомъ экономической борьбы. Ръзче и ярче выступаетъ на каждомъ шагу противоположность всевозможныхъ интересовъ. Эксплоатація безпощадная, не признающая никакихъ границъ, является чертой эпохи. Рабочій страдаетъ и какъ производитель, и какъ потребитель. И на послѣднее то до сихъ поръ обращали мало вниманія. Между тѣмъ, такого вниманія вполне заслуживаетъ фактъ наличия большого числа людей, живущихъ исключительно за счетъ потребителей, которые уплачиваютъ за услуги посредничества, ровно ничего не прибавляющаго къ цѣнности продукта. Существовавшая въ области посредничества разбросанность и дробность уступила, благодаря внимательству крупныхъ капиталистовъ, мѣсто организаціи дѣла въ большихъ размѣрахъ — появились огромные магазины. Сейчасъ же напрашивается мысль: а что если потребитель самъ организуетъ это дѣло? Очевидно—первымъ слѣдствіемъ такого шага будетъ то, что матеріальная «разница», попадавшая въ карманъ посредника—вернется по окончаніи каждаго операціоннаго періода въ карманъ потребителя. Но для насъ болѣе интересно другое слѣдствіе: не есть ли организація потребленія ступень къ высшей цѣли—организаціи производства? Къ этому-то вопросу мы и переходимъ теперь. Чтобы покончить, однако, съ первымъ, слѣдствіемъ учрежденія коопераций, мы приведемъ утверженіе г. Миллера, живо и ярко иллюстрирующее вышесказанное. Швейцарскій рабочій, зарабатывающій 1.000 фр. въ годъ, тратитъ на приобрѣтеніе необходимыхъ предметовъ своего обихода — 700 франковъ, причемъ минимумъ 200 фр. попадаетъ въ карманъ торговца, какъ вознагражденіе за посредничество.

На примѣрѣ Англіи мы видимъ, что потребительныя общества постепенно добиваются возможности производить главные предметы потребленія въ собственныхъ мастерскихъ. Одновременно съ получаемою обществомъ выгодой отъ этого выигрываютъ и рабочіе кооперативныхъ

*) Быстрый ростъ потребительныхъ обществъ въ Россіи, возникающихъ чуть не каждый день, составляетъ одно изъ характерныхъ явленій нашего времени. Предлагаемая статья даетъ возможность сравнить наши потребительныя общества съ тѣмъ, какъ стоятъ теперь это дѣло на Западѣ. Ред.

производствъ: заработная плата увеличивается и помѣщенія рабочихъ значительно улучшаются. Однако и въ Англіи производство потребительныхъ обществъ для себя не достигло размѣровъ, какихъ могло достигнуть. Причину этого мы видимъ въ томъ, что производство въ началѣ не входило въ программу кооператоровъ. Двадцать восемь бѣдныхъ рочдельскихъ ткачей соединились въ 1844 г. только для совместной закупки пищевымъ продуктомъ: они не хотѣли платить налогъ въ пользу лавочниковъ. Мысль—положить себѣ въ карманъ прибыль булочника, мясника, мельника, фабрикантовъ одежды, обуви, мебели и др., эта мысль пришла гораздо позже. Англійскія потребительныя общества захватили въ свои руки производство лишь въ немногихъ отрасляхъ промышленности. Однако, ни одна попытка въ этомъ направленіи не окончилась неудачей, а наоборотъ: производство одежды, напримѣръ, успѣшно конкурируетъ противъ потогонной системы большихъ городовъ Англіи. Итакъ, ограниченное производство потребительныхъ обществъ не есть результатъ печальнаго опыта. Другая причина, задержавшая развитіе и организацію производства потребительными обществами, коренится въ фiasco, постигшемъ чисто производительныя общества. Но производительное общество и производство потребительнаго общества для своихъ членовъ—двѣ вещи различныя. Производителю обществу болѣе, чѣмъ кому другому, приходится бороться и съ конкуренціей, и съ непостоянствомъ сбыта. А когда потребительное общество приступаетъ къ производству на себя—оно знаетъ размѣръ сбыта съ большой точностью. Англійскія потребительныя общества знаютъ, напримѣръ, что сбытъ уменьшится на 25% въ августѣ и сентябрѣ, когда многіе рабочіе уѣзжаютъ на отдыхъ. Кстати, англійскія потребительныя общества выплачиваютъ рабочимъ своего производства жалованіе во время вакаціи и, кромѣ того, выговариваютъ у желѣзнодорожныхъ обществъ существенныя льготы для своихъ членовъ и продаютъ имъ эти льготные билеты въ своихъ магазинахъ.

Кромѣ приведеннаго, весьма существеннаго, различія между производительнымъ и потребительно-производительнымъ обществомъ, отмѣтимъ еще слѣдующія. Во главѣ нѣкоторыхъ производствъ потребительныхъ обществъ Англіи стоятъ хорошо оплачиваемые специалисты. у производительныхъ же обществъ дѣла приходили въ разстройство благодаря тому, что въ началѣ каждый членъ общества считалъ себя компетентнымъ и вмѣшивался въ управленіе предпріятіемъ. Наконецъ, потребительныя общества приступаютъ къ производству, лишь имѣя уже въ рукахъ соответствующіе фонды, и оборотный капиталъ его можетъ быть небольшимъ сравнительно съ размѣрами предпріятія, такъ какъ продукты немедленно сбываются и деньги вновь поступаютъ въ оборотъ.

Обращаемся теперь къ выясненію причины прибыльности потреби-

тельныхъ обществъ. Причина непрерывнаго повышенія дивиденда потребительныхъ обществъ — ростъ самостоятельныхъ производительныхъ предиріятій, организуемыхъ ими. Производство англійскихъ потребительныхъ обществъ выражается суммой въ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а ихъ оборотъ равенъ полумилліарду. Изъ восьми англичанъ — одинъ непремѣнно членъ потребительнаго общества, между тѣмъ какъ въ Германіи одинъ организованный приходится на двадцать одного неорганизованнаго. Производство потребительнаго общества не только прямо вознаграждаетъ потребителя, но и ограждаетъ его отъ мелкихъ обмановъ и фальсификацій, пускаемыхъ въ ходъ фабрикантами для успѣшнѣйшаго сбыта продуктовъ.

Расходъ фабриканта на комми-воажеровъ, корреспондентовъ, контору и складъ — отсутствуютъ въ графѣ расхода потребительно-производительныхъ обществъ, что даетъ крупную экономію тому же потребителю. Новые горизонты раскрылись передъ англійскими потребительными обществами съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлали наблюденіе, на первый взглядъ незначительное: цѣны на землю вблизи открываемыхъ или магазиновъ — быстро поднимались. Первый выводъ отсюда: приобрѣтеніе земли и построекъ въ собственность должно предшествовать открытію магазина. И это немедленно порождаетъ мысль о дешевыхъ жилищахъ для членовъ, жилищахъ, выстроенныхъ на собственной землѣ. Эти жилища, въ свою очередь, привлекаютъ къ потребительнымъ обществамъ новые элементы.

Средства для постройки упомянутыхъ жилищъ составляются изъ прибыли отъ продажи, изъ вкладовъ членовъ въ сберегательную кассу обществъ, или же специальныхъ взносовъ на приобрѣтеніе земли и сооруженіе домовъ, отвѣчающихъ требованіямъ гигиены. Въ такихъ домахъ обыкновенно имѣется огромный залъ для собраній, для чтенія рефератовъ и т. п.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній остановимся подольше на каждой изъ отдѣльныхъ задачъ потребительнаго общества. Начнемъ съ производства на себя. Какъ мы уже сказали, сумму, необходимую для организаціи производства, можно получить путемъ вычета изъ чистой прибыли. Ясно, что дивидендъ членовъ въ первые годы сильно уменьшается отъ этого. Но за то, по мѣрѣ роста производства, въ кассу потребительнаго общества прибыль попадаетъ все въ большемъ и большемъ размѣрѣ. Средній дивидендъ британскихъ потребительныхъ обществъ равнялся въ послѣднемъ отчетномъ (1896) году — $15\frac{1}{2}\%$.

Статистика производства британскихъ потребительныхъ обществъ обхватываетъ періодъ отъ 1868 г. до 1895. Дивиденды за это время удвоились. Прибыли же получается теперь въ двѣнадцать разъ больше. Она превысила въ 1895 г. — $5\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ стерлинговъ. При томъ не нужно забывать, что даже въ Англии организована только восьмая и экономически слабая часть населенія.

Вліяніе потребительныхъ обществъ на условія труда необыкновенно благотворно. Число рабочихъ часовъ, гигиеничность обстановки и оплата труда, все это несравнено выше въ предпріятіяхъ потребительныхъ обществъ, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ. Въ портняжной мастерской Рочделя всѣ пятьдесятъ рабочихъ получаютъ наивысшую плату въ городѣ, работая часомъ меньше другихъ. Мастерскія и фабрики потребительныхъ обществъ своимъ образцовымъ устройствомъ вызываютъ подражаніе частныхъ предпринимателей.

Выше мы видѣли, что прибыль съ производства потребительныхъ обществъ идетъ на пользу рабочимъ. Но это еще не все и даже не главное. Упомянутая прибыль ускользаетъ изъ рукъ капиталистовъ, ослабляя ихъ силу. Чѣмъ быстрѣе подвигается производство потребительныхъ обществъ, тѣмъ независимѣе становится рабочій отъ капиталистовъ. Съ 1862 года британскія потребительныя общества распредѣлили до 75 милл. фун. стерл. дивидендовъ. Эти деньги потеряны для капиталистовъ. Производство, о которомъ идетъ рѣчь, нигдѣ не стѣснено законодательствомъ. Товары собственнаго производства могутъ продаваться не только своимъ, но и заграничнымъ потребительнымъ обществамъ, и, кромѣ того, постороннимъ фирмамъ и отдѣльнымъ лицамъ, не состоящимъ членами. Съ ростомъ производства на себя должно расти и число членовъ, такъ какъ наемные рабочіе въ свою очередь становятся членами. «Производительное потребительное общество въ селѣ Бирсекъ близъ Базеля—прямо предписываетъ, чтобы работа давалась только членамъ». Кстати сказать, это общество имѣетъ свою гостиницу, приносящую большую прибыль.

Въ отчетѣ потребительнаго общества въ Лейпцигъ-Плагвицѣ хорошо выясняется существенное различіе между ненадежнымъ производствомъ производительнаго общества и устойчивымъ производствомъ потребительнаго общества на твердомъ базисѣ гарантированнаго сбыта. Составитель отчета оговариваетъ, что описываемый годъ (1896—1897) очень неблагоприятенъ. «Если не смотря на это, мельница и пекарня дали хорошую прибыль, то это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что муку и хлѣбъ почти не приходится продавать на сторону, поэтому совершенно отсутствуетъ рискъ или ущербъ. И мельница, и пекарня работаютъ почти исключительно на общество. Это позволяетъ намъ ставить рабочихъ въ лучшія условія и платить имъ больше, чѣмъ платятъ предприниматели». Изъ такого опыта мы смѣло выводимъ, что кооперативныя пекарни въ Гамбургѣ и Фленсбургѣ не прекратили бы своего существованія, если бы онѣ составляли части потребительныхъ обществъ. Отъ неблагоприятнаго хода дѣлъ своей приставной части мало страдаетъ потребительное общество, черпающее силы изъ разныхъ источниковъ. Кромѣ того потребительное общество благодаря обезпеченному сбыту не терпитъ потерь при продажѣ и хлопоты по сбыту обходятся ему такъ дешево, что оно, какъ въ приведенномъ

примѣру, получаетъ прибыль даже тогда, когда одно производительное общество прекратило бы свое существованіе. Въ третьихъ, потребительное общество легко можетъ поправить свою ошибку, сдѣланную при покупкѣ или производствѣ, такъ какъ его члены-потребители, заинтересованные матеріально въ благоденствіи общества, не сторонятся его тотчасъ же, а стараются загладить ошибку. Между тѣмъ какъ производительное общество, при такомъ же случаѣ, немедленно теряетъ сбытъ, иногда навсегда.

Изъ другого отчета (потребительное общество пищевыхъ продуктовъ въ Фрейбургѣ въ 1897) видно, что хлѣбъ продавался на 6% дешевле, чѣмъ у пекарей и, не смотря на это, общество получило прибыль. Вотъ цитата изъ отчета за 1897 г. сберегательно-потребительнаго общества въ Гмюндѣ: «Мы были въ состояніи продавать дешевле, чѣмъ здѣшніе пекаря, и можемъ не преувеличивая сказать, что цѣны на хлѣбъ были бы теперь на 10% выше, если бы не существовало наше общество; такъ какъ мука вздорожала».

Самую большую въ Германіи пекарней обладаетъ потребительное общество въ Бреславлѣ. Въ его отчетѣ ничего не сказано о величинѣ чистой прибыли. Вообще это общество придерживается того мнѣнія, что когда дѣло касается предметовъ первой необходимости, то суть не въ прибыли, а въ дешевизнѣ, чистотѣ и гигиеничности приготовленія и въ высокой платѣ рабочимъ. Въ кооперативной пекарнѣ города Бреславля пекаря передъ началомъ работы обязаны переодѣнуть свою одежду на специальную и вымыть руки въ особо-приспособленной комнатѣ. Самое большое потребительное общество въ Вѣнѣ устроило для пекарей специальную баню съ душами. Полотенца мѣняются здѣсь нѣсколько разъ въ недѣлю.

Въ массѣ вкоренилось, къ ея несчастію, убѣжденіе, что ея потребление незначительно, сравнительно съ потреблениемъ богачей. Неосновательность этого убѣжденія доказалъ недавно Уолинъ, государственный статистикъ Массачузета, вычислившій, что минимумъ 80% всѣхъ продуктовъ потребляется массою. Тоже самое видно изъ вычисления отношенія потребления массы къ потребленію богатыхъ сдѣланнаго Р. Э. Маэмъ *). Май доказалъ, что въ Германіи масса населенія потребляетъ продуктовъ минимумъ—въ шесть разъ больше, чѣмъ богачи, и что даже въ торговомъ Гамбургѣ оно вдвое превосходитъ потребление буржуазіи. Естественно, что отношеніе потребления массы къ потребленію богачей приметъ иной видъ, если это потребление раздѣлить на слѣдующія категоріи: предметы роскоши, одежда, жилища и пища. Упомянутое отношеніе наиболѣе благоприятно для массы въ послѣдней категоріи, откуда прямо слѣдуетъ, что потребительныя общества должны браться прежде всего за производство пищевыхъ про-

*) Обращаемъ вниманіе читателя на эту статью, помѣщенную въ Schmollers Jahrbuch № 1, 1899.

дуктовъ, потребленіе которыхъ богатыми классами — относительно невелико. Вотъ какъ расходуетъ по Энгелю среднее семейство при доходѣ:

Въ 900 мар.	на пищу—71,5%	на жилище—18,9%	остается 14,3%
» 1.500 »	» » 66,8%	» » 19,0%	» 14,8%
» 2.250 »	» » 66,2%	» » 17,0%	» 19,0%
» 3.000 »	» » 64,0%	» » 14,7%	» 24,5%
» 4.500 »	» » 60,8%	» » 21,6%	» 6,9%
» 6.000 »	» » 58,6%	» » 15,5%	» 25,9%

Чѣмъ бѣднѣе семейство, тѣмъ больше оно тратитъ на пищу. Для Гамбурга, напримѣръ, мы имѣемъ слѣдующую таблицу расхода на пищу:

Изъ 600 марокъ—	402 марокъ или 67,0%
» 900 »	600 » » 66,7%
» 1.440 »	916 » » 56,7%
» 3.000 »	1.200 » » 40,0%
» 4.560 »	1.465 » » 34,2%
» 14.400 »	3.128 » » 21,7%

Отсюда неопровержимо вытекаетъ, что съ увеличеніемъ прихода — расходъ на пищу уменьшается.

Сберегательныя кассы учреждаемыя и функционирующія при потребительныхъ обществахъ,—являются весьма выгоднымъ и полезнымъ дѣломъ. Эти кассы много даютъ на благотворительныя цѣли. Статутъ гамбургскаго потребительнаго общества требуетъ допущенія къ участію въ кассѣ и не состоящихъ членами общества. Деньги, сберегаемыя кассой, способствуютъ обзаведенію собственными домами. А это предприятие даетъ хорошій доходъ на вложенный капиталъ. При этомъ нѣтъ необходимости, чтобы каждый вкладчикъ держалъ деньги въ кассѣ круглый годъ, такъ какъ при многочисленности вкладчиковъ выдача и приемъ денегъ уравниваются и суммы наличныхъ вкладовъ болѣе или менѣе постоянны. Не кооперативная сберегательная касса въ Гамбургѣ (осн. въ 1827 г.) ассигновала въ 1897 г. благотворительнымъ учрежденіямъ 50 т. марокъ. Такими кассами можно еще довольствоваться, разъ они отчисляютъ часть прибыли бѣднымъ. Однако при такой организаціи кассы (безъ связи съ потребительнымъ обществомъ) часто случается, что деньги рабочаго класса, которыми кассы преимущественно и держатся, попадаютъ въ кассу буржуазнаго городского управления.

Теперь познакоимся съ профессіями участниковъ потребительныхъ обществъ. Въ Бреславльскомъ потребительномъ обществѣ въ 1897 г. состояло 29.937 = 52% самостоятельныхъ преимущественно ремесленниковъ, торговцевъ и т. п. Между самостоятельными однихъ ремесленниковъ было 9.334 = 16%, купцовъ и торговцевъ 7.138 = 12%. Далѣе, числилось 7.924 = 14% врачей, аптекарей, учителей, художниковъ, литераторовъ и чиновниковъ. Изъ отчета коопе-

ративной пекарни въ Любекѣ видно, что 23% членовъ принадлежало къ среднему сословію, которое отнюдь не чуждается кооперативнаго движенія. Оно составляетъ въ Гамбургѣ 32% всѣхъ вкладчиковъ въ кассы, а если, къ этому прибавить еще вклады ихъ дѣтей, то выйдетъ 40%. Часть этой публика можетъ принимать участіе въ сберегательной кассѣ при потребительномъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что среднее сословіе принимаетъ живое участіе въ нѣмецкихъ потребительныхъ обществахъ. Въ послѣднихъ участвуютъ всѣ сословія. Каждый членъ—новый потребитель, а каждый потребитель приноситъ не только прибыль, но и увеличиваетъ потребление, способствуя этимъ удешевленію продуктовъ, и доставляетъ обществу новый капиталъ для достиженія общественныхъ цѣлей. Поэтому потребительное общество должно быть открыто всякому, безъ различія экономическихъ, политическихъ и религіозныхъ убѣжденій. Еще двѣ иллюстраціи. Бреславльское потребительное общество насчитывало въ 1897 г. среди своихъ членовъ 65,3% самостоятельныхъ лицъ и 34,7% несамостоятельныхъ, а штутгартское—44,9% самостоятельныхъ и 51,1—несамостоятельныхъ.

При строгомъ проведеніи кооперативнаго принципа—что потребительное общество должно по возможности само производить предметы потребления своихъ членовъ—само собою должно произойти распространеніе производства и на сельско-хозяйственную отрасль. Такъ какъ земля непрерывно повышается въ цѣнѣхъ, то потребительнымъ обществамъ нужно поторопиться закупкой ея. Польза сельскохозяйственнаго производства ясна и не представляетъ собою опаснаго эксперимента. Лондонское потребительное общество съ 8000 членами получаетъ огромную выгоду отъ разведенія овощей, которыми оно снабжаетъ часть своихъ членовъ, частью городской рынокъ. Обществу принадлежатъ два имѣнія, по 20 гектаровъ каждое. Въ этихъ имѣніяхъ культивируются овощи и разводятся птицы и свиньи. Издержки на производство выражаются въ суммѣ 700 фунтовъ ст. на гектаръ, а валовой доходъ равенъ 1100 ф. с. Вульвичская ферма, основанная мѣстнымъ потребительнымъ обществомъ, подобно многимъ коопераціямъ, видала трудныя времена. Но зато въ 1897 г. лавка продала продуктовъ на 201.737 фунтовъ ст. Основной капиталъ равнялся 122.810 ф. ст. Кооператорамъ приходится прибѣгать и къ наемному труду, но они платятъ гораздо больше, чѣмъ остальные фермеры. Обычная заработная плата сельскихъ рабочихъ въ Англіи равна 12—14 шил. въ недѣлю, а въ окрестностяхъ Лондона кооператоры платятъ 25 шил. въ недѣлю и допускаютъ къ участію въ прибыли. Ллойдъ (K. D. Lloyd), у котораго взяты эти данныя, говоритъ, что кооперація вновь дастъ душу сельскому рабочему и землѣ. Брюссельская рабочая партія основала въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Герфелингенѣ сельскохозяйственную кооперацію «Le Bon Veugre». Не смотря на сопротивленіе патера, группа крестьянъ согласилась на участіе въ предпріятіи. Новая кооперація, двѣ трети паевъ

которой находятся во владѣніи потребительнаго общества въ Брюсселѣ, а остальные принадлежатъ крестьянамъ, представляетъ образцовое производительное общество, обладающее паровою машиною съ холодильникомъ и пастеризаторомъ. Оно перерабатываетъ ежедневно 10 тысячъ литровъ молока. Этотъ фактъ интересенъ въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, мы имѣемъ дѣло съ первымъ въ Бельгіи сельскимъ производительнымъ обществомъ, цѣль котораго—снабжать своими продуктами городское потребительное общество. Во вторыхъ, замѣчательно, что рабочей партіи удалось пустить корни въ крестьянской Фландріи—оплотѣ клерикализма.

Теперь обратимся къ квартирному вопросу, возникающему органически въ дѣятельности кооперацій. Необходимость заблаговременной закупки городскихъ земель диктуется феноменальнымъ ростомъ цѣнъ на нихъ. Площадь земли около Берлина, размѣромъ въ 8 моргеновъ (подъ огородамъ), стоившая нѣсколько лѣтъ тому назадъ 50 тысячъ марокъ, продана недавно за 1.300 тысячъ марокъ. Въ Лейпцигѣ продажа городскихъ мѣстъ дала неожиданно на 50% больше обыкновеннаго, такъ что городская управа могла констатировать повышение цѣнъ на 46% въ теченіе періода 1890—1897 г. Оффиціальная статистика показала, что во Франкфуртѣ на Майнѣ участки земли съ 1890 по 1895 г. поднялись въ цѣнѣ минимумъ на 60%, Городское управленіе Карлсруэ констатируетъ, что цѣны на землю въ періодъ 30 лѣтъ поднялись въ среднемъ втрое, вчетверо и цѣнятся дороже деревенской земли болѣе чѣмъ въ 50 разъ. Въ Гамбургѣ отель «Петербургъ» (на хорошемъ мѣстѣ), проданный въ 60-хъ годахъ за 750 тысячъ марокъ, былъ недавно перепроданъ за 1.500 тысячъ марокъ. Въ Гамбургѣ происходитъ тоже, что и въ другихъ городахъ—рабочія семейства вытѣсняются на далекія окраины города. Въ Германіи не существуетъ ничего похожаго на мудрое распоряженіе англійскихъ городскихъ общинъ, воспреещающихъ уничтожать дома рабочихъ кварталовъ съ маленькими квартирами, если недостатокъ въ жилищахъ ничѣмъ не возмѣщенъ. Чѣмъ больше рабочіе вытѣсняются на окраины, тѣмъ дороже становятся эти окраинные участки. Вотъ уже много лѣтъ, какъ изрядное число капиталистовъ занимается исключительно закупкой участковъ земли у городскихъ воротъ, въ ожиданіи быстрого повышения ихъ цѣны,—это самое выгодное и вѣрное дѣло въ Гамбургѣ.

Чрезвычайно интересенъ слѣдующій случай закупки земли и постройки домовъ лондонскимъ потребительнымъ обществомъ «Royal Arsenal Co-operative Society», большая часть членовъ котораго принадлежитъ къ профессиональному союзу машиностроителей. Въ январѣ 1899 г. это общество приобрѣло землю за 40 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы построить на этой землѣ 3000 домовъ съ садиками. Квартиры будутъ сдаваться, а не продаваться членамъ. За двѣнадцать лѣтъ до этого то же самое общество приобрѣло для той-же цѣли 52 акра земли,

что вмѣстѣ съ вышеупомянутой покупкой составитъ огромное земельное имущество въ 150 акровъ. Можно построить цѣлый городъ. Кооперация «строительный и сберегательный ферейнъ» въ Берлигѣ (возникъ въ 1896 г.) тоже держится принципа: давать членамъ жилища на долгое пользованіе, а не продавать ихъ. Членъ можетъ жить на квартирѣ сколько угодно и плата за квартиру не повышается. Общество владѣеть домами въ трехъ концахъ города, а число его членовъ равняется одной тысячѣ человекъ. Ферейнъ не ограничивается постройкой домовъ, но заботится о процвѣтаніи товарищеской жизни населяющихъ ихъ членовъ. Управление находится въ рукахъ членовъ. Кооперация простирается и на закупку дровъ. Имѣется свой ресторанъ, пекарня, лавка. Духовныя потребности удовлетворяются библиотекой, лекціями, гѣвческимъ обществомъ, осмотромъ достопримѣчательностей и т. п.

Займемся теперь учрежденіями, не выходящими изъ области вѣдѣнія потребительнаго общества, учрежденіями, могущими иногда замѣнить профессиональную организацію. Мы говоримъ о кассахъ: вспомогательной, страховой и кредита, или о «фондахъ на случай нужды». Статутъ Гамбургскаго потребительнаго общества рекомендуетъ для образованія фонда употребить первыя сто марокъ дивиденда. Это будетъ гарантіей отъ всякаго рода несчастій, а затѣмъ дастъ возможность во время абсолютнаго безденежья продолжать покупать въ потребительномъ обществѣ, не закабалия себя кредитомъ у лавочника. Помощь оказывается въ случаѣ безработицы, болѣзни (по окончаніи срока вспомошествованія изъ больничныхъ кассъ), родовъ, переѣзда и смерти. Приведемъ два образца описываемаго учрежденія. Потребительное общество «L'Union du XIX Arrondissement» въ Парижѣ имѣетъ кассу кредита, которая даетъ возможность обходить въ случаѣ нужды принципъ кооперации—не отпускать товаровъ въ долгъ. Безденежные члены этого потребительнаго общества пользуются кредитомъ до 50 фр. (цѣна акціи). Въ случаѣ если этого окажется недостаточнымъ, то за нуждающагося поручаются другіе члены и касса открываетъ ему большій кредитъ. Со времени своего основанія въ февралѣ 1892 г. и до 1898 г. кредитная касса выдала подъ поручительство сумму въ 3.102 фр. Изъ нихъ возвращены 196 фр. Вспомогательная касса того же общества (на нее идетъ половина прибыли отъ увеселеній) выдала съ февраля 1892 г. 2.135 фр., обратно получила—328 фр. Страховая касса, поддерживаемая членскими взвсами, функціонируетъ съ іюля 1895 года. До 1898 года ею выдано пенсій овдовѣвшимъ на сумму 14.600 фр. Но все, до сихъ поръ сдѣланное въ этой области потребительными обществами, превзойдено гентской кооперацией «Vooguit». Въ маѣ 1898 г. учреждена пенсіонная касса. Ею пользуются состоявшіе членами minimum 20 л., забравшіе за это время товару на 3 т. фр. и имѣющіе не менѣе 60 лѣтъ. Пенсія не менѣе 120 фр. дается и вдвѣ

члена въ видѣ марокъ, на которыя отпускаютъ товаръ въ потребительномъ обществѣ.

Возвратимся къ уставу Гамбургскаго потребительнаго общества, представляющему для насъ большой интересъ. При составленіи этого устава первоначально предполагалось отчислять изъ дивидендовъ въ кассу для страхованія всѣхъ членовъ. Однако это намѣреніе было покинуто, такъ какъ всеобщее страхованіе въ непрофессиональномъ обществѣ встрѣтило затрудненія. Всеобщее обязательное страхованіе замѣнено личнымъ, или вѣрнѣе, страхованіемъ рабочихъ и всѣхъ тѣхъ, кто необеспеченъ. Трудно спорить съ тѣмъ, что женщины, играющія важную роль въ кооперативномъ движеніи, въ общемъ предпочитаютъ, когда дивиденды выплачиваются сразу наличными. Но дальновидность побуждаетъ отдать предпочтеніе системѣ гамбургскаго устава отчисленію дивиденда въ кассу. Безспорно, лучше получить дивидендъ не при обычномъ ходѣ дѣлъ, а въ моментъ истинной нужды въ немъ. Рабочія женщины, которымъ приходится иногда задумываться—откуда достать денегъ на обѣдъ—скоро оцѣнятъ вспомогательную кассу, образуемую частью изъ невыданныхъ имъ дивидендовъ, частью изъ добровольныхъ взносовъ. Привлеченіе женщинъ очень важно для потребительнаго общества, и потому гамбургскій уставъ рекомендуетъ нѣкоторое возмездіе за первоначальную невыдачу дивидендовъ. Къ новому году многія женщины нуждаются въ наличныхъ для закупки подарковъ, ввиду этого имъ позволено брать 16% изъ своего фонда на случай нужды. Наконецъ, обратимъ вниманіе на то, что такой фондъ даетъ многимъ членамъ возможность сдѣлать членскіе взносы въ профессиональный союзъ и во время безработицы, а это значитъ—поддержать профессиональную организацію. Воспользуемся случаемъ, чтобы еще разъ показать здѣсь, что кооперативная организація очень часто не тормозитъ профессиональной, а иногда даже даетъ ей необходимыя матеріальныя средства. Основанное въ 1894 г. потребительное общество въ Аміенѣ (2.500 членовъ) представляетъ соединеніе кооперативной и профессиональной организацій. Желающіе сдѣлаться членами потребительнаго общества, должны предварительно вступить въ профессиональные союзы. Кто безъ уважительной причины перестаетъ участвовать въ профессиональной организаціи — перестаетъ считаться членомъ коопераціи. Другое потребительное общество прямо представляетъ часть профессиональнаго союза. Это общество было основано табачнымъ профессиональнымъ союзомъ въ Бейнвилѣ, въ Швейцаріи. Далѣе, многіе изъ швейцарскихъ потребительныхъ обществъ, датирующихся съ 1853 года, основаны секціями Грютлиферейна. Вообще, подкрѣпленіе профессиональнаго движенія кооперативнымъ стоитъ теперь на очереди во многихъ передовыхъ странахъ.

Въ связи съ фондомъ на случай нужды находится фондъ для отпуска товаровъ. Нужно считаться съ тѣмъ, что у большинства фондъ

составится не из добровольных взносов, а из невыданных дивидендов. Из этого слѣдуетъ что эти члены въ первый годъ не будутъ еще обладать фондомъ, такъ какъ дивиденды выдаются въ концѣ года. Кромѣ того случается, что имѣвшіеся уже у нѣкоторыхъ фонды истощились вслѣдствіе какихъ-либо несчастій, или долгой безработицы. Такихъ надо удерживать отъ обращенія къ содѣйствію торговцевъ. Для этого-то станутъ отчислять нѣсколько % изъ чистой прибыли въ товарный фондъ. Такимъ образомъ гамбургскіе рабочіе лучше разрѣшили вопросъ о кредитѣ, чѣмъ выше описанное парижское общество «L'Union».

Поговоримъ еще объ образовательномъ фондѣ. Знаменитое «Rochdale Equitable Pioneers» выдѣляетъ опредѣленный процентъ въ пользу образовательнаго фонда, составляющаго принадлежность лучшихъ англійскихъ потребительныхъ обществъ. Библіотеки, читальни, различныя изданія этого фонда не мало способствовали тому, чтобы кооперативное движеніе сдѣлалось широкимъ народнымъ движеніемъ. Рочдельское потребительное общество владѣетъ библіотекой въ 18 тыс. томовъ и читальней. Всего же британскія потребительныя общества выдали въ 1896 году на образовательныя и общепользныя цѣли около 65 тыс. фунтовъ стерлинговъ. Просвѣщеніе и образованіе имѣютъ еще болѣе значенія для нѣмецкихъ ферейновъ. Библіотеки и читальни стануть духовнымъ центромъ членовъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о матеріальной пользѣ потребительныхъ обществъ. Начнемъ съ гамбургскаго статута. Благодаря тому, что послѣдній предписываетъ удѣлять 5% чистой прибыли резервному фонду, 10%—образовательному, и 35% на производство и различныя нужды членовъ, дивидендъ не будетъ высокъ до тѣхъ поръ, пока не станеть на ноги свое собственное производство. Но и небольшіе дивиденды потребительныхъ обществъ не даютъ основанія къ предпочтенію имъ лавочниковъ. Это мы сейчасъ увидимъ. Члены потребительнаго общества въ Лейпцигѣ, издерживающіе въ среднемъ только 7% на оборотъ, выгадываютъ 16%. Дѣло въ томъ, что лавочникъ набавляетъ обыкновенно на свою цѣну 23%. Выражается ли выгода отъ потребительныхъ обществъ въ умѣренной цѣнѣ товаровъ, въ выдаваемыхъ дивидендахъ, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ—это безразлично. Различіе между потребительнымъ обществомъ и частнымъ магазиномъ выражается въ пользу перваго часто въ качествѣ товаровъ. Во Франціи недавно обнаружился фактъ, что 5.000 вагоновъ опилокъ были запечены въ хлѣбъ. Изъ публикаціи гамбургской полиціи за 1897 г. видно, что изъ 57 изслѣдованій качества хлѣба, въ 12 случаяхъ была обнаружена фальсификація. Кромѣ того при изслѣдованіи масла его конфисковали въ 331 случаѣ изъ 2.353; тоже произошло съ кофе въ 10 случаяхъ изъ 28 и съ колбасой—въ 23 изъ 66 и т. п. Въ среднемъ въ 8 случаяхъ изъ 100 была обнаружена фальсификація. Въ нѣкото-

рыхъ другихъ мѣстностяхъ это явленіе еще болѣе распространено. Въ Эльзасѣ—Лотарингіи (1894 г.) молоко фальсифицировалось въ 67,9%-случаевъ изслѣдованія, въ Мангеймѣ (1892—1894 г.) въ среднемъ въ 41%, въ Дармштадтѣ (1892 г.)—въ 41,2%, въ Штутгартѣ (1879—1881 г.)—въ 31,6%, въ Дюссельдорфѣ (1895—1896 г.)—въ 23,9%, въ Гейдельбергѣ (1891—1895 г.)—въ 20%, въ Лейпцигѣ (1894 г.)—въ 11%, въ Баваріи (1895 г.)—въ 8,2%, въ Вѣнѣ (1890—1895 г.)—въ 36,6%, въ Амстердамѣ (1893 г.)—въ 16,9%, въ Парижѣ (1893 г.)—въ 9%.

Въ началѣ 1897 года коммунальный совѣтъ города Гента разослалъ 4.600 опросныхъ листовъ мелкимъ лавочникамъ и ремесленникамъ. 4.522 листа были получены обратно съ отвѣтомъ по большей части отъ лавочниковъ, мясниковъ, бакалейщиковъ и портныхъ. Жалоба на дурной ходъ дѣлъ обща всѣмъ отвѣтамъ, но разъясненія этого очень разнообразны. Однако, многіе усматриваютъ причину своего незавиднаго положенія въ фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ. Потребительнымъ обществамъ нѣтъ надобности прибѣгать къ фальсификаціи. Вотъ что говорится въ отчетѣ Штутгартскаго потребительнаго общества. Оно на свой счетъ подвергло въ прошломъ году химическому и микроскопическому анализу муку (11 разъ), керосинъ (6), стеариновыя свѣчи (5), медъ (4), кофе (3), свиное сало (2), чай, молоко, мыльной порошокъ, американское масло и шерсть (по одному разу). Да и какъ лавочнику не прибѣгать къ фальсификаціи и не повышать цѣнъ, когда на одинъ Гамбургъ приходится 17 тыс. мелкихъ торговцевъ. Такимъ образомъ на каждые 8½ семействъ (ихъ въ Гамбургѣ 144.898) приходится по одному торговцу. А такъ какъ гамбургскій розничный торговецъ держитъ въ среднемъ трехъ приказчиковъ, то за счетъ двухъ семействъ живетъ одинъ приказчикъ. Каково пришлось бы гамбургскому отцу семейства, если бы процентъ, накладываемый торговцемъ въ розницу—накладывался бы оптовымъ торговцемъ, фабрикантомъ и, наконецъ, истиннымъ производителемъ продукта?!

Заклучимъ нашу статью напоминаніемъ, что если сами потребители будутъ медлить и не организуются для присвоенія прибыли отъ посредничества и производства, то ихъ предупредить въ этомъ капиталисты. Такъ, напр., въ томъ же Гамбургѣ компанія капиталистовъ успѣла создать проектъ, обещающій 23% прибыли, съ цѣлью поглотить отдѣльныхъ производителей хлѣба и предупредить самостоятельную организацію потребителей. Въ этомъ случаѣ капиталъ хочетъ взять въ руки одновременно и торговлю, и производство. Однако, это не опасно для кооперативнаго предпріятія, такъ какъ безъ участія потребителей и капиталъ безсиленъ.

В. Тотоміанць.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго Вик. Мазуренко.

Китай, какъ мѣсто сбыта для европейской промышленности, несравненно важнѣе тѣхъ африканскихъ областей, которыя являются предметомъ новѣйшей фазы колониальной политики. Для этой промышленности восточно-азиатскій вопросъ обладаетъ, по сравненію съ африканскимъ, совершенно инымъ значеніемъ.

Стоимость ввоза въ Китай простиралась въ періодъ съ 1886 по 1890 годъ, въ среднемъ, до 551 милліона марокъ, въ 1890 году—до 672 милліоновъ, въ 1893 году—до 608 милліоновъ. Но испанское государство, по населенности почти равное всей Европѣ (число жителей Небесной Имперіи исчисляется въ 360 милліоновъ, а въ Европѣ оно равно 380 милліонамъ), еще очень мало открыто для ввоза извнѣ. Несомнѣнно, что здѣсь откроется еще одинъ большой рынокъ; это—последній большой рынокъ, предстоящій открытію для капиталистическаго способа производства.

Конечно, не слѣдуетъ и преувеличивать способность расширенія этого рынка. Если мы возьмемъ, напримѣръ, Индію, гдѣ господствуютъ такія же социальныя отношенія народныхъ массъ, какъ и въ Китаѣ, но гдѣ средства сообщенія получили наиболѣе свободное развитіе, и многочисленныя желѣзныя дороги (длина желѣзныхъ дорогъ достигала въ 1853 году до 32, а въ 1897—до 30.000 километровъ), превосходящая шоссе (250.000 километровъ) поощряютъ внутреннюю торговлю, гдѣ, слѣдовательно, въ отношеніи сообщенія наблюдается такое состояніе, до котораго Китай сможетъ достигъ не раньше, какъ черезъ одно-два десятилѣтія,—то найдемъ противъ ожиданія, что ввозъ въ эту страну равенъ, приблизительно, лишь 1.000 милліоновъ марокъ (съ 1886 по 1890 годъ, въ среднемъ,—1.034 милліонамъ, въ 1892 году—954, въ 1893—1.106, въ 1895—992 милліонамъ марокъ).

Народонаселеніе Индіи простиралось въ 1891 году до 291 милліона, а Китая—до 360 милліоновъ; слѣд.,—на 70 милліоновъ, приблизительно, на 25% болѣе, чѣмъ въ Индіи. Если теперь, соотвѣтственно съ этимъ, мы увеличимъ на одну четверть величину индійскаго ввоза, то получимъ общій итогъ отъ 1.200 до 1.300 милліоновъ марокъ, соотвѣствующій

той суммѣ, на которую ввозилось бы въ Китай товаровъ въ томъ случаѣ, еслибы въ немъ господствовали индійскія отношенія.

Это указываетъ на то, что отъ постройки желѣзныхъ дорогъ ввозъ въ Китай, въ теченіе одного-двухъ десятилѣтій, приблизительно *увеличился бы вдвое.*

Если теперь принять во вниманіе, къ какому быстрому расширенію способенъ нашъ способъ производства (мировая торговля *съ однимъ* 1879—1880 годъ увеличилась на 4.000 милліона марокъ, а въ 1888—1889 году—на 4.700 милліоновъ), то увеличеніе ввоза на 600 милліоновъ, приходящееся на одно-два десятилѣтія, во всякомъ случаѣ не должно вызывать чрезмѣрныхъ ожиданій.

Конечно, сравнивать Китай съ Индіей такъ прямо, безъ всякихъ ограниченій нельзя, и было бы неподходящимъ выводить изъ чиселъ, добытыхъ изъ ихъ сравненія, какія-либо дальнѣйшія заключенія. Но ихъ достаточно для того, чтобы заставить смотрѣть на открытіе Китая безъ экстаза.

Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что львиная часть китайской торговли не достанется Европѣ. Существуютъ страны, лежащія ближе къ Китаю, какъ, напримѣръ, Калифорнія, Австралія, а, главное, Японія и Индія, у которыхъ отъ прогрессивнаго открытія Китая прежде всего усилятся промышленное и коммерческое развитіе. Отъ Бремергафена до Гонконга пароходы идутъ 43 дня, отъ Гамбурга—50 дней, тогда какъ отъ Санъ Франциско—всего 22 дня, отъ Коломбо (на Цейлонѣ)—11 дней; Австралія находится на такомъ же разстояніи отъ Китая, какъ и Остъ-Индія.

Такъ что не слѣдуетъ удивляться тому, что въ то время, какъ вывозъ изъ Германіи въ Китай съ 1890 по 1895 годъ увеличился съ 30 до 35,5 милліоновъ, т. е. на 18%, вывозъ туда Японіи (не считая товаровъ, приходящіе съ Формозы) возросъ съ 90 по 96 годъ на 56%, Остъ-Индіи—на 123%.

Но недалеко и то время, когда Китай самъ начнетъ производить индустріальные товары.

И теперь уже въ Китаѣ замѣчается очень развитая и сильная промышленность, которая, однако, застряла на мануфактурѣ, — слѣдовательно, какъ разъ на порогѣ крупной машинной индустріи.

Онъ теперь представляетъ пока еще страну земледѣльческую. Въ немъ сельское хозяйство сильно преобладаетъ; причемъ это хозяйство является здѣсь еще совершенно первобытнымъ, связаннымъ съ домашнимъ производствомъ для собственнаго потребленія. Однако, на ряду съ этимъ, въ городахъ, а также и селахъ уже господствуетъ сильно развитая индустрія, которая, отдѣлившись отъ сельскаго хозяйства, самостоятельно производитъ товары; потомъ тамъ процвѣтаютъ отчасти ремесла, отчасти—специализировавшееся домашнее производство, а мѣстами, въ большихъ предпріятіяхъ, уже и мануфактура съ далеко про-

веденнымъ раздѣленіемъ труда. Но послѣдняго, большого шага къ машинѣ китайская промышленность еще не сдѣлала; она окостенѣла въ своей пеховой организаціи и теперь неспособна ни къ какому дальнѣйшему саморазвитію. Различные приемы передаются по наслѣдству, часто какъ тайны, въ отдѣльныхъ семействахъ. Это содѣйствуетъ необыкновенно большой ловкости и внимательности, но также неприхотливости и покорности населенія, у котораго семейное воспитаніе и промышленная дисциплина идутъ рука объ руку; и оно, такимъ образомъ, вслѣдствіе окаменѣнія общественныхъ отношеній, оказывается неспособнымъ расширить районъ приобрѣтенія средствъ существованія.

Но Китай обладаетъ не одними только многочисленными обученными, трудолюбивыми и дисциплинированными рабочими силами, онъ владѣетъ также и огромными богатствами промышленныхъ сырыхъ матеріаловъ,—т. е. всѣми предварительными условіями того, чтобы немедленно, безъ продолжительной переходной стадіи, перейти къ современной крупной промышленности. Залежи каменнаго угля въ Китаѣ необыкновенно велики; Рихтгофенъ опредѣляетъ ихъ величину въ 1.260.000 милліоновъ тоннъ. Также богатъ онъ и желѣзными рудами. Въ особенности для провинціи Шанъ-зи Рихтгофенъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ предсказывалъ (въ своей книгѣ о Китаѣ. 1877 г.) богатое капиталистическое будущее. Онъ думаетъ, что богатство въ углѣ, желѣзныхъ рудахъ, гончарной глинѣ, при благоприятномъ положеніи, «на склонахъ плато противъ необыкновенно населенныхъ и плодородныхъ долинъ, пересѣкаемыхъ судоходными рѣками и легко могущихъ быть снабженными желѣзными дорогами, обезпечиваетъ антрацитовыя области юго-восточнаго Шанъ-зи такое значеніе въ будущемъ, которое превосходитъ всякія исчисленія. Это значеніе увеличивается,—если даже не принимать во вниманіе, что большія мѣсторожденія рудъ одновременно находятся во многихъ мѣстахъ,—отъ того обстоятельства, что вышеупомянутыя сокровища лежатъ внутри страны, которая изъ всѣхъ странъ міра обладаетъ наибольшимъ запасомъ дешевой, въ высшей степени выносливой и смышленной человѣческой рабочей силой... Нельзя также не принимать во вниманіе и того, какое множество важныхъ для мірового рынка отраслей промышленности мало-по-малу разовьется на китайской почвѣ и утилизируетъ эти рабочія силы, находящіяся теперь какъ бы въ скрытомъ состояніи. Сами обитатели, по видимому, мало обнаружатъ инициативы къ этому; но иностранный капиталъ не преминетъ воспользоваться случаемъ дешеваго производства товаровъ для мірового рынка».

Такимъ образомъ, отъ открытія Китая промышленный подъемъ Европы не будетъ слишкомъ продолжителенъ; страна скоро сама начнетъ превращаться изъ покупателя въ конкурента,—изъ надежды—въ смущеніе для европейской промышленности. И весьма вѣроятно, что китайская конкуренція вызоветъ тогда въ промышленности такое же

*

состояніе, какое уже создала заморская конкуренція въ европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Но промышленность не можетъ подобно сельскому хозяйству сваливать свои тяжести на другія вѣтви производства. Она сдѣлалась для благосостоянія всего общества рѣшающею отраслью производства. Въ тотъ моментъ, когда она перейдетъ въ стадію постоянныхъ кризисовъ, подобно тому какъ это теперь уже случилось съ сельскимъ хозяйствомъ, капиталистическое товарное производство достигнетъ конца своего существованія. Такимъ образомъ китайская конкуренція можетъ сдѣлаться средствомъ, ускоряющимъ гибель существующаго способа производства.

Однако, она можетъ и не способствовать ускоренію социальнаго движенія; она можетъ также и задержать его, стѣсняя европейскій пролетаріатъ, и вѣроятность послѣдняго еще больше, чѣмъ перваго.

Рихтгофенъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ китайскаго рабочаго: «механическій талантъ китайца облегчаетъ ему возможность съ ловкостью примѣнять выученныя имъ ручныя операціи во всѣхъ областяхъ технической промышленности. При этомъ его талантъ усвоенія подкрѣпляется какъ упрямою усидчивостью и крайнимъ терпѣніемъ, такъ и вытекающимъ изъ его воздержанности и неприхотливости чувствомъ совершеннаго удовлетворенія въ томъ случаѣ, если онъ въ теченіе всей своей жизни, при неизмѣнно одинаковыхъ условіяхъ, исполняетъ изо дня въ день однѣ и тѣ же манипуляціи. *Онъ въ совершенствѣ осуществляетъ идеаль челоѣческой рабочей машины*».

Къ тому же, китаецъ не только терпѣливо позволяетъ до безконечности изнурять себя тяжелою работою,—онъ и требуетъ за это незначительное вознагражденіе. У него нѣтъ потребностей высшей культуры, а, благодаря своимъ товарищескимъ инстинктамъ, онъ и съ незначительной заработной платой обходится лучше, чѣмъ европейскій рабочій. Не смотря на существованіе множества большихъ городовъ, громадное большинство населенія живетъ, однако, еще по селамъ, гдѣ сельская община, хотя и не знающая уже болѣе общинной поземельной собственности, все еще представляетъ изъ себя корпорацію, связанную тѣснѣйшей солидарностью. Въ этой корпораціи вырастаетъ китаецъ съ привычкою соединяться съ сотоварищами для совмѣстной работы,—подобно тому, какъ это дѣлаютъ русскіе въ своихъ артеляхъ.

Это облегчаетъ соединеніе китайцевъ въ экономическія и политическія организаціи всякаго рода; по всей вѣроятности нигдѣ нѣтъ такого множества могущественныхъ тайныхъ союзовъ, какъ въ Китаѣ. Такимъ образомъ, если въ этомъ послѣднемъ должно будетъ когда-либо образоваться движеніе, то въ указанной привычкѣ соединяться въ товарищества оно найдетъ сильную поддержку.

Однако, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ китайскій рабочій является по отношенію къ европейскому не товарищемъ, а конкурентомъ, та же самая привычка поведетъ, вѣроятно, ко вреду этого послѣдняго.

Но это, кажется, будетъ единственной позиціей, на которой мы увидимъ китайца въ ближайшемъ будущемъ.—Благодаря такого рода «коммунизму», китайцы легко соединяются за границей въ потребительныя товарищества и даже въ настоящія семейства,—живутъ, ѣдятъ вмѣстѣ, поручаютъ одному покупателю за одно совершать покупки для всѣхъ и т. д.

Подобное товарищеское единеніе за границей мы находимъ и у нѣкоторыхъ европейскихъ рабочихъ, напримѣръ,—у странствующихъ итальянскихъ рабочихъ, но не въ такой высокой степени, не на такое продолжительное время и не при такомъ совершенномъ отреченіи отъ сношенія съ женщинами, какое проводитъ китаецъ, благодаря нѣкоторымъ привычкамъ, принадлежащимъ къ существеннѣйшимъ чертамъ китайскаго характера.

Дешевизна китайскихъ рабочихъ силъ обнаружится въ конкурціонной борьбѣ китайской промышленности съ европейскою, но она можетъ также дать себя чувствовать и въ непосредственной конкурціи, на самомъ европейскомъ рабочемъ рынкѣ. Открытіе внутренняго Китая, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, должно имѣть слѣдствіемъ быстрое исчезновеніе многихъ отсталыхъ отраслей промышленности, сохранившихся до сихъ поръ благодаря замкнутости государства, обусловленной недостаткомъ транспортныхъ средствъ, внутренними таможенными и всякаго рода прижимками. Но даже у натуральной крестьянской промышленности не хватаетъ силъ бороться съ европейскими товарами. Однимъ изъ главныхъ средствъ создать рынокъ для капиталистической крупной индустріи является разрушеніе этого рода первобытной промышленности. Подобно тому, какъ въ Россіи и Индіи, она должна исчезнуть и въ Китаѣ. Крестьянинъ сдѣлается простымъ земледѣльцемъ, покупающимъ необходимыя ему продукты промышленности на рынкѣ. Отъ этого у него явится потребность въ наличныхъ деньгахъ, а одновременно съ этимъ то же самое непріятное явленіе наступитъ и у государственной власти. Таможенныхъ пошлинъ хватить ей не на долго; на крестьянъ будутъ наложены денежныя налоги, что еще болѣе увеличитъ ихъ потребность въ деньгахъ. Крестьянинъ будетъ тогда принужденъ выносить на рынокъ большія количества производимыхъ имъ сырыхъ матеріаловъ и средствъ существованія. Подобно тому, какъ во всѣхъ первобытныхъ государствахъ, изнемогающихъ отъ капиталистическаго нашествія, и въ Китаѣ возникнетъ большой вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ. Иначе чѣмъ же онъ заплатитъ за свой ввозъ? Одного чая и шелка недостаточно; притомъ чай произрастаетъ въ Китаѣ только южнѣе 30° широты, а производство шелка также процвѣтаетъ лишь въ южной части государства. На ряду съ этимъ Китай долженъ будетъ вывозить сельскохозяйственныя произведенія высшихъ широтъ, какъ-то: сахаръ, пшеницу и т. д. Нельзя также позволять вводить себя въ заблужденіе указаніемъ на

перенаселенность Китая. Китайцы, даже вымирая съ голоду, будутъ вывозить жизненные средства,—подобно тому, какъ это дѣлали вымиравшіе съ голоду ирландцы и еще и теперь дѣлаютъ русскіе и индусскіе крестьяне, а Индія также сильно населена, какъ и Китай. Въ Китаѣ собственно приходится 86,9 жителей на квадратный километръ, а въ непосредственно британскихъ владѣніяхъ Индіи—88,5, слѣдовательно—даже немного болѣе. (Въ Германіи—99,7).

Тѣ же самые пароходы и желѣзныя дороги, которые доставляютъ въ Китай и развозятъ по немъ хлопчатобумажные товары, рельсы, локомотивы и всевозможныя машины, будутъ забирать съ собою на обратномъ пути не одинъ только шелкъ, чай и хлопчатую бумагу, но также и всякаго рода хлѣбные продукты. Отъ этого положеніе сельскаго хозяйства въ Европѣ отнюдь не улучшится.

Но одновременно съ угнетеніемъ европейскаго сельскаго хозяйства должно наступить бѣдственное положеніе сельскихъ хозяевъ также и въ самомъ Китаѣ—и для этого Россія и Индія даютъ намъ прообразы.

Денежное хозяйство взрываетъ на воздухъ старую деревенскую общину, охранявшую крестьянъ, оно приводитъ въ деревню ростовщика и сборщика податей. Массами отрываются сельскіе жители отъ прадѣдовской земли и переселяются въ города съ тѣмъ, чтобы увеличить собою ихъ пролетаріатъ, который одновременно увеличивается и гибелью старой индустрии.

Эта эволюція началась уже давно. Постройка желѣзныхъ дорогъ должна ее ускорить и усилить вытекающія изъ нея слѣдствія. Уже открытіе нѣкоторыхъ гаваней повлекло за собою сильное выселеніе китайцевъ; и, если только страну когда-либо пересѣкутъ желѣзныя дороги, то это выселеніе приметъ гораздо большіе размѣры. Кули стучится у воротъ Европы, и подобно тому, какъ въ сороковыхъ годахъ переселеніе ирландцевъ угрожало дезорганизовать англійскій рабочій классъ и парализовать его классовую борьбу, такъ новое нашествіе монголовъ грозитъ уготовать подобную же участь рабочему классу всей Европы.

Опасность—серьезна. Стоитъ лишь прочесть у Карлейля и Энгельса о томъ, какъ сильно были угнетены англійскіе рабочіе переселеніемъ ирландцевъ, чтобы легко представить себѣ, какое значеніе для современнаго пролетаріата имѣло бы сильное переселеніе китайцевъ.

Но какъ ни сильна опасность, не слѣдуетъ, однако, составлять о ней преувеличенныхъ представленій. Подобно тому, какъ страну, которой предстоитъ извлечь главную выгоду изъ открытія Китая, представляетъ изъ себя не Европа, не она же является и той страной, которой угрожаетъ наибольшая опасность отъ китайскаго выселенія. Оно больше всего будетъ наводнять тѣ страны, въ которыя оно и теперь уже направляется: въ Индію, Зондскіе острова, Сибирь и, если

позволять законодательныя препятствія, въ Австралію и Западную Америку.

Если же это выселеніе достигнетъ до Европы и приметъ большіе размѣры, тогда оно будетъ опасно и не одному только пролетаріату. Очень поучительное поясненіе этому даетъ намъ исторія китайскаго переселенія въ Соединенные Штаты. Китайцы приходили туда не только, какъ поденщики, но и какъ самостоятельные ремесленники и какъ крестьяне, пахавшіе и обрабатывавшіе землю. Они являлись, такимъ образомъ, конкурентами также и «среднему сословію». Но и на этомъ дѣло не остановилось. Купеческій и ростовщическій капиталъ уже очень развитъ въ Китаѣ. Достойные довѣрія докладчики рассказываютъ намъ объ одномъ китайскомъ Ротшильдѣ, обладающемъ имуществомъ въ 100 милліоновъ франковъ и многочисленными фирмами съ 10, 12, даже 25 и 30 милліонами.

Хозяйство мандарина, являющееся тормазомъ для всего экономическаго развитія, стѣсняетъ также и купца въ свободномъ проявленіи его предпринимательскаго духа. Поэтому онъ охотно эмигрируетъ и скоро становится тамъ, гдѣ онъ поселится, опаснѣйшимъ конкурентомъ европейскаго капиталиста. Такъ, существовали общества китайскихъ купцовъ, которыя сперва занялись транспортированіемъ китайскихъ рабочихъ въ Каліфорнію. Потомъ, какъ только китаецъ занялъ твердую позицію въ странѣ, онъ уже не удовольствовался эксплуатаціей своихъ земляковъ во время перевозки ихъ въ Новый Свѣтъ. Онъ попытался распространить эксплуатацію также и по ту сторону океана и, такъ какъ онъ лучше зналъ рабочаго, а этотъ послѣдній, въ большинствѣ случаевъ, искони былъ его неоплатнымъ должникомъ, то и успѣлъ въ этомъ далеко больше своего европейскаго конкурента. Если китайцы сначала вытѣсняли съ фабрикъ бѣлыхъ рабочихъ, то скоро они начали вытѣснять изъ нихъ также и бѣлыхъ предпринимателей.

Сарторій фонъ-Вальтерсгаузенъ такъ описалъ этотъ процессъ въ своемъ изслѣдованіи о «китайцахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки» (*Tübingener Zeitschrift*. 1883):

«Разсмотримъ, наприимѣръ, фабрикацію табаку и папиросъ. Въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Санъ-Франциско было около пятисотъ бѣлыхъ рабочихъ занятыхъ обработкой произраставашаго въ Калифорніи табаку. Потомъ предприниматели начали работать китайцами.—Первымъ слѣдствіемъ этого было то, что пятьсотъ бѣлыхъ рабочихъ, въ большинствѣ—нѣмцы, лишились своихъ занятій. Въ 1876 году ихъ насчитывали только сотню. Вторымъ слѣдствіемъ было то, что китайцы, изучивши дѣло, перешли къ кустарной промышленности и, сотнями работая день и ночь въ подвальныхъ помѣщеніяхъ Чинатовъ (китайской четверти города), они, благодаря сбереженію въ расходахъ на квартиры, разорили мелкихъ американскихъ

предпринимателей. Послѣ этого китайскіе капиталисты начали основывать болѣе крупныя производства, которыя въ концѣ семидесятыхъ годовъ угрожали отнять хлѣбъ также и у крупныхъ американскихъ предпріятій.

«Совершенно то же самое случилось и съ производствомъ обуви, которое съ 1874 года было поставлено въ Санъ-Франциско на широкую ногу... Въ 1879 году всѣ туфли, двѣ трети всѣхъ дѣтскихъ и дамскихъ сапогъ и столько же обыкновенныхъ для сельскаго населенія доставлялись китайскими предпринимателями.

«Совершенно такіе же опыты были сдѣланы и съ другими видами одежды; такъ было, напр., на фабрикахъ рубашекъ, шерстяного и хлопчатобумажнаго нижняго бѣлья, въ портняжескихъ мастерскихъ, гдѣ работы производились въ большихъ размѣрахъ.

«Въ другихъ отрасляхъ промышленности послѣдовало, благодаря конкуренціи, прямое изгнаніе американцевъ. Такъ произошло, напр., въ прядильняхъ шерсти, въ ткацкихъ, джутовыхъ фабрикахъ, въ канатныхъ, въ мастерскихъ сигарочныхъ ящиковъ, мыловарняхъ, спичечныхъ фабрикахъ, прачечныхъ и во многихъ другихъ».

Мелкіе и крупныя купцы также терпѣли отъ китайской конкуренціи.

Первые—отъ торговли въ разноску, послѣдніе—отъ того, что китайскіе купцы начали все болѣе и болѣе монополизировать торговлю съ Китаемъ. Это и были причины, побудившія конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1882 году запретить иммиграцію китайцевъ закономъ, который въ 1892 году былъ еще болѣе усиленъ.

Подобные законы были изданы также и въ различныхъ государствахъ Австраліи.

Однако, всѣ эти запрещенія оказались дѣйствительными лишь по отношенію къ иммиграціи *со стороны моря*. Но Соединенные Штаты граничатъ съ Канадой и Мексикой, которыя впускаютъ китайцевъ. Такъ что, благодаря большому протяженію сухопутной границы и воспримчивости американскихъ чиновниковъ къ денежкамъ «на чаекъ», они легко проникали оттуда и въ Соединенные Штаты. Оффиціальная статистика этихъ послѣднихъ насчитывала въ 1890 году только 107.000 китайцевъ, но Тома Шяръфъ, бывшій китайскій инспекторъ Нью-Йоркской гавани, опредѣляетъ ихъ число въ 700.000 человекъ, и изъ нихъ 150.000 только въ Калифорніи.

Подобные опыты слѣдовало бы сдѣлать и въ Европѣ. Нечего бояться сильной китайской иммиграціи *по воднымъ путямъ*. Но проникновеніе Россіи въ Китай и постройка ея сибирской желѣзной дороги откроетъ китайцамъ *сухопутную дорогу* въ Европу. И Р. Е. Мей совершенно правъ въ своемъ «Обзорѣ экономическаго развитія», когда онъ говоритъ: «начнется съ открытія Китая для Россіи, а окончится открытіемъ Россіи для перенаселеннаго Китая» *).

*) Напомнимъ читателю тоже мнѣніе г. Гарана въ его очеркахъ «Карандашемъ съ натуры». См. «М. Б.», мартъ, апрѣль, май 99 г.

Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что китайская эмиграція достигнетъ Европы. И, если только въ этой послѣдней она дастъ себѣ чувствовать въ болѣе значительной степени, то тогда она коснется не однихъ только поденныхъ рабочихъ, но также и классовъ, образующихъ основу государства, сохраненіе которыхъ особенно важно для государственныхъ мужей; поэтому слѣдствіемъ такой эмиграціи должно быть принятіе мѣръ, подобныхъ тѣмъ, какіе уже приняты въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи. Далѣе, еслибы оказалось, что всѣ эти ограничительныя мѣры остались недѣйствительными, то отъ китайскаго нашествія больше всего пострадали бы мелкіе ремесленники, торговцы и крестьяне. Что же касается рабочаго класса, то въ немъ это нашествіе прежде всего отразилось бы на самыхъ консервативныхъ его частяхъ,—на кустаряхъ и сельскихъ рабочихъ, и, прежде чѣмъ началъ бы обнаруживать свое дезорганизирующее вліяніе «желтый ужасъ», оно встряхнуло бы ихъ отъ спячки.

Тогда уничтоженіе конкуренціоннаго хозяйства и преобразованіе способа производства показалось бы этимъ членамъ общества неотложно необходимымъ, какъ единственное средство спасенія отъ конкуренціи кули.

Такъ, когда въ концѣ семидесятихъ годовъ китайскій вопросъ сдѣлался въ Калифорніи особенно жгучимъ, онъ далъ тамъ толчекъ къ быстрому развитію мощи одной рабочей партіи, которая въ 1878 году даже приобрѣла большинство на государственныхъ выборахъ, но, конечно, благодаря своему беспорядочному и мелкобуржуазному характеру, она не могла долго продержаться.

Притомъ не слѣдуетъ также забывать и того, что возникновеніе капиталистической промышленности въ Китаѣ должно имѣть своимъ слѣдствіемъ также возникновеніе въ немъ рабочаго движенія и пробужденіе «требовательности» рабочихъ. Китаецъ на своей родинѣ не всегда бываетъ тѣмъ кроткимъ терпѣливцемъ, какимъ его знаютъ за границей; туда вообще заносятся судьбою лишь бѣднѣйшіе изъ бѣдняковъ—рабы по контракту или за долги; причѣмъ и жить имъ за границей приходится среди чуждаго и враждебно настроеннаго къ нимъ населенія.

Впрочемъ, даже въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ недостатка въ стачкахъ китайцевъ. На родинѣ же они обнаруживаютъ большую стойкость. Къ этому же нужно прибавить и вышеупомянутое товарищеское единеніе, которое облегчаетъ ихъ организацію.

На тотъ фактъ, какъ быстро съ возникновеніемъ капиталистическаго хозяйства появляется также и соотвѣтствующая ему классовая борьба, показываетъ намъ Японія, въ которой уже открылось сильное рабочіе движеніе.

Такъ что, если принять во вниманіе существующій порядокъ вещей въ Китаѣ, то въ немъ желѣзныя дороги могутъ произвести сильное

рабочее движеніе раньше, чѣмъ тамъ образуется сильная армія и дисциплинированная бюрократія.

Но чѣмъ сильнѣе рабочее движеніе въ Китаѣ, тѣмъ незначительнѣе опасность монгольскаго нашествія для Европы.?

Конечно, теперь невозможно сказать того, какую окончательную форму примутъ всѣ эти различныя, другъ съ другомъ перекрещивающіяся, здѣсь—усиливающія, тамъ—другъ друга стѣсняющія стремленія. Какъ бы ясно ни представляли себѣ сущность этихъ стремленій, объ ихъ относительной силѣ и скорости развитія, освобождающаго эти стремленія отъ оковъ, можно дѣлать лишь одни предположенія.

Но мы можемъ сказать съ опредѣленностью слѣдующее.

Не слѣдуетъ составлять себѣ слишкомъ преувеличеннаго мнѣнія о томъ экономическомъ подъемѣ, который послѣдуетъ за открытіемъ Китая; этотъ подъемъ будетъ не столько полезенъ Европѣ, сколько молодымъ, прогрессирующимъ индустріямъ другихъ частей земли. Но зато онъ принесетъ съ собою серьезныя опасности: усиленіе заокеанической конкуренціи на средства существованія; крупную китайскую промышленность, имѣющую возможность предлагать на рынкѣ низшія цѣны, чѣмъ европейская; пониженіе средствъ существованія или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе силы европейскихъ рабочихъ въ борьбѣ за повышеніе этихъ средствъ,—какъ отъ конкуренціи дешевле производящей китайской индустріи, такъ и вслѣдствіе иммиграціи лишенныхъ потребностей высшей культуры и стойкихъ въ борьбѣ китайскихъ рабочихъ.

О величинѣ и значеніи этихъ опасностей можно спорить. Но какъ бы ни преувеличивали ихъ, онѣ не помѣшаютъ открытію Китая. Это открытіе сдѣлалось необходимымъ для капиталистическаго способа производства, и классъ капиталистовъ долженъ стремиться лишь къ тому, чтобы открыть этотъ величайшій, еще закрытый для него рынокъ,—и онъ это сдѣлаетъ.

Н. Каутскій.

ДУШНАЯ НОЧЬ.

(СТЕПНЫЕ ОЧЕРКИ) *).

I.

— Какая невыносимая жара! Просто, что-то невиданное и неслыханное! — воскликнулъ Георгій Александровичъ Плавутинъ, глубокимъ вздохами стараясь набрать въ легкія побольше воздуха, — кажется, если бы была какая-нибудь возможность, сейчасъ бѣжалъ бы безъ оглядки изъ этого проклятаго Курдюма.

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопль, ураганъ пронзительно зашвыстала вокругъ дома, въ которомъ помѣщался клубъ, рвануль ставни, бросилъ въ стекла оконъ горсти сухого, точно перемолотаго песку, и улетѣлъ дальше. Порывы урагана будто стихли на время, но по улицѣ продолжали носиться клубы пыли; ставни не переставали содрогаться, а болты и петли жалобно визжать на всѣхъ тонахъ.

— Да, — сказалъ исправникъ Петръ Петровичъ, — самая ужасная погода, какую только мнѣ приходилось видѣть... Бѣда... гм... когда въ степной мѣстности разыграется такая песчаная буря... гм... самумъ, настоящій самумъ...

— Вотъ въ такое время и хорошо засѣсть съ пріятелями въ винтикъ, — ободрительно замѣтилъ Агриппинъ Михайловичъ Ападульчевъ, именитый купецъ города и хозяйственный старшина клуба.

— Я непрочъ, — отвѣчалъ докторъ Македонскій, — только ужъ знаю, что навѣрное сегодня проиграюсь. Развѣ можно что-нибудь соображать, когда температура дошла до сорока градусовъ?

— Ну, ну, хватили... — возразилъ ему коллега, докторъ Айзиковскій, — хотя, впрочемъ, кто его знаетъ, сколько сейчасъ градусовъ... У меня жена съ утра въ истерикѣ. Весь день, бѣдняжка, дежитъ съ компрессами на груди и на головѣ.

*) Два первыхъ очерка были помѣщены въ «М. В.», въ іюлѣ 1897 и ноябрѣ 1898 г.

— Если бы мнѣ не было совѣстно, я бы тоже обложилъ себя холодными компрессами и плакалъ,—сказала лѣсничій съ горькой улыбкой,—а вонъ, чортъ ее знаетъ, откуда эту вонь приносить вѣтеръ?

— За это угощенье благодарите ужъ нашу рѣчку Курдюмку,—сказала Эмилиѣ Маріусовичъ Бубликовъ, помощникъ исправника,—она видите ли высохла, и это пахнетъ ея гнилая тина.

— Да, нѣтъ,—нетерпѣливо отмахиваясь отъ мухи, возразилъ Плавутинъ,—въ воздухѣ еще что-то есть непостижимое, тяжелое...

— Просто, батюшка, много электричества носится въ воздухѣ, вотъ и все,—отвѣчалъ Тюльпановъ.

— Вамъ все просто, счастливый человекъ,—проворчала лѣсничій, чувствуя непобѣдимое желаніе съ кѣмъ-нибудь поссориться,—сказала—электричество, и такъ доволенъ сдѣлался, точно его въ холодную ванну посадили...

Плавутинъ стоялъ передъ зеленымъ столомъ, на которомъ была уже разложена вѣрообразно колода картъ и, ничего не отвѣчая, глядѣлъ на нихъ.

— Это онъ скучаетъ оттого, что всѣ его лѣсныя насажденія теперь погибли,—сказала докторъ Айзиковскій,—я вчера возвращался со вскрытіи мимо вашего излюбленнаго „лѣса“ и могу вамъ сказать, что всѣ деревья засохши, иные даже съ корнями выворочены.

— Это вамъ, кажется, доставляетъ удовольствіе?—возразилъ Плавутинъ, сдерживая гнѣвъ, который вдругъ захватилъ ему дыханіе, и глядя сверху внизъ на худенькую маленькую фигурку доктора,—экая, подумаешь, натура у человекъ! Люди трудились столько лѣтъ, садили деревья, воду чортъ знаетъ откуда носили, а онъ радуется, что слѣпая сила все сразу разрушила!

— Я вовсе не радуюсь, а просто говорю...

— Ну, ну, господа, берите-ка лучше карты,—вмѣшался Петръ Петровичъ примирительно,—чего тамъ, волноваться, гм... Въ природѣ и такъ много электричества, а вы его еще и въ клубѣ, гм... разводите...

— Вонъ идетъ къ вамъ еще партнеръ, Носковъ,—сказала Плавутинъ,—а я, извините, не могу! У меня просто голова до тошноты кружится... Какъ я радъ, что жена уѣхала въ Россію и не видитъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

Въ комнату вошелъ судебный слѣдователь Алексѣй Григорьевичъ Носковъ. Его круглое блѣдное лицо было покрыто потомъ, загрязненнымъ массой мелкой пыли.

— Уфъ! Что дѣлается на улицѣ!—сказала Носковъ, вытирая лицо и показывая всѣмъ платокъ, на которомъ выдавились гряз-

ными пятнами всѣ пять пальцевъ его руки,—вонъ, сколько пыли набралъ! А вѣдь только перешелъ площадь... Во рту песокъ хруститъ, противно.

— Садитесь въ винтъ играть: намъ недостаетъ партнера, — пригласилъ его Петръ Петровичъ Тюльпановъ.

Въ комнату заглянула смуглая, точно изъ бронзы выточенная голова Гамида въ высокой барашковой шапкѣ. Черные глаза татарина пытливо пробѣжали по всѣмъ лицамъ и, наконецъ, остановившись на удрученной фигурѣ доктора Македонскаго.

Гамидъ смотрѣлъ на неподвижное тѣло Василя Петровича и дѣлалъ ему какіе-то таинственные знаки.

— Чего тебѣ?—спросилъ, наконецъ, Агриппинъ Михайловичъ, замѣтивъ усилія татарина.

— Докторъ надо казначейшѣ... больна!

— Василий Петровичъ, практика!—шутливо воскликнулъ Айзиковскій; но Македонскій вскочилъ только тогда, когда до его плеча дотронулась широкая ладонь Ападульчева.

— А, что?.. Заснулъ! Хорошо было...—бормоталъ онъ хриплымъ голосомъ, — казначейша заболѣла? Иду, иду... Слава Богу, только черезъ два дома...

Докторъ вышелъ, накинувъ на себя пиджакъ, но забывъ захватить фуражку.

Въ садикѣ, окружавшемъ церковь, сегодня не появлялись гуляющіе. Деревья сильно перегнулись вправо, нагнули чуть не до земли свои хилыя вѣтви, покрытыя засохшими листьями, и точно кланялись кому-то всѣ вмѣстѣ, точно умоляли кого-то о чемъ-то, но безуспѣшно. Иногда они, будто теряя терпѣніе, гордо выпрямлялись, но налетѣвшій ураганъ снова пригибалъ къ землѣ ихъ изсохшія вершины. А между ними, бѣгая по дорожкамъ, шалили тоненькія колонки песку поднятаго съ земли ураганомъ. Онѣ вертѣлись другъ за другомъ между деревьями, догоняли, перегоняли и, точно усталые, рассыпались, наконецъ, въ прахъ, не сомнѣваясь, что скоро опять возродятся.

Солнце зашло; воздухъ изъ бураго превратился въ темно-сѣрый; на крестѣ колокольни погасла звѣздочка свѣта, зато въ четырехугольникѣ домовъ, окружающихъ церковь, появились огоньки.

На небѣ замелькали блѣдныя расплывчатыя свѣтящіяся точки: то были звѣзды, свѣтъ которыхъ боролся съ степною пылью.

— Что же, господа, еще одну партійку сыграемъ?—предложилъ Агриппинъ Михайловичъ.

Собесѣдники молчали.

— Ай-ай-ай!—раздался вдругъ подъ окнами клуба отчаянный крикъ.

Всѣ переглянулись и сразу вскочили со своихъ стульевъ.

— Ай, ай, пожа-арь!—кричалъ дѣтскій пронзительно высокій голось.

Георгій Александровичъ, сидѣвшій у окна, увидалъ, дѣйстви-тельно, кровавое зарево за церковной колокольней.

Эмилиі Маріусовичъ первый выбѣжалъ на улицу.

У крыльца клуба стояла худая оборванная дѣвчонка лѣтъ десяти съ маленькимъ младенцемъ на рукахъ. Она смотрѣла на зарево и кричала. Младенецъ, въ бѣломъ чепчикѣ, съ хорошенькой круглой головкой, громко вторилъ ей.

— Пошла вонъ, чего ты здѣсь реवेशь!—сказалъ дѣвчонкѣ Эмилиі Маріусовичъ,— это ты такая! Пошла вонъ!

— Я Христа... сапожникова, — пробормотала дѣвочка, испугавшись еще больше,—я съ дѣтьми играла, а они всѣ ушли... Здѣсь дѣвочка прекратила свои объясненія, такъ какъ, продолжая ихъ, ей пришлось бы сознаться, что она осталась одна у крыльца затѣмъ, чтобы посмотрѣть въ окошко на господа, играющихъ въ карты.

Эмилиі Маріусовичъ послѣшно сбѣжалъ со ступенекъ крыльца, удивляясь, почему на церковной колокольнѣ не бьютъ въ набатъ?

Онъ зашелъ за уголъ церкви, посмотрѣлъ на горизонтъ, остановился и, сердито плюнувъ, повернулъ къ клубу обратно.

— Въ порядкѣ ли пожарная бочка?—спросилъ его Петръ Петровичъ Тюльпановъ, слѣшившій насколько могъ скоро въ полицейское управленіе.

— Это луна всходитъ,—съ необычайной холодностью отвѣчалъ Эмилиі Маріусовичъ и прошелъ мимо неповоротливаго начальника своего, исполненный самаго подавляющаго достоинства.

Но это достоинство мигомъ слетѣло съ его фигуры, когда онъ снова увидалъ Христа съ младенцемъ на рукахъ, которая стояла на прежнемъ мѣстѣ и глядѣла на него во всѣ глаза.

— Пошла вонъ, негодная, вотъ я тебя!—крикнулъ ей Эмилиі Маріусовичъ—всякая дрянь смѣетъ еще пугать людей, пошла вонъ!..

Онъ хотѣлъ было подойти къ дѣвчонкѣ, стоявшей неподвижно отъ страха; но тутъ порывъ урагана засыпалъ ему лицо и глаза, забился даже въ ротъ.

Эмилиі Маріусовичъ бросилъ Христа и послѣшилъ укрыться на крылечко клуба.

Вскорѣ къ нему присоединился Петръ Петровичъ, который долго стоялъ, стараясь отдышаться послѣ скорой ходьбы и испуга.

— Какая луна!—сказалъ докторъ Македонскій, когда часть луннаго диска выглянула изъ за стѣны церкви, — точно ее кто кровью налилъ.

Красная, выпуклая луна, безъ лучей, съ фіолетовыми краями, поднималась вверхъ такъ скоро, что, казалось, можно было слѣ-

доть за ея движеніемъ. Вотъ уже она вся показалась изъ-за стѣны собора, вотъ начала подыматься, забирая вправо, и надъ стѣною. Фіолетовыя тѣни на краяхъ ея диска мало-по-малу блѣднѣли, переходя въ сизую мглу, затѣмъ и сизая мгла расплылась и пропала. Луна потихоньку зашла за колокольню, точно желая спрятаться отъ наблюдателей, но ее выдавалъ блѣдный кругъ свѣта, постепенно двигавшійся справа налѣво. Когда же она выглянула снова изъ-за колокольни, лицо ея уже потеряло свою зловѣщую кровавую окраску; оно потускнѣло, окуталось грязнымъ туманомъ, въ которомъ плавали ея лучи, безсильные пробиться наружу.

— Неужели только восемь часовъ!—воскликнулъ Носковъ, — какіе уже стали длинные вечера, а вѣдь еще только половина іюля!

Плавутинъ, оставшійся одинъ въ комнатѣ, во время переполюха, ударомъ ладони открылъ окно, возлѣ котораго сидѣлъ и сказалъ:

— Я говорилъ, не надо было такъ рано начинать въ карты играть... Теперь, вотъ, надо убить время, а нечѣмъ...

Въ это время изъ-за угла появилась высокая, сутуловатая фигура въ длинномъ сюртукѣ, похожемъ на расу, въ шапкѣ, походившей на суфейку и съ длинной палкой въ рукахъ, смахивавшей на странническойй посохъ.

Фигура скользнула мимо забора и затѣмъ вступила въ полосу свѣта, лившагося изъ оконъ клуба. Дойдя до крыльца, темная фигура поклонилась чиновникамъ низко, по-монашески.

— Миръ вамъ, господа,—проговорилъ приторно елейный дребезжащій голосъ и фигура, мелькнувъ на мгновение своимъ восковымъ лицомъ, на которое съ обѣихъ сторонъ спускались пряди сѣдыхъ волосъ, и, сверкнувъ острыми глазами, прошла мимо.

Всѣ поглядѣли вслѣдъ фигурѣ, всматриваясь въ ея узкую спину съ выдающимися лопатками, съ которыхъ спускался внизъ сюртукъ, точно съ вѣшалки.

Христя, которая все еще пряталась подъ заборомъ клуба, потому что ей было страшно идти одной домой, обрадовалась, увидавъ, что кто-то идетъ по направленію къ ея улицѣ, и хотѣла уже проситься въ компанію, но всмотрѣвшись въ темную фигуру, дѣвочка опять прижалась къ забору: она узнала этого человѣка и не пошла съ нимъ, потому что боялась и его.

— Да это Храмовъ,—сказалъ докторъ Айзиковскій,—я его по блестящимъ глазамъ узналъ... И свертокъ какой-то держитъ, видно въ лавкѣ что-нибудь купилъ.

— Или укралъ,—поправилъ доктора Эмилій Маріусовичъ,—сегодня былъ въ полиціи за свидѣтельствомъ, что къ его отъѣзду за границу мы не имѣемъ никакихъ препятствій... Пришлось дать, канальѣ!—прибавилъ онъ со вздохомъ сожалѣнія.

— Онъ ѣдетъ за границу?—спросило нѣсколько голосовъ сразу.

— Въ Іерусалимъ на житье перебирается,—насмѣшливо отвѣчалъ Бубликовъ,—все, шельма, въ деньги обратилъ, говорятъ, до двадцати тысячъ теперь при себѣ имѣеть. Завтра въ городъ ѣдетъ за паспортомъ, а оттуда въ Палестину—грѣхи тяжкіе замаливать.

— Да, ему есть что замаливать,—сказалъ Ападульчевъ,—нечистыми путями разбогатѣлъ, такими нечистыми, что и времени не хватаетъ, чтобы отмолиться.

— Неужели?

— Какъ же онъ разбогатѣлъ?—посыпались вопросы слушателей, обрадованныхъ развлеченію.

Въ это время небо вдругъ точно приподнялось, раздвинулось и загорѣлось свѣтомъ; блѣдное мерцаніе луны въ немъ совершенно потонуло.

— Ухъ, зарница!..

— А можетъ, молнія... гроза собирается...

— Вотъ благодать была бы!

Всѣ начали прислушиваться, но грома слышно не было, сколько ни ожидали.

— Такъ чѣмъ же разбогатѣлъ Храмовъ?—спросилъ докторъ Айзиковскій.

— Чѣмъ? Убійствами...

— Не можетъ быть!..

— Ну вотъ! это весь городъ знаетъ, а онъ—не можетъ быть? Сперва почтальона зарѣзалъ и сумку съ деньгами у него укралъ. Знаете вы маленькую балочку, какъ въ городъ ѣхать отъ васъ вправо остается? Ну вотъ тамъ Храмовъ съ товарищемъ и подстерегъ ямщика съ почтальономъ. Товарищъ на ямщика кинулся, а самъ-то святой—на почтальона. Убили обоихъ, въ балочку бросили, а сами, черти, повернули перекладную назадъ да на ней же и въ Курдюмъ обратно доѣхали, только колокольчикъ отвязали.

— Кто же видѣлъ, какъ они ѣхали?

— Да вѣдь лошадей-то нашли у моста, возлѣ Курдюмки, а трупы—въ балочкѣ. Что же, сами лошади, что ли, пріѣхали?

— Все-таки какъ-то невѣроятно...

— Невѣроятно?.. — Агриппинъ Михайловичъ нагнулся подь стойку, вытащилъ оттуда бутылку съ ярлыкомъ, на которомъ было написано: „сухое, вяленое“, поднялъ ее на свѣтъ и, прищуривъ одинъ глазъ, внимательно измѣрилъ въ ней количество вина.

Убѣдившись, что тамъ его еще достаточно, онъ поставилъ бутылку на стойку, рядомъ съ водками собственнаго разлива, и тогда продолжалъ рассказъ:

— Вотъ, пришли они съ товарищемъ домой, стали дѣлить добычу—и не подѣлили... Впрочемъ, нѣтъ, позабылъ я... подѣлили!

Только нашему постному-то старичку завидно стало на половину товарища. Взялъ онъ яду и всыпалъ въ водку, да и угостилъ ею товарища на прощанье. Выпилъ тотъ водку, закусилъ—распрощался и поѣхалъ въ свое мѣсто, а нашъ Храмовъ потихоньку за нимъ слѣдомъ. Тотъ, товарищъ, на дорогѣ померъ, ну, понятно, Храмовъ и его деньги себѣ тоже приварманилъ.

— Это ужъ что-то, того... Какой же это такой необыкновенный ядъ, отъ котораго человѣкъ даже безъ крику умеръ,—замѣтилъ докторъ Айзиковскій.

— Развѣ я говорю, что онъ не кричалъ? Конечно, кричалъ, на помощь звалъ, да вѣдь у насъ развѣ этимъ поможете? У насъ, чѣмъ громче кто кричитъ ночью на улицѣ, тѣмъ крѣпче обыватели запираются... Да и то сказать: кому охота въ такія дѣла вмѣшиваться?

Докторъ Айзиковскій съ сомнѣніемъ покачалъ головою.

— Вотъ вы не вѣрите,—корилъ его Агриппинъ Михайловичъ,—а это весь уѣздъ знаетъ... Но и это еще не все. У почтальона было немного денегъ, тысячъ восемь не больше. На этотъ капиталъ Храмовъ дома свои выстроилъ, постоянный дворъ завелъ, торговать началъ, и больше ничего! А разбогатѣлъ онъ отъ купца.

— И тоже убійствомъ?

— Ну, конечно... Купецъ у него остановился переночевать и привезъ съ собой деньги большія, чтобы внести въ казначейство, а Храмовъ его ночью подушкой задушилъ... Ну, тутъ ужъ даже слѣдствие наряжали.

— Какъ же онъ до сихъ поръ не въ Сибири?

— Скрылъ концы. Вѣдь это когда было? Доктора одарилъ, полицію золотомъ засыпалъ. Докторъ въ протоколѣ заявилъ, что купецъ отъ удущья умеръ...

— Я ужъ слыхалъ эти рассказы,—сказалъ докторъ Македонскій.— Они мнѣ не внушаютъ особеннаго довѣрія. Конечно, Храмовъ плутъ большой руки и ханжа, но убивать онъ не способенъ, хотя бы по трусости. А вотъ обмануть, надуть,—это дѣло иное. Не даромъ у него въ усадьбѣ двое воротъ: одни парадные съ площади, а другіе въ глухой переулочъ выходятъ, оттуда ему краденый хлѣбъ возять и многое другое.

— Развѣ можно нажать столько денегъ краденымъ хлѣбомъ,—презрительно возразилъ Ападульчевъ,—у него, можетъ, пятьдесятъ тысячъ лежать, зашитыя въ перину.

— Кто эти тысячи видѣлъ?

Въ это время вдали послышался глухой раскатъ грома.

— А гроза-то вѣдь къ намъ идетъ!—торжествуя, сказалъ Плавутинъ.

— Идетъ-идетъ, а до насъ не дойдетъ,—на дорогѣ гдѣ-нибудь

и разольется... Развѣ вы не знаете нашей степи? Уже, кажется, больше двухъ мѣсяцевъ, какъ ни капли дождя у насъ не выпало.

Громъ прогремѣлъ еще разъ, но также глухо.

— Я пойду домой, — сказалъ докторъ Айзиковскій вставая, — жена вѣрно проснулась.

Онъ отыскалъ свою фуражку, повертѣлъ ее въ рукахъ и въ нерѣшительности остановился у дверей.

— Можетъ еще кто пойдетъ со мной? — спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Ага, страшно стало! — смѣясь замѣтилъ Василій Петровичъ Македонскій.

— И вовсе нѣтъ, — съ негодованіемъ возразилъ Айзиковскій, который оскорблялся всегда замѣчаніями своего коллеги больше, чѣмъ замѣчаніями остальныхъ знакомыхъ. — Я иду... до свиданія господа, — сказалъ Айзиковскій и рѣшительно вышелъ изъ комнатъ.

На крыльцѣ, прижавшись къ стѣнкѣ, дремала худенькая Христя съ спящимъ младенцемъ на рукахъ. Она вскочила, слышавъ шаги доктора и тѣмъ его испугала еще больше.

— И чего ты здѣсь торчишь? — Прикрикнулъ онъ на нее сердито.

— Боюсь... идти далеко, а тутъ свѣтло и кричать, — шепотомъ пояснила Христя, укачивая проснувшагося ребенка.

Айзиковскій торопливо зашагалъ по площади. Христя побѣжала за нимъ въ припрыжку: ей было съ докторомъ по дорогѣ.

Заслышавъ за собой шаги, Айзиковскій оглянулся и, увидѣвъ дѣвочку, хотѣлъ уже накричать на нее, но потомъ, вдругъ даже обрадовался этой неожиданной компаніи; а крикъ младенца, звучащій такъ мило среди завыванія урагана, доставлялъ ему положительно удовольствіе.

Такимъ образомъ эта маленькая группа, связанная на время узами страха, прошла всю площадь и повернула за уголъ. Скоро Христя скользнула въ калитку одного изъ маленькихъ домиковъ въ два окошка.

Докторъ Айзиковскій почувствовалъ нѣкоторую неловкость оставшись одинъ; но онъ прибавилъ шагу и скоро также очутился у подъѣзда своей квартиры.

II.

Между тѣмъ партнеры кончили партію и совѣщались, играть ли еще или же приниматься за чаепитіе.

— Кажется, кто-то ѣдетъ, — сказалъ Плавутинъ подходя къ разбитому окошку.

Дѣйствительно, гдѣ-то недалеко слышался звонъ колокольчика, звуки котораго вѣтеръ рвалъ на части и клочками разносилъ по воздуху. Звонъ становился все явственнѣе; послышался мягкій

стукъ колесъ, храпъ усталыхъ лошадей и, наконецъ, тройка остановилась у крыльца клуба.

Оттуда выскочилъ акцизный надсмотрщикъ Федоръ Семеновичъ Головачъ и, вытряхнувъ парусиновое пальто, покрытое пылью, вошелъ въ комнату.

— А, вотъ еще партнеръ,—сказалъ Петръ Петровичъ,—милости просимъ.

— Господа, здравствуйте! —привѣтствовалъ всѣхъ Головачъ.— Вотъ такъ погода!

— Куда это васъ носило въ такое время?

— На Манухинскомъ заводѣ контрольный снарядъ испортили и спиртъ, подлецы, безъ акциза выгоняли; волостной писарь поспорилъ съ прикащикомъ и донесъ Розову. Пришлось ѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

— А гдѣ же Розовъ?

— Тамъ еще остался; завтра протоколъ составлять будетъ, а я удралъ. Побоялся ночевать въ Берберовской вѣзжей: больно тамъ клопы лютые; пусть ужъ они мое начальство маленько покусаютъ Уѣхалъ, да и раскаивался всю дорогу,—такая ужасная погода! Все казалось, что кто-то по-пятамъ гонится... А это вѣтеръ столбы пыли по степи гоняетъ... Луна какъ-то смотреть по-доврительно, призрочно... Ей-Богу, было страшно!

— Чай будете пить или ѣсть хотите сначала? —спросилъ Агриппинъ Михайловичъ, никогда не забывавшій о пользѣ клуба.

— Чаю давайте, все нутро пересохло... А какъ подѣхали къ Курдюмкѣ, такъ я, ей-Богу, хотѣлъ вскочить съ перевальной и бѣжать куда-то безъ оглядки... Ну такая тамъ вонь, такая вонь...—Но не успѣлъ онъ еще кончить своей фразы, какъ вдругъ неожиданный густой, металлическій звукъ точно упалъ съ неба и, расколовъ на двое воздухъ, замеръ въ его душной атмосферѣ.

Собесѣдники застыли на мгновение, переглянулись, и всѣмъ стало будто даже прохладно. Потомъ они сразу всѣ вскочили и бросились на крыльцо.

Въ это время раздался другой ударъ; но онъ уже не казался ни такимъ оглушительнымъ, ни исполненнымъ такого таинственнаго значенія... Всѣ поняли теперь, что это звонитъ церковный колоколъ. Теперь, послѣ небольшой паузы, онъ точно собрался съ силами и затрещивалъ часто, часто... Однообразные звуки плыли одинъ за другимъ поспѣшно, стараясь обогнать другъ друга и поскорѣе разнести во всѣ стороны недобрый вѣсти.

— Пожаръ...—сказалъ Плавутинъ.

— Дождались...—воскликнулъ Петръ Петровичъ, стоявшій впереди всѣхъ на крыльцѣ.—Гдѣ это Собачкинъ? Отчего онъ не идетъ съ донесеніемъ... Кто же знаетъ, гдѣ горитъ!

*

— За Жестеровымъ домоу, ваше благородіе,—отвѣчалъ за Собачкина какой-то мужикъ, бѣжавшій безъ шапки въ сторону пожара.

Изъ полиціи уже выѣзжали дроги, на которыхъ сидѣлъ расторопный урядникъ Собачкинъ. Дроги подѣхали къ крыльцу клуба; урядникъ, вытянувшись, отрапортовалъ событіе, послѣ чего Петръ Петровичъ съ Эмилиемъ Маріусовичемъ уѣхали.

— Возьмите меня: я страсть люблю смотрѣть на пожаръ!— кричалъ имъ въ догонку Головачъ, но не получивъ отвѣта, ушелъ пить чай.

Площадь мало-по-малу наполнялась народомъ. Сперва всѣ сновали безъ всякаго порядка изъ стороны въ сторону, но затѣмъ понемногу образовалось правильное теченіе по направленію къ мѣсту пожара. Наконецъ проскакала пожарная машина и нѣсколько бочекъ съ водою плелись за нею, влекомыя высохшими клячами.

Колоколъ продолжалъ звонить мѣрно и однообразно; его металлическій звукъ зловѣще гудѣлъ въ раскаленномъ воздухѣ.

Луна уже стояла высоко на небѣ; она поблѣднѣла еще больше. Налѣво, изъ-за крышъ мягкимъ полукругомъ дрожалъ и краснѣлъ отблескъ зарева; но и онъ виднѣлся неясно изъ-за пыльной завѣсы и казался гораздо ближе чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

Скоро на площади опять стало безлюдно. Только нѣсколько пустыхъ бочекъ проѣхало назадъ за водою, да нѣсколько полныхъ попались имъ навстрѣчу. Колоколъ прозвонилъ еще раза два очень громко и умолкнулъ.

Очевидно, дѣло оказалось пустяковое. Скоро вернулись обратно къ клубу дроги съ представителями власти.

Легко соскочилъ съ нихъ Эмилій Маріусовичъ, за нимъ послѣдовалъ Петръ Петровичъ, грузно, едва перевода дыханіе.

— Какой-то дурацкій соломенный заборъ сгорѣлъ,—сказалъ онъ, входя въ комнату,—чертъ знаетъ изъ за чего суматоху подняли... Я сварился весь.

— Да, хорошо, что вѣтеръ гналъ огонь въ поле,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ,—а то весь Курдюмъ могъ сдѣлаться добычей пламени.

Вслѣдъ за дрогами, привезшими начальниковъ, повалилъ гурьбой простой народъ, возвращавшійся съ мѣста происшествія. Площадь на минуту снова наполнилась шумомъ и движеніемъ; но вскорѣ все стихло. Нѣсколько запоздавшихъ зѣвакъ, прошедшихъ потомъ мимо дверей клуба, не нарушили безмолвія.

Въ числѣ послѣднихъ прошла Христя, всегда жадная до всякихъ зрѣлищъ. Она въ настоящую минуту не имѣла на своемъ попеченіи младенца, а напротивъ, сама находилась подъ покровительствомъ своего отца, хромого сапожника Власа.

Христя держала отца за руку, тянула его вперед и въ тоже время прижималась къ нему, говоря:

— Ой, жутко, тятенька, жутко; я еще николи такъ близко пожара не видала... То-то мнѣ оно, не хорошее привидѣлось, какъ луна вставши.

Хромой Власъ торопливо ковылялъ за шустрой дочкой и изрѣдка рукавомъ рубахи вытиралъ потъ, обильно струившійся съ его лица.

— Какъ это полыснетъ вверхъ солому, да потомъ искры все на народъ, все на народъ!—болтала Христя, захлебываясь отъ избытка впечатлѣній.—Я думаю: ну! огонь съ неба почаль падать... и такъ я, тятенька, испужалась, такъ испужалась, ужастн!

Хромой Власъ былъ мало потрясенъ происшествіемъ. Въ городѣ постоянно горѣли то сарай, то соломенные амбары, и по обязанности онъ долженъ былъ всегда бѣжать на мѣсто пожара съ ведромъ въ рукахъ. Сегодня онъ рѣшилъ было улизнуть отъ этой повинности и сердился на себя за то, что уступилъ настояніямъ любопытной Христи. А вѣдь къ завтраму надо непременно починить сапоги помощнику почтмейстера. Войдя къ себѣ въ избу, Власъ отослалъ Христю спать, а самъ сѣлъ у станка съ тускло горѣвшей лампой, надѣлъ на большие глаза картузики изъ синей сахарной бумаги, и принялся критически осматривать изношенный сапогъ помощника почтмейстера.

Въ избѣ съ натопленной печкой было невыносимо душно; дѣти метались въ безпокойной дремотѣ и чуть не бредили отъ жары; хромой Власъ изнемогалъ, но продолжалъ работать.

Онъ попытался было открыть окно, выходящее на улицу, но ворвавшійся вѣтеръ мгновенно задулъ огонь въ лампѣ. Опасаясь за цѣлость стеколъ, Власъ послѣшилъ закрыть окно и попробовалъ открыть другое, на противоположной сторонѣ, выходящее во дворъ Храмовыхъ.

Съ этой стороны было нѣсколько тише. Сапожникъ постоялъ нѣкоторое время у окна, пытаясь освѣжить свои легкія душнымъ воздухомъ, но попытки его не увѣнчались успѣхомъ; зато онъ развлекался немного наблюденіями.

Власъ смотрѣлъ, какъ во дворѣ Храмовыхъ мелькали различныя женскія фигуры, какъ свѣтъ переходилъ изъ одного окна въ другое, какъ сама хозяйка Фекла бѣгала, гремя ключами, изъ погреба въ кладовую, изъ кладовой на кухню.

— Собираются къ завтраму,—замѣтилъ про себя сапожникъ,—вонъ, видно, муку понесли... въ ситѣ, что ли? Должно, пироги хотять печь.

Онъ высунулъ изъ окна и слѣдилъ за темными женскими фигурами, мелькавшими по двору, освѣщенному призрачнымъ луннымъ свѣтомъ.

Какъ-бы въ отвѣтъ на предположенія хромого Власа, изъ глубины двора послышался голосъ хозяйки Оеклы:

— Расчиняй тѣсто, Маланюшка, а я пойду за капустой.

— Ладно, — отозвалась Маланья, стоявшая еще съ какою-то женщиной у раскрытыхъ дверей кухни.

Затѣмъ хромой Власъ увидаль силуэтъ старухи Оеклы, несшей рѣшето съ морковью.

Удовлетворивъ свою любознательность, сапожникъ опять сѣлъ за работу, но въ раскрытое окошко къ нему доносились отрывки разговоровъ и счета на кухнѣ.

— По мнѣ, надотясь съ вечера пироги, ставить, — говорила Маланья, — вишь, какая жарница: тѣсто скоро подымется, а коли до утра ждять — скиснетъ, собакамъ тогда выбросить.

— Знамо, знамо... — соглашалась Оекла.

— Ну, я пойду, тетенька, домой, — раздался чей-то третій голосъ.

— Куда? не уходи Аннуска... сейчасъ самоварчикъ поставлю, чай пить будемъ.

— Нельзя, тетенька: Ванька у меня больной, а я съ утра его не провѣдывала... Ужо завтра утромъ приду.

— Приходи пораньше, молебствіе будетъ, — говорила хозяйка, провожая гостью до калитки.

Тутъ она остановилась, и долго смотрѣла вслѣдъ Аннускѣ, у которой вѣтеръ старался замотать узломъ юбку и сорвать съ головы ситцевый платочекъ.

Аннуска повернула за уголъ, а Оекла все продолжалъ стоять у калитки, глядя на улицу, на дома, на это бѣлое небо съ бѣлой луною. Все это съ дѣтства было знакомо старухѣ; ко всему этому раньше она относилась равнодушно, но теперь все было ей дорого. И старуха скучала... Ей не хотѣлось вѣрить, что завтра въ это время она уже будетъ не здѣсь, и что она больше никогда не увидитъ ни своего дома, ни улицы, ни церкви, гдѣ молилась она больше полустолѣтія... И поѣдетъ, она зачѣмъ-то въ чужую землю, которая, хотя и зовется „святой землею“, но все же для нея совсѣмъ чужая...

— Оекла, — раздался во дворѣ голосъ Храмова, — самоваръ поставила?

Старуха вздрогнула и поспѣшила въ кухню.

Тамъ сестра ея Маланья уже мѣсила тѣсто, погружая руки по локоть въ деревянную кадунку и вытаскивая ихъ облѣпленными бѣлой липкой массой.

— Ну, готово! — сказала она Оеклѣ, — вымѣсила гоже! Теперь пушай подымется еще разочекъ и пироги дѣлать можно.

Маланья счистила ножемъ съ рукъ и съ пальцевъ тѣсто, ска-

тала его въ комочекъ, бросила въ кадучку и, покрывъ ее полотенцемъ, вымыла руки въ чистой водѣ.

— Теперь чайкомъ побалуемся, — сказалъ Храмовъ, — а тамъ и вздремнуть можно: завтра сколько хлопотъ будетъ, бѣда!

Сѣли пить чай тутъ же въ душевой кухнѣ. Потъ лилъ со всѣхъ градомъ, но они утирались полотенцемъ, вздыхали и пили чашку за чашкой, степенно, не торопясь.

Послѣ чаю всѣмъ стало будто прохладнѣе; даже воздухъ показался легче и духота не такъ ощутительна.

— Пойду я, — сказала Маланья, грузно поднимаясь съ лавки.

— Куда ты? переночуй, сестрица, у меня — попросила Ѳекла, внезапно испугавшись, — жутко мнѣ что-то, не уходи.

— Не могу, сестрица; домъ на одну Дарью оставила: а та какъ заснетъ, — ее и громомъ не разбудишь... Боюсь, какъ бы не обокрали; нонче, знаешь, какой народъ... всего надо бояться.

— Ну кто тамъ на ваше добро позарится, — просила Ѳекла, окончательно разстроенная, — пожалуйста, сестрица, останься.

— Раскудахталась, — оборвалъ ее Храмовъ, — сорокъ лѣтъ спала здѣсь — не боялась, а теперь вдругъ испугалась...

— Да вѣдь ноченька-то послѣдняя... тошно какъ-то мнѣ, родимые, сумно такъ.

— Ну, заладила сорока Якова! Прощай, сестра, и впрямь не годится домъ зря бросать: мало-ли какіе люди шляются! Только завтра пораньше приходи: молебень будетъ.

Маланья ушла.

Разсердившаяся Ѳекла не пошла провожать сестру и сѣла, пригорюнившись, на крылечко. Въ душевомъ воздухѣ опять пронесся глухой ударъ церковнаго колокола; но теперь онъ гудѣлъ мирно и неторопливо: это звонарь билъ полночь.

Старикъ Храмовъ проводилъ Маланью и уже собирался задвинуть на желѣзный засовъ калитку, какъ изъ-за угла неслышно выѣхала телѣга съ сильной, большой лошадейю и двумя сѣдовками. Телѣга завернула къ дому Храмова; широкая грудь лошади и ея красивая морда въ одно мгновеніе очутились передъ его закрытыми воротами.

— Чего надо? — недружелюбно спросилъ Храмовъ.

Сапожникъ Власъ, слышавъ разговоръ, высунулъ изъ окошка во дворъ, чтобы увидѣть съ кѣмъ это говоритъ старикъ? Но онъ могъ разглядѣть только одну спину Храмова, потому что пріѣзжіе стояли за закрытыми воротами.

— Ночевать пусти, Христа ради! — говорилъ незнакомецъ, — истомились мы, вѣхамши.

Храмовъ, помолчавъ немного, сухо отвѣтилъ:

— Что это, нынче ужъ даже по ночамъ шататься стали, покою не даете...

— Съ утра на ярмарку въ Берберево выѣхали, да вонъ какая погода,—объяснялъ незнакомецъ,—глаза пескомъ засыпають, лошадь идти не могла... Приходилось въ балкѣ зной пережидать, вотъ и опоздали. Пусти, ради Христа.

— Не принимаемъ больше,—отвѣчалъ Хромовъ, неподвижно стоя возлѣ калитки.

— Куды жъ намъ теперича?—продолжалъ незнакомецъ,—вѣдь мы не даромъ... Заплотимъ! Да и завтра поможемъ кой-что... вынести... тамъ сундуки, али что... все съ нашимъ удовольствіемъ...

Хромовъ помолчалъ, будто соображая, стоитъ ли идти на эти условія?

— Идите ужъ, въ послѣдній разъ,—сказалъ онъ затѣмъ, отходя отъ калитки.

„Прельстился“, подумалъ Власъ; „ну и жадный же старикъ, кряжистый!“...

Ворота открылись, телѣга, скрипя колесами выѣхала во дворъ.

Власъ увидаль высокую плотную фигуру въ красной рубахѣ, ведшую лошадь подъ уздцы. Другая фигура, скорчившись, сидѣла на передкѣ телѣги.

Человѣкъ въ красной рубахѣ подвелъ лошадь подъ навѣсъ, потомъ снялъ картузь и вытеръ рукавомъ вспотѣвшее лицо. Власъ посмотрѣлъ на него въ это время, но увидѣлъ только необычайно бѣлый лобъ, рѣзко выдѣлявшійся надъ щеками, покрытыми густой корой загара, да сверкающіе глаза, которые на мгновеніе встрѣтились съ его взглядомъ.

Власъ послѣшно отвернулся и сталъ прилежно разсматривать подошву сапога помощника почтмейстера; человѣкъ въ красной рубахѣ отошелъ подъ тѣнь навѣса и сказалъ товарищу:

— Слѣзай, что ли...

Съ телѣги соскочилъ второй сѣдокъ. Власъ не могъ удержаться, чтобы не посмотрѣть на него; но онъ замѣтилъ только, что это былъ дѣтина огромнаго роста, широкоплечій и неповоротливый. Тутъ на порогъ кухни появилась Ѳекла съ засученными по локоть рукавами и сердито спросила мужа:

— Кого это еще Богъ намъ далъ?

— Такъ, проѣзжающіе,—отвѣчалъ тотъ.

— Надо было пущать, своихъ, видно, хлопотъ тебѣ мало!..—пробормотала Ѳекла, уходя обратно въ кухню.

Хромовъ стоялъ у крылечка, смотря на небо, которое, мало-помалу заволакивалось рыжими тучами. Снова началъ погромыхивать громъ; но теперь сильнѣе и чаще. Бѣлая луна укрылась облаками, вокругъ все потемнѣло; за то освѣщенный четырехугольникъ окна, у котораго работалъ хромой Власъ, выдѣлился теперь еще ярче.

— Къ дождю, видно,—сказалъ, подходи, незнакомецъ въ красной рубахѣ.

— Къ дождю,—повторилъ Храмовъ.

Собесѣдники помолчали.

— Овсецу бы намъ, Егорычъ,—сказалъ затѣмъ приѣзжій, и, оглянувшись на окно храмова Власа, опять встрѣтился съ нимъ глазами.

— Эхъ, напрасно я васъ пускалъ,—съ сердцемъ отвѣчалъ старикъ,—не могутъ со своимъ кормомъ ѣздить!

Сказавши это, онъ медленно и съ явнымъ неудовольствіемъ ушелъ подъ навѣсъ, гдѣ хранился овесъ.

„А ты бы не жадничалъ, да не корыстовался, — думалъ Власъ, — вотъ бы и хлопотъ было меньше... А теперь жалуется... Пустилъ, такъ нечего дѣлать, надо и кормить... особенно скотину... Она безсловесная тварь, сама не скажетъ, какъ же ей не дать?..“

Тутъ вдругъ мирныя размышленія сапожника были прерваны чѣмъ-то отрывистымъ, глухимъ стономъ. Власъ прислушался, но стонъ больше не повторился.

„Померещилось“, — сказалъ про себя сапожникъ... Однако, вмѣсто того, чтобы посмотреть, по обыкновенію, во дворъ, Власъ вдругъ съежился, какъ-то присѣлъ пониже на табуретѣ... Замирая, сидѣлъ онъ и бессмысленно глядѣлъ на дратву, которую держалъ въ рукѣ. Онъ ожидалъ и боялся еще что-нибудь услышать; но никто не стонетъ больше, и Власу показалось, что на дворѣ у Храмова стало какъ-то необычайно тихо.

— Тяни сильнѣе,—послышался среди этой тишины сердитый шепотъ.

„Господи помилуй, царица небесная!“ — мысленно сказалъ себѣ сапожникъ.

Прошло нѣсколько длинныхъ мгновений... Вдругъ песокъ за скрипѣлъ подъ чѣми-то тяжелыми шагами, шаги становились все явственнѣе; наконецъ кто-то остановился подъ самымъ окошкомъ сапожника. И Власъ увидалъ передъ собою огромную кисть руки съ застегнутымъ рукавомъ кумачевой рубахи у запястья.

Рука властно закрыла окошко, притворила его односторчатой ставней и ставню задвинула болтомъ.

Власъ вздрогнулъ, увидѣвъ совершенно неожиданно въ темномъ стеклѣ окна отраженіе собственной физиономіи.

— Ой, жутко, тятенька! Жутко! — закричала Христя, приподнимаясь съ палатей.

Власъ подскочилъ на табуретѣ. Сапогъ, дратва, шило, кусочки кожи посыпались съ его колѣней, покрытыхъ передникомъ; синій картузикъ сперва упалъ ему на подбородокъ, а потомъ повисъ на шеѣ въ видѣ ожерелья.

— Ой жутко, тятенька! — повторила Христя и снова повалилась на палати.

— Молчи, молчи! — прошептала хромой Власъ и, потушивъ лампу, на цыпочкахъ подошло къ дочери. Онъ легъ возлѣ нея, не смѣя закрыть глазъ, не смѣя шевелиться, боясь слушать и все-таки чутко прислушиваясь.

Но вездѣ было необыкновенно тихо; даже порывы урагана, повидимому, стихли...

Но вотъ чутко напряженный слухъ сапожника уловилъ, наконецъ, кой-какіе звуки... Это стучали лошадиныя копыта о твердую землю... Затѣмъ, послышался легкій скрипъ... Скрипѣли колеса телѣги. Скрипъ доносился все слабѣе и, наконецъ, совершенно стихнулъ.

„Видно уѣхали!“ — прошептала Власъ, вздыхая полной грудью.

Телѣга съ двумя незнакомцами, дѣйствительно, выѣхала въ это время за ворота дома Храмовыхъ, и тихонько шагомъ, направилась къ церковной площади.

Вѣтеръ стихъ совершенно; небо сплошь обложено черными тучами покрывало землю точно темной крышкою.

Потомъ ослѣпительныя молніи запрыгали по черному небу, загремѣлъ громъ, почти не прерывая могучихъ аккордовъ, и на сухую растрескавшуюся землю хлынулъ, наконецъ, обильный степной ливень.

III.

Не успѣло еще солнце подняться надъ крышами домовъ города Курдюма, какъ вокругъ дома Храмова стояла уже огромная толпа: почти всѣ, и старый и малый, уже успѣли узнать, что старики Храмовы убиты ночью неизвѣстными злодѣями.

День выдался праздничный и скудная природа степи также будто приодѣлась. Ночной ливень очистилъ воздухъ, прибилъ къ землѣ пыль толстой, влажной корою, которую, впрочемъ, июльское солнце высушило очень скоро. Блѣдное, точно усталое небо, было покрыто легкой дымкой испарений, которыя къ полудню превратились въ круглыя облака, мало-по-малу располагавшіяся плотными группами по краямъ горизонта.

Послѣ обѣдни вся улица, прилегавшая къ дому Храмова, была запружена народомъ.

Пестрой толпой ходили здѣсь дѣвки въ яркихъ шелковыхъ сарафанахъ съ дорогими платками на головахъ, — остатки былого великолѣпія, собраннаго въ урожайные годы. За дѣвками сновали парни въ расшитыхъ бешметахъ, висѣвшихъ, какъ того требовала мода, лишь на лѣвомъ плечѣ, и въ новыхъ картузахъ съ блестящими козырьками, лихо загнутыми на сторону.

Отдѣльной группой стояли ребятишки, среди которыхъ выдѣлялось блѣдное, веснучатое лицо Христи. Небрежно держа на рукахъ младенца въ чистенькомъ чепчикѣ, дѣвочка рассказывала маленькимъ слушателямъ о томъ, какъ ей было страшно всю ночь.

— Душить меня кто-сь то, душить, а я и кричать, быдто, не умѣю... а-ахъ, милые мои! Что страху-то было! Тятенька возлѣ меня какъ чебурахнется, а за окномъ какъ закричи-ить... Ну, пропала, думаю! Ой жутко мнѣ было, жутко!—кончала она своимъ обычнымъ припѣвомъ и приплясывала при этомъ то правой, то лѣвой ногою, а лицо ея, полузакрытое ситцевымъ платочкомъ, выражало ужасъ и ненасытимую жажду новыхъ впечатлѣній.

У воротъ дома на длинной лавкѣ сидѣли молодые люди вмѣстѣ со стариками и тутъ происшествіе обсуждалось со всѣхъ сторонъ подробно, неторопливо.

Здѣсь стояла Маланья, точно подсудимая передъ судьями и, подперевъ одну щеку рукою, рассказывала, что знала, какимъ-то особеннымъ визгливымъ речитативомъ.

— И пришла я, какъ обѣщала Ѳеклушѣ-покойницѣ, раннимъ рано, еще сонечка вовсе не видать было... Пришла, гляжу—ворота отперты! Что за оказія? Подивилась я, постояла, да подумала, можетъ подводу съ имѣніемъ впередъ себя отослали, а ворота запереть и забыли... Вошла я въ ворота, сама ихъ заперла—гляжу, новое чудо! Стоитъ Егорычъ подъ сараемъ! Стоитъ, а на меня хоть бы оглянулся... Солому, думаю, что-ли набирать хочеть? Только зачѣмъ ему, думаю солома? Съ вечера, вѣдь, все себѣ на дорогу испекли да пожарили... Все-таки, подхожу это я къ нему и говорю: „помочь, что-ли Егорычъ?“ Онъ ни слова. Я—ближе... И, родимые мои! Въ голову ничего такого не приходитъ... а стоитъ онъ просто быдто ко мнѣ спиною... Молится, что-ли? Да зачѣмъ же въ сараѣ? Подошла я ближе, тронула за плечо, а онъ, родимые, вокругъ самого себя на веревкѣ и обернулся...

Слушатели ахнули.

— Ой, батюшки!—продолжала Маланья, всплескивая руками,—не взвидѣла я свѣта Божьяго! Заголосила я, закричала и бѣгу на кухню къ сестрицѣ родимой, а она попережъ порога лежитъ съ прорубленной головешкой... Лежитъ она, сестрица моя, Ѳекла Ѳоминишна, и кровь уже вокругъ нея давно засохла...

— Окаянные!—сказаль одинъ изъ стариковъ.

— Въ комнаты я забѣжала,—продолжала Маланья,—а тамъ все вверхъ дномъ! Все вверхъ дномъ! Кинулась къ углу, гдѣ стояла пкатулка съ деньгами,—а ее, родимые, и нѣту!..

— Ужь, конечно, не даромъ двѣ душеньки христіанскія загублены... Все оно, золото треклятое, анаемское... Развѣ можно столько денегъ у себя въ домѣ держать? Вотъ, собирали-собирали... а для кого?

— Ловко дѣло сдѣлано! Никто ни возни никакой, ни крику даже не слыхаль.

— Я слышала,—робко заявила Хрестя, которая хотя и боялась вмѣшаться въ разговоръ стариковъ, но не могла удержаться, чтобы не повѣдать имъ своихъ впечатлѣній,—я слышала, какъ они всѣ кричали.

— Вреть, она,—сказаль Власъ, глядя строго на дѣвочку,—она у меня всегда вреть.

— Ой, тятенька, что вы это? Кричали они. мои жалобные, кричали... Сама слышала, какъ Оекла Ооминишна голосила: „ой помогите, православные! Рѣжутъ меня, грабятъ, убиваютъ“. И жутко мнѣ стало, ой какъ жутко!

— Врешь, пошла,—сказаль Власъ, который былъ чрезвычайно мраченъ и безпокоенъ, хотя старался, по возможности, казаться равнодушнымъ,—слушайте вы ее, таратору. Она вчера пожару испугалась и всю ночь провидывалась.

— И неужто вы ничего не слышали? Вѣдь почитай у тебя подъ окномъ старика вѣшали?

— Я мимо воротъ шла, видала, что и окно-то у тебя въ ихъ дворъ было открыто,—сказала какая-то баба.

— Было открыто, а потомъ заперли,—отвѣчалъ Власъ и нервная судорога искривила его лицо.

— Эге, что-то неладно!—сказаль, смѣясь, одинъ изъ парней, хлопая по плечу сапожника,—что-то нашъ Власъ таиться началъ! Можетъ онъ убивцевъ у себя въ избѣ укрываль?

— Тьфу!—сказаль Власъ, съ сердцемъ освобождая свое плечо отъ тяжелой руки парня.

— Да, можетъ, онъ и поубиваль стариковъ! Теперича разбогатѣть, первымъ купцомъ станетъ,—закричалъ другой парень.

Всѣ захохотали. Мысль, что хромой, тщедушный сапожникъ можетъ совершить такое злодѣйство, показалась всѣмъ очень смѣшною.

— Негоже такъ шутки шутить,—замѣтилъ одинъ изъ стариковъ и Власъ, немного успокоенный этимъ заступничествомъ, отошелъ къ сторонкѣ.

Сапожнику очень хотѣлось рассказать міру про незнакомца съ бѣлымъ лбомъ и про руку въ красной рубахѣ, закрывшую ему ставню; но онъ боялся мести этого страшнаго человѣка и рѣшилъ не выдавать своей тайпы.

Урядникъ Собачкинъ, сторожившій входъ въ домъ, уже давно ожидалъ появленія властей, но они, утомленные душевною ночью, еще почивали. Урядникъ стоялъ на крыльцѣ, обозрѣвая съ высоты своего положенія пеструю толпу, волновавшуюся у его ногъ, и улицу, по которой должны были показаться чиновники.

Наконецъ острый глазъ Собачкина замѣтилъ вдали свѣтлый силуэтъ, непохожій на фигуры толпившихся крестьянъ и, всмотрѣвшись внимательнѣе, онъ увидалъ бѣлую фуражку съ кокардой и смуглое лицо, принадлежавшее товарищу прокурора Ивану Ивановичу Прозрителю.

— Эй вы, разступитесь!—гаркнулъ Собачкинъ пріосаниваясь.

Толпа раздалась, пропуская къ крыльцу важное чиновное лицо.

Иванъ Ивановичъ поднялся на крыльцо и спросилъ урядника съ лукавой скромностью, изъ-за которой въ то же время явно сквозило нескрываемое сознание своего начальническаго полномочія:

— Развѣ господинъ судебный слѣдователь еще не являлся на мѣсто преступленія?

— Нивакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ Собачкинъ, стараясь вытянуться передъ начальникомъ выше своего роста.

— Что же, развѣ его не извѣщали?—допытывался Прозрителевъ съ какой-то страдальческой покорностью во взорѣ.

— Господинъ приставъ являлся къ нимъ на квартиру, по они еще почивали, ваше высокоблагородіе.

— А, почивали...—повторилъ Прозрителевъ какъ бы окончательно подавленный этими извѣстіями.

— Прикажете мнѣ явиться еще разъ къ господину судебному слѣдователю, ваше высокоблагородіе?—спросилъ урядникъ, исполнительно порываясь съ мѣста.

— О, нѣтъ зачѣмъ же, пусть почиваетъ,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ и кротко удалился въ домъ.

Урядникъ глядѣлъ вслѣдъ начальству, оставаясь попрежнему вытянувшимся болѣе, чѣмъ то возможно человѣку, и готовый повиноваться малѣйшему мановенію начальнической длани. Но въ то же время онъ вспоминалъ разговоръ судебного слѣдователя Носкова съ исправникомъ, разговоръ, который Собачкинъ подслушивалъ сидя въ передней полицейскаго управленія. Носковъ очень ругалъ тогда Прозрителева, называлъ его „иттригантомъ“, который любитъ „зацѣплять людей подъ ножку“.

Время шло, а власти все почивали.

Наконецъ, послѣ полудня, къ дому Храмовыхъ торопливо подошелъ Алексѣй Григорьевичъ Носковъ, который былъ чрезвычайно неприятно пораженъ, заставъ на мѣстѣ происшествія Ивана Ивановича Прозрителева.

— А, это вы,—привѣтствовала Носкова товарищъ прокурора съ любезной улыбкой.

Но несмотря на эту улыбку, Алексѣй Григорьевичъ почувствовалъ большую неловкость.

— Знаете ли, вчера мы въ клубъ засидѣлись,—сказалъ онъ съ напускной небрежностью,—и всѣ проспали! Кто же могъ предполагать, что вдругъ случится такое происшествіе?

— Да, да, я уже здѣсь давненько похаживаю,—какъ бы вскользь замѣтилъ Прозрителевъ.

Онъ проводилъ Носкова къ трупамъ и отошелъ отъ него въ сторону, когда началось формальное дознаніе.

Теперь толпа была прогнана со двора, ворота заперты, а черезъ калитку пропускались въ домъ только привилегированныя особы.

— Разступитесь, эй, отойдите отъ калитки!—кричалъ урядникъ, замѣчая вдали Плавутину, шедшаго съ докторомъ Македонскимъ.

Толпа неохотно раздалась. Чиновники прошли во дворъ, сопровождаемые недружелюбными взглядами народа.

Алексѣй Григорьевичъ встрѣчалъ посѣтителей съ видомъ гостепріимнаго хозяина. Онъ показывалъ трупы, водилъ по комнатамъ, обращалъ вниманіе на царившій въ нихъ беспорядокъ и съ какимъ-то особеннымъ священнодѣйствіемъ подводилъ всѣхъ къ нѣсколькимъ пыльнымъ отпечаткамъ подошвы сапога, сохранившимся очень ясно у кровати.

— Это — единственное вещественное доказательство! — говорилъ онъ въ поясненіе,—кромѣ веревки да этихъ слѣдовъ больше ничего мнѣ, подлецы, не оставили! Бога ради, не наступите, не сотрите пыли, иначе и эта улика окажется негодной.

— Неужто вы будете примѣрять къ этимъ слѣдамъ всѣ сапоги въ уѣздѣ?—спросилъ Плавутинъ, громко засмѣявшись.

— Смѣйтесь, смѣйтесь,—глубокомысленно возражалъ Носковъ,—ничего, видно, вы въ нашемъ дѣлѣ не понимаете! Въ нашемъ дѣлѣ много значить удача, даже иногда чудо...

— Ну, чудо вездѣ много значить..

— И, пожалуйста, не трогайте здѣсь ничего, не переставляйте... все должно быть на своемъ мѣстѣ.

Плавутинъ отошелъ отъ сердитаго Алексѣя Григорьевича и поздоровался съ Прозрителевымъ, который ходилъ по комнатамъ съ дѣловитой озабоченностью, какъ бы давая понять всѣмъ Носкову, что онъ по долгу и въ особенности присягѣ наблюдаетъ за его дѣйствіями, но въ то же время предоставляет ему полную свободу.

— Удивительно ловкіе злодѣи,—сказалъ Плавутинъ товарищу прокурора,—никакихъ уликъ не оставили на мѣстѣ преступленія.

— Я умываю руки... вѣдь я не слѣдователь, — отвѣтил Прозрителевъ шепотомъ и съ явнымъ сожалѣніемъ поглядывая на суетившагося Носкова.

Осмотрѣвъ мѣсто происшествія, судебный слѣдователь занялся допросомъ свидѣтелей, показанія которыхъ не столько выясняли, сколько затемняли событіе.

Власть говорилъ, что онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ и спалъ всю ночь безъ просыпу.

Маланья призывала на себя всѣ громы небесные за то, что въ самую трудную минуту оставила сестрицу свою Оеклу Оомнишну безъ помощи. Все же остальное въ этомъ происшествіи она считала на столько незначительнымъ, что и разговаривать о немъ имѣла мало охоты.

Христя, дрожа и путаясь, утверждала, что Оекла призывала людей на помощь. Затѣмъ появилось еще нѣсколько бабъ, клятвенно заявлявшихъ, что и они слышали отчаянные крики, доносившіеся къ нимъ со двора Храмовыхъ.

Алексѣй Григорьевичъ напрягалъ всѣ свои способности, чтобы заставить свидѣтелей сказать что-нибудь дѣльное; но все оказывалось бесплоднымъ. Тогда онъ краснѣлъ, сердился, вытиралъ потное лицо платкомъ, свернутымъ въ комочекъ и беспомощно ежился подъ снисходительно насмѣшливымъ взоромъ своего начальника Прозрителева.

Когда все, что нужно было, записано, Алексѣй Григорьевичъ, усталый и смущенный вскочилъ со своего мѣста и запагалъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ остановился у окна, глядя на нѣсколько троекъ, которые уже давно стояли у воротъ, позвякивая подвязанными воловоличьями.

— Ей Богу, не знаю куда и посылать погоню, — сказалъ онъ подошедшему Плавутину.

— Развѣ онѣ приготовлены для погони? — съ удивленіемъ спросилъ тотъ.

— Ужь, конечно, не для пивника, — раздражительно отвѣчалъ Носковъ.

— Послали бы лучше по верховому въ каждое волостное правленіе съ извѣстіями о происшествіи. Какая ужъ тутъ погоня, когда преступники скрылись еще ночью.

Носковъ метнулъ на совѣтника взглядъ, который далъ понять послѣднему, что у него однимъ пріятелиамъ стало меньше.

— Э, батюшка, — сказалъ затѣмъ судебный слѣдователь, — слѣдствіе вовсе не такая простая штука, какъ какое-нибудь тамъ разведеніе деревьевъ... Тутъ надо думать и думать, не то надѣлаешь пропасть глупостей.

Къ вечеру протоколъ убійства былъ готовъ, свидѣтельскія по-

казанія записаны, домъ опечатанъ и всѣ почтовые лошади разогнаны въ разныя стороны по дѣлу объ убійствѣ.

Жителямъ города Курдюма рѣдко приходилось переживать болѣе тревожные дни, чѣмъ тѣ, которые послѣдовали за дерзкимъ убійствомъ.

Народъ толпился цѣлые дни въ обширномъ дворѣ убитыхъ. Здѣсь служили панихиды, закусывали; здѣсь голосили родственницы во главѣ съ Маланьей, здѣсь же обсуждались ея шансы на наслѣдство.

Христя бѣжала туда съ младенцемъ на рукахъ, который смотрѣлъ съ одинаковой невинной улыбкой на людей и на трупы. Усталая, запыхавшаяся, стояла Христя надъ покойниками въ какомъ-то испугленіи любопытства. Она замѣчала на ихъ лицахъ малѣйшее измѣненіе, слушала фантастическіе рассказы толпы и бѣжала домой дѣлиться ими съ отцомъ.

— Ой, тятенька!—кричала она еще издали,—Федоръ кривой говорилъ, что Федосья видала ночью покойниковъ... Стоять, быдто, они на дворѣ за рученьки взявшись и голосать, да такъ жалостливо... Федосья, быдто, ихъ спрашиваетъ: „Чего вы, мои жалобные, плакаетесь?“ А они: „Безъ покаянія померли... А убилъ насъ, говорятъ, Сементъ“... Тутъ она, Федосья, значитъ, подошла ближе, а они и рассыпались и только паръ, паръ этакъ поднялся къ небу.

— Ври, ври!..—говорилъ хромой Власть, не поднимая головы отъ работы.

— Вотъ! Ври! Да пойди, послушай,—весь народъ уже знаетъ! А еще, тятенька, говорятъ, Маланью Фоминишну судить будутъ...

— Ну, это еще что?—говорилъ Власть, скрывая любопытство подъ тономъ небрежной насмѣшки.

— Ночью-то сестра, Фекла Фоминишна, просила, слышь, ее остаться, а та не осталась... И ужъ злющая эта Маланья! Фекла-то, слышь, говорила ей: „Останься, сестрица родимая, чуетъ сердечко бѣду неминуемую... Быть мнѣ нонѣ убитой-зарѣзанной“... А Маланья быдто говоритъ: „Ничего, не бойсь“, и ушла! Ушла, безжалостная! А теперь, злодѣйка, боится, потому что членъ ее судить будетъ, за что сестру повинила! И въ тюрьму-Сибирь ее упрячуть...

Наконецъ, убитую чету похоронили.

Послѣ похоронъ, крестьянское населеніе города Курдюма сразу успокоилось; но зато паника еще сильнѣе охватила души его привилегированныхъ классовъ.

Къ вечеру въ садикъ, окружавшемъ церковь, теперь замѣчались болѣе оживленіе, чѣмъ прежде. Публика, обыкновенно гулявшая по числу партій, небольшими группами, теперь ходила плотной толпою.

Предметомъ разговоровъ было, конечно, таинственное, дерзкое убійство и злодѣи, которые точно въ воду канули.

— Хоть бы какіе-нибудь слухи были, а то ничего!—жаловался Носковъ.

— Погодите, погодите, нетерпѣливый молодой человѣкъ,—утѣшалъ его Петръ Петровичъ.

— Нечего ждать, никогда ничего не найдутъ,—возражалъ скептикъ Головачъ,—эта проклятая степь все скроетъ! За три года что я здѣсь живу, это уже четвертое убійство и ни одно не раскрыто.

— Я здѣсь только второй годъ,—какъ бы оправдывался судебный слѣдователь.

— Эхъ, господа, господа!—вздыхалъ Петръ Петровичъ,—вамъ легко критиковать; а побыли бы вы на нашемъ мѣстѣ и тогда возражали бы! Какія наши силы? Вотъ мнѣ извѣстна шайка въ Алексѣевскихъ оврагахъ, а поди-ка, гм... сунься! Съ однимъ Собачкинымъ, гм... ловить ее, что ли?

— А вы бы донесеніе въ городъ послали объ этой шайкѣ—сказалъ Плавунинъ.

— Принимаю, гм... слова ваши не за совѣтъ, а за насмѣшку,—гордо поднимая голову, возразилъ Тюльпановъ.

— Но почему же?

— Потому, что я, гм... не желаю прослыть безпкойнымъ-съ человѣкомъ.

— Вообще, эти критики...—сказалъ, прерывая наступившее молчаніе, судебный слѣдователь,—критиковать очень легко... А вы возьмите у меня дѣло, да ведите сами слѣдствіе, тогда увидите... Подлецы! Ни одного вещественнаго доказательства не оставили!

— А слѣды пыли въ спальной?

— Да, вамъ смѣшно—огорчался Носковъ,—а каково мнѣ? Стерлись слѣды, ничего отъ нихъ не осталось.

— А веревка петель?—спросилъ Головачъ.

— Веревка! Что я могу сдѣлать изъ этой веревки? Посмотрѣлъ бы я, чтобы вы выдумали на моемъ мѣстѣ изъ этой веревки.

— Я бы самъ на ней повѣсился...

Всѣ начали смѣяться.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, это ужасно,—сказалъ докторъ Айзиковскій,—этакъ придутъ къ тебѣ, убьютъ тебя, а потомъ ничего имъ за это не достанется.

— Какъ не достанется?—возразилъ Головачъ,—имъ ваши деньги достанутся.

— Послушайте, Ѳедоръ Семеновичъ, надо же знать мѣру своимъ шуткамъ,—отвѣчалъ докторъ, подозрительно вглядываясь въ темноту, окружавшую маленькій садикъ,—вы, вотъ, шутите, конечно;

но вѣдь это неосторожно! Какой-нибудь неблагонамѣренный человекъ можетъ подумать, что у меня, дѣйствительно, есть деньги.

— Ну, ну, полноте, кто станетъ трогать чиновниковъ? Вѣдь всѣмъ злодѣямъ съ начала сотворенія міра извѣстно, что чиновниковъ убивать не стоитъ: и денегъ мало, и хлопотъ не оберешься.

— Вотъ я разбойниковъ не боюсь,—нарочито громко заявлялъ маленькій аптекаръ Лебеда,—у меня для нихъ составъ приготовленъ. Пусть придутъ! А я изъ спринцовки своей на нихъ прысну,—сейчасъ всѣ Богу душу отдадутъ.

— Да, вамъ это не диво,—отозвался опять Головачъ,—не одна душа отправилась на тотъ свѣтъ, испробовавъ вашихъ составовъ.

— Полноте вы, Федоръ Семеновичъ,—примирительно вставилъ Тюльпановъ.

— И у меня тоже на случай злодѣевъ припасено оружіе,—признался Агриппинъ Михайловичъ Ападульчевъ,—хотя самъ я страхъ какъ боюсь этихъ вещей... Да жена и дочка уговорили выписать пару пистолетовъ изъ города... Теперь хожу мимо нихъ и душа въ пяткахъ! Вотъ бѣда, все думаю, ну, какъ выстрѣлять?

— Сами? Со стѣны?

— А кто ихъ знаетъ? Такое ужъ каверзное оружіе... Не угадаешь когда и что...

Разговаривая такимъ образомъ, публика гуляла теперь дольше обыкновеннаго; а во многихъ домахъ и лампы горѣли всю ночь до разсвѣта.

Послѣ полуночи, спокойныя раньше стогна города, оглашались теперь громомъ выстрѣловъ: это неспокойные обыватели, мучимые кошмаромъ, вскакивали съ постелей и въ полуснѣ бросались къ форточкамъ, чтобы стрѣлять оттуда на воздухъ, оповѣщая тѣмъ разбойниковъ о своемъ вооруженномъ бодрствованіи.

Но прошелъ мѣсяцъ, другой, и трагическое происшествіе стало забываться понемножку. Выстрѣлы раздавались уже не такъ часто, обыватели начали снова гулять по садуку группами, по числу партій.

Юлія Безродная.

ГАЗЕТА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(З а м ѣ т к а).

Помнить ли читатель одинъ изъ «степныхъ очерковъ» Левитова: «Газета въ селѣ?»—Почтамтскій сторожъ, суровый николаевскій унтеръ-офицеръ, сдаетъ испуганному крестьянину тюкъ газетъ, адресованный на имя сельскаго дьячка.

— Ослобони, Бога для, милый человекъ,—умолялъ мужикъ.—Сейчасъ бы мы съ тобой дернули за это по махенькой,—вотъ тѣ Христось дернули бы!

— Поговори!—прикрикнулъ солдатъ, и тюкъ грозно упалъ въ телѣгу.— Тутъ, братецъ, никакая махенькая не поможетъ. Вези, какъ приказано...

— Скажи, пожалуйста,—разсуждаетъ самъ съ собой отставной служака, когда крестьянинъ, прикрывъ тюкъ своей свитенкой, исчезъ изъ виду,—народецъ какой, а? отъ самихъ гг. синатбровъ не хотѣлъ посылки отвезть. Я,—говорить,—боюсь, какъ бы мнѣ не проштрафиться... Экой народъ необразованный, право!—

Дорогой невольный почтальонъ нагоняетъ небольшую партію солдатъ, которые не прочь проѣхать на даровой подводѣ.

— Ранцы клади, ребята; а сами сторонкой идите, потому есть тутъ у меня въ телѣгѣ сигналы такіе казенные,—говорятъ Лука солдатамъ.

Одинъ изъ солдатъ раскрываетъ тюкъ и, узнавъ, что тамъ находятся газеты, пользуются невѣжествомъ мужика, чтобы наказать его на полтинникъ.

— Давай полтинникъ и благодари Бога, что я случился тутъ...

— А что?

— А вотъ что: не будь тутъ меня, сейчасъ бы тебя, можетъ, въ мелкіе куски растерзали,—эти-то? Ты этого не зналъ? Доставай деньги проворнѣе, а я покуда побѣгу корни рыть...

Получивъ газеты, дьячекъ собираетъ крестьянъ, чтобы объявить «бумагу изъ губерніи». Собрались «отцы» деревни и до появленія дьячка на собраніи происходить такіе разговоры:

— Говорятъ, книжка какая-то изъ Питера пришла и, будто, та книжка живая. Выведеть ее дьячекъ къ намъ, а она скажетъ: «здравствуйте, ребята! Садись-ка всѣ, да учите меня». Всѣхъ будетъ учить.

Является на сцену дьячокъ съ «бумагой изъ губерніи» и кипой газетъ, слышатся женское всхлипываніе, раздается протестующій голосъ деревенскаго смѣльчака: «мы на это не согласны», наконецъ, водворяется молчаніе, и дьячокъ читаетъ бумагу, въ которой его просятъ о распространеніи присланной газеты среди сельскаго населенія.

— Поняли?—спросилъ дьячокъ, прочитавши листъ.

— Какъ не понять!...

— Изъявите желаніе и несите деньги.

Въ толпѣ поднялся глухой гулъ, надъ которымъ царствовалъ тонкій плачь бабы. Григорій Петровъ снова выступилъ впередъ и торжественно произнесъ:

— Мы на это не согласны!

— Она вонъ, Лукашка сказываетъ, учить насъ всѣхъ поголовно собира-
лась,—дружно поддерживала толпа Григорья Петрова.

— А когда намъ учиться-то, самъ небойся, знаешь?

— Мы такихъ книгъ сроду и не выдывали—живыхъ-то! И кто только дѣ-
лаетъ ихъ,—о Господи!

— А приказные и дѣлаютъ,—господа. Это недавно выдумали.

— Жили и безъ нихъ!

— Родимые! Со-о-ко-лики!—громче всего, наконецъ, разнесла по толпѣ со-
крушенная баба.—Ш-што-о намъ таперича, сиротамъ, съ ей дѣлать?

Разошлась толпа и, словно пчелы въ ульяхъ, загудѣла по измамъ.

Отставной солдатъ видитъ тутъ обманъ и подкопъ подъ только что даро-
ванную «волю».

— Безпремѣнно фальшь какая-нибудь. Я видалъ въ Питерѣ настоящія га-
зеты,—тѣ не такія. Эта ишь, смуряя какая-то, ровно бы свита старая.

На пчельникѣ идетъ иной разговоръ:

— Говорятъ: по ночамъ будетъ шастать...

— Я ее безпремѣнно тогда разшибу, такъ-таки въ дребезги и расхлопну,
потому я ихъ, вѣдьмовъ-то, не очень боюсь.

Двѣ бабы пришли къ самому дьячку. Одна изъ нихъ, подавая ему старинный пятакъ, говорила:

— Продай, Архипъ Петровичъ, газетки мнѣ на пятакъ!

— На что тебѣ?—спросилъ обрадованный было дьячекъ.—Вѣдь ты гра-
мотѣ не знаешь?

— Я отъ живота... Сказывали, что съ виномъ ее даже будто бы хорошо
отъ живота...

Другая баба, узнавъ отъ Лукашки, что «въ ей всѣ моря описаны», про-
ситъ дьячка показать ей сына—солдата, который стоитъ на берегу Чернаго
моря.

Нашелся въ деревнѣ и грамотей, но тотъ «убояся бездны премудрости,
обратился вспять».

— Вынесъ онъ ее, матушку, грамоту-то; а она большая такая, да бѣлая...
Только я и вижу сейчасъ, что мнѣ ее не взятъ, взялъ да ушелъ.

На другой день дьячокъ отправилъ куда слѣдуетъ такой отвѣтъ:

«А что касается до столичныхъ Вѣдомостей, то, при всемъ моемъ рве-
ніи, поселяне нашего прихода покупать ихъ не согласились, ибо непросвѣ-
щенны, потому я самолично отправилъ ихъ на храненіе, впредь до обратнаго
востребованія, въ колокольный чуланъ, гдѣ онѣ будутъ находиться въ полной
безопасности и чистотѣ».

Все вышеописанное происходило въ Тамбовской губерніи тридцать-сорокъ
лѣтъ тому назадъ, въ деревнѣ, гдѣ были грамотные взрослые и гдѣ была
школа подъ руководствомъ дьячка. Мы остановили вниманія читателя на этомъ
разказѣ, въ справедливости котораго трудно сомнѣваться, зная искренность
Левитова,—не для того, чтобы поглумиться надъ невѣжественнымъ народомъ,
а чтобы показать, какъ глубоко измѣнилось отношеніе русскаго крестьянина
къ газетному листу въ самое непродолжительное время.

Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ описанныхъ Левитовымъ сценъ вотъ что писалъ
другой хорошій знатокъ народной жизни: «Газета заняла первое мѣсто. Напъ-
ешься чаю, приходивъ Иванъ записывать умологъ, расходъ, и первое слово:
что новаго въ газетахъ? Что Скобелевъ, Гурко? А тамъ Федосѣичъ въ кухнѣ
ждется—пришелъ узнать, «чья пошибка беретъ». Отдашь газеты, въ кухнѣ
громко читаютъ. Иванъ, Авдотья, Михей слушаютъ съ величайшимъ интере-
сомъ корреспонденцію про Скобелева и всегда напередъ спрашиваютъ—есть ли

что-нибудь отъ того, который «про Скобелева пишетъ». Федосѣичъ объясняетъ, что такое ложементъ, траншея, дивизія, стрѣлковая рота. Да, съ этой войной, большой бунтъ въ хозяйствахъ пошелъ» *).

Положимъ, время было военное, когда народъ былъ возбужденъ турецкими звѣрствами въ Болгаріи, когда у каждаго кто-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ былъ за Дунаемъ. Но и помимо войны русскій народъ измѣнившимся условіями существованія невольно былъ выведенъ изъ того состоянія соннаго царства, когда почти только «война съ Китаемъ», да обманчивые слухи о «волгѣ» и волновали народные массы. Благодаря земской школѣ и обученію солдатъ на военной службѣ число грамотныхъ въ деревнѣ стало увеличиваться, и такимъ образомъ у освобожденнаго народа явилась не только потребность, но и возможность искать отвѣтовъ на умственные и нравственные запросы въ книгѣ и газетѣ.

По свѣдѣніямъ Московскаго статистическаго отдѣленія уже въ 1883 года, крестьянами Московской губ. выписывалось до 350 экземпляровъ разныхъ газетъ. По свѣдѣніямъ г. Пругавина, относящимся къ восьмидесятымъ годамъ. крестьяне, конечно наиболѣе зажиточные и интеллигентные, охотно выписывали дешевыя ежедневныя изданія въ родѣ «Свѣта» и иллюстрированныя изданія въ родѣ «Нивы», при чемъ крестьяне составляютъ «главную массу подписчиковъ» газеты г. Комарова, печатающейся въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ **).

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о довольно сильномъ, по сравненію съ ближайшимъ прошлымъ, расширеніи интересовъ русскаго простонародія и о его стремленіи выйти за предѣлы очерченнаго вѣками умственнаго кругозора. Но обыкновенная общественно-политическая газета, занятая иностранными «злобами дня» и, въ большинствѣ случаевъ, трудными для крестьянскаго пониманія вопросами внутренней политики, ни по языку, ни по содержанію, ни даже по цѣнѣ недоступна для деревенскаго читателя, хотя бы и окончившаго курсъ земской школы. Чуткая къ «запросамъ народа» русская интеллигенція еще въ пятидесятыхъ годахъ, въ эпоху массоваго возникновенія воскресныхъ школъ, мечтала о специальныхъ газетахъ для народа. Позднѣе вопросъ объ изданіи газетъ для народа поднимается въ нѣкоторыхъ земствахъ. Мысль о такой газетѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мелькаетъ и графъ Л. Н. Толстой ***). Но прежде чѣмъ частныя лица и общественныя учрежденія получили возможность придти къ народу съ припоровленной къ его потребностямъ и знаніямъ газетой, само правительство сдѣлало первый опытъ изданія такого органа въ лицѣ «Сельскаго Вѣстника», выходящаго съ 1881 г. еженедѣльно въ видѣ приложенія къ «Правительственному Вѣстнику». Въ этой первой газетѣ для народа «помѣщаются толково изложенныя статьи, касающіяся улучшенія земледѣлія, подробно излагаются приемы всякаго рода кустарныхъ ремеслъ, сообщаются общепользныя свѣдѣнія» и кромѣ того на всевозможные запросы читателей даются отвѣты, которые «отличаются до чрезвычайности внимательнымъ отношеніемъ ко всякимъ просьбамъ, иногда даже и такимъ, въ которыхъ выражаются самыя ничтожныя, а подчасъ и нелѣпыя требованія» ****). Особый отдѣлъ «Сельскаго Вѣстника» подъ заглавіемъ: «Сообщенія изъ волостей» создалъ цѣлую литературу «деревенскихъ корреспондентовъ и публицистовъ», о которой въ

*) А. Н. Энгельгартъ. «Изъ деревни». Спб. 1885 г., с. 271.

***) Пругавинъ, «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія». Спб. 1895 г. Статя: «Газеты и журналы въ народной средѣ».

****) Пругавинъ, с. 219.

*****) Сочиненія Г. И. Успенскаго, т. III, с. 663.

свое время писалъ Глѣбъ Успенскій. Расходясь въ десяткахъ тысячъ платныхъ экземпляровъ (1 р. 60 к. въ годъ), «Сельскій Вѣстникъ» при всѣхъ своихъ недостаткахъ, безспорно, приноситъ нѣкоторую пользу.

«Поставивъ себѣ непосильную задачу—удовлетвореніе умственнымъ запросамъ слишкомъ большой аудиторіи, съ слишкомъ разнообразными потребностями, и неся въ себѣ всѣ неизбѣжныя недостатки оффиціознаго изданія, эта газета не могла, конечно, избѣжать очень крупныхъ недостатковъ. «Сел. Вѣстникъ» слишкомъ слабо затрогиваетъ интересъ читателя и въ огромномъ числѣ случаевъ, немедленно по полученіи въ волостномъ правленіи съ почты, въ неразрѣзанномъ видѣ, прямо подшивается, какъ оффиціально выражаются въ канцеляріяхъ, «къ дѣлу». Но умственные запросы деревенскаго читателя такъ велики, что и эта трудно переваримая пища во многихъ случаяхъ поглощается имъ съ жадностью. О дѣйствительныхъ связяхъ читателя съ редакціей «С. В.» свидѣтельствуетъ обширный и широко развитой въ этой газетѣ отдѣлъ «вопросовъ и отвѣтовъ» и надо думать, что «Сел. Вѣстн.» сообщеніемъ въ этомъ отдѣлѣ множества, главнымъ образомъ, юридическихъ совѣтовъ принесъ, вѣроятно, нѣкоторую пользу нашей, безправной деревнѣ». Такой отзывъ сдѣлалъ г. Буялько-Корецкій въ своемъ докладѣ о «Вятской Газетѣ», прочитанномъ въ засѣданіи Вольнаго Экономическаго Общества 30 ноября 1898 года *).

Примѣръ «Сельскаго Вѣстника» показалъ воочію, какъ сильно назрѣла необходимость специально народныхъ газетъ, и какую громадную пользу могутъ онѣ принести для экономическаго и юридическаго развитія деревенскаго населенія. Этимъ примѣромъ постарались воспользоваться отдѣльные представители губернской администраціи и нѣкоторыя земства для созданія мѣстныхъ органовъ печати для народа. Во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ по мысли бывшаго саратовскаго губернатара Косича въ народную газету была превращена неофициальная часть «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ 1892 г. подписчиковъ этой газеты, стоившей два рубля въ годъ, было болѣе пяти тысячъ. Въ ней сотрудничали не только представители деревенской интеллигенціи—сельскіе учителя и волостные писаря, но и крестьяне-земледѣльцы **).

Еще болѣе удачнымъ опытомъ провинціальной народной газеты является «Вятская Газета», сельскохозяйственная и промышленная», издающаяся съ 1894 года вятскимъ губернскимъ земствомъ и расходящаяся, болѣею частью бесплатно, въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ.

Кто читаетъ народную газету? Чего въ ней ищутъ и чѣмъ интересуются? Какъ относится народъ къ ея совѣтамъ и указаніямъ? Какое, вообще, вліяніе оказываетъ газета на деревню?—Вотъ рядъ вопросовъ, крайне интересныхъ для всякаго образованнаго человѣка и особенно для тѣхъ представителей интеллигенціи, которые стоятъ близко къ народу и имѣютъ возможность работать «на нивѣ народной». Отвѣты на эти вопросы читатель найдетъ въ «Матеріалахъ къ вопросу объ изданіи народной газеты» ***), составленныхъ г. Михайловымъ на основаніи болѣе тысячи отвѣтовъ крестьянъ, читателей «Вятской Газеты». Хотя эти отвѣты касаются одной только губерніи, но они могутъ имѣть значеніе для всей Россіи, такъ какъ Вятская губ. ни въ отношеніи народнаго образованія, ни по общему строю народной жизни ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ другихъ губерній имперіи.

Кто читаетъ народную газету? Читаетъ преимущественно болѣе грамотная молодежь, а пожилые представители деревни слушаютъ; иногда читаютъ учащіяся, — мальчики и дѣвочки. Особенно любятъ слушать опытныхъ

*) «Труды И. В. Э. Общества» за 1899 г. за № 1. Доклады с.с. 2—3.

**) См. «Міръ Божій», за 1895 г. № 9.

***) См. «Труды И. В. Э. Общества», за 1899 г., № 1. Доклады, с.с. 19—108.

и толковыхъ чтевовъ, которые умѣютъ не только ясно прочесть, но еще и рассказать прочитанное и объяснить непонятное. Такими чтевами являюся наиболѣе развитые крестьяне, обыкновенно завѣдующіе сельскими библиотечками, а также отставные солдаты, учителя, волостные писаря, даже сельскіе священники. Такъ какъ такихъ чтевовъ въ деревнѣ не много, то ихъ чтеніе обыкновенно собираетъ болѣе или менѣе многочисленный кружокъ слушателей. «Читаютъ газету—говоритъ г. Михайловъ — компаниями часто, собирается человекъ по 10, 20, 30 и болѣе. Компаниями собираются болѣе всего по праздничнымъ днямъ и лѣтомъ на улицѣ, на завалинахъ около домовъ, или зимой въ семьѣ по вечерамъ; часто—въ библиотекѣ или въ избѣ библиотечкаря. Весной и осенью читаютъ меньше. Читаютъ компаниями еще на мельницѣ, когда соберутся, ожидая очереди; въ волостномъ правленіи, въ церковной палаткѣ, въ лавкѣ, въ часовнѣ, на базарѣ, рабочіе въ рудничныхъ казармахъ, въ сборныхъ избахъ, въ пожарномъ сараѣ, въ заводской конторѣ, у сборщика податей, въ школѣ, наконецъ, даже въ кабакѣ, гдѣ ловкій сидѣлецъ пропагандируетъ водку, читая газету и, выѣтъ съ тѣмъ, пропагандируетъ газету, привлекая читателя и слушателя виномъ» (58—59).

Кромѣ русскаго населенія Вятской губ. газету читаютъ и мѣстные инородцы: татары, башкиры, черемисы, вотяки. «Молодежь изъ татаръ,—пишетъ одинъ корреспондентъ, — чего сама не пойметъ, часто проситъ рассказать библиотечкаря и псаломщика». «Населеніе вотяки пишегъ другой — грамотныхъ почти нѣтъ, а если кто читаетъ, то охотно слушаютъ». «Въ селеніи живутъ вотяки и потому на сходкахъ объясняемъ на вотяцкомъ языкѣ»,—сообщаетъ третій корреспондентъ. Кромѣ жителей Вятской губ. газетой интересуются и крестьяне ближайшихъ уѣздовъ сосѣднихъ Пермской и Уфимской губерній. По подсчету г. Михайлова, «Вятскую Газету» читаютъ минимумъ 80 тысячъ человекъ; но такъ какъ «вся наша деревня держится не на читателѣ, а на слушателѣ», то, полагая на каждыя читателя, въ среднемъ, по десяти слушателей, можно сказать, что «болѣе четверти крестьянскаго населенія Вятской губ. слушаетъ, знаетъ и можетъ пользоваться совѣтами «Вятской Газеты» (с. 50).

Чѣмъ интересуются въ газетѣ? Судя по отвѣтамъ деревенскихъ корреспондентовъ, сгруппированнымъ въ особую таблицу (см. с. 71), читателямъ народной газеты больше всего нравятся статьи сельскохозяйственнаго содержанія (382 отвѣта), затѣмъ статьи о ремеслахъ (271 отвѣтъ), статьи литературно-историческаго содержанія (209 отвѣтовъ), свѣдѣнія о хозяйственной жизни Россіи и губерній (119 отвѣтовъ) и т. д. Изъ сельскохозяйственнаго отдѣла болѣе всего нравятся статьи о пчеловодствѣ, травосѣяніи, огородничествѣ, садоводствѣ, удобреніи, скотоводствѣ, лѣсоразведеніи и т. д. Изъ ремеслъ болѣе всего интересуются крашеніемъ, изъ юридическаго отдѣла — разъясненіемъ законовъ, изъ справочнаго — цѣнами на рабочія руки, хлѣбъ и продукты. Изъ земскихъ вопросовъ главное вниманіе читателей «Вятской Газеты» обращено на народное образованіе; изъ внутреннихъ извѣстій болѣе всего интересуются несчастными случаями, урожаями и свѣдѣніями о Сибири. Таблица, изъ которой заимствованы только что приведенныя свѣдѣнія, наглядно показываютъ, что интересуются прежде всего и больше всего практическими свѣдѣніями по сельскому хозяйству и ремесламъ, народъ въ общей массѣ въ то же время желаетъ знать, что дѣлается въ губерніи, въ Россіи и даже за границей, интересуется прошлой жизнью человечества и съ удовольствіемъ читаетъ беллетристику. «Практическими вопросами — говорится въ «Материалахъ» — интересуются болѣе всего и, конечно, потому, что находятъ въ нихъ разрѣшеніе назрѣвшихъ своихъ хозяйственныхъ нуждъ. Такъ, сельскіе хозяева ищутъ въ газетѣ новыхъ улучшенныхъ способовъ воздѣлыванія земли, новыхъ

усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, пріемовъ травосѣянія и многопольнаго хозяйства; пчеловоды интересуются усовершенствованными ульями; ремесленники — новыми ремеслами, которымъ можно научиться изъ газеты бесплатно... Историко-литературнымъ отдѣломъ сильно интересуются и, благодаря ему, газета привлекаетъ къ себѣ за послѣднее время все большее число читателей... Судебныя дѣла читаются съ захватывающимъ интересомъ и служить хорошимъ воспитательнымъ средствомъ»... и т. д.

Не ограничиваясь тѣмъ матеріаломъ, который даетъ «Вятская Газета» въ настоящее время, ея читатели выражаютъ желанія о расширеніи программы газеты: одни желаютъ больше новостей изъ общегосударственной и заграничной жизни, другіе интересуются подробностями быта другихъ народовъ, третьи просятъ руководства въ общественныхъ дѣлахъ, защиты отъ притѣсеній, указаній для переселенія и т. д.; старики желаютъ статей религіознаго содержанія; «башкиры желаютъ читать исторію Башкиріи», а «черемисы просятъ напечатать, кто ихъ крестилъ» и т. д. Но больше всего, конечно, пожеланій и просьбъ высказываютъ относительно отдѣловъ сельскохозяйственнаго и ремесленнаго; особенно нуждаются деревенскіе читатели въ иллюстраціяхъ къ дѣловымъ статьямъ и въ подробныхъ указаніяхъ, гдѣ, какъ и за какую цѣну можно купить тотъ или другой рекомендованный газетой предметъ, будетъ ли это земледѣльческое орудіе, инструментъ, книга, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній о читателяхъ «Вятской Газеты» и ихъ запросахъ видно, съ какимъ глубокимъ интересомъ, вообще, относится народъ къ доступному ему органу печати. Чтобы еще сильнѣе подчеркнуть роль газеты въ деревенской жизни, приведемъ нѣсколько отзывовъ сельскихъ корреспондентовъ о томъ, какъ относится къ газетѣ читатель изъ народа. «Часто неграмотные отцы приходятъ просить газеты — почитать молодежи, а имъ послушать». «Когда сынъ читаетъ, слушаютъ охотно и отецъ, и мать, и сестры, приходятъ даже сосѣди». «Старики заставляютъ читать мальчиковъ-школьниковъ, которыхъ окружаютъ деревенцы-сосѣди и слушаютъ, а послѣ прочтенія имѣютъ между собой совѣты». «Въ настоящее время газета всѣмъ нравится, ее даже десятилѣтній ребенокъ въ нашемъ углу знаетъ, и часто спрашиваютъ, не пришла ли газета и нѣтъ ли чего новаго». «Одинъ номеръ газеты переходитъ изъ руки въ руки; каждый радъ тому, что получилъ газету. Если доведется кому прочесть, то нѣсколько времени все рассказываетъ, какъ будто бывалый, и его всѣ слушаютъ и говорятъ, что онъ рассказываетъ правду, «читаетъ въдъ газету». «Нѣкоторые приходятъ верстъ за 5 послушать, что будетъ читать вечеромъ изъ газеты учитель». Нѣкоторые деревенскіе читатели настолько пристрастились къ газетѣ, что безъ нея имъ скучно. Газетныя извѣстія и совѣты настолько нравятся крестьянамъ, «что они часто дѣлаютъ выписки, чтобы примѣнить совѣты къ дѣлу», и даже переписываютъ для себя цѣлыя статьи.

Если глубокий интересъ къ народной газетѣ среди разноплеменнаго населенія Вятской губерніи не поддается никакому сомнѣнію въ виду массы заявленій, ничтожная часть которыхъ только что приведена, то нельзя сомнѣваться и въ томъ полезномъ вліяніи, которое производитъ чтеніе «Вятской Газеты» среди деревенскаго люда. Деревенскіе корреспонденты, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія указываютъ на пользу, приносимую «Вятской Газетой». Она полезна и для сельскохозяйственнаго развитія края, и для улучшенія нравовъ, и для искорененія суевѣрій, и для распространенія общихъ знаній, и т. д. Вотъ что пишутъ изъ деревни: «Я такъ думаю — какъ полезенъ псалтырь для церкви, такъ же «Вятская Газета» для образованія Вятской губерніи». «Вятская Газета» много помогаетъ опытности народа, — онъ прозрѣваетъ отъ газеты. Отцы радуются, что обучили своихъ дѣтей грамотѣ, что теперь слушаютъ извѣстія о дальнихъ странахъ и моряхъ». «Те-

перь многіе молодые парни смѣнили картежную игру на чтеніе газетъ, и она имъ очень пользительна. «По этимъ газетамъ крестьянамъ не нужно никакого агронома; если читать съ понятіемъ, можно улучшить вполне и на покосѣ и въ огородѣ». «Вообще я люблю читать книги и газеты, но «Вятскую Газету» больше всѣхъ, такъ какъ я крестьянинъ, а для крестьянина сія газета какъ отецъ родной, который не пожелаетъ и не посовѣтуетъ любимому изъ сыновей столько полезнаго, какъ эта газета». «Теперь ворожецы да колдуны по-прежнему не прославляются, а всѣ спрятались, какъ лисицы въ норы, и не смѣютъ выгнать на свѣтъ. И послѣдователи со стыдомъ отъ нихъ отстали, потому имъ стало стыдно и газета ихъ преслѣдуетъ повсюду, вотъ глядишь рубль-другой въ карманѣ и лежитъ, который непременно былъ бы у знахаря. Въ виду этого газета многихъ устыдила и преобразовала. И въ обществахъ теперь лучшей сталъ порядокъ» и т. д.

Кромѣ этихъ общихъ указаній на пользу, приносимую газетой, въ «Материалахъ», обработанныхъ г. Михайловымъ, находится рядъ въ высшей степени цѣнныхъ указаній на практическую пользу, извлекаемую крестьянами изъ «Вятской Газеты». Пользуясь совѣтами и указаніями газеты, крестьяне вводятъ травосѣяніе, иногда цѣлыми деревнями, улучшаютъ обработку почвы, забираютъ соху плугомъ, сортируютъ сѣмена, прибѣгаютъ къ искусственному удобренію, ведутъ борьбу съ вредными насекомыми, разводятъ сады и огороды, лѣчатъ животныхъ, улучшаютъ породы домашняго скота, заводятъ усовершенствованные ульи, устраиваютъ искусственное роеніе, возводятъ сельскохозяйственныя постройки, дѣлаютъ земледѣльческія орудія, и т. д. и т. д. вплоть до опытовъ шелководства и винодѣлія (!). Вотъ что пишутъ деревенскіе корреспонденты о своихъ опытахъ по сельскому хозяйству: «Устроилъ борону по рисунку № 1. Дѣйствуетъ хорошо. Смотря на меня, еще устроили трое и многимъ нравятся. Вѣроятно многіе будутъ дѣлать». «Мы до сихъ поръ не умѣли садить огурцы, но въ № 3, 1898 г., нашли статью и у насъ, благодаря «Вятской Газетѣ», огурцы уродились хороши, а до сихъ поръ не было ни одного». «Раньше на травосѣяніе смотрѣли здѣшніе крестьяне съ великимъ недоумѣніемъ, а сейчасъ, благодаря газетѣ, начинаютъ смотрѣть на это полезное дѣло уже менѣе подозрительно и дѣлаютъ опыты травосѣянія, и также, благодаря газетѣ, завели уже много здѣсь плужковъ, начинаетъ забрасываться наша соха, нѣкоторые очень интересуются пчеловодствомъ, скотоводствомъ, а также былъ случай, что одинъ здѣшній купецъ сдѣлалъ, по совѣту газеты, вѣялку». А вотъ не менѣе интересныя извѣстія о примѣненіи въ деревнѣ газетныхъ совѣтовъ изъ области ремеселъ. «Научились чернить овчины: у насъ занимается нѣсколько человекъ выдѣлкой овчины, но хорошо, по черному, не могли дѣлать. Я получилъ одинъ № и прочиталъ, какъ дѣлать. Пошелъ къ нимъ въ овчинную и прочиталъ, какъ дѣлать. Съ тѣхъ поръ они стали дѣлать овчины хорошо». «По ремесламъ многіе теперь научились красить пряжу и холстъ въ синій и красный цвѣта и за все это благодарятъ «Вятскую Газету». «Я самъ беру прикѣры газеты и устроилъ толчею фосфоритовъ, крашу анилиновой краской, конго, пурпуриномъ, индигомъ. Устраиваю кузницу. Еще нужнымъ нахожу приводъ для молотилки». «Всѣ женщины красятъ свои тваны положительно по совѣту ремесленной газеты». «Поняли статьи о кирпичныхъ заводахъ и теперь работаютъ во всемъ обществѣ». «Согласно газетѣ, закрылъ я баню несгораемою глиносоломенною крышею, которая у меня вышла хороша. И сталъ предлагать я прочимъ крестьянамъ; въ настоящее время кроютъ уже многіе» и т. д.

Благодѣтельное воздѣйствіе газеты на деревенскую массу не ограничивается однимъ только примѣненіемъ и проверкой совѣтовъ, находимыхъ въ газетѣ; по отзывамъ «Вятской Газеты» крестьяне повсюду книги по всевозможнымъ

отраслямъ сельскаго хозяйства: по травосѣянію, полеводству, львоводству, садоводству, птицеводству, скотоводству, пчеловодству, а также по медицинѣ, ветеринаріи, ремесламъ и т. д., не исключая дешеваго изданія законовъ и брошюръ: «Какъ живутъ китайцы», «О куреніи табаку» и др. «Я думаю,— говоритъ одинъ деревенскій корреспондентъ,— не осталось ни одного такого отзыва, по которому не покупались бы книги. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ слышать просьбу отъ читателей, когда я буду въ Вяткѣ, чтобы купилъ для него книгу, вычитанную изъ «Вятской Газеты».

Всѣ эти свѣдѣнія, полученные или отъ самихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, или отъ лицъ, близко знакомыхъ съ ихъ бытомъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ той громадной пользѣ, которую можетъ принести умѣло редактируемая народная газета, подобная «Вятской Газетѣ». Большая золотая медаль, присужденная 16-го марта нынѣшняго года Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ Вятскому губернскому земству «за просвѣщенную и энергичную дѣятельность его по изданію въ 1894—1899 гг. «Вятской Газеты» и за широкое ея распространеніе среди народа», является вполне заслуженной наградой для земскихъ дѣятелей за ихъ благородныя усилія внести свѣтъ знанія въ темную крестьянскую массу. Нельзя не пожелать, чтобы и другимъ земствамъ удалось завести подобные органы для распространенія въ народѣ практическихъ знаній и расширенія его умственнаго горизонта. Интересующіеся дѣломъ изданія народной газеты найдутъ въ «Матеріалахъ», обработанныхъ г. Михайловымъ, рядъ цѣнныхъ указаній по этому вопросу.

С. Ашевскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Н а р о д и н ѣ.

Временныя правила. Министръ внутреннихъ дѣлъ, при рапортѣ, отъ 29-го іюля 1899 года, за № 9763, представилъ Правительствующему Сенату, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе, ниже слѣдующія временныя правила, выработанныя въ особомъ совѣщаніи министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Финансовъ, Военнаго и управляющаго Министерствомъ Юстиціи, и удостоившіяся, 29-го іюля сего года, Высочайшаго утвержденія.

Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.

Ст. 1. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ такому уклоненію, подлежатъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію—въ войска для отбыванія воинской повинности,—хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывнаго возраста, или же вынули по жеребью нумеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ.

Примѣчаніе. Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію на основаніи существующихъ узаконеній, отъ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ

2. Для разсмотрѣнія дѣлъ о проступкахъ указанныхъ въ предыдущей (1) статьѣ,—при каждомъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній учреждается особое совѣщаніе, въ составѣ: предсѣдателя и членовъ педагогической коллегіи, коей дѣйствующимъ уставомъ учебнаго заведенія предоставлена дисциплинарная власть, и представителей отъ министерствъ Военнаго, Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи.

Въ совѣщаніяхъ, учрежденныхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, предсѣдательствуютъ попечители мѣстныхъ учебныхъ округовъ, а въ случаѣ необходимости одновременнаго, въ предѣлахъ того же округа, дѣйствія нѣсколькихъ совѣщаній—особо назначенныя для сего министромъ лица. Предсѣдательствованіе въ совѣщаніяхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ поручается подлежащими министрами особо назначеннымъ ими лицамъ.

3. Особыя совѣщанія приступаютъ къ разбирательству дѣлъ, указанныхъ въ статьѣ 2, по непосредственнымъ распоряженіямъ подлежащихъ министровъ.

4. Особое совѣщаніе постановляетъ опредѣленіе по выслушаніи словесныхъ или по разсмотрѣнію представленныхъ, до открытія засѣданія, письменныхъ обвиненій обвиняемаго. Неявка обвиняемаго по вызову и непредставленіе имъ своевременно письменныхъ объясненій не останавливаютъ постановленія о немъ опредѣленія совѣщанія.

5. Постановляя опредѣленіе объ удаленіи обвиняемаго изъ учебнаго заведенія, особое совѣщаніе, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываетъ обязательный для удаляемаго срокъ службы въ войскахъ, въ размѣрѣ одного или двухъ лѣтъ.

Совѣщанію предоставляется назначать срокъ службы въ размѣрѣ трехъ лѣтъ тѣмъ изъ удаляемыхъ, кои принимали особо вредное въ безпорядкахъ участіе.

6. Опредѣленіе особаго совѣщанія представляется подлежащему министру, коимъ постановляется окончательное по дѣлу рѣшеніе.

Рѣшеніе министра обжалованію не подлежитъ.

7. Подлежащій, на основаніи рѣшенія министра, зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности (ст. 1), передается немедленно въ распоряженіе военнаго начальства.

8. Подлежащій зачисленію въ войска (ст. 7), оказавшійся, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, неспособнымъ къ службѣ въ строю, опредѣляется на должности нестроевыя.

9. Военному министру предоставляется всеподданнѣйше ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи отъ военной службы нижнихъ чиновъ, кои, будучи зачислены въ войска на основаніи настоящихъ правилъ, отбыли воинскую повинность въ теченіе не менѣе годичнаго срока и, по засвидѣтельствованію начальства, отличались, во время прохожденія службы, одобрительнымъ поведеніемъ и ревностнымъ исполненіемъ служебнаго долга.

10. Проступки (ст. 1) исправно отбывшихъ службу въ войскахъ на основаніи настоящихъ правилъ, предаются полному забвенію, и лицамъ этимъ предоставляется поступать въ учебныя заведенія и на государственную службу на общемъ основаніи.

Изъ поѣздки къ голодающимъ. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ печатаются отзывы и воспоминанія лицъ, работавшихъ въ мѣстностяхъ, потерпѣвшихъ отъ неурожая. Всѣ эти замѣтки написаны на одну общую тему, хотя рѣчь идетъ о разныхъ мѣстностяхъ. Авторы указываютъ на сильно пошатнувшееся народное хозяйство, которому трудно подняться собственными силами. Такъ, г. Наживинъ, посѣтившій въ іюнѣ сильно пострадавшіе уѣзды Уфимской губ. Мензелинскій и Белебеевскій, пишетъ: «Какъ ни какъ, гроза теперь пронеслась, унеся многія и многія жертвы; но въ ужасномъ положеніи остался край, гдѣ она прошла. Нужны особенно благоприятныя условія и долгое время, чтобы разоренное въ конецъ крестьянство могло встать опять на ноги. Надѣяться на эти условія, на рядъ урожайныхъ лѣтъ, — шаткая это надежда! Нужна все-таки помощь со стороны. На дняхъ закроются всѣ столовыя въ край, и крестьянинъ опять останется лицомъ къ лицу съ возможной голодовкой, совершенно безпомощный. О какой борьбѣ можетъ думать деревня, въ которой одинъ годъ унесъ $\frac{2}{3}$ и даже болѣе скота, поднялъ на 50% число безлошадныхъ, раскрылъ всѣ дворы и избы? Въ большинствѣ случаевъ, урожай нынѣшняго года будетъ хорошъ въ этихъ мѣстахъ, но что будутъ дѣлать тѣ деревни, гдѣ опять нѣтъ хлѣба, какъ въ Юртовѣ, — гдѣ его вымыло небывало высокимъ разливомъ Камы, — какъ Ямяково, гдѣ яровыя уничтожены червемъ, какъ несчастная переселенческая деревня Георгіевка, гдѣ засуха и вѣтры сдѣлали свое дѣло? Будущее для этихъ деревень — грозный, гигантскій знакъ вопроса: переживемъ или нѣтъ?.. А этихъ деревень не одна...

«Особенно тяжело положеніе георгіевцевъ; переселились они очень недавно и вынесли уже два года недорода и третій полный неурожая *подрядъ*; нынче у нихъ хлѣбъ опять уродился плохо... Изъ зажиточныхъ и даже богатыхъ мужиковъ—георгіевцы переселились съ «естью», какъ говорятъ они,—они превратились въ нищихъ въ четыре года. *На удачу* я выбралъ шесть домовъ изъ деревни. Одинъ изъ хозяевъ имѣлъ до голодовки 3 лошади, 2 коровы, 2 теленка, 2 жеребенка, 16 головъ мелкаго скота; осталось: 1 корова, 1 лошадь, 1 овца; у другого было всего 21 голова, на дворѣ—осталась 1 лошадь; у третьяго: было 23 головы—осталось 4 (сыновья на заработкахъ—двое); у четвертаго было 32 головы—осталась одна лошадь; у пятаго было 22 головы—осталась 1 лошадь; у шестого было 9 лошадей, 7 коровъ, 70 овецъ, до десятка свиней, итого 96 головъ—осталось 2 лошади, 3 овцы, 2 коровы, итого 7 головъ. Остальной скотъ либо проданъ за безцѣнокъ, либо поколѣлъ съ голода, послѣ того какъ скормили всѣ крыши и весь «катунъ» въ степи («перекати поле») —невозможную колючку, продававшуюся по 3 руб. за возъ. Эти дворы мною выбраны на удачу, какъ я сказалъ; вотъ еще нѣсколько цифръ. Деревня дѣлится на четыре слободы, и въ одной изъ нихъ (взятой тоже наудачу) было до голодовки 400 овецъ, осталось—12, было 80 коровъ—осталось 23. Безлошадныхъ въ этой деревнѣ только 20 проц., что объясняется извѣстнымъ достаткомъ георгіевцевъ до голодовки. Говорю «только 20 проц.», потому что этотъ процентъ сравнительно невысокъ; есть деревни, гдѣ онъ поднимается до 50,—напр., с. Рангазаръ, гдѣ до голодовки было 23 проц. безлошадныхъ, а послѣ стало 43 проц.; изъ общаго числа 212 дворовъ осталось тамъ безъ всякой скотины, «курицы даже нѣтъ»—66. Какъ же можетъ подняться такая деревня безъ помощи? Для того, чтобы картина была полна, слѣдуетъ прибавить, что топлива почти нигдѣ нѣтъ; лѣса выведены уже, а кизякъ, т. е. навозъ, зависитъ опять отъ урожая: есть солома,—значить, есть топливо, нѣтъ соломы,—значить, жги... Но жечь уже осталось нечего: сожжены въ избахъ строения, полата, полы, скамьи,—все, что можно только было жечь; часто даже сожжены самыя избы, и къ «безлошаднымъ» и «безскотиннымъ» прибавились еще бездомовные. Зимой, когда въ жестоку стужу топить было нечемъ, двѣ семьи заключали договоръ: одна семья обязывается пустить въ свою избу другую семью, за что та, въ свою очередь, приноситъ свою избу на топливо. Такимъ образомъ, изба въ $4 \times 5 \times 2\frac{1}{2}$ арш. вмѣщала въ себѣ двѣ семьи, одна изъ которыхъ, съ наступленіемъ весны, очутилась безъ всякаго крова. Прибавьте къ этому, что и до голодовки въ каждой деревнѣ вы могли найти, вмѣсто избъ, нѣсколько ужаснѣйшихъ землянокъ, норъ, въ которыя можно проникнуть лишь чуть-чуть не ползкомъ, гдѣ весною, во время таянія снѣговъ, на полу скопляется вода, гдѣ стѣны сыры и липки, гдѣ нѣтъ ни воздуха, ни свѣта. Самая плохая изба центральной Россіи кажется очень хорошою постройкой въ сравненіи съ этими землянками...

«И такія-то вотъ деревни тянулись на всѣмъ пути моемъ отъ Пьянаго Бора до Уфы, причемъ Мензелинскому уѣзду надо отдать пальму первенства въ смыслѣ разоренности и ужасающей внѣшности деревень; Белебевскій уѣздъ сравнительно менѣе былъ затронутъ голодовкой, да и населеніе тамъ, кажется, было до голодовки зажиточнѣе... И тѣмъ тяжелѣе было впечатлѣніе отъ этихъ разоренныхъ гнѣздъ, что край-то самъ по себѣ кажется богатымъ: превосходный черноземъ, чудные заливные луга и зеленый океанъ, красавица-степь съ своимъ серебристымъ ковылемъ; въ рѣкахъ и озерахъ масса рыбы, лѣса и степи полны дичи, на поляхъ волнуется подъ вѣтромъ высокая рожь, уже зацвѣтшая. На видъ, кажется... земля обѣтованная, съ молочными рѣками и кисельными берегами, а вѣдешь въ деревню—сердце сожмется отъ жалости и тоски».

Даже авторъ горячо возстаетъ противъ обвиненій мужика въ лѣности и т. п. «Одно время.—говоритъ онъ,—въ печати раздались голоса,—пришлось ихъ слышать и на мѣстахъ голодовокъ.—утверждавшіе, что крестьянннъ «измѣнился», благодаря даровой «кормежкѣ». Я въ принципѣ тоже противъ этой «кормежки», но надо же разобраться въ такихъ обвиненіяхъ, бросаемыхъ въ лицо голодающему крестьянству... Дѣйствительно, часто приходилось наблюдать отказы крестьянъ отъ предлагаемыхъ имъ работъ, но эти отказы всегда имѣли свой *raison d'être*... Мнѣ пришлось видѣть данныя по нѣкоторымъ волостямъ Казанской и Уфимской губерніи о количествѣ выданныхъ паспортовъ. Съ наступленіемъ голодовки число это значительно возросло противъ числа за соответствующій періодъ прошлаго года, затѣмъ вдругъ сразу упало, и во 2-ю четверть 1899 года паспортовъ было выдано значительно меньше, чѣмъ за 2-ю четверть 1898 года. Съ наступленіемъ голодовки громадною волной хлынуло населеніе на Уралъ и на Волгу... въ поискахъ за работой; всюду оказался излишекъ рабочихъ рукъ, и цѣны на нихъ страшно упали. Помаявшись нѣкоторое время въ бесплодныхъ поискахъ за работой, пострадавшее населеніе также безпорядочно отхлынуло назадъ, проѣвъ послѣдніе гроши на дорогу, распродавъ за безцѣнокъ лошадей и сбрую, пытаясь Христовымъ именовъ. Мнѣ расказывали, что на золотыхъ пріискахъ Южнаго Урала спросъ на работу былъ такъ великъ, что рабочихъ не брали даже *изъ-за куска хлѣба*; въ Пермской губерніи на заводахъ рабочихъ принимали по 45 копъ въ день, но *въ недѣлю* можно было имѣть лишь двѣ смѣны, т. е. заработать 90 копъ. Мнѣ извѣстно много случаевъ возвращенія крестьянъ изъ Уфы, куда они отправились на лошадахъ на заработки изъ лѣсныхъ заготовки и откуда вернулись, *противъ все*... въ напрасныхъ поискахъ хоть какой-нибудь работы. Что же удивительнаго, что напуганное такимъ образомъ населеніе, въ концѣ концовъ, предпочло сидѣть дома, получая свои «35 ф. на ѣдока» и ковшъ похлебки изъ столовой?..

«Указывалось на то обстоятельство, что населеніе не идетъ на работы и къ мѣстнымъ помѣщикамъ, къ своимъ богатымъ односельчанамъ. Спросишь цѣны—и разгадка сразу найдена. Пользуясь безвыходнымъ положеніемъ населенія и, благодаря неурожаю, неимѣющие возможности платить настояція цѣны землевладѣльцы старались нанимать рабочихъ чуть не даромъ; минимумъ пониженія цѣнъ было 50 проц. Поденная плата доходила до 10 копъ *въ сутки на своихъ харчахъ*. Что же удивительнаго, если приготовить кизякъ, напиримѣръ,—каторжная работа,—за гривенникъ въ день оказалось мало охотниковъ?»

Экономическое значеніе грамотности. Въ «С.-Пет. Вѣдомостяхъ» помѣщена поучительная замѣтка объ экономическомъ значеніи грамотности, — вопросъ, имѣющей большое значеніе въ наше время.

«Въ текущемъ году исполнился 25-лѣтній юбилей ситценабивной мануфактуры товарищества «Эмиль Циндель» въ Москвѣ. По этому поводу появился въ свѣтъ юбилейный историко-статистическій очеркъ названной фирмы, заслуживающей вниманія каждаго, интересующагося судьбами нашей крупной капиталистической индустріи. Для насъ, однако, въ данномъ случаѣ интересны не эти судьбы, а тѣ поучительныя свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ названномъ очеркѣ по вопросу объ экономическомъ значеніи грамотности. Осенью 1895 г. завѣдывающій училищемъ названной мануфактуры П. М. Шестаковъ, по особо составленной программѣ, произвелъ опросъ всѣхъ бывшихъ тогда на лицо рабочихъ. Оказалось, что грамотныхъ, въ общемъ, среди рабочихъ 58,2% причемъ особо по поламъ у мужчинъ число грамотныхъ повышается до 70,6%, а у женщинъ падаетъ до 8%. Но одновременно съ вопросомъ о грамотности рабочимъ ставился также вопросъ о получаемой ими заработной платѣ. Оказалось,

что поденная заработная плата грамотныхъ и неграмотныхъ существенно разнится не только въ общемъ, но и по каждому отдельному роду работъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Название мастерскихъ.	З а р а б о т о к ъ.		Разность въ пользу грамотныхъ.
	Грамотнаго.	Неграмота.	
Раклясты.	2 р. 22,5 к.	1 р. 83,5 к.	+ 39,0 к.
Отдѣлочная.	36,1 »	46,4 »	— 10,3 »
Плюссовальная.	41,3 »	43,3 »	— 2,0 »
Отдѣльная.	44,1 »	41,7 »	+ 2,4 »
Набивная.	44,5 »	43,7 »	+ 0,8 »
Складальная.	60,9 »	59,3 »	+ 1,6 »
Красильная.	53,8 »	45,2 »	+ 8,6 »
Плотницкая.	73,9 »	59,9 »	+ 14,0 »
Граверная.	1 р. 03,2 »	98,9 »	+ 4,3 »
Лаборатория.	46,7 »	56,8 »	— 10,1 »
Кладовая.	49,8 »	44,2 »	+ 5,6 »
Слесарная.	88,6 »	89,1 »	— 0,5 »
Запарная.	42,9 »	39,9 »	+ 3,0 »

«Такимъ образомъ, изъ 13 случаевъ въ 9-ти заработокъ грамотнаго рабочаго превышаетъ заработокъ неграмотнаго, причемъ разность въ пользу первого достигаетъ иногда 39 коп. въ день. Еще болѣе рельефно оказалась зависимость высоты заработка отъ грамотности, когда устранено было вліяніе на заработокъ опытности рабочаго. Сопоставленіе данныхъ о числѣ лѣтъ, прожитыхъ рабочимъ на фабрикѣ, и данныхъ объ ихъ возрастѣ показало полную пропорціональность первыхъ съ послѣдними. Это дало возможность воспользоваться данными о возрастѣ рабочихъ, съ цѣлью выяснитъ указанное явленіе. Всѣ рабочіе (мужчины) были разбиты на 10 возрастныхъ группъ, причемъ было вычислено, сколько при одномъ и томъ же возрастѣ, а слѣдовательно при одной и той же опытности, рабочіе получаютъ при условіи, что одни изъ нихъ — грамотные, а другіе—неграмотные. Результаты этихъ вычисленій представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Возрастъ.	З а р а б о т о к ъ.		Разность въ пользу грамотныхъ.	
	Грамотнаго.	Неграмотнаго.	Въ к.	Въ %.
15—20 лѣтъ.	35,5	31,1	+ 2,4	+ 8%
20—25 »	51,0	45,6	+ 5,4	+ 13%
25—30 »	62,1	48,2	+ 13,9	+ 25%
30—35 »	89,7	59,8	+ 29,9	+ 50%
35—40 »	88,5	64,8	+ 27,7	+ 37%
40—45 »	88,9	69,7	+ 19,2	+ 28%
45—50 »	107,5	71,4	+ 36,1	+ 51%
50—55 »	85,4	80,1	+ 5,3	+ 7%
55—60 »	104,3	73,0	+ 31,3	+ 43%
60 и болѣе »	63,8	88,8	— 25,0	— 28%

«Эти данныя свидѣтельствуютъ, что изъ 10 случаевъ въ 9-ти грамотный рабочій получаетъ болѣе неграмотнаго, хотя опытность въ работѣ, поскольку она обуславливается продолжительностью пребыванія на фабрикѣ, остается въ томъ и другомъ случаѣ одинаковой. Трудно послѣ этого сомнѣваться въ прямой и непосредственной матеріальной выгодѣ грамотности для рабочаго, не говори уже, вообще, о пользѣ, приносимой ею».

Духоборы въ Квебекѣ. Въ «Сынѣ Отечества» продолжаютъ сообщенія о четвертой партіи духоборовъ, прибывшей въ Америку на пароходѣ «Lake Huron». На этотъ разъ авторъ корреспонденціи сообщаетъ свѣдѣнія о системѣ приѣма эмигрантовъ.

«Хорошей иллюстраціей къ организаціи этого дѣла,—пишетъ онъ,—можетъ

служить пріємъ нашего парохода. Нашъ пароходъ на которомъ помѣстилось 600 человекъ, подошелъ къ Квебекской пристани въ 6 час. вечера. На пристани насъ поджидалъ мистеръ П. Дойль (P. Doyle),—правительственный эмигрантскій агентъ, постоянно живущій въ Квебекѣ; на его обязанности лежитъ встрѣча переселенцевъ и транспортированіе ихъ на западъ Канады и въ другія мѣста. М-г Дойль—очень привлекательный, добрый старикъ, вѣчно хлопочущій, устривающій все и всѣхъ, проводящій на ногахъ весьма долгій рабочий день: онъ являлся ежедневно въ эмигрантскій домъ въ 9 час. утра и уходилъ въ 11 час. вечера, обѣдая тутъ же, въ гостинницѣ.

«Какъ только была разрѣшена высадка, пріѣхавшимъ духоборамъ предложили отправиться безъ багажа въ эмигрантское помѣщеніе, чтобы ознакомиться съ нимъ, а потомъ уже и размѣститься».

Само собою разумѣется, что эмигрантское помѣщеніе не имѣетъ ничего общаго съ нашими отечественными переселенческими бараками на переселенческихъ пунктахъ.

«Эмигрантское помѣщеніе—это громадное, заново отдѣланное зданіе, въ которомъ можетъ помѣститься 1.500 чел. Оно напоминаетъ вокзалъ. Въ центральномъ громадномъ, чистомъ залѣ, съ электрическимъ освѣщеніемъ, помѣщается буфетъ и лавка съ краснымъ товаромъ, гдѣ можно купить все необходимое по рыночнымъ цѣнамъ. Тутъ же, по стѣнамъ, расположены обѣденные столы, скамьи, стулья. Въ этомъ же залѣ находится мѣняльная касса, телеграфъ и почтовый ящикъ.

«Во второмъ этажѣ имѣется еще два зала для эмигрантовъ; въ этомъ же этажѣ находятся пятнадцать просторныхъ отдѣльныхъ комнатъ, въ которыя и были размѣщены старые, больные и слабые духоборы.

«Въ то время, какъ прибывшая партія осматривала помѣщенія, сто человекъ рабочихъ,—на этотъ разъ ранѣе прибывшіе духоборы,—выгружали багажъ съ парохода.

«Осмотрѣвъ помѣщенія, мужчины вернулись на пристань за своимъ багажемъ, а женщины и дѣти остались въ залѣ. Ни тѣмъ, ни другимъ не позволено было таскать багажъ, такъ какъ англичане заявили, что «лѣди—духоборки и дѣти могутъ устать и надорваться» и что «для нихъ это—слишкомъ тяжелая работа».

«Когда духоборки узнали, почему ихъ не пускаютъ, онѣ весело смѣясь, говорили, что и имъ, бабамъ, пришелъ праздникъ. «Хотятъ изъ насъ сдѣлать барынь,—говорили нѣкоторыя изъ нихъ,—да мы къ этому непривычны».

«Но, несмотря на то, что онѣ «къ этому непривычны», духоборки съ удовольствіемъ исполнили желаніе англичанъ.

«Очень мало сходства также оказывается между американскими эмигрантскими и нашими переселенческими поѣздами.

«Каждый поѣздъ на 400 человекъ, везущій переселенцевъ прямымъ сообщеніемъ на далекій западъ, состоитъ изъ 8 большихъ пассажирскихъ спальныхъ вагоновъ, со всеми необходимыми удобствами для дальняго путешествія. Между прочимъ, на каждые 4 вагона полагалась одна плита, на которой во время пути духоборы варили себѣ борщъ, чай, пекли картошку и проч. Кромѣ этихъ восьми вагоновъ, въ каждомъ поѣздѣ былъ еще одинъ багажный, въ которомъ ѣхалъ сопровождавшій поѣздъ чиновникъ; въ этомъ же вагонѣ находился часто возобновляемый запасъ свѣжей воды, молоко для дѣтей, хлѣбъ, сахаръ, сыръ, всякая необходимая посуда, метлы, полотенца и проч., проч.

«Въ послѣдней партіи оказалось 178 душъ, не имѣвшихъ ни хлѣба, ни денегъ, и на ихъ долю сейчасъ же стали отпускать по 2 фунта хлѣба въ день на душу, по 1/2 фунта сыра и достаточное количество чаю, сахара и соли».

Изъ хроники переселенія. Челябинскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о движеніи переселенцевъ въ Сибирь, по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ. Прежде движеніе направлялось по Пермь-тюменской дорогѣ на Тюмень, служившую какъ бы воротами Сибири. Теперь роль этого пункта измѣнилась. Движеніе переселенцевъ черезъ Тюмень еще не прекратилось, но значительно уменьшилось. За-то крупнымъ центральнымъ пунктомъ, гдѣ скопляются переселенцы для того, чтобы разойтись по разнымъ направленіямъ Сибири, сдѣлался Челябинскъ. Особенно достойно при этомъ вниманія то, что съ открытіемъ сибирскаго рельсоваго пути колонизаціонное движеніе значительно упорядочилось со стороны своей санитарной обстановки.

«Съ 1895 года движеніе черезъ Тюмень сократилось до 17-ти тысячъ, между тѣмъ какъ черезъ Челябинскъ оно превзошло 90 тыс. По рельсовому пути переселенцы доходили въ этомъ году уже до Омска (свыше 700 верстъ отъ Челябинска), и движеніе сдѣлалось съ этого времени непрерывнымъ въ теченіе всего года, тогда какъ на старомъ пути главная масса переселенцевъ проходила исключительно въ періодъ навигаціи по Камѣ, и на зиму движеніе совершенно стихало. Съ проведеніемъ Екатеринбургской вѣтви часть переселенцевъ, направлявшихся по Пермь-тюменской дорогѣ, могла сворачивать черезъ Екатеринбургъ къ Челябинску. Въ 1896 году челябинскіе ворота приняли уже свыше 190 тысячъ, на Тюмень же прошло лишь около 12-ти тысячъ. Такихъ размѣровъ переселеніе на востокъ достигло впервые. Новый, неустроенный еще путь былъ весьма слабо оборудованъ въ санитарномъ отношеніи. Болѣе или менѣе приспособленный пунктъ былъ только въ Омскѣ, на ст. Оби, Средне-сибирской желѣзной дороги, и въ Челябинскѣ пріемники для переселенцевъ строились и приспособлялись. Важное преимущество новаго пути—быстрота передвиженія—сказалось уже на размѣрахъ смертности среди переселенцевъ. Въ 1894 г., когда черезъ Тюмень проходило около 56-ти тысячъ, смертность въ пути достигала 3-хъ тысячъ,—причемъ въ одной Тюмени умерло до 1,000 человѣкъ; въ 1896 году на новомъ пути до р. Оби, на 200 тысячъ слишкомъ смертность достигла только 700 съ небольшимъ. Съ того времени, по мѣрѣ устройства санитарной части, смертность между переселенцами въ пути продолжала значительно понижаться. Въ 1897 году наплывъ переселенцевъ замѣтно сократился: прошло не болѣе 86-ти тысячъ,—смертность въ челябинскихъ воротахъ не превышала 262-хъ случаевъ. Съ этого года движеніе черезъ Тюмень не поднималось болѣе 2-хъ тысячъ въ годъ. Въ прошломъ году размѣры переселенія снова усилились, и чрезъ Челябинскъ прошло до 200 тысячъ (смертныхъ случаевъ здѣсь 183). Наконецъ въ текущемъ году за шесть мѣсяцевъ въ Сибирь пропущено уже болѣе 164-хъ тыс. Изъ этого числа на январь приходится около 10-ти тыс., на февраль—болѣе 12-ти тыс., на мартъ—свыше 31-й тыс., въ апрѣлѣ—до 25-ти тыс., въ маѣ—до 58-ми тыс. и остальные—въ іюнь. Санитарное состояніе переселенческихъ партій, благодаря принятымъ мѣрамъ, сравнительно съ прежними годами, довольно благополучно: число смертныхъ случаевъ въ Челябинскѣ за полгода было около 100. Въ истекшіе полгода движеніе усилилось сравнительно съ прошлымъ годомъ почти на 30 тысячъ; смертность ослабѣла».

Однако все-же санитарныя условія передвиженія переселенцевъ требовали бы нѣкоторыхъ улучшеній. Такъ, «переселенческіе поѣзды состоятъ изъ обыкновенныхъ товарныхъ вагоновъ, болѣе или менѣе приспособленныхъ для перевозки людей, а тѣснота въ нихъ, скученность пассажировъ бываютъ значительныя. А это ведетъ къ инфекціоннымъ заболѣваніямъ, особенно опаснымъ для дѣтей переселенцевъ».

Что читаетъ народъ. Въ «Сынѣ Отечества» помѣщенъ отчетъ о работѣ воронежскихъ статистиковъ по вопросу о народномъ образованіи. Отчетъ констатируетъ прежде всего замѣтный ростъ интереса къ книгѣ и потребности въ чтеніи. «Въ настоящее время стремленіе къ образованію въ народѣ настолько сильно, что школьныя зданія не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться. Сельскіе сходы безпрестанно ходатайствуютъ объ открытіи библиотекъ, устройствѣ читаленъ, закупкѣ книгъ и т. п., причемъ не останавливаются предъ затратами, ассигнуя на библиотеки сравнительно крупныя для крестьянина суммы. «Кто не видѣлъ деревни раньше, тотъ не можетъ даже представить себѣ тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ умственныхъ потребностяхъ земледѣльцевъ», замѣчаетъ Ф. А. Щербина. Особенно интересный матеріалъ заключается въ попыткѣ подвергнуть статистическому изслѣдованію вопросъ объ отношеніи крестьянскаго населенія къ книгѣ.

«Еще раньше, во время подворной переписи въ Воронежской губерніи по Нижнедѣвичскому уѣзду, статистиками было зарегистрировано 14.080 книгъ; затѣмъ, при помощи сельскихъ учителей, собранъ былъ обильный матеріалъ о книгахъ по извѣстной программѣ Пругавина; описи книгъ были составлены по 14 селеніямъ трехъ уѣздовъ, причемъ было опрошено приблизительно до 2½ тысячъ дворовъ и записано 28.728 книгъ; наконецъ, въ 1897 году, при изслѣдованіи положенія народнаго образованія въ Павловскомъ и Богучарскомъ уѣздахъ, статистиками были собраны подробныя свѣдѣнія о 1.549 книгахъ у 114 человекъ. Въ послѣднемъ случаѣ преслѣдовалась специальная цѣль выяснить на типичныхъ случаяхъ, какія книги распространены въ мелкихъ селеніяхъ, не имѣющихъ школъ и удаленныхъ отъ болѣе или менѣе крупныхъ центровъ; для такой цѣли и не требовалось сплошнаго опроса населенія. Такимъ образомъ общая характеристика книгъ, приводимая въ разсматриваемомъ трудѣ, основывается слишкомъ на 44 тысячахъ экземпляровъ.

«При распредѣленіи книгъ по разрядамъ, въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ получилось почти полное совпаденіе процентныхъ отношеній; это обстоятельство заставляеть предполагать, что установленное отношеніе вполне отвѣчаетъ дѣйствительности.

«Если вывести процентное отношеніе къ общему количеству книгъ по двумъ уѣздамъ, то получатся слѣдующія цифры: въ составѣ обращающихся въ мелкихъ селеніяхъ книгъ приходится на церковныя 24,1 проц., духовно-нравственныя 23,6 проц. житія святыхъ—21,6 проц., разныя свѣтскія книги—12,7 проц., учебники—11,3 проц., сказки—2,8 проц., научно-популярныя книжки—2,1 проц. и произведенія извѣстныхъ авторовъ—1,8 проц.

«Матеріалъ, собранный раньше по программѣ Пругавина, даетъ возможность разбить составъ читаемыхъ народомъ книгъ на болѣе детальныя группы. Изъ общаго числа 28,728 зарегистрированныхъ книгъ приходится на долю «житій»—33,7 пр., разныхъ свѣтскихъ—11,7 проц., духовно-нравственныхъ—10,3 проц., историческихъ и географическихъ—8,9 проц., сказокъ—7,6 проц., произведеній извѣстныхъ авторовъ—7,3 проц., церковныхъ—6,5 проц., календарей—3,2 проц., сонниковъ и оракуловъ—2,8 проц., учебныхъ—2,2 проц., естественно-историческихъ—1,8 проц., сельскохозяйственныхъ—1,7 проц., медицинскихъ—1,2 проц., пѣсенниковъ—0,9 проц., юридическихъ—0,2 проц. Въ сравненіи съ данными по двумъ вышеупомянутымъ уѣздамъ, этотъ рядъ цифръ нѣсколько отличается, что объясняется, повидимому, другимъ характеромъ населенія. Последнія свѣдѣнія собирались по крупнымъ селеніямъ, съ значительнымъ процентомъ промысловаго населенія.

«Изъ духовно-нравственныхъ книжекъ изслѣдователи отмѣчаютъ троицкіе листы, душеполезныя размышленія изд. св. Аѳонской горы, творенія Дмитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго и рядъ другихъ, преимущественно лубочныхъ

изданій съ заманчивыми заглавіями, на которыя такъ искусны издатели Никольскаго рынка. Самый обширный отдѣлъ народныхъ изданій, пользующійся большимъ спросомъ со стороны населенія, представляютъ житія святыхъ. Составитель, сводя отзывы читателей-крестьянъ о такого рода книгахъ, замѣчаетъ: «совмѣщая въ себѣ элементы чудеснаго, духовнаго и поучительнаго, представляя въ то же время рассказы о страдальческой жизни святого человека, иногда о цѣлой эпохѣ, житіе сразу дѣйствуетъ на воображеніе, умъ и сердце нетребовательнаго читателя, чѣмъ и объясняется успѣхъ изданій этого рода и широкое распространеніе ихъ въ народѣ».

«На долю книгъ свѣтскаго содержанія (соединяя въ одну группу беллетристическія произведенія, научно-популярныя и справочныя книги) приходится всего 47,3 проц. Изъ беллетристическихъ книгъ произведенія извѣстныхъ писателей составляютъ 7,3 проц., повѣсти и рассказы неизвѣстныхъ авторовъ, главнымъ образомъ, лубочныя изданія—11,7 проц. и сказки—7,6 проц. На долю сказокъ въ дѣйствительности падаетъ гораздо большій процентъ, такъ какъ сказки Л. Толстого, Пушкина, Жуковскаго и Андерсена были выдѣлены отсюда. Вообще, сказки послѣ «житій» являются наиболѣе распространенной книгой среди народа. Сказки читаются не только дѣтьми, но и взрослыми изъ молодыхъ. Сказками снабжаютъ деревню до сихъ поръ московскіе лубочные издатели. Вообще нужно замѣтить, что хорошая книга съ трудомъ попадаетъ въ деревню, и не потому, что на нее нѣтъ требованія, а потому, что при условіяхъ нашей жизни назрѣвающая въ нашей деревнѣ потребность въ ней пока не можетъ еще получить законнаго удовлетворенія. Деревня читаетъ то, что ей предлагаютъ книгоноши и мелкіе торговцы книгами на ярмаркахъ и что возможно достать у грамотнаго сосѣда, священника или учителя. Изъ 30.000 книгъ, отмѣченныхъ въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, произведенія извѣстныхъ авторовъ составляютъ всего только 2.000.

«Эта цифра показываетъ число экземпляровъ, но не названій; число названій произведеній этихъ авторовъ крайне ограничено; по большей части все это мелкія произведенія, изданныя для народа. Такъ изъ произведеній Пушкина встрѣчаются только его сказки и небольшіе рассказы, изъ крупныхъ же лишь одно—«Капитанская дочка»; знакомство съ Григоровичемъ выражается тремя рассказами: «Пожаръ», «Прохожій» и «Свѣтлое Христово Воскресеніе»; изъ произведеній Лермонтова встрѣчается «Пѣсня про купца Калашникова» и нѣкоторыя стихотворенія.

«Программа, по которой велось изслѣдованіе, не захватывала вопроса о газетахъ, такъ какъ самый фактъ существованія ихъ у крестьянъ казался очень сомнительнымъ. Поэтому матеріалъ о газетахъ получился неполный и до нѣкоторой степени случайный; тѣмъ не менѣе и такой матеріалъ даетъ извѣстное освѣщеніе по этому вопросу. Вообще газета, сравнительно съ книгой, играетъ въ деревнѣ еще ничтожную роль. Наичаще встрѣчаются случаи чтенія «Сельскаго Вѣстника», и мѣстныхъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей; отмѣтки о чтеніи другихъ газетъ даютъ 10 проц. для «Свѣта», 6,9 проц. для «Родины», 5,1 проц. для «Нивы» и 3,4 проц. для журнала «Вокругъ Свѣта».

«Сами крестьяне, однако, рѣдко выписываютъ газету (4 проц. общаго числа читателей), а обыкновенно берутъ читать изъ волостнаго правленія, у сельскаго учителя, священника, діакона, волостнаго писаря, фельдшера, землевладельца, лавочника.

«Относительно способа приобрѣтенія книгъ точныя свѣдѣнія имѣются по 8 крупнымъ селеніямъ. Изъ 100 книгъ, имѣющихся въ крестьянскихъ семьяхъ, почти 89 покупается, остальные же дарятся или вымѣниваются на холстъ, вѣтки, муку, яйца, зерно и другіе сельскіе продукты.

«Стоимость книги, приобретаемой деревней на деньги, очень невысока: въ среднемъ не болѣе 12 коп.»

На нефтяныхъ промыслахъ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаны очень интересныя сообщенія г. Ивановича объ условіяхъ работъ на нефтяныхъ промыслахъ въ Баку. Нарисовавъ интересную картину общаго вида нефтяныхъ промысловъ, авторъ останавливается на условіяхъ работы и говоритъ: «Для того, чтобы разсмотрѣнныя картины бакинской нефтепромышленности во всѣхъ подробностяхъ могло удовлетворить интересующагося вопросомъ о положеніи рабочихъ на этихъ промыслахъ, необходимо предварительное ознакомленіе съ послѣдствіями работы около нефти, которыя при личномъ наблюденіи могутъ быть и не замѣчены.

«Съ этой цѣлью передъ поѣздкой въ Балаханы я прочиталъ двѣ брошюры: «Несчастные случаи съ рабочими на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ за періодъ 1873—1897 гг. включительно» г. Истомина и «Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы въ санитарномъ отношеніи» г. Бертенсона.

«Г. Истомина—секретарь совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ, имѣвшій подъ руками весь матеріалъ по данному вопросу. Г. Бертенсонъ—членъ горнаго ученаго комитета, командированный въ 1896 году министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ для изслѣдованія бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ и заводовъ въ санитарномъ отношеніи. Обѣ брошюры интересны какъ по фактическому матеріалу, такъ и по освѣщенію его съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія соотвѣтственно отношенію авторовъ къ бакинской нефтепромышленности.

«Г. Истомина смотритъ на несчастные случаи съ рабочими на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ съ точки зрѣнія нефтепромышленности. Онъ не отрицаетъ непріятія мѣръ предосторожности нефтепромышленниками, но главными виновниками смерти и увѣчья рабочихъ являются, по его брошюрѣ, сами рабочіе—ихъ неосторожность и неумѣлость.

«Г. Бертенсонъ, напротивъ, интересуется не успѣхами бакинской нефтепромышленности, а участію создающихъ эти успѣхи людей, и потому не можетъ съ объективностью автомата излагать факты человѣческихъ страданій и подчеркиваетъ ихъ основную причину.

«Въ брошюрѣ г. Истомина вычислено, что каждыя 27 миллионъ пудовъ добытой нефти, кромѣ расхода на производство, стоятъ одной человѣческой жизни, а на каждыя 12 миллионъ пудовъ приходится одинъ искалѣченный рабочій. Изъ каждыхъ 686-ти рабочихъ одинъ убивается на-смерть во время работы, а изъ 319-ти рабочихъ одинъ получаетъ увѣчье. На каждыя 2,580 сажень буровой скважины приходится одинъ убитый, а на каждыя 703 сажени—одинъ изувѣченный.

«Въ абсолютныхъ цифрахъ стоимость бакинской нефтепромышленности убитыми и тяжело ранеными выражается такъ: съ 1873 года по 1886 годъ, при общемъ числѣ рабочихъ 28.236, пострадавшихъ было 86, въ томъ числѣ убитыхъ 30; съ 1887 по 1897 годъ, при 66.358 рабочихъ, пострадало 349, въ томъ числѣ убито 108. Но эти цифры не выражаютъ всей потери здоровья рабочихъ на бакинскихъ промыслахъ, и вычислять ее точно при существующей регистраціи заболѣваній невозможно. Ихъ можно только отчасти пополнять цифрами лѣчившихся въ промысловыхъ больницахъ и пріемныхъ покояхъ. Въ 1896 году было коечныхъ больныхъ 1.524 и амбулаторныхъ 27.502: въ 1897 году первая цифра возросла до 2.166, а вторая—до 32.340. Но надо замѣтить, что не всѣ заболѣвающие обращаются за помощью въ больницы.

«Г. Бертенсонъ въ названной брошюрѣ говоритъ, что врачъ Борженевскій, по поводу двухъ тяжелыхъ случаевъ заболѣванія на промыслахъ (среди фон-

танных рабочихъ), окончившихся смертью, высказывается такъ: «Сколько такихъ случаевъ бываетъ, сказать трудно, ибо при фонтаняхъ работаютъ «гамшары», т. е. самые бѣднѣйшіе татары, о судьбѣ которыхъ никто не заботится, особенно если они работаютъ поденно: получили плату и ушелъ неизвѣстно куда».

«Къ этому г. Бертенсонъ прибавляетъ, что замѣчавіе это вѣрно не только относительно «гамшарей», но и относительно персовъ, которые, заболѣвая, уходить съ работы, не заглядывая ни въ больницы, ни къ врачамъ».

«Войдемъ въ первую вышку и посмотримъ, что тамъ дѣлается».

«Крытая досчатая галерея ведетъ въ буровую башню. Она сколочена кое-какъ; между досками—щели, въ которыхъ съ визгомъ врывается свирѣпый бакинскій нордъ; съ нимъ влетаютъ и дождевыя капли. Земляной полъ грязный и скользкій. Крутая лѣстница ведетъ на вершину башни къ шкиву; подниматься по ней рискованно, въ особенности когда ступеньки ея мокры отъ дождя или отъ налившей на нихъ нефти. Смертельнымъ паденіемъ рискуютъ рабочіе, поднимаясь по этой лѣстницѣ на высоту 8—9 сажень. Съ 1892 по 1897 годъ зарегистрировано 20 случаевъ такого паденія, болѣе 3 случаевъ въ годъ, и не дальше какъ въ апрѣлѣ нынѣшняго года на промыслѣ Мангашева упалъ съ такой лѣстницы и разбился на-смерть бѣдняга Иса-Абдулла-Огаи, хотѣвшій исправить шкивъ. Помосты съ перилами кругомъ верхняго шкива стали устраивать только въ послѣднее время. Условія работъ на вышкѣ, по словамъ г. Бертенсона, не измѣнились: «самый верхъ вышки по-прежнему не имѣетъ никакихъ огражденій для безопасности работъ у шкива; какъ и прежде, у весьма немногихъ фирмъ существуютъ подобныя огражденія въ видѣ помоста съ деревянными перилами».

«Когда я вошелъ въ вышку, тамъ только-что окончили чистку буровой скважины, доведенной до 70-ти-саженной глубины, и приготовлялись къ продолженію буренія, которое до сихъ поръ доходило до максимальной глубины—249 сажень. Работа буренія очень медленная, требующая много физическихъ усилій. Прежде всего надо было прикрѣпить къ бурѣ рукоятку въ 70 сажень. Она составляется изъ шести-саженныхъ штангъ. Рабочій, сидящій вверху «на палатяхъ», надѣваетъ штангу на крюкъ дѣли, другой рабочій соединяетъ нижній конецъ этой штанги съ верхнимъ концомъ предыдущей, прикрѣпленной къ бурѣ, и свививаетъ ихъ особыми «ключами»; затѣмъ вынимаютъ закладку, удерживающую штангу, она опускается въ буровую скважину до верхняго конца, опять задерживается закладкой и снова повторяется та же работа. Но вотъ опускава уже послѣдняя штанга. Образовавшаяся изъ нихъ рукоятка бура прикрѣпляется посредствомъ особаго приспособленія къ массивному шатуну. Работа—требующая большихъ усилій: четыре рабочихъ, налегая на ключи, ходятъ вокругъ устья буровой скважины и поютъ по-персидски что-то въ родѣ нашей «Дубинушки». Затѣмъ устраивается помостъ надъ буровой скважиной, двое рабочихъ становятся на него и схватываются за рукоятки. Шатунъ, точно громадный молотъ, начинаетъ вколачивать буръ тяжкими ударами, а рабочіе поворачиваютъ его то въ одну, то въ другую сторону».

«Въ другой вышкѣ ловили застрявшее въ буровой скважинѣ долото бура. Четверо рабочихъ скручивали штанги, двигаясь вокругъ скважины и упираясь на ключи. Во время этой работы смерть слѣдитъ за каждымъ движеніемъ бурлаковъ нефтяной промышленности и нерѣдко схватываетъ свою жертву. Поскользнется одинъ рабочій, ослабѣетъ вслѣдствіе этого сила, скручивающая штанги, и онѣ начинаютъ раскручиваться, ключи разлетаются и убиваютъ или калѣчатъ рабочихъ. Устанетъ какой-нибудь рабочій и ослабится его давленіе на ключъ или другой товарищъ усилитъ это давленіе—и опять штанги начинаютъ раскручиваться, грозя жизни рабочихъ. Можетъ соскочить ключъ со штанги, уменьшится сопротивленіе у забоя скважины, разорвется веревка, которой при-

*

крѣпляются ручки ключей къ штангамъ,—и ключи разбрасываются, какъ осколки разорвавшейся гранаты.

«Слѣдующая стадія работы производилась въ сосѣдней вышкѣ; это—тартаганіе, т. е. извлеченіе нефти изъ нѣдръ земли. Большой металлическій цилиндръ (желонка) опускается въ буровую скважину и наполняется тамъ нефтью. Тартальщикъ нажимаетъ рычагъ, и желонка быстро поднимается къверху. Вниманіе тартальщика сосредоточивается на устьѣ буровой скважины; онъ долженъ затормозить ходъ машины, какъ только желонка выскочила изъ буровой скважины. Эта работа, требующая напряженнаго вниманія, не дешево обходится тартальщикамъ; ихъ профессиональная болѣзнь—«нервная слабость и нервное истощеніе».

«По единогласному заявленію промысловыхъ врачей,—говорится въ брошюрѣ г. Бертенсона,—и горныхъ инженеровъ, близко стоящихъ къ нефтяному дѣлу, у тартальщиковъ, подъ вліяніемъ крайне однообразной работы, требующей сосредоточеннаго вниманія на одномъ предметѣ въ теченіе многихъ часовъ (не менѣе 12-ти—14-ти), является переутомленіе нервныхъ центровъ и угнетеніе мозговой дѣятельности, настолько сильное, что «рабочіе становятся апатичными, безучастными къ вѣщему міру, несообразительными и нерѣдко даже близкими къ состоянію идіотизма».

Болѣзни глазъ являются также профессиональными болѣзнями тартальщиковъ, потому что нефть изъ желонки расплескивается, и ея брызги и пыль, въ особенности при вѣтрѣ, летятъ на рабочихъ. Но главныя жертвы глазной болѣзни—фонтанные рабочіе.

«Фонтанъ, это—священное магическое слово въ Баку. Появленіе фонтана есть «праздникъ праздниковъ» той фирмы, у которой онъ забилъ. Достаточно двухъ строкъ въ газетѣ о фонтанѣ, чтобы акціи фирмы быстро пошли въ гору. Это уже не медленное вычерпываніе нефти желонками. Нефть сама бьетъ столбомъ до вершины вышки и разливается ручьями въ амбары. Въ 1897 году 18 фонтановъ выбросили 37.841.000 пудовъ нефти.

«Съ появленіемъ фонтана тартальщики отдыхаютъ. Нужна другая работа, настолько тяжелая и вредная для здоровья, что за нее берутся только бѣдняки-татары подъ принужденіемъ крайней нужды. Чтобы уменьшить высоту фонтана и направить нефть полностью въ амбары, производится въ буквальномъ смыслѣ ослѣпительная работа—снаряженіе и надвиганіе фонтанныхъ щитовъ.

«Работая подъ ливнемъ нефти,—говоритъ г. Бертенсонъ,—люди, снаряжающіе и надвигающіе фонтанные щиты, уже по простествію нѣсколькихъ минутъ буквально не могутъ открывать глаза, пока ихъ не промоютъ; не только нефть, какъ она есть, но ея пыль и газы сильно разъѣдаютъ глаза, вызываютъ въ нихъ болѣе или менѣе сильную гиперемію, распуханіе вѣкъ и воспаленіе съ большимъ или меньшимъ нагноеніемъ». Кромѣ того, фонтаннымъ рабочимъ при надвиганіи щитовъ «приходится вдыхать въ себя большое количество нефтяной пыли, и въ результатъ являются въ острой формѣ весьма тяжелые припадки». Г. Бертенсонъ ссылается на практику врача Корженевскаго, производившаго шесть лѣтъ наблюденіе надъ рабочими нефтяныхъ промысловъ, и говорить, что онъ «наблюдалъ даже случай остраго отравленія со смертнымъ исходомъ».

«День и ночь идетъ работа подъ вышками при грохотѣ машинъ, въ вонючемъ воздухѣ, въ облакахъ нефтяной пыли, подъ нефтянымъ дождемъ. При 12-ти-часовомъ рабочемъ днѣ не дѣлается перерыва работы для обѣда. Рабочіе и не знаютъ настоящаго обѣда: урывками поѣдятъ хлѣба, запьютъ его скверной водой изъ колодезь,—вотъ и вся ихъ пища.

«Чистка нефтяныхъ амбаровъ и каменныхъ резервуаровъ для нефти есть

тоже египетская и вредная для здоровья работа: приходится стоять по колѣна въ нефтяной грязи, отъ которой тѣло покрывается сыпью; у мѣстныхъ врачей есть и особый терминъ для этой сыпи—«мазутная экзема».

«Работа на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ такъ тяжела, а вознагражденіе при дороговизнѣ мѣстной жизни такъ незначительно (чернорабочій получаетъ 16—18 руб. въ мѣсяцъ), что даже нетребовательные русскіе рабочіе не нанимаются чернорабочими на промыслы: тамъ работаютъ персы, татары и лезгинъ».

За границей.

Американскіе университеты. Кѳмбриджъ — такъ называется латинскій кварталъ въ Бостонѣ, гдѣ основанъ первый университетъ Новаго Свѣта,— торжественно отпраздновалъ въ этомъ году въ концѣ іюля мѣсяца окончаніе занятій и распредѣленіе премій и наградъ. Страннымъ образомъ это окончаніе занятій называется въ Америкѣ «Commencements» (начинанія) и всегда сопровождается цѣлымъ рядомъ празднествъ и увеселеній.

Пожертвованныя Джономъ Гарвардомъ деньги на основаніе перваго университета въ странѣ принесли обильные плоды. Гарвардскій университетъ теперь очень богатъ и отличается свободнымъ направленіемъ и болѣе широкимъ міровоззрѣніемъ нежели другіе университеты, напримѣръ, Йоллскій, гдѣ болѣе рѣзко выражены религіозныя тенденціи. День присужденія премій и дипломовъ составляетъ самый торжественный день въ жизни всѣхъ американскихъ университетовъ. Въ гарвардскомъ университетѣ онъ начался обычною демонстраціей у статуи его основателя. Торжественная процессія студентовъ университета направилась къ памятнику, который былъ разукрашенъ цвѣтами. Героями дня были кончившіе курсъ, дипломированные, которыхъ также закидали цвѣтами. Вечеръ кончился большимъ концертомъ, на которомъ присутствовалъ весь цвѣтъ бостонскаго общества. На другой день студенты собрались въ университетской церкви слушать прощальную проповѣдь, а на третей состоялась раздача дипломовъ и специальныя собранія студентовъ различныхъ факультетовъ.

Въ началѣ іюля другой американскій университетъ, самый молодой изъ всѣхъ, отпраздновалъ не менѣе торжественнымъ образомъ десятилѣтнюю годовщину своего основанія. Этотъ университетъ, извѣстный подъ именемъ университета Кларка, былъ основанъ въ Уорчестерѣ, въ Массачуссетей, богатымъ коммерсантомъ, мѣстнымъ уроженцемъ, нажившимъ громадное состояніе въ Калифорніи и Нью-Йоркѣ. Кларкъ, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, занимаясь своими спекуляціями, принесившими ему милліоны долларовъ, мечталъ о томъ, чтобы связать свое имя съ университетомъ, и немедленно приступилъ къ осуществленію своей идеи, какъ только сталъ обладателемъ громаднаго богатства.

Выполнителемъ своего широко задуманнаго плана Кларкъ избралъ доктора Голла, автора книги «Contents of Children Minds», считающагося въ настоящее время однимъ изъ выдающихся педагогическихъ авторитетовъ Америки. Докторъ Голлъ, съ радостью взявшійся за выполненіе этой задачи, прежде всего поставилъ на видъ Кларку, что онъ не долженъ мечтать о томъ, чтобы конкурировать съ гарвардскимъ университетомъ, самымъ старымъ, самымъ обширнымъ и самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ университетовъ Соединенныхъ Штатовъ и находящимся всего лишь на разстояніи часа пути отъ Уорчестера, по желѣзной дорогѣ. Исходя изъ этой точки зрѣнія докторъ Голлъ посоветовалъ Кларку придать своему университету другой характеръ, нежели тотъ, который

имѣютъ всё вообще американскіе университеты, программа которыхъ соотвѣтствуетъ скорѣе программѣ для полученія степени бакалавра, напримѣръ, во Франціи. Американскіе университеты готовятъ именно къ этой степени и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускается спеціализація знаній. Но докторъ Голль мечталъ о томъ, чтобы создать изъ университета Кларка нѣчто такое, что соотвѣтствовало бы европейскимъ университетамъ, которые онъ взялъ за образецъ. Такимъ образомъ новый университетъ открылся на совершенно новыхъ основаніяхъ. Главное вниманіе въ новомъ университетѣ, имѣющемъ пять факультетовъ, обращено на психологию и біологію. Въ области психологии университетъ Кларка, несмотря на короткое время своего существованія, уже успѣлъ ознаменоваться многими важными изслѣдованіями, въ особенности въ области такъ называемой «педагогической психологіи», которой докторъ Голль посвящаетъ особенное вниманіе; въ этомъ направленіи университетъ Кларка уже стяжалъ очень почтенную репутацію. Но въ университетѣ главная масса научныхъ изслѣдованій производится не профессорами, а самими студентами; въ этомъ заключается оригинальная сторона предпріятія доктора Голла. Студенты занимаются наблюденіями, собираніемъ фактовъ, лабораторною статистикой, составляютъ діаграммы, сравнительныя таблицы и т. п. и въ этой работѣ принимаютъ участіе даже тѣ, которые только что поступили и каждый старается внести свою лепту и вложить хоть самый маленькій камешекъ въ грандіозную постройку великаго зданія науки. Участвовать въ этой постройкѣ составляетъ главное честолюбіе студентовъ и въ этомъ отношеніи они стоятъ выше всѣхъ похвалъ, и каждый изъ профессоровъ можетъ всегда разсчитывать на самую дѣятельную помощь своихъ слушателей въ своихъ изысканіяхъ.

Лекціи въ университетѣ Кларка составляютъ далеко не главное занятіе профессоровъ и студентовъ. Предполагается, что студенты уже достаточно подготовлены, когда они поступаютъ въ университетъ, и по мнѣнію доктора Голла и самого Кларка, профессора не должны тратить такую огромную часть своего времени на преподаваніе, такъ какъ они могутъ оказать наукѣ гораздо большія услуги, если займутся научными изслѣдованіями. Въ университетѣ Кларка существуетъ правило, что ни одинъ изъ профессоровъ не долженъ читать больше двухъ разъ въ недѣлю и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаются исключенія. Всего сильнѣе распространенъ въ университетѣ методъ вопросовъ—*Syllabus* и студенты чрезвычайно охотно примѣняютъ его въ своихъ изслѣдованіяхъ. Университетъ имѣетъ свои органы, гдѣ печатаются сдѣланные въ немъ работы: «*American Journal of Psychology*», первый, по старшинству, журналъ психологіи въ Америкѣ, и «*Psychological Review*» въ которомъ отводятся много мѣста работамъ и изысканіямъ слушателей университета. Большинство статей этого журнала написано студентами, а не профессорами или учеными. Впрочемъ излюбленнымъ дѣтищемъ доктора Голла служить «*Pedagogical Seminary*» журналъ, въ которомъ затрагиваются всѣ главные вопросы педагогики и современныхъ педагогическихъ проблемы, всего больше интересующія доктора Голла.

Основатель университета и его главный помощникъ и организаторъ всего дѣла, докторъ Голль, оба стремятся къ тому, чтобы американскіе студенты, вмѣсто того чтобы, по окончаніи курса въ какомъ нибудь американскомъ университетѣ, ѣхать въ Европу для поступленія въ одинъ изъ тамошнихъ университетовъ, отправлялись бы въ университетъ Кларка, гдѣ университетская наука понимается въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Недавнія политическія событія настолько подогрѣли національныя чувства американцевъ, что они пожалуй готовы будутъ отказаться отъ Европы и изъ чувства патріотизма станутъ искать въ своемъ отечествѣ то, зачѣмъ они привыкли ѣздить въ Европу.

На этомъ, именно, Кларкъ и докторъ Голль и основываютъ свои надежды на будущее процвѣтаніе своего университета.

Религіозный кризисъ въ Англіи. Кромѣ многочисленныхъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики, волнующихъ Англію въ данную минуту, эта страна переживаетъ довольно своеобразный для конца нашего вѣка кризисъ — религіозный, колеблющій основы старинной англиканской церкви. Кризисъ возникъ около года тому назадъ и представляетъ особенный интересъ. Онъ лучше всего указываетъ, какимъ образомъ въ Англіи простой гражданинъ, никому неизвѣстный человѣкъ изъ народа, можетъ вліять на общественное мнѣніе, двигать массы, оказывать давленіе на власти и въ концѣ-концовъ добиться реформы учреждений. Конечно, немного странно на рубежѣ XX вѣка наблюдать такую страстность въ обсужденіи религіозныхъ вопросовъ, какую обнаруживаютъ практическіе англичане и эта религіозная распря въ Англіи невольно напоминаетъ XVII вѣкъ, когда теологическія вопросы волновали цѣлый сонмъ мыслителей. даже XVI вѣкъ, когда они являлись причиною гражданскихъ войнъ. Такое настроеніе умовъ, какое существуетъ въ настоящее время въ англійскомъ обществѣ, является чѣмъ-то вродѣ анахронизма и мало понятно, если мы не примемъ во вниманіе, что англичане всегда обнаруживаютъ въ религіозныхъ спорахъ совершенно такую же горячность, какъ и въ политическихъ.

Англиканская церковь уже по самой своей организаціи благопріятствуетъ образованію сектъ и въ сущности, несмотря на то что она считается государственною церковью, огромное большинство націи уже не принадлежитъ къ ней. Ее поддерживаютъ традиціи, занимаемое ею положеніе и громкая репутація нѣкоторыхъ изъ ея членовъ, но ей надо бороться и отстаивать свои права и поэтому даже незначительный кризисъ въ состояніи поколебать ее до самого основанія, а тѣмъ болѣе такой, который связываетъ расколъ въ ней самой и распрю между свѣтскими и духовными элементами.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторая часть духовенства англиканской церкви, привлекаемая блестящею и помпой католическаго культа, а также нѣкоторыми догматами римской церкви, образовала цѣлую партію, такъ называемую партію Верхней церкви, которая ввела эти догматы и нѣкоторые обрядности католической религіи въ англиканскій культъ и религіозное преподаваніе. Этой партіи недостаетъ только признанія власти папы, чтобы вполне принять характеръ римской церкви. Эта партія вызвала движеніе, извѣстное подъ именемъ Оксфордскаго или возрожденія католицизма (Catholic Revival), и стремилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ добиться полного примиренія съ Римомъ, но безуспѣшно, что очень обрадовало англійскихъ протестантовъ, не сочувствовавшихъ этому движенію. Въ Верхней церкви образовались различныя общества, которыхъ подозреваютъ въ томъ, что они желаютъ подготовить путь къ окончательному возвращенію Англіи въ лоно римской церкви. Одно изъ такихъ обществъ, Союзъ англиканской церкви (English Church Union), насчитываетъ около 33.000 членовъ, изъ нихъ 4.200 духовныхъ лицъ. Этотъ союзъ играетъ выдающуюся роль въ той распрѣ, которая теперь происходитъ. Члены этого общества и многихъ другихъ ввели въ богослуженіе всѣ тѣ обряды и церемоніи, которыя были отмѣнены реформациею, и придали богослуженію болѣе римско-католическій характеръ. Сначала прихожане не придавали этому особеннаго значенія, хотя въ общемъ англійскіе протестанты не любятъ римскіе обряды, но наконецъ въ прошломъ году они всполошились и произошелъ кризисъ. Первый толчекъ былъ данъ совершенно никому неизвѣстнымъ лондонскимъ книгопродавцемъ Бензитомъ. Бензитъ, насколько можно судить по его поступкамъ, представляетъ типъ англичанина, который прямо идетъ къ своей цѣли, не боясь ни насмѣшки, ни оппозиціи, ни оскорбленій. Пуританская Англія

изобиловала такого рода характерами и они то содѣйствовали торжеству реформациі. Но и въ современной Англіи не мало такихъ людей и они то помогаютъ ей завоевывать міръ. Однако, когда Кензигъ выступилъ со своимъ протестомъ, то никто не предполагалъ, что агитація приметъ такіе широкіе размѣры. Въ январѣ прошлаго года въ «Times'ѣ» появилась переписка Кензига съ лондонскимъ епископомъ, послѣдствіемъ которой было то, что епископъ смѣнилъ приходскаго священника, позволявшаго себѣ отступленіа отъ правилъ протестантской церкви, и на время все успокоилось, но затѣмъ, такъ какъ отступленія эти продолжались въ разныхъ мѣстахъ, снова началась агитація и на этотъ разъ очень шумная. Кензигъ обратился съ рѣчью къ толпѣ у дверей самой церкви и за это былъ приговоренъ къ 75 франкамъ штрафа, но тѣмъ не менѣе онъ все таки одержалъ побѣду, такъ какъ викарій вынужденъ былъ заявить передъ судомъ, что эти обряды дѣйствительно не входятъ въ постановленія англиканской церкви.

Агитація и переписка Кензига съ епископомъ привлекла вниманіе общества. Возникла горячая полемика, начали устраиваться митинги, партіи все болѣе и болѣе воодушевлялись и началось настоящее движеніе, выражающееся въ шумныхъ манифестаціяхъ, рѣчахъ, памфлетахъ и статьяхъ. Самъ Кензигъ уже совершенно отошелъ на задній планъ, движеніе, которому онъ далъ толчекъ, продолжалось уже безъ него. Въ большинствѣ церквей въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ стали происходить курьезныя сцены. Въ числѣ римско-католическихъ обрядовъ есть окропленіе святой водой, и вотъ одинъ изъ прихожанъ привлекъ священника къ отвѣтственности, за то что тотъ брызнулъ ему въ лицо водой, но судъ оправдалъ священника, такъ какъ онъ сдѣлалъ это «безъ злого умысла». Прихожане также возмущались противъ кадилъницъ и выражали свой протестъ громкимъ кашлемъ, какъ только дымъ ладона наполнялъ церковь. Одинъ изъ прихожанъ громко крикнулъ священнику, вышедшему въ епитрахили: «Снимите это и одѣньтесь, какъ подобаетъ англиканскому пастору!»—Однимъ словомъ не проходило дня, чтобы въ какой-нибудь изъ церквей не произошло демонстраціи въ такомъ родѣ. Къ борьбѣ присоединились многіе выдающіеся политическіе дѣятели Преемникъ Гладстона въ качествѣ вождя либеральной партіи, сэръ Уильямъ Гаркуръ, сталъ во главѣ движенія противъ «ритуалистовъ», т. е. приверженцевъ католическаго ритуала. Любопытное всего, что такой консервативный органъ, какъ «Times», принялъ на этотъ разъ сторону либеральной оппозиціи. Конечно, это вызвало усиленіе полемики. Антагонизмъ между свѣтскимъ и духовнымъ элементами выразился ярче, но общественное мнѣніе больше всего возмущилось стремленіемъ англиканскаго духовенства ввести обязательную исповѣдь, такъ какъ въ этомъ англичане увидѣли двойное посягательство на индивидуальную свободу совѣсти и святость семьи; кромѣ того, англичане не желали давать въ руки духовенству такое могущественное орудіе, какимъ служить исповѣдь въ рукахъ католическаго духовенства.

Наконецъ, вопросъ былъ перенесенъ въ парламентъ; винчестерскому и лондонскому епископамъ пришлось давать объясненія въ палатѣ лордовъ по поводу своего индифферентнаго отношенія къ нарушеніямъ постановленій англиканской церкви, а въ палатѣ общинъ Бальфуръ отвѣчалъ отъ имени правительства, что епископы примутъ необходимыя мѣры къ пресѣченію зла. Таково положеніе дѣлъ въ настоящее время, но агитація еще не утихла. Начало движенія и способы его проявленія очень характерны для англійской націи, но въ основаніи его заложены тѣ самыя причины, которыя обуславливали и вызывали всякіе религіозныя перевороты, т. е. возмущеніе во имя индивидуальныхъ правъ и свободы совѣсти противъ духовенства, составившаго могущественную корпо-

рацію и старающагося навязать своей паствѣ свои догматы, свой культъ и свою дисциплину и даже свои злоупотребленія.

Чествованіе памяти венгерскаго поэта. Въ этомъ году 31-го іюля н. ст. исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти великаго поэта Александра Петѣфи, пѣвца венгерской революціи 1848 года. Петѣфи палъ въ битвѣ подъ Сегешваромъ и тѣло его не было разыскано, но благодарная Венгрія не забыла его и воздвигла своему національному поэту три памятника: одинъ въ Будапештѣ, на площади носящей имя Петѣфи, другой въ Шесбургѣ, а третій на родинѣ Петѣфи, въ Керохсѣ. Тысячи людей отправились 31-го іюля къ этимъ памятникамъ, чтобы осыпать ихъ подножія цвѣтами и вѣнками. Самая внушительная демонстрація произошла въ Будапештѣ, гдѣ огромная толпа народа собралась на площади у памятника Петѣфи, гдѣ можно было видѣть представителей всѣхъ классовъ общества. Маститый венгерскій писатель, Морицъ Ювай, близко знавшій покойнаго поэта, сказалъ рѣчь, очертивъ яркими штрихами личность Петѣфи и увлекъ слушателей своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ.

Вся Венгрія, собравшаяся чествовать память своего великаго поэта, имѣла въ виду чествовать и одинъ изъ славныхъ эпизодовъ своей исторіи. Въ рѣчахъ всѣхъ ораторовъ, говорившихъ на площади передъ памятникомъ поэта, упоминалось объ роковой битвѣ, когда старый генералъ Бемъ, едва насчитывая 3.000 человекъ въ своемъ отрядѣ, ринулся на цѣлую дивизію русскихъ въ 16.000 солдатъ, имѣвшую въ своемъ распоряженіи 24 пушки. Исходъ такой битвы можно было заранѣе предвидѣть. Генералъ Лидерсъ, командовавшій соединенными отрядами русскихъ и австрійскихъ войскъ, сначала былъ введенъ въ заблужденіе энергичнымъ натискомъ венгерскихъ войскъ, никакъ не предполагая, чтобы Бемъ, имѣя въ своемъ распоряженіи такъ мало войска, рѣшился на такой поступокъ. Убѣдившись однако, что венгерцы располагаютъ слишкомъ малыми силами, Лидерсъ перешелъ въ наступленіе и побѣда осталась за нимъ. Бемъ, упавшій съ лошади, вида, что все пропало, спрятался въ болотѣ вблизи рѣки и лишь съ наступленіемъ темноты выбрался изъ него и пробрался къ своимъ. На другой день тѣла 1.300 убитыхъ венгерскихъ солдатъ были преданы землѣ и вѣроятно среди убитыхъ находился и молодой поэтъ Александръ Петѣфи, участвовавшій въ сраженіи, такъ какъ съ тѣхъ поръ его больше не видали.

Александръ Петѣфи не былъ мадяромъ, а сербомъ по своему происхожденію и настоящее его имя было Петровичъ, но онъ называлъ себя по мадярски: *Петѣфи*. Отецъ его былъ очень бѣдный кабатчикъ и поэтому не могъ дать сыну никакого законченнаго образованія. Съ юныхъ лѣтъ Александръ Петѣфи началъ вести жизнь полную приключеній. Онъ былъ и солдатомъ и странствующимъ актеромъ, испыталъ не разъ тяжелую нужду.—Только тогда его положеніе измѣнилось, когда въ немъ принялъ участіе одинъ изъ выдающихся венгерскихъ поэтовъ, подмѣтившій сразу незаурядный талантъ въ молодомъ собратѣ по искусству и помогшій ему выбраться на дорогу. Петѣфи издалъ сборникъ стихотвореній, встрѣченный очень сочувственно и съ того времени между обоими поэтами, Верешмарти и Петѣфи, возникли тѣсныя дружескія отношенія, несмотря на несходство политическихъ взглядовъ и даже на то, что между ними не разъ возникала рискованная полемика изъ-за этого несходства. Верешмарти былъ другомъ Деака и горячимъ сторонникомъ конституціонализма, тогда какъ пылкій Петѣфи не только раздѣлялъ взгляды Кошута, но они казались ему даже слишкомъ бѣдными. Весьма естественно что въ 1848 году Петѣфи очутился во главѣ молодежи, которую онъ возбудилъ и вдохновлялъ своими пламенными пѣснями. Его стихи: «Возстань Мадьяръ!»—служать лучшимъ выраженіемъ стремленій Петѣфи. Національная пѣснь, напи-

санная имѣ, была отпечатана въ Пештѣ въ мартѣ 1848 года тотчасъ же какъ только была объявлена свобода печати въ Венгріи.

Когда началась венгерская война, пылкій Пётэффи не усидѣлъ спокойно. Онъ тотчасъ же отправился къ генералу Бѣму, который сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Но война эта была роковой для Пётэффи. Такъ какъ тѣло его не было отыскано на полѣ брани, то сложилась легенда, что онъ не былъ убитъ а взятъ въ плѣнъ и находится въ Сибири. Но эта легенда оказалась лишненною фактическаго основанія, такъ какъ энергичные розыски, въ которыхъ принимало участіе даже правительство, не привели ни къ чему.

Времена переимѣнчивы. Лучшій другъ погибшаго поэта, писатель Морицъ Юкай, также какъ и представитель его семьи Павелъ Гоюлай, оба участвовавшіе въ апогеозѣ поэта, состоятъ теперь членами палаты господъ и пользуются благоволеніемъ императора Францъ-Иосифа и его правительства, противъ котораго Пётэффи нѣкогда сражался съ такимъ пыломъ и самоотверженіемъ и сложилъ голову въ этой борьбѣ.

Выставка Арміи Спасенія. Генеральъ Бутсъ, желая наглядно познакомить лондонскихъ жителей съ результатомъ дѣятельности Арміи Спасенія, устроила въ Лондонѣ въ «Royal Agricultural Hall» чрезвычайно любопытную выставку, на которой уже въ теченіи первой недѣли перебывало до 50,000 посѣтителей. Посѣтители больше всего толпились въ той части выставки, гдѣ были изображены жилища лондонской бѣдноты. Въ лачугахъ, прекрасно сдѣланныхъ изъ напѣ-маше, посѣтители выставки могли наблюдать дѣятельность «солдатъ» Арміи Спасенія. Въ одномъ мѣстѣ изображается, какъ женщины этой арміи или «салютистки», какъ ихъ называютъ, ухаживаютъ за больными, приводятъ въ порядокъ убогое хозяйство, моютъ и одѣваютъ ребятъ и т. е. немного дабѣе находится модель фабрики, устроенной салютистами для выдѣлки безопасныхъ спичекъ, которыя продаются тутъ же, а еще далѣе—роскошныя лавки, гдѣ посѣтителямъ предлагаютъ фрукты и овощи, получаемые съ фермъ Арміи Спасенія, разсѣянныхъ по всей Англіи. Но больше всего вниманіе посѣтителей привлекалъ ночлежный пріютъ, устроенный по образцу того, которымъ управляютъ салютисты. Тутъ можно было видѣть настоящихъ бродягъ, накрытыхъ лохмотьями; они лежатъ, а солдаты арміи ухаживаютъ за ними и утѣшаютъ ихъ. Но кромѣ того публикѣ доставлена была возможность любоваться цѣлою деревней, которую только что «окупили» солдаты генерала Бутса. На небольшой площадкѣ стоятъ въ кучѣ повозки, которыя называютъ «батареями» и на которыхъ развѣзжаютъ сельскіе проповѣдники, а сами проповѣдники на другой, болѣе пространной площади, возвѣщаютъ жителямъ «радостную вѣсть».

Не забыты были на выставкѣ и англійскія колоніи, гдѣ салютисты также проявляютъ очень энергичную дѣятельность. Эта дѣятельность была изображена въ живописныхъ картинахъ; посѣтители выставки видѣли передъ собою зулусскій крааль, деревню въ Блондаикѣ, индійскую деревню, колонизованную салютистами. Рядомъ группа дѣтей, спасенная отъ смерти салютистами во время послѣдняго голоднаго бѣдствія въ Индіи, распѣвала гимны изъ репертуара Арміи Спасенія. Дѣти выглядели здоровыми, сытыми и веселыми и посѣтители могли любоваться ихъ оживленными лицами, довольными, потому что на нихъ было обращено всеобщее вниманіе. Въ самомъ концѣ выставки возвышалась колоссальная эстрада, гдѣ устроены были 3.000 мѣстъ. Эстрада эта специально предназначалась для многочленныхъ митинговъ, ежедневно организуемыхъ салютистами.

Люди, желавшіе серьезно ознакомиться съ дѣятельностью Арміи Спасенія, могли обратиться къ статистическимъ таблицамъ, которыя, быть можетъ, лучше

всякой «живой выставки» и декоративных устройств говорят уму и сердцу о результатах дѣятельности этого замѣчательнаго общества, въ которомъ «смѣшное» постоянно граничитъ съ «великимъ». Изъ этихъ таблицъ можно видѣть, что 80 отрядовъ или обществъ, съ которыми Армія Спасенія выступила на арену дѣятельности въ 1878 году, теперь возросли до 6.822, а число офицеровъ арміи — съ 127 до 49.155! Кромѣ того армія имѣетъ въ своемъ распоряженіи 14.893 музыкантовъ, такъ какъ каждый отрядъ сопровождается хоромъ музыки. Въ началѣ армія ограничивала свою дѣятельность только Англіей, но теперь уже она работаетъ въ 46 колоніяхъ. Прежде только въ Лондонѣ издавался офиціальныи органъ арміи «The War Cry» (военный кличъ) но теперь въ каждой странѣ, гдѣ только развѣвается флагъ арміи спасенія, издается также и офиціальная газета этого удивительнаго общества, такъ что въ настоящее время выходитъ 54 періодическихъ изданій арміи на 21 различныхъ языкахъ.

Въ началѣ армія принимала въ свои ряды только взрослыхъ, но теперь допускаются и дѣти и эта юная армія достигаетъ численности въ 111,124 солдатъ-дѣтей и при этомъ имѣетъ своихъ собственныхъ юныхъ офицеровъ. число которыхъ доходитъ уже до 14.487. Важнѣе всего социальная дѣятельность этого громаднаго войска. Съ его помощью генералу Бутсу удалось создать 494 различныхъ социальныхъ учреждений, дешевыя жилища для рабочихъ, столовыя, гдѣ раздается дешевая и здоровая пища, ночлежные пріюты, фермы и т. п. Кромѣ того армія устроила 29 рабочихъ бюро, 53 фабрики и мастерскія, 46 агентствъ или постовъ, специально занимающихся спасеніемъ среди самой ужасной нищеты и порока, въ такихъ притонахъ и улицахъ, гдѣ ютятся подонки общества. Въ Лондонѣ армія устроила 15 домовъ, гдѣ люди, не имѣющіе гдѣ преклонить голову находятъ пріютъ, и двѣнадцать убѣжищъ для выпущенныхъ изъ тюремъ преступниковъ.

Швейцарскія дома для рабочихъ. Въ бернскомъ Оберландѣ, въ Таяннегофѣ, десять лѣтъ тому назадъ, былъ основанъ пріютъ для рабочихъ «Arbeites Heim», имѣющій цѣлью доставить временное убѣжище и занятіе безработнымъ, къ числу которыхъ обыкновенно принадлежатъ и выпущенные изъ бернскихъ тюремъ. Это второе учрежденіе подобнаго рода (первое представляетъ земледѣльческая колонія въ восточной Швейцаріи), но оба обязаны своимъ существованіемъ частной инициативы.

Въ теченіе десяти лѣтъ, своего существованія бернскій «Arbeites Heim» пріютилъ около 700 человекъ, очутившихся безъ крова и куска хлѣба. Наибольшее число пенсионеровъ всегда скопляется зимой, когда много людей остается безъ работы, такъ что въ иные мѣсяцы въ пріютѣ одновременно проживаетъ до 50-ти человекъ.

Пріютъ этотъ имѣетъ скорѣе видъ фермы, такъ какъ живущіе въ немъ занимаются преимущественно сельскими работами. Приносимый этими работами доходъ идетъ на содержаніе пріюта и такимъ образомъ каждый изъ живущихъ въ немъ вкладываетъ свою долю въ содержаніе пріюта и не чувствуетъ тягости, которую налагаетъ всегда чистофилантропическое учрежденіе, на тѣхъ, кому оно оказываетъ помощь. Замѣчательно также, что этотъ швейцарскій домъ для рабочихъ не имѣетъ сложной администраціи такихъ учреждений, въ которыхъ часто скопляются люди пользующіея весьма сомнительною репутациею и вышедшіе изъ тюремъ, и управляется простымъ надзирателемъ имѣющимъ въ своемъ распоряженіи только кухню и лавка. Но несмотря на такой слабый надзоръ или вѣрнѣе: отсутствіе всякаго надзора, въ этомъ пріютѣ никогда не бывали беспорядки и никогда ни гражданская, ни военная власть не переступала его порога.

Въ швейцарской печати не такъ давно горячую полемику возбудилъ вопросъ объ открытіи въ Женевѣ народнаго дворца, подобнаго тому, какой существуетъ въ Бельгій. Вопросъ этотъ выдвинула на сцену женевская федерація рабочихъ обществъ, находящая, что «дѣйствовать сообща всегда лучше, чѣмъ дѣйствовать порознь!» и стремящаяся объединить всѣ индивидуальныя усилія, преслѣдующія повидимому одну и ту же цѣль.

Благодаря усиленной пропагандѣ федераціи удалось провести свой проектъ и вѣроятно въ концѣ будущаго года Женева получитъ возможность гордиться новымъ учрежденіемъ, «Народнымъ домомъ» (Maison du peuple), какъ его называютъ въ Швейцаріи. Архитекторъ Котте уже представилъ проектъ этого дома и проектъ этотъ принятъ специальною комиссіей федераціи. Это будетъ большое зданіе съ различными мастерскими, залами для публичныхъ чтеній и помѣщеніями для синдикатовъ. Кромѣ того въ этомъ же зданіи будетъ устроена булочная, бакалейная лавка и ресторанъ для рабочихъ, гдѣ они будутъ получать хорошіе продукты по найвозможно низкой цѣнѣ. Во флигелѣ, который долженъ отдѣляться отъ главнаго зданія дворомъ и садомъ, будетъ устроена большая зала для спектаклей, настолько обширная, чтобы вмѣщать до 3.000 зрителей.

Федерація рабочихъ обществъ Женевского кантона устраивая этотъ домъ имѣетъ въ виду объединить подъ его кровлю всѣхъ рабочихъ, безъ различія вѣроисповѣданій и политическихъ взглядовъ и заявляетъ объ этомъ въ своемъ воззваніи, въ которомъ говоритъ, что всѣ лица, принадлежащія къ одному и тому же классу, имѣющія одни и тѣже интересы которые они должны защищать и одни и тѣже обязанности, должны соединиться, такъ какъ только общими усиліями можно достигнуть большихъ результатовъ. Федерація указываетъ при этомъ на результаты, достигнутые коопераціей въ другихъ странахъ. Въ Швеціи рабочее населеніе уже имѣетъ два дома, одинъ въ Мalmö, другой въ Грегельбергъ, но не довольствуется этимъ и устраиваетъ еще два новыхъ одинъ въ Гётеборгъ, другой въ Стокгольмъ. На устройство «дома» въ Стокгольмѣ ассигновано полмилліона кронъ. Въ Мalmö, въ Гельсингборгъ, въ Ланскронъ, Лунди, Истадъ и Экильстунъ устроены парки специально служащія рабочимъ для прогулокъ и лѣтнихъ собраній. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что рабочей классъ въ Швеціи не очень многочисленный и географическія условія страны часто препятствуютъ рабочимъ вступать между собою въ сношенія.

Швейцарская печать отнеслась очень сочувственно къ этому проекту и разныя частныя лица и группы иностранныхъ и швейцарскихъ рабочихъ изъявили готовность оказать ему поддержку.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Psychological Review».—«Deutsche Revue».—«Revue de Paris».—«Nineteenth Century».—«Nouvelle Revue».

Знаменитый французскій хирургъ XVI вѣка, Амбруазъ Паре, говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что сильная радость, также какъ и сильный испугъ, могутъ излѣчивать многія болѣзни. Обладаетъ ли радость такими свойствами и какъ она дѣйствуетъ на организмъ человѣка? Молодой американскій психологъ Ванъ Нессъ Дерборнъ посвящаетъ этому вопросу длинную статью въ «Psychological Review» и приводитъ рядъ изслѣдованій и опытовъ, сдѣланныхъ имъ въ этомъ направленіи.

Рядомъ съ психическими явленіями, вызываемыми въ организмъ различ-

ными эмоціями, существуютъ и физическія явленія и каждая эмоція непременно выражается извѣстнымъ движеніемъ, положеніемъ тѣла и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, напримѣръ, что радость вызываетъ наклонность къ дѣятельности, къ движенію и слѣдовательно эта эмоція имѣетъ динамогенный характеръ. По наблюденіямъ Дерборна изъ четырнадцати субъектовъ, испытывавшихъ чувство радости, только у трехъ оно не выразилось стремленіемъ къ движенію; но изъ этихъ трехъ одинъ былъ несовсѣмъ здоровъ, а двое другихъ привыкли себя сдерживать и выработали такой контроль надъ собою, какой встрѣчается не часто. Кромѣ этихъ трехъ, всѣ остальные не могли удержаться отъ физическихъ проявленій радости. Печаль—это такая эмоція, которая дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, а радость, наоборотъ, вызываетъ потребность движенія и вызываетъ ощущение силы и бодрости, которое нужно какъ нибудь выразить и слѣдовательно это такая эмоція, которая побуждаетъ человѣка къ активнымъ движеніямъ и дѣятельности.

Однако такія физическія проявленія радости находятся въ зависимости отъ физическаго состоянія организма, отъ того запаса силъ и энергій, которыя имѣются въ организмѣ. Истощенный человѣкъ, болѣзнью или годами, уже не способенъ ни такъ сильно ощущать радость, ни выражать ее активнымъ образомъ. Радость у такихъ людей теряетъ свои динамогенныя свойства, становится вялой, блѣдной и уже по одному тому, какъ выражается радость, можно судить о состояніи физическаго здоровья. Эти проявленія могутъ служить настоящимъ барометромъ общаго состоянія.

Но радость, вызывая вообще потребность къ движеніямъ, дѣйствуетъ не одинаково на всѣ мышцы, а усиливаетъ дѣятельность специальныхъ мышечныхъ группъ. Дерборнъ произвелъ цѣлый рядъ весьма тщательныхъ изслѣдованій въ психологической лабораторіи, на основаніи которыхъ онъ приходитъ къ заключенію, что динамогенный характеръ этой эмоціи преимущественно выражается въ дѣятельности выпрямляющихъ мышцъ. Осанка человѣка, испытывающаго радость, тотчасъ же измѣняется; онъ невольно выпрямляется, поднимаетъ голову и принимаетъ бодрый видъ, становясь даже какъ будто выше ростомъ. Чѣмъ здоровѣе, моложе организмъ, тѣмъ рѣзче выражается это состояніе. Согбенная голова, покурый видъ—это синонимъ печальной эмоціи. Соответственно съ этимъ, конечно, радость дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ и на всѣ жизненныя отправления и слѣдовательно оказываетъ живительное дѣйствіе. Однако и тутъ, какъ и вездѣ, существуютъ границы за предѣлами которыхъ динамогенное свойство радости исчезаетъ и она даже ведетъ къ противоположнымъ результатамъ, т. е. вызываетъ угнетеніе. Очень сильная радость, какъ и страхъ и др. сильныя эмоціи, обладаетъ уже парализующими свойствами и можетъ даже повести къ прекращенію или къ временной приостановкѣ жизненныхъ отправленій. «Радуйтесь умѣренно,—говоритъ американскій психологъ.—Только умѣренная радость можетъ служить стимуломъ жизни, сильная же—вредить организму и даже убиваетъ».

Въ статьѣ американскаго психолога заключается много цѣнныхъ наблюденій, но нѣкоторые изъ его опытовъ довольно курьезны и научное значеніе ихъ можно оспаривать. Напримѣръ слѣдующіе: объектами служили студенты по отдѣленію психологіи, мужчины и женщины. Все это были люди, не принадлежавшіе къ богатому классу, и Дерборнъ предлагалъ имъ *вообразить*, что они внезапно получили въ распоряженіе большую сумму денегъ, начиная отъ 10 до 100.000 долларовъ. Получить такія деньги на самомъ дѣлѣ, а не въ теоріи или вообразить себѣ, что получить ихъ—это маленькая разница. Однако она не приводитъ въ смущеніе американскаго психолога; онъ полагаетъ, что воображеніе восполняетъ многое и поэтому самымъ добросовѣстнымъ образомъ записываетъ свои наблюденія надъ общимъ состояніемъ объектовъ

опыта и разнообразными проявленіями у нихъ динамогенной эмоціи. Изъ этихъ наблюденій мы видимъ, что одинъ изъ этихъ студентовъ, которому предложено было *вообразить* себя обладателемъ пяти тысячъ долларовъ, такъ вошелъ въ свою роль, что даже переломалъ отъ восторга стулья въ своей комнатѣ и, какъ вихрь выскочивъ изъ нея, поѣхалъ кататься на быстрыхъ лошадяхъ по шоссе. Можно себя представить, что почувствовалъ бѣдняка, когда онъ пересталъ *воображать* себя богатымъ и ему пришлось платить за поломанные стулья. Американскій психологъ забылъ сообщить, кто возмѣстилъ протори и убытки.

Итальянскій генералъ Баратіери, имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ послѣ абиссинской кампаніи, напечаталъ въ «Deutsche Revue» свои воспоминанія о Гарибальди. Баратіери былъ тогда студентомъ университета въ Павіи и полковникъ Орсини взялъ его, вмѣстѣ съ другими его товарищами, на корабль «Piemonte», на которомъ находился Гарибальди со своими солдатами. Знаменитая тысяча Гарибальди была посажена на два корабля «Piemonte» и «Lombardo» и студентамъ было поручено наблюдать за орудіями. На «Piemonte» были только четыре пушки: одно старое поврежденное полевое орудіе, двѣ мѣдныхъ шестидюймовыхъ пушки, безъ лафетовъ и одно четырехдюймовое, также мѣдное. Двѣ пушки носили характерные имена; одна называлась «Ardito» (смѣлая); другая—«Giocando» (лягушья). Этими то пушками и должны были завѣдывать студенты и въ томъ числѣ Баратіери, будущій итальянскій генералъ. Нечего и говорить, что всѣ находившіеся на кораблѣ, были проникнуты чувствомъ самаго горячаго энтузіазма, и полны надеждъ. Всѣ съ благоговѣніемъ смотрѣли на своего вождя Гарибальди, творца народной свободы и независимости Италіи.

«Мы должны были высадиться въ Марсалѣ,—говоритъ Баратіери.—Когда вдали показалась гавань, то мы увидѣли два судна. «Навѣрное это суда бурбонскаго флота», подумалъ каждый изъ насъ; и сердца наши забились сильнѣе. Мы были уже у дѣли; однако эти суда могли служить для насъ серьезнымъ препятствіемъ. Я тотчасъ же распорядился приготовить бомбы Орсини, которыя я считалъ самымъ страшнымъ орудіемъ войны и затѣмъ, взглянувъ въ сторону Гарибальди, ожидая его приказаній. Къ своему великому удивленію я увидалъ, что Гарибальди совершенно спокоенъ и держа въ рукѣ pozorную трубу, весело разговариваетъ съ Орсини, который стоялъ съ нимъ рядомъ. Между тѣмъ съ нами поравнялось какое то итальянское судно и на вопросъ капитана полученъ былъ отвѣтъ, что въ гавани стоятъ два англійскихъ судна.

«Извѣстіе это доставило всѣмъ намъ большое удовольствіе. Англію мы считали дружественною державой. Гладстонъ публично осудилъ бурбонское правительство и мы ни на минуту не сомнѣвались, что это правительство падетъ подъ нашими ударами.

«Однако мы намѣревались вступить въ борьбу съ далеко неравными силами. Намъ было мало, всего 1.086 человекъ, плохо вооруженныхъ и даже плохо обученныхъ въ военномъ отношеніи. Въ этомъ сборномъ отрядѣ были люди всѣхъ возрастовъ, начиная отъ 18 до 60 лѣтъ, положеній и состоянія, но всѣхъ объединяло страстное желаніе видѣть Сицилію свободной и вообще преклоненіе передъ Гарибальди, передъ его нравственною силой и энергіей и сознаніе его нравственнаго превосходства. Въ отрядѣ находились впрочемъ и старинные товарищи Гарибальди по оружію, которыя сражались вмѣстѣ съ нимъ въ Америкѣ и потомъ въ Римѣ въ 1849 и 1859 гг. Никогда еще не бывало, чтобы люди, столь различные по свойствамъ своего характера, по своему воспитанію, положенію и возрасту, по своимъ политическимъ взглядамъ, добродѣтельно соединялись вмѣстѣ подъ знаменемъ одного единственнаго человѣка,

слѣпо повинуюсь его волѣ и подчиняюсь его авторитету! Всѣхъ этихъ людей воодушевляло одно и тоже чувство. Также разнообразны были и костюмы этихъ солдатъ: нѣкоторые ходили въ гражданскомъ платьѣ, другіе—въ какихъ то пестрыхъ, фантастическихъ костюмахъ. Были и такіе, которые носили красную рубашку ради воспоминанія о гарибальдійскомъ походѣ въ Америку. Нѣкоторые изъ солдатъ, однако, носили пьемонтскіе мундиры, но большинство красовалось въ самыхъ различныхъ костюмахъ, такъ что врядъ ли какой нибудь военноподполковникъ командовалъ когда-либо подобнымъ пестрымъ отрядомъ. Въ рубашкахъ былъ такой недостатокъ, что для насъ, напримѣръ, ихъ не хватало. Но мы, студенты, имѣли въ своемъ распоряженіи плохенькія пушки и это считалось достаточнымъ. Многіе были вооружены револьверами и только генуэзскіе карабинеры имѣли хорошія ружья.

«Мы не знали навѣрное въ какомъ положеніи находится возстаніе въ Сициліи. Одни говорили, что оно подавлено и что въ Сициліи теперь царитъ спокойствіе; другіе—что возстаніе охватило весь островъ и что Англія и Пьемонтъ обѣщали ему помощь. Однимъ словомъ—толки были самые разнообразные. Среди нашей тысячи преобладалъ республиканскій элементъ, но такъ какъ всѣ безусловно подчинялись Гарибальди, то какія бы то ни были различія въ политическихъ взглядахъ, не имѣли ровно никакого значенія. Воля Гарибальди для всѣхъ составляла законъ.

«Гарибальди былъ спокоенъ и серьезенъ какъ всегда. Ни въ его рѣчахъ, ни въ его движеніяхъ не было замѣтно ни малѣйшаго волненія, но чувствовалась твердая воля, несокрушимая энергія. Я не замѣтилъ никакой особенной близости между нимъ и нашими вождями; скорѣе эта близость существовала между нимъ и простыми людьми, которые давно уже служили подъ его командой и совершали съ нимъ походы. Но я видѣлъ тогда и позднѣе, что генералы и государственные люди, непоколебимые республиканцы и гордые монархисты, всѣ одинаково почтительно и даже съ какою то робостью приближались къ нему. Онъ всегда выслушивалъ ихъ внимательно и ко всѣмъ относился одинаково чистосердечно, но каждый, приближавшійся къ нему, невольно чувствовалъ его нравственное превосходство».

Баратіери описываетъ затѣмъ высадку и то неизгладимое впечатлѣніе, которое произвело на его молодую душу отвага и самоотверженіе гарибальдійскихъ добровольцевъ. Высадка совершилась необыкновенно быстро, такъ какъ въ Марсалѣ не оказалось бурбонскихъ солдатъ и никто не ожидалъ Гарибальди. Но въ Трапани находился сильный бурбонскій отрядъ и поэтому времени нельзя было терять. Почти всѣ уже были на берегу, когда вдругъ раздалась пушечные выстрѣлы, это стрѣляли бурбонскіе фрегаты «Stromboli» и «Partenope», находившіеся подъ командою адмирала Актона, который впоследствии былъ итальянскимъ морскимъ министромъ. Существуетъ подозрѣніе, что Актонъ на мѣрленно поздно открылъ огонь, чтобы гарибальдійскіе отряды могли высадиться. Такъ ли это было въ дѣйствительности—никто не знаетъ, но во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ выстрѣловъ (а ихъ было много!) не попалъ въ цѣль; съ судовъ цѣлили то слишкомъ высоко и снаряды пролетали мимо, то слишкомъ низко—и снаряды падали въ воду. Послѣдними переѣхали на берегъ студенты со своими пушками. Баратіери полагалъ, что его долгъ—не отлучаться отъ пушекъ и поэтому когда всѣ гарибальдійцы, повончивъ свое дѣло, отправились въ городъ, чтобы поддержать свои силы, онъ остался на берегу и сидя на пушкѣ, раздумывалъ о томъ, почему это всѣ непріятельскіе выстрѣлы оказались недействительными. Вдругъ онъ увидѣлъ, что къ нему приближается Гарибальди въ сопровожденіи небольшой свиты.

— Молодой человѣкъ, что вы тутъ дѣлаете?—крикнулъ ему Гарибальди.

— Я охраняю пушки, — отвѣчалъ Баратіери, отдавъ ему честь по военному.

— Ну, онѣ вѣдь не убѣгутъ. Впрочемъ это дѣлаетъ вамъ честь. Какъ васъ зовутъ? Откуда вы?

Баратіери отвѣтилъ.

— О, трентинскіе добровольцы превосходны!—воскликнулъ Гарibaldi.— Это все храбрые и отважные люди, горячіе патріоты и дисциплинированные солдаты. Думайте всегда о Бронцетти.

Нарцисо Бронцетти былъ трентинецъ, погибшій геройскою смертію въ войнѣ съ австрійцами въ сраженіи при Бресчѣи.

Повернувшись къ Орсини, который пришелъ вмѣстѣ съ нимъ. Гарibaldi сказалъ ему, что это была прекрасная мысль—взять студентовъ. Затѣмъ онъ поручилъ Орсини включить имя Баратіери въ наградной списокъ и велѣлъ отвезти пушки въ городъ, что и было исполнено. Съ возгласами «да здравствуетъ Италия!» маленькій отрядъ двинулся въ городъ, таща за собою пушки, сопровождаемый выстрѣлами бурбонскихъ судовъ, словно салютомъ.

— «Въ теченіе моей долгой жизни я переживалъ не разъ и очень счастливыя минуты и грустное разочарованіе,—прибавляетъ Баратіери.—Я достигъ высокихъ военныхъ почестей, я знавалъ опяненіе побѣды. Нація и король чествовали меня, въ парламентѣ мнѣ устраивали оваціи и мой престарѣлый отецъ проливалъ слезы отъ радости, поздравляя меня. Но никогда, въ теченіе всей своей жизни я не чувствовалъ себя столь счастливымъ и гордымъ, какъ въ тотъ день, когда меня похвалилъ Гарibaldi. Воспоминаніе объ этой минутѣ дѣйствуетъ на меня и теперь словно утѣшительный лучъ солнца!»

Три мѣсяца тому назадъ брюссельскіе рабочіе праздновали открытіе своего новаго «Народнаго дома» и на этотъ праздникъ были приглашены представители со всѣхъ концовъ Европы. Праздникъ вышелъ очень торжественный и вполне удался. Периодическая печать посвятила сочувственные статьи этому празднику, а въ «Revue de Paris» появилась подробная статья, въ которой разсказывается также исторія учрежденія народныхъ домовъ (Maisons de peuple) въ Бельгій.

По случаю открытія брюссельскаго дома была устроена торжественная процессія. Полторы тысячи человекъ, сопровождаемая многочисленной толпой и хоромъ музыкантовъ прошли по улицамъ. На разноцвѣтныхъ щитахъ красовались надписи большими буквами: «La Maison du Peuple a été élevée par les travailleurs pour tous leurs compagnons» (Народный домъ выстроенъ рабочими для всѣхъ своихъ товарищей); «La Maison du peuple donne le pain de la vie et de la science» (Народный домъ даетъ хлѣбъ жизни и науку) и наконецъ: «La Maison du peuple vend au meilleur marché les meilleurs produits» (Народный домъ продаетъ дешевле самые лучшіе продукты). Эта послѣдняя надпись имѣетъ практическое значеніе и дѣйствительно эти народные дома даютъ народу пищу и для ума и для тѣла, заботятся какъ о его нравственности, такъ и о физическомъ здоровьи; они поставляютъ рабочимъ хорошіе продукты по самой дешевой цѣнѣ и, главное, дешевый хлѣбъ и тамъ же, въ этихъ домахъ, въ устроенныхъ при нихъ читальняхъ, рабочіе находятъ книги и газеты, а въ залахъ устраиваются чтенія, лекціи, концерты собранія и каждый рабочій чувствуетъ, переступая порогъ этого учрежденія, что тутъ онъ у себя дома, что онъ хозяинъ и сила.

«Но какъ много понадобилось самоотверженія, чтобы довести это дѣло до конца, говоритъ авторъ статьи въ «Revue de Paris». Въ Брюсселѣ нѣсколько горячихъ приверженцевъ идеи коопераціи начали дѣло, имѣя всего нѣсколько сотъ франковъ, два мѣшка муки, да повозку, въ которую была запряжена

собака и на которой утромъ они развозили дешевой хлѣбъ. Хлѣбпекарня была устроена въ недѣлю. По вечерамъ они отправлялись въ походъ, посѣщали всѣ притоны, убѣждали пьяницъ, ораторствовали въ собраніяхъ, а ночью, которыйнибудь изъ нихъ, несмотря на усталость, наблюдалъ, за печеніемъ хлѣба. Чаще всего эту обязанность исполнялъ Жанъ-Вальдерсъ, ораторъ, булочникъ, слетчикъ все что угодно! Онъ всей душой отдавался дѣлу и умеръ отъ истощенія силъ. Когда онъ былъ боленъ и товарищи навѣщали его, то онъ ихъ неизмѣнно спрашивалъ: «Ну а какъ дѣла нашего дома?»—Хлѣба испекли столько то, отвѣчали ему; каждую недѣлю возражать спросъ. — Большой на минуту оживлялся, но затѣмъ грустно говорилъ:—Я не увижу его больше!

Онъ умеръ и въ день его похоронъ въ Брюсселѣ прекратилась всякая общественная жизнь. Пятьдесятъ тысячъ рабочихъ дефилировали по улицамъ. Полкъ солдатъ, желавшій во что бы ни стало пройти черезъ эту толпу, долженъ былъ остановиться и простоялъ пять часовъ, прежде чѣмъ путь очистился. И съ этихъ поръ при всякихъ манифестаціяхъ и процессіяхъ устраиваемыхъ рабочими, впереди всегда идетъ какой-то старикъ. Толпа съ почтеніемъ расступается передъ нимъ. Это отецъ Жана Вальдерса.

Новый брюссельскій народный домъ, ради устройства котораго Жанъ Вальдерсъ такъ много поработалъ, объединяетъ всѣ кооперативныя общества въ Брюсселѣ, примыкающіе къ рабочей партіи, и устроенъ по типу другихъ народныхъ домовъ, въ Антверпенѣ, Гентъ—«Voogruit» и т. п. Архитектура его проста, но изящна. Два первыхъ этажа занимаютъ магазины, въ третьемъ этажѣ биржа труда и бюро рабочихъ синдикатовъ, а въ четвертомъ, напоминающемъ по своей конструкціи мастерскую художника, помѣщается огромный залъ для собраній, въ которомъ могутъ помѣститься три тысячи человекъ. Въ пятомъ этажѣ устроена терраса, украшенная красивыми флагами, съ вершины которой открывается прекрасный видъ на дѣлный городъ.

Ни въ одной странѣ кооперативныя общества рабочихъ не достигли такой высокой степени процвѣтанія и развитія какъ въ Бельгій. Въ настоящее время всѣ бельгійскіе народные дома получаютъ продукты изъ первыхъ рукъ и поэтому могутъ продаваться рабочимъ по самой дешевой цѣнѣ; а брюссельскій народный домъ приобрѣлъ даже ферму въ маленькой деревушкѣ Герфелинигъ и собирается устроить въ ней образцовую молочную. Ассоціаціи фермеровъ согласилась ее поддерживать. Въ настоящее время всѣ кооперативныя общества бельгійской рабочей партіи образуютъ федерацію, о значеніи которой можно судить уже потому, что въ составъ ея входятъ 68 обществъ, около которыхъ группируются до 70.000 семействъ, соединяющихъ вмѣстѣ свои средства для покупки мельницъ, заводовъ и т. д. Въ мастерскихъ своей партіи рабочіе всегда найдутъ работу и такимъ образомъ эволюція совершается мирнымъ и нормальнымъ путемъ, и не даромъ Анселе, говоря о кооперативныхъ обществахъ, сказалъ: «Кооперативныя общества представляютъ для насъ крѣпость, изъ которой мы можемъ бомбардировать капиталистовъ картофелемъ и хлѣбомъ въ четыре су». И дѣйствительно даже капиталистамъ трудно выдержать конкуренцію съ этими кооперативными обществами и поэтому никакія попытки капиталистовъ вызвать въ Бельгій повышеніе цѣнъ на хлѣбъ и предметы первой необходимости, до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ.

Какая то миссъ Френксисъ Лоу раздражается въ «Nineteenth Century» рѣзкою критикой противъ Лондонскаго женскаго конгресса. По ея мнѣнію такой конгрессъ имѣетъ только цѣлью поддерживать враждебныя отношенія между двумя полами, образующими человѣческую расу. Оба пола обладаютъ такими специальными чертами и качествами, которыя нужны для выполненія специаль-

нихъ обязанностей, но у нихъ есть и общіе черты, наклонности, чувства и стремленія, такъ что счастье и благосостояніе всего человѣчества, находится въ зависимости отъ взаимной коопераціи обоихъ половъ. Эта непремѣнное условіе которое, по словамъ миссъ Лоу, конгрессъ совершенно упускаетъ изъ виду, такъ какъ главная тенденція всѣхъ такихъ конгрессовъ заключается, по ея мнѣнію, въ томъ, что они оцѣниваютъ услуги женщинъ, оказываемыя ими міру, по существующему тарифу платы за трудъ. Конгрессы эти смѣшиваютъ «искусство жить» съ заработкомъ и преувеличиваютъ значеніе труда женщинъ въ такихъ областяхъ, въ которыхъ мужчина справляется вполне удовлетворительно и безъ помощи женщинъ, не умаляя значеніе женскаго труда въ области домашнихъ обязанностей. Миссъ Лоу находить, что конгрессъ обнаружилъ отсутствіе широты взглядовъ и проницательности и не съумѣлъ возвыситься надъ общепринятыми взглядами, господствующими въ данный моментъ и могущими повести къ большому смѣшенію понятій и замѣшательству и совершенно ненужному беспорядку въ строѣ жизни.

Однимъ словомъ, миссъ Лоу, горячо заступается за «домашнія обязанности», которыми такъ склонны по ея мнѣнію пренебрегать современные женщины», стремящаяся,—какъ она говоритъ—отдѣлаться отъ работъ по хозяйству, чтобы посвятить себя болѣе возвышеннымъ предметамъ. Не даромъ одна изъ американокъ, говоря на женскомъ конгрессѣ, сказала, что «благодаря эволюціи, хозяйственныя работы одинаково перестанутъ быть удѣломъ женщины, какъ и мужчины!» Миссъ Лоу проливаетъ слезы по поводу этого скорого освобожденія женщины «отъ всѣхъ путъ, связывающихъ ея движенія», такъ какъ не видитъ въ этомъ залогомъ счастья и благосостоянія расы.

Надо ожидать, конечно, что статья англійской писательницы вызоветъ горячую полемику и протестъ со стороны защитницъ безусловной эмансипаціи женщинъ, но покажеть миссъ Лоу можетъ похвастаться тѣмъ, что статья ея вызвала сочувственные отзывы французской печати, всегда недоброжелательно и тревожно относящейся къ услугамъ женскаго движенія и эволюціи женщинъ, такъ какъ эта эволюція грозитъ уничтожить во Франціи поколѣніе «*petites femmes*», и породить другое, требующее къ себѣ иного отношенія и иныхъ правъ.

Въ «*Nouvelle Revue*» напечатанъ интересный очеркъ, относящійся къ исторіи женскаго движенія во Франціи. Въ 1859 г. Лионская академія объявила родъ конгресса на отысканіе лучшаго способа повысить заработную плату женщинъ до уровня той, которую получаютъ мужчины, тамъ гдѣ работа ихъ вполне эквивалентна,—и на открытіе и указаніе новыхъ родовъ дѣятельности для женщинъ, чтобы онѣ могли вернуть то, что потеряли вслѣдствіе мужской конкуренціи. Премія на этомъ нѣсколько странномъ и неопредѣленномъ конкурсѣ была присуждена нѣкоей m-lle Добье. Викторія Добье родилась въ 1824 г. и происходила изъ стариннаго лотарингскаго рода. Въ дѣтствѣ она была очень слабого здоровья и родители не хотѣли ея утомлять ученіемъ и поэтому ученіе ея шло очень неправильно. Однако жажда знанія у нея была такъ велика, что она тайкомъ училась и читала, такъ что уже въ ранней молодости обладала такую начитанностью, которой могъ бы позавидовать и вполне взрослый человѣкъ. Она воспользовалась тѣмъ, что одинъ изъ ея братьевъ обучался латыни у мѣстнаго кюре и выѣстъ съ нимъ брала уроки. Когда родители повезли ее собою въ Баденъ, то она не замедлила воспользоваться короткимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ, чтобы выучиться по нѣмецки. Въ сущности вся ея жизнь была одною сплошною погоней за приобрѣтеніемъ знаній и даже наканунѣ своей смерти, въ 1874 года, работала надъ тезисами для своей докторской диссертациі. Но кромѣ этой жажды знанія, она обладала еще апо-

стольскимъ призваніемъ и была самою горячею проповѣдницѣй правъ женщины. Она отказалась отъ замужества, чтобы свободнѣе отдаться своему призванію и ея краснорѣчіе и сила убѣжденія такъ дѣйствовала на слушателей, что вскорѣ возлѣ нея образовалась цѣлая маленькая армія ея приверженцевъ, такихъ же преданныхъ дѣлу, какъ она. Но тогдашняя эпоха, начала второй имперіи, далеко не благоприятствовала движенію, поставившему себѣ цѣлью возвышеніе женщины, назначеніе которой въ свѣтѣ Наполеонъ опредѣлилъ со свойственною ему грубостью. Масса женщинъ-работницъ во Франціи получала ничтожную плату и вѣчно боролась съ нуждой, выражая какую-то тузую покорность судьбѣ! Видъ этихъ женщинъ несказанно трогалъ Викторію Добье и она рѣшила защищать ихъ всѣми своими силами и добиваться для нихъ тѣхъ самыхъ ординарныхъ, гражданскихъ правъ, которыхъ они были лишены. Викторія Добье вставала также противъ исключительнаго права, которое было даровано монахинямъ, заниматься преподавательскою дѣятельностью, не взирая на степень ихъ компетентности. Но тутъ ея пропаганда не имѣла такого успѣха и лишь въ 1870 году у монахинь были отняты эти привилегіи и было постановлено, что ни одна женщина, хотя бы она была монахиня, не имѣетъ права заниматься преподаваніемъ, не имѣя на то установленнаго свидѣтельства.

Несмотря на свѣтскій характеръ своей пропаганды, Викторія Добье вовсе не была врагомъ духовенства и церкви, а только во всемъ требовала справедливости. На основаніи этого то принципа справедливости она требовала признанія права женщины. Въ своемъ докладѣ, представленномъ въ Ліонскую академію, она заявила: «Женщины займутъ въ обществѣ то положеніе котораго онѣ окажутся достойными по своимъ способностямъ и нравственнымъ качествамъ». — Лучшимъ средствомъ къ достиженію своей цѣли, т. е. возвышенію женщинъ рабочихъ классовъ, Викторія Добье считала распространеніе образованія среди нихъ и проповѣдь ея больше всего была направлена въ эту сторону. Но, несмотря на то, что она сама отказалась отъ брака, ради идеи, которой посвятила свою жизнь, Викторія Добье горячо защищала семью и требовала ея сохраненія и подтвержденія, находя что основы ея потрясены условіями современной промышленности и что эти условія прежде всего должны быть измѣнены для того, чтобы возможенъ былъ правильный прогрессъ и развитіе всѣхъ ресурсовъ народа.

Даровой обѣдъ для бѣдныхъ учениковъ въ Боро.

Чарльса Морлей. Перев. съ англійскаго Н. Кургановой.

Часы въ Боро *) бьютъ полдень. Мороситъ мелкій дождь; холодно и пронизывающе дуетъ зимній вѣтеръ. Зонтики въ смертельной борьбѣ съ разъяренными стихіями скрипятъ и кряхтятъ; мостовыя и тротуары покрыты такой густой и вязкой грязью, что люди и лошади на каждомъ шагѣ скользятъ и спотыкаются.

Дѣйствительно, болѣе мрачнаго и угнетающаго вида, чѣмъ въ это непріятное утро, Боро никогда не имѣло.

Но, Господи помилуй! дѣти этой части свѣта, кажется, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія ни на дождь, ни на холодный вѣтеръ. Когда часы бьютъ полдень, они высыпаютъ изъ cadaго двора и cadaго переулка. Даже петер-

*) Боро—одинъ изъ бѣдныхъ кварталовъ Лондона.

пѣливые прохожіе, снующіе во всѣ стороны, останавливаются поглазѣть на нихъ, даже кучера и ломовые извозчики поднимаютъ на минуту глаза отъ возжей и бича. И неудивительно! Шумъ, поднимаемый дѣтьми, заглушаетъ даже уличный шумъ въ Боро. Дѣти толпами идутъ по Марчельси-родъ и :атѣмъ внезапно исчезаютъ.

— Куда это они отправляются?—спрашиваетъ обитатель другой мѣстности Лондона.

— Куда? Въ Фармъ-Гаусъ,—гласитъ отвѣтъ туземца съ взглядомъ превосходства на него.

— Въ Фармъ-Гаусъ!—воскликаетъ спросившій, удивляясь забавной несообразности и ломая себѣ голову, какого рода ферма можетъ существовать въ Боро.

Однако она дѣйствительно существуетъ въ глубинѣ мрачнаго прохода, именуемаго Гарро-стритъ. Фармъ-Гаусъ и служитъ цѣлью, куда стремятся всѣ эти дѣти въ этотъ особеннo неприятный зимній день. Вся Гарро-стритъ наполнена дѣтьми, но что за порядокъ царитъ въ ней, несмотря на отсутствіе полицмена. Дѣти сами выстроились въ ровную линію, по три, по четыре въ рядъ и маршируютъ, подобно солдатамъ. Узнать это можно только по быстрому движенію ногъ, такъ какъ обувь ихъ или не производитъ совсѣмъ шума, или же очень мало. Шумъ этотъ—родъ угрюмаго шлепанья башмаками или босыми ногами по грязи.

Боже мой! Приходилось ли когда-либо видѣть самому смиренному сапожнику, много лѣтъ владѣющему шиломъ, подобную коллекцію обуви для ногъ бѣдняковъ? Никогда, клянусь. У иныхъ башмаковъ были подошвы, но очень мало верхней части, у тѣхъ верхняя часть и очень мало подошвы; нѣкоторые башмаки были искривлены на носкахъ подобно обуви, которую носили наши предки въ старыя времена. Тѣ искривились въ голенищѣ, эти были покривлены въ видѣ вопросительнаго знака. Нѣкоторые ботинки, видимо, принадлежали матери и носили еще слѣды пышнаго прошлаго. На иныхъ дѣтяхъ были надѣты отцовскіе сапоги, настоящіе громадныя сапоги, въ которыхъ совершенно терялись маленькія ножки. На иныхъ дѣтяхъ была смѣшанная обувь—одинъ башмакъ былъ материнскій, другой — отцовскій, и никто не указывалъ съ презрѣніемъ на такого ребенка, хотя у дѣтей и очень развито чувство сознанія смѣшного. У нѣкоторыхъ башмаковъ были деревянныя подошвы; иные состояли только изъ коричневой бумаги, тѣ скрипѣли и были всѣ въ морщинахъ, подобно лицу древней старухи; другіе были связаны веревкой,—короче сказать, это была такая же замѣчательная коллекція обуви, какую всюду можно увидѣть въ кучѣ старья, посвященной исключительно обветшалымъ сапогамъ и башмакамъ. Впрочемъ, мнѣ пріятно прибавить, что было также и нѣсколько почтенныхъ исключеній, ничѣмъ не выдающихся, такъ какъ это была ни болѣе, ни менѣе какъ обыкновенныя башмаки.

Одежда также представляла собою смѣсь удивительныхъ облаченій. На маленькіхъ дѣвочкахъ были длинныя платья, на большихъ короткія; многія дѣвочки были въ совсѣмъ коротенькихъ платьицахъ. Маленькіе мальчики были въ одномъ верхнемъ платьѣ, на которомъ пуговицы отсутствовали; большіе мальчики были безъ верхняго платья въ очень короткихъ курткахъ безъ жакетовъ. Матеріалъ на костюмахъ самый смѣшанный. Чулки въ большинствѣ случаевъ отсутствовали, а если у кого изъ дѣтей и были, то благодаря дырзости, не соответствовали своему назначенію: ноги оставались все таки босыми или полуприкрытыми. Шали (въ которыя часто бывали завернуты младенцы) были и вязаныя, и тканыя разныхъ цвѣтовъ. Воротничковъ мало было видно. Шляпы представляли удивительную смѣсь соломы, сукна, шерсти, бархата, цвѣтовъ и различнаго рода украшеній.

Дѣти начинаютъ двигаться. Слышенъ шумъ и веселыя восклицанія—слабый визгъ, смѣшанный съ хриплыми и рѣзкими криками. Голось дитяти Боро скоро теряетъ всякую дѣтскую мягкость. Я не увѣренъ, что не слышалъ крѣпкой ругани нѣсколькихъ мальчиковъ. Даже нѣкоторыя крошечныя дѣвочки порой отпускали крѣпкое словцо, могущее оскорбить уши обитателя фешенебельнаго Лондона. Но въ Боро все это ровно ничего не значитъ. Подобно жаргону матросовъ, всѣ эти словечки только пустой звукъ, служащій для выраженія небольшого раздраженія. Самое щебетанье воробья въ Боро заключаетъ въ себѣ угрожающія ноты. Перебранка не производитъ безпорядка. Дѣти продолжаютъ двигаться къ Фармъ-Гаусъ, находящемуся въ глубинѣ улицы; въ воздухѣ развѣваются маленькіе кусочки голубой, красной и желтой бумаги, высоко приподнятые дѣтскими руками. Кусочки бумаги провѣрряются у входа двумя привратниками; стройная процессія, будто по мановенію магическаго жезла, разсѣивается и дѣти, не соблюдая дальнѣйшихъ церемоній, бѣгутъ на верхъ по ступенямъ.

Послѣдуемъ за дѣтьми.

Благовонный запахъ мяса привѣтствуетъ наши ноздри и оглушительные звуки наполняютъ комнату. Звуки полтораэта ложекъ, стучащихъ о столько же тарелокъ, звуки затрудненнаго дыханія, вздоховъ — словомъ, звуки, служащіе для различнаго рода выраженія чувства высшаго удовольствія, и звуки дѣтской болтовни. Только сначала ничего не видно: большая комната Фармъ-Гаусъ наполнена паромъ. Черезъ минуту или двѣ этотъ пріятный туманъ разсѣивается и затѣмъ взоръ встрѣчаетъ дѣйствительно замѣчательное зрѣлище: полтораэта дѣтей Боро прекрасно обѣдаютъ. На тарелкѣ передъ каждымъ ребенкомъ лежитъ вкусный кусокъ пудинга съ картофелемъ, политый прекрасной, мясной подливкой.

Это былъ одинъ изъ первыхъ даровыхъ обѣдовъ зимняго сезона.

Въ зимніе мѣсяцы, когда небеса мрачны, туманъ удушливъ, скучный дождь наводняетъ городъ, когда идетъ снѣгъ и земля отъ холода становится тверда какъ желѣзо, а ледъ покрываетъ мрачную рѣку, эти скромныя пиры даются ученикамъ начальныхъ школъ всего Лондона. Это сезонъ, когда вслѣдствіе безработицы рабочіе дома и госпитали переполнены. Именно тогда-то нищета дрожитъ на нетолленномъ чердакѣ или въ глубокомъ подвалѣ. Въ это-то время, говоря метафорически, продаются утюги, сковородки, кастрюльки и даже обувь всей семьи.

Нищета ужасно плодovitа: каждая лачуга, каждый дворъ, каждый переулокъ изобилуетъ дѣтьми, которыхъ, однако, надо посылать въ школу. Но что пойдеть на умъ на голодный желудокъ? Конечно, ничего.

— Тѣ, чьи отцы безъ работы, подымите руки!—говоритъ учитель школы на Орэнжъ-стритъ въ Боро.

Въ отвѣтъ подымается много рукъ.

Учитель прекрасно знаетъ, довольно часто благодаря личному знакомству, кто говорить правду. Кромѣ того, мальчики и дѣвочки контролируютъ другъ друга и нисколько не стѣсняются въ передачѣ истинныхъ семейныхъ обстоятельствъ ихъ товарищей, если тѣ, изъ любви къ пудингу, не говорятъ полной правды. Увы! такъ поступать заставляютъ ихъ муки голода. Затѣмъ учитель раздаетъ нуждающимся ученикамъ по одному изъ столь желанныхъ билетовъ, какіе мы видѣли развѣвающимися подъ дождемъ, а билетъ даетъ право на получение одного обѣда въ Фармъ-Гаусъ, главный центръ вѣчно мрачнаго, вѣчно трудящагося и вѣчно голоднаго Боро.

Шумъ въ комнатѣ становится громче, чѣмъ когда-либо: дѣти ложками выскребываютъ тарелки, стараясь не оставить на нихъ ни крошки. Прислужницы готовятся къ новой смѣнѣ посѣтителей, скамьи съ шумомъ отодвигаются, ком-

ната мало-помалу пустѣеть. Въ кухнѣ нарѣзывается пуддингъ, готовится картофель и прекрасная мясная подливка. Новыя полтораста тарелокъ ставятся въ порядкѣ рядами вдоль столовъ; комната снова наполняется пріятнымъ запахомъ. снова подымается шумъ.

Это четвертая смѣна; менѣе чѣмъ въ часъ съѣдено отъ шестисотъ до семисотъ обѣдовъ.

То же самое происходитъ во всѣ дни недѣли, за исключеніемъ субботы. Меню кушаній мѣняется ежедневно. Обѣдъ состоитъ то изъ мясного пуддинга и картофеля, то изъ пуддинга съ изюмомъ, то изъ ирландской тушеной говядины и хлѣба, то изъ гороха и хлѣба. Хлѣбъ дается только дважды въ недѣлю, составляя, такимъ образомъ, предметъ роскоши для большинства дѣтей Боро даже по воскресеньямъ, когда они ѣдятъ селедку или треску. Изъ всѣхъ обѣдовъ самый любимый—мясной пуддингъ, наименѣе цѣнится гороховый супъ.

Когда времена бываютъ особенно тяжелы, дѣти получаютъ, кромѣ обѣда, еще и «завтракъ», какъ многіе зовутъ его, состоящій изъ похлебки съ кускомъ хлѣба и мармелада на закуску.

Вмѣстѣ съ толпой обычныхъ посѣтителей послѣдней смѣны въ этотъ день, въ столовую пробираются контрабандой и дѣвочки, нянчашія младшихъ членовъ семьи, которымъ удалось убѣдить привратника впустить ихъ поѣсть остатки обѣда. На начальство онѣ смотрятъ, можетъ быть, мучимыя укорами совѣсти, но все-таки продолжаютъ ѣсть и въ промежутки между глотками суютъ въ ротъ младенца ложку, наполненную подливкой. Жадными взорами младенцы пожираютъ также и куски пуддинга. Вотъ одна изъ такихъ дѣвочекъ-нянь, миссъ Мэри-Анна Сайдей, съ малюткой, завернутымъ въ ея шаль. Мэри-Аннѣ только тринадцать лѣтъ, хотя на видъ вы дадите ей больше.

— Ты ходишь въ школу, Мэри-Анна?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она, вытирая малюткѣ ротъ.

— Почему нѣтъ?

— Потому что у меня хроническій ревматизмъ сердца.—Слова эти обозначаютъ ужасную болѣзнь, впрочемъ, Мэри-Анна часто бывала въ госпиталѣ и, вѣроятно, тамъ нахваталась громкихъ названій болѣзней отъ студентовъ. Хотя, судя по ея синеватымъ губамъ, дѣвочка могла страдать этой болѣзью. Школьное начальство избавило Мэри-Анну навсегда отъ ученія и въ настоящее время она остается дома нянчить малютку. *Nota bene* — въ каждомъ домѣ всегда есть младенецъ. Какъ только на головѣ номера перваго появляются первые курчавые волосики, на свѣтъ является номеръ второй и такъ *ad*, я чуть-было не прибавилъ, *infinitum*. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что младенцы все-таки обуза для плательщиковъ налоговъ въ Боро. Взгляните хоть на младенца Сайдей и его бѣдное, увядшее личико съ удивленнымъ выраженіемъ; большіе темные глаза ребенка глядятъ на васъ сквозь покрывающія лицо пятна грязи, подливки и крошки пуддинга. У него удивительно старообразная наружность. Хотя ему, я полагаю, менѣе года («это мальчикъ, а не дѣвочка», поясняетъ Мэри-Анна въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе), однако, онъ смотритъ на васъ взглядомъ, который ужасно видѣтъ въ глазахъ такого крошки, взглядомъ покорности судьбѣ, какъ будто ему уже были извѣстны по горькому опыту всѣ несчастья и зло, даруемыя въ наслѣдство смертной плотью, а также будто онъ прекрасно сознавалъ свое ничтожество. Въ грустномъ, безнадежномъ взглядѣ малютки, несмотря на то, что онъ заставлялъ васъ содрогаться, было своего рода очарованіе. На головѣ младенца Сайдей былъ чепецъ изъ ярко-зеленаго бархата, указывающій на нѣкоторое благосостояніе. Чепецъ этотъ подарила ему его крестная мать въ какой-нибудь знаменательный для него день, день рожденія, можетъ быть. У мальчика четверо братьевъ или сестеръ немногимъ старше его, включая и Мэри-Анну; мать его подбиральщица мѣха... но именно

въ эту минуту повѣствованіе было прервано тѣмъ, что у малютки въ горлѣ застрялъ кусокъ пудинга, и нѣжная няня Мэри-Анна изо всей силы начинаетъ шлепать его по спинкѣ. Бѣдный крошка!

Вотъ другая маленькая няня, кормящая другого малютку; на головѣ у самой няни очень короткіе волосы.

— Горячка или рабочій домъ?—ласково спрашиваютъ ее, намекая на волосы.

— Рабочій домъ, — съ готовностью отвѣчаетъ дѣвочка (при поступленіи туда ее обрили).— Отецъ бросилъ насъ, мы все продали и намъ оставалось только одно—поступить въ рабочій домъ,—мнѣ, матери, малюткѣ и имъ тремъ, указала она на крошекъ, сидящихъ рядомъ съ ней и поѣдающихъ пудингъ.

— Вамъ было хорошо тамъ?

— Да.

— Но вы ушли оттуда?

— Да.

— Почему?

— Отецъ нашелся.

— Гдѣ?

— Въ тюрьмѣ.

— Какимъ образомъ онъ туда попалъ?

— О, за старыя штуки— пьянство и драки.

— Онъ билъ тебя?

— Да, и мать, и его также,—указала дѣвочка на малютку.

— Теперь вы ушли изъ рабочаго дома?

— Да, онъ ищетъ квартиру.

— Значить, отецъ нашелъ работу?

— Да.

— И вы снова будете жить вмѣстѣ?

— Да.

— А гдѣ вы живете теперь?

— Онъ живетъ въ меблированныхъ комнатахъ, мы у бабушки.

— Вы будете рады имѣть свой домъ?

— Нѣтъ.

— Развѣ безъ отца было лучше?

— Да.

Семейная исторія, наводящая на различныя размышленія. Свидѣтелемъ какихъ только сценъ не бывалъ малютка Блэкъ (это не подлинное его имя, но съ успѣхомъ можетъ его замѣнить) въ продолженіе двѣнадцати короткихъ мѣсяцевъ своей жизни.

Кто это бѣдное, маленькое, молчаливое созданье съ испуганнымъ блуждающимъ взоромъ? Ребенокъ не отвѣчаетъ на вопросы; съ пудингомъ въ рукѣ дѣвочка старается пробраться въ какой-нибудь темный уголокъ, чтобы тамъ въ одиночествѣ съѣсть свою порцію.

«Она видѣла, какъ мать ея, въ припадкѣ пьянаго бѣшенства, убила одного изъ ея братьевъ», дрожащимъ шепотомъ сообщаетъ мнѣ завѣдующій.

Не думайте, однако, чтобы у всѣхъ дѣтей, съѣдающихъ эти семьсотъ обѣдовъ, были такія ужасныя семейныя исторіи. Большинство дѣтей, не смотря на худобу, малокровіе, плохую одежду и отсутствіе обуви, веселы, какъ только могутъ быть веселы дѣти, во всякомъ случаѣ, во время обѣда. Нѣкоторые изъ нихъ, которые до обѣда получили болѣе чѣмъ по куску хлѣба, продолжаютъ бродить вокругъ стола. Не могу также сказать, чтобы всѣ дѣти были проникнуты принципами нравственности. Впрочемъ, голодь—сущій Мефистофель, подвизающій на обманъ и зло. Вонъ въ углу Джонъ Ластеръ, хитрый мальчишка,

только что уличенный въ воровствѣ пуддинга у своего сосѣда, когда этотъ глупый молодой человекъ нагнулся поднять свою ложку.

Затѣмъ вотъ еще другой смѣтливый мальчуганъ, котораго не удовлетворяетъ его прекрасная порція пуддинга.

— Взгляните сюда, сударыня, — кричитъ онъ одной изъ прислужницъ, — взгляните сюда, развѣ этого достаточно? — и онъ съ дрожжащими губами и слезами на глазахъ указываетъ на свою тарелку.

Дѣйствительно, на тарелкѣ лежалъ жирный уголъ пуддинга, немного даже больше обычной порціи (вѣроятно, соскользнулъ ножъ). Какъ бы то ни было, мальчикъ получилъ другую порцію. Этотъ дѣтскій феноменъ по жадности — юный Гушъ.

— Могъ бы ты справиться съ другимъ обѣдомъ, Гушъ?

— Да.

— Сколько же обѣдовъ ты можешь съѣсть, если постарасься?

— Три, — отвѣчаетъ Гушъ.

— Три! Почему ты это знаешь?

— Потому что я съѣдалъ три.

Дальнѣйшихъ доказательствъ не могъ бы требовать и самъ Эвелиндъ.

— Сколько пенсовъ въ шиллингѣ, Гушъ?

— Дѣвнадцать.

— А сколько будетъ два и два?

— Четыре.

— Очень хорошо, Гушъ.

Объясненіе этого эпизода то, что у Гуша, какъ говорится, не всё дома, и потому ему въ большинствѣ случаевъ уступаютъ. Однако, какъ бы мальчикъ ни былъ неспособенъ, онъ все-таки не настолько идиотъ, чтобы отказаться отъ трехъ обѣдовъ, если можно ихъ получить, а это доказываетъ, что умъ его рѣшительно проясняется.

Я только что кончилъ разговаривать съ Гушъ, какъ въ столовую вошла м-съ Бергуинъ, на которой лежало завѣдываніе Фармъ-Гаусъ, такъ какъ она была казначеемъ «Посредника», денежнаго фонда даровыхъ обѣдовъ, много лѣтъ тому назадъ основаннаго истиннымъ другомъ бѣдняковъ, м-ромъ Г. Р. Симсъ, и пользующагося поддержкой всѣхъ современныхъ артистовъ, артистокъ и писателей. Черный сакъ м-съ Бергуинъ былъ бяткомъ набитъ бумагами (полагаю, что многія изъ нихъ были чеками и почтовыми повѣстками). М-съ Бергуинъ заглянула въ столовую Фармъ-Гаусъ именно съ цѣлью узнать о числѣ посѣтителей, недостатка въ которыхъ не было. Отъ этой строгой и энергичной дамы я узналъ, что раздача даровыхъ обѣдовъ въ помѣщеніяхъ школы еще не началась, такъ какъ теперь было только начало декабря. Такимъ образомъ, хоть въ одномъ отношеніи дѣти Боро оказались счастливыми. Впродолженіе зимы Фармъ-Гаусъ ежедневно кормитъ шестьсотъ-семьсотъ голодныхъ ртовъ благодаря фонду «Посредника» и излишекъ, получаемый здѣсь, отсылается въ еще болѣе нуждающіеся кварталы, гдѣ мало наличныхъ денегъ. Всѣ школы работаютъ дружно и, какъ говорили мнѣ, въ полномъ согласіи. Богатыя школы помогаютъ бѣднымъ, а потому ни одна школа не унучена изъ виду.

Фармъ-Гаусъ — странное зданіе, находящееся въ сердцѣ Марчельси; какъ разъ черезъ дорогу находится мѣсто, гдѣ была знаменитая тюрьма того же имени. Кладбище св. Георгія Великомученика преобразовано нынѣ въ общественный садъ, довольно мрачный, конечно, съ потемнѣвшими надгробными камнями и тополями, покрытыми сажей. На одной изъ стѣнъ прибита доска съ напечатанной надписью: «Это находится на мѣстѣ тюрьмы Марчельси, описанной въ хорошо извѣстной повѣсти Чарльса Диккенса «Крошка Дорритъ».

Фармъ-Гаусъ служилъ когда то городскимъ мѣстопробываніемъ графовъ Уинчестеръ. Отъ времени прежняго величія зданіе сохранило старинный, потертый временемъ фасадъ, дворъ, потайныя комнаты, старинныя дубовыя панели, на которыхъ до сихъ поръ можно различить изображенія нѣкоторыхъ прежнихъ дамъ и господъ Уинчестеръ, прекрасную старинную лѣстницу и, въ придачу, одно или два привидѣнія. Но давно уже барскій домъ превратился сначала въ простую гостиницу, гдѣ за четыре пенса можно было переночевать въ комнатѣ, посѣщаемой привидѣніями. Много удивительныхъ исторій могли бы рассказать эти выблвенныя стѣны, если бы онѣ обладали даромъ слова, о прекрасныхъ старыхъ временахъ царствованія Генриха VIII или даже, можетъ быть, о болѣе ранней эпохѣ. Многие, вступающіе въ жизнь съ большими надеждами на будущее, бывали рады впоследствии преклонить свою голову въ старомъ Фармъ-Гаусъ въ Марчельси, въ Боро.

• Однако, что это за пріятный запахъ, разносящійся въ воздухѣ?

Поварь уже въ кухнѣ со своими кастрюльками и думаетъ о приготовленіи похлебки на завтрашній день.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Ботаника.—Выделение тепла въ цвѣтахъ *Victoria regia*.—Бактеріологія. Къ вопросу о взаимодѣйствіи между бактеріями и зараженнымъ ими организмомъ.—Зоологія. 1) О движеніи инфузорій. 2) Обоняніе птицъ.—Физика. Телеграфированіе безъ проводовъ.—Астрономическія извѣстія.

Ботаника. *Выделение тепла въ цвѣтахъ Victoria regia.* Насколько растенія отличаются отъ животныхъ по внѣшнему виду и внутреннему строенію, по самымъ принципамъ строенія дифференцированныхъ органовъ, настолько же сходны фізіологическіе процессы, изъ которыхъ слагаются основныя проявленія жизни въ томъ и другомъ царствѣ. Объ этомъ лишній разъ напоминаютъ изслѣдованія ботаника Е. Кнош'а надъ выдѣленіемъ тепла въ цвѣтахъ *Victoria regia*. Его работа, озаглавленная «*Untersuchungen über der Morphologie, Biologie und Physiologie der Blüte von Victoria regia*», помѣщенная въ *Bibliotheca botanica*. Heft 47. 1899, содержитъ, кромѣ данныхъ, выясняющихъ истинное морфологическое значеніе частей цвѣтка, считавшихся раньше измѣненными плодolistками, интересныя біологическія соображенія относительно опыленія этихъ цвѣтовъ и упомянутыя обстоятельныя изслѣдованія надъ выдѣленіемъ тепла, на которыхъ я и останавлиюсь нѣсколько подробнѣе.

Многіе, конечно, видѣли цвѣтокъ *Victoria regia* въ оранжереѣ или на рисункѣ; кому не случилось его видѣть, тотъ, зная, что это растеніе весьма близко къ бѣлой кувшинкѣ, встрѣчающейся у насъ повсюду, легко представить себѣ внѣшній видъ этого цвѣтка, но врядъ-ли кто,—конечно, изъ лицъ, не занимающихся ботаникой,—имѣетъ ясное представленіе относительно формы и расположенія частей его, между тѣмъ какъ это весьма важно для пониманія дальнѣйшаго изложенія. Цвѣтокъ *Victoria regia* состоитъ изъ 4 листочковъ чашечки, образующихъ его наружный покровъ и усаженныхъ на внѣшней поверхности крупными колючками, изъ многочисленныхъ бѣлыхъ лепестковъ вѣнчика, постепенно переходящихъ въ пылинки, за которыми слѣдуютъ особыя образованія, представляющія какъ бы переходъ отъ тычинокъ къ плодникамъ и поэтому названныя рагге specially изучавшимъ семейство нимфейныхъ Робертомъ Каспаромъ—*Ragacarpellen*, т. е. недоразвитыми плодolistками; середину цвѣтка занимаютъ также многочисленные сросшіеся между собою плодники, на концахъ которыхъ имѣются особые утолщенные придатки, заслуживающіе вниманія, такъ какъ въ нихъ главнымъ образомъ и наблюдается освобожденіе тепла.

На основаніи анатомическаго строенія и исторіи развитія листочковъ, названныхъ Каспаромъ *Ragacarpellen*, Кношъ приходитъ къ заключенію, что они представляютъ собой недоразвитыя тычинки, такъ какъ среди нихъ наблюдаются всѣ переходы къ тычинкамъ (нѣкоторыя сохраняютъ даже зачатки пыльниковъ), развиваются они одновременно съ тычинками и залагаются совершенно одинаково; тѣ черты строенія, которыя придаютъ имъ нѣкоторое сходство

съ плодolistивками, появляются лишь позднѣе и притомъ, какъ результатъ механическаго воздѣйствія, происходящаго вслѣдствіе срастанія съ окружающими органами.

Широкія мясистыя тычинки и прилегающія къ нимъ снаружи и внутри стамиподи (т. е. только что описанныя недоразвитыя тычинки) расположены тѣсно въ кольцѣ вокругъ сросшихся плодниковъ, занимающихъ середину цвѣтка, и образуютъ къ нимъ каналъ діаметромъ около 3 см. Лепестки вѣнчика при расцвѣтаніи свѣжно-бѣлаго цвѣта, самыя внутренніе изъ нихъ—красныя, наружныя стамиподи бѣлаго цвѣта, на концахъ красныя, у внутреннѣхъ стамиподій—наружная поверхность бѣлаго цвѣта, внутренняя краснаго.

Цвѣточная почка залагается въ водѣ. Постепенно цвѣтоножка, несущая ее, вырастаетъ, производя при этомъ движенія: на ночь цвѣточная почка погружается въ воду, на утро поднимается, съ каждымъ разомъ нѣсколько выше, такъ что передъ раскрываніемъ она выдается надъ водой приблизительно на 20 см. *Victoria regia* принадлежитъ къ ночнымъ цвѣткамъ. Первый разъ цвѣтокъ раскрывается около 5—7 часовъ вечера. Листочки чашечки разворачиваются очень быстро, вѣнчикъ наоборотъ лишь постепенно, приблизительно къ 10—12 часамъ ночи. Тычинки и стамиподи медленно сближаются и къ утру вполне закрываютъ образованный ими каналъ, вмѣстѣ съ тѣмъ смыкаются и лепестки вѣнчика. На другой день лепестки цвѣтка краснѣютъ, около 5—6 часовъ вечера онъ снова открывается, но каналъ къ плодникамъ остается замкнутымъ; къ 10—12 ч. онъ вновь открывается, тычинки становятся горизонтально и пыльники ихъ растрескиваются. Каждый разъ, когда цвѣтокъ раскрывается, въ немъ выделяются пахучія вещества и внутри онъ сильно нагревается.

Всѣ эти измѣненія авторъ считаетъ приспособленіями для перекрестнаго опыленія. При первомъ раскрываніи цвѣтка, сильный аромат и выделяемая теплота привлекаютъ насѣкомыхъ (жуковъ), которыя забираются въ открытый каналъ, принося туда на себѣ пылцу съ цвѣтовъ другихъ экземпляровъ *Victoria g.* яркій красный цвѣтъ окружающихъ частей указываетъ имъ путь. Тычинки и стамиподи смыкаются и удерживаютъ насѣкомыхъ въ цвѣткѣ до созрѣванія пыльниковъ, тогда цвѣтокъ раскрывается вполне, и жуки улетаютъ, унося на себѣ пылцу изъ растрескавшихся къ этому времени пыльниковъ. Затѣмъ цвѣтокъ (оплодотворенный) закрывается въ послѣдній разъ и опускается на дно. Конечно, пока все это только предположенія болѣе или менѣе вѣроятныя: окончательно рѣшить, таковъ-ли именно смыслъ измѣненій, которыя замѣчаются въ цвѣткѣ *Victoria regia*, можно-лишь послѣ того, какъ будутъ сдѣланы наблюденія надъ растеніемъ на его родинѣ.

Самый фактъ выделения тепла въ цвѣткѣ *Victoria regia* извѣстенъ уже давно: процессъ этотъ здѣсь настолько интенсивенъ, что разность температуръ окружающаго воздуха и внутри цвѣтка достигаетъ иногда по наблюденіямъ автора 10°C.—интересъ работъ Кноха въ выясненіи подробностей этого процесса. Наблюденія производились и надъ цѣльнымъ цвѣткомъ, оставшимся въ соединеніи съ растеніемъ, въ оранжереѣ, и надъ отдѣльными, вырѣзанными частями въ различныхъ условіяхъ при температурѣ по возможности постоянной.

Оказалось, что нагреваніе обнаруживается еще за 9 часовъ до того, какъ цвѣтокъ раскроется, затѣмъ оно все усиливается и достигаетъ maximum'a въ первый день цвѣтенія вечеромъ между 5 и 8 часами, т. е. когда цвѣтокъ въ первый разъ совершенно раскроется; къ утру оно сильно ослабѣваетъ и затѣмъ опять медленно усиливается до второго, нѣсколько меньшаго maximum'a. Изъ опытовъ надъ отдѣльными частями цвѣтка выяснилось, что лепестки вѣнчика и плодники нагреваются весьма слабо, гораздо больше выделяется тепла въ стамиподіяхъ и въ тычинкахъ (а именно около пыльниковъ), температура

которых поднималась на 6° выше окружающего воздуха, особенно же сильно нагрѣваются придатки плодниковъ: разность ихъ температуры съ окружающей средой достигаетъ 12°. Такимъ образомъ эти придатки служатъ специальными органами нагрѣванія, въ нихъ же исключительно находятся пахучія вещества, которые обильно выдѣляются при раскрываніи цвѣтка, слѣдовательно, при наиболѣе сильною его нагрѣваніи.

Самонагрѣваніе цвѣтовъ *Victoria regia* представляетъ собой не единственный случай въ растительномъ царствѣ замѣтнаго выдѣленія тепла, которое настолько характерно для животныхъ, что могло послужить основаніемъ для соединенія въ одну группу (теплокровныя животныя) представителей разныхъ классовъ.

Въ различныхъ цвѣткахъ, какъ напр. у растений принадлежащихъ къ семейству Арониковыхъ, къ роду *Cucurbita* (тыква), *Bignonia* и *Polygonum*, *Cactus*, *Rapistrum*, *Cucurbita*, при проростаніи сѣмянъ и развитіи побѣговъ, въ стебляхъ маиса, бѣлена и др. тепло выдѣляется такъ сильно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нагрѣваніе достигаетъ предѣльной температуры для жизнедѣятельности растенія, въ нѣкоторыхъ опытахъ до 49,5° С., т. е. на 30° выше температуры окружающего воздуха. Кромѣ того самовозгораніе хлопка, тряпья, сложенного въ кучи, сѣна и т. д. ближайшимъ образомъ зависитъ отъ выдѣленія огромнаго количества тепла развивающимися въ этихъ веществахъ бактеріями, которыя такъ же принадлежатъ къ растительному царству. И въ животныхъ, и въ растеніяхъ процессы, результатомъ которыхъ является освобожденіе тепла, и вещества, въ которыхъ эти процессы совершаются, по существу одинаковы.

Нѣтъ болѣе обшлаго, болѣе характернаго проявленія жизни, какъ дыханіе: дышать, значить—жить, и неудивительно, если языкъ отождествляетъ эти понятія. Химическія вещества являются носителями скрытой въ нихъ, такъ сказать напряженной энергіи; при разложеніи или соединеніи ихъ часто происходитъ такая перегруппировка мельчайшихъ, составляющихъ матеріальную основу вещества частицъ—атомовъ, что эта энергія освобождается и обнаруживается, по большей части въ видѣ тепла, подобно тому какъ это легко можно наблюдать, если отпустить растянутую резинку: напряженіе, которое было необходимо для преодоленія упругихъ силъ въ резинѣ при насильственномъ измѣненіи ея формы, освобождаясь оказывается нагрѣваніемъ, которое легко замѣтить даже на ошупь. Въ обычныхъ случаяхъ горѣнія, вещества, содержащія въ своемъ химическомъ составѣ углеродъ, при накаливаніи, въ пламени, разлагаются—вотъ почему сами они загорѣться не могутъ—и углеродъ ихъ соединяется съ кислородомъ воздуха, образуя углекислоту, причемъ выдѣляется такое огромное количество тепла, что оно достаточно и для дальнѣйшаго разложенія ипѣющагося горючаго вещества и для накаливанія до яркаго свѣченія временно образующихся кусочковъ угля (сажи), отчего зависитъ яркость пламени. При дыханіи и животныя, и растенія потребляютъ кислородъ и выдѣляютъ углекислоту. Нѣтъ надобности входить въ подробности разложенія углеродистыхъ веществъ въ живомъ организмѣ—процессы эти еще не вполне изучены, но и въ этомъ отношеніи, повидимому, окажется большое сходство между обоими царствами живыхъ существъ,—важно то, что какъ и при горѣніи здѣсь происходитъ окисленіе—въ концѣ концовъ углерода въ углекислоту, и слѣдовательно освобождается энергія въ видѣ тепла. Гдѣ есть дыханіе, тамъ должно происходить и выдѣленіе тепла. Если мы не всегда имѣемъ возможность констатировать это явленіе, что относится преимущественно къ растеніямъ, но такъ же и къ мелкимъ низшимъ животнымъ, то это зависитъ отъ того, что въ этихъ случаяхъ выдѣленіе тепла изъ организма или органа въ окружающую среду почти равняется его образованію, другими словами организмъ не успѣваетъ нагрѣться,—среди растеній, главнымъ образомъ, потому, что интензив-

ность дыханія у нихъ не велика. Естественно ожидать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ отдѣльныхъ органахъ растений обнаруживается значительное повыше- ніе температуры по сравненію съ окружающей средой и остальными тканями, и дыханіе станетъ гораздо интенсивнѣе. Опыты и въ частномъ случаѣ изслѣ- дованія Кноха вполне подтверждаютъ это.

Кнохъ нашелъ, что ходъ дыханія, усиленіе и ослабленіе его, идетъ совер- шенно параллельно измѣненіямъ въ нагрѣваніи. Мало того: если отрѣзанные придатки плодниковъ *Vicia* (которые, какъ мы видѣли и служатъ, главнымъ образомъ, органами выдѣлнія тепла) помѣстить въ атмосферу водорода, т. е. лишить ихъ возможности дышать,—тепло не выдѣлится, но какъ только во- дородъ будетъ замѣненъ кислородомъ—нагрѣваніе обнаруживается; уже черезъ 4 минуты послѣ этого термометръ, погруженный въ отрѣзанные придатки плодниковъ, поднимается почти на 3° выше температуры, окружающаго воз- духа. Усиливается дыханіе—повышается температура, и тоже обнаруживается во всѣхъ изслѣдованныхъ случаяхъ. Кромѣ того, Кноху удалось сдѣлать еще одно весьма интересное наблюденіе, которое, кажется, пока является единич- нымъ въ физиологій высшихъ растений и потому требуетъ провѣрки и во вся- комъ случаѣ осторожнаго отношенія. Дѣло въ томъ, что, какъ выше было ука- зано, въ придаткахъ плодниковъ выдѣляется пахучее (газообразное) вещество, но лишь во время нагрѣванія и при доступѣ кислорода, слѣдовательно—въ качестве продукта дыханія. Это первый наблюдаемый случай выдѣленія иного газообразнаго вещества, помимо углекислоты, при нормальномъ дыханіи выс- шаго растенія, хотя вообще здѣсь, какъ и у животныхъ, продукты дыханія не ограничиваются углекислотой и водой.

Сходство между растеніями и животными относительно выдѣленія тепла идетъ еще дальше. Всякій знаетъ, что при пораненіи кожи, вокругъ ранки обыкновенно появляется краснота и происходитъ мѣстное воспаленіе, т. е. повышеніе температуры; въ данномъ случаѣ оно вызывается бактеріями, ко- торыя почти всегда попадаютъ въ ранку, но того же самаго можно достигнуть и искусственно, дѣйствуя на кожу извѣстными химическими веществами. Какъ бы то ни было, вслѣдствіе ли раздраженія ядовитыми веществами, которыя выдѣляютъ бактеріи, или вслѣдствіе иныхъ воздѣйствій при искусственно вы- званномъ воспаленіи, жизнѣдѣтельность и вмѣстѣ съ нею дыхательный обмѣнъ въ данномъ участкѣ ткани усиливается, что и является причиной повышенія температуры. Нѣчто подобное, какъ показываетъ опытъ, происходитъ и у ра- стеній. Само собою разумѣется, что, такъ какъ вообще растенія дышать го- раздо менѣе энергично, то и все явленіе происходитъ у нихъ, такъ сказать, въ гораздо меньшемъ масштабѣ: повышеніе температуры у нихъ вокругъ мѣста пораненія наблюдается лишь незначительное. Замѣчательно, что у нѣкоторыхъ растений, какъ напр., у клубней картофеля, ткани «воспаляются» только во- кругъ ранки приблизительно до 2 см. разстоянія, у другихъ же, какъ напр., у лука, наблюдается общее повышеніе температуры, какъ будто у растенія дѣлается лихорадка.

Этотъ рядъ примѣровъ мы закончимъ слѣдующимъ сопоставленіемъ. Боль- шинство заразныхъ болѣзней, причиняемыхъ, какъ извѣстно, микроорганизмами (бактеріями и грибами), у человѣка и животныхъ сопровождается общимъ повышеніемъ температуры: микроорганизмы въ данномъ случаѣ выдѣляютъ большое количество ядовитыхъ веществъ и реакція организма на ихъ воздѣй- ствіе сказывается въ усиленіи дыхательнаго обмѣна и выдѣленія тепла. Ока- зывается, что такое повышеніе температуры наблюдается и у растеній, стра- дающихъ отъ вторженія микроорганизмовъ, какъ это было найдено у карто- феля при наибольше распространяемой его болѣзни—пораженіи грибомъ *Phy- tophthora infisitans*.

Бактеріологія. *Къ вопросу о взаимодействиі между бактеріями и зараженнымъ ими организмомъ.* Въ настоящее время доказано, что большинство заразныхъ болѣзней причиняется бактеріями. Въ чемъ именно состоитъ воздѣйствіе бактерій на зараженный организмъ, еще не вполне выяснено, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось обнаружить, что бактеріи выдѣляютъ ядовитыя вещества (токсины), которыя собственно и вызываютъ заболѣваніе. Заболѣвшій организмъ, по современнымъ возрѣніямъ, отвѣчаетъ на вторженіе бактерій тѣмъ, что на борьбу съ ними устремляются извѣстныя спеціально для того предназначенныя кѣтки — бѣлыя кровяныя тѣльца или лейкоциты, которыхъ поэтому и называютъ теперь фагоцитами, т. е. пожарающими кѣтками. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ больномъ организмѣ образуются особыя вещества (антитоксины), которыми нейтрализуются яды бактерій. И такъ заразная болѣзнь есть не что иное, какъ борьба между бактеріями и фагоцитами, и отъ исхода ея зависитъ и исходъ болѣзни. Соотвѣтственно этому значеніе предохранительныхъ прививокъ видятъ въ томъ, что фагоциты привыкаютъ къ ядовитымъ веществамъ, выдѣляемымъ бактеріями, и такимъ образомъ становятся способными отступить съ ними въ борьбу; но обыкновенно весьма мало значенія придають отношенію самихъ тканей организма къ вліянію бактерій, между тѣмъ какъ хорошо извѣстна способность ихъ привыкать къ самымъ разнообразнымъ вѣшнимъ воздѣйствіямъ и въ томъ числѣ къ ядовитымъ веществамъ. Новый примѣръ такого отношенія доставляютъ наблюденія, изложенныя въ статьѣ Vallés «Exaltation de la virulence dans les humeurs des animaux hyperimmunisés», напечатанной въ № 18 журнала *Compt. rend. de la Société de Biologie*. Авторъ поставилъ себѣ задачей опредѣлить, какъ измѣняется вирулентность бактерій (т. е. степень проявленія ихъ характерныхъ свойствъ, въ данномъ случаѣ способности вызывать болѣзненные явленія), въ брюшинѣ животнаго, которому сдѣланы предохранительныя прививки. Чтобы опредѣлить, насколько возможно точно роль фагоцитовъ и соковъ организма въ уничтоженіи бактерій у иммунизированнаго (т. е. такого, которому сдѣланы предохранительныя прививки и который поэтому сдѣлался невосприимчивымъ къ заразѣ), животнаго, авторъ примѣнилъ методъ культуры *in vivo* въ коллодіонныхъ мѣшкахъ, какъ это было указано Мечниковымъ. Ру и Салимбени, въ ихъ статьѣ о холерномъ токсинѣ, т. е. помѣщая коллодіонныя мѣшки съ культурами бактерій въ брюшную полость кроликовъ. При такой культурѣ *in vivo* въ иммунизированныхъ животныхъ бактеріи подвергаются непрерывно дѣйствию соковъ организма и въ то же время охранены отъ нападенія фагоцитовъ, которые не могутъ проникнуть черезъ стѣнку коллодіоннаго мѣшка. Въ данномъ случаѣ для изслѣдованія были примѣнены бактеріи скорѣе анаэробныя (т. е. не нуждающіяся въ кислородѣ), чѣмъ аэробныя, что имѣетъ важное значеніе, такъ внутри брюшины воздухъ доступа не имѣетъ,—а именно бацилла краснухи свиней, микробъ не стойкій, легко утрачивающій въ культурахъ свою вирулентность. Спеціальное измѣненіе формы—удлинненіе, которому эта бацилла подвергается, когда ей приходится расти при неблагоприятныхъ условіяхъ развитія, должно было бы послужить симпомомъ, если бы этотъ способъ культуры въ иммунизированномъ организмѣ оказалъ вредное вліяніе на развитіе бациллъ.

Если въ брюшину неиммунизированныхъ кроликовъ ввести коллодіонныя мѣшки, содержащіе бульонъ, засѣянный указанными бациллами, то наблюдается медленное и прогрессивное исхуданіе животныхъ, которыя приобрѣтаютъ видъ скелетовъ и умираютъ нѣсколько недѣль спустя вслѣдствіе отравленія токсинами, выдѣляющимися въ мѣшкѣ. Однако, нѣкоторыя изъ кроликовъ выживаютъ; въ такомъ случаѣ, они оказываются сильно иммунизированными и превосходно сопротивляются прививкѣ въ дозѣ, смертельной для контрольныхъ

животныхъ. Съ другой стороны, если вынуть мѣшки изъ брюшины послѣ того, какъ они пробудутъ тамъ 2—3 недѣли, и прежде, чѣмъ животныя успѣютъ слишкомъ ослабнуть, то животныя (оправившись отъ операціи) обнаруживаютъ значительную сопротивляемость прививкамъ очень вирулентныхъ культуръ этой бациллы. Эти явленія представляютъ собой новый примѣръ иммунизациі посредствомъ токсиновъ.

Культуры, полученные въ мѣшкахъ, всегда очень обильно развиты и весьма вирулентны. Этотъ способъ культуры быстро повышаетъ активность бациллъ обычной вирулентности. Бациллы, служившія для засѣиванія мѣшковъ въ первомъ опытѣ, убивали голубя въ среднемъ въ четыре дня, если они прививались въ мускулы въ количествѣ 1 куб. сант. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ культура была помѣщена въ брюшинѣ, она убивала голубя въ 48 часовъ при той же дозѣ и въ тѣхъ же условіяхъ прививки, и эта вирулентность поддерживалась почти безъ измѣненій при послѣдовательномъ пережѣщеніи мѣшковъ съ культурами отъ одного (неиммунизированнаго) животнаго къ другому, между тѣмъ какъ культуры въ жидкой средѣ въ атмосферѣ инертнаго газа по истеченіи того же самаго времени оказывались весьма мало активными, несомнѣнными убить голубя даже и въ двойной дозѣ. Итакъ, культура въ колодонномъ мѣшкѣ въ брюшинѣ неиммунизированнаго кролика вначалѣ повышаетъ и затѣмъ сохраняетъ безъ измѣненія вирулентность бациллы краснухи свиней.

Одновременно съ этими опытами былъ произведенъ рядъ тождественныхъ изслѣдованій надъ культурами въ брюшинѣ кроликовъ, получившихъ прививки больше, чѣмъ нужно (гипериммунизированныхъ). Эти животныя сначала подвергались прививкамъ культуръ, убитыхъ дѣйствіемъ высокой температуры, затѣмъ они получали старыя культуры и, наконецъ, культуры, вполне вирулентныя. Черезъ 2½ мѣсяца такой подготовки они оказывались настолько иммунизированными, что могли выдержать безнаказанно прививку въ вену на ухѣ отъ 15 до 20 куб. сант. весьма активной культуры.

Мѣшки, засѣянные бациллами и помѣщенные въ брюшину этихъ животныхъ, содержали нѣсколько дней спустя культуру настолько же обильную, какъ и тѣ, которыя были получены въ мѣшкахъ въ брюшинѣ неиммунизированныхъ кроликовъ но чрезвычайно вирулентную. Бациллы, служившія для посѣва, тѣ же самыя, какъ и въ мѣшкахъ у контрольныхъ кроликовъ, убивали голубя, какъ мы упомянули, въ 4 дня, при дозѣ въ 1 куб. сант. Достаточно 12 дней культуры въ мѣшкѣ въ брюшинѣ гипериммунизированнаго животнаго, чтобы содержимое его или культура, полученная при помощи его *in vitro* (въ пробиркѣ), оказалось способнымъ убить голубя въ теченіи 48 часовъ въ количествѣ ½ куб. сант.

При непосредственной прививкѣ содержимаго мѣшка безъ предварительной культуры *in vitro* голубь умираетъ не такъ скоро, по мнѣнію автора, потому, что вмѣстѣ съ микробами прививается известное количество иммунизирующихъ веществъ, проникшихъ въ мѣшокъ.

Бациллы, пробывшія болѣе 10 недѣль въ гипериммунизированныхъ кроликахъ, остаются гораздо болѣе вирулентными, чѣмъ тѣ, которыя въ теченіе того же самаго времени содержались въ брюшинѣ неиммунизированныхъ кроликовъ. При этихъ послѣдовательныхъ періодахъ отъ одного животнаго къ другому вирулентность бациллъ повышается, морфологическія же особенности ихъ остаются безъ всякаго измѣненія.

На основаніи изложенныхъ наблюденій авторъ дѣлаетъ заключеніе, что въ сокахъ гипериммунизированнаго животнаго совсѣмъ не обнаруживается вреднаго вліянія на культуры даже и при продолжительномъ ихъ пребываніи (въ теченіе 10 недѣль) въ этихъ сокахъ.

Если эти наблюденія подтвердятся дальнѣйшими изслѣдователями, то по-

мимо результата, указанного авторомъ, въ нитъ можно видѣть яркій примѣръ привыканія самыхъ тканей организма къ токсинамъ, выдѣляемымъ бактеріями. Свѣжіе кролики страдаютъ отъ токсинновъ, диффундирующихъ изъ коллоидныхъ мѣшковъ въ брюшинѣ, гипериммунизированные — легко переносятъ и большія дозы культуръ, очевидно, содержація весьма значительное количество токсинновъ и культуры въ мѣшкахъ; ясно, если дѣйствіе большого количества токсинновъ въ этихъ случаяхъ не обнаруживается, то это можетъ зависеть не отъ дѣятельности фагоцитовъ, а лишь отъ привычки тканей организма.

Зоология. О движеніи инфузорій. Въ № 29 «Naturwiss. Rundschau» помещенъ рефератъ статьи Iennings'a Reaction der einzelligen Organismen auf Reize, въ которой изложены наблюденія надъ движеніями инфузорій, неподдающіяся обычному шаблонному объясненію и показывающія насколько сложны процессы въ организмѣ, которые сопровождаются внѣшними жизненными явленіями.

Опыты производились надъ двумя инфузоріями: Spirostomum ambiguum и Stentor polymorphus. Значительная величина этихъ видовъ (приблизительно 2 мм.) допускаетъ примѣненіе мѣстныхъ раздраженій въ различныхъ частяхъ этого одноклѣточного организма. Въ качествѣ механическаго раздраженія примѣнялось прикосновеніе весьма тонкой стеклянной палочкой. Если коснуться ею передняго конца плавающего Spirostomum, то его длинное вытянутое тѣло тотчасъ же сокращается, рѣснички выпрямляются и животное начинаетъ двигаться назадъ т. е. заднимъ (абораальнымъ) концомъ тѣла впередъ, какъ будто бы оно уклонялось отъ припятствія, что вообще такъ часто встрѣчается въ животномъ царствѣ. Проплывъ въ некоторое время назадъ, инфузорія поворачивается переднимъ концомъ въ сторону и продолжаетъ свое прерванное движеніе впередъ. Если коснуться стеклянной палочкой задняго конца тѣла, то результатъ получается тотъ же самый: инфузорія такъ же начинаетъ двигаться въ обратномъ направленіи заднимъ концомъ впередъ, т. е. *навстрѣчу препятствію*. Затѣмъ инфузорія такъ же точно поворачивается и измѣняетъ направленіе своего движенія, какъ это было выше описано. Если ее разрѣзать поперекъ, то передній конецъ обнаруживаетъ тѣже явленія, какъ и весь организмъ. Задняя половина реагируетъ на прикосновеніе вначалѣ совершенно такъ же, при повтореніи же этихъ раздраженій начинаетъ двигаться по разнымъ неопредѣленнымъ направленіямъ. Такимъ образомъ, повидимому, способность инфузорій принимать опредѣленные направленія движенія зависитъ отъ передняго конца тѣла.

Боковые прикосновенія и даже общее раздраженіе, вызванное встряхиваніемъ сосуда, въ которомъ инфузорія находится, сопровождается тѣмъ же самымъ эффектомъ: она плыветъ назадъ, поворачивается и снова направляется впередъ.

Совершенно также дѣйствуютъ и химическія раздраженія; въ качествѣ раздражителя примѣнялись кристаллики поваренной соли, которые стеклянной палочкой помѣщались вблизи инфузорій, не касаясь ея, такъ что мѣстное раздраженіе достигалось лишь при посредствѣ диффундирующаго раствора солн. Въ этомъ случаѣ животное такъ же удалялось заднимъ концомъ впередъ. Если раздраженіе производилось съ передняго конца, то обратное движеніе, разумѣется, приносило инфузоріи пользу, такъ какъ такимъ образомъ она спасалась отъ вліянія концентрированнаго солянаго раствора; но если раздражитель помѣщался сзади ея, то инфузорія направлялась какъ разъ въ этотъ растворъ, въ которомъ тѣло ея тотчасъ же плазмолизировалось (т. е. теряло воду и сморщивалось) и инфузорія погибала. Особенно ясная картина получается, если кристалликъ соли помѣститъ въ середину поля зрѣнія микроскопа и наблюдать дѣйствія цѣлой кучки инфузорій: всѣ онѣ безъ искл. ученія при этомъ движутся вышеописаннымъ образомъ.

Исследования надъ *Stentor polymorphus* и *Paramecium* дали совершенно такіе же результаты съ незначительными отклоненіями, зависящими отъ формы тѣла этихъ инфузорій. Iennings справедливо замѣчаетъ, что полное однообразіе явленій у трехъ такихъ различныхъ видовъ инфузорій позволяетъ заключить, что эти явленія свойственны большинству, быть можетъ, даже и всѣмъ одноклѣточнымъ организмамъ. Описанные факты едва ли мирятся съ представленіемъ о цѣлесообразности движеній у инфузорій и о соответствующихъ психическихъ процессахъ, но равнымъ образомъ они противорѣчатъ и противоположной крайности—утвержденію, что движенія простѣйшихъ зависятъ исключительно отъ химическихъ причинъ, отъ притягивающаго или отталкивающаго дѣйствія химическихъ веществъ. Какъ же въ дѣйствительности слѣдуетъ смотрѣть на движенія и реакціи инфузорій, повидимому, и для автора остается открытымъ вопросомъ.

Обоняніе птицъ.

Raspail сообщаетъ интересныя наблюденія надъ обоняніемъ птицъ въ докладѣ, сдѣланномъ имъ во Французскомъ Зоологическомъ Обществѣ; извлеченіе изъ этого доклада напечатано въ *Revue Scientifique*. Изъ пяти чувствъ, свойственныхъ большинству животныхъ, три, по обще принятому мнѣнію, весьма слабо развиты у птицъ; что касается остальныхъ двухъ—слуха и зрѣнія, то послѣднее изъ нихъ признается у птицъ гораздо болѣе совершеннымъ, чѣмъ у млекопитающихъ. Относительно обонянія птицъ, мнѣнія авторовъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: одни полагаютъ, что чувство обонянія въ этомъ классѣ животныхъ вообще весьма слабо развито, а тѣ виды, которые нитаются падалю, руководствуются исключительно зрѣніемъ, другіе же считаютъ это чувство у нихъ почти несуществующимъ, хотя вообще и признаютъ, что ночныя хищныя птицы одарены довольно тонкимъ обоняніемъ. Дѣйствительно весьма трудно опредѣлить точно обонятельную способность птицъ, такъ какъ ихъ острое зрѣніе, весьма развитой слухъ всегда предупреждаютъ ихъ о томъ, что вокругъ нихъ дѣлается; равнымъ образомъ трудно опредѣлить руководствуются ли онѣ однимъ зрѣніемъ, когда отыскиваютъ птицу и замѣчаютъ ее на лету. Относительно тонкости слуха птицъ авторъ утверждаетъ, что онѣ хорошо могутъ различать пронесодить ли трескъ сучьевъ отъ приближенія человѣка, или онѣ вызывается тѣмъ, что вблизи проходятъ животныя: однажды на его глазахъ, ночью, подъ деревьями, гдѣ спали вороны, прошло цѣлое стадо оленей, не встревоживъ ихъ. Съ другой стороны, птицы слышатъ крики призыва на очень далекихъ разстояніяхъ, и всѣ, кто наблюдалъ ихъ на свободѣ, согласятся, что въ ихъ крикахъ, которые мы считаемъ совершенно однообразными, должны существовать отбѣнки, ускользящія отъ нашего слуха, но образующіе для птицъ языкъ, при помощи котораго онѣ могутъ, напримѣръ, предупреждать другъ друга объ опасности. Что касается обонянія, то наблюденія автора показываютъ, что это чувство весьма развито у птицъ и настолько же предохраняетъ ихъ отъ опасности, насколько даетъ имъ возможность найти пищу тамъ, гдѣ зрѣніе не можетъ ее открыть.

Если въ началѣ сентября, за часъ до заката, когда зайцы и кролики выходятъ изъ лѣса, вы помѣститесь по возможности безшумно, хорошо спрятавшись въ какой-нибудь заросшей ямѣ, въ серединѣ лѣсной прогалины, то тотчасъ же замѣтите эффектъ, вызванный вашимъ присутствіемъ: съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ, кролики по прежнему будутъ выходить часто на самомъ близкомъ разстояніи отъ васъ; съ противоположной стороны вы не замѣтите ни одного. Фазаны и куропатки, которые обыкновенно бѣгаютъ по землѣ и взлетываютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, поступаютъ совершенно такъ же, какъ зайцы и кролики и въ этомъ легко убѣдиться, если подстеречь днемъ фазановъ, когда они выходятъ изъ лѣса въ поле кормиться, или вечеромъ—куро-

патоки, когда онѣ покидаютъ вустарники, служившіе имъ убѣжищемъ. И тѣ и другія никогда не покажутся съ той стороны, откуда вѣтеръ дастъ имъ васъ почувать.

Витютни (двѣ голуби) доставили мнѣ, говоритъ авторъ, не менѣе характерный примѣръ; наблюденіе было произведено въ февралѣ, когда земля была покрыта толстымъ слоемъ снѣга. Эти птицы приблизились къ обитаемымъ мѣстамъ въ поискахъ за брюссельской капустой, которая зимою составляетъ ихъ почти единственную пищу. Стая приблизительно въ 30 штукъ поселилась около моего огорода, куда онѣ отправлялись по нѣсколько разъ въ день за капустой. Однажды, чтобы подстрѣлить нѣсколько штукъ, я поставилъ легкій переносный шалашъ и помѣстился въ немъ, рассчитывая на скорое возвращеніе птицъ, которыя при моемъ приходѣ взлетѣли на сосѣднія деревья. Въ самомъ дѣлѣ, короткое время спустя, я увидѣлъ, что онѣ перелетѣли на дубъ, расположенный поблизости, затѣмъ на плодовые деревья огорода и одна изъ нихъ опустилась даже на стебель капусты, но вмѣсто того, чтобы начать клевать листья, она осталась неподвижной, поднявъ голову, какъ бы удивленная чѣмъ-то неожиданнымъ, потомъ она быстро улетѣла, какъ разъ въ то время, когда около нея опустилось еще нѣсколько птицъ. Это послужило сигналомъ для всей стаи; онѣ тотчасъ поднялись, взлетѣли на дубъ, а потомъ и совсѣмъ улетѣли. Я былъ сильно удивленъ, такъ какъ наканунѣ я замѣтилъ, что эти птицы, вспугнутыя садовникомъ, тотчасъ же возвращались, когда онъ уходилъ и это повторялось нѣсколько разъ. Тогда я замѣтилъ, что вѣтеръ дулъ съ сѣверо-востока, а я помѣстилъ свой шалашъ на лучшемъ мѣстѣ, чтобы сдѣлать его менѣе замѣтнымъ но, какъ разъ по направленію вѣтра передъ глазами съ капустой, очевидно первый витютень почувалъ меня и далъ объ этомъ знать своимъ товарищамъ. Вечеромъ я перенесъ шалашъ на другую сторону, слѣдовательно на западъ, на такое мѣсто, гдѣ онъ былъ болѣе замѣтенъ, но уже за огородомъ по вѣтру. На другой день на разсвѣтѣ я отправился въ шалашъ и вспугнулъ трехъ витютней, забравшихся на огородъ. Не прошло полчасца, какъ всѣ они возвратились подъ выстрѣлъ моего ружья. Нѣкоторое время спустя на огородъ спустилась большая стая птицъ и на этотъ разъ опять безъ всякихъ предосторожностей.

Теперь мы перейдемъ къ наблюденіямъ, которыя показываютъ, что обоняніе у птицъ такъ же, какъ и зрѣніе, можетъ служить для отысканія добычи. По сосѣдству съ помѣстьемъ Raspail'a находится лѣсъ, отдѣленный отъ него пашнями, занимающими пространство приблизительно въ 100 метровъ. Въ этомъ лѣсу фазаны обыкновенно выводятъ своихъ птенцовъ. Но во время высидиванія никогда не замѣчалось слѣдовъ, которыя-бы указывали, что насѣдки переходятъ черезъ эти пашни и заходятъ въ помѣстья въ тѣ часы, когда онѣ оставляютъ свои гнѣзда, чтобы разыскать себѣ пищу; когда же въ парѣ былъ установленъ небольшой бассейнъ съ водой для домашнихъ птицъ, то черезъ нѣсколько дней садовникъ замѣтилъ, что фазаны приходили каждый день пить въ этотъ бассейнъ, находившемся на разстояніи 80 метровъ отъ поляны, отдѣлявшей его отъ лѣса. Врядъ-ли это можно считать случайностью. Трудно допустить, чтобы насѣдки такъ далеко зашли безъ опредѣленной цѣли, тогда какъ вообще онѣ покидаютъ свои гнѣзда лишь на такое время, которое необходимо, чтобы отыскать достаточное количество пищи. На другой годъ послѣ этого былъ произведенъ слѣдующій весьма простой опытъ: во время высидиванія вначалѣ бассейнъ не наполнялся водой, и каждый день аллеи вокругъ него тщательно выметались, чтобы на песокъ можно было замѣтить слѣды птичьихъ лапокъ. Въ теченіе двухъ недѣль ни одинъ фазанъ не оставилъ слѣдовъ на аллеѣ. Это было въ серединѣ мая въ сухую ясную погоду. Затѣмъ бассейнъ былъ наполненъ водой, и результатовъ недолго пришлось ждать: че-

резь день оказалось, что фазанъ приходилъ пить прямой дорогой и тѣмъ же путемъ вернулся назадъ. Что касается пола птицы, то относительно этого такъ же не могло оставаться сомнѣній, такъ какъ она оставила послѣ себя и еще слѣды около бассейна въ формѣ характерной для насѣдокъ. Несомнѣнно, что этотъ фазанъ такъ же, какъ и всѣ фазаны, самцы и самки, которыя всегда находили воду, куда-бы ее нарочно ни прятали, долженъ былъ почуять испаренія на разстояннн не менѣе 180 метровъ даже въ томъ случаѣ, если гнѣздо находилось на самой опушкѣ лѣса. Что касается слѣдующаго наблюденія, то необходимо предварительно описать мѣстность въ которой оно было произведено, чтобы установить, что зрѣнне не могло играть здѣсь никакой роли. Посрединѣ большой лужайки, окруженной густымъ лѣсомъ, находится роща сирени, перемѣшанной съ деревьями различныхъ видовъ — соснами и пихтами; въ центрѣ ея помѣщается маленькая прогалина. Въ суровую зиму 1890—1891 года здѣсь было выбрано мѣсто, достаточно защищенное зелеными деревьями отъ снѣга, гдѣ оставались различныя зерна для птицъ. Каждый день около полудня запасъ возобновлялся; на четвертый день авторъ засталъ здѣсь пять куропатокъ, клевавшихъ зерна. Это случилось первый разъ, что онѣ пришли сюда, потому что въ противномъ случаѣ были-бы замѣтны ихъ слѣды на снѣгу, по этимъ слѣдамъ можно было съ точностью опредѣлять ихъ путь, въ данномъ случаѣ до самой живой изгороди и оказалось, что птицы пришли прямо съ поляны. Слѣдовательно, онѣ были привлечены къ этому мѣсту, и, очевидно, только обоняніе могло указать имъ присутствіе пищи. Иного предположить невозможно, потому что если-бы случай былъ причиной этого открытія для нихъ, то онѣ не шли бы такой прямой дорогой. Зрѣніемъ онѣ такъ же не могли руководиться, такъ какъ, чтобы замѣтить зерна, имъ нужно было пролетѣть надъ прогалинкой, хорошо закрытой деревьями, какъ разъ по направленію къ жилью, и, главное, замѣтивъ кормъ, онѣ опустились бы на него тотчасъ же и ужъ, конечно, не вернулись бы на поляну, чтобы оттуда прійти по снѣгу за этимъ кормомъ. Далѣе оказалось, что синицы очень любятъ грюэрскій сыръ и находятъ его при помощи обонянія. Это было обнаружено слѣдующимъ образомъ. Грюэрскій сыръ постоянно употреблялся въ качествѣ приманки въ западнихъ на бродячихъ кошекъ и ежей. Автору довольно часто приходилось замѣчать, что сыръ въ западнѣ какъ будто изгрызенъ, и однажды западня, упавъ, прихлопнула синицу. Это былъ не единственный случай.

Наконецъ мы рассмотримъ нѣсколько приводимыхъ Raspail'емъ примѣровъ того, какъ птицы отыскиваютъ въ землѣ личинокъ майскихъ жуковъ иногда на весьма значительномъ разстояннн отъ поверхности. Къ числу такихъ птицъ принадлежатъ грачъ, сорока и черный дроздъ. Въ сентябрѣ 1898 г., говоритъ Raspail, я заставалъ въ разные часы дня постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ на лужайкѣ сорокъ; мое вниманія было привлечено множествомъ ямокъ, вырытыхъ въ этомъ мѣстѣ газона, которыя, очевидно, были сдѣланы сороками. Нѣсколько ударовъ лопаты въ разныхъ мѣстахъ обнаружили присутствіе молодыхъ личинокъ майскаго жука. Сороки работали здѣсь такъ же, какъ это дѣлаетъ грачъ въ поляхъ; обѣ эти птицы не копаютъ землю наугадъ: отвѣрстіе, которое онѣ дѣлаютъ, ведетъ прямо къ личинкѣ; отсюда слѣдуетъ заключить, что онѣ чуютъ присутствіе личинки, несмотря на слой земли, который ее покрываетъ. Я уже говорилъ, что черный дроздъ такъ же выкапываетъ личинокъ майскаго жука; я полагаю, что относительно дрозда это совершенно еще неизвѣстно, какъ было неизвѣстно и мнѣ до 1897 г. Въ этотъ годъ, въ іюнь, я замѣтилъ въ аллеѣ, окаймленной по сторонамъ кустами сирени, маленькія возвышенія, пронизанныя ходами, на днѣ которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было замѣтить отпечатокъ взрослой личинки майскаго жука. Въ такое время не рѣдко видѣть, что эти личинки поднимаются до поверхности земли, чтобы

въ іюлѣ снова спуститься. Сначала я подумалъ, что собока открыла здѣсь присутствіе личинокъ, но отпечатокъ лапокъ, который я замѣтилъ на свѣжихъ кучкахъ земли, могъ принадлежать птицѣ не большихъ размѣровъ, чѣмъ черный дроздъ. Фактъ этотъ былъ настолько интересенъ, что стоило его проверить; съ этой цѣлью на другой день я расположился такимъ образомъ, чтобы видѣть всю аллею; вскорѣ я услышалъ крикъ дрозда и замѣтилъ въ ближнихъ кустахъ его птенцовъ, только что вышедшихъ изъ гнѣзда; короткое время спустя я увидѣлъ, что дроздъ вышелъ изъ кустовъ сирени, поскакалъ по аллеѣ туда и сюда, потомъ вдругъ остановился и принялся усердно копать землю клювомъ; вскорѣ онъ вытащилъ изъ сдѣланной имъ ямки личинку майскаго жука и направился съ ней въ кусты къ своимъ птенцамъ. Глубина ямки отъ поверхности земли до дна равнялась приблизительно 5 сант.

Чтобы пополнить эти наблюденія, вспомнимъ, что горлица оставляетъ свои яички во всякій моментъ высиживанія, если, хотя бы и въ ея отсутствіе, ихъ коснется рука человѣка, чего въ послѣднемъ случаѣ она не можетъ замѣтить иначе, какъ при помощи обонянія.

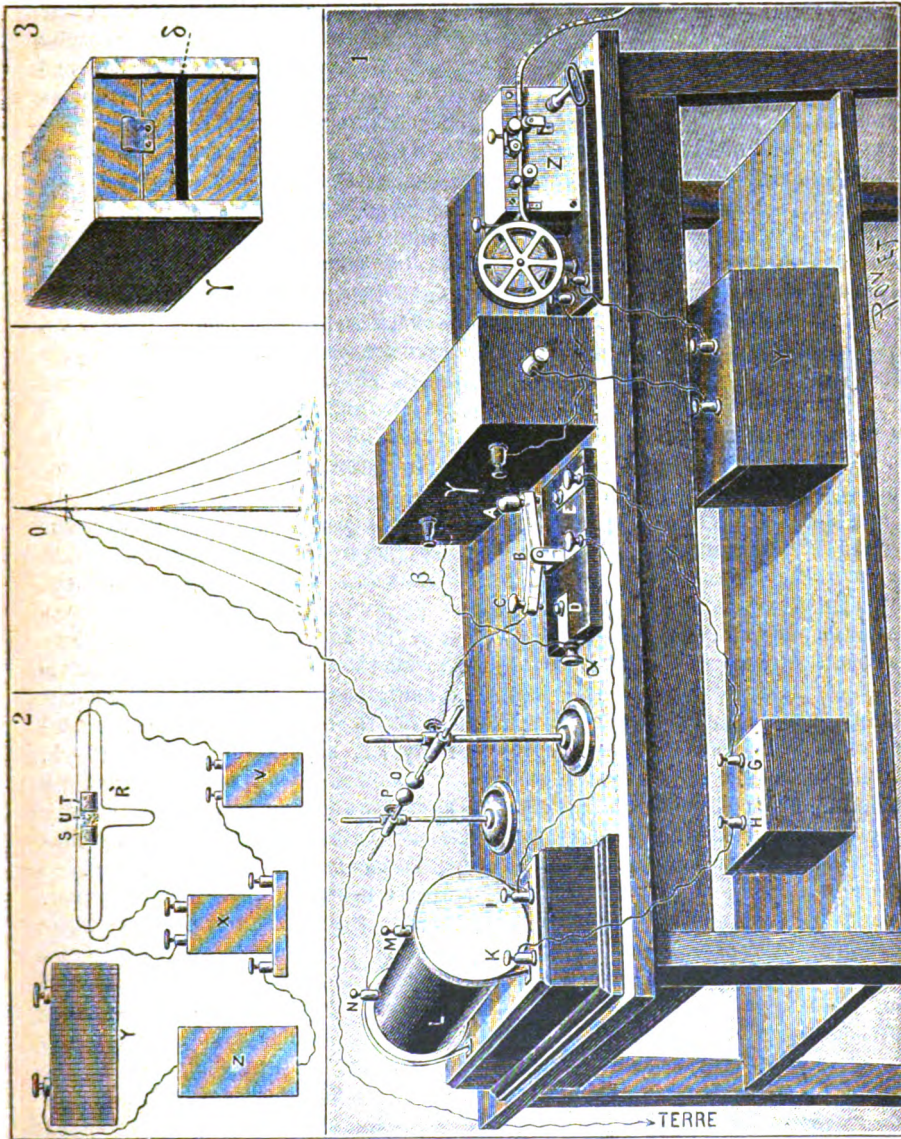
Итакъ, птицы одарены чувствомъ обонянія въ такой же степени, какъ и собаки, чтобы привести общеизвѣстный примѣръ, и большое заблужденіе считать этихъ животныхъ, имѣющихъ весьма совершенный обонятельный аппаратъ, неспособными находить пищу иначе, какъ при помощи зрѣнія.

Физика. Телеграфированіе безъ проволокъ.

Открытіе Герца, доказавшаго, что электрическіе токи распространяются путемъ колебаній подобно теплу и свѣту, указало тѣмъ самымъ основной принципъ для устройства телеграфа безъ проволокъ. Относительно теорій этихъ явленій много говорилось и писалось и поэтому здѣсь мы ограничимся описаніемъ прибора дѣйствительно существующаго и уже дѣйствующаго для передачи депешъ между Англійей и Франціей. Изобрѣтатель этого аппарата Маркони устроилъ двѣ станціи: одну въ Wimmerghen около Boulogne sur-Mer, другую на англійскомъ берегу на разстояніи 50 километровъ. На каждой станціи, разумѣется, находятся аппараты для отправленія и принятія депешъ. Аппаратъ для отправленія телеграммъ имѣетъ большое сходство съ обыкновенными телеграфными аппаратами. Для замыканія тока служитъ рычагъ *ABC* (фиг. 1), подвижный вокругъ горизонтальной оси *B*. Во время движенія рычага при отправкѣ телеграммы его конецъ *C* остается поднятымъ и не соприкасается съ металлическимъ контактомъ *D*. Телеграфистъ дѣйствуетъ обычнымъ образомъ кнопкой *A*, т. е. онъ нажимаетъ ее съ извѣстными промежутками, и всякій разъ, когда конецъ кнопки касается контакта *E*, она замыкаетъ токъ состоящій изъ двухъ аккумуляторовъ, батарей *G H*, направляющейсь черезъ *A E G H K J B A*. Этотъ токъ дѣйствуетъ на индукціонную спираль *L*, которая можетъ дать искру въ 15 сант. Концы обмотки вторичной катушки *M* и *N* соединены съ двумя мѣдными шариками *O* и *P*. Шарикъ *P* соединенъ съ землею, другой шарикъ *O*—соединяется съ кнопкой *C* (изолированной во все время отправленія телеграммы) и съ верхушкой деревяннаго листа *Q*, вышиною въ 50 метровъ.

Каждый разъ, какъ посредствомъ контакта между *A* и *E* замыкается или прерывается токъ въ первичной катушкѣ спарала *L*, въ тонкой провололкѣ наружной ея обмотки, возникаетъ индукціонный токъ меньшей силы, но гораздо большаго напряженія. Результатомъ этого является рядъ послѣдовательныхъ разрядовъ между шариками *O* и *P*; въ провололкѣ *OG*, соединенной съ шарикомъ *O*, возникаютъ и прекращаются электрическія колебанія въ полномъ соотвѣтствіи съ опусканіемъ и поднятіемъ кнопки *A*. Эти колебанія съ верхняго конца проволоки *Q* распространяются въ пространство во всѣхъ направленіяхъ. На разстояніи 50 километровъ на англійскомъ берегу, гдѣ находится воспри-

нимающий аппарат, колебания еще настолько сильны, что могут быть восприняты этимъ аппаратомъ, къ описанію котораго мы теперь и перейдемъ. Существенныя составныя его части слѣдующія: во-первыхъ, проволока *OQ*, только что описанная; на каждой станціи она служитъ по-очереди для отправленія и принятія депешъ, въ ней возникаютъ электрическія колебанія, вызванныя дѣй-

Телеграфъ безъ проволоки.

ствиемъ спирали *L* при отправкѣ, въ ней же, подъ влияніемъ электрическихъ волнъ, которыя доходятъ съ другой станціи, при полученіи депеши измѣняется электрическое состояніе и получаютъ колебанія; она соединяется съ борномъ *C*, который въ это время соприкасается съ контактомъ *D*; этотъ контактъ посредствомъ проволоки α соединенъ съ ящикомъ γ , въ которомъ содержится

когереръ (французы называютъ его *cohérent*, нѣмцы—*cohärer*)—второй важный элементъ воспринимающаго аппарата. Онъ представляетъ собою (фиг. 2) стеклянную трубку *R*, внутри которой помѣщаются два маленькихъ серебряныхъ цилиндра *S* и *T* на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга; они раздѣлены слоемъ чрезвычайно мелкихъ желѣзныхъ опилокъ *U*, концы ихъ соединяются съ полюсами батареи *V*. Эта система, серебро—желѣзо—серебро, помѣщенная въ цѣли батареи *V*, оказываетъ току сопротивление въ 1.500—2.000 омовъ, котораго батарея преодолѣть не можетъ. Если же эта система подвергнется индукціи отъ тока въ проволоку *OQ*, то сопротивление въ ней сильно измѣняется: моментально оно падаетъ до нѣскольکو омовъ, и такимъ образомъ токъ батареи *V* замыкается и проходитъ черезъ когереръ. Этотъ токъ дѣйствуетъ на аппаратъ *X*, состоящій изъ батареи и электромагнита, который всакій разъ во время намагничиванія замыкаетъ токъ отъ батареи аккумуляторовъ *Y*, сообщающійся съ обыкновеннымъ приемникомъ Морзе *Z* (фиг. 1 и 2). На практикѣ эти оба аппарата для отправленія и приема депешъ помѣщаются рядомъ, на одномъ и томъ же столѣ (фиг. 1). Но такъ какъ электрическія волны, возникающія въ первомъ аппаратѣ, дѣйствовали бы на когереръ, еслибы онъ не былъ изолированъ, то его помѣщаютъ въ желѣзный ящикъ γ (фиг. 1). Этотъ ящикъ закрытъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ передней, въ которой имѣется щель δ (фиг. 3); черезъ эту щель проникаютъ индукціонныя волны, происходящія отъ проволоки *OQ* и $\alpha\beta$ до когерера. Въ ящикѣ γ , кромѣ батареи *V*, прибора *X* и когерера *R*, помѣщается еще особый приборчикъ, который съ короткими промежутками встряхиваетъ когереръ, чтобы возвратитъ ему первоначальную сопротивляемость.

Причина уменьшенія сопротивляемости въ когерерѣ подъ вліяніемъ электрическихъ колебаній и восстановленіе ея вслѣдствіе встряхиванія легко объясняются слѣдующими наблюденіями. Вранлу замѣтилъ, что проходимость трубокъ, содержащихъ металлическія опилки, сильно увеличивается не только, когда черезъ нихъ проходитъ разрядъ спиралл, но и тогда, когда искра образуется лишь поблизости трубы. Онъ видѣлъ также, что то же дѣйствіе оказываетъ на такую трубку образованіе искры и на довольно значительномъ разстояніи, какъ напримѣръ, изъ сосѣдней комнаты, отдѣленной толстыми стѣнами. Нѣсколько времени спустя, Lodge примѣнилъ трубку Вранлу для изученія колебаній Герца. Обративъ вниманіе на важное значеніе для правильнаго хода этихъ явленій слоя окиси на зернышкахъ опилокъ, онъ высказалъ предположеніе, что уменьшеніе сопротивляемости въ этихъ условіяхъ зависитъ отъ образованія маленькихъ искръ между острыми концами зернышекъ и отъ сплавленія или, по крайней мѣрѣ, весьма тѣснаго соединенія острыхъ кончиковъ кусочковъ металла. Въ самомъ дѣлѣ въ полѣ дѣйствія Герцевскихъ колебаній между двумя проводниками замѣчается появленіе искръ. Въ 1898 г. Агонс устроилъ когереръ изъ двухъ пластинокъ оловянной бумаги, вырѣзанныхъ въ видѣ треугольничковъ и наклеенныхъ на стеклѣ острыми другъ къ другу, и между ними помѣстилъ небольшое количество опилокъ. Наблюдая подъ микроскопомъ этотъ когереръ подъ вліяніемъ электрическихъ волнъ, онъ видѣлъ, что въ опилкахъ между острыми проскакиваютъ искорки и сами опилки располагаются рядами, сплавляясь между собою кончиками и образуя мостыки, которые разрушаются при малѣйшемъ сотрясеніи; такимъ образомъ, проходимость въ нихъ опять уменьшается и становится такою же, какъ она была до дѣйствія электрическихъ волнъ.

Такова въ общихъ чертахъ схема расположенія и дѣйствія приборовъ, употребляемыхъ для телеграфной передачи безъ проволоки. Д. Н.

Астрономическія извѣстія.

Наблюденія падающихъ звѣздъ въ Аринахъ. Директоръ обсерваторіи *Eginitis* представилъ Парижской Академіи Наукъ результаты своихъ систематическихъ наблюденій надъ падающими звѣздами. За три послѣднихъ мѣсяца прошлаго года, кромѣ извѣстныхъ потоковъ: Леонидъ и Біелидъ, наблюдались слѣдующіе:

17-го октября.

Положеніе радіанта $\alpha = 94^{\circ}$, $\delta = 18^{\circ}$
и $\alpha = 74^{\circ}$, $\delta = 27^{\circ}$.

Первый, очевидно, принадлежитъ потоку, онъ указанъ въ *Annuaire du Bureau des Longitudes*, второго совсѣмъ нѣтъ ни въ этомъ каталогѣ, ни въ каталогѣ *Denning'a*, но онъ, очевидно, дѣйствительно имѣетъ мѣсто, потому что и на другой день получились два радіанта:

$\alpha = 94^{\circ}$, $\delta = 18^{\circ}$ и
 $\alpha = 75^{\circ}$, $\delta = 26^{\circ}$.

Въ каталогѣ Клейбера есть подходящій радіантъ, но на два мѣсяца раньше. 3-го ноября.

Радіантъ $\alpha = 63^{\circ}$, $\delta = 14^{\circ}$.

8-го ноября.

Радіантъ $\alpha = 65^{\circ}$, $\delta = 13^{\circ}$.

Этотъ радіантъ, наблюдавшійся два раза, тоже несомнѣнно дѣйствителенъ хотя его нѣтъ ни въ спискѣ *Annuaire*, ни въ каталогѣ *Denning'a*. По каталогу Клейбера, онъ былъ наблюдаемъ 4 ноября 1877 г.

25-го ноября.

Радіантъ $\alpha = 20^{\circ}$, $\delta = 36^{\circ}$.

Онъ соотвѣтствуетъ потокамъ, занесеннымъ въ каталогъ Клейбера по наблюденіямъ въ августъ 1888 г. и въ февралѣ 1885 г., т. е. на три мѣсяца раньше и на три мѣсяца позднеѣ, чѣмъ въ 1898 г.

6-го декабря.

Радіанты $\alpha = 80^{\circ}$, $\delta = 23^{\circ}$
 $\alpha = 80^{\circ}$, $\delta = 58^{\circ}$.

Первый изъ нихъ точно соотвѣтствуетъ и по мѣсту и по положенію тому, который занесенъ въ *Annuaire* и въ каталогъ *Denning'a*.

7-го декабря.

Радіантъ $\alpha = 78^{\circ}$, $\delta = 57^{\circ}$.

Это тотъ же, что и въ предыдущій день. Очевидно онъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто, хотя въ *Annuaire* и у *Denning'a* его нѣтъ. По каталогу Клейбера ему соотвѣтствуютъ радіанты 15-го сент. 1885 г., 15-го окт. 1879 г. и 17-го ноября 1885 г., т. е. онъ наблюдается 4 мѣсяца подрядъ. Вѣроятно это такъ называемый стаціонарный потокъ.

11-го декабря.

Радіанты $\alpha = 83^{\circ}$, $\delta = 5^{\circ}$
 $\alpha = 108^{\circ}$, $\delta = 20^{\circ}$
 $\alpha = 107^{\circ}$, $\delta = 29^{\circ}$.

Первый принадлежитъ оріонидамъ. По сравненію его орбиты съ орбитой соотвѣтствующаго октябрьскаго потока оказывается, что потоки родственны, они движутся въ одной плоскости, подходятъ къ солнцу на одинаковое разстояніе, но направленіе движенія у нихъ различное.

12-го декабря.

Радіантъ $\alpha = 108^\circ$, $\delta = 20^\circ$.

13-го декабря.

Радіантъ $\alpha = 108^\circ$, $\delta = 20^\circ$.

Этотъ радіантъ наблюдавшійся три дня подрядъ, очевидно, дѣйствительно имѣеть мѣсто, въ Annuaire и у Denning'a его нѣтъ, но по каталогу Клейбера ему соотвѣтствуютъ радіанты, наблюдавшіеся въ сентябрь 1877 и 1879 г., въ октябрь 1887 г., въ ноябрь 1876 и 1877 г. и въ декабрь 1885 г. т. е. онъ наблюдается въ продолженіе четырехъ послѣдовательныхъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ Eginitis'у удалось за три мѣсяца наблюдать нѣсколько потоковъ, положеніе которыхъ еще не установлено. Является очень интереснымъ повторить эти наблюденія. Быть можетъ кто-нибудь изъ читателей найдетъ въ себя удобнымъ заняться этимъ; инструкцію къ наблюденіямъ онъ найдетъ въ «Путеводителѣ по небу», изд. 2, результаты можно направлять по по адресу Юрьевской обсерваторіи.

Во французскомъ астрономическомъ обществѣ учреждена особая *комиссія* съ цѣлью объединенія и руководства наблюденіями *падающихъ звѣздъ*. Она высылаетъ членамъ общества по желанію карты и соотвѣтствующія инструкціи. Въ комиссію вошли

O. Callalandreau—предсѣдатель общества.

P. Puisseux и L. Rudaux—члены совѣта.

E. Touchet и L. Libert.

Время обращенія пятаго спутника Юпитера. Проф. Barnard произвелъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году рядъ измѣреній положенія пятаго спутника Юпитера съ 40-дюймовымъ рефракторомъ Іерксской обсерваторіи и, соединивъ ихъ со своими наблюденіями на Ликовской обсерваторіи, произведенными вслѣдъ за открытіемъ имъ спутника въ 1892 г., получилъ:

		Время обращенія.	Число обращеній.
1892	сентября 10—1898	марта 6. . .	11 ч. 57 м. 22.652 с. 4.020
1892	> 10—1899	апрѣля 25. . .	11 > 57 > 22.637 > 4.853
1892	> 10—1899	мая 1.	11 > 57 > 22.653 > 4.865
		Среднее.	11 ч. 57 м. 22.647 с.

съ ошибкой меньшей, чѣмъ 0,01 секунды.

Параллаксы звѣздъ: Σ 1516 и A.—Oe. 11677. Для звѣзды, стоящей подъ № 1516 въ каталогѣ двойныхъ звѣздъ W. Struve въ свое время Winneske нашель параллаксъ $= 0.2''$, потомъ Berberich $0.3''$ и наконецъ De Ball $0.1''$. Теперь астр. Bergstrand пытается опредѣлить параллаксъ этой звѣзды съ помощью фотографіи, для чего измѣряетъ 14 снимковъ съ соотвѣтствующей части неба, полученныхъ въ Упсалѣ, и находитъ

$$\pi = + 0.080''.$$

Параллаксъ звѣзды, стоящей подъ № 11677 въ каталогѣ Argelander-Oeltzen'a былъ опредѣль Geelmuyden'омъ, который нашель $0.4''$ и Franzемъ давшимъ гораздо меньшее число: $0.1''$.

По измѣреніямъ 9 фотографическихъ снимковъ Bergstrand даетъ теперь

$$\pi = 0.192''.$$

Открытая г-жею Цераской *новая переменная звѣзда*, относительно которой г. Блажеко нашель, что она принадлежитъ къ типу Альгола и имѣеть періодъ въ 4 дня 13 час. 44 мин., была прослѣжена на обсерваторіи Гарвард-риодъ въледжа на много лѣтъ назадъ (до 23 сент. 1887 г.), потому что въ

архивъ обсерваторіи оказалось до 195 пластинокъ, снятыхъ съ соотвѣтствующей части неба. Богатый матеріалъ позволилъ теперь же опредѣлить очень точно періодъ измѣненія яркости, именно, онъ оказывается ≈ 4 дня 13 час. 45 мин. 2 сек., причемъ ошибка не можетъ быть больше 1—2 сек.

Интересное наблюденіе *системы Юпитера* описываетъ *L. Brenner*, директоръ частной обсерваторіи г-жи *Manora* въ Луссингколло (Истрія): 7-го іюня н. ст. въ 8 час. планета явилась въ трубѣ, окруженная своими четырьмя спутниками, въ то время какъ по эфемеридъ астрономическаго календаря должны были быть видимы только три спутника. По звѣздной картѣ нетрудно было разобраться, что одинъ изъ бывшихъ на лицо спутниковъ вовсе не спутникъ, а просто звѣзда, которая казалась только почему то гораздо ярче (6-й величины), чѣмъ показано въ катологѣ (8-й вел.). Въ теченіе часа всѣ четыре свѣтила около Юпитера постепенно исчезли: въ 8 ч. 51 мин. скрылся за дискомъ планеты такъ называемый первый спутникъ, черезъ три минуты второй вступилъ на дискъ, проектируясь на свѣтлый фонъ онъ скоро исчезъ въ 9 час. 44 мин. третій спутникъ взшелъ въ тѣнь, отбрасываемую корпусомъ планеты—произошло затменіе спутника, наконецъ въ 9 час. 55 м. Юпитеръ, несаясь со всѣми cortejemъ своихъ спутниковъ въ мировомъ пространствѣ, дошелъ до той прямой, по направленію которой мы видимъ упомянутую выше звѣзду и скрылъ ее отъ глазъ наблюдателя. Планета одна осталась въ полѣ зрѣнія трубы. Юпитеръ безъ спутниковъ—явленіе рѣдкое и интересное. Еще интереснѣе покрытіе Юпитеромъ звѣзды.

Можетъ быть кому-нибудь и изъ нашихъ читателей-любителей астрономіи удастся когда-нибудь подкараулить подобное при наблюденіи какой-либо планеты, советуемъ обратить вниманіе на всѣ мельчайшія подробности, онъ могутъ имѣть значеніе для выясненія свойствъ атмосферы свѣтила.

Щедрый даръ. Извѣстная меценатка астрономіи г-жа Е. Брюсъ пожертвовала университетской обсерваторіи въ штатѣ Колумбіи 10.000 долларовъ на издержки по измѣренію астрономическихъ фотографій и изданію результатовъ. Въсѣтъ съ прежними пожертвованія г-жи Брюсъ Колумбійской обсерваторіи достигаютъ теперь суммы 22.100 долларовъ.

Новая обсерваторія. Г. Brashear въ Америкѣ собралъ 200.000 долларовъ и строитъ на нихъ вторую обсерваторію въ Allegheny, главнымъ инструментомъ которой явится гигантскій рефракторъ съ объективомъ въ 30 дюймовъ шлифовски самого Brashear'a.

Частная обсерваторія Ó Gyalla (въ Венгріи) 20-го мая перешла во владѣніе венгерскаго государства, которая устраиваетъ тамъ также метеорологическую и центральную обсерваторію. Управление обсерваторіей поручено проф. Kövesligethy, который, какъ можно надѣяться, оживитъ упавшую за послѣднее время дѣятельность въ институтѣ. Новый титулъ обсерваторіи: «Королевская Венгерская Астрофизическая Обсерваторія».

Скончавшаяся недавно *Miss Elis Brown* завѣщала одну изъ своихъ обсерваторій съ обстановкой и капиталомъ въ 10.000 рублей Британскому астрономическому обществу (British Astronomical Association).

Премія. Американское общество «Astronomical Society of the Pacific» присудило медаль имени г-жи Брюсъ нѣмецкому астроному Ауверсу, знаменитому своими точными грандіозными по размѣрамъ вычисленіями. Медаль имени Wattson'a Американской Академіи Наукъ получилъ Gill—королевскій астрономъ на Мысѣ Доброй Надежды.

Скончилась 28-го мая miss Elis. M. Bardwell—профессоръ астрономіи и директрисса обсерваторіи Уильстонъ на горѣ Холюокъ (въ Америкѣ), 67 лѣтъ отъ роду.

Въ настоящее время для небольшихъ любительскихъ трубъ доступны двѣ малыя планеты: Ирида и Веста.

Положеніе Ириды на небѣ опредѣляется координатами:

		α	δ
Сент.	1-го.	1 час. 31,8 мин.	+ 20° 9',6
>	7-го	30,4 >	14,5
>	15-го	27,0 >	4,2
>	22-го	22,4 >	19° 39,0
Окт.	1-го	15,6 >	18° 45,8. (Противостояніе; кульминируетъ въ 12 час. ночи).

Яркость планеты—7,0 зв. велич.

Положеніе Весты.

		α	δ
Сент.	1-го	1 час. 59,7 мин.	+ 0° 23',5
>	7-го	56,6 >	— 0° 11,1
>	15-го	51,2 >	59,7
>	22-го	45,4 >	— 1° 42,3
Окт.	5-го	33,2 >	— 2° 52,6. (Противостояніе).

К. Покровскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«М. Е. Салтыковъ», А. Н. Пыпина.—Публицистическая дѣятельность Щедрина въ 60-ые годы.—Его общественные взгляды.—Мнѣніе о реформѣ печати и о «направленіяхъ».—Взглядъ на молодое поколѣніе вообще.—Его отрицательное отношеніе къ Писареву и «вислоухимъ».—«Юма Гордѣевъ» г. Горькаго.

Въ апрѣлѣ текущаго года исполнилось десятилѣтіе смерти Щедрина, и по этому поводу нѣкоторыя плакальщицы по профессіи, въ родѣ сѣро-скучно-добродѣтельнаго «Сына Отечества», возоили «гласомъ» не столько «велиемъ», сколько хнычущимъ, о забывчивости русскаго общества, о его неблагодарности и о прочихъ отрицательныхъ качествахъ, ему присущихъ,—кромѣ, конечно, самого «Сына Отечества». Этотъ послѣдній, разумѣется,—яко фіалъ всякой доблести, стоящій на горѣ, да свѣтитъ намъ темнымъ, будить забывчивыхъ и вѣщаетъ глухимъ. Роль почтенная и даже не безъ пріятности, ибо даетъ возможность и другихъ обругать, и себя, хотя и косвенно, похвалить, проявивъ за чужой счетъ собственное «благородство» чувствъ. На это ампула всегда было не мало охотниковъ изъ породы «мелкотравчатыхъ», у которыхъ за душой собственнаго ничего нѣтъ. А тутъ такой благой случай прикрыться чужимъ почтеннымъ именованіемъ и подъ сѣнью его пролить слезу добродѣтели по случаю нашего общественнаго оскудѣнія и источить пару пошлыхъ словъ по адресу общества. Самъ по себѣ этотъ эпизодъ былъ только комиченъ, какъ вообще комична старчески оскудѣлая фигура беззубо-шамкающаго «Сына», льющаго слезы надъ бѣднымъ «Отечествомъ», которое увы!—платить ему самымъ обиднымъ равнодушіемъ. Но этотъ пріемъ постоянныхъ воплей по адресу общества, «насъ», которые ничего не помнимъ, никого не цѣнимъ и т. д.—отличительная черта извѣстнаго направленія, разработанная до тонкости эпигонами народничества. Что бы ни случилось, у нихъ всегда готовы стрѣлы для общества, которое не дѣлаетъ по ихъ понятію, потому что не хочетъ, это лѣнивое, себялюбивое, презрѣнное общество. Оно всегда и во всемъ у нихъ въ отвѣтъ.

Надъ такой болѣе легкой, чѣмъ правильной критикой общества посмѣивался всегда самъ Салтыковъ и на іереміады «Сына Отечества» далъ бы злой отвѣтъ, по поводу «благородства чувствъ» добродѣтельной плакальщицы. Ибо,—говоритъ онъ съ обычной безцеремонностью и ясностью,—«благородство чувствъ» есть одинъ изъ самыхъ сильно дѣйствующихъ ядовъ нашей литературы—это я совсѣмъ не шута говорю. Дѣло въ томъ, что благородныя чувства и хорошія мысли грозятъ затопить русскую литературу, по крайней мѣрѣ. въ такой же степени, въ какой, съ другой стороны, затопляетъ ее сильно дѣйствующая благонамѣренность. Если эта послѣдняя является отвратительной вслѣдствіе своей цинически легкой удовлетворяемости, то благородныя чувства и мысли поражаютъ своей безтактностью и сухостью, рѣжутъ глаза своимъ безсиліемъ и ограниченностью. Какъ благонамѣренность, такъ и благородныя чувства равно противны: это маски, за которыми скрывается отсутствіе содержанія, это искус-

ственно напускаемый туманъ, который мѣшаетъ видѣть жизнь дѣйствительную, жизнь не картонную. Когда вы занимаетесь дѣломъ положительнымъ, имѣющимъ корни въ дѣйствительности, придетъ-ли вамъ въ голову мысль о необходимости подпустить туда благородства чувствъ? Нѣтъ, не придетъ, потому что дѣло есть дѣло, и ни благороднымъ, ни неблагороднымъ оно не можетъ быть. Возможно ли написать благородную ариметику, похвальную химию и не чуждую вопроса о воскресныхъ школахъ физиологію? Нѣтъ, невозможно, потому что все это: и ариметика, и химія, и физиологія — все это дѣло. Такъ стало быть, литература... Ну, да, стало быть, литература есть бездѣлье, коль скоро въ нее, какъ въ нѣкоторый непокрытый сосудъ, можно легко помѣщать всѣ плохія чувства, всѣ праздыя поползновенія, всѣ непригодныя для дѣла мысли. Дѣйствительно, благородство чувствъ тамъ преимущественно и прижилось, ибо хотя и были попытки сочинить благородную ариметику, но скоро было найдено, что тамъ благородство непригодно, и всего ближе оно подходитъ къ беллетристикѣ».

Сказано это было по другому поводу, но, съ необходимыми оговорками, *mutatis mutandis*, — эти слова вспоминаешь невольно читая современныхъ поборниковъ благородныхъ обличій. Относительно Щедрина это, впрочемъ, постоянно такъ. Читая въ превосходной книгѣ почтеннаго А. Н. Пыпина о дѣятельности Щедрина, какъ публициста въ началѣ 60-хъ годовъ, кажется, будто эти статьи великаго сатирика только вчера были написаны и на самыя животрепещущія темы нашей современности, несмотря на 35 лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ этого времени. Трудно забыть писателя, произведенія котораго захватили не ту или иную полосу жизни, не то или иное десятилѣтіе ея, а отразили — безъ преувеличенія можно сказать — всю совокупность этой жизни, съ пророческимъ почти провидѣніемъ будущаго, которое за десять лѣтъ, протекшіе со дня смерти Салтыкова, даетъ все новыя и новыя подтвержденія высказанныхъ имъ предположеній, созданныхъ имъ образовъ и вѣрныхъ характеристикъ русской общестственности. Все это слишкомъ извѣстно, слишкомъ еще памятно и живо, чтобы стоило напоминать. Но тема, разработанная въ книгѣ г. Пыпина, стоитъ того, чтобы на ней остановиться, такъ какъ чисто-публицистическая дѣятельность Щедрина меньше всего извѣстна. Между тѣмъ эта сторона его творчества существенно важна для яснаго представленія общественнаго мировоззрѣнія Салтыкова. «Дѣятельность художественная, — говоритъ почтенный авторъ, — какъ бы тѣсно она ни примыкала къ жизни, всегда носитъ въ себѣ извѣстную условность, не раздѣльную съ искусствомъ. Въ простой журнальной бесѣдѣ писатель остается свободнѣе: не стѣсняемый формой, онъ высказываетъ прямо свои взгляды, вступаетъ въ полемику, вдается въ теоретическія толкованія, имѣетъ возможность говорить и о крупныхъ, и о мелкихъ явленіяхъ данной минуты, и въ концѣ концовъ его общее содержаніе выясняется въ непринужденной бесѣдѣ чертами личныхъ взглядовъ, какихъ мы не встрѣтимъ въ его художественныхъ произведеніяхъ».

Публицистическая дѣятельность Салтыкова была сравнительно кратковременна, всего два года — съ 1863 по 1864, когда онъ принималъ непосредственное участіе въ «Современникѣ», какъ соредакторъ, и велъ отдѣлъ общественной хроники. Въ теченіе всей послѣдующей дѣятельности онъ рѣдко былъ такъ плодovitъ, и за два года помѣстилъ въ «Современникѣ» рядъ хроникъ, бібліографическихъ замѣтокъ и цѣльныхъ очерковъ, написанныхъ въ его излюбленномъ родѣ — соединеніе художественности съ публицистикой. Въ хроникахъ онъ касается основныхъ вопросовъ литературы, получившихъ такое преобладающее въ ней значеніе на долгіе года. И впоследствии ему много разъ приходилось возвращаться къ нимъ, но взглядамъ и убѣжденіямъ, высказаннымъ имъ въ это время, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ. Его статьи этого періода представляютъ какъ бы сжатый проспектъ всего, что потомъ онъ развилъ въ беззас-

ленныхъ образахъ, которыми словно комментировалъ свои мысли, высказанныя въ этихъ статьяхъ. Не только нѣтъ ни малѣйшаго слѣда противорѣчія или отступленія отъ основного тона, но, напротивъ, этотъ тонъ только крѣпнѣетъ и становится глубже. Но мѣрѣ того, какъ жизнь становилась все уже, глуше, безсодержательнѣе, Щедринъ словно крѣпчалъ и утверждался въ своихъ убѣжденіяхъ, хотя, на первый взглядъ, именно жизнь могла бы пошатнуть ихъ.

Въ началѣ его дѣятельности, какъ самостоятельнаго художника, русская жизнь находилась въ періодѣ подъема, достигшаго апогея въ 59—61 годахъ. Начиная съ этого момента и до его смерти общественная жизнь неизмѣнно и неустанно шла «на пониженіе». Присутствовать при зарожденіи великихъ надеждъ, видѣть ихъ расцвѣтъ и затѣмъ полное крушеніе—таковъ былъ удѣлъ Щедрина, и въ этомъ нельзя не видѣть глубокаго трагизма. Это наложило на все его творчество отпечатокъ глубокой скорби, которая слышится во всѣхъ его произведеніяхъ и подчасъ вызываетъ такую жгучую боль въ сердцѣ читателя. По временамъ онъ напоминаетъ классическую Кассандру, которая въ моментъ общаго ликованія не измѣняетъ своего скорбно-трагическаго настроенія. Что-то безпокойное постоянно чувствуется въ самыхъ эпическихъ по тону произведеніяхъ, какъ отраженіе того безпокойства и страстной жажды правды, которая волновала его всю жизнь. Мы не могли бы указать ни одной веселой странички въ его многочисленныхъ произведеніяхъ, которыя вызываютъ подчасъ неудержимый смѣхъ, но въ немъ нѣтъ ни капли веселья. «Начиная съ «Губернскихъ Очерковъ» и кончая «Пошехонской Стариной», Салтыковъ шелъ однимъ неизмѣннымъ путемъ, изображая жизнь, угнетаемую, по его выраженію, «игомъ безумія», его сатира переходила въ трагедію, и въ глубинѣ его мрачныхъ картинъ свѣтился вынесенный чѣзъ юности и бережно сохраненный идеалъ добра, справедливости и просвѣщенія»,—говорить г. Пыпинъ.

Съ высоты этого идеала онъ разсматриваетъ текущія явленія жизни и дѣлаетъ рядъ глубокихъ выводовъ. Изъ высказанныхъ имъ тогда взглядовъ особый интересъ для насъ имѣютъ его мнѣнія о положеніи печати, о благонамѣренности, о народѣ, о молодежи вообще и его отношеніе къ той части молодыхъ силъ, которыя группировались тогда около Писарева. Его статья по поводу предполагавшейся тогда реформы печати дышетъ такой свѣжестью современности, что по существу едва ли что можно добавить и теперь. «Русская литература,—говоритъ г. Пыпинъ,—представлялась ему въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какіе она и въ самомъ дѣлѣ имѣла; онъ не предвидѣлъ отъ нея опасностей, которыя вынуждали бы къ экстреннымъ мѣрамъ и строгимъ преслѣдованіямъ. Онъ справедливо указывалъ, что, собственно говоря, литература была искалѣчена тѣмъ прежнимъ режимомъ, подъ которымъ она столько времени воспитывалась—она отучилась говорить прямо о вещахъ, потому что серьезные предметы, требующіе общественнаго вниманія, были для нея закрыты; но такъ какъ о нихъ не могло не думать общество, то литература тѣмъ самымъ вынуждалась прибѣгать къ условному, закрытому языку, къ намекамъ, къ умолчаніямъ, аллегоріямъ и т. д., во всему тому, въ чемъ и стали усматривать «направленіе». Это «направленіе» представлялось какою-то ехидною злонамѣренностью, противъ которой нужно было употребить ехидныя средства. Съ его обычной манерой, иногда веселой шуткой, чаще желчной и горькой ироніей, онъ успокаиваетъ административные страхи, что если бы литературу предоставлено было выложить всѣ свои сокровища, то, можетъ быть, ихъ бы и не оказалось... Салтыковъ негодуетъ на тѣ инсинуаціи, какія высказывались въ то время, напр., въ толкахъ «Русскаго Вѣстника» о редакторахъ, довѣрія заслуживающихъ и не заслуживающихъ. Онъ желалъ для всѣхъ изданій одинаковаго положенія, безъ всякаго предпочтенія для однихъ, которое стало бы стѣсненіемъ и несправедливостью для другихъ».

Не меньшую свѣжесть для насъ имѣть его характеристика благонамѣренности, — тема, ставшая потомъ одной изъ любимѣйшихъ его темъ и такъ гениально разработанная въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» и въ «Современной идилліи». Слово это, которое впоследствии и до нашихъ дней включительно получило такое широкое и повсемѣстное распространение и примѣненіе, — только что тогда было введено въ кодексъ обывательскаго уложения о поведеніи, и Щедринъ пытается проанализировать и собрать во едино всѣ признаки благонамѣренности.

«Признаюсь, — говоритъ онъ, — откровенно, обязанность эта застаётъ меня нѣсколько врасплохъ, ибо слово это произошло на свѣтѣ такъ недавно, что даже значеніе его не вполне опредѣлилось. Толкуютъ его больше фигурами и уподобленіями. Такъ, напр., если я вижу человѣка, участвующаго своими трудами въ «Сѣверной Челвѣ», въ «Нашемъ Времени», въ «Сѣверной Почтѣ» — я говорю себѣ: это человѣкъ благонамѣренный. Если я вижу человѣка, посѣщающаго балы гг. Марцинкевича, Задлера, Наумова и др., — я говорю себѣ: это человѣкъ благонамѣренный. Почему я такъ говорю, я не знаю, но чувствую, что говорю правду, и всякій, кто слышитъ меня говорящимъ такимъ образомъ, также чувствуетъ, что я говорю правду. Совсѣмъ другое дѣло, если я вижу человѣка, таинственно пробирающагося въ редакцію газеты «Голосъ»; тутъ я прямо говорю себѣ: нѣтъ, это человѣкъ неблагонамѣренный, ибо въ немъ засѣлъ Ледрю-Ролленъ. И напрасно Андрей Александровичъ Краевскій будетъ увѣрять меня, что Ледрю-Ролленъ былъ, да весь вышелъ, — я не повѣрю ему ни за что»... Далѣе благонамѣренный человѣкъ, долженъ вести себя хорошо, что значить: «утромъ благонамѣренный человѣкъ встаетъ и читаетъ «Сѣверную Почту»; насладившись ея чтеніемъ и узнавъ, въ чемъ должна заключаться сегодняшняя благонамѣренность, онъ бесѣдуетъ съ г. Старчевскимъ (тогдашнимъ издателемъ «Сына Отечества»), затѣмъ, подъ влияніемъ этой бесѣды, благонамѣренный заходитъ къ Доминику, гдѣ съѣдаетъ три пирожка, а буфетчику сказывается, что съѣлъ одинъ. Затѣмъ до обѣда онъ гуляетъ по Невскому, потомъ обѣдаетъ въ долгъ у Дюссо, а вечеромъ отправляется въ Михайловскій театръ, и день оканчивается блистательнымъ образомъ на балу у безземельныхъ, но гостепріимныхъ принцессъ вольнаго города Гамбурга». Во всѣмъ этимъ правиламъ вѣншаго поведенія слѣдуетъ прибавить «хорошій образъ мыслей», подъ коимъ подразумѣвается невинность. «Невинность же, съ своей стороны, есть отчасти отсутствіе всякаго образа мыслей, отчасти же отсутствіе того смысла, который даетъ возможность различить добро отъ зла. Любите отечество и читайте романы Поль-де-Кока — вотъ краткій и незамысловатый кодексъ житейской мудрости, которымъ руководствуется современный благонамѣренный человѣкъ. И благо ему. Если онъ утаилъ о двухъ излишне съѣденныхъ пирожкахъ, то это простится ему, потому что отъ этого нѣтъ ущерба ни любви къ отечеству, ни общественному благоустройству».

Конечно, по отношенію къ нашимъ днямъ эта характеристика уже неполна. Для нынѣшняго благонамѣреннаго мало читать «Новое Время», завтракать у Доминика, утаивая два пирожка, и т. п., — ему надо быть еще «русскимъ», т. е. ругать жиновъ, финновъ, поляковъ и прочія народности. Самъ Щедринъ дополнилъ съ теченіемъ времени эту характеристику нѣкоторыми другими чертами, какъ-то «открытымъ сердцемъ», готовностью по первому призыву открыть это сердце въ участіе, склонностью поддѣлывать векселя, лжесвидѣтельствовать и другими гражданскими добродѣтелями. Но основныя черты благонамѣреннаго человѣка уже вполне имъ намѣчены въ этой общественной хроникѣ 63-го года. Съ изумительной прозорливостью онъ подмѣтилъ новый нарождающійся типъ русской жизни, которому суждено играть до сихъ поръ такую видную роль въ этой жизни.

Другое явленіе, имѣющее такое огромное значеніе въ нашей общественности,

народилось тогда же и получило въ статьяхъ Щедрина опредѣленіе и свою характеристику. Онъ съ изумленіемъ останавливается предъ «травлей» молодого поколѣнія, начатой тогда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и разгоравшейся все больше и больше, и даетъ смѣлый и рѣзкій отпоръ. «Мальчишки» и «нигилисты» — это все ненавистное, безнравственное, грубое, невежественное. «Нигилисты обязаны выносить на себѣ все грѣхи міра сего. Тявкнетъ ли на улицѣ шавка — благонамѣренные кричатъ: Это нигилисты подучили ее! пойдеть ли безъ времени дождь, благонамѣренные кричатъ: это нигилисты заговариваютъ стихи! Этого мало: лѣтомъ 1862 года по случаю частыхъ пожаровъ, въ Петербургѣ ходили слухи о поджогахъ — благонамѣренные воспользовались этимъ, чтобы обвинить нигилистовъ; образовалась какая-то несслыханная потаенная литература — благонамѣренные возстали: это они! это нигилисты! Злорадетво достигло до такой степени безобразія и нелѣпости, что благонамѣренные готовы были, чтобы у нихъ пощипали головы, лишь бы имѣть право сказать: это они! это нигилисты!» Глупые и бездоказательные нападки на молодежь вызываютъ въ немъ вопросъ, съ которымъ и теперь можно бы обратиться къ нѣкоторымъ ревнителямъ порядка не по разуму: «Я обращаюсь къ людямъ просто забывчивымъ и спрашиваю: неужели вы въ самомъ дѣлѣ забыли? неужели вы дошли до состоянія опрѣснонокъ безъ всякихъ тревогъ, безъ всякой борьбы? Неужели вы не метались и не кипѣли? неужели сошли на путь благонамѣренности такъ же случайно и безразлично, какъ заходятъ современные франты въ тотъ или другой танцклассъ? Нѣтъ, это невѣроятно, потому что нѣтъ того человѣка, котораго заплѣснѣвшая душа не умилилась бы передъ воспоминаніемъ о давно прошедшихъ, сладкихъ дняхъ молодости, нѣтъ того дряхлаго, тупого старика, котораго голова не затряслась бы сочувственно, морщины котораго не освѣтились бы лучомъ радости, когда на него хоть на мгновение, хотя случайно пахнетъ свѣжимъ ароматомъ навсегда утраченной весны жизни». Задавая этотъ вопросъ, Салтыковъ не думаетъ просить снисхожденія для «мальчишекъ», потому что, говоритъ онъ, — «я нахожу, что мальчишество — сила, а сословіе мальчишекъ — очень почтенное сословіе. Самая остервенѣлость вражды противъ нихъ свидѣтельствуетъ, что къ мальчишкамъ слѣдуетъ относиться серьезно, и что слово «мальчишки», «нигилисты», которыми благонамѣренные люди вѣнчаютъ все свои диспуты по поводу изълаемыхъ мальчишками представленій и домогательствъ, — въ сущности изображаютъ не что иное, какъ худо-скрытую досаду, нѣчто въ родѣ плача Адама объ утраченномъ раѣ». Все освѣжающее и оживляющее находится не въ благонамѣренности, а въ силѣ молодости.

Но, отдавая должное молодежи, Салтыковъ сурово порицаетъ тѣхъ не призванныхъ руководителей ея, которые, усиливая крайности молодого увлеченія, создаютъ изъ нихъ какой-то кодексъ якобы убѣжденій молодежи. Со всей силой своего тяжеловѣснаго таланта онъ обрушивается на группу писателей, съ Писаревымъ во главѣ, которые изъ тургеневскаго нигилиста Базарова дѣлали своеобразнаго идола молодого поколѣнія. Онъ ихъ обвиняетъ въ томъ, что они губятъ дѣло, за которое берутся; превознося нигилизмъ, они извращаютъ общественныя понятія не хуже реакціонеровъ.

«Всего болѣе, — говоритъ онъ, — содѣйствуютъ заблужденію публики нѣкоторые вислоухіе и юродствующіе, которые съ ухарской развязностью прикомандировываютъ себя къ дѣлу, дѣлаемому молодымъ поколѣніемъ, и схвативъ одни наружные признаки этого дѣла, совершенно искренно исповѣдуютъ, что въ нихъ-то вся и сила. Эти люди считаютъ себя какими-то сугубыми представителями молодого поколѣнія, забывая, что дрянъ есть явленіе, общее всемъ вѣкамъ и странамъ, и что совершенно несправедливо и даже непозволительно навязывать ее исключительно современному русскому молодому поколѣнію...

«Нѣтъ мысли, которой наши вислоухіе не обезславили бы, нѣтъ дѣла, ко-

того они не загадали бы. «Я демократъ», говоритъ вамъ вислоухій, и доказываетъ это тѣмъ, что ходитъ въ поддевкѣ и сморкается безъ помощи платка. «Я нигилистъ и не имѣю никакихъ предразсудковъ», говорятъ вамъ другой вислоухій, и доказываетъ это тѣмъ, что во всякое время дня готовъ выбѣжать голый на улицу. И напрасно вы будете увѣрять его, что въ первомъ случаѣ онъ совсѣмъ не демократъ, а только нечистоплотный человѣкъ, и что во второмъ случаѣ онъ тоже не болѣе какъ бойкій человѣкъ, безъ надобности подвергающій себя заключенію въ частномъ домѣ,—не повѣрите онъ ни за что и васъ же обругаетъ аристократомъ и остальнымъ человѣкомъ».

Салтыковъ сравниваетъ этихъ *enfants terribles* всякаго общественнаго движенія съ обезьянами, бессмысленно повторяющими человѣческія движенія, и говорить, что не стоило бы на нихъ обращать вниманія, если бы вислоухіе не лѣзали впередъ и не выдавали себя за соль земли, за людей настоящаго дѣла, привлекая себѣ послѣдователей и поклонниковъ. «Посторонній зритель, непосвященный, смотритъ на вислоухаго уже съ нѣкоторымъ трепетнымъ смиреніемъ, какъ на сосудъ нѣкій, въ которомъ заключена мудрость будущаго, и если ему пороку кажется, что эта мудрость смахиваетъ на ерунду, то онъ тутъ же спѣшитъ поправиться и увѣрить себя, что это отъ того ему такъ кажется, что онъ самъ преисполненъ ерунды, а что ерунда вислоухаго есть дѣйствительная мудрость, но только, мудрость не настоящаго, а будущаго». Закачивая свою статью, онъ заявляетъ, что въ своихъ нападкахъ онъ имѣлъ въ виду именно вислоухихъ, а не всю молодежь вообще, потому что «я хорошо понимаю—говорить онъ, что взглядъ на молодое поколѣніе, какъ и на всякое другое, долженъ опредѣляться общею его дѣятельностью, общими его стремленіями, а не уклоненіями и уродствами, хотя бы этихъ послѣднихъ было и великое множество».

Отъ такого взгляда на молодежь Щедрина не отступалъ и впоследствии, никогда не потакая увлеченіямъ, которыя казались ему вредными для дѣла молодого поколѣнія, но и не пользуясь ими для высмѣиванія или каррикатуры. Стычка съ «вислоухими» была единственной въ своемъ родѣ, но и вызвана она была скорѣе противниками. И побѣда въ этой борьбѣ осталась въ концѣ концовъ за Щедринымъ, хотя на время Писаревъ и его группа одержали верхъ. Для насъ эта любопытная полемика имѣетъ только историческій интересъ, но нельзя не признать, что Щедринъ по существу былъ правъ, осуждая «вислоухихъ» за ихъ крайнія увлеченія съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, очень близкое будущее доказало справедливость его нападокъ, и въ концѣ 60-ыхъ годовъ общественное мнѣніе было всецѣло на сторонѣ Салтыкова. Хотя, съ другой стороны, его грубо-отрицательное отношеніе къ роману Тургенева можетъ быть понято только при полномъ соблюденіи исторической перспективы, принимая во вниманіе условія той эпохи, когда «Отцы и дѣти» явились боевымъ произведеніемъ, при томъ въ реакціонномъ журналѣ «Рус. Вѣстникъ», что не могло не придать многимъ сторонамъ романа своеобразный и специфическій характеръ въ глазахъ Щедрина. «Сколько мы знаемъ,—замѣчаетъ г. Пыпинъ,—у Салтыкова осталась до конца доля извѣстнаго недовѣрія къ Тургеневу, именно недовѣрія къ правильности его пониманія нашихъ общественныхъ отношеній». Теперь едва ли кто раздѣляетъ это недовѣріе, и «Отцы и дѣти» для насъ—лучшее художественное произведеніе этой бурной эпохи. Но далеко не такъ обстояло дѣло въ моментъ его появленія. Кромѣ того, что Тургеневъ далъ кличку пѣлому направленію, кличку, которою воспользовались, какъ мы видѣли, всѣ реакціонеры,—онъ вызвалъ рядъ подражаній и своимъ романомъ открылъ серію обличительной беллетристики, вродѣ «Взбаламученнаго моря», «Марева» и другихъ не столь видныхъ и извѣстныхъ, какъ «Некуда» Стебническаго-Лѣскова. Все это необходимо принимать во вниманіе при оцѣнкѣ мнѣній Щедрина объ «Отцахъ и дѣтяхъ». Не-

мало при этомъ оказало вліяніе и обратное мнѣніе Писарева, прямолинейное и восторженное, возводившее Базарова въ перлъ созданія. Вообще, Щедрина обладалъ если не тонкимъ, то вѣрнымъ художественнымъ вкусомъ, какъ доказы- ваетъ г. Пыпинъ, приводя чрезвычайно интересныя критическія замѣтки Щедрина того же періода. Такъ, напр., относительно Писемскаго, онъ замѣчаетъ, что едва ли кто-нибудь признаетъ его несомнѣнный талантъ «симпатичнымъ», или его шутовской, но совершенно правильный разборъ «Князя Серебряннаго» Алексѣя Толстого, написанный Щедринымъ какъ бы отъ лица стараго учителя словесности.

Въ публицистическихъ статьяхъ Щедрина этого времени есть еще одинъ важный вопросъ—о народѣ и о томъ отношеніи къ нему, какое Щедрина считалъ единственно правильнымъ и нужнымъ. Былъ ли Щедрина народникомъ въ томъ смыслѣ, какъ понимается это направленіе теперь? На этотъ вопросъ его статьи даютъ вполне опредѣленный и точный, отрицательный отвѣтъ. Ни тогда, ни потомъ онъ не идеализировалъ ни мужика, ни деревни со всѣмъ ея укладомъ, и возставалъ противъ *жалостливаго* отношенія къ мужику, которое считалъ для послѣдняго прямо оскорбительнымъ. Онъ требовалъ только *справедливости* для мужика, какъ требовалъ ея и для всѣхъ. Зло высмѣивалъ онъ какъ идеализацію народа, такъ и проповѣдь о «сближеніи сословій» на почвѣ «умиленнаго присѣданія» предъ «мужичкомъ». Правда, все это говорилось по адресу писателей-художниковъ, настаивавшихъ на патріархальности отношеній и придававшихъ крѣпостному праву какой то величаво-эпической характеръ, какъ это мы видимъ у Мельникова-Печерскаго и Аксакова. Но сказанное имъ тогда цѣлкомъ можно адресовать и къ нашимъ народникамъ типа добродѣтельнаго «Сына Отечества», съ г.г. Левитскими и Энгельгардтами во главѣ. Приведемъ два-три мѣста изъ его статей, какъ очень характерныя для Щедрина.

«Жизнь русскаго мужика,—говоритъ онъ,—тяжела, но не вызываетъ ни чувства безплодной и всегда оскорбительной жалостливости, ни тѣмъ менѣе идиллическихъ присѣданій. Какъ всякая другая жизнь, какъ вообще все на свѣтѣ, она представляетъ богатый матеріалъ для изученія, а еще больше для сравненій и сопоставленій... Уже одно то, что коренное условіе мужицкой жизни составляетъ вѣчный непрерывающійся трудъ, достаточно указываетъ на совершенно серьезный ея характеръ и на положительную невозможность относиться къ ней съ умиленіями и присѣданіями. Начинать каждый свой день мыслью о насущномъ хлѣбѣ и этою же мыслью день заканчивать,—какъ хотите, а тутъ потребно или великое мужество, или же полное и трудно постигаемое равнодушіе. Я, съ своей стороны, думаю, что въ настоящемъ случаѣ исключительно присутствуетъ то великое и никѣмъ еще достаточно не оцененное *мужество*, которое одно можетъ дать человѣку и силу, и присутствіе духа, необходимыя, чтобы удержать его на краю вѣчно віяющей бездны. Положеніе мучительное, мимо котораго мы потому только проходимъ безъ крайне болѣзненнаго чувства, что не даемъ себѣ труда вникнуть въ его существо. Да мы съ вами, читатель, не можемъ и вникнуть въ него, потому что для насъ все въ этомъ дѣлѣ непонятно: и невозможность досуга, и вѣчная зависимость жизни отъ личнаго матеріальнаго труда, и эти опасенія, эти ужасныя опасенія, которыя ни на минуту не отходятъ отъ человѣка, ни на минуту не даютъ ему забыться и отдохнуть. Ничего мы съ вами этого не понимаемъ».

Описавъ эту мучительную и тяжкую жизнь мужика, Салтыковъ, въ заключеніе ставитъ вопросъ, что же изъ этого слѣдуетъ?

«А изъ этого слѣдуетъ одна очень простая вещь,—отвѣчаетъ онъ,—что когда говоришь о мужичкахъ, то нѣтъ никакой надобности ни умиляться, ни присѣдать, ни впадать въ меланхолю. Надо смотрѣть на это почтенное сословіе какъ можно проще, и въ настоящее время, думается мнѣ, достаточно бу-

детъ съ тебя, читатель, если ты доподлинно будешь знать, что дѣлаетъ русскій мужикъ, и во что ему это его дѣло обходится. Никогда не мѣшаетъ имѣть правильныя и непреувеличенныя свѣдѣнія о предметѣ, о которомъ имѣть таковыя желанья. Это отсутствіе преувеличеній, быть можетъ, огорчитъ нѣсколько любознательнаго изыскателя, лишитъ его удовольствія рисовать картинки на розовомъ маслѣ и вообще идеальничать и поэтизировать, но взаимно того оно положитъ начало чувству болѣе прочному и плодотворному, — чувству справедливости. Если идеализація, всегда основанная на поверхностномъ и неполномъ знаніи вещей, помогаетъ намъ распускаться въ умиленіяхъ и мечтахъ о сближеніяхъ, то не надо забывать, что нерѣдко таже самая идеализація ведетъ насъ и къ мордобитію. Напротивъ того, знаніе вещи необходимо отразится и на отношеніяхъ человѣка къ ней, и эти отношенія будутъ именно такими, какими они быть должны. Не будетъ поцѣлуевъ, но не будетъ и оплеухъ, не будетъ любви всепрощающей, но не будетъ и поученій тѣлесныхъ. Будетъ справедливость, а покажѣтся она только и требуется».

Трудно высказаться яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ Щедринъ относительно народа. Все, имъ предугаданное, сбылось, какъ по писанному, и народническія умиленія и идеализація именно и колебались между поцѣлуями и оплеухами, а въ настоящее время перешли въ «вслухое» упрямство г.г. Ангельгардтовъ, не желающихъ знать и слышать правды. Къ великому ущербу для развитія русскаго сознанія, правильный взглядъ Щедрина былъ надолго вытѣсненъ изъ литературы народническимъ сладкогласованіемъ г. Златовратскаго съ братіей. Подкрѣпляемые субъективными философами, они настолько извратили представленіе о мужикѣ и народной жизни, что повнадобились тавія катастрофы, какъ голодъ 1891—1892 г., чтобы разсыялся туманъ идеализаціи и русская интеллигенія увидѣла весь ужасъ мужицкой жизни, не прикрашенный никакими умилительными картинками.

Отношеніе Щедрина къ народу становится вполне понятнымъ, если принять во вниманія его общее міросозерцаніе. Щедринъ былъ цѣльной, здоровой натурой, выросшей на почвѣ сороковыхъ годовъ съ ея высокими требованіями и запросами, выставленными и развитыми Бѣлинскимъ, Герценомъ и Грановскимъ. Народъ не выдѣлялся ими въ какую-то особую категорію, какъ нѣкій священный идолъ, достойный поклоненія. Щедринъ былъ вполне западникомъ, для котораго народъ представлялся великой соціальной силой, создавшей государство и культуру и тѣмъ самымъ имѣвшей всѣ законнѣйшія права на защиту этого государства и пользованіе этой культурой. Уничтоженіе крѣпостного права было первымъ актомъ въ этомъ признаніи за народомъ его неотъемлемыхъ правъ. Осуществленіе справедливости должно было идти дальше и повести къ тому, чтобы сдѣлать народъ полноправнымъ на ряду съ прочими сословіями, а не къ тому, чтобы выдѣлать народъ въ особую, хотя и достойную поклоненія, но вѣчно опекаемую и пребывающую «въ собственномъ соку» категорію. Дать народу всѣ права и предоставить всѣ возможности къ самостоятельному развитію его силъ—вотъ что, по мнѣнію Щедрина, означало быть справедливымъ къ народу. Какъ далека была отъ этого идеала справедливости дѣйствительная жизнь, Щедринъ понималъ превосходно, и отсюда—не жалость къ народу, а «жалѣніе» въ смыслѣ глубокой любви къ нему, что и выражалось у Щедрина всегда, когда онъ упоминаетъ о народѣ. Довольно вспомнить, напр., его «Княгу». Но эта любовь не мѣшала ему видѣть и отрицательныя стороны въ томъ же народѣ, его дикость нравовъ, невѣжество, косность, «годовотяпство», и беспощадно высмѣивать, напр., въ «Исторіи одного города». Чуждый всякой сентиментальности, Щедринъ умѣлъ съ удивительной нѣжностью относиться къ тому же народу, когда нужно было указать на его страданія—въ «Пошехонской старинѣ» или въ «Сказкахъ».

Такъ же, какъ къ народничеству, относится Щедринъ и къ другимъ крайнимъ ученіямъ. Онъ обладалъ живымъ, широкимъ, здоровымъ умомъ и вѣрнымъ чутьемъ правды, которое удерживало его отъ увлеченій. Но это отнюдь не означало въ немъ холодного «себѣ на умѣ» или безразличнаго отношенія къ борющимся направленіямъ. Съ рѣвкостью, можно сказать безопасно онъ относился именно къ безразличью въ направленіяхъ, къ холодаому резонерству, которое ставилъ на ряду съ «плотояднымъ» отношеніемъ къ жизни. «Даже фанатизмъ,—говоритъ онъ въ одной изъ хроникъ,—и тотъ далеко не большее изъ всѣхъ золъ, которыя могутъ тяготѣть надъ обществомъ; самое горькое зло, самая безвыходная пагуба, это—отсутствие руководящей мысли, отсутствие убѣжденій... Не то общество—самое близкое къ гибели, которое вянеть и задыхается подъ гнетомъ фанатизма, а то, которое, еще не живши, уже считаетъ себя отжившимъ. Изъ фанатизма есть возможность выхода, фанатизмъ, наконецъ, самъ себя изнашиваетъ и истощаетъ; изъ безсмыслія же нѣтъ другого выхода, кромѣ ничтожества, и при томъ такого ничтожества, которое обманываетъ своимъ самодовольствомъ и кажущоюся устойчивостью. Это, дескать, положительный взглядъ, это отличительная черта нашей эпохи! Не имѣть идеала, чуждаться мысли, смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія исключительно плотоядной, вгрызаться въ нее, какъ вгрызается въ куски мяса обезумѣвшій отъ голода хищный звѣрь—вотъ качества, которыя безстыдно и самодовольно выставляютъ человѣкъ въ подобныя эпохи, и при этомъ не только не ощущаетъ на лбу своемъ прикосновенія позорнаго клейма, но даже однимъ своимъ присутствіемъ возбуждаетъ въ захмелѣвшей толпѣ неистовыя и бессмысленныя рукоплесканія».

Вспомнимъ также злыя осмѣшки Щедрина надъ сидящими на двухъ стульяхъ: «съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой нельзя не признаться». Онъ только не былъ человѣкомъ партіи, въ чемъ можно видѣть его необыкновенную зрѣлость въ политическомъ смыслѣ, такъ какъ трудно говорить о партіяхъ тамъ, гдѣ нѣтъ для нихъ условій развитія, нѣтъ арены дѣйствія и все сводится лишь къ бумажной борьбѣ и къ кружковщинѣ. Отсюда простекаютъ обвиненія противъ него въ легкомысліи его смѣха, въ глумленіи и безразличьи.

Въ сущности, Щедрина больше читали, чѣмъ понимали, и значеніе его, какъ великаго художника и не менѣе великаго учителя жизни и знатока русской дѣйствительности, еще далеко не выяснено. Онъ еще ждетъ своего биографа-критика, который вскроетъ сущность щедринской сатиры и выяснитъ обликъ Салтыкова, какъ великаго писателя, по значенію не уступающаго нашимъ величайшимъ творцамъ слова, вродѣ Тургенева или Толстого. Намъ кажется, что время для этого еще не настало,—слишкомъ близка еще его сатира къ нашей жизни, слишкомъ многое она еще задѣваетъ за живое, чтобы можно было отнестись къ Салтыкову вполне безпристрастно. Хотя всю жизнь онъ избѣгалъ «знаменъ» и ѣдко осмѣивалъ претензіи другихъ на это право, но его имя несомнѣнно есть знамя и одно изъ самыхъ чистыхъ, безупречныхъ и возвышенныхъ, на которомъ нетлѣнными знаками выписанъ его неизмѣнный идеалъ: «правда и справедливость».

Отмѣтивъ полъ-года тому назадъ романъ г. Горькаго «Юма Гордѣевъ», какъ едва ли не самое замѣчательное произведеніе текущей литературы,—о «Воскресеніи» Л. Н. Толстого мы пока не говорили,—мы не ошиблись, такъ какъ дальнѣйшее развитіе романа вполне подтвердило такое заключеніе. Въ послѣднихъ главахъ герой романа уже достаточно опредѣлился, чтобы можно было схватить основныя черты его характера. Юма Гордѣевъ, если автору не измѣнить его талантъ, несомнѣнно займетъ видное мѣсто въ ряду типовъ, создан-

ныхъ русской литературы. Это—цѣльная и характерная фигура полного силы и энергии человѣка, не находящаго приложенія для этихъ силъ въ окружающей жизни. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ его властность, силу, гордость побѣдителя въ борьбѣ, но всѣ эти качества, дѣлавшія Игната Гордѣева неутомимымъ борцомъ, подточены въ Оомѣ вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни, рефлексіей, употребляя старый терминъ для обозначенія того настроенія, которое не позволяетъ носителю его относиться къ жизни просто, брать ее такою, какою она есть, не углубляясь въ сущность вещей. Тамъ, гдѣ Игнатъ дѣйствовалъ, не смущаясь вопросами о цѣли и содержаніи борьбы, весь увлеченный самимъ процессомъ,—Оома прежде всего ищетъ смысла. Роковой вопросъ—зачѣмъ жить?—не покидаетъ его, и мы видимъ, какъ бьется Оома надъ этимъ вопросомъ, надъ разрѣшеніемъ котораго ломали себѣ голову столько головъ во всѣ времена.

Какъ видимъ, типъ самъ по себѣ не новый. Характерность его для нашихъ дней заключается въ средѣ, откуда происходитъ Оома и гдѣ онъ развивается. Среда эта—хищническая, все въ ней приспособлено только къ борьбѣ. Это—то самое купечество, которое знаетъ и поклоняется одной силѣ денегъ, не задаваясь мудреными вопросами высшей этики. И прежде оно выдвигало своеобразныхъ обличителей, въ родѣ Любима Торцова. Но Оома человѣкъ иного склада, и иная судьба его ожидаетъ. Торцовъ—жертва своей среды, Гордѣевъ—меньше всего похожъ на жертву: онъ—сила будущаго, сила, пока не имѣющая приложенія, потому что жизнь еще не создала условій для дѣйствія этой силы. И потому все, что имѣло бы для Оомы значеніе огромныхъ средствъ въ борьбѣ, теперь обрушивается на него и давить.

То, что, казалось бы, должно облегчить ему задачу,—его огромное состояніе, унаслѣдованное отъ отца, только связываетъ его и мѣшаетъ опредѣлить свое мѣсто въ жизни. Хищническіе инстинкты Игната, накопленіе ради накопленія ни мало не увлекаетъ Оомы. Огромный, здоровый, сильный, весь въ отца по темпераменту, Оома изнываетъ отъ бездѣлья, отъ неумѣнія примѣнить эти давящія его силы къ дѣлу, которое захватило бы и увлекло его. Его недюжинный умъ жаждетъ работы, душа, вѣжная и пылая, изнываетъ отъ жажды подвига, сильный организмъ тяжелѣетъ отъ вынужденнаго бездѣлья. Онъ страстно ищетъ, къ чему бы прилѣпиться душой, къ каждому новому человѣку онъ обращается съ дѣтскимъ довѣріемъ, какъ ребенокъ заблудившійся въ лѣсу и ожидающій въ полной увѣренности, что именно этотъ встрѣчный выведетъ его изъ лѣса. И жизнь представляется Оомѣ чѣмъ-то вродѣ лѣса, гдѣ люди блуждаютъ безъ цѣли и смысла. Лишь изрѣдка эта жизнь кажется ему обаятельной и захватывающей, но эти моменты возбужденія и рѣдки, и такъ мало могутъ указать ему, въ чемъ же тайна этой ужасной жизни. Одинъ изъ такихъ моментовъ описанъ съ удивительной яркостью, какъ могутъ судить читатели по слѣдующей художественной картинѣ, очень характерной для таланта автора и для душевнаго настроенія героя. Оома въ пылу дикаго разгула потопилъ баржу, взявшись въ пьяномъ видѣ управлять пароходомъ. Эту-то баржу поднимаютъ со дна рѣки. Къ подъему все готово, рабочіе крестятся, ожидая команды.

«Смотри, ребята!—раздался звонкій и спокойный голосъ подрядчика.—Все ли какъ быть надо? Придетъ пора бабѣ родить — рубахъ ей тогда неколи шить... Ну... молись Богу!

«И, бросивъ картузъ на палубу, подрядчикъ поднялъ лицо къ небу и сталъ истоиво крестится. И всѣ мужики, поднявъ головы къ тучамъ, тоже начали широко размахивать руками, осыная груди свои знаменіемъ креста. Иные молялись вслухъ и глухой, поалавленный ропотъ примѣшался къ шуму волнъ:—«Господи, благослови!.. Пресвятая Богородица... Никола угодникъ...»

«Тома слушалъ эти возгласы и они ложились ему на душу какъ тяжесть. У всѣхъ головы были обнажены, лишь одинъ онъ забылъ снять картузь, и подрядчикъ, кончивъ молиться, внушительно посовѣтовалъ ему:

«— Попросить бы и вамъ Господа-то...

«— А ты знай свое дѣло... меня не учи!—сердито вдглянувъ на него, отвѣтилъ Тома. Чѣмъ дальше шло дѣло—тѣмъ тяжелѣе и обиднѣе было ему видѣть себя лишнимъ среди этихъ спокойно увѣренныхъ въ своей силѣ людей, готовыхъ поднять для него нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ со дна рѣки. Ему хотѣлось, чтобъ ихъ постигла неудача, чтобы всѣ они сконфузились передъ нимъ, и въ головѣ его мелькала злая мысль:—можетъ, еще дѣпни порвутся...

«— Ребята! слушай!—кричалъ подрядчикъ.—Начинай всѣ въ разъ... Господи, благослови!—И вдругъ, всплеснувъ руками въ воздухъ, онъ пронзительно закричалъ;—По-о-ше-о-оль!

«Рабочіе подхватили его крикъ и всѣ въ голось, возбужденно и съ напряженіемъ закричали:—По-ше-оль! иде-оть...

«Блоки визжали и скрипѣли, гремя дѣпни, напрягаясь подъ тяжестью, вдругъ повисшей на нихъ, и рабочіе, упершись грудью въ ручки ворота, рычали и тяжело топали по палубѣ. Между баржъ съ шумомъ плескались волны, какъ бы, не желая уступить людямъ свою добычу. Всюду вокругъ Тома натаивались и дрожали въ напряженіи веревки, дѣпни и канаты, они куда-то ползли по палубѣ мимо его ногъ, какъ огромные сѣрые черви, поднимались вверхъ звено за звеномъ, съ лягомъ падали оттуда, а оглушительный ревъ рабочихъ покрывалъ собою всѣ звуки.

«— Весь по-ошелъ, весь пошелъ, поше-оль!...—пѣли они стройно и торжествующе. А въ густую волну ихъ голосовъ, какъ ножъ въ хлѣбъ, вонзался и рѣзалъ ее звонкій голосъ подрядчика:—Ребятю-ушки-и! старайся... разо-омъ... разо-омъ...

«Томай овладѣло странное волненіе: ему страстно захотѣлось влиться въ этотъ возбужденный ревъ рабочихъ, широкій и могучій какъ рѣка, въ этотъ раздражающій скрипъ, визгъ, лягъ желѣза и буйный плескъ волнъ. У него отъ силы желанія выступилъ потъ на лицѣ и вдругъ, оторвавшись отъ матчы, онъ большими прыжками бросился къ вороту, блѣдный отъ возбужденія.

«— Разо-омъ! разо-омъ!... —кричалъ онъ дикимъ голосомъ. Добѣжавъ до ручки ворота, онъ съ размаху ткнулся объ нее грудью и, не чувствуя боли, съ ревомъ началъ ходить вокругъ ворота, мощно упираясь ногами въ палубу. Что-то могучее, горячее лилось въ грудь ему, заступая мѣсто этихъ усилій, которыя онъ тратилъ, ворочая рычагъ. Невыразимая радость бушевала въ немъ и рвалась наружу возбужденнымъ крикомъ. Ему казалось, что онъ одинъ, только своей силой ворочаетъ рычагъ, поднимая тяжесть, и что сила его все растетъ. Согнувшись и опустивъ голову, онъ какъ быкъ шелъ навстрѣчу силѣ тяжести, откидывавшей его назадъ, но уступавшей ему все-таки. Каждый шагъ впередъ все больше возбуждалъ его, каждое потраченное усиліе тотчасъ же замѣнялось въ немъ напыловомъ жгучей, буйной гордости. Голова у него кружилась, глаза налились кровью, онъ ничего не видѣлъ и лишь чувствовалъ, что ему уступаютъ, что онъ одолеваетъ, что вотъ сейчасъ онъ опрокинетъ силой своей что-то огромное, заступающее ему путь, опрокинетъ, побѣдитъ и тогда вздохнетъ легко и свободно, полный гордой радости. Первый разъ въ жизни онъ испытывалъ такое мощное, одухотворяющее чувство, и всей силой жадной, голодной души своей глоталъ его, нѣянилъ отъ него и пиливалъ свою радость въ громкихъ крикахъ въ ладъ съ рабочими:—Весь по-ошелъ, весь пошелъ, пошелъ!..

«— Стой! крѣпни! стой, ребята!..

«Ому толкнуло въ грудь и откинуло назадъ.

«— Съ благополучнымъ окончаніемъ, Ома Игнатьевичъ!—поздравляя его подрачкѣ и морщины дрожали на лицѣ его радостными лучами»...

За этими моментами возбужденія наступаетъ естественная реакція, и старая тоска еще сильнѣе гнететъ душу Омы. Онъ чувствуетъ въ себѣ какія-то могучія, таинственныя силы, которыя только ждутъ точки приложенія, чтобы онъ «взвился», по выраженію капитана его парохода, и полетѣлъ впередъ въ неудержимомъ размахѣ. Но гдѣ она, эта точка? Около него нѣтъ ни души, чтобы могла указать ему путь къ правильной жизни, которая была бы полна смысла и значенія. Его крестный отецъ, замѣнившій ему родного, умный купецъ Маякинъ, купецъ изъ рода въ родъ, чѣмъ онъ немало гордится, признаетъ только такой порядокъ, гдѣ каждому заранѣе предопредѣлено мѣсто жизни. «Если ты трубо-чистъ—лѣзь на крышу!.. Пожарный—стой на каланчѣ! И всякій родъ чело-вѣка долженъ имѣть свой порядокъ жизни»... Понятно, какъ мало успокое-тельна эта философія для Омы, который именно этого-то порядка и не жа-елаетъ, не можетъ понять, для котораго такой порядокъ хуже смерти, потому что въ немъ нѣтъ ни цѣли, ни смысла, ни—самое главное—красоты кипучей жизни, гордаго размаха борьбы и радости побѣды.

Романъ пока останавливается на этомъ критическомъ моментѣ жизни Омы. Но можно быть увѣреннымъ, что герой съ такой цѣльной душой, неспособной на мелкіе житейскіе компромиссы, не уступитъ мертвящему порядку окружаю-щей жизни, гдѣ только и можно прозябать «каждому роду чело-вѣка на своемъ мѣстѣ». Ома—это олицетвореніе протеста лучшихъ силъ чело-вѣка противъ царящей пошлости и убаюкивающей тишины застоявшейся жизни. Какой исходъ найдутъ эти силы, пока не видно, но важно, что онѣ есть, что ихъ нельзя подавить и что какъ бы ни опошлѣла жизнь, а все же внутри ея бьется жи-вая душа и съ мукой прокладываетъ себѣ дорогу къ свѣту.

Кромѣ героя, нарисованнаго во весь ростъ, ярко и выпукло, со всѣми тон-кими оттѣнками, придающими ему теплоту реального созданія, а не выдуман-ной, сочиненной фигуры, — въ романѣ выписана живая колоритная картина окружающей его жизни. Хитрый и ловкій крестный, истый типъ стараго пред-ставителя прежней русской коммерціи, его дочь, уже шагнущая за предѣлы замкнутого старо-русскаго купеческаго уклада, товарищи Омы, женщины, съ которыми онъ кутитъ, рабочіе—все это слагается въ полную жизни, пеструю картину провинціи. Превосходныя описанія природы и дѣятельности, образчикъ которой мы привели, дополняютъ бытовую сторону, служа фономъ для всей жизни, захваченной съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ ея.

А. Б.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Сентябрь.

1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: — Беллетристика. — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Соціологія. — Философія. — Естествознаніе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — *Иностранная литература*. — Изъ западной культуры. Ив. Иванова. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Помощь пострадавшимъ отъ неурожая». — *Н. Телешовъ*. «Повѣсти и рассказы». — *Б. Джеромъ*. «Веселое путешествіе по Темзѣ». — *Гемфри Уордъ*. «Хельбекъ изъ Баннисдэля».

Помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Литературно-художественный сборникъ. Изд. газеты «Курьеръ». Москва 1899 г. Ц. 1 р. Неоднократно приходилось намъ давать отзывы о различныхъ сборникахъ съ благотворительною цѣлью и всякій разъ мы приходимъ въ немалое смущеніе. Подкушающая цѣль изданій такого рода не позволяетъ отнестись къ нимъ такъ, какъ они того заслуживаютъ по существу, и приходится говорить одно, что добрыя намеренія издателей заслуживаютъ вниманія. Въ сущности же, за рѣдчайшими исключеніями, вся эта благотворительная литература представляетъ сплошную хламъ, огромная часть котораго никогда не увидѣла бы свѣта, если бы не «голодающіе» и другіе обездоленные. Чувствуютъ и понимаютъ это и читатели, такъ какъ большинство сборниковъ еле-еле окупаютъ стоимость изданія, годами валяясь въ книжныхъ складахъ. Давно уже минуетъ вызвавшій ихъ поводъ, голодающіе насытятся, обездоленные какъ никакъ найдутъ свою долю, а благотворительный сборникъ все еще сиротливо жмется въ запыленномъ углу книжнаго магазина. На нашей памяти только два сборника имѣли рѣшительный и выдающійся успѣхъ, — сборникъ въ пользу голодающихъ, изданный редакціей «Русскихъ Вѣдомостей» въ 1892 г., и «Братская помощь» въ пользу армявъ, изданный подъ редакціей г. Джаншіева. И успѣхъ этихъ двухъ изданій вполне понятенъ: оба были составлены превосходно по *существу*, а не «для проформы». Базалось бы, факты такого рода настолько убѣдительны, что составителямъ и издателямъ благотворительной литературы остается ими только и руководствоваться: есть у нихъ возможность, таланты и средства составить хорошую литературную книгу, пусть составляютъ; нѣтъ — лучше не браться, во избѣжаніе разочарованій и благочестиваго обмана. Благотворительность, несомнѣнно, доброе дѣло, но и его слѣдуетъ вести хорошими средствами. Иначе, и благотворительную литературу приходится ставить въ одинъ рядъ съ благотворительными танцами, доставляющими извѣстное удовольствіе танцующимъ, но мало пользы благотворимымъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній намъ остается только отмѣтить матеріалъ сборника, не вдаваясь въ его разборъ. Матеріалъ этотъ почти исключительно беллетристическій, въ видѣ небольшихъ рассказовъ, скорѣе эпизодовъ, набросанныхъ на скорую руку. Съ свойственнымъ каждому талантомъ, г. г. Горькій, Маминъ и Чеховъ сумѣли и своимъ наброскамъ придать характерный инте-

ресь, затронувъ и бытовыя черты, и нѣкоторыя болѣе глубокія стороны человѣческой натуры. Въ особенности относится это къ г. Чехову, разсказъ котораго «Безъ заглавія» остроуменъ и глубокъ по замыслу, хотя и написанъ ужъ слишкомъ сжато и безъ желательной полноты. Объ остальной беллетристикѣ предпочитаемъ не распространяться. Лучшую часть сборника составляютъ рисунки, выполненные очень хорошо, каковы «Лѣсъ» Шишкина, «Арестъ» Рѣпина, «Голова еврея» Полѣнова. Какъ новинку благотворительныхъ сборниковъ, нельзя не отмѣтить музыкальной части, въ видѣ четырехъ романсовъ г.г. Вларамберга, Ипполитова-Иванова, Кочетова и Энгеля. Изданъ сборникъ in-octavo, на хорошей бумагѣ и съ виѣшней стороны вполне опрятно.

Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. Москва. 1899 г. Имя автора нѣсколько знакомо читателямъ нашего журнала. Годъ тому назадъ у насъ былъ помѣщенъ очеркъ г. Телешова «Сухая Вѣда», имѣвшій несомнѣнный бытовой и этнографическій интересъ. Познакомившись теперь съ другими произведеніями того же автора, мы не можемъ отказать ему въ нѣкоторомъ умѣнн наблюдать и живо описывать свои наблюденія. Это лучшая черта въ тѣхъ его очеркахъ, гдѣ онъ разсказываетъ подлинныя факты и жизненныя явленія, какъ, напр., изъ быта нашихъ злосчастныхъ переселенцевъ. Таковы его очерки «Домой» и «Нужда». Нѣтъ существа несчастіе и оброшеніе нашего переселенца, предоставленнаго въ буквальномъ смыслѣ на волю стихій, безъ защиты и заботы какихъ-либо общественныхъ учрежденій. Не нужно, повтому, быть особо-даровитымъ художникомъ, чтобы заставить читателя смутиться и почувствовать жгучую горечь, при описаніи переселенческихъ злоключеній, такихъ простыхъ и такихъ ужасныхъ въ то же время, ужасныхъ потому, что ихъ такъ легко и просто можно бы устранить. Въ двухъ упомянутыхъ очеркахъ авторъ разсказываетъ о покинутыхъ дѣтяхъ, которые остаются въ Тюмени послѣ того, какъ схлынетъ переселенческая волна къ осени. Въ этихъ очеркахъ г. Телешовъ вполне владѣетъ своимъ предметомъ: онъ простъ, языкъ его сжатъ, каждый штрихъ на мѣстѣ, усиливая безотрадное впечатлѣніе дѣлаго. Вотъ предъ нами отецъ, покидающій больного ребенка, потому что для всей семьи вопросъ о дальнѣйшей отправкѣ—это вопросъ жизни и смерти. А ребенокъ «все равно помереть».

«Проститесь заживо—больше ничего не оставалось дѣлать съ Nikolкой. Какъ ни думалъ Матвѣй, какъ ни считалъ свои капиталы, нужда толкала его ближе къ помосту; какъ ни надрывалась Арина, но баржа наполнялась народомъ, и очередь приближалась, и никакія думы, никакія слезы не помогали.

«—Божья воля!—рѣшалъ въ сотый разъ Матвѣй, съ тоской и почти со злобой оглядывая и считая свою семью.—Не пропадать же всѣмъ, коли такъ. А Никола не жилецъ на свѣтѣ. Аминь!

«Между тѣмъ народная толпа волновалась все болѣе, все сильнѣе; оживленіе, спѣшка и суетня все крѣпче охватывали настрадавшіяся сердца; боялись какъ бы не вышло ошибки, какъ бы не объявили, что баржа полна, что сажать больше некуда,—и каждый вызовъ, каждый окрикъ матроса такъ и шатали эту толпу, такъ и тянули ближе къ берегу, ближе къ баржамъ.—«Сосновская волость!—раздался вдругъ голосъ.—Сосновцы, впередъ!»—Словно земля дрогнула подъ Матвѣемъ. Онъ быстро взглянулъ на жену, на семью, на свою поклажу и вмѣстѣ съ другими крикнулъ: «Здѣсь!»—А вокругъ него уже ревилъ толпа, точно буря; его тѣснили, толкали, напирала на него со всѣхъ сторонъ. Общее стихійное чувство тревоги и поспѣшности охватило внезапно и его семью; въ немъ пробудился затравленный звѣрь, настала пора спасать свою шкуру; уже не было дѣла до бабьихъ слезъ и рыданій, раздававшихся свади него; съ устремленными впередъ глазами, нахмуренный, съ струящимся

по лицу холоднымъ потомъ, оскаливъ зубы, Матвѣй проталкивался сквозь народъ, расчищая путь для семьи къ баржевому помосту... Къ вечеру, когда загудѣлъ пароходъ, когда натянулись канаты, и объ баржи, переполненные людьми, грузно и тяжело тронулись, Матвѣй сидѣлъ на днѣ баржи, съезжившись и ничего не вида передъ собой—ни берега, ни рѣки, ни оставшагося на берегу народа. Онъ только ощутилъ, что баржа тронулась, и перекрестился.—«Божья воля!.. Не встать Николкѣ... все одно—помретъ!»—Такъ онъ думалъ часъ и два, и весь день, и недѣлю, и мѣсяцъ, такъ, вѣроятно, будетъ думать и всю жизнь»...

Но такихъ очерковъ у г. Телешева немного. Большую часть книги занимаютъ отрывочные эпизоды, будто бы полные особаго смысла, который желаетъ придать имъ авторъ, и такъ какъ это ему ни мало не удается, то получается или грубый мелодраматизмъ, какъ, напр., въ разсказѣ «Жертвы жизни», «Дуэль», или нескладная и скучная исторія въ родѣ «Маленькаго романа», длиннѣйшаго разсказа въ сборникѣ. Манера автора разсказывать отрывочно, эпизодически напоминаетъ Чехова, но г. Телешову не достаетъ ни огромнаго художественнаго таланта Чехова, ни его умѣнья глубоко-глубоко заглянуть въ душу героя, въ каждомъ отрывкѣ жизни освѣтить то нѣчто, что объединяетъ его со всей остальной жизнью и сближаетъ невидимыми путями съ сердцемъ читателя, заставляя его скорбѣть и радоваться, негодовать и любить. Преобладающая черта г. Телешева—какая-то сухость тона и безжизненность, при полной неспособности умѣло и живо вести разсказъ, сконцентрировать его и выпукло отбѣить главное содержаніе. Эти недостатки ярче всего сказываются на двухъ сравнительно большихъ очеркахъ—«Маленькій романъ» и «Сухая бѣда», въ которыхъ нѣтъ центра, нѣтъ завязки и дѣланная, на живую нитку пристегнутая развязка. Если «Сухая бѣда» окупается еще хорошими бытовыми сценами изъ жизни нашихъ захолустныхъ городовъ и Ирбитской ярмарки и примитивной психологіей инородческой души, то о «Маленькомъ романѣ» и этого сказать нельзя. Рѣчь ведется все время скучно, растянуто и вяло, о томъ, какъ старому холостяку оставили дѣтей, какъ онъ неумѣло заботится о нихъ и они вдругъ умираютъ, а старый холостякъ уѣзжаетъ за границу отдохнуть и утѣшиться. И ни одного живого лица, ни одной художественно написанной сцѣнки, все выдумка, и плохая по обработкѣ выдумка, въ концѣ концовъ вызывающая у читателя невольный вопросъ, что же отсюда слѣдуетъ?—Вопросъ убійственный для автора, какъ художника, не обладающаго необходимѣйшей способностью—передать читателю свое настроеніе, заразить своими мыслями или дать мыслямъ читателя толчекъ въ извѣстномъ направленіи. И это потому такъ, что г. Телешовъ отнюдь не художникъ, а только не лишенный таланта наблюдатель, способный хорошо и живо описать то, что ему привелось видѣть, и пока онъ не выходитъ изъ этой роли, онъ занимателенъ и пишетъ просто и естественно, но лишь только онъ начинаетъ сочинять—ничего кромѣ сочинительства не получается: читатель живо увядаетъ и закрываетъ его книгу безъ всякаго сожалѣнія.

Джеромъ К. Джеромъ. Веселое путешествіе по Темзѣ. Трое въ одной лодкѣ. Переводъ З. Н. Журавской. СПб. 1899 г. Ц. 1 р. Одно время имя Джеромъ Джерома слѣвалось у насъ своего рода притчей во языцѣхъ, благодаря неловкимъ восторгамъ его обожательницы и переводчицы, г жи Жаринцевой, которая, изливаясь передъ англійскимъ юмористомъ, увѣрила его, что вся Россія жаждетъ его увидѣть, обнять и превозвести, какъ единственнаго, несравненнаго, неоцѣнимаго и проч., и проч. Джеромъ былъ такъ наивенъ, что повѣрилъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и... скромно удалился, убѣдившись на опытѣ, что не всякому слуху слѣдуетъ вѣрить. Этотъ комичный пассажъ, въ которомъ меньше всего повиненъ самъ Джеромъ, даже отразился на количествѣ перево-

довъ его произведеній, такъ какъ его стали меньше переводить, о чемъ можно только пожалѣть. Несомнѣнно, восторги такихъ поклонницъ, какъ упомянутая г-жа Жаринцева, которая не столько его переводитъ, сколько передѣлываетъ, были преувеличены и не оправдываются ни значеніемъ Джерома въ англійской литературѣ, ни его талантомъ по существу. Юморъ—это національная особенность англійскаго характера, и въ англійской литературѣ онъ занимаетъ огромное мѣсто, имѣя такихъ блестящихъ и глубокихъ представителей, какъ Фялдингъ, Теккерей и Диккенсъ. Ни съ однимъ изъ нихъ Джеромъ и равняться не смѣетъ ни по глубинѣ таланта, ни по широтѣ захвата. Джеромъ Джеромъ просто веселый, безобидный юмористъ обыденной жизни, незамѣнимый фельетонистъ, который можетъ у самаго заядлаго иппохондрика вызвать улыбку на лицѣ, насмѣшить васъ до боли въ боку, но—и только. Въ тоже время онъ—не заурядный художникъ, обладающій нѣжною кистью, умѣніемъ рисовать колоритныя, полныя жизни и примиряющаго смѣха картинки, правда, незначительныя сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе освѣжающія и любопытныя. Онъ въ состояніи на время разогнать черныя мысли и внушить болѣе благосклонный взглядъ на жизнь и окружающихъ. Въ его смѣхѣ нѣтъ ничего обиднаго, ни малѣйшей злости,—это веселый, жизнерадостный смѣхъ здороваго человѣка, благосклонно и даже съ любовью взирающаго на бѣдное человѣчество, которое порою вызываетъ въ немъ неудержимый смѣхъ разными несообразностями и курьезами своей житейской борьбы. Порою это настроеніе смѣняется въ немъ нѣжною мечтательностью, и тогда изъ-подъ его пера выливаются такія, напр., граціозныя вещицы, какъ это описаніе ночи.

«Ночь была дивная. Луна скрылась, оставивъ затихшую землю наединѣ съ ея сестрами—звѣздами. И мнится, будто среди тишины и безмолвія, пока мы, ея дѣти, спимъ, звѣзды бесѣдуютъ съ нею о великихъ тайнахъ вселенной, но голоса ихъ глубоки и пространны,—звукъ ихъ не уловить младенческому слуху человѣка.

«Странныя эти звѣзды—такія холодныя, ясныя!

«Намъ жутко смотрѣть на нихъ. Мы точно дѣти, которыхъ рѣзвыя маленькія ножки случайно занесли въ полусвѣщенный храмъ. Ихъ учили чтить божество, которое царитъ здѣсь, но оно имъ невѣдомо; съ высокаго купола льется прозрачный свѣтъ; они стоятъ, прислонившись другъ къ другу, и смотрятъ вверху, не то съ надеждой, не то со страхомъ—не притаилось ли гдѣ-нибудь въ уголкѣ страшное видѣніе.

«А между тѣмъ въ этой ночи столько силъ, столько спокойствія! Передъ ея величьемъ стихаетъ наша скорбь, мелкія огорченія пристыженно уползаютъ въ тайники сердца. День былъ полонъ заботъ и тревогъ, наши сердца полны горечи и злыхъ мыслей, міръ казался намъ такимъ жестокимъ, такимъ несправедливымъ. Ночь, какъ любящая мать, ласково кладетъ руку на пылающій лобъ и поворачиваетъ къ себѣ заплаканное, жалкое личико, и улыбается; она не говоритъ, но мы знаемъ, что бы сказала она, и припадаемъ къ ея груди горячей щекой—и боль затихаетъ.

«Когда же горе наше истинно и глубоко, мы стоимъ передъ нею безмолвные, потому что у горя нѣтъ словъ, только стоны. Сердце ночи исполнено жалости къ намъ, оно не можетъ избавить насъ отъ страданій, но оно беретъ нашу душу въ свой міръ—и этотъ жалкій міръ начинаетъ казаться такимъ маленькимъ и далекимъ. На своихъ темныхъ крылахъ она переноситъ насъ на мигъ въ обитель Того, Кто сильнѣе ея, и при дивномъ свѣтѣ, исходящемъ отъ Него, вся человѣческая жизнь развертывается передъ нами, какъ книга, и мы начинаемъ понимать, что горе и скорбь суть лишь посланники Божіи. Лишь тотъ, кто посланъ на челѣ терновый вѣнецъ, можетъ вынести этотъ свѣтъ,

но, вернувшись на землю, онъ не станетъ рассказывать о томъ, что видѣлъ, не откроетъ тайны другимъ».

Такія лирическія отступленія придаютъ юмористическимъ очеркамъ Джерома особую теплоту и нѣжную окраску, что еще болѣе смягчаетъ его смѣхъ и придаетъ отбѣнокъ полной безобидности и добродушія. «Трое въ одной лодкѣ» (не считая собаки)—принадлежитъ къ лучшимъ его вещамъ и читается съ начала до конца съ неослабвающимъ интересомъ. Это веселое повѣствованіе о приключеніяхъ молодой компаніи изъ троихъ друзей и ихъ собаки, совершающихъ увеселительную прогулку въ лодкѣ по Темзѣ. Тутъ же привлекаетъ авторъ подходящіе житейскіе случаи, болѣе или менѣе назидательные, которые онъ и рассказываетъ въ поученіе читателю.

Въ числѣ особенностей таланта Джерома нельзя обойти молчаніемъ его неподобныя характеристики животныхъ, и всѣ сцены, гдѣ фигурируютъ собаки, кошки и ослы, превосходны. Каждая собака или кошка имѣетъ свой типъ и выступаетъ какъ вполне самостоятельное, своеобразное существо, выдержанное до послѣдней мелочи, что вызываетъ неудержимый смѣхъ.

Вообще «Трое въ одной лодкѣ»—это веселая и пріятная книга, которую можно рекомендовать какъ освѣжающее чтеніе. Переводъ г-жи Журавской безукоризненъ, вполне передавая все изящество и своеобразную грацію стиля Джерома.

Гемфри Уордъ. Хельбекъ изъ Баннисдэля. Романъ въ пяти частяхъ. Приложено къ журналу «Жизнь» за 1899 г. Ц. 1 р. Среди англійскихъ романистовъ послѣдней четверти вѣка первое мѣсто занимаетъ женщина Гемфри Уордъ, рѣзко выдѣляющаяся своимъ огромнымъ художественнымъ талантомъ и глубиною міросозерцанія. Если по силѣ и яркости изобразительнаго искусства она и уступаетъ Киплингу, то по широтѣ захвата жизни и глубинѣ психическаго анализа Гемфри Уордъ далеко превосходитъ его. Душа современнаго человѣка—вотъ главный предметъ ея изслѣдованія, надъ которымъ она неутомимо работаетъ, начиная съ перваго своего романа «Робертъ Эльсмеръ». Какъ истая англичанка, она больше всего посвящаетъ вниманія двумъ кореннымъ сторонамъ англійской психологіи—религіозности и общественности, пытается выяснитъ, какъ въ душѣ современнаго англичанина сочетаются эти два основныя начала культуры, къ какимъ результатамъ приводитъ преобладаніе того или другого и какимъ образомъ возможно гармоничное ихъ сочетаніе. Будучи по убѣжденіямъ чистой деисткой, свободной отъ всякаго ханжества, не принадлежа ни къ одной сектантской партіи, какихъ такъ много въ Англии, гдѣ религіозная жизнь чрезвычайно жива,—Гемфри Уордъ по общественнымъ взглядамъ принадлежитъ къ передовой, но отнюдь не крайней группѣ. Во многихъ отношеніяхъ она склоняется къ социализму, но на чисто англійскій манеръ, безъ увлеченій чисто теоретическаго характера, оставаясь все время на исключительно практической почвѣ возможныхъ улучшеній въ бытѣ рабочаго класса, посредствомъ законодательныхъ и общественныхъ мѣропріятій. Въ «Робертѣ Эльсмерѣ» она выступила противъ узости сектантскихъ взглядовъ, отстаивая свободу мысли и совѣсти. Въ «Давидѣ Гривѣ» она создала превосходный типъ англійскаго «человѣка изъ народа». Въ «Марчеллѣ» и въ «Серѣ Тресседи» она проводитъ свои общественныя взгляды и доказываетъ необходимость реформъ въ жизни трудящихся классовъ безъ ломки и насильственныхъ переворотовъ. Наконецъ, въ послѣднемъ романѣ «Хельбекъ изъ Баннисдэля» она снова возвращается къ завѣтному для нея вопросу объ отношеніи религіи къ современному настроенію.

Въ отличіе отъ прежнихъ романовъ, всегда широко задуманныхъ, съ обширной сценой дѣйствія, гдѣ предъ читателемъ проходитъ вся жизнь Англии, начиная отъ узкаго круга семьи до парламента и народныхъ собраній,—новый романъ

всёцѣло сосредоточенъ въ небольшомъ захолустномъ уголкѣ, гдѣ разыгрывается тяжелая драма исключительно личнаго характера. Сталкиваются двѣ благородныхъ натуры, каждая представляетъ цѣльную личность, характеръ стойкій, неспособный на компромиссы, на сдѣлки съ совѣстью и ложью. Хельбекъ является съ начала и до конца человѣкомъ въ высшемъ смыслѣ слова, настоящимъ джентельменомъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, добрымъ и благороднымъ, готовымъ на величайшія жертвы во имя идеи и человѣчности. Лаура Фаунтевъ—вполнѣ его достойная дѣвушка, съ чуткой и нѣжной душой, полная женственной прелести, чуждая пошлости и мелочности. Разъ встрѣтившись, такіа исключительныя натуры не могутъ не чувствовать обоюднаго влеченія, какъ результата того неотразимаго обаянія, какое каждый изъ нихъ оказываетъ на другого. Это обаяніе проявляется въ полномъ сходствѣ умственныхъ интересовъ, во взаимномъ пониманіи, въ томъ неудовимомъ единеніи душъ, которое вызывается въ нихъ общностью настроенія въ каждомъ болѣе выдающемся случаѣ жизни, въ одинаковости оцѣнки людскихъ отношеній, въ общей для обоихъ любви ко всему прекрасному и возвышенному. Но существуетъ нѣчто, что сильнѣе обоихъ и раздѣляетъ ихъ, какъ стѣна, которую они не въ силахъ разрушить, и эта стѣна—религія. Лаура—вполнѣ дитя XIX вѣка, съ душою смѣлой и свободной, не признающей никакого авторитета въ вопросѣ изслѣдованія и сердца. Воспитанная въ наученой обстановкѣ отцомъ, не вѣрующимъ и скептикомъ, который всю жизнь подчинялся одному лишь велѣнію науки, не знающей никакихъ преградъ, Лаура поражена, встрѣтивъ человѣка, который всёцѣло отдалъ себя во власть церкви и при томъ самой щепетильной въ вопросахъ именно авторитета, требующей полного и безусловнаго подчиненія до уничтоженія своей личности. Но и въ предѣлахъ церкви Хельбекъ не только ревностный католикъ,—онъ сверхъ того избралъ сознательно и добровольно самый строгій и самый властный отдѣлъ католической церкви, сталъ іезуитомъ, хотя и не священникомъ. Онъ происходитъ изъ стараго католическаго рода, считающаго въ своихъ преданіяхъ самыми славными дѣла борьбы во имя защиты католицизма. Къ семейнымъ преданіямъ, сильно воздѣйствующимъ на мечтательную и склонную къ романтическимъ увлеченіямъ натуру, присоединилось воспитаніе, полученное имъ въ коллегіи іезуитовъ, гдѣ съ такимъ рѣдкимъ успѣхомъ умѣютъ учителя развить преобладающую черту въ каждомъ воспитанникѣ и направить ее, какъ великую силу, на пользу дѣла католицизма и общества Иисусова. Страстный по темпераменту, съ душой, жаждущей подвига и необычайныхъ волненій, Хельбекъ со всемо пыломъ страсти отдается во власть церкви, отрывается отъ всего, что хотя косвенно противорѣчитъ ея авторитету, и посвящаетъ всю жизнь на служеніе дѣлу церкви. Его состояніе и онъ самъ принадлежатъ католицизму, въ которомъ онъ—послѣдній слуга и рядовой солдатъ. Въ своемъ имѣніи онъ живетъ аскетомъ, ревностно исполняя всю практику вѣрующаго и набожнаго католика, посвящая все время и всѣ силы дѣлу насажденія и развитія католицизма въ Англіи. Въ своемъ округѣ онъ поддерживаетъ сиротскіе пріюты, гдѣ покинутыя дѣти воспитываются въ духѣ католичества, какъ будущіе ревнители его. Постепенно онъ распродастъ по кусочкамъ свои земли и накопленныя вѣками сокровища искусства своего стариннаго родового дома, чтобы на эти средства отвоевывать у еретиковъ протестантовъ ту почву, которую они отняли нѣкогда у католицизма.

Драматизмъ положенія, созданный встрѣчею этихъ двухъ натуръ, такихъ родственныхъ по кореннымъ качествамъ характера и такихъ противоположныхъ по взглядамъ, по воспитанію, по всему, что составляетъ душу человѣка,—вырисовывается съ перваго момента и развитіе его, неминуемо влекущее къ катастрофѣ, составляетъ содержаніе этого превосходнаго романа. Личная драма Лауры и Хельбека, постепенно развертываясь предъ читателями съ тѣмъ ма-

стерствомъ и художественностью, какими обладаетъ Гемфри Уордъ въ такой высокой степени,—превращается въ борьбу, полную величайшаго значенія. Вопросъ о судьбѣ героевъ отодвигается на задній планъ предъ поглощающимъ его вопросомъ,—кто побѣдитъ—авторитетъ церкви или свобода мысли? Съ удивительной нѣжностью рисуетъ авторъ тончайшіе оттѣнки любви, проникающей каждое изъ лицъ этой драмы, и того огромнаго, всепокоряющаго начала, которое властвуетъ надъ каждымъ изъ нихъ. Съ одинаковымъ вниманіемъ и равной симпатіей относитесь авторъ къ каждому, ибо оба достойны любви и уваженія. Каждый изъ нихъ превосходенъ въ своемъ родѣ. Католицизмъ въ лицѣ Хельбека выступаетъ въ благороднѣйшей своей окраскѣ: онъ всецѣло проникнутъ самопожертвованіемъ и любовью. только жертва и любовь здѣсь основаны на одномъ—на авторитетѣ церкви. Чтò она признала истиной, только это и есть истина, чтò она отвергла, то подлежитъ безошадному отверженію. Жертва и любовь только ею освящаются, ею указуются и только во имя ея приносятся. Хельбекъ, суровый и безошадный къ себѣ, смягчаетъ эти жестокія требованія по отношенію къ другимъ, но лишь до извѣстнаго предѣла, за которымъ и онъ становится неумолимъ, хотя бы отъ этого разбился его сердце и даже то, что еще дороже ему—сердце любимой дѣвушки. Но и послѣдняя не уступаетъ ему. Стойкость ея не столько сознательна, сколько инстинктивна: Лаура *органически* не въ силахъ подчиняться чуждой ей волѣ, отказаться отъ того, что она считаетъ свободой и достоинствомъ своей личности. Она любитъ Хельбека со всею пыломъ и преданностью чистой и гордой дѣвушки, она съ радостью признала бы его Бога, и тѣмъ не менѣе чувствуетъ, что не можетъ.

«Что же препятствовало ей въ этомъ? Просто—непокорность и возмущеніе, которыя были какъ будто сильнѣе ея и находились гдѣ то внѣ ея, нѣчто, независимое отъ нея самой и непобѣдимое, при чемъ она являлась лишь послѣднимъ орудіемъ той непостижимой силы. Будь несогласія между ней и Хельбекомъ основаны лишь на различіи мнѣній, они испарились бы, какъ утренняя роса. Но они коренились гораздо глубже. Хельбекъ достигъ полной зрѣлости. Онъ былъ воспитанъ наставниками-иезуитами; онъ жилъ и мыслилъ; его душа имѣла твердыя основы. Сталкиваясь съ затрудненіями, онъ находилъ отвѣтъ на запутанный вопросъ у схоластиковъ. Но не менѣе Лауры онъ руководился собственнымъ сердцемъ и воображеніемъ. Услужливый разумъ былъ годенъ лишь на то, чтобы уврѣплять притязанія его чувства и вѣры. Тѣмъ не менѣе онъ жилъ сознательною жизнью и состоялъ въ подчиненіи. А Лаура?.. Лаура являлась чистѣйшимъ продуктомъ среды. Въ ней отразились тѣ силы ума, анализа, критики, о которыхъ она сама знала лишь очень немного или совсѣмъ ничего не знала, исключая ихъ непосредственнаго воздѣйствія на всѣ оттѣнки ея чувства. Она чувствовала такъ, какъ это было вложено въ нее природой и привито ей воспитаніемъ. Когда при настоящемъ столкновеніи—столкновеніи инстинктовъ и глубочайшихъ направленій двухъ натуръ, молодая дѣвушка старалась ухватиться за дѣйствительную жизнь, найти въ ней опору, у нея самой оказывался недостатокъ во всемъ. Она была безоружна, лишена всякихъ средствъ борьбы. Католическая доктрина возмущала ее, приводила ее въ негодованіе, но сразиться ей было нечѣмъ... Въ то же время къ силѣ ея бунтующаго темперамента присоединилась сила множества ребяческихъ предубѣжденій и антипатій. Молодая дѣвушка пріѣхала въ Баннидэль съ готовностью возненавидѣть все, что она здѣсь увидитъ, и, за однимъ громаднымъ исключеніемъ, ненависть эта, дѣйствительно, возросла у нея въ сердцѣ. Лаура была существомъ крайностей, излишествъ, острыхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній. Монахи, съ ихъ неясными добродѣтелями и слишкомъ явнымъ ханжествомъ и мелочностью, лукавство и недѣлности патера Боульса, клерикальныя претензіи патера Лидгэма, дикія суевѣрія и странности священниковъ и монаховъ,—

о, какъ ненавистны были они ей! Какъ сможетъ она терпѣть ихъ въ будущемъ?.. Неужели она обязана изъ христіанскаго смиренія дать право этимъ людямъ вмѣшиваться въ ея жизнь и, такъ сказать, копаться въ ея душѣ? Неужели сестра Анжела станетъ оплакивать Лауру Фаутиень, а патеръ Боульдъ или еще хуже, патеръ Лидгэмъ будутъ выслушивать на исповѣди ея грѣхи? При этомъ вопросѣ, внезапно представившемся ея уму, молодая дѣвушка не выдержала и, пылая негодованіемъ, рѣшительно отшатнулась отъ чуждой ей сферы всѣхъ подобныхъ идей,—отъ всѣхъ этихъ подавляющихъ понятій о грѣхѣ, покаяніи, отпущеніи, руководительствѣ духовника, какъ они были приняты въ католическомъ обиходѣ и служили предметомъ праздно болтовни между тупыми и ограниченными людьми. Все ея существо возставало противъ нихъ, готовое къ отпору, какъ заряженное орудіе къ выстрѣлу. Лаура была воспитана въ твердомъ сознаніи своего личнаго достоинства, которое въ то же время служить замѣной самоуничженія и смиреннаго сокрушенія духа, предписываемыхъ вѣрой. А на подмогу этому сознанію являлась сдержанность, внутреннее убѣжденіе, что чувство, которое обсуждается посторонними, которое могутъ разсматривать, щупать, измѣрять другіе люди, теряетъ всякую цѣну. Это отношеніе католицизма къ внутренней жизни человѣка Лаура считала духовной навязчивостью, постояннымъ насилуваніемъ души, посягательствомъ на завѣтныя тайны человѣческой личности, униженіемъ ея воли, и этого было достаточно, чтобы сдѣлать католическую религію отвратительной въ глазахъ дочери настоящаго вѣка, который ставитъ выше всего развитіе и облагороженіе человѣческой личности, видитъ въ нихъ свой характеристическій кулъ» (стр. 204—205).

Такимъ образомъ, ни одна изъ сторонъ не можетъ подчиниться безъ того, чтобы не разбить свою жизнь. Катастрофа неизбежна и жертвой падаетъ, какъ всегда, тотъ, кто выше и самоотверженнѣе. Но гибель Лауры, кончающей самоубійствомъ, такъ какъ она не смогла побѣдить лъ себѣ человѣческую личность и подчиниться чуждому ей авторитету, — не возмущаетъ насъ. Напротивъ, мы испытываемъ чувство почти удовольствія, нѣчто, близкое къ ликованію, читая предсмертное признаніе Лауры: «Чьи то слова напомнили мнѣ объ отцѣ.. я перенеслась въ прошедшее и явственно услышала, какъ онъ говорилъ мнѣ: «Лаура, ты не можешь этого сдѣлать (принять католицизмъ изъ любви къ Хельбеку) — ты не можешь этого сдѣлать»!.. Иезуиты хотятъ овладѣть моею волей, добиваются до того, что составляютъ мое собственное «я»,—и мнѣ стоитъ только серьезно поразмыслить объ этомъ наединѣ съ собою, чтобы тотчасъ же увидѣть, насколько я не способна поступиться для нихъ своимъ собственнымъ міромъ»...

Таковъ этотъ превосходный романъ, хорошо переведенный подъ редакціей г-жи Гуревичъ. Онъ нѣсколько тяжеловатъ, дѣйствія въ немъ мало, исключительный анализъ настроенія героевъ дѣлаетъ романъ нѣсколько монотоннымъ, но этотъ недостатокъ съ избыткомъ окупается художественностью описаній природы, удивительно тонкой обрисовкой характеровъ и глубокими характеристиками людей и чувствъ, мѣткими замѣчаніями, полными ума и возвышеннаго пониманія жизни. Кромѣ настоящаго изданія, этотъ романъ печатался съ января по августъ въ «Вѣстникѣ иностранной литературы».

ПУБЛИЦИСТИКА.

Дж. Гобсонъ. «Общественные идеалы Рёскина».

Дж. Гобсонъ. *Общественные идеалы Рёскина*. Пер. съ англійскаго. Н. Кончевской и В. Либина. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Англія—богатѣйшая страна по количеству матеріальныхъ силъ, идущая нынѣ во главѣ человѣческой культуры, въ то же время—страна величайшей оригинальности и глубины мысли. Ея поэты, философы, мыслители и ученые пролагаютъ вездѣ новые пути, стремясь—по излюбленному правилу англійскихъ путешественниковъ проникнуть туда, гдѣ еще не была нога человѣческая,—открывать новые міры въ области науки и искусства. Если взять только текущій вѣкъ, сколько великихъ именъ на всѣхъ поприщахъ можетъ указать англійскій народъ въ своихъ рядахъ! Именъ, дѣлающихъ эпоху,—Дарвина, Фарадея, Гексли, Максвелла, Томсона, Листера, Карлейля, Спенсера, Милля, Боуля,—мы беремъ только имена извѣстныхъ толпѣ, чтобы тѣмъ самымъ показать, какъ популярны эти великаны, каждый въ своей области отиѣтвшій опредѣленную степень, пройденную человѣкомъ въ его стремленіи впередъ.

Въ числѣ этихъ великихъ умовъ есть одно имя, только недавно, сравнительно начавшее пользоваться популярностью и у насъ, хотя во всемъ мірѣ оно давно принадлежитъ къ числу извѣстѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ. Это Джонъ Рёскинъ, философъ и общественный дѣятель, личность, уже при жизни ставшая легендарною по чистотѣ и благородству жизни и дѣятельности, свободной отъ всего мелкаго, себялюбиваго, тщеславнаго, преданная всецѣлу пропагандѣ идеи красоты, любви и человѣчности. Въ безчисленныхъ произведеніяхъ, удивительно оригинальныхъ по формѣ и глубокихъ по мысли, Рёскинъ не оставилъ не затронутымъ ни одного вопроса этическаго, эстетическаго и соціальнаго, не подвергнувъ ихъ самостоятельной критикѣ и переоцѣнкѣ. Указать въ немногихъ словахъ на главнѣйшіе труды Рёскина и на его основныя положенія невозможно,—до того разнообразна его писательская и общественная дѣятельность. Нашимъ читателямъ уже знакомы отчасти его взгляды эстетическія и этическія, по книгѣ Сизерана «Рёскинъ и религія красоты», въ которой очень талантливо и красиво изложены эстетическіе взгляды Рёскина и данъ краткій очеркъ его жизни. Дополненіемъ къ этой книгѣ можетъ служить замѣчательный трудъ Гобсона, сразу появившійся въ двухъ изданіяхъ г-жи О. Н. Поповой и Солдатенкова—«Общественные идеалы Рёскина», въ оригиналѣ «Джонъ Рёскинъ общественный реформаторъ». Книга написана увлекательнымъ и живымъ языкомъ, что въ связи съ необыкновенно интереснымъ содержаніемъ дѣлаетъ ее захватывающей, какъ самый занимательный романъ.

Изъ книги Гобсона читатели познакомятся съ нѣкоторыми главными положеніями Рёскина, при чемъ они сдѣлаютъ не лишнее интереса открытіе, что многія идеи, приписываемыя Л. Н. Толстому, были за десятки лѣтъ до него высказаны Рёскинымъ и стали достояніемъ всемірной литературы. Не заходя далеко, укажемъ на прошумѣвшій годъ назадъ трудъ Толстого объ искусствѣ, въ которомъ, между прочимъ, авторъ, перечисляя всѣхъ, писавшихъ объ искусствѣ, даже самыхъ незначительныхъ и несамостоятельныхъ мыслителей, не упоминаетъ ни однимъ словомъ объ Рёскинѣ, хотя между взглядами послѣдняго и Толстого существуетъ поразительное совпаденіе. Такъ, Рёскинъ считаетъ нравственное начало главнымъ критеріемъ въ искусствѣ, а цѣлью его ставитъ «облагороженіе» человѣка. «Картина, содержащая въ себѣ болѣе благородныя и болѣе многочисленныя идеи, какъ бы неудачно онѣ ни были выражены, выше и лучше картины, содержащей меньшее количество и менѣе

благородныя идеи, хотя бы и прекрасно выраженные». «Различіе между великимъ и низменнымъ искусствомъ лежитъ всецѣло въ возвышенности цѣли, къ которой направлены усилія художника». Цѣль искусства—воздѣйствіе на зрителя посредствомъ передачи ему волновавшихъ художника высокихъ настроений. Чистота и нравственность—вотъ основы искусства. Сначала Рёскинъ предъявлялъ это требованіе къ художнику, но затѣмъ онъ придаетъ большее значеніе общественной, а не личной нравственности, резюмируя свои взгляды такъ: «Пусть нація будетъ здорова и счастлива, пусть ея удовольствія будутъ чисты; пусть ея поступки будутъ мужественны, а ея симпатіи широки,—тогда ея искусство будетъ развиваться неудержимо, какъ пѣна бьющаго фонтана; но если ея жизненные источники не чисты, если ихъ русла загрязнены, то вы не вызовете этой блестящей пѣны никакими математическими трактатами о строгости ея пузырьковъ».

Не меньшее совпаденіе можно замѣтить между взглядами Рёскина и Толстого на религію, социальную экономію, на деньги. «Пищу можно добывать только изъ земли» и собственнымъ трудомъ—проповѣдывалъ Рёскинъ, возстававъ противъ духа индустриализма, такъ развитаго въ Англіи. Разница между обоимъ проповѣдниками, конечно, есть и очень значительная. Рёскинъ, будучи крайнимъ мыслителемъ въ своихъ требованіяхъ общественной реформы, остается всегда *европейцемъ* и *высоко-культурнымъ* человѣкомъ. Онъ чуждъ индивидуальной этики и всегда стоитъ на почвѣ общественной. Онъ не отрицаетъ ни науки, ни искусства, но требуетъ, чтобы они стали достояніемъ всѣхъ, безъ чего польза и значеніе ихъ умалается и даже часто они вредны для массы, не имѣющей возможности ими пользоваться. Можно сказать, что Толстой, сознательно или безсознательно заимствуя главнѣйшія свои положенія у Рёскина,—«обрусилъ» ихъ, доведя до той крайности, гдѣ оригинальность мысли переходитъ въ пародію. «Признавая за одно съ Толстымъ,—говоритъ Габсонъ,—что искусство должно быть не чѣмъ-то особеннымъ, не спеціальностью, доступной только немногимъ, а существеннымъ факторомъ въ жизни всѣхъ людей, сообразно ихъ различнымъ способностямъ и сообразно той отрасли труда, въ которой они заняты, признавая, что различіе между изящными искусствами и искусствами или производствами менѣе изящными есть вопросъ лишь степени,—Рёскинъ ни въ какомъ случаѣ не согласился бы, однако, съ Толстымъ ни въ отрицаніи профессиональной техники, ни съ его утвержденіемъ, что сила искусства лишь въ самопроизвольности изображенія. Кромя того, Рёскинъ всегда былъ горячимъ защитникомъ того мнѣнія, что въ правильно устроенномъ обществѣ всякій долженъ имѣть право на наслажденіе: радостное упражненіе всѣхъ физическихъ и умственныхъ способностей составляетъ, по его мнѣнію, необходимое условіе свободной и здоровой индивидуальной жизни; въ его социальномъ строѣ нѣтъ мѣста для аскетизма гр. Толстого».

Есть, наконецъ, значительная разница и въ примѣненіи своихъ взглядовъ на практикѣ. Джонъ Рёскинъ унаслѣдовалъ отъ родителей огромное состояніе, въ видѣ полутора милліона рублей наличными, нѣсколькихъ домовъ, земли въ Лондонѣ, имѣній, чрезвычайно цѣнныхъ коллекцій картинъ и рѣдкостей. Теперь онъ бѣдный человѣкъ, скромно доживающій дни на небольшіе доходы съ своихъ сочиненій. Все свое состояніе онъ роздалъ на проведеніе въ жизнь своихъ социальныхъ реформъ, на устройство различныхъ общественныхъ учрежденій. «Избитая фраза—«его доброта не знала предѣловъ»,—говоритъ Габсонъ,—вполнѣ приложима къ Рёскину: ни одинъ богатый человѣкъ никогда въ такой степени, какъ онъ, не смотрѣлъ на свои деньги, какъ на вѣренное ему на храненіе общественное достояніе, и никто разумнѣе его не управлялъ этимъ имуществомъ».

Такая богатая натура, неутомимо дѣятельная и словомъ, и примѣромъ, не

могла пройти безслѣдно, и въ настоящее время вліяніе Рёскина на искусство въ Англіи, на отношеніе искусства къ жизни, на воспитаніе и міросозерцаніе англійскаго общества—огромно. Школа прерафаелитовъ до извѣстной степени пошла по указанной имъ дороги. Въ промышленности Вильямъ Моррисъ проводилъ его взгляды, удачно осуществивъ единеніе искусства съ промышленной техникой. Создались многочисленныя общества, учрежденныя его послѣдователями для воспитанія и образованія рабочихъ въ духъ Рёскина. Возникла дѣлая рёскинская литература, съ англійской методичностью разрабатывающая мысли Рёскина во всёхъ направленіяхъ. Нѣкоторыя указанія на нихъ читатели найдутъ въ превосходной книгѣ Гобсона, прекрасно переведенной и изданной фирмой О. Н. Поповой.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

Э. Тома. «Римъ и имперія».—В. Я. Бочучарскій. «Маркивъ Лафайетъ».

Э. Тома. Римъ и имперія въ первые два вѣка Новой эры. Пер. съ французскаго Я. И. Рудневъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣевъ. Спб. 1899 г. Въ гимназическихъ курсахъ исторіи Риму отводится главное мѣсто. Его исторія изучается съ подробностями, о коихъ и мечтать не можетъ учитель относительно даже исторіи родной страны. Дважды проходитъ она учениками,—начала въ младшихъ классахъ, такъ сказать на черно, въ видѣ общаго знакомства съ наиболѣе крупными фактами, затѣмъ—на отдѣлку въ старшихъ классахъ, гдѣ изучается систематически и детально. Мы, по существу, ничего не имѣли-бы возразить противъ такого первенствующаго положенія Рима въ общей программѣ исторіи, такъ какъ сама по себѣ эта исторія и глубоко занимательна, и полна глубокаго смысла, представляя въ тоже время законченый циклъ явленій, гдѣ и учитель, и ученики могутъ найти массу поучительнѣйшаго матеріала. Но въ гимназическомъ изученіи Рима всегда былъ, да и теперь остается въ полной силѣ—одинъ коренной недостатокъ:—«высокій штиль», какъ выражались нѣкогда. Все изученіе ведется въ какомъ-то высокопарномъ тонѣ, отчего въ умахъ учениковъ слагается представленіе о римлянахъ, какъ о какихъ-то полу-боговъ и сверх-человѣкахъ, которые только тѣмъ и занимались, что совершали подвиги да говорили при этомъ высокопарныя рѣчи. Римская обыденная жизнь, во всей ея простотѣ и житейской обстановкѣ, проходитъ полнымъ молчаніемъ. Нечего и говорить, насколько отъ этого страдала истина и вмѣстѣ съ тѣмъ терялась возможность сблизить представленія учениковъ съ описываемымъ міромъ, который все время оставался какимъ-то сказочнымъ царствомъ героевъ и ораторовъ.

Въ послѣднее время стали и у насъ переводиться иностранныя сочиненія, изображающія римскую не казовую, а внутреннюю жизнь, и въ числѣ ихъ одной изъ любопытнѣйшихъ книгъ является книга профессора Тома, которая исключительно посвящена обыденной жизни Рима во всёхъ ея проявленіяхъ. Пользуясь огромнымъ матеріаломъ въ видѣ надписей, накопившихся при детальномъ изученіи римскихъ памятниковъ, французскій ученый даетъ рядъ живыхъ очерковъ, въ которыхъ знакомитъ читателя съ римскими нравами и обычаями на улицѣ, дома, въ войскахъ, въ судѣ, съ ихъ похоронами, школами, деревенской и городской обстановкой и проч. При этомъ простомъ и живомъ описаніи устранено все героическое, составлявшее и въ жизни римлянъ выдающіеся только моменты, и на первый планъ выставляется то, что авторъ называетъ «дѣйствительной», а не книжной жизнью. Конечно, замѣ-

часть онъ, возстановить эту дѣйствительную жизнь во всей ея полнотѣ невозможно Римляне, какъ и мы, не думали изображать и записывать то, что всѣмъ было извѣстно, имѣло слишкомъ обыденный видъ и характеръ. «Между тѣмъ это-то и есть то, чего мы не знаемъ, что было характернымъ для древнихъ нравовъ и болѣе всего остального должно имѣть цѣнность въ нашихъ глазахъ». Приходится многое отгадывать, дополнять воображеніемъ по одной какой-либо надписи, по обломку или развалинѣ, удѣлѣвшей какимъ-то чудомъ на протяженіи вѣковъ. Иногда эти ничтожные остатки говорятъ намъ больше о настоящей жизни Рима, чѣмъ великолѣпные памятники, гдѣ создатели ихъ запечатлѣли изъ ряду вонъ выдающіяся событія съ подобающимъ краснорѣчіемъ и въ высокомъ, чуждомъ обычной жизни тонѣ.

Однимъ изъ болѣе рѣзкихъ примѣровъ невѣрности ходячихъ представленій является обычное представленіе о римскомъ форумѣ, этомъ центрѣ римской исторіи, гдѣ совершались величайшія событія и который кажется намъ изъ дали вѣковъ тоже огромнымъ и величественнымъ, какъ оно и подобаетъ для сцены такихъ великихъ то героическихъ, то трагическихъ эффектовъ. На дѣлѣ же все это было совсѣмъ не такъ, и дѣйствительный форумъ представлялъ маленькую невзрачную, по нашимъ понятіямъ площадь, настолько небольшую, что при ближайшемъ съ ней знакомствѣ невольно возникаетъ вопросъ, какъ же на такомъ ничтожномъ пространствѣ могли разыгрываться столь большія дѣла? Римскій форумъ имѣлъ неправильную форму, въ родѣ трапеціи, длиною около 70 сажень, шириною до 25 сажень. Со всѣхъ сторонъ онъ былъ сжатъ храмами, базиликами, тюрьмой и другими зданіями, что еще болѣе уменьшало его маленькій видъ, лишая форумъ всякой грандіозности, которую мы сами создали, какъ обычную иллюзію, разъ наше воображеніе отрывается отъ исторической почвы. Надо вспомнить, замѣчаетъ авторъ, что форумъ въ разные времена имѣлъ и различный видъ, что съ теченіемъ времени онъ сильно мѣнялся, и форумъ временъ первыхъ вѣковъ республики, не имѣлъ ничего общаго съ эпохой Граховъ, тѣмъ болѣе имперіи. Намъ же онъ все время рисуется, какъ центръ грандіозной жизни великаго народа и соответственно этому мы его себѣ и представляемъ.

Тоже, что съ форумомъ,—происходитъ и со всѣмъ нашимъ представленіемъ о римской жизни. По мѣрѣ знакомства съ нею въ ея дѣйствительныхъ рамкахъ, исчезаютъ многія пышныя иллюзіи, но вмѣсто нихъ возстанавливается жизнь, близкая и понятная, жизнь простыхъ смертныхъ, съ ея смѣшными и трагическими моментами, съ ея простыми радостями и горестями. Отъ такого сближенія несомнѣнно выигрываетъ пониманіе исторіи и интересъ къ людямъ, дѣлавшимъ ее. Римскія надписи на стѣнахъ домовъ, напр., точь въ точь напоминающія нашу «заборную» литературу, дѣлаютъ ихъ авторовъ—римлянъ ближе намъ, родственнѣе и понятнѣе, чѣмъ великолѣпныя рѣчи у Тита Ливія. Отъ такого сближенія у читателя-простеца само-собой начинается возникаетъ смутное представленіе, что вѣдь и онъ тоже предметъ для изученія будущаго историка—мысль, весьма чреватая послѣдствіями, и, по нашему мнѣнію, въ ней заключается важнѣйшій результатъ изученія исторіи.

В. Я. Богучарскій. Маркъ Лафайетъ, дѣятель трехъ революцій. Историческій очеркъ. Съ портретомъ маркиза Лафайета. Москва. Изд. магаз. «Книжное дѣло». 1899 г. Ц. 1 р. Книга г. Богучарскаго, написанная живо и интересно, не есть самостоятельное ученое изслѣдованіе. Это—простая компиляція, составленная на основаніи хорошей и обстоятельной біографіи Лафайета французскаго историка Баду и такихъ общезвѣстныхъ руководствъ по исторіи французской революціи, какъ Зибеля и Карѣва («Восемнадцатый вѣкъ и франц. рев.»). Нечего, поэтому, спрашивать у автора самостоятельныхъ научныхъ взглядовъ или открытій и новаго освѣщенія такой традиціонной, про-

стой и ясной фигуры, какъ маркизь Лафайеть. Правда, мѣстами авторъ усиленно подчеркиваетъ давно уже вошедшую въ обиходъ учебной литературы мысль, что французская революція совершена на почвѣ экономическаго перелома, перенесшаго центр тяжести политики въ классъ буржуазіи. Нѣсколько разъ, безъ особой связи съ предметомъ разказа, авторъ втискиваетъ въ свое изложеніе такія фразы: «Третій классъ изъ ничего превратился во все... сочувствіе класса (къ идеямъ деклараціи правъ) вытекало, разумѣется, не изъ отвлеченной любви къ идеаламъ справедливости и гуманности, а изъ существовавшихъ во Франціи экономическихъ отношеній... Незримо перемищался центръ, заключающійся въ экономическомъ преобладаніи, въ нѣдра третьяго класса и потому все болѣе замѣтными становились и перемищны въ общественной психологіи. Близился часъ царства разбогатѣвшей буржуазіи...» Все это, конечно, безспорныя истины, но когда съ ними такъ носятя, какъ нашъ авторъ, стараясь и бѣднаго Лафайета сдѣлать носителемъ и выразителемъ экономическихъ нуждъ третьяго сословія, то такая настойчивость и правотворность напоминаютъ ученика, только что усвоившаго истину и слящагося во что бы то ни стало показать, что «auch wir sind in Arcadia geboren». Читатель, мало-мальски знакомый съ исторіей французской революціи, и безъ такого натиска охотно повѣритъ г. Богучарскому, что и онъ «родился въ Аркадіи». Читатель же простецъ пройдетъ, конечно, мимо этого «исповѣданія вѣры», для него и не понятнаго, въ виду догматичности, съ которой оно высказывается въ книгѣ. Наконецъ, читатель, изощренный въ «эллинскихъ мудрствованіяхъ», невольно улыбнется и позволить себѣ скептическое замѣчаніе, что Лафайеть меньше всего можетъ быть названъ «идеологомъ стремленій третьяго сословія», когда онъ боролся за свободу Америки или въ Парижѣ отстаивалъ права народа,—права, столь же необходимыя для третьяго, какъ и для четвертаго сословія. Да и трудно называть «носителемъ и выразителемъ классовыхъ стремленій буржуазіи» человѣка, который на закатѣ дней, въ 1833 г., заявлялъ въ манифестѣ къ избирателямъ, что «французамъ нѣтъ никакой надобности платить по двѣсти франковъ, чтобы быть здравомыслящими и избирать честныхъ депутатовъ», что «имущество вовсе не гарантія здраваго смысла, благоразумія и мудрости», что «обученіе должно быть свободно, отечество обязано давать всякому образованіе». Тѣ же мысли и идеи провозглашалъ Лафайеть и всегда. Стараясь быть *plus royaliste que le roi*, г. Богучарскій дѣлаетъ ошибку, меньше всего способную послужить дѣлу автора. Думаемъ, что отъ подобныхъ увлеченій работа г. Богучарскаго нисколько не выигрываетъ. Намъ даже кажется, что это—вставки, сдѣланныя авторомъ уже послѣ окончанія работы. Въ противномъ случаѣ, самый планъ работы былъ бы иной, и не пришлось бы тогда автору пришивать на живую нитку разные пункты изъ марксистскаго сredo къ своей простой и незамысловатой биографіи.

За сдѣланными оговорками книга г. Богучарскаго читается съ неослабывающимъ интересомъ. Личность Лафайета на столько интересна сама по себѣ, а событія, въ которыхъ онъ игралъ первенствующую роль, на столько значительны, что любого читателя они способны захватить и увлечь. Можно бы развѣ пожелать, чтобы конецъ книги не былъ такъ скромна и дѣятельность Лафайета въ революцію 30-го года была болѣе рельефно выставлена, какъ оно и было въ дѣйствительности.

СОЦІОЛОГІЯ.

Л. Гумпловичъ. «Основанія соціологiи».—Р. Штаммлеръ. «Ховийство и право».

Л. Гумпловичъ. Основы соціологiи. Пер. подъ ред. пр.-доц. В. М. Гесена. Изданіе О. Н. Половой. С.-Петербургъ. 1899 г. Гумпловичъ занимаетъ видное мѣсто въ современной соціологической литературѣ и нельзя не порадоваться появленію на русскомъ языкѣ его «Соціологiи» полностью (до сихъ поръ была переведена только первая историческая глава, которая не даетъ никакого понятія объ этомъ своеобразномъ и талантливымъ писателѣ). Это тѣмъ болѣе пріятно, что книга переведена превосходно. Гумпловичъ соприкасается съ различными умственными теченіями XIX вѣка, кое-что общее съ нимъ найдетъ и позитивистъ, и дарвинистъ, и экономическій матеріалистъ, и, наконецъ, пессимистъ. Онъ претендуетъ на званіе чуть ли не основателя соціологiи и очень подчеркиваетъ свою оригинальность. Мы, конечно, даемъ Гумпловичу несравненно меньшую оцѣнку, онъ не создалъ соціологiи и не сдѣлалъ въ этой наукѣ радикальнаго переворота, но мы готовы простить ему обычную слабость соціологовъ—самомнѣніе, онъ по крайней мѣрѣ хоть кое-что даетъ и дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на соціологическую мысль.

Первая глава книги Гумпловича представляетъ довольно безпорядочный очеркъ важнѣйшихъ по его мнѣнію соціологическихъ ученій. Это самая слабая часть его труда, тутъ встрѣчаются такіе пробѣлы, что мы не совсемъ понимаемъ, чѣмъ собственно руководствовался авторъ въ выборѣ своихъ предшественниковъ, какъ онъ ихъ называетъ. Главными корнями соціологiи, которымъ онъ посвящаетъ больше всего мѣста, онъ считаетъ Конта, Спенсера, Бастіана и Липперта. Если Гумпловичъ находитъ возможнымъ почти половину своего историческаго очерка посвящать Бастіану, почтенному этнологу и этнографу, во второстепенному соціологу, и сказать хоть по нѣскольку словъ даже о де-Роберти, Гнейстѣ, Кэри и т. п., то немножко странно полное умолчаніе, напр., о Боклѣ, Марксѣ, Энгельсѣ, Морганѣ. Какъ видно изъ всего изложенія, Гумпловичъ до такой степени игнорируетъ соціологическое ученіе Маркса и Энгельса, съ которыми у него находятся точки соприкосновенія, что можно его заподозрить въ полномъ незнакомствѣ съ писателями, имѣющими болѣе правъ на званіе соціологовъ, чѣмъ Бастіанъ и Липпертъ.

Вторая часть «Соціологiи» посвящена «основнымъ понятіямъ»: классификаціи явленій, анализу понятія закона и въ частности закона соціальнаго, задачамъ соціологiи, субстратамъ соціальныхъ законовъ. Этотъ анализъ конечныхъ понятій соціологической науки не принадлежитъ къ числу самыхъ сильныхъ мѣстъ книги Гумпловича. Философскій позитивизмъ, на который онъ опирается, не можетъ справиться съ такимъ тонкимъ вопросомъ, какъ, напр., вопросъ о законосообразности въ примѣненіи къ соціальному процессу, и Гумпловичъ не идетъ дальше общаго утвержденія, что соціальные явленія строго законосообразны. На причинность Гумпловичъ повидимому смотритъ глазами Милля и это одно уже доказываетъ, что онъ стоитъ не на высотѣ современной теорiи познанія. Онъ устанавливаетъ цѣлый рядъ общихъ законовъ, приложимыхъ къ физическимъ, духовнымъ и соціальнымъ явленіямъ: законъ причинности, законъ развитія, законъ правильности развитія, законъ періодичности, законъ сложности и т. д. Рядъ подобныхъ законовъ можно продлить до безконечности, но соціологiя отъ этого мало выиграетъ. Гумпловичъ горячій сторонникъ «соціологiи», хочетъ быть ея ангеломъ хранителемъ и пророкомъ. Онъ проводитъ строгое различіе между соціологiей и «философіей исторiи», которую считаетъ невозможной. Въ развитіи соціальнаго монизма онъ видитъ главную

задачу социологіи. Соціальныя явленія, которыя изслѣдуетъ социологія, онъ опредѣляетъ, какъ «отношенія, возникающія изъ взаимодействія человѣческихъ группъ и общеній». «Первоначальнѣйшими и простѣйшими социальными элементами, говоритъ онъ, мы должны признать примитивныя человѣческія орды». Соціальныи процессъ по Гумпловичу наступаетъ всегда тамъ, «гдѣ приходятъ въ столкновение другъ съ другомъ, вступаютъ въ сферу взаимодействія двѣ или нѣсколько социальныя группы». Исходнымъ моментомъ вѣсхъ социологическихъ изслѣдованій онъ признаетъ «первоначальное множество разнородныхъ этническихъ элементовъ». Гумпловичъ особенно подчеркиваетъ важность полигенетической гипотезы, которую онъ старался обосновать въ своей книгѣ о «Борьбѣ расъ». Въ параграфѣ о «понятіи и сущности социальнаго закона» онъ говоритъ, что основнымъ социальнымъ закономъ «является стремленіе каждой социальной группы подчинить себѣ каждую другую социальную группу, встречающуюся на ея пути, стремленіе къ порабощенію, къ господству. Источникомъ этого стремленія въ конечной инстанціи является «забота о жизни», присущая каждой группѣ. *Этотъ* исключительно социальный законъ вполнѣ объясняетъ намъ социальный прогрессъ».

Третья глава «социальные элементы и ихъ соединенія» самая важная, тутъ излагаются излюбленныя мысли Гумпловича. Онъ часто говоритъ о преобладающемъ значеніи экономическихъ мотивовъ, а идею борьбы общественныхъ группъ онъ кладетъ въ основаніе своей социологіи. Въ виду этого его считаютъ чуть ли не сторонникомъ материалистическаго пониманія исторіи. Не отрицая точекъ соприкосновенія между социологіей Гумпловича и социологіей материалистической, мы все-таки видимъ колоссальное различіе между этими двумя воззрѣніями на социальный процессъ. Во-первыхъ Гумпловичъ совершенно чуждъ великой истинѣ, что отношеніе человѣка къ человѣку опредѣляется тѣмъ отношеніемъ человѣка къ природѣ, въ которое онъ ставится въ процессѣ борьбы за жизнь, т. е. что измѣненіе въ общественной структурѣ опредѣляется развитіемъ материальныхъ производительныхъ силъ; фактъ борьбы группъ является для Гумпловича первоначальнымъ и необъяснимымъ. Во-вторыхъ, и это мы особенно подчеркиваемъ, въ понятіе *борьбы группъ* онъ вкладываетъ совсѣмъ иную смыслъ, чѣмъ вкладывалъ Марксъ, понятіе *группы* у него плохо выяснено и двусмысленно. Важнѣйшій трудъ Гумпловича, которымъ онъ особенно гордится, называется «Борьба расъ» (*Rassenkampf*), и во многихъ мѣстахъ онъ понимаетъ подъ общественной группой расу, племя, а не классъ, вызванный къ жизни опредѣленной формой производства. Причину преобладанія одной группы надъ другой онъ видитъ не въ необходимости опредѣленной классовой структуры при данномъ состояніи производительныхъ силъ, а въ «физическомъ и духовномъ превосходствѣ, прочной военной организаціи и дисциплинѣ и прирожденномъ политическомъ искусствѣ». Этническія различія играютъ для него большую роль, но особенное значеніе онъ придаетъ «вѣчной борьбѣ за господство» и «стремленію къ какъ можно болѣе интенсивной эксплуатаціи». По временамъ его разсужденія очень напоминаютъ «теорію насилія» Дюринга. Хотя онъ много говоритъ объ экономическихъ мотивахъ, но въ сущности экономическая организація для него есть результатъ политическаго господства, совсѣмъ какъ у Дюринга. Въ качествѣ спеціалиста по государственному праву онъ посвящаетъ много мѣста государству и высказываетъ по этому поводу интересныя соображенія. Государство для Гумпловича есть «организація господства меньшинства надъ большинствомъ», право же есть не что иное, какъ «упорядоченное неравенство». Вообще, идея государства поглощаетъ у Гумпловича идею *общества*, противъ которой онъ даже полемизируетъ.

Четвертая глава называется «индивидъ и социальныя психическія явленія».

Въ § 1 этой главы Гумпловичъ пускается въ высшей степени пошлымъ разсужденіемъ объ односторонности индивидуализма и коллективизма и претендуетъ на изобрѣтеніе третьей точки зрѣнія. Это не мѣшаетъ ему въ слѣдующемъ же параграфѣ высказать много дѣльныхъ соображеній, онъ рѣшительно ниспровергаетъ фикцію индивидуума, оторваннаго отъ общества и отъ общественной группы, къ которой онъ принадлежитъ. «Въ человѣкѣ,—говоритъ онъ,—мыслишь совсѣмъ не онъ,—но его соціальная группа; источникъ его мыслей лежитъ совсѣмъ не въ немъ, но въ соціальной средѣ, въ которой онъ живетъ, въ соціальной атмосферѣ, которой онъ дышитъ; онъ можетъ мыслить только такъ, какъ необходимо его заставляютъ концентрирующіяся въ его мозгу вліянія окружающей его соціальной среды». Въ § 3 онъ очень остроумно характеризуетъ вліяніе экономическаго положенія на индивида. Въ нѣсколькихъ штрихахъ онъ очерчиваетъ типическія фигуры дворянина, горожанина и крестьянина. Если бы Гумпловичъ лучше понималъ буржуазное общество съ его классовою структурою, то онъ обратилъ бы вниманіе на другіе общественные типы, болѣе характерные для нашего времени. Онъ считается съ сословіями, а не съ классами.

Въ параграфѣ объ «индивидуальныхъ стремленіяхъ и соціальной необходимости» и въ послѣдней главѣ книги («исторія человѣчества, какъ жизнь рода») мы находимъ мѣста, которыя проливаютъ свѣтъ на мировоззрѣніе Гумпловича и на его общественную психологію. Гумпловичъ пессимистъ, онъ мрачно смотритъ не только на прошлое исторіи человѣчества, въ которомъ видитъ только господство «слѣпago закона природы» и вѣчнаго «насилія», но и на будущее: жестокая борьба группъ по его мнѣнію никогда не прекратится; онъ очень возстаетъ противъ слишкомъ высокой оцѣнки человѣческой жизни. Гумпловичъ постоянно подчеркиваетъ свой детерминизмъ и свой объективизмъ, но детерминизмъ онъ, повидимому, смѣшиваетъ съ фанатизмомъ, а объективизмъ съ безстрастіемъ. Все это безконечно отличаетъ его отъ основателей материалистическаго пониманія исторіи, которые поставили совершенно иной *прогнозъ* будущаго, которые прекрасно понимали, что детерминизмъ включаетъ въ себя человѣческую активность, а научный объективизмъ не исключаетъ субъективнаго отношенія къ явленіямъ, сочувствія одной общественной группы и негодованія противъ другой. Но Гумпловичъ не такъ «объективенъ», какъ онъ полагаетъ. Вотъ мѣста, которые отчасти объясняютъ, почему онъ не вѣритъ въ прогрессъ и въ будущемъ предвидитъ ужасный соціальныи крахъ, призракъ котораго не даетъ спать «объективному» профессору. «Въ нашемъ сосѣдствѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ варварскихъ народовъ, но не слѣдуетъ забывать, что инстинкты этихъ варварскихъ ордъ таятся въ скрытомъ состояніи въ народныхъ массахъ европейскихъ государствъ. Подвиги анархистовъ—только отдѣльныя вспыхивающія молніи; кто поручится намъ, что когда-нибудь не разразится гроза? Варвары живутъ отъ Европы не такъ далеко, какъ обыкновенно думаютъ, и довольно рискованно принять на страхъ европейскій культурный міръ отъ этихъ внутреннихъ силъ». А вотъ заключительныя слова книги: «Соціологія кладетъ основаніе новой морали мудраго самоотреченія, т. е. морали болѣе высокой, нежели современная мораль, покоющаяся на воображаемой свободѣ личнаго самоопредѣленія, создающая непомѣрное возвеличеніе индивида и тѣмъ самымъ непомѣрныя желанія и стремленія его, которыя неизбежно приводятъ къ ужаснымъ преступленіямъ противъ естественно-законнаго строя».

Но мы все-таки рекомендуемъ читателямъ эту интересную книгу, безупречно переведенную на русскій языкъ.

Р. Штамплеръ. Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго въ 2-хъ томахъ. Изданіе Н. Березина и М. Соловьева. Спб. 1899 г. ц. 3 рубля. Въ разросшейся за по-

сѣдніе годы литературѣ экономическаго матеріализма книга Штаммера занимаетъ несомнѣнно выдающееся мѣсто. Она выгодно отличается отъ большинства сочиненій по этому вопросу прежде всего—полнымъ безприѣтиемъ и добросовѣтностью критики, и затѣмъ—продуманностью и оригинальностью въ постановкѣ и разрѣшеніи вопроса. Критика экономическаго матеріализма у Штаммера, собственно говоря, исчерпывается двумя, совершенно независимыми другъ отъ друга, мыслями, развитію и основанію которыхъ—подчасъ съ излишней полнотой и повтореніями—посвящена вся его книга.

Первая мысль заключается въ томъ, что право и хозяйство не суть двѣ самостоятельныя области общественныхъ явленій, а совпадаютъ другъ съ другомъ, именно такъ, что право есть формальная сторона хозяйства, его абстрактное, выраженіе, а хозяйство, наоборотъ, составляетъ конкретное содержаніе права. Поэтому представленіе экономическаго матеріализма объ отношеніи между правомъ и хозяйствомъ въ смыслѣ причинной зависимости первого отъ послѣдняго методологически невѣрно. Вторая мысль сводится къ тому, что для полнаго обоснованія извѣстнаго общественнаго строя, къ которому мы должны стремиться, недостаточно еще доказать его необходимость въ причинномъ смыслѣ (какъ думаетъ экономическій матеріализмъ), а нужно еще показать его законность въ смыслѣ соответствія научно-установленному (или, какъ говоритъ Штаммеръ, объективному) идеалу.

Обоснованіе этихъ мыслей сводится къ слѣдующему.

Всякая социальнo-философская теорія должна, по мнѣнію Штаммера, начать съ опредѣленія своего объекта, т. е. понятія «соціальнаго» или общества. Такъ какъ хозяйство и право суть общественныя явленія, то ихъ взаимоотношеніе можетъ быть понято, только когда выяснено понятіе «общественнаго явленія» вообще. Не удовлетворяясь существующими опредѣленіями общества, Штаммеръ опредѣляетъ социальную жизнь, какъ «нормируемую внѣшне-обязательными правилами совмѣстную жизнь людей». Такимъ образомъ, внѣшне-обязательныя правила или *право* является по Штаммеру отличительнымъ признакомъ социальной жизни, или формальной стороной общества. Съ другой стороны, подъ хозяйствомъ Штаммеръ разумѣетъ вообще все конкретное содержаніе общественной жизни. Поэтому отношеніе между правомъ и хозяйствомъ состоитъ въ отношеніи между формой и содержаніемъ социальной жизни, и отношеніе это ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отношеніемъ причинной зависимости. Такъ, если взять для примѣра современный хозяйственный строй, мы не можемъ сказать, что капиталистическій способъ производства *вызвалъ* или *обусловилъ* собою юридическія нормы частной собственности и свободы труда и договора; вѣдь эти юридическіе принципы составляютъ формальный признакъ самого капиталистическаго строя, и если мы отвлечемся отъ нихъ, то исчезаетъ само представленіе о послѣднемъ. Словомъ, разъ мы признаемъ вмѣстѣ съ Марксомъ, что всѣ экономическія явленія суть извѣстныя общественныя отношенія, и разъ эти общественныя отношенія, по Штаммеру, отличаются другъ отъ друга только по различію формальнаго признака «общества», т. е. по различію лежащихъ въ ихъ основаніи юридическихъ нормъ, то мы такъ же мало будемъ имѣть право говорить о причинной зависимости между правомъ и хозяйствомъ, какъ о причинной зависимости, напр., между матеріаломъ статуи и ея формой.

Такова, по мнѣнію Штаммера, первая ошибка экономическаго матеріализма. Вторая ошибка заключается, по его мнѣнію, въ разсмотрѣніи общественной жизни исключительно съ точки зрѣнія причинной необходимости. По мнѣнію автора, *закономѣрность* общественныхъ явленій можетъ быть понимаема въ двоякомъ смыслѣ: или въ смыслѣ причинной необходимости, или же въ смыслѣ необходимости нравственной, въ смыслѣ соответствія объективно установлен-

ному идеалу. Для того, чтобы признать известное общественное явление объективно-правильнымъ, законнымъ, недостаточно доказать, что явление есть неизбежный результатъ известныхъ причинъ; надо еще показать, что оно есть столь же неизбежный выводъ изъ объективнаго идеала. Поэтому, Штаммлеръ считаетъ методологически неправильнымъ ограниченіе общественной науки изученіемъ причинной зависимости между общественными явлениями. Прежде всего, если бы можно было точно предсказать наступленіе известнаго общественного событія, то стремленіе къ достиженію его было бы такъ же бессмысленно, какъ напр., партія для содѣйствія лунному затменію; если мы къ чему-нибудь стремимся, то это значить, что мы не увѣрены въ осуществленіи нашей цѣли. Затѣмъ, неизбежность наступленія известнаго событія вовсе не служить, такъ сказать, его рекомендаціей: оно можетъ быть неизбежно, но если оно не соответствуетъ нашему идеалу, то мы не будемъ къ нему стремиться. Слѣдовательно, цѣль нашихъ стремленій надо обосновывать не на ея причинной необходимости, но на ея соответствіи идеалу, а для этого надо установить научный объективный идеалъ. Такимъ идеаломъ Штаммлеръ считаетъ «общество свободно-хотящихъ людей» («Gesellschaft frei willender Menschen»). Все, что соответствуетъ этому идеалу, будетъ объективно-законнымъ (objektiv-berechtigt) или вѣрнымъ, все остальное—плодомъ нашихъ субъективныхъ желаній. Въ области постановки цѣлей, въ области изученія того, что *должно быть*, существуетъ такое же различіе между истиной и ложью, какъ и въ области изслѣдованія того, что *есть*; и задача науки показать, что нужно считать *отърымымъ* въ этомъ двоякомъ смыслѣ. Эпиграфомъ къ своему труду Штаммлеръ взялъ девизъ: «vitam impendere vero»—«посвятить жизнь правому»; подъ «правымъ» тутъ разумѣется одновременно и истинное, и справедливое. (Укажемъ кстати здѣсь на любопытное совпаденіе: въ предисловіи къ новому изданію своихъ сочиненій г. Михайловскій высказываетъ ту же мысль о двойственности понятія «правды»: есть правда—истина и правда—справедливость).

Въ обихъ основныхъ мысляхъ книги Штаммлера есть много вѣрнаго и столь же много невѣрнаго; можно сказать, что у него правильные выводы основаны на совершенно неправильныхъ посылакахъ. Что касается его взгляда на отношеніе между правомъ и хозяйствомъ, то онъ несомнѣнно вѣренъ, но обоснованъ крайне неудачно. Для того, чтобы доказать его, Штаммлеръ долженъ былъ опереться на опредѣленіе общества, какъ «регулируемой вѣнше-обязательными правилами совместной жизни людей», т. е. считать право характернымъ признакомъ общества. Это, несомнѣнно, невѣрно, и притомъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, право не можетъ считаться *единственнымъ* признакомъ общества, а потому не можетъ служить и формальнымъ отличіемъ общественныхъ явленій отъ всякихъ другихъ; на ряду съ правомъ во всякомъ обществѣ имѣется, напр., известны кодексъ нравственныхъ правилъ, обычаевъ, существуютъ известныя формы сотрудничества людей и т. д.; такимъ образомъ, признакъ выбранъ совершенно произвольно. Во-вторыхъ, этотъ признакъ слишкомъ узокъ, для того, чтобы характеризовать общественное явленіе, какъ таковое; правда, подъ правомъ Штаммлеръ разумѣетъ не только писанные законы, но и такъ называемое обычное право, но онъ же рѣзко отдѣляетъ право отъ нравственности, условныхъ обычаевъ и вообще отъ всякаго рода бессознательно сложившихся типическихъ правилъ поведения. Поэтому онъ долженъ, напр., отказать въ названіи «общества» групповымъ соединеніямъ животныхъ. Однако, судя по послѣднимъ даннымъ этнографіи и сравнительно-историческаго правовѣдѣнія, люди жили въ обществахъ, быть можетъ, еще задолго до того, когда они приобрѣли современный человѣчскій типъ, и уже по одному этому совершенно не научно отдѣлять непреходимой чертой общества животныхъ отъ человѣческихъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, если мы даже

признаемъ коренное различіе между послѣдними, мы имѣемъ право искать и извѣстныхъ общія свойства у нихъ, а въ такомъ случаѣ наглядно обнаруживается несостоятельность Штаммлероваго опредѣленія общества. Помимо того, трудами Мэна и другихъ установлено, что въ первобытныхъ обществахъ вообще не существовало права въ нашемъ смыслѣ, т. е. нормъ поведения, исполненіе которыхъ вынуждается физическимъ принужденіемъ; въ этихъ обществахъ право сливалось съ нравственностью и поддерживалось исключительно авторитетомъ общественнаго мнѣнія: такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи характерный признакъ общества не можетъ лежать въ правѣ, какъ-то думаетъ Штаммлеръ. Для того, чтобы такой признакъ могъ охватить всѣ возможные или мыслимыя общества, онъ долженъ заключаться не въ какой-либо одной сторонѣ общественнаго состоянія, а въ самой сущности этого послѣдняго, въ отличіе отъ состоянія изолированнаго. Такимъ признакомъ общности мы можемъ считать, вслѣдъ за Зиммелемъ, только «взаимодѣйствіе (Zusammenwirken) людей, направленное къ достиженію какой-либо общей цѣли».

Но если посылка, на которой основываетъ свой выводъ Штаммлеръ, невѣрна, то—какъ это часто бываетъ—отсюда нельзя еще заключить о невѣрности вывода. Этотъ выводъ—именно, что право не есть что-либо отличное отъ хозяйства, а есть лишь формальная сторона этого послѣдняго,—мы считаемъ, наоборотъ, вполне правильнымъ и вносящимъ существенную поправку въ ученіе экономическаго матеріализма. Однако, значеніе этой поправки нѣсколько ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что экономическій матеріализмъ, говоря о причинной зависимости права отъ хозяйства, подразумеваетъ подъ послѣднимъ только писанное законодательство въ отличіе отъ бесознательно сложившихся нормъ поведения. Переводя теорію экономическаго матеріализма на языкъ Штаммлера, мы могли бы формулировать ее такъ: нормы поведения, образующія формальную сторону новаго способа производства, всегда разрушаютъ старыя юридическія нормы и добиваются своей законодательной санкціи, и въ этомъ смыслѣ хозяйство является причиной права. При такомъ пониманіи ученіе Штаммлера составляетъ лишь болѣе точную формулировку, но никакъ не существенное опроверженіе ученія экономическаго матеріализма.

Вторая часть ученія Штаммлера представляетъ изъ себя подобное же соединеніе вѣрныхъ и невѣрныхъ взглядовъ. Эта часть уже извѣстна русскимъ читателямъ по спору, который вели по поводу ея С. Н. Булгаковъ съ П. Б. Струве въ «Вопросахъ философіи и психологіи» и въ «Новомъ Словѣ». Мы полагаемъ, что здѣсь Штаммлеръ указалъ на весьма важную односторонность экономическаго матеріализма, которая можетъ быть отброшена безъ вреда для остальной части ученія. Обоснованіе идеальнаго состоянія, къ которому должно стремиться, только на его причинной необходимости, или, обыкновенно говорится, «черпаніе идеала изъ дѣйствительности» есть *contradictio in adjective*. Изъ того, что что-либо должно неизбежно наступить, вовсе не слѣдуетъ, что къ нему надо стремиться; и если бы, напр., было научно доказано, что капиталистическій строй въ его дальнѣйшемъ развитіи приводитъ къ состоянію полной анархіи или къ рабству, то врядъ ли нашлось бы много охотниковъ содѣйствовать этому результату. Наоборотъ, идеаль можетъ быть обоснованъ только на желательности его, а не на необходимости. Но не противорѣчитъ ли это представленію о полномъ детерминизмѣ всѣхъ общественныхъ явленій? Не вдаваясь здѣсь въ теоретическое обсужденіе этого сложнаго теоретико-познавательнаго вопроса (отсылаемъ интересующихся къ указаннымъ статьямъ гг. Булгакова и Струве, которые помогутъ имъ разобраться въ этомъ вопросѣ), мы можемъ указать лишь на практическое разрѣшеніе этого вопроса. Опредѣлить съ исчерпывающей точностью и со всѣми подробностями наступленіе извѣстнаго общественнаго состоянія на основаніи его причинной необходимости мы никогда

не можемъ; даже если предположить, что мы сумѣемъ когда-либо съ математической точностью предугадать всѣ дѣйствія людей, необходимыя для его наступленія, мы не сможемъ предсказать точно одного, — именно нашихъ собственныхъ дѣйствій. До извѣстной степени, конечно, возможно и это, но только до извѣстной степени; по меньшей мѣрѣ, мы не можемъ въ нашемъ изслѣдованіи ввести въ расчетъ тѣ наши дѣйствія, которыя находятся въ зависимости отъ результата нашего изслѣдованія: противное предположеніе было бы равносильно возможности перескочить черезъ самого себя или вытащить себя за волосы изъ болота. А если такъ, то всегда остается извѣстное свободное поле для выбора дѣйствій: при выборѣ же, конечно, опредѣляющимъ моментомъ служить только желательность или нежелательность результата. Чѣмъ больше элементовъ будущаго состоянія можетъ быть предсказано, тѣмъ точнѣе будетъ предсказаніе и тѣмъ «научнѣе» будетъ идеалъ. Но во всякомъ идеалѣ всегда должны остаться соединенными элементы необходимости съ элементами свободы. Отличіе утопическаго идеала отъ «научнаго» заключается не въ томъ, что первый основанъ на одной только желательности его, а второй — на его необходимости, а въ томъ, что въ послѣднемъ большее число элементовъ опредѣлено напередъ, чѣмъ въ первомъ. Надо полагать, что именно какъ реакція ученіямъ, которыя почти не обращали вниманія на научное обоснованіе своихъ плановъ, а ограничивались однимъ лишь указаніемъ ихъ желательности, — возникло ученіе Маркса, вполне отрицательно относящееся къ изслѣдованію желательности того или много общественнаго явленія и предполагающее возможность «обосновать» идеалъ исключительно доказательствомъ его необходимости. Но какъ бы ни возникло это ученіе, односторонность его очевидна, и важная заслуга Штаммлера заключается въ выясненіи этой односторонности. (Ту же мысль, совершенно независимо отъ Штаммлера и инымъ путемъ, защищаетъ г. Неждановъ въ его книжкѣ «Нравственность»; обоснованіе ея у г. Нежданова въ теоретическомъ отношеніи не безупречно).

Однако и тутъ вѣрная мысль Штаммлера (мы, конечно, могли коснуться лишь сути ея, оставляя въ сторонѣ вопросъ о достоинствѣ подробностей въ ея развитіи) покоится на совершенно невѣрной послыжкѣ о возможности научно («объективно») доказать справедливость извѣстнаго общественнаго явленія, подобно тому, какъ доказывается его истинность. Изслѣдованіе «того, что есть», или добываніе истины, всегда покоится въ конечномъ счетѣ, на извѣстныхъ аксіомахъ, которыя даже недоказуемы, но которыя считаются истинными всѣми людьми (это, по Канту, апіорныя синтетическія сужденія). На такихъ же аксіомахъ покоится и изслѣдованіе того, что должно быть, но чтобы доказать, что это изслѣдованіе можетъ быть столь же объективно точнымъ, нужно предварительно доказать, что послѣднія аксіомы нравственности или идеаловъ имѣютъ столь же всеобщее значеніе, какъ и аксіомы познанія. Этого Штаммлеръ не показалъ; а голословность «формулы прогресса» у Штаммлера («общество свободно хотящихъ людей») — Штаммлеръ даже не пытается чѣмъ-нибудь доказать эту формулу) наводитъ на противоположную мысль о невозможности доказательства справедливости чего-либо. «Velle non discitur» — и справедливость, и желательность чего-либо только чувствуются, и притомъ каждымъ различно, а не доказываются разъ навсегда и для всѣхъ одинаково. За недоказанностью этого основнаго положенія Штаммлера о возможности объективнаго обоснованія законности общественныхъ явленій отнимается весь фундаментъ у возведеннаго имъ теоретическаго зданія. Этими краткими замѣчаніями мы поневолѣ должны ограничить нашъ отзывъ о трудѣ Штаммлера, во всякомъ случаѣ чрезвычайно интересномъ и поучительномъ.

Первый выпускъ русскаго перевода, лежащій передъ нами, представляетъ, повидимому, перепечатку перевода книги Штаммлера, издававшася въ качествѣ

приложенія къ покойному «Сѣверному Вѣстнику»; во всякомъ случаѣ, подобно послѣднему, онъ можетъ быть названъ только своснымъ. Претенціозная обложка, очевидно, скопированная съ обложки «Agarfrage» Каупега, не мѣшаетъ также изданію быть довольно сквернымъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Д. С. Милль. «Система логики». — *Болонь.* «Спиноза».

Д. С. Милль. Система логики. (Силлогистической и индуктивной). Изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. М. Изд. маг. «Книжное дѣло». 1897—1899. Появленіе новаго изданія логики Милля указываетъ на существованіе несомнѣннаго интереса публики къ вопросамъ философскаго характера. Хотя эта книга вышла сравнительно давно, но она принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя никогда не могутъ сдѣлаться устарѣвшими и всегда будутъ сохранять интересъ.

Книга Милля примыкаетъ къ тому направленію въ философіи, которое называется эмпиризмомъ или позитивизмомъ. Главная задача этого направленія въ философіи заключается въ томъ, чтобы показать, что всякое познаніе сверхчувственныхъ свойствъ вещей невозможно, что все нами познаваемое ограничивается только лишь тѣмъ, что мы воспринимаемъ непосредственно нашими чувствами, что все, что недоступно для воспріятія при помощи чувствъ, лежитъ внѣ предѣловъ нашего познанія. Все наше познаніе получаетъ начало изъ опыта.

Логика Милля написана въ этомъ духѣ. Она называется *индуктивной*, потому, что въ ней индуктивный приемъ умозаключенія подвергся главнымъ образомъ обработкѣ. У него мы находимъ подробное указаніе на примѣненіе индукціи въ наукахъ вообще. Его скептическое отношеніе къ силлогизму, обыкновенно понимаемому, какъ умозаключеніе отъ общаго къ частному, выразилось въ томъ, что онъ яснилъ, чѣмъ очень многіе до него, показали, что силлогизмъ содержитъ въ себѣ *petitio principii*. Въ самомъ дѣлѣ, мы желаемъ доказать, что «Сократъ смертенъ». Для этого мы исходимъ изъ положенія, что «всѣ люди смертны», и на томъ основаніи, что «Сократъ человѣкъ заключаемъ», что «Сократъ смертенъ». Но спрашивается, имѣемъ ли мы право утверждать, что «всѣ люди смертны», пока мы не убѣдились въ томъ, что «Сократъ смертенъ». Слѣдовательно, несомнѣнно, что мы дѣлаемъ вкругъ. Поэтому Милль утверждаетъ, что собственно умозаключенія отъ общаго къ частному не бываетъ, а что умозаключенія бываютъ или отъ частнаго къ частному, или отъ частнаго къ общему, какъ въ процессѣ индукціи. Что касается силлогистическаго умозаключенія, то его единственный смыслъ заключается въ томъ, что въ немъ умозаключеніе совершается не отъ общаго къ частному, но *согласно* общему. Это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что когда мы составляемъ большую посылку, то мы въ тотъ же моментъ умозаключаемъ къ тому, что содержитсяъ въ заключеніи. Составляя большую посылку: «всѣ люди смертны», мы уже въ то время составили умозаключеніе, что «Сократъ смертенъ».

Въ теоріи индукціи замѣчательна его попытка доказать эмпирическое происхожденіе закона причинности или, что то же, *закона однообразія природы*. Чтобы имѣть право утверждать, что то, что мы констатировали для даннаго класса явленій, будетъ истинно и впослѣдствіи, мы должны быть увѣрены, что тѣ законы, которые дѣйствуютъ въ настоящее время, будутъ дѣйствовать и впослѣдствіи, т. е., другими словами, мы должны принять, что въ природѣ

существуетъ однообразіе. Но какъ это можно доказать? Единственное доказательство заключается въ томъ, что до сихъ поръ такъ было: до сихъ поръ не было случая, чтобы законы природы измѣнились, а потому мы должны допустить, что въ природѣ существуетъ однообразіе. Но это доказательство въ глазахъ Милля собственно никакой цѣны не должно бы имѣть, потому что это доказательство есть *индукція черезъ простое перечисленіе*, т. е. та индукція, которая была осуждена Миллемъ. По такой индукціи положеніе, что «всѣ лебеди бѣлы» должно было бы быть истиннымъ потому, что мы до сихъ поръ не имѣли случая видѣть, чтобы какой-нибудь лебедь имѣлъ черныя цвѣты. Но достаточно было открытъ въ Австраліи черныхъ лебедей, для того, чтобы эта индукція оказалась совершенно не состоятельной. Таковы собственно всѣ индукціи черезъ простое перечисленіе. Но Милль находитъ, что такой индукціей все-таки можно пользоваться для доказательства опытнаго происхожденія закона однообразія природы, потому что, если бы въ данномъ случаѣ дѣло шло о какомъ-нибудь частномъ фактѣ, то такое основаніе было бы мало прочнымъ, но недостовѣрность способа доказательства уменьшается отъ того, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ обобщеніемъ, которое обнимаетъ всю область нашего опыта и потому должно быть достовѣрнымъ. Такимъ образомъ законъ причинности, по мнѣнію Милля и вообще англійской философіи, получаетъ начало изъ опыта. По ихъ мнѣнію, мы постоянно воспринимаемъ причинную связь и вслѣдствіе этого утверждаемъ, что эта связь *необходима и постоянна*. Многіе изъ современныхъ философовъ Кантовской школы находятъ этотъ взглядъ неправильнымъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ мы о законѣ причинности узнавали только изъ *опыта*, то онъ не содержалъ въ себѣ необходимости: пусть тѣла миллионъ разъ отъ холода сжимались, но это не значитъ, что такъ будетъ и въ миллионъ первый разъ. У насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ того, что сейчасъ же начнетъ дѣйствовать другой законъ. Однимъ словомъ изъ опыта—идеи необходимости мы вывести не въ состояніи. А между тѣмъ въ наукѣ мы ее постоянно употребляемъ, и безъ нея наука не могла бы существовать. Какъ же выйдти изъ этого затрудненія? Въ наукѣ эта идея существуетъ, а изъ опыта она выведена быть не можетъ. Откуда же она берется? Отвѣтъ простой. Разъ она въ наукѣ употребляется, а изъ опыта ее получить нельзя, то надо думать, что разумъ даетъ самъ себѣ этотъ законъ, что, приступая къ изслѣдованію явленій, мы приступаемъ уже съ этимъ закономъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Кантовской школы, источникъ закона причинности есть разумъ, или какъ выражался Кантъ, онъ *априорнаго* происхожденія.

Не слѣдуетъ думать, что если логика Милля индуктивная, то онъ совершенно отрицаетъ значеніе *дедукціи*. Какъ разъ наоборотъ. Хотя науки, имѣющія своимъ предметомъ факты природы и ихъ законы, суть по преимуществу индуктивны, тѣмъ не менѣе эти науки могутъ употреблять съ большою пользою методъ дедуктивный. Индукція въ собственномъ смыслѣ можетъ быть употребляема только въ простѣйшихъ случаяхъ. Въ болѣе сложныхъ явленіяхъ, гдѣ взаимодействуютъ различные элементы, мы должны это явленіе разложить на простѣйшіе элементы, затѣмъ, при помощи простыхъ индукцій, изслѣдовать, какъ каждый изъ нихъ дѣйствуетъ, затѣмъ, посредствомъ дедукціи, постараться опредѣлить, какой результатъ можетъ произвести ихъ соединенное дѣйствіе, и, наконецъ, посредствомъ наблюденія, доказать, что наши заключенія или вычисленія находятъ въ согласіи съ опытомъ. Такимъ образомъ, процессъ познанія въ этомъ случаѣ состоитъ изъ трехъ членовъ: изъ индукціи, дедукціи и провѣрки. Милль былъ такъ далекъ отъ отрицанія роли дедукціи, что думалъ, что примѣненіе дедукціи является выраженіемъ совершенства науки. «Дедуктивному методу въ соединеніи съ индукціей,—говоритъ Милль,—человѣческій умъ обязанъ своими наиболее великими торжествами. Мы обязаны ему всѣми

теоріями, подводящими обширныя и сложныя явленія подъ нѣсколько простыхъ законовъ».

Въ своей логикѣ Милль подвергаетъ подробному разсмотрѣнію вопросъ о происхожденіи геометрическихъ и вообще математическихъ идей и приходитъ къ тому выводу, что они имѣютъ чисто опытное происхожденіе. Этотъ выводъ, какъ и вообще тотъ односторонній эмпиризмъ, защитникомъ котораго является Милль, въ настоящее время отвергается очень многими не только на континентѣ, но и въ Англій, гдѣ Милль пользовался наибольшей популярностью.

Несмотря на то, что книга Милля не является такимъ сочиненіемъ, которое выражало бы господствующее теченіе, она представляетъ громадный интересъ для всякаго образованнаго человѣка, потому что затрогиваетъ вопросы первостепенной важности. Не даромъ она выдержала на англійскомъ 17 изданій и на англійскомъ языкѣ существуетъ даже дешевое народное изданіе. Съ Миллемъ можно не соглашаться, но книга его полна поучительности, какъ самая лучшая выразительница извѣстнаго направленія.

Переводъ книги сдѣланъ вполне тщательно: въ немъ устранены тѣ недостатки въ переводѣ, отъ которыхъ не было свободно прежнее изданіе.

Болинъ. Спиноза. Переводъ подъ ред. П. Струве. Изд. Поповой. 1899 г. Спиноза принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслителей, который привлекаетъ наибольшее вниманіе въ настоящее время. Это объясняется тѣмъ, что современное мировоззрѣніе содержитъ такіе элементы мировоззрѣнія Спинозы, какъ механическое толкованіе явленій природы, монистическое ученіе о душѣ и т. п.

У современниковъ Спиноза пользовался малою извѣстностью и почти цѣлое столѣтіе никто его не читалъ, главнымъ образомъ, потому, что за нимъ сложилась репутация атеиста. Возрожденію ученія Спинозы способствовали нѣмецкіе поэты Лессингъ, Гете, Шиллеръ, которыхъ привлекалъ его пантеизмъ. Но въ особенности его начинаютъ цѣнить со времени Фихте, Шеллинга, Гегеля, которые усвоили себѣ его монизмъ. По словамъ Гегеля, напр., «сдѣлаться «спинозистомъ» есть начало всякаго философствованія: необходимо окунуть душу въ эфиръ единой субстанціи, въ которой растворено все, что до сихъ поръ считалось за истину». Шопенгауеръ также подчеркивалъ связь своей системы съ ученіемъ Спинозы. Эти обстоятельства имѣли рѣшительное ваіаніе на упроченіе монистическаго воззрѣнія въ современной философіи.

Декартъ, признавъ различіе между духовной и матеріальной субстанціей, никакъ не могъ объяснить взаимодѣйствіе между ними, фактически существующее; не могли этого сдѣлать и ученики его. Спиноза, соглашаясь съ Декартомъ въ томъ, что между физическимъ и психическимъ существуетъ коренное различіе, не былъ согласенъ съ нимъ въ томъ, что для объясненія всего существующаго необходимо признавать *два* субстанціи: духовную и матеріальную, а думалъ, что для этого достаточно признать *одну* субстанцію. По его мнѣнію, эта субстанція, недоступная непосредственному человѣческому познанію, открывается человѣческому уму въ формѣ атрибутовъ, изъ которыхъ для человѣческаго ума доступны только два, именно мышленіе и протяженность, которыя являются обнаруженіемъ одной и той же субстанціи.

По ученію Спинозы, духъ и матерія одно и то же, рассматриваемое съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Это ученіе, называемое въ послѣднее время психофизическимъ монизмомъ, параллелизмомъ, а также нео-спинозизмомъ, является въ настоящее время господствующимъ. Оно является привлекательнымъ потому, что признаетъ одинаково, какъ права психическаго, такъ физическаго. Бромъ того, при этой точкѣ зрѣнія, отрицающей взаимодѣйствіе между физическимъ и психическимъ, остается нетронутымъ механическое толкованіе жизненныхъ явленій.

Для общаго философскаго міровоззрѣнія ученіе Спинозы оказало слѣд. услугу. Въ текущемъ столѣтїи замѣчается тенденція строить идеалистическое міровоззрѣніе на эмпирическихъ началахъ. Въ этомъ отношенїи психологической параллелизмъ кажется наилучше отвѣчаетъ современнымъ требованїямъ. Если провести параллелизмъ до конца, то слѣдуетъ признать не только человѣка и животныхъ, но также и растений и всего неорганическаго міра. Тогда окажется, что все существующее одушевлено, а такъ какъ психическое составляетъ только внутреннюю сторону того, внѣшнюю сторону чего составляетъ психическое, и такъ какъ психическое представляетъ дѣйствительность такъ, какъ она есть сама по себѣ, то можно сказать, что самая важная сторона дѣйствительности есть духовное. Такимъ образомъ духовное начало выражаетъ собою сущность дѣйствительности. Задачей міровой жизни является развитіе духовной стороны, созданіе духовныхъ благъ и т. п. Однимъ словомъ, на эмпирическихъ началахъ воздвигается идеалистическое міровоззрѣніе. Къ этому сводится въ существенныхъ чертахъ міровоззрѣніе нѣкоторыхъ выдающихся современныхъ мыслителей какъ Паульсенъ, Вундтъ и др. Пантеистическимъ въ духѣ Спинозы является и ученіе Г. Спенсера. Таково несомнѣнное вліяніе Спинозы на современное міровоззрѣніе. Поэтому ознакомленіе съ ученіемъ Спинозы не лишено важности для всякаго образованнаго человѣка. Небольшая книга Болина можетъ въ этомъ отношенїи явиться хорошимъ пособіемъ. Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ книги относится ясное, доступное изложеніе и тщательно составленный переводъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Д. Менро. «Очеркъ электрическихъ явленій».—*В. Дункевичъ.* «Научно-популярная бібліотека».—*Модестовъ.* «Двойныя звѣзды».

Д. Менро. Очеркъ элентрическихъ явленій и ихъ примѣненій къ практической жизни. Изданіе Суворина. Научная дешевая бібліотека. Въ Англіи и Америкѣ, гдѣ изобрѣтенія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, порождая новыя и новыя отрасли промышленности, книжки, подобныя разсматриваемой, стали явленіемъ обычнымъ и необходимымъ. Рядъ новыхъ идей въ области техники изъ специальныхъ журналовъ немедленно становится достояніемъ большой массы читателей, среди которыхъ найдутся и продолжатели блестящихъ мыслей. Книжечка Менро принадлежитъ къ этой серіи изданій; она написана авторитетомъ въ области электротехники и читается, благодаря увлекательному языку, какъ романъ. Содержаніе ея обнимаетъ всѣ наиболѣе выдающіяся изобрѣтенія отъ простѣйшей электрической машины до лучей Рентгена. Читатель не найдетъ тутъ практическихъ указаній на то, какъ устроить тотъ или другой приборъ, не найдетъ ни таблицъ, ни провѣтовъ, но увидитъ, почему та или другая часть прибора дѣйствуетъ такъ, а не иначе, въ какомъ направленїи должно идти усовершенствованіе прибора. Краткая исторія изобрѣтеній оживляетъ еще болѣе изложеніе; особенно интересно описаніе подготовительныхъ работъ по устройству передачи энергіи отъ Ниагарскаго водопада. Изъ аппаратовъ приведены звуковой телеграфъ и обыкновенный юзовскій; нечего говорить, что здѣсь нашли мѣсто электрическое освѣщеніе и его канализація, аппараты для согрѣванія и отопленія, равно какъ и примѣненіе электродвигателей къ передвиженію и механическимъ приборамъ, фонографъ, телефонъ и т. д. Менѣе извѣстные не специалистамъ: индукционные вѣсы Юза и одинъ изъ опытовъ Тесла, представляютъ большой интересъ. Чтобы воспользоваться

физическимъ объясненіемъ, авторъ съ большимъ умѣніемъ излагаетъ основы электрическихъ и электродинамическихъ взаимодействій. Переводъ выполненъ прекрасно; только «трансформаторъ» слѣдовало перевести «преобразователь», а не «обратитель», и болѣе тщательно различать термины «энергія» и «сила».

Научно-популярная бібліотека для народа. (40 книженъ). В. Луневичъ. № 1) Земля; № 2) Небо и звѣзды; № 3) Громъ и молнія. Въ первыхъ книжкахъ новаго изданія г. Павленкова, г. Луневичъ знакомитъ читателей изъ народа съ звѣзднымъ міромъ, солнечной системой, въ особенности съ землей и явленіями, происходящими на ней вслѣдствіе ея двойного вращательнаго движенія. Указавъ на соображенія, къ которымъ обыкновенно приходятъ необразованные люди, когда стремятся составить понятіе о формѣ земли и ея положеніи въ мірѣ, авторъ прежде всего приводитъ доказательства ея шарообразности, затѣмъ, путемъ нехитрыхъ, каждому изъ насъ извѣстныхъ опытовъ, съ картофелиной, проткнутой желѣзной спицей, и лампой или свѣчей показываетъ чрезвычайно просто и наглядно, чѣмъ вызвана смѣна дней и ночей, зимы и лѣта. Дальше рѣчь идетъ о лунѣ; о ней говорится, что она спутникъ земли (кстати приложены рисунки сравнительной величины луны и земли и видъ съ луны земного шара); даны описаніе горъ на ея поверхности, картина мертвого покоя, объяснены фазы луны. Не сказалъ только авторъ о томъ, что луна всегда обращена къ землѣ одной стороной (объ этомъ слѣдовало сказать), да еще пропустилъ курьезъ на рисункѣ лунныхъ горъ и ущелій: изъ одного изъ кратеровъ на солидную высоту выдвигается гора! Этотъ удивительный на лунной поверхности случай можно объяснить тѣмъ, что рисунокъ—не фототипія съ дѣйствительной поверхности, а композиція художника, который не обратилъ вниманія на то, что горы внутри кратеровъ *всегда* ниже стѣнокъ окружающаго ихъ колодца. Заключается описаніе портретомъ и краткой біографіей Галилея, гдѣ указывается разница между далекимъ прошлымъ и нашимъ временемъ, благодаря которой мученики науки становятся явленіемъ невозможнымъ.

Авторъ удачно выбираетъ матеріалъ, предпосылая обычныя суевѣрныя представленія простаго народа на космические процессы, своимъ строгимъ и въ то же время простымъ объясненіямъ, благодаря чему послѣднія только выигрываютъ въ убѣдительности. Надо отмѣтить хорошее литературное изложеніе, вѣрный тонъ разсказа, взятый съ самаго начала, ясный языкъ, свободный отъ покушеній на поддѣлку подъ народную рѣчь; пониманіе нуждъ читателя, съ которымъ бесѣдуетъ авторъ, изобличаетъ хорошаго педагога; поэтому авторъ могъ бы обойтись безъ докучливыхъ вступленій о томъ, что собирается разсказывать «потѣшныя» и «смѣхотворныя» вещи: смѣшная вещь заставитъ улынуться и безъ предвареній.

Въ книжечкѣ о небѣ и звѣздахъ, можно найти свѣдѣнія о мірозданіи, на которыхъ слѣдовало бы остановиться поподробнѣе. Диаграмма шаровъ, вертящихся около солнца, даетъ представленіе о солнечной системѣ, а рисунки Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна—о видѣ ихъ въ слабые телескопы.

Своей головой читатель, для котораго предназначена эта книжка, врядъ ли дойдетъ до сколько-нибудь конкретнаго представленія о тѣхъ громадныхъ разстояніяхъ, которыя отдѣляютъ планеты другъ отъ друга или звѣзды отъ насъ; авторъ дѣлаетъ промахъ, не приходя на помощь читателю: можно было бы сказать, напримѣръ, что надо идти столько-то и столько-то лѣтъ по прямому пути до ближайшей планеты, проходя въ день по столько-то верстѣ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Говоритъ авторъ и о звѣздахъ-солнцахъ, и о кометахъ, не жалѣя рисунковъ на иллюстрацію.

Впечатлѣніе отъ этой миниатюрной космографіи остается хорошее: она несомнѣнно сослужитъ свою службу.

Остается разобрать послѣднюю книжку: «Громъ и молнія». Г. Лункевичъ даетъ описаніе грозъ, условій мѣста и времени, при которыхъ чаще всего онѣ повторяются, а затѣмъ переходитъ къ явленію собственно молніи, классифицируя молніи по ихъ внѣшнему виду: зигзагообразныя, вѣтвистыя и т. д. Въ деревняхъ ходитъ много «страшныхъ» рассказовъ о таинственныхъ шарахъ, которые влетаютъ въ избы: кого они коснутся, тотъ падаетъ замертво. Авторъ приводитъ извѣстные въ научной литературѣ случаи, когда шарообразная молнія бывала причиной смерти, но, подтверждая законность происхожденія подобныхъ рассказовъ, онъ снимаетъ съ нихъ флеръ чертовщины, описывая полученіе электричества путемъ натиранія сургуча или черной гуттаперчевой гребенки; когда читатель получитъ, такимъ образомъ, необходимыя свѣдѣнія, авторъ примѣняетъ ихъ къ объясненію явленія молніи, продѣлывая рядъ опытовъ съ электрической машиной и образуя всѣ вышеупомянутые виды молніи, до шарообразной включительно. Свѣщеніе гейслеровыхъ трубокъ, наполненныхъ разными газами, должно объяснить различіе цвѣтовъ молніи, но цвѣта тутъ окончательно перепутаны: углекислота свѣтится не зеленоватымъ, а сѣрымъ (тутъ еще могутъ быть сомнѣнія), воздухъ не однимъ краснымъ, а краснымъ и голубымъ, азотъ не голубымъ—а мѣдно-краснымъ. Хорошо объяснены явленія зарницъ, грома и громовыхъ раскатовъ; попутно читатель узнаетъ о роли воздуха въ передачѣ звука и о разницѣ скоростей звука и свѣта. Историческая часть представлена открытіемъ Франклина, опытами Далибара и Рома: безъ должнаго вниманія не оставлено и атмосферное электричество. Послѣ всего этого идутъ совѣты практическіе: какъ и чего слѣдуетъ остерегаться во время грозы, какъ устраиваютъ громоотводы.

Модестовъ. Двойныя звѣзды. Москва 1898 г. Изслѣдованіе двойныхъ звѣздъ въ Россіи имѣетъ свою большую исторію. Начало было положено въ Дерптѣ Вильгельмомъ Струве, который въ 1814 году предпринялъ съ весьма несовершенными приборами измѣренія извѣстныхъ въ то время паръ. Когда прибылъ новый, сдѣланный послѣ знаменитымъ, рефракторъ Фраунгофера, Струве началъ съ нимъ обзоръ неба и открылъ массу новыхъ звѣздъ. Онъ составляетъ каталогъ ихъ, опредѣляетъ ихъ положенія на небѣ и измѣряетъ относительное положеніе компонентовъ въ каждой парѣ. Эти измѣренія удивительны по своей точности, Струве вырабатываетъ также методы какъ самыхъ наблюденій, такъ и различныхъ вспомогательныхъ изслѣдованій. Его «*Mensurae micrometricae...*» являются и теперь еще основнымъ руководствомъ всякаго астронома, занимающагося измѣреніемъ двойныхъ звѣздъ. Сынъ Вильгельма Струве—Отто продолжаетъ эту работу отца и съ помощью 15-дюймоваго пулковскаго рефрактора составляетъ новый каталогъ двойныхъ звѣздъ и публикуетъ два громадныхъ тома измѣреній. Когда былъ поставленъ въ 1885 г. въ Пулковѣ громадный 30-дюймовый рефракторъ, то и внукъ Вильгельма Струве—Германъ, наблюдавшій за этимъ инструментомъ, отдаетъ большое вниманіе измѣренію тѣсныхъ паръ. Въ свое время наблюдалъ въ Пулковѣ двойныя звѣзды и Дубяго, цѣлыя ряды измѣреній сдѣлалъ въ Гурзуфѣ, Абасъ-Туманѣ, С.-Петербургѣ и Домкинѣ проф. Глазенапъ. Много теоретическихъ работъ русскихъ ученыхъ посвящено изслѣдованію двойныхъ звѣздъ на нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ: вычисленія орбитъ Виноградскаго, отзывъ о диссертаци Виноградскаго Ковальскаго, содержащій его знаменитыя формулы, упрощающія способъ Гертеля, и его собственный способъ, диссертациа г. Левицкаго, работа Кононовича, изящный способъ проф. Глазенапа и масса вычисленныхъ по нему орбитъ, способъ проф. Млодзѣвскаго, наконецъ, спектрографическія изслѣдованія Бѣлопольскаго и способъ Орбинскаго опредѣленія лучевыхъ скоростей въ случаѣ спектральныхъ наблюденій съ объективной призмой.

Весьма возможно поэтому, что кто-нибудь изъ нашихъ читателей по-

желаетъ обстоятельнѣе познакомиться съ интересной отраслью астрономіи—изслѣдованіями двойныхъ звѣздъ. Для него нельзя указать ничего лучшаго, какъ сочиненія ассистента астрономической обсерваторіи Московскаго университета Модестова, появленіе котораго въ печати стоитъ отмѣтить, благодаря полнотѣ и достоинству содержанія. Сочиненіе это было удостоено въ 1891 г. математическимъ факультетомъ Московскаго университета золотой медали, послѣ для печати оно отчасти сокращено авторомъ, отчасти дополнено, согласно съ новыми изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ. Почти каждый способъ сопровождается у г. Модестова подробными вычисленіями какой-либо орбиты. Обращаемъ вниманія читателя на вычисленія по способу Ковальскаго и на остроумный собственный способъ г. Модестова, который даже не выдѣленъ скромнымъ авторомъ въ отдѣльный параграфъ и ничѣмъ другимъ не отмѣченъ. Этотъ способъ является существеннымъ усовершенствованіемъ и упрощеніемъ способа Энке. Complimentъ остроумію автора придется сдѣлать и при чтеніи главы «Опредѣленіе отношенія и суммы массъ компонентовъ», въ которой найдемъ оригинальныя наблюденія звѣзды 70 p. Orhigchi и вычисленія массъ компонентовъ по собственнымъ формуламъ автора. Съ особенной тщательностью обработана орбита звѣзды ζ U γ . Majoris. Г. Модестовъ приводит формулы, показывающія, что изъ соединенія микрометрическихъ измѣреній съ спектрографическими опредѣленіями лучевыхъ скоростей можно выяснитъ всѣ подробности строенія системы: ея размѣры и массы компонентовъ, но онъ не сопровождаетъ ихъ примѣромъ, потому что, когда печаталась книга, еще не было опубликовано нужныхъ наблюденій. Долго не удавалось сфотографировать спектры слабыхъ спутниковъ въ извѣстныхъ, измѣренныхъ микрометромъ, парахъ. Но съ помощью 30-дюймоваго пулковскаго рефрактора, прибавимъ мы отъ себя для интересующагося читателя, г. Бѣлопольскій получилъ, наконецъ, спектры обоихъ компонентовъ въ системѣ γ *Virginiss* и γ *Sennis*, и въ прошломъ же году опубликовалъ свои изслѣдованія объ этихъ системахъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го іюля по 15-е августа 1899 года.

- Г. Б. Гиббинсъ. Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній. Пер. съ англ. А. В. Каменскаго. Изд. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Н. П. Дружининъ. Обновленіе одного города. Разсказъ. «Библиотека Дѣтскаго чтенія». М-ва. 1899 г. Ц. 10 к.
- Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Друзья. Разсказы. «Дѣтская библиотека». Москва. 1899 г. Ц. 5 к.
- Н. Зиченко. Жевщина-адвокатъ. (По Луи Франкъ). Изд. II. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. О чемъ мурлыкалъ Коть-Баювъ? «Библиотека Дѣтскаго Чтенія». М-ва. 1899 г.
- К. Э. Линдеманъ. О червяхъ опустошающихъ наши лѣса. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». Съ 17 рис. въ текстѣ. М-ва. 1899 г. Ц. 5 к.
- Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англии. Переводъ съ англ. А. М. Вѣлова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Б. Б. Глинскій. Царскія дѣти и ихъ наставники. Историч. очерки. Съ портретами и иллюстраціями. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». М-ва. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- D-r L. Berthenson. Les forces assainissantes et cultivatives dans la nature. Paris. 1899 г.
- В. Ермиловъ. Святитель Тихонъ Задонскій. 2-е изд. Моск. Общество грамотности. М-ва. 1899 г. Ц. 5 к.
- К. Ельцова. Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2-е испр. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Г. Н. Гетчинсонъ. Очерки первобытнаго міра. Пер. съ англ. З. Журавской. Съ прилож. библиогр. указателя книгъ и статей по исторіи мирозданія. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Богдановъ. Основные элементы историч. взгляда на природу. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 2 р.
- Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англии съ XIII по IX вѣкъ. Пер. съ англ. В. Каткова. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 3 р.
- В. Соловьевъ. Въ Стамбулѣ и Элладу. Казань. 1899 г.
- И. Стешенко. Хуторни сонеты. Кіевъ, 1899 г. Ц. 10 к.
- D-r Hans Nirschkron. Болѣзни желудка и кишекъ. Пер. съ нѣм. Вильна. 1899 г. Ц. 50 к.
- Д-ръ Г. Нуссбаумъ. О вліяніи душевной дѣятельности на болѣзненные процессы. Пер. съ польск. д-ра Ровенталя. Вильна. 1899 г. Ц. 50 к.
- Проф. Г. Г. Байзень. Комментарій къ трагедіи Гёте «Фаустъ». Съ портр. Гёте. Пер. съ нѣм. А. Шкловскаго. Елисаветградъ. 1899 г. Ц. 75 к.
- Г. Спенсеръ. Сочиненія. Полный переводъ пров. по послѣднимъ англ. изд. Подъ общ. ред. Н. А. Рубакина. 2 т. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. по подпискѣ 7 р. за 7 т. Допускается разсрочка.
- Проф. A. Proust и проф. G. Ballet. Гигіена нейрастенника. Перев. Г. Львовича. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 1 р.
- А. Кролюницкій. Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Л. Шахрай. Краткая исторія Израиля для еврейскаго юношества. Одесса. 1899 г. Ц. 40 к.
- Его-же. Исторія Израиля для еврейскаго юношества отъ макед. владыч. до нашихъ временъ. Вып. IV и посл. Одесса. 1899 г. Ц. 70 к.
- Волостные итоги. Изданіе Екатеринославской губернской земской управы. 1899 г.
- Проф. Лампертъ. Жинянь прѣсныхъ водъ. Пер. съ нѣм. подъ редак. д-ра зоологій Н. А. Холодковскаго и кандидата ест. наукъ И. Кузнецова. Съ 12-ю табл. въ краскахъ, фотот. и мног. полтитипожками. В. III и IV. Подп. цѣна на все соч. въ 10 выпл. 6 р. Изд. Девриена. Спб. 1899 г.

- К. Каутскій. Аграрный вопросъ. Вып. II. Изд. В. Головкина «Общественные вопросы». Харьковъ. 1899 г.
- Н. Блиновъ. Ватюшка въ селѣ. Разсказъ. Вятка. 1899 г.
- Ольга Алларъ. Та самая. Разсказъ для дѣтей. М-ва. 1898 г. Ц. 40 к.
- Н. Игнатъева. Басни и притчи равныхъ странъ. Спб. «Издатель». 1899 г. Ц. 30 г.
- Изданія С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества. «Издатель». Спб. 1899 г. № 1.
- Д. Маминъ Сибирякъ. Зимовье на студеной. Ц. 5 к. № 2. Исповѣдь. Ц. 3 к. № 3. Приемышъ. Ц. 3 к. № 4. Малиновыя горы. Ц. 7 к. № 5. Савка. Ц. 5 к. № 6. Горой. Ц. 5 к. № 7. Старый воробей. Ц. 3 к. № 8. Васька Забалуй. Ц. 3 к. № 9. Постойко. Ц. 3 к. № 10. Конь «Разбойникъ». Ц. 7 к. № 11. П. Засодимскій. Отъ сохи къ ружью. Ц. 5 к. № 12. Мирское дитѣ. Ц. 4 к. № 13. Черныя вороны. Ц. 4 к. № 14. Оедька Бавлаенокъ. Ц. 10 к. № 15. Весь вѣкъ для другихъ. Ц. 3 к. № 16. Дождалась тетка Аксинья. Ц. 7 к. № 17. К. Станюковичъ. Смерть на кораблѣ. Ц. 5 к. № 18. Н. Позняковъ. На бѣдность. Ц. 3 к. № 19. Переполохъ. Ц. 5 к. № 20. Заломъ. Ц. 3. № 21. В. Немировичъ-Данченко. Забытый рудникъ. Ц. 6 к.
- Л. Штеинъ Нурокъ. Правила для бегошибочнаго выговора при чтеніи вслухъ и слухъ. Диктовки франц. яз. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Н. П. Баллинъ. О народныхъ домахъ. Харьковъ. 1899 г.
- Проспектъ кооперативнаго книжнаго магазина въ Харьковѣ.
- Поль Гиро. Частная и общественная жизнь римлянъ. Пер. съ франц. подъ ред. С. Моравскаго, Съ 107 рис. въ текстѣ. Спб. Изд. Пантелъева. 1899 г. Ц. 3 р.
- Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1898 г.
- Д-ръ Германъ Гохтъ. Руководство по клиническому изслѣдованію при помощи лучей Рентгена. Пер. подъ ред. проф. Л. Левшина. Съ 66 рис. въ текстѣ. М-ва. Изд. Мамонтова. 1899 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Гемфру Уордъ. Хельбежъ изъ Баннисуэля. Ром. въ 5 книгахъ. Пер. подъ ред. Л. Гуревичъ. Спб. Библиотека «Жизни» 1899 г. Ц. 1 руб.
- Отчетъ Московскаго общества содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій за 1898—99 г. М-ва. Статистическій сборникъ по Ярославской г. Вып. I и II. 1899 г. Ярославль.
- В. М. Соколовъ. Историческій обзоръ народнаго образованія въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губ. Тула. 1899 г.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

О политикѣ и социологіи въ современной Франціи.

По поводу изданія Bulletin du comité des travaux historiques et scientifiques. Congrès des sociétés savantes de 1898. Section des sciences économiques et sociales.

I.

Предъ нами одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ, какія только вышли за послѣднее время во Франціи. Впечатлѣніе на первый взглядъ неожиданное: книга—официальное изданіе министерства народнаго просвѣщенія, сборникъ ученыхъ докладовъ, прочитанныхъ на сѣздѣ специалистовъ. Правда, это специалисты по исторіи, социологіи и политической экономіи—наукамъ, по существу, жизненнымъ и даже практическимъ. Но вѣдь извѣстно,—идеаломъ весьма многихъ «специалистовъ» считается такъ называемая чистая наука, т. е. совершенно неприкосновенная интересамъ дня и даже времени, парящая на высотѣ сверхчеловѣческаго безстрастія. Претензіи эти въ области общественныхъ знаній естественно остаются неосуществимыми, и чистая ученость является только новымъ видомъ лицемерія или шарлатанства. Но и такая совершенно неотразимая судьба не мѣшаетъ время отъ времени раздаваться напыщеннымъ декламаціямъ изъ какого-нибудь педагогическаго закоулка и призывать историковъ и социологовъ къ ролямъ анатомовъ и физиологовъ.

Во Франціи подобное самообольщеніе также нерѣдко находило своихъ жертвъ. Извѣстно, что именно въ этой странѣ возникла идея объ исторіи какъ *соціальной физикѣ* и о политикѣ, какъ точной наукѣ, съ собственными чуть не математическими формулами и рѣшеніями. Такъ мечталъ еще Кондорсе, одинъ изъ самыхъ страстныхъ и, слѣдовательно, менѣе всего научныхъ пророковъ совсѣмъ не научнаго восемнадцатаго вѣка. Мечты, слѣдовательно, на первыхъ же порахъ сталкивались съ непримиримымъ противорѣчьемъ, и ему не суждено было исчезнуть до нашихъ дней.

Ни одна историческая и философская литература не создала столько математически стройныхъ теорій, не установила столько логическихъ принциповъ государственнаго порядка, сколько французская, и ни въ одной странѣ, кромѣ Франціи, съ такой стремительностью чистыя теоріи не вносились въ жизнь, какъ силы разрушительныя и созидательныя. Всѣ многочисленныя французскія конституціи можно свести къ нѣсколькимъ отвлеченнымъ формуламъ, добытымъ не историческимъ опытомъ, а логическимъ

разсудкомъ. И эти формулы становились выше всякаго опыта, осуществлялись часто съ фанатической послѣдовательностью, подчиняли своей власти самыя почвенныя преданія и священныя завѣты. Естественно, французскіе историки должны на всякую теорію смотрѣть, какъ на исполнѣ жизненный процесъ, равносильный какимъ угодно повелительнымъ фактамъ. Отсюда—неуклонное стремленіе французской науки пользоваться культурными идеями и философскими выводами, какъ творческими силами для современной дѣйствительности. При такомъ настроеніи ученаго, его изслѣдованіе неминуемо должно принять характеръ политическаго трактата или даже публицистической рѣчи, а ученое засѣданіе—уподобиться своего рода парламенту.

Одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ примѣровъ, предъ нами.

«Отдѣлъ экономическихъ и социальныхъ наукъ» представилъ множество работъ въ высшей степени разнообразнаго содержанія, но среди нихъ можно насчитать не больше трехъ, къ которымъ большая, просвѣщенная публика могла бы отнести сравнительно равнодушно. Да и здѣсь встрѣчаются темы, явно подсказанныя живымъ политическимъ интересомъ, напримѣръ, докладъ о первыхъ кооперативныхъ ассоціаціяхъ въ греціи конца XVIII-го вѣка. Сравнительное равнодушіе къ подобному докладу можетъ быть оправдано развѣ только крайней ограниченностью сцены, гдѣ совершались изучаемыя явленія,—отнюдь не самыми явленіями, выбранными для изученія. Но и такія задачи—исключеніе. Весь официальный сборникъ наполненъ статьями и дебатами, способными составить украшеніе самаго живого политическаго органа.

Рабочему вопросу ученый съѣздъ вообще удѣлилъ очень много вниманія, не отступая передъ основательнымъ обсужденіемъ даже второстепенныхъ задачъ, напримѣръ, о водвореніи на родину поденщиковъ и слугъ, переселяющихся изъ деревень въ столицу и не находящихъ здѣсь достаточнаго заработка. Докладчикъ объяснилъ, что уже въ теченіе тридцати лѣтъ въ Парижѣ возникаютъ особыя «землячества», занимающіяся судьбой пришлыхъ рабочихъ. Нѣкоторыя имѣютъ свои отдѣленія въ провинціяхъ, напримѣръ, землячество, во главѣ котораго стоитъ извѣстный изслѣдователь рабочаго вопроса—Левассеръ, предсѣдательствовавшій на конгрессѣ, въ отдѣлѣ экономическихъ и социальныхъ знаній. Въ томъ же засѣданіи былъ прочитанъ докладъ объ экономическихъ условіяхъ, регулирующихъ заработную плату, и вообще почти вся политическая экономія на съѣздѣ была посвящена пролетариату. Но ни одинъ докладчикъ не представилъ на этотъ разъ ученой работы общаго, широкаго содержанія: пренія все время оставались въ предѣлахъ частныхъ явленій социальнаго быта рабочаго класса.

Другой характеръ нашли доклады, и особенно обсужденіе ихъ въ области политики и социологіи. Здѣсь предъ нами цѣлый рядъ существенныхъ фактовъ, ярко и оригинально освѣщенныхъ. Они должны войти положительнымъ капиталомъ въ политику и социологію нашего времени. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ, чтобы въ новѣйшей французской литературѣ первостепенные вопросы современной демократіи были поставлены такъ ясно и разуръшены такъ безпристрастно, какъ это сдѣлано профессоромъ Бри, по самому простому поводу.

Профессоръ взялъ своей темой *Вліяніе общественнаго договора*

Руссо. Тема до послѣдней степени разработанная, можно сказать, ученическая, но ученый докладчикъ лишній разъ оправдалъ право, что интересъ и значительность бесѣды зависитъ не столько отъ темы, сколько отъ таланта и въдумчивости изслѣдователя.

Общественный договоръ Руссо,—произведеніе, повидимому, въ высшей степени ясное и общедоступное. Современники революціи рассказываютъ, что выдержки изъ трактата цитировались самыми заурядными ораторами и въ Парижѣ, и въ провинціяхъ. И дѣйствительно, изъ книги можно извлечь не мало изреченій—поразительныхъ по своей энергіи и простотѣ. Достаточно умѣть читать по-французски, чтобы проникнуться политическими идеалами женеваго философа.

Что, на примѣръ, можетъ быть проще идеи *народнаго самодержавія*? И за нес схватились страстно и слѣпо народные вожди революціи. Стремленіе столь естественное послѣ вопіющаго безправія старой монархіи! И цѣль такая законная и убѣдительная: самъ народъ долженъ управлять страной и располагать своимъ благополучіемъ. Однимъ словомъ теорія, повидимому, справедливая, нравственная и политически-мудрая.

И до сихъ поръ не мало читателей и даже ученыхъ толкователей, искренне считающихъ Руссо творцомъ демократическаго принципа, въ его чистой, культурной формѣ. На самомъ дѣлѣ—Руссо съ полнымъ правомъ можно считать аристократомъ и создателемъ не демократической свободы, а единоличнаго деспотизма. Эта истина остается тайной только для тѣхъ, кто политическія разсужденія читаетъ все равно какъ романы и поэмы, останавливаясь на самыхъ эффектныхъ и художественныхъ частностяхъ и привязывая къ нимъ свое общее впечатлѣніе. У Руссо, дѣйствительно, безпрестанно повторяется слово *народъ*, весьма часто восхваляются его духовныя совершенства, и въ результатъ тотъ же народъ является государемъ и правителемъ, безусловно неограниченнымъ и самодержавнымъ.

Этого мало. Чтобы окончательно загнипотизировать своихъ романтически-настроенныхъ читателей, философъ украшаетъ народную власть совершенно идеальными свойствами. Она, эта власть—«всегда постоянна, неизмѣнна и чиста, вѣчно справедлива, независима отъ чьей бы то ни было личной воли».

Таковъ идеалъ великой теоріи,—переведите его на практическій и общечеловѣческій языки,—и вы, вмѣсто свободы и демократіи, получите нѣчто чудовищное, получите деспота со властью *философски* обоснованной и *этически* развитой, слѣдовательно,—законной и неотразимой.

И это превращеніе—не фокусъ, любопытный только въ отвлеченномъ разсужденіи, это самая могучая, богѣзненная традиція современной Франціи. И теперь въ печати и въ парламентѣ существуетъ чрезвычайно шумная и дѣятельная партія такъ называемой *плебисцитарной республики*. Въ теченіе послѣдняго времени партія развивается въ высшей степени горячую дѣятельность. Митинги чередуются съ газетными статьями, направленными противъ современнаго парламентаризма—во имя «единственной истинно-народной республики»,—т. е. прежде всего во имя выбора президента прямой подачей голосовъ. Это одна программа *пересмотра конституціи*. Другая—родственная ей, хотя и заключаетъ

нѣкоторые противорѣчивые пункты: именно совершенное упраздненіе президентской власти и сената, учрежденіе одной палаты—облеченной законодательной и исполнительной властью, непрерывное функционированіе этого всемогущаго представительства, низведеніе министровъ до уровня простыхъ слугъ собранія, точнѣе его рабовъ, служителей на посылкахъ. Это также—истинно народная республика, и обѣ эти формы—законныя дѣтища политической мудрости Руссо, потому что обѣ онѣ должны осуществлять идею народнаго самодержавія.

Такъ именно убѣждены пламенный патриотъ Деруледъ, «непримиримый» Рошфоръ и самые громогласные представители французской національной чести и военной доблести. Деруледъ, мѣсяцъ тому назадъ, на многолюдномъ митингѣ въ Парижѣ взывалъ: «Францію хотятъ погубить, ее надо спасать,—и истинный народъ (le vrai peuple) выполнить эту задачу». Послѣ рѣчи митингъ, въ количествѣ пяти тысячъ парижскихъ патриотовъ, принялъ такую резолюцію: «республиканская партія, стремящаяся уничтожить самодержавіе парламента и возстановить сомодержавіе народа, принимаетъ наименованіе республиканской плебисцитарной партіи. Республиканская плебисцитарная партія считаетъ своимъ принципомъ—избраніе или переизбраніе президента непосредственно народомъ и для народа».

Эта резолюція увѣначала, между прочимъ, возгласомъ: «да здравствуетъ національное самодержавіе!»

Понимали ли эти пять тысячъ патриотовъ смыслъ своихъ постановленій и возгласовъ? На слѣдующій день послѣ митинга ихъ постарался вразумить извѣстный бонапартистскій депутатъ и журналистъ—Кассаньякъ. Онъ откровенно заявилъ, что плебисцитарная республика не что иное какъ военная диктатура или имперія. И это поученіе настолько же искренне, насколько и справедливо.

А между тѣмъ оказывается, спустя почти полтараста лѣтъ послѣ Руссо, все еще можно смѣшивать самодержавіе народа, т. е., по его толкованію, непосредственное участіе народа въ управленіи государствомъ,—съ республиканской свободой. И этому смѣшенію не предвидится конца: до такой степени оно укоренилось въ сознаніи французовъ со временъ великой революціи.

Разсчитывалъ ли самъ Руссо на такой результатъ своей идеи?

Философъ, увлеченный призракомъ самодержавнаго народа, узаконилъ неограниченное всемогущество государства, т. е. совершенно уничтожилъ личную свободу, вообще право личности. Государство, воплощающее самодержавный народъ, по мнѣнію Руссо, всегда непогрѣшимо и не нуждается ни въ какихъ гарантіяхъ относительно своихъ подданныхъ, потому что его дѣйствія всегда законны.

Но дальше слѣдуетъ вопросъ, какъ же эти дѣйствія возможны, если государство состоитъ изъ многомилліоннаго народа?

У Руссо имѣется вполне опредѣленный отвѣтъ: правительство должно быть тѣмъ сконцентрированнѣе, чѣмъ обширнѣе государство. Правительство, разумѣется, создается самодержавнымъ народомъ и имъ же можетъ быть уничтожено,—но въдѣ и то, и другое легко только на словахъ, особенно устраненіе разъ созданной власти. Оно невозбранно воспринимаетъ на себя самодержавіе

своего неуволимаго творца и повелителя, т.-е. просто представляет всемогущій народъ.

Такъ это и совершалось во Франціи неоднократно, могло бы совершиться и въ наши дни, если бы партія плебисцитарной республики добилась осуществленія своей программы.

Самодержавный французскій народъ безпрестанно воплощался то въ комитетъ общественнаго спасенія, то въ какомъ-нибудь революціонномъ временномъ правительствѣ, то просто въ якобинскомъ клубѣ, то, наконецъ, въ лицѣ диктатора гражданскаго вѣдомства, вродѣ Робеспьера, или диктатора—генерала. Городъ Парижъ, т. е. городская дума, всегда была на пути къ самодержавію на основаніи политики Руссо. Въ революціи сорокъ восьмого года Парижъ объявлялъ себя «представителемъ всего населенія Франціи», и грозилъ защищать его интересы въ случаѣ, если «разрозненные массы народа поддадутся обману». Истину и ложь, конечно, оцѣнивали тѣ же лица, говорившія именемъ Парижа и всей націи. Другой вопросъ, насколько была вѣрна эта оцѣнка,—для насъ важно видѣть, какъ легко на практикѣ самодержавный народъ сокращается до небольшой кучки энергическихъ политиковъ.

Припомните теперь полномочія, какими облакаетъ Руссо своего государя,—и вы получите до послѣдней черты политическіе принципы якобинцевъ и вполнѣдствіи Бонапарта. «Нація все въ правѣ дѣлать у себя въ странѣ; то, чего желаетъ большинство,—справедливо, меньшинство всегда виновато, даже если бы нравственно оно и было право».

Какихъ насилій нельзя оправдать подобной формулой? И замѣчательно, что именно идеями Руссо очень часто французскіе государственные люди пытались оправдать мѣры явнаго произвола. Всякій разъ, когда рѣчь шла о какомъ-нибудь новомъ исключительномъ законѣ, народные министры спѣшили сослаться на общепризнаннаго законодателя революціи. Руссо допускалъ въ извѣстныхъ случаяхъ диктатуру даже единоличную, какъ это было въ древнемъ Римѣ для того, чтобы сконцентрировать силы государства противъ опасности.

Легко представить, какъ легко пользоваться подобнымъ принципомъ ловкимъ политикамъ въ нужныхъ обстоятельствахъ и легко именно потому, что можно прикрыться великимъ радикальнымъ авторитетомъ.

И Руссо несомнѣнно радикаленъ. Никто изъ его современниковъ не отличался такой смѣлостью отвлеченныхъ построеній, такой неустрашимостью выводовъ, такой отвагой натиска не только на извѣстныя формы общечитія, а даже на самую челоувѣческую природу. И вотъ эта именно стремительность Руссо смотрѣть на челоувѣческую личность, какъ на математическую единицу, т.-е. полное отсутствіе психологіи, отнимаетъ у него всякое право считаться политикомъ.

II.

Какъ политическій мыслитель Руссо не понималъ ни личности, ни толпы, точнѣе—не желалъ даже и мыслить о нихъ, какъ о живыхъ и историческихъ явленіяхъ. Задача, при такихъ усло-

віяхъ, упрощалась до послѣдней степени, но рѣшеніе получалось вполнѣ противоестественное. При общей политической незрѣлости французской націи во время первой революціи—Руссо былъ самымъ подходящимъ учителемъ по простотѣ и ясности своей политики. Но и позже эта нація не успѣла накопить достаточно государственнаго ума и опытности, чтобы порвать съ злополучными завѣтами.

Въ первой четверти нашего столѣтія одинъ изъ самыхъ блестящихъ парламентскихъ ораторовъ и журналистовъ Франціи, Бенжамэнъ Констанъ, горько укорялъ своихъ соотечественниковъ въ неизлѣчимой близорукости относительно политическаго идеализма Руссо. «Всякій разъ, говорилъ Констанъ, когда желаютъ провести законъ противъ свободы, опираются на авторитетъ Руссо. Я заявляю, что Руссо, высказавшій не мало свободныхъ идей, являлся въ то же время руководителемъ тѣхъ, кто желалъ установить деспотизмъ... Не слѣдуетъ довѣряться мнѣніямъ пылкаго, но непросвѣщеннаго друга свободы, жившаго въ эпоху, когда еще не существовало истинной свободы. Не слѣдуетъ его считать образцомъ для тѣхъ людей, которые приобрѣли право судить о свободѣ цѣной тридцатилѣтнихъ тяжелыхъ испытаній».

Но этого мало. Констанъ не сказалъ самаго главнаго. Понятія Руссо о свободѣ были воспитаны швейцарской средой, т. е. женевскими республиканскими законами и преданіями. Философъ все время думалъ о своей Женевѣ, составляя свой *Общественный договоръ*, т. е. по образцу небольшого скромнаго города мечталъ построить идеальное государство. Руссо питалъ восторженное чувство къ провинціальнымъ порядкамъ и всему строю жизни швейцарской протестантской общины. Во имя этихъ порядковъ онъ, напримѣръ, страстно напалъ на тлетворное вліяніе театра и драматической литературы. Ради патріархальныхъ нравовъ сектантскаго захолустья онъ готовъ былъ произнести смертный приговоръ всякому новому культурному движенію и виновниковъ этого движенія осудить, какъ враговъ первобытной простоты и нравственности. Пока такая проповѣдь не выходила изъ предѣловъ личной морали, она имѣла извѣстный положительный смыслъ для парижскаго общества восемнадцатаго вѣка, но женевская политика, рассчитанная на городское самоуправленіе, менѣе всего могла служить основой какому бы то ни было государственному строю. А ею то именно и вдохновился философъ, пользуясь еще притомъ наиболѣе древними постановленіями, приближая свое идеальное государство къ швейцарскому быту XIV и XV-го вѣковъ.

Легко представить, какіе практическіе результаты могли получиться послѣ подобнаго—гораздо болѣе романтическаго, чѣмъ философскаго упражненія ума! Если бы Франція мгновенно могла распасться на сотни самостоятельныхъ республикъ, покоящихъ безслѣдно съ своей исконной національной централизацией, тогда каждая республика, можетъ быть, кое чѣмъ и воспользовалась бы изъ предписаній Руссо, воспроизвела бы на французской почвѣ нѣчто похожее на швейцарскій кантонъ или женевскую городскую общину. Но пока миллионы французовъ, населявшіе страну, могли представить только одно нераздѣльное правительство—въ столицѣ, до тѣхъ поръ идеи Руссо могли быть осуществимы только

или комитетомъ общественной безопасности, или диктаторомъ, что по существу одно и то же.

Мы видимъ, на какомъ элементарномъ, истинно-школьническомъ недоразумѣніи выросло сооруженіе Руссо. Онъ вообразилъ только, что человѣческая личность всюду лождественна, что вѣка исторической жизни, вѣка естественныхъ и культурныхъ вліяній—ничто передъ всемогущимъ словомъ законодателя, что женеvскую хартію XIV-го вѣка можно приспособить къ какому угодно народу и времени. Политика путемъ одной лишь математики, безъ всякаго вѣшатательства психологіи: такова тайна простоты, стройности и поразительной популярности идей Руссо. Все это—на сколько вопросъ касается личности.

Едва ли не гибельнѣе заблужденія философа касательно толпы, массы, —силы, еще болѣе существенной въ государственной жизни, чѣмъ личность. Здѣсь Руссо до конца не могъ выбиться изъ противорѣчій. Съ одной стороны, какъ прирожденный врагъ всего привилегированнаго, какъ авторъ идеи народнаго самодержавія, онъ долженъ видѣть въ народѣ идеалъ политическихъ добродѣтелей. И дѣйствительно, позднѣйшіе пламенные демократы у Руссо могли въ изобиліи черпать самыя смѣлыя словословія въ честь народа. Онъ—неподкупенъ, неизмѣнно справедливъ, недоступенъ никакой нравственной порчѣ.

Женеvскій гражданинъ именно на этихъ данныхъ основывалъ свое представленіе о недѣлимой и непогрѣшимой народной волѣ. Это—одно понятіе нашего политика о народѣ. Другое—совершенно обратное,—и здѣсь сказывается исконная черта всѣхъ романтическихъ мечтателей —наклонность къ аристократическому героизму.

Въ томъ же *Общественномъ договорѣ*, гдѣ народная воля возводится въ религіозный догматъ, нарисованъ величественный демоническій образъ законодателя, сверхъестественной силой увлекающаго гражданъ будущаго государства. Это отнюдь не демократическая идея, это больше, чѣмъ плебисцитарный диктаторъ, это—папа, облеченный двумя властями.

Идея у Руссо—не случайная. Она вызвана прирожденными аристократическими наклонностями философа. На его языкѣ, помимо громкозвучающаго слова *народъ*, *le peuple*—имѣются менѣе почтенныя выраженія—*толпа* и даже *чернь*—*la multitude*, *la populace*. Эти выраженія якобинцы несомнѣнно признали бы аристократическими и автора ихъ *подозрительнымъ*, т. е. достойнымъ гильотины. И Руссо представилъ бы не мало весьма краснорѣчивыхъ данныхъ въ этомъ направленіи. Что сказалъ бы Робеспьеръ, когда его учитель сталъ бы объяснять, что «взбунтовавшаяся чернь» въ порывѣ ослѣпленія можетъ казнить невиннаго, что народъ, впавшій въ анархію, можетъ подчиниться *соблазнителю* и до послѣдней степени «отягчить свои дѣла?» Развѣ не пришлось бы Робеспьеру въ этой черни узнать уличныя шайки Парижа, а въ соблазнителѣ самого себя?

И все-таки Робеспьеръ искренно убѣжденъ, что осуществляетъ предписанія автора *Общественнаго договора*, казня аристократовъ и безбожниковъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что самъ Руссо почувствовалъ бы невыразимое отвращеніе предъ подобной практикой своего ученія,—и все-таки онъ высказалъ принципы, какими могъ воспользоваться деспотъ и террористъ.

Такъ жалка бываетъ участь человѣческой воли и такъ немощна человѣческая мысль даже не въ порывѣ временнаго увлеченія, а десятилѣтними, почти вѣками, пока многочисленныя тяжелыя опыты не изгнѣчаютъ загнипнотизированнаго ума цѣлыхъ поколѣній! Много глѣтъ назадъ Прудонъ произнесъ, казалось бы, смертный приговоръ надъ трактатомъ Руссо. Никто строгаго судью не залодозрить въ реакціонныхъ недоразумѣніяхъ или въ непониманіи предмета, но многіе ли даже поклонники прудоновскаго ума и политическаго направленія осмѣлятся раздѣлить слѣдующій взглядъ на государственную мудрость Руссо?

«Къ стыду XVIII вѣка,—говоритъ Прудонъ,—*Общественный договоръ* Руссо—образцовое произведеніе ораторскаго жонглёрства, вызывалъ восторгъ, превозносился до небесъ, считался уложеніемъ общественныхъ вольностей. Члены учредительнаго собранія, жирондисты, якобинцы, кордельеры считали его оракуломъ, и даже въ настоящее время этой книгой вдохновляются самыя усердныя преобразователи политической и социальной науки. Но всякое заблужденіе общественной совѣсти влечетъ за собой кару. Слова Руссо стѣмили Франціи больше золота, больше крови, больше позора, чѣмъ возмутительное царствованіе придворныхъ Людовика XV. Наше отечество, всегда терпѣвшее отъ иноземныхъ вліяній, обязано Руссо кровавыми междоусобицами и разочарованіями 1793 года».

Это очень рѣзко. Не надо забывать, что фантастическое упражненіе Руссо не возымѣло бы ни малѣйшаго жизненнаго вліянія, если бы Людовики не оставили концу восемнадцатаго вѣка общества и націи, совершенно безпомощныхъ въ рѣшеніи насущныхъ политическихъ вопросовъ, съ полнымъ отсутствіемъ политическаго опыта и, слѣдовательно, доступныхъ очарованію какой угодно теоріи. Но это соображеніе только объясняетъ фактъ и нисколько, разумѣется, не оправдываетъ Руссо: судъ Прудона по существу справедливъ.

Но этого мало,—онъ настоятельно необходимъ даже въ наши дни, и французскій ученый понялъ именно современное значеніе своей темы. Намъ, иностранцамъ, трудно представить, до какой степени французы—эти прославленные революціонеры и нововодители—крѣпко держатся старыхъ національныхъ теоретическихъ формулъ. Примѣровъ можно набрать сколько угодно во всякій болѣе или менѣе горячій моментъ политической борьбы, хотя бы, наприимѣръ, въ самый послѣдній.

Въ то время, какъ «націоналисты» будто безсознательно кричать о плебисцитарной республикѣ и снова выдвигаютъ на сцену идею самодержавія народа *противъ* самодержавія парламента,—въ это самое время газеты безпрестанно печатаютъ пароли и лозунги борьбы, именуя ихъ *mots de combat*. Что же это за *военные кличи*? Ничто иное, какъ выдержки изъ сочиненій Руссо и Монтескье.

Вотъ, наприимѣръ, изреченіе изъ *Духа законовъ*, въ высшей степени краснорѣчивое, когда вопросъ идетъ о борьбѣ арміи съ гражданскимъ строемъ государства. «Когда арміей управляетъ законодательный корпусъ и частныя обстоятельства мѣшаютъ правительству сдѣлаться военнымъ, необходимо одно изъ двухъ: или, чтобы армія уничтожила правительство, или, чтобы правительство ослабило армію».

А вотъ другая истина, высказанная Руссо:

«Нѣкоторые считаютъ себя невинными только потому, что сумѣли скоронить концы».

И такъ безъ конца. Современная печать ведетъ партійную борьбу аксіомами изъ трактатовъ XVIII вѣка, все равно какъ министръ реставраціи старался исключительный законъ провести съ помощью авторитета Руссо. Въ высшей степени любопытная черта! Слова Константа прозвучали въ пустынь, гнѣвъ Прудона вспыхнулъ и погасъ безъ отвѣта, даже уроки исторіи пропали безслѣдно, такъ прочны теоретическіе авторитеты тамъ, гдѣ, повидимому, съ такой легкостью мѣняются правительства.

Кассаньякъ, откровенный бонапартистъ, говоритъ Деруледу: вы смѣшны въ своей наивности, добываясь замѣны одной республики другою при помощи военной силы, т. е. генерала. Но вѣдь реакціи никогда не происходятъ вполонину. И какой же глупый генераль очиститъ Елисейскій дворець отъ президента и Бурбонскій отъ депутатовъ только затѣмъ, чтобы дать мѣсто другимъ хозяевамъ? Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ самолично позаботится занять хозяйское мѣсто и не станетъ справляться, что патріоты совсѣмъ другое понимали подъ именемъ плебисцитарной республики.

Даже бонапартистъ оказывается мудрымъ политикомъ! Но несравненно болѣе авторитетные голоса не сумѣли выльчить французскихъ политиковъ отъ вѣкового недуга. Профессоръ Бри явно направлялъ свою рѣчь противъ этого именно недуга. Какъ почти всѣ ученые и вообще *intellectuels* современной Франціи, онъ противникъ демократіи, и умѣетъ ловко пользоваться своимъ чувствомъ и своими обширными свѣдѣніями въ старыхъ и новыхъ политическихъ теоріяхъ. Въ одномъ мѣстѣ доклада онъ дѣлаетъ эффектное сопоставленіе статьи новѣйшей демократической газеты съ выраженіями Руссо въ *Общественномъ договорѣ*: идеи оказываются тождественныя и одинаково неслѣсны для демократическаго принципа.

Газета писала слѣдующее съ поразительной откровенностью мысли и рѣзкостью тона: «количество—высшій законъ демократіи, законъ неумолимый, законъ страшный, иногда роковой, но законъ основной, котораго невозможно поколебать. Законъ-количество можетъ имѣть иногда послѣдствія неразумныя и удручающія. Масса склонна увлекаться, отдаваться необдуманнѣйшимъ дѣйствіямъ. Она, подобно безумному или ребенку, можетъ ранить себя собственными руками, она можетъ даже попасть въ пропасть, которую сама же вырыла. Но что дѣлать? Количество—все: оно—нашъ судья, нашъ принципъ, нашъ законъ. Оно всегда право. Нѣтъ власти противъ него. Оно нашъ всеобщій богъ, богъ вѣчно справедливый, вѣчно совершенный. Во многихъ случаяхъ это становится негѣпостью, но въ этой негѣпости—наша сила».

Мы знаемъ, Руссо также иногда высказывалъ отчаянныя сужденія о толпѣ, обвинялъ ее въ слѣпотѣ; однажды даже рѣшился высказать, будто толпа рѣдко понимаетъ, что такое благо.

И все это не помѣшало Руссо провозгласить ту же массу верховнымъ государемъ, также всегда справедливымъ и законнымъ. Спустя больше чѣмъ столѣтіе идея осталась такой же свѣжей и вопля въ завѣты національной французской политики.

Теперь спросите у всякаго, кто лишенъ способности доходить до такихъ логическихъ геркулесовыхъ столбовъ, захочетъ ли онъ быть подданнымъ подобной демократіи? Она— по необходимости и весьма часто—*нелпа* и въ то же время по существу права и по власти всемогуща... Возможно ли помирить всѣ эти истины, одинаково непогрѣшимыя для послѣдователей Руссо? Мыслимо ли допустить, чтобы *количество* всегда составляло силу и представляло право? Нѣтъ нужды и оснований защищать *качество* столь же случайное, какимъ случайно бываетъ количество. Но значить ли это, что единственный выходъ—всякое качество приносить въ жертву количеству? И развѣ это дѣйствительно политическій принципъ и соотвѣтствуетъ демократическому идеалу?

Отнюдь нѣтъ. Толпу нельзя отождествлять съ народомъ, какой угодно многочисленный миттингъ съ націей. Это было возможно въ какой-нибудь древней республикѣ, гдѣ городская площадь дѣйствительно могла вмѣстить весь правоспособный народъ; въ новомъ государствѣ всякое количество въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ будетъ выражать только *свои* настроенія, и они могутъ совершенно не соотвѣтствовать національнымъ, самое большее—они будутъ выражать образъ мыслей извѣстной округи, можетъ быть, одного какого-либо сословія данного города или мѣстности, вообще, это будутъ рѣшенія *частныя*, слѣдовательно, не государственныя и не политическія. При такихъ условіяхъ демократія никогда не осуществитъ своего культурнаго назначенія и создастъ общественный строй даже менѣе удовлетворительный и справедливый, чѣмъ при другихъ формахъ правленія. Воля націи разобьется на множество отдѣльныхъ, даже противоположныхъ, постановленій многочисленныхъ организованныхъ или неорганизованныхъ массъ, и государство впадетъ въ анархію, если не явится сильная, по необходимости, деспотическая рука, способная плебисцитомъ подмѣнить мнимую самодержавную волю народа.

Но именно плебесцитъ меньше всего народная воля. Здѣсь рѣшеніе опредѣлено заравѣе и оно *внушаетъ* народу свыше и извнѣ, вопросъ идетъ только о *количествѣ* голосовъ, даже не принявшихъ внушенія, а лишь присутствовавшихъ при провозглашеніи высшей воли. И вотъ такая-то демократія до сихъ поръ считается идеальной государственной формой у наслѣдниковъ восемьдесятъ девятого года!

Въ дѣйствительности политическое значеніе демократіи должно быть совершенно другое, не имѣть ничего общаго съ *охлакратіей*, т. е. съ властью толпы и преобладаніемъ количества. Истинная демократія и есть въ сущности господство аристократіи т. е. избранныхъ умовъ и талантовъ. Политическій смыслъ ея заключается какъ разъ въ торжествѣ *качества*, такъ какъ она признаетъ преимущества только за неоспоримыми личными достоинствами. Не будь этой основы демократическаго строя, онъ не заслуживалъ бы такой упорной вѣковой борьбы, какую выдержала по пути къ нему западная Европа. И представить, что результатъ этой борьбы негѣпное, слѣпое самовластіе арифметическаго числа, преобладаніе сборища невѣжественныхъ, случайныхъ политиковъ надъ идеями какого угодно мудреца или отборнѣйшаго меньшинства по разуму и опыту! Это и будетъ чистѣйшій

деспотизмъ, потому что деспотическая власть является какъ разъ представительницей стаднаго *количества*, основывается на «увлеченной и неосмысленно дѣйствующей массѣ».

Самыя простыя справки съ историческими фактами могутъ съ полной ясностью подтвердить эти истины. Но онѣ не существуютъ для французскихъ демократовъ, воспитавшихся на *Общественномъ договорѣ*, и трудно вообразить болѣе опаснаго врага для политическаго прогресса, чѣмъ подобные слѣдпорожденные друзья «народнаго самодержавія».

Демократія по самой своей сущности подлежитъ необходимому неограниченному культурному развитію. Въ настоящее время еще ни одно европейское государство не обладаетъ дѣйствительно политической демократіей и не будетъ обладать ею до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не останется ни одного гражданина, не освѣдомленнаго одинаково основательно въ общихъ и частныхъ вопросахъ отечественной политики и неспособнаго, слѣдовательно, дѣйствовать безотчетно, въ качествѣ простой математической единицы.

Легко представить, какъ отдаленно и трудно достижима эпоха такого всенароднаго политическаго развитія. Но она рано или поздно должна настать, и первымъ шагомъ къ ней было открытіе свободныхъ путей образованія и общественной дѣятельности для всѣхъ силъ и талантовъ, безъ различія происхожденія и состоянія.

Французскіе демократы не знаютъ и даже не могутъ представить этой перспективы. Для нихъ демократическая политика осуществляется въ самомъ фактѣ всеобщей подачи голосовъ, въ приравненіи всѣхъ гражданъ, какъ избирателей и какъ законодателей, къ одному уровню гражданина, удовлетворяющаго извѣстнымъ юридическимъ условіямъ для права голосованія. Здѣсь, дѣйствительно, все дѣло въ количествѣ, и многочисленныя проявленія современнаго демократическаго строя во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ характеризуютъ именно эту безусловно отрицательную основу политики. Она—не безусловная принадлежность вообще демократіи, она только спутникъ ея несовершеннаго, незаконченнаго политическаго и культурнаго развитія, и съ теченіемъ времени негѣпныя увлеченія массы, склонность народа, подобно ребенку, наносить себѣ раны собственными руками, должны исчезнуть, и въ болѣе развитой демократіи, напримеръ, англійской, эти явленія гораздо рѣже, чѣмъ на континентѣ.

Во Франціи напротивъ, готовы навсегда *узаконить* негѣпность и безуміе, навсегда помириться со всемогуществомъ *количества*, считая его *богомъ и силой*. И таково мнѣніе не одного какого-либо запальчиваго радикальнаго листка: въ этихъ идеяхъ воспитанъ французскій республиканскій политикъ, и естественно его демократія пугаетъ людей болѣе разсудительныхъ и свѣдущихъ и, пожалуй, иногда можетъ невольно подсказать мысль о «новомъ варварствѣ»—мысль, столь художественно развитую Ренаномъ. Другого вывода невозможно сдѣлать изъ выше приведенныхъ разсужденій демократической газеты. Власть *количества* какъ такового, безотностительно къ качеству единицы, несомнѣнно власть страшная, некультурная и, слѣдовательно, враждебная или, по крайней мѣрѣ, равнодушная къ культурѣ.

Очевидно, понятія о демократіи должны быть измѣнены въ корнѣ и совершенно оторваны отъ вѣковой теоретической почвы, созданной политическими разсужденіями Руссо. Мы видѣли—у самого философа мелькали искры истины, въ тѣ минуты, когда онъ совершенно безнадежно судилъ о толпѣ, даже болѣе жестоко, чѣмъ она заслуживаетъ. Но эти сужденіе у женевского гражданина были скорѣе плодомъ его нравственнаго пессимистическаго настроенія, чѣмъ политической вдумчивости. Иначе онъ позаботился бы провести мрачныя изліянія въ согласіе съ своими принципами и внесъ бы поправку въ свое историческое изображеніе народа, какъ государя. Для этого надлежало быть только психологомъ и немного историкомъ. Но Руссо энергично отвергалъ самую идею прогресса, слѣдовательно, не могъ мыслить исторически, а отсутствіе психологіи въ его политикѣ являлось именно національной французской чертой, какъ бы Прудонъ ни изобличалъ Руссо въ иностранномъ происхожденіи.

Мы вышли изъ рамокъ доклада профессора Бри, но вопросъ, затронутый ученымъ, слишкомъ жизненный и объемлющій, современная французская практика слишкомъ тѣсно связана съ нимъ, и это должно оправдать наше отступленіе.

Непосредственно послѣ доклада о Руссо,—началось продолжительное и въ высшей степени оживленное обсужденіе еще болѣе сложнаго вопроса *Объ отношеніяхъ психологіи и социологіи.*

III.

Первымъ ораторомъ выступилъ Тардъ, членъ Парижскаго социологическаго общества, имя, довольно извѣстное у насъ,—но, какъ весьма многія заграничныя знаменитости, стяжавшее въ нашемъ отечествѣ совершенно незаслуженную славу. Такова ужъ участь русскаго интеллигента, и особенно *пишущаго*, выбивающагося изъ силъ вкусить самаго свѣжаго и легкаго европейскаго просвѣщенія! Самостоятельная умственная провѣрочная и критическая работа—задача слишкомъ тяжелая, и при извѣстной публикѣ даже неблагоприятная; гораздо проще нажать себѣ научный капиталъ по газетнымъ рецензіямъ и журнальнымъ статейкамъ и переводамъ, и ужъ потомъ—съ неотразимымъ авторитетомъ—выкрикивать славу того или другого интереснаго незнакомца и съ безавѣтной отвагой и самодовольствіемъ дикаря, выучившагося «образованнымъ» словамъ, защищать его честь—все на основаніи тѣхъ же источниковъ изъ библиографическихъ замѣтокъ, разныхъ разностей, «серьезныхъ» приложений далеко не всегда грамотныхъ переводовъ.

Такимъ путемъ и Тардъ попалъ у насъ въ большія фигуры. На конгрессѣ эта фигура оказалась довольно жалкой,—и вполне справедливо.

Удивительный социологъ въ концѣ XIX-го вѣка выступилъ съ ученой новостью, опровергнутой по крайвей мѣрѣ семьдесятъ лѣтъ назадъ. Къ сожалѣнію, противники Тарда не вспомнили столь давняго происхожденія своихъ возраженій,—впечатлѣніе получилось бы еще болѣе внушительное.

Тардъ чрезвычайно горячо вздумалъ доказывать, что никакой такъ называемой *коллективной психологіи* и *соціальной со-*

знанія, какъ явленій отличныхъ отъ индивидуальной психологіи— не существуетъ, что только индивидуальное сознание—*реально*, а другое я, я толпы и массы—«химера». Соціологія, по этому толкованію—ничто иное какъ наука о личной психологіи въ ея видоизмѣненіяхъ и проявленіяхъ при взаимномъ столкновеніи личностей: «соціологія,—объявлялъ Тардъ,—психологія личностей увеличенная, и преобразованная и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ реализованная», такъ какъ индивидуальное я, вступая въ отношенія другими такими же я,—проявляетъ черты, находившіяся раньше въ скрытомъ состояніи. И Тардъ усиливался провести параллель между всѣми социальными фактами и явленіями личнаго нравственнаго міра. Получается рядъ совершенно произвольныхъ аналогій, напоминающихъ софистическіе приемы доказательствъ средневѣковыхъ схоластиковъ,—напримѣръ, обычай—аналогичны инстинктамъ, революціи—извѣстнаго рода разстройствамъ нервныхъ центровъ, отсутствіе патриотизма—недугу, именуемому «абуліей», болѣзненнымъ безволіемъ. Въ результатѣ—соціологія—психологія, *распространенная* только въ томъ смыслѣ, что она изучаетъ идеи и чувства не одной личности, а многихъ,—предметы же и методъ изученія тождественны.

Аналогіи Тарда, какъ и большинство аналогій, рѣшительно ничего не объяснили и не доказали, наоборотъ, соціологу представили слѣдующія неопровержимыя соображенія. Всѣ онѣ были направлены на выясненіе одной и той же истины: рядомъ съ чисто психологическими явленіями существуютъ соціологическія, явленія *другого* порядка и требующія особаго метода для своего изученія, т. е. существуетъ соціологія, не какъ видоизмѣненная психологія, а какъ наука вполне самостоятельная и оригинальная.

Это очевидно изъ самаго простаго разсужденія.

Представимъ человѣка, одареннаго всѣми способностями и свойствами, подлежащими изученію психолога,—какимъ путемъ этотъ человѣкъ образовалъ бы общество вмѣстѣ съ другими, какъ изъ атомовъ возникъ бы организмъ? При единственномъ условіи,—если каждый атомъ обладаетъ особыми *социальными* способностями, когда психологическая личность въ то же время и соціологическая. Вотъ эти-то способности и ихъ развитіе и подлежатъ изученію соціолога.

На первый взглядъ это разграниченіе кажется несущественнымъ, а между тѣмъ грубѣйшія заблужденія политической мысли основаны именно на смѣшеніи индивидуальной психологіи съ соціологіей. Это также вполне очевидно.

Представьте: личность лишена социальныхъ инстинктовъ, она только индивидуальна и по природѣ не социальна; чтобы объяснить возникновеніе общества,—остается прибѣгнуть къ теоріи договора, иначе переходъ отъ атомнаго состоянія къ органическому—непонятенъ.

И дѣйствительно, всѣ сторонники общественнаго договора—крайніе индивидуалисты, т. е. имъ невѣдома *соціологическая часть* человѣческой природы. Таковъ именно Руссо!

Мы можемъ теперь опѣнить, на какомъ уровнѣ стоитъ соціологія, отождествляемая съ психологіей личности, и какая тѣсная связь между политической незрѣлостью и соціологическимъ старовѣріемъ?

Тардъ отрицалъ существованіе особой коллективной психологіи, «таинственнаго *и*, отличнаго отъ индивидуальнаго».

На это отрицаніе отвѣтили еще сенъ-симонисты и не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ новѣйшіе оппоненты Тарда. Основателямъ социологіи приходилось бороться съ очень давними философами, именно съ людьми XVIII вѣка. Уже въ началѣ нашего столѣтія велась жаркая полемика на ту самую тему, какую разбиралъ послѣдній съѣздъ французскихъ ученыхъ. Фактъ, достойный стоять рядомъ съ политикой плебисцитарныхъ республиканцевъ!

Сенъ-симонистскій журналъ *Производитель* помѣстилъ рядъ статей, объяснявшихъ предметъ и цѣли новой науки—социологіи. Прежде всего пришлось выдѣлить ее изъ круга другихъ наукъ и установить ея точку опоры. Это легко было сдѣлать, доказавъ, что рядомъ съ индивидуальнымъ человѣкомъ существуетъ социальный—*l'homme social*. У него своя психологія, свои нравственныя задачи, свои цѣли жизни. Это ясно изъ слѣдующаго наблюденія: инстинкты и способности у всѣхъ людей по существу одинаковы. Хотя могутъ быть и различны по силѣ и количеству, но социальныя организациі въ высшей степени разнообразны. Очевидно, общество не является только выраженіемъ индивидуальныхъ психическихъ задатковъ, его развитіе подчинено другимъ законамъ и никакія комбинаціи чисто индивидуальныхъ страстей, инстинктовъ и идей не объясняютъ разновидностей политическаго строя.

Надо, слѣдовательно, предположить, что не только личности воздѣйствуютъ другъ на друга, но и *организованное цѣлое* оказываетъ могущественное вліяніе на отдѣльныхъ членовъ этого цѣлаго въ высшей степени разнообразное, въ зависимости отъ мѣстностей и эпохъ. При такихъ условіяхъ изученіе психологіи личности можетъ представить только самыя общія и совершенно недостаточныя данныя для опредѣленія основъ социальной организациі. Только путемъ прямого и непосредственнаго изученія самаго общества, какъ цѣлаго, можно выяснитъ политику и нравственность данной среды, понять стадіи ея развитія и установить его цѣли.

Вообще эти цѣли не совпадаютъ съ индивидуальными, такъ же, какъ социальная психологія не совпадаетъ съ личной. Личность, взятая сама по себѣ, стремится къ самоудовлетворенію, и исключительно съ личной точки зрѣнія социальный прогрессъ долженъ бы заключаться въ накопленіи только личнаго счастья. Въ дѣйствительности, это не единственная цѣль общества и государства. Если социальное состояніе въ извѣстныхъ отношеніяхъ есть состояніе постояннаго самоудовлетворенія личностей, оно въ то же время и столь же необходимо—состояніе непрестанныхъ личныхъ жертвъ *).

Естественно, сенъ-симонисты горячо возставали противъ наклонности многихъ историковъ изучать историческаго человѣка «въ замкнутой сферѣ индивидуальности», опредѣлить на основаніи одной личной психологіи его обязанности и права,—будто онъ долженъ жить и дѣйствовать на уединенной скалѣ,—и родоначальники социологіи обращали такую рѣчь къ психологамъ-политикамъ:

*) *Le Producteur*. 1826, t. II, p. 358, 158, t. III, 132—3.

«Психологи, остерегайтесь у индивидуальной совѣсти искать принциповъ поведенія вмѣсто того, чтобы изслѣдовать совѣсть человѣческаго рода въ различныхъ фазахъ его прогрессивнаго развитія, иначе у васъ получится мораль отвлеченная и неполная. Въ ней не будутъ приняты въ расчетъ различныя необходимости, создаваемые временемъ и средой, и потому такая мораль не сумѣетъ охватить важнѣйшей основы человѣческаго существованія,—отношеній человѣка къ обществу, безпрестанно видоизмѣняющихся подъ вліяніемъ цивилизаціи *).

Буквально то же самое говорили социологи на конгрессѣ. Они только пользовались нѣкоторыми терминами, еще неупотребительными у ихъ первоучителей. Такъ вмѣсто *соціальной морали* они говорили *положительное право* и доказывали, что личная мораль основывается на психологіи, а положительное право—на социологіи, и они не совпадаютъ другъ съ другомъ, потому что у нихъ цѣли различны. Личная нравственность стремится къ совершенствованію индивидуальностей, положительное право—къ развитію соціальныхъ фактовъ, къ совершенствованію функций общественныхъ, органами которыхъ являются—церковь, государство, семья. Принципы личной нравственности можно признавать абсолютными, принципы положительнаго права всегда относительны—въ зависимости отъ соціальныхъ и культурныхъ условій,—и Кантъ, напримѣръ, признавалъ, что право неизмѣнно стремится стать нравственностью, вѣчно оставаясь лишь на пути къ ней.

Изъ всего этого очевидно, что общество представляетъ особое психологическое цѣлое, съ собственными фактами и цѣлями развитія, представляетъ фактъ вполне *реальный*, и въ противоположность утвержденіямъ Тарда,—*самостоятельный* рядомъ съ личнымъ нравственнымъ міромъ каждаго изъ своихъ членовъ. И *коллективная психологія*, слѣдовательно, не «химера», а положительное наглядное явленіе, требующее особаго и тщательнаго изученія.

До какой степени индивидуальная психологія и социальная—предметы для ученаго различныя, показываетъ простѣйшій фактъ. Для *психолога*—любопытнѣйшее и важнѣйшее явленіе нравственнаго міра—вопросъ о свободной волѣ, между тѣмъ какъ для социолога, для изслѣдователя коллективной психологіи высшій интересъ представляютъ акты *дисциплинированной воли*, дѣйствія, подчиненныя высшему соціальному принципу. Это въ жизни цѣлаго общества, въ наблюденіяхъ надъ толпой—то же самое: предъ социологомъ рядъ психологическихъ явленій, одушевленныхъ часто безотчетной страстностью, рядъ явленій, какія даже Руссо и его ученики должны признать невѣняемыми съ точки зрѣнія личнаго здраваго смысла и личнаго чувства справедливости.

Отрицать коллективную, социальную психологію, какъ самостоятельную отрасль науки о человѣческомъ духѣ, значитъ заражѣе признавать несуществующими важнѣйшія силы цивилизаціи и закрывать глаза на вопіющіе повседневныя факты, въ результатѣ—значитъ возвращаться къ наивной политической мысли прошлаго вѣка.

Тарду пришлось выслушать весьма непріятныя вещи по поводу своихъ самыхъ громкихъ открытій. Напримѣръ, извѣстно,

*) П. т. III, 330—1.

съ какимъ эффектомъ Тардъ провозгласилъ громадное социальное значеніе *подражательности*. Истина не была личнымъ открытіемъ Тарда. Его предупредилъ весьма давній и не особенно прогрессивный философъ—Малебраншъ. Выразился онъ очень просто, не помышляя ни о какихъ научныхъ принципахъ: въ нашемъ мозгу заключается естественная наклонность къ подражанію, потому что она необходима для общезитія. Чтобы люди вступили другъ съ другомъ въ какія-либо связи, необходимо, чтобы они походили другъ на друга физически и умственно.

Такъ просто разсуждалъ старый моралистъ. Новѣйшій соціологъ фанатически схватился за общеизвѣстный фактъ и создалъ изъ него «принципъ» въ высшей степени неудачно. Подражательностью Тардъ вздумалъ объяснить всѣ социальные явленія. По его мнѣнію, всякое общество существуетъ только потому, что люди подражаютъ одинъ другому, *соціальное* тождественно съ понятіемъ *подражаемое*. Въ подражаніи существуетъ только *изобрѣтеніе, преобразовательная инициатива*, и на этихъ основахъ, заключаетъ Тардъ, складывается социальная организація.

Чрезвычайно просто,—къ сожалѣнію, представляется немедленно еще болѣе простой вопросъ. Процессъ подражанія предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ: одно—кто подражаетъ, и другое—кому подражаютъ, т. е. предполагаетъ уже *заранѣе данное общество*. Чтобы человекъ могъ осуществить свою естественную наклонность къ подражанію, онъ долженъ уже находиться въ социальныхъ отношеніяхъ съ другимъ. Выходить, слѣдовательно, подражаніе, относительно социальной организаціи,—не предыдущее, а послѣдующее, не основа, а результатъ. Это совершенно ясно,—и лишній примѣръ, какъ мало примѣнимы въ области соціологическихъ явленій ресурсы личной психологіи.

Противъ теории Тарда можно провести и еще одно не менѣе убѣдительное соображеніе.

Если въ социальной организаціи господствующая сила подражаніе,—откуда же получается такое разнообразіе социальныхъ силъ—церковь, государство, семья? Тардъ отвѣтитъ,—отъ разнообразія индивидуальныхъ психическихъ способностей. Но вѣдь психическая способность, соответствующая церкви—*вѣра*, государству—*воля*, семьѣ—*любовь*,—изъ нихъ отнюдь не вытекаютъ логически извѣстныя организованныя учрежденія. Для этого необходимо, чтобы вѣра была непремѣнно религіозной, воля—политической, любовь—родительской и половой. Но такія качества могутъ быть созданы только *общеніемъ*, социальными инстинктами, т. е. самимъ обществомъ. И здѣсь, слѣдовательно, *социальность* предшествуетъ извѣстнымъ психическимъ функциямъ, а вовсе не объясняется ими.

И это соображеніе доказываетъ необходимость особой психологической науки, располагающей болѣе сложнымъ матерьяломъ, чѣмъ азбучныя индивидуально-психологическія наблюденія Тарда.

Для психологіи открываются новые и широкіе пути. Она должна оказать великія услуги политикѣ и праву. Разъ мы признаемъ реальность *соціального сознанія*, социальной души,—мы должны употребить всѣ усилія опыта и отвлеченной мысли—изучить эту душу. Это изученіе приведетъ насъ къ вопросамъ—о *психологии толпы*, о *духѣ времени*, о *состояніи нравовъ*,—вообще къ

важѣйшимъ вопросамъ культуры и общественной нравственности. Оно покажетъ намъ, что помимо общечеловѣческихъ психологическихъ явленій,—существуютъ еще частныя—психологіи,—*національнныя сословныя, временныя и мѣстныя*, т. е. существуетъ, напримеръ, психологія англичанина и рускаго, француза XVIII-го вѣка и француза конца нашего столѣтія. *Соціальная душа* имѣетъ такъ же свою исторію, какъ и индивидуальная,—и этой исторіей искони пользовались политики, моралисты и историки. Когда Ливій оплакивалъ простоту и благородство старинныхъ республиканскихъ нравовъ и сравнивалъ съ этими доблестями нравственный упадокъ своего времени,—онъ былъ въ это время социальнымъ психологомъ. Былъ имъ и Тацитъ, укорявшій своихъ современниковъ добродѣтелями германцевъ.

Но у этихъ историковъ социальная психологія служила только средствомъ для поучительной проповѣди,—а не для объясненія разнообразныхъ перемѣнъ, происходящихъ съ теченіемъ вѣковъ въ социальную душу народа. Наше время, провозгласившее социологію наукой, должно навсегда устранить случайность и порывочность социологическихъ наблюденій, возвести ихъ въ правильную научную систему, обставить всѣми данными, какія человѣческій умъ выработалъ до сихъ поръ для изученія фактовъ и осмысливанія ихъ общими выводами.

Такой путь приведетъ насъ къ самымъ плодотворнымъ результатамъ. Мы окончательно, *фактически и логически*, убѣдимся, что внезапности и произвольные перевороты такъ же немислимы въ социальной душѣ, какъ и въ индивидуальной, что общество какъ и личность долго и часто безсознательно воспринимаетъ идеи, впечатлѣнія, настроенія, все это заключаетъ въ себя скрытую силу, и эта сила, рано или поздно, должна проявиться. Ничто не проходитъ безслѣдно—одинаково и въ общественной психикѣ и въ личной: это должно стать основой не только историческихъ выводовъ, но и нашей общественной дѣятельности.

Мы должны помнить, что всякое наше публичное слово и дѣйствіе увеличиваетъ собой нравственный капиталъ общества—положительный или отрицательный, входитъ въ этотъ капиталъ безъ вѣдома даннаго поколѣнія, становится сначала *социальнымъ подсознаніемъ*—la subconscience sociale,—но настанетъ время,—оно непременно перейдетъ въ сознание и вызоветъ то, что мы называемъ преобразовательными или революціонными движеніями.

Французскіе социологи, вѣрные своимъ жизненнымъ задачамъ, всѣ свои пренія направили на первостепенныя культурныя нужды современности. Они привели въ неразрывную связь социологическое ученіе съ политическими идеями ихъ, изъ докладовъ выяснилось, съ какимъ трудомъ исчезаютъ самыя, повидимому, наглядныя предразсудки.—вродѣ теоріи общественнаго договора. Даже на съѣздѣ слышались голоса, правда очень слабыя, въ защиту взглядовъ Руссо на происхожденіе общества. Немного труда стоило высказать истинную признанную за аксіому еще Аристотелемъ,—о прирожденныхъ социальныхъ инстинктахъ человѣка,—и выставить на видъ бездоказательность договорной организаціи первобытнаго общества. Еще труднѣе оказалось отвоевать для социологіи независимую область научнаго изслѣдованія, доказать, что *общество*—нѣчто совершенно отличное отъ *человѣка* и что кол-

лективная психологія или соціальное сознание имѣютъ право на самостоятельное мѣсто рядомъ съ индивидуальной психологіей.

Одинъ изъ докладчиковъ чрезвычайно искусно пояснилъ основной принципъ соціологіи. Онъ результатъ соціальной организаціи сравнилъ съ химическимъ процессомъ. Химическую комбинацію можно назвать истиннымъ обществомъ различныхъ химическихъ атомовъ. Но эта комбинація не простой аггломератъ, образовавшійся путемъ сочетанія элементовъ, сохранившихъ свою природу. Совершенно напротивъ. Произошло *преобразование*, даже больше—*пресуществленіе*—*transsubstantiation*. — и продуктъ комбинаціи, ассоціація атомовъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ элементы ее образовавшіе, нѣчто отъ нихъ совершенно отличное.

Таковы же отношенія и отдѣльныхъ личностей къ обществу.

Намъ неоднократно приходилось говорить о политическомъ и культурномъ значеніи коллективной психологіи — именно для нашего демократическаго времени. Психологія эта, въ полномъ смыслѣ, — наука будущаго, и она должна лечь въ основу будущихъ политическихъ системъ. Несомнѣнно, — каждая изъ нихъ менѣе всего будетъ походить на *общественный договоръ* Руссо и представить другой идеалъ демократической власти, не имѣющій ничего общаго съ обоготвореніемъ количества.

Въ ожиданіи такого будущаго, французскіе соціологи, послѣ теоретическаго анализа соціологіи, представили множество соціологическихъ фактовъ и заключеній первостепенной важности. Здѣсь было уже откровенное царство публицистики и докладчики безпрестанно сбивались на тонъ парламентскихъ ораторовъ. И это зависѣло не столько отъ темперамента ученыхъ, сколько отъ простаго краснорѣчія цифръ и жизненныхъ явленій.

Главное вниманіе, какъ и естественно ожидать, было удѣлено едва ли не самому ягучему вопросу современнаго французскаго быта, — разложенію семьи, въ результатѣ — грозному пониженію цифры рожденій и недалекому обезлюденію страны.

IV.

Факты представлялись докладчиками безъ всякой внутренней связи: каждый говорилъ о предметѣ, имъ изученномъ. Но духъ времени, очевидно, мощно направилъ это изученіе на болѣзненный недугъ страны, — и въ общемъ получалась цѣльная и необыкновенно внушительная картина, обильно иллюстрированная цифрами и юридическими документами.

Напримѣръ, одинъ докладчикъ сдѣлалъ очень простую работу. Министерство юстиціи недавно опубликовало документы касательно бракоразводнаго закона 1884 года, и докладчикъ представилъ его результаты.

Съ перваго же года дѣйствія новаго закона до послѣдняго времени количество бракоразводныхъ процессовъ растетъ въ громадной пропорціи и въ еще сильнѣйшей — снизводительностьъ судей. Въ послѣдніе годы 86% просьбъ получали удовлетвореніе. Но здѣсь еще не вся бѣда; главное несчастье страны въ томъ, что разводы умножаются преимущественно среди рабочаго класса. За десять лѣтъ количество ихъ *упятирилось!* И эта участь тя-

готѣть исключительно надъ городскимъ пролетаріатомъ, а такъ какъ въ этой средѣ браки вообще становятся все рѣже и рѣже, въ будущемъ надо ожидать едва ли не полного исчезновения законныхъ семей рабочаго класса. Онъ предпочитаетъ свободные союзы,—и они до такой степени уже успѣли войти въ нравы, что многія кооперативныя общества и учрежденія взаимопомощи признають «сожительницъ»—*les compagnes*—на одинаковыхъ правахъ съ законными женами.

Судьба дѣтей при такихъ условіяхъ въ высшей степени печальна. Легкость развода и незаконность брачныхъ союзовъ губительно отражается на количествѣ дѣтей и еще губельнѣе на ихъ нравственномъ воспитаніи. Среднее сословіе, какъ извѣстно, избѣгаетъ многочисленныхъ семей по чисто-матеріальнымъ соображеніямъ. Остается одно сельское населеніе: оно—единственная надежда страны. Но съ теченіемъ времени городское населеніе разрастается на счетъ сельскаго, подрывается, слѣдовательно, и эта надежда. Естественно, краткій докладъ о бракоразводномъ законѣ вызвалъ у слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе и призывъ докладчика помочь бѣдѣ, встрѣтилъ единодушное сочувствіе. По мнѣнію докладчика, ни въ одной странѣ не происходитъ въ настоящее время такого рѣшительнаго и быстрого разложенія семейнаго начала, какъ во Франціи. Участь націи, разумѣется, самая плачевная, но существуетъ ли средство—спасти семью какими бы то ни было государственными мѣрами тамъ, гдѣ сама жизнь стремится разрушить ее? Очевидно, недугъ таится въ основной организаціи общества, а не въ частныхъ законахъ.

Другое общественное явленіе, еще болѣе страшное, отмѣчено цѣлымъ рядомъ докладовъ и всесторонне выяснено продолжительными преніями, вопросъ объ алкоголизмѣ. Онъ неразрывно связанъ съ вопросами о нравственномъ и физическомъ вырожденіи и о повышеніи преступности. На всѣ эти темы съѣздъ представилъ множество документальныхъ данныхъ и въ общемъ нарисовалъ удручающую драматическую перспективу большого общества.

Во Франціи алкоголизмъ сравнительно недавняго происхожденія. До пятидесятихъ годовъ недугъ былъ неизвѣстенъ: населеніе пило виноградную водку, и даже въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ говорили о пьянствѣ, но не объ алкоголизмѣ. Въ 1855 году выработка вина оказалась крайне бѣдной, и одновременно въ продажѣ появилось громадное количество алкоголя; въ слѣдующія десятилѣтія потребление его съ одного литра на человѣка дошло до пяти литровъ. Доктора забили тревогу, стали публиковать подробные анализы алкоголическихъ напитковъ, доказывали вполне наглядно, какой страшный ядъ заключается въ любимѣйшемъ напитокѣ французовъ—въ абсентѣ, сколько бѣдствій причиняетъ этотъ ядъ своимъ жертвамъ и ихъ потомству; голосъ этотъ звучалъ и продолжаетъ звучать въ пустынѣ. Издавались даже законы противъ пьянства, но судьи опасались примѣнять ихъ: до такой степени порокъ сталъ популярнымъ,—приходилось опасаться негодованія народа на строгость наказаній за любимое удовольствіе.

Одинъ изъ докладчиковъ, по профессіи публицистъ, весьма картинно изобразилъ современное значеніе кабака въ обществен-

ной жизни Франціи. «La halte au cabaret»—остановка у кабака, важнѣйшій моментъ въ повседневной жизни рабочаго и всей его семьи. Здѣсь онъ забываетъ свою усталость, согрѣвается отъ холода, мирится съ своей женой, оказываетъ рѣдкія ласки своему ребенку, давая ему допить свой стаканъ.

Но все это только виѣшность зла, неизмѣримо мрачнѣй его сущность.

Наука давно удостовѣрила, что алкоголизмъ слѣдуетъ считать глубочайшей причиной нравственнаго и физическаго вырожденія населенія. Въ мѣстностяхъ, наиболѣе пораженныхъ недугомъ, рождаемость понижается и преступность усиливается. Отъ пьяницы рождается пьяница и преступникъ: эта аксиома вновь была подтверждена на съѣздѣ, и докладчики наперерывъ приводили множество примѣровъ поразительной яркости. Врачи съ долготѣнейшей практикой въ алкоголическихъ мѣстностяхъ, уголовная статистика—единодушно доказывали, какое неотразимое бѣдствіе виситъ надъ страной, зараженной алкоголизмомъ.

Одинъ докладчикъ развернулъ по истинѣ трагическую картину въ полномъ смыслѣ новѣйшаго явленія,—самоубійства дѣтей и юношей, ниже шестнадцатилѣтняго возраста. Потомство алкоголиковъ уже является на свѣтъ безнадежно пессимистическимъ, съ неизлѣчимо-мрачными настроеніями, съ отчаянными понятіями о жизни—даже раньше, чѣмъ были испытаны какія бы то ни было несчастья. Прирожденное нервное разстройство мѣшаетъ естественному развитію организма, и одновременно съ новымъ рожденіемъ въ міръ появляется новый патологическій субъектъ, тѣмъ болѣе опасный, что манія на почвѣ алкоголизма не поддаются излѣченію.

Предъ нами рядъ исповѣдей молодыхъ преступниковъ и онѣ поражаютъ полной безпросвѣтностью человѣческой души и мысли.

Одинъ сознается, что убить все равно кого, было его *idée fixe*; онъ не могъ отдѣлаться отъ нея, будто отъ внушенія. *Рубить голову*,—ему казалось величайшимъ наслажденіемъ. Съ первой минуты сознанія, онъ только и мечталъ объ *ударахъ ножа*. И при первомъ же удобномъ случаѣ несчастный совершаетъ убійство съ цѣлью похитить восемь франковъ! Онъ сынъ алкоголической семьи.

Другой, также сынъ алкоголика, рассказалъ на судѣ еще болѣе любопытную исторію. У него страсть къ преступленію развила на почвѣ маніи величія. Ему нестерпимо хотѣлось заставить публику говорить о себѣ. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что его имени вѣтъ въ газетахъ, его не произносятъ публично съ любопытствомъ или ужасомъ. Онъ долженъ хотя бы на нѣсколько минутъ разыграть эффектную роль, пусть сценой будетъ даже эшафотъ. Но онъ заставитъ толпу смотрѣть на чего, удивляться ему и спокойно подставить свою голову подъ ножъ гильотины.

И этотъ типъ молодыхъ людей, даже дѣтей, ищущихъ шумной популярности путемъ преступленій, является все болѣе распространеннымъ. Народился особый видъ *сверхчеловѣка*, убѣжденнаго въ своемъ героическомъ призваніи не на основаніи какихъ-либо талантовъ и подвиговъ, а въ силу болѣзненнаго, навязчиваго представленія.

Онъ не поддается никакому лѣченію. Недужный субъектъ стихійно идетъ къ своей цѣли и совершаетъ преступленіе съ величайшимъ наслажденіемъ, рассказываетъ о немъ съ гордостью и безъ малѣйшаго проблеска раскаянія, даже мысли о нравственномъ качествѣ своего дѣйствія.

Что остается обществу дѣлать предъ такими врагами, обличающими свои антисоціальныя страсти неудержимо и въ то же время обдуманно? Наслѣдственный алкоголикъ не можетъ быть посаженъ въ сумасшедшій домъ. Онъ держитъ себя какъ вполне здоровый человѣкъ, можетъ даже отличатся извѣстной талантливостью, способностью логически и убѣдительно разсуждать, проявлять въ особенности большой артистическій талантъ, съ эффектомъ и расчетомъ, и за всѣми этими качествами скрывать неутолимую жажду крови, быть немощнымъ рабомъ темной органической силы и подъ ея внушеніемъ не различать ни добра, ни зла.

Болѣе опасное противообщественное бѣдствіе трудно представить. И въ то время, когда общество не обладаетъ никакими предупредительными мѣрами самозащиты, оно умѣло выработать не мало поощрительныхъ.

Та же литература является услужливой спутницей алкоголизма. Порнографія во Франціи процвѣтаетъ въ печати, въ публичныхъ зрѣлищахъ, и неуклонно развращаетъ молодыхъ поколѣнія. Развращеніе начинается очень рано, на школьной скамьѣ, и является вполне законченнымъ къ юношескому возрасту.

Оно характеризуется крайнимъ пониженіемъ нравственной энергии, силы сопротивленія предъ чувственными инстинктами. Субъектъ постепенно становится невмѣняемымъ не потому что онъ утратилъ способность различать отрицательныя идеи и поступки отъ положительныхъ, а потому что у него исчезла нравственная сила владѣть своими идеями и поступками. Усиленное развитіе чувственныхъ наклонностей всегда сопровождается вырожденіемъ воли: болѣзненно чувственный субъектъ находится въ положеніи *наименьшаго сопротивленія*, *minus resistantiae*, становится безхарактернымъ, безличнымъ, приноситъ въ жертву минутному наслажденію какіе угодно принципы и обязательства. У него всѣ другія способности развиваются въ интересахъ животнаго самоудовлетворенія.—хитрость, отвага служатъ цѣлямъ соблазна, насилія.

Это психологія, точно установленная и безпрестанно подтверждаемая многочисленными примѣрами изъ жизни.

Нѣтъ нужды напоминать, какую грозную задачу ставятъ эти явленія наукѣ и законодательству.

Большинство уложеній сурово относится къ пьянству. Законы англійскіе, американскіе, австрійскіе и французскіе признаютъ полную отвѣтственность за преступления, совершенныя въ состояніи опьяненія. Авторитетнѣйшіе юристы безсознательность пьянаго, если она существуетъ, признаютъ безусловно добровольной, слѣдовательно наказуемой.

Все это вполне справедливо, можетъ быть, даже было бы еще справедливѣе усиливать наказанія за преступления, совершенныя въ пьяномъ видѣ, такъ какъ въ такомъ преступленіи заключается двойное нарушеніе принциповъ общественнаго порядка и нрав-

ственности. Такъ именно смотрѣли на вопросъ въ древности, представляя самыя настойчивыя требованія чувству человѣческаго достоинства и силѣ: человѣческаго разума.

А между тѣмъ, древность не имѣла даже отдаленнаго представленія о томъ, что мы называемъ алкоголизмомъ. И намъ изъ точности извѣстны величайшія общественныя и, слѣдовательно, политическія бѣдствія, связанныя съ недугомъ. На сколько же строже должно быть законодательство при такихъ условіяхъ и на сколько долженъ казаться намъ презрѣннѣе и ненавистнѣе человѣкъ, предающійся пьянству и своей личностью вносящій въ общество ужасъ библейской кары, даже болѣе страшной, потому что потомство алкоголя раньше полнаго исчезновенія причиняетъ непоправимыя бѣдствія всему обществу, распространяетъ заразу вырожденія вглубь и вширь и способно растлить самый здоровый социальный организмъ.

И все-таки врядъ ли одво законодательство въ силахъ устранить или даже ограничить растлѣніе.

Съѣздъ единогласно призналъ алкоголизмъ «страшнымъ бичомъ» и настаивалъ на необходимости средствъ спасенія. Нѣкоторые докладчики предложили рядъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ, но президентъ присоединился къ другому рода предложеніямъ, имѣвшимъ въ виду не государственную регламентацію, а общественную инициативу.

И это сознаетъ само общество, оно только не выработало цѣльнаго единаго плана борьбы, не организовало великаго крестоваго похода противъ врага. Президентъ высказалъ мысль о необходимости особаго конгресса для обсужденія вопроса объ алкоголизмѣ, конгресса не для выработки репрессивныхъ мѣръ, а для организаціи общественной борьбы съ возрастающимъ зломъ. Подобная организація была бы великимъ подвигомъ патріотизма.

Желаніе, особенно краснорѣчиво звучавшее среди ученыхъ, посвятившихъ свой трудъ и свои силы настоятельно необходимымъ социальнымъ нуждамъ своего отечества. Ни одна сессія современной французской палаты не могла бы сравниться значительностью поднятыхъ и разъясненныхъ вопросовъ, благородствомъ истинно-патріотическихъ настроеній съ собраніемъ историковъ и социологовъ. И этимъ фактомъ доказывается живая и непрерывная развитіе національной французской мысли, несмотря на всѣ болѣзненные явленія современной политической борьбы.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*How the English Workman lives*» *Ernst Duckershoff. (King and Son). (Как живет англійскій рабочий)*. Очень интересная книга, излагающая взгляды германскаго рабочаго на жизнь англійских рабочихъ. Авторъ—уроженецъ рейнскихъ провинцій съ десятилѣтняго возраста вынужденъ былъ самъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и юношей сдѣлался углекопомъ въ Вестфальскихъ рудникахъ. Въ 1890 году онъ былъ избранъ делегатомъ на конференцію рудокоповъ въ Галле и за это былъ уволенъ. Затѣмъ онъ переехалъ въ Англію, гдѣ началъ работать въ Нью-кэстльскихъ рудникахъ. Въ книгѣ онъ излагаетъ впечатлѣнія, которыя на него произвела жизнь англійскихъ рабочихъ, и какъ «человѣчскій документъ», его книга пожалуй имѣетъ больше значенія для соціальной науки, нежели наблюденія людей, стоящихъ внѣ рабочаго класса и ради опыта пожелавшихъ испытать жизнь рабочаго. Сравнивая жизнь и положеніе англійскаго и германскаго рабочаго, авторъ высказывается въ пользу Англій. Жилаща рабочихъ и условія работы въ Англій гораздо лучше и авторъ говоритъ: «Ни одинъ нѣмецкій рабочий, попавшій въ Англію, не станетъ стремиться на свою родину». Но за то авторъ промолвитъ жень англійскихъ рабочихъ и ставить имъ въ примѣръ нѣмецкихъ женщинъ, хотя въ то же время онъ отзывается съ похвалою о чистотѣ и уютности внутренняго устройства жилищъ рабочихъ. Авторъ очень сочувственно отзывается объ англійскихъ законахъ, которыя одинаковы для всѣхъ и говорятъ, что свобода, существующая въ Англій, располагаетъ рабочихъ къ хладнокровному образу дѣйствій и размышленію.

(Daily News).

«*Histoire abrégée de l'astronomie*» par *Ernest Lebon. Paris. (Gauthier - Villars)*. (Краткая исторія астрономіи). Въ этой, сравнительно небольшой книгѣ, собраны масса фактовъ и свѣдѣній, которыя мы бы напрасно стали искать въ классическихъ руководствахъ, излагающихъ только результаты, добытые наукой, но не касающіеся

ея исторіи. Этотъ пробѣлъ пополняетъ теперь книга Лебона, гдѣ рядомъ съ портретами шестнадцати астрономовъ и біографіями всѣхъ тѣхъ, кто оставилъ какой-либо слѣдъ въ астрономической наукѣ, систематически излагаются успѣхи астрономіи, съ самаго начала возникновенія этой науки вплоть до нашего времени.

(Journal des Débats).

«*Delinquenti che scrivono*» *Lino Ferriani (Omarini 'ed Como)*. (Преступники, которые пишутъ). Ученый авторъ этой книги принадлежитъ къ школѣ Ламброзо и съ точки зрѣнія этой школы изучаетъ психику преступника во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Онъ собралъ въ своей книгѣ больше шестисотъ письменныхъ документовъ, которые выясняютъ характеръ преступника, цѣль и мотивы преступленія и т. д. По мнѣнію Ферриани частная корреспонденція преступниковъ можетъ служить драгоценнымъ указаніемъ для соціальной профилактики.

(Revue de Revues).

«*The Reminiscences of a Bashi - Bazo uk*» by *Edward Visetelly. With illustrations by Georges Montbard (Arrowsmith)*. (Воспоминанія башибазука). Авторъ принималъ участіе въ качествѣ башибазука въ русско-турецкой войнѣ 1877 г. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ передаетъ свои личныя впечатлѣнія и свое мнѣніе о туркахъ, которыхъ онъ хорошо изучилъ и одружилъ подвластныхъ Турціи народностямъ. Приговоръ его относительно армявъ очень суровъ; онъ говоритъ, что они обладаютъ всѣми недостатками турокъ, но не имѣютъ ни одного изъ ихъ добрыхъ качествъ. Очевидно всѣ симпатіи автора находятся на сторонѣ турокъ, которыхъ онъ защищаетъ отъ обвиненія въ жестокости, говоря, что они поступали съ подвластными имъ побѣжденными народами, не хуже и не лучше другихъ побѣдителей-европейцевъ и подкрѣпляетъ свои слова многочисленными примѣрами изъ новѣйшей европейской исторіи. Но, помимо этой апологіи турецкаго народа и защиты его отъ огульныхъ обвиненій, книга можетъ зани-

тересовать читателей, так как изобилует любопытными и драматическими эпизодами из времён русско-турецкой компании.

(Literary World).

«*The evolution of the Iden of Gods An Inquiry into the origins of Religion. By Grant Allen. (Grant Richards).* (Эволюция идеи божества; опыт изслѣдованія происхожденія религии). Авторъ заданъ цѣлью изслѣдовать какими путями возникло и выработывалось постепенно въ сознаниі человека понятіе о божествѣ. Онъ говоритъ, что отношенія человека къ внѣшнему міру неизбѣжно должны были повести къ обожествленію силъ и явленій природы и такимъ образомъ было положено начало идее божества, которая затѣмъ подверглась извѣстной эволюціи. Что касается происхожденія политеизма, то въ этомъ отношеніи авторъ является болѣе или менѣе последователемъ взглядовъ Спенсера. Книга написана популярно и со свойственною автору талантливостію; въ ней много высказывается оригинальныхъ взглядовъ.

(Literary World).

«*The Marmon prophet*» by Z. Dougall. (A. and C. Black). (Мармонскій пророкъ). Очень интересная и вполне безпристрастная исторія возникновенія мормонизма, написанная въ формѣ романа, освѣщающая одинаково ярко, какъ качества, такъ и недостатки мармоновъ и ихъ жизнь на берегахъ Соленого озера.

(Literary World).

«*Round the World on a Wheel*» by I. F. Fruser. One hundred illustrations (Methuen and Co). (Вокругъ света на колесѣ). Въ этой книгѣ авторъ описываетъ очень любопытное и богаче всевозможными приключеніями путешествіе вокругъ свѣта, которое онъ совершилъ, вмѣстѣ съ двумя спутниками, на велосипедѣ. Въ общемъ они проѣхали 20.000 миль. Путешествіе продолжалось два года и конечно за это время путешественникамъ пришлось перенести много лишеній и испытать опасностей, въ особенности трудно имъ пришлось въ Китаѣ. Однако путешествіе по европейскимъ государствамъ тоже не обошлось безъ неприятностей, хотя это и были неприятности совершенно иначе чѣмъ тѣ, которыя они испытывали въ Китаѣ, Персіи, Бирмаши и др. мѣстахъ.

(Literary World).

«*Le mariage, la genèse et son évolution*» par L. Tillier. Paris. (Бракъ, его генезисъ и эволюція). Авторъ резюмируетъ, сравниваетъ и классифицируетъ всѣ доктрины, связанныя по поводу вопроса о происхожденіи брака разными писателями, изучавшими его и указываетъ противорѣчія, встречающіяся въ этихъ выводахъ. По многимъ вопросамъ авторъ высказываетъ свои соб-

ственные взгляды и выводы и результаты своихъ личныхъ изслѣдованій въ этой области. Такъ какъ авторъ избѣгаетъ научныхъ терминовъ, то книга его читается легко и можетъ быть названа популярнымъ изложениемъ вопроса о происхожденіи и эволюціи брака.

(Journal des Débats)

«*Le Féminisme*» par Kaethe Schirmaches (Colin et Co). (Феминизмъ). Маленькая брошюра, въ которой сообщаются статистическія свѣдѣнія о положеніи женскаго вопроса во Франціи, Англии, Швеціи, Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Journal des Débats).

«*La Psychologie des Saints*» par Henri Joly. (Психологія святыхъ). Увлекательно написанная книга, изобилующая чрезвычайно интересными фактами и свѣдѣніями и затрагивающая одинъ изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ человѣческой психологіи.

(Journal des Débats).

«*Insects; Foes and Friends*» by W. Egmont Kirby (Partridge and Co). (Насѣкомыя; враги и друзья). Въ этомъ небольшомъ сочиненіи авторъ знакомитъ читателей съ характеристикою общезвѣстныхъ насѣкомыхъ принадлежащихъ или къ числу друзей, или къ числу враговъ человѣчества. Книга прекрасно иллюстрирована.

(Bookseller).

«*Ueber den Kampf der Humanität gegen die Schrecken des Krieges*» par prof. Friedrich v. Esmarch (Deutsche Verlaganstalt). (О борьбѣ человечества съ ужасами войны). Второе, переработанное и значительно дополненное изданіе небольшого сочиненія знаменитаго хирурга, въ которомъ излагаются способы облегчить страшныя послѣдствія войны и участь раненыхъ.

(Frankfurter Zeitung).

«*Lives of Great Italians*» by Frank Hartridge (Fisher Unwin). (Жизни великихъ итальянцевъ). Въ предисловіи къ этой книгѣ, заключающей въ себѣ біографію великихъ итальянцевъ, авторъ говоритъ, что жизнь великихъ людей всегда представляетъ общій интересъ, конечно соотвѣствующій заслугамъ великаго человека и той степени драматизма, которая встрѣчается въ его жизни. Въ послѣднемъ отношеніи Италия занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ жизнь ея великихъ людей тѣсно связана съ ея національною исторіей и поэту въ біографіи великихъ итальянцевъ интересъ представляетъ не только центральная фигура, но и фонъ картины и вся окружающая обстановка. Въ книгѣ помѣщены біографіи Данте, Петрарки, Маккиавели, Микель Анджело; Галилея, Альдейри, Кавура и Виктора Эммануэля.

(Literary World).

«*The Heart of Asia*» by Francis Henry Skrine and E. D. Ross. (Methuen and Co). (*Coeur de l'Asie*). Въ этой книгѣ, представляющей совмѣстный трудъ заключається чрезвычайно цѣнный матеріалъ для всѣхъ, интересующихся центральною Азіей и политикой. Въ началѣ книги помѣщенъ краткій очеркъ греческаго періода и затѣмъ читатель знакомится съ послѣдующими эпохами, аббасидовъ, саманидовъ, газнавидовъ, сельюковъ и монголовъ, вплоть до перваго нашествія русскихъ и ихъ постепеннаго распространения въ центральной Азіи и подчинения ея своей власти. Книга заканчивается 1895 г. Докторъ Россъ, профессоръ персидскаго языка, обработалъ историческій матеріалъ для этой книги. Книга пре-

красно иллюстрирована рисунками, слѣванными съ картинъ Верещагина и снабжена подробными картами.

(Athaeneum).

«*Morale Sociale*» *Leçons professées au Collège libre des Sciences Sociales. Préface de M. Emile Boutroux prof. Bibliothèque generale des Sciences Sociales. (Félix Alean). prix: 6 fr. (Соціальная нравственность)*. Въ этой книгѣ заключаются четырнадцать лекцій, прочитанныхъ въ «Collège libre des Sciences Sociale» въ Парижѣ въ теченіе истекшаго учебнаго семества. Темы, затронутыя въ лекціяхъ, весьма разнообразны, но всѣ вращаются въ области социальнаго долга и нравственности.

(Journal des Débats).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ VIII-й.

№ 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1899.

Доведено цензурою 24-го сентября 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТР.

1. УЧЕНІЕ О ЛОКАЛИЗАЦІИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ. (Исторія и современное состояніе). (Окончаніе). Проф. Г. Челпанова. 1
- ~~2.~~ СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) ИЗЪ ЗАБЫТОЙ ТЕТРАДИ. 2) VAE VICTIS (Изъ Ч. Николини). 3) * * * П. Я. 19
3. ОСВОБОДИЛАСЬ. Повѣсть. (Продолженіе). А. Вербицкой . . . 22
4. АЛХИМИЯ И АЛХИМИКИ. (Страничка изъ исторіи науки). (Окончаніе). Приватъ-доцента кievскаго университета Н. Н. Володкевича 57
5. РѢСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. Роберта Сизеранна. Пер. съ франц. Т. Богдановичъ. (Продолженіе). 73
6. ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ. (Очерки и наблюденія). (Окончаніе). Н. Манасеиной. 97
- ~~7.~~ СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) ПОСЛѢДНЯЯ ЛЬДИНА. 2) * * * Танъ. 114
8. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ И БЫТОВЫХЪ УСЛОВІЙ ЖИЗНИ ВЕЗРАБОТНЫХЪ. («Standart of life» на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ). Гор—ева. 116
- ~~9.~~ НЕИЗДАННЫЕ РАЗСКАЗЫ ГЮИ ДЕ-МОПАССАНА. Переводъ съ французскаго Т. Б. 132
- ~~10.~~ БѢЛЫЯ РАБЫНИ. Л. Давыдовой. 151
- ~~11.~~ ПОЭТЕССА ИЗЪ НАРОДА. В. Фриче. 168
12. ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗВИТІИ КРѢПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССІИ ВЪ XIX в. (Историческій этюдъ). Петра Струве. 180
- ~~13.~~ РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). К. Станюковича . 195
- ~~14.~~ КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). (Продолженіе). Н. Гарина. 229

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

- ~~15.~~ КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Новый романъ Зола «Плодovitость» («La Fécondité»).—Грубая тенденціозность этого романа. — Крайняя нехудожественность приемовъ. — Мелкая и пошлая критика Зола и его полное непониманіе общественныхъ причинъ вырожденія Франціи. — «Встрѣча», повѣсть

- г. Потапенко.—Интересные типы молодого поколѣнія, намѣчаемые авторомъ.—Произведеііе г. Михайловскаго «Изъ романа «Карьера Оладушкина». — «Маруся», разсказъ г. Короленко. А. Б. 1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Кожинская исторія.—Рабочіе въ каменноугольной промышленности. — Своеобразный способъ борьбы съ голодомъ.—Бѣгуны въ Олонецкой губерніи.—Толстовская колонія въ Терской области.—Русское кулачество въ Парижѣ.—Новое женское общество въ Москвѣ.—Драма въ Самаркандѣ. 11
17. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАПАШКИ ВЪ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ. (Замѣтка). И. Красноперова. 22
18. За границей. Европейская колонизація.—Одинъ изъ американскихъ общественныхъ дѣятелей. — Новый экспериментъ въ Новой Зеландіи.—Роль женщинъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. 26
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Review of Reviews». — «Athenaeum». — «North American Review». — «Fortnightly Review». — «Century». — «Revue internationale». — «Tägliche Rundschau». . 34
20. НОВЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ ВЪ ЦЮРИХѢ. Н. Б.—на. 42
21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Ботаника. 1) О проростаніи сѣмянъ *Neottia nidus avis*.—2) О перевариваніи бѣлковъ насѣкомоядными растеніями. — Физика. 1) Искусственное образованіе шаровидной молніи.—2) Печатаніе книгъ при помощи Рентгеновскихъ лучей. — Химія. Процессы горѣнія въ жидкомъ воздухѣ.—Зоологія. Образованіе настоящаго жемчуга въ раковинахъ *Meleagrina margaritifera*.—Геологія. Землетрясенія, наблюдавшіяся въ Греціи въ 1898—1898 гг. Д. Н.—Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго. 46
22. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика. — Юридическія науки. — Соціологія. — Политическая экономія. — Книги, поступившія въ редакцію. 62
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 86

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ЭКИПАЖЪ ДЛЯ ВСѢХЪ. Эдмонда де-Амичиса. Переводъ съ итальянскаго Ел. Колтоновской. (Продолженіе). 73
25. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕРЦОГА СЕНЪ-СИМОНА. Пер. съ франц. (Продолженіе). 33

УЧЕНІЕ О ЛОКАЛИЗАЦІИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

(Исторія и современное состояніе).

(Окончаніе *).

Проф. Г. Челпанова.

Статья 2-я.

Исторія вопроса о локализациі умственныхъ способностей указала намъ на существованіе зависимости физиологическихъ ученій отъ опредѣленныхъ психологическихъ теорій. Недостатки психологическихъ воззрѣній отражались на физиологическихъ построеніяхъ. На это могутъ, пожалуй, замѣтить, что связь между физиологіей и психологіей не можетъ считаться необходимой, и что собственно физиологія должна совершенно эмансипироваться отъ психологіи, если желаетъ стать на вполне научную точку зрѣнія. Но мнѣ кажется, что такое требованіе совершенно невозможно, потому что по самому существу дѣла физиологія въ ученіи о локализациі умственныхъ способностей не можетъ отрѣшиться отъ психологіи, но только въ своихъ построеніяхъ она должна исходить не отъ популярныхъ психологическихъ воззрѣній, а отъ научныхъ.

Можно легко показать, что и современные ученія о локализациі умственныхъ способностей находятся подъ влияніемъ психологическихъ теорій. Какъ я указывалъ въ прошлой статьѣ, въ современной психологіи теорія «способностей» покинута, и вмѣсто нея признается, что наша умственная жизнь складывается изъ отдѣльныхъ элементовъ, именно «представленій». Это ученіе отражается, какъ мы увидимъ ниже, на современныхъ физиологическихъ ученіяхъ.

Мы видѣли, что существуютъ два противоположныхъ ученія по вопросу о локализациі умственныхъ способностей: ученія Галля и Флуранса. Галль утверждалъ, что мозгъ въ различныхъ своихъ частяхъ имѣетъ различныя назначенія. Флурансъ, въ противоположность ему, доказывалъ, что мозгъ во всѣхъ своихъ частяхъ имѣетъ однородную функцію.

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.
«Міръ Божій», № 10, октябрь отд. I.

Современной фізіологiи предоставлено было рѣшить, кто изъ нихъ былъ правъ.

Для рѣшенія этого вопроса современная наука имѣетъ огромный запасъ данныхъ, которыя, повидимому, приводятъ прежде всего къ признанію, что ученіе Флуранса неправильно.

Мы должны придавать особенное значеніе всѣмъ этимъ фактамъ потому, что они, хотя часто относятся къ различнымъ областямъ знанія, часто получаются при помощи различныхъ методовъ изслѣдованія, но, тѣмъ не менѣе, приводятъ къ тождественнымъ выводамъ. Если наука, идя различными путями, приходитъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, то это, разумѣется, доказываетъ большую достовѣрность добытыхъ результатовъ. Что же это за факты? Разсмотримъ ихъ по порядку.

Въ 60-хъ годахъ была изучена одна форма нервной болѣзни, которая называется *афазіей*. Болѣзнь заключается въ слѣдующемъ: больной утрачиваетъ способность говорить, т. е. собственно произносить слова. У него языкъ и голосовые органы находятся въ полной цѣлости; нервы, связанные съ ними, иннервируются вполне нормально, но, тѣмъ не менѣе, больной не можетъ говорить. Такой больной, о которомъ впервые заговорили въ литературѣ, могъ произносить только одно слово «тап». Его, напримѣръ, спрашиваютъ: «какъ васъ зовутъ?» Онъ отвѣчаетъ—«тап». «Сколько вамъ лѣтъ?» Онъ отвѣчаетъ: «тап». «Гдѣ вы родились». Тотъ же отвѣтъ. Но не слѣдуетъ думать, что онъ не понимаетъ того, о чемъ его спрашиваютъ. Онъ прекрасно понимаетъ и даже можетъ дать на вопросы правильные отвѣты, если попросить его написать ихъ. Онъ можетъ написать и какъ его зовутъ, и сколько ему лѣтъ, и гдѣ онъ родился. Онъ всѣ слова понимаетъ, но только произнести ихъ не въ состояніи.

Врачи предполагали, что такой недостатокъ рѣчи происходитъ вслѣдствіе того, что какая нибудь часть мозга у такихъ больныхъ повреждена. И, дѣйствительно, когда послѣ смерти многихъ изъ такихъ больныхъ производили вскрытія и изслѣдовали мозгъ, то оказывалось, что у всѣхъ у нихъ въ такъ называемой третьей лобной извилинѣ (лѣваго полушарія) находились поврежденія. Изъ этого для врачей сдѣлалось яснымъ, что есть одна опредѣленная часть мозга, дѣятельность которой связана съ способностью рѣчи. Поэтому они эту третью лобную извилину назвали «центромъ» рѣчи.

Англійскій врачъ Джэксонъ замѣтилъ, что у всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя при жизни страдали параличемъ конечностей, вскрытія послѣ смерти показывали, что въ ихъ мозгу въ той части темянной доли, которая находится возлѣ такъ называемой Роландовой бороздки, находится поврежденіе. Изъ этого онъ могъ сдѣлать заключеніе, что функція этой части корки головного мозга состоитъ въ томъ, чтобы производить движенія конечностей.

Факты такого рода дѣлали несомнѣннымъ то, что взглядъ Флуравса совершенно неправиленъ, потому что извѣстныя функціи принадлежатъ только опредѣленнымъ частямъ мозга.

Въ началѣ 70-хъ годовъ вопросъ о значеніи той или другой части мозга подвергается экспериментальному изслѣдованію, потому что былъ найденъ способъ такъ называемаго *электрическаго раздраженія* поверхности мозга. Дѣло въ томъ, что до 1870 года ученые думали, что мозгъ человѣка и животныхъ совершенно не возбудимъ. Когда мозгъ животныхъ подвергали механическому разрушенію или возбуждали посредствомъ электричества, то совсѣмъ не замѣчали, чтобы животное обнаруживало какіе нибудь признаки боли или вообще производило бы какія нибудь движенія, которыя указывали бы на то, что животное что либо ощущаетъ. Но вотъ двумъ нѣмецкимъ ученымъ, *Фритче* и *Гитцину*, около 1870 года удалось показать, что мозгъ далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ невозбудимъ. Электрическое возбужденіе въ той или другой области головного мозга вызываетъ сокращеніе какой нибудь части тѣла.

Значеніе этого метода можно легко понять, если принять въ соображеніе слѣдующее обстоятельство. Отъ поверхности нашего тѣла и отъ мускуловъ идутъ нервныя нити или нервныя пути къ спинному и головному мозгу. Анатомы доказываютъ, что эти нервныя нити доходятъ до поверхности головного мозга. Мы знаемъ, что мускулы наши приходятъ въ состояніе сокращенія вслѣдствіе того, что по нервамъ, съ которыми они связаны, проходитъ нервное возбужденіе. Зная это, легко понять, что произойдетъ, если мы станемъ возбуждать при помощи электрическаго тока какую нибудь часть поверхности головного мозга; именно, токъ будетъ идти къ тѣмъ частямъ поверхности нашего организма и къ тѣмъ мускуламъ, нервы которыхъ оканчиваются въ той части поверхности мозга, которую мы въ данный моментъ возбуждаемъ. Физиологи, производя опыты такого рода надъ животными, нашли, что вслѣдствіе указанныхъ возбужденій приходятъ въ состояніе сокращенія тѣ или другіе мускулы, смотря по тому, какую часть мозга мы возбуждаемъ.

Послѣ многочисленныхъ изслѣдованій физиологи нашли, что двигательныя функціи локализуются въ такъ называемой темянной долѣ; если мы прикладываемъ электроды къ той части поверхности мозга, которая на рисункѣ обозначена словами «плечо» и «локоть», то въ движеніе приходятъ именно эти части; если мы прикладываемъ электроды къ той части, которая на рис. обозначена словами «мускулы лица», то въ движеніе приходятъ мускулы лица и т. д. Ясное доказательство, что той или другой части поверхности мозга принадлежатъ та или другая опредѣленная функція.

Другой методъ изслѣдованія функцій мозга состоитъ въ такъ называемой *экстирпаціи*, т. е. въ удаленіи или срѣзываніи отдѣльныхъ

частей корки мозга. Физиологъ производитъ опыты эти приблизительно слѣдующимъ образомъ. Онъ наркотизируетъ, напримѣръ, собаку и, когда она находится въ состояніи полнаго наркоза, снимаетъ часть черепа, а затѣмъ вырѣзываетъ желаемую часть мозга, напримѣръ, ту часть, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы приводить въ движеніе правую переднюю лапу, и затѣмъ, когда собака проснется отъ наркоза, онъ начинаетъ наблюдать, какое произошло съ ней измѣненіе. Онъ замѣчаетъ, что собака при движеніи начинаетъ ступать правой лапой съ большой осторожностью. Когда къ ней обращаются съ требованіемъ подать лапу, она подаетъ лѣвую, и если физиологъ настойчиво проситъ правую лапу, то умное животное, хотя и понимаетъ чего отъ него хотятъ, но подаетъ все-таки лѣвую лапу. Если ей бросаютъ

кость, то она принимается ее обглядывать, но при этомъ совсѣмъ не пользуется правой лапой, а пускаетъ въ ходъ исключительно лѣвую. Если бросаютъ хлѣбъ подъ шкафъ, подъ который не прогѣзаетъ ея голова, то она, чтобы достать хлѣбъ, пускаетъ въ ходъ только лѣвую лапу. Однимъ словомъ, изъ всего поведенія животнаго ясно, что оно, будучи лишено извѣстной части мозга, утрачиваетъ способность приводить въ движеніе правую переднюю лапу.

Еще важнѣе для насъ представляется опытъ съ обезьяной, такъ какъ ея мозгъ по своему строенію напоминаетъ мозгъ человѣка. У обезьяны вырѣзываютъ ту же часть мозга, что и у только что приведенной собаки, и тотчасъ же послѣ операціи можно замѣтить, что правая рука обезьяны перестаетъ подчиняться ея волѣ: она парализована. Она теперь, поднимаясь по перекладинамъ рѣшетки, пользуется одной только лѣвой рукой. Если ей дадутъ фрукты, то она протягиваетъ лѣвую руку. Если ей дадутъ орѣхи, то она прячетъ ихъ про запасъ за щеку; если ей дадутъ такое количество ихъ, что ротъ ея переполняется,

то она беретъ ихъ въ лѣвую руку. Если ей продолжаютъ ихъ давать, то она, наконецъ, беретъ ихъ лѣвой ногой и все-таки не примѣняетъ правой руки. Когда она желаетъ воспользоваться орѣхами, спрятанными за щекой, то она выдавливаетъ ихъ рукой и даже съ правой стороны пользуется для выдавливанія ихъ не правой рукой, какъ это дѣлаютъ здоровыя обезьяны, а лѣвой. Словомъ, очевидно, что правая рука у такой обезьяны парализована.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ можно видѣть, что для двигательной функціи существуетъ совершенно опредѣленный участокъ мозга *).

Такіе же опредѣленные участки существуютъ для *ощущеній*: зрѣнія, слуха, осязанія и т. д. Въ этой области особенно важны опыты нѣмецкаго фізіолога *Мунка*. Онъ удалялъ, напримѣръ, у собаки часть затылочной доли, которая на рис. обозначена словомъ «зрѣніе», и тогда онъ замѣчалъ, что у собаки наступала полная слѣпота, хотя глаза, слѣзчатка и зрительный нервъ находились въ полной сохранности. Если онъ въ этой области вырѣзывалъ только центральную часть, то получалось весьма своеобразное явленіе, которое онъ назвалъ «душевною слѣпотой» (*Seelenblindheit*). Оно состоитъ въ томъ, что хотя собака сохраняетъ способность ощущать свѣтъ и цвѣтъ, но не понимаетъ ихъ значенія. Она не способна понимать назначенія предметовъ. Такъ, напримѣръ, она видитъ палку, но не обнаруживаетъ никакого страха, какъ это дѣлаетъ нормальная собака. Несомнѣнно, что она ее «видитъ», но только она не «понимаетъ», что это такое. Она забыла ея назначеніе. Но если дать ей вновь почувствовать, что это такое, то на будущее время она при видѣ палки вновь начинаетъ обнаруживать признаки боязни.

Мункъ даетъ объясненіе этого явленія, которое заслуживаетъ вниманія; именно, онъ принимаетъ существованіе мозговыхъ клѣтокъ двухъ сортовъ. Съ одной стороны клѣтки для *ощущеній*, съ другой стороны клѣтки для *памяти* (*Erinnerungszellen*). Въ этихъ клѣткахъ, по его мнѣнію, сохраняются воспріятыя впечатлѣнія, представленія. Въ клѣткахъ же перваго рода представленія не сохраняются, ихъ назначеніе просто *ощущать*. Отсюда, по мнѣнію *Мунка*, понятно, что если мы вырѣжемъ тотъ центръ, который вызываетъ душевную слѣпоту, то мы уничтожаемъ именно тѣ клѣтки, въ которыхъ сохраняются клѣтки воспоминавій. Оттого и происходитъ, что животное забываетъ назначеніе предмета.

Но, какъ я только что сказалъ, собака можетъ вновь научиться понимать значеніе предметовъ. Это оказывается возможнымъ потому, что выше названныя клѣтки ощущеній могутъ взять на себя функціи запоминанія. Онѣ могутъ сдѣлаться резервуаромъ или хранилищемъ представленій.

*) *Goltz*. Ueber die moderne Phrenologie. Deutsche Rundschau. 1895 г.

Благодаря методу экстирпации и электрическихъ раздраженій оказалось возможнымъ составить довольно подробную карту функцийъ головного мозга. Образецъ такой карты можно видѣть на приложенномъ рисункѣ, гдѣ указано, какая функція принадлежитъ той или другой части мозга (см. рис.).

Но самые цѣнные результаты получились изъ *патологии*, или изъ болѣзней мозга. Это, такъ сказать, эксперименты, которые производитъ сама природа. Врачъ наблюдаетъ надъ душевно-или нервно-больнымъ, надъ тѣми недостатками, которые обнаруживаются въ его психической сферѣ, и затѣмъ послѣ смерти вскрываетъ его мозгъ и старается опредѣлить, какая часть мозга поражена или находится въ болѣзненномъ состояніи. Тогда для него становится яснымъ, что пораженная часть мозга и несетъ на себѣ тѣ функціи, которыя отсутствовали у больного.

Изъ многочисленныхъ данныхъ, которыя, доставляетъ медицина, я для иллюстраціи приведу только нѣсколько примѣровъ изъ *болѣзней рѣчи* или ненормальныхъ состояній, связанныхъ съ способностью рѣчи.

Одинъ случай такого рода я привелъ выше. Это именно больной, который прекрасно *слышитъ* слова, *понимаетъ* ихъ значеніе, *пишетъ* и *видитъ*, но только не можетъ произносить словъ. Такая форма болѣзни называется *афазіей*.

Другая форма—это *глухота къ словамъ*. Больная, о которой я сейчасъ скажу, вполне хорошо видитъ, вполне хорошо говоритъ, слышитъ разные звуки, но совсѣмъ не понимаетъ значенія словъ, ею слышимыхъ. Профессоръ Вернике обращается къ ней: «Здравствуйте, какъживаете?» — Благодарю васъ, хорошо, — отвѣчаетъ она. «Сколько вамъ лѣтъ?» спрашиваетъ онъ дальше.—Благодарю, не дурно.—«Который вамъ годъ?»—Вы хотите спросить, какъ меня зовутъ, какъ я слышу?—«Я хотѣлъ узнать, сколько вамъ лѣтъ?»—Право, я не знаю, какъ я слыхала его зовутъ.—«Дайте мнѣ вашу руку».—Право я не знаю, какъ я слыхала его зовутъ.—и т. д.

И такъ, больные этого типа, сохраняя способность слышать вообще, утрачиваютъ способность понимать смыслъ словъ, ими слышимыхъ.

У больныхъ третьяго типа утрачивается способность писать слова. Эта болѣзнь называется *аграфіей*. Такъ, напр., одинъ больной вмѣсто «царскій флотскій офицеръ» пишетъ «Царнденддъ, флотсиденддъ, офоренденддъ» при полной сохранности всѣхъ остальныхъ способностей. Больной или больная могутъ продолжать такъ же хорошо играть, какъ и раньше, чертить геометрическія фигуры, рисовать, шить, вязать и пр. Словомъ, той рукой, которая не можетъ начертить ни одной буквы, исполняются самыя тонкія работы.

Четвертая форма—это потеря способности читать или *алексія*. Вотъ случай Шарко. «Одинъ французскій негодіавтъ 35 лѣтъ, читавшій и писавшій очень хорошо по французски, однажды отправился вмѣстѣ со своими пріятелями на охоту за лисицами. Вдругъ онъ видитъ на-

половину спрятавшуюся лисицу, стрѣляетъ и убиваетъ ее наповаль; къ несчастію оказалось, что онъ убилъ не лисицу, а прекрасную собаку одного изъ своихъ товарищей. Тотъ былъ глубоко огорченъ, плакалъ, и это страшно потрясло негоціанта. Однако послѣ завтрака охота еще продолжалась. Близко около негоціанта пробѣгаетъ заяцъ, онъ въ него стрѣляетъ, убиваетъ его также на поваль, но затѣмъ самъ падаетъ на землю съ восклицаніемъ, что у него параличъ правой стороны и затѣмъ теряетъ сознаніе. Черезъ нѣкоторое время, когда онъ оправился, онъ совершенно хорошо говорилъ, выражалъ свои мысли, отвѣчалъ на вопросы писалъ свое имя, свой адресъ, даже могъ написать длинное письмо безъ орфографическихъ ошибокъ; но одно странно: свое письмо, вообще все, чтобы онъ ни написалъ, онъ не могъ перечестъ. Точно также онъ не могъ прочесть ни одной строчки, ни одного слова, ни одной буквы изъ написаннаго или напечатаннаго». Вотъ примѣръ чистой *словесной слѣпоты* *).

Психіатры послѣ наблюденія при жизни больного такихъ недостатковъ рѣчи стараются послѣ смерти его сдѣлать вскрытіе, чтобы открыть, съ какими частями мозга связана способность рѣчи. Изъ многочисленныхъ наблюденій они пришли къ необходимости признать четыре особыхъ центра: одинъ спеціальный центръ для слуховыхъ образовъ словъ, другой центръ для зрительныхъ образовъ, третій для двигательныхъ образовъ пишущей руки, четвертый для двигательныхъ образовъ голосового аппарата. Болѣзненное состояніе одного изъ этихъ органовъ при сохранности другихъ или разрушеніе путей между однимъ центромъ и другимъ, производитъ ту или другую форму разстройства рѣчи.

Исслѣдованія психіатровъ, произведенныя указаннымъ способомъ, частью подтвердили результаты, найденныя экспериментальнымъ путемъ, частью поставили новыя задачи для эксперимента.

Четвертый способъ исслѣдованія функцій мозга это *эмбриологическій*, который въ рукахъ Флексига привелъ къ наиболѣе плодотворнымъ результатамъ.

Сущность этого метода заключается въ томъ, что анатомъ изучаетъ строеніе мозга на различныхъ стадіяхъ его развитія, начиная съ зародышеваго состоянія, и старается прослѣдить послѣдовательное появленіе тѣхъ или другихъ центровъ, и изъ этого онъ стремится опредѣлить ихъ назначеніе. Слѣдуя этому методу, Флексигъ нашелъ, что на самой ранней ступени развитія появляются совершенно опредѣленные участки, которые онъ называетъ центрами *ощущеній*. Это именно центры, которые прежде были открыты при помощи экспериментальныхъ приемовъ. Центры: *зрительный, слуховой, осязательно-двигатель-*

*) См. Корниловъ. О человѣческой рѣчи. «Вопросы Философіи и Психологіи». №№ 20 и 21.

ний, обонятельный. Эти центры образуютъ какъ бы островки между собой, такъ какъ первоначально, по мнѣнію Флексига, между ними не существуетъ проводящихъ путей. Эти проводящіе пути являются впоследствии. По мнѣнію Флексига, это вполне понятно: въ утробной жизни ребенокъ можетъ имѣть ощущенія, не связанныя другъ съ другомъ, оттого у него и центры для ощущеній не связаны другъ съ другомъ. Впоследствии, когда наступаетъ тотъ періодъ жизни, въ который ощущенія *ассоцируются* другъ съ другомъ, между центрами ощущеній появляются проводящіе пути, которые и служатъ для ассоціаціи ощущеній. Потому Флексигъ и называетъ ихъ *ассоціативными центрами*, и этому открытію Флексига многіе физиологи придаютъ особенное значеніе *).

Есть еще *анатомо-гистологическій* методъ, но я его подвергать разсмотрѣнію не буду.

Тѣхъ фактовъ, которыя я привелъ, вполне достаточно, чтобы видѣть, что ученіе Флуранса должно быть признано совершенно несостоятельнымъ. Но есть физиологи, которые думаютъ, что общераспространенныя теоріи грѣшатъ недостаткомъ, который приближаетъ ихъ къ френологіи Галля, почему они и самое ученіе о локализациі умственныхъ способностей называютъ просто «современной френологіей» **).

Ошибка заключается въ томъ; что предполагается существованіе *строго опредѣленныхъ участковъ мозга*, въ которыхъ локализируются тѣ или другіе функціи. Между тѣмъ какъ существуетъ очень много данныхъ, которыя противорѣчатъ такой строго опредѣленной локализациі. Больше всѣхъ для выясненія этого вопроса сдѣлалъ нѣмецкій физиологъ *Гольцъ*, который самъ произвелъ очень много экспериментовъ для изученія вопроса о локализациі умственныхъ способностей.

Онъ находитъ, что существуютъ многочисленные случаи, когда явленія афазіи связываются съ пораженіемъ не третьей лобной доли, какъ это обыкновенно принято думать, но съ другими частями мозга, а этого разумѣется не могло бы быть, если бы существовала строго опредѣленная локализациа. Такъ же неубѣдительны, по мнѣнію Гольца, и экспериментальныя данныя. Принято думать, что функціи движенія имѣютъ строго опредѣленную локализацию, между тѣмъ, Гольцъ замѣтилъ, что, когда удаляется та часть мозга, которая по общепринятымъ теоріямъ, заправляетъ движеніями правой лапы собаки, то замѣчается

*) См. его книгу *Gehirn und Seele*. 2-е изд. 1896 г. а также рѣчь на всемірномъ конгрессѣ психологовъ въ Мюнхенѣ въ сборникѣ *Dritter internationaler Congress für Psychologie München*. 1896 стр. 49—68.

**) Терминъ «френологія», въ ироническомъ смыслѣ, по отношенію къ современнымъ ученіямъ о локализациі умственныхъ способностей употребляли не только философы, какъ это можно было бы подумать на основаніи словъ Флексига (*Gehirn und Seele* стр. 12), но и физиологи, напр., Гольцъ. См. его вышеприведенную статью: «О современной френологіи».

не только ослабленіе движенія правой лапы, но также и лѣвой. Кромѣ того, замѣчается ослабленіе не только движенія, но и способности зрѣнія; центръ котораго находится очень далеко отъ центра движенія. Такого явленія не могло бы быть, если бы существовало строго опредѣленное разграниченіе отдѣльныхъ участковъ мозга по ихъ функциямъ *).

Но особенный интересъ представляютъ изслѣдованія того же Гольца надъ собакой безъ мозга (*Hund ohne Gehirn*) или, вѣрнѣе сказать, надъ собакой безъ мозговыхъ полушарій. Эти изслѣдованія показываютъ, что обыкновенное ученіе о локализациі умственныхъ способностей не можетъ считаться вполне правильнымъ.

Ему удалось вырѣзать у собаки мозговья полушарія безъ опасности для жизни послѣдней. Собака эта безъ мозга жила 18 мѣсяцевъ, послѣ чего ее убили, чтобы изслѣдовать состояніе оставшихся у нея частей мозга.

Нужно было думать, что у этой собаки, у которой нѣтъ мозговыхъ полушарій, у которой нѣтъ, слѣдовательно, различныхъ «центровъ» ощущеній, зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. под., не можетъ быть и ощущеній. Но въ дѣйствительности оказалось, что всѣ эти ощущенія у нея сохранились. Она не была слѣпой, потому что она реагировала на сильный свѣтъ. Она не была глухой, потому что реагировала на рѣзкіе звуки. Она имѣла ощущенія вкуса, потому что, напр., не ѣла мяса, облитого растворомъ хинина. Животное, которое не имѣло никакихъ двигательныхъ центровъ, совершало вполне хорошо различные движенія.

Въ этой статьѣ Гольцъ между прочимъ указываетъ на изслѣдованія русскаго ученаго, г. Малиновскаго, которое приводитъ къ удивительнымъ результатамъ, если держаться общепринятыхъ ученій о локализациі психическихъ способностей.

Г. Малиновскій ввелъ въ лѣвое полушаріе собаки особые микробы, которые производятъ гніеніе. Разумѣется, тотчасъ началось гніеніе указаннаго полушарія. Собака начала обнаруживать слабость въ движеніяхъ правыхъ конечностей. По мѣрѣ развитія болѣзни, слабость возрастала все больше и больше. Кончилось тѣмъ, что вся правая половина животнаго оказалась парализованной. Тогда изслѣдователь вскрылъ черепъ животнаго и удалилъ всю ту двигательную область полушарій, которая подверглась гніенію. Какъ только онъ это сдѣлалъ, собака уже на другой день послѣ операціи вновь приобрѣла способность ходить почти такъ же, какъ и нормальная.

Какъ можно было бы объяснить этотъ удивительный фактъ, я не стану разбирать. Для насъ важно въ данномъ случаѣ замѣтить, что, хотя въ указанномъ случаѣ такъ называемые двигательные центры были удалены, однако способность движенія совсѣмъ не утрачивалась.

*) Ук. ст. стр. 270, 276.

Въ той же статьѣ Гольцъ описываетъ слѣдующій случай. На лугу, напр., пасется быкъ, о которомъ говорятъ, что онъ отличается отъ другихъ быковъ только тѣмъ, что онъ злой. Другихъ особенностей за нимъ не замѣчается. Въ известное время его приводятъ на бойню, и мясникъ замѣчаетъ, что убить его при помощи удара топора труднѣе, нежели обыкновеннаго быка. Послѣ вскрытія черепа оказывается, что у него вмѣсто мозга находится «камень», какъ говорится въ старинныхъ преданіяхъ. На самомъ же дѣлѣ мозговья полушарія вытѣснены костной опухолью. Вся полость черепа заполнена костной массой, такъ что оставалась только очень незначительная часть мозговыхъ полушарій, тѣмъ не менѣе психическія способности, повидимому, мало уклонились отъ нормальныхъ.

Этотъ случай никакъ не можетъ быть приведенъ въ согласіе съ общепринятыми взглядами на функціи мозга. Гольцъ въ этой статьѣ приходитъ къ тому выводу, что и тѣ части мозга, которыя не входятъ въ составъ мозговыхъ полушарій, должны быть приняты въ соображеніе, когда дѣло идетъ о психическихъ функціяхъ мозга *).

Кромѣ того Гольцъ, возражая противъ современныхъ френологическихкихъ ученій, обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что у животныхъ, у которыхъ удалена какая-нибудь небольшая часть мозга, *только въ первое время послѣ операціи* утрачиваются нѣкоторыя психическія функціи, но спустя мѣсяцъ приблизительно послѣ операціи, эти функціи вновь возвращаются.

Предполагаютъ, что это происходитъ оттого, что другія сосѣднія части мозга берутъ на себя функцію удаленной части мозга. Онѣ, такъ сказать, становятся *замѣстителями* утраченныхъ частей мозга. «Но, если это такъ, возражаетъ Гольцъ, если одніѣ части мозга могутъ видоизмѣнять свои функціи и брать на себя функціи другихъ частей мозга, то ясно, что не можетъ быть рѣчи о строгой разграниченности мозговыхъ функцій. Вѣдь если какой-нибудь камешекъ изъ мозговой мозаики выпалъ, то другой камешекъ не можетъ его замѣстить, по истинному смыслу современной френологіи».

Наконецъ, противъ того положенія, что въ томъ или другомъ процессѣ, напр., въ зрѣніи или въ слухѣ принимаетъ участіе только *одинъ* или другой участокъ мозга, можно возразить, что оно представляется совсѣмъ невѣроятнымъ. Это положеніе, какъ мы видѣли, доказывается тѣмъ, что съ уничтоженіемъ известныхъ частей мозга уничтожаются и соответствующія функціи.

Вундтъ замѣчаетъ **), что это разсужденіе такъ же невѣроятно, какъ если-бы кто нибудь сказалъ, что движенія какой нибудь сложной машины находятся въ зависимости отъ движенія и цѣлости того или

*) Статя Hund ohne Gehirn помѣщена въ Pflüger's Archiv f. d. Physiologie B. LI. 1891 г.

**) Wundt. Gehirn u. Seele. (Ergo Essays).

другого колеса, потому что разрушение этого колеса влечет за собою остановку движения всей машины. Скорѣе можно думать, что въ томъ или другомъ умственномъ процессѣ принимаютъ участіе многочисленные мозговые участки, между прочимъ и тотъ, которому приписывается эта функція, а тогда разумѣется понятно, что уничтоженіе этого участка можетъ повлечь за собою и уничтоженіе соотвѣтствующей функціи.

Вотъ вамъ въ самыхъ общихъ чертахъ очеркъ современныхъ учений о локализации умственныхъ способностей. Изъ нихъ слѣдуетъ съ неопровержимой ясностью одно, что ни ученіе Флуранса объ однородности мозга, ни противоположное ученіе о томъ, что существуютъ строго опредѣленныя области мозга съ опредѣленными функціями не можетъ быть признано истиннымъ.

Я, разумѣется, очень далекъ отъ желанія подвергать критикѣ фізіологическія ученія. Для меня эти ученія представляютъ интересъ только лишь въ отношеніи къ вопросу о природѣ психическихъ явленій.

Мы видѣли, что френологія считается наукой осмѣянной, изгнанной, но, изгнанная изъ однихъ дверей, она проникаетъ къ намъ въ другія. Если фізіологи въ настоящее время не считаютъ болѣе возможнымъ искать отдѣльные органы для отдѣльныхъ «способностей», за то они находятъ отдѣльные органы для отдѣльныхъ *представленій*, изъ которыхъ складывается вся наша умственная жизнь. Къ такому разсужденію они приходятъ на основаніи слѣдующихъ данныхъ анатомо-фізіологическаго характера.

Въ настоящее время анатомы признаютъ, что вся наша нервная система составляется изъ отдѣльныхъ элементовъ или единицъ, которыя называются *нейронами* *). Соединеніе этихъ нейроновъ другъ съ другомъ даетъ намъ всю нашу нервную систему. Можно себѣ представить, что при усовершенствованныхъ премахъ анатомическаго изслѣдованія можно было бы всю нервную систему разложить на отдѣльные элементы, нейроны, число которыхъ, разумѣется, насчитывается миллиардами. Нейронъ представляетъ изъ себя нервную клѣтку съ отростками двухъ родовъ. Одинъ отростокъ тонкій и длинный, называемый *осево-цилиндрическимъ*; другіе отростки короткіе и толстые; ихъ называютъ *протоплазматическими*. Соединеніе одного отростка съ другимъ происходитъ такимъ образомъ, что осево-цилиндрическій отростокъ одного приходитъ въ соприкосновеніе съ протоплазматическимъ отросткомъ другого. Въ послѣднее время найдено также, что отростки могутъ то удлиняться, то укорачиваться и такимъ образомъ между ними связь устанавливается и нарушается.

Таковы анатомическія единицы. Какія же психическія *единицы* имъ соотвѣтствуютъ? Для многихъ казалось въ высокой мѣрѣ вѣроятнымъ, что такія психологическія единицы суть *представленія*, при чемъ каж-

*) См. подробности въ «Научной Хроникѣ», февраль «М. Б.», 1897 г. *Ред.*

дому нейрону соотвѣтствуетъ одно представленіе; что нейронъ является какъ бы резервуаромъ, въ которомъ, такъ сказать, хранится представленіе.

При такихъ условіяхъ легко понять, какъ совершается такой процессъ, какъ процессъ *ассоціаціи* двухъ представленій. Положимъ, я въ рукахъ держу мѣлъ, который имѣетъ извѣстный цвѣтъ и извѣстную тяжесть. Мѣлъ есть представленіе, сложенное изъ двухъ представленій, которыя мы обозначимъ черезъ А и В. Предположимъ, что представленіе А принадлежитъ нейрону *a*, представленіе В принадлежитъ нейрону *e*. Теперь понятно, что если представленіе А соединяется съ представленіемъ В, то это происходитъ отъ того, что нейронъ *a* вступаетъ въ соединеніе съ нейрономъ *e*. Если случается, что мы не можемъ вспомнить какого нибудь представленія, находящагося въ ассоціативной связи съ другимъ, то это происходитъ оттого, что не устанавливается связи между нейронами, соотвѣтствующими этимъ представленіямъ. Если у кого нибудь является блестящая мысль, благодаря которой устанавливается соединеніе между однимъ представленіемъ и другимъ, то это происходитъ вслѣдствіе того, что между соотвѣтствующими имъ нейронами устанавливается ассоціативная связь. Такимъ образомъ различные психическіе процессы могутъ быть объяснены при помощи процесса соединенія и разъединенія нейроновъ.

«Въ новѣйшее время, говоритъ проф. *Бехтеревъ* *), Дювалемъ было высказано предположеніе, что концевыя развѣтвленія нейроновъ способны къ амебоднымъ движеніямъ, благодаря чему они могутъ удлиняться и укорачиваться. Сходственную гипотезу высказалъ нѣсколько ранѣе Rabl Rückhardt, допускавшій движеніе протоплазменныхъ отростковъ. ...Если-бы предположеніе объ амебодныхъ движеніяхъ подтвердилось, то мы получили бы возможность объяснить наиболѣе простымъ способомъ вліяніе привычки и упражненія на отправленія нервной системы, вліяніе возбуждающихъ и угнетающихъ средствъ на нервную систему, а равно и многихъ другихъ фактовъ изъ области физиологіи и патологіи нервной системы».

«Ramon y Cajal считаетъ возможнымъ образованіе новыхъ соединеній, благодаря удлиненію отростковъ, но не временнаго, а болѣе постояннаго».

«По теоріи Рюккарда, — говоритъ Азулэ, — пирамидальная клѣтка есть вмѣстилище опредѣленнаго количества и опредѣленнаго рода представленій, сумма которыхъ есть память. Эти представленія должны быть накоплены въ молекулахъ клѣточной протоплазмы; слѣдовательно, эта протоплазма обладаетъ памятью. Если всѣ наши умственные дѣятельности связаны съ подвижными комбинаціями представленій (съ ассоціаціями идей) или съ образами, накопленными въ протоплазмѣ раз-

*) Обзоръ психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи. 1896. № 1.

личныхъ клѣтокъ, то въ ткани нервной системы долженъ быть пунктъ, въ которомъ эта подвижность производится».

Въ этой ткани есть одинъ пунктъ особенной важности, это именно тотъ пунктъ, въ которомъ отростки нейроновъ соединяются другъ съ другомъ.

«Какимъ образомъ можетъ происходить эта подвижность комбинацій? Достаточно предположить, что протоплазматическій отростокъ прерывается въ этомъ пунктѣ, когда комбинація не имѣетъ мѣста, и вновь срастается, когда комбинація имѣетъ мѣсто; и это происходитъ посредствомъ амебoidalнаго движенія конца протоплазматическаго отростка». Такимъ образомъ можно объяснить процессъ мышленія вообще. «Такъ, напр., какая-нибудь гениальная комбинація соотвѣтствуетъ быстрой игрѣ разрыва и соединенія протоплазматическихъ отростковъ нѣсколькихъ нервныхъ клѣтокъ. Мысль лѣнивая и бѣдная соотвѣтствуетъ медленной игрѣ этихъ явленій въ протоплазматическихъ отросткахъ. Сонъ съ свовидѣніями, гипнотизмъ, различныя патологическія состоянія, можетъ быть, суть не что иное, какъ частичные параличи скоропроходящіе или продолжительные амебoidalнаго движенія протоплазматическихъ отростковъ» *).

Нѣсколько труднымъ съ этой точки зрѣнія является рѣшеніе вопроса, какое количество представленій принадлежитъ каждому нейрону или нервной клѣткѣ, и какъ мы должны принять, всѣ ли нервныя клѣтки заняты представленіями, или же есть и клѣтки, свободныя отъ представленій. У нѣкоторыхъ физиологовъ встрѣчаемъ замѣчанія, что *каждая клѣтка служитъ для одного представленія***), а зная количество клѣтокъ, мы даже можемъ опредѣлить, есть ли у насъ клѣтки въ мозгу, свободныя отъ представленій. По вычисленію Мейнерта, у насъ въ мозгу имѣется около 600 милліоновъ клѣтокъ. По вычисленію же психіатра Ковалевскаго, у насъ въ теченіе жизни можетъ перебивать около 40 милліоновъ представленій. Слѣдовательно, выходитъ, что у насъ очень много клѣтокъ, которыя совершенно остаются безъ всякихъ представленій.

У насъ имѣются данныя, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ физиологовъ, дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что представленія располагаются въ мозгу, если такъ можно выразиться, послойно. На это указываютъ явленія такъ называемой частной *амнези* или потери памяти. Извѣстно, что при нѣкоторыхъ нервныхъ расстройствахъ происходитъ забвеніе словъ, при чемъ эта утрата словъ по большей части вдетъ въ опредѣленномъ, послѣдовательномъ порядкѣ, такъ напримѣръ, больной забываетъ прежде всего имена собственныя, затѣмъ имена существительныя вообще, глаголы и т. д. Проч-

*) *Azoulay*. «Psychologie histologique et texture du système nerveux. Année psychologique». 1895. Vol. II.

**.) Напр., *Ковалевскій*. «Основы механизма душевной дѣятельности».

нѣ всего держатся междометія. Такъ какъ по предположенію отдѣльныя части рѣчи выпадаютъ потому, что клѣтки, въ которыхъ онѣ локализируются, перестаютъ дѣйствовать, то изъ этого дѣлается яснымъ, что отдѣльныя части рѣчи локализируются въ отдѣльныхъ частяхъ мозга, что онѣ прикрѣплены, такъ сказать, къ совершенно опредѣленной группѣ клѣтокъ, и въ этомъ смыслѣ можно говорить, что представленіе локализуется въ тѣхъ или другихъ частяхъ мозга; можно даже сказать, что къ той или другой клѣткѣ прикрѣплено то или другое представленіе.

Но всѣ эти разсужденія лишены всякаго научнаго основанія. Они совершенно произвольны, и самый простой психологическій анализъ можетъ намъ показать неосновательность всѣхъ этихъ физиологическихъ построений.

Въ самомъ дѣлѣ, какія у насъ основанія утверждать, что каждая клѣтка служитъ для одного представленія? Рѣшительно никакихъ. Мы можемъ признать, что въ мозгу главная дѣятельность приходится на долю клѣтокъ. Мы можемъ назвать ихъ анатомическими единицами, но не имѣемъ никакого права утверждать, что каждая клѣтка служитъ для одного представленія. Если существуютъ анатомическія единицы, то изъ этого не слѣдуетъ, что существуютъ психологическія единицы, отличающіяся такою же опредѣленностью, какъ и анатомическія. Мысль, что каждое представленіе связывается съ одной нервной клѣткой, вызываетъ чрезвычайно большія трудности, если мы пожелаемъ провести ее послѣдовательно; напр., можемъ ли мы сказать, какое представленіе простое и соотвѣтствуетъ одному нейрону и какое представленіе сложное и соотвѣтствуетъ множеству нейроновъ? Напр., представленіе звѣзднаго неба, есть одно представленіе или множество? Представленіе шахматной доски—одно представленіе или множество? и т. п. *).

«Абсурдность френологической гипотезы,—говоритъ Вундтъ,—уменьшается только въ очень незначительной степени, если мы примемъ, какъ это дѣлаетъ новѣйшее направленіе мозговой локализаци, что каждое представленіе прикрѣплено къ одной мозговой клѣткѣ, такъ что возбужденіе этой клѣтки вызываетъ непосредственно соотвѣтствующія представленія». Вундтъ, разумѣется, этого взгляда совсѣмъ не признаетъ. «Подобно тому, какъ одна палочка сѣтчатки или одно волокно зрительнаго нерва не можетъ быть резервуаромъ для отдѣльнаго представленія, напр., дома или даннаго человѣческаго лица, точно такимъ же образомъ имъ не можетъ быть одна клѣтка такъ называемаго зрительнаго центра.

«Нужно только разсмотрѣть слѣдствія этого положенія, чтобы понять его внутреннюю невозможность. Нашего знакомаго, съ которымъ мы встречаемся ежедневно, мы видѣли въ самыхъ различныхъ поло-

*) *Остроумовъ*. «О методахъ физиологической психологіи».

женіяхъ, слѣдовательно, такъ мы должны думать, мы отводимъ для него въ нашемъ мозгу не одну клѣтку, но цѣлый рядъ ихъ. Если мы его видимъ въ какомъ-нибудь уже знакомомъ намъ видѣ, то мы пользуемся клѣткой, которая уже у насъ имѣется. Если же онъ является передъ нами въ какомъ-нибудь новомъ видѣ, напр., въ новой шляпѣ на головѣ, то это новое представленіе мы должны помѣстить въ какую-нибудь запасную клѣтку. Если, напр., далѣе мы узнали какое-либо новое иностранное слово, то мы его помѣщаемъ въ какую-нибудь клѣтку центральнаго органа рѣчи. Если мы то же самое слово слышимъ съ какимъ-нибудь новымъ оттѣнкомъ въ произношеніи, то для этой модификаціи необходима уже новая клѣтка и т. д. до безконечности *)).

Если кто нибудь привязываетъ представленіе къ нейрону, то онъ совершенно неправильно понимаетъ, что такое представленіе съ точки зрѣнія психологической.

Ему кажется, что представленіе есть какая-то *вещь*, которая можетъ гдѣ-то помѣщаться. Ему кажется, что представленіе есть какая-то матеріальная вещь, но такъ какъ представленіе, какъ нѣчто психическое, протяженностью не обладающее, не можетъ занимать пространства, то о немъ нельзя сказать, что оно помѣщается гдѣ-нибудь въ пространствѣ, нельзя сказать, что оно помѣщается въ какой-нибудь клѣткѣ или, что оно какъ бы прикрѣплено къ ней.

Представленіе вовсе не есть вещь, а есть, такъ сказать, *процессъ*. Вещью мы называемъ то, что обладаетъ извѣстнымъ постоянствомъ. Напр., кусокъ камня сегодня представляетъ изъ себя почти то же самое, что и вчера. Представленіе и въ этомъ смыслѣ не можетъ быть названо вещью, потому что въ дѣйствительности оно есть нѣчто измѣняющееся, есть то, что мы можемъ назвать процессомъ, а о процессѣ, при томъ не матеріальномъ, разумѣется, нельзя сказать, что онъ совершается *идь-нибудь* въ пространствѣ, а можно только лишь сказать, что онъ совершается *одновременно* съ какимъ-нибудь физиологическимъ процессомъ.

Мы теперь можемъ отвѣтить на вопросъ, какъ нужно понимать терминъ *локализации умственныхъ способностей*. Именно, подъ этимъ нельзя понимать, что будто какія-то представленія размѣщаются въ какихъ-то клѣткахъ; мы можемъ только сказать, что представленіе это психологическій *процессъ*, который совершается въ то время, когда въ мозгу совершаются тѣ или другіе физиологическіе процессы. Замѣтите, я говорю о совпаденіи во *времени* между этими двумя процессами, считая, что было бы нехорошо говорить о пространственномъ положеніи представленій, такъ какъ эти послѣднія не имѣютъ ничего общаго съ пространствомъ.

*) *Wundt. Vorlesungen über die Menschen--und Thierseele* изд. 3-е. Русск. пер. лекц. 30-я.

Далѣе, я считаю нужнымъ замѣтить, что у насъ, опять-таки съ психологической точки зрѣнія, не имѣется никакихъ основаній утверждать, что одно представленіе должно быть связано съ дѣятельностью *одной* клѣтки. Всего вѣроятнѣй, что процессу простого представленія соотвѣтствуетъ одновременная дѣятельность чрезвычайно большого количества клѣтокъ, такъ какъ почти каждое представленіе обладаетъ сложнымъ характеромъ и состоитъ изъ множества разнороднѣйшихъ ощущеній, принадлежащихъ къ области различныхъ органовъ чувствъ. Напр., одно слово, которое принято считать однимъ представленіемъ на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ такихъ элементовъ, какъ слуховой образъ, двигательный образъ произношенія, часто зрительный образъ и т. д. Можемъ ли мы говорить при такихъ условіяхъ, что одному представленію соотвѣтствуетъ только одна клѣтка? Во всякомъ случаѣ мы объ этомъ ничего опредѣленнаго не знаемъ, даже никакой опредѣленной гипотезы по этому вопросу построить не можемъ.

Отсюда ясно, какъ неправы тѣ, которые предлагаютъ психологію замѣнить физиологіей мозга. Не правы они потому, что то, что мы знаемъ въ области психологіи, отличается несравненно бѣльшей опредѣленностью, чѣмъ то, что мы знаемъ относительно физиологической основы нашихъ представленій. Напр., возьмемъ ассоціацію двухъ представленій А и В. Роза состоитъ изъ представленій А=извѣстнаго цвѣта и В=извѣстнаго запаха. Здѣсь для насъ все ясно: и содержаніе представленій А и В, и самая связь между ними. Но разсмотрите, что соотвѣтствуетъ имъ съ точки зрѣнія физиологической? какая-то связь между какими-то нервными элементами. Въ лучшемъ случаѣ мы объ этомъ можемъ составить только лишь какую нибудь гипотезу. Слѣдовательно ассоціація съ точки зрѣнія психологической есть *фактъ*, а съ точки зрѣнія физиологической только лишь *ипотеза*. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о возможности замѣны психологіи физиологіей мозга?

Я хочу иллюстрировать это положеніе однимъ любопытнымъ случаемъ. Недавно между вѣнскимъ анатомомъ *Штриккеромъ* и психологомъ *Штумфомъ* возникъ такого рода споръ. По поводу одной теоріи Штриккеръ упрекнулъ Штумфа въ томъ, что, «должно быть, когда онъ писалъ свою теорію, то не имѣлъ совершенно яснаго представленія относительно строенія мозговой коры», а Штумфъ для возраженія Штриккеру беретъ ту же самую книгу его, въ которой содержится это возраженіе и тамъ находитъ слѣдующія выраженія: «Совершенно не наше дѣло доказывать, говорилъ Штриккеръ, извѣстны ли намъ эти нервные пути или нѣтъ. Ассоціація есть несомнѣнный фактъ». «Это положеніе относительно ассоціаціи представленій совсѣмъ не есть *ипотеза*. Выраженіе «ассоціація» перешло также въ физиологію и здѣсь оно опирается только на *ипотезу*», говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ своемъ сочиненіи *). Эти показанія для насъ въ высшей степени цѣнны,

*) *Логика* (русск. пер. 1899 г. стр. 689).

потому что принадлежать анатому и противъ его воли, такъ сказать, показываютъ, что и анатомъ долженъ признать, что психологическіе факты, извѣстные намъ изъ внутренняго опыта, оказываются болѣе достовѣрными, чѣмъ тѣ *гипотезы*, которыя мы можемъ предлагать по поводу физиологическихъ процессовъ, соответствующихъ психологическимъ.

Отсюда ясно, какъ не правы тѣ, которые говорятъ, что «собственно психологія, какъ таковая, обречена на полное безплодіе; если мы хотимъ раскрыть законы психологической жизни, то мы должны изучить строенія и функціи нашего мозга». Въ дѣйствительности, происходитъ какъ разъ наоборотъ. Анатомъ, приступая къ изученію функцій мозга, идетъ отъ психологическихъ данныхъ, а не наоборотъ. Какимъ образомъ психіатръ могъ бы опредѣлить локализацию афазіи, если бы онъ не исходилъ отъ психологическаго анализа самого факта; какъ онъ вообще могъ бы говорить объ афазіи, если бы не изслѣдовалъ явленій афазіи съ точки зрѣнія внутренняго опыта?

Наиболѣе выдающіеся философы держатся этого взгляда. Когда *Отюстъ Контъ*, отвергая законность психологіи на основаніи внутренняго опыта, требовалъ вернуться къ френологіи Галля, то Д. С. Милль *) заявилъ, что «законы психологической жизни не могутъ быть выводимы изъ физиологическихъ законовъ нашей нервной организаціи, а потому за всякимъ дѣйствительнымъ знаніемъ послѣдовательности психическихъ явленій впредь (если не всегда, то несомнѣнно еще долгое время) будутъ обращаться къ ихъ прямому изученію путемъ наблюденія и опыта. Такъ какъ такимъ образомъ порядокъ нашихъ психическихъ явленій приходится изучать на нихъ самихъ, а не выводить изъ законовъ какихъ либо общихъ явленій, то существуетъ слѣдовательно отдѣльная и особая наука о духѣ»... «Мнѣ кажется, говоритъ онъ далѣе, что было бы серьезной ошибкой отказъ отъ психологическаго анализа и *попытка построить ученіе о духѣ исключительно на основаніи тѣхъ данныхъ, какія въ настоящее время доставляетъ физиологія*. Какъ бы ни была несовершенна наука о духѣ, я безъ колебанія утверждаю, что она значительно болѣе подвинута впередъ, чѣмъ соответствующая ей часть физиологіи, и отвергать ее во имя этой послѣдней кажется мнѣ нарушеніемъ истинныхъ правилъ индуктивной философіи».

Одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей современной психологіи, *Вундтъ*, говоритъ слѣдующее: «Нужно подумать о той важной помощи, которую психологическій анализъ нашихъ ощущеній оказываетъ физиологическому изслѣдованію нашихъ органовъ чувствъ и о тѣхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы имѣемъ о физиологическомъ субстратѣ сложнѣйшихъ психическихъ процессовъ въ сравненіи съ относительно обстоятельнымъ познаніемъ, которое намъ доставляетъ внут-

*) См. «*Stumpf. Toppsychologie*». 1883. В. I, стр. 92—3.

реннее воспріятіе въ этихъ процессахъ. Въ общемъ дѣло складывается такимъ образомъ, что именно тамъ, гдѣ фізіологія въ настоящее время стоитъ передъ неразрѣшимой проблемой, тамъ психологія оказываетъ ей руководящія услуги *)).

Чтобы вы не подумали, что только философы понимаютъ такимъ образомъ отношеніе между психологическимъ наблюденіемъ и анатомо-фізіологическими условіями мысли, я укажу вамъ, что даже въ медицинѣ, гдѣ въ послѣднее время возникали споры относительно роли анатомическаго изслѣдованія для психопатологіи, нѣкоторые психіатры высказывались противъ этого. *Флексигъ* утверждалъ, что психіатрія не будетъ прогрессировать до тѣхъ поръ, пока не воспользуется въ болѣе широкихъ размѣрахъ анатоміей мозга, чѣмъ это она дѣлала до сихъ поръ. Въ отвѣтъ на это психіатръ *Нисслъ* сдѣлалъ цѣлый рядъ возраженій **). По его мнѣнію, ни одинъ психіатръ не можетъ сказать, что тѣ несовершенныя анатомическія изслѣдованія мозга, какія мы въ настоящее время имѣемъ, оказали пользу клинической психіатріи. Онъ находитъ, что собственныя работы *Флексига* и въ особенности его выводы не представляютъ изъ себя «естественно научнаго наблюденія, но являются догматизмомъ спекулятивно анатомической области»... «Онъ не привелъ ни одного доказательства того, что его ассоціативныя волокна имѣютъ что нибудь общее съ тѣмъ, что мы называемъ ассоціаціей»... «Анатомія мозга есть отрасль анатомическихъ наукъ. Анатомія мозга, какъ таковая, не имѣетъ ничего общаго съ психіатріей. Психіатрія обязана своимъ развитіемъ врачамъ, которые никогда не работали въ области анатоміи мозга».

Одинъ анатомъ по поводу огромныхъ успѣховъ анатоміи мозга въ послѣднее время высказалъ надежду, что не далеко то время, когда наши познанія строенія мозга будутъ такъ велики, что мы будемъ въ состояніи построить такую колоссальную модель мозга, въ которой каждая нить, каждое волокно, каждая клѣточка будутъ представлены особо. Такая модель будетъ изъ себя представлять точную копію мозга, его, такъ сказать, фотографію.

Съ своей стороны я считаю нужнымъ замѣтить, что если даже наши знанія строенія мозга достигнутъ той степени, о которой говоритъ анатомъ, то все таки психологія не сдѣлается излишней, потому что, чтобы говорить о назначеніи той или другой части мозга, нужно знать психологическіе факты изъ внутренняго опыта.

*) Philosophische Studien. В. X. Н. I. Ср. *Рилъ*. Теорія науки и метафизика стр. 247. *Sigwart*. Logik. В. II. стр. 519, 569.

***) Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie, 1898. N. 2. Статя «Psychiatrie und Hirnanatomie».

ИЗЪ ЗАБЫТОЙ ТЕТРАДИ.

I.

Ни въ чемъ очарованья нѣтъ!
Безеровны, будто привидѣнья,
Безъ радостей, безъ тяжкихъ бѣдъ
Влачатся скучныя мгновенья.
И тѣ, кто размышлять привыкъ,
Не покорятся вновь обману:
Имъ каждый звукъ вселеля—дикъ,
Имъ каждый день наносить рану...

— Спишимъ, о братья! жизнь—одна.
Пускай же призракомъ мгновеннымъ,
Крылатымъ сномъ мелькнетъ она,
Но сномъ прекраснымъ, незабвеннымъ!
Не бойтесь смерти! Смерти ночь
Страшнѣе ль жизни бездыханной?
Впередъ, отъ злыхъ кошмаровъ прочь!
Впередъ—къ землѣ обѣтованной!
Спишимъ, друзья!..

Но кличь добра
Слѣпцы встрѣчаютъ злобнымъ смѣхомъ,
Подъ сѣнью тьмы и топора
Отдавшись суетнымъ потѣхамъ:
„Безумцы, нужны цѣпи вамъ!“
И бьютъ безумцевъ, бьютъ нещадно...

А солнце жизни свѣтитъ чадно
Самимъ угрюмымъ палачамъ.

II.

Одолѣли думы мрачныя:
Гибнуть страшно, жить—страшнѣй!
Отъ своей болящей совѣсти,
Отъ насмѣшливыхъ друзей

Убѣжать бы невидимкою
 Въ лѣсъ дремучій и глухой,
 Гдѣ людей отъ вѣка не было
 Съ ихъ немолчною враждой;
 Убѣжать бы въ горы, съ облакомъ
 Поровняться бы сѣдымъ,
 Безъ стыда все горе выплакать
 Веллванамъ вѣковымъ.
 Имъ сказать бы: „Братья гордые,
 Научите, какъ стоять
 Подъ грозою, въ ночи темныя,
 Не робѣть и не дрожать!“

V A E V I C T I S.

(Изъ Ч. Николини).

Потомство узнаетъ, потомство услышитъ
 Всѣ ваши неправды, всю нашу печаль.
 Оно заклеймитъ васъ, оно насъ запишетъ
 Въ вровавую славы скрижаль.
 Оно изумится тому, какъ жестоки
 И холодны были людскія сердца,
 Какъ нагло толпою побиты пророки,
 Задушены пѣсни пѣвца!
 Оно содрогнется, узнавъ, какъ томили
 Тебя въ чужедальнихъ снѣгахъ,
 Какъ нашу любовь, милый другъ, умертвили
 Во мракѣ разлуки, въ дѣпяхъ!

И юность правдивая, вспыхнувши грозно,
 Отвагой святой закипитъ:
 „Зачѣмъ, о, зачѣмъ родились мы такъ поздно
 Для мщенія страшныхъ обидъ?“
 Падетъ безошибочно мечъ приговора—
 Тираны въ гробахъ затрепещутъ своихъ!
 Поставятъ къ столбу роковому позора
 Въ тотъ день не тирановъ однихъ,
 Но также и васъ, малодушные братья,
 Которые мимо распятыхъ идутъ—
 И страстнаго, громкаго слова проклятья
 Позору въ лицо не швырнуть!..

* *
*

Если честно вы храните
Идеалы юныхъ лѣтъ,
Если весело стоите
Подъ грозой утратъ и бѣдъ;

Если каждый мигъ готовы
За свою отчизну мать
И вѣнецъ принять терновый,
И всю сердца кровь отдать,—

Ни вражды, ни раздѣлений
Я межъ васъ не признаю,
Братскій даръ благословеній
Всѣмъ равно отъ сердца шлю.

Въ дни томленья на чужбинѣ,
Въ ночь бѣды въ краю родномъ
Пусть вамъ будетъ, какъ до-нынѣ,
Вѣра юныхъ дней—щитомъ!

П. Я.

ОСВОБОДИЛАСЬ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе *).

XIV.

Рысакъ, взбивая копытами свѣже-выпавшій рыхлый снѣгъ, мчалъ сани, пофыркивая и храпя.

Мельгуновъ распахнулъ шинель и жадно подставлялъ вѣтру горѣвшее лицо.

Въ отвратительномъ настроеніи духа ѣхалъ онъ въ пріютъ. Только по дорогѣ вспомнилъ онъ, что нынче день рожденія акушерки.

Вздыхая, совсѣмъ удрученный предстоящей тратой, онъ вошелъ въ посудный магазинъ Кузнецова и выбралъ столовый сервизъ. На праздникахъ Анна Васильевна замѣтила у него новый сервизъ отъ Корнилова и дулась цѣлую недѣлю, пока онъ не обѣщаль ей подарить такой же. Но у Кузнецова посуда была легче и стоила дешевле.

„Скажу, что другого такого же не нашель“.

Закупивъ вина и конфектъ, онъ велѣлъ везти себя на Срѣтенку.

Они сошлись вскорѣ послѣ того, какъ Лизавета Николаевна выгнала Мельгунова изъ своей спальни. Хорошенькая курсистка-акушерка, поповна изъ провинціи, давно обратила на себя вниманіе Мельгунова. Наголодавшись въ бѣдной и большой семьѣ, она была практична по природѣ, пошла на курсы, чтобы имѣть хлѣбъ, безъ всякихъ иныхъ „идей“, и твердо рѣшила не пронасть, благо здорова и хороша собой. За ней ухаживали всѣ профессора, въ томъ числѣ и Сивушинъ, который тогда еще не былъ женатъ. А она знала, что его можно довести до женитьбы.

И все то рассчитала практичная молодая поповна, кромѣ одного, что при первомъ поцѣлуѣ Мельгунова, въ памятный вечеръ, когда

* См. «Міръ Вожій» № 9, сентябрь.

онъ, послѣ катанья, завезъ ее въ ресторанъ, — она сама увлечется и потеряетъ голову.

Да, это былъ ударъ здоровой животной страсти, безъ иллюзій, безъ поэзіи, безъ тѣни чего-либо одухотворяющаго въ ихъ отношеніяхъ, основанныхъ на примитивной чувственности.

Очнувшись, Анна Васильевна плакала цѣлую недѣлю. „Бѣлугой ревѣла“, — вульгарно, по обыкновенію, выражалась она, вспоминая въ послѣдствіи объ этой страничкѣ романа.

И какихъ только сценъ не устраивала она увлеченному Мельгунову!.. Она проклинала день своего рожденія и его — (искусителя!..), вспоминала строгаго батюшку и колотушки матушки и сестрицъ, которымъ нельзя на глаза показаться... плакалась на будущій позоръ, оплакивала даже утраченнаго въ перспективѣ мужа и честный вѣнецъ...

— И гдѣ были глаза мои? — вопила она своимъ густымъ контральто, словно не замѣчая подвоховъ „искусителя“, которому давно надоѣла эта канитель и который жаждалъ спокойной и правильной связи.

— И Сивушинъ обѣщаль жениться... И Крутороговъ предлагалъ обезпечить... А я, дура, польстилась на женатаго...

Она замолчала только, когда Мельгуновъ привезъ ей на три тысячи именныхъ билетовъ и устроилъ ее на квартирѣ.

Какъ-то разъ она заненулась было о разводъ, но Мельгуновъ такъ вспылилъ, далъ ей такой суровый отпоръ, что она совсѣмъ растерялась.

— Я не могу идти на такой скандалъ, — объяснялъ онъ, — и дорожу своей репутацией и карьерой.

Вначалѣ она было повѣрила, но скоро у нея раскрылись глаза. Онъ не могъ разстаться съ своей ненаглядной Лизанькой, и только!.. Она была совсѣмъ глупенькая, — эта красивая акушерка, но она насквозь видѣла умнаго и хитраго Мельгунова. Много изъ-за Лизаветы Николаевны было у нихъ стычекъ, послѣ которыхъ у Мельгунова долго звенѣло въ ушахъ.

— Опять о женѣ затосковалъ? — злобно усмѣхается она бывало, замѣтивъ, что Павелъ Васильевичъ хандрить. — Ступай къ ней, ступай... сдѣлай одолженіе!.. Я не люблю, когда дуются... А вотъ она тебя турнетъ, эта недотрога-царевна... Лизанька твоя ненаглядная... Вѣдь она тебя ни на эстолько не любитъ...

И она на своихъ пухлыхъ, крупныхъ пальцахъ показывала сконфуженному Мельгунову, какъ мало цѣнитъ его — его собственная жена.

— Я тебя просилъ, кажется, не поминать о моей женѣ, — надменно замѣчалъ Мельгуновъ, съ брезгливостью барина, снисходящаго до прислуги.

А она этого только и ждала, чтобы разразиться.

— Ахъ скажите!.. Фоны какіе!.. Я тебя „проси-иль“... Скажите, фря какая эта Лизанька!... И обругать-то ея нельзя... Я „проси-иль“...—басомъ раздраженно передразнивала она и стекла дребезжали отъ ея раскатистаго голоса.—Ну такъ и убирайся къ своей королевиѣ, ко мнѣ дорогу забудь... Ступай же!.. Ступай-ай!..—вопила она и за плечи выталкивала сконфуженнаго и раздраженнаго профессора.

„О, Господи, какъ много значить въ женщинѣ воспитаніе!..“ — сокрушенно думалъ Мельгуновъ.

И ему было досадно, что эта женщина угадывала то, въ чемъ онъ самому себѣ не хотѣлъ сознаться...

Его при этомъ шокировала разнузданность Анны Васильевны и онъ давалъ себѣ слово сдѣлать ее „шелковой“.

Она плакала два дня, громко трубя въ платокъ и поджидая звонка. Онъ выдерживалъ характеръ.

Къ третьимъ суткамъ она, дѣйствительно, смирилась, на его звонокъ выбѣгала отворять сама и бросалась ему на шею. Иногда для примиренья онъ дарилъ ей какую-нибудь хозяйственную вещь: мороженицу (онъ самъ очень любилъ мороженое), машинку для варки яицъ, вазу для фруктовъ и т. д. Она никогда не благодарила за подарки. Это было ея характерной особенностью. Увидавъ поупеку, она тотчасъ забывала о нѣжностяхъ, съ дѣловитымъ видомъ развязывала бумагу и, поджавъ губы, начинала разглядывать со всѣхъ сторонъ подарокъ, оцѣнивая его, критикуя; сосредоточенно морщила брови и искала какого-нибудь изъяна, не довѣряя ни магазину, ни Мельгунову.

Если осмотръ ее удовлетворялъ, она дѣлалась веселой. Въ противномъ случаѣ она дулась.

Онъ требовалъ, чтобъ она всегда встрѣчала его въ корсетѣ, принаряженная, въ чистомъ бѣльѣ,—вообще былъ требователенъ и придирчивъ.

Она не понимала его и раздражалась.

— Что это, Пашенька, въ самомъ дѣлѣ?.. Подумаешь, ты въ гости пріѣхалъ,—сердилась она.—Весело это развѣ по сту разъ на день одѣвайся, да раздѣвайся?.. Да еще корсетъ?..

Но онъ былъ непреклоненъ.

За то она блаженствовала, когда почувствовала себя матерью. Она не выходила изъ блузъ и понемногу опускалась, увѣренная, что теперь держитъ его крѣпко. Онъ, правда, очень любилъ дѣтей и внесъ на обонихъ въ банкъ по тысячѣ рублей „на зубокъ“. Но чуткая Анна Васильевна не даромъ ненавидѣла Шуру. Она знала, что никогда ея дѣти не будутъ такъ дороги Мельгунову, какъ этотъ его законный сынокъ,—дита ненавистной „недотроги“...

Мельгуновъ незамѣтно привязался къ Аннѣ Васильевнѣ, цѣня въ ней здоровую, сильную и красивую женщину. Поэтому онъ искренно испугался, когда акушерка потребовала, чтобъ ее познакомили съ Лизаветой Николаевной.

— Зачѣмъ тебѣ?..— недоумѣвалъ онъ, страшно боясь, что жена догадается.

А жена уже знала отъ Сивушина, что у профессора есть помощница „за первый сортъ“...

Мстительный старикъ, не простившій Мельгунову его „побѣды“, злорадно говорилъ его женѣ:

— Вы бы съ ней познакомились, Лизавета Николаевна. Бабочка—вотъ!..

Онъ чмокнулъ кончики своихъ пальцевъ.

„Тѣмъ лучше!..“—подумала Лизавета Николаевна.

Сивушинъ не давалъ прохода, между прочимъ, и Аннѣ Васильевнѣ.

— Что же это васъ патронъ съ супругой своей не познакомиться?.. Или гнушается, либо стыдится?—ехидничалъ онъ втихомолку отъ Мельгунова.

Кончилось тѣмъ, что Лизавета Николаевна пригласила, по желанію мужа, Анну Васильевну на званый обѣдъ.

Увидавъ ихъ рядомъ, Лизавета Николаевна поняла все. Она даже вздрогнула, какъ будто они обнялись на ея глазахъ. Парочка была на подборъ. Красота да и только.

Она тотчасъ, впрочемъ, овладѣла собой. Сама она черезъ минуту не могла бы сказать, отчего ей было больно, чего ей стало жаль?.. Развѣ такъ не въ сто разъ лучше?

Она обласкала эту красивую, глупенькую женщину и вела себя съ такимъ тактомъ, что всѣмъ замазала ротъ, всѣхъ сбила съ толку.

„Охъ, да и ловкая же баба“,—думалъ Сивушинъ.

На одну только секунду, знакомя обѣихъ женщинъ, Мельгуновъ поддался злобному чувству, увидавъ блѣдность жены.

„Ты меня отвергла,—казалось говорили его глаза,—какъ видишь, я сдумѣлъ утѣшиться“...

Въ слѣдующую минуту онъ страшно испугался и отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы Лиза не догадалась. „Пусть приревнуетъ... это не бѣда... Это даже хорошо... Лишь бы не догадалась“...

Онъ былъ чопоренъ съ Анной Васильевной и игралъ въ полнѣйшее равнодушіе. Акушерка, сбитая съ толку любезностью соперницы, сробѣла.

„Ну, пронеслась бѣда!..“—облегченно думалъ Мельгуновъ.

Но на другой день онъ имѣлъ неосторожность спросить Анну Васильевну:

— Ну? Что скажешь?

При этомъ тонъ его звучалъ самодовольствомъ, а въ глазахъ вспыхнула искра, которую Анна Васильевна поймала.

Ноздри ея зловѣще раздулись.

— Что говоритъ!.. Свѣтская дама... Всякаго займетъ, всякому угодить... Скажетъ слово, точно рублемъ подарить...

Въ ея чудныхъ глазахъ сверкнула угроза.

Но Мельгуновъ часто глупѣлъ, когда рѣчь заходила объ его женѣ, сынѣ, объ его обстановкѣ и всѣхъ вообще сокровищахъ этого прирожденнаго „буржуя“. Какъ это ни странно, но ему страстно хотѣлось, чтобы жена очаровала Анну Васильевну.

— Не правда ли, какъ умна?

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное.

Анна Васильевна завопила не своимъ голосомъ, подняла кулаки и всѣмъ пышнымъ торсомъ подалась впередъ на ошеломленнаго профессора.

— Умна-а?.. Умна-а?.. Пошелъ вонъ!.. Пошелъ... Пошелъ... Ступай въ умнымъ... сту-па-ай...

— Анята... Кухарка услышитъ... Бога ради...

— Сту-па-ай!.. — истерически вопила акушерка, толкая въ спину Мельгунова. — И чтобы ноги твоей здѣсь не было. Слышишь?.. И дорогу забудь...

Онъ сконфуженно поймалъ ея руку.

— Сумасшедшая женщина!.. Ты меня по лицу задѣла...

— И не такъ еще задѣпу... И уходи ты... Здѣсь только глупыя живутъ... Ступай... сту-па-ай... — И вдругъ она упала на первый стулъ и истерично разрыдалась.

„Безсовѣстный“... — разслыхалъ Мельгуновъ. — Какъ жены трусить... Не взглянуть, не подойдеть... стыдится видно... Охъ, Господи!..“

Ему стало жаль ее.

— Аняточка.. Да пойми ты, что нельзя иначе... Я это нарочно...

Она обвила его руками и прижалась къ нему плача.

— Охъ, Пашенька!.. Не любишь ты меня... Богъ тебѣ судья!..

Конечно, Мельгуновъ остался и постарался ее увѣрить въ своей любви.

Да. Но это было давно. Тогда еще Анна Васильевна любила и ревновала искренно, боясь охлажденія Мельгунова... Она положила ревновала и сейчасъ, но уже изъ-за другихъ побужденій, завидуя правамъ законной жены, ея обезпеченности, правамъ Шуры, тѣмъ деньгамъ, которыя при другихъ, счастливыхъ условіяхъ, могли бы очутиться въ ея собственномъ карманѣ... Въ Аннѣ Васильевнѣ скоро проснулась самка, жадно защищавшая интересы своихъ дѣ-

теньшей, и весь тотъ колоритъ влюбленности, которымъ было скрашено начало ихъ связи, исчезалъ постепенно, а къ концу года ихъ отношенія совсѣмъ испортились. Устроивъ ей выгодное и доходное дѣло съ этимъ пріютомъ для секретныхъ и давъ ей практику въ богатыхъ купеческихъ домахъ, Мельгуновъ не желалъ больше тратиться на ея содержаніе. — „Я тебѣ даль ходъ, зарабатывай, не лѣнись“, — говорилъ онъ.

Но съ годами она жирѣла, дѣлалась неподвижной, работала халатно и тяготилась всякимъ трудомъ, не дававшимъ крупнаго дохода. Прижимистость Мельгунова огорчала ее и давала поводъ къ частымъ ссорамъ. Она указывала на растущіе расходы въ лицѣ дѣтей, а онъ отвѣчалъ одно: „я коплю на нихъ же, на нашихъ ребятъ...“

Она ему вѣрила. Она спала и видѣла, какъ вытянуть у него лишнюю сотню, которую тихонько несла въ сберегательную кассу. Она инстинктомъ чувствовала, что онъ въ послѣднее время сталъ къ ней равнодушенъ, какъ къ женщиѣ, — и всѣ силы ея ума были теперь направлены на то, чтобъ обезпечить себя и дѣтей про черный день, на случай разрыва. Она догадывалась, что стѣтъ только Лизанькѣ поманить Мельгунова пальцемъ, и онъ живо броситъ, если не ребятъ, то ее... Одна была надежда, что та не помазитъ... Нагрѣтъ, прижать, обобратъ — вотъ были теперь руководящіе принципы ея отношеній къ Мельгунову.

А эта алчность ея сильно его охлаждала. Какъ это ни странно, а онъ самъ скупой. — не любилъ въ другихъ видѣтъ этотъ недостатокъ. Себя онъ считалъ только бережливымъ, а ее укорялъ въ скопидомствѣ самомъ бессмысленномъ. Дѣйствительно, хозяйкой она была очень плохой. Чтобъ не тратиться на починку какой-нибудь хорошей, цѣнной вещи, — она готова была совсѣмъ запустить ее и испортить. Она цѣнила только деньги.

XV.

— Подожди меня, — сказала Мельгуновъ извозчику, — я дольше часа не пробуду...

Въ послѣднее время онъ рѣдко засиживался въ пріютѣ и лихача не отпускалъ.

Анна Васильевна тоже была не въ духѣ.

У нея вчера ушла нянька, дѣти шумѣли, приходилось самой съ ними возиться.

Сама она растрепанная, въ старомъ шерстяномъ капотѣ, безъ корсета — была какая-то расплывшаяся и неинтересная. Къ ней не шло, когда она сердилась. На щекахъ выступали какія-то неровныя пятна, лицо краснѣло и лоснилось.

— Попудрись, пожалуйста, — сказалъ онъ, послѣ обычныхъ поздравленій, поцѣловавъ ее въ щеку. (Руки у нея онъ никогда не цѣловалъ, онъ былъ брезгливъ). — И почему ты нынче такая распустеха? Фи!..

Она обидѣлась.

— Ахъ, Пашенька!.. До того ли мнѣ?.. Всю ночь съ Соней не спала... Что это такое?.. — нарочно дѣланно удивилась она, увидавъ ящикъ отъ Кузнецова въ углу передней.

— Сервизъ, который ты желала...

Онъ снялъ шинель и повѣсилъ ее на вѣшалку. Въ передней и столовой пахло пирогомъ изъ кухни. Мельгуновъ повелъ поздравляющими. Онъ былъ голоденъ.

— Аксинья!..—взволнованно крикнула акушерка.

Мельгуновъ зналъ, что она не успокоится, пока не переглядитъ все, до послѣдней тарелочки, и потому самъ помогалъ кухаркѣ вынуть сервизъ и разставить его на столѣ въ гостиной.

Анна Васильевна вся погрузилась въ осмотръ. Поджавъ губы и насупившись, она взвѣшивала на рукѣ фаянсъ, сдувала соломинки съ посуды, разсматривала узоръ, щурилась на края, нѣтъ ли гдѣ ущербъ, искала на оборотѣ брака.

— Ну что ты беспокоишься?..—наконецъ не вытерпѣлъ онъ. — Неужели ты думаешь, я тебѣ привезу дешевку?

— Кузнецовскій, — отвѣтила она тономъ упрека, бережно ставя въ сторону послѣдній салатникъ.

— Ну такъ что жъ?

— А у васъ отъ Корнилова.

Онъ пожалъ плечами.

— Ахъ ты чудная!.. Да когда нѣтъ у Корнилова такого товара больше?..

Она примолкла, насупившись, и угрюмо взглянула на конфеты и вино, которое онъ вынималъ изъ кулъка.

— А что же супружница твоя не пожаловала? — спросила она рѣзко.

Мельгуновъ ниже наклонился надъ кулъкомъ, почувствовавъ, что краснѣетъ.

— Она больна... просила тебя поздравить, — совралъ онъ и вдругъ поднялъ на нее сердитые глаза. — И хорошо, что не пріѣхала... Развѣ въ такомъ видѣ можно гостей встрѣчать?

Онъ былъ увѣренъ, что она спала отлично ночь и что все это только предлогъ, чтобъ распускаться, ничего болѣе. Никогда ея неряшливость не казалась ему такой противной, какъ въ эту минуту.

Словно угадавъ его мысли, она вспыхнула:

— Что за видъ такой?.. Скажите пожалуйста!.. Подумаешь, —

королеву встрѣчать!.. Твоя Лизавета Николаевна трехъ прислугъ имѣеть, такъ ей и горя мало!..

— Сама виновата... Отчего у тебя прислуга не живетъ? Оттого, что ты ругаешься съ ними, какъ торговка... поставить себя не умѣешь...

— И вовсе не потому, а народъ ничего нестоющій... Только и требуютъ прибавки...

— Лучше было прибавить, чѣмъ безъ няньки остаться...

— Да откуда я прибавлю?—зычнымъ басомъ крикнула она.— Самъ, небось, знаешь мои доходы...

Мельгуновъ нахмурился. Онъ платилъ нянькѣ самъ три рубля, остальные два должна была доплачивать Анна Васильевна. Прислуга безпрестанно мѣнялась и Мельгуновъ подозрѣвалъ, что этихъ двухъ рублей акушерка все-таки не платила. Теперь Анна Васильевна очевидно была на то, чтобъ онъ взялъ на себя одного весь расходъ на няньку. Это безцеремонное залѣзаніе въ его карманъ сильно его раздражало. Какъ скупой человѣкъ, онъ больше всего обращалъ вниманье на мелочи. Бросить двадцать рублей на подарокъ ему было легче, чѣмъ затратить лишнихъ рубль-два...

Прежде чѣмъ пройти въ дѣтскую, Мельгуновъ погрѣлъ руки у желѣзной печки.

— Развѣ Соня больна?—спросилъ онъ тревожно.

— Кто ее знаетъ? Все куесится... Не спала я съ ней всю ночь... Теперь голова болить... все тѣло разломило...

Онъ промолчалъ. Тактика ея была ему понятна. Она не успокоится, пока онъ не дастъ ей няньки.

Въ дѣтской ему бросился въ голову спертый воздухъ. Фортки видно не открывали съ утра.

Хорошенькія дѣтки возились на коврѣ, строя изъ кирпичиковъ башню. Когда отворилась дверь, мальчикъ сосредоточенно и осторожно влялъ послѣдній кирпичикъ наверхъ. Дѣвочка, открывъ ротикъ, не дыша почти, ждала когда навренившаяся постройка рухнетъ... Половица скрипнула подъ шагами входившихъ. Башня упала.

Дѣвочка, радостно смѣясь, захлопала въ ладоши и отодвинулась. Кирпичикъ все-таки упалъ ей на ножку. Она его сбросила и оглянулась.

Мальчикъ первый увидалъ Мельгунова, не посмотрѣлъ даже на разсыпавшуюся башню и живо вскочилъ на ноги.

— Дядя... дядинька!—радостно закричалъ онъ, подбѣгая къ отцу и беря его за руку.

Во избѣжаніе толковъ, Мельгуновъ позволялъ ребятамъ называть себя „крестнымъ“ и дядей, только.

Какъ всегда бываетъ, мальчикъ, котораго любили меньше,

быль ласковъ и нѣженъ. Дѣвочка, принимая, какъ должное, всѣ ласки и баловства, росла эгоисткой.

Она и сейчасъ издали протянула ручонку и, исподлобья глядя, сказала съ капризной ноткой въ голосѣ:—Салалякъ...

Это означало шоколадъ.

Мельгуновъ пошарилъ въ карманѣ и, улыбаясь, вытащилъ надломанную плитку шоколада въ пять копѣекъ.

Дѣвочка быстро вскочила на ноги. Блестая глазами, дѣти окружили отца и ждали, поднявъ головки.

Онъ морщась, съ усиліемъ отломилъ два кусочка и подаль ихъ дѣтямъ.

— Видишь, какой добрый дядя,—внушилъ онъ дочери, цѣлуя ея щечки.—Вы оба должны любить дядю...

Но, дѣвочка очевидно была другого мнѣнія объ его добротѣ. Она быстро положила лакомство въ ротъ и еще не прожевавъ его, повторила, протягивая ручку:—Салалякъ...

— Будетъ, Соничка, будетъ,—увѣрялъ Мельгуновъ.

— Жара нѣтъ,—продолжалъ Мельгуновъ, заботливо потрогавъ голову Сони. А должно быть, послѣдніе зубки пдуть, оттого и не спить...

— Оттого ли, отъ другого ли, только сляь монхъ больше нѣту съ ней,—сердито огрызнулась Анна Васильевна, спуская дѣвочку на коверъ.—Отродясь такого озорного ребенка не видала...

Она знала о слабости Мельгунова къ этой дѣвочкѣ и долю своего раздраженія противъ отца переносила сейчасъ на ребенка. Сама она больше любила сына.

Мельгуновъ посадилъ Соню къ себѣ на колѣни. Она вся перепачкалась шоколадомъ, но онъ не могъ отказать ей въ поцѣлуѣ, когда она протянула ему губки.

— Отчего она у тебя всегда такая грязная?—спросилъ онъ съ плохо скрытымъ раздраженіемъ, оглядывая бѣлье ребенка.—И башмачки худые?.. Вѣдь я на дняхъ привезъ новыя... Почему же она въ старыхъ?.. Хочешь, чтобъ опять ногу занозила, или простудилась?.. Вонъ, дыра какая!.. Дай сейчасъ новыя башмаки!

— Грязная?—передразнила Анна Васильевна.—Мнѣ что ли прикажешь бѣлье на нихъ стирать? Самъ знаешь, безъ няньки сижу...

— Дай башмаки...

— Сейчасъ принесу...

Она вышла, хлопнувъ дверью, раздосадованная тѣмъ, что онъ такъ ловко уличилъ ее. Щеки ея такъ и лоснились.

Соня, увидавъ новыя желтыя туфельки, захлопала въ ладоши и звонко засмѣялась.

— О, прелесть моя!—въ восторгѣ прошепталъ Мельгуновъ,

горячо цѣлуя личико ребенка.—Какъ рано, однако, въ этихъ дѣвочкахъ просыпается женщина!.. Вѣдь она уже кокетка у насъ... Замѣчаешь, Анюта?—мягко спросилъ онъ мать. Что-то теплое и свѣтлое прошло по его душѣ отъ смѣха дѣвочки, согрѣло ее и растопило всю злобу.

Потомъ онъ усталъ. Измученный новыми, странными отношеніями къ женѣ, выбитый окончательно изъ колеи, онъ искалъ хоть тутъ,—у Анны Васильевны, покоя и готовъ былъ на многое закрыть глаза.

Соню спустили на полъ. Она застучала новыми, твердыми подошвами. Этотъ звукъ и нарядный видъ обуви приводили ее въ восторгъ. Она весело лопотала, хлопала ручонками и подымала передъ братомъ ножку въ черномъ чулкѣ.

Глядя на дѣтей, Мельгуновъ совсѣмъ отошелъ.

— Будешь завтракать?—сурово спросила его Анна Васильевна у двери.

— Коли покормишь,—пошутилъ онъ и взялъ ее за локоть.

Но она фыркнула носомъ и вышла.

Онъ усмѣхнулся въ бороду.

За столомъ, наливая ей и себѣ водки, онъ сказалъ:

— Я тебѣ завтра пришлю прислугу...

Она ждала насупившись.

— И самъ буду платить за нее... Твое здоровье, Анюточка...

Она чокнулась съ Мельгуновымъ и широко улыбнулась, показавъ чудесные зубы.

— Тебѣ съ визигой, или съ грибами?—ласково спросила она, разрѣзая сочный пирогъ. Онъ протянулъ тарелку и повелъ поздравия.

— Съ тѣмъ и съ другимъ, дорогая хозяйшкка!.. Ужъ и мастерица же ты пироги печь!.. Такъ слюнки и текутъ!..

За ѣдой они оба пришли въ хорошее настроеніе. Они любили покушать. Для Анны Васильевны это было лучшимъ удовольствіемъ въ жизни. Мельгуновъ, накладывая себѣ на тарелку зернистой икры, расписывалъ добродѣтели будущей няньки, рекомендованной больничнымъ швейцаромъ. Вдова, никто къ ней не ходитъ, не пьетъ, жила въ хорошихъ домахъ.

— Только ужъ ты, Анюта, пожалуйста, осторожнѣе при ней.

— То-есть, что такое?

Она вскинула на него свои глаза Юоны, огромные, красивые, но немного тупые.

— Да вотъ на „ты“ не говори со мной, и вообще...

— О, Господи!.. Стѣсненье какое!..

— Я тебя очень прошу,—подчеркнулъ онъ,—я вовсе не желаю сплетень. И потомъ оставь съ ней эти манеры твои вричать, да пошвыривать...

Она встала, чтобъ налить ему вина.

— Охъ, Пашенька, избавь!.. Ну ее!.. Что это я подь тридцать лѣтъ въ угоду нянькѣ ломать себя буду?

Онъ ласково сжалъ ея локоть.

— Не ей въ угоду, Анюточка, а мнѣ. Я дорожу такой женщиной. Ты уходишь на практику, либо въ гости. Сердце мое болить за дѣтей... А съ ней я буду за нихъ спокоенъ.

Она опять насупилась.

Онъ поморщился и вынулъ часы.

— Ёдешь?—равнодушно спросила она.

— Да... у меня больная есть... Серьезный случай...

Въ дѣтской онъ поцѣловалъ мальчика, потомъ поднялъ съ полу черноглазую Соню и высоко подбинулъ ее на воздухъ. Она весело ахнула и заразительно засмѣялась.

— Хорошеть какъ!—сказалъ онъ, любясь дѣвочкой и цѣлуя ее на обѣ щечки.—Вся въ маму, красавица будетъ.

Онъ перевелъ глаза на Анну Васильевну. Она тихо и гордо улыбалась, стоя рядомъ.

„Сама знаю, что красавица“,—говорила ея улыбка.

Передъ отъѣздомъ онъ наскоро заглянулъ къ секретной, вскользь осмотрѣлъ ее, торопясь на практику. И здѣсь его поразили тяжелый запахъ. Онъ велѣлъ провѣтрить комнату и переѣхать бѣлье на больной. Безъ жуткаго чувства онъ никогда не входилъ въ эту комнату для секретныхъ. Здѣсь недавно умерла одна дѣвушка отъ родильной горячки и этотъ случай могъ дорого обойтись какъ ему, такъ и Аннѣ Васильевнѣ. Исторія съ купчихой Сивушиной вспоминались ему постоянно. Положимъ, онъ не покупился на дезинфекцію всего пріюта, но при неряшливости Анны Васильевны можно было ожидать всего дурного. Хорошее его настроеніе исчезло подъ вліяніемъ старой тревоги. Вѣдь стѣитъ только какому-нибудь врачу копнуть весь „домашній соръ“ этого пріюта, какъ раскроются такія дѣла... А враговъ и завистниковъ у него не мало...

— Вамъ лучше?—спросилъ онъ у больной.—Лихорадка прошла?

— Лучше,—отвѣтила она.

Это была интеллигентная дѣвушка, съ нервнымъ, измученнымъ лицомъ.

„Ну, Слава Богу“,—подумалъ Мельгуновъ,—„это была молочная лихорадка... Авось тутъ все сойдетъ благополучно“...

— Бѣлье переѣхните, — предостерегающе повторилъ онъ, взглянувъ на свою помощницу.

Она молча поправляла подушки секретной. Когда она наклонилась надъ нею, блуза ея опять распахнулась.

Мельгуновъ покраснѣлъ и быстро взглянулъ на больную. У той тоже слабо вспыхнули щеки, когда она встрѣтила сконфуженный взглядъ профессора.

Онъ вышелъ совершенно взбѣшенный.

— Да застегнись ты хорошенько!—шипѣлъ онъ, плотно придворяя дверь.—Ходить голая... Что о тебѣ... о насъ что подумаютъ? Барышня видѣла...

— А я плевать хотѣла, видѣла она, или нѣтъ.

Его покорило отъ ея тона. Никакъ онъ не могъ привыкнуть къ ея вульгарности.

— И что ты кричишь на меня?.. Что за тиранство такое пошло?.. Вотъ новости!..

Мельгуновъ быстро открылъ дверь пріюта. И здѣсь спертый, отвратительный воздухъ бросился ему въ голову. Онъ даже поблѣднѣлъ.

Двѣ крестьянки, уже оправившіяся отъ родовъ, сидѣли на койкахъ. Одна кормила пищавшаго малютку, завернутаго въ какія-то зловонныя тряпки. Другая рылась въ узелкѣ, вмѣщавшемъ ея имущество, и при входѣ господъ испуганно сунула его подъ подушку.

Въ углу стонала третья, уже немолодая женщина.

— Ты давно?—спросилъ ее Мельгуновъ, наклоняясь.

Она застонала еще громче и устремила на доктора воспаленный взглядъ. Щеки ея ввалились. На лбу выступилъ клейкій потъ. Глаза были обведены черными кругами. Видно было, что она сильно страдаетъ.

— Баринъ, батюшка... Умираю... Душа съ тѣломъ разстается.

Профессоръ пощупалъ пульсъ крестьянки. Анна Васильевна стояла сзади, вся пылая отъ сдержаннаго гнѣва, раздувъ ноздри.

— Я васъ спрашиваю, давно она поступила?—официально спросилъ ее Мельгуновъ.

— Да вотъ вчера... Какъ вы уѣхали...

Его глаза стали круглыми.

— Сутки?.. Это первый у тебя?..

— Третій... батюшка... баринъ... Охъ!.. Видно смертыньга моя подошла!..

— Это странно;—произнесъ Мельгуновъ.

Онъ вдругъ почувствовалъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго довѣрія къ его помощницѣ, и сталъ быстро снимать пиджакъ и разстегивать маншеты...

Больная испуганно глядѣла, какъ онъ, не поправляя засученныхъ по-локоть рукавовъ рубашки, взялъ свой пиджакъ и пошелъ къ дверямъ.

Акушерка нагнала его въ корридорѣ.

— Случай очень опасный,—обернулся онъ къ ней.—Придется

оперировать, если къ пяти часамъ не будетъ результатовъ... Хорошо, что я взглянулъ... Вотъ послѣ этого и полагайся на тебя!..

Она шла за нимъ въ спальную, недовѣрчиво улыбаясь. У нея была слабость считать себя непогрѣшимой акушеркой.

— Я увѣрена, что и такъ сойдетъ, — сказала она, подавая ему полотенце.

Онъ зорко и пристально посмотрѣлъ на нее, точно видѣлъ въ первый разъ эту женщину, съ которой прожилъ почти шесть лѣтъ.

— Мнѣ теперь все равно, въ чемъ ты увѣрена, — возразилъ онъ ледянымъ тономъ, густо мыля свои прекрасныя руки, за которыми ухаживалъ всегда такъ тщательно. — Я знаю одно, что тебѣ довѣрять нельзя, и сообразно съ этимъ буду дѣйствовать...

Ноздри ея дрогнули.

— Это какъ же понимать?

Лицо его вдругъ приняло суровое, оффиціальное выраженіе.

— Ну-съ, Анна Васильевна, потрудитесь меня выслушать и запомнить, — заговорилъ онъ, тщательно чистя свои миндалевидныя ногти. — Случай этотъ опасный... Извольте быть при больной безсмысленно, пока я не вернусь... Если пульсъ будетъ падать, пошлите за мной на домъ...

— А дѣти-то съ кѣмъ же?

— Позовите кухарку... Можете и безъ обѣда день посидѣть... Часа черезъ четыре я вернусь... Чтобъ все было чисто, комнаты провѣтрены!.. Чтобъ я этого не видалъ больше! — Онъ ухватилъ ее за складки блузы на груди и слегка потрясъ. Старая матерія затрещала подъ его пальцами.

Она отшатнулась и измѣнилась въ лицѣ.

— Вы должны сами прежде всего быть чистой.

Она обидѣлась и голосъ ея дрогнулъ.

— Ахъ, скажите!.. Какая забота.

Но онъ уже озлился. Глаза его свергнули, когда надѣвая пиджакъ, онъ увидѣлъ ея упрямое выраженіе.

— Я сказала, и чтобъ было! — крикнулъ онъ и стукнулъ кулакомъ по комоду. — Изъ-за тебя я подъ судъ угодить не желаю, и репутацію свою не допущу замарать... Или забыла исторію съ Сомовой?.. Такъ я не забудь...

— Да чего ты кричишь-то? — пробовала она защититься. Никогда раньше онъ такъ съ ней не обращался и у нея губы теперь дрожали отъ обиды.

Но онъ уже вышелъ изъ себя. Все его годами копившееся противъ нея глухое, бессознательно зрѣвшее раздраженіе разомъ получило исходъ.

— Я тебѣ, глупой бабѣ, тридцать тысячь разъ говорилъ, что у меня есть враги, которые только случая ждутъ... Ну, да что

съ тобой толковать!.. Объявляю тебѣ разъ навсегда, что при первомъ упущеніи, при первой пакости, вродѣ нынѣшней,—я самъ закрою твой пріютъ...

Она всплеснула руками, пораженная.

— Вотъ какъ!..

— Самъ... да... самъ... Такъ и знай!.. Поѣду въ медицинскую управу и донесу... И у тебя завтра же отнимутъ право практики...

— А дѣти-то какже? На улицѣ останутся?..

Онъ былъ уже въ передней, гдѣ надѣвалъ шинель.

— Буду вамъ шестьсотъ рублей выдавать въ годъ на содержаніе... Съ голода не померете...

Анна Васильевна при этой перспективѣ даже похолодѣла отъ ужаса. Она ужъ не кричала, не спорила, не защищалась. Она какъ-то сразу почувствовала, что для своей карьеры онъ безъ колебанья, дѣйствительно, пожертвуетъ и дѣтьми, и ею, и ей стало жутко. Какъ онъ ее увидалъ нынче въ первый разъ съ другой и совсѣмъ неожиданной стороны, такъ и она поняла сейчасъ только вполнѣ ясно, что съ нимъ надо быть насторожѣ, потому что тамъ, гдѣ разойдутся ихъ интересы, этотъ самый, еще недавно влюбленный, Пашенька будетъ безпощаденъ...

— Подлецъ ты, подлецъ!—меланхолически и горько сказала она ему на прощанье.

Но онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на это неожиданное обращенье.

— Черезъ часъ у тебя будетъ новая прислуга,—сказалъ онъ, выходя— а ты приведи весь домъ въ порядокъ и не отлучайся отъ больной.

Онъ уѣхалъ, а Анна Васильевна все еще стояла въ темной передней, прислонясь къ стѣнѣ, бессильно уронивъ голову. Она понимала, что жизнь ломается, и жгучія слезы о прошломъ загорались въ ея глазахъ.

XVI.

Лизавета Николаевна уже съ часъ сидѣла въ квартирѣ госпожи Шмидтъ, въ комнатѣ Клименко. Ни его, ни пѣвицы не было дома. Кухарка ходила на ципочкахъ, чтобъ не разбудить маленькаго, который долго блажилъ и, наконецъ намучившись, заснулъ съ соской во рту. А Соня сидѣла въ кухнѣ, на сундукѣ Матрены, одѣтая въ теплый платокъ кухарки, и грызла кусокъ сахару.

— Развѣ у него есть уроки?—удивилась Мельгунова, когда кухарка объявила ей, что Клименко ушелъ съ утра.

— Стало-быть есть. То все дома сидѣлъ, а теперь только къ обѣду приходитъ. Вы дожидитесь хотя хозяйку. Она тоже на урокахъ. Только къ четыремъ она безпремѣнно вернется.

*

„На моихъ урокахъ“, — болѣзненно подумала Лизавета Николаевна.

Она разсѣянно поцѣловала блѣдное личико Сони и ушла въ комнату Клименки.

Тамъ было холодно. Она оглядѣлась внимательно. Все по прежнему, какъ въ тотъ первый, единственный разъ, когда она была тутъ. Но онъ самъ? Онъ, шедшій ей такъ радостно и до вѣрчиво навстрѣчу, съ жаждой дружбы и духовной близости, — тотъ ли онъ теперь?

„Я свободенъ до четырехъ... я буду ждать васъ каждый день...“

Она вспомнила его глаза, когда онъ говорилъ ей это.

„Почему я не пришла раньше“? — укоряла она себя.

Да... Она вспомнила. Онъ сказалъ тогда: „приходите къ намъ“... И ей было досадно... Онъ говоритъ „мы“, значитъ онъ не одинокъ... И довольно съ него!.. — Такъ разсуждала она мѣсяць назадъ, гоня желанье его видѣть, потому она забылась въ работѣ...

Въ комнатѣ стало словно еще холоднѣе. Лизавета Николаевна прошла по скрипѣвшимъ половицамъ, чтобъ согрѣться, но шаги ея отдались какъ-то глухо и тоскливо. Она опять сѣла въ этой подавляющей тишинѣ.

Что убило въ ней тотъ свѣтлый порывъ жизни и радости, что вчера такъ ярко вспыхнулъ въ ея душѣ, а по дорогѣ сюда загорѣлся было вновь?.. Почему ей казалось, что онъ ждетъ ее? Что онъ непременно дома? Что этотъ день не пропадетъ даромъ?

„У него уроки, онъ не бѣдствуетъ, и слава Богу... конечно, это хорошо... я рада...“ — увѣряла она себя, но ей было грустно.

Между ними стали другіе интересы, новыя лица... А тогда онъ ждалъ ее цѣлый мѣсяць, каждый день, каждый часъ... Онъ лежалъ тутъ больной, одинокій... Что онъ думаетъ о ней теперь?.. Нашелъ ли онъ въ другомъ мѣстѣ симпатіи, которыхъ жаждалъ?.. Вѣдь эта госпожа Шмидтъ, если онъ заинтересованъ въ ней, какъ въ женщинѣ, — не можетъ быть ему другомъ, по своему развитію... Между нимъ и Лизаветой Николаевной какъ-будто возникало что-то, такое хорошее, свѣтлое... Потому онъ пересталъ ждать...

Жгучая тоска вдругъ охватила Лизавету Николаевну. Она не могла сидѣть, она опять вскочила и начала метаться въ тѣсномъ пространствѣ комнаты.

И ей вдругъ стало ясно, что въ людскихъ отношеніяхъ бываютъ моменты, которые упустивъ разъ, уже не вернешь... Собственное одиночество показалось ей сейчасъ еще болѣе жуткимъ... Моментъ прошелъ... И неужели не вернется?..

„Какъ я глупа!..“ — съ горечью думала она. — „На что я надѣялась?.. Развѣ есть что-нибудь прочное въ людскихъ чувствахъ?..“

Часы пробили два. Она удивленно подняла голову. Какъ она задумалась!.. Какъ давно она здѣсь сидитъ!.. Обидно уйти теперь... Скоро, впрочемъ, вернется госпожа Шмидтъ, и они будутъ втроемъ... Что-то невыносимо горькое и враждебное поднялось въ ея сердцѣ.

Или уйти?..

Но Клименко уже стоялъ на порогѣ и глядѣлъ на нее, нервно пощипывая свою бородку.

Прошла минута.

Половица скрипнула подъ его ногой. Лизавета Николаевна открыла лицо и радостно ахнула.

— Наконецъ-то! — сказала она и встала съ загорѣвшимися щеками. — Я ужъ и не думала васъ увидѣть!..

— Нельзя сказать, чтобъ вы стремились меня видѣть, — ѣдко усмѣхнулся онъ. — Ну здравствуйте, „знатная дама!..“

— Опять? — упрекнула Лизавета Николаевна и сама чувствовала, что лицо ея такъ и сіяетъ...

— Какъ вы задумались, однако!.. Я все стоялъ и смотрѣлъ... Интересно бы знать, о чемъ вы задумались?

Онъ зорко глядѣлъ на нее, все не выпуская ея руку, какъ бы стараясь угадать, что встало между ними за этотъ мѣсяць, что убыло въ ея душѣ, въ ея отношеніяхъ къ нему, какіе новые элементы вошли въ ея жизнь?..

„Та же ли ты, что прежде?..“ спрашивали его глаза.

„А ты?..“ отвѣтилъ ей взглядъ.

Онъ очень измѣнился и возмужалъ. Теперь онъ не казался уже ребенкомъ, цвѣтущимъ и добрымъ, какъ еще недавно. Онъ даже подурнѣлъ. Нѣжный румянецъ смѣнился болѣзненной желтизной, щеки впали, въ сверкавшихъ лихорадочно глазахъ было что-то скорбное и суровое, что раньше проглядывало рѣдко, въ минуты спора, въ минуты оживленія. Изъ-за ребенка теперь окончательно выглянулъ фанатикъ, кое-что пережившій, но уже много думавшій, и готовый грудью защищать то, во что увѣровалъ.

На щекахъ его курчавилась темная бородка. Онъ отпустилъ ее только недавно. Самый голосъ его, всегда мягкій и нѣжный, какъ у женщины — теперь приобрѣлъ новыя интонаціи, сталъ какъ-будто рѣзкимъ.

— Ваше здоровье? — спросила Лизавета Николаевна, замѣтивъ его худобу.

— Благодарю васъ... Я совсѣмъ здоровъ, — сухо бинулъ онъ ей, выходя въ кухню.

Но тамъ онъ тотчасъ же закашлялъ и ей стало жаль его.

— Ну будетъ вамъ хлопотать!.. Сядьте,—ласково остановила она его, когда отъ поданнаго самовара онъ кинулся было опять въ кухню.—Я такъ хотѣла видѣть васъ, такъ много есть, что сказать вамъ...

— Не вѣрю,—желчно отвѣтилъ онъ.—Все это ваша свѣтская любезность, не больше...

Онъ отвернулся къ комоду, доставая чай изъ верхняго ящика.

Она тихонько и радостно засмѣялась.

Онъ не можетъ простить ей ея равнодушія, онъ хочетъ наказать ее своей холодностью... какъ это хорошо!..

Все также тихонько улыбаясь, она глядѣла, какъ онъ хлопоталъ, хозяйничая... Чай въ бумажкѣ, изъ которой выглядывалъ свинець,—сахаръ въ коробкѣ, разнокалиберная посуда, съ полустершимся рисункомъ,—чайникъ съ обломаннымъ носикомъ, старенькая, подштопанная, но чистая скатерть... Дешевая лампа, которую онъ самъ зажегъ... Господи, какъ хорошо!.. Какъ она была бы счастлива въ такой скромной комнаткѣ!.. Какъ тяжело вернуться въ высокую палату, сѣсть на рѣзной дубовый стулъ, съ высокой спинкой, такой тяжелый, тяжелый!.. разливать чай передъ серебрянымъ самоваромъ, видѣть всю эту показную роскошь... Ахъ, зачѣмъ она не бѣдная курсисточка!.. Какое счастье быть молодымъ, свободнымъ,—съ цѣлой жизнью впереди!..

— Неужели вы давно здѣсь?—спросилъ онъ, заваривая чай.

Его взглядъ, острый какъ булавка, пронизывалъ ее, казалось, насквозь. О чемъ она опять задумалась?

Лизавета Николаевна очнулась со вздохомъ.

— Давно... А теперь я скоро уйду... Такъ жаль!..

— Какой вздоръ!—вспыхнулъ онъ и глаза его свернули.—Еще пуцу ли я васъ уйти?—попробовалъ онъ отшутиться.—Пеняйте на себя, если опоздаете къ семейному обѣду и заставите поголодать господина-супруга... Вы меня визитами не баловали... И глупъ я буду, если не задержу васъ...

„Какой странный задоръ звучитъ въ его голосѣ! Отчего?.. Что сдѣлалъ ему „господинъ—супругъ?“

Лизавета Николаевна съ удивленьемъ всмотрѣлась въ лицо Клименко, но онъ отвернулся и кривнулъ въ дверь:

— Матрена, дайте чистый ножъ, пожалуйста!

— Пустите меня хозяйничать,—предложила Лизавета Николаевна, сядя за самоваръ.

Она понемногу успѣла выспросить, какъ жилъ онъ въ это время? Нѣтъ. Урока у него и до сихъ поръ не имѣется, но это пустяки, говорилъ онъ.

Въ молодости не бываетъ привычекъ. Можно совсѣмъ не обѣдать, жить на чаю... До катарра желудка еще далеко... Вотъ у

отца, дѣйствительно, совѣстно было просить... Онъ живетъ въ глуши, въ Волини, жалкими уроками... Вѣдь его, за прошлыя увлеченія, ни на какую службу не принимаютъ... Но и это пустяки!.. Онъ заработаетъ и отдастъ отцу... Есть интересы важнѣе... Вотъ, напримѣръ...

Онъ поглядѣлъ на нее пристально и жестко.

— Напримѣръ, я рѣшалъ цѣлый мѣсяцъ вопросъ: почему не идетъ къ бѣдному студенту богатая дама?.. А вѣдь, говорятъ, въ свѣтѣ считается обязательнымъ отдать визитъ?..

Она весело разсмѣялась.

— Ну вотъ я и пришла... А вы не рады... Ну, улыбнитесь же мнѣ, голубчикъ!..

Она на мгновенье нѣжно коснулась его руки.

— А-га!.. Теперь „улыбнитесь?..“ Вы ни во что ставите этотъ мѣсяцъ?: Цѣлый мѣсяцъ ожиданья?.. Что я долженъ былъ о васъ думать?.. Первые двѣ недѣли, отъ часу до четырехъ я сидѣлъ безвыходно... Потомъ озлился и бросилъ ждать...

— Ну простите, — тихо сказала она, съ виноватымъ лицомъ.

Онъ вспыхнулъ, хотѣлъ сказать что-то, губы его дрогнули, но вмѣсто отвѣта онъ взялъ ея руки въ свои и крѣпко сжалъ ихъ, глядя въ ея глаза. Что-то опять загоралось въ его взглядѣ, какъ тогда, на Новый Годъ.

— Вы не сердитесь на меня, Алексѣй Ивановичъ... Знаете?.. Я въ одиночку переживала такіе трудные дни... У меня ужъ натура такая... все втихомолку продумаю, выстрадаю... Это была такая ломка старыхъ догмъ... Ну!.. Довольно объ этомъ... Я теперь съ вами... Мнѣ хорошо... Вотъ пришла подѣлиться радостью...

— Вотъ какъ!..

— Да... но это потомъ... Я тутъ билась надъ одной задачей... не легкой... И вышла побѣдительницей изъ всѣхъ осложнений... Но говорите мнѣ о себѣ еще... И... не надо такъ глядѣть!.. Улыбнитесь...

— Я, кажется, разучился улыбаться, — отвѣтилъ онъ задумчиво.

Она наклонилась къ нему, полная участія, женственно мягкая, боясь отнять свои руки, чтобъ не спугнуть его настроенія.

— Почему разучились?

— Жизнь вдругъ показалась такой трудной и сложной, — говорилъ онъ своимъ нѣжнымъ голосомъ, — а собственныя силы такими маленькими... Начинаешь бояться за себя... Вѣдь только здѣсь, сейчасъ — я могу строить планы, вѣрить въ себя... мечтать о чемъ-то... на что-то надѣяться... Стремиться, словомъ, къ тому, что выше уровня... выше этой жизни... А кончу?.. Тогда что?.. Мало ли нашихъ засосала провинція? А вдругъ и я опущусь, змельчаю?.. и помирюсь на маломъ?.. Мнѣ жутко, Лизавета Ни-

колаевна... Иногда на меня нападаетъ малодушіе... Страхъ— что ли?—передъ жизнью... Она кажется мнѣ... гигантскимъ осьминогомъ... Знаете?... чудовище съ щупальцами... Одно изъ нихъ— славолюбіе, другое—любовь къ женщинѣ, третье—семья, родные, напримѣръ... Одного захватить однимъ... другого другимъ... и засосеть... и ужъ не выпустить... А у меня, въ душѣ, оказывается много этихъ... „ахиллесовыхъ пятъ“... Да, представьте!.. Я не зналъ раньше за собой такихъ тонкостей.. Оказывается, я и Вагнера музыку люблю безумно и лишиться ея мнѣ будетъ тяжело, и прославиться я не прочь,—Герострата подчасъ пошу въ сердцѣ... (усмѣхнулся Клименко), и эстетикъ-то я... и...—онъ запнулся на мгновенье—мало ли какіе у меня еще запросы и желанья!.. Того гляди, захватить тебя осьминогъ—и не вырваться!.. Лучше бъ ужъ кончить, какъ Андреевскій...

— Кто это—Андреевскій?..—спросила Лизавета Николаевна, которая слушала внимательно, не проронивъ словечка.

— Это мой землякъ, другъ дѣтства... Онъ тоже волынецъ... на третьемъ курсѣ былъ...

— Гдѣ же онъ теперь?..

— Въ Вяткѣ... И повѣрьте, онъ вернется оттуда болѣе цѣльнымъ и юнымъ, чѣмъ мы, которые разбредемся по Россіи, по медвѣжьимъ угламъ... Ахъ, да что говорить о жизни!.. Даже здѣсь, въ университетѣ, мы мельчаемъ, мы измѣняемъ себѣ. Развѣ на четвертомъ курсѣ мы тѣ же, что на второмъ? Является равнодушіе какое-то, одни въ науку уходятъ, какъ за китайскую стѣну, другіе устаютъ и тупѣютъ отъ нужды, третьи—просто пошлѣютъ, отъ соприкосновенья съ другой средой... Знаете?... Иногда я хотѣлъ бы остаться вѣчнымъ студентомъ...

Онъ улыбнулся ей мягко, въ первый разъ.

— Какъ вы измѣнились!—прошептала она.

— Да, я тоже пережилъ нелегкіе дни. Тутъ были исторіи... Жаль товарищей... И вотъ что обидно,—я считалъ себя сильнѣе. Въ первый разъ я испугался за свою свободу, пожалѣлъ о томъ, что могло бы быть, но чего не будетъ, потому что—очередь за мною... Я это знаю... Какъ бы вамъ это сказать?.. Въ первый разъ я отдѣлилъ себя, свое я отъ всего зафѣтнаго, чѣмъ жилъ до сихъ поръ... Ахъ!.. Вы меня не поймете!.. Это былъ такой странный разладъ въ моей душѣ!.. такой неожиданный... Я весь такъ мучительно раздвоился... Точно горячка какая-то... Зачѣмъ вы не пришли раньше?.. Мнѣ надо было васъ видѣть... Я чуть не написалъ вамъ... Вѣдь во всемъ этомъ разладѣ были вы виноваты...

Она поднялась:—Я?!..

Онъ самъ словно испугался чего-то, когда увидѣлъ, что она измѣнилась въ лицѣ.

— Впрочемъ, нѣтъ!.. Я говорю глупости... Не слушайте меня... И не сердитесь, пожалуйста... Вы рѣшительно ни въ чемъ не виноваты... Сядьте!..—Онъ робко, тихонько взявъ ея заолодѣвшую руку и поднесъ къ своимъ глазамъ, къ горячему лбу.

Они вдругъ замолчали и сидѣли, какъ зачарованные. Было такъ тихо въ маленькой комнаткѣ, что Лизавета Николаевна слышала слабое тиканье своихъ крошечныхъ часиковъ на груди. Она чувствовала трепеть его вѣкъ на своихъ пальцахъ. Онъ, держа ея руку, чувствовалъ, какъ неровно бьется ея пульсъ.

Вдругъ стукнуло что-то въ передней. Оба вздрогнули. Клименко всталъ, сдвинувъ брови, и вплотную притворилъ свою дверь.

— Что такое?..—спросила Лизавета Николаевна.

— Моя хозяйка вернулась,—отвѣтилъ онъ хмуро.

Въ дверь стукнули.

— Къ вамъ можно?—весело прозвучалъ грудной голосъ.

Глаза Клименко вдругъ стали злыми.

— Войдите,—крикнулъ онъ довольно сухо.

Марья Васильевна вошла и растерялась. Она, очевидно, никакъ не ожидала встрѣчи съ Мельгуновой. Она была такая красивая, здоровая и свѣжая съ мороза, что на нее было приятно глядѣть.

— Ахъ, душечка!.. Вы?.. Здравствуйте... Вотъ ужъ не ожидала!..

Глаза ея какъ-то забѣгали. Въ лицѣ и тонѣ было что-то фальшивое, неприятное. Она совсѣмъ не умѣла притворяться.

„Что она противъ меня имѣеть?..“ про себя удивилась Мельгунова.

Пѣвица быстро заговорила, часто ахая и разсыпаясь въ благодарностяхъ... Она такъ обязана Лизаветѣ Николаевнѣ, такъ обязана!.. Съ ея легкой руки ей повезло счастье... Она еще одинъ частный урокъ получила...

— А Настя какъ справляется съ музыкой?

Пѣвица махнула рукой.

— Ну... это—горемыка!.. Кажется, скоро бросить уроки... Все плачетъ, на голову жалуется... „Поздно, говорить, счастье мнѣ улыбнулось... Калѣба я, конченный человѣкъ“... Хочетъ опять въ клинику проситься...

Пѣвица все стояла, очевидно дожидаясь, что и ей предложить чаю. Глаза ея также виновато бѣгали по комнатѣ. Клименко, опустивъ голову, нервно наигрывалъ пальцами по столу и все хмурился. Мельгуновой стало неловко. Вышла маленькая пауза. Вдругъ онъ точно очнулся.

— Садитесь... Что же вы стоите?.. Не хотите ли чаю?

Но Марья Васильевна точно только этого и ждала. Она вся встрепенулась и выпрямилась.

— Благодарю васъ... Я лучше въ другой разъ... Знаете по-словицу? Незванный гость хуже татарина?.. Ну вотъ такъ и я..

Она нервно усмѣхнулась. Потемнѣвшіе глаза кинули на Клименко какой-то враждебный взглядъ.

— До свиданья, Лизавета Николаевна, — почти вызывающе сказала она, надменно кивнула головой и вышла, съ видомъ оперной королевы.

„Что это значить?“ — отражался вопросъ на лицѣ Мельгуновой.

Клименко гнѣвно передернулъ плечами.

— Я, можетъ, скоро съѣду отсюда, — сказала Клименко, понижая голосъ. — Ребята мѣшаютъ заниматься... А главное, товарищи... Здѣсь неудобно...

Она покраснѣла и оглянулась на дверь.

Пробило пять часовъ. Сумерки уже совсѣмъ сгустились.

— Мнѣ пора идти, — сказала она, вставая.

Онъ быстро удержалъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ... Подождите... Я все говорилъ о себѣ одномъ... Ужъ очень много наболѣло!.. А о васъ не знаю ничего... Вы говорили, что работали надъ чѣмъ-то... чего-то добивались?... Чего же? Скажите?

Она взглянула на него и встрѣтилась съ его взглядомъ, полнымъ участія.

— Права — трудиться...

Онъ прикусилъ губы.

— И что же?.. Это очень интересно...

Онъ присѣлъ подлѣ. Они оба въ эту минуту забыли о томъ, что ихъ подслушиваютъ.

Она рассказала ему, какъ работала, надъ чѣмъ работала. Здѣсь она никому не стоитъ на дорогѣ... Ея мужъ никому не довѣрилъ бы этого труда... Здѣсь работы на полгода почти. Такъ много нужно перевести, привести въ порядокъ...

Онъ слушалъ, опустивъ глаза.

— А плата?.. Вы, конечно, не за столъ и квартиру помогаете писать г. Мельгунову?.. — спросилъ онъ рѣзко.

— Вотъ я васъ хотѣла спросить... Сколько можно взять въ мѣсяцъ за такую работу?.. Вы навѣрно слышали о такихъ... секретарскихъ занятіяхъ?..

Онъ нервно засмѣялся.

— О, меня, пожалуйста, не спрашивайте!.. Я разорилъ бы господина профессора, еслибъ взялся за такое дѣло... Я противъ всякой эксплуатаціи.

Она взглянула на Клименко съ упрекомъ.

— Зачѣмъ вы такъ говорите? Неужели вы не понимаете, что

я счастлива хоть что-нибудь заработать и имѣть свой грошъ. Я возьму двадцать пять въ мѣсяць...

Онъ опять засмѣялся, уже совсѣмъ зло на этотъ разъ.

— Совсѣмъ задаромъ хотите трудиться!.. И бережете же вы, однако, карманъ г. профессора!

Она отвернулась огорченная и стала надѣвать шапочку.

— Я думала, что вы за меня порадуетесь...—Голосъ ея невольно дрогнулъ.

Въ одну секунду онъ былъ около нея и взволнованно заглянулъ въ ея лицо.

— Простите... простите... я васъ обидѣлъ... Это невольно... Постарайтесь меня понять и не сердитесь...

Вдругъ за стѣной что-то охнуло, грохнуло, словно кто съ размаха кинулся на постель. Послышалось заглушенное рыданіе.

У Клименко вырвался жестъ отчаянія.

— Вы уходите? Пойдемте, я васъ провожу... здѣсь нельзя говорить...

Онъ торопливо помогъ одѣться гостьѣ и вышелъ за ней, накинувъ пальто.

— Нѣтъ, нѣтъ!..—испуганно остановила она его у дверей.— Застегнитесь... Вы кашляете...

Онъ просіялъ отъ этой заботы.

— Мнѣ тепло отъ вашей заботы,—сказалъ онъ, благодарно заглянувъ ей въ лицо.—Спасибо вамъ, голубушка!..

Онъ поднесъ ея руку къ губамъ.

Въ ту же секунду распахнулась дверь кухни. Марья Васильевна показала на порогъ заплаканная, красная, съ сбившимися волосами.

Она успѣла замѣтить его поцѣлуй.

— Никакъ уходите?—крикнула она.—А какъ же обѣдъ?

Выпрямившись, онъ быстро застегивалъ пуговицы пальто.

— Пожалуйста, не ждите меня. Я черезъ часъ вернусь, тогда поѣмъ холодное...

Онъ откинулъ крючокъ и пропустилъ Лизавету Николаевну впередъ.

Но та оглянулась.

— До свиданья, Марья Васильевна.

Молодая женщина кивнула головой, какъ Маргарита Наваррская, и хлопнула дверью.

Они шли молча нѣсколько шаговъ.

— А знаете?.. Все это очень странно,—заговорила Мельгунова.—Мнѣ кажется, что...

— Да, да, — перебилъ онъ, — вы угадали... Ахъ, это такая тяжелая исторія! Клянусь вамъ, я не подавалъ ей ни малѣйшаго

повода... Я только жалѣлъ ее... И я знаю, что если я съѣду теперь, покину ее, она съ горя кинется во всѣ тяжкія и потеряетъ уроки... Впрочемъ, рано или поздно, этимъ кончится...

Совсѣмъ стемнѣло. Было хорошо; морозило только слегка, дышалось такъ вольно.

— Когда мы увидимся?.. — спросилъ Клименко. — Неужели опять вы исчезнете на цѣлый мѣсяць?

Она засмѣялась совсѣмъ радостно.

— Отъ васъ зависить видѣться каждый день.

И она рассказала ему, что предлагаетъ урокъ, что будетъ очень рада, если онъ возьмется, плата тридцать рублей и начинать надо завтра.

Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ прошелъ нѣсколько шаговъ. Въ сумеркахъ она все-таки разглядѣла, что лицо его блѣдно.

„Отчего?..“ — неприятно удивилась она.

— Хорошо, — наконецъ сказалъ онъ. — Я приду завтра въ семь...

Голось его звучалъ глухо.

Ей стало досадно.

— Вы, кажется, не рады?.. А я думала, что это такъ хорошо... быть вмѣстѣ?.. Если вамъ неприятно почему-либо, — вдругъ поспѣшила она, но онъ уже перебилъ ее, все также странно глядя ей въ глаза:

— Я согласенъ. Благодарю васъ... Васъ, Лизавета Николаевна, — подчеркнул онъ, — я, конечно, радъ видѣть всегда...

Она опустила голову и молча они пошли рядомъ. Черезъ минуту онъ предложилъ ей руку, она оперлась на нее безсознательно. Нѣкоторое время они шли молча.

— А вы тоже очень измѣнились, — заговорилъ первый Клименко. — Можно подумать, что вы болѣли.

— Да, я утомилась. Мнѣ такъ хотѣлось скорѣе одолѣть эту брошюру, обезпечить себѣ независимость.

— Какую? Денежную? Да стоитъ ли объ этомъ говорить? — воскликнулъ онъ горячо. — Развѣ это для васъ? Когда у васъ есть задача шире?

— А именно?..

— Вырвать свою свободу, уйти.

Она грустно посмотрѣла въ его молодое лицо.

— Это видно, что у васъ не было дѣтей. Меня пойметъ каждая мать, но не вы.

— Возьмите сына, украдите его. Законъ на сторонѣ того, кто сьумѣлъ это умно сдѣлать...

Въ ея глазахъ свергнули слезы. Онъ ихъ не видѣлъ.

— Шура не пойдетъ ко мнѣ. Онъ любитъ отца. Я если уйду, то въ гувернантки. Впрочемъ, разводку никто не возьметъ къ

дѣтямъ. Что же остается?.. Мѣсто въ конторѣ или на желѣзной дорогѣ на тридцать рублей?.. Это если посчастливится найти... Вѣдь вы, сами знаете, какая битва идетъ за мѣста!.. Или должность приказчицы въ магазинѣ за двадцать пять рублей?.. Алексѣй Ивановичъ, да вѣдь это нищета!.. Что же я могу предложить сыну? Отдавъ Марьѣ Васильевнѣ и Настѣ мои уроки, я знала, что дѣлаю... Я отрѣзала себѣ всякій путь къ новой жизни... Не знаю, что дальше?.. А пока... я ничего впереди не вижу. Не дразните же меня... Не говорите мнѣ о томъ, что невозможно!..

— А курсы медицинскіе?.. Вы забыли о нихъ?.. Какъ вамъ легко было бы подготовиться и сдать экзаменъ!.. Вѣдь это новая жизнь впереди...—вырвалось у него со страстью.

Она даже вѣки прижмурила, такъ ей стало больно отъ этого тона, отъ этихъ словъ.

— Поздно...

Онъ остановился, какъ вкопанный.

— Почему?

— Знаете вы, сколько мнѣ лѣтъ?.. Тридцать пять... А на курсы принимаютъ только до тридцати пяти лѣтъ... Вѣдь надо же не меньше года на подготовку?

Онъ закусилъ губы. Очевидно, ему было не легко разстаться съ этой мечтой.

Они не замѣтили, какъ дошли до переулка, гдѣ жили Мельгуновы. Ихъ обогналъ лихачъ. Красивая лошадь, прикрытая синей сѣткой, храпя, бѣжала и изъ подъ копытъ ея летѣли комья снѣга.

Сѣдокъ въ шинели съ бобрами и въ высокой мѣховой шапкѣ оглянулся на нихъ, встрепенулся весь какъ-то и остановилъ извозчика.

— Вашъ мужъ, — сказалъ Клименко, первый узнавшій профессора, и въ эти два слова онъ съумѣлъ вложить всю силу своей антипатіи къ Мельгунову.

Она поняла. Рука ея невольно потянулась изъ-подъ рукава Клименко, но онъ придержалъ ее локтемъ и что-то злое мелькнуло въ его лицѣ.

Лизавета Николаевна тотчасъ разсердилась на себя. „Съ какой стати?.. Я какъ будто испугалась мужа“...

Спокойно глядѣла она, какъ Мельгуновъ вылѣзъ изъ саней и подходилъ къ нимъ, поправляя плечомъ сползавшую шинель.

Клименко измѣнился въ лицѣ, когда увидѣлъ эту красивую фигуру.

„Какъ хороши!.. Какая женщина останется равнодушной къ такой красотѣ?“

Взоры Клименко и Мельгунова встрѣтились и сверкнули.

Лизавета Николаевна представила ихъ другъ другу и при этомъ совершенно естественнымъ жестомъ высвободила свою руку.

Мельгуновъ жадно, быстро переводилъ свой взоръ съ спокойнаго лица жены на взволнованное лицо студента.

— Вы порѣшили?—спросилъ онъ и опять машинально повелъ плечомъ, поправляя пинель.

— Да, завтра къ семи часамъ Алексѣй Ивановичъ будетъ у насъ.

Они медленно подходили всѣ къ дому, Лизавета Николаевна немного впереди, оба мужчины рядомъ сзади.

— Очень радъ,—сказалъ Мельгуновъ.—Я, видите ли, дорожу успѣхами сына... Онъ всегда шелъ первымъ... хотѣлось бы, чтобъ и дальше было такъ. Тутъ у него вышли недавно нѣкоторыя осложненія... Вамъ говорила жена? Но теперь я буду спокоенъ за него... Вы, надѣюсь, меня понимаете, мои чувства?..

Мельгуновъ говорилъ въ замѣтномъ возбужденіи, которое ничѣмъ, казалось, не оправдывалось.

— Теперь я спокоенъ за сына,—повторилъ онъ вѣско.—Выборъ Лизаветы Николаевны не можетъ быть плохъ.

И его тонъ прозвучалъ такъ странно, что Лизавета Николаевна невольно оглянулась на Клименко.

У того дрогнули вѣки, но онъ не поднялъ глазъ, когда отвѣтилъ глухо:

— Довѣріе вашей супруги я постараюсь оправдать...

Онъ откланялся и быстро-быстро пошелъ назадъ.

Она хотѣла окликнуть его, догнать, пожать ему руку, но сзади шелъ мужъ и упорно смотрѣлъ въ ея спину. Она это чувствовала и ежилась.

„Подъ руку ходитъ съ мальчишкой“, — волновался Мельгуновъ. — „Счастье еще, что никого не встрѣтили!.. Какая безтактность!..“

Но онъ ничего не сказалъ женѣ. Пообѣдавъ наскоро, онъ уѣхалъ въ пріютъ.

Вернулся онъ поздно, удрученный тяжелой ссорой съ Анной Васильевной, измученный операціей.

Крестьянка въ пріютѣ умерла подъ ножомъ.

XVI.

Клименко приходилъ каждый день въ качествѣ речетитора. Изъ своей комнаты, черезъ открытую дверь, Лизавета Николаевна, сидя за шитьемъ, или книгой, могла видѣть его профиль и голову Шуры, слышала ихъ голоса.

— Отчего вы съ нами не сидите? — спросилъ ее разъ Клименко. — Намъ веселѣе работать, наконецъ, вы мнѣ поможете. Вамъ ближе знать способности вашего сына.

Она перешла тогда въ классную. Эти часы стали лучшими въ ея жизни. Она ждала ихъ весь день, какъ и онъ, скучая въ праздники. Свѣтлая, чистая привязанность Клименки, которую она чувствовала въ каждомъ его ласкающимъ взглядѣ, въ каждомъ бережномъ вопросѣ, въ мягкомъ звукѣ голоса, — молодила ее, согрѣвала ея словно озябшую въ одиночествѣ душу. Жизнь вдругъ получила краски, блескъ, стала такъ полна и хороша!.. Какъ отраднo было вечеромъ сидѣть въ этой, высокой свѣтлой комнатѣ, такъ гигиенично обставленной!.. Видѣть эти два дорогія юныя лица, близко склоняющіяся надъ столомъ, озаренныя свѣтомъ ви- сячей лампы!

Она сама всегда сидѣла въ тѣни. Ей было такъ лучше гля- дѣть и думать.

Каждый день Лизавета Николаевна приглашала Клименко къ чаю и холодной закускѣ, которая у Мельгуновыхъ замѣняла ужинъ. Шура выпивалъ свой стаканъ, съ слипающимися глазами, и уходилъ спать, а они засиживались иногда до полночи, читая, дѣ- лясь впечатлѣніями прочитаннаго и пережитаго, горячо споря. Спорить приходилось часто. Клименко былъ нетерпимъ и односто- роненъ. Онъ какъ будто игнорировалъ, что Лизавета Николаевна прожила тридцать-пять лѣтъ до знакомства съ нимъ, и говорилъ съ ней иногда такимъ тономъ, точно она вчера родилась и ни- чего *своею*, выстраданнаго и надуманнаго, у нея не можетъ быть за душой. Но этотъ деспотизмъ не раздражалъ ее, а только смѣ- шилъ, и еще чаще трогалъ той искренностью, тѣмъ жаромъ увле- ченья, жаромъ души, какой она за всѣмъ этимъ видѣла.

У нея были любимцы между писателями и поѣтами, далекими отъ гражданской скорби. Она цѣнила ихъ за талантъ, за тѣ зву- чавшія въ ихъ лирѣ струны, въ отвѣтъ которымъ вибрировала ея сложная душа.

Онъ однимъ мановеніемъ руки стиралъ ихъ въ прахъ.

— Собственно говоря, какое они имѣютъ общественное зна- ченіе?.. — спрашивалъ онъ, всегда, пощипывая бородеку. Онъ не признавалъ ничего изъ живописи, литературы и театра, что не имѣло прямого отношенія къ народу, не могло его интересовать, или быть для него доступнымъ.

— А Вагнеръ?.. — ловила его Лизавета Николаевна. — Вотъ ужъ кто не для массъ, не для народа... Онъ самъ — Uebermensch Нитше — и его только избранные могутъ понять...

Тутъ онъ всегда конфузился.

— Да, это моя слабость, — огорченно соглашался онъ. —

Чувствую, что я непослѣдователенъ, но ничего не могу съ собой сдѣлать... Знаете? Я всегда боялся, что эстетика погубитъ меня...

Онъ страстно любилъ музыку вообще. Лизавета Николаевна по его просьбѣ, послѣ долгихъ лѣтъ, впервые сѣла за рояль какъ-то разъ, когда Мельгуновъ уѣхалъ на практику, и играла весь вечеръ Шопена и Шумана.

Когда онъ уходилъ въ этотъ вечеръ, она взглянула въ его вдохновенно горѣвшіе глаза, въ блѣдное измученное, но счастливое лицо и поняла, что за эти нѣсколько часовъ, въ невидимыя узы, которыми она—сама того не зная—опутала эту пылкую душу, вплелись новыя нити, яркія и нѣжныя, какъ шелкъ, но которыя, пожалуй, крѣпче цѣпей. Это была эстетика, которой онъ такъ боялся.

— Почему-то мнѣ кажется, что вы хорошо поете,—сказалъ онъ какъ-то разъ вечеромъ.—Меня еще въ первый разъ, когда вы говорили о Норѣ—помните?—поразила красота вашего голоса.

Она спѣла нѣсколько романсовъ Чайковского, малороссійскія пѣсенки и совсѣмъ очаровала его. Впечатлительная, поэтичная душа хохла, въ жилахъ котораго текла и польская кровь (по матери), была подкуплена этимъ груднымъ, дѣйствительно, чудеснымъ голосомъ. Ему хотѣлось плакать отъ счастья, когда онъ ее слушалъ.

— Отчего вы не на сценѣ?—воскликнулъ онъ.—Съ такимъ талантомъ!.. Какъ вамъ не стыдно?

Ея глаза сверкнули и насмѣшка прозвучала въ ласковомъ вопросѣ, когда она сказала, неподражаемо копируя Клименко:

— Собственно говоря, какое эта дѣятельность имѣла бы „общественное значеніе“?

Онъ невольно расхохотался.

Нерѣдко Мельгуновъ заставлялъ еще репетитора, вернувшись изъ засѣданія, съ практики, либо покончивъ пріемъ. Онъ входилъ всегда почти незамѣтно, мягкой, неслышной походкой, надѣясь что-нибудь подслушать, что-нибудь открыть, увѣренный, что тутъ „не совсѣмъ чисто“... Конечно, его Лиза была святая женщина... (У всѣхъ буржуа жены—святые)... Но чертъ и горами качаетъ... И надо держать ухо востро...

Онъ садился за столъ и просилъ чаю съ самой любезной улыбкой. Онъ былъ необычайно предупредителенъ съ Клименко и ласковъ съ женой, даже слишкомъ ласковъ. Онъ ласкалъ ее взглядомъ, голосомъ, этими бархатными нотками, которыя такъ обволакивали женскую душу... „Гляди,—казалось, говорилъ онъ студенту,—какъ я ее люблю, какъ мы хорошо и согласно живемъ“...

Его обращеніе дѣйствовало на Лизавету Николаевну болѣзненно. Брови ея хмурились, что-то нервное, почти враждебное проскальзывало въ ея жестахъ, въ голосѣ, во взглядѣ.

Съ приходомъ Мельгунова оживленіе собесѣдниковъ падало разомъ, разговоръ не клеился. Казалось, въ теплой комнатѣ открыли на морозъ фортку и веѣмъ стало холодно. Особенно мѣнялась при мужѣ Лизавета Николаевна. Это была уже какая-то другая женщина—веселая, либо раздраженная, дававшая банальные отвѣты.

Клименко, — какъ это ни странно, — владѣлъ собой лучше, хотя какая-то органическая непобѣдимая антипатія закипала въ немъ при видѣ Мельгунова. Все было ему въ немъ ненавистно: и образъ мыслей презрительно-самодовольнаго буржуа, сверху внизъ глядящаго на эту глупую, увлекающуюся молодежь, которая тѣшитъ себя необычными мечтами объ иномъ строѣ жизни, основанномъ на какой-то утопической справедливости... И его манера говорить, растягивая слова, и корректные, сдержанные жесты его прекрасныхъ рукъ, и эти самыя руки, съ отточенными миндалевидными ногтями... Клименко выдавали только его глаза, его взгляды, острые, какъ булавки, которыми онъ пронизывалъ Мельгунова.

И странно!.. О чемъ бы они ни говорили, — о женскомъ ли вопросѣ, о стачкахъ ли рабочихъ за границей, о новыхъ выборахъ въ германскомъ рейхстагѣ, о волненіяхъ молодежи, о марксизмѣ, — такъ и чувалось, что все оскорбительное, все пренебрежительное въ рѣчахъ Мельгунова относилось не къ обществу, не къ отвлеченнымъ идеямъ, не къ далекой и чужой массѣ людей, а вотъ именно къ этимъ двумъ, сидящимъ передъ нимъ людямъ, къ этимъ двумъ союзникамъ и единовѣрцамъ, — людямъ другого лагеря, непримиримымъ, не согласнымъ ни на какіе компромиссы.

Несмотря на сдержанность Клименки, на любезность Мельгунова, разговоръ всегда обострялся. Лизавета Николаевна по большою части молчала, съ виду усталая, равнодушная, занятая, казалось, однимъ хозяйствомъ. Но это молчаніе ея еще больше раздражало Мельгунова. Оно какъ бы подчеркивало солидарность этихъ двухъ людей и презрѣніе жены къ взглядамъ ея мужа. Еслибъ она кипятилась, сердилась и спорила — даже поддерживая Клименко — ему все-таки было бы легче.

Послѣ такого вечера каждый разъ вставали изъ-за стола и расходились всѣ измученные, взвинченные, напряженные... Клименко, пожимая на прощанье руку хозяйки, казалось, обнималъ ее всю горячимъ взглядомъ, казалось говорилъ:

„Я знаю, что вы со мной за-одно“...

„Простите, я не виновата“... говорили ея глаза въ отвѣтъ.

Мельгуновъ всегда переживалъ студента, съ миной любезнаго хозяина стоя у вѣшалки, чтобъ не дать имъ обмѣняться прощальнымъ привѣтствіемъ, какими-нибудь интимными словами...

Но онъ ловилъ эти взгляды и страдалъ отъ ревности и безсилія. Онъ больше не дѣлалъ сценъ женѣ, напуганный послѣднимъ разговоромъ.

Переводъ англійской брошюры подвигался быстро. Лизавета Николаевна какъ-то разъ сказала мужу, что надѣется кончить всю работу къ лѣту, т. е. перевести еще одну французскую статью, которая значилась въ спискѣ, и сдѣлать всѣ выноски изъ имѣвшагося подъ рукой матеріала, необходимыя для его статьи.

— Тебѣ это будетъ стоить рублей сто, или около того, по расчету двадцати пяти рублей въ мѣсяць... Впрочемъ, постараюсь кончить скорѣе...

— Зачѣмъ? Не спиши... такъ лучше! — хотѣлъ сказать Мельгуновъ, но сдержался во-время. Онъ зналъ, что пока Лиза работаетъ въ его кабинетѣ, онъ можетъ спать спокойно.

Клименко держался совсѣмъ другого взгляда. Съ первой минуты, когда онъ узналъ, надъ чѣмъ трудится Лизавета Николаевна, его охватила какая-то жгучая, необъяснимая тревога. Но, какъ человѣкъ рѣшительный и строгій къ себѣ, онъ скоро пожелалъ уяснить себѣ это чувство и не остановился передъ выводомъ. Да, онъ ревновалъ ее къ мужу, ревновалъ мучительно къ этому прошлому, въ которомъ ему самому не было мѣста, — ревновалъ къ этой работѣ, неволью воскресавшей это прошлое, бессознательно все-таки сближавшей этихъ теперь совсѣмъ чужихъ людей... Онъ ждалъ ее тогда цѣлый мѣсяць, счастливый вспыхнувшимъ такъ властно новымъ чувствомъ, страдая въ то же время отъ разлада, который любовь внесла въ его жизнь аскета, — онъ ждалъ ее... А она забыла о немъ, работая надъ этой статьей. Этого перваго впечатлѣнія онъ не могъ забыть и постоянно возвращался къ нему, огорчая своего друга неожиданными, казалось, рѣзкостями. Онъ тотчасъ спохватывался и смиренно просилъ прощенія, но она огорчалась и душа ея отъ его насмѣшекъ сжималась, какъ нѣжная мимоза отъ прикосновенія грубой руки.

Дружба эта, отъ которой она ждала столько радостей и свѣта, уже показала свои терніи.

Мельгуновъ, возвращаясь къ обѣду, нерѣдко заставалъ жену въ кабинетѣ за работой. Лампа озаряла ея блѣдное, исхудавшее лицо. Въ каминѣ пылалъ огонь. Петръ разводилъ его всегда къ возвращенію хозяина.

Мельгуновъ садился у камина и глядѣлъ на жену.

— Сейчасъ кончу, — говорила она, чувствуя на себѣ этотъ взглядъ и неприятно волнуясь.

— Пожалуйста, не торопись, — возражалъ онъ. — Я еще не голодень.. Такъ хорошо посумерничать и погрѣться... Нынче сыро...

Иногда, захваченная работой, она забывала объ его присутствіи. Онъ сидѣлъ недвижно, прислушиваясь къ скрипу ея пера, къ шелесту книги, къ ея дыханію... Каминъ потухалъ. Тѣни пробѣгали по красивому, такъ печально склонившемуся лицу; уголья, вспыхивая, зажигали блики въ влажныхъ глазахъ... Онъ вспоминалъ далекіе дни, когда задумалъ эту книгу, когда былъ любимъ... Онъ силился понять, какъ ушло это чувство?.. ушло незамѣтно, понемногу, какъ тепло уходитъ изъ дома, гдѣ настезъ раскрыли зимою окна... Ему было грустно... Почему онъ не удержалъ любви этой женщины? Вѣдь когда-то все было въ его рукахъ!... По лицу его пробѣгаль трепеть... Юность, волшебная, не повторяющаяся греза счастья, гдѣ вы? Гдѣ минуты вдохновенія, которое умѣла будить таинственная нимфа Эгерія?.. Куда ушли силы души?.. Жизнь суровая и беспощадная развѣяла золотые сны, убила свѣтлые порывы, смяла и растоптала цвѣты счастья... Впереди старость, безъ иллюзій, безъ симпатій... съ холодными радостями честолюбца... Да, если въ его жизни были свѣтъ и красота, они въ прошломъ,—они уже позади...

Странныя это были минуты!.. Много горечи было въ этомъ настроеніи, но онъ дорожилъ имъ.

Лизавета Николаевна вставала, прятала книги, тушила лампу и выходила изъ комнаты, унося съ собой это Богъ вѣсть откуда налетѣвшее настроеніе, какъ уходящее лѣто уносить свое тепло и очарованіе. Проходя, она задѣвала его платьемъ. Это легкое прикосновеніе будило въ немъ искру, заглохшую, казалось, подъ соромъ и пылью жизни, вызывало трепеть его души. Развѣ не въ ней—этой теперь чужой женщинѣ—было все его прошлое, юность, счастье, мечты, которыя не сбылись?..

Теперь Мельгуновъ уже не вышучивалъ себя, не пробовалъ бороться. Онъ зналъ, что любить жену съ мученьемъ, болѣзненно, какъ любить только въ его годы, и безъ всякой надежды на взаимность... Пусть такъ!.. Жизнь все рѣшила за нихъ. Онъ самъ, въ слѣпомъ отчаяніи—надѣясь излѣчиться и найти забвеніе своей связью съ другой женщиной—какъ бы углубилъ бездну, ихъ раздѣлившую... Возврата нѣтъ... Пусть!..

Но только подъ однимъ условіемъ. Въ сердцѣ Лизы не должно быть иной привязанности, кромѣ Шуры. Въ прошломъ она любила мужа, будущее должно принадлежать сыну... Это былъ единственный соперникъ, передъ которымъ Мельгуновъ соглашался отступить...

Разъ какъ-то Мельгуновъ, вернувшись передъ обѣдомъ, неслышно прокрался въ кабинетъ и наклонился надъ плечомъ жены, которая продолжала писать. Онъ стоялъ такъ съ полминуты у

*

письменнаго стола, впивая въ себя запахъ ея волосъ и ея тѣла, боясь шевельнуться... Какъ много напоминалъ ему этотъ запахъ!..

Но она почувствовала его за собой, повела глазами въ его сторону и испуганно ахнула.

— Какъ можно такъ подраживаться?.. Ну, что за манера?..

— Прости, Лиза, я боялся мѣшать...

Онъ присѣлъ подлѣ въ кресла...

— А не можешь ли ты и меня посвятить въ курсъ дѣла?— спросилъ онъ такъ, чтобъ что-нибудь сказать и имѣть предлогъ сидѣть въ этой комнатѣ.

Ея глаза вспыхнули.

Наконецъ-то!.. Она давно ждала этой просьбы и терзалась, что мужъ какъ бы стоитъ въ сторонѣ. Неужели онъ навсегда отказался отъ своей книги? Тогда на что же ему ея работа? Не милостыня ли это, которую онъ ей бросаетъ, какъ утѣшеніе? Сколько разъ она хотѣла поставить ему ребромъ этотъ вопросъ, и если подозрѣнія ея подтвердятся, то бросить ему въ лицо эту тетрадку и искать заработка въ другомъ мѣстѣ, инымъ путемъ. Она оживленно встала и начала, перелистывая тетради и книги, объяснять ему планъ своей работы... Онъ слушалъ, заинтересованный, пристыженный ея добросовѣстностью, удивленный тѣмъ знаніемъ дѣла, которое она выказала. Ихъ пальцы встрѣчались, ихъ лица, наклоняясь надъ столомъ, касались другъ друга, ея волосы щекотали его щеки, она этого не замѣчала, равнодушная къ нему, увлеченная своей задачей.. А онъ любовался блескомъ ея глазъ, давно невиданнымъ румянцемъ и оживленіемъ и думалъ, волнуясь ея близостью: „Какъ я былъ глупъ, что такъ долго сторонился отъ ея работы!.. Вотъ несомнѣнно почва для нашего, хотя бы духовнаго сближенья... О милая, старая тетрадка!..“

— Ну что? Много написала. Далеко подвинулось? — черезъ два дня спрашивалъ онъ, уже безъ стѣсненія, какъ свой человѣкъ, входя въ кабинетъ.

— Сегодня вечеромъ я свободенъ, — говорилъ онъ иногда женѣ за обѣдомъ. — Почитай мнѣ все сначала, чтобъ я могъ себѣ сразу выяснитъ главную суть... Вѣдь важно усвоить сначала старое, тогда можетъ быть, я начну писать... — И она охотно шла въ кабинетъ и читала ему, сидя у стола. А онъ, полулежа на тахтѣ, слушалъ жадно, наслаждаясь присутствіемъ жены, ихъ возникавшей близостью... И его, дѣйствительно, понемногу захватывалъ интересъ этой будущей книги, ихъ общаго дѣтища...

Съ виду ихъ отношенія не оставляли желать ничего лучшаго. Лизавета Николаевна часто совѣтовалась съ мужемъ, терпѣливо поджидала его звонка, если затруднялась въ чемъ-нибудь, и чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, онъ всегда съ радостью шелъ ей навстрѣчу.

Все было бы хорошо, еслибъ не Клименко. Онъ ревновалъ. Въ тѣ вечера, когда онъ, между двумя задачами, какъ бы вскользь спрашивалъ Лизавету Николаевну: „будемъ мы нынче читать?..“, а она отвѣчала, избѣгая его взгляда:— „Нѣтъ, извините, нынче мнѣ некогда...“—дружбы ихъ словно не бывало. Онъ вставалъ холодный и замкнутый, отказывался отъ чая и уходилъ, даже не коснувшись руки Лизаветы Николаевны.

Она огорчалась и страдала.

Какъ-то разъ, когда Мельгуновъ вернулся съ практики и зашелъ въ кабинетъ, жена его встала изъ-за стола счастливая, сияющая.

— Я кончила переводъ брошюры... Вотъ она!

— Такъ скоро?—удивился Мельгуновъ, хотя сердце его ёкнуло.—Но вѣдь это подвигъ...

Она радостно засмѣялась.

— О, да!.. Для меня.. Я почти не знала лзыба, когда взялась за нее!.. Вечеромъ надо ее съ тобой прочесть...

— Не хочешь ли напечатать ее?—предложилъ онъ.—Вѣдь ея нигдѣ нѣтъ на русскомъ языкѣ. Всякій книгопродавецъ ее охотно купить... Хочешь, я тебѣ это устрою?

Ея свѣтлыя глаза стали большими и наивными, какъ у ребенка.

— Неужели?.. О, какъ это хорошо!

Весь день она сияла. Даже для Мельгунова у нея нашлись добрыя улыбки и дружескія интонаціи. Никто, глядя на нее теперь, не далъ бы ей даже тридцати лѣтъ.

Когда пришелъ Клименко, она протянула ему обѣ руки и сказала:

— Поздравьте меня!..

Онъ, хмурясь, узналъ объ окончаніи брошюры, о томъ что вечеромъ мужъ ея прослушаетъ переводъ, о предложеніи Мельгунова.

— Скажите, что вы рады за меня!..—просила она такъ настойчиво и нѣжно.

Онъ поглядѣлъ на нее, приподнявъ брови, пощипывая бородку... Ему стало жаль отравлять ей настроеніе... Вѣдь для нея такъ много связано съ этимъ успѣхомъ!..

— Вотъ область труда, на которую и вы имѣете со всѣми одинаковое право,—изрекъ онъ сквозь зубы, тономъ премьера въ парламентѣ.

Этотъ счастливый день кончился печально для Лизаветы Николаевны и неожиданно улетѣла вся радость ея успѣха. Случилось это такъ.

Вечеромъ Лизавета Николаевна читала мужу свой переводъ,

Случайно, въ этотъ вечеръ онъ былъ свободенъ. Но даже, еслибъ у него были дѣла, онъ бросилъ бы ихъ, сказавшись больнымъ... Поджидая, пока уйдетъ Клименко и Шура ляжетъ спать, онъ ме-

тался по кабинету и его была лихорадка. Въ эти десять дней ихъ сближенія съ женой, въ темныхъ, самыхъ темныхъ уголкахъ его души незримо родилась надежда — кончить книгу. Чѣмъ больше онъ о ней думалъ, тѣмъ ярче разгоралась въ немъ надежда. Онъ мечталъ приблизить и вернуть себѣ жену этой общностью работы... Развѣ она уже не привыкла къ нему, благодаря старой тетрадкѣ, свершившей это чудо?.. А когда книга выйдетъ въ свѣтъ и о немъ заговорять, она увидитъ, что напрасно ставила на немъ крестъ, что онъ еще чего-нибудь да стѣдитъ!.. Несомнѣнно, жена еще вѣритъ въ его способности... Надо оправдать эти надежды во что бы то ни стало!.. Слишкомъ дорогой призвъ впереди... Да и этому самонадѣянному ничтожеству, этому студенту хорошо утереть носъ!..

Онъ разсѣянно пилъ чай и все смотрѣлъ на часы. Онъ рѣшилъ — рискнуть и выиграть.

Она пришла, волнуясь въ свою очередь. Можетъ быть, переводъ нивуда не годится?..

Онъ слушалъ ее, неслышно ступая по ковру, и мягко исправлялъ вкравшіяся кое-гдѣ неточности. Но въ общемъ переводъ былъ превосходенъ. Онъ сдѣлалъ бы честь любому специалисту. Этимъ Лизавета Николаевна была обязана тому, что всю жизнь интересовалась медициной и слѣдила за всѣмъ, что печаталось въ медицинскихъ журналахъ.

— Превосходно, — сказалъ Мельгуновъ, когда она кончила и заолодѣвшими отъ волненія пальцами воснула своихъ пылающихъ щекъ. — Мнѣ остается только расцѣловать твои золотыя ручки.

Онъ взялъ изъ рукъ ея тетрадку и крѣпко прижался губами къ ея ладонямъ.

Она была очень счастлива въ эту минуту, но губы его были слишкомъ горячи, прикосновеніе слишкомъ жадно.

— Ты напрасно волновалась, Лизанька. Клянусь тебѣ, самый строгій критикъ свазалъ бы то же, что я. Таковую работу почетно издать въ свѣтъ...

Она встала, собираясь уйти. Въ глазахъ ея отразилось чувство внезапно охватившей ее тревоги...

— Бѣ лѣту я все кончу, — сказала она, избѣгая его взгляда. — Тамъ еще осталась французская статья Шарко! Она значитъ въ спискѣ, надо ее найти, она завалилась гдѣ-то. Въ книжныхъ шкафахъ ея нѣтъ, — говорила она торопливо, бѣгая глазами по комнатамъ. — Но это уже пустышки для меня. Я свое сдѣлаю, — очередь будетъ за тобой...

Онъ вдругъ заступилъ ей дорогу, какъ бы нечаянно.

— Лѣтомъ я возьму отпускъ, — говорилъ онъ медленно, по-

степенно блѣднѣя и не сводя глазъ съ лица жены, — и кончу книгу, если...

— Если что?—спросила она еле слышно.

— Если ты не бросишь меня...

Она отодвинулась невольно подъ его взглядомъ. Въ ту же секунду въ лицѣ ея мелькнуло испуганное выраженіе беззащитнаго, растерявшагося ребенка, надъ которымъ занесена тяжелая рука.

— Лиза... — горячо вырвалось у него какимъ-то разбитымъ звукомъ, полнымъ отчаянія.

Передъ ней былъ словно незнакомый, новый человекъ. Она взглянула въ это лицо, дышавшее неподдѣльнымъ волненіемъ, прекрасное въ эту минуту отъ преобразившаго его рѣдкаго подъема душевныхъ силъ, — и сразу какъ-то безповоротно поняла все.

Ея вѣки прижмурились невольно.

— Выслушай меня, не уходи. — говорилъ онъ, стоя передъ ней и (она это чувствовала) дрожа всѣмъ тѣломъ. — Я, сознаю, виноватъ передъ тобой... Безмѣрно виноватъ въ прошломъ... Но Боже мой!.. Вѣдь я ни минуты не переставалъ любить тебя... Ты оскорбила меня слишкомъ больно... Пстой, пстой!.. Я ничего не прошу, ни на что не надѣюсь... Ты можешь жить спокойно рядомъ... Я былъ глупецъ тогда предъ Рождествомъ... Боже мой!.. — Онъ всплеснулъ руками. — На что я надѣялся?.. Развѣ такія женщины, какъ ты, прощаютъ?.. Я голову потерялъ тогда... Слишкомъ испугался, что ты хочешь уйти... Мнѣ стыдно вспомнить... Клянусь тебѣ, никогда больше... Хотя... еслибъ ты сказала слово, нѣтъ, кажется, жертвы...

Какъ во снѣ она провела рукой по лицу и двинулась въ двери. Но онъ опять сталъ по дорогѣ. Его била лихорадка.

— Нѣтъ... нѣтъ... Подожди!.. Я знаю, что все кончено... Неужели ты не вѣришь въ мою порядочность?.. Объ одномъ прошу: не уходи... Ты мнѣ нужна... Не скандала боюсь... нѣтъ!.. я просто не могу безъ тебя остаться... Вотъ теперь... Ты ждешь, чтобъ я кончилъ книгу?.. И если... я окажусь ниже твоихъ ожиданій... ты разочаруешься уже окончательно?.. и не простишь мнѣ?.. И мнѣ жутко, Лиза... Помогите же мнѣ.. Пойми... мнѣ не легко стряхнуть съ себя пыль этихъ послѣднихъ лѣтъ... (Его голосъ дрогнулъ). Кажется... нѣтъ уголка въ моей душѣ... куда бы не проникла эта пыль... Подъ ней, Лиза, все тускнѣетъ... все гаснетъ... Я погибъ... если ты бросишь меня теперь... и уже окончательно.. Все въ твоихъ рукахъ..

Блѣдная, какъ и онъ, она вскинула на него свои рѣсницы, безъ звука шевельнулись ея дрожація губы.

Онъ испуганно перебилъ ее.

— Если не для меня, то для Шуры... Чѣмъ онъ виноватъ? Мы

оба нужны ему... Лиза... Вспомни надпись: „моей нимфѣ Эгеріи...“ Ты ею была... Ты ею и осталась... Такъ не бросай же насъ...

Онъ подчеркнулъ невольно это „насъ“, какъ бы давая ей понять, что, уйдя, она потеряетъ сына навсегда, что онъ и ребенка научить ненависти и злобѣ.

Но этотъ ходъ былъ уже лишнимъ. Она и такъ была какъ бы раздавлена его признаніемъ.

Онъ это понялъ и отступилъ, давая ей дорогу.

Она вышла, какъ-то съжившись вся, словно разомъ ставшая таюй маленькой, таюй несчастной...

Мельгуновъ облегченно, шумно вздохнулъ, и по лицу его разлилось выраженіе покоя и торжества...

Наконецъ-то!..

Уйдетъ ли она теперь съ легкимъ сердцемъ? Наврядъ ли... Онъ зналъ, что дѣлалъ, поднимая этотъ вопросъ... Довольно съ него и этой побѣды!.. Онъ не погонится за большимъ, чтобъ не потерять того, что выигралъ нынче...

А. Вербицкая.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛХИМІЯ И АЛХИМИКИ.

(Страничка изъ исторіи науки).

Приватъ-доцента кievскаго университета Н. Н. Володкевича.

(Окончаніе) *).

Выясненіе начала алхиміи было бы не полно, если бы мы оставили безъ разсмотрѣнія тотъ мистицизмъ и символизмъ, которымъ окружали алхимики свои изслѣдованія и который проникалъ всѣ ихъ сочиненія. Это важная сторона алхимическихъ ученій, и само дальнѣйшее развитіе алхиміи будетъ непонятно, если не обратитъ вниманія на мистическую сторону ея начала.

Дѣло превращенія искусственными средствами одного вида вещества въ другой, отнятіе прежнихъ свойствъ и сообщеніе новыхъ, казалось весьма труднымъ. Природа совершаетъ эти превращенія, это благороживаніе металловъ въ нѣдрахъ земли, таинственнымъ и медленнымъ путемъ; алхимики ставили своей задачей произвести это превращеніе искусственными средствами и притомъ въ короткое время, и, конечно, это была нелегкая задача; передъ нею силы и искусство человѣка казались слишкомъ ничтожны. Неудивительно поэтому, что тамъ, гдѣ естественныя силы, повидимому, отказывались служить, прибѣгали къ силамъ сверхъестественнымъ; отсюда возникновеніе таинственныхъ формулъ, обрядовъ и заклинаній.

Такое направленіе сохранялось въ видѣ традиціи обрядовъ древняго Египта, затѣмъ оно развивалось подъ вліяніемъ мистицизма халдейскихъ и гностическихъ ученій. Самое происхожденіе алхиміи по этимъ мистическимъ преданіямъ—божественное; языческіе писатели считали ея основателемъ древнеегипетскаго бога Тота, эллинизированнаго затѣмъ подъ названіемъ Гермеса Трисмегиста; христіанскіе писатели объясняли происхожденіе алхиміи слѣдующимъ мѣстомъ изъ книги Бытія (глава VI): «тогда сыны Божіи увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ себѣ въ жены, какую кто избралъ», и дальше: «въ то время были на землѣ исполины, особенно съ тѣхъ

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

поръ, какъ сыны Божіи стали входить къ дочерямъ человѣческимъ, и онѣ стали рождать имъ. Это сильные, издревле славные люди». Въ апокрифической книгѣ Еноха расказывается, что именно эти сыны Божіи, т. е. падшіе ангелы, открыли смертнымъ тайныя знанія и научили ихъ всѣмъ искусствамъ: «они научили своихъ женъ волшебству, свойствамъ корней и деревьевъ, магическимъ знакамъ, искусству наблюдать звѣзды; они ихъ научили употребленію браслетовъ и украшеній, искусству красить себѣ брови, употребленію драгоценныхъ камней, и такимъ образомъ въ люди вошла порча нравовъ»; возмездіемъ за проявившуюся въ людяхъ безнравственность явился затѣмъ всемірный потопъ. Въ этихъ словахъ апокрифической книги алхимики видѣли подтвержденіе преданій относительно нечеловѣческаго происхожденія алхиміи: тайныя искусства—изготовленіе браслетовъ, драгоценныхъ камней, искусство красить,—этимъ именно и занимались алхимики.

И такъ, по тому и другому преданію происхожденіе алхиміи нечеловѣческое. Поэтому дѣло это великое, ага шага, дѣло священное, ага саса. Не всякій способенъ заниматься имъ; вотъ что говорится въ одномъ отрывкѣ, суть котораго высказывается потомъ и у Гебера, и у другихъ арабовъ: «Тотъ, кто занимается изученіемъ дѣла, долженъ прежде всего любить Бога и людей, быть умѣреннымъ и безкорыстнымъ; онъ долженъ стоять далеко отъ всякаго обмана и всякой лжи, отъ всякаго дурнаго поступка, отъ чувства зависти; онъ долженъ быть искреннимъ и вѣрнымъ сыномъ Единосущной Троицы. Кто не имѣетъ этихъ хорошихъ качествъ, угодныхъ Богу, или кто не потщится приобрѣсть ихъ, тотъ обманется, желая достигнуть недостижимаго; онъ только повредитъ самому себѣ». Если таковы должны быть качества адепта, если адепты—люди высшіе и лучшіе, если ихъ дѣло такъ высоко и такъ священно, то нельзя его профанировать, дѣлать доступнымъ всѣмъ; только достойные могутъ имъ заниматься, и не должны они его разглашать, но, напротивъ, заниматься втайнѣ. «Клянусь тебѣ, мой почтенный посвященный, клянусь блаженной Троицей, что я ничего никому не открылъ изъ тайнъ науки, разоблаченныхъ ею для тайниковъ души моей; все, что я знаю по внушенію Бога, все это безъ утайки я изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ, дополняя мысли древнихъ собственными размышленіями. И ты самъ приступай къ этимъ писаніямъ въ духѣ благочестія и мудрости, если мы сказали что-либо ошибочное, по невѣдѣнію, а не преднамѣренно, исправь наше заблужденіе къ твоей собственной выгодѣ», и т. д.

Это стремленіе къ таинственности имѣло и другія причины, кромѣ сознанія важности дѣла. Во-первыхъ, такова была традиція науки древняго Египта, открытой для посвященныхъ только, а не для массы; во-вторыхъ, послѣ того, какъ римская власть распространилась и надъ Египтомъ, алхимики стали подвергаться преслѣдованіямъ, наряду съ колдунами и чародѣями, вслѣдствіе этого алхиміей занимались только

втайнѣ и, кромѣ того, адепты облакали свои мысли въ образный языкъ, разобрать въ которомъ составляетъ въ настоящее время не легкую задачу. Впослѣдствіи такой образный и символическій языкъ вошелъ уже и въ обычай.

Къ тому же, алхимики, чувствуя всю трудность поставленной цѣли, невольно склонялись въ сторону мистицизма, искали себѣ помощи въ таинственныхъ символическихъ формулахъ. Здѣсь въ особенности сказались вліянія халдейскія и гностическія.

Нѣкоторые символы и изрѣченія приобрѣли большую извѣстность; въ нихъ видѣли особый, таинственный смыслъ, и часто приводили въ манускриптахъ. У Памандра приведенъ мистическій гимнъ Гермеса: «вселенная, внимай моимъ словамъ; земля, раскройся; водныя бездны, раскройтесь. Деревья, не шумите, — я хочу хвалить Господа, Всеединаго. Небеса, раскройтесь, и вѣтры, замолчите; пусть всѣ мои силы восхваляютъ Всеединаго». И этотъ гимнъ имѣетъ въ виду единство матеріи. Менѣе понятно изрѣченіе такъ называемой изумрудной таблицы: «вверху небесное, внизу земное; мужскимъ и женскимъ началомъ совершается дѣло». Здѣсь сказывается вліяніе гностиковъ, въ философіи которыхъ придавалось большое значеніе мужескому и женскому началу. Въ сочиненіи Псевдодемокрита приведено изрѣченіе его учителя, мидійца Останеса, скрывавшее въ себѣ, будто бы, глубочайшую тайну: «природа наслаждается природой; природа побѣждаетъ природу; природа торжествуетъ надъ природой». По всей вѣроятности, здѣсь намечается на превращенія вещества.

Многія изъ этихъ изрѣченій, напримѣръ, подобныя вышеприведеннымъ, болѣе или менѣе ясно намекаютъ на философскіе взгляды алхимиковъ и имѣютъ поэтому извѣстный смыслъ; нельзя того же сказать о множествѣ другихъ мистическихъ изрѣченій и таинственныхъ формулъ и словъ, часто встрѣчающихся въ алхимическихъ трактатахъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и гораздо болѣе поздняго періода. Во многихъ случаяхъ этотъ мистическій балластъ былъ заимствованъ алхимиками у восточныхъ народовъ. Таково напримѣръ знаменитое слово «азотъ»; оно состоитъ изъ буквы А, т. е. первой буквы почти всѣхъ алфавитовъ, и изъ послѣднихъ буквъ алфавитовъ латинскаго z, зетъ, греческаго омега и еврейскаго тофъ. У Парацельса есть цѣлый трактатъ кабалистическаго содержанія, подъ названіемъ: «Azoth, sive de ligno et linea vitae». Еще большую извѣстность приобрѣло слово abracadabra. Это слово писали въ такомъ видѣ:

a b r a c a d a b r a
 b r a c a d a b r
 r a c a d a b
 a c a d a
 c u d
 a

и носили въ видѣ амулета. Четыре первыя буквы—начальныя буквы еврейскихъ словъ: авъ, бенъ, рухъ, акодешъ, что значить: Отецъ, Сынъ, Духъ Святой; три среднія—начальныя буквы греческихъ словъ: σωτηρία ἀπὸ θανάτου—спасеніе отъ вѣры. Такимъ образомъ, значеніе этого мистическаго слова будто бы таково: спасеніе достигается вѣрой въ Отца, Сына и Святого Духа.

Большое значеніе придавалось числамъ, въ чемъ сказалось вліяніе пифагорейцевъ, а также евреевъ, египтянъ и халдеевъ. Такъ, значеніе числа 4 выясняется въ каббалѣ такими сопоставленіями: 4 элемента, 4 добрыхъ ангела, 4 времени года, 4 небесныхъ двери, 4 страны свѣта, 4 ангела хранителя, 4 райскихъ рѣки, 4 главныхъ вѣтра. У египтянъ число четыре тоже играло важную роль. Зосима Панополитанскій проводитъ параллель между 4 окрасками и 4 странами свѣта: сѣверъ означаетъ окраску въ черный цвѣтъ, западъ—окраску въ бѣлый цвѣтъ, югъ—окраску въ фіолетовый цвѣтъ, наконецъ, востокъ—окраску въ желтый цвѣтъ. Число 6 имѣло большую важность въ Халдеѣ, гдѣ система счисления была шестеричная; отсюда идетъ дѣленіе года на 360 дней (и 5 отдѣльно стоящихъ), т. е. на 12 мѣсяцевъ по 30 дней, сутокъ—на 24 часа, часа—на 60 минутъ, минуты—на 60 секундъ, круга—на 360 градусовъ и т. д. Для числа 7 тоже приводится много аналогій: 7 планетъ, 7 металловъ, 7 цвѣтовъ, 7 небесъ, 7 дней недѣли, 7 мудрецовъ, 7 чудесъ свѣта. И въ христіанскую эпоху эти числа обращали на себя большое вниманіе; въ апокалипсисѣ числа 7 и 6 часто упоминаются.

Этимъ можно закончить вопросъ о происхожденіи алхиміи. Теперь остается вкратцѣ рассмотреть тѣ вопросы, которые въ различное время служили цѣлью алхимическихъ изысканій, сообщить вкратцѣ о ея историческомъ развитіи и познакомиться съ дѣятельностью нѣкоторыхъ выдающихся алхимиковъ.

Въ первые вѣка нашей эры алхимики были сосредоточены въ Александріи и другихъ городахъ Египта. Ихъ имена намъ извѣстны по дошедшимъ до насъ манускриптамъ, найденнымъ, по большей части, въ древнихъ гробницахъ. О самихъ авторахъ этихъ рукописей ничего неизвѣстно; по всей вѣроятности, даже имена ихъ не настоящія, а псевдонимы. Это обстоятельство объясняется тѣми преслѣдованіями, которымъ подвергались алхимики во времена римскаго владычества, особенно при Діоклетіанѣ.

Въ этихъ рукописяхъ, образцы изложенія которыхъ приведены выше, трактуется, на ряду съ различными мистическими взглядами, главнымъ образомъ, объ окраскѣ металловъ и даже тканей. Уже упомянуто, почему придавалось такое значеніе этой операціи: самая наука называлась тогда искусствомъ окраски. Такъ какъ измѣненіе цвѣта приближало по виду металлъ къ золоту или серебру, то искусство окраски металловъ считалось также искусствомъ производить золото или серебро,

отсюда и названіе науки *χρυσολογία*. Это измѣненіе цвѣта могло быть или поверхностнымъ, какъ, на примѣръ, окраска мѣди ртутью, или болѣе внутреннимъ, какъ, на примѣръ, полученіе изъ мѣди и цинка сплава цвѣта золота. Въ особенности стала развиваться впослѣдствіи мысль, что, подобно тому, какъ человѣкъ рождается отъ человѣка, левъ отъ льва, и т. д., такъ и золото происходитъ отъ золота, путемъ таинственныхъ процессовъ; поэтому, для осуществленія превращенія нужно прибавить золото, которое играетъ какъ бы роль зародыша, и при помощи котораго остальной неблагородный металлъ превращается въ золото и такимъ образомъ «природа торжествуетъ надъ природой». Алхимикъ въ своей лабораторіи пытается подражать совершающемуся въ природѣ; въ нѣдрахъ земли металлы зарождаются, зрѣютъ и множатся подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ планетъ; постигнуть эту тайну ставить своей задачей алхимикъ. Сопоставленіе металловъ и планетъ привело, между прочимъ, къ тому, что металлы стали означать знаками соотвѣтствующихъ планетъ; такимъ образомъ родилась идея о химическихъ знакахъ и символахъ, не только не отвергнутая, но даже разработанная въ новѣйшее время, съ тою разницею, что теперь знакомъ элемента служить не произвольная фигура, а одна или двѣ начальныхъ буквы его латинскаго названія (напр., боръ означается В, *borium*, борій—Ва, *barium*, водородъ Н, *hydrogenium*).

Многіе приборы, вошедшіе затѣмъ въ химическую практику, были изобрѣтены уже въ это первое время алхиміи.

Что касается содержанія дошедшихъ до насъ рукописей первыхъ временъ алхиміи, то оно весьма разнообразно. На ряду съ различными мистическими разсужденіями очень много говорится объ окрашиваніи металловъ, что и считалось ступенью въ приближеніи конечной цѣли—искусственнаго полученія золота; т. е. приготовленія сплавовъ, напр., низкопробнаго золота (диплозисъ Моисея, Евгенія), аэма, склеиванія или сплавленія золотыхъ пластинокъ между собою; о приготовленіи различныхъ препаратовъ, напр., киновари изъ ртути и сѣры, а также о полученіи ртути изъ киновари; о полученіи различныхъ окисей, сѣрнистыхъ и хлористыхъ металловъ; всѣ такія операціи сводились къ конечной цѣли—искусственному полученію золота, а не имѣли цѣны сами по себѣ; описывались различные естественные продукты и ихъ свойства, также приборы (особенно у Зосимы). Сообщается цѣлый рядъ практическихъ приѣмовъ: очищенія золота, серебра, золоченія, серебрянія, закалки желѣза, приготовленія стекла, окраски его (полученія искусственныхъ драгоценныхъ камней), приѣмовъ пробирнаго искусства и проч. Первые алхимики, о которыхъ сохранились историческія свѣдѣнія, были Синезій, епископъ Птолемаидскій, Зосима Панаполитанскій и др.

Въ V вѣкѣ произошло паденіе Западной Римской Имперіи, всякія научныя занятія прекратились на Западѣ, такъ какъ западные на-

роды занимались въ это время болѣе настоящимъ дѣломъ—выработкой новыхъ основъ гражданственности на развалинахъ древняго Рима. Въ то же время на востокъ были заняты изслѣдованіемъ теологическихъ вопросовъ и изощрялись въ бесплодныхъ словопреніяхъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе причинъ, препятствовавшихъ занятіямъ науками, въ томъ числѣ и алхіміей, среди европейскихъ народовъ; достаточно напомнить, что время было таково, что, повидимому, самое воспоминаніе цивилизаціи древняго міра должно было исчезнуть. Всѣмъ извѣстно, что это наслѣдіе было спасено отъ забвенія арабами. Эти завоеватели, такъ внезапно появившіеся на аренѣ исторіи, такъ внезапно возлюбившіе науку и разработывавшіе всѣ ея отрасли съ такой любовью, почти также внезапно сошли съ исторической сцены; они, такъ сказать, взяли на временное сбереженіе науку классической древности и, затѣмъ, не только сохранивъ, но даже приумноживъ ее, передали западнымъ европейцамъ, а сами отступили на задній планъ.

Знаменитѣйшимъ изъ арабскихъ алхимиковъ былъ врачъ Абу-Мусса-Джафаръ-ал-Сифи, котораго его переводчики передѣляли въ Гебера; онъ жилъ въ VIII в. Его вліяніе въ теченіе среднихъ вѣковъ было громадно; объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и самыя его прозвища: «Philosophus perspicacissimus, rex Arabum, magister magistrogum». Онъ придавалъ большое значеніе наблюдательному методу. «Наблюдай и записывай», говорилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Ему принадлежитъ много важныхъ открытій: имъ впервые получена азотная кислота, царская водка (названная такъ потому, что растворяетъ золото, царя всѣхъ металловъ). Сѣрная кислота, ѣдкое кали. Ему же принадлежитъ и первая химическая теорія, по которой всѣ металлы состоятъ изъ ртути и сѣры, но не обыкновенныхъ ртути и сѣры, а элементовъ болѣе тонкой природы; ртуть—носитель металличности, сѣра—измѣняемости; такимъ образомъ, элементы сдѣлались носителями и химическихъ свойствъ. Облагораживаніе металловъ состоитъ въ отнятіи сѣрнаго начала и сообщеніи ртутнаго. Въ лицѣ Гебера мы видимъ настоящаго естествоиспытателя; самый языкъ его сочиненій гораздо яснѣе и точнѣе.

Европейцы познакомились съ арабской наукой во время крестовыхъ походовъ. Но еще раньше, уже VIII в., начинается проявленіе стремленія ихъ къ просвѣщенію. Едва только создалась болѣе сильная политическая власть на западѣ, какъ мы видимъ признаки пробуждающейся умственной дѣятельности: Карлъ Великій уже въ 781 году хлопочетъ объ устройствѣ школъ при монастыряхъ и о поднятій умственнаго ценза духовенства; его другъ и сотрудникъ Алькуинъ работаетъ надъ составленіемъ учебниковъ. Видимымъ знакомъ этого стремленія европейцевъ къ просвѣщенію было основаніе университетовъ; около 1200 года получили начало университеты въ Парижѣ, Оксфордѣ, Кэمبرиджѣ; въ 1224 г. въ Неаполѣ, затѣмъ въ Салерно, Болоньѣ, Падуѣ.

Наконецъ, рѣшающее значеніе для европейскаго просвѣщенія имѣло знакомство съ арабской культурой, послѣ крестовыхъ походовъ.

Уже въ XIII в. мы находимъ людей, занимавшихся науками и пріобрѣвшихъ своими познаніями громкую славу. Это были нѣмецъ Альбертъ, графъ изъ Больштедта, прозванный Великимъ, впослѣдствіи епископъ въ Регенсбургѣ, англичанинъ Рожеръ Бэконъ, монахъ францисканскаго ордена, испанецъ Раймундъ Люль и французъ Арнольдъ Вилланованскій. Ихъ вліяніе на умы современниковъ и даже позднѣйшихъ поколѣній было громадно. Альбертъ былъ прозванъ Великимъ, и Тритгеймъ, писатель XV в., отзывается о немъ, что онъ былъ *magnus in magia naturali, major in philosophia, maximus in theologia* *); Рожеръ Бэконъ былъ прозванъ *doctor mirabilis*, Раймундъ Люль—*doctor illuminatissimus*. О всѣхъ ихъ сохранилось много чудесныхъ разсказовъ, но ни объ одномъ столько, какъ объ Альбертѣ Великомъ. Онъ родился въ 1193 году и происходилъ изъ графской фамиліи Больштедтовъ. Будучи наслѣдникомъ титула, онъ тѣмъ не менѣе предпочелъ духовную карьеру и поступилъ въ орденъ доминиканцевъ, незадолго передъ тѣмъ основанный св. Доминикомъ. Это былъ богѣе, чѣмъ многосторонне образованный человекъ,—онъ зналъ въ совершенствѣ всѣ науки, извѣстныя въ то время.

Доминиканскій орденъ отличался тогда своимъ стремленіемъ къ просвѣщенію, а Альбертъ Великій и ученикъ его Тома Аквинскій были лучшими его украшеніями. По порученію ордена, Альбертъ читалъ съ громаднымъ успѣхомъ лекціи въ парижскомъ университетѣ, и въ этомъ городѣ до сихъ поръ сохранилась память о его пребываніи, въ названіи *place Maubert* (*mont Albert*, по словопроизводству нѣкоторыхъ писателей). Не меньшимъ успѣхомъ пользовались его лекціи и въ Кельнѣ, въ доминиканскомъ университетѣ. Не менѣе чѣмъ ученостью, Альбертъ выдавался также и своими нравственными достоинствами. Будучи назначенъ епископомъ Регенсбурга, онъ продолжалъ вести столь простой образъ жизни, что даже не перемѣнилъ своей монашеской обуви, за что и былъ прозванъ «лаптемъ». Свою епископію онъ обходилъ всегда пѣшкомъ; на себя ничего не тратилъ, а всѣ доходы употреблялъ на добрыя дѣла. Понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ подобный человекъ производить на умы современниковъ. Разсказывали, что имъ былъ устроенъ автоматъ въ видѣ дѣвушки чудной красоты, который могъ даже говорить; когда въ отсутствіе Альберта, къ нему зашелъ Тома Аквинскій, и автоматъ привѣтствовалъ его словами «*salve, salve*», то Тома, въ ужасѣ, разбилъ автоматъ, принявъ его за произведеніе дьявольскаго искусства. Разсказывали также, какъ Альбертъ принималъ, однажды, зимою Вильгельма Голландскаго, приказавши пригото-

*) Великъ въ естествознаніи, еще выше въ философіи, недосагаемо великъ въ богословіи.

вить столъ въ саду, покрытомъ снѣгомъ, съ деревьями, лишенными листьевъ, но едва гости вошли въ садъ, какъ снѣгъ исчезъ, деревья покрылись листьями, птицы запѣли и зима смѣнилась весною на все то время, пока гости пребывали въ саду. Какъ алхимикъ, Альбертъ не создалъ новыхъ теорій, но былъ послѣдователемъ Гебера. Онъ умеръ въ 1280 году.

О Рожерѣ Бэконѣ сказано было нѣсколько словъ въ самомъ началѣ нашего очерка. Онъ родился въ 1214 г. и имѣлъ несчастіе поступить во францисканскій орденъ, самый невѣжественный изъ всѣхъ, вслѣдствіе чего и подвергся въ послѣдствіи гоненіямъ за свою ученость со стороны ордена. Рожеръ Бэконъ въ особенности замѣчательнъ, какъ проповѣдникъ экспериментальнаго метода, и какъ физикъ. Ему приписываютъ, между прочимъ, изобрѣтеніе пороха. И его алхимическіе взгляды не отличаются отъ геберовскихъ; о философскомъ камнѣ онъ говоритъ, какъ о чѣмъ-то имѣвшемся въ его рукахъ, и приписываетъ ему способность превращать въ золото количество металла, превышающее количество препарата въ миллионъ и болѣе разъ (*millies millia et ultra*).

Но въ особенности замѣчательна жизнь Раймунда Люля. Онъ родился въ 1235 г. на островѣ Майоркѣ и происходилъ изъ благороднаго семейства. До 30-лѣтняго возраста онъ состоялъ при дворѣ Іакова Арагонскаго, когда съ нимъ случилось событіе, повліявшее на всю его дальнѣйшую жизнь. Именно—онъ влюбился въ одну знатную дѣвушку, и неотступно преслѣдовалъ ее своей любовью, до такой степени, что однажды вслѣдъ за нею вѣхалъ въ церковь верхомъ на лошади. Дѣвушка всячески старалась прекратить его ухаживанія, но напрасно; наконецъ, она назначила ему свиданіе и здѣсь показала ему свою грудь, обезображенную страшной неизлѣчимой раной. Это такъ подѣйствовало на Раймунда Люля, что онъ увидѣлъ въ своемъ приключеніи перстъ Божій и рѣшилъ сдѣлаться монахомъ. Въ теченіе всей своей долгой жизни онъ проявлялъ постоянно такую же пылкость и страстность. Онъ извѣздилъ всю Европу, посѣтилъ Сирію, Палестину, Армению и, возвратившись въ Парижъ, воодушевился идеей обращенія мусульманъ въ христіанство. Съ этой цѣлью онъ отправился въ Алжиръ и тамъ былъ побитъ камнями въ 1315 г., какъ рассказываютъ нѣкоторые. По другимъ же свѣдѣніямъ, онъ былъ живъ еще въ 1332 г. (такъ онъ пишетъ самъ въ одномъ приписываемомъ ему сочиненіи), и находился въ Лондонѣ, гдѣ съ успѣхомъ занимался опытами превращенія металловъ. Его бродячая жизнь, полная приключеній, чудесныя рассказы о его алхимическихъ опытахъ, пылкій, образный языкъ его сочиненій доставили ему громкую славу. Онъ считался безспорнымъ адептомъ (отъ *adipiscor*, достигаю; адептъ—т. е. достигшій тайны превращенія металловъ); онъ самъ утверждаетъ въ своихъ трактатахъ (всего ему приписываютъ до 500 сочиненій), что ему извѣстно приготовле-

ніе философскаго камня: «*magis tingerem, si mercurius esset*», восклицаетъ онъ.

Послѣднимъ изъ замѣчательныхъ алхимиковъ, заключившимъ періодъ развитія собственно алхиміи у европейскихъ народовъ, былъ Василій Валентинъ, жившій въ XV вѣкѣ. Василю Валентину принадлежатъ нѣсколько важныхъ открытій, особенно соляной кислоты и сурьмы. Его алхимическія сочиненія пользовались большимъ уваженіемъ и онъ былъ даже прозванъ Великимъ. Теорію Гебера объ элементахъ онъ измѣнилъ въ томъ смыслѣ, что прибавилъ третій элементъ—соль, носитель огнепостоянства. Его сочиненія замѣчательны по своему мистицизму; ихъ слогъ непонятный, преднамѣренно темный. Онъ любитъ выражаться загадками и символами; почти каждый отрывокъ онъ заключаетъ обращеніемъ къ Богу. Въ своемъ сочиненіи «*De magno lapide antiquorum philosophorum*» онъ излагаетъ превращеніе металла въ видѣ 12 «ключей, которые открываютъ двери къ приготовленію философскаго камня и къ неизсгѣдному источнику полнаго здоровья».

У послѣдующихъ алхимиковъ слогъ дѣлается все болѣе и болѣе образнымъ и потому неяснымъ; въ особенности этому содѣйствовало вліяніе символизма Раймунда Люля и мистицизма Василя Валентина. Между тѣмъ, все болѣе и болѣе утверждается въ умахъ алхимиковъ представленіе о такъ-называемомъ философскомъ камнѣ или камнѣ мудрыхъ. Когда впервые возникло понятіе объ этомъ препаратѣ, необходимомъ для операціи превращенія, рѣшить невозможно на основаніи имѣющихся данныхъ,—во всякомъ случаѣ очень давно. Уже у первыхъ алхимиковъ встрѣчаемъ упоминанія о философскомъ камнѣ; напр., у Маріи еврейки: «Не прикасайся твоими руками къ философскому камню—ты не нашего племени, не племени Авраама». Останись говорить у Зосимы: «Иди къ Нильскому потоку: ты тамъ найдешь камень, имѣющій душу; возьми его, разсѣки на двое, вложи руку внутрь и вынь сердце, потому что его душа въ его сердцѣ». Тотъ же Зосима выражается еще болѣе загадочно: «Возьми этотъ камень, который не есть камень, эту драгоценную вещь, которая не имѣетъ стоимости, эту вещь многоформенную, которая не имѣетъ формы, это неизвѣстное, которое всѣмъ извѣстно». У Гебера понятіе о философскомъ камнѣ принимаетъ видъ вполне опредѣленнаго ученія; онъ называетъ его медициной (*medicina*) или средствомъ и различаетъ три его порядка. Есть вещества, которыя, какъ уже сообщалось выше, придаютъ нѣкоторымъ металламъ цвѣтъ и подобіе золота, но ихъ дѣйствіе не полно,—съ ихъ по мощью получаютъ вещества, только похожія на золото; такія средства—ртуть; соединеніе мышьяка Геберъ называетъ медициной третьяго порядка; но должна же быть медицина высшаго порядка, которая производитъ не подобіе превращенія, а полное превращеніе; это и есть философскій камень. Всѣ усилія алхимиковъ и направлялись къ полученію этого препарата. Многіе утверждали, что онъ былъ полученъ ими, и

сообщали поразительныя свѣдѣнія о его чудодѣйственной силѣ. По Рожеру Бэкону 1 ч. философскаго камня превращаетъ въ золото болѣе милліона частей неблагороднаго металла, но онъ далеко отсталъ отъ Раймузда Люля, который въ своемъ «Testamentum» такъ описываетъ дѣйствіе этого препарата: «Теперь мы приступаемъ къ прозѣкціи: возьми кусочекъ этой драгоцѣнной медицины величиной съ горошину. Брось его на тысячу унцовъ ртути, и вся она превратится въ красный порошокъ. Возьми одинъ унцъ этого послѣдняго на тысячу ртути, и вся она превратится въ медицину. Одинъ унцъ послѣдней, брошенный въ тысячу унцовъ новой ртути,—превратитъ ее въ медицину равнымъ образомъ. Наконецъ, одинъ унцъ этой медицины брось еще разъ на тысячу унцовъ ртути и вся она превратится въ золото, которое будетъ лучше, чѣмъ природное». По этому описанію выходитъ, что медицина Раймузда Люля превращаетъ въ золото количество металла, въ четыре тысячи билліоновъ разъ превышающее вѣсъ медицины. Конечно, подобныя свидѣтельства возбуждали рвеніе алхимиковъ къ новымъ и новымъ поискамъ, которымъ все также суждено было оставаться безплодными. Для того, чтобы совершилось превращеніе подѣ влияніемъ философскаго камня, надо было имѣть первую матерію, *materiam primam*; ее видѣли во всевозможныхъ веществахъ—ртути, мышьякѣ, соли, воздухѣ и т. п. Что такое первая матерія, а также философскій камень, очень часто сообщали подѣ видомъ загадки. Древнѣйшая приписывается Сивиллѣ (также Гермесу и Агатодемону):

Во мнѣ девять буквъ, четыре слога—пойми меня;
Три первыхъ слога имѣютъ по двѣ буквы каждый,
Остальной слогъ—остальныя буквы; и пять согласныхъ,
Черезъ меня ты получишь мудрость.

На эту загадку было придумано много отвѣтовъ: *ἀρ-σε-νι-κόν* (мышьякъ), *κα-σί-τη-ρος* (олово, собственно *κασσίτηρος*), *Θε-ός Σωτήρ* (Богъ Спаситель), *Ζο-ῆς βυ-θός* (бездна жизни), и прочее. Василій Валентинъ далъ такое опредѣленіе философскаго камня: *Visitando interiora terrae rectificandoque, invenies occultum lapidem ueram (вмѣсто veram) medicinam*: изслѣдуя земли, послѣ очищеніи, получишь тайный камень, истинную медицину; первыя буквы этихъ девяти словъ составляютъ слово: *vitriolum*—купоросъ. Какъ видимъ, собственная загадка Василія Валентина стоитъ въ связи съ сивилиной загадкой, такъ какъ слово содержитъ тоже 9 буквъ. Другая загадка Василія Валентина также указываетъ на 9 буквъ.

Такимъ образомъ, скрывали тайну философскаго камня подѣ намѣренно негѣпными выраженіями или даже прямо подѣ видомъ загадки, *aenigma*. Но и въ случаѣ вѣрнаго пониманія загаданнаго слова, напр., *vitriolum* Василія Валентина, все-таки авторъ оставался правъ, когда опыты съ указаннымъ имъ веществомъ не приводили къ желаемому результату; въ такомъ случаѣ авторъ отвѣтилъ бы, что онъ подразу-

и́валъ подъ vitriolum не обыкновенный купоросъ, желѣзный или мѣд-
ный, а совершенно иное вещество,—сладкой, летучей, маслообразной
природы,—какъ, выражается о немъ Василій Валентинъ въ другомъ мѣ-
стѣ,—подобно тому какъ Геберъ подъ ртутью и сѣрой подразумѣваетъ
не обыкновенную ртуть и сѣру, а другія вещества, болѣе тонкой при-
роды. Неудивительно поэтому, что всякій описывалъ философскій ка-
мень по-своему: одни утверждали, что это камень, другіе—что жид-
кость, третьи—что металлическое тѣло. Указанія на то, что превра-
щающее вещество, позднѣйшая медицина, есть жидкость, встрѣчаются
тоже у первыхъ алхимиковъ. Послѣ арабовъ эта жидкость стала назы-
ваться «элексиръ»; одни производятъ это названіе отъ арабскаго
el kesir, что равносильно по значенію эссенціи, другіе—отъ латин-
скаго elixare, и въ такомъ случаѣ это слово означаетъ продуктъ, по-
лученный кипяченіемъ. Когда, такимъ образомъ, философскій камень
сталъ считаться также и жидкостью, ему начали приписывать спо-
собность вылѣчивать всѣ болѣзни и служить къ продолженію человѣ-
ческой жизни; такимъ путемъ появилось представленіе о панацее и о
жизненномъ элексирѣ. Своимъ возникновеніемъ это представленіе обя-
зано символическому языку алхимиковъ; металлы стали сравнивать съ
живымъ существомъ; его превращеніе въ землю или ржавчину—со
смертью; выдѣленіе отсюда въ металлическомъ видѣ—съ воскресеніемъ.
Отсюда уже недалеко до уподобленія болѣзни неблагороднымъ свойствамъ
металла—его малой твердости, малому блеску, легкой измѣняемости на
воздухѣ; облагороживаніе металла стали сравнивать съ выздоровле-
ніемъ. Геберъ говоритъ, что «готовъ вылѣчить неблагородные металлы»,
т. е. превратить ихъ въ золото. Но если философскій камень или вообще
медипина (средство) вылѣчиваетъ металлы, то отчего ему не вылѣчи-
вать больного человѣка? Вотъ панацея (παν—все, ἄκος—лѣкарство, все-
общее лѣкарство); если же панацея вылѣчиваетъ всѣ болѣзни, то есте-
ственно, что она способна продолжить и человѣческую жизнь; вотъ
представленіе о жизненномъ элексирѣ. Понятія о философскомъ камнѣ
и о жизненномъ элексирѣ впоследствии то отождествлялись, то раздѣля-
лись. Раймундъ Люлль видѣлъ панацею и жизненный элексиръ въ вин-
номъ спиртѣ, который онъ называлъ consolatio ultima corporis humani
(последнее утѣшеніе человѣческаго тѣла); это вещество носило также на-
званіе aqua vitae, сохранившееся до сихъ поръ во французскомъ языкѣ—
eau de vie, водка *).

*) Съ панацеей и жизненнымъ элексиромъ стоитъ въ связи медицинскій пре-
паратъ, называемый tinctura. Это слово происходитъ отъ латинскаго tingere, кра-
сить, и означаетъ настой, водный или спиртовой, какого-нибудь цѣлебнаго веще-
ства, независимо отъ того, окрашенъ онъ или нѣтъ. Выше упоминалось о значеніи,
придаваемомъ алхимиками окраскѣ; превращеніе металловъ стали называть χρῶσις,
въ переводѣ на латинскій языкъ—tinctura; этимъ именемъ стали называть также
и самое окрашивающее, т. е. превращающее средство. Когда облагороживаніе металла

Еще позже такой же символизм породилъ представленіе о homunculus'ѣ, или искусственно полученномъ человѣкѣ. Металлы часто уподоблялись людямъ: у Зосимы, напримѣръ читаемъ: «...ибо жрецъ,—мѣдный человѣкъ, котораго ты видишь сидящимъ у источника, перемѣняетъ свою природу и превращается въ серебрянаго человѣка, а этотъ, если ты хочешь, можетъ превратиться въ человѣка золотого». Такія аллегоріи, выражающія превращеніе металловъ, были поняты затѣмъ буквально. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта дикая мысль искусственнаго приготовленія, фабрикаціи человѣка химическими средствами, зародилась въ разгоряченномъ мозгу Парацельза. Близко къ этой мысли стоитъ утвержденіе о возможности возстановленія растенія изъ его золы—такъ наз. палингенезисъ.

Какъ ни страннымъ кажется все это легковѣріе, не надо забывать, что таковъ былъ духъ времени. Это былъ тотъ вѣкъ, когда съ забавной серьезностью разрѣшали различные схоластическіе негѣпые и безцѣльные вопросы,—тотъ вѣкъ, который такъ зло осмѣялъ Эразмъ Роттердамскимъ въ его «Похвалѣ глупости». Бесплодныя словопренія замѣняли науку; науки тогда не было, потому что не было фактовъ, не было метода, не было опредѣленныхъ научныхъ цѣлей. Наука занималась не фактами, а словами; разсмотрѣнію подвергались не факты или явленія, а тѣ или другія сочетанія словъ. При такомъ состояніи науки, умъ человѣческій, и безъ того склонный по всему сверхъестественному, съ особенной жадностью бросался на преслѣдованіе чудесной цѣли, раскалявшей къ тому же воображеніе призракомъ богатства, могущества, безболѣзненной и долгой жизни—всего того, что всегда такъ высоко цѣнилось человѣкомъ. Но и этого недостаточно для объясненія упорства алхимиковъ въ ихъ изысканіяхъ: должно замѣтить, что ихъ знаніе было, пожалуй, болѣе научно, чѣмъ многія другія, потому что оно имѣло въ основаніи широкую философскую теорію; оно было освящено авторитетомъ многихъ знаменитыхъ мыслителей; его начало терялось въ глубочайшей древности; наконецъ, оно не было и поверхностно или бесплодно; въ своихъ изслѣдованіяхъ алхимики собрали много важныхъ фактовъ, открыли много веществъ, имѣющихъ и большое значеніе въ жизни, и обладающихъ поразительными свойствами; самыя превращенія вещества не могли не казаться чудесными; развѣдающія кислоты, взрывчатые вещества, цѣлебныя средства и яды, твердые вещества, превращающіяся въ газы, и газы, сгущающіеся въ твердые вещества, безцвѣтныя жидкости, при смѣшеніи образующія краску,—все это поражало воображеніе, побуждало къ новымъ изысканіямъ и укрѣпляя

уподобили выздоровленію больного человѣка, то, по аналогіи съ тинктурой, сообщающей металлу неблагородному, большому, новымъ благороднымъ свойствамъ, стали называть тинктурой и средство, возвращающее больному человѣку здоровье.

мысль о могуществѣ химическихъ операций, до болѣзненности привязывало умъ къ недостижимой, заманчивой цѣли. Вотъ, на примѣръ, поучительная исторія Бернардо, графа Тревизо.

Онъ родился въ Падуѣ въ 1406 году. Съ четырнадцатилѣтняго возраста имъ овладѣла страсть къ алхимическимъ опытамъ. Первая книга, прочитанная имъ, было сочиненіе Рузеса; онъ началъ работать, думая увеличить свое богатство, но черезъ 4 года бесплодныхъ опытовъ достигъ только того, что истратилъ 800 экю. Тогда онъ обратился къ Геберу, и, слѣдуя ему въ производствѣ своихъ опытовъ, истратилъ еще 2.000 экю. Неудачи его не охлаждали; онъ сталъ читать Архелая, Рупесиссу, Сакробоско, и, вступивъ въ сообщество съ однимъ монахомъ, работалъ съ нимъ еще 3 года. Они подвергали тридцатикратной перегонкѣ винный спиртъ и имъ удалось только истратить 300 экю. Въ продолженіе слѣдующихъ 12 лѣтъ Бернардь бесплодно растворялъ, кристаллизовалъ и выгонялъ обыкновенную соль, нашатырь, различные купоросы и квасцы, пробовалъ даже опыты надъ экскрементами человѣка и животныхъ; результатъ опытовъ выразился потерей еще 6.000 экю. Наконецъ, обезкураженный, онъ сталъ молить Бога открыть ему тайны герметической науки; съ однимъ чиновникомъ изъ своего города онъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ очищалъ поваренную соль и не замѣтилъ въ ней послѣ этого никакихъ новыхъ свойствъ. Ему было тогда 48 лѣтъ; онъ былъ еще въ цвѣтѣ силъ и потому отправился путешествовать, сначала по Франціи. Здѣсь онъ сошелся съ однимъ монахомъ и работалъ съ нимъ надъ куриными яйцами и кальцинированіемъ пѣтуховъ; послѣ 8 лѣтъ усидчивой работы онъ научился дѣлать химическія печи и перегонять ѣдкія кислоты. Съ однимъ протонотаріемъ онъ въ теченіе 14 мѣсяцевъ перегонялъ купоросъ съ уксусомъ и въ концѣ концовъ схватилъ лихорадку. Наконецъ, онъ услышалъ, что духовникъ императора Фридриха III владѣетъ тайной философскаго камня; сейчасъ же Бернардь летитъ въ Германію и въ результатъ его поѣздки является новая трата въ 200 экю. Ему было уже 57 лѣтъ; въ такіе годы пора быть благоразумнымъ и Бернардь въ теченіе 2 мѣсяцевъ не занимался алхимическими опытами. Но вскорѣ его страсть возгорѣлась съ новой силой и онъ отправился путешествовать: былъ въ Римѣ, Испаніи, Турціи, Греціи, Египтѣ, Берберіи, на островѣ Родосѣ, Палестинѣ, Персіи... всюду онъ встрѣчалъ алхимиковъ и работалъ съ ними; издержавши на эти опыты 1.300 экю, онъ долженъ былъ продать свое недвижимое имущество. Онъ достигъ къ этому времени 62-лѣтняго возраста; обѣднѣвши, онъ отправился на островъ Родосъ, чтобы скрыть тамъ свое несчастіе. Но, сойдясь еще съ однимъ монахомъ, онъ не устоялъ и снова принялся за опыты, для чего занялъ 8.000 флоринновъ у одного негоціанта, которому было неизвѣстно его матеріальное положеніе. Три года прошли въ опытахъ надъ раствореніемъ золота,

серебра и сублимата, и 8.000 флориновъ исчезли. Остававшись безъ всякихъ средствъ, Бернардъ начинаетъ читать всѣхъ знаменитыхъ авторовъ, и въ изученіи ихъ проводитъ еще 8 лѣтъ; наконецъ, 73 лѣтъ отъ роду, онъ находитъ тайну философскаго камня, выдѣливши все то, въ чемъ всѣ автора согласны между собою, и все то, въ чемъ они несогласны. Но какъ же онъ самъ изложилъ эту тайну въ своемъ сочиненіи? Философскій камень получается «смѣшеніемъ ртути съ созрѣвшимъ золотомъ»; но какую взять ртуть и какъ довести золото до зрѣлости—этого онъ не объяснилъ. Во всякомъ случаѣ онъ утѣшился, открывши тайну и не имѣя возможности провѣрить ее на опытѣ, и умеръ вполне счастливый на 75 году жизни.

Однако мечтатели, подобные графу Тревизо, постепенно дѣлались исключеніемъ; постоянная неудача въ достиженіи великой тайны не могла, наконецъ, не образумить людей. XV вѣкъ въ исторіи Европы является поворотнымъ пунктомъ: постепенно проникали въ общество новыя вѣянія. Начало XV вѣка отмѣчено основаніемъ многихъ новыхъ университетовъ; вслѣдствіе этого наука изъ монастырей вышла на болѣе широкій просторъ. Это имѣло важный результатъ въ томъ отношеніи, что въ рукахъ свѣтскихъ людей наука дѣлается болѣе самостоятельной, болѣе независимой; затѣмъ такое направленіе продолжало только усиливаться. Въ XV вѣкѣ произошли такія событія, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія, паденіе Византіи, открытіе Америки; не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ важныхъ моментахъ: они достаточно извѣстны. Результатомъ пробужденія мысли была реформація, узаконившая свободное, независимое изслѣдованіе, поставившая фактъ и разумъ на мѣсто авторитета. вмѣстѣ съ тѣмъ и для химіи, такъ же какъ и для другихъ наукъ, вслѣдствіе измѣнившихся общихъ условій, съ начала XVI вѣка открылись новые пути. Прежде всего, вмѣсто прежнихъ алхимическихъ фантазій, была поставлена новая, реальная цѣль для изслѣдованія—именно, приготовленіе лѣкарствъ для лѣченія отъ болѣзней; этимъ открылся новый періодъ въ развитіи химіи. Съ трудомъ освобождается химія отъ алхимическихъ тенденцій въ этотъ періодъ, но постепенно задача приготовленія философскаго камня отступаетъ на задній планъ; начинаютъ наблюдать факты, придавая цѣну самому факту, а не считая его чѣмъ-то побочнымъ и второстепеннымъ; самый языкъ дѣлается менѣ туманнымъ и болѣе точнымъ. Еще позже, въ концѣ XVII вѣка, появляется Робертъ Бойль, *nobilis anglus*, освобождающій химію отъ этого служебнаго положенія по отношенію къ медицинѣ и ставящій для нея самостоятельную цѣль—изученіе состава веществъ; опытный методъ, защитникомъ котораго явился еще Францискъ Бэконъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ (и сознаніе значенія котораго никогда не исчезало окончательно—вспомнимъ Гебера, Р. Бэкона), все болѣе и болѣе проникаетъ въ науку; однако, алхимическія стремленія и символическій языкъ еще долго не исче-

закуютъ окончательно. Но они остаются теперь на долю уже не людей науки, а авантюристовъ и шарлатановъ; въ ихъ рукахъ алхимія дѣйствительно низводится на степень астрологіи или магіи, потому что все возвышенное и научное, что было въ алхиміи, они оставляютъ безъ вниманія и предаются только мистическому и чудесному. Наука дѣлается для нихъ не цѣлью, а средствомъ.

Я считаю свою задачу оконченною: мы оставляемъ алхимію въ тотъ моментъ, когда она выходитъ на широкой путь опытнаго изслѣдованія. Подведемъ же итоги всему вышеизложенному.

Мы прослѣдили алхимію съ самыхъ ея началъ; мы выяснили возникновеніе алхимическихъ стремленій, указавши на тѣ факты и тѣ теории, которые легли въ ихъ основаніи; до известной степени мы уяснили элементъ мистицизма, усвоеннаго алхиміей и въ послѣдствіи заслонившаго въ глазахъ не специалиста то существенное, что придавало ей научность и жизненность, что не позволяло ей спуститься на степень магіи, что сдѣлало ее истинной родоначальницей современной химіи, въ которую алхимія преобразовывалась постепенно, безъ всякаго разрыва въ ходѣ химической мысли: я имѣю въ виду ея теоріи.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что алхимическіе взгляды имѣли въ основѣ гипотезу единства матеріи, а этой гипотезѣ нельзя отказать въ большей вѣроятности съ философской точки зрѣнія. Во всей вселенной мы видимъ переходъ отъ простаго къ сложному, отъ единаго къ многообразному: какъ вся солнечная система развилась изъ туманной однообразной массы, такъ дажѣ весь животный и растительный міръ имѣетъ въ основѣ одну, быть можетъ общую, кѣлочку; такъ, наконецъ, въ основѣ нашей гражданственности лежитъ такая же социальная кѣлочка—семья; этотъ законъ постепеннаго усложненія, происхожденія множества изъ единства, подтверждается всѣми явленіями, наблюдаемыми въ неодушевленномъ и даже одушевленномъ мірѣ и вполне ему отвѣчаетъ и представленіе о единствѣ матеріи. Но и теоретическія разсужденія, основанныя на химическихъ фактахъ, ему не противорѣчатъ, хотя разсмотрѣніе этого вопроса уже далеко выходитъ за предѣлы поставленной мною задачи.

Вмѣстѣ съ алхимиками, быть можетъ, придется признать единство матеріи; вмѣстѣ съ Гераклитомъ раздѣлить убѣжденіе, что все течетъ, все движется, все измѣняется—и въ этомъ жизнь; вмѣстѣ съ Демокритомъ допустить, что вещество состоитъ изъ атомовъ; вмѣстѣ съ Эмпедокломъ признать инертную матерію и одушевляющій ее принципъ—энергію; вмѣстѣ съ Пифагоромъ сказать, что числа и отношенія выражаютъ законы природы. Итакъ, проживши 2.000 лѣтъ, человѣчество не далеко ушло впередъ отъ очень старыхъ взглядовъ, взятыхъ въ ихъ общей формѣ, и, быть можетъ, эти-то широкія положенія, которыя инстинктивно прозрѣвало еще древнее человѣчество, и окажутся единственнымъ конечнымъ приобрѣтеніемъ всей умственной жизни всего

человѣчества. Пройдетъ немного времени и наши теоріи вещества и силъ рухнутъ передъ напоромъ новыхъ фактовъ; симптомы уже замѣчаются со всѣхъ сторонъ. Уже теперь химія не вмѣщается въ рамки своихъ теорій всѣ вновь открываемые факты; то же и въ физикѣ. Современныя теоріи падутъ, какъ пали всѣ предшествовавшія, и какъ падутъ всѣ послѣдующія; послѣдняго слова наука никогда не скажетъ, потому что мы никогда не узнаемъ всей истины, никогда не откроемъ покрывала Изиды. Наша теорія—не истина, а только орудіе къ достиженію истины; истина для насъ — только фактъ. Только фактъ остается—теоріи проходятъ. Какъ математикъ вводитъ въ свои исчисления безконечно малыя величины, т. е. фикцію, и съ помощью этой фикціи достигаетъ реальныхъ результатовъ, такъ изслѣдователь природы при помощи фикцій—теорій достигаетъ познанія факта, единственной доступной намъ истины. Исторія наукъ о природѣ приводитъ насъ къ этому выводу объ ограниченности человѣческаго знанія и о служебномъ значеніи теорій; повидимому, приходится согласиться съ этимъ выводомъ и отказаться отъ всеобъемлющихъ и непреложныхъ, вѣчныхъ теорій, а напротивъ, смотрѣть на всякую теорію лишь какъ на ступень къ послѣдующей, лучшей. Усвоивши такую точку зрѣнія, мы не можемъ упрекать алхимиковъ за несбыточность ихъ стремленій; ихъ дѣятельность—необходимое звено въ развитіи научныхъ знаній. Человѣчество движется впередъ только путемъ ошибокъ и уклоненій въ сторону: въ насъ заложено могучее, не уничтожаемое стремленіе къ свѣту, но «нашъ путь къ свѣту лежитъ черезъ мракъ».

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

ПЕР. СЪ ФРАНЦУЗСКАГО Т. БОГДАНОВИЧЪ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА II.

Искусство.

§ 1.

Если такова природа, каково же должно быть искусство? Несомнѣнно оно должно быть нѣчто очень великое и въ то же время очень скромное,—великое по отношенію къ намъ, скромное по отношенію къ ней. Если жизнь, радости и законы красоты въ матерьяльномъ божьемъ мірѣ составляютъ такую же священную часть творенія, какъ добродѣтель въ мірѣ духовномъ, то человѣкъ, изучающій эти законы, вызывающій эти радости и сохраняющій эту жизнь — художникъ, исполняетъ одну изъ величайшихъ задачъ человѣчества. Онъ стоитъ между природой и нами. Онъ ея истолкователь, пѣвецъ и гѣтописецъ. Всѣ мы спѣшимъ постоянно къ своимъ различнымъ цѣлямъ—въ канцелярію, къ своему крокету, въ государственный совѣтъ, а его цѣль—остановить насъ и сказать: Посмотри на этотъ камешекъ, на эти жилки, посмотри на эту былинку травы: она зоветъ тебя; посмотри на этотъ мускулъ, посмотри на это небо... Развѣ вы думаете, что это бесполезно?

«Кто, среди всей этой болтливой толпы можетъ припомнить одно изъ очертаній цѣпи громаднхъ бѣлыхъ горъ, поднимавшихся вчера въ полдень надъ горизонтомъ. Одинъ говоритъ, что небо казалось дождливымъ, другой — вѣтреннымъ, третій — жаркимъ; но кто видѣлъ узкій лучъ, упавшій съ юга и озарявшій вершины этихъ горъ, пока онѣ не разстали и не рассыпались пылью голубого дождя?..» Художникъ видѣлъ его. Онъ удержалъ насъ передъ нимъ или по меньшей мѣрѣ удержалъ его для насъ. Этотъ человѣкъ творить чудеса. «Онъ

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь 1899 г.

приказываетъ росѣ не высыхать и радугѣ—не исчезать... Онъ облекаетъ въ плоть и кровь вещи, не имѣющія измѣренія и дѣласть безсмертными вещи, живущія одно мгновеніе». Онъ неуспынно наблюдаетъ природу; онъ пробуждаетъ въ насъ восхищеніе, онъ улавливаетъ самыя неуловимыя законы, онъ даритъ намъ самыя живыя радости; онъ раскрываетъ передъ нами тайны эстетики, связывающія насъ съ предметами заоблачнаго и земнаго міра,—и далѣе, онъ показываетъ намъ, какъ все это понималось въ его время и въ его странѣ и оставляетъ намъ самое вѣрное свидѣтельство этого. «Великія націи пишутъ свою автобіографію въ трехъ книгахъ: въ книгѣ дѣлъ, въ книгѣ словъ и въ книгѣ искусствъ. Ни одну изъ этихъ книгъ нельзя понять, не прочитавъ двухъ остальныхъ. Но изъ всѣхъ трехъ только послѣдняя заслуживаетъ безусловнаго довѣрія. Дѣла какой-нибудь націи могутъ умѣнчиваться успѣхомъ благодаря счастью; ея слова могутъ оказывать могущественное вліяніе благодаря гениальности лишь нѣкоторыхъ ея сыновъ, но ея искусство можетъ стать славнымъ только благодаря одаренности, благодаря сочувствію всего народа». Итакъ для насъ искусство всегда поучительно.

Но, являясь исполненнымъ величія въ отношеніи къ намъ, искусство въ то же время и по той же причинѣ играетъ самую скромную роль въ отношеніи природы. По отношенію къ ней «искусство всегда остается поклоненіемъ»... Если весь матерьяльный міръ созданъ именно съ эстетической цѣлью, если всякій вечеръ облака расписываются фресками, чтобы плѣнять наши взоры, когда они устремляются вверхъ, и каждое утро цвѣты разрисовываются акварелью, чтобы плѣнять ихъ, когда они опускается внизъ, то ясно, что источникъ всей красоты таятся въ природѣ.

Не въ грезахъ воображенія, не въ идеалахъ, внушенныхъ традиціей, а въ ней одной надо искать высшій типъ, высшій образецъ красоты. Онъ въ самомъ ничтожномъ листочкѣ, который вѣтеръ срываетъ съ дерева, въ маленькомъ камешкѣ, скатившемся съ горы, въ гибкой тростинкѣ, склоняющейся надъ прудомъ... Въ каждомъ изъ этихъ предметовъ глаза художника умѣютъ открыть черты, сдѣланныя рукою Высага Художника. Ни одно изъ своихъ созданій Онъ не забылъ отмѣтить печатью красоты.

Пусть разсѣянный и озабоченный прохожій не замѣчаетъ красоты мертваго листка, тронутаго лучомъ солнца у дверей картинной галлерей, а, войдя въ галлерей, восхищается изображеніемъ того же листка тронутаго кистью въ тысячу разъ болѣе слабою какого-нибудь венеціанца. Пусть, замѣтивъ это, онъ почувствуетъ удивленіе и даже неловкость при мысли, что искусство заставило его любоваться вещью, которою онъ не подумалъ бы любоваться въ дѣйствительности! И пусть, наконецъ, если человѣкъ этотъ какой-нибудь Паскаль, его разсужденіе вызоветъ самыя странныя пренія о природѣ и объ искусствѣ.

Все это доказываетъ только, что можно быть великимъ логикомъ и очень плохимъ художникомъ. Художникъ,—тотъ не прошелъ бы равнодушно мимо листка, тронутаго лучомъ солнца; онъ увидѣлъ бы его, онъ посмотрѣлъ бы на него; онъ полюбилъ бы его пятна, его морщины и игру свѣта на немъ; и еслибы за плечомъ у него былъ ящикъ съ красками онъ, быть можетъ, срисовалъ бы его; и заинтересованный этой ничтожной вещицей, которой пренебрегъ Паскаль, онъ, забылъ бы войти въ ту галерею, гдѣ Паскаль считаетъ своимъ долгомъ восхищаться. Истинный художникъ всегда предпочиталъ отблески свѣта, скользящіе по большему каналу Венеціи, тѣмъ отблескамъ, которые спятъ на картинахъ Каналето, и тѣла нищихъ, сожженные солнцемъ Севильи, онъ предпочиталъ тѣмъ, которыя окрасила въ черный цвѣтъ кисть Мурильо. «Всякое здоровое искусство есть выраженіе удовольствія, полученнаго отъ реальной вещи, которая всегда лучше искусства... Вы думаете, можетъ быть, что гнѣздо птицы, нарисованное Вильямомъ Гентомъ, прекраснѣе настоящаго птичьяго гнѣзда? И дѣйствительно, за одно мы платимъ большія деньги, а на другое едва-едва взглянемъ, и едва ли постараемся сберечь. Но *лучше было бы для насъ, чтобы погибли всѣ картины міра, чѣмъ чтобы птицы перестали вить гнѣзда!*..» Да, листокъ и гнѣздо, вѣточка и камень, жемчужина и волна, все въ природѣ исполнено красоты.

Безполезно даже искать ее въ рѣдкихъ явленіяхъ и въ случайныхъ эффектахъ. Безполезно подстерегать необычайные закаты солнца и разыскивать по горамъ цвѣтокъ исчезающаго вида.

«Красоту, любовь къ которой Богъ вложилъ въ наши души, эту красоту онъ далъ вещамъ будничнаго міра, самымъ привычнымъ для людскихъ глазъ. Да, небольшой холмикъ, спокойная гладь воды, легкій туманъ и солнечный лучъ—вещи самыя простыя, самыя привычныя и самыя милыя, которыя вы можете видѣть ежедневно лѣтнимъ вечеромъ на берегу тысячи тысячъ рѣчекъ, посреди пологихъ холмовъ вашей старой родины. Любите ихъ и смотрите на нихъ открытыми глазами! Амазонка и Индъ, Анды и Кавказъ не дадутъ вамъ ничего лучшаго».

Идеалисты ошибались устремляясь все дальше и дальше, все выше и выше отыскивать таинственную формулу, написанную въ каждомъ листочкѣ вокругъ насъ, какъ судьба написана въ линіяхъ каждой руки. Классики искали ее въ невозможномъ,—романтики въ исключительномъ. А она заключена въ простомъ и привычномъ, и даже можно, по словамъ Рѣскина, смѣло сказать «что чѣмъ вещи обыденнѣе, тѣмъ онѣ красивѣе».

Но только вещи, существующія въ природѣ, а не сдѣланныя человекомъ, самыя обыденныя вещи, созданныя ею, но не самыя необычайныя, созданныя садовникомъ, самыя распространенныя горныя породы, но не самыя гениальныя сооружанія каменщика, настоящія скалы, а не искусственныя горки, озера, а не бассейны, тучи, а не

дымъ, мхи, а не ковры. Конечно, могутъ сохраниться остатки природы, а слѣдовательно, остатки красоты въ растеніяхъ, превращенныхъ въ шпалеры, въ деревѣ, подстриженномъ для сбора плодовъ или листьегъ, въ погѣ, удобренномъ суперфосфатами, въ каналѣ, проведенномъ для орошенія. Но это лишь остатки, слабыя напоминанія о великой обезображенной природѣ. Мы можемъ все-таки любить ихъ, какъ мы любимъ даже поблекшія, даже испорченныя и искаженныя черты когда-то дорогого лица. Но мы не можемъ видѣть въ нихъ типа и идеала красоты. Онъ заключается исключительно въ дѣйственной природѣ, потому что природа остается дѣйствительно сама собой, только пока никто къ ней не прикасается и ничто не оскверняетъ

«Замѣтьте одну особенность въ характерѣ небеснаго пейзажа, которая отличаетъ его отъ всякаго пейзажа земли: облака, недоступныя воздѣйствію человѣка, всегда группируются согласно законамъ красоты. Ни въ какомъ иномъ пейзажѣ вы не можете быть въ этомъ увѣрены. Именно ту скалу, отъ которой зависитъ красота горнаго пейзажа, взрываетъ содержатель дорогъ, или превращаетъ въ каменоломню промышленникъ; а если это одна изъ тѣхъ лужаекъ, которыя природа нарочно разсѣяла среди своихъ мрачныхъ лѣсовъ, убравъ ее самыми нѣжными своими травами, то на ней навѣрно примется пахоть или строить земледѣлецъ. Но облака, хотя мы и можемъ закрыть ихъ дымомъ и отравить ядомъ, все-таки не могутъ быть превращены въ каменоломни или послужить фундаментомъ для зданій, и они всегда великолѣпны»...

Передъ ними, передъ этими независимыми дѣйственными волнами, передъ этими глубокими долинами, гдѣ воды, травы, соки, свѣтъ и тѣни дѣлаютъ все, что хотятъ, художникъ испытывалъ самую жгучія радости жизни. «Чистая любовь къ природѣ всегда ограничивалась у меня любовью къ дикой природѣ, т. е. къ пейзажамъ совершенно естественнымъ, а главнымъ образомъ, къ мѣстностямъ, оживленнымъ присутствіемъ рѣки или моря. Она питалась сознаніемъ свободы, самобытной и нетронутой мощи природы...» Все, что приближается къ этому, приближается къ красотѣ, все, что удаляется отъ этого, приближается къ безобразію.

Изъ такого понятія о красотѣ естественно вытекаетъ отношеніе художника къ природѣ, а то или другое отношеніе къ природѣ составляетъ основной вопросъ искусства. Всѣ техническіе приемы художника, употребляющаго краски и толченныя кости, и скульптора, мнущаго глину, всѣ философскія построенія эстетиковъ, жестикулирующихъ на кафедрѣ, сводятся къ вопросу: какое установить отношеніе къ природѣ? И различные отвѣты на этотъ вопросъ порождаютъ всѣ различія школъ, сектъ, группъ и мастерскихъ. Если откинуть всю ненужную болтовню, то вопросъ, возникающій въ погѣ передъ свидѣтелями красотъ природы, явится въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ возникаетъ въ залѣ суда передъ свидѣтелями преступленій людей:—скажу ли я правду? скажу ли

я всю правду? скажу ли я одну только правду?—спрашиваетъ себя пейзажистъ, сидя подъ своимъ зонтикомъ, скульпторъ съ рѣзцомъ въ рукѣ, портретистъ, обходя со всѣхъ сторонъ свою модель. Нарисую ли я этотъ дубъ такимъ, какъ онъ мнѣ представляется въ цѣломъ, ничего не прибавляя, не измѣняя его общаго вида, но сливая его листву и откинувъ нѣкоторыя вѣтки, которыя представляются мнѣ излишними,—иными словами: *скажу ли я правду?* Нарисую ли я его во всѣхъ деталяхъ, выписывая съ одинаковой тщательностью даже тѣ части, которыя мнѣ меньше всего нравятся,—иными словами: *скажу ли-я всю правду?* Не прибавлю ли я къ тому образу, который даетъ мнѣ этотъ дубъ, всѣ улучшения, всѣ украшенія, всѣ другія представленія о дубѣ, какія у меня есть,—иными словами: *скажу ли я одну только правду?* Смотря по принятому имъ рѣшенію, художникъ будетъ эклектикомъ, реалистомъ или идеалистомъ. Онъ окажется послѣдователемъ одной изъ трехъ крупныхъ теорій, къ которымъ сводятся всѣ теоріи искусства: теоріи выбора, теоріи буквального воспроизведенія, и теоріи идеализаціи.

Если мы опредѣлили красоту, какъ «печать Бога на его твореньяхъ» даже на самыхъ ничтожныхъ, если мы утверждали, что вся природа исполнена красоты, то мы, конечно, не можемъ присоединиться къ теоріи выбора и еще менѣе къ теоріи идеализаціи. Выбирать!—Кто на это осмѣлится?

«Пусть молодой художникъ не довѣряетъ стремленію къ выбору: это стремленіе, по меньшей мѣрѣ, дерзкое, но въ большинствѣ случаевъ низкое и пошлое: оно мѣшаетъ прогрессу, унижаетъ всякую силу, ободряетъ ничтожества, поощряетъ пристрастія... Ничего хорошаго не нарисуетъ тотъ, кто не желаетъ рисовать все, что придется! Когда хорошій художникъ отказывается отъ чего-нибудь, значитъ онъ чувствуетъ себя неспособнымъ къ этому, но не значитъ, что онъ пренебрежетъ чѣмъ-нибудь; когда онъ оставляетъ, значитъ, онъ сытъ, но не значитъ, что природа предлагаетъ ему плохую пищу. Я видѣлъ человѣка съ тонкимъ вкусомъ, стоявшаго въ теченіе четверти часа, разсматривая каналъчики, проведенные дождемъ въ кучѣ золы... Совершенное искусство наблюдаетъ и отражаетъ природу въ цѣломъ. Несовершенное искусство презираетъ, отбрасываетъ или предпочитаетъ»...

Слѣдовательно, по выраженію, создавшему прерафаэлизмъ, «художникъ долженъ идти къ природѣ въ простотѣ сердца, ничего не отбрасывая, ничего не презирая, ничего не выбирая».

А также, само собой разумѣется, ничего не идеализируя. Выборъ—это дерзость, идеализація—кощунство. Это неслыханная, невѣроятная претензія узкаго ума, не могущаго постичь красоту, разсѣянную въ природѣ и пытающагося творить на основаніи своего жалкаго воображенія. Воображеніе не должно ничего творить: его роль, если хотите, сводится къ тому, чтобы «постигать истину, собирать истину, восстанавливать истину». Оно никогда не должно замѣнять истину или прибав-

влять что-нибудь къ ней. «Ошибочно думать, что его функція—ложь и что его задача—показывать вещи не такими, каковы онѣ въ дѣйстви-тельности». Для чего лгать, когда дѣйствительность такъ прекрасна? Какое типичное лицо, составленное изъ общихъ чертъ, заимствован-ныхъ у различныхъ прекрасныхъ лицъ, какая академическая фигура, какая статуя дѣвушки можетъ сравниться съ живыми дѣтьми человѣ-ческими, которымъ солнце сгустило краски, и вѣтеръ растрепалъ во-лосы? «Никакая греческая богиня не была виоловину такъ прекрасна, какъ молодая англичанка чистой крови!» Великіе старые мастера по-мѣщали на своихъ картинахъ, считавшихся плодомъ воображенія,—въ какомъ-нибудь *Rap* или *Воскресеніи*,—простые портреты своихъ патро-новъ и своихъ слугъ, своихъ любовницъ и своихъ кредиторовъ; и это была «не ошибка, а истинный источникъ ихъ величія и ихъ прево-сходства; они были такъ велики и такъ скромны, что въ каждомъ изъ окружающихъ ихъ лицъ они видѣли нѣчто высшее, чего достигъ и замѣнить не способно было ихъ воображеніе!»

А что касается тѣхъ странъ воображенія, гдѣ мы никогда не были, и тѣхъ созданій вѣры, которыхъ мы никогда не видѣли, то къ чему и рисовать ихъ? Когда великіе художники пытались сдѣлать это, они всегда оказывались не на высотѣ своего таланта. «Истинно великое въ христіанскомъ искусствѣ ограничивается исключительно тѣмъ, что въ немъ есть человѣческаго, и даже восторгъ искупленныхъ душъ, входящихъ *celestamente ballando* *) въ райскія врата у Анжелико, списанъ имъ съ земного хотя и чистаго веселья флорентинокъ». Никогда «тво-ренье не можетъ вообразить ничего, выше творенья», и ему бесполезно пытаться сдѣлать это и не подобаешь желать этого. Не понимать кра-соты ласточки и воображать, что можешь вложить ее въ серафима—какое безуміе!

«Если вы не способны созерцать крылья птицъ, которыя Богъ позволилъ вамъ видѣть и ощупывать, тѣмъ менѣе можете вы созер-цать и рисовать воображаемыя крылья ангеловъ, которыхъ вы не можете видѣть. Узнайте сначала эту жизнь, не отрицая другой, но твердо помня, что прежде всего вы должны имѣть дѣло съ тѣмъ міромъ, гдѣ вы теперь находитесь». И, главное, не пытайтесь подъ видомъ идеализма или мистицизма поучать природу и «исправлять созданія Бога!»

Остается примкнуть къ теоріи реализма. Мы бы это и сдѣлали, еслибы реализмъ, какъ его понимаютъ современныя школы, состоялъ въ подражаніи природѣ и преклоненіи передъ ней. Но вмѣсто того, чтобы восхищаться природой и стремиться къ ней, реалистическая школа, быть можетъ, болѣе рѣшительно, чѣмъ всѣ остальные школы, гнала ее и болѣе дерзко осмѣивала. Вмѣсто того, чтобы стремиться воспроизводить то, что есть въ мірѣ оригинальнаго и естественнаго, она занимается изображеніемъ того, что въ немъ есть искусственнаго

*) Блаженно ликуя.

и поддѣльнаго. Надо обнаружить софизмъ этой школы, которая, опираясь на правильный принципъ,—а именно на тотъ принципъ, что природа во много разъ превосходитъ человѣческое воображеніе,—сдѣлала изъ него путемъ самаго удивительнаго злоупотребленія словами странный выводъ, что все созданное людьми: фабрики, тротуары, локомотивы, извозчики, велосипеды, трактиры и желѣзнодорожныя насыпи—все это называется природой и подъ этимъ именемъ должно быть предложено нашему вниманію и нашему восхищенію. Эти удивительные поклонники реальности, начинаютъ съ того, что искусственно фабрикуютъ по своему вкусу какой-нибудь безобразный предметъ, противорѣчающій всѣмъ естественнымъ законамъ, и потомъ принимаютъ убѣждать насъ, что предметъ этотъ прекрасенъ, именно потому, что реаленъ; такимъ образомъ имъ одновременно не хватаетъ точности въ аргументаціи,—такъ какъ въ этомъ смыслѣ нельзя противопоставлять реальность искусственности,—и любви къ этой реальности, которую они искажаютъ, прежде чѣмъ воспроизводить.

Они выдумываютъ высокую, какъ печная труба, шляпу и тотчасъ же изображаютъ ее на полотнѣ или въ бронзѣ и говорятъ намъ: это красиво, потому что это природа! Они входятъ въ трактиръ, дѣлаютъ опись разноцвѣтнымъ бутылкамъ, пропитываются накуреннымъ воздухомъ, разсматриваютъ потускнѣвшія грязныя стекла, потомъ рисуютъ дѣвушку-служанку среди этихъ печальныхъ атрибутовъ ложной цивилизаціи и говорятъ намъ: это красиво, потому что это природа! Они находятъ въ больницѣ пораженное анестезіей, безчувственное лицо, прибѣгаютъ къ возбуждательнымъ средствамъ, вызываютъ съ помощью фарадизаціи улыбку у человѣка страдающаго, выраженіе гнѣва у человѣка спокойнаго, изучаютъ такимъ образомъ каждое движеніе мускуловъ, и объявляютъ намъ, что нашли, наконецъ, «естественное и жизненное», между тѣмъ какъ они должны были бы сказать, что съ великимъ трудомъ нашли искусственное и мертвое! И еще того лучше: они ищутъ природу въ театрѣ, при свѣтѣ не солнца, а газовыхъ рожковъ, освѣщающихъ не голое тѣло, а трико, трико людей, ступающихъ не по землѣ, а по доскамъ, осѣненныхъ не облаками, а раскрашеннымъ газомъ, не идущихъ босыми, свободными ногами, а выдѣлывающихъ пируэты ногами, обезображенными танцами, и таяцами, разученными не въ ригахъ, вмѣстѣ со старшими подъ звуки свирѣли, а какими нибудь пиччикато. Вотъ природа,—говорятъ они,—природа захваченная врасплохъ, и вотъ красота! Но если это природа, то что же такое искусственность? Если это земля, то что же такое почва, на которой растетъ великій кормилецъ—хлѣбъ и утѣшители—цвѣты? Если это небо, то что же такое этотъ сводъ, откуда падаютъ плодотворные дожди и согрѣвающіе лучи? Чтобы вновь найти ихъ, откроемъ сѣня; нѣтъ, лучше выйдемъ изъ театра, гдѣ реалисты ищутъ моделей для своихъ фигуръ, минуемъ укрѣпленія,

откуда они берутъ свои пейзажи, возвратимся туда, гдѣ электричество не скользитъ еще по землѣ, гдѣ плѣнный воздухъ не носитъ телеграммъ, но свободный и сильный гонитъ тучи, туда, гдѣ «дѣвушки танцуютъ при свѣтѣ солнца, а не газовыхъ рожковъ, побуждаемыя любовью и весельемъ, а не деньгами и нуждой!» Вотъ гдѣ природа и вотъ гдѣ красота.

Пластическая красота фигуръ, такъ же какъ живописная красота пейзажей,—это само собой разумѣется, такъ какъ, если мы говоримъ, что человѣческое тѣло, какимъ его создала природа, исполнено красоты, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что тѣ типы, какіе обыкновенно выбираютъ реалисты, представляютъ природу и приближаются къ красотѣ. Вотъ толстый избиратель или мелкій чиновникъ, сидитъ на террасѣ кафе и привычнымъ жестомъ подымаетъ кружку пива или рюмку какой-нибудь настойки. Его станъ согнуть подъ тяжестью наследственныхъ болѣзней, обезображенъ принадлежностями современнаго костюма, истощенъ страстями и пороками нашего времени; мускулы атрофированы отъ долгаго бездѣйствія; кожа блѣдна и безцвѣтна подъ ненужнымъ бѣльемъ; руки дрожатъ отъ алкоголизма... Это ли человѣкъ природы? И если есть въ мірѣ искусственный человѣкъ, то не его ли мы видимъ? И можно ли назвать настоящей женщиной—морфинистку, подведенную или накрашенную? Развѣ природа сдѣлала руки современныхъ рабочихъ, покрыла мозолями ладони кожевника, и водяными опухольями пальцы рѣзчика по металлу? Развѣ лицо, освѣщенное лампой Эдиссона, имѣетъ естественную окраску? Какой же будетъ въ такомъ случаѣ не естественный, реальный свѣтъ? Свѣтъ солнца, конечно!.. И на какомъ же основаніи въ такомъ случаѣ реалисты называютъ освѣщеніе романтиковъ или Геберта фальшивымъ; на своихъ картинахъ они вѣдь допускаютъ освѣщеніе театра или фабрики, и въ то же время нѣтъ такихъ искусственныхъ эффектовъ Геберта или Геннера, которые нельзя было бы получить съ помощью различныхъ комбинацій газа и электричества. А когда они въ больничныхъ картинахъ, на которыя они такъ щедры, показываютъ намъ, что дѣлается съ кожей и мускулами подъ вліяніемъ электричества, или когда они обсыпаютъ мукой лицо клоуна и переносятъ его на свои полотна, увѣряя насъ, что все это реальная жизнь, развѣ они слѣдуютъ теоріи реализма и развѣ они уважаютъ природу, подъ знаменемъ которой они выступаютъ? Нѣтъ. Человѣкъ природы, естественное и истинно-прекрасное существо—это стройное и радостное созданье могучей руки Горшечника, лѣпившаго человѣческую глину, а не та карриатура въ которую его превратили истинныя или ложныя требованія цивилизаціи. Это человѣкъ первобытныхъ временъ, прямой, какъ свободный тополь, а не человѣкъ эпохи паровыхъ машинъ, извращенный ложнымъ воспитаніемъ. Это Аполлонъ Сиракузскій, а не избиратель Гладстона. Это

человѣкъ сдѣланный природою, а не *self-made-man* (сдѣланный самимъ собой).

И такъ, красота находится не въ идеалѣ, не въ извращенной природѣ, которую воспроизводятъ реалисты, она въ естественной природѣ, и если намъ трудно найти теперь эту природу, если окружающія насъ человѣческія лица запятнаны «видимой и неизгладимой печатью непобѣжденнаго грѣха», въ такомъ случаѣ обратимся, но не къ грѣзѣ, а къ дѣйствительности, только къ дѣйствительности прошедшей, къ воспоминанію о тѣхъ счастливыхъ временахъ, когда человѣкъ сильный, чистый, свѣтлый и довѣрчивый бродилъ среди великолѣпныхъ картинъ природы, которыя ему некогда было уничтожать или оскорблять. Платонъ, быть можетъ, близокъ къ истинѣ! Сегодняшній идеалъ есть, быть можетъ, лишь воспоминаніе о нѣкогда бывшей дѣйствительности... Будемъ благоговѣнно хранить воспоминаніе объ этой прекрасной вещи, которая не стала менѣе реальной, оттого что относится къ области прошлаго. Будемъ уважать оставшіеся намъ памятники. «Прекрасная вещь существуетъ одинъ моментъ въ качествѣ дѣйствительности. Она существуетъ вѣчно въ качествѣ памятника. На ея славу и на ея мудрость народы должны съ полнымъ довѣріемъ полагаться во вѣки вѣковъ: прекрасное есть вѣчный законъ!»

На вопросъ: Что должно дѣлать искусство и что показывать намъ? мы отвѣчаемъ: Природу, такую, какая она есть и человѣка такого, какимъ онъ былъ. Найти путь къ естественной природѣ не трудно: это путь, ведущій къ долинамъ, еще пощаженнымъ промышленностью и къ морямъ, которыя она не въ состояніи осквернить. Для скульптора и живописца, рисующаго человѣческія фигуры, представляется болѣе трудная задача—реставрировать человѣка эпохи до порока, до неестественнаго труда, но онъ долженъ по меньшей мѣрѣ упорно стремиться къ этой дѣйствительности и ни къ чему другому кромѣ этой дѣйствительности. Не нужно ничего обобщать, ничего прибавлять, ничего украшать, но можно стереть съ лица человѣка печать паденья, которую наложила на него искусственность нашего времени. Не надо выдумывать ничего, стоящаго внѣ дѣйствительности, но можно снять бремя, наложенное на дѣйствительность цивилизаціей и страданьями. Это не значить уничтожать реальную дѣйствительность; наоборотъ, это значить восстанавливать истинный текстъ, уничтожая позднѣйшія вставки.

«И замѣтьте, что эта работа не должна быть работою воображенія. Мы потерпѣли кораблекрушеніе и всѣ разбиты, но то немногое, съ помощью чего мы можемъ восстановить самихъ себя, должно быть взято изъ старыхъ, выкинутыхъ на берегъ обломковъ, какъ бы они ни были переломаны и засыпаны пескомъ,—а не съ этого пустыннаго острова гордости, о который разбились сначала демоны, а потомъ мы!.. Первымъ принципомъ нашего пластическаго искусства, — живописи или ваянія, — должно быть возможно болѣе близкое сходство съ природою.»

§ 2.

Съ природой, да, но какъ смотрѣть на нее? съ помощью глазъ или съ помощью рентгеновскихъ лучей? Съ природой,—но какъ ошупывать ее? Руками или скальпелемъ? Съ природой,—но какъ наблюдать ее? Созерцая годами, какъ аеонскій или альпійскій отшельникъ, или хронофотографически въ двѣ тысячныхъ секунды, какъ изучаетъ какой нибудь ученикъ Майбриджа или Марая, который появляется, фотографируетъ и исчезаетъ съ курьерскимъ поѣздомъ. Надо различать эти вещи; слова такъ податливы въ эстетикѣ и термины такъ плохо установлены, что, говоря о необходимости углубленія въ природу, рискуешь попасть въ фотографы, въ анатомы, въ геологи или въ водолазы. Между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ людей не видѣлъ и не способенъ видѣть природу эстетически, такъ же какъ спрятанный въ кулисахъ пожарный не можетъ судить о впечатлѣніи, какое производитъ опера. Онъ видитъ прямо тѣ предметы, какіе нужно видѣть сбоку и оглушенный одной частью звуковъ не можетъ охватить цѣлаго. Онъ увидитъ нѣчто только въ тотъ день, когда театръ загорится. Онъ будетъ намъ нуженъ и лучше насъ онъ будетъ знать, почему театръ горитъ, ту изнанку вещей и,—если дѣло идетъ объ ученомъ передъ лицомъ природы,—тѣ глубокія содраганія человѣческаго механизма, въ которомъ обитаетъ наша душа, тѣхъ земель и морей, которыя насъ носятъ... но въ тотъ день уже не будетъ искусства и спектакль будетъ оконченъ... Но пока онъ длится, на него надо смотрѣть не въ качествѣ ученаго, а въ качествѣ зрителя, съ глазами здороваго чело­вѣка и съ сердцемъ влюбленнаго, который стремится лишь любоваться.

«Въ первую половину своей жизни Тернеръ бывалъ иногда въ хорошемъ настроеніи и показывалъ людямъ то, что дѣлалъ. Однажды онъ рисовалъ портъ Плимутъ и нѣсколько судовъ, видныхъ противъ солнца миля за двѣ разстояія. Окончивъ рисунокъ, онъ показываетъ его морскому офицеру, и тотъ съ удивленіемъ разсматриваетъ его и съ понятнымъ негодованіемъ замѣчаетъ, что у линейныхъ кораблей нѣтъ пушечныхъ люковъ». Нѣтъ,—отвѣчаетъ Тернеръ,—конечно, нѣтъ. Если вы войдете на Эджекумбскій холмъ на закатѣ и будете смотрѣть на корабли противъ солнца, вы увидите, что пушечныхъ люковъ нельзя замѣтить.—Ну, хорошо,—говоритъ офицеръ, все еще полный негодованія,—но вы вѣдь знаете, что люки тамъ есть! — Да,—говоритъ Тернеръ,—положимъ, я знаю, но моя задача рисовать *то, что я вижу, а не то, что я знаю*».

То, что вижу, а не то, что знаю, то, что чувствую, а не то, что понимаю,—вотъ въ чемъ заключается эстетическая правда въ противоположность правдѣ научной, и эту правду должно возможно полнѣе выражать искусство, а для этого возможно лучше воспринять ее. Ува-

жаютъ ли намѣренья природы ученые, воображающіе, что они показываютъ художникамъ вещи, каковы они есть на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, они противорѣчатъ имъ, такъ какъ природа часто имѣетъ намѣреніе показывать намъ вещи именно не такими, какія они на самомъ дѣлѣ. Изображать моллюсковъ, которыхъ она прячетъ въ глубинѣ темныхъ водъ, кости, которыя она прячетъ внутри непрозрачныхъ тѣлъ, движенія, которыя она скрадываетъ быстротой, съ какой они совершаются, однимъ словомъ показывать въ каждой вещи именно то, что она хотѣла скрыть отъ нашихъ глазъ—это вовсе не значить слѣдовать ея намѣреньямъ и хранить ей вѣрность, напротивъ, это значить измѣнять ей. Но всякая измѣна влечетъ за собой возмездіе, и природа во всей своей красотѣ не дается художнику, который обращается къ ней безъ уваженія и разоблачаетъ ее безъ любви. Она отдается тому, кто ее любитъ. Она отдавалась грекамъ и они смотрѣли на нее, какъ она жила и дѣйствовала, краснѣла, блѣднѣла и трепетала передъ ними въ своей пластической чистотѣ... Греки смотрѣли на нее среди дня, на вольномъ воздухѣ, подъ голубымъ небомъ Аттики, согласно ея желанію, такъ, какъ она хочетъ, чтобъ на нее смотрѣли—и они восприняли ея красоту. Наблюденіе нагой природы—это наука жизни.

Ученые эпохи возрожденія смотрѣли на нее нескромными глазами изслѣдователей. Они обнажали мускулы и анатомировали человѣческое тѣло. Они рылись въ тѣлахъ ночью, при свѣтѣ факела, воткнутого въ средину внутренностей. Эта наука могилъ. Къ чему она привела? Увеличенные, напряженные мускулы, фигуры, съ которыхъ точно содрана кожа на картинахъ Мантенья, фигуры точно вырѣзанныя изъ стали, на гравюрахъ Дюрера, связки веревокъ вмѣсто сухожилій, ядра вмѣсто мускуловъ. «Посмотрите *Миволомію пороковъ*, Мантенья, въ Луврѣ, эту отталкивающую анатомію подъ видомъ женщинъ и дѣтей! Посмотрите въ музеѣ Брери въ Миланѣ, ракурсъ подъ названіемъ Христосъ—анатомическій этюдъ мертваго тѣла—грубаго, отвратительнаго, съ ступнями ногъ, обращенными къ зрителю. Это характерная иллюстрація безумія всѣхъ этихъ Палладжуола, Кастаньо, Мантенья, Винчи, Микель-Анджело — великихъ художниковъ, осквернившихъ свои произведенія этой проклятой наукой».

Это возрожденіе, главнымъ грѣхомъ котораго была вовсе не страсть къ наслажденію и безпечность, какъ утверждаютъ мистики но напротивъ наука; возрожденіе, которое грѣшило вовсе не избыткомъ жизни и любви, но напротивъ избыткомъ честолюбія, сухости и безобразія! Тамъ, гдѣ есть любовь не можетъ быть научнаго изслѣдованія и педантичнаго перечня подробностей. Что любить, то не подвергаютъ вивисекціи. Эльза спрашивала у Лоэнгриня о его имени, а не о количествахъ его кожныхъ мускуловъ и не о формѣ остистыхъ отростковъ. Но и то, что она спрашивала было также лишнее: Лоэнгринъ исчезъ... Въ этомъ вѣчная казнь духа научнаго изслѣдованія смѣняющаго лю-

*

бовь. Она ожидаетъ всѣхъ нашихъ изслѣдователей: нашихъ анатомовъ, нашихъ химиковъ, нашихъ электро-физиологовъ, нашихъ хроно-фотографовъ и нашихъ математиковъ. Ученый думаетъ подстеречь движеніе,— онъ его останавливаетъ; думаетъ овладѣть свѣтомъ,—и гаситъ его; думаетъ схватить жизнь мускула,—и убиваетъ его.

Но, что убиваетъ буква науки, то воскрешаетъ духъ искусства. А духъ искусства это простая любовь, наивное и страстное восхищеніе, довольствующееся тѣмъ, что видятъ глаза, не желая ни проникать внутрь, ни украшать. Говоря, что «всякое великое искусство есть восторженное преклоненіе», Рэскинъ хочетъ сказать, что художникъ долженъ не только съ любовью стремиться къ природѣ, но онъ долженъ приступить къ ней съ уваженіемъ, долженъ уважать не только ея формы и краски, но и ея общій планъ и во всемъ существующемъ, во всѣхъ видахъ искусства—ея плѣ и намѣреніе. Онъ не допускаетъ, чтобы художникъ располагалъ и комбинировалъ ее иначе, чѣмъ она сама себя располагаетъ и комбинируетъ. Онъ съ величайшей осторожностью употребляетъ «опасно-благородное» слово созданіе. Онъ съ отвращеніемъ отказывается отъ обобщенія; онъ недоувѣряетъ всякому синтезу. Если онъ допускаетъ, что въ картинѣ есть руководящая линія, главная масса свѣта, господствующая фигура, то онъ сейчасъ же прибавляетъ, что «законъ этотъ, какъ вы увидите, проявляется главнымъ образомъ въ плохихъ картинахъ». Когда онъ говоритъ о гармоніи, можно подумать; что онъ пишетъ трактатъ объ ядахъ. Если онъ признаетъ группировку фигуръ, то всѣ законы ея онъ выводитъ изъ группировки, наблюдаемой въ растительномъ царствѣ, онъ позволяетъ, чтобы одна вещь находилась въ отношеніи подчиненія къ другой, такъ какъ онъ замѣтилъ, что во всякомъ сложномъ листѣ, т. е. листѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ листочковъ, напоминающихъ или повторяющихъ его,—эти листочки не такъ симметричны, какъ главный листъ, кака-нибудь часть въ нихъ всегда меньше остальныхъ; такимъ образомъ одинъ изъ элементовъ подчиненной красоты во всякомъ деревѣ заключается въ признаніи собственнаго смиренія и покорности. Въ скульптурѣ также господствуютъ законы пейзажа, и имъ же подчиняется глиптика. Прежде всего онъ требуетъ, чтобы въ скульптурномъ произведеніи издали видны были простыя и чистыя очертанія и слегка волнистая поверхность; векололѣпная смѣна плановъ, незамѣтно сливающихся другъ съ другомъ, какъ въ природѣ видимые въ отдаленіи холмы, освѣщенные косыми лучами солнца, или какъ округлые плоды или извилистые листья, на которыхъ не найдешь ни одного плоскаго мѣстечка, никакой черной дыры, никакой глубокой впадины, на что такъ щедры художники-декаденты. Изгибы статуй должны подражать изгибамъ тѣла, а не одеждѣ, не плоскимъ поверхностямъ сдѣланымъ человекомъ, но округлымъ тѣламъ, созданнымъ Богомъ.

Эта нить Аріадны должна быть нашей путеводительницей даже въ

архитектурѣ, такъ какъ послѣ пейзажной живописи архитектура больше всѣхъ искусствъ напоминаетъ природу. Рёскинъ любилъ архитектуру больше чѣмъ скульптуру, больше чѣмъ портретную живопись, больше чѣмъ все то, что напоминаетъ намъ человѣка.

И такъ какъ во всей архитектурѣ готическій стиль полнѣе и вѣрнѣе всѣхъ воспроизводитъ изгибы вѣтвей, листьевъ, стеблей и цвѣтовъ то онъ ставилъ готику несравненно выше романскаго, византійскаго, мавританскаго стиля и стиля Возрожденія. Во всѣхъ разсужденіяхъ подъ сводами холодныхъ и мрачныхъ соборовъ, онъ остается пейзажистомъ, душа котораго проникнута вѣяньемъ скалъ, зелени, рѣкъ и солнца. Въ баптистеріяхъ *) онъ думаетъ о каменистыхъ руслахъ потоковъ, а при видѣ куполовъ онъ размышляетъ объ округленныхъ глыбахъ гранита. Горы научаютъ его постройкѣ церквей. Онъ хочетъ, чтобы въ базиликахъ камни были расположены такъ, какъ ихъ находятъ въ каменоломняхъ, въ горизонтальномъ, а не въ вертикальномъ направленіи. Глыбы мрамора должны лежать почти по горизонтальнымъ линіямъ, потому что такъ расположены слои Цервина. Онъ довольно неодобрительно поглядываетъ на прямую лицію, потому что въ природѣ она встрѣчается далеко не часто, и онъ готовъ былъ бы напасть на Флорентійскій, Пизанскій, Лукскій и Пистойскій соборы, за ихъ геометрическіе орнаменты, если бы онъ не вспомнилъ во время, что видѣлъ подобныя же формы у кристалловъ. Но кристаллы рѣдко встрѣчаются на поверхности земли, и онъ не желаетъ, чтобы ихъ формы часто встрѣчались въ украшеніяхъ.

Его приводитъ въ негодованіе архитекторъ, который округляетъ согласно точнымъ законамъ науки изгибы своихъ трилистниковъ. Изучая романскій и византійскій стиль, онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ того момента, когда круглый сводъ приметъ стрѣльчатую форму цвѣтка. Онъ смотритъ на голыя гладкія колонны съ мучительной тревогой Тантѣйсера, ожидающаго, что посохъ его покроется цвѣтами... По мѣрѣ того какъ листъ греческой аканты развивается, приобретаетъ гибкость, свертывается и развертывается какъ будто въ глубинѣ долины на утренней росѣ, по мѣрѣ того какъ появляются стебли, извищаются и распускаются цвѣтами на капители, онъ начинаетъ волноваться, узнаетъ знакомыя черты природы и восклицаетъ: вотъ она! вотъ она! Въ византійскомъ стилѣ онъ восхищается «тонкостью рисунка, которой насъ учитъ природа посредствомъ листиковъ петрушки, а въ готикѣ посредствомъ листьевъ дуба и терновника». Онъ хвалитъ архитекторовъ дворца Дожей за то, что они стремились установить гармонію широкой листвы съ широкими поверхностями своихъ могучихъ стѣнъ, по примѣру природы, съ любовью взростившей полныя сочной свѣжести листья щавеля и кувшинки... Онъ требуетъ, чтобы «самый богатый расти-

*) Часовня для крещенія.

тельный орнаментъ помѣщали именно тамъ, гдѣ бы его помѣстила сама природа. Растительный орнаментъ коринтской капители прекрасенъ, потому что онъ развертывается подъ абакой: именно тамъ гдѣ заставила бы его расцвѣсть сама природа; такъ и кажется точно онъ дѣйствительно выросъ изъ корня и корень этотъ скрытъ отъ нашихъ глазъ...»

И такъ какъ въ природѣ нѣтъ ничего безцвѣтнаго или одноцвѣтнаго, то этотъ пейзажистъ-архитекторъ требуетъ, чтобы зданія были раскрашены съ верху до низу. Онъ вовсе не желаетъ, чтобы красныя или синія линіи подчеркивали соединенія каменныхъ глыбъ или канелюры колоннъ, подобно бранденбургцамъ, изображавшимъ на одеждѣ очертанія человѣческаго скелета; наоборотъ, онъ хочетъ, чтобы разнообразныя яркіе цвѣта сливались и смѣшались, какъ цвѣта какого-нибудь герба, и играли на всей поверхности зданія, какъ они играютъ въ природѣ, скрадывая, хотя и не вполне скрывая строеніе внутренняго скелета большого каменнаго организма.

Прежде такимъ образомъ разукрашивали даже частныя дома. Въ Венеціи, фамилыныя гербы раскрашивались въ присуціе имъ цвѣта, но обыкновенно, на чисто лазоревомъ фонѣ. Голубой цвѣтъ до сихъ поръ сохранился подъ гербами въ Каза Приули и въ двухъ, трехъ дворцахъ еще не реставрированныхъ и голубой фонъ употреблялся при раскрашиваніи статуй религіознаго содержанія. Наконецъ вся рѣзба, заглавныя буквы, карнизы, углы были или сплошь или въ значительной части покрыты золотомъ»...

Природа этого хочетъ! И не только хочетъ: она предоставляетъ намъ необходимыя матерьялы для украшенія нашихъ городовъ.

«Мраморъ готовится ею для архитектора, какъ бумага готовится фабрикантомъ для акварелиста. Его цвѣта смѣшаны также какъ на палитрѣ. Въ нихъ вы найдете всѣ достоинства и всѣ оттѣнки кромѣ плохихъ. И всѣми своими прожилками и зонами, огненными пятнами и изломанными, разобщенными линіями, эти цвѣта рассказываютъ истинную повѣсть о прежнемъ политическомъ строѣ государства горъ, къ которому принадлежалъ этотъ мраморъ, о его слабыхъ сторонахъ и его могуществѣ, о его потрясеніяхъ и его процвѣтаніи отъ начала временъ».

Воспользуемся же этимъ матерьяломъ и покроемъ имъ наши жилища! Всякій разъ, когда люди это дѣлали получались образцовыя произведенія архитектуры. Они воздвигали готическіе соборы, съ разноцвѣтными порталами съ рѣзными и раскрашенными украшеніями, съ золочеными, какъ закатъ солнца, тимпанами. Венеціанскій соборъ,—какъ осенняя листва, сплошь покрытый богатыми красками, явился апогеемъ этого стіля. Наступило Возрожденіе со своими сѣрыми дворцами съ геометрическими тимпанами, съ холодной, точной и высокопарной наукой—эта зима «зима, лишенная тепла и красокъ!» Въ тотъ день, когда архитекторъ забылъ богатую формами и красками природу, онъ забылъ

красоту. Упадокъ и разложеніе, начавшіеся съ XV вѣка, зависѣли не отъ натурализма, не отъ слишкомъ рабскаго подражанія, но отъ подражанія вещамъ безобразнымъ, т. е. не натуральнымъ. Пока натурализмъ довольствовался ваяніемъ животныхъ и цвѣтовъ, онъ оставался благороднымъ. Но въ тотъ день, какъ къ этому присоединились искусственные предметы—оружіе, музыкальные инструменты, гербы, бессмысленные свитки, прострѣлянные щиты и тому подобныя негѣпости, въ тотъ день, какъ пейзажиста смѣнилъ археологъ—почувствовалось холодное вѣяніе раскрытыхъ могилъ и смертельный уколъ пиркуля, духъ классицизма и педантическаго формализма повѣялъ въ нашихъ жилищахъ и заморозилъ насъ. Лишенная корня и вершины лента замѣнила живую траву, глупая повязка соединила разбросанные цвѣты, пышныя складки одежды, раздутой воображаемой бурей, скрыли формы человѣческаго тѣла. «Казалось, точно самая душа человѣка, оторванная отъ здороваго корня и готовая пасть въ бездну порока, утрачивала представленіе о жизни всѣхъ окружающихъ предметовъ и не могла отличить колебанія могучихъ вѣтвей, исполненныхъ мускульной силы и здоровыхъ соковъ отъ безжизненнаго колыханья болтающейся веревки. Въ этотъ день былъ подписанъ смертный приговоръ натурализму, и вмѣстѣ съ нимъ міровой архитектурѣ»...

И такъ во всѣхъ отрасляхъ искусства: живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, пойдемъ тѣмъ путемъ, какой пролагаетъ природа, и въ самыхъ мелкихъ техническихъ подробностяхъ будемъ искать ея указаній.

Прежде всего она учитъ насъ спокойствію: спокойствію въ цвѣтахъ, спокойствію главнымъ образомъ, въ движеніяхъ. Перемѣны происходящія въ ней не быстры. движенія ея не рѣзки. Дерево медленно протягиваетъ свои вѣтви къ солнцу; солнце незамѣтно прячется за горой; гора вѣками остается неподвижной. Не часто явленія природы производятъ такія превращенія, которыя радуютъ маленькихъ дѣтей въ фееріяхъ. Взрослые люди больше изумляются медленному чуду проростанія сѣмянъ или образованію выходящихъ изъ моря острововъ, созданныхъ въ мириады лѣтъ мириадами безконечно малыхъ существъ. Надо отказаться въ искусствѣ отъ изображенія шумныхъ событій, сценъ насилія, фигуръ бѣгущихъ, танцующихъ, падающихъ, борющихся и кусающихъ: картинъ битвъ, проклятій, вакханалій, пытокъ съ рѣзкими проявленіями боли, Христа, умирающаго на крестѣ. Надо отказаться отъ мертвой природы во имя живой природы и отъ умирающихъ боговъ во имя покоя. Преклоненіе наивныхъ пастуховъ передъ яслями, фонтанъ воды бьющій вверхъ къ небу, движеніе смычка по струнамъ, процессія рыцарей, вступающихъ въ храмъ, медленное шествіе пословъ по берегу канала, розы, падающія одна за другой изъ рукъ ангела, лаская тѣло играющаго Младенца-Христа... такія движенія можно изображать, такъ какъ они не оскорбляютъ нашего инстинкта непрерывности. Пастухи Лоренцо ди-Креди могутъ долго

сохранять свои спокойныя позы, монахи Монъ Сальва и синьоры Карпаччіо могутъ постоянно безъ утомленія проходить передъ нами; фигура Дюрера можетъ сидѣть, опираясь, на руку какъ карриатида и ангелъ Боттичелли вѣчно сыпать свои цвѣты.

Но не слѣдуетъ въ линіи этихъ незамѣтныхъ движеній или задумчиваго покоя вкладывать ту тревогу, которую изгнали изъ общей композиціи картинъ. Не надо судорожно сокращать члены и мять одежды этихъ покоящихся фигуръ, какъ дѣлаютъ Бернениъ и Густавъ Доре. «Великій и скромный живописецъ не позволяетъ себѣ рѣзкихъ изломовъ, онъ долго работаетъ, чтобы создать линіи, изгибы которыхъ такъ постепенны, что ихъ можно замѣтить лишь послѣ внимательнаго изученія». Когда онъ беретъ за кисть онъ поступаетъ также. Природа учитъ насъ спойкойствію не только въ линіяхъ, но и въ смѣнѣ свѣта и тѣней. Она не слѣдуетъ примѣру Сальватора Розы, Рембрандта или Риберы. Она не переноситъ рѣзкихъ эффектовъ свѣта и тѣни, освѣщенія потайными фонарями, пистолетныхъ выстрѣловъ въ погребѣ, она ненавидитъ контрасты и допускаетъ ихъ лишь въ очень смягченномъ видѣ, «дѣйствующихъ какъ неожиданность, а не какъ потрясеніе». Точно такъ же въ произведеніи искусства насъ должна плѣнять правильность оттѣнковъ, а не ихъ противопоставленіе, сила членовъ, а не ихъ усиліе, стройность ихъ формъ, а не искаженіе ихъ. Надо, чтобы сцена разыгрывающаяся на полотнѣ привлекала насъ не странностью положеній, а естественностью характеровъ. Пусть съ этими фигурами ничего не происходитъ, если линіи ихъ такъ чисты и жизнь такъ интенсивна, что эти самыя линіи и эта самая жизнь волнуютъ насъ. Пусть ихъ ноги никуда не несутъ ихъ, если они красивы въ своей неподвижности; пусть руки ихъ ничего не дѣлаютъ, если въ своихъ лѣнивыхъ пальцахъ они держатъ покоренную судьбу! Это признакъ величайшаго искусства. Сдѣлайте фигуры на вашихъ картинахъ такими прекрасными, чтобы у насъ явилось желаніе полюбить ихъ, и тогда всякое дѣйствіе, всякій жестъ всякая случайность, всякое движеніе становятся излишними: «Быть съ людьми, которыхъ любишь,—говоритъ Лябрюйеръ,—этого достаточно; мечтать, говорить съ ними, не говорить съ ними, думать о нихъ, думать о постороннихъ предметахъ, но только около нихъ, все это одинаково пріятно»...

Наблюдать природу надо съ любовью, изображать—со стараньемъ. Мы интересуемся малѣйшими подробностями, касающимися тѣхъ, кого мы любимъ, неуловимой игрой ихъ физиономіи, самой мелкой особенностью ихъ чертъ: тѣнью рѣсницъ на щекѣ, очертаніемъ ногтя, бороздами, слишкомъ глубокими, увы! какія проводитъ на лбу невидимый пахарь... Природу надо изображать, обладая остротой орлинаго взгляда, тонкостью пальцевъ скрипача, терпѣніемъ и любовью Гризельды». Не такъ поступаетъ теперь надменный художникъ: онъ покрываетъ свою картину пересѣкающимися линіями, проведенными какъ позало, безъ

магѣйшаго старанія изобразить простой листочекъ или небольшую кочку, онъ пишетъ крупными мазками неопредѣленный пейзажъ, какой виденъ изъ окна поѣзда, дѣлающаго 60 верстъ въ часъ. «Наоборотъ, чѣмъ съ большой тщательностью выписываетъ онъ породы мха на выбранномъ пнѣ, породы сорной травы вокругъ камня, отмѣчая въ каждой вещи все что, въ ней есть особеннаго и характернаго: ея листокъ, ея цвѣтокъ, ея зерно, ея изломъ, ея цвѣтъ, ея внутреннее строеніе, тѣмъ болѣе совершеннымъ становится его произведеніе. Всякое смѣшеніе видовъ, всякая небрежность въ передачѣ характерныхъ чертъ, всякое искусственное и случайное сочетаніе ихъ дѣлаетъ произведеніе грубымъ, а никакъ не совершеннымъ».

И каждую вполне опредѣленную, вполне точную линію надо съ самаго начала проводить не кончикомъ пера или карандаша, а концомъ кисти, какъ дѣлалъ Апельсесъ и какъ проведены всѣ цвѣтныя линіи на греческихъ вазахъ. Привыкнувъ рисовать кистью, художникъ будетъ гораздо свободнѣе въ обработкѣ своей темы, такъ какъ онъ въ каждую данную минуту будетъ въ состояніи возстановить ударомъ кисти всякую линію, которую стеръ предыдущій мазокъ. Художникъ, который не носитъ на концѣ кисти свой рисунокъ, не умѣетъ рисовать. «Вы едва ли найдете рисунокъ, несомнѣнно принадлежащій одному изъ великихъ старинныхъ художниковъ—Тиціану, Веласкецу или Веронезу. Мы, современные художники, мы всегда учимся или пытаемся научиться писать картины, рисуя, а древніе учились рисовать прямо кистью или рѣзцомъ, что еще труднѣе. Съ дѣтства имъ въ руки давалась кисть и они принуждены были рисовать съ ея помощью; такимъ образомъ, когда имъ приходилось употреблять перо или карандашъ, они владѣли имъ съ легкостью кисти или съ увѣренностью гравера».

Опредѣлять—значитъ выбирать. Положимъ въ заросли кустарника извиваются и пересѣкаются миллионы линій и жилокъ, мелькаютъ разрѣзы листовъ, тѣснятся углы колючекъ и стеблей, выются колечки прицвѣтниковъ и спирали усиковъ, и во всемъ этомъ видна красота природы; но развѣ нужно, чтобы ея основной планъ на картинѣ потонулъ въ богатствѣ подробностей. Нѣтъ. Въ природѣ есть свои характерныя черты. Искусство должно выражать ихъ: «Эти черты, какъ солдаты. Триста, сознающихъ свою силу могутъ быть сильнѣе трехъ тысячъ, менѣе увѣренныхъ въ своей цѣли». Это именно и значитъ рисовать, т. е. показывать тѣ свойства вещей, которыя Тэнъ назвалъ «необходимыми атрибутами вещей». Но Тэнъ, какъ всѣ философы, считаетъ, что художникъ можетъ и долженъ исполнять роль указателя согласно своей собственной фантазіи, своимъ человѣческимъ склонностямъ, своему личному темпераменту. Онъ допускаетъ, что поступая такъ, художникъ возвышается надъ своимъ объектомъ и по сильному и точному выраженію Шербюлье «расчищаетъ природу». Рѣскинъ ни на одинъ моментъ не допускаетъ превосходства искусства надъ при-

родой. Художникъ не можетъ произвольно выбирать среди природы ту или иную линію: она ему указана условіями его зрѣнія. Онъ физически не можетъ видѣть всего въ кустарникѣ... «Истинный художникъ не только смѣло показываетъ то, что онъ видитъ, но и честно сознается въ томъ, чего не видитъ. Вы не можете нарисовать всѣ волоски брови не потому что красивѣе слить ихъ въ одно, а потому что невозможно ихъ видѣть порознь. Сколько въ нихъ волосъ—можетъ сосчитать только анатомъ, но въ какомъ видѣ они вамъ представляются—это можетъ сказать и можетъ знать только великій художникъ Карпаччіо, Тинторето, Рейнольдсъ или Веласкецъ». Развѣ хиромантикъ разсматриваетъ всѣ линіи руки, которую вы ему протягиваете? Нѣтъ, среди нихъ есть нѣсколько линій, роковыхъ линій, которыя однѣ опредѣляютъ всю судьбу.

«Схвативъ эти главныя линіи,—такъ какъ всѣхъ мы не можемъ охватить,—мы придаемъ сходство и выразительность портрету, изящество и нѣкотораго рода жизненную правду изображенію всякой вещи въ природѣ. Я говорю жизненная правда, такъ какъ эти главныя линіи передаютъ прошедшую исторію и современное состояніе каждой вещи. Въ горѣ онѣ указываютъ прежде всего какъ она создалась и образовалась, а потомъ, какъ она вывѣтривается, съ какой стороны обрушиваются на нее самыя сильныя бури. Въ деревѣ эти линіи показываютъ, какую судьбу пришлось ему пережить съ дѣтства, какъ на его дорогѣ выросли враждебныя деревья, отталкивали его въ сторону, пытались задушить его и уморить съ голоду; гдѣ и когда дружескія деревья покровительствовали ему, росли въ согласіи съ нимъ, склоняясь, когда оно склонялось; какіе вѣтры больше всего его мучили, которые изъ его отпрысковъ лучше всего идутъ и даютъ больше плодовъ. Въ волнѣ или въ облакѣ эти главныя линіи показываютъ направленіе теченія или вѣтра и тѣ измѣненія формъ, какія вода или паръ претерпѣваютъ каждую минуту, встрѣчая противоположную волну или берегъ или пронизывающій ихъ солнечный лучъ. Ничто, замѣтите себѣ, не отличаетъ такъ людей высшаго типа, какъ ихъ умѣнье и въ жизни, и въ искусствѣ опредѣлить направленіе, какому слѣдуютъ вещи... Попробуйте всякій разъ, какъ вы смотрите на какую-нибудь вещь, замѣчать тѣ линіи, какія оказали вліяніе на ея прошлую судьбу и окажутъ вліяніе на ея будущее. Это роковыя линіи. Постарайтесь схватить ихъ, если даже при этомъ вамъ не удастся сохранить остальные».

§ 3.

Наконецъ, природа учитъ насъ поклоняться краскамъ.

Мы говоримъ о краскахъ, а не о свѣто-тѣняхъ, что далеко не одно и то же.

«Вотъ арабская ваза, въ которой взоръ нашъ ласкаютъ однѣ только линіи; мы не найдемъ въ ней ни свѣта, ни красокъ. Вотъ лунный свѣтъ, изображенный Тернеромъ, въ немъ нѣтъ ни линій, ни цвѣтовъ. Зрительное удовольствіе доставляетъ намъ игра свѣта и тѣней, эф-

фекты освѣщенія. Наконецъ, вотъ старинная флорентійская картина: ни линіи, ни свѣтовые эффекты не играютъ въ ней роли; но глазъ радуется яркостью и разнообразіемъ красокъ.

«Принимаясь рисовать что-нибудь, вы увидите, что вамъ придется задать себѣ слѣдующіе вопросы: постараюсь ли я схватить цвѣта этого? или освѣщеніе? или линіи? Вы не можете въ равной мѣрѣ овладѣть и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ.

«И хотя можно въ значительной степени согласовать съ тѣмъ свойствомъ, которое вы примете за основное, два остальныхъ, все же ваше рѣшеніе поставитъ васъ въ ряды одной изъ трехъ крупныхъ школъ, раздѣлившихъ между собой область искусства. Такъ, въ другого рода вопросахъ одинъ человѣкъ говоритъ: «Прежде всего я постараюсь разбогатѣть, а потомъ, если возможно, остаться честнымъ». А другой говоритъ: «Прежде всего я буду честенъ, а потомъ, если возможно, постараюсь разбогатѣть». Хотя человѣкъ разбогатѣвшій можетъ быть въ добавокъ и честнымъ, хотя человѣкъ честный можетъ стать богатымъ,—но все-таки развѣ они не принадлежатъ къ двумъ кореннымъ образамъ различнымъ школамъ?

«И такъ, вы находите въ искусствѣ три совершенно различныя хотя и граничащія другъ съ другомъ области: область контуристовъ, клэробскюрсистовъ и колористовъ», или, чтобы дать имъ имена: школы Рафаэля, Рембрандта и Фра Анжелико: законы Рима, законы Амстердама и законы Фьезоле.

Природа учитъ насъ законамъ Фьезоле. Великіе художники были во всѣхъ школахъ, какъ во время церковныхъ распрей, святые были во всѣхъ толкахъ. Но контуристы должны разсматривать вещи вдали отъ солнечнаго свѣта, такъ какъ солнце заставляетъ дрожать, сливаться и распыляться линіи. Клэробскюрсисты смотрятъ на вещи въ полутьмѣ мастерской, стѣны которой они окрашиваютъ иногда въ черный цвѣтъ, чтобы собрать всю силу свѣта въ одномъ фокусѣ, чтобы заставить вспыхнуть заревои тѣло, засверкать оружіе или загорѣться, какъ свѣчи, наконечники копій. Тотъ, кто смотритъ на вещи въ ясномъ свѣтѣ дня, просто, наивно, весело, какъ сама природа показываетъ намъ ихъ, тотъ увидитъ въ нихъ не черныя съ бѣлыми шахматныя доски, но совокупность разноцвѣтныхъ точекъ. *Надо смотреть на природу, какъ на мозаику различныхъ цвѣтовъ и воспроизводить ихъ одинъ за другимъ въ простотѣ сердца*, не обращая никакого вниманія на такъ называемые законы свѣто-тѣни. Надо подражать Анджелико и Перуджино, у которыхъ нѣтъ тѣней, нѣтъ печали, нѣтъ зла, а не Караваджіо и Эспаньолето—этимъ чернымъ рабамъ живописи. Тѣни самой по себѣ нѣтъ, такъ же какъ нѣтъ свѣта самого по себѣ; есть только цвѣта болѣе темныя, болѣе густыя, болѣе глубокіе. И такъ, прочь все сѣрое, черное, коричневое, всю пачкотню французскихъ пейзажистовъ середины вѣка, которые «смотрятъ на природу точно въ черное зеркало!» Каждый оттѣнокъ можно сдѣлать болѣе темнымъ не при-

мѣсью болѣе темной краски, а усиленіемъ его собственнаго оттѣнка. Не говорите также объ ослабленіи какого-нибудь цвѣта подѣ предложіемъ «воздушной перспективы»! Для изображенія разстоянія нѣтъ особыхъ цвѣтовъ. Совершенно несправедливо мнѣніе, будто отдаленный предметъ долженъ быть менѣе окрашенъ, чѣмъ находящійся вблизи.

«Яркій оранжевый цвѣтъ апельсина, дѣйствительно, доказываетъ, что мы видимъ апельсинъ вблизи, такъ какъ если вы посмотрите издали, апельсинъ уже не будетъ казаться вамъ такимъ яркимъ; но въ то же время яркій оранжевый цвѣтъ на небѣ служитъ признакомъ далекаго разстоянія, такъ какъ вы не можете видѣть вблизи оранжевое облако. Зеленый цвѣтъ швейцарскаго озера блѣденъ въ прозрачныхъ прибрежныхъ волнахъ, а въ шести миляхъ отъ берега онъ теменъ и густъ, какъ изумрудъ. Нелѣпо ожидать помощи отъ воздушной перспективы. Надо наблюдать впечатлѣнія природы и возможно правильнѣе возможно полнѣе воспроизводить ихъ, никогда не измѣняя цвѣтъ оттого, что онъ представляется намъ не на томъ мѣстѣ, на какомъ слѣдуетъ... Почему предполагать, что природа желаетъ, чтобы вы всегда точно знали разстояніе отъ одной вещи до другой? Она несомнѣнно хочетъ, чтобы вамъ доставляла удовольствіе ея окраска, но вовсе не считаетъ необходимымъ, чтобы вы всегда измѣряли пространства. Чтобы это было, если бы всякій разъ, когда вы рисуете закатъ солнца, вамъ приходилось бы выражать въ *воздушной перспективѣ* 95.000.000 миль разстоянія его отъ насъ».

Не думайте, однако, что Рѣскинъ—этотъ фанатическій поклонникъ краски, не наслаждается ея тонкостью и гармоничностью. Зная склонность своихъ соотечественниковъ къ кричащимъ цвѣтамъ, онъ рѣшительно предостерегаетъ ихъ противъ нее. «Если бы краски были въ двадцать разъ дороже,—говоритъ онъ,—у насъ было бы гораздо больше хорошихъ живописцевъ. Если бы я былъ лордъ-капцлеръ казначейства, я обложилъ бы пошлиной въ двадцать шиллинговъ каждый кусокъ краски и эта пошлина содѣйствовала бы больше процвѣтанію искусства чѣмъ открытіе нѣсколькихъ новыхъ школъ живописи». Взгляните на природу! «Она экономна съ красками. Потому какъ она съ ними обращается, можно подуматъ, что они ей очень дорого стоятъ: далеко нѣтъ. Она слегка окраситъ лепестки, только тамъ гдѣ они раскрываются навстрѣчу солнцу, но въ глубинѣ чашечки все темно и краски смягчены даже у самаго яркаго цвѣтка. Иногда природа поражаетъ своей нестерпимой скарелностью; такъ, на примѣръ, она до мелочности скупно отпускаетъ лазурь на колокольчикъ горечавки»; какъ она, мы должны относиться къ краскамъ съ любовной бережливостью.

«Живописецъ, щедро расточающій лазурь и пурпуръ и вполонину не любитъ такъ прекрасныя краски, какъ хорошій колористъ. Но онъ позволяетъ себѣ издѣшества и вслѣдствіе этого, по закону природы, такому же неизмѣнному, какъ законъ тяготѣнія, эти краски не доставляютъ ему такого удовольствія, какое доставляли бы, если бы онъ

употреблялъ ихъ въ меньшемъ количествѣ. Глазъ его удовлетворень и пресыщенъ; голубая и красная краски для него безжизненны. Напрасно старается онъ сдѣлать ихъ еще болѣе голубой, еще болѣе красной: все голубое сдѣлалось для него сѣрымъ, и становится все болѣе и болѣе сѣрымъ по мѣрѣ того, какъ онъ прибавляетъ лазури; весь пурпуръ сталъ коричневымъ и дѣлается все болѣе осеннимъ и блеклымъ, сколько онъ ни углубляетъ его. Но великій художникъ всегда строгъ и сдержанъ въ работѣ. Онъ всѣмъ сердцемъ любитъ яркіе живые цвѣта, но онъ долго не позволяетъ себѣ ничего подобнаго,—одни скромные, незамѣтные цвѣта: коричневый, сѣрый и другіе, лишенные выдающейся красоты, подъ его умѣлой рукой они всѣ пріобрѣтаютъ прелесть и только когда онъ извлекъ изъ нихъ всю силу и жизнь, какая въ нихъ есть, когда онъ въ полной мѣрѣ насладился ими,—только тогда осторожно какъ увѣнчаніе зданія, какъ послѣдній музыкальный аккордъ, онъ позволяетъ себѣ немного пурпура и лазури... и все полотно вдругъ загорается огнемъ!»

Природѣ надо подражать не только въ краскахъ, но и въ самой манерѣ творчества. «Въ картинѣ въ зависимости отъ способа работы получаются разные виды гармоніи. Есть даже особая гармонія кисти. Если вы пишете одну часть картины быстро и смѣло, а другую медленно и тщательно, обѣ части могутъ быть хороши въ отдѣльности, но онѣ не будутъ согласоваться другъ съ другомъ. Точно такъ же, если одну часть вы пишете въ жаркій лѣтній день, а другую въ сѣромъ свѣтѣ холоднаго дня, то, хотя обѣ будутъ изображать солнечный свѣтъ и каждая въ отдѣльности вполне правильно, съ правильнымъ отношеніемъ тѣней—ни одна часть не будетъ напоминать дневной свѣтъ и онѣ будутъ взаимно уничтожать другъ друга». Эта ясность, эта отчетливость впечатлѣнія должна управлять всѣми подробностями работы. Никакихъ подправокъ, никакой пачкотни, никакихъ расплывчатыхъ линий, никакого размазыванья ножомъ по палитрѣ. Надо держать краски сухими и палитру чистой, чтобы виденъ былъ чистый оттѣнокъ и чтобы не почувствовать склонность къ смѣшенію цвѣтовъ. Правда Тернеръ поступалъ какъ разъ наоборотъ и его палитра, хранящаяся въ *Национальной галлерей*, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ; но въ этомъ отношеніи Рѣскинъ съ нимъ не согласенъ. Съ этой точки зрѣнія онъ отвергаетъ всѣ лаки, смолы и даже воду. Такъ въ акварели онъ порицаетъ сильное разжиженіе краски и смачиваніе изнанки. О губкѣ онъ говоритъ, какъ о чудовищѣ; мокрое пятно—его кошмаръ. Онъ отрицаетъ шероховатую бумагу, такъ какъ она впитываетъ воду. Это акварелистъ-гидрофобъ. А что же дѣлать, чтобы получить болѣе блѣдный цвѣтъ?—спросите вы. Прибавьте бѣлой краски, учитъ онъ. И такъ страхъ размазыванія приводитъ его къ гуашу. Онъ не изъ тѣхъ, кто любитъ говорить съ восхищеніемъ: это сдѣлано изъ ничего! Онъ любитъ, чтобы все было изъ чего-нибудь сдѣлано. Что касается прозрачности, то онъ о ней нисколько не заботится. «Я увѣренъ, что

самыя великія произведенія искусства должны быть сдѣланы матовыми красками. Обычай употреблять лакъ и блестящія краски въ погонѣ за блескомъ ведетъ къ тому, что мы забываемъ благородную прозрачность оттѣнковъ, получающуюся при положеніи рядомъ различныхъ красокъ. Голландская школа могла бы избѣжать послѣдовавшаго за расцвѣтомъ упадка, выразившагося въ употребленіи смолы, желтаго лака и коричневаго дерева, если бы художники принуждены были писать матовыми красками. Если у художника является желаніе тронуть какую-нибудь часть своей картины гуммилакомъ—значитъ онъ на ложной дорогѣ... Да, конечно, влажные глаза молодой дѣвушки прекрасны, но какъ бы юная красавица ни гордилась блескомъ своихъ глазъ (хотя, быть можетъ, глаза безъ блеска еще прекраснѣе), она была бы въ отчаяніи еслибы щеки ея также блестяли; и кто изъ васъ пожелалъ бы отполировать розу?» Что же? Значитъ, надо писать фрески? Да, а еще лучше мозаику.

«Если вы рисуете стволъ березы, вы увидите на немъ, вѣроятно, ярко-бѣлые солнечные блики, далѣе вокругъ нихъ, съ освѣщенной стороны—блѣдные розовато-сѣрые тоны, еще далѣе, съ тѣневой стороны болѣе глубокіе сѣрые, вѣроятно, зеленоватые, съ отблесками разныхъ отраженныхъ цвѣтовъ и поверхъ всего густыя черныя ленты коры и коричневыя пятна мха. Наложите прежде всего розовато-сѣрую краску, оставивъ бѣлыя пятна для солнечныхъ бликовъ и для пятенъ мха, и не касаясь тѣневой стороны. Потомъ закрашивайте сѣрый съ тѣневой стороны вплоть до сѣро-розоваго освѣщенной стороны, оставляя также бѣлыя пятна для чернаго и коричневаго мха; наконецъ, составьте краски для мховъ, непременно отдѣльно для каждаго пятна и наложите ихъ на оставленные мѣста».

Примѣняя эту теорію пятенъ къ маслянымъ краскамъ, художникъ вставляетъ въ небо листья деревьевъ и въ промежутки между готовыми листьями вписываетъ кусочки неба, но никогда не пишетъ первое поверхъ второго и второе сверху перваго. Въ этомъ заключается полное осужденіе Коро и почти всѣхъ великихъ французскихъ пейзажистовъ.

Наконецъ, Рёскинъ и на палитрѣ, такъ же какъ на полотнѣ, не допускаетъ смѣшенія красокъ. Пусть смѣшиваютъ, если это необходимо двѣ краски—но не болѣе! «Вы положили красную краску и хотите получить сверхъ того пурпурную: не составляйте пурпура на палитрѣ, но возьмите немного голубой краски и проведите ею слегка по красной, такъ, чтобы сквозь нея была видна красная, такимъ образомъ вы получите пурпуръ». Еще лучше—положите яркія краски маленькими точками на другія или въ промежутки между другими и «примѣняйте принципъ простыхъ, несмѣшанныхъ красокъ до самыхъ крайнихъ его выводовъ; употреблять малѣйшія частицы красокъ лучше, чѣмъ закрашивать сплошь большія пространства. И, наконецъ, если у васъ есть время, вмѣсто того, чтобы смѣшивать цвѣта, срисовывайте цвѣты, окрашен-

ные разноцвѣтными пятнами: наперстянку, напимѣрь, или черевичники. *И создавайте смѣшанные оттѣнки, чередуя мазки различныхъ чистыхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ состоятъ смѣшанные оттѣнки».*

Не предсказалъ ли Рѣскинъ этими словами, въ 1856 году, современный пуантилизмъ? Да, несомнѣнно; и вполне понятно, что нѣкоторые выдающиеся умы нападаютъ на Рѣскина, но непонятно, почему они при этомъ называютъ его «старомоднымъ». Если этимъ они хотятъ сказать, что онъ отстаиваетъ нѣкоторые вѣчные принципы, которые были истинны до насъ и останутся такими же послѣ насъ, то въ этомъ отношеніи они правы. Но если на него клеветаютъ, говоря, что онъ не признавалъ, не понималъ и не предвидѣлъ новыхъ школъ живописи, то этимъ доказываютъ только, что разсуждаютъ о немъ, не прочитавъ его предварительно. Человѣкъ, писавшій въ 1843 году, что надо подражать природѣ, ничѣмъ не пренебрегая и ничего не выбирая и предвѣщавшій такимъ образомъ то, чѣмъ долженъ былъ стать реализмъ; кто въ 1846 году заявлялъ, что крайніе оттѣнки и чистые цвѣта могутъ существовать только въ видѣ точекъ, а въ 1853 г., что пейзажъ необходимо рисовать до послѣдняго штриха подъ открытымъ небомъ и предсказывавшій такимъ образомъ импрессионизмъ, — этотъ человѣкъ всегда будетъ считаться не только однимъ изъ предвѣстниковъ, но единственнымъ предвѣстникомъ новыхъ школъ среди всѣхъ критиковъ искусства, всегда болѣе склонныхъ привѣтствовать побѣдителей, чѣмъ до битвы примыкать къ одной изъ сторонъ и выдерживать колебанія первыхъ стычекъ.

Но только... въ этомъ осторожномъ рисункѣ, въ этихъ добросовѣстныхъ и ясныхъ линіяхъ, въ этихъ опредѣленныхъ матовыхъ краскахъ, старательно накладываемыхъ точками одна за другой, въ этой честной, робкой и сухой кисти, — гдѣ же во всемъ этомъ мѣсто для широкаго размаха, для сочныхъ красокъ, для виртуозности мастера, для свободы кисти? Имъ нѣтъ мѣста и не должно быть. Свобода — вредна, виртуозность — смѣшна. Виртуозъ — это фарисей, любующійся самимъ собой, а не красотой. Войдя въ храмъ, онъ не падаетъ на колѣни передъ высшей красотой и не говоритъ, ударяя себя въ грудь: Я — безобразенъ! Нѣтъ. Онъ подымаетъ голову, онъ полнъ самодовольства; если онъ сумѣлъ сохранить хоть слабую тѣнь святости своего образца, то его и это вполне удовлетворяетъ. Это фокусникъ, играющій охрой, лазурью, киноварью вмѣсто того, чтобы приносить ихъ въ давъ предвѣчной природѣ и безбрежному небу. Онъ говоритъ: посмотрите на мою ловкость, на мою гибкость, на мою кисть! Онъ не скажетъ: посмотрите на нее, какъ она прекрасна, какъ она превосходитъ наше жалкое человеческое искусство! Онъ говоритъ: посмотрите, какъ однимъ прикосновеніемъ кисти я заставляю этотъ кристаллъ вспыхнуть лучомъ свѣта! Онъ не скажетъ: посмотрите, какъ сто ударовъ кисти художника не въ силахъ изобразить безконечную тонкость этого изгиба, спокойное сіяніе этого свѣта, свѣта снѣга, серебра, лазури и ночи! Виртуозъ

отдается своимъ трелямъ и фіоритурамъ. Для чего? Чтобы прославить глубокіе голоса природы? Нѣтъ, чтобы прославить свое собственное маленькое горлышко. Онъ занимается искусствомъ для искусства. Истинный художникъ беретъ свои орудія не для того, чтобы блистать самому, но чтобы заставить восхищаться блескомъ природы; въ немъ говорить не смѣлость побѣдителя, а скромность влюбленнаго; онъ не хочетъ, чтобы говорили: Какъ она ловокъ!—но чтобы говорили: Какъ она прекрасна! Его искусство—это не искусство для искусства. Это искусство для природы и для красоты...

А въ такомъ случаѣ, что за дѣло до совершенства исполненія, до ловкости, до успѣшности даже? Лишь бы были видны усилія! Бесплодныя усилія... Пусть такъ, но зато героическія! Мучительныя усилія... Пусть такъ, но зато страстныя! Влюбленные всегда неловки! Ошибки, паденія, новыя попытки и отчаяніе передъ лицомъ этой высшей красоты... Это не важно, только бы мы чувствовали насколько эта красота прѣвышаетъ всѣ наши попытки. «Слава великой картины въ ея смиреніи и ея прелесть въ томъ, что она выражаетъ радость, съ какою великое сердце сознаетъ, что есть нѣчто лучшее, чѣмъ его искусство». Если вы не чувствуете этого, попытка можетъ считаться посредственною «и вы еще не вполне насладились произведеніемъ великаго мастера, если не начали его презирать»!

«Требовать совершенства, значитъ не понимать истиннаго назначенія искусства, во первыхъ потому, что великій человекъ только тогда кончаетъ работать, когда дошелъ уже до того пункта, послѣ котораго начинается упадокъ, во вторыхъ потому, что несовершенство составляетъ до извѣстной степени неотъемлемое свойство всего живого. Это признакъ жизни въ смертномъ существѣ, т. е. признакъ прогресса и измѣненія. Ничто живое не можетъ быть вполне совершеннымъ,—одна часть его разрушается, другая нарождается. Цвѣтокъ наперстянки одна треть котораго еще въ бутонѣ, другая вянетъ и только третья въ полномъ расцвѣтѣ,—вотъ символъ жизни въ этомъ мірѣ. И во всѣхъ живыхъ существахъ есть всегда нѣкоторыя неправильности, нѣкоторыя несовершенства, которыя служатъ не только признаками жизни, но источниками красоты. Никогда черты человѣческаго лица не бываютъ вполне одинаковы съ двухъ сторонъ; никогда лопасти листа не бываютъ вполне правильны, никогда вѣтка не бываетъ вполне симметрична. Всѣ имѣютъ неправильности и претерпѣваютъ измѣненія, и изгонять несовершенство значитъ уничтожать выразительность, останавливать усиліе, парализовать жизнь. Можно сказать, что всѣ вещи кажутся намъ болѣе прелестными, болѣе привлекательными болѣе желанными именно вслѣдствіе своихъ недостатковъ, которыми Провидѣніе надѣлило ихъ для того, чтобы закономъ человѣческой жизни было усиліе, а закономъ человѣческаго суда—прощеніе»...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ.

(Очерки и наблюденія).

(Окончаніе *).

Наступила весна. Снѣгъ съ крышъ, смотрѣвшихъ въ окна школы, быстро таялъ и сбѣгалъ внизъ ледяными сосульками. Подтаявъ на солнцѣ, сосульки отрывались, съ шумомъ и дребезжаніемъ задѣвая по пути окна и трубы, летѣли онѣ внизъ, разбиваясь на тысячу кусковъ.

Когда крыша просохла, въ классѣ выставили два окошка въ томъ углу, гдѣ не стояли скамейки, и послѣ этого весна въ школѣ стала еще ощутительнѣе. Со двора доносилось чириканье воробьевъ, ворковажье голубей и звонкіе голоса дѣтей. Заглушенный грохотъ колесъ на улицѣ сливался съ этими звуками.

Клочекъ неба надъ крышей все чаще и чаще смотрѣлъ совсѣмъ голубымъ, и въ большую перемину, когда въ классѣ раскрывали окна, вся квартира наполнялась запахомъ прѣлой земли и свѣжаго теса, привезеннаго и сложеннаго во дворѣ для какой-то починки.

Маленькія съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе разсѣянными. Забывая о тетрадахъ и книгахъ, онѣ во время уроковъ вытягивали шею и перегибались всѣмъ тѣломъ, чтобы слѣдить за прозрачными легкими облаками или за голубями, бѣлыя крылья которыхъ отливали розовымъ на синемъ фонѣ весенняго неба. Золотой крестъ ближней перкви и тотъ наводилъ на невольное искушеніе испробовать силу собственнаго зрѣнія, и сосѣдки, предварительно сговорившись, тарасили глаза на горѣвшее въ солнцѣ золото до тѣхъ поръ, пока слезы не выступали на нихъ. Съ каждымъ днемъ улица все сильнѣе и сильнѣе притягивала дѣвочекъ, удовлетворяя ихъ любознательности и наклонности къ бродяжничеству.

Дѣвочки являлись теперь въ школу только къ молитвѣ и даже нерѣдко запаздывали. «Часы невѣрны. Мама на рынокъ поздно ушла»... сконфуженно бормотали онѣ въ свое оправданіе, но виноватый видъ, разбѣгавшіяся глаза и лица, дрожавшія сдержаннымъ весельемъ, наводили на подозрѣніе даже и доврчивую Вѣру Павловну.

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

«Міръ вожій», № 10, октябрь, отд. 1.

Полянская и Иванова, двѣ самыя маленькія изъ младшаго отдѣленія, явились въ школу уже послѣ перваго урока. Чувствуя себя виноватыми, онѣ не рѣшились идти въ классъ и стояли со своими книжками въ кухнѣ, пока за ними не явились дежурныя.

По обыкновенію оказались виноватыми часы, но тонкія вѣточки вербъ съ едва распустившимися листочками предательски торчали изъ сумокъ и ясно говорили о настоящей причинѣ запаздыванья.

Дѣвочки, еще наканунѣ сговорившись между собой, бѣгали за рѣку въ паркъ. Уличенныя во лжи, онѣ такъ горько плакали и были такъ уморительны со своими испуганными виноватыми рожицами, что распекавшая ихъ Вѣра Павловна выдерживала съ трудомъ серьезный тонъ. На улицѣ было дѣйствительно хорошо и такъ тепло, что никакія прогулки не встрѣчали препятствія со стороны обуви и одежды. Въ большую переѣзную Вѣру Павловну осаждали просьбами отпустить въ булочную за покупкой забытаго завтрака, а послѣ классовъ школа пустѣла такъ поразительно быстро, что даже смутное чувство какого то разочарованія и обиды охватило Вѣру Павловну, когда она послѣ шума и оживленія вдругъ какъ то очутилась почти внезапно одна среди пустого класса, пронизаннаго пыльными лучами.

Когда сдѣлалось совсѣмъ тепло, Вѣра Павловна въ переѣзны отправляла дѣтей во дворъ, гдѣ было маленькое пространство, огороженное рѣшеткой. Когда-то здѣсь былъ разбитъ палисадникъ, но теперь тутъ на зиму складывали дрова и они такъ плотно придавили землю, что та была не въ силахъ выпустить траву и только одно уцѣлѣвшее, но сильно искривленное деревцо съ какимъ то сверхъестественнымъ усиленіемъ раскрывало свои чахлыя почки.

Сюда то и приходили дѣвочки играть въ мячикъ, въ кошки-мышки и рѣзвились, насколько это было возможно при тѣснотѣ палисадника. Обыкновенно уходили во дворъ маленькія и среднія, старшія предпочитали оставаться въ классѣ и рекреационной и проходили свободное время въ безконечныхъ разговорахъ о предстоящихъ экзаменахъ и дальнѣйшемъ устройствѣ послѣ окончанія курса въ городской школѣ.

— Уроковъ я страхъ сколько пропустила, пожалуй, провалюсь на экзаменѣ,—не разъ говорила, пристроившись гдѣ-нибудь съ работой у открытаго окна, Маня Николаева.

— Ну что же, еще годъ въ школѣ просидишь, только и всего,—утѣшала ее котораянибудь изъ дѣвочекъ.

— Сидѣть то не приходится. Мнѣ въ этомъ году кончать обязательно нужно, того и гляди года выйдуть и дальше никуда не примутъ...—отвѣчала Николаева и лицо ея при этомъ разговорѣ принимало еще болѣе озабоченное выраженіе, чѣмъ обыкновенно.

Вопросъ о дальнѣйшемъ устройствѣ обыкновенно возбуждалъ вниманіе всѣхъ выпускныхъ. Стоило хоть кому-нибудь затронуть этотъ жгучій вопросъ, чтобы въ немъ приняли участіе всѣ старшія. Идти

послѣ окончанія курса въ мастерскія къ портникамъ, пальтошницамъ и бѣлошвейкамъ никому не хотѣлось, всѣ мечтали о профессиональной или, въ крайнемъ случаѣ, о патриотической школѣ.

Профессиональная куда лучше, и учать тамъ хорошо, и права она даетъ большія, но плата за ученіе въ ней слишкомъ высока, тамъ въ годъ берутъ за дѣвочку 50 рублей и на собственный счетъ туда изъ городскихъ школъ поступаютъ рѣдко.

Брусенцева одно время была увѣрена, что поступить въ профессиональную школу, но какъ разъ къ концу учебнаго года ихъ семья начала приходить въ растройство. Отецъ сталъ кашлять и сильно прихварывать. Когда заходилъ разговоръ о дальнѣйшемъ устройствѣ дочери, онъ въ отвѣтъ теперь только хмурился и старался отмалчиваться.

— Здоровъ буду, въ профессиональную пойдешь, а только прямо тебѣ говорю, надежды на это мало. У насъ въ типографіи только и держутся до перваго кашля, а какъ закашляютъ, этой работы долго не вытягиваютъ,—сказалъ онъ какъ то надняхъ дочери и съ той поры вмѣстѣ съ тревогой за отца въ ея сердце запалъ страхъ передъ будущимъ.

— Хорошо, если въ патриотическую удастся попасть,—думала дѣвочка,—ну, а если къ портникѣ?..

И при этой мысли въ ея воображеніи вставали невеселыя, тяжелыя картины. «Пока до работы настоящей допустить, чего только вытерпѣть не придется», нерѣдко съ тоской раздумывала она.

У Брусенцевой мать была въ ученѣ у портники. Привезли ее изъ деревни маленькую неграмотную и отдали по контракту въ мастерскую. Мать часто рассказывала дочери о томъ, что ей пришлось вытерпѣть за время ученья:

— Синяки на рукахъ не подживали, отъ всѣхъ попадаю—и отъ хозяйки, и отъ мастерицъ... До сыта никогда не кормили, спать почти что на голомъ полу приходилось.

Тетка Брусенцевой тоже у бѣлошвейки въ ученѣ была. Поступила грамотной, а за время ученья даже читать разучилась.

— До книжекъ ли, когда постоянно въ побѣгушкахъ,—рассказывала она. — Къ тому же еще у насъ хозяйка ученыхъ не особенно и любила, какъ увидить за книжкой, такъ такую трепку пропишетъ... Только расфяанность одна отъ этого чтенія на человѣка наладаетъ,—говорила она.

Всѣ эти рассказы вспоминались Брусенцевой, когда заходила рѣчь объ устройствѣ послѣ окончанія курса. И отъ одной мысли, что она можетъ очутиться среди постоянныхъ окриковъ, пинковъ и брани,—сердце тихой и кроткой дѣвочки сжималось отъ страха.

— Ты куда послѣ школы думаешь поступить?—спросила она какъ-то Мавю Николаеву.

*

— Не иначе какъ къ портнихѣ въ ученѣе идти придется, — уныло отвѣтила та. — Да и то наврядъ ли возьмутъ. Мама ужъ у многихъ хлопотала, да не соглашаются съ больной ногой брать: бѣгать вѣдь я совсѣмъ не могу...

— А меня въ патриотическую осеню опредѣлять будутъ. Мама говоритъ, что изъ послѣдняго платить будетъ, а къ портнихѣ ужъ ни за что не отдастъ, — виѣшалась въ разговоръ Крылова.

— Да что плата! Двѣнадцать рублей деньги большія, а ихъ все какъ нибудь сколотить можно. Дѣло не въ платѣ, а въ фартукахъ, — съ пониманіемъ дѣла вставила подоспѣвшая Ильина. — У насъ на квартирѣ сапожникъ осеню дочку свою въ эту самую патриотическую опредѣлилъ, а теперь назадъ уже изъ-за фартуковъ взялъ?..

— Какъ такъ изъ-за фартуковъ? — удивляются дѣвочки.

— Очень просто. Тамъ черезъ день чистый фартукъ требуютъ. Мать стирала, стирала и бросила. Я, говоритъ, минуты не улучу, чтобы рубашку себѣ простирнуть, а тутъ надъ фартуками цѣлыми днями прохлаждайся... Да, ежели черезъ день по фартуку... — озабоченно говоритъ Тимофѣева.

— Да и на счетъ платьевъ тамъ тоже куда какъ строго, говорятъ, — прибавляетъ кто-то.

Крылова молчитъ. Голову она опустила такъ низко, что лица почти не видно. Перебирая руками оборочку холщового фартука, она думаетъ о томъ, какъ трудно придется матери, когда она поступитъ въ патриотическую школу. Знаетъ она, что мать сдержитъ слово, будетъ тянуться изъ послѣднихъ силъ, но ей и безъ того приходится съ каждымъ годомъ все труднѣе. Прежде она никакой посторонней работы не брала, а теперь по стиркамъ ходить стала. У отца достатки прежніе, жалованья хватаетъ на одно пропитаніе и на ученѣе дѣтей прирабатываетъ уже мать. А здоровье за послѣднее время у нея совсѣмъ распаталось, стали пухнуть ноги, дышетъ она тяжело и лицо какое-то желтое...

— Ты куда опредѣляться думаешь? — спрашиваетъ между тѣмъ Ильина тонкую, высокую дѣвочку, съ кроткимъ лицомъ и задумчивымъ взглядомъ.

Лашкова отвѣчаетъ не сразу. Говоритъ она всегда очень мало и дѣвочки съ любопытствомъ ждутъ ея отвѣта.

— Никуда я не хочу, — вся вспыхнувъ отвѣчаетъ она. — Миѣ бы воля, я бы въ монашки пошла. — Дѣвочки изумленно переглядываются. Волкова фыркаетъ.

— Вотъ придумала-то! — насмѣшливо вырывается у нея. — Тоже монашка выискалась.

За Лашкову сейчасъ же вступается Ильина. — Не всѣмъ же за прилавкомъ стоять, — язвительно замѣчаетъ она.

Мирное настроеніе нарушено и дѣвочки парами или по одиночку разсыпаются по комнатамъ.

— Самое лучшее это въ гимназію поступить. Кончишь курсъ— дѣлай, что хочешь, всѣ дороги тебѣ открыты,—продолжаетъ Бронзова начатый разговоръ и, взявъ Брусенцеву подъ руку, направляется съ нею въ кухню.

У окна остаются Маня Николаева, Лашкова и Крылова.

Николаева продолжаетъ усердно шить, низко наклонивъ надъ шитьемъ голову.

Крылова смотритъ на сконфуженную Лашкову и, подойдя къ ней, ласково притрагивается къ ея рукѣ.

— Ты съ чего это въ монашки захотѣла?—спрашиваетъ она.

— Тихо и красиво тамъ очень, — отвѣчаетъ та, а по глѣбниці уже слышится все приближающійся топотъ ногъ, смѣхъ и веселые возгласы.

То возвращаются со двора къ уроку младшія. Разговоры затихаютъ, старшія усаживаются на мѣста. Въ виду предстоящихъ экзаменовъ онѣ занимаются особенно усердно.

Кончается урокъ и въ переѣмъ опять тѣ же игры и бѣготня во дворѣ у маленькихъ, тѣ же тревожные разговоры о дальнѣйшемъ устройствѣ среди выпускныхъ.

Родители дѣвочекъ тоже, видимо, озабочены предстоящимъ окончаніемъ курса.

Къ Вѣрѣ Павловнѣ теперь чаще чѣмъ когда-либо заходили матери справляться объ ученіи и поведеніи своихъ дочерей.

— Вы бы построже, строгости съ ними больше необходимо,—съ деликатной осторожностью даютъ ей свои совѣты родители, а нѣкоторые выражаютъ свое неудовольствіе по поводу отсутствія въ школѣ всякихъ наказаній въ болѣе энергичной формѣ.

Вѣра Павловна терпѣливо и осторожно отстаиваетъ свою систему воспитанія. Она больше всего боится какъ бы не спугнуть возникающее къ ней довѣріе со стороны родителей какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ или лишнимъ словомъ.

Чахоточная Лебедева, у дочери которой не проходятъ синяки отъ ея постоянныхъ колотушекъ, не кажется ей болѣе такой отвратительной съ той поры, какъ она ближе познакомилась съ этой несчастной женщиной. И синяки какъ будто стали рѣже послѣ того, какъ Вѣра Павловна мягко и осторожно поговорила съ ней.

Одну изъ выпускныхъ мать взяла изъ школы до экзамена, несмотря на всѣ убѣжденія Вѣры Павловны.

— Къ пальтошницѣ мѣсто вышло, упустить боюсь,—упрямо повторяла она въ отвѣтъ на всѣ уговоры Вѣры Павловны оставить дочь продолжать ученье.

— Да вѣдь до экзаменовъ меньше мѣсяца осталось,—убѣждала Вѣра Павловна.—Послѣ экзамена вашей дочери аттестатъ бы выдали.

— И куда же, посудите вы сами, милая барышня, намъ бѣднымъ

людямъ этотъ аттестатъ?—тономъ не то укоризны, не то добродушной насмѣшки надъ наивностью самой учительницы, отвѣтила женщина.— Дальше учить дѣвочку у насъ средствъ нѣтъ, а въ мастерство не по аттестату, а по росту и здоровью берутъ. Какъ-то вотъ надняхъ я къ хозяйкѣ заходила. Такъ и такъ говорю, дѣвочка моя учена довольно хорошо, въ старшемъ отдѣленіи сидитъ. А та мнѣ въ отвѣтъ: «Ну это, матушка, намъ все единственно, у насъ ученые и неученые все съ той же наметки начинаютъ. А неученые такъ даже лучше ученыхъ утюги грѣютъ»... Такъ вотъ оно что, милая барышня. Теперь-то она у васъ можетъ быть и экзаменъ выдержать, а осенью ее къ той же пальтошницѣ опредѣлять придется. Иначе, куда же дѣнешь?

Вѣрѣ Павловнѣ было жаль смышленную и способную дѣвочку, но настаивать дальше она не рѣшилась, такъ какъ въ словахъ матери было много правды и ничего опредѣленнаго она ей не могла обѣщать.

Весною взяли изъ школы и Люшу Александрову.

Отецъ ея получилъ повышение по службѣ и мать явилась къ учительницѣ съ просьбой вернуть бумаги дѣвочки.

Ученьемъ она была недовольна.

— Моя Люша у васъ настоящей деревенщиной сдѣлалась, даже книжкины дѣлать разучилась. Теперь я ее въ пансіонъ опредѣляю,— заявила она.

Передъ самой Пасхой выписали изъ больницы Настю Савину.

За болѣзнь она сильно вытянулась и ея остриженная подъ гребенку голова съ изнуреннымъ болѣзнью лицомъ жалко раскачивалась на тоненькой шеѣ. Слаба она была до такой степени, что съ трудомъ вбиралась по лѣстницѣ.

О больницѣ она рассказывала много и съ видимымъ удовольствіемъ.

— И каждый день тамъ чай въ накладку и супъ съ котлетами, и у каждаго даже самаго маленькаго и то своя отдѣльная постель. Даже по двое никогда не кладутъ,—съ восторгомъ говорила она и Татьянѣ, и дѣвочкамъ, и самой Вѣрѣ Павловнѣ.

— Жаль, что ты рано изъ больницы выписалась. Слаба ты еще очень,—сказала дѣвочкѣ Вѣра Павловна.

— Я бы и осталась, да не оставляютъ,—съ грустью проговорила дѣвочка.—Тамъ по многу никого не держатъ, какъ получше становится, такъ сейчасъ и вонъ.

— Ну а животъ у тебя больше не болитъ?—продолжала спрашивать дѣвочку Вѣра Павловна.

— Какъ не болитъ? Болитъ,—видимо, изумляясь вопросу отвѣтила та.

О Настюшкѣ съ ея животомъ Вѣра Павловна рѣшила поговорить съ докторшей.

— Какъ, опять съ животомъ!—воскликнула Дарья Ивановна.

Настюшку она уже знала въ лицо и каждый разъ морщилась при ея приближеніи.

— Въ больницѣ не вылѣчили, такъ я что же могу подѣлать? Въ болѣзни этой Савиной самое главное режимъ, правильное питаніе...

И она для очистки совѣсти совала дѣвочкѣ какіе-то порошки.

— Въ этомъ году рѣшено нѣсколько дачныхъ колоній для дѣтей открыть,—сообщила она въ видѣ утѣшенія Вѣрѣ Павловнѣ.

— Такъ ужъ вы пожалуйста Савину туда опредѣлите,—обрадовалась Вѣра Павловна.—Да вотъ и Николаеву хорошо бы пристроить... Бойцову, Пареенову, Зеленкову... скользя глазами по классу и, невольно останавливаясь на блѣдныхъ истощенныхъ лицахъ,—перебирала она.

— Довольно, довольно...—смѣясь остановила ее докторша.—Всю школу не мѣшало бы отправить на чистый воздухъ, а дѣло въ томъ, что болѣе двухъ или трехъ дѣвочекъ изъ одной школы взять нельзя. Вы на-дняхъ объ этомъ предписаніе получите.

И дѣйствительно черезъ нѣсколько дней Вѣра Павловна получила извѣщеніе объ открытіи школьныхъ дачъ.

Въ виду малыхъ денежныхъ средствъ предлагалось отправить самыхъ бѣднѣйшихъ и въ концѣ всего прилагался списокъ вещей, съ которыми должны были явиться къ отправкѣ кандидатки.

Послѣ долгихъ колебаній Вѣра Павловна остановилась, наконецъ, на трехъ дѣвочкахъ. Болѣзненныхъ и бѣдныхъ было такъ много, что выборъ представился крайне затруднительнымъ.

Настя Савина была поставлена первой кандидаткой. Второй Вѣра Павловна поставила Бойцову, зеленую отъ сильнѣйшаго малокровія дѣвочку съ вѣчной течью изъ золотушныхъ ушей. Третьей по списку значилась Мухина, со старообразнымъ лицомъ и дряблой старушечьей кожей.

— Вы должны взять съ собою въ мѣшокъ или ящикъ слѣдующія вещи,—говорила Вѣра Павловна кандидаткамъ на школьныя дачи, задержавъ ихъ какъ-то послѣ окончанія уроковъ.

И, заглядывая въ списокъ, она по очереди перечисляла всѣ выставленные тамъ предметы:

— Одѣяло, подушку, двѣ простыньки, двѣ наволочки, рубашекъ, сколько у кого есть... Платевъ не менѣе двухъ, двѣ пары чулокъ, сапогъ двѣ пары...

Три кандидатки стояли передъ нею молча и слушали очень внимательно.

Настюшка даже кивала головой и загибала пальцы, чтобы вѣрнѣе сосчитать называемыя вещи. Но пальцевъ нехватило и она бросила.

На другой же день дѣвочки, записанныя на школьную дачу, явились съ отказомъ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Почему же вы не хотите ѣхать?—удивилась она.

— Вещей ужъ больно много съ собою захватить нужно. Этакъ и дома ничего не останется,—заявила Бойцева.—Подушку тамъ требуютъ, одѣяло тоже...

— Да вѣдь тебѣ и дома подушка нужна, а одѣяло тоже, навѣрное, есть,—убѣждала Вѣра Павловна.

— Подушка точно что есть, только на ней папа спитъ, онъ ни за что своей подушки не отдастъ. А одѣяломъ мы всѣ однимъ покрываемся...

— А у насъ одѣяла и совсѣмъ нѣту... Мы кой чѣмъ,—вставила Настюшка.

Третью кандидатку пугали сапоги.

— Мы гѣтомъ и совсѣмъ безъ сапогъ обѣгаемъ, а тамъ еще крѣпкіе, да по двѣ пары привозить велѣтъ—угрюмо заявила она.

Вѣра Павловна не знала, что предпринять. Настюшку она рѣшила собрать на дачу собственными средствами, но для остальныхъ она положительно не знала, что придумать.

Черезъ нѣсколько дней Мухина ей сообщила, что она въ школу до осени ходить не будетъ и на дачу ни въ какомъ случаѣ не поѣдетъ, потому что мать отдала ее на гѣто въ няньки.

— Рубль въ мѣсяцъ обѣщались давать и сапоги купить хотятъ,—съ серьезнымъ выраженіемъ на своемъ старушечьемъ личикѣ рассказывало она Вѣрѣ Павловнѣ.

— Да кого же ты нянчить будешь?—удивилась та.

— Извѣстно ребенка,—даже обидѣлась дѣвочка.

— Не ходитъ онъ еще, въ колясочкѣ только сидитъ, такъ его по бульвару катать нужно.

Бортгаузенъ тоже перестала ходить въ школу.

— Теперь у нея въ Зоологическомъ саду занятія начались и аккуратно она не можетъ ходить въ школу,—смущенно объяснила учительницѣ мать дѣвочки.

Вѣра Павловна пришла въ ужасъ.

— Вы только подумайте, чему она тамъ научиться можетъ,—почти съ отчаяніемъ вырвалось у нея. И она пространно и горячо принялась рассказывать матери про тѣ ужасы, на которые можетъ натолкнуться ея дочка.

— И для здоровья это плохо, представленіе вѣдь ночью кончается. Ученье страдаетъ и чего только не насмотрится вапа дочь въ этомъ вертепѣ,—говорила она женщицѣ, покорно слушавшей ее съ опущенной головой.

— Все это я и сама очень хорошо понимаю,—съ грустью отвѣтила ей Бортгаузенъ, и на ея лицѣ въ эту минуту яснѣе чѣмъ когда-либо проступило выраженіе унылой покорности.—Для дѣвочки это порча одна, а иначе никакъ неlezя. За зиму мы и обносились, и задолжали кругомъ. Только лѣтними заработками и держимся.

— Какъ же такъ? Вѣдь вашъ мужъ у меня по спискамъ портнымъ значится, а вы, если я не ошибаюсь, модистка.

Улыбка горечи и какого-то презрѣнья скривила блѣдныя тонкія

губы женщины. Теперь, когда Вѣра Павловна присмотрѣлась къ блѣдному лицу Бортгаузенъ, оно поразило ее своей миловидной красотой. И на лицѣ и на фигурѣ женщины лежалъ отпечатокъ какой то мягкости, а сѣрые тревожные глаза были положительно красивы, только однѣ руки порожали своей огрубѣлостью, закрутивши рабочія руки какъ то мало подходили къ пушистымъ бѣлокурымъ волосамъ и тонкимъ чертамъ лица.

— Точно что онъ портнымъ значится,—отвѣчая на вопросъ Вѣры Павловны, проговорила она.—Бѣда только въ томъ, что онъ отъ настоящей работы давно отвыкъ.

И замѣтивъ, что Вѣра Павловна ждетъ объясненія, видимо не понимая ее, продолжала все тѣмъ же тихимъ голосомъ и съ той же горькой улыбкой на лицѣ:

— Какъ онъ ученѣе кончилъ, ему выгодная работа представилась,—на актеровъ костюмы шить предложили. Ну, онъ понятно согласился, а потомъ, когда этой работы лишился, къ настоящей ужъ не способенъ сталъ. Вотъ и пришлось по садамъ служить...

— Ну а зимой вы чѣмъ же живете?

— Да такъ, кой чѣмъ... уклончиво отозвалась женщина.—Вотъ на масляной онъ на балаганахъ лѣшаго представлялъ, а къ Пасхѣ куколъ арлекинами одѣвалъ.

— Ну а вамъ самимъ вѣрно дѣти мѣшаютъ работать?

— Нѣтъ, дѣти ничего, съ дѣтьми бы я справилась, а только мастерство то мое самое непригодное. За модой слѣдить нужно, а я отвыкла. Пробовала работу брать, такъ только неприятности однѣ выходить. Принесла мнѣ какъ то одна барыня шляпку передѣлать, а потомъ какъ за работой явилась, такъ закричала, что я и шляпки шить закаялась.

— Вы, говорить, никакой моды не понимаете, теперь банты назадъ сажаются, а вы мнѣ съ боку поставили. Въ ремесленную жаловаться грозилась...

Женщина замолчала и вся ея фигура въ эту минуту казалась необыкновенно удрученной и жалкой при свѣтѣ яркаго весенняго солнца, смотрѣвшаго въ кухонное окно, у котораго она стояла.

— Страшно вспомнить, какъ зиму то жили,—опять начала она и въ ея словахъ было столько муки и ужаса, что страхъ, о которомъ она говорила, невольно сообщался и Вѣрѣ Павловнѣ.

— Въ домѣ зачастую сухой корки не было. Мяса въ глаза не видѣли, на одной картошкѣ сидѣли. Молоко у меня пропало, маленькій съ голоду зачахъ, молока не на что было купить... Теперь двое младшихъ чуть ли не голые въ постелѣ сидятъ. Въ подвалѣ сыро, душно, на воздухѣ теперь хорошо, и ихъ выпустить не въ чѣмъ... А вотъ вы говорите, дочку въ садъ не пускать. Она за день 30 копѣекъ зарабатываетъ, да и отецъ, какъ вспомнить, что дѣвочка его дожидается, побойтся до безчувствія пьянымъ напиться...

Вѣра Павловна молчала. Говорить ей было печего. Всѣ ужасы, о которыхъ она такъ краснорѣчиво говорила, блѣднѣли передъ картиной этой подавляющей нищеты.

— Можетъ быть и все благополучно сойдетъ. Вы только скажите отцу, чтобы онъ построже присматривалъ за дѣвочкой... Это счастье, что отецъ съ нею...—торопливо и сбивчиво говорила она, охваченная желаніемъ успокоить хоть немного бѣдную мать.—Конечно, если дѣти безъ платьевъ и безъ сапогъ сидятъ...

— Вотъ изъ-за этого самаго я и посылаю,—видимо обрадовавшись, что ее наконецъ то поняли, проговорила женщина.

— А изрѣдка, когда ей время будетъ, ужъ вы позвольте ей въ школу хоть не надолго забѣгать, а то перезабудетъ все.

Вѣра Павловна позволила дѣвочкѣ заходить въ школу.

Бортгаузенъ явилась всего разъ и Вѣра Павловна раскаялась въ данномъ ею позволеніи.

Какое то странное настроеніе охватило дѣвочекъ. Бортгаузенъ видимо возбуждала большой интересъ, ее постоянно о чемъ то спрашивали и она охотно и много рассказывала.

— Карлика съ фонаремъ представляю,—доносилось до Вѣры Павловны.

— Неужели же за то, что ты съ фонарикомъ пробѣжишь, тебѣ 30 копѣекъ платять?—удивился кто то изъ дѣвочекъ.

Бортгаузенъ больше не являлась, но черезъ нѣсколько дней одна изъ ученицъ сообщила Вѣрѣ Павловнѣ, что двѣ маленькія поступили въ Зоологическій садъ.

— Въ обезьяны опредѣлились.—объяснила она.

Вѣра Павловна вызвала матерей.

Къ ней пришли двѣ женщины, видомъ напоминавшія загнанныхъ лошадей конно-железной дороги.

Вѣра Павловна повторила имъ почти тоже, что говорила и Бортгаузенъ, но ни въ ея голосѣ, ни въ доводахъ не было прежней убѣдительности и говорила она больше для очистки совѣсти.

Женщины выслушали ее молча.

Непрестанная непосильная работа довела ихъ до состоянія близкаго къ полному ступѣнію. Онѣ даже не пытались и возражать Вѣрѣ Павловнѣ. Дѣвочки получили заработокъ и ко всему остальному онѣ были вполне равнодушны.

— Дѣвочка по 30 копѣекъ за вечеръ достааетъ и работа самая пустяшная, а я цѣлый день за 50 копѣекъ спину гнуть должна,—вырвалось наконецъ у одной.

Другая нѣсколько разъ взяло и апатично заговаривала о томъ, что нужно Бога благодарить, если дѣвочка на сапоги зарабатываетъ.

Потомъ уже отъ Татьяны Вѣра Павловна узнала, что многіе родители ходили съ дѣтьми, чтобы опредѣлить ихъ въ Зоологическій садъ, но вакансій уже не было и имъ отказали.

Наконецъ наступилъ день, котораго дѣвочки ожидали со страхомъ а Вѣра Павловна съ волненіемъ,—день выпускного экзамена.

Въ этотъ день Вѣра Павловна проснулась раньше обыкновеннаго. Она открыла глаза, но тотчасъ же зажмурилась, ослѣпленная неприятнымъ рѣжущимъ свѣтомъ солнца, ударившаго въ ярко-желтую стѣну, которая почти заслоняла окно въ ея спальнѣ.

Тревожныя мысли о предстоящемъ днѣ разогнали послѣднюю дремоту, она быстро вскочила и стала одѣваться, чтобы быть готовой къ приходу дѣвочекъ, но это ей не удалось.

Волненіе передъ экзаменомъ подняло ихъ съ постелей раньше обыкновеннаго и онѣ стали собираться въ школу гораздо раньше назначеннаго срока.

Чисто вымытыя, старательно причесанныя и принаряженныя во все лучшее, онѣ всѣ до одной имѣли поразительно жалкій растерянный видъ.

— Въ часовню, сейчасъ забѣгала, свѣчку поставила... шепчетъ Брусенцевой еще болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно, Крылова.

— А я вчера къ Спасителю съ мамой ходила,—шепотомъ же общается ей Брусенцева.—Отецъ опять нездоровъ сдѣлался, такъ мы молебень служили.

— А я къ Спасителю такъ и не попала,—съ сожалѣніемъ говорить Крылова.—Одну мама не пустила, а самой ей идти никакъ нельзя, на ноги она совсѣмъ слаба стала. Къ вечеру какъ наработается, такъ онѣ у ней до колѣнъ и отнимутся.

— Что же, къ доктору ходили?—участливо спрашиваетъ Брусенцева.

— Водили, да только докторъ сказалъ, что лекарства въ такой болѣзни мало помогаютъ. Квартиру посуше найти велѣлъ и въ прачешной работать совсѣмъ запретилъ. А квартира у насъ казенная, да и безъ работы никакъ невозможно...

Крылова умолкаетъ и сидитъ нѣсколько времени молча, опустивъ голову, удрученную недѣтскими заботами.

Приходить Николаева.

Наскоро поздоровавшись съ подругами, она усаживается вдали отъ нихъ на задней скамейкѣ у окна.

Вытащивъ изъ пестраго ситцеваго платка истрепанный задачникъ, она принимается его перелистывать, мысленно провѣряя свои знанія.

— Вотъ этого не знаю... Да и это тоже путаю... Ну, а если задачу на пароходы зададутъ, и совсѣмъ пропаду,—мелькаетъ въ ея головѣ и отъ этихъ тревожныхъ мыслей лицо ея принимаетъ почти страдальческое выраженіе.

По разбору она тоже слаба, да и вообще она изъ-за своей болѣзни пропустила такъ много уроковъ, что курса почти не знаетъ.

Не знаетъ курса и Ильина.

Дома ей заниматься положительно негдѣ. Уголь у нихъ темный

весь заставленъ кроватью. Пробовала она на постели заниматься, но никакого толку изъ этого не вышло, только глаза разболѣлись больше обыкновеннаго.

— Миленькія, я здѣсь одной задачки сосчитать не могу, — кричить, показываясь въ дверяхъ Волкова. — Вчера цѣлый вечеръ надъ нею пробилась...

Дѣвочки окружаютъ Волкову.

Она вынимаетъ задачникъ и быстро-быстро перелистываетъ его, чтобы отыскать трудную задачу, но какъ разъ въ эту минуту въ классъ входитъ Лашкова съ громаднымъ букетомъ сирени.

— Цвѣты! Да какъ пахнутъ! Дай понюхать! Одну вѣточку, миленькая, подари! — раздается вокругъ Лашковой.

Но та ревниво оберегаетъ букетъ. Она привнесла его для Вѣры Павловны и несогласна отдавать ни одного цвѣточка.

Волкова, оставшись одна съ задачикомъ, нѣкоторое время находится въ нерѣшимости, но потомъ быстро захлопываетъ книжку и бросается ко всѣмъ.

— Дай счастья поискать, — говоритъ она.

— Милая, пожалуйста! — подзываютъ дѣвочки.

Лашкова опускаетъ букетъ и дѣвочки, тѣсня и давя другъ друга, съ опасливой осторожностью тянутся къ свѣжимъ душистымъ цвѣтамъ.

— Нашла,шла,шла! — кричитъ Волкова и въ своемъ увлеченіи, забывая всякую осторожность, протягиваетъ руку къ букету, чтобы захватить счастье, но Лашкова, ловко увернувшись, бѣжитъ на встрѣчу входящей Вѣры Павловны.

— Что съ тобой, Бронзова? — спрашиваетъ она поздоровавшись съ дѣтьми и невольно останавливаясь на блѣдномъ растроенномъ лицѣ дѣвочки. — Экзамена боишься?

Бронзова въ отвѣтъ только жалко рыдаетъ. Съ большимъ трудомъ изъ сбивчивыхъ отрывистыхъ фразъ Вѣры Павловны удается понять, что къ Васенькѣ взяли французенку съ мальчикомъ и крестная отправила дѣвочку къ матери.

— Въ гимназію теперъ ни за что не попасть, — всхлипывая повторяла она.

Время было идти въ Думу и дѣвочки, наскоро одѣвшись и напутствуемые добрыми пожеланіями Татьяны, въ сопровожденіи Вѣры Павловны отправились на экзаменъ. На улицѣ свѣтило яркое весеннее солнце. Небо было совсѣмъ синѣе и въ воздухѣ еще свѣжемъ и не запыленномъ въ этотъ утренній часъ чувствовался запахъ зелени, только что распустившейся во дворахъ и садахъ, скрытыхъ за высокими наружными стѣнами каменныхъ домовъ.

Дѣвочки, уставленные парами, торопливо сѣменили по тротуару, за ними спѣшила и Вѣра Павловна.

Маня Николаева обогнала всѣхъ на извончикѣ. Съ больвой ногой она идти пѣшкомъ была не въ состояніи.

Она долго кивала подругамъ, тѣ отвѣчали ей поклонами и улыбками. Но вотъ она скрылась за поворотомъ улицы и тревожное ожиданіе чего-то неизвѣстнаго и страшнаго опять захватило дѣвочекъ.

Около самой Думы изъ боковыхъ улицъ стали показываться тоже уставленные въ пары дѣвочки въ сопровожденіи учительницъ.

И какъ маленькіе ручейки впадаютъ въ большую рѣку, такъ всѣ эти отдѣльныя школы исчезали за массивной тяжелой дверью зданія Думы.

Въ передней уставленной вѣшалками было мрачно и холодно. Свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ маленькія запыленные окна и въ этой полутьмѣ копошились раздѣваясь дѣтскія фигурки съ испуганными и растерянными лицами.

— Сюда, сюда! Всѣ платки вмѣстѣ давайте, — какимъ-то неистовымъ голосомъ выкрикивала одна изъ учительницъ.

— А у меня шляпка! Шляпку куда? — съ отчаяніемъ на лицѣ спрашивала дѣвочки съ огромной кружевной шляпой въ рукахъ.

Но о шляпѣ въ этой дѣтской толпѣ заботиться было положительно некогда. Шляпа очутилась въ рукахъ учительницы и исчезла куда-то безслѣдно къ немалому горю ея обладательницы.

— Изомнуть, совсѣмъ изомнуть! — прошептала она сосѣдкѣ, но та не слушала ея, поглощенная заботой о томъ, куда бы пристроить свой новый зонтикъ. Дома оставлять не хотѣлось, а здѣсь того и гляди изомнуть.

Кое-какъ пристроивши верхнее платье, Вѣра Павловна вывела своихъ дѣвочекъ на лѣстницу. Здѣсь уже стояло нѣсколько школъ. Дѣвочки, измятыя въ тѣснотѣ передней, оправляли свои накрахмаленныя юбки, обдергивали фартуки, приглаживали растрепавшіеся волосы. Учительницы суетливо перебѣгали отъ одной группы къ другой и по обыкновенію страшно волновались.

Вѣра Павловна поднялась со своими дѣвочками на верхъ.

Въ громадной залитой солнечнымъ свѣтомъ залѣ стояли маленькіе столики съ группой стульевъ передъ каждымъ изъ нихъ.

Число столиковъ соотвѣтствовало количеству экзаменующихся школъ. За столомъ усаживались экзаменующіе, на стульяхъ помѣщались дѣти.

Вѣра Павловна отыскала свой столикъ и, размѣстивъ дѣвочекъ, присѣла около нихъ, стараясь ободрить окончательно перетрусившихъ дѣтей.

Дѣвочки сидѣли молча и неподвижно на своихъ стульяхъ, притихшія и совершенно подавленные величіемъ окружающей обстановки. Кругомъ суетились и волновались учительницы. Вѣра Павловна видѣла возбужденныя, взволнованныя лица. Учительницы волновались не меньше, чѣмъ ихъ ученицы.

Ближайшая по столику сосѣдка Вѣры Павловны худенькая, бѣлокурая дѣвушка, съ большими растерянными глазами, даже перекрестилась украдкой, предварительно закрывшись раскрытымъ журналомъ...

Нѣкоторые столы были еще не заняты и въ залу прибывали все новыя школы. Сдержанный гулъ, съ которымъ онѣ приближались къ дверямъ, мгновенно затихалъ, едва только дѣвочки входили въ залу.

Среди пестроты платьевъ выдѣлялись двѣ группы выпускныхъ, — одна была вся розовая, а другая голубая.

Шумя накрахмаленными юбками розовыя и голубыя дѣвицы прослѣдовали къ своимъ столикамъ, сопровождаемая одобрителными замѣчаніями дѣтей и взрослыхъ.

Затѣмъ явились экзаменаторы. Въ залѣ стало еще тише. Дѣти пропѣли молитву и экзаменъ начался.

Школу Вѣры Павловны экзаменовалъ попечитель, попавшій въ экзаменаторы въ первый разъ въ жизни.

Онъ былъ крупнымъ мяснымъ торговцемъ и слылъ за очень доброго человѣка, но непривычная роль была ему видимо очень тягостна и сильно смущала его.

Въ залѣ съ каждой минутой становилось все болѣе и болѣе душно. Экзаменаторъ былъ человѣкъ тучный и безпрестанно отиралъ носовымъ платкомъ вспотѣвшее лицо.

Прозкзаменовавъ двухъ дѣвочекъ, онъ изнемогъ окончательно и предложилъ Вѣрѣ Павловнѣ продолжать самой повѣрку знаній.

Экзаменъ сошелъ довольно гладко.

Дѣвочки бойко отвѣчали на привычныя вопросы, а экзаменаторъ въ знакъ одобренія такъ усердно кивалъ головой, что чуть не заснулъ подъ конецъ.

Къ двѣнадцати часамъ съ дѣвочками покончили. Дѣтей отправили въ сосѣднюю залу завтракать. Для экзаменаторовъ и для учительницъ въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ тоже былъ накрытъ завтракъ. Залъ быстро опустѣлъ. Послѣ двѣнадцати должны были явиться на экзаменъ мальчишки, и сторожа стали поспѣшно убирать и освѣжать его.

Бѣсть Вѣрѣ Павловнѣ совсѣмъ не хотѣлось, да и у стола съ закусками образовалась такая толпа, что пробраться туда не было почти никакой возможности.

Заручившись стаканомъ чая, Вѣра Павловна отошла къ окну.

— И я къ вамъ, здравствуйге! — услышала она за собой чей-то голосъ и, обернувшись, увидѣла пробирающуюся къ ней Марью Михайловну.

— У васъ здѣсь просторно, — улыбаясь привѣтливой улыбкой, говорила она. И говоря это, она поставила на окошко тарелку съ кулебякой.

— Ну какъ сошелъ экзаменъ? — спросила она Вѣру Павловну, съ аппетитомъ принимаясь за ѣду.

— Ничего благополучно, — отвѣтила Вѣра Павловна.

— А кто экзаменовалъ?

— Брусовъ.

— А, знаю,—засмѣялась Марья Михайловна и по обыкновенію показала всѣ свои зубы.—Ничего не понимаетъ, а милый, очень милый. Ну а мнѣ достался Куликовъ. Тоже вродѣ Брусова ничего не понимаетъ, но придирается страшно. Устные задачи гдѣ-то невозможныя выискалъ, записалъ ихъ на бумажку и задаетъ ихъ съ важнымъ видомъ...

— А вы бы у Ильина поэкзаменовались, — вмѣшалась въ разговоръ одна изъ близко-стоявшихъ къ нимъ учительницъ.

Все лицо говорившей было покрыто красными пятнами, а голосъ все еще дрожалъ отъ только что пережитаго волненія.

— Ну, какъ же можно Ильина съ Куликовымъ и Брусовымъ сравнивать?—укоризненно остановила ее Марья Михайловна.—Ильинъ человѣкъ знающій. На его экзаменъ и сама всегда чему-нибудь да научишься. Отъ такого экзаменатора и замѣчаніе не обидно выслушать!

— Правда, вы совершенно правы,—поддержали Марью Михайловну и другія учительницы, съ видимымъ интересомъ прислушивавшіяся къ разговору.

— Вся бѣда въ томъ, что оцѣнка рѣдко производится знающими людьми. Насъ учительницъ не берутъ безъ высшаго образованія, а съ попечителей только имущественный цензъ спрашиваютъ. Вы только скажите мнѣ, гдѣ здѣсь справедливость?—разгорячилась пожилая учительница въ очкахъ.

Вѣра Павловна рѣшила воспользоваться удобномъ случаемъ, чтобы выяснить вопросъ по поводу школьныхъ дѣлъ.

— Самыя бѣдныя ученицы не въ силахъ выполнить условій, необходимыхъ для зачисленія кандидаткой на школьную дачу, ни у одной изъ нихъ нѣтъ вещей, нужныхъ для отправки. Придется имъ въ городѣ оставаться...

— Что вы? Что вы?—замахала на нее руками Марья Михайловна.—Да развѣ это возможно! Радоваться нужно, что дачи наконецъ устроены. Мы деньги собираемъ, чтобы лишнихъ кандидатокъ пристроить, а вы оставлять придумали...

— Да, но если нѣтъ необходимыхъ вещей, что же дѣлать?—сконфуженно спрашивала Вѣра Павловна.

— А вы у знакомыхъ попросите, — добродушно посоветовала ей одна изъ учительницъ.

— Да, конечно, это всего лучше. Я троимъ такимъ образомъ по дѣлому приданому собрала,—сказала бѣлокурая учительница. Между тѣмъ толпа у стола стала по немногу рѣдѣть. Законоучители и попечители возвращались въ залу, чтобы снова начать экзаменовать. Учительницы заторопились собирать дѣвочекъ, чтобы увести ихъ домой.

Вѣра Павловна розыскала своихъ ученицъ и, съ трудомъ добравшись въ передней до верхняго платья, вышла съ дѣтьми на улицу.

Экзаменъ сошелъ благополучно, все непріятное, что тревожило и

волновало, осталося позади. Радостное ликующее настроеніе охватываетъ дѣвочекъ.

— Завра же пойду записаться въ патріотическую,—съ облегченіемъ говорить Крылова.

— И я тоже. И я! А я въ профессиональную! — раздается среди дѣвочекъ.

— Вѣра Павловна, а намъ можно вмѣстѣ съ маленькими на прогулки ходить?—спрашиваютъ дорогой дѣвочки.

— Конечно, можно, непременно пойдѣмъ всѣ вмѣстѣ,—ласково улыбаясь веселымъ возбужденнымъ лицомъ, отвѣчаетъ Вѣра Павловна.

— Въ Ботаническій садъ пойдѣмъ, въ Зоологическій, на острова пойдѣмъ,—пересчитываетъ она.

— Да, непременно въ Ботаническій, тамъ дорожка такая есть, вся изъ сиреневыхъ кустовъ... — захлебываясь отъ восхищенія говорить Ильина.

— Ну вѣтъ, въ Зоологическомъ куда лучше, тамъ слоны въ барабаны бьютъ, обезьяны представляютъ... — почти кричитъ Волкова. И всѣ дѣвочки сбившись въ тѣсный кружокъ обступаютъ Вѣру Павловну.

— Тише вы,—смѣясь успокаиваетъ ихъ Вѣра Павловна.—Забыли, что на улицѣ кромѣ васъ народу много.

И они идутъ все дальше и дальше, и въ ушахъ прохожихъ долго еще звучать ихъ звонкіе радостные голоса и веселый смѣхъ.

— Миѣ сюда свернуть нужно,—говоритъ вдругъ останавливаясь Крылова и указываетъ рукой на узкій переулокъ.

— Прощай. До завтра,—говоритъ Вѣра Павловна.—Завтра къ десяти часамъ приходи, куданибудь погулять пойдѣмъ.

Одна за другой дѣвочки расходятся по переулкамъ и исчезаютъ въ воротахъ громадныхъ каменныхъ домовъ.

Послѣднею остается Бронзова.

— Скажи матери, чтобы зашла ко миѣ,—говоритъ ей на прощанье Вѣра Павловна.—Я хочу съ ней поговорить о томъ, куда бы тебя пристроить осенью.

И какъ разъ въ эту минуту изъ за угла показывается мать дѣвочки.

— Ну что? Какъ сошелъ экзаменъ? Выдержала ли?—съ волненіемъ спрашиваетъ она у дочери.

— Выдержала и хорошо выдержала,—отвѣчаетъ за дѣвочку Вѣра Павловна.

Мать припадаетъ къ дочери и долго молча цѣлуетъ ее.

— Ну слава Богу, слава Богу!—повторяетъ она, съ трудомъ подавляя волненіе, и не спуская тревожныхъ молящихъ глазъ съ Вѣры Павловны, прибавляетъ дрожащимъ голосомъ:—А ужъ васъ я, милая барышня, Христомъ Богомъ просить буду: не бросайте вы дѣвочку, помогите ей человѣкомъ сдѣлаться.

Вѣра Павловна обѣщаетъ сдѣлать все возможное, чтобы пристроить

дѣвочку. Въ эту минуту она почти увѣрена, что не только Бронзова, но и Николаева, и Брусенцова, и Крылова, и всѣ выпускныя будутъ устроены самымъ прекраснымъ образомъ. Ей кажется, что для каждой изъ нихъ найдется казенная вакансія. Было бы слишкомъ несправедливо отдавать этихъ дѣвочекъ, которыя такъ хотятъ учиться, по мастерскимъ, въ которыхъ уничтожится все, что дала имъ школа.

Мать и дочь шли успокоенными, а Вѣра Павловна продолжала путь, съ нахлынувшими тревожными мыслями о томъ, что казенныхъ вакансій всегда не хватаетъ, и надою ея школы врядъ ли достанется больше одной. Дома ее встрѣтила Татьяна.

— Ну слава Богу, вотъ хорошо то!—обрадовалась она, узнавъ, что экзаменъ сошелъ благополучно.—Страху то не мало тоже потерпѣлись сердечныя...—проговорила она съ ласковой улыбкой.

— А я вамъ самоварчикъ поставила. Устали вѣдь вы съ ними тоже...

И она раскачивающейся торопливой походкой направилась въ кухню.

Вѣра Павловна въ ожиданіи самовара прошла въ пріемную, но тамъ было слишкомъ душно и тѣсно, и ее потянуло въ просторный классъ.

Тамъ было тихо, но въ этой тишинѣ чувствовалась замершая на время жизнь. Отъ оконъ тянулись косые столбы пыли, пронизанные лучами солнца. Въ душномъ воздухѣ слышался запахъ сирени отъ букета, принесеннаго утромъ Лашковой.

Вѣра Павловна распахнула окно и долго стояла, всматриваясь въ знакомую до мельчайшихъ подробностей картину.

Голубое небо надъ глубокимъ колодцемъ двора, золотой крестъ надъ невидимымъ за строениями куполомъ, и безконечные ряды бурыхъ крышъ, съ торчащими надъ ними трубами,—все это было знакомо ей до послѣдней черточки и, не смотря на свое убожество, стало мило ей, какъ что то близкое, родное...

Учебный годъ конченъ. Еще нѣсколько разъ передъ лѣтними каникулами къ ней будутъ собираться дѣти и она со всей шумной толпой будетъ уходить куда нибудь подалеже отъ сѣрыхъ скучныхъ домовъ, бурыхъ крышъ и пыльных тротуаровъ, куда-нибудь, гдѣ много простора, зелени и цвѣтовъ. А потомъ она уѣдетъ изъ города на цѣлое лѣто въ тихій, тихій уголъ, чтобы тамъ отдохнуть и набраться силъ для зимней работы.

Какъ хорошо будетъ послѣ отдыха вернуться въ школу и съ новыми силами встрѣтить собравшихся дѣтей, и какой радостью наполнится ея собственная жизнь, если ей хоть сколько нибудь удастся подойти къ той большой цѣли, о которой такъ ясно и просто сказала ей Бронзова:

«Помогите ей сдѣлаться человѣкомъ».

Н. Манасина.

Конецъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЬДИНА.

Спокойная бездна лазури
Раскрыла безбрежный просторъ
И въ морѣ, не помнящемъ бури,
Купаетъ свой синій шатерь.

И въ морѣ, гдѣ дремлетъ пучина,
Не зная ни края, ни дна,
Высокая, синяя льдина
Блуждаетъ уныло одна.

Отдавшись на волю теченью,
Изъ царства морозовъ и вьюгъ,
Покорна слѣпому влеченью,
Плыветъ она тихо на югъ.

Ей солнце смѣется привѣтомъ,
И щедрое шлетъ ей тепло,
И яркимъ ликующимъ свѣтомъ
Цѣлуетъ нѣмое чело.

У ногъ ея волны, какъ дѣти,
Сплетаютъ игриво струи,
И стелютъ прозрачныя сѣти,
И ласки несутъ ей свои.
Но грани достигнувъ хрустальной,
Сіянье привѣтнаго дня
Даетъ ей лишь отблескъ печальный,
Лишенный живого огня.

И волнамъ, бѣгушимъ проворно
Встрѣчать ея медленный путь,
Она подставляетъ покорно
Холодную твердую грудь.

Ей трудно отдаться ихъ ласкѣ,
Но лаской отвѣтить труднѣй.
Весна сотворила, какъ въ сказкѣ,
Нежданное чудо надъ ней:

Предъ солнца улыбкой побѣдной
Спадаютъ оковы зимы,
Какъ съ узницы жалкой и блѣдной
Разбитыя цѣпи тюрмы.

Изъ льдистаго сердца наружу
 Ожившая рвется струя,
 Какъ будто проспавшая стужу,
 Воскресшая къ жизни змѣя.

И рвется наружу, и злится,
 Въ неволѣ ей удержу нѣтъ.
 Настойчиво хочетъ излиться,
 Слезами излиться на сѣтъ.
 Холодное сердце безсильно
 Прервать ихъ поспѣшный исходъ,
 И льются тѣ слезы обильно
 На лоно сіяющихъ водъ.

И льются тѣ слезы, и блещутъ,
 Мелькаютъ, какъ дождь голубой.
 А волны такъ радостно плещутъ,
 И дружной рѣзвятся гурьбой.

А волны ихъ ловятъ играя,
 И весело брызжутъ въ отвѣтъ,
 И выются, безопасно ныряя
 Заплаканной льдинѣ во слѣдъ.

* *
 *

Гроза пролетала надъ чащей лѣсной
 При громѣ безчисленныхъ трубъ,
 И вдругъ поразила громовой стрѣлой
 Столѣтній, развѣсистый дубъ.

И, молча склоняя вершину свою,
 Зеленый упалъ великанъ,
 Какъ воинъ, сраженный въ кровавомъ бою
 И павшій подъ тяжестью ранъ.

Но жизни остатокъ, покинувши стволъ,
 Упрямо въ корняхъ уцѣлѣлъ,
 И, скрывшись въ холодную землю, нашелъ
 Защиту отъ вражескихъ стрѣлъ.

И, скоро согрѣтъ поцѣлуями дня,
 Упившись росой небесъ,
 Побѣгъ зеленѣя поднялся изъ пня,—
 Поверженный воинъ воскресъ.

Но отпрыскъ зеленый хирѣлъ и не росъ,
 Остался и тонокъ, и слабъ,
 И гнулся предъ каждою прихотью грозъ,
 Какъ робкій трепещущій рабъ.

Танъ.

*

Къ характеристикѣ экономическихъ и бытовыхъ условій жизни безработныхъ.

(«Standart of life» на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ *).

Наиболѣе характернымъ выраженіемъ нашего вѣка является современный промышленный городъ. Необычайное развитіе индустріи въ полной силѣ сказалось въ концентраціи производства и капитала въ торгово-промышленныхъ городахъ, обратившихся въ обширные фабрики, мастерскія и склады. Всасывая для обработки сырые продукты страны, города естественно привлекали и привлекаютъ къ себѣ, какъ необходимую рабочую силу, и сельскія массы. Въ связи съ увеличеніемъ численности фабричнаго класса, усиливается притокъ рабочихъ рукъ въ такихъ сферахъ труда, какъ транспортъ, домашнее услуженіе и разные городскіе промыслы. Все это обуславливало и обуславливаетъ быстрый ростъ городского населенія. Въ текущемъ столѣтіи число жителей Москвы увеличилось болѣе чѣмъ на 200%. Вліяніе указанного процесса на жизнь городскихъ классовъ, въ общихъ чертахъ, уже установлено социологіей. Касаясь этого вопроса со стороны интересующей насъ темы, должно констатировать слѣдующее.

*) Настоящая статья составлена на основаніи матеріала, собраннаго въ 1898 г. по выработанной авторомъ программѣ, членами комиссіи при санитарной группѣ М. О. И. Р. Техн. Общ. и сотрудниками городского попечительства о бѣдныхъ. Многія интимныя стороны жизни на Хитровомъ рынкѣ подробно выяснены гг. X. и Z., которымъ пришлось нѣсколько лѣтъ прожить въ трущобахъ Хитрова рынка. Въ печати были использованы собственно статистическій матеріалъ, собранный комиссіей по оздоровленію Хитрова рынка, главнымъ образомъ, о населеніи Хитрова рынка и санитарныхъ условіяхъ его жизни (см. «Рус. Вѣд.», «Рус. Бог.» и легкія замѣтки въ газетахъ, если не считать брошюрки А. Г. Петровскаго, написанной по личнымъ впечатлѣніямъ и во многихъ чертахъ грѣшащей противъ истины). Экономическія же и бытовыя условія жизни на Хитровомъ рынкѣ не были до сего времени изображены сколько-нибудь обстоятельно; между тѣмъ, несомнѣнно, только при этомъ могла бы быть правильно освѣщена удручающая картина Хитровки. Съ этой цѣлью и предлагается настоящая статья, написанная на основаніи только что обработаннаго *фактическаго* матеріала, накопившагося у меня, какъ у секретаря комиссіи при санитарной группѣ М. О. И. Р. Техн. Общ. и при городскомъ попечительствѣ 2-го и 3-го уч. Мясницкой части, съ самаго начала работъ по оздоровленію Хитровки.

Авторъ.

На ряду съ повышеніемъ уровня жизненныхъ потребностей (existence minimum'a) значительной части городского населенія, замѣчается дифференціація трудящихсяъ массъ, выдѣлившихъ изъ себя, съ одной стороны, кадры такъ называемыхъ «обученныхъ» (skilled) рабочихъ, относительно хорошо оплачиваемыхъ, а съ другой,—новые слои пролетаріата, въ которыхъ послѣднее мѣсто занимаетъ опустившійся до низшей степени человѣческаго существованія обездоленный людъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ lumpenproletariat'a. Причины такого расчлененія общественныхъ группъ, несомнѣнно, кроются въ социаль-ныхъ условіяхъ, созданныхъ концентраціей индустрии, капитала и труда. На началахъ свободной конкуренціи это развитіе совершилось такъ быстро и анархически неудержимо, что за нимъ, понятно, не могла поспѣть политика, направленная къ упорядоченію темныхъ сторонъ городской жизни и тяжелыхъ условій труда. Въ результатѣ получились разные дефекты городской жизни, присущіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, скорѣе городскимъ условіямъ, чѣмъ индустрии. Особенно рельефно это представляется на квартирномъ вопросѣ большихъ городовъ.

Въ зависимости отъ ускореннаго роста городовъ и развитія городской жизни поднимается стоимость земли, и владѣніе ею становится удѣломъ немногихъ собственниковъ. Всего скорѣе насыщаются центры городовъ, гдѣ эксплуатируется каждая пядь земли, преимущественно въ торгово-промышленныхъ цѣляхъ, и дороговизна земли и помѣщеній достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. За переполненіемъ центровъ усиленно идетъ заселеніе срединнаго пояса и окраинъ, и такимъ образомъ, дальнѣйшее насыщеніе городскихъ кварталовъ совершается въ направленіи центробѣжномъ. Но растущая скученность населенія обгоняетъ процессъ децентрализаціи въ жилищахъ, тѣсно связанный съ развитіемъ городскихъ путей сообщенія, и въ результатѣ получается перенаселеніе и квартирный кризисъ. Возрастаніе квартирныхъ цѣнъ и страшное переполненіе жилищъ малообеспеченныхъ классовъ — типичныя особенности нашего времени. Въ Москвѣ живетъ до 200 тысячъ коечно-каморочнаго и ночлежнаго населенія, вынужденнаго тѣсниться всѣмъ семействомъ въ одной каморкѣ или же снимать отдѣльные углы и даже неотдѣленные мѣста для сна въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ лицами разнаго пола и возраста, пьяными, порочными, больными и т. п. Бѣднѣйшей части населенія приходится переполнять даже подвалы, чердаки, трущобы и др. нездоровыя помѣщенія, подобныя притонамъ Хитрова рынка, которые скорѣе можно назвать берлогами, нежели культурными жилищами XIX вѣка. Вредное вліяніе этого рода жилищъ самымъ губительнымъ образомъ отражается на всей жизни ихъ многочисленныхъ обитателей. Не менѣе разрушительно дѣйствуетъ на человѣческій организмъ работа въ нездоровыхъ и опасныхъ для жизни производствахъ, въ ночное время или же при чрезмѣрно продолжительномъ рабочемъ днѣ.

Безработица — другой страшный враг здорового физического существования. При неурегулированномъ положеніи многихъ городскихъ отраслей труда безработица составляетъ хроническое явленіе. Въ Москвѣ на Хитровомъ рынкѣ поденщики и чернорабочіе имѣютъ работу лишь 2—3 раза въ недѣлю и влачатъ жалкое существованіе. Борьба съ безработицей крайне затруднительна тамъ, гдѣ есть постоянный притокъ на заработки пришлаго сельскаго люда, гдѣ условія найма не упорядочены и стихійно царитъ свободная конкуренція рабочихъ рукъ на полѣ пониженія цѣнъ. Положеніе безработныхъ становится безвыходнымъ, если имъ не приходится пользоваться взаимопомощью.

Таковы главнѣйшія изъ золъ современнаго промышленнаго города, являющіяся помѣхой для здороваго физического существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и для умственнаго развитія и нравственности населенія. Вліяніе этихъ золъ на тѣ или иные городскіе классы, при разныхъ условіяхъ, конечно, не одинаковое. Худшее положеніе труда наблюдается въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя отстали въ своемъ технико-индустриальномъ развитіи или же находятся въ всякой охраны рабочаго законодательства. Въ Москвѣ наибольшій процентъ инвалидовъ труда, оказавшихся при изслѣдованіи Хитрова рынка, падаетъ на ремесленныя профессіи и прислугу. Среди лицъ, обращающихся за помощью въ московскія городскія попечительства о бѣдныхъ въ 1895—1896 гг., первое мѣсто принадлежитъ ремесленникамъ (38,2%), между тѣмъ какъ фабричныя даютъ лишь 7,4%. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что «фабриканты и заводчики обязываются уже и теперь самимъ закономъ къ разнаго рода мѣропріятіямъ въ пользу рабочихъ, отъ каковыхъ обязательствъ ремесленники пока совершенносвободны» *). Благодаря этому, въ разныхъ слояхъ населенія неравномѣрно происходитъ осѣданіе элементовъ, потерпѣвшихъ крушеніе на всемъ жизненномъ поприщѣ. При этомъ, во многихъ случаяхъ, рѣшающее значеніе имѣетъ личная неприспособленность чловѣка или же затягивающее вліяніе окружающей среды. Въ Москвѣ пришлые на заработки крестьяне, останавливающіеся, за отсутствіемъ подходящихъ помѣщеній, на Хитровомъ рынкѣ, *volens-nolens* приходятъ въ соприкосновеніе съ испорченными коренными обитателями ночлежныхъ квартиръ, подвергаясь съ ихъ стороны деморализующему воздѣйствію.

Такъ или иначе, на почвѣ вышеуказанныхъ жизненныхъ условій, съ ужасающей быстротой идетъ въ Москвѣ ростъ *lumpenproletariat'a*, избравшаго Хитровъ рынокъ своего рода традиционнымъ убѣжищемъ. Тамъ, гдѣ не такъ давно стояли барскіе дома, находимъ нынѣ цѣлый кварталъ съ 10-ти тысячнымъ ночлежнымъ населеніемъ, ведущимъ своеобразную жизнь. Значительное большинство этого населенія влачитъ жалкое существованіе, съ его роковыми послѣдствіями въ видѣ громаднаго процента заразной заболѣваемости, смертности и преступности.

*) «Вѣстникъ Благотворительности», 1897 г., № 4.

I.

Внѣшній видъ Хитрова рынка и его трущобъ.—Что такое Хитровъ рынокъ?—Хитровская площадь и балаганъ.—Толпа и ея представители.—Ночлежные дома.—Составъ населенія платныхъ и бесплатныхъ ночлежныхъ домовъ.—Численность населенія Хитрова рынка и переполненіе ночлежныхъ квартиръ.—Пришлый сельскій людъ и коренные обитатели Хитровки.—Профессиональный составъ постоянного ночлежнаго населенія.—Питейныя и другія торговыя заведенія.—Ночлежныя квартиры и ихъ обстановка.

Хитровъ рынокъ представляетъ главное убѣжище для бездомнаго и неимущаго городского люда и центральный рынокъ найма поденщиковъ и чернорабочихъ *). Это густо-населенный городской кварталъ, расположенный почти въ самомъ центрѣ столицы, недалеко отъ Кремля (въ разстояніи 10—15 мин. ходьбы отъ Варварскихъ воротъ), въ мѣстности 3 участка мясницкой части, между Солянкой и Покровскимъ бульваромъ **). Собственно Хитровымъ рынкомъ называется находящаяся на небольшомъ косогорѣ довольно обширная площадь, окруженная ночлежными домами, кабаками, водогрѣйнями и др. торговыми заведеніями. Въ сѣверной части площади помѣщается громадный желѣзныи навѣсъ, или такъ называемый «балаганъ» ***). Назначеніе балагана—служить убѣжищемъ отъ дождя для рабочаго люда, пребывающаго въ теченіе дня на площади рынка. На самомъ дѣлѣ балаганъ, прежде всего, является мѣстомъ для прогулокъ хитровскихъ «принцессъ» ****). Подъ балаганомъ расположилась партія подбойщиковъ, производящихъ здѣсь свои несложныя работы. Тутъ-же пріютилася и цирюльникъ, занимающій цѣлую отдѣльную скамью, гдѣ онъ стрижетъ и брѣшетъ желающихъ. Подъ кровлей того-же балагана сидятъ нѣсколько торговковъ и торговцевъ, продающихъ въ розницу табакъ, спички, иголки, кисеты и т. п. мелочь. Тамъ и сямъ ютятся и хитровскіе игроки-шуллера съ картами, «ремешкомъ», «счастливчикомъ» и прочими

*) Другіе рынки труда въ Москвѣ имѣютъ специальное или-же чисто мѣстное назначеніе. Весною на Каланчевской улицѣ (въ трактирахъ, на постоянныхъ дворахъ и на улицѣ) происходитъ наемъ плотниковъ. На Нѣмецкомъ и Смоленскомъ рынкахъ, Сузаревой площади, близъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ нанимаются поденщики и чернорабочіе. Прислуга нанимается, главнымъ образомъ, чрезъ посредство частныхъ рекомендательныхъ конторъ. Подъ Иверской стоятъ писаря иличные адвокаты. Слѣдуетъ также упомянуть о Драчевкѣ, какъ своего рода рынкѣ найма.

***) Среди богатыхъ кварталовъ столицы.

****) Этотъ, извѣстный въ литературѣ, «балаганъ» обошелся городу почти въ 30.000 рублей (см. отчетъ Московской городской управы о движеніи суммъ за 1897 г., стр. 394). Прошлымъ лѣтомъ, въ періодъ напряженной чистки, окраски и вообще подновленія столичныхъ зданій, и хитровскій балаганъ подвергся кардинальной перекраскѣ прочными свинцовыми бѣлилами.

*****) Мѣстное прозвище падашихъ женщинъ.

азартными играми и часто шмыгаютъ между ними ничѣмъ незанятые мѣстные «альфонсы». Вся эта разношерстная толпа шумно и оживленно ведетъ свои дѣла и дѣлишки, находясь все время подъ недремлющимъ окомъ представителей низшей полицейской власти—городовыхъ и сторожей. За право гулянья, работы, игръ и торговли подъ балаганомъ хитровцамъ приходится отплачиваться контрибуціей въ видѣ пятаковъ и гривенниковъ.

По воскресеньямъ и въ дни усиленнаго наплыва народа все пространство площади бываетъ занято толпой. По костюму, фигурѣ и фізіономіи нетрудно разыскать здѣсь представителей главныхъ профессій. Возможно даже разузнать, иногда, и родъ ремесла по типичной личности работника. Такъ, можно опредѣлить сапожника и не смѣшать его съ портнымъ. Всклопоченная и нѣсколько наклоненная впередъ голова, темноватый цвѣтъ лица, приподнятыя плечи и общее выраженіе фізіономіи укажутъ сапожника. Если при этомъ обратите вниманіе на фартукъ съ нагрудникомъ, на ширину руки, особенно развитой въ мякоти третьяго сустава большого пальца, и на дрянные опорки на ногахъ, то можетъ быть увѣрены, что это—«бачмаръ». Также вы найдете прислугу. По платью яркаго цвѣта, бѣлому фартуку безъ нагрудника, красной съ зелеными, желтыми или черными полосами въ клѣтку шали на плечахъ, по плотно сжатымъ губамъ, по сложеннымъ на животѣ рукамъ и яркому полусапку на головѣ— узнаете кухарку; тогда какъ свѣтленькое платье, фартукъ съ нагрудникомъ и вычурнымъ бантомъ назадъ, не покрытая голова, выпяченная впередъ грудь и плутоватое выраженіе глазъ—укажутъ горничную. Сѣрая фигура въ сермягѣ или овчинномъ полушубкѣ, съ шапкой на головѣ въ большихъ валяныхъ сапогахъ, нерѣдко, даже въ теплую погоду или же въ деревенскихъ лаптяхъ, съ котомкой за плечами, изъ которой выглядываетъ какой-нибудь инструментъ, все это съ положительной ясностью говоритъ вамъ, что предъ вами представитель пришлого сельскаго люда. А если предъ вами предстанетъ жалкій субъектъ въ истрепанномъ, съ болтающимися ключьями, платьѣ, съ скомканной, неопредѣленнаго цвѣта, фуражкой и въ худыхъ калошахъ или опоркахъ. а иногда и прямо босой, то вы не можете сомнѣваться, что имѣете дѣло съ типичнымъ «хитровцемъ», однимъ изъ коренныхъ обитателей рынка. Встрѣченный вами «стрѣлокъ» *) непременно попроситъ на ночлегъ, и вы можете быть увѣрены,—взглянувъ на дырявый костюмъ, не защищающій его отъ холода и непогоды, на городской балаганъ, открытый для вѣтра и стужи, и на великое множество кабаковъ низшаго и высшаго разбора,—что получившій вашу лепту стрѣлокъ попытается грѣться въ сосѣдній кабакъ.

Къ вечеру Хитровская площадь мало-по-малу пустѣетъ, и населеніе ея спѣшитъ заполнить мѣстные ночлежные дома.

*) Профессиональный нищій.

Всѣхъ ночлежныхъ домовъ на Хитровомъ рынкѣ пять: Кулакова, Румянцева, Бунина и Ярошенко съ 174 платными ночлежными квартирами и бесплатный домъ имени бр. Ляпиныхъ. Въ четырехъ первыхъ домахъ, кромѣ ночлежныхъ квартиръ, помѣщаются также трактиры, винныя и пивныя лавки, харчевни, водогрѣйни и другіе торговыя заведенія.

Ночлежное населеніе платныхъ и бесплатнаго домовъ рѣзко отличается по своему составу. Въ домѣ бр. Ляпиныхъ обитаютъ почти исключительно профессиональные нищіе; рабочій же людъ тамъ не ночуетъ. Пришлые крестьяне располагаются, главнымъ образомъ, въ ночлежныхъ домахъ Румянцева и Бунина. Въ домѣ Ярошенко живутъ поденщики, торговцы, захудалая интеллигенція, воры и прститутки. Домъ Кулакова населенъ людьми всѣхъ профессій: тутъ и поденщики, и ремесленники, и воры, и проститутки. Численность всего ночлежнаго населенія въ зимнее время простирается до 10.000 человекъ. Между тѣмъ, максимумъ ночлежнаго населенія, установленный полиціей для платныхъ ночлежныхъ квартиръ, составляетъ около 3.400; въ Ляпинскомъ домѣ комплектъ ночлежниковъ опредѣленъ въ 786 человекъ. Переполненіе ночлежныхъ домовъ достигаетъ ужасающихъ размѣровъ весной, послѣ Пасхи, когда на Хитровъ рынокъ прибываетъ нѣсколько тысячъ пришлаго сельскаго люда. Въ эту пору прїѣзжаютъ для найма на разныя работы рабочіе изъ Московской, Рязанской, Тульской, Калужской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Владимірской и др. губерній. Почти всѣ они идутъ на Хитровку только для временнаго ночлега, пока не разберутъ ихъ на работы подрядчики и разныя предприниматели.

Пришлые рабочіе держатся особнякомъ—своими артелями. Тѣ, которымъ не удалось наняться на работы, возвращаются на родину. Иногда случается, что пришлый крестьянинъ запутается, прощется и, совѣстясь вернуться домой съ пустыми руками, остается зимовать и пополняетъ, такимъ образомъ, ряды хитровцевъ, дѣлаясь нищимъ, мусорщикомъ или, въ лучшемъ случаѣ, поденщикомъ.

Коренное населеніе Хитровки составляетъ мѣстный, столичный пролетаріатъ. Одни изъ настоящихъ его представителей появились здѣсь вслѣдствіе различныхъ жизненныхъ неудачъ и несчастій, потери заработка, а также слабости характера, отсутствія воли и т. п. причинъ другіе основались тутъ добровольно, вслѣдствіе какой-то фатальной любви въ хитровской жизни; есть между ними лица, которыя выросли и воспитались на Хитровомъ рынкѣ. По своему составу коренное населеніе Хитровки чрезвычайно разнообразно: почти всѣ профессіи, начиная съ лицъ интеллигентнаго труда и духовнаго сана и кончая простыми чернорабочими, дали своихъ представителей, но преобладающій контингентъ составляютъ бывшіе отхожіе промышленники и чернорабочіе, ремесленники, прислуга, приказчики и мелкіе торговцы. Большой части

этого населенія приходится теперь заниматься черными поденными работами или же вести праздный образъ жизни. Нѣкоторая часть занимается на Хитровомъ рынкѣ разными ремеслами, мелкою торговлею и барышничествомъ и перепискою театральныхъ пьесъ. Остальные занимаются преступными промыслами: нищенствомъ, воровствомъ и т. п. Всѣ эти элементы находятся въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ: днемъ они сталкиваются на площади или на работѣ, вечеромъ вѣсть проводятъ время въ ночлежной средѣ и сообщая наполняютъ кабаки и трактиры.

Познакомимся теперь съ обстановкою мѣстныхъ питейныхъ и другихъ торговыхъ заведеній, а затѣмъ проникнемъ въ ночлежныя труппы Хитрова рынка.

Всѣхъ торговыхъ заведеній на Хитровкѣ 35: 4 трактира, 6 ренсковыхъ погребовъ, 4 пивныхъ лавки, 6 овощныхъ, 5 съѣстныхъ лавокъ, 8 водогрѣенъ и 2 булочныхъ.

Трактиры содержатся: въ домѣ Кулакова самимъ домовладѣльцемъ, въ домѣ Румянцева Ѳаддѣевымъ и Некрасовымъ и въ домѣ Корзинкина—Зиновьевымъ. Характерныя ихъ черты слѣдующія.

Въ Кулаковскомъ трактирѣ засѣдаютъ и пьянствуютъ хитровскіе воры, мошенники и погибшія созданія; сюда-же, какъ въ ближайшій трактиръ, приходятъ иногда пить чай плотники, устроившіе свою биржу на стрѣлкѣ переулковъ Свинынскаго и Подколокольнаго, противъ дома Кулакова.

Въ трактирѣ Некрасова пребываютъ по большей части свободные поденщики, и торговля сравнительно тихая.

Въ трактирѣ Ѳаддѣева идетъ самая бойкая торговля, едва ли не лучше, чѣмъ у Кулакова. Два зала этого трактира почти постоянно заняты хитровскими барышниками, публика-же разиѣщается только на рѣдкихъ свободныхъ столикахъ, а когда мѣсть нѣтъ, занимаетъ двѣ слѣдующія маленькія залы. Барышники располагаются здѣсь со всѣмъ своимъ товаромъ: бѣльемъ, всевозможнымъ платьемъ и обувью. Это—настоящій Толкучій рынокъ, только въ меньшемъ масштабѣ. Сюда являются продавцы, отдаютъ барышникамъ части своего костюма и получаютъ въ замѣнъ «смѣнки» и немного денегъ въ придачу. Сюда идутъ и покупатели, выбираютъ нужное, примѣриваютъ, торгуются и купленную вещь надѣваютъ. За всякой мѣной и куплей-продажей слѣдуютъ приличные «литки» и могоарычи.

Трактиръ Зиновьева (или, по здѣшнему, Гуревича)—сборище «стрѣлковъ», ночующихъ въ бесплатномъ домѣ Ляпиныхъ. Сюда они являются прямо «со стрѣльбы» и пропиваютъ всю свою добычу. Главной приманкой Гуревича служитъ то, что здѣсь можно пить водку по той же цѣнѣ, какъ и въ ренсковыхъ погребахъ, *) но съ большими удоб-

*) т. е. по 15 коп. за сороковку, тогда какъ въ другихъ трактирахъ за нее берутъ 20 коп.

ствами, чѣмъ въ послѣднихъ: здѣсь и закуску даютъ, и сидѣть разрѣшается цѣлый день, что особенно важно зимой, когда до впуска въ Ляпинку дѣваться некуда; кромѣ того, здѣсь можно пить свой чай, чего въ другихъ трактирахъ не допускается. Кромѣ трехъ залъ, отведенныхъ для стрѣлковъ, въ трактирѣ Гуревича есть еще, «дворянская» зала, гдѣ собираются загулявшіе содержатели ночлежныхъ притоновъ, воры и игроки. Игроки—шуллера имѣютъ свой *постоянный пріютъ въ билліардной*, гдѣ и играютъ еще въ карты, орлянку, «подъ ручку», «четъ—нечетъ» и проч.

Такимъ образомъ, хитровскіе трактирщики какъ-бы подѣлили между собой Хитровку и бойко торгуютъ, не конкурируя другъ съ другомъ, такъ какъ у cadaго есть свой специальный пропойца: у одного воръ, у другого—поденщикъ, у третьяго—барышникъ, у четвертаго—стрѣлокъ и игрокъ *).

Ренсковые погреба находятся въ домахъ Кулакова (2), Румянцева, Бунина, Ярошенко и Рябикина. Торговля въ нихъ производится съ 5 час. утра до 12 ч. ночи, въ будни и праздники; торгуютъ распивочно и на выносъ. Распивочная торговля въ раздробительной формѣ практикуется здѣсь въ безграничныхъ предѣлахъ: можно пить, стоя у буфета, и на 5 коп., и на 3 коп., и на всякую другую монету. О томъ, какова торговля въ ренсковыхъ погребахъ, можно судить по тому, что сами кабатчики говорятъ: итъ въ Москвѣ торговли лучше, чѣмъ на Хитровкѣ.

Пивныя лавки помѣщаются въ домахъ Кулакова, Румянцева, Бунина и Рябикина. Торговля въ этихъ заведеніяхъ идетъ не особенно бойкая и поддерживается только тѣмъ, что кабатчики допускаютъ здѣсь распивать и водку. До пива хитроване не большіе охотники, и для приманки гостей приходится допускать въ пивныхъ пѣсенниковъ, гармонистовъ, а главнымъ образомъ, игры «подъ ручку» и въ карты.

Колоніальныя или овощныя лавки находятся въ домахъ Румянцева (2), Кулакова, Бунина, Ярошенко и Рябикина. Въ названныхъ лавкахъ можно найти все, что только требуется для хитровца; это въ нѣкоторомъ родѣ маленькіе универсальныя магазины. Здѣсь продаются чай и сахаръ, конфекты, варенье ягоды, фрукты, соленья, жареная рыба и колбаса, мясо вареное и жареное, ветчина, свинина, масло, овощи, молоко прѣсное и кислое, мука, крупа, булочный и кондитерскій товаръ, а также лапти, веревки, молотки, кирки, гвозди, посуда, игольный, галантерейный и частью мануфактурный товаръ, канцелярскія принадлежности и пр.; но перлами такихъ кундсткамеръ

*) Образцомъ наживы трактирщиковъ можетъ служить Кулаковъ, бывшій буфетчикъ въ хитровскомъ трактирѣ «Каторга», а нынѣ домовладѣлецъ и собственникъ этого трактира, который онъ перевелъ къ себѣ, переименовавъ въ «Ново-Хитровскій». Его бывшій буфетчикъ Гусевъ состоитъ теперь управляющимъ его домомъ, гдѣ и содержитъ самъ 2 ренсковыхъ погреба и водогрѣйни.

служать: пресловутая «бульонка», которую полиціи и врачамъ до сихъ поръ не удается изгнать съ Хитровки, колбасные и ветчинные обрѣзки, крошки сыра, тухлая «королевскія» сельди, загнившія сардинки и пр.

Сѣстныхъ лавки или харчевни имѣются: въ домѣ Румянцева—2 и въ домахъ Бунина, Ярошенко и Рябикина по 1. Все, исходящее изъ этихъ лавокъ: щи, супъ, каша, картофель, мясо, рыба и пр., приготавливаются изъ продуктовъ самаго низшаго качества, а продается по высокой цѣнѣ; напр., фунтъ варенаго мяса изъ щеквины (по здѣшнему «мурловины») 12—13 коп., фунтъ вареной свинины 20 коп. судачья голова отъ 5 до 7 коп., фунтъ сомовины 20 коп. Главный доходъ нѣкоторыхъ харчевенъ, напр., Зиновьева, получается отъ заздравныхъ и поминальныхъ обѣдовъ.

Всѣхъ водогрѣенъ на Хитровкѣ 8: въ д. Ярошенко 3, въ д. Румянцева 2 и въ дд. Кулакова, Бунина и Рябикина по 1. Спеціальное назначеніе водогрѣенъ—продавать кипятокъ для чая, но въ нихъ допускается и варка пици. Кромѣ того, въ водогрѣйняхъ, расположенныхъ въ домахъ Бунина и Рябикина пьютъ чай на мѣстѣ *); въ этихъ заведеніяхъ до сихъ поръ не имѣется сколько-нибудь удовлетворительной обстановки: столиковъ, скатертей, подносовъ и фаянсовыхъ чайниковъ, и чай (прессованный) заваривается въ желѣзномъ чайникѣ. Упомянутыя водогрѣйни торгуютъ еще варенымъ картофелемъ, продавая 4 некрупныхъ картофелины за 1 коп. Помимо этого, въ водогрѣйняхъ можно получать табачныя издѣлія и спички. Самая бойкая торговля производится въ водогрѣйняхъ «Царской» и у «Мосвича».

Булочные находятся въ домахъ Румянцева и Рябикина, но въ нихъ можно покупать лишь черствый хлѣбъ, за то имѣются ветчинные и колбасные обрѣзки, жареная колбаса, рыба и проч. Торговля въ этихъ заведеніяхъ невидная.

Вся торговля на Хитровомъ рынкѣ копѣчная. Копѣйка—это хитровский рубль. За копѣйку можно купить любой изъ продуктовъ: отрѣжутъ кусокъ лимона или апельсина, дадутъ нѣсколько ягодъ загнившаго винограда, отпустятъ копчущку, салакушку, сардинку, кусокъ колбасы, сыра, ветчины, бульонки, масла, муки, чаю, сахару... Эта копѣчная торговля много прибыльнѣе иной оптовой: $\frac{1}{4}$ фун. прессованнаго чаю въ 35 коп. вгоняется въ 64 коп., а фунтъ плохого фамильнаго въ 90 коп.—почти въ 2 р. 50 к.; фунтъ сахару въ 56 кусковъ вгоняется въ 19 коп.; самыя плохія конфеты—25 коп.; колбаса, ветчина, сыръ, стоящіе недороже 10 коп. за фунтъ, при копѣчной продажѣ вгоняются въ 40—45 коп.; такіе продукты, какъ мука, крупа, горохъ, масло, продаются на копѣйку (въ фунтѣ) дороже, чѣмъ въ остальныхъ лавкахъ города. При всемъ томъ, весь товаръ на Хит-

*) Эти заведенія нѣсколько лѣтъ тому назадъ переименованы въ чайныя лавки.

ровкѣ низшаго качества, или послѣ выборки, или изъ отбросовъ, часто встрѣчаются постороннія примѣси. Обмѣръ и обвѣсъ практикуется самый безсовѣстный *)).

Обратимся теперь къ ночлежнымъ квартирамъ, расположеннымъ въ 4-хъ платныхъ ночлежныхъ домахъ. Всѣ онѣ снимаются по очень высокой цѣнѣ мелкими арендаторами (съемщиками), получающими разрѣшеніе отъ полиціи. Изданныя для арендаторовъ полицейскія правила о содержаніи ночлежныхъ квартиръ de-facto совершенно игнорируются: переполняются квартиры до крайней степени, мужчины и женщины не раздѣлены и спятъ вмѣстѣ, многіе ночлежники остаются въ квартирахъ и днемъ. Санитарное состояніе ночлежныхъ помѣщеній самое отвратительное. Благодаря значительной скученности, ночлежникамъ приходится спать и на нарахъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и подъ нарами, и даже посрединѣ комнаты на грязномъ полу. Воздухъ ночью страшно спертъ и наполненъ всяческими испареніями человѣческаго тѣла, сырости на полу и на стѣнахъ, отъ мокрыхъ портянокъ, валевокъ и одежды, и запахомъ водки и махорки. Вентиляція никакой. Протапливаются квартиры рѣдко, не болѣе 2—3 разъ въ недѣлю, и сырость развивается ужасная: съ оконъ течетъ, на стѣнахъ растутъ грибки плѣсени. Чистка и мытье наръ и половъ производится рѣдко, и на полу почти постоянно замѣчается грязь и слѣды сырости, заносимые на ногахъ ночлежниковъ. Кучи тряпья, рваныхъ одѣялъ и истрепанныхъ мочальныхъ матрасовъ, служащія постелями для осѣдой части ночлежниковъ, дополняютъ непріятное впечатлѣніе, оставляемое внѣшней обстановкой ночлежныхъ квартиръ.

Условія жизни въ такого рода жилищахъ въ гигиеническомъ отношеніи самыя невозможныя и, несмотря на всѣ принимающіяся санитарныя мѣры, мало измѣнились къ лучшему.

II.

Внутренняя жизнь обитателей Хитрова рынка.—Ночлегъ и его неудобства.—Ночлежная среда.—Пьянство и условія его развитія.—Торговля виномъ въ кабакахъ и ночлежныхъ квартирахъ.—Отравленіе алкоголемъ.—Развратъ.—Положеніе женщины.—Причины разложенія честнаго люда.—Осѣданіе на Хитровкѣ безвѣстныхъ.—Вліяніе безработицы и отвращеніе къ труду.—Засасывающее вліяніе Хитровки.—Хитрованцы-добровольцы.—Гости на Хитровкѣ.—Пища хитровцевъ: благотворительныя обѣды и домашнія лица.

Не сладка жизнь рабочаго на ночлегѣ. Усталый, часто промокшій и продрогшій, является онъ въ ночлежную квартиру. Печь здѣсь въ холодное время зачастую бываетъ не топлена, и квартира обогрѣвается

*) Насколько прибыльна подобная грошовая торговля, можно судить по тому, что одинъ изъ лавочниковъ, Ивановъ, торговавшій прежде пышками, а потомъ квасомъ и хлѣбомъ, теперь имѣетъ на Хитровкѣ двѣ лавки, купилъ на родинѣ имѣніе и выстроилъ каменный домъ.

дыханіємъ ночлежниковъ. Просушивать платье и портянки приходится на собственномъ тѣлѣ. Отсюда—испаренія и смрадъ, не позволяющіе свободно дышать. Тѣснота на нарахъ страшная, и многіе вынуждены спать подъ нарами, гдѣ, хотя и холодыѣе, но нѣсколько просторнѣе. Отъ множества людей воздухъ наполняется клубами паровъ и становится крайне удушливымъ. Лампы едва горять и тускло освѣщаютъ едва прикрытыя лохмотьями тѣла ночлежниковъ. Изъ разныхъ угловъ раздаются то крики, то брань, то плачь дѣтей; всюду слышится шумный бредъ пьяныхъ и больныхъ, не прерывающійся всю ночь. Особенно безпокойно тамъ, гдѣ живутъ воры: эти господа днемъ спятъ, а ночью бужутъ. Заснуть въ такой обстановкѣ трезвому человѣку невозможно. Только въ пьяномъ видѣ, когда притушается всякое сознаніе и силы оковчательно падаютъ, можно проспаться всю ночь. Но куда дѣваться бездомному? Волей-неволей онъ вынужденъ согласиться на всякую обстановку, лишь-бы не оставаться въ стужу на открытой площади. Къ несчастью, не разъ констатировались случаи, когда страшно переполненные квартиры не могли вмѣстить всѣхъ пришедшихъ на ночлегъ, и десятки людей въ холодную пору оставались ночевать на улицѣ.

Безработный, явившійся на ночлегъ, вступаетъ въ специфическую ночлежную среду и неизбѣжно поддается ея пагубному воздѣйствію. Предъ нимъ—всѣ соблазны и пороки. Позади его осталось скорбное прошлое, а впереди—полная небезпечность существованія. Между тѣмъ, пьяная и развращенная толпа, среди которой онъ находится, увлекающимъ образомъ дѣйствуетъ на него. Человѣкъ съ ослабленной волей необходимо втягивается въ жизнь этой толпы и легко подпадаетъ подъ вліяніе преступныхъ элементовъ, которые тутъ же опаиваютъ и эксплуатируютъ свою жертву. Пьяный онъ мало сознаетъ окружающую среду, а проспавшись, стремится опять къ вину.

Пьянство на Хитровомъ рынкѣ повальное, заразительное, развившееся до крайнихъ размѣровъ. Пьютъ всѣ: и взрослые, и старики, и дѣти; пьютъ во всякое время дня и ночи и при всякой обстановкѣ, и на волѣ, и на ночлегѣ. Пьянство, буквально, царитъ на Хитровкѣ, и для безграничнаго развитія его существуютъ самыя благоприятныя условія. Съ одной стороны рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, вызывающихъ тяготѣніе къ водкѣ, какъ-то: безвыходное положеніе и желаніе забыться, упадокъ силъ физическихъ и психическихъ, окружающая среда, отсутствіе теплой одежды и дневного пристанища... Съ другой—имѣются самыя разнообразныя средства къ полнѣйшему удовлетворенію этой потребности. Кабаки—на каждомъ шагу. Торговля виномъ ведется и въ самыхъ ночлежныхъ квартирахъ. Всѣ эти кабатчики и съемщики квартиръ главные виновники безшабашнаго пьянства на Хитровкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ городѣ нельзя найти такихъ удобствъ пить вино, какъ здѣсь: нигдѣ нельзя сидѣть цѣлый день за одной сороковкой и нигдѣ нельзя пить на 3, 4, 5 копѣекъ. Обыкновенно

венно, хитровецъ, являясь въ ренсковой погребъ съ цѣлью выпивки, провозглашаетъ: «кто втроемъ? я одинъ», или «кто пополамъ?» Это значитъ, что онъ желаетъ выпить третью или вторую часть сороковки, и ему нужны компаньоны, чтобы получить вино въ запечатанной посудѣ. Если компаньоновъ не окажется, онъ подходитъ къ буфету и предъявляетъ требованіе налить ему «третинку» или «половинку», для чего употребляется посуда въ формѣ жестяныхъ кружекъ съ размѣрами «третинки» и «половинки». Услужливый виночерпій не откажетъ налить на 3, 4, 5 копѣекъ. Пить изъ запечатанной посуды предпочитаютъ потому, что въ незапечатанную, для раздробительной продажа, кабатчикъ наливаетъ иногда «сливки» *). Эти «сливки» составляютъ процентъ на процентъ барышей кабатчика. Въ ночлежныхъ притонахъ также идетъ бойкая торговля водкой, приносимой съемщиками изъ ренсковыхъ погребовъ въ четвертныхъ бутылкахъ втайнѣ отъ зрящихъ сторожей и городовыхъ. Чтобы быть на хорошемъ счету у съемщика, надо пропивать у него весь свой заработокъ: съемщикъ выручить въ критическій моментъ, подчасъ приметъ краденое и окажетъ большой кредитъ (пропойцѣ — отъ 5 коп. до 1 р. и болѣе, непьяницѣ же — не болѣе 20 коп.). Разсчитывая продать какъ можно больше вина, съемщики всячески поощряютъ разгулъ, ночныя оргіи и игры. Водка, которой торгуютъ съемщики, всегда бываетъ разбавлена водой, сдобрена махоркой, известью, сѣрной кислотой и т. п., что страшно подрываетъ силы и здоровье ночлежниковъ. Отравленный алкоголемъ пропойца постоянно стремится къ вину и изобрѣтаетъ всевозможные способы добыть денегъ: нищенствуетъ, продаетъ части своего костюма и, въ концѣ концовъ, остается раздѣтымъ. Подъ влияніемъ тѣхъ же причинъ то же самое происходитъ съ поденщиками, мастеровыми и торговцами: извѣстное время они работаютъ, но какъ только успѣютъ скопить нѣкоторую сумму, тотчасъ же стремятся всѣ деньги пропить и гуляютъ нѣсколько дней, спуская и одежду, и обувь, и все, что имѣютъ.

На столь благопріятной почвѣ развратъ достигаетъ полного развитія. Самыя безобразныя сцены происходятъ открыто на глазахъ у всѣхъ, и невольными свидѣтелями ихъ являются дѣти Но, по истинѣ, ужасно положеніе пришлой женщины: она беззащитна и ничѣмъ не застрахована отъ насилія. Сожительство принимаетъ самыя отвратительныя формы...

*) По приобрѣтеніи запечатанной сороковки хитровцы выходятъ за дверь къ особо отведенному мѣсту, гдѣ сидятъ «оттыкалы» со штопоромъ и кружкой для питья. На должность «оттыкалы» поступаютъ самыя отчаянныя пропойцы; вотъ они то и собираютъ остатки недопитой водки изъ бутылокъ и кружекъ, а также и порожнюю посуду. Когда этихъ остатковъ, «сливокъ», накопится до полубутылки, «оттыкалы» относятъ ихъ въ ренсковой, получая взамѣнъ запечатанную посудину или же деньги. Это — вознагражденіе «оттыкалы» за его трудъ, это — его жалованье.

На Хитровкѣ всѣ вообще предпочитаютъ жить «парами». Дѣло сводится къ простому экономическому расчету: если самъ не добылъ ничего на дневное пропитаніе, то «баба» добудетъ; если вмѣстѣ заработали кое-что,—значитъ, можно будетъ и поплянствовать. Хитроване не любятъ, чтобы баба ѣла хлѣбъ даромъ, все равно, будь то жена или любовница. Женщину посылаютъ на работу, и она должна добывать деньги или работой, или торговлей собственнымъ тѣломъ. Въ противномъ случаѣ, любовникъ или мужъ прибѣгаетъ къ побоямъ, и женщина сильно достается, тѣмъ болѣе, что на Хитровкѣ придерживаются обычая не вступаться за женщину, и бьютъ ее здѣсь нещадно.

Не трудно понять причины разложенія честнаго люда въ хитровской средѣ. Кромѣ всякихъ соблазновъ, которые онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, у него есть масса враговъ, заинтересованныхъ въ его гибели. Воры, мазурики, карманники, шуллера и разные эксплуататоры неминуемо стремятся опутать и раздѣть новичка, крадутъ у него паспортъ, деньги, инструменты, одежду. Тогда уйти изъ ночлежки ему нельзя и приходится нященствовать или даже воровать.

Осѣданіе на Хитровкѣ безработныхъ идетъ и своимъ чередомъ. Въ большинствѣ случаевъ, оставшіеся безъ мѣста приказчикъ, служащій, писецъ и др. приходятъ на Хитровъ рынокъ въ крайности, испробовавъ всѣ способы пристроиться чрезъ своихъ знакомыхъ и товарищей, когда уже прожиты всѣ деньги, вещи заложены или распроданы, и ничего не остается, кромѣ плохой одежды. На бѣду, у неопытнаго новичка украдутъ паспортъ. Въ плохомъ костюмѣ и безъ паспорта честному человѣку первое время бываетъ стыдно глаза показать не только знакомымъ, но и вообще въ городѣ. Проходитъ нѣсколько времени. Путемъ горькаго опыта безмѣстный убѣждается, что для того, чтобы идти искать мѣсто, необходимо имѣть и приличный костюмъ, и паспортъ съ большичной контромаркой (при томъ, гдѣ-либо прописанный *)), и рекомендацію. Всего этого у него нѣтъ; не находится и на Хитровкѣ подходящей работы, и вотъ приходится взяться за поденщину.

Въ четыре часа утра поденщику надо выходить на площадь и зорко смотрѣть, не появится ли съ какой-нибудь стороны наниматель. Когда таковой подойдетъ, его тотчасъ окружатъ пѣлая толпа жаждущихъ работы. Въ это время человѣкъ думаетъ только объ одномъ: какъ бы попасть на работу и напрягаетъ къ тому всѣ свои усилія. Наконецъ, на работу попалъ: требуется день-деньской лопатой махать, или ломомъ ковырять, или тяжести таскать. Тяжелая физическая работа, изнуряя тѣло, утомляетъ и мозгъ. Болятъ плечи, вонутъ пальцы, ломитъ поясницу; въ то же время чувствуется боль въ головѣ, и соображеніе притупляется. Человѣкъ думаетъ только о томъ, какъ бы скорѣе получить расчетъ, скорѣе добратъ до ночлега, подкрѣпиться

*) Паспорта ночующихъ на Хитровомъ рынкѣ въ участкѣ не прописываются.

и лечь спать. Работа, между тѣмъ, дѣлаетъ свое дѣло. Лицо загораетъ и грубѣетъ, принимая тупое выраженіе; руки покрываются мозолями; пальцы кривѣютъ. Платье и обувь рвутся и расползаются, а на починку ихъ не хватаетъ остатковъ заработка. О новомъ платьѣ и думать нечего. Въ часы досуга, когда нѣтъ работы, приходитъ въ голову мысль о томъ, какъ бы удалиться съ Хитровки, но эта мысль сейчасъ же поглощается другой: гдѣ взять паспортъ, костюмъ... Махнетъ человѣкъ рукой, съ горя выпьетъ, напьется, да такъ и застрянетъ на Хитровкѣ.

Въ относительно лучшемъ положеніи находятся тѣ ночлежники, которымъ, по условіямъ хитровской жизни, оказалось возможнымъ заниматься какой-либо работой по своей специальности. Въ самомъ дѣлѣ, съ какими бы неудобствами и трудностями ни было сопряжено здѣсь производство коробокъ или фейерверковъ, въ обоихъ случаяхъ, и корбочникъ, и пиротехникъ чувствуютъ себя, нѣкоторымъ образомъ, на своемъ мѣстѣ. Но что, напр., долженъ чувствовать бывший діаконъ, размѣшивая трехпудовой мѣшалкой въ котлѣ горячую асфальтовую массу (хотя ему лучше было бы быть пѣвчимъ), или вытаскивающий эту огненную массу ведрами какой-нибудь князь или бывший ученикъ консерваторіи, скончившій курсъ съ медалью?

Если работа есть только въ данный моментъ, если она къ тому же и оплачивается плохо, если нельзя рассчитывать достать эту работу (самому или съ чьей-либо помощью) завтра и послѣ завтра, словомъ, если является неувѣренность въ завтрашнемъ заработкѣ, то мысль поневолѣ направляется не столько къ данному труду, сколько къ изобрѣтенію способовъ, какъ бы завтра раздобыть на хлѣбъ. Вслѣдствіе этого, работа выходитъ хуже и вселяетъ работающему нѣкоторое отвращеніе *). Можетъ случиться, что человѣкъ и радъ бы работать, работалъ бы хорошо и зналъ бы, куда сбывать произведенія своего труда, но онъ не имѣетъ необходимыхъ приспособленій, инструментовъ и т. п. Измученный непосильнымъ ручнымъ трудомъ и подорванный жалкимъ вознагражденіемъ, онъ начинаетъ питать отвращеніе къ самому труду. Затѣмъ до неохоты работать вообще, до тулеядства, одинъ только шагъ. Такое состояніе или болѣзнь—отвращеніе къ труду приходится часто наблюдать въ средѣ обитателей Хитрова рынка и можно считать почти неизлѣчимой. Этой болѣзью страдаютъ многіе изъ числа лицъ, испытавшихъ режимъ работнаго дома.

Чтобы получить наиболѣе рельефное представленіе о засасывающемъ вліяніи Хитровки, слѣдуетъ познакомиться съ такими лицами,

*) Отсюда видно, какъ насущно необходимо помочь безработному въ пріисканіи соответствующей работы и оградить его интересы отъ несправедливо низкой оплаты его труда въ тѣхъ случаяхъ, когда его вынуждаетъ идти на работу, изъ-за куска хлѣба, за всякую плату, беспощадная конкуренція его же беззащитныхъ собратьевъ.

какъ князь Кур-инъ, докторъ медицины Пет-ко и художникъ Ш-е. Первый изъ нихъ—человѣкъ богатый, помѣщикъ, живетъ нѣсколько лѣтъ на Хитровкѣ, промышляя стрѣльбой. Время отъ времени къ нему прѣзжаетъ жена и привозитъ деньги; тогда Кур-инъ пьянствуетъ и поитъ виномъ всѣхъ окружающихъ, пока полученные деньги не будутъ пропиты. Второй, Пет-ко—при другихъ обстоятельствахъ хорошій докторъ, могъ бы имѣть обширную практику и положеніе въ обществѣ, теперь же живетъ подачками бывшихъ своихъ товарищей, валяясь пьянымъ и полуголоднымъ на грязныхъ нарахъ. Третій, Ш-е—былъ неоднократно увозимъ родными, но опять возвращался сюда, чтобы жить здѣсь и за какіе-нибудь 1—1^{1/2} руб. рисовать тушью портреты дворниковъ, съемщиковъ и др. хитровскихъ знаменитостей. Это истые любители хитровской жизни, хитрованцы-добровольцы *). Къ числу этихъ немногихъ добровольцевъ можно отнести тѣхъ московскихъ гулякъ, которые являются иногда на Хитровъ рынокъ попьянствовать, поразвлечься въ подходящей компаніи.

Появленіе гостей на Хитровкѣ—явленіе рѣдкое. Бываетъ, что къ ночлежникамъ приходятъ бывшіе ихъ товарищи по службѣ и знакомые, но настоящіе гости ходятъ, большею частью, къ простому пришлому народу, а въ остальныхъ случаяхъ гости приходятъ, едва ли не всегда, съ тою же цѣлью, съ какой посѣщаютъ, напр., зоологическій садъ. Приходятъ посмотрѣть вблизи на «индѣйское царство», полюбоваться на жизнь отверженныхъ. Держать себя подобные гости отчасти конфузливо, отчасти трусливо, и не успѣвъ, какъ слѣдуетъ взглянуть въ то, что желали видѣть, спѣшатъ убраться восвояси.

Прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ трудовой жизни обитателей Хитрова рынка, разсмотримъ сначала, чѣмъ питаются хитровцы.

Кто не попалъ на работу и не имѣетъ запасныхъ денегъ, тотъ идетъ обѣдать на благотворительную кухню и такъ стоитъ въ очереди 2—3 часа, въ ожиданіи впуска. Когда число заказовъ не велико, приходится оставаться безъ обѣда. Нельзя умолчать о качествахъ благотворительныхъ обѣдовъ. О столовой имени Стрекаловой говорить не приходится. Но есть на Хитровомъ рынкѣ частныя кухни-харчевни: Савостьянихи, Дурандихи, Зиновьева, принимающія заказы отъ благотворителей. Внимаютъ онѣ съ жертвователей по 10 коп. за обѣдъ, но кормятъ едва ли на 4 коп. Вотъ меню такихъ обѣдовъ. Супъ—мутная вода, щи—кислая вода, каша значится только на билетахъ, а вмѣсто нея раздають ситнички цѣною по 1^{1/2} коп.; остается одинъ черный

*) О засасывающемъ вліяніи Хитровки сложилось здѣсь слѣдующее ходячее послѣсловіе. «Я уйду съ Хитровки», говоритъ кто-нибудь, «надоѣло здѣсь!»—«А ты, равнѣ, не ѣлъ бульонки?»—иронически спрашиваютъ его:—«Блѣ. Ну, что же?»—«Ну, если, братъ, ѣлъ, то, значитъ, принялъ присягу жить здѣсь», возражаютъ ему. Дѣйствительно, рѣдко кто, вкусившій бульонки и всѣхъ прелестей хитровской жизни, уходитъ отсюда.

хлѣбъ, да и тотъ—неудовлетворительнаго качества. Если кто обѣдаетъ за деньги, то ему дадутъ щи, нѣсколько похожія на настоящія щи; если же обѣдаютъ «за здравіе» или «за упокой», то подъ именемъ щей нальютъ горячаго капустнаго разсола; въ супѣ же только съ трудомъ можно изловить ломтикъ картофеля. На рынкѣ билеты на благотворительныя обѣды котируются копѣйки по двѣ, при чемъ цѣнятся собственно хлѣбъ.

«Парные» ночлежники (т. е. живущіе съ женщиной), имѣющіе возможность приготовить обѣдъ дома, поступаютъ обыкновенно такъ: покупаютъ въ одной изъ хитровскихъ лавокъ на 8—10 коп. мясныхъ обрѣзковъ, на 3 коп. картофеля, на 1 коп. кореньевъ, луку и т. п. Все это укладывается въ жестяную банку (отъ консервовъ или конфетъ), замѣняющую кастрюлю, и отправляется въ водогрѣйку на плиту, за что берутъ 1—2 коп., и черезъ нѣсколько времени супъ готовъ. Общій расходъ на такой домашній обѣдъ для двоихъ—отъ 12 до 16 коп. на супъ и 3 коп. на хлѣбъ. Болѣе всего варятъ щи, супъ, жарятъ картофель, иногда готовятъ лапшу. Случается, что ночлежники жарятъ рыбу, утокъ, рябчиковъ. Эти продукты доставляются мусорщиками, находящими ихъ на задворкахъ при ресторанахъ, на что, впрочемъ, потребителями вниманія не обращается. Бульонка—обыкновенная вещь на Хитровкѣ.

Кипятокъ для чая берется въ водогрѣйняхъ. Пить свой чай можно и въ трактирѣ Гуревича, что стоитъ 2 коп. (за кипятокъ и посуду для одного человѣка), при чемъ можно сидѣть въ трактирѣ хоть цѣлый день. Обыкновенно, чай «подстрѣливается» ляпинцами въ нѣкоторыхъ столичныхъ лавкахъ, подающихъ милостыню, вмѣсто денегъ, маленькими дозами чая или сахара, и въ монастыряхъ. Если кому придется подстрѣлить сырого мяса или рыбы, тотъ у Гуревича можетъ сварить это на плитѣ за 2 коп. въ своихъ же банкахъ, которыя для того и хранятся въ уголкахъ Гуревичевой кухни.

Всѣ покупаемые хитровцами продукты—низкаго сорта, большею частью, недоброкачественны; начинку хитровскихъ пироговъ, продаваемыхъ на площади, не могутъ ѣсть даже самые невзыскательные изъ хитровцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Гор—евъ.

НЕИЗДАННЫЕ РАЗСКАЗЫ ГЮИ ДЕ-МОПАССАНА *)

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО Т. В.

I.

Весеннимъ вечеромъ.

Жанна выходила замужъ за своего двоюроднаго брата Жака. Они знали другъ друга съ дѣтства, и любовь ихъ не была обставлена стѣснительными условностями свѣтской жизни. Воспитанные вмѣстѣ, они не подозрѣвали, что любятъ другъ друга. Правда, молодая дѣвушка, немного кокетливая, слегка заигрывала съ кузеномъ, но совершенно невинно; она находила, что онъ славный мальчикъ, и каждый разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, она цѣловала его отъ души, не ощущая ни тѣни трепета, того трепета, который, какъ молнія, проникаетъ все наше существо.

А онъ, глядя на нее, думалъ: «Она, право, премиленькая, моя сестричка», и чувствовалъ къ ней невольную нѣжность, какую всякій молодой человекъ испытываетъ ко всякой хорошенькой дѣвушкѣ. Глубже онъ надъ этимъ не задумывался.

Но вотъ однажды Жанна услышала случайно, какъ ея мать говорила теткѣ (тетѣ Альбертѣ, такъ какъ тетя Лиза осталась старой дѣвой): «Увѣряю тебя, что эти дѣти не сегодня-завтра полюбятъ другъ друга; это сейчасъ видно. Что до меня, то Жакъ именно такой зять, о какомъ я мечтала».

И въ ту же минуту Жанна почувствовала, что влюблена въ своего кузена. Теперь уже при встрѣчахъ съ нимъ она краснѣла, рука ея дрожала въ его рукѣ; она опускала глаза, встрѣчаясь съ нимъ взглядомъ, конфузилась, когда приходилось цѣловаться съ нимъ, и все это она продѣлывала такъ искусно, что въ концѣ-концовъ Жакъ не могъ

*) Въ августѣ появился томикъ неизданныхъ рассказовъ Гюи де-Мопассана. Большая часть ихъ вполне отдѣльные и законченные; другіе представляютъ эскизы, послужившіе для романовъ Гюи де-Мопассана. Изъ нихъ мы выбрали пять болѣе характерныхъ для таланта этого автора. Весь сборникъ носитъ названіе «Le Père Milon».

не замѣтить. Онъ догадался въ чемъ дѣло и въ порывѣ не то искренняго чувства, не то удовлетвореннаго тщеславія схватилъ свою кузину въ объятія и прошепталъ ей: «Я люблю тебя!»

Съ этой минуты начались непрерывныя нѣжности, воркованье, одними словомъ, всѣ милыя любовныя глупости, которыя имъ еще облегчала ихъ давнишняя близость. Въ гостиной Жакъ обнималъ свою невѣсту при трехъ старушкахъ сестрахъ: своей матери, матери Жанны и тетѣ Лизѣ. Онъ гулялъ съ ней вдвоемъ цѣлыми днями въ лѣсу, по берегу маленькой рѣчки, по влажной травѣ луговъ, усыянныхъ полевыми цвѣтами. И они ожидали своего союза безъ напряженнаго нетерпѣнія, охваченные вѣяньемъ тихой нѣжности, вкушая тонкую прелесть мимолетныхъ ласкъ, пожатія рукъ, долгихъ страстныхъ взглядовъ, когда души точно сливаются вмѣстѣ, волнуемые еще неяснымъ желаніемъ болѣе жаркихъ объятій, ощущая на губахъ какой-то трепетъ, точно они звали, жаждали, желали и общались что-то.

Иногда, проведя весь день въ этой жаркой атмосферѣ страсти, платонической нѣжности, они чувствовали къ вечеру какую-то странную усталость и оба глубоко вздыхали, сами не зная о чемъ, не понимая причины этихъ вздоховъ, исполненныхъ ожиданія.

Обѣ матери и сестра ихъ—тетя Лиза смотрѣли на эту любовь съ ласковой благосклонностью. Больше всѣхъ казалась растроганной тетя Лиза.

Это была маленькая женщина, которая мало говорила, старалась, по возможности ступать, никогда не производила никакого шума, появлялась только за столомъ, тотчасъ же снова исчезала въ свою комнату и постоянно сидѣла тамъ одна. Съ виду это была добродушная старушка съ мягкимъ и грустнымъ взглядомъ; въ семьѣ она какъ-то не шла въ счетъ.

Обѣ сестры—вдовы, занимавшія опредѣленное мѣсто въ свѣтѣ, смотрѣли на нее немного свысока, какъ на существо совсѣмъ незначительное. Въ обращеніи съ ней проглядывала извѣстная доза пренебрежительной снисходительности къ старой дѣвѣ. Звали ее Элиза; она родилась въ тѣ дни, когда Беранже царилъ во Франціи. Но съ тѣхъ поръ, какъ стало очевидно, что она не выйдетъ замужъ, ее переименовали изъ Элизы въ Лизу. Теперь она превратилась въ «тетю Лизу», скромную, чистенькую старушку, ужасно робкую даже въ кругу своихъ, которые любили ее или, лучше сказать, питали къ ней смѣшанное чувство привычки, состраданья и благосклоннаго равнодушія.

Дѣти никогда не прибѣгали поцѣловать ее въ ея комнату. Къ ней входила только служанка. Когда хотѣли поговорить съ ней, за ней посылали. Быть можетъ, даже не всѣ знали хорошенько, гдѣ находилась эта комната, комната, гдѣ одиноко протекала вся эта бѣдная жизнь. Ей какъ-то не было мѣста среди людей. Когда ея не было въ комнатѣ, о ней никогда не говорили, никто, вѣроятно, не думалъ о

ней. Это было одно изъ тѣхъ незамѣтныхъ созданій, которыя остаются чуждыми и неинтересными даже для близкихъ, смерть ихъ не оставляетъ пустоты въ домѣ, они не умѣютъ стать необходимыми, войти въ жизнь, въ привычки, въ чувства окружающихъ.

Она ходила всегда маленькими шажками, молчаливыми и поспѣшными, никогда не производила шума, никогда ничего не задѣвала; казалось, она сообщала предметамъ свойство не издавать ни малѣйшаго звука, ея руки были точно сдѣланы изъ ваты—такъ мягко и нѣжно прикасались онѣ ко всему.

Когда кто-нибудь произносилъ «тетя Лиза», слова эти не пробуждали никакой идеи въ умахъ слушателей. Точно говорилось «кофейникъ» или «сахарница».

Собачка Лута обладала, несомнѣнно, гораздо болѣе ярко выраженной индивидуальностью, ее постоянно поддразнивали, ее называли: «милая Лута, Луточка моя, красавица-Лутка». Ее бы, конечно оплакивали гораздо больше.

Свадьба была назначена на конецъ мая. Молодые люди не разставались больше, ихъ взоры, руки, мысли и сердца были неразлучны. Запоздавшая въ этотъ годъ весна, колеблющаяся и холодная, съ ясными заморозками по ночамъ и свѣжими утренними туманами, вдругъ буѣно распѣла.

Нѣсколько теплыхъ, слегка пасмурныхъ дней взбудоражали всѣ соки земли, развернули листья точно по волшебству и распространили вокругъ разнѣживающій ароматъ почекъ и раннихъ цвѣтовъ.

Наконецъ, однажды въ полдень побѣдоносное солнце осушило ползущіе туманы и засіяло надъ цвѣтущей долиной. вмѣстѣ съ нимъ свѣтлая радость охватила всю страну, проникла всюду, въ растенія, въ животныхъ, въ людей. Влюбленные птицы порхали, трепетали крыльями, звали другъ друга. Жанна и Жакъ, съ стѣсненнымъ отъ наплыва счастья сердцемъ, болѣе чѣмъ обыкновенно взволнованные и смущенные новымъ трепетомъ, проникавшимъ въ нихъ отъ пробуждающагося лѣса, сидѣли весь день рядомъ у воротъ усадьбы, не рѣшаясь болѣе удалиться вдвоемъ, и слѣдили разсѣяннымъ взглядомъ за плавающими по пруду лебедями.

Съ наступленіемъ вечера они почувствовали себя спокойнѣе и послѣ обѣда пріютились у открытаго окна гостиной, вполголоса разговаривая между собой; при свѣтѣ лампы подъ широкимъ абажуромъ матери ихъ играли въ пикетъ, а тетя Лиза вязала чулки для бѣдныхъ.

За прудомъ тянулся вдаль высокій лѣсъ, и вдругъ среди едва опушенныхъ зеленыхъ вѣтвей деревьевъ проглянула луна. Мало-по-малу, подымаясь все выше за деревьями, рисовавшимися на ея дискѣ, она вступила въ средину неба, гася звѣзды и проливая на землю блѣдный, меланхолическій свѣтъ, исполненный грезъ, милый всѣмъ мечтателямъ, поэтамъ и влюбленнымъ.

Молодые люди сначала смотрѣли на нее, потомъ, охваченные ласкающей прелестью этой ночи, этого призрачнаго свѣта, скользющаго по травѣ и по вѣтвямъ деревьевъ, они вышли медленными шагами и прогуливались по бѣгѣющимъ полямъ отъ дома до блестящей глади пруда.

Окончивъ положенныя четыре партіи въ пикетъ, обѣ матери стали дремать и собрались идти спать.

— Надо позвать дѣтей,—сказала одна изъ нихъ.

Другая окинула взглядомъ свѣтлую поляну, по которой тихо бродили двѣ тѣни, и отвѣтила:

— Оставь ихъ, ночь такъ хороша! Лиза подождетъ ихъ. Не правда ли, Лиза?

Старая дѣва тревожно взглянула на нее и сказала своимъ робкимъ голосомъ.

— Конечно, я подожду ихъ.

И обѣ сестры отправились въ свои спальни.

Тогда тетя Лиза тоже поднялась и, оставивъ на ручкѣ кресла начатую работу, иголки и шерсть, облокотилась на окошко и стала смотрѣть на прелестную ночь.

Влюбленные неумоимо ходили по травѣ отъ подъѣзда до пруда и отъ пруда до подъѣзда. Они перестали говорить и только пожимали другъ другу руки, точно отрѣшившись отъ самихъ себя и растворяясь въ дыханьи поэзіи, охватившей землю. Вдругъ Жанна замѣтила въ окнѣ силуэтъ старушки, освѣщенной свѣтомъ лампы.

— Посмотри-ка,—сказала она,—вонъ тетя Лиза смотритъ на насъ. Жакъ подвнгалъ голову.

— Да,—подтвердилъ онъ,—тетя Лиза смотритъ на насъ.

И они продолжали мечтать, бродить и любить.

Но трава покрылась росой. Легкая дрожь прохватила ихъ.

— Вернемся,—сказала она.

Когда они вошли въ гостиную, тетя Лиза снова принялась за вязанье; она низко склонилась надъ работой и ея маленькіе пальчики слегка дрожали точно отъ сильной усталости.

Жанна подошла къ ней.

— Тетя, мы идемъ спать.

Старая дѣва подняла глаза. Они были красны, точно заплаканы. Жакъ и его невѣста не обратили на это вниманія. Но молодой человѣкъ замѣтилъ, что тонкія тувельки дѣвушки были совершенно мокры. Онъ встревожился и спросилъ съ нѣжностью:

— Не озябли ли твои милыя маленькія ножки?

Вдругъ пальцы тети Лизы вздрогнули такъ сильно, что работа выпала у нея изъ рукъ, клубокъ шерсти покотился по паркету, и, закрывъ лицо руками, старушка зарыдала, судорожно всхлипывая.

Молодые люди бросились къ ней. Жанна на колыняхъ пыталась отнять ея руки отъ лица и вся потрясенная повторяла:

— Тетя Лиза, что съ тобой? Что съ тобой, тетя Лиза?..

Тогда бѣдная старушка, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, полнымъ слезъ голосомъ сказала:

— Видишь ли... видишь ли, когда онъ спросилъ тебя: «Не озябли ли... твои... милыя маленькія ножки?..» Мнѣ никогда... никто не говорилъ ничего такого... Никогда!.. никогда!..

II.

С л ѣ п о й.

Отъ чего зависить обаяніе первыхъ солнечныхъ лучей? Почему, падая на землю, они наполняютъ насъ счастьемъ, радостью жизни? Ясная лазурь неба, свѣжая зелень полей, сверкающая бѣлизна домовъ, наши взоры упиаются этими яркими цвѣтами, радующими наши души. И насъ охватываетъ желаніе танцевать, желаніе бѣгать, желаніе пѣть, счастливая легкость мысли, какая-то всеохватывающая нѣжность; намъ хотѣлось бы объять самое солнце.

Слѣпые у воротъ домовъ, безучастные подъ давленіемъ вѣчнаго мрака, хранятъ обычное спокойствіе среди этого обновленнаго веселья, и, не понимая его, они поминутно умиряютъ своихъ собакъ, которыя такъ и прыгаютъ во всѣ стороны.

Когда на закатѣ дня они возвращаются домой объ руку съ младшимъ братомъ или съ маленькой сестренкой, и ребенокъ говорить имъ: «Какая сегодня чудная погода», слѣпой отвѣчаетъ: «О, я это давно замѣтилъ, не даромъ Лузу на мѣстѣ не стояла».

Я зналъ одного изъ этихъ несчастныхъ, жизнь котораго представляла собой самую жестокою пытку, какую только можно вообразить.

Это былъ крестьянинъ, сынъ нормандскаго фермера. Пока были живы отецъ и мать, о немъ еще кое-какъ заботились, онъ страдалъ только отъ своего ужаснаго недостатка, но какъ только старики умерли, началось прямо-таки невыносимое существованіе. Его взяла изъ милости сестра, и всѣ обитатели фермы смотрѣли на него, какъ на нищаго, отнимающаго хлѣбъ у другихъ. Его попрекали каждымъ кускомъ, называли бездѣльникомъ, дармоѣдомъ, и хотя зять завладѣлъ его долей наслѣдства, для него жалѣли даже похлебки и давали ровно столько, чтобъ онъ не умеръ съ голоду.

У него было блѣдное лицо и на немъ выдѣлялись, какъ двѣ бѣлыя облатки, два большихъ бѣлыхъ глаза; онъ невозмутимо переносилъ оскорбленія и былъ такъ сдержанъ, что неизвѣстно даже, чувствовалъ ли онъ ихъ. Онъ никогда не испыталъ ни малѣйшей ласки, мать была съ нимъ всегда рѣзка, она не любила его; въ деревнѣ бесполезные вредны и крестьяне охотно послѣдовали бы примѣру куръ, убивающихъ своихъ уродовъ.

Проглотивъ свою похлебку, онъ садился лѣтѣмъ у воротъ, зимой — у печки, и уже весь вечеръ не трогался съ мѣста; онъ не дѣлалъ ни одного жеста, ни малѣйшаго движенія; только вѣки, дрожавшія отъ внутренняго страданія, опускались иногда на бѣлыя пятна его глазъ. Было ли у него когда-нибудь въ жизни ясное пониманіе, ясная мысль, ясное сознаніе? Никто не задавался этимъ вопросомъ.

Нѣсколько лѣтъ все шло тѣмъ же порядкомъ. Но его полная неспособность дѣлать что-нибудь, а можетъ быть, отчасти и его невозмутимость, вывели наконецъ изъ терпѣнія его родныхъ и онъ превратился въ посмѣшище, въ козла отпущенія, въ жертву, отданную во власть врожденной жестокости, дикаго злорадства окружавшихъ его звѣрей.

Они выдумывали всевозможныя жестокія шутки, чтобъ посмѣяться надъ его слѣпотой. Въ награду за его пропитаніе, изъ его обѣдовъ устроили забаву для сосѣдей и пытку для несчастнаго.

Крестьяне ближнихъ фермъ сходились къ нимъ точно на представленіе; изъ дома въ домъ переходилъ слухъ объ этой забавѣ, и кухня фермы была всякій день полна народа. Иногда на столъ передъ чашкой, изъ которой онъ ѣлъ супъ, сажали собаку или кошку. Животное инстинктомъ чуюло беззащитность этого человѣка, тихонько приближалось къ нему и безшумно начинало ѣсть, деликатно подлизывая похлебку, а когда случайно какой-нибудь звукъ привлекалъ вниманіе бѣдняги, оно осторожно отступало, чтобъ избѣжать удара ложкой, которой тотъ замахивался наудачу.

Тогда зрители, толпившіеся по стѣнамъ, принимались подталкивать другъ друга, хохотать, переступая съ ноги на ногу. А онъ, не говоря ни слова, снова начиналъ ѣсть правой рукой, защищая лѣвой тарелку.

Иногда ему подсовывали въ тарелку пробки, щепки, листья и всякій мусоръ, котораго онъ не замѣчалъ.

Но, наконецъ, и эти шутки надоѣли; зять, взбѣшенный необходимостью кормить его, началъ, походя, бить его, давать ему пощечины, и хохоталъ надъ бесплодными стараніями того защититься отъ ударовъ или возвратить ихъ. Это была новая игра—игра въ пощечины. Работники, скотницы, служанки поминутно давали ему звонкія пощечины, вызывавшія у него только быстрое дрожаніе вѣкъ. Онъ не зналъ, куда спрятаться и сидѣлъ постоянно, вытянувъ впередъ руки, чтобъ избѣжать этихъ неожиданныхъ ударовъ.

Потомъ его стали заставлять нищенствовать. Въ базарные дни его выводили на дорогу и онъ, слышавъ звукъ шаговъ или стукъ колесъ, протягивалъ пляпу и бормоталъ: «Подайте милостыню, Христа ради».

Но крестьянинъ чуждъ расточительности, и дѣлыми недѣлями онъ не приносилъ домой ни одного су.

Тогда на него обрушилась безудержная звѣрская ненависть окружающихъ. И вотъ какимъ образомъ онъ умеръ.

Однажды зимой, когда земля была сплошь покрыта снѣгомъ и морозъ все крѣпчалъ, зять завелъ его утромъ далеко на большую дорогу, гдѣ онъ долженъ былъ просить милостыню. Онъ оставилъ его тамъ на весь день, а вечеромъ объявилъ своимъ домашнимъ, что не нашелъ его. «Есть о чемъ заботиться,—прибавилъ онъ,—навѣрно онъ зазябъ и кто-нибудь увелъ его къ себѣ. Не пропадетъ, не таковскій! Навѣрно, завтра явится хлебать свой супъ».

На завтра онъ не явился.

Прождавъ напрасно долгіе часы, чувствуя, что умираетъ отъ холода, онъ пустился въ путь. Не различая дороги подъ покрывшей землю ледяной корой, онъ бродилъ наудачу, падая въ ямы, подымаясь, не произнося ни звука, тщетно разыскивая какое-нибудь жилище.

Мало-по-малу имъ овладѣвало оцѣпенѣніе, слабыя ноги не могли больше нести его и онъ опустился на землю посреди равнины. Больше онъ уже не всталъ.

Бѣлые хлопья, падавшіе съ неба, засыпали его. Его окаменѣвшее тѣло исчезло подъ безостановочнымъ наплывомъ ихъ безграничной массы, и ничто не указывало мѣста, гдѣ лежалъ трущъ.

Родные его въ теченіе нѣсколькихъ дней дѣлали видъ, что ищутъ его и собираютъ о немъ свѣдѣнія. Они даже плакали.

Зима стояла суровая и оттепель наступила не скоро. Наконецъ, однажды въ воскресенье, отправляясь къ обѣднѣ, крестьяне замѣтили, что большая стая вороновъ кружилась надъ равниной, спускалась дождемъ на одно мѣсто, улетала и снова возвращалась туда же.

На слѣдующую недѣлю мрачныя птицы все еще кружились тамъ же. Цѣлыя тучи ихъ застилали небо, точно они собрались сюда со всѣхъ странъ свѣта, и съ громкими криками они падали на сверкающій свѣтъ, образуя на немъ странныя пятна и упорно пытались разрыть его.

Одинъ изъ проходившихъ пошелъ посмотрѣть, что они тамъ роютъ и нашелъ тѣло слѣпое, уже наполовину изъѣденное. Его блѣдные глаза исчезли, выколотые длинными прожорливыми клювами.

И всякій разъ, когда я ощущаю живую прелесть солнечнаго дня, печальная мысль и гнетущее воспоминаніе вызываютъ во мнѣ образъ этого страдальца, такого обездоленнаго въ жизни, что смерть его должна была обгадовать всѣхъ знавшихъ его.

III.

Г о р ь .

Назовемъ ее мадамъ Ансеръ, чтобы кто-нибудь не узналъ ея настоящаго имени.

Это была одна изъ чѣхъ парижскихъ кометъ, которыя оставляютъ за собой огненный слѣдъ. Она писала стихи и повѣсти, обладала поэ-

тической душой и была очаровательно прекрасна. Она принимала у себя немногих избранных, только тѣхъ, кого называютъ свѣтиломъ въ какой-нибудь области. Быть приглашеннымъ къ ней значило получить признаніе своего умственного превосходства; по крайней мѣрѣ, такъ смотрѣли на ея приглашенія въ свѣтъ.

Мужъ ея игралъ роль незамѣтнаго спутника. Быть супругомъ кометы—вообще не завидная роль. У этого супруга была однако своя собственная идея—идея создать государство въ государствѣ, приобрести самостоятельно нѣкоторое значеніе,—значеніе, конечно, второстепенное; но главное сводилось къ тому, что въ тѣ дни, когда у жены бывали приемы, къ нему тоже собирались гости; у него былъ собственный кругъ посѣтителей, которые цѣнили его, слушали и относились къ нему съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ его блистательной подругѣ.

Онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ; сельскимъ хозяйствомъ въ своей комнатѣ, конечно. Вѣдь есть же комнатные генералы,—какъ иначе назвать тѣхъ, кто рождается, живетъ и умираетъ въ кожаныхъ креслахъ военнаго министерства?—комнатные моряки,—смотри морское министерство,—комнатные колонизаторы, и т. д., и т. д. Итакъ, онъ изучилъ сельское хозяйство, но изучилъ основательно въ связи съ другими науками, съ политической экономіей, съ искусствами,—искусство подають вѣдь теперь подъ разными соусами, произведеніями искусства называютъ даже ужасные желѣзнодорожные мосты. Наконецъ, онъ достигъ того, что про него стали говорить «это человекъ знающій». На него дѣлали ссылки въ специальныхъ журналахъ. Жена его добилась назначенія его въ одну изъ комиссій при министерствѣ земледѣлія.

Эта скромная извѣстность вполне удовлетворяла его.

Подъ предлогомъ сокращенія расходовъ онъ приглашалъ своихъ друзей, по тѣмъ же днямъ, когда принимала его жена, такъ что гости смѣшались или, лучше сказать, образовали двѣ группы. Хозяйка со своей свитой художниковъ, академиковъ, министровъ занимала родъ галереи, отдѣланной и меблированной въ стилѣ имперіи, хозяинъ со своими земледѣльцами удалялся обыкновенно въ комнату поменьше, служившую курильвой, и мадамъ Ансеръ иронически называла ее сельскохозяйственнымъ салономъ.

Оба лагеря были строго разграничены. Хозяинъ дома, безъ тѣни зависти, впрочемъ, показывался иногда въ академіи и обмѣнивался дружескими рукопожатіями съ ея членами; но академія питала безграничное презрѣніе къ сельскохозяйственному салону, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ кто-нибудь изъ свѣтилъ науки, мысли или чего-нибудь другого, смѣшивался съ толпой земледѣльцевъ.

На этихъ собраніяхъ не подавалось никакого угощенія; чай, какой-нибудь тортъ—вотъ и все. Первое время супругъ выражалъ желаніе, чтобы покупалось два торта, одинъ для академіи, другой для сель-

скихъ хозяевъ; но мадамъ Ансеръ справедливо замѣтила, что такой образъ дѣйствій подчеркнетъ существованіе двухъ лагерей, двухъ отдѣльныхъ пріемовъ, двухъ партій,—и онъ не настаивалъ; такимъ образомъ подавался только одинъ тортъ; сначала имъ угощали академію, а потомъ онъ переходилъ въ сельскохозяйственный салонъ.

Въ скоромъ времени этотъ тортъ подалъ поводъ въ академіи къ самымъ любопытнымъ наблюденіямъ. Мадамъ Ансеръ никогда не разрѣзала его сама. Эта обязанность выпадала всегда на долю одного изъ знаменитыхъ гостей. Каждый исполнялъ болѣе или менѣе продолжительное время эту почетную роль: нѣкоторые мѣсяца по три, рѣдко дольше, и замѣчено было, что привилегія «разрѣзать тортъ» влекла за собой, повидимому, цѣлый рядъ другихъ преимуществъ, нѣчто вродѣ прерогативъ королевской, или, лучше сказать, вице-королевской власти.

Король говорилъ болѣе громкимъ голосомъ, принималъ явно начальнической тонъ, и хозяйка дома дарила его своей исключительной благосклонностью.

Между собой, подъ большимъ секретомъ этихъ счастливецъ называли «фаворитами торта» и каждый разъ перемѣна фаворитовъ влекла за собой въ Академіи цѣлый переворотъ. Ножъ игралъ роль скиптра, сладкій пирогъ—эмблемы; избранныхъ всѣхъ поздравляли. Сельскіе хозяева никогда не разрѣзали торта. Супругъ былъ тоже лишень этой чести.

Поэты, художники, романисты поочередно рѣзали тортъ. Нѣкоторое время въ почетной должности состоялъ великій музыкантъ, его смѣнилъ посланникъ. Иногда мѣсто передъ символическимъ пирогомъ доставалось менѣе знаменитому гостю, какому-нибудь элегантному господину, принятому всюду, одному изъ тѣхъ, кого, смотря по эпохѣ называютъ — истиннымъ джелтменомъ, настоящимъ денди и т. п. Каждый изъ нихъ во время своего недолгаго царствованія выказывалъ супругу знаки особаго вниманія; потомъ когда наступалъ моментъ переворота, онъ передавалъ ножъ слѣдующему и снова смѣшивался съ толпой поклонниковъ «прекрасной мадамъ Ансеръ».

Такое положеніе вещей длилось долго; но блескъ кометы не вѣченъ. Все въ этомъ мірѣ имѣетъ конецъ. Усердіе рѣзущихъ тортъ стало какъ-будто ослабѣвать понемногу; они точно колебались, когда имъ предлагали блюдо съ пирогомъ; казалось, что этой завидной должности не такъ горячо добивались, сохраняли ее не такъ долго, гордились ею значительно меньше. Мадамъ Ансеръ все также щедро расточала свои улыбки и любезности, а разрѣзали тортъ далеко не такъ охотно. Новые посѣтители, повидимому, совсѣмъ уклонялись отъ этой чести. Ненадолго появлялись «прежніе фавориты», какъ развѣнчанные монархи, которыхъ въ моментъ междоцарствія снова призываютъ къ власти. Наконецъ, избранники стали появляться рѣдко, очень, очень рѣдко. Цѣлый мѣсяцъ, о чудо! самъ хозяинъ разрѣзалъ тортъ; потомъ

это ему повидимому, надоѣло; наконецъ, однажды вечеромъ мадамъ Ансеръ, прекрасная мадамъ Ансеръ разрѣзала его сама.

Но для нея это должно-быть оказалось слишкомъ труднымъ; и на слѣдующій разъ она такъ настойчиво уговаривала одного изъ гостей, что тотъ не рѣшился отказать.

Однако, символъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ; гости украдкой обмѣнивались тревожными, смущенными взглядами. Разрѣзать тортъ это само по себѣ пустяки, но привилегіи, связанные съ этимъ, приводили теперь, повидимому, въ ужасъ; какъ только появлялось блюдо съ тортомъ, академики одинъ за другимъ переходили въ сельскохозйственный салонъ, они какъ-будто искали защиты у супруга, сохранявшаго на своемъ лицѣ неизмѣнную улыбку. И когда встревоженная хозяйка показывалась въ дверяхъ съ тортомъ въ одной рукѣ и ножикомъ въ другой, всѣ толпой окружали ея мужа, точно умоляя его о помощи.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Теперь уже никто не рѣзалъ торта; но по старой привычкѣ та, которую все еще продолжали любезно называть «прекрасная м-мъ Ансеръ» каждый вечеръ искала глазами какого-нибудь вѣрнаго поклонника, чтобы вручить ему ножъ, и каждый разъ вокругъ нея происходило то же движеніе: всеобщее поспѣшное отступленіе, прикрытое тысячью сложныхъ искусныхъ маневровъ, чтобы избѣжать предложенія, готоваго сорваться съ губъ хозяйки.

Но вотъ однажды вечеромъ ей представили совсѣмъ еще молодого юношу, невиннаго и неопытнаго. Онъ не былъ посвященъ въ тайну торта; когда на сцену появился сладкій пирогъ, когда всѣ обратились въ бѣгство, и м-мъ Ансеръ взяла изъ рукъ лакея блюдо и ножикъ, онъ спокойно остался около нея,

Быть можетъ, она подумала что тайна ему извѣстна, она улыбнулась и слегка взволнованнымъ голосомъ сказала ему:

— Вы не откажетесь, быть можетъ, разрѣзать этотъ тортъ.

Онъ поспѣшно снялъ перчатки, польщенный такой честью:

— Помилуйте! Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Со всѣхъ сторонъ, изъ укромныхъ уголковъ галлерей, изъ дверей сельскохозйственнаго салона выглядывали любопытныя головы. Потомъ увидѣвъ, что новый гость безъ малѣйшаго колебанія принялся разрѣзать тортъ, всѣ толпой окружили его.

Старый поэтъ весельчакъ, похлопалъ по плечу неофита и шепнулъ ему на ухо:

— Bravo, молодой человекъ!

Его разсматривали съ любопытствомъ. Даже супругъ казался изумленнымъ. Между тѣмъ молодой человекъ былъ тоже очень удивленъ тѣмъ вниманіемъ, какимъ его вдругъ окружили, и, главное, онъ не могъ понять той особой любезности, той очевидной благосклонности, той молчаливой благодарности, какую ему выказывала хозяйка дома.

Но въ концѣ концовъ онъ кажется появля. Гдѣ и когда была ему открыта тайна? Это осталось неизвѣстнымъ. Но когда онъ появился слѣдующій разъ, у него былъ видъ озабоченный, даже какъ будто сконфуженный, и онъ съ беспокойствомъ оглядывался кругомъ. Настало время подавать чай. Появился лакей. М-мъ Ансеръ съ счастливой улыбкой, взяла изъ рукъ его блюдо и искала глазами своего молодого друга; но онъ скрылся такъ поспѣшно, что его нигдѣ не было видно. Тогда она отправилась въ поиски за нимъ и скоро нашла его въ глубинѣ салона «земледѣльцевъ». Взявъ подъ руку мужа, онъ съ отчаяніемъ спрашивалъ его о средствахъ для борьбы съ филоксерой.

— Я надѣюсь,—сказала она ему ласковымъ голосомъ,—что вы не откажетесь нарѣзать этотъ тортъ?

Онъ покраснѣлъ до корней волосъ, и забормоталъ что-то, совершенно растерявшись.

Хозяину дома стало жаль его и онъ сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— Милая моя, будь такъ добра, не мѣшай намъ, мы рассуждаемъ о сельскомъ хозяйствѣ. Вели же Бабтисту разрѣзать твой тортъ.

И съ этихъ поръ уже никто никогда не рѣзалъ торта м-мъ Ансеръ.

IV.

Маленькая хитрость.

— Женщины?

— Ну, что жъ—женщины?

— А то, что ни одинъ фокусникъ не съумѣетъ болѣе искусно обмануть насъ иногда даже безъ всякой цѣли, единственно ради удовольствія перехитрить насъ. Онѣ пускаются на хитрости съ невѣроятнымъ простодушіемъ, съ изумительной смѣлостью, съ непобѣдимой тонкостью. Онѣ обманываютъ съ утра до вечера и всѣ безъ исключенія даже самыя честныя, самыя искреннія, самыя разумныя.

Допустимъ, что иногда онѣ до вѣкоторой степени принуждены къ этому. Мужчина сплошь и рядомъ проявляетъ идиотское упрямство и тираническія прихоти. У себя дома мужъ поминутно выражаетъ самыя негѣпныя требованья. Онъ мѣры не знаетъ капризамъ, и жена потакаетъ имъ, конечно, обманывая его. Она увѣряетъ его, что вещь стоитъ столько-то, потому что онъ раскричался бы, если бы она стоила дороже. И она выпутывается изъ затрудненія съ помощью такихъ простыхъ и такихъ лукавыхъ пріемовъ, что у насъ руки опускаются, когда мы случайно открываемъ ихъ. Мы восклицаемъ въ изумленіи: «Какъ могли мы не замѣтить?!»

Говорившій это былъ графъ Л., бывшій министръ имперіи, человекъ, недюжиннаго ума по слухамъ и большой Донъ-Жуанъ.

Группа молодыхъ людей его слушала.

Онъ продолжалъ:

— Меня провела однажды скромная, маленькая буржуазка, провела мастерски и презабавно. Я вамъ расскажу этотъ случай въ поученіе.

Я былъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ и имѣлъ обыкновеніе каждое утро прогуливаться пѣшкомъ по Елисейскимъ полямъ. Дѣло было въ маѣ; я ходилъ, жадно вдыхая запахъ распускающихся листьевъ.

Вскорѣ я замѣтилъ, что каждый день мнѣ на встрѣчу попадаетъ прелестная маленькая женщина, одно изъ тѣхъ изумительно граціозныхъ созданій, которыя носятъ на себѣ печать парижскаго издѣлія. Была ли она красива? И да, и нѣтъ. Стройна? Нѣтъ, но лучше того. Талія слишкомъ тонкая, быть можетъ, плечи слишкомъ прямыя, грудь слишкомъ выпуклая; но я предпочитаю этихъ изящныхъ куколокъ величественной фигурѣ Венеры Милосской.

И потомъ у нихъ совершенно особенная походка, слегка вздрагивающая, которая сама по себѣ способна свести насъ съ ума. Мнѣ казалось, что при встрѣчахъ она поглядываетъ на меня. Но относительно этихъ женщинъ кажется все что угодно, а между тѣмъ никогда нельзя быть увѣреннымъ...

Одинъ разъ я нашелъ ее сидящей на скамейкѣ съ книгой въ рукахъ. Конечно, я поспѣшилъ сѣсть рядомъ. Пять минутъ спустя мы были друзьями. Съ этихъ поръ, встрѣчаясь, мы съ улыбкой обмѣнивались привѣтствіями, болтали. Она рассказала мнѣ, что мужъ ея чиновникъ, что жизнь ея идетъ не весело, развлеченій мало, а заботъ по горло, и тысячи разныхъ мелочей.

Я, не то случайно, не то изъ тщеславія рассказалъ ей, кто я; она очень правдоподобно разыграла удивленіе.

На другой день она пришла навѣстить меня въ министерство и стала такъ часто появляться тамъ, что швейцары замѣтили ее и, увидѣвъ ее, шепотомъ сообщали другъ другу имя, которымъ они ее окрестили: «мадамъ Лео», Лео—одно изъ моихъ именъ.

Цѣлыхъ три мѣсяца я видѣлся съ ней каждое утро и ни на минуту она не наскучила мнѣ, такъ она умѣла разнообразно и остроумно проявлять свою нѣжность. Но однажды я замѣтилъ, что взглядъ ея потускнѣлъ, и глаза постоянно наполняются еле сдерживаемыми слезами, она говорила съ трудомъ, поглощенная какой-то тайной заботой.

Я просилъ ее, умоляя открыть мнѣ причину своей тревоги; и наконецъ, она пробормотала, дрожа всѣмъ тѣломъ: «я чувствую... я чувствую, что я... беременна». И она разрыдалась. О! я сдѣлалъ ужасную гримасу и должно быть поблѣднѣлъ, какъ обыкновенно блѣднѣютъ при подобныхъ извѣстіяхъ. Вы не можете себѣ представить, какой ударъ въ сердце производитъ такое неожиданное сообщеніе. Раньше или позже вы навѣрно это узнаете. Я пробормоталъ въ свою очередь: «Но вѣдь ты... вѣдь ты же замужемъ?»

Она отвѣтила: «Да, но мой мужъ уже два мѣсяца въ Италиі и еще не скоро вернется».

Я хотѣлъ во что бы то ни стало снять съ себя отвѣтственность. Я сказалъ: «Такъ надо сейчасъ же ѣхать къ нему». Она покраснѣла до корней волосъ: «Да... но...» Она не рѣшалась или не хотѣла продолжать. Я понялъ и деликатно передалъ ей пакетъ съ суммой, необходимой для поѣздки.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ нея письмо изъ Генуи. Потомъ на слѣдующей недѣлѣ изъ Флоренціи, изъ Ливорно, изъ Рима, изъ Неаполя. Она писала мнѣ: «Я чувствую себя хорошо, мой возлюбленный, но я ужасно подурнѣла. Я не хочу, чтобы ты меня видѣлъ теперь, пока все это не кончится, ты разлюбишь меня. Мужъ ничего не подозрѣваетъ. Дѣла задержать его здѣсь еще надолго, такъ что я вернусь во Францію уже послѣ своего освобожденія».

Около восьми мѣсяцевъ спустя я получилъ изъ Венеціи лаконическую записку: «Мальчикъ».

Вскорѣ послѣ того, какъ-то утромъ она неожиданно ворвалась ко мнѣ въ кабинетъ еще болѣе свѣжая и хорошенькая чѣмъ раньше и бросилась въ мои объятія.

Наша любовь возобновилась. Я оставилъ министерство; она стала являться въ мой отель на улицѣ Гревель. Часто она заговаривала со мной о ребенкѣ, но я не слушалъ ее; это меня вовсе не касалось. Отъ времени до времени я передавалъ ей круглую сумму, говоря просто: «Положи это на его имя».

Прошло еще два года; она все съ большимъ увлеченіемъ сообщала мнѣ разныя подробности о малюткѣ, «о Лео». Иногда она даже плакала: «Ты не любишь его; тебѣ не хочется его видѣть; еслибъ ты зналъ, какъ ты меня огорчаешь!»

Наконецъ, она начала такъ меня упрашивать, что я обѣщалъ ей придти на другой день на Елисейскія Поля въ то время, когда она гуляетъ тамъ съ ребенкомъ.

Но когда я собрался идти, меня остановилъ страхъ. Человѣкъ такъ глупъ и слабъ; кто знаетъ, что произойдетъ въ моемъ сердцѣ? Вдругъ я почувствую привязанность къ этому маленькому существу рожденному отъ меня! моему сыну!

Я стоялъ, готовый идти, въ шляпѣ и въ перчаткахъ. И я бросилъ перчатки на столъ, а шляпу на стулъ: «Нѣтъ, положительно, я не пойду, это будетъ гораздо умнѣе».

Дверь открылась. Вошелъ мой братъ. Онъ протянулъ мнѣ анонимное письмо, полученное утромъ: «Предупредите вашего брата, графа Л., что маленькая женщина съ улицы Кассетъ безсовѣстно обманываетъ его. Пусть онъ наведетъ объ ней справки».

Я никому не говорилъ ничего объ этой старой исторіи. Я былъ по-

раженъ и разсказалъ брату все отъ начала до конца. Я прибавилъ: «Самъ я не хочу этимъ заниматься, но я буду тебѣ очень благодаренъ, если ты разузнаешь, въ чемъ тутъ дѣло». Братъ отправился на розыски, а я между тѣмъ соображалъ. «Въ чемъ она можетъ меня обманывать? Можетъ быть, у нея есть еще любовники? Но это до меня не касается! Она молода, хороша и мила; большаго я отъ нея не требую. Повидимому, она меня любитъ и обходится мнѣ не слишкомъ дорого. Право, я тутъ ничего не понимаю».

Скоро вернулся братъ. Въ полициі ему дали самыя благопріятныя свѣдѣнія о мужѣ. «Чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, на хорошемъ счету, благомыслящій, корректный, но женатый на очень красивой женщинѣ, расходы которой, повидимому, превышаютъ ихъ скромныя средства». Вотъ и все.

Братъ мой отправился къ ней на домъ, не засталъ ея и при помощи золота заставилъ консьержа разговориться. «М-мъ Д..., прекрасная женщина, мужъ ея тоже прекрасный человекъ, не гордые, не богатые, но щедрые».

Чтобъ сказать что-нибудь, мой братъ спросилъ:

— А сколько лѣтъ ея мальчику?

— Да у нея нѣтъ мальчика, сударь.

— Какъ, нѣтъ? а маленькій Лео?

— Нѣтъ, господинъ, вы ошибаетесь.

— Да какже? Тотъ, который родился во время ея путешествія въ Италію два года назадъ.

— Она никогда не была въ Италію; пять лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ они здѣсь живутъ, она ни разу не уѣзжала.

Крайне удивленный, мой братъ спрашивалъ и переспрашивалъ снова. Ни дѣтей, ни путешествія.

Я былъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи, и все еще не понималъ тайнаго смысла этой комедіи.

«Мнѣ хочется,—сказалъ я,—вывести это дѣло на чистую воду. Я попрошу ее придти завтра сюда. Ты примешь ее вмѣсто меня; если она меня обманула, ты передашь ей десять тысячъ франковъ, и я ее больше не увижу. По правдѣ сказать, съ меня уже довольно ея».

Повѣрите ли вы, наканунѣ меня огорчала мысль, что у меня есть ребенокъ, а теперь я былъ раздосадованъ, сконфуженъ, оскорбленъ, узнавъ, что у меня его нѣтъ. Я оказался свободнымъ, не связаннымъ никакимъ обязательствомъ, никакой заботой, и я выходилъ изъ себя отъ раздраженія.

На другой день братъ мой поджидалъ ее въ моемъ кабинетѣ. Она вошла, оживленная какъ всегда, подбѣжала къ нему съ раскрытыми объятіями и остановилась, замѣтивъ свою ошибку.

Онъ поклонился ей и сказалъ:

«миръ вои!» № 10. октябрь. отд. 1.

— Извините меня, сударыня; я нахожусь здѣсь по просьбѣ моего брата, онъ поручилъ мнѣ попросить у васъ объясненій, которыя ему тяжело было бы выслушивать самому.

Устремивъ на нея пристальный взоръ, онъ заключилъ рѣзкимъ тономъ:

— Намъ извѣстно, что у васъ нѣтъ отъ него ребенка.

Послѣ первой минуты замѣшательства, она овладѣла собой, сѣла и съ улыбкой смотрѣла на своего судью.

— Да,—отвѣтила она ему,—у меня нѣтъ ребенка.

— Намъ извѣстно также, что вы никогда не были въ Италиі.

На этотъ разъ она уже откровенно разсмѣялась.

— Да, я никогда не была въ Италиі.

Совершенно ошеломленный, братъ мой продолжалъ:

— Графъ поручилъ мнѣ передать вамъ эти деньги и сказать, что между вами все кончено.

Она снова стала серьезной, спокойно положила деньги въ карманъ и наивно переспросила.

— Такъ значить... я не увижу больше графа.

— Нѣтъ, сударыня.

Она казалась опечаленой и проговорила спокойнымъ голосомъ.

— Жаль, я его очень любила.

Видя, что она такъ хорошо выдерживаетъ свою роль, братъ мой въ свою очередь спросилъ ее съ улыбкой:

— Послушайте, скажите же мнѣ теперь, для чего вы выдумали весь этотъ длинный, сложный обманъ—путешествіе, ребенокъ и т. д.

Она подняла на него глаза, точно недоумѣвая, какъ онъ можетъ предлагать такіе глупые вопросы:

— Да, эту маленькую хитрость! — протянула она. — Такъ неужели же вы думаете, что простенькая, незамѣтная буржуазка, вроде меня, могла бы удержать графа Л..., министра, вельможу, такого виднаго, богатаго и очаровательнаго человѣка безъ какой-нибудь приманки? Теперь это дѣло конченное. Тѣмъ хуже. Но въ сущности не могло же это длиться вѣчно. Все-таки цѣлыхъ три года оно мнѣ отлично удавалось. Передайте графу мой искренній привѣтъ.

Она встала но братъ мой остановилъ ее:

— А какъ же... ребенокъ? У васъ, значить, былъ приготовленъ какой-нибудь, чтобъ показать ему?

— Ну, конечно, ребенокъ моей сестры. Она одолжила мнѣ его. Ручаюсь, что это она васъ и предупредила.

— Прекрасно; а какъ письма изъ Италиі?

Тутъ она снова опустилась на стулъ, въ припадкѣ неудержимаго смѣха.

— Ахъ, эти письма, это цѣлая поэма. Не даромъ же графъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

— Ну... и что же дальше.

— Дальше моя тайна. Я не хочу никого компрометировать.

И пославъ ему на прощанье насмѣшливую улыбку, она вышла безъ особаго волненья, какъ актриса, роль которой окончена.

И въ заключеніе глафъ Л., прибавилъ.

— Вотъ и вѣрьте послѣ того этимъ птичкамъ.

V.

Ивелина Самори *).

— Графиня Самори.

— Та женщина въ черномъ?

— Та самая, она носитъ трауръ по дочери, которую сама убила.

— Полноте! что вы рассказываете?

— Самую простую исторію, безъ преступленья и безъ насилій.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да такъ, пустяки. Говорятъ, что многія куртизанки родились честными женщинами; а многія честныя женщины—куртизанками, неправдали? Графиня Самори, рожденная куртизанкой имѣла дочь, рожденную честной женщиной—вотъ и все.

— Я что-то плохо понимаю.

— Могу пояснить.

— Графиня Самори одна изъ тѣхъ иностранокъ, окруженныхъ мишурнымъ блескомъ, которыя каждый годъ сотнями наводняютъ Парижъ. Какая вѣдуть венгерская или валахская графиня или что вѣдуть въ этомъ родѣ, она появилась однажды зимой въ Парижѣ, въ отелѣ на Елисейскихъ поляхъ, этомъ излюбленномъ мѣстѣ разныхъ авантюристовъ и открыла салонъ для всякаго встрѣчнаго и поперечнаго.

Я сталъ бывать тамъ. Зачѣмъ?—спросите вы. Право я и самъ не знаю, зачѣмъ. Я бывалъ тамъ, какъ всѣ мы бываемъ, потому что тамъ играютъ, потому что женщины тамъ доступны, а мужчины безчестны. Вамъ знакомъ этотъ міръ разноплеменныхъ мошенниковъ, украшенныхъ всевозможными орденами, знатныхъ, титулованныхъ, но,—за исключеніемъ шпионовъ,—совершенно неизвѣстныхъ въ посольствахъ. Всѣ они при первомъ удобномъ случаѣ взываютъ къ чести, упоминаютъ о своихъ предкахъ, охотно рассказываютъ свою жизнь—всѣ хвастуны, плуты, негодяи, опасные, какъ ихъ карты, лживые, какъ ихъ имена, однимъ словомъ, каторжная аристократія.

Я питаю большую слабость къ этого рода людямъ. Ихъ интересно знать, любопытно слушать, они часто бываютъ умны и во всякомъ

*) Эскизъ романа *Иветъ*.

случаѣ не такъ пошлы, какъ государственные чиновники. Ихъ женщины всегда красивы, съ легкимъ ароматомъ преступности, съ покровомъ тайны надъ ихъ жизнью, протекшей быть можетъ на половину въ исправительномъ домѣ. У нихъ обыкновенно великолѣпные глаза и невѣроятные волосы. Къ нимъ я тоже питаю слабость.

Графиня Самори—типичная представительница этихъ авантюристокъ, элегантная, вполне зрѣлая, но еще красивая, очаровательница кошачьей породы, порочная до мозга костей. У нея всегда бывало весело,—играли, танцовали, ужинали... однимъ словомъ дѣлали все, что входитъ въ кругъ свѣтскихъ удовольствій.

У нея была дочь, большая, красивая, всегда сіяющая, всегда готовая веселиться, хохотать до упаду и танцовать тоже до упаду. Настоящая дочь авантюристки. Но невинная, неопытная, наивная; она не видѣла, не знала, не догадывалась ни о чемъ, происходившемъ въ родномъ домѣ.

— Почему вы знаете?

— Почему я знаю? Это всего любопытнѣе. Одинъ разъ утромъ я слышу звонокъ. Лакей докладываетъ мнѣ, что меня спрашиваетъ господинъ Боненталь. Я говорю:

— А что это за господинъ?

Мой слуга отвѣчаетъ:

— Право не знаю, сударь, можетъ быть, это лакей.

Это дѣйствительно былъ лакей, желавшій поступить ко мнѣ.

— Гдѣ вы жили?

— У графини Самори.

— А! Но мой домъ совсѣмъ въ другомъ родѣ.

— Я знаю, сударь, и именно поэтому я хотѣлъ бы поступить къ вамъ; надоѣла мнѣ вся эта компанія; туда поступають, но тамъ не живутъ.

Мнѣ былъ нуженъ лакей и я взялъ его.

Мѣсяцъ спустя Ивелина Самори умерла и смерть ея была окружена таинственностью; вотъ подробности этой смерти, сообщенныя мнѣ Жозефомъ, а онъ узналъ ихъ отъ своей возлюбленной—горничной графини.

Какъ-то во время бала двое гостей разговаривали за дверями залы. Ивелина, утомленная танцами, прислонилась къ этой двери, чтобы отдохнуть немного. Они не замѣтили, какъ она подошла, и она услышала ихъ разговоръ.

Они говорили:

— Но кто же отецъ этой молодой дѣвушки?

— Кажется, одинъ русский, графъ Руваловъ. Онъ не бываетъ больше у ея матери.

— А кто царитъ въ настоящій моментъ?

— А вонъ тотъ англичанинъ у окна; графиня Самори безъ ума отъ него. Но, впрочемъ, ея увлеченія даятся обыкновенно не дольше шести

недѣль. У графини, надо сознаться, нѣтъ недостатка въ друзьяхъ; всѣ они званые... и почти всѣ избранные. Это обходится не дешево, но... что дѣлать?

— Откуда у нея эта фамилія—Самори?

— Отъ единственнаго человѣка, кажется, котораго она любила—берлинскаго банкира, еврея Самуила Морри.

— Прекрасно. Очень вамъ благодаренъ. Теперь я знаю все, что мнѣ нужно и пойду прямо къ цѣли.

Какая буря развазилась въ умѣ дѣвушки, одаренной всѣми инстинктами честной женщины? Какое отчаянье охватило эту простую душу? Какія страданія погасили это безоблачное неселье, этотъ прелестный смѣхъ, эту бьющую черезъ край радость жизни? Какая борьба происходила въ этомъ юномъ сердцѣ, до тѣхъ поръ пока послѣдній приглашенный не покинулъ домъ? Этого Жозефъ не могъ мнѣ разсказать. Но въ тотъ же вечеръ Ивелина быстро вошла въ комнату матери, когда та уже ложилась спать, выслала горничную, которая осталась за дверью и, стоя, вся блѣдная, съ широко раскрытыми глазами, произнесла:

— Мама, вотъ что я сейчасъ слышала въ залѣ.

И она отъ слова до слова повторила то, что я только что разсказалъ вамъ.

Графиня, пораженная изумленіемъ, не знала сначала, что отвѣтить. Потомъ она стала все отрицать, выдумала какую-то исторію, поклалась, призвала Бога въ свидѣтели.

Молодая дѣвушка удалилась смущенная, но не убѣжденная. И она стала слѣдить.

Я припоминаю пережѣну, происшедшую въ ней. Она сдѣлалась серьезной и печальной; порой она устремляла на насъ свои большіе внимательные глаза, точно хотѣла прочесть что-то въ нашихъ душахъ. Мы не понимали въ чемъ дѣло и думали, что она ищетъ мужа,—настоящаго или временнаго.

Наконецъ, однажды вечеромъ, сомнѣнія ея разсѣялись: она застигла свою мать врасплохъ. Тогда хладнокровно, какъ дѣловой человѣкъ, ставшій условія договора, она сказала:

— Мама, вотъ что я рѣшила. Мы уѣдемъ вдвоемъ въ какой-нибудь маленькій городокъ или деревню, и будемъ жить тамъ тихо и скромно. Твои драгоценности представляютъ собой цѣлое состояніе. Если ты захочешь выйти замужъ за какого-нибудь честнаго человѣка, тѣмъ лучше; еще лучше, если я также выйду замужъ. Если ты не согласна на это, я лишу себя жизни.

На этотъ разъ графиня отослала спать свою дочь и запретила ей разъ навсегда возвращаться къ этому разговору, совершенно неприличному въ ея устахъ.

Ивелина отвѣтила:

— Даю тебѣ мѣсяцъ на размышленіе. Если въ теченіе мѣсяца нашъ

образъ жизни не измѣнится, я лишу себя жизни, потому что я не вижу для себя другого честнаго выхода.

И она ушла.

Къ концу мѣсяца въ отелѣ графини Самори все также танцовали и ужинали.

Тогда Ивелина сдѣлала видъ, что страдаетъ зубной болью и послала купить въ сосѣдней аптекѣ нѣсколько капель хлороформа. На другой день она повторила это. Каждый разъ, выходя изъ дома, она покупала незначительныя дозы наркотическаго средства. Она наполнила имъ цѣлую бутылочку.

Однажды утромъ ее нашли въ постелѣ уже холодную съ лицомъ покрытымъ ватой.

Гробъ ея былъ засыпанъ цвѣтами, церковь обтянута бѣлымъ. На похоронахъ присутствовала масса народу.

— И, знаете, право, еслибъ я только зналъ,—къ несчастію никогда не знаешь того, что нужно,—я, можетъ быть, женился бы на этой дѣвушкѣ. Она была удивительно красива.

— А что стало съ матерью.

— О! Она долго плакала. Только черезъ недѣлю она начала принимать близкихъ друзей.

— Что же говорили по поводу этой смерти?

— Говорили, что испортился механизмъ усовершенствованной печки. Съ этими печками не разъ случались подобныя исторіи, такъ что въ этомъ объясненіи не было ничего невѣроятнаго.

БѢЛЫЯ РАБЫНИ.

I.

На ряду съ женскимъ конгрессомъ въ Лондонѣ это гдѣто состоялся другой международный конгрессъ, именовавшійся «интернаціональнымъ конгрессомъ о торговлѣ бѣлыми рабынями» (International Congress on the white slave traffic). Уже одно названіе конгресса указываетъ на тотъ печальный, но неопровержимый фактъ, что наряду съ женщинами-профессорами, медиками и даже законодателями, въ передовыхъ и просвѣщенныхъ странахъ Европы существуютъ и женщины-рабыни въ полномъ смыслѣ этого слова, являющіяся предметомъ международной купли-продажи. Конгрессъ былъ посвященъ роковому вопросу о проституціи. Торговля бѣлыми рабынями заключается въ сдѣлываніи подъ различными предлогами молодыхъ дѣвушекъ въ чужія страны, гдѣ онѣ попадаютъ на «обычную дорогу». Торговля эта организована на совершенно коммерческихъ началахъ: она ведется особыми агентами, которые получаютъ определенную плату за каждую дѣвушку и поставляютъ живой товаръ изъ одной европейской страны въ другую, также какъ изъ Европы — въ Южную Америку, Африку, и пр. Эмиграція въ новыя страны имѣетъ своимъ послѣдствіемъ особенное оживленіе этой торговли: гдѣ-нибудь въ Трансваалѣ или Капской колоніи появляется спросъ на европейскихъ дѣвушекъ, и тотчасъ же приводится въ движеніе цѣлая международная организація. Агенты изъ Бельгіи или Германіи отправляются въ трущобы Лондона или въ захламленныя деревушки русскаго западнаго края и увозятъ съ собою молодыхъ дѣвушекъ, пообѣщавъ имъ выгодныя мѣста прислуги или продащицъ въ магазинахъ. Очутившись на чужбинѣ, дѣвушка узнаетъ, какая судьба еѣ ожидаетъ. Одинокая, беззащитная, безъ денегъ и безъ друзей, не зная языка страны и чувствуя себя совершенно во власти купившаго еѣ агента, она, послѣ непродолжительной борьбы, обыкновенно подчиняется своей участи.

Подобные факты впервые привлекли къ себѣ общественное вниманіе въ началѣ 80-хъ годовъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ существованіе такой торговли между Англіей и Бельгіей. Въ печать проникъ слухъ о томъ, что нѣсколько англійскихъ дѣвушекъ были обманомъ увлечены въ Бельгію и противъ своей воли живутъ въ одномъ изъ домовъ терпимости въ Брюсселѣ. Англичане подняли шумъ на всю

Европу. Нашелся энергичный и предприимчивый человекъ, нѣкій издатель религиозно-нравственныхъ книгъ, м-ръ Дайеръ, который по собственному почину отправился въ Брюссель, розыскалъ этихъ дѣвушекъ, поднялъ на ноги всѣ придерживающія власти, и добился возвращенія несчастныхъ соотечественницъ на родину. Оказалось, что онѣ были несовершеннолѣтнія, и агентъ, чтобы избѣгнуть законной кары, заставилъ ихъ поддѣлать свидѣтельства о рожденіи. Этимъ онъ, конечно, еще болѣе держалъ ихъ въ рукахъ. Послѣдующіе факты показали, что агенты постоянно приобѣгаютъ къ поддѣлкѣ свидѣтельствъ, представляющей для нихъ двойную выгоду.

Съ этихъ поръ факты насильственнаго увлеченія молодыхъ дѣвушекъ въ иностранные дома порока все чаще и чаще стали вслышаться наружу и, наконецъ, въ этомъ году лондонская «National Vigilance Association» рѣшила созвать международный конгрессъ для выработки мѣръ борьбы съ этимъ международнымъ зломъ. Секретарь National Vigilance Association, м-ръ Кутъ, объѣздилъ главныя европейскія столицы и заручился участіемъ на конгрессѣ ихъ представителей. Между прочимъ онъ былъ и въ Петербургѣ, гдѣ, по его инициативѣ, образовался комитетъ для выясненія этого вопроса въ Россіи, подъ предсѣдательствомъ принцессы Елены Георгіевны Саксенъ-Альтенбургской.

Организаторы конгресса, видимо, старались придать засѣданіямъ его возможно болѣе дѣловой характеръ и сосредоточить вниманіе делегатовъ только на одной сторонѣ разсматриваемаго явленія, именно на выработкѣ международныхъ мѣропріятій для борьбы съ этой торговлей и для преслѣдованія темныхъ личностей, занимающихся ею. Но это имъ совершенно не удалось. На первомъ же засѣданіи вопросъ былъ поставленъ гораздо шире и торговля бѣлыми рабынями приводилась въ связь съ государственной регламентаціей проституціи. На тѣсную связь между этой торговлей и санкціонированными законамъ домами терпимости указывали не только англійскіе делегаты, особенно подчеркивавшіе эту сторону вопроса, но и представители другихъ странъ—Швейцаріи, Голландіи, Швеціи, Америки. Даже среди французской делегаціи нашлись сторонники этихъ взглядовъ, хотя Франція, какъ извѣстно, является родоначальницей той системы «государственной регламентаціи порока» и «постыднаго покровительства разврату», противъ которой на конгрессѣ метались такіе громы. Я не буду останавливаться на этомъ вопросѣ, и скажу только нѣсколько словъ о «Международной аболиціонистской федераціи», члены которой составляли несомнѣнное большинство на конгрессѣ.

Система государственной регламентаціи проституціи, которая была введена во Франціи въ 1802 г., и затѣмъ постепенно была усвоена и другими странами, была введена въ Англіи только въ 1869 году, и въ томъ же году началась усиленная агитація противъ нея. Англи-

чане увидѣли въ новомъ законѣ (Contagious disease act) оскорбленіе нравственнаго чувства націи, которое нельзя оправдать никакими соображеніями гигиены или высшей государственной пользы. Англійскія женщины выступили на защиту своихъ падшихъ сестеръ и среди нихъ сразу выдѣлилась мужественная и благородная личность Жозефины Бутлеръ, которая была настоящей пионеркой этого движенія и до сихъ поръ продолжаетъ стоять во главѣ его. Какъ бы мы ни относились къ самому аболиціонистскому движенію, какъ бы мы ни находили его узкимъ и не достигающимъ цѣли, потому что оно направлено не противъ самого зла, а только противъ одного изъ его проявленій, мы все-таки не можемъ не преклоняться передъ нравственной красотой и силой этой женщины, посвятившей свою жизнь такой трудной и неблагодарной задачѣ и выказавшей такую поразительную стойкость и выдержку въ борьбѣ. Въ 60-хъ годахъ женское движеніе въ Англій только еще начиналось и много храбрости требовалось отъ женщины, чтобы выступить публичнымъ ораторомъ, да еще по такому шекотливому вопросу. Въ мемуарахъ м-съ Бутлеръ («Personal Reminiscences of a great crusade», 1897) встрѣчаются интересныя описанія бурныхъ митинговъ, когда защитницы падшихъ женщинъ въ буквальномъ смыслѣ слова побивались камнями; въ газетахъ писали про м-съ Бутлеръ, что «эта полоумная мегера гораздо болѣе достойна презрѣнія, чѣмъ тѣ несчастныя, за которыхъ она заступается» и т. д. Все это нисколько не смущало небольшую кучку аболиціонистовъ: они продолжали идти своей дорогой и привлекали къ себѣ все новыхъ и новыхъ сторонниковъ.

Аргументація ихъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, заключалась въ слѣдующемъ: государственная регламентація порока безнравственна, потому что она какъ бы санкціонируетъ самый порокъ, стараясь сдѣлать его безвреднымъ; кромѣ того, она несправедлива, ибо обрушивается всей своей тяжестью на женщину, которая превращается въ безправную рабыню, обязанную подчиняться извѣстнымъ санитарнымъ предписаніямъ, между тѣмъ какъ на мужчину эти предписанія не распространяются. Въ этомъ заключается главное осужденіе ея. Но, независимо отъ нравственныхъ соображеній, эта «жестокая и возмутительная система» оказывается къ тому же и бесполезной, такъ какъ она совершенно не достигаетъ своей цѣли: огромное большинство падшихъ женщинъ отказываются подчиняться регистраціи, результатомъ чего является развитіе тайной проституціи. Факты показали, что эти мѣры, обращающія женщинъ въ рабство, нисколько не препятствуютъ угрожающему развитію извѣстнаго рода болѣзней, и оказываются одинаково пагубными и для мужчинъ, и для женщинъ. Усиленная агитація противъ «contagious disease acts» велась въ теченіе 17 лѣтъ и, наконецъ, привела къ побѣдѣ аболиціонистовъ. Объ энергіи ихъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: за 10 лѣтъ, съ 1870—1880 г. ими

было устроено 766 митинговъ и 91 лекція; въ парламентъ было представлено 9.667 петицій съ 2.150,911 подписей. Наконецъ, въ 1886 г. эти законы были отмѣнены. Еще за нѣсколько лѣтъ до этой побѣды, движеніе приняло интернаціональный характеръ. М-съ Бутлеръ отправилась въ Европу и организовала «Международную аболиціонистскую федерацію», которая въ настоящее время имѣетъ отдѣленія почти во всѣхъ европейскихъ странахъ. Члены ея играли главную роль на Лондонскомъ конгрессѣ бѣлыхъ рабынь.

II.

На конгрессѣ принимали участіе представители всѣхъ европейскихъ державъ, кромѣ Итали и Испаніи, и представители Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Среди делегатовъ были многія лица съ высокимъ общественнымъ положеніемъ. Однимъ изъ представителей Германіи былъ графъ Бернсторфъ, камергеръ германскаго императора; Франція прислала извѣстнаго основателя «Ligue contre la license des gues», сенатора Беранже, котораго, по его собственнымъ словамъ, соотечественники прозвали «Le père de la pudeur»; Австрія прислала баронессу Лангенау, Швеція—королевскаго капелана Ольдерса, Россія—сенатора Сабурова и князя Волковскаго.

Передъ началомъ дѣловыхъ засѣданій, каждый день были организованы привѣтствія отъ имени духовенства. Первый день говорилъ привѣтственное слово епископъ Лондона, второй день — каноникъ Скоттъ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ лондонскихъ проповѣдниковъ, третій день—д-ръ Адлеръ, главный раввинъ еврейской общины. Англія не знаетъ антисемитизма, и представитель церкви «отверженной націи» былъ приглашенъ привѣтствовать делегатовъ международнаго конгресса наряду съ другими высшими представителями церковной іерархіи.

Рѣчи большинства членовъ конгресса, въ особенности англичанъ и американцевъ, были проникнуты религіознымъ чувствомъ. Слушая, напримѣръ, рѣчи каноника Скотта и профессора Стюарта, трудно было отличить, когда говорилъ мужъ науки, и когда—духовное лицо. Каноникъ Скоттъ говорилъ съ большимъ жаромъ и тѣмъ особеннымъ краснорѣчіемъ, которое свойственно англійскимъ духовнымъ ораторомъ. Его энергичное молодое лицо напомнило мнѣ Джона Сторма изъ романа «Христіанія». «Въ наши дни господства пара и электричества», говорилъ онъ, «когда весь міръ покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ и населеніе стягивается въ города, являющіеся не только центрами промышленности, но и разсадниками разврата, создаются новыя формы порока, какихъ не знало прежнее время. Порокъ расширилъ сферу своихъ операций, порокъ сдѣлался международнымъ, и поэтому борьба съ нимъ возможна только на международной почвѣ. Пусть же и добродѣтель расширитъ сферу своихъ операций. Создадимъ международную

организацію добродѣтели, подобно той международной организаціи порока, которая составляетъ печальный предметъ нашихъ обсужденій на этомъ конгрессѣ».

Нота, взятая каноникомъ Скоттомъ, оказалась доминирующей на конгрессѣ: всѣ разсужденія вращались въ закодированномъ кругѣ порока и добродѣтели. Одинъ ораторъ за другимъ указывалъ, въ видѣ мѣръ борьбы съ проституціей, на необходимость «поднять нравственный уровень молодежи», «установить одинаковые нравственные требованія для мужчинъ и для женщинъ», преслѣдовать всякія проявленія безнравственности въ арміи, и при производствѣ въ чины принимать въ соображеніе отношеніе солдатъ къ женщинамъ», и пр., и пр. Всякія такія заявленія встрѣчались громомъ рукоплесканій. Словомъ, вопросъ о проституціи все время разсматривался исключительно какъ нравственный вопросъ, и совершенно упускалась изъ вида его социальная подкладка.

Доклады членовъ конгресса дѣлились на 2 части: первая касалась законовъ, регулирующихъ въ каждой странѣ положеніе падшихъ женщинъ, наказаній за сводничество, и пр.; вторая—учрежденій для борьбы съ проституціей и для предупрежденія ея.

Самымъ выдающимся ораторомъ конгресса былъ, безъ сомнѣнія, сенаторъ Беранже. Онъ говорилъ много разъ и не только увлекалъ своихъ слушателей, но и самъ такъ увлекался собственнымъ краснорѣчіемъ, что постоянно забывалъ о пятиминутномъ срокѣ, положенномъ для каждаго оратора, и предсѣдателю приходилось призывать его къ порядку. Но публика каждый разъ настойчиво требовала, чтобы ему дали договорить.

Въ докладѣ, представленномъ имъ отъ имени французской делегаціи, Беранже указывалъ на то, что зло, о которомъ идетъ рѣчь на этомъ конгрессѣ,—явленіе новое, котораго не существовало еще полувѣка тому назадъ. Поэтому оно не упоминается даже въ уголовномъ законодательствѣ. Одной изъ задачъ конгресса будетъ установить фактъ существованія опредѣленнаго преступленія, заключающагося въ такъ называемой «торговлѣ бѣлыми рабынями». «Часты ли такія преступленія?—говорилъ сенаторъ Беранже.—Мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній по этому поводу. Если обращаться только къ официальнымъ источникамъ, то мы можемъ быть спокойны относительно Франціи, какъ, вѣроятно, и относительно другихъ странъ. Въ Парижѣ полиція не могла сообщить намъ никакихъ фактовъ относительно недавняго прошлаго. По ея словамъ, въ домахъ терпимости нѣтъ ни одной женщины, француженки или иностранки, несовершеннолѣтней или взрослой, которая была бы увлечена туда противъ ея воли, силою или хитростью. Мы не имѣемъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе, и среди полицейскихъ, и среди лицъ, занимающихся благотворительностью и близко стоящихъ къ міру падшихъ женщинъ, существуетъ убѣжде-

ніе, что такія преступленія совершаются гораздо чаще, чѣмъ кажется, и что они остаются безнаказанными, благодаря особенной трудности раскрыть ихъ».

Всѣ послѣдующіе доклады вполне подтвердили слова сенатора Беранже о недостаточности свѣдѣній о размѣрахъ этой торговли. За исключеніемъ Австріи, ни одна страна не представила никакихъ статистическихъ данныхъ по этому вопросу. Особенность рассматриваемаго преступленія заключается именно въ его международной организаціи; оно начинается въ одной странѣ, продолжается въ другой и завершается въ третьей; и благодаря этому часто не подходитъ подъ уголовную кару ни въ одной изъ нихъ. Въ 80-хъ годахъ, когда была обнаружена несомнѣнная преступность двухъ агентовъ, занимавшихся торговлей англійскими дѣвушками въ Бельгіи, они были арестованы и подвержены наказанію не за торговлю женщинами, а за поддѣлку ихъ бумагъ.

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говорилъ м-ръ Бѣнтингъ (Англія),—что существуетъ правильно организованная торговля молодыми дѣвушками, которыя покупаются и продаются, ввозятся и вывозятся изъ портовъ и городовъ Европы. Торговля эта регулируется обычными законами спроса и предложенія и капиталисты имѣютъ своихъ агентовъ въ разныхъ странахъ, которые занимаются выискиваніемъ подходящаго матеріала. Эти странствующие агенты посѣщаютъ наиболѣе бѣдные городскіе кварталы и деревни—въ особенности въ Австріи и Западной Россіи—и затѣмъ увозятъ свои жертвы на Востокъ и на Западъ, гдѣ онѣ погибаютъ въ домахъ порока. Одна часть этой торговли идетъ черезъ Константинополь и Портъ-Саидъ, другая имѣетъ своимъ назначеніемъ южно-американскіе порты, въ особенности Буеносъ-Айросъ. Агенты обыкновенно дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ: они стараются завязать сношенія съ дѣвочками 16—18 лѣтъ, преимущественно сиротами, предлагаютъ имъ выгодныя мѣста за границей, въ качествѣ продавщицъ въ магазинѣ или актрисъ въ мѣстной труппѣ, выставляютъ на видъ выгодныя условія, хорошее жалованье и пр. Дѣвушки, по своему легкомыслію, вѣрятъ и соглашаются. Ихъ увозятъ (изъ Англіи) въ Бельгію или Парижъ, или гораздо дальше, въ Буеносъ-Айросъ и Йоганисбургъ (Африка), и только по прибытіи на мѣсто назначенія, онѣ узнаютъ, зачѣмъ ихъ привезли сюда. У нихъ нѣтъ денегъ на возвратный путь, нѣтъ друзей; онѣ не знаютъ, какъ имъ установить сношенія съ полиціей и вообще заявить о своемъ положеніи, потому что въ огромномъ большинствѣ случаевъ не знаютъ языка страны. Послѣ недолгой борьбы, онѣ подчиняются своей участи».

Для иллюстраціи трудности законнаго преслѣдованія такой торговли, м-ръ Бѣнтингъ приводитъ слѣдующій случай, происходившій въ Бордо нѣсколько лѣтъ тому назадъ. «Одинъ человекъ, выдающій себя за нѣмца и носящій фамилію Неймана, явился въ эмиграціонную контору

въ Бордо, брать билеты въ Буэносъ-Айросъ для себя, для своей жены и двухъ дочерей. Бумаги дочерей показались подозрительными, какъ будто они были поддѣланы, и Нейманъ и его жена были арестованы. Жена его на допросѣ призналась, что они съ мужемъ занимались опредѣленной торговлей, поставляя европейскихъ дѣвушекъ въ южно-американскіе дома терпимости. Двѣ дѣвушки, которыхъ они выдавали за дочерей, были доставлены имъ ихъ постояннымъ агентомъ въ Мюнхенѣ, и стоили имъ по 30 марокъ каждая. Обѣ были увлечены обѣщаніемъ хорошихъ мѣстъ въ Женевѣ. Въ Женевѣ, гдѣ онѣ очутились вдали отъ друзей и безъ языка, имъ сказали, куда онѣ предназначаются. Нейманъ экспортировалъ такимъ образомъ сотни молодыхъ дѣвушекъ».

«Теперь, обратите вниманіе на результатъ»,—говорилъ далѣе м-ръ Бентингъ. «Въ данномъ случаѣ дѣвушки были оставлены во время. Нейманъ, безъ сомнѣнія, совершилъ два преступленія: онъ склонялъ несовершеннолѣтнихъ къ разврату и поддѣлалъ ихъ бумаги. Но оба преступленія были совершены не во Франціи, а въ Германіи и въ Швейцаріи, поэтому Бордосскій судъ долженъ былъ оправдать его, и онъ, по всей вѣроятности, до сихъ поръ продолжаетъ безпрепятственно свою торговлю».

Относительно Россіи сенаторъ Сабуровъ сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія. «Главнымъ пунктомъ экспорта женщинъ, съ ихъ согласія или путемъ обмана, является Одесса. Нѣкоторыя личности, посѣщающія наше южное побережье, давно уже обращали на себя общественное вниманіе; но только въ 1884 г. были приняты мѣры для пресѣченія ихъ дѣятельности. Былъ назначенъ особый полицейскій агентъ, которому былъ порученъ надзоръ за женскими пассажирами, отправляющимися изъ Одесскаго порта; результатомъ этого явились многочисленныя аресты, и многія женщины были спасены отъ рабства, въ которое онѣ могли попасть по невѣдѣнію». Г-нъ Сабуровъ замѣчаетъ далѣе, что «по официальнымъ даннымъ эта торговля въ настоящее время прекратилась». Нельзя сказать того же о внутреннихъ провинціяхъ Россіи и въ особенности, о царствѣ Польскомъ. По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, «лица живущіе въ Буэносъ-Айросѣ и Бразиліи, четыре раза въ годъ пріѣзжаютъ въ Россію, чтобы пополнять свой персоналъ. Главнымъ рынкомъ для ихъ торговыхъ операций являются провинціи Варшавы, Калиша и Петрокова, а конторы ихъ агентовъ находятся въ Генуѣ, Бордо, Гаврѣ, Шербургѣ и Саутгэмптонѣ».—«Мы не беремся судить, насколько полиція принимаетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры для борьбы съ этимъ зломъ»,—осторожно замѣчаетъ г. Сабуровъ. Хотя въ его докладѣ, какъ впрочемъ и въ большинствѣ другихъ докладовъ, нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ о ежегодныхъ оборотахъ этой торговли, тѣмъ не менѣе изъ приводимыхъ имъ фактовъ нельзя не заключить, что «торговля бѣлыми ра-

бывшими» достигла въ нашемъ отечествѣ значительной степени процвѣтанія. Косвенное указаніе на это мы находимъ въ докладѣ м-сь Фаусеттъ (Англія), которая, со словъ бывшего русскаго консула въ Буэносъ-Айросъ сообщила, что въ этомъ городѣ за 3 года въ домахъ терпимости было заключено около 3.000 европейскихъ женщинъ. Половина изъ нихъ были русскія, въ большинствѣ случаевъ, русскія еврейки. Вообще, огромное количество русскихъ евреекъ на международномъ рынкѣ бѣлыхъ рабынь, повидимому, является фактомъ, неподлежащимъ сомнѣнію.

Цифровыя данныя о ежегодныхъ оборотахъ торговли женщинами были сообщены на конгрессѣ только относительно Австріи. Представительница Австріи, баронесса Лангенау, составила подробный и обстоятельный докладъ о положеніи дѣлъ въ Австро-Венгріи, причѣмъ коснулась отдѣльно каждой провинціи. Предсѣдательствовавшій въ этотъ день профессоръ Пико, по справедливости, назвалъ ея докладъ «лучшимъ изъ всѣхъ докладовъ, представленныхъ конгрессу».

«Полиція въ Австріи имѣетъ точные списки лицъ, занимающихся торговлей женщинами,—говорила баронесса Лангенау.—Мнѣ сообщали, что въ Вѣнѣ ихъ около 180. Лица, заслуживающія полнаго довѣрія, опредѣляютъ количество дѣвушекъ и женщинъ, ежегодно увлекаемыхъ ими, равнымъ 1.500. Торговля эта въ высшей степени выгодна. Дѣвушки вербуются, по большей части, изъ Богеміи, Галиціи и Австріи, гдѣ ихъ приглашаютъ въ качествѣ прислуги или приказчицъ въ какой-нибудь городъ въ Венгріи. Ихъ не отправляютъ прямо въ Константинополь, что могло бы возбудить подозрѣнія, но въ концѣ-концовъ, обходными путями, онѣ добираются до этого города. Оттуда ихъ переправляютъ въ Каиръ или Трѣбизондъ. Онѣ почти никогда не возвращаются на родину, такъ какъ все больше и больше запутываются въ долгахъ.

«Особенно богатую поживу для агентовъ представляетъ задавленное нуждою деревенское населеніе Галиціи. Здѣсь контракты обыкновенно заключаются съ вѣдома и согласія родителей, которые и не подозрѣваютъ, какая участь ожидаетъ ихъ дочерей. Подобныя же вещи совершаются и въ другихъ провинціяхъ, напр. въ Босніи, гдѣ, впрочемъ, теперь за это дѣло взялись миссіонеры, которымъ удалось уже сдѣлать кое-что».

Въ заключеніе своего доклада, баронесса Лангенау съ грустью замѣчаетъ: «Конечно, очень важно было бы въ этомъ отношеніи разбудить общественное мнѣніе, писать въ газетахъ и журналахъ, созывать митинги. Но что можно сдѣлать въ такой странѣ, какъ Австрія, гдѣ газеты цензируются полиціей, гдѣ нѣтъ настоящей свободы слова и свободы собраній? Единственная газета въ Вѣнѣ, которая рѣшается обсуждать на своихъ столбцахъ вопросы нравственности—это «Arbeiterzeitung», органъ социаль-демократической партіи, но ея вліяніе ограничено кругомъ читателей-рабочихъ». Баронесса Лангенау приводитъ далѣе наеле-

-атанное въ «Arbeiterzeitung» письмо представителя «Общества помощи женщинамъ въ Аргентинѣ», касающееся интересующаго насъ вопроса.

«Тысячи несчастныхъ родителей въ Европѣ, — говорится въ этомъ письмѣ, — томятся въ неизвѣстности относительно участи своихъ безъ вѣсти пропавшихъ дочерей. Мы можемъ сказать имъ, гдѣ онѣ, и что съ ними случилось. Онѣ въ Буэносъ-Айресѣ или Рио-Жанейро и, хотя въ настоящее время тамъ большое европейское общество, не находится ни одного человѣка, который рѣшился бы заступиться за нихъ. Дѣвушки въ домахъ терпимости ведутъ жизнь настоящихъ рабынь: имъ не позволяютъ выходить изъ дому, не допускаютъ никакой переписки; мало-по-малу онѣ опускаются до уровня простыхъ машинъ, съ помощью которыхъ «предприниматели» наживаютъ себѣ большія состоянія. Какой же конецъ ожидаетъ ихъ? Когда здоровье ихъ будетъ окончательно подорвано такою жизнью, онѣ остаются на улицѣ, или находятъ себѣ пріютъ въ больницѣ.

«Въ то время, какъ я пишу эти строки, «коммерческіе агенты» сваряжаются въ путь и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернутся изъ Европы со свѣжимъ товаромъ. Если въ Европѣ не будутъ приняты какія-нибудь энергичныя мѣры для прекращенія этой постыдной торговли, то мы здѣсь уже ничего не сможемъ сдѣлать, потому что эти господа находятся въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ полиціей. Кромѣ того, они играютъ здѣсь большую роль въ обществѣ: это — очень богатые люди, жены ихъ, разряженные въ шелки и брилліанты, занимаютъ первыя мѣста въ свѣтѣ. Они тѣсно сплочены другъ съ другомъ, имѣютъ телеграфный шифръ и выработали себѣ удивительную организацію».

Представитель Швейцаріи, г. де-Меронъ, сообщилъ, что швейцарскіе консулы въ морскихъ портахъ, обязанные слѣдить за движеніемъ эмигрантовъ, постоянно имѣютъ свѣдѣнія о пароходахъ, отправляющихся съ живымъ товаромъ изъ Портъ-Саида на Востокъ, но они ничего не могутъ сдѣлать, въ виду отсутствія международнаго законодательства по этому предмету.

Изъ иностранныхъ делегатовъ представитель Швейцаріи особенно рѣзко подчеркивалъ связь, существующую, по его мнѣнію, между торговлей бѣлыми рабынями и разрѣшаемыми закономъ домами терпимости. «Эти официально разрѣшенные дома, — говорилъ онъ, — являются главнымъ рынкомъ для сбыта бѣлыхъ рабынь, и только благодаря имъ возможна та удивительная международная организація этой торговли, которая теперь всплываетъ наружу. Извѣстно, что поступленіе каждой новой дѣвушки въ домъ терпимости сопровождается заключеніемъ торговой сдѣлки, причемъ содержатель дома платитъ агенту, доставившему дѣвушку, опредѣленную сумму, которая во Франціи и въ Женевѣ колеблется отъ 200 до 1.000 фр.».

«Мы пытались опредѣлить цифровое значеніе этой купли-продажи въ Женевѣ, — продолжалъ г. де-Меронъ, — и получили отъ полиціи слѣ-

дуюція свѣдѣнія о 15 оффиціально разрѣшенныхъ домахъ терпимости въ Женевѣ за послѣднія 5 лѣтъ: оказывается, что 90% дѣвушекъ остаются не болѣе 140 дней въ одномъ и томъ же домѣ; поэтому, 90% обитателей ихъ обновляются 2½ раза въ годъ, и маленькая Женева заключаетъ ежегодно около 200 торговыхъ сдѣлокъ живымъ товаромъ. Если примѣнить тотъ же методъ къ Парижу, то окажется, что 8.000 оффиціально зарегистрированныхъ въ немъ несчастныхъ женщинъ служатъ предметомъ 18.000 торговыхъ сдѣлокъ въ годъ».

Обитательницы этихъ домовъ въ Женевѣ принадлежатъ къ 14 различнымъ національностямъ; только 16% изъ нихъ швейцарки. Не указываетъ ли это на необычайную энергію и предприимчивость агентовъ, рекрутирующихъ дѣвушекъ въ чужихъ странахъ? «И мы положительно утверждаемъ,—говоритъ г. де-Меронъ,—что это рекрутированіе почти постоянно производится съ помощью хитрости и обмана, и представляетъ собою несомнѣнные случаи торговли бѣлыми рабынями».

«Лига общественной нравственности» въ Цюрихѣ собрала биографическія свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся торговцахъ бѣлыми рабынями въ Швейцаріи. По словамъ г. де-Мерона, «ничто не можетъ быть поучительнѣе карьеры нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые начинали съ открытія небольшого «заведенія», потомъ расширили свои дѣла, завязывали сношенія за границей, создавали пути для международной торговли, раскидывали свои сѣти на дальній Востокъ, наживали большія состоянія и мирно заканчивали свои дни въ какой-нибудь роскошной виллѣ на берегахъ Женевского или Цюрихскаго озера».

Представительница Голландіи точно также заявила: «Мы въ Голландіи глубоко убѣждены, что только полная отмѣна постыдной системы регламентаціи порока и закрытіе домовъ его, положить конецъ торговлѣ бѣлыми рабынями и всѣмъ, связаннымъ съ нею ужасамъ». Въ такомъ же смыслѣ высказывалось огромное большинство членовъ конгресса; всѣ, безъ исключенія, англійскіе ораторы, m-lle Sainte Croix и пасторъ Comte отъ имени Франціи, Е. И. Гардверъ отъ имени Россіи, и пр., и пр. Это настроеніе было до такой степени преобладающимъ, что никто не рѣшился выступить съ противнымъ мнѣніемъ, и только въ послѣдній день, когда дѣло дошло до голосованія резолюцій, выяснилось, что на конгрессѣ присутствовалъ очень сильный противникъ аболіціонистовъ—сенаторъ Беранже, пользовавшійся все время такимъ шумнымъ успѣхомъ. Но Беранже, очевидно, слишкомъ дорожилъ своей популярностью и предпочиталъ не высказываться по существу. А между тѣмъ, выслушать его мнѣніе было бы очень интересно. Аргументація аболіціонистовъ была очень убѣдительна, и въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы привести какіе-нибудь доводы въ пользу той системы, которую они осуждали съ такой страстностью. Но мнѣ все время казалось, что они ставятъ вопросъ слишкомъ узко и, ратуя за уничтоженіе государственной регламентаціи забываютъ, что этимъ нисколько

не разрѣшается вопросъ о проституціи вообще. Причины этой послѣдней лежатъ гораздо глубже; тотъ «спросъ на бѣлыхъ рабынь», о которомъ столько говорилось на конгрессѣ, создается не разными темными личностями, эксплуатирующими его въ свою пользу: онъ является результатомъ экономическихъ условій, благодаря которымъ множество мужчинъ не имѣютъ возможности своевременно жениться, результатомъ современной организаціи войска, обрекающаго миллионы людей на вынужденное безбрачіе. Главной же причиной проституціи въ ея современной формѣ является приниженное положеніе женщины низшихъ классовъ народа, которое является такой легкой поживой для всевозможныхъ сдѣлокъ. На конгрессѣ много говорилось о томъ, что «слѣдуетъ закрыть двери пороку», но при этомъ упускалось изъ виду, что, закрывая двери официально разрѣшенныхъ домовъ порока, они нисколько не преграждаютъ доступа къ пороку, ибо изъ статистическихъ данныхъ, приводимыхъ въ нѣкоторыхъ докладахъ, явствуетъ, что зарегистрированныя несчастныя женщины составляютъ лишь незначительную часть «арміи порока»: въ Вѣнѣ, напр., насчитывается всего 2.400 официальныхъ, между тѣмъ какъ число женщинъ, занимающихся «тайною проституціей», простирается до 30.000. Въ Берлинѣ, изъ 50.000 несчастныхъ только 4.039 были зарегистрированы въ 1890 г. Наконецъ, Лондонъ въ которомъ уже 15 лѣтъ тому назадъ была отмѣнена всякая регистрація и въ которомъ, тѣмъ не менѣе, существуетъ 46.895 падшихъ женщинъ, убѣдительноѣйшимъ образомъ свидѣтельствуется о томъ, что усилія искреннихъ и благожелательныхъ друзей падшихъ женщинъ направляются не въ ту сторону, гдѣ они могли бы привести къ наибольшимъ результатамъ. Подобныя мысли хотя и не высказывались на конгрессѣ, но, вѣроятно, приходили въ голову не мнѣ одной, и одинъ изъ самыхъ пламенныхъ аболиціонистовъ, членъ парламента м-ръ Вильсонъ, въ одной изъ своихъ рѣчей счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: «Одинъ изъ нашихъ гостей сказалъ мнѣ вчера, что улицы Лондона ночью хуже улицъ другихъ европейскихъ столицъ. Можетъ быть, это и такъ. Но то, что вы видите въ Англии, дѣлается противъ закона, между тѣмъ какъ въ Европѣ законъ разрѣшаетъ все это». Такое соображеніе можетъ служить успокоеніемъ для нравственнаго чувства англичанъ, но, во всякомъ случаѣ, нисколько не мѣняетъ существа дѣла.

По вопросу о торговлѣ бѣлыми рабынями конгрессъ вотировалъ слѣдующія резолюціи:

«1. Въ каждой странѣ образуется національный комитетъ для борьбы съ торговлей бѣлыми рабынями. Национальные комитеты въ своей совокупности образуютъ конгрессъ.

«Конгрессъ организуетъ интернаціональный комитетъ, въ который входятъ по два члена изъ cadaго національнаго комитета.

«Бюро конгресса будетъ засѣдать въ Лондонѣ.

«Конгрессъ выражаетъ желаніе:

«А. Чтобы между правительствами установилось соглашеніе:

«Установить, по возможности, наказанія одинаковой степени за склоненіе женщинъ и дѣвушекъ къ разврату, путемъ насилія, обмана, злоупотребленія властью и всякимъ другимъ способомъ. По отношенію къ лицамъ, обвиненнымъ въ этомъ преступленіи, слѣдуетъ тотчасъ же предпринять точное разслѣдованіе дѣла, если оно было совершено въ нѣсколькихъ странахъ, и путемъ международныхъ договоровъ добиться выдачи преступника.

«В. Установить соглашеніе между различными благотворительными обществами въ разныхъ странахъ и сообщать другъ другу свѣдѣнія объ эмиграціи женщинъ и мѣрахъ, принимаемыхъ для огражденія эмигрантокъ.

«С. Составить списокъ всѣхъ благотворительныхъ обществъ въ каждой странѣ, готовыхъ взять на себя эту обязанность, и разослать этотъ списокъ всѣмъ правительствамъ».

Когда эти резолюціи были прочитаны, на конгрессѣ поднялся общій ропотъ. Особенно волновались англичане, которые находили, что не стоило терять три дня на разговоры, чтобы выработать такія ничтожныя пожеланія. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, рѣшено было прибавить къ резолюціямъ еще слѣдующее постановленіе:

«Конгрессъ заявляетъ, что вышеприведенныя резолюціи выражаютъ только тотъ минимумъ требованій, который, по его мнѣнію, можетъ быть достигнутъ теперь же».

III.

Вторая часть засѣданій конгресса, какъ я уже говорила, была посвящена описанію различныхъ благотворительныхъ учрежденій «предупреждающаго» и «спасающаго» характера (*preventive and rescue work*). Представители европейскихъ странъ старались перещеголять другъ друга обиліемъ и разнообразіемъ всевозможныхъ благотворительныхъ учрежденій помощи падшимъ женщинамъ. Россія, вообще, пользовалась большимъ почетомъ на конгрессѣ. Англичане, видимо, были очень довольны, что имъ удалось заручиться сочувствіемъ въ правящихъ сферахъ, и въ рѣчахъ своихъ нѣсколько разъ упоминали о томъ, что «Россія со свойственнымъ ей великодушіемъ откликнулась на призывъ», и пр. и пр. Представители великодушной націи, присутствовавшіе на конгрессѣ, чувствовали себя нѣсколько неловко во время чтенія доклада князя Волконскаго объ «общественныхъ мѣропріятіяхъ для борьбы съ проституціей». Изъ этого доклада съ полной очевидностью явствовало, что такія мѣропріятія у насъ почти совершенно отсутствуютъ. «Въ Россіи надзоръ за проститутками находится въ рукахъ полиціи,—говорилось въ докладѣ князя Волконскаго.—Поліція составляетъ списки падшихъ

женщинъ и слѣдить за выполненіемъ санитарныхъ правилъ. При этомъ она должна была бы также защищать дѣвушекъ отъ насилія и злоупотребленіи и помогать имъ снова выбраться на честную дорогу. Но, къ несчастію,—замѣчаетъ князь Волконскій,—такой результатъ достигается лишь весьма рѣдко, потому что всѣ предписанія, которыми руководствуется въ своей дѣятельности полиція, касаются исключительно санитарной стороны вопроса, охраны народнаго здравія. Какія бы то ни было законоположенія, ограждающія личность падшей женщины отъ злоупотребленій и притѣсненій, въ Россіи отсутствуютъ. Поэтому естественно, что и полиція совершенно не занимается защитой, и еще менѣе «спасеніемъ» (rescue) падшихъ женщинъ. Беззащитность ихъ еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что огромное большинство этихъ женщинъ въ Россіи принадлежатъ къ самому низшему общественному слою и лишены всякаго образованія. Въ Петербургѣ, напр., 78% изъ нихъ неграмотны. Эти женщины, конечно, имѣютъ самыя смутныя представленія о своихъ правахъ, о законахъ и полицейскихъ постановленіяхъ; понавъ, даже случайно, въ «заведеніе», онѣ не знаютъ, какъ изъ него выбраться, и ихъ легко можно убѣдить, что существуетъ законъ, подъ страхомъ наказанія запрещающій имъ возвратъ на свободу».

По подлиннымъ словамъ князя Волконскаго, «дѣло спасенія падшихъ женщинъ въ Россіи находится не въ особенно благоприятныхъ условіяхъ». Въ Петербургѣ, съ его миллионнымъ населеніемъ, существуетъ всего *одно* убѣжище для раскаявшихся, въ которомъ призрѣваются 22 женщины; есть также отдѣленіе для дѣвочекъ, которымъ грозитъ опасность сдѣлаться безнравственными. Въ Петербургѣ попадаютъ несчастныя, начиная съ 10-ти-лѣтняго возраста, но полиція не можетъ ничѣмъ помочь имъ, ибо въ убѣжищѣ слишкомъ мало мѣста. Многія женщины, которыя подписываютъ свое согласіе на занесеніе въ полицейскіе списки, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о значеніи этого акта. Большинство идутъ на это подъ давленіемъ нужды. Кромѣ Петербурга, убѣжища св. Магдалины существуютъ еще въ Ригѣ, Ревелѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ. Такимъ образомъ, на всю огромную Россію насчитывается всего 6 убѣжищъ. Кромѣ того, существуетъ еще нѣсколько убѣжищъ, устраиваемыхъ лютеранскою церковью для своей духовной паствы.

Изъ учрежденій «предохраняющаго» характера отчетъ князя Волконскаго указываетъ на возникшее въ 1897 г. петербургское «Общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ», которое ставитъ своей цѣлью устройство воскресныхъ собраній для работницъ, устройство дешевыхъ общежитій, защиту отъ дурнаго обращенія, подыскиваніе мѣстъ, и пр. По своей программѣ, это общество очень походитъ на заграничныя общества такого же типа.

Попеченіе о дѣтяхъ въ Россіи обстоитъ нѣсколько лучше: по отчету

*

тамъ «учрежденій Императрицы Маріи», въ Россіи существуетъ 365 дѣтскихъ пріютовъ на 15.000 дѣтей. Въ Императорскомъ челобѣтско-бывомъ обществѣ, по отчету 1894 г. призрѣвалось 5.444 дѣтей. Кромѣ того, существуютъ и многочисленныя частныя пріюты, изъ которыхъ князь Волконскій упомянулъ только объ одномъ — о дѣтскомъ пріютѣ трудолюбія въ такъ называемой «Вяземской лаврѣ» въ Петербургѣ. Но эти цифры, какъ мы сейчасъ увидимъ, не выдерживаютъ никакого сравненія съ такими же цифрами въ другихъ государствахъ.

Во Франціи «Центральное бюро благотворительныхъ учрежденій» (Bureau central des oeuvres de bienfaisance) издало перечень всѣхъ своихъ благотворительныхъ учрежденій; перечень этотъ за 1897 г. составилъ для одного Парижа томъ въ 650 страницъ мелкаго шрифта, а для провинцій — томъ въ 1.200 страницъ. Въ общемъ, во Франціи насчитывается 64.000 благотворительныхъ учрежденій. Очень значительная часть ихъ, посвящена спеціально защитѣ дѣвочекъ и женщинъ. Въ одномъ Парижѣ существуетъ 191 учрежденіе такого рода.

Въ Германіи дѣло помощи падшимъ женщинамъ сосредоточено, преимущественно, въ рукахъ женскихъ обществъ. «Берлинскій женскій союзъ» (Berliner Frauenbund) имѣетъ нѣсколько убѣжищъ въ Берлинѣ, въ которыхъ дается пріютъ около 900 падшимъ женщинамъ. Протестантская церковь въ Германіи также имѣетъ цѣлый рядъ такихъ учрежденій. Кромѣ того, въ Германіи есть отдѣленіе «Международнаго общества друзей молодыхъ дѣвушекъ» (Union Internationale des amies de la jeune fille), имѣющее 36 развѣтвленій въ провинціи, и отдѣленіе «Христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ» (Young womens christian Association), имѣющей цѣлыхъ 3.000 филиальныхъ отдѣленій въ Германіи.

«Интернаціональное общество друзей молодой дѣвушки» возникло въ 1877 году въ Швейцаріи. Въ настоящее время оно имѣетъ филиальныя отдѣленія въ 32 различныхъ странахъ. Общество это, принадлежащее къ числу «предохраняющихъ» учрежденій, имѣетъ прежде всего справочное бюро, куда молодыя дѣвушки, ищущія работу, могутъ обращаться за всякаго рода свѣдѣніями. Это справочное бюро старается отвлекать молодыхъ дѣвушекъ отъ сношеній съ разными подозрительными агентами и предостерегаетъ ихъ противъ заманчивыхъ газетныхъ объявленій, которыя такъ часто служатъ причиною перваго паденія.

Съ тою же цѣлью предупрежденія опасности, общество выдѣлило изъ своей среды особую группу, которая спеціально занимается такъ называемыми «встрѣчами». Члены этой группы ежедневно дежурятъ на станціяхъ и встрѣчаютъ молодыхъ дѣвушекъ, приѣзжающихъ изъ другихъ городовъ и не знающихъ, гдѣ имъ остановиться. Имъ предлагаютъ помѣщеніе въ спеціально устроенныхъ для этого убѣжищахъ, и затѣмъ заботятся о пріисканіи имъ мѣста. Извѣстно, что разныя

темныя личности тоже имѣютъ обыкновеніе дежурить на вокзалахъ и пристаняхъ и намѣчаютъ себѣ жертвы среди одинокихъ и неопытныхъ дѣвушекъ, пріѣзжающихъ изъ деревень. «Общество друзей» рѣшилось отвоевать у нихъ эту арену дѣятельности, и надо сказать, что они дѣйствуютъ очень удачно. Въ Швейцаріи такія «встрѣчи» организованы во всѣхъ большихъ городахъ, и количество молодыхъ дѣвушекъ, которымъ, такимъ образомъ, оказывается помощь, колеблется отъ 5 до 8.000 въ годъ. Конечно, сюда входятъ и незначительныя услуги, вродѣ одной ночи, проведенной въ убѣжищѣ. Но несомнѣнно, для многихъ и многихъ дѣвушекъ эта своевременная поддержка, оказанная въ первый-же день пріѣзда въ чужой городъ, имѣетъ рѣшающее вліяніе на всю ихъ послѣдующую жизнь.

Таже цѣль преслѣдуется и плакатами, вывѣшиваемыми «Обществомъ друзей» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и въ вагонахъ и каютахъ 3-го класса. Въ этихъ плакатахъ, напечатанныхъ большими буквами, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе, молодыя дѣвушки предупреждаются объ опасности, которая можетъ имъ угрожать, и при этомъ сообщаются адреса убѣжищъ въ ближайшемъ городѣ.

Кромѣ предохраняющихъ учрежденій, общество имѣетъ также всякаго рода убѣжища для падшихъ женщинъ, пріюты для родильницъ, и пр. По воскресеньямъ члены его устраиваютъ собранія для работницъ и прислуги.

Наряду съ протестантскимъ «Обществомъ друзей молодой дѣвушки» въ Швейцаріи существуетъ и «Католическое общество защиты молодыхъ дѣвушекъ», которое преслѣдуетъ тѣ же цѣли.

Я остановлюсь подробнѣе на нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ Англіи, такъ какъ они являются типичными для подобныхъ же учрежденій въ другихъ странахъ. Одною изъ самыхъ распространенныхъ организацій «предохраняющаго» характера является «Христіанская ассоціація молодыхъ женщинъ» (Young women's christian Association). Задача этой ассоціаціи заключается въ помощи молодымъ дѣвушкамъ, какъ матеріальной, такъ и нравственной. Оно устраиваетъ дешевыя общежитія и рестораны для работницъ и для интеллигентныхъ труженицъ, организуетъ всевозможныя просвѣтительныя учрежденія для работницъ; въ составъ его входятъ и справочная контора, и «Общество помощи молодымъ путешественницамъ», и общедоступныя залы для гимнастическихъ упражненій, и велосипедная школа, и религіозныя митинги, и пр., и пр. Въ Лондонѣ разбросано 25 общежитій и ресторановъ «Христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ», въ провинціяхъ ихъ около 100, въ Шотландіи—11 и въ Ирландіи—14.

Заглянемъ въ одно изъ такихъ общежитій, при которомъ есть и ресторанъ. Въ одной изъ боковыхъ улицъ центрального Лондона виднѣется хорошенькое окно, въ которомъ среди горшковъ съ цвѣтами повѣшена карточка съ обозначеніемъ цѣны обѣда, чая и пр. Въ семь часовъ

обитательницы общежитія возвращаются домой послѣ дневной работы. Это, преимущественно, приказчицы или конторщицы въ различныхъ магазинахъ. Есть также и общежитія, и рестораны спеціально для фабричныхъ дѣвушекъ. Столовая—большая, привѣтливая комната, оклеенная свѣтлыми обоями, съ большими стѣнными зеркалами. Ею пользуются не только живущія, но и многія постороннія дѣвушки. Обѣдъ дается свѣжій, хорошо приготовленный, и за сравнительно очень дешевую цѣну: напр., за 2½ пенса (12 кон.) вы получаете большую порцію супу, хлѣба и молочнаго пудинга; за 5 пенсовъ (25 к.) къ этому прибавляется еще порція мяса съ картофелемъ.

Изъ ресторана вы по лѣстницѣ поднимаетесь въ общую гостиную — большую уютную комнату, съ комфортабельными креслами и кушетками и фотографіями на стѣнахъ. Каждый живущій въ общежитіи имѣетъ крошечную спальню, которую даже нельзя назвать комнатой—это просто чуланчикъ, въ которомъ помѣщается кровать, стулъ, комодъ и умывальникъ. Эти чуланчики (называемые *subicles*) очень распространены въ лондонскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и ихъ всегда предпочитаютъ большимъ комнатамъ, въ которыхъ помѣщается нѣсколько человѣкъ. Цѣна за такой чуланчикъ колеблется отъ 4½ до 5½ шил. въ недѣлю. Они освѣщаются электричествомъ и снабжены прекрасной вентиляціей. Кромѣ такихъ дешевыхъ общежитій, есть еще болѣе комфортабельныя и дорогія общежитія для интеллигентныхъ труженицъ.

Помимо общежитій, ассоціація молодыхъ женщинъ устроила еще такъ называемое «Центральное учрежденіе» (*Central Institute*), въ которомъ сосредоточиваются всевозможныя просвѣтительныя и увеселительныя учрежденія для его членовъ. По вечерамъ тамъ идутъ самыя разнообразныя занятія: классы кройки, шитья, классъ хорового пѣнія, кулинарные курсы. Въ гимнастическомъ залѣ дѣвушки, просидѣвшія цѣлый день надъ работой, разминаютъ свои члены шведской гимнастикой. Недавно при обществѣ образовался клубъ велосипедистокъ, которыя лѣтомъ предпринимаютъ различныя экскурсіи въ окрестностяхъ Лондона. Особенной популярностью у дѣвушекъ пользуются уроки французскаго языка, музыки и бухгалтеріи. Тутъ-же образуются кружки, читающіе сообща драмы Шекспира, или изучающія исторію Англіи.

«Общество помощи путешественницамъ», состоящее при «Ассоціаціи молодыхъ женщинъ», преслѣдуетъ тѣ же цѣли, какъ и швейцарская «*Union des amies de la jeune fille*». Оно имѣетъ отдѣленія въ провинціяхъ и за границей и въ теченіе 1898 г. была оказана помощь 3.031 дѣвушкѣ, путешествовавшей по Англіи въ поискахъ за мѣстомъ. Кромѣ встрѣчъ на станціяхъ и на докахъ, общество беретъ на себя собраніе свѣдѣній о мѣстахъ, которыя предлагаются молодымъ дѣвушкамъ въ другихъ городахъ, и такимъ путемъ имъ удается сдѣлать много добра. Какъ видно уже изъ самаго названія ассоціаціи, дѣятельность

ея имѣть религіозный характеръ; по воскресеньямъ во всѣхъ обществитіяхъ устраиваются религіозные митинги, присутствіе на которыхъ, впрочемъ, не обязательно для живущихъ. Вообще помощь оказывается всѣмъ женщинамъ, безъ различія вѣроисповѣданія.

Такой же религіозностью проникнуто и другое общество, преслѣдующее аналогичныя цѣли—«Общество друзей молодыхъ дѣвушекъ» (Girls friendly Society). Это общество, примыкающее къ англиканской церкви, находится подъ покровительствомъ королевы Викторіи. Оно имѣетъ 1.330 развѣтвленій въ Англіи и 32.399 почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, и ежегодно оказываетъ помощь 154.170 дѣвушкамъ.

Кромѣ того, въ Англіи существуютъ еще многочисленныя организаціи, ставящія себѣ задачей удержаніе молодыхъ дѣвушекъ на пути добродѣтели: «Союзъ клубовъ для молодыхъ дѣвушекъ» (Girls clubs Union), «Ассоціація помощи молодымъ служанкамъ», «Общество доставленія занятій молодымъ женщинамъ» и пр., и пр. Косвенно къ той же цѣли стремится и «Лига союзовъ работницъ (Women Trade unions League)» и многочисленныя «женскія поселенія» на лондонскихъ окраинахъ. Конечно, всѣ эти учрежденія оказываются недостаточными для борьбы съ проституціей, но, во всякомъ случаѣ, они намѣчаютъ пути для этой борьбы, и нѣкоторые изъ этихъ путей (напр., союзы работницъ, которые теперь только начинаютъ развиваться въ Англіи) могутъ въ будущемъ имѣть большое значеніе.

Въ Англіи существуютъ и многочисленные пріюты для спасенія падшихъ женщинъ. Эти пріюты, конечно, приносятъ большую пользу, какъ и всякія благотворительныя учрежденія, но по своему значенію ихъ, нельзя сравнивать съ учрежденіями «предохраняющаго» типа. По этому поводу нельзя не вспомнить словъ американской делегатки, миссъ Сусанны Антони, которая говорила на послѣднемъ годовомъ собраніи National Vigilance Assotiation: «Спасать отдѣльныхъ проституттокъ—это все равно, что стараться исчерпать море чайной ложкой, или собирать зерна песку на морскомъ берегу: пока вы стараетесь спасти одну изъ нихъ, общественныя условія создаютъ милліоны новыхъ проституттокъ. Поэтому социальныя реформаторы должны заносить свой топоръ къ корню дерева, а не къ отдѣльнымъ вѣткамъ его».

Л. Давыдова.

ПОЭТЕССА ИЗЪ НАРОДА.

Въ апрѣлѣ 1893 г., въ Италиі вышелъ сборникъ лирическихъ стихотвореній, озаглавленный «Судьба» (*Fatalità*). Одна изъ помѣщенныхъ здѣсь пѣсень содержала горячую отвѣдь тѣмъ лѣнивымъ и развращающимъ тенденціямъ, которыя въ буржуазной литературѣ Запада получили теперь такое преобладающее значеніе и вліяніе. «О сытый міръ бевсовѣстныхъ буржуа, питающихся счетами и аферами, міръ упитанныхъ милліонеровъ и юныхъ кокотокъ, малокровныхъ женщину, посѣщающихъ мессу ради свиданія съ любовникомъ... Ты, лживый міръ, хочешь отнять у меня солнце идеала, ты, трусливый пигмей, хочешь обрѣзать мои крылья? Ты пипишь, а я летаю, ты зѣваешь, я пою. Ты лжешь, сплетничаешь, клеветешь, но я тебя презираю. Съ небесной тверди улыбаются мнѣ золотыя чары поэзии, ты же купаешься въ грязи... Устремляя свой взоръ къ сверкающимъ звѣздамъ, я иду безоружная и одинокая,—противъ судьбы. И чѣмъ яростнѣе ты меня преслѣдуешь, тѣмъ могучѣе рвется изъ моей груди пророческое слово любви. Иди же, пошлый, сытый, невѣрующій міръ, по темному пути, въ погоню за деньгами и наслажденіями. Бичемъ моего страстнаго стиха казню я тебя прямо въ лицо!»

Упомянутый сборникъ принадлежалъ перу молодой поэтессы *Ады Негри*. Какъ странно сложилась судьба этой дѣвушки!

Ада Негри—дита народа. Отецъ ея—крестьянинъ-батракъ. Мать работала на фабрику, въ шерстопрядильнѣ. Дѣвочка посѣщала начальную школу въ родномъ мѣстечкѣ Лоди, недалеко отъ Милана. Когда Адѣ минуло 18 лѣтъ, она получила мѣсто сельской учительницы въ захолустной деревушкѣ Мотта-Висконти, въ Ломбардской области. Здѣсь она обучала грамотѣ 80 человѣкъ ребятишекъ и жила очень бѣдно, такъ какъ отдавала три четверти своего скромнаго жалованія больной матери. Когда, въ 1893 г., вышелъ въ свѣтъ первый сборникъ стихотвореній Ады Негри, обратившій на нее всеобщее вниманье, судьба сельской учительницы быстро измѣнилась. Молодая талантливая дѣвушка была немедленно переведена въ Миланъ, въ одно изъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь она преподавала въ качествѣ «professora» итальянскій языкъ и итальянскую литературу. Затѣмъ ей

выхлопотали ежегодную пенсію въ 2.000 фр. Въ 1896 г. появился второй сборникъ ея стихотвореній подъ заглавіемъ «*Tempeste*» (Бури). Ада Негри была теперь знаменитостью. Счастье не переставало ей улыбаться. Богатый фабрикантъ изъ Милана, синьоръ Гарланда сдѣлалъ ей предложеніе *). Скромная учительница не нашла возможнымъ отказать поклоннику ея таланта и идей. Такъ покинула Ада Негри теплыя долины, гдѣ царятъ бѣдность и горе, и вознеслась на солнечныя высоты буржуазнаго счастья. Такіе переходы изъ одного класса въ другой не проходятъ для человѣка даромъ. Вотъ почему хотѣлось бы фиксировать портретъ Ады Негри такой, какой она была въ захолустной деревушкѣ Мотта-Висконти, простой сельской учительницей!

II.

Ада Негри не знала своего отца. Онъ умеръ, одинъ, въ городскомъ госпиталѣ. Не было при немъ ни жены, ни дочери. Никто не поцѣловалъ его на вѣчный сонъ. Только сидѣлка прочла надъ нимъ молитву и закрыла ему глаза. Тѣмъ не менѣе, Ада твердо хранила память объ одинокомъ страдальцѣ. Впослѣдствіи она посѣтила больницу, гдѣ онъ скончался. Невольно образъ безвременно погибшаго крестьянина-пахаря выросъ для нея въ скорбное олицетвореніе всего класса обездоленныхъ тружениковъ, которые борются во мракѣ и умираютъ безъ свѣта. И когда дѣвушка стояла, въ печальномъ раздумѣ, передъ койкой съ надписью № 20, уста ея шептали неслышно святую, простую молитву: «О если бы у каждаго было свое теплое гнѣздышко, гдѣ онъ могъ бы безопасно жить и спокойно умереть—въ сіяніи вѣчнаго солнца...» **).

Но безконечно дороже отца, котораго она не знала, была для нея мать, которая всѣ свои силы и всѣ свои надежды отдала на то, чтобы создать счастье своей единственной, ненаглядной дочкѣ. Въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній Ада обезсмертила образъ этой симпатичной работницы ***). Въ фабрикѣ и пыльно, и душно. Шумятъ и свистятъ машины. Подъ оглушительные звуки этой пѣсни безмолвно работаютъ тысячи блѣдныхъ, изнемогающихъ женщинъ. Среди нихъ также мать поэтессы:

Пятнадцать ужъ лѣтъ, какъ въ заботахъ о хлѣбѣ
Заводитъ она свой прядильный станокъ.
Покорно неся бесталанный свой жребій
Судьбѣ непосильный оброкъ.
Бываютъ минуты: привычныя руки
Замѣтно слабѣютъ, усталость ванда...

*) Подробности см. у *Jean Dornis*: «*La poesie contemporaine en Italie*». *M. Vamson* «А. Негри» и *S. Bisi-Albini* (Предисловіе къ «*Fatalità*»). Этой статьёй слѣдуетъ пользоваться осторожно).

***) *Tempeste*: «*A l'ospedale maggiore*».

***) *Fatalità*: «*Madre operaja*». Переводъ В. М. Шулятикова.

И страшный призракъ на мгновеніе встаетъ передъ неутомимой работницей:

А если внезапно недугъ неминучій
Къ постели ее прикуетъ!?

.....

Но, нѣтъ, невозможно. Хворать несвободно...

У работницы растетъ маленькая дочь *): она такъ умна и способна, она умѣетъ читать и писать. Она—«единая гордость неволи голодной». Она—для одинокой матери весь смыслъ жизни...

И капля за каплей она для малютки
Послѣднія силы отдастъ.
Когда жъ за машиной въ трудѣ неустанномъ
Наступитъ безсиліе старческихъ лѣтъ,
Отдастъ и мечты о покоѣ желанномъ,
Какъ вѣкогда вешній расцвѣтъ.

И Ада никогда не забывала своей дорогой матери. Когда гнетущее чувство одиночества охватывало все существо молодой учительницы, затерянной въ чужой деревушкѣ Мотта-Висконти, то только мысль о свиданіи съ матерью поддерживала въ ней бодрость и энергію. Въ первое же каникулярное лѣто она успѣшила исполнить свою мечту. Какъ радостно забилося ея сердце, когда она на порогѣ «простой, маленькой комнатки» увидѣла вновь фигуру любимой матери! «Какъ сладко быть мнѣ здѣсь въ тиши, опять съ тобою вмѣстѣ—подъ ласки вѣжныя твои! склонить головку, стать вполнѣ ребенкомъ на твоихъ колѣняхъ, всю скорбь моей души мятежной повѣдать тебѣ... О будь со мною всегда!» **). И какъ глубоко потрясена была дѣвушка, когда мать заболѣла тяжкимъ недугомъ! Какъ трогательно молилась она за ея безцѣнную жизнь! «Меня обними, неумолимое страданіе. Пусть будетъ мнѣ удѣломъ стыдъ. Изрѣжь мое молодое лицо морщинами. Оставь мнѣ однѣ слезы, но только не дай умереть моей матери» ***). И если образъ крестьянина-отца сталъ для Ады олицетвореніемъ незаслуженныхъ страданій, то фигура работницы-матери превратилась для нея навсегда въ символъ несокрушимаго духовнаго величія: «Бываютъ минуты,—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ стихотвореній ****),—когда слезы подступаютъ мнѣ къ горлу и изнемогаетъ та могучая сила, что огнемъ переливается въ моихъ жилахъ. Въ такія минуты вспоминаю я тебя, дорогая мать. Какой гордой и великой кажешься мнѣ ты! Какъ ярко свѣтятся твои глаза! И тогда я чувствую, какъ мои силы удешатеряются. Тогда я становлюсь опять плотью отъ твоей плоти. Тогда я снова гордый дубъ, котораго не сломитъ ни одинъ ураганъ».

*) Въ подлинникѣ скавано «сынъ». Но автобіографическое значеніе этого стихотворенія едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

***) Fat. «Pur vi vivedo ancor».

****) Fat. «Pietà».

****) Temp. «A te, mamma!»

Такъ сохранила эта дѣвушка изъ простаго народа въ сердцѣ теплую привязанность къ тѣмъ, кто ей далъ жизнь.

Въ захолустной, лѣсной тиши деревушки Мотта-Висконти одинокая учительница такъ часто мечтала о любви. Вѣдь ей минуло только 20 лѣтъ и она была, къ тому же, поэтесса. «Услышь меня, бѣдный цвѣтокъ,—говорила она послѣдней розѣ, осыпавшейся въ ея садикъ,—я не хочу умереть, не испытать любви» *).

Но за кого мѣчаетъ Ада выйти замужъ? На какихъ началахъ думаетъ она построить свою собственную семейную жизнь? Какъ поступить она, если передъ ней предстанетъ богатый юноша, изящный салонный кавалеръ? Что скажетъ она ему, если онъ предложитъ ей свое сердце и вмѣстѣ съ нимъ свои капиталы... Она, жившая исключительно своимъ личнымъ трудомъ и свято вѣрующая въ свои идеалы, обратится къ нему съ вопросомъ **):

Но скажи: томился ль ты въ трудѣ суровомъ,
Долгими ночами отгоняя сонъ?
И какиѣ завѣтовъ всемогущимъ словомъ
Твой цвѣтущій полдень свято вдохновленъ?

Ты не отвѣчаешь: такъ ступай обратно
Къ свѣтскому досугу, къ бѣшеннымъ часамъ,
Къ вечерамъ и картамъ, и къ любви развратной,
Я въ обмѣнъ на злато сердце не отдамъ...
Да, когда бѣ извѣдалъ ты рабочей муки!!!

Но ты не трудился, жертва наслажденій,
Золотыхъ чертоговъ хилый пустоцвѣтъ.
Жалкому потомку жалкихъ поколѣній
Лишь одно презрѣнїе будетъ мой отвѣтъ!

Конечно, если этотъ представитель обезпеченнаго класса будетъ раздѣлять ея демократическіе идеалы, она готова связать съ нимъ свою жизнь... Но она поставитъ еще нѣсколько весьма серьезныхъ условій: «Пусть будетъ тотъ домъ намъ роднымъ и любимымъ, гдѣ стоны побѣжденных мы слышимъ, гдѣ плачь раздастся покинутыхъ, бѣдныхъ малютокъ. Конуры несчастныхъ и сырыхъ пусть будутъ намъ брачной постелью, дѣтми всѣ безвѣстныя, всѣ горемыки!» ***). Врядъ ли, однако, кто-либо изъ претендентовъ на ея руку согласится на такія суровыя условія. Вотъ почему Ада охотнѣе всего вышла бы замужъ за простаго труженика изъ народа, за крѣпкаго и вольнаго работника. «О, какъ сладко быть его возлюбленной!—ожидать его вечеромъ за скромнымъ ужиномъ! Какъ сладко отъ него, чья жизнь есть трудъ и борьба, по-

*) Fat. «Rosa appassita».

***) Fat. «Hai lavorato?» Пер. В. М. Шулятикова.

***) Temp. «Amor nuovo». Пер. Ватсонъ.

лучить поцѣлуй, какъ бѣлая лилія отъ золотистой пчелы!». ¹⁾ Такъ мечтала Ада Негри основать свой бракъ не на принципахъ богатства и наслажденія, а на идеяхъ духовнаго родства и святости труда.

Одинокая сельская учительница въ Мотта-Висконти воображала себя часто не только женой, но также матерью. Въ какомъ же духѣ воспитала бы она своего сына? «Скажу я ему, что жизнь есть трудъ— и въ сердцѣ младенческомъ, чуткомъ, изъ правды, добра, изъ всего, что велико и свято, я скоплю сокровище. Онъ будетъ расти и крѣпнуть, стремясь къ идеалу душой, руками къ труду и сердцемъ къ Богу!» ²⁾. Онъ станетъ ратовать, честно и смѣло, за демократическіе принципы матери. Онъ будетъ борцомъ за права трудящагося народа.

И будетъ онъ биться перомъ и примѣромъ
За дальняго счастья блаженные дни,
И міру укажетъ онъ въ сумракѣ сѣромъ
Зарѣ нарожденной огни...

И черные кудри борца и пророка
Украсятъ лавровый вѣнокъ ³⁾.

Такъ превзойдетъ сынъ свою мать. «Онъ будетъ великъ, какъ я клялась себѣ великой быть и не сумѣла стать. Онъ поднимется на тѣ высокія вершины, которыхъ я достигнуть не могла» ⁴⁾.

Такъ мечтала Ада Негри воспитать въ любви къ идеалу и труду своихъ дѣтей, которыя, въ свою очередь, «продолжали бы въ грядущемъ расу непобѣдимыхъ и честныхъ борцовъ, расу воскресшихъ рабовъ, которые пожнутъ среди пѣсенъ посявы свободы, вырощенные кровью, слезами и думами отцовъ» ⁵⁾.

III.

Въ жизни одинокой сельской учительницы бываютъ однако минуты, когда ей становилось неловко и совѣстно мечтать о личномъ счастьѣ, о блаженствѣ любви...

Ада Негри представляетъ себѣ юношу, который нашептываетъ ей на ухо страстныя признанія. Но она его невольно прерываетъ и говоритъ: «Однажды привидѣлась рать мнѣ несмѣтная много трудившихся, вынесшихъ много, привидѣлись полчища сырыхъ, голодныхъ, нуждою измученныхъ. И такъ же какъ ты, признаваясь въ любви, все твердишь мнѣ «люблю» — такъ они говорили мнѣ: «сжался надъ нами... Будь нашей, будь нашей, хотимъ мы тебя... Пусть же волеется вся скрытая

¹⁾ Temp. «Operaio».

²⁾ Fat. «Finite parvulos, пер. Ватсонъ».

³⁾ Fat. «Madre operaia», пер. Шулятикова.

⁴⁾ Temp. «Il figlio».

⁵⁾ Temp. «Operaio».

скорбь наша въ душу твою, потому что отъ насъ воспріяла ты жизнь, отъ насъ родилась ты. И пусть изъ груди твоей, страстно взволнованной, вырвутся мощнымъ и властнымъ аккордомъ—о насъ и за насъ твои тѣсни» *).

Несчастные труженики, гибнущіе въ непосильной борьбѣ за существованіе,—вотъ въ самомъ дѣлѣ истинные герои и настоящая любовь сельской учительницы. Поэзія Ады Негри развертываетъ печальную картину страданій обездоленного пролетаріата.

Вотъ умираетъ въ больницѣ мальчикъ, сынъ рабочаго. Его звонкій смѣхъ раздавался такъ странно въ угрюмомъ фабричномъ зданіи. Онъ прыгалъ, какъ бѣсенокъ, между прядильными станками и развлекалъ рабочихъ и работницъ своими гримасами и шутками. Злая чахотка бросила его на больничную койку. Теперь онъ гаснетъ. «О дайте мнѣ хоть немного солнечнаго свѣта для этого ребенка, который его никогда не видалъ», — восклицаетъ поэтесса изъ глубины сердца. «Дайте веселую, свободную жизнь лѣсовъ этому мальчику, который никогда не игралъ, который не зналъ, что такое праздникъ! О, кто отнял у него свѣтъ солнца, зелень полей, игры на свободѣ и безопасный смѣхъ золотого дѣтства?» **). Или вотъ бѣгаетъ среди экипажей по грязной мостовой маленькій оборванецъ, «безстыжій и наглый, и праздный». Мать на заводѣ. Отецъ въ тюрьмѣ. «Онъ одинъ на свободѣ». Что выйдетъ современемъ изъ этого юнаго бродяги:

Рабочая-ль блуза съ тобою сроднится,
Клейменная-ль куртка? Кто знаетъ,
Что лѣтъ черезъ 20 тебя ожидаетъ?
Тюрьма, мастерская, больница?

И хочется мнѣ, среди улицы жадно
Прижать тебя къ сердцу съ тоской,
И съ братской любовью промолвить, рыдая:
Я также жила безъ призора, тоскуя,
Какъ дикій цвѣтокъ на болотѣ.
Была въ мастерской моя мать на работѣ,
Мы близки ***).

Предположимъ, что изъ этого маленькаго оборванца выйдетъ не чахоточный и не каторжникъ, а сильный и прилежный работникъ. Однако, какъ ненадежна и тяжела будетъ его жизнь! Какъ легко можетъ онъ лишиться работы при современномъ перепроизводствѣ рабочей силы! Какъ быстро можетъ онъ превратиться въ нищаго. И пойдетъ онъ по мѣстечкамъ и деревушкамъ просить милостыню. Вотъ онъ стучится въ

*) Темп. «Amor nuovo». Пер. Ватсонъ.

***) Темп. «Fanciullo».

***) Fat. «Birichino di strada». Пер. Ѳедорова.

первое окно. «Во имя вашей любви къ вашимъ усопшимъ, не гоните меня прочь. Я ѣсть хочу. Если вы вѣрите въ Бога, то помогите мнѣ. Вѣдь я имѣю священное право на трудъ». Но окно быстро захлопнулось и блѣдный, еле передвигая ноги, съ поникшей головой, идетъ онъ дальше просить Христа ради» *).

Безсовѣстные фабриканты будутъ нагло эксплуатировать силу и время беззащитнаго труженика. Правда, цивилизація выработала для него болѣе или менѣе надежное средство протеста. Но вѣдь не каждый способенъ выдержать тяжесть стачки. Вотъ собрались на фабричномъ дворѣ забастовавшіе работники. «Они посмотрѣли другъ другу въ лицо, изможденные бессонницей и голодомъ, утомленные борьбой. Одинъ, нахмурившись, говоритъ: «Къ чему? Мы только гибнемъ». Другой глухо вторитъ: «Мои дѣти умираютъ отъ истощенія». Третій подхватываетъ: «Моя жена лежитъ въ больницѣ». Вотъ изъ толпы выходитъ молодой Гераклъ съ мускулистыми руками и огненнымъ взоромъ: «Ни за что! Не поддадимся! Вѣдь мы не животныя, а люди». Но рабочіе посмотрѣли другъ другу въ лицо, изможденное бессонницей и голодомъ. «Къ чему? Мы только гибнемъ». И они вернулись къ работѣ, словно угрюмыя, безутѣшныя тѣни» **).

Наконецъ, сколько опасностей ожидаетъ работника на его пути! Вотъ спустилась въ шахту толпа углекоповъ. Они простились съ женами и дѣтьми, съ сіяющимъ солнцемъ и съ цвѣтушей землей. Они спустились въ царство мрака. Вдругъ раздается оглушительный трескъ. Отъ раскрывшейся лампочки произошелъ взрывъ подземныхъ газовъ. Не увидятъ работники больше ни родныхъ, ни небесной лазури. «О бѣдный народъ!»—воскликаетъ поэтесса.—«Какая польза въ томъ, что ты силенъ и прекрасенъ. Смерть для тебя спасенье. Хвала же пожару, который вмѣстѣ съ тобою уничтожаетъ твои лохмотья и твой голодъ и даритъ тебѣ взамѣнъ мирный сонъ» ***).

Бѣдныя вдовы!

«Идите же въ поле, красавицы, въ холодный вѣтеръ и въ полуденный зной. Беритесь за топоръ и заступъ! Отправляйтесь въ рисовыя поля, гдѣ солнце немилосердно жжетъ голову и кишатъ ядовитыя миазмы. Переносите безропотно свою тяжкую долю во имя дѣтей, ради бѣдной хаты и куска насущнаго хлѣба!» ****).

Ада Негри благоговѣетъ, конечно, передъ геніальными мыслителями и художниками, которые подарили міру свои безсмертныя произведенія. Она еще охотнѣе готова преклониться передъ тѣми смѣлыми бойцами, которые, не смотря ни на какія гоненія, пытаются устроить на землѣ

*) Temp. «Disoccupato».

**) Temp. «Fin del sciopero».

***) Temp. «L'incendio della miniera».

****) Temp. «La vedova».

богѣе справедливый порядокъ *). Она воспѣла ихъ въ чудныхъ стихахъ **). Однажды привидѣлся ей сонъ. Гаснетъ закатъ западалый. На розовомъ горизонтѣ просыпается вереница фигуръ съ изможденными тѣлами, блѣдными лицами и въ терновыхъ вѣнцахъ. Кто вы? Откуда?

Мы исполины. Великое пламя
 Въ насъ трепетало. Подъ ляганье стали
 Съ бранною пѣснью посади мы знами,
 На полѣ битвы безъ стона мы пали.
 Мы преклонялись предъ мыслью нетлѣнной,
 Мысль намъ терновый вѣнокъ подарила.
 Въ поискахъ вѣчныхъ за смысломъ вселенной
 Наши побѣды и наша могила.
 Насъ распинали, водили на пытки,
 Били камнями, но мы—исполины...

Снова мнѣ грезится пышное лѣто,
 Медлитъ погаснуть закатъ западалый.
 Мчится толпа прихотливо одѣта
 Свѣта вечерняго дымкою алой.
 Лица сияютъ восторгомъ пророка,
 Дышать покоемъ невѣдшнаго мира.
 Ясныя очи раскрыты широко,
 Смотрятъ, ликуя, въ пространство ээира...

Но больше и глубже всего любить Ада Негри тѣхъ, кто кротки душой и смиренны сердцемъ.

«Это тѣ, которые должны были видѣть, какъ колосья зрѣли для другихъ и все-таки никогда не присвоивали себѣ чужого. Они упивались слезами и жельчью, могучая несправедливость была ихъ по лицу и они все-таки не поднимали руки на ближняго. Они шли тернистой дорогой, безвѣстные, забытые. Они дрогли подъ стужей и изнывали подъ зноемъ. Они шли безъ крова, безъ хлѣба, безъ одежды, и они все-таки не переставали вѣрить въ Бога. Они спали на грязной соломѣ и умирали въ больницѣ, но умирали, любя!» ***).

Таковы герои сельской учительницы изъ деревушки Мотта-Висконти.

IV.

Въ поэзіи Ады Негри кристаллизованы слезы миллионовъ тружениковъ. Это не веселая пѣсня, не праздничный диэирамбъ, а грустный плачь надъ тяжелой долей итальянскаго пролетаріата. Чуткое ухо поэтессы уловило скорбные стоны своихъ братьевъ по происхожденію и увѣковѣчила ихъ въ своихъ демократическихъ пѣсняхъ. «Отовсюду,

*) Temp. «I grandi».

**) Fat. «I vinti». Пер. В. М. Шулятикова.

***) Temp. «I grandi».

изъ лачугъ, гдѣ обитаетъ рабочій людъ, изъ подъ мрачныхъ сводовъ фабрикъ, гдѣ, свистя, шумятъ и грохочутъ стальные чудовища и гигантскія колеса... съ болотистыхъ рисовыхъ полей, откуда поднимаются ядовитыя испаренія—отовсюду доносится до меня плачь, не перестающій, заунывный... словно, туча, омрачающая солнце. Эта туча закрываетъ собой для меня радость и красоту и свѣтъ зари. Я не знаю ни дерзостнаго овяненія любви, ни восторга поцѣлуя. У меня осталось одно только—скорбь»¹⁾. Но Ада Негри не пессимистка. Она вышла изъ простонародной семьи, здоровой и нетронутой. Она принадлежит къ общественному классу, который идетъ не внизъ, а вверхъ. Въ жизни сельской учительницы изъ Мотта-Висконти бывають, конечно, минуты разочарованія. Въ ея поэзіи звучать поэтому порою нотки меланхолиі. Когда Ада Негри окидываетъ мысленно печальную судьбу, которая выпала на долю матери, которая стала ея собственнымъ удѣломъ, въ ея душѣ поднимаются мятежныя чувства, накаплиетъ даже злоба. «Я плакала отъ голода и холода. Я росла среди мрака, а мое сердце изнывало отъ тоски по солнцу. Я питалась слезами и горемъ. Я страдала и проклинала. И когда я подумаю о матери, которую убила медленная болѣзнь, о потухшемъ огнѣ въ моей комнатѣ, о богатыхъ, которые ликуютъ и смѣются—тогда необузданная ненависть окрыляетъ мой стихъ»²⁾. И не только несправедливый гнетъ судьбы волнуетъ мысль юной учительницы. Она страдаетъ также отъ того, что она поэтесса. «Въ нашъ угрюмый, торгашескій вѣкъ гениальность есть преступленіе» — говоритъ она³⁾. «Попробуй только обнажить въ могучихъ стихахъ незажившія раны твоего сердца. Толпа засмѣется тебѣ въ лицо. Если ты, гордая своею золотою молодостью, сложишь гимнъ—любви, тебя назовутъ безумной и эксцентричной. А критики будутъ тебя преслѣдовать гнусными издѣвательствами, какъ волки преслѣдуютъ свою добычу, чтобы растерзать ее на части»⁴⁾. Неудивительно, что молодой женщиной порою хочется унести какъ можно дальше отъ пустого, холоднаго, эгоистическаго міра, уйти въ горы, гдѣ сверкаетъ на солнцѣ вѣчный медъ. «Тамъ свѣтло. Туда не долетятъ звуки ненавистной земли. Здѣсь же на сердцѣ у меня лежитъ словно туча... Среди рисовыхъ полей умираетъ поэзія»⁵⁾. Порою это меланхолическое настроеніе переходитъ даже въ острую физическую боль, завершается мыслями о самоубійствѣ, мечтами о нирванѣ. Тогда стихи Ады Негри напоминають своимъ пессимистическимъ содержаніемъ поэзію Леопарди или Графа. «На землѣ люди плачутъ. Лицемеріе торжествуетъ, свободно управляетъ міромъ

1) *Fat.* «*Fin ch'io viva*». Пер. Ватсонъ.

2) *Fat.* «*Va*».

3) *Fat.* «*Marchio in fronte*».

4) «*Marchio in fronte*».

5) *Fat.* «*Portami via*».

ненависть. Не уйти ли въ тихое удивленіе змѣвидныхъ водорослей. Волна—пріютъ любви. Только нирвана даетъ покой. Не спуститься ли въ подводное царство, чтобы скорѣе наступилъ конецъ *)).

Но здоровая крестьянская натура поэтессы торжествуетъ надъ этими болѣзненными настроеніями мимолетной тоски и малодушія. Ада Негри вспоминаетъ свою незабвенную мать. Она опять становится плотью отъ ея плоти. Она снова гордый дубъ, котораго не сломитъ ни одинъ ураганъ. И Ада Негри шлетъ смѣлый вызовъ «мегерѣ» бѣдности и горя **).

Вышла изъ народа я—и вотъ
 Всѣ кручины подъ ноги топчу
 И зарѣ на встрѣчу я иду.
 Жажду я труда—онъ трижды святъ
 Онъ возноситъ и равняетъ всѣхъ.
 Жажду бурныхъ наслажденій рядъ,
 Ласкъ безумныхъ и любви утѣхъ
 Жажду славы, аромата розъ,
 Блеска звѣздъ, лазурныхъ, райскихъ грѣвъ.
 Ты жъ, мегера, исчезай скорѣй...
 Словно тѣнь на солнцѣ стгнь вдали
 Сбросивъ гнетъ твой гордо я стою
 Жизни пѣсню радостно пою!

Ада Негри такъ страстно любитъ эту земную жизнь, что хотѣла бы быть вѣчно юной, на крыльяхъ облетѣть всѣ пространства, испытать всѣ радости, безъ конца любить и безъ конца смѣяться. «Тебя же, смерть, я отвергаю». Она любитъ лазурь неба, сверкающій огонь, святую землю, которой солнце плодородіе даритъ, святую землю, это гигантское горнило, въ которомъ безъ устали кипитъ работа и слышенъ вѣчный гулъ и молотовъ удары. Она хотѣла бы быть бессмертной. «Во имя всего, что на землѣ рождается, всего, что на землѣ съ надеждою живетъ, что жадно стремится къ идеаламъ, во имя всего, что борется,—хочу, хочу я быть бессмертной» ***). И поэтесса вѣрить всей душой, что чудная жизнь на землѣ не можетъ прекратиться. Все перевоплощается. Все переходитъ въ другія формы существованія. «Когда земля заснетъ и въ тиши сыплются поцѣлуи звѣздъ на цвѣты и словно шопотъ ангеловъ несется по безграничному пространству вздохъ любви. Знай, въ этомъ вздохѣ живетъ и мыслить чья-нибудь душа. Когда тучи сгустятся, шумитъ разъярившійся вѣтеръ, въ глсу свирѣпствуетъ ураганъ и на небѣ трепещутъ огневые молніи — знай, въ этой страшной бурѣ стонетъ и плачетъ чья-то душа!» И пока не распадется въ дребезги наша великолѣпная планета, душа будетъ жить «въ любви лилій», въ блескѣ полдня, въ блѣдныхъ лучахъ мер-

*) Fat. «Fantasmi».

** Fat. «Buon di, Miseria». Пер. Ватсонъ.

***) Temp. «Immortale». Пер. Ватсонъ.

нающихъ звѣздъ, въ пропастяхъ моря, въ порывахъ вѣтра и въ тайнахъ мірозданія» ¹⁾).

И если поэзія Ады Негри звучитъ въ началѣ какъ похоронный плачь надъ темной долей страдающихъ и борющихся труженниковъ, то она постепенно переходитъ въ ликующіе аккорды въ честь безсмертной, дивной жизни, въ честь ея сіяющаго символа, красавца-солнца. «Изъ душистаго лѣса иду я въ вѣнкъ изъ цвѣтовъ, я, дочь крестьянина, и смѣло пою гимнъ вѣчному солнцу» ²⁾).

V.

Ада Негри знаетъ слишкомъ хорошо, какъ далекъ отъ идеала современный общественный строй. Вотъ почему она такъ часто любитъ заглядывать въ таинственную страну будущаго. Какъ же представляетъ себѣ сельская учительница грядущую эру?

То будетъ прежде всего царство общечеловѣческаго *мира*.

Смокли пушки, не смѣютъ безумно и дико
 Раскрывать огнедышущій вѣвъ.
 Не гремятъ надъ равниной, среди стона и крика,
 Боевого пвана напѣвъ
 Но весь міръ это братство. Святыя стремленія
 Зажигаютъ людскія сердца
 И несется торжественный гимнъ примиренья
 Вдоль по міру съ конца до конца ³⁾.

То будетъ далѣе царство безусловной *справедливости*.

«Занимается новый день — восклицаетъ поэтесса ⁴⁾. — Онъ не далекъ. Онъ дастъ, наконецъ, человѣческое достоинство тѣмъ людямъ, которые жили до сихъ поръ подъ игомъ тяжелой неправды. Онъ принесетъ міру проповѣдь не состраданія, а справедливости. Тогда не будетъ больше ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, ни господъ, ни рабовъ!»

То будетъ далѣе царство всеобщаго *труда*. Его герои—работники на фабрикахъ, работники на нивахъ. «Такъ впередъ же съ лопатами, машинами, заступами и топорами! Впередъ, рыцари грядущей эры! Выходите на благородное состязаніе! Мы всѣ дѣти природы. Мы всѣ—труженники» ⁵⁾).

То будетъ далѣе царство всеобщей *свободы*. «На востокъ ужъ алѣетъ новая заря. Скоро осуществится золотая мечта. Наступитъ май свободныхъ людей и свободнаго труда» ⁶⁾. «Впередъ же, рыцари грядущей эры! Васъ ожидаетъ—свобода!»

То будетъ, наконецъ, царство всеобщаго *счастья*. «Смотри, какъ

¹⁾ Fat. «Anima».

²⁾ Fat. «Largo».

³⁾ Fat. «Non mi turbar». Пер. В. И. Шулатикова,

⁴⁾ Temp. «Тсіореро».

⁵⁾ Temp. «Terra», Fat. «La machina romba».

⁶⁾ Temp. «Тсіореро».

широка грудь этихъ работниковъ, какъ они цвѣтутъ въ несокрушимомъ здоровьи. Въ ихъ мозгу рождаются великія мысли. Нѣтъ больше ни грусти, ни скуки!» ¹⁾. «Жизнь похожа на вѣчную весну, оглашенную пѣніемъ птицъ, озаренную свѣтомъ солнца. То майскій праздникъ поцѣлуевъ и пѣсень» ²⁾.

Вотъ я вижу: со всѣхъ уголковъ міровдана,
Словно вмахи безчисленныхъ крыль,
Отовсюду несется, ликуя, дыханье
Новой жизни и счастья и силъ.
Царство розъ и надеждъ и любви благородной,
Царство дивныхъ работъ и побѣдъ,
Царство вѣры въ людей, царство мысли свободной,
Царство гордыхъ порывовъ впередъ ³⁾.

Такъ завершается поэзія сельской учительницы, звучавшая въ началѣ точно похоронный плачъ, перешедшая затѣмъ въ благодарственный гимнъ въ честь жизни и солнца,—величественной симфоніей на тему о будущемъ царствѣ труда и свободы.

Надѣленные тукомъ поля и равнины
Разрыхляющій плугъ обошелъ.
Вьется дымкою паръ. Не смолкаютъ машины,
Накалившись, хлопочетъ котель.
И надъ царственнымъ шумомъ работы мятежной,
Кропотливой работы земли,—
Распростерла свобода въ лазури безбрежной
Бѣлоснѣжныя крылья свои ⁴⁾.

Таковъ портретъ сельской учительницы, дочери крестьянина-пахаря и фабричной работницы.

Теперь, когда Ада Негри вышла замужъ за миллионера Гарланда, когда она покинула темныя долины пролетаріатскаго горя и вознеслась на залитыя солнцемъ высоты буржуазнаго благоденствія, умолкнуть, вѣроятно, навсегда ея смѣлыя, боевыя пѣсни.

Теперь поэтесса готовить къ изданію третій сборникъ «*Maternità*» ⁵⁾.

Заглавіе этихъ новыхъ пѣсень невольно наводитъ на такое пессимистическое предположеніе. Но фигура богатой сеньоры Гарланды никогда не вытѣснитъ изъ памяти потомства симпатичный образъ простой сельской учительницы Ады Негри.

В. Фриче.

¹⁾ Fat. «*La macchina romba*».

²⁾ Temp. «*Terra*».

³⁾ Temp. «*Tciopero*».

⁴⁾ Fat. «*Non mi turbar*». Пер. Шулятикова.

⁵⁾ Fat. «*Non mi turbar*». Пер. Шулятикова.

⁶⁾ См. T. Dornis: «*La poésie contemporaine en Italie*».

Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. *).

(Историческій этюдъ).

I.

Постановка вопроса.—Необходимость изученія крѣпостного хозяйства.

Русской экономической исторіи XIX вѣка до сихъ поръ не очень посчастливилось. Историки-спеціалисты какъ-то чуждались этой свѣжей, живой и, во всякомъ случаѣ, полуживой исторіи. Экономисты, повидимому, всецѣло ушли въ созиданіе картины экономической современности, и притомъ рисовали ее—что богъе чѣмъ понятно въ младенческой періодъ экономической мысли съ характеризующимъ его сляніемъ теоретическихъ проблемъ и практическихъ вопросовъ—въ значительной мѣрѣ руководимые опредѣленными идеалами экономической политики: изобретатели экономической дѣйствительности всего чаще писали подъ диктовку экономической политики. Какъ бы то ни было, славный памятникъ русской мысли—земская статистика и истолкованіе этого памятника поглощали почти все вниманіе экономистовъ, и исторія хозяйственнаго быта Россіи въ истекающемъ столѣтіи оставалась въ загонѣ.

Такъ случилось, что экономическая наука, объясняя современность на основаніи формально самыхъ точныхъ и цѣнныхъ данныхъ (земская статистика!), исторически отправлялась отъ какого-то пустого мѣста. Но «природа боится пустоты!» Неудивительно, что пустое мѣсто скоро оказалось занятымъ легендой или, по меньшей мѣрѣ, нереалистическими представленіями, свидѣтельствовавшими о какихъ-то порокахъ или обманахъ историческаго зрѣнія.

Насъ увѣряли, что до водворенія капитализма—а оно относилось къ 1861 г.—въ русской хозяйственной жизни царило какое-то «народное производство». Это «народное производство» было, если можно такъ выразиться, розовымъ пятномъ, которымъ замѣнялись отсутствовавшія реальныя и реалистическія представленія объ экономической дѣйстви-

*) Настоящій этюдъ представляетъ переработку доклада, читаннаго авторомъ въ декабрѣ прошлаго года въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ.

тельности. Съ другой стороны, насъ завѣряли, и на этотъ разъ мы всё, къ сожалѣнію, знали справедливость такихъ завѣреній, что въ прошломъ русской жизни, отдѣленномъ отъ насъ 1861 годомъ, было черное пятно—крѣпостное право. Объ этомъ пятнѣ мы знали больше, гораздо больше, чѣмъ о розовомъ. По правдѣ сказать, о розовомъ мы ничего не знали. Но мы оставались въ недоумѣніи: каково же отношеніе розоваго пятна къ черному, какъ они уживались между собой, и что такое вообще была эта чернорозовая дѣйствительность? До сихъ поръ мы пребываемъ въ этомъ недоумѣніи.

Единственнымъ выходомъ изъ того положенія, при которомъ мелькаютъ въ глазахъ какія-то пятна, но нѣтъ ясныхъ очертаній и нѣтъ того богатства красокъ и оттѣнковъ, которыми почти всегда даритъ насъ истинная дѣйствительность, является историческое изученіе, изощреніе историческаго взора.

До сихъ поръ, при изслѣдованіи исторіи крестьянъ и т. н. крестьянскаго вопроса за послѣдніе два вѣка, преимущественное вниманіе обращалось на слѣдующіе пункты: какъ росла, развивалась и крѣпла идея освобожденія крестьянъ (В. Семевскій), какъ произведена была крестьянская реформа (Иванюковъ, Семеновъ), каковъ балансъ ея хорошихъ и дурныхъ сторонъ для крестьянскаго населенія (Янсонъ); наконецъ, даже въ отношеніи реальныхъ условій прошлаго интересъ изслѣдователей, главнымъ образомъ, направлялся на то, какъ жилось крестьянину при крѣпостномъ режимѣ (Семевскій, «Крестьяне при Екатеринѣ»). Интересъ этихъ вопросовъ безспоренъ и научное выясненіе ихъ было и остается чрезвычайно важнымъ. Но ихъ разработкой не можетъ и не должно ограничиваться изслѣдованіе цѣлаго строя аграрныхъ отношеній. Этотъ строй означалъ не только извѣстный правопорядокъ, которымъ обуславливалось положеніе порабощенныхъ крестьянъ, но и извѣстную организацію производства или, еще шире, хозяйства. И даже независимо отъ какого-либо пристрастія къ т.-н. «материалистическимъ» или, по просту говоря, экономическимъ объясненіямъ исторіи, для пониманія происхожденія, жизни и развитія крѣпостнаго строя необходимо предположить извѣстное соотвѣтствіе между его юридической формой—крѣпостнымъ правопорядкомъ и его экономическимъ содержаніемъ—крѣпостнымъ хозяйствомъ. Форма существовала ради своего содержанія. Какова же была жизнь этого содержанія, какъ развивалось оно и къ чему приводило это развитіе?

Поставить эготъ вопросъ, значитъ ввести въ изслѣдованіе исторіи крестьянства недостающій основной членъ—крѣпостное хозяйство. Только изслѣдовавъ крѣпостное хозяйство, мы будемъ въ состояніи сказать, чѣмъ же опредѣлялось существованіе крѣпостнаго строя и почему онъ палъ.

Только въ самое послѣднее время историческая литература обогатилась работой, сознательно поставившей себѣ задачу—изслѣдовать

крѣпостное хозяйство и пролить свѣтъ на его эволюцію. Я имѣю въ виду небольшую, но чрезвычайно цѣнную брошюру князя Н. Волконскаго «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». (Оттискъ изъ «Трудовъ Рязанской архивной комиссіи», Рязань, 1898). Значеніе этой работы обуславливается тѣмъ, что авторъ (самъ, повидимому, помнящій крѣпостное время) сознательно и съ большимъ искусствомъ прилагаетъ къ крѣпостному хозяйству эволюціонную точку зрѣнія. Благодаря этому, онъ, оперируя надъ ограниченнымъ, но типичнымъ матеріаломъ, пришелъ къ выводамъ, которые, какъ я покажу дальше, подтверждаются болѣе обширнымъ матеріаломъ и, какъ мнѣ кажется, весьма хорошо укладываются въ цѣльную и стройную картину жизни и развитія крѣпостного хозяйства *). Даже самыя ошибки кн. Волконскаго чрезвычайно поучительны: онѣ вытекаютъ изъ въ высшей степени присущаго этому изслѣдователю плодотворнаго стремленія дать научное объясненіе интересующихъ его явленій.

II.

Эволюція крѣпостного хозяйства съ XV по XVII вѣкъ.—Смѣна вольно-договорныхъ формъ оброка и барщины принудительно-крѣпостными.—Развитіе и укрѣпленіе барщиннаго режима; основная причина этого факта.—Барщина и задолженность крестьянъ.—Теорія кн. Н. С. Волконскаго.

Принимаясь за изображеніе эволюціи крѣпостного хозяйства въ XIX вѣкѣ, мы могли бы, пожалуй, съ грѣхомъ пополамъ отправляться отъ положенія вещей въ XVIII в., взявъ его за данное и не задаваясь вопросомъ, какъ и почему оно возникло. Но этому препятствуетъ одно, очень существенное обстоятельство: писатели XVIII в. въ значительной мѣрѣ разсматривали, какъ мы увидимъ дальше, нѣкоторыя типичныя формы крѣпостного режима своего времени, какъ нѣчто *новое*. Они сами, такимъ образомъ, отсылаютъ насъ къ прошлому, и намъ поневолѣ приходится заняться историческими прецедентами новѣйшаго крѣпостного хозяйства. Мы должны попытаться хотя бы схематически возсоздать процессъ развитія крѣпостного хозяйства.

Поскольку у насъ имѣются указанія источниковъ, мы можемъ сказать, что русскіе крестьяне никогда не сидѣли на своей землѣ **). Ни крестьяне кievской Руси, ни крестьяне московской Руси не были землевладѣльцами: они обрабатывали чужую, частновладѣльческую или княжескую землю.

На частновладѣльческой землѣ крестьяне сидѣли первоначально, какъ настоящіе, болѣе или менѣе, вольные арендаторы. Какой характеръ имѣла эта аренда? Первоначально, повидимому, это была натуральная аренда

*) Я сошелся въ нѣкоторыхъ выводахъ съ кн. Волконскимъ, совершенно независимо отъ него и до знакомства съ его трудомъ.

**) Исключеніе представляютъ новгородскіе «своеземцы».

или, точнѣе, аренда изъ доли продукта *in natura*. Таковы были «изорники» Псковской судной грамоты, нормально платившіе, по общепринятому мѣрѣнью, $\frac{1}{4}$ урожая землевладѣльцу (ст. 42 и 63 П. С. Гр.) «По новгородскимъ писцовымъ книгамъ 1495 и 1550 гг. обработка земли изъ извѣстной доли продукта была повсемѣстнымъ и почти единственнымъ видомъ пользования землею въ имѣніяхъ всѣхъ названій. Половничество было также обыкновенно въ Тверскомъ княжествѣ... и до XV—XVI вѣка, вѣроятно, во всей Россіи...» (П. А. Соколовскій, «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ». Спб. 1878, стр. 33). Тотъ же изслѣдователь указалъ, что «въ XVI вѣкѣ въ области московскаго государства половничество повсюду исчезаетъ, громадное большинство крестьянъ платитъ земледѣльцамъ опредѣленный оброкъ въ началѣ столѣтія преимущественно хлѣбомъ, къ концу — по большей части деньгами» (I. с., стр. 33).

Такимъ образомъ, съ XV по XVII вѣкъ крестьянско-помѣщичьи отношенія эволюционировали такъ: издольная натуральная аренда смѣнилась натуральной же арендой въ заранѣе опредѣленномъ размѣрѣ, которая, въ свою очередь, уступила мѣсто арендѣ денежной. Такъ представляетъ дѣло и одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей *), который на основаніи этой схемы даже приходитъ къ выводу, что «тяжесть владѣльческихъ поборовъ уменьшилась въ XVI вѣкѣ сравнительно съ предшествующимъ временемъ» (Н. Рожковъ, I. с.). Авторъ самъ признаетъ

*) «Аренда владѣльческой земли въ натуральнаго оброка хронологически предшествовала арендѣ за денежную плату; это подтверждается и фактами: наблюденія надъ новгородскими писцовыми книгами убѣдительно свидѣтельствуютъ, что въ новгородскихъ пятинахъ въ концѣ XV вѣка преобладало половничество, тогда какъ по мѣрѣ углубленія въ XVI вѣкѣ денежная аренда приобрѣтала все болѣе и болѣе господствующее положеніе... По извѣстной переписной окладной книгѣ 1500 года, въ помѣстьяхъ и монастырскихъ земляхъ землевладѣльцы обыкновенно получали съ крестьянъ доходъ долею продукта—чаще всего встрѣчается норма «изъ хлѣба треть»; въ 1568 году такой порядокъ уплаты натуральнаго оброка крестьянами встрѣчается въ Вотской пятинѣ уже не такъ часто, рѣже, чѣмъ въ концѣ XV вѣка; онъ замѣняется теперь или вносомъ хлѣба «посполь», т. е., въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ, не зависящихъ отъ урожая, напримѣръ, съ каждой обжи платятъ по 1 коробкѣ ржи, 1 четверткѣ жита (=ячменя), 1 четверткѣ пшеницы, $\frac{1}{2}$ коробкѣ овса, не считая издѣлья и небольшого денежнаго сбора, или прямо денежнымъ оброкомъ, обычный размѣръ котораго, по книгѣ, 1 р. съ обжи. Еще ближе къ концу XVI в. въ 90-хъ годахъ, нѣтъ уже совершенно слѣдовъ половничества. Есть признаки и того, что въ центральной Руси, въ XVI вѣкѣ уже не знавшей половничества, раньше существовала эта довольно примитивная форма отношеній между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. До насъ дошла одна правая грамота по земельному спору между Троице-Сергіевымъ монастыремъ и крестьянами черныхъ волостей Залѣсья и Березовца, Костромскаго уѣзда. Это было въ 1522—1523 году. Одинъ изъ свидѣтелей-старожилицевъ, по словамъ грамоты, далъ слѣдующее показаніе: «Отецъ мой, господине, пришелъ въ ту землю Оглоблинскую, а якъ со своимъ отцомъ, на того Степанково отца мѣсто на Понафидино *половничество*; а ужъ тому полпятидесятъ

свой выводъ «страннымъ» *), и намъ кажется, что въ основу его легло дѣйствительно странное забвеніе того факта, что денежный оброкъ въ общемъ въ рассматриваемую эпоху сочетается съ оброкомъ натуральнымъ и съ барщиной, которая именно въ это время начинаетъ развиваться и безъ появленія и упроченія которой самый процессъ стихійнаго прикрѣпленія къ землѣ и закрѣпощенія крестьянъ былъ бы непонятенъ.

Мало разработанный вопросъ о первоначальной исторіи русской земледѣльческой барщины породилъ разныя мнѣнія. Г. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что «уже въ древнѣйшихъ письменныхъ свидѣтельствахъ Московскаго государства находимъ, что *все* (курсивъ автора) крестьяне были обязаны барщиной» и что «нельзя видѣть большого преувеличенія въ словахъ Герберштейна о началѣ XVI в., что поселяне работаютъ на своего господина 6 (sic!) дней въ недѣлю, седьмой же день предоставленъ имъ на собственную работу» («Обзоръ исторіи русскаго права», 2-е изд., стр. 136). Съ другой стороны, г. Соколовскій говоритъ, что передъ крѣпостнымъ правомъ «бар-

лѣтъ, а *половничая*, господине, на монастырь». Писцовая книга Торопецкаго уѣзда, относящаяся къ началу 40-хъ годовъ XVI вѣка, также содержитъ въ себѣ указанія на половникомъ, но рѣдки: очевидно, это были только пережившіе, случайно уцѣлѣвшіе остатки предыдущей эпохи: въ Стрежинской перефарѣ въ д. Головкинѣ, напримѣръ, жилъ «Сидарко Кузминъ *половникъ*». Еще долѣе сохранилось половничество въ Хлыновскомъ (Вятскомъ) уѣздѣ: въ двухъ деревняхъ Успенскаго монастыря еще въ 1590 г. жили половники». (Н. Рожковъ, рецензія на книгу М. Дьяконова, *Журн. М.—ва Нар. Просвѣщенія* 1899 г.,⁶ январь, стр. 237—238).

*) Выводъ г. Рожкова противорѣчитъ всему тому, что намъ было до сихъ поръ извѣстно. (См. Вѣляевъ, «Крестьяне на Руси». Изд. 1879, стр. 88 и слѣд., Милуковъ, «Очерки по исторіи русской культуры», I (изд. 3-е. Спб. 1898), стр. 197 и слѣд., Платоновъ, «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. Спб. 1899, стр. 160 и слѣд. Опорой для мнѣнія г. Рожкова, — помимо чисто цифровыхъ доказательствъ, намъ неизвѣстныхъ, — могло бы служить указаніе на «землевладѣльческой кризисъ» XVI в. вслѣдствіе отлива населенія изъ центра и съ сѣвера на югъ и востокъ, — кризисъ, выражавшійся въ усиленной погонѣ землевладѣльцевъ за рабочей силой. Но этотъ кризисъ самъ, въ свою очередь, не могъ не быть вызванъ чрезмѣрной эксплуатаціей крестьянскаго населенія. Мы имѣемъ, кромѣ того, положительныя указанія на то, что «половникамъ» жилось лучше, чѣмъ рядовымъ оброчнымъ крестьянамъ. «Крестьяне тянутъ сообща и отвѣчаютъ другъ за друга въ исправности платежа. Такая отвѣтственность, конечно, была весьма тяжела. Приходилось платить не только за себя, но и за неисправныхъ членовъ общества, а нерѣдко и за пустые участки, за пустую братню или вятню долю и т. д. Такой порядокъ вызвалъ появленіе такъ называемыхъ «опричныхъ» тяглицевъ, которые расчищали пашню сами собой и платили совершенно самостоятельно, независимо отъ круговой, общинной поруки. Конечно, такой способъ веденія своего хозяйства требовалъ извѣстной доли благосостоянія отъ того, кто его велъ. Волѣ самостоятельныя же крестьяне нерѣдко рядились «исполу», обрабатывая землю и платя за нее половину сбора владѣльцу, а половину оставляя себѣ. Эти крестьяне назывались половниками». (И. И. Лаппо. «Тверской уѣздъ въ XVI в. Его населеніе и виды земельного надѣла». М. 1894, стр. 51).

щина составляетъ еще весьма рѣдкое исключеніе; развитіе ея принадлежитъ слѣдующему періоду» (I. с., стр. 34), а г. Лаппо на основаніи изученнаго имъ матеріала по Тверскому уѣзду указываетъ, что «извѣстія о барщинѣ въ XVI в. немногочисленны». Мнѣніе г. Владимірскаго-Буданова и лежащее въ основѣ его невѣроятное показаніе Герберштейна несомнѣнно преувеличиваютъ значеніе барщины въ XV и XVI в., но, съ другой стороны, врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что уже въ XVI вѣкѣ барщинный режимъ представляетъ прочный и немаловажный элементъ русскаго аграрнаго строя. «Уже въ самыхъ древнихъ *) изъ извѣстныхъ порядныхъ къ условію объ арендѣ участка земли присоединяются обязательства, кромѣ уплаты государственныхъ сборовъ и доходовъ въ пользу землевладѣльца, дѣлать на послѣдняго всякое дѣло, т. е. нести, въ его пользу барщинныя повинности, которыя иногда замѣнялись оброкомъ. Въ порядной мы имѣемъ какъ бы соединеніе двухъ договоровъ: аренды участка земли (*locatio conductio rei*) и найма личныхъ услугъ (*locatio conductio operarum*). Къ этимъ двумъ основнымъ сдѣлкамъ могли присоединяться и присоединялись другія побочныя условія: о льготѣ, о подмогѣ, о поручительствѣ» (М. Дьяконовъ. «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII. в.)» Спб. 1898, стр. 132)

Вотъ образецъ условія: «...Впредь намъ Ортемью и Семену Мити за государемъ своимъ за Иваномъ въ крестьянствѣ, гдѣ онъ насъ посадилъ въ своей деревнѣ на пустомъ жеребью или на пустоши и, живучи, хоромы поставить и пашня пахати, поля огородити, пожни и луги расчицати, какъ у прочихъ жилецкихъ крестьянъ, и съ живущие пашни государевы всякое волостныя подати платити и *помѣщичькое всякое дѣло дѣлати, и пашню на него пахати*, и денежный оброкъ, чѣмъ онъ изоброчитъ, платити и со всякаго хлѣба изо ржи и изъ яри пятина давати ежегодно...» (Акты, относящіяся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I Крестьянскія порядныя, Юрьевъ 1895, № 5). Тутъ мы видимъ сочетаніе всѣхъ трехъ главныхъ видовъ крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщика: натурального (издольнаго) оброка—пятины, оброка денежнаго и барщины, которая ни въ одной изъ собранныхъ г. Дьяконовымъ порядныхъ не является опредѣленной по своимъ размѣрамъ. Барщина въ этихъ документахъ именуется «дѣло», «издѣлье», «работа», «работное дѣло». Иногда пахота—«пашня пахати» выдѣляется особо («и на нихъ властей своихъ пашня пахати, и всякое здѣлье дѣлатъ» № 78, «пашня на него пахати и сѣно косить и всякое здѣлье дѣлатъ» № 74, тоже № 64, и «здѣлье дѣлатъ и пашню на монастырь пахати» № 54). Когда порядная заключается съ помѣщикомъ, то «дѣло» называется «помѣщичькимъ», «помѣщичьковымъ», «боярскимъ», «дворовымъ боярскимъ» или просто «дворовымъ». Новопорядчики обя-

*) Онѣ относятся въ половинѣ XVI в. П. С.

зуются «дѣло» дѣлать «съ крестьянами» или «сусѣдами» или «съ товарищи»; это значитъ, конечно, что и старожилыцѣ несли барщину, что о барщинѣ такимъ образомъ въ порядныхъ говорится, какъ о чемъ-то обычномъ, установившемся, какъ бы общеобязательномъ.

Слово «издѣлье» настолько ясно обозначаетъ во всѣхъ порядныхъ барщинную работу, что какъ-то странно отрицать разногласія ученыхъ въ толкованіи термина «издѣльное серебро». Онъ объясненъ уже въ 50-хъ годахъ Б. Н. Чичеринымъ: «Ссуды, которыя давались въ виду будущей работы, назывались *серебромъ издѣльнымъ* и сами крестьяне назывались издѣльниками» *).

Итакъ барщина, а съ нею вмѣстѣ и крѣпостное хозяйство на Руси довольно стараго происхожденія. Но это не значитъ, чтобы барщина стояла все время на одномъ мѣстѣ и чтобы у нея не было въ русскомъ аграрномъ строѣ историческаго прецедента, въ взаимодѣйствіи съ которымъ она развивалась.

Мы имѣемъ въ виду трудъ на землевладѣльцевъ земледѣльческихъ холоповъ. Заслуга указанія значенія этого фактора въ исторіи русской хозяйственной жизни принадлежитъ г. Ключевскому. Крестьянской работѣ на землевладѣльца предшествовала холопская работа, и результатомъ сближенія этихъ двухъ видовъ эксплуатаціи труда и двухъ разрядовъ земледѣльческихъ рабочихъ явился настоящій *крѣпостной*

*) «Опыты по исторіи русскаго права», М. 1858, стр. 201. Г. Сергѣевичъ пустилъ въ ходъ совершенно невѣроятное объясненіе терминовъ серебро «издѣльное» и серебро «въ пашнѣ» въ смыслѣ обозначенія просроченнаго и превратившагося въ недолгую денежнаго оброка («Русскія юридическія древности», т. I. Спб. 1890, стр. 203—204). Онъ, а вслѣдъ за нимъ и осторожный г. Дьяконовъ, который, впрочемъ, не склоняется ни къ какому опредѣленному рѣшенію, указываютъ въ подкрѣпленіе такого толкованія на духовную кн. Андрея Васильевича, на которую ссылался и г. Чичеринъ. Въ этомъ документѣ говорится о «серебрѣ издѣльномъ и ростовомъ» и о «житѣ заемномъ и оброчномъ». 1'. Дьяконовъ замѣчаетъ, что «въ первомъ случаѣ противопоставляется серебро ростовое издѣльному, во второмъ жито заемное оброчному» (I. с., стр. 81). Противоположеній тутъ, строго говоря, никакихъ нѣтъ, а потому для заключенія, что такъ какъ понятія «ростовое» и «заемное», «конечно, тождественны», то «ихъ противоположенія «издѣльное» и «оброчное» «могли быть (sic!) тождественны» — нѣтъ основаній. Это разсужденіе логически дефектно, и, по существу, совершенно неправильно. Жито «заемное» есть ссуда на сѣмена или на пропитаніе, жито «оброчное» есть невыплаченный натуральный оброкъ. «Издѣльное» и «оброчное» не «могли быть тождественны», потому что издѣлье и оброкъ всегда различались, никогда не смѣшивались и не отождествлялись: слово издѣлье, начиная съ XV в., имѣло и сохранило до нашихъ дней значеніе работы на помѣщика. «Пашня» есть видъ издѣлья, самый главный его видъ. «Мяѣ Ѳеткѣ съ своево крестьянсково участка съ своими товарищи, а съ его крестьяны, вмѣстѣ дѣло ево помѣщитцкое пашенное и гуменное и дворовое дѣлати и оброкъ его платити» (Акты изд. Дьяконовымъ, № 51). Терминъ «пашня» въ смыслѣ нахотной работы на помѣщика также какъ и слово «издѣлье» сохранился съ XV в. (а, можетъ быть, и съ болѣе ранняго времени) до XIX в. «Серебро въ пашнѣ» и «серебро издѣльное» — выраженія тождественныя и имѣютъ именно тотъ смыслъ, который приписываетъ имъ г. Чичеринъ.

строй съ характеризующей его принудительной барщиной надѣленныхъ землей земледѣльцевъ. Наблюденіе, видящее въ сближеніи юридическаго положенія крестьянъ и холоповъ тотъ путь, которымъ создано крѣпостное право, одинаково вѣрно и въ приложеніи къ крѣпостному хозяйству. Въ сущности, оно и не могло быть иначе, такъ какъ хозяйственныя функціи крѣпостнаго права были несомнѣнно важнѣйшимъ его содержаніемъ. Обратимся къ фактамъ.

Уже къ началу XI вѣка въ составѣ несвободнаго населенія появилась «челядь, жившая по селамъ», т. е. рабы—земледѣльцы. Г. Ключевскій предполагаетъ даже, что въ XI и XII вв. эти холопы, исполнявшіе земледѣльческій трудъ, составляли самое многочисленное, если не единственное рабочее населеніе частныхъ земельныхъ имуществъ, какъ боярскихъ, такъ и княжескихъ. «Переходъ къ сельскохозяйственной утилизаціи холопьяго труда, прежде употреблявшагося только на домашнія или торговыя услуги, былъ, безъ сомнѣнія, большимъ шагомъ впередъ для русскаго народнаго хозяйства. Но этому экономическому успѣху можно придавать и важное юридическое значеніе: онъ долженъ былъ оказать разительное вліяніе и на развитіе самого права земельной собственности... Хлѣбопашество холопскими руками, повидимому, не было первичнымъ способомъ эксплуатаціи частной земельной собственности на Руси: холопу-земледѣльцу предшествовалъ холопъ-пастухъ».

Путемъ перевода земледѣльческихъ холоповъ изъ барскаго двора въ положеніе надѣленныхъ земельнымъ участкомъ, т. е. собственнымъ хозяйствомъ, земледѣльцевъ, возникъ классъ т.-н. «холоповъ-страдниковъ» или «пахотныхъ холоповъ». Инициатива въ созданіи этого промежуточнаго между крестьянами-арендаторами и живущею въ барскомъ дворѣ челядью класса, повидимому, принадлежала церкви. Въ вотчинахъ свѣтскихъ владѣльцевъ переходъ къ новому порядку вещей начался, по мнѣнію г. Ключевскаго, не прямо переводомъ сельскаго двороваго холопа на особый земельный участокъ, а раздачей участковъ свободнымъ поселенцамъ-крестьянамъ на условіяхъ зависимости, близкой къ холопству. Въ XV в. «пахотные холопы-страдники уже являются въ составѣ сельскаго населенія стариннымъ и значительнымъ классомъ, хозяйственный и юридическій бытъ котораго успѣлъ прочно установиться» *).

Итакъ, первичной формой барщины былъ трудъ холоповъ на владѣльческой пашнѣ. Но широкое примѣненіе рабскаго домашнего труда въ эпоху преобладанія натурального хозяйства является экономической и психологической невозможностью. Трудъ рабовъ есть едва ли не первая въ исторіи форма концентраціи рабочихъ силъ и ихъ организаціи въ крупное производство на рынокъ. Между тѣмъ данными для круп-

*) В. Ключевскій. «Подушная подать и отмена холопства въ Россіи» въ «Русской Мысли» за 1886 г.

наго производства на сбытъ не существуетъ въ такія преимущественно натурально-хозяйственныя эпохи, какъ та, съ которой мы имѣемъ дѣло. Организация рабскаго труда въ широкомъ размѣрѣ требуетъ *предпринимателя*, и недоступна представителю хозяйственнаго цѣлаго, производящаго продукты прежде всего для потребленія. Для русскаго землевладѣльца XV и послѣдующихъ вѣковъ она, кромѣ того, становилась все менѣе и менѣе возможной, по мѣрѣ того, какъ государство все болѣе и болѣе запрягало этого землевладѣльца въ свое тягло, т. е. по мѣрѣ того, какъ землевладѣльческій классъ становился служилымъ и въ силу этого неизбежно подпадалъ абсентеизму и невозможности энергичнаго веденія хозяйства и даже наблюденія за нимъ. Съ другой стороны, то же самое положеніе служилаго класса, въ которое окончательно попали землевладѣльцы, несомнѣнно увеличивало и количественно, и качественно ихъ потребности. Они *должны* были стремиться къ повышенію эксплуатаціи труда землевладѣльцевъ. Будучи экономически и тѣмъ самымъ психологически неспособны сдѣлать это въ той формѣ, въ которой это нѣкогда сдѣлали рабовладѣльцы—сельскіе хозяева позднѣйшей римской республики, они не могли создать ничего другого, кромѣ опирающагося на барщину крѣпостнаго хозяйства съ его необходимой юридической формой—крѣпостнымъ правомъ. Натуральная аренда была невыгодна для землевладѣльцевъ—она давала слишкомъ незначительный прибавочный продуктъ; денежная аренда была невозможна для земледѣльцевъ—они не были въ состояніи, при преобладаніи въ странѣ натурального хозяйства, реализовать въ деньгахъ такую сумму, которая могла бы быть достаточна для землевладѣльца. Такъ естественно слагался строй хозяйства, въ которомъ крѣпостной земледѣлецъ, сидѣвшій на владѣльческой землѣ, платилъ за нее своимъ трудомъ, продуктомъ и деньгами. Но значеніе этихъ трехъ формъ присвоенія землевладѣльцемъ прибавочнаго продукта было неодинаково въ XVI и XVII вв. Мы имѣемъ основаніе думать, что тенденція, характеризующая развитіе аграрнаго строя въ эту эпоху, состоитъ въ томъ, что наибольшій экономическій вѣсъ постепенно приобрѣтаетъ барщина, тогда какъ натуральный оброкъ все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ.

Мы сказали, что крѣпостной строй былъ результатомъ стремленія землевладѣльцевъ къ повышенію степени эксплуатаціи земледѣльцевъ. Это ясно видно изъ слѣдующаго сопоставленія. Въ XVIII в. крестьяне уже нѣрѣдко обрабатывали на себя и на помѣщика земли поровну *),

*) По авторитетному свидѣтельству Болотова, относящемуся, правда, по всей вѣроятности, только къ черномемному центру: «По большей части почитается за правило, чтобы крестьянинъ столько же земли пахалъ на господина, сколько онъ для себя вспахать можетъ или сколько подъ собою имѣеть...» («Наказъ управителю или приказчику, какимъ образомъ ему править деревнями въ небытность своего господина» въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества», часть XVI, Спб. 1770 г., стр. 183).

что соответствуетъ новѣйшей нормѣ арендной платѣ при арендѣ за отработку (по даннымъ Валуевской комиссіи). По расчету г. Соколовскаго (1. с., 40) новѣйшая отработочная аренда въ 4 или 5 разъ превосходитъ барщину въ XVI в. Даже если принять, согласно выводу г. Семевскаго («Крестьяне при Екатеринѣ», стр. 35 и 65), что въ среднемъ въ XVIII в. при барщинѣ крестьянская запашка относилась къ господской какъ 2:1, то всетаки, беря для сравненія данныя г. Соколовскаго, придется констатировать за два столѣтія повышение вдвое уровня эксплуатаціи. Этотъ выводъ не только не долженъ насъ удивлять, но, наоборотъ, лишь онъ объясняетъ намъ, ради чего совершилось закрѣпощеніе крестьянъ. Оно совершилось ради расширенія области прибавочнаго труда насчетъ области труда необходимаго.

Такимъ образомъ, перестройка аграрныхъ отношеній, превращеніе ихъ изъ вольно-договорныхъ въ принудительно-крѣпостныя означало собой коренное юридическое и хозяйственное измѣненіе оброка и барщины. Оброкъ изъ арендной платы превратился въ односторонне назначаемую владѣльческую подать, повышение которой могло быть теоретически безграничнымъ; барщина изъ легкихъ отработковъ сдѣлалась тяжелой повинностью. Первоначально она состояла въ обязанности отработать извѣстное пространство земли за право пользованія уступленнымъ землевладѣльцемъ участкомъ, другими словами, крестьянская барщина на первыхъ порахъ представляла изъ себя отработочную аренду, какъ оброкъ—натуральную и денежную аренду, какъ половничество—аренду издольную. Теперь она превратилась въ поднадзорный принудительный трудъ, въ отбываніе барщинныхъ дней. Послѣ того, какъ оброкъ и барщина окончательно получили принудительно-крѣпостной характеръ, дальнѣйшее повышение эксплуатаціи крестьянскаго труда въ рамкахъ этихъ формъ представляло лишь вопросъ голаго хозяйственнаго факта. Какъ совершалось это повышение, мы прослѣдимъ ниже.

Конечно, въ закрѣпощеніи крестьянъ свою роль сыграла и борьба противъ отлива крестьянъ, породившаго землевладѣльческой кризисъ конца XVI в., но и помимо отлива населенія, землевладѣльцы ростомъ своихъ потребностей были бы вынуждены стянуть крестьянство крѣпостными узами, чтобы обезпечить себѣ наивыгоднѣйшую эксплуатацію его труда. Наилучшимъ способомъ для этого была организація крѣпостнаго хозяйства на основѣ барщины. Съ этимъ вполне согласуется тотъ фактъ, что растущей соціально-экономической силой въ XVI вѣкѣ было монастырское землевладѣніе и монастырское хозяйство, которое какъ разъ располагало всѣми средствами для наилучшей организаціи земельного хозяйства и которое, соотвѣтственно этому, явилось главнымъ носителемъ барщиннаго режима.

Монастырь московской Руси «былъ самымъ чистымъ типомъ землевладѣльца и капиталиста» (С. В. Рождественскій, «Служилое земле-

владѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка». Спб. 1897, стр. 87). «Въ монастырскихъ вотчинахъ хозяйскіе рука и глазъ не отрывались отъ своего дѣла посторонними обязанностями и заботами, какъ это бывало на служилыхъ земляхъ, отъ которыхъ служба государева постоянно отрывала хозяина. Эти выгоды въ экономическомъ положеніи монастыря выступаютъ особенно ясно, если ихъ сопоставить съ положеніемъ служилаго класса, подвергавшагося всеѣмъ тягостямъ безденежья и недостатка служилыхъ рукъ, военной службы, отрывавшей его отъ хозяйственной дѣятельности» (ibidem).

Установленіе и укрѣпленіе барщиннаго режима находитъ себѣ, какъ мы указывали выше, общее объясненіе въ томъ, что этотъ режимъ обезпечивалъ наивысшій доходъ землевладѣльцамъ. Водвореніе барщиннаго режима облегчалось еще тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находилось большинство земледѣльцевъ въ рассматриваемую эпоху. Послѣдніе были въ долговой кабалѣ у первыхъ. «Вольный и переходной арендаторъ-крестьянинъ приходилъ на чужую землю съ пустыми руками, т. е. безъ капитала, безъ земледѣльческаго инвентаря; селясь на чужой землѣ, онъ, обыкновенно, нуждался въ ссудѣ, въ подмогѣ со стороны землевладѣльца» (Ключевскій). Въ этой подмогѣ г. Ключевскій видитъ главный источникъ барщины. Оброкъ и барщина, говоритъ онъ, «выходили изъ разныхъ источниковъ: денежный и хлѣбный оброкъ въ древней Руси былъ собственно рентой, платой за пользованіе чужою землей. «Издѣліе» имѣло совсѣмъ другое происхожденіе. Крестьянинъ, сядясь на чужой землѣ, обыкновенно бралъ у хозяина ссуду или «подмогу». За это, вмѣсто платежа процентовъ, крестьянинъ обязывался работать на хозяина, чаще всего пахать извѣстное количество земли. Итакъ, барщина вышла изъ соединенія поземельнаго найма съ денежнымъ или другимъ (т. е. натуральнымъ?) П. С. займомъ». Это объясненіе барщины односторонне и недостаточно, но оно, конечно, совершенно правильно выдвигаетъ одинъ изъ факторовъ развитія и укрѣпленія барщиннаго режима. Оно недостаточно, во-1-хъ, потому, что барщина надѣленныхъ земель хлѣбопашцевъ имѣла и другой источникъ, указанный самимъ г. Ключевскимъ—сажаніе холоповъ на землю; во-2-хъ, потому, что, повторяемъ, при преобладаніи натурального хозяйства, барщина была вообще самымъ выгоднымъ способомъ эксплуатаціи земли и земледѣльческаго труда. Съ этими оговорками, указаніе на задолженность крестьянъ, какъ на крупный факторъ установленія барщиннаго режима *), слѣдуетъ признать совершенно правильнымъ. Задолженность и, общѣе, маломочность крестьянъ дѣлала ихъ совершенно неспособными стать въ положеніе денежныхъ арендаторовъ: они не имѣли для того ни капитала, ни рынка, а даже если бы у нихъ и былъ рынокъ, то

*) Указаніе это еще до г. Ключевскаго сдѣлано было И. Д. Бѣляевымъ см. «Крестьяне на Руси», изд. 1879 г. стр. 39.

они были бы на немъ совершенно безсильными. Но самое главное это то, что принудительный трудъ подъ надзоромъ въ ту эпоху былъ несомнѣнно болѣе производителенъ, чѣмъ свободный. Онъ являлся болѣе производительнымъ и объективно—по абсолютной массѣ продукта—и въ особенности съ точки зрѣнія получателей прибавочнаго продукта, такъ какъ онъ гарантировалъ имъ болѣе количество послѣдняго *).

Князь Н. С. Волконскій въ указанномъ изслѣдованіи выставилъ оригинальную теорію происхожденія барщины, на которой намъ нельзя не остановиться. Переходъ къ барщинѣ отъ натурального оброка—аренды онъ ставитъ въ связь съ расхожденіемъ потребностей собственника земли и его домохозяевъ съ потребностями самихъ арендаторовъ «Такой способъ хозяйства, (натуральная аренда)—говоритъ онъ (I. с. 9),—могъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока потребности собственника земли и его домохозяевъ не расходились сильно съ потребностями жизни самихъ арендаторовъ, пока эти потребности могли удовлетворяться тѣми же самыми произведеніями, которыя получались въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но съ той минуты, когда это условіе переставало существовать, какъ скоро потребности собственниковъ земли становились настолько отличными отъ потребностей крестьянъ-арендаторовъ, что ихъ уже не могли удовлетворить произведенія крестьянскаго хозяйства, становилось необходимымъ измѣнить самый способъ полученія дохода съ земли. Возникновеніе дворни, которая переработала бы произведенія крестьянскаго хозяйства въ предметы барскаго потребленія, должно было быть самымъ прямымъ, естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія. Этимъ путемъ вопросъ рѣшался всего проще, не сходя съ почвы натурального хозяйства. Но вмѣстѣ съ возникновеніемъ такой дворни измѣнялся и спросъ на родъ произведеній крестьянскаго труда; вмѣсто вполне готовыхъ произведеній, отъ нихъ потребовалось теперь только сырье, только матеріалъ, который могъ бы быть переработанъ дворней въ нужные для хозяина предметы. На приготовленіе этого сырья, притомъ того именно качества, какое требовалось, явилась надобность отдѣлить часть земли для запашки на барина, и крѣпостной трудъ сталъ прилагаться къ этой землѣ уже по указанію собственника земли. Если потребность въ такого рода запашкѣ чувствовалась подчасъ и раньше..., то теперь это станетъ правиломъ. Притомъ наличность крѣпостной зависимости рабочихъ отъ барина отольетъ этотъ способъ приложенія крестьянскаго труда въ другія формы; явится возможность для возникновенія формальной барщины».

Эта теорія, при всей своей подкупающей стройности и простотѣ, не выдерживаетъ критики. Она, очевидно, навѣяна даннымъ въ статьѣ Забѣлина «Большой бояринъ» («Вѣстникъ Европы» 1871 г., январь и февраль)

*) Это положеніе мы докажемъ подробно для болѣе поздней эпохи. По отношенію къ XVI—XVII в. оно тогда окажется вѣрнымъ уже a fortiori.

изображеніемъ крупнаго вотчиннаго хозяйства боярина Морозова. Кн. Волконскій упускаетъ изъ виду самое главное: онъ забываетъ, что натуральный оброкъ—беря развитіе схематически—смѣнился не барщиной, а оброкомъ денежнымъ, рядомъ съ которымъ или послѣ котораго явилась барщина. Такимъ образомъ, барщина въ гораздо большей мѣрѣ есть результатъ эволюціи денежнаго оброка, чѣмъ оброка натурального. Съ точки зрѣнія помѣщика она—элементъ денежнаго хозяйства, средство полученія денежнаго дохода. Это вѣрно, конечно, не абсолютно, но это, несомнѣнно, общее правило. Барщина, если не создалась, то, во всякомъ случаѣ, укрѣпилась благодаря своему денежно-хозяйственному значенію для землевладѣльческаго класса. «Перерабатывающая дворян» въ среднемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ никогда, даже въ XIX в., крупной роли не играла. И что бы она могла перерабатывать? Переработка волокнистыхъ веществъ въ XVII, XVIII и въ XIX вв. въ гораздо большей мѣрѣ составляла одну изъ формъ натуральной повинности крестьянъ, являясь, такъ сказать, домашней барщиной крестьянскаго женскаго населенія, чѣмъ сферой примѣненія рабочихъ силъ дворни. И даже то сырье, которое «перерабатывалось» дворней, производилось не только на господской землѣ, но на крестьянской, представляя изъ себя часть того натурального оброка, который наше крестьянство не переставало уплачивать вплоть до своего освобожденія, хотя онъ все болѣе и болѣе терялъ свою хозяйственную *raison d'être* и свою привлекательность для помѣщиковъ. Такимъ образомъ для того, чтобы перерабатывающая дворян была занята, вовсе не было надобности въ сколько-нибудь значительномъ расширеніи барской запашки и барщиннаго труда. Это не все. Развитіе «перерабатывающей дворни», какъ массовое явленіе, если и можно предположить, то, во всякомъ, случаѣ только въ XVIII в., который характеризуется привлеченіемъ въ Россію въ значительномъ числѣ иностранныхъ ремесленниковъ, возникновеніемъ, въ связи съ этимъ, городского ремесла и развитіемъ, подъ его влияніемъ, ремесла крѣпостного. Однако и тутъ главная роль принадлежит не классу дворовыхъ, а классу оброчныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, теорія кн. Волконскаго не можетъ быть принята, но, дѣйствительно, XVII в., какъ мы уже указывали выше, характеризуется расширеніемъ и укрѣпленіемъ барщиннаго режима, преслѣдующаго денежно-хозяйственную эксплуатацію крестьянскаго труда. Эта характеристика сама собой наводитъ на мысль о связи такого развитія крѣпостнаго хозяйства съ опредѣленной эволюціей хлѣбныхъ цѣнъ.

Въ самомъ дѣлѣ, «хлѣбъ въ началѣ XVII в. стоилъ въ пять разъ дороже, чѣмъ былъ во второй половинѣ XVI в. Если эти выводы заслуживаютъ довѣрія, то они очень выразительно обозначаютъ силу народно-хозяйственнаго потрясенія, испытаннаго московскою землею въ смутное время» (Ключевскій, «Русскій рубль», М. 1884 г. стр. 51). Конечно, это повышеніе цѣнъ было послѣдствіемъ хозяйственнаго запу-

стѣнія страны, но оно не могло не дать толчка къ повышенной эксплуатаціи земледѣльческаго труда съ пѣлью извлеченія денежнаго дохода *)—Если паденіе общей массы сельскохозяйственнаго производства вызвало, вслѣдствіе «московскаго разоренія», сильный подъемъ цѣнъ, то естественно, что усиленная эксплуатація земледѣльческаго труда послѣ смутнаго времени должна была создать противоположное движеніе цѣнъ. И мы видимъ, что въ теченіе XVII в. цѣны падаютъ—очевидно, производство постепенно расширялось и расширялось быстрѣе, чѣмъ расло населеніе и повышался спросъ на пищевыя средства **). Тѣмъ не менѣе, во второй половинѣ XVII в. хлѣбъ былъ еще въ 3½ раза дороже, чѣмъ во второй половинѣ XVI вѣка.

Время послѣ смуты было эпохой энергичнаго развитія земледѣльческой культуры на основѣ барщиннаго режима, эпохой усиленія сельскохозяйственной энергіи и землевладѣльческаго аппетита помѣщичьяго класса. О развитіи земледѣльческой культуры свидѣтельствуютъ цифровыя данныя о запашкахъ помѣщиковъ (или вотчинниковъ) въ 1615 и 1627—1628 ***); о немъ достаточно ясно говоритъ содержаніе XVI и XVII главъ «Уложенія» 1649 г., вынужденныхъ считаться съ новыми распашками помѣщиковъ и вотчинниковъ и съ вполне понятной почтительной бережностью относящихся къ «прибылому вотчинному строенію»; весьма характернымъ показателемъ сельскохозяйственнаго оживленія XVII в. является также примѣненіе въ земледѣліи вольнонаемнаго труда, который, несомнѣнно, не укладывался въ общую экономію эпохи;—его примѣненіе тѣмъ выразительнѣе свидѣтельствуетъ о расширеніи сельскохозяйственнаго производства ****). О ростѣ землевла-

*) Совершенно аналогичный процессъ совершался въ XVII в. въ сѣверо-восточной Германіи (Ostelbien): здѣсь на разореніемъ отъ 30-лѣтней войны послѣдовало развитіе барщиннаго режима, связанное съ растущимъ угнетеніемъ крестьянъ и уменьшеніемъ ихъ правъ.

***) Оправданіе значительная аналогія съ движеніемъ цѣнъ въ эпоху 30-лѣтней войны и послѣ нея: «Sein (des dreissigjährigen Krieges) Einfluss reicht über seine zeitliche Ausdehnung hinaus; solange er währte, hat er preissteigernd gewirkt; nachdem wieder Friede war, fielen die Preise rapid herab und waren niedriger als zu Beginn des Jahrhunderts». (Dr. Georg Wiebe, Zur Geschichte der Preisrevolution der XVI und XVII Jahrh. Leipzig. 1895, S. 215).

****) См. А. Лавро-Данилевскій, «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій». Спб. 1890. Стр. 259 и приложение X, стр. 539—542.

*****) Т. н. «дѣловые люди» (см. о нихъ Дьяконовъ, I. с. 287 и сл.) были иногда просто вольнонаемные рабочіе люди, на что не обратилъ вниманія г. Дьяконовъ. «Государю Борису Ивановичу бьютъ челомъ и плачутся бѣдные и бепомощные сироты твои разныхъ помѣщиковъ наемные дѣловые людишки.—писали наемные рабочіе боярину Морозову (Забѣлинъ I. с.). Повидимому, эти вольнонаемные рабочіе люди могли быть и крѣпостными другихъ владѣльцевъ (такими были, кажется, жаловавшіеся Морозову «разныхъ помѣщиковъ наемные дѣловые людишки») и свободными. Но «дѣловыми» они назывались по своей хозяйственной функціи. У «дѣловыхъ» людей

дѣльческаго аппетита свидѣтельствуеъ прямая и самочинная колонизаторская дѣятельность землевладѣльцевъ, въ которой одинаково участвуютъ и большой бояринъ Морозовъ, и мелкіе служилые люди: эта колонизація залѣчивала хозяйственныя раны смутнаго времени и создавала въ то же время новую сельскохозяйственную культуру. Конецъ XVII и начало XVIII в. принесли Россіи крупное потрясеніе всей народной жизни: петровскую реформу. Это потрясеніе не могло пройти безслѣдно и для крупнаго хозяйства.

Петръ Струве.

(Продолженіе слѣдуетъ).

былъ чисто отрицательный юридическій признакъ, все болѣе и болѣе терявшій свое реальное значеніе. Они—некрестьяне. Положительный же хозяйственный признакъ, отъ котораго они заимствовали свое названіе, состоялъ въ томъ, что они работали на помѣщика (или вотчинника), испознали «дѣло» того или другого рода «Дѣловые люди», тавимъ образомъ, это помѣщичьи «работіе»—некрестьяне. Юридическое положеніе ихъ и, въ частности, ихъ юридическое отношеніе къ работодателю могло быть самымъ различнымъ.

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Чтобы пробыть нѣсколько лишнихъ минутъ съ Никодимцевымъ, передъ разлукой на неопредѣленное время, Инна Николаевна приѣхала на Николаевскій вокзалъ за полчаса до отхода курьерскаго поѣзда.

Въ томъ новомъ настроеніи, въ какомъ находилась Травинская, ее тоскливо тревожилъ отъѣздъ единственнаго человѣка, который не только любилъ и понималъ ее, но и вѣрилъ прочности ея нравственнаго обновленія, поддерживалъ въ ней вѣру въ себя и въ возможность счастливаго будущаго ихъ совмѣстной жизни.

Она знала, что съ отъѣздомъ Никодимцева ее ждетъ полное одиночество и назойливое напоминаніе о томъ, что она такъ хотѣла бы забыть и чего не забывали родные и знакомые ея, мужа и Козельскихъ.

Объ этомъ прошломъ напоминали добрыя пріятельницы и родственницы, передававшія съ видомъ негодованія и участія о позорныхъ слухахъ, ходившихъ о ней.

Эти слухи особенно усилились, распространяясь далеко за предѣлы того круга, въ которомъ вращалась Инна Николаевна, съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстнымъ о томъ, что она разводится съ мужемъ, чтобы сдѣлать блестящую партію, выйдя замужъ за Никодимцева.

Ей простили бы охотно дюжину любовниковъ, но этого простить не могли и потому обливали ее грязью, разбавляя частицу правды клеветой. О ней распространяли легенду, какъ о порочной, циничной женщинѣ, насчитывая ей столько любовниковъ, сколько

*) См. «Миръ Божій», № 8, августъ.

позволяла пылкость фантазіи и степень зависти возмущенных клеветницъ.

Нечего и говорить, что знавшіе и не знавшіе Травинскую — и въ особенности женщины, не отличавшіяся строгостью нравовъ, — изумлялись, что Никодимцевъ, тайный совѣтникъ Никодимцевъ и директоръ департамента, а не то, что какой-нибудь обыкновенный смертный, не заслужившій бы разумѣется, изумленія, — женится на „такой женщинѣ“, когда могъ бы оставаться ея любовникомъ при такомъ покладливомъ господинѣ, какъ Травинскій.

Въ томъ, что Никодимцевъ любовникъ Травинской, никто, конечно, не сомнѣвался, и объ этомъ говорили громко, съ такимъ легкимъ сердцемъ, съ какимъ говорятъ о погодѣ, и съ такою увѣренностью, точно каждый изъ говорившихъ присутствовалъ на тайныхъ свиданіяхъ.

Когда въ министерствѣ узнали, что Никодимцевъ женится, то, собравши справки о невѣстѣ, рѣшили, что директоръ департамента дѣлаетъ великую глупость, такъ какъ рискуетъ своей блестящей карьерой. По крайней мѣрѣ, когда одинъ изъ коллегъ, не долубливавшій Никодимцева и умѣвшій разнообразить свои доклады пикантными анекдотами, сообщилъ графу Волховскому о хорошенькой барынькѣ, на которой собирается жениться Григорій Александровичъ и встати рассказалъ о рыцарскомъ поступкѣ Никодимцева, чуть „не побившаго двухъ молодыхъ людей у Дюна“, то графъ неодобрительно покачалъ головой и замѣтилъ, что директору департамента рискованно ввязываться въ исторіи, а тѣмъ болѣе жениться Богъ знаетъ на комъ, да еще на разведенной женѣ.

Инна Николаевна знала, что главнымъ источникомъ позорныхъ слуховъ былъ ея мужъ.

Озлобленный на жену, онъ еще болѣе озлился, когда узналъ объ ея выходѣ замужъ за Никодимцева, что продешевилъ, согласившись на разводъ за пятнадцать тысячъ, и всячески поносилъ жену, всѣмъ называлъ имена ея поклонниковъ и жаловался, что, благодаря Никодимцеву, ему приказали дать разводъ и отняли дочь. Но онъ имъ еще покажетъ себя!

Войдя на вокзалъ, Инна Николаевна искала Никодимцева у билетной кассы, не нашла его тамъ и направилась въ залъ, гдѣ ожидаютъ пассажиры.

Проходя мимо столовой, среди снующихъ взадъ и впередъ пассажировъ, провожавшихъ и носильщиковъ, она вдругъ увидала мужа. Слегка выпившій, онъ шелъ навстрѣчу съ Привольскимъ, тѣмъ самымъ пріятелемъ и сослуживцемъ, который былъ мимолетнымъ увлеченіемъ Инны Николаевны послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго за ужиномъ вдвоемъ, и потомъ выгнанный ею, рассказалъ мужу объ этомъ ужиноу, чтобы отплатить отвергнувшей

его женщинѣ, совѣтоваль ему не давать развода и не отдавать дочери.

При видѣ этихъ господъ, напомнившихъ молодой женщинѣ весь ужасъ недавней ея жизни и неразборчивость прежнихъ знакомствъ, она торопливо отвернулась, испытывая чувство отвращенія и гадливости къ нимъ и невольное презрѣнне къ себѣ.

Но она успѣла замѣтить, съ какою наглой усмѣшкой оба они оглядѣли ее съ ногъ до головы, и до нея долетѣли грубо-позорныя слова, которыми они довольно громко обмѣнялись по ея адресу, упомянувъ и Никодимцева.

Поблѣднѣвшая, невольно склонивъ голову, словно бы подъ тяжестью позора, торопливо прошла она въ залу и стала искать глазами Никодимцева среди публики.

Никодимцева не было.

И вдругъ ей пришла въ голову мысль, что мужъ и его пріятель пришли на вокзалъ не случайно, а съ цѣлью устроить скандалъ.

Сердце ея замерло отъ ужаса и, охваченная страхомъ за Никодимцева, она бросилась назадъ, чтобъ встрѣтить его у подъѣзда и предупредить.

Но въ дверяхъ она встрѣтилась съ нимъ и чуть не вскрикнула отъ радости

— Что съ тобой Инна? Ты испугана? — тревожно спрашивалъ Никодимцевъ, пожимая невестѣ руку.

— Ничего, ничего...

— Но ты блѣдна, взволнованна?..

— Сейчасъ я имѣла неприятную встрѣчу... Встрѣтила мужа съ его другомъ...

— Привольскимъ?..

— Да! — проронила, краснѣя, Инна Николаевна. — Ты ихъ не видалъ?

— Не видалъ. Надѣюсь, они не осмѣлились подойти къ тебѣ? — взволнованно спросилъ Никодимцевъ, чувствуя внезапный приливъ злости.

— Нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшила успокоить его Инна, замѣтившая, какъ гнѣвно блеснули его глаза. — Они догадались даже не поклониться мнѣ.

— То-то! — произнесъ, успокоиваясь, Никодимцевъ.

— Пойдемъ, сядемъ туда, подальше...

Они присѣли на диванчикъ въ глубинѣ зала.

— Ты меня долго ждала?

— Я только что пріѣхала...

Они торопились наговориться. Каждому изъ нихъ казалось, что надо не забыть сказать что-то особенно важное и значительное въ эти полчаса.

Слушая, какъ Никодимцевъ сообщалъ ей утѣшительныя вѣсти о ходѣ развода—адвокатъ, котораго вчера вечеромъ видѣлъ Григорій Александровичъ, сказалъ, что черезъ два мѣсяца все будетъ кончено—Инна Николаевна, все еще полная тревоги отъ встрѣчи съ мужемъ, по временамъ кидала безпокойные взгляды на двери.

И въ этомъ страхѣ она чувствовала и унижительность своего положенія, и тяжкую расплату за прошлое, и виноватость передъ Никодимцевымъ, который изъ-за нея можетъ имѣть непріятную исторію съ этими господами, которые и ей, и Григорію Александровичу были омерзительны и сами по себѣ и, главное, какъ напоминаніе...

— А ты будешь писать мнѣ часто, не правда ли?..—возбужденно и порывисто спросила Инна Николаевна.

— Каждый день... И ты пиши... хоть нѣсколько строкъ.. Ты что это все взглядываешь на двери. Инна? Опять боишься встрѣчи?..

— Не боюсь, а непріятно!—проговорила Инна Николаевна, скрывая истинную причину своего страха.

— Надѣюсь, ты не ждешь какой-нибудь выходки съ ихъ стороны?

— Разумѣется...

— Они не осмѣлятся... И вѣдь я съ тобой... Такъ не волнуйся, родная!—нѣжно успокаивалъ невѣсту Никодимцевъ. Но тревога Инны Николаевны сообщилась и ему, отравляя эти немногія минуты прощальнаго свиданія. И, не смотря на внѣшній спокойный видъ Никодимцева, онъ былъ нервно-возбужденъ, и самъ сталъ взглядывать на двери.

— Отсюда ты уѣдешь съ Николаемъ Ивановичемъ... Онъ обѣщаль пріѣхать... Онъ вѣдь пріѣдетъ?..

Въ голосѣ его звучало безпокойство.

Инна Николаевна поняла, что онъ тревожится за нее, какъ она за него.

— Папа будетъ.

— Навѣрное?

— Онъ сказалъ, непременно будетъ!

Двери на перронъ открылись, и публика торопливо двинулась, по обыкновенію, спѣша и толкаясь.

У Никодимцева было мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Онъ не торопился и продолжалъ разговаривать съ Инной въ опустѣвшей залѣ. Онъ снова повторялъ, чтобы Инна писала, берегла свое здоровье, снова говорилъ о томъ, какъ она ему дорога и какъ безъ нея ему будетъ сиротливо, и словно бы дополнялъ всѣ эти слова взглядомъ, полнымъ нѣжности и любви.

— А, главное, не хандри, Инна. Не терзай себя напрасно...

— Скорѣе возвращайся, милый...

— Это не отъ меня зависить... Богу—Богови, Кесарю—Кесареви... Однако, пора и идти... Пожалуй, Николай Ивановичъ насъ у вагоновъ ищеть.

Онъ поднялся, подаль ей руку и они вышли на перронъ, направляясь къ спальному вагону. Идя съ Никодимцевымъ подъ руку, Инна испытывала приятное горделивое чувство увѣренности, что у нея есть близкій другъ и защитникъ, и въ то же время безпокойно вглядывалась въ публику, боясь новой встрѣчи съ мужемъ и его пріателемъ.

Какой-то военный генераль и какъ-то статскій поклонились Никодимцеву, съ жаднымъ любопытствомъ оглядывая его даму. Инна Николаевна замѣтила эти взгляды, поняла ихъ значеніе и вспомнила, что про нее говорятъ. Ей это было все равно, но ему, любимому человѣку?..

Она взглянула на лицо Никодимцева и просвѣтлѣла—такое оно было счастливо-горделивое, точно оно говорило: „Смотрите, какъ я счастливъ, что иду со своей невѣстой!“

Носильщикъ встрѣтилъ Никодимцева у вагона и сказалъ, что вещи положены и что въ купѣ ѣдетъ только одинъ пассажиръ. Подошелъ и Егоръ Ивановичъ и, почтительно снимая фуражку, доложилъ, что багажная квитанція у него и спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній? А самъ искоса поглядывалъ на будущую барыню, которую уже заранѣе не влюбилъ. Онъ находилъ, что разведенная жена не пара Григорію Александровичу; кромѣ того, и до него дошла худая молва объ Иннѣ Николаевнѣ.

— Вотъ, Инна, тотъ самый Егоръ Ивановичъ, про котораго я говорилъ!—сказалъ Никодимцевъ.

Егоръ Ивановичъ снова снялъ фуражку и поклонился Иннѣ Николаевнѣ, принимая самый официальный видъ и какъ-то смѣшно поджимая губы и вытаращивая глаза.

Но Инна Николаевна съ такою чарующей ласковостью улыбнулась ему, сказавъ нѣсколько пріятливыхъ словъ, что Егоръ Ивановичъ отошелъ, если и не окончательно побѣжденный, то во всякомъ случаѣ менѣе враждебно настроенный и вынужденный признать, что невѣста очень „прельстительная“, и не мудрено, что Григорій Александровичъ „втемяшился“ въ тавую до умопомраченія.

„Она его облестить въ лучшемъ видѣ!“ рѣшилъ Егоръ Ивановичъ и почему-то успокоился за положеніе свое и жены при Никодимцевѣ.

— Ну, что, Инна, понравился тебѣ Егоръ Ивановичъ?

— Очень...

— Онъ славный... И я радъ, что онъ тебѣ понравился... Значить, онъ останется у насъ...

— А онъ думалъ, что я захочу заводить новые порядки у тебя?

— Кажется...

— И Егоръ Ивановичъ, вѣрно, недоволенъ твоимъ выборомъ? — улыбаясь, спросила Инна.

— Теперь будетъ доволенъ...

Онъ вошелъ въ вагонъ и, вернувшись, проговорилъ:

— Никогда я не уѣзжалъ изъ Петербурга такимъ счастливымъ, Инна...

Пробилъ второй звонокъ.

— А что же Николай Ивановичъ? — безпокойно спросилъ Никодимцевъ, втайнѣ тревожась, что Инна Николаевна можетъ снова встрѣтить и они, чего добраго, позволить себѣ неприличную выходку. — Обѣщаль быть, а его нѣтъ! — прибавилъ онъ съ раздражительной ноткой въ голосѣ.

— Да ты не волнуйся, милый!.. Со мной ничего не случится... Я не изъ трусливыхъ! — сказала Инна, понимая, отчего Никодимцевъ вдругъ такъ захотѣлъ видѣть отца. — А вотъ и папа!

— Еще не опоздалъ... Простите, дорогой Григорій Александровичъ, что поздно... Задержали... Неприятный дѣловой разговоръ въ правленіи... Мнѣ такъ надоѣла эта влоака... Съ какимъ удовольствіемъ ушелъ бы я изъ нея, еслибъ не пять тысячъ!.. — говорилъ Козельскій, запыхавшись и взволнованный, съ какимъ-то испуганнымъ выраженіемъ въ глазахъ и далеко не сповойно-великолѣпный, какимъ бывалъ всегда.

Инна сразу догадалась, что съ отцомъ случилась серьезная неприятность. „Вѣрно срочный долгъ и нѣтъ денегъ!“ — подумала она и втайнѣ боялась, что отецъ обратится за ними къ Никодимцеву.

А Козельскій, пожимая руку, будущему своему зятю и задерживая ее въ своей рукѣ между тѣмъ продолжалъ возбужденнымъ тономъ:

— Еслибъ вы знали, родной, что дѣлается въ нашихъ правленіяхъ... Порядочному человѣку тамъ служить нельзя. Сейчасъ про него выдумаютъ какую-нибудь пакость... Мнѣ жаль, что я до вашего отъѣзда не поговорилъ съ вами... Но я вамъ напишу... Позволите?... И дадите добрый совѣтъ?

— Очень буду радъ... Очень радъ чѣмъ-нибудь услужить вамъ, Николай Ивановичъ!

„Вѣдь ты отецъ Инны!“ — казалось, досказывало его лицо.

— Спасибо... спасибо, дорогой! — съ какою-то особенной горячностью проговорилъ Козельскій, словно бы торопясь заранѣе обязать Никодимцева своей задушевной благодарностью, — И возвращайтесь скорѣе, а то моя Инночка стоскуется! — прибавилъ Козельскій, нѣжно взглядывая на дочь.

Инна невольно покраснѣла за отца.

— Однако, пора и въ вагонъ... Сейчасъ третій звонокъ!— проговорилъ Никодимцевъ.

И онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ руку Инны, съ которой она сдернула перчатку, облобызался съ Козельскимъ, уже оправившимся отъ волненія и принявшимъ серьезно и въ мѣру опечаленный видъ, каковой полагается имѣть на проводахъ, взошелъ на площадку и глядѣлъ на невѣсту восторженно-проникновеннымъ взглядомъ.

И Инна не спускала взгляда съ Никодимцева.

— Такъ я завтра же напишу вамъ, Григорій Александровичъ. Вы въ Москвѣ не остановитесь?

— Нѣтъ. Пишите въ Приволжье. А потомъ я сообщу Иннѣ, куда писать... Мой привѣтъ Антонинѣ Сергѣевнѣ и Татьянѣ Николаевнѣ!..

— Спасибо... Онъ жалѣють, что не могли проводить васъ. Жена нездорова, а Тина хандрить...

Раздался третій звонокъ. Оберъ-кондукторъ свистнулъ и съ паровоза разнесся ревущій свистъ.

Никодимцевъ простился еще разъ съ Инной долгимъ, серьезнымъ и грустнымъ взглядомъ, поклонился Козельскому и взволнованно проговорилъ:

— Берегите Инну!

Поѣздъ тронулся.

Никодимцевъ еще разъ поклонился, взглядывая на Инну, и вошелъ въ вагонъ.

— Чудный человекъ Григорій Александровичъ! Какая ты счастливица, Инна, что у тебя будетъ такой мужъ. И какъ онъ тебя любитъ!—проговорилъ вдругъ Козельскій.

Инна Николаевна ничего не отвѣтила.

Прошли послѣдніе вагоны. Козельскій подаль дочери руку, и они направились къ выходу среди толпы провожатыхъ. Козельскій нѣсколько разъ приподнималъ цилиндръ, влкаясь и отдавая поклоны знакомымъ.

— Ѣдемъ вмѣстѣ, Инна. У меня карета. Я тебя завезу домой!—сказалъ онъ, когда они вышли на подъѣздъ.

Глава двадцать шестая.

Нѣсколько минутъ отецъ и дочь ѣхали молча.

— Инночка!.. У меня къ тебѣ большая просьба!—проговорилъ наконецъ Козельскій ласковымъ, почти заискивающимъ тономъ.

— Какая, папа?

— Выручи меня... Попроси Григорія Александровича... Я понимаю, тебѣ неловко, но...

— О чемъ просить?—нетерпѣливо и сухо спросила Инна.

— Чтобы онъ не отказалъ помочь мнѣ выпутаться изъ очень неприятной исторіи въ правленіи... Чтобы онъ далъ мнѣ въ долгъ пять, шесть тысячъ и чтобы устроилъ мнѣ мѣсто... Изъ правленія я уйду... Я самъ напишу Григорію Александровичу, но напиши и ты... Поддержи мою просьбу, Инночка... Онъ для тебя все сдѣлаетъ...

— Но, папа... Ужели ты не понимаешь, что ставишь меня въ невозможное положеніе? Ты не сердись, но я не могу исполнить твоей просьбы и умоляю тебя не просить у Григорія Александровича денегъ. И то онъ заплатилъ пятнадцать тысячъ за разводъ... Извернись какъ-нибудь!

— Ты не хочешь выручить отца!?—проговорилъ съ упрекомъ Козельскій.

„Отецъ! Хорошъ отецъ!“—подумала Инна и вспомнила, какъ онъ занималъ деньги у одного изъ ея поклонниковъ.

— Я не могу просить Григорія Александровича, — отвѣчала Инна Николаевна.

— Не можешь?.. Но понимаешь ли ты, что я нахожусь въ отчаянномъ положеніи... Ты говоришь: „извернуться!..“ Я изворачивался, пока могъ, а теперь...

И Козельскій сталъ разсказывать о томъ, что ему необходимо возвратить пять тысячъ, взятыя имъ въ долгъ у еврея-подрядчика, иначе—скандалъ... Его репутація будетъ замарана. Дѣло можетъ дойти до суда... Враги его въ правленіи воспользуются случаемъ... А Никодимцеву ничего не стоитъ достать пять тысячъ...

— Но я знаю, у него денегъ нѣтъ...

— Пусть выдастъ вексель... Подъ его вексель я достану денегъ... Инна! Умоляю тебя... Другого выхода нѣтъ... Пожалѣй хоть маму, если не жалѣешь меня...

— Хорошо... Я напишу Григорію Александровичу!

— Завтра напиши...

— Завтра напишу!—холодно проговорила Инна Николаевна. Козельскій облегченно вздохнулъ.

— Спасибо, спасибо тебѣ, Инночка... Ты спасаешь меня...

Инна молчала. Отецъ понялъ, что дочь спасаетъ его безъ особеннаго участія къ нему, и про себя подумалъ о безсердечіи дѣтей, для которыхъ онъ всегда дѣлалъ все, что могъ.

„И эта, и Тина обѣ онѣ эгоистки!“—рѣшилъ онъ и почувствовалъ себя обиженнымъ.

Когда карета остановилась у подъѣзда, Козельскій сказалъ дочери, что ему надо еще заѣхать по одному дѣлу, но онъ скоро вернется...

— Такъ и скажи мамѣ, пожалуйста! И ей о моихъ дѣлахъ

ни слова!—прибавилъ онъ, и велѣлъ кучеру ѣхать на Васильевскій островъ.

Инна застала мать разстроенною, съ красными отъ слезъ глазами.

— Мамочка! Что съ тобой?

И, присаживаясь рядомъ съ матерью на маленькій красный диванчикъ, на которомъ Антонина Сергѣевна много передумала о своихъ обидахъ оставленной жены, Инна цѣловала руки и лицо матери.

— Я уѣзжала на вокзалъ, и ты была молодцомъ, а вернулась, и ты... Что случилось? Что тебя разстроило, мамочка?— съ тревожной вѣжностью въ голосъ спрашивала Инна.

— Ничего не случилось, Инночка... Такъ... взгрустнулось одной... Нервы зашалили... Не тревожься, моя милая, ласковая дѣточка!—говорила, стараясь улыбнуться, Антонина Сергѣевна и тихо глядя своею красивой бѣлой, съ длинными пальцами, рукой закраснѣвшуюся на морозѣ щеку Инны.

Но улыбка Антонины Сергѣевны вышла грустная и какая-то беспомощная.

„Ужъ не узнала ли мама о связи отца съ Ордынцевой! Не нашла ли она какой-нибудь улики?“—подумала Инна, зная, что мать имѣла слабость, въ отсутствіе отца, посѣщать его кабинетъ и интересоваться разорванными письмами, брошенными въ корзину.

Что мать могла встревожиться за нее или за сестру, Иннѣ и не пришло въ голову. Она знала, что никакіе слухи, еслибъ они случайно и дошли до матери, почти не вызвавшей изъ дому, не возбуждали бы въ ней сомнѣнія—до того она была увѣрена въ безупречности своихъ дочерей.

— А папа провожалъ Григорія Александровича?—спросила Антонина Сергѣевна.

— Да, мама... Григорій Александровичъ тебѣ кланяется...

— Милый твой Григорій Александровичъ... Я ужъ полюбила его... А папа вернулся съ тобой?— нетерпѣливо спросила Козельская.

— Нѣтъ. Онъ поѣхалъ куда-то по дѣлу и скоро вернется...

Антонина Сергѣевна подавила вздохъ.

Инна Николаевна смотрѣла на это поблекшее, еще красивое лицо съ большими глазами, полными выраженія скорби, на эти рано посѣдѣвшіе волосы подъ кружевнымъ фаншономъ, на эту худощавую, все еще стройную фигуру въ черномъ платьѣ, и ей стало безвѣчно жаль мать.

Она, глядѣвшая почти старухой въ сорокъ четыре года, казалась таковой одинокой, сиротливой, наивно-беспомощной и далекой отъ жизни въ своей маленькой комнатѣ, которую она со своимъ

обычнымъ мастерствомъ женщины, умѣющей свивать и любить свое гнѣздо, сдѣлала уютной, сіявшей необыкновенной чистотой и порядкомъ и нѣсколько похожей на келію монахини. Маленькій кюль, кровать и комодъ за низенькими ширмами, диванъ, два кресла, большой портретъ мужа, когда онъ былъ молодъ и красивъ, нѣсколько позднѣйшихъ фотографій его же и портреты дочерей, висѣвшихъ въ рамкахъ на стѣнѣ красиво расположенной группой, надъ маленькимъ письменнымъ столикомъ, составляли убранство комнаты, въ которой проводила большую часть времени Антонина Сергѣевна, читая романы и терзаясь ревнивыми подозрѣніями.

И тотъ, котораго она до сихъ поръ любила съ неостывшей еще страстью женщины, почти никогда не заглядывалъ къ ней, не дѣлился впечатлѣніями, не посвящалъ въ свои дѣла и, ласково-предупредительный и внимательный въ тѣ немногіе часы, когда они встрѣчались въ столовой, словно бы забывалъ, какъ много она ему дала и какъ мало отъ него получила.

Почти никогда не сидѣла съ матерью и Тина. Она скучала въ ея обществѣ и не знала, о чемъ съ ней говорить. Ей смѣшна была ея „сантиментальная грусть“, и въ душѣ она осуждала мать и за ея ревность къ отцу и за то, что она, носясь со своей добродѣтелью и молчаливо страдая, совершенно напрасно отравляетъ себѣ жизнь.

„Будь мама умнѣе—она давно бы взяла отъ жизни все, что могла бы взять такая красивая женщина!“—нерѣдко говорила младшая сестра.

Инна возмущалась этими словами. Она любила и уважала мать, но сама рѣдко навѣщала ее во время замужества. Приѣдетъ на полчаса днемъ или обѣдать, явится на журъ-фиксъ—вотъ и все. А чтобы просидѣть вечеръ вдвоемъ поговорить—это было скучно и для Инны. И о чемъ говорить съ ней? Они были чужія другъ другу, не смотря на взаимную любовь.

И, жалѣя теперь мать, Инна невольно спрашивала себя: отчего это такая хорошая и честная женщина, которую называли святой, такъ одинока со своей постоянной печалью отверженной жены? Отчего она не умѣла устроить семьи. Развѣ ихъ семья похожа на настоящую семью? Отчего она, любившая ее и сестру, не сумѣла вліять на нихъ хоть сколько-нибудь и словно бы проглядѣла ихъ души, обманываясь на ихъ счетъ не то отъ чрезмѣрной любви, не то отъ наивнаго непониманія?

И на эти вопросы, впервые затронувшіе Инну, противъ желанія подкрадывались отвѣты, обвиняющіе не одного только отца, вносившаго ложь въ семью.

И Иннѣ казалось, что мать слишкомъ отдавалась своимъ чув-

ствамъ любви и ревности и изъ-за нихъ закрывала глаза на все остальное, живя въ совершенномъ невѣдѣніи жизни, — въ какомъ-то сантиментальномъ миражѣ, безхарактерная, непрактичная, не сѣмѣвшая даже, не смотря на всю свою любовь къ дочерямъ, внушить имъ понятіе о долгѣ и отвращеніе къ распущенности.

„О, еслибъ мама остановила тогда отъ этого легкомысленнаго брака, развѣ у меня было бы такое ужасное прошлое?.. О, еслибъ мама знала какія у нея, святой женщины, грѣшныя дочери!“ — думала Инна, чувствуя въ то же время и любовь и жалость къ матери и понимая, что между ними нѣтъ той близости, которая позволила бы ей обнажить свою душу, какъ она обнажила ее передъ Никодимцевымъ. Тотъ понялъ и простилъ. Она пришла бы въ ужасъ и простила бы, не понимая, что въ этомъ ужасѣ виновата главнымъ образомъ она.

„И не будетъ ли виновата и она, Инна, передъ своей дочерью за свое прошлое. Сѣумѣетъ ли она вызвать довѣріе къ ней? Что, если она узнаетъ, когда выростетъ, какова была ея мать!?“

При этой мысли Инна Николаевна вздрогнула, точно ей вдругъ сдѣлалось холодно.

— Что, Инночка, зазябла бѣдная?... — спросила Антонина Сергѣевна.

— Да, мамочка, немного...

— Ты велѣла бы самоваръ поставить... Напилась бы чаю...

— Не хочу, мамочка... Я и такъ согрѣюсь.

Нѣсколько минутъ онѣ просидѣли молча, каждая занятая своими мыслями, повѣрить которыя онѣ не рѣшались другъ другу.

Антонина Сергѣевна гордилась тѣмъ, что несетъ свой крестъ молча. Она никогда не жаловалась никому на мужа и, разумѣется, не жаловалась дочерямъ, не желая ронять его родительскаго престола въ глазахъ дочерей, и наивно думала, что онѣ ничего не знаютъ объ его похожденияхъ и не догадываются, какъ она несчастна.

„И не должны знать!“ — подумала Антонина Сергѣевна, чувствуя въ эту минуту желаніе излить передъ Инной свое горе.

— Да, Инночка, я рада, что ты выходишь за человѣка, который значительно старше тебя! — проговорила наконецъ Антонина Сергѣевна.

— Почему?

— Потому что онъ тебя будетъ долше любить... Ты не состаришься ранѣе мужа... А мужа не любятъ состарившихся женъ, Инночка, и часто ищутъ новыхъ привязанностей на сторонѣ... Впрочемъ, Григорій Александровичъ кажется не такой... Онъ человѣкъ долга и навѣрное никогда не станетъ обманывать тебя...

— Я въ этомъ увѣрена, мамочка... Онъ не скроетъ, если разлюбить меня... Да этого и скрыть нельзя... Я сама увижу...

— И что тогда?

— Я оставила бы его!—рѣшительно проговорила Инна.

— Но если ты будешь любить его?..

— Тѣмъ скорѣе я отошла бы отъ него...

— Это не такъ легко, какъ тебѣ кажется, Инна... Не такъ легко... особенно если дѣти связываютъ... Надо ради дѣтей нести крестъ свой, какъ онъ ни тяжелъ...

Инна Николаевна не возражала, чтобъ не огорчить мать, высказавши ей, что эти обычныя ссылки на дѣтей кажутся и лицемерными и вовсе не защищающими дѣтей отъ ужаснаго вліянія семейнаго разлада. Она по себѣ и по Тинѣ знала это и безконечно рада, что дочь ея еще слишкомъ мала, чтобы на ней отразились тѣ дикія сцены, которыя бывали у ней съ мужемъ.

„Что было бы съ Леночкой, еслибъ она оставались жить съ Травинскимъ!“—въ ужасѣ подумала Инна, и радостное чувство охватило ее вслѣдъ за испугомъ при мысли, что этого не будетъ и что ее ждетъ иная жизнь съ Никодимцевымъ.

И онъ ей казался еще болѣе дорогимъ и близкимъ. И она думала въ эту минуту, что никогда не разлюбитъ его и мысленно давала себѣ вѣтвь сдѣлать его счастливымъ.

— Расходиться, Инна, еще возможно,—продолжала Антонина Сергѣевна,—въ молодые годы, когда впереди цѣлая жизнь, но подъ старость... Къ чему?.. Зачѣмъ?—говорила Антонина Сергѣевна, словно бы оправдываясь передъ дочерью.—Надо, чтобы слишкомъ много униженій выпало на долю, да и тогда..

Антонина Сергѣевна примолкла и затѣмъ неожиданно спросила съ оживленно-раздражительной ноткой въ голосѣ:

— А ты слышала, что Ордынцевы на старости лѣтъ разошлись?..

— Слышала...

— Я только на дняхъ объ этомъ узнала случайно... Эта особа вчера мнѣ ничего объ этомъ не говорила!—прибавила Антонина Сергѣевна.

Инна знала, что мать называетъ „особами“ тѣхъ женщинъ, которыя нравятся отцу, и поняла причину расстройства матери. Еще вчера Ордынцева, прїѣзжавшая съ визитомъ, была Анной Павловной и даже милой Анной Павловной, а сегодня она уже особа. Значить, отецъ попался.

— Вѣрно бѣдному Ордынцеву очень тяжело было жить, если онъ уѣхалъ отъ семьи... Хороша значить эта... женщина... И вѣдь воображаетъ, что красавица... Подмазывается, красится и... кокетничаетъ на старости лѣтъ... Вѣдь ей за сорокъ!.. Навѣрное за сорокъ!..

— Пожалуй...

— Не пожалуй, а навѣрное!—заговорила Антонина Сергѣевна болѣе энергичнымъ тономъ, какъ только дѣло пошло о найденной любовницѣ мужа, которая такъ долго была ей неизвѣстна, и эта неизвѣстность такъ беспокоила.— Она скрываетъ свои годы... Эта взбалмошная, глупая Ольга, съ которой Тина почему-то дружить, какъ-то проговорила, что ея неприличной маменькѣ сорокъ пять лѣтъ. Да оно такъ и должно быть... Ольгѣ двадцать четыре...

Инна Николаевна про себя усмѣхнулась, слушая, какъ мать, обыкновенно правдивая даже въ мелочахъ, подъ вліяніемъ ревности безбожно прибавляла года не только Ордынцевой, но и ея дочери. И, предоставляя матери прибавить сколько угодно лишнихъ лѣтъ Аннѣ Павловнѣ, Инна все-таки заступилась за Ольгу и сказала:

— Ей, мамочка, меньше... Право, меньше!

— Ты вѣчно споришь!—съ неудовольствіемъ произнесла Антонина Сергѣевна, хотя Инна очень рѣдко съ ней спорила.— Ольга моложе Тины на одинъ годъ... Я это знаю!—прибавила Козельская въ видѣ неотразимаго женскаго аргумента.

И съ большимъ оживленіемъ и въ лицѣ и въ голосѣ и съ большимъ злорадствомъ, чѣмъ можно было предполагать въ святой женщинѣ, она продолжала:

— И эта размалеванная толстуха имѣетъ претензію завлекать мужчинъ! Ты, знаешь, Инна, я не имѣю привычки злословить... Но, развѣ ты не замѣтила, какіе откровенные вырѣзы у нея на платьяхъ, когда она является къ намъ на эти дурацкіе фиксы—они положительно разстраиваютъ и безъ того мое слабое здоровье!—и съ какимъ безстыднымъ кокетствомъ она держитъ себя съ мужчинами... Думаетъ, что у нее античная шея и грудь Венеры!.. Ты развѣ не замѣтила, какъ показываетъ она свои прелести?

Инна, чтобъ не огорчать мать, покривила душой и сказала, что Ордынцева дѣйствительно открывается болѣе, чѣмъ бы слѣдовало въ ея же интересахъ.

— Именно... именно, Инночка... Ты это мѣтко замѣтила... По одному тому, какъ она держитъ себя съ мужчинами въ обществѣ можно судить, какая это распущенная женщина. Не мудрено, что такой порядочный человекъ какъ Ордынцевъ не могъ болѣе терпѣть и бѣжалъ отъ этой проблематической особы... Вѣроятно, узналъ про ея авантюры... Я только удивляюсь вкусу ея поклонниковъ... Ухаживать за такимъ жирнымъ кускомъ мяса!..

Въ лицѣ Антонины Сергѣевны стояло презрительное выраженіе и къ этому „куску мяса“ и къ его поклонникамъ и въ то же время въ душѣ ей было завидно и больно.

Это Инна почувствовала, и ей стало обидно за мать.

— Впрочемъ, мужчины не особенно разборчивы и легко поддаются женщинамъ, которыя бросаются имъ на шею... Нужды нѣтъ, что подобныя твари вносятъ несчастье въ чужія семьи! Бойся такихъ, Инна!—съ озлобленіемъ прибавила Антонина Сергѣевна...

У Инны болѣе не было сомнѣнія въ томъ, что мать узнала о связи отца съ Ордынцевой.

Недаромъ же она, обыкновенно не злорѣчивая и снисходительная къ людскимъ слабостямъ, когда онѣ не касались ея и семьи, съ такою несдержанностью бранила Ордынцеву и удивлялась неразборчивости ея поклонниковъ или вѣрнѣе, одного поклонника.

Въ этомъ отношеніи Антонина Сергѣевна была послѣдовательна и съ неизмѣннымъ постоянствомъ ужасалась вкусу своего мужа, какъ только узнавала объ его увлеченіи. И тогда женщина, обращавшая на себя особенное вниманіе Николая Ивановича, въ глазахъ Антонины Сергѣевны представляла собой сочетаніе всевозможныхъ физическихъ и нравственныхъ несовершенствъ. Она еще могла бы понять увлеченіе какой-нибудь дѣйствительно стоящей женщиной, но такъ какъ выборъ Николая Ивановича, по мнѣнію Антонины Сергѣевны, былъ всегда неудаченъ и „особа“ бывала или толста до безобразія или худа, какъ скелетъ, и притомъ, зла и коварна, то, разумѣется, Антонина Сергѣевна не понимала, какъ это Ника, такой тонкѣй цѣнитель красоты, могъ увлечься подобной особой.

Нечего и говорить, что Антонина Сергѣевна, какъ большинство влюбленныхъ женъ, считала виноватыми „особь“, завлекавшихъ ея мужа, а его—лишь бѣдной жертвой, не устоявшей противъ безстыднаго искушенія. Не будь такихъ подлыхъ особъ, разрушающихъ семейное счастье,—и Ника не изолгался бы въ конецъ и остался бы вѣрнымъ мужемъ.

Инна рѣшительно не находила словъ, которыя могли бы утѣшить мать, и только удивлялась, какъ она до сихъ поръ не привыкла къ этимъ постояннымъ измѣнамъ отца. Кажется, пора бы привыкнуть!

— Ты приняла бы, мамочка, валерьяна... Хочешь?.. Это успокоитъ твои нервы!—предложила Инна, увидавши, что мать снова готова расплакаться.

— Пожалуй, дай, Инночка... Капли на комодѣ...

Инна сходила за рюмкой и, приготовивъ лекарство, подала матери. Та выпила и, казалось, нѣсколько успокоилась.

— А Богъ съ ней съ этой Ордынцевой... Не стоитъ о ней говорить!—произнесла Антонина Сергѣевна.

— Конечно, не стоитъ, мамочка!

— Но, принимать ее я больше не буду... Она неприлична!

„О, еслибъ мама знала, какова была я и какова сестра!“—подумала Инна и сказала:

— Но, если Ордынцева прїѣдетъ на фивесъ. Не выгонишь же ты ее?..

— Я ее такъ приму, что она больше не явится... Надѣюсь, ни папа, ни ты, ни Тина не будете ничего имѣть противъ этого?.. Можно мнѣ не видать особъ, которыя мнѣ противны... Имѣю я хоть это право?

— Да кто жъ говорить, что не имѣешь... Конечно, никто изъ насъ не опечалится, если Ордынцовой не будетъ на фивсахъ... Развѣ одинъ старый адмиралъ да юный инженеръ Развозовъ...

— Ты думаешь никто больше?

— Кому же больше! — проговорила Инна, чтобъ успокоить мать и дать лишній шансъ отцу, когда онъ будетъ лгать, если мать потребуеть объясненій.

Но, доказательства, находившіеся въ карманѣ у Антонины Сергѣевны, въ видѣ начатаго письма Николая Ивановича къ Ордынцовой, неосторожно брошеннаго въ корзину, — такъ очевидно свидѣтельствовали о винѣ мужа, что слова Инны не произвели впечатлѣнія на Козельскую и только вызвали горькую усмѣшку на ея губахъ...

„Хорошо, что хоть дѣти ничего не знаютъ!“ — подумала она, гордая мыслью, что несетъ свой крестъ молча, никому не жалуясь, и наивно увѣренная, что брань, которою она только что осыпала Ордынцеву, не выдаетъ ея ревности.

— Что-жъ ты не рассказываешь, Инна, о проводахъ Григорія Александровича! — проговорила Козельская тономъ упрека, точно не сама она все время говорила объ Ордынцовой, повидимому, не особенно интересуясь проводами Никодимцева... Много было провожавшихъ его?

— Кромѣ папы и меня, никого.

— Отчего никого?.. Развѣ у Григорія Александровича нѣтъ добрыхъ знакомыхъ, которые хотѣли бы проводить его... И наконецъ, онъ занимаетъ такое мѣсто... Ближайшіе его помощники должны были бы его провожать... Это ужъ такъ водится...

— Можетъ и водится, но Григорій Александровичъ нарочно никому не говорилъ о днѣ отъѣзда... Ему вѣрно интереснѣе было пребыть полчаса со мной, мама.

— Вотъ почему?.. Тогда это очень мило съ его стороны, Инна... Очень мило! Онъ совсѣмъ рыцарь.

— Знакомыхъ никого не видала?

— Травинскаго встрѣтила...

— Леву?

— Да.

— Что-жъ онъ очень убить?.. Что тамъ ни говори про него, какъ подло онъ съ тобой не поступилъ, Инна, а все-таки онъ тебя любилъ...

— Хороша любовь! И онъ былъ не убить, мама, а пьянь! — рѣзко проговорила Инна Николаевна.

Ее раздражало и обижало это постоянное напоминаніе матери, что мужъ все-таки ея любилъ.

— Быть можетъ, онъ сталъ пить съ-горя, что ты его бросила? Когда любить...

— Ахъ, мама .. Совсѣмъ ты не знаешь людей! — перебила Инна.

И, чувствуя, что можетъ наговорить матери непріятностей, она встала и, прощаясь съ матерью, проговорила, стараясь сдерживать свое раздраженіе:

— Не говори мнѣ, мама, о Травинскомъ... Не напоминай о глупости, которую я сдѣлала, выйдя за него замужь... Еслибъ ты... знала больше людей, ты остановила бы меня отъ этого брака... Прости!.. Я конечно, не обвиняю тебя... Ты вѣдь думала, что онъ меня очень любилъ... И теперь думаешь, что онъ очень любить... А этотъ любящій человѣкъ...

Инна во время удержалась, чтобъ не сказать матери, какими позорными словами назвалъ ее этотъ любящій человѣкъ и чувствуя приливъ жалости къ ней, стала цѣловать ее лицо и руки, и мягко и нѣжно говорила:

— Ложись-ка лучше спать, мамочка и вспомни, родная, что ты отъ жизни все-таки взяла, что могла, и была счастлива съ папой... А я молодость... прошутила и только теперь поняла, что любовь не шутка и жизнь не игрушка! — прибавила Инна.

И, улыбнувшись глазами, вышла изъ комнаты матери и прошла въ свою.

Взглянувъ на сладко спавшую Леночку, Инна Николаевна надернула на ея обнаженные розовыя плечики одѣяло, тихо прикоснулась губами къ ея покраснѣвшимъ щекамъ и, осторожно ступая по комнатѣ, присѣла къ туалету и стала раздѣваться, думая о томъ, какъ ей тоскливо будетъ безъ Никодимцева и какъ она любить его.

— Можно къ тебѣ на минуту! — спросила Тина, чуть-чуть пріотворяя двери.

— Входи!

Съ распущенными золотистыми волосами, одѣтая въ капоть изъ тонкой бѣлой шерсти съ голубыми кордельерами, слегка перехватывающими ея тонкую талію, съ открытой шеей и оголенными изъ подъ широкихъ рукавовъ бѣлыми руками на мизинцахъ которыхъ блестяли кольца, съ крошечными красными туфельками на ногахъ, бѣлѣвшихъ сквозь ажурные шелковые чулки, вошла Тина, обворожительная и видимо сознающая свою обворожительность, — внося съ собой душистую струйку любимыхъ ее духовъ — Cherry Blossom.

Инна обернулась и глядѣла на сестру, невольно любуясь ею — такая она была интересная вся сіяющая бѣлизной хорошенькаго, дерзко-самоувѣреннаго лица, красиво посаженной, словно точеной шеи и изящныхъ рукъ свѣжая и благоухающая, стройная и гибкая, съ карими холодными глазами рыжеватой блондинки.

„И въ такомъ красивомъ тѣлѣ такая испорченная душа!“ — мелькнуло въ головѣ Инны, и она невольно вспомнила самоубійство Горскаго, и отношеніе въ этому сестры послѣ тѣхъ поцѣлуевъ, которыми она дарила влюбленнаго.

И старшая сестра въ первый разъ обратила вниманіе, что у Тины выдающійся чувственный ротъ и что, алыя, сочныя губы слишкомъ толсты, когда она ихъ не подбираетъ.

— Ты что это такъ глядишь на меня?—спросила Тина, присаживаясь на кушетку.

— Любуюсь тобой. Ты очаровательна Тина въ капотѣ.

— Кажется, не дурна! — самодовольно усмѣхнулась Тина. — Наши родители передали намъ только одно хорошее и дѣйствительно цѣнное — красоту. Ты гораздо красивѣе меня. У тебя и русалочные глаза и красивѣе формы и больше пластичности, и сложена ты лучше, и губы не такіе толстыя!.. Но ты запускаешь себя... Этого не слѣдуетъ. У женщинъ вѣдь физическое обаяніе — главная сила! — съ категоричностью прибавила Тина.

— Развѣ запускаю?

— Не тренируешь себя, какъ слѣдуетъ... Мало ходишь, ѣшь много мучнаго и сладкаго, не берешь каждый день ваннь, не обтираешься холодной водой... И оттого твое тѣло раньше потеряетъ свою упругость, ты растолстѣешь, кожа потеряетъ свѣжесть, однимъ словомъ, твой будущій супругъ будетъ огорченъ! Зачѣмъ же огорчать его и себя, если можно этого избѣгнуть?.. Надо любить свое тѣло и заботиться о немъ, особенно если оно красиво, чтобы въ сорокъ лѣтъ не сдѣлаться обойденной и не ныть, какъ ноетъ мама... Мама воображаетъ, что истинная любовь должна сохраняться даже и къ маринованнымъ женщинамъ и удивляется, что генераль занимается авантюрами... И онъ и Ордынцева представляютъ собою отличный образецъ тренировки... Оба умѣли сохранить себя... А генераль, видно, попался?.. На всякаго мудреца довольно простоты! — прибавила, усмѣхнувшись, Тина.

— Откуда это у тебя тавія свѣдѣнія о тренировкѣ?—спросила Инна.

— Станный вопросъ! Кто-жъ этого не знаетъ?.. Можешь прочесть... Объ этомъ пишутъ книги... Я могу тебѣ дать одну французскую... Прочти и проникься... Тебѣ вѣдь стоитъ беречь свой капиталъ! — проговорила Тина, оглядывая сестру съ серьезнымъ видомъ хорошей цѣвнительницы, подобно барышнику, риз-

глядывающаго статьи лошади.—Сложена ты прелестно... Даже и бедра не очень раздались, не смотря на то, что ты имѣешь ребенка...

— Да перестань, Тина... Вѣдь это цинизмъ!—замѣтила старшая сестра.

— Съ какихъ это поръ ты стала такая брезгливая?—насмѣшливо спросила Тина.

— Съ тѣхъ поръ, какъ ушла отъ мужа...

— И полюбила своего директора. Люби его на здоровье—хоть я и не поклонница этихъ сорокалѣтнихъ юнцовъ. Но это тѣмъ болѣе должно заставлять тебя не распускаться... Надѣюсь, ты не думаешь, что мужчины довольствуются одной душой... Тогда всѣ уродливыя женщины были бы очень счастливы... Не даромъ ихъ называютъ симпатичными... Однако, я не для болтовни бросила интересную книгу Нитцше и пришла къ тебѣ... Присядь ко мнѣ и выслушай, что я тебѣ скажу!—значительнымъ и нѣсколько безпокойнымъ тономъ проговорила молодая дѣвушка.

Инна уловила эту безпокойную нотку въ низковатомъ голосѣ Тины и, полурасдѣтая, съ распущенными длинными волосами, торопливо перешла отъ туалета на кушетку.

— Рассказывай, Тина, о чемъ ты пришла говорить?—съ выраженіемъ тревоги въ голосѣ и въ лицѣ спросила старшая сестра.

— Не дѣлай только пожалуйста трагическаго лица... А то у тебя такой видъ, будто ты ждешь, что я покаюсь тебѣ въ какомъ-нибудь преступленіи! — проговорила Тина съ короткимъ, сухимъ смѣхомъ.

— Я не умѣю такъ владѣть собой, какъ ты...

— Это вы съ папой на счетъ моего равнодушія къ смерти Горскаго?.. Такъ это вы напрасно! Я не считаю себя виноватой передъ нимъ... Я предупреждала его, чтобъ онъ не рассчитывалъ на усы Гименея, а бралъ то, что ему даютъ. Другой былъ бы на верху блаженства отъ такой близости, а онъ вмѣсто того...

— Онъ любилъ тебя... И неужели тебѣ его нисколько не жаль, Тина?—возмущенно перебила старшая сестра.

— Кто это тебѣ сказалъ, что не жаль?..

— Но, ты такъ равнодушно отнеслась къ его смерти...

— А развѣ обязательно ныть?.. Особенно сильнаго горя я не чувствовала, но все-таки мнѣ жаль Горскаго... Онъ былъ хоть и глупый, но очень красивый и пылкій юноша!—прибавила Тина, словно бы щеголяя своей откровенностью.

— И только это — Инна подчеркнула слово: „это“ — тебѣ въ въ немъ и нравилось?

— А что тебѣ въ твоихъ любовникахъ нравилось? Душа, что ли? — съ циничной усмѣшкой спросила молодая дѣвушка. — Не

люблю я, этого лицемѣрія. Надо имѣть доблесть смотрѣть правдѣ въ глаза!

Инну поворобило отъ словъ сестры. И эти случайныя, короткія связи безъ любви и даже безъ чувственнаго увлеченія пронесли въ ея головѣ быстрыми, отвратительными воспоминаніями.

„Она жестока, но имѣетъ право такъ говорить“ — мысленно сказала себѣ Инна.

— Не говори такъ громко... Леночка здѣсь!.. Ты права, я не смѣю задавать такихъ вопросовъ. Но, повѣрь, что я не лицемѣрю... Теперь я не та, что была прежде... Не та, увѣряю тебя, и проклинаю прошлое! — прошептала Инна.

— Надѣясь на идиллію въ будущемъ?

— Не знаю, будетъ ли идиллія... Но во всякомъ случаѣ, я буду жить иначе...

— Не буду спорить, но только скажу, что семейныя идилліи такъ же рѣдки, какъ правдивые люди... Попробуй жить праведницей, если твой темпераментъ позволить тебѣ быть ею съ твоимъ серьезнымъ директоромъ, и я буду радоваться, глядя на тебя... А меня оставьте такою, какая я есть... А пока слушай, Инна... По всѣмъ признакамъ, со мной случалась очень скверная вещь...

— Что такое?

— Мнѣ кажется, что я...

И она чуть слышно докончила фразу.

Старшая сестра съ ужасомъ глядѣла на Тину.

— Ну, что тутъ ужаснаго?... Непріятная, но обыкновенная случайность и больше ничего...

— Ты, значитъ, была такъ близка съ Горскимъ?

— Нѣтъ... Это отъ спиритическаго внушенія!.. Что за привычка даже у неглупыхъ людей дѣлать глупые вопросы!..

— Прости, Тина... Я такъ поражена...

— Чѣмъ? Что у интеллигентной дѣвицы можетъ быть бебе?.. Они вѣдь полагаются только у замужнихъ дамъ и у незамужнихъ вухарокъ и горничныхъ... Меня эта глупая мораль не смущаетъ... Я слава Богу ее не боюсь! — вызывающимъ тономъ говорила чуть слышно Тина. — Меня только беспокоитъ неперіятность этого положенія, если оно подтвердится... Женщины такъ уродливы въ это время, и кромѣ того, у меня нѣтъ никакого желанія быть матерью... Но люби кататься, люби и саночки возить!..

— Ты, надѣюсь, не захочешь отъ этого избавиться? — испуганно спросила Инна.

— Успокойся... не захочу... Но не потому, что считаю это недозволеннымъ, а просто потому, что это вредно для здоровья... Я ужъ читала объ этомъ... И будь я одна, я не скрывала бы этой не-

пріятности и оставила бы себе при себѣ... Пусть говорятъ, что хотятъ... Мнѣ наплевать! Но...

— Ты боишься огорчить маму?..

— Да... Мама, чего добраго, совѣмъ изведется отъ горя и отъ неожиданности... Она вѣдь и меня считаетъ ангеломъ...

— Ты выйдешь замужъ?..

— Не за Гобзина ли?.. Или за одного изъ нашихъ декадентовъ? Или за этихъ уродовъ, которые посѣщаютъ наши журъ-фиксы?.. Благодарю покорно. Я не собираюсь выходить замужъ, хотя бы и за сказочнаго принца... Я не хочу лишиться себя свободы и имѣть сценъ съ супругомъ...

— Такъ что же ты думаешь дѣлать, Тина?..

— Уѣхать за границу, и тамъ пробыть все это время...

— А ребенокъ?

— Отдамъ его на воспитаніе...

— Но средства?

— Что-нибудь придумаю... Во всякомъ случаѣ, замужество будетъ послѣднимъ ресурсомъ.

Тина говорила такъ увѣренно, что сестра не сомнѣвалась въ томъ, что она дѣйствительно сумѣетъ найти работу и справиться съ ней.

— Но все это—впереди, а пока, если мое непріятное положеніе выяснится, надо мѣсяца черезъ два ѣхать за границу и приготовить къ этому маму... Я скажу, что ѣду изучать что нибудь. И ты помоги мнѣ убѣдить ее, что одна я тамъ не пропаду. Поможешь?

— Хорошо.

— Отецъ, конечно, согласится и будетъ посылать мнѣ рублей полтора ста въ мѣсяць...

— Ты развѣ проживешь на эти деньги, Тина?

— Надо прожить. Отецъ и такъ крутится въ долгахъ. А на экстренные расходы у меня есть вещи... Можно ихъ продать...

— Я постараюсь тебѣ помочь... Григорій Александровичъ не откажетъ.

— Спасибо. Если понадобится—напишу.

— И приѣду къ тебѣ, когда нужно будетъ. А то какъ ты будешь одна?

— Этого я не боюсь. Но если приѣдешь, конечно, буду рада... И знаешь ли что?

— Что?

— Родственныя чувства во мнѣ не сильно развиты, но маму и тебя я люблю!—проговорила мягкимъ, почти нѣжнымъ тономъ молодая дѣвушка, почти никогда не выражавшая своихъ чувствъ.

Она поднялась съ дивана и, прощаясь съ Инной, спросила:

— Теперь ужасъ твой за меня прошелъ?

— Меньше сталъ.

— Вотъ видишь. А черезъ нѣсколько дней онъ и совсѣмъ пройдетъ... Ничего нѣтъ страшнаго на свѣтѣ, если умъ хорошо работаетъ.

— Но и тебя это должно тревожить, Тина, хоть ты и хочешь казаться спокойной.

— Тревожить? Пока—нѣтъ. Развѣ такъ страшно? Я сильная и здоровая. Но что это меня злитъ, что это мнѣ отвратительно— не отрицаю. А всякая непріятность дѣйствуетъ на нашу психику и, слѣдовательно, и на нашъ организмъ. Поэтому умные люди, не обращающіе вниманія на нелѣпыя предрасудки, и стараются избѣгать непріятностей, то-есть, жить такими впечатлѣніями, которыя доставляли бы одни удовольствія. И если бы Горскій не былъ такой неосторожный дуракъ... Ну, ты опять дѣлаешь страшныя глаза... Прощай лучше!..

И съ этими словами Тина вышла отъ сестры и, присѣвъ къ своему письменному столу, на которомъ были разбросаны исписанные листы почтовой бумаги, снова принялась за повѣсть, которую она писала, сохраняя свои литературныя занятія втайнѣ отъ всѣхъ.

Въ этой повѣсти молодая дѣвушка выводила героиню, похожую на себя.

Глава двадцать седьмая.

Козельскій вернулся домой, какъ обѣщаль, рано—около часу, и вмѣсто того, чтобы скорѣе, по правиламъ своей тренировки, лечь спать, сѣлъ въ кресло у письменнаго стола и, доставъ изъ бювара почтовый листокъ толстой англійской бумаги, сталъ писать къ Никодимцеву одно изъ тѣхъ убѣдительно-настойчивыхъ писемъ, на которыя онъ былъ мастеръ.

Окончивъ письмо, его превосходительство внимательно перечиталъ эти четкія, красивыя, круглыя строки, написанныя въ задушевно-родственномъ тонѣ, въ которыхъ онъ, рассказывая о неблаговидномъ веденіи дѣлъ въ правленіи, возмущающемъ его настолько, что онъ по всей вѣроятности долженъ будетъ выйти изъ директоровъ, и о внезапномъ денежномъ затрудненіи, вслѣдствіе неожиданнаго требованія долга на слово,—просилъ будущаго своего дорогаго зятя не обезсудить, что обращается къ нему съ просьбой устроить, по возвращеніи изъ командировки, какое-нибудь подходящее мѣсто и помочь уплатить долгъ, если не деньгами, то бланкомъ на векселѣ, который черезъ шесть мѣсяцевъ будетъ выкупленъ.

Письмо оканчивалось замѣчаніемъ, что „родство—родствомъ, а

деньги—деньгами“, чтобы Никодимцевъ не подумалъ, что тесть его подведетъ.

„Выручить, долженъ выручить!“—подумалъ Козельскій, окончивъ чтеніе своей эпистолы и, облегченно вздыхая, вложилъ его въ конвертъ и написалъ адресъ.

— Если мое письмо не подѣйствуетъ, письмо Инны заставитъ его исполнить мою просьбу!—успокоивалъ себя Козельскій, ужасаясь при мысли, какая можетъ выйти грязная исторія, если Никодимцевъ не выручитъ.

А исторія дѣйствительно была грязная, благодаря тому, что одинъ изъ членовъ правленія, желавшій быть распорядителемъ по хозяйственной части вмѣсто Козельскаго, поднялъ въ правленіи цѣлую исторію по поводу недобросовѣстнаго подрядчика, и правленіе настаивало, чтобы контрактъ съ нимъ былъ нарушенъ и залогъ удержанъ.

Результатомъ этого былъ визитъ въ Козельскому господина Абрамсона, который очень деликатно напомнилъ его превосходительству о письменномъ обѣщаніи насчетъ возобновленія контракта, а между тѣмъ...

Козельскій густо покраснѣлъ.

— Я постараюсь уладить это дѣло!—проговорилъ онъ.

— Я просилъ бы васъ... И если бы вы не могли устроить, то, по крайней мѣрѣ, верните пять тысячъ... такъ какъ сдѣлка не состоялась... И попрошу васъ вернуть скорѣй. Въ противномъ случаѣ, я буду вынужденъ представить ваше письмо, въ которомъ вы обѣщали о возобновленіи контракта...

— Но вы этого не сдѣлаете!—испуганно воскликнулъ Козельскій.

— Отчего не сдѣлаю?.. Я долженъ это сдѣлать и, осмѣлюсь вамъ доложить, поступаю по совѣсти. Я совѣсть имѣю... Меня хотятъ ввести въ убытки... Долженъ я ихъ вернуть или нѣтъ? Имѣю я право получить обратно пять тысячъ, если я не получилъ того, за что заплатилъ деньги? И вы думаете я не знаю, отчего меня хотятъ прогнать?

— Оттого, что вы недобросовѣстно ведете дѣло.

— Пхе! Я веду не хуже другихъ и во всякое время готовъ исправить недосмотры. Не изъ-за этого поднялъ шумъ вашъ товарищъ, господинъ членъ правленія Оравинъ...

— Изъ-за чего же?

— Господинъ Оравинъ сказалъ мнѣ: „оттого, что вы, г. Абрамсонъ, еврей, а еврей нынче не въ модѣ и ихъ не любятъ въ правленіи... Мы хотимъ русскихъ подрядчиковъ“... Вотъ что сказалъ г. Оравинъ. Но только, хоть еврей и не въ модѣ, а я думаю, ваше превосходительство, что г. Оравинъ очень умный человекъ,

чтобъ говорить, извините, такія глупости... А хотятъ они передать дѣло подрядчику Иванову, который предлагаетъ за это г. Оравину десять тысячъ... Оттого евреи и не въ модѣ!—иронически усмѣхнулся г. Абрамсонъ...

Все, что могъ сдѣлать Козельскій—это уговорить Абрамсона подождать двѣ недѣли.

Или подрядъ останется за нимъ, или онъ получитъ обратно пять тысячъ.

Припоминая теперь этотъ разговоръ, бывшій вчера утромъ, и северное положеніе въ правленіи, въ которомъ онъ очутился, не имѣя возможности защищать подрядчика противъ нападокъ Оравина, Козельскій хорошо понималъ, что весь вопросъ былъ не въ подрядѣ. а въ томъ, чтобы отстранить Козельскаго и дать Оравину, близкому пріятелю предсѣдателя, возможность нагрѣть руки. И онъ, Козельскій, первый разъ вынужденный взять взятку, рискуетъ теперь, что она будетъ обнаружена и его репутація порядочнаго человѣка подорвана изъ-за какихъ-нибудь несчастныхъ пяти тысячъ.

Такихъ маленькихъ взятокъ не прощаютъ порядочнымъ людямъ!

Возможность быть уличеннымъ особенно угнетала и стыдила Козельскаго. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ остаться порядочнымъ человѣкомъ во мнѣніи людей, которые сами берутъ крупныя комиссіи, не прощая другимъ маленькихъ взятокъ.

Онъ и самъ считалъ свой поступокъ нечестнымъ и оправдывалъ его только тѣмъ, что деньги были нужны до зарѣза, что взялъ взятку первый разъ, и тѣмъ, что имѣлъ доброе намѣреніе возвратить ее когда-нибудь.

Ему не стыдно было браться проводить дѣла, несомнѣнно причинившія вредъ государству, не стыдно было брать комиссіи за хлопоты по подобнымъ дѣламъ и за устройство знакомствъ дѣльцовъ съ нужными „человѣчками“ изъ министерствъ или съ „дамами сердца“ безкорыстныхъ сановниковъ. Все это онъ считалъ однимъ изъ видовъ заработка, которымъ не гнушаются и лица высшаго положенія и который нисколько не компрометируетъ порядочнаго человѣка въ общественномъ мнѣніи.

Будь Козельскій у финансовъ, онъ, разумѣется, не обременилъ бы своей совѣсти, если бы при посредствѣ какого-нибудь молчаливаго фактотума, получалъ отъ банкировъ комиссіи при займахъ или игралъ навѣрняка на биржѣ при конверсіяхъ и выпускахъ бумагъ,—это, по его понятіямъ, одинаковымъ съ понятіями многочисленной группы людей, занимающихся дѣлами, было бы лишь умнѣемъ умнаго человѣка воспользоваться благоприятными обстоятельствами,—умнѣемъ, которое, въ сущности, никому не вредитъ.

Но растрата... взятка.. это что-то ужъ вовсе не порядочное,

возбуждавшее въ Козельскомъ такую же брезгливость, какъ грязное бѣлье или господинъ, который ѣсть рыбу съ ножа.

„Раздѣлаться поскорѣй съ Абрамсономъ и... совратить расходы!“ — рѣшилъ Козельскій, одушевляемый всегда добрыми намѣреніями, когда ему приходилось плохо.

И онъ собирался было встать, чтобъ скорѣе раздѣться и лечь спать, не продѣлавъ даже передъ сномъ обычныхъ упражненій съ гирами, какъ въ двери раздался стукъ.

— Войдите! — проговорилъ Козельскій и поморщился, догадываясь, кто это стучить, и въ то же время недоумѣвая и нѣсколько пугаясь этому позднему визиту и безпокойно оглядывая столъ, нѣтъ ли на немъ какихъ-нибудь компрометирующихъ документовъ.

Антонина Сергѣевна вошла въ комнату и остановилась у дверей печальная, строгая и серьезная, какъ сама Немезида.

„Объясненіе!“ подумалъ Козельскій, соображая, какъ онъ могъ попасться, и готовый лгать самымъ безсовѣстнымъ образомъ, чтобы только успокоить святую женщину и не осложнять и безъ того сквернаго своего положенія...

И скрывая подъ напускнымъ хладнокровіемъ малодушную трусость блудливаго кота и какъ будто не догадываясь, зачѣмъ въ столъ поздній часъ явилась въ кабинетъ жена, Козельскій, зѣвая, проговорилъ съ обычной своей мягкой вкрадчивостью:

— Ты еще не спишь, Тоня?.. А я только что вернулся... Былъ на Васильевскомъ островѣ у одного человѣчка... Есть одинъ срочный долгъ, который меня безпокоитъ, и я ѣздилъ устроить это дѣло.. Кажется, все уладится... Что жъ ты стоишь?.. Присаживайся, Тоня. И какъ же я усталъ сегодня! И какъ мнѣ нездоровится! Видно, годы даютъ себя знать! — унылымъ тономъ, напуская на себя видъ больного старика, прибавилъ Козельскій.

Но не смотря на усталость и недуги, его превосходительство глядѣлъ такимъ молодежавымъ, такимъ представительнымъ и элегантнымъ, что жалобы его не только не вызвали участія въ Антонинѣ Сергѣевнѣ, но, напротивъ, сдѣлали лицо ея еще непреклоннѣе, взглядъ какимъ-то стальнымъ и улыбку на губахъ презрительнѣе.

Глядя на лицо Антонины Сергѣевны, можно было бы подумать, что она ненавидитъ мужа и пришла съ единственною цѣлью: убить его своимъ презрѣніемъ.

„Какъ могла она узнать?“ подумалъ Козельскій, взглядывая на Антонину Сергѣевну и тотчасъ же опускаая свои бархатные, вдругъ забѣгавшіе глаза на руки съ отточенными ногтями.

По суровому виду и трагическому безмолвію жены, онъ понялъ, что дѣло серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ, что у нея есть какой-нибудь уличающій документъ — безъ документовъ она съ нѣкоторыхъ поръ

не объяснялась, испытывъ, какъ супругъ увертливъ,—и подумалъ сперва, что ею перехвачена записка Ордынцевой. Но Ордынцева осторожна и писать не любитъ, а если пишетъ, то адресуеъ въ департаментъ. А письма ея онъ благоразумно сжигаетъ.

И теряясь въ догадкахъ, Козельскій примолкъ, ожидая, давно ужъ не бывшаго, нападенія жены и, благодаря этому, уже считавшій ее святою женщиною, безмолвно мирившейся со своимъ положеніемъ вѣрнаго друга.

Прошла долгая минута молчанія.

— Николай Иванович!—проговорила, наконецъ, мрачно-торжественнымъ тономъ Антонина Сергѣевна.

— Что, Тоня?

— Вы все еще будете устраивать мнѣ сюрпризы? Пора перестать. Постыдились бы дочерей, если вамъ самому не стыдно. Въ пятьдесятъ лѣтъ и такъ позориться и позорить жену и дѣтей...

— Какіе сюрпризы? Какой позоръ? Я ничего не понимаю, Тоня...

— Не понимаете?—съ презрительной усмѣшкой переспросила Антонина Сергѣевна.

— Не понимаю, Тоня!—съ необыкновенной мягкостью въ голосѣ повторилъ Козельскій.

— Не лгите, по крайней мѣрѣ... Я все теперь знаю... все..

— Что же ты знаешь? Объясни пожалуйста.

— И хоть бы выбрали любовницу получше, а то... какой-то кусокъ сала... сорока-пяти-лѣтнюю Ордынцеву!.. Поздравляю!... Нечего сказать: эстетическій вкусъ... Я не мѣшаю вамъ, я не буду стоять на дорогѣ... Живите съ кѣмъ хотите... Разорайтесь, входите въ долги изъ-за этой особы, но, по крайней мѣрѣ, не обманывайте... Скажите прямо, что вамъ ненавистна семья... Не ставьте меня и дочерей въ фальшивое положеніе... Мы уѣдемъ...

Знакомыя все слова стояли въ ушахъ Козельскаго. Только прибавилось болѣе злобы и презрѣнія...

Но прежде онъ умѣлъ прекращать подобныя сцены и успокоивать Антонину Сергѣевну даже самымъ отчаяннымъ враньемъ, но сопровождаемымъ увѣреніями въ любви и горячими поцѣлуями.

А теперь?

И Козельскій взглянулъ на свою постарѣвшую, поблекшую и совсѣмъ худую жену и чувствовалъ, что не можетъ успокоить ее...

Но все-таки проговорилъ, нѣсколько раздражаясь отъ необходимости лгать:

— Успокойся, Тоня... Съ Ордынцевой я не живу и на нее не разоряюсь... И, ты знаешь, что я дѣлаю для семьи все, что возможно. Въ этомъ упрекнуть меня нельзя, я думаю...

— Не живешь?..

— И не думалъ! И она мнѣ никогда не нравилась... Съ чего ты это взяла?

Антонина Сергѣевна бросила на мужа уничтожающій взглядъ и хоть знала, что онъ лжетъ, но, тѣмъ не менѣе, ей было какъ будто легче, что онъ не сознается, не смотря на то, что она допытывалась сознанія.

Но чтобы довести объясненіе до конца и показать, что она все знаетъ, Антонина Сергѣевна достала изъ кармана два клочка почтовой бумаги и, бросая ихъ на столъ, проговорила:

— Прячьте ваши неотправленные любовныя письма, а не роняйте ихъ. Хорошо, что я подняла это произведеніе, а не одна изъ дочерей. Надѣюсь, что ваша любовница не осмѣлится больше являться сюда, пока мы не уѣдемъ... Послѣ свадьбы Инны я уѣду... Слышите?

И съ этой угрозой объ отъѣздѣ Антонина Сергѣевна вышла изъ кабинета.

Лежа въ постели, она еще поплакала и старалась увѣрить себя, что презираетъ и больше не любитъ этого развратника и обманщика. Но, засыпая, Антонина Сергѣевна уже перенесла презрѣніе свое главнымъ образомъ на Ордынцеву, какъ на главную виновницу, и рѣшила попрежнему нести крестъ свой и никуда не уѣзжать, чтобы „этотъ человѣкъ“ совсѣмъ не пропалъ въ ея отсутствіе.

Козельскій не безъ любопытства прочелъ слѣдующія строки начатой имъ записки.

„Пріѣзжай, Нита, сегодня въ пять часовъ. Подари меня свиданіемъ не въ очередь. Ты мнѣ снилась, моя желанная Юпона, и мнѣ хочется на яву видѣть тебя въ обаяніи твоей роскошной красоты и расцѣловать всю, всю, отъ макушки до твоихъ красивыхъ душистыхъ ногъ... Милая! Еслибъ ты знала, какъ сильна власть твоихъ ласкъ. . Онѣ дѣлаютъ меня молодымъ и заставляютъ забывать“...

„Однако!“ подумалъ Козельскій, прочитавъ эти строки и чувствуя себя нѣсколько глупымъ за эти „сантиментальности“, какъ онъ мысленно назвалъ начало письма.

И онъ припомнилъ, что писалъ его недѣлю тому назадъ и, недовольный началомъ, разорвалъ и бросилъ въ корзину вмѣсто того, чтобы сжечь, какъ обыкновенно онъ это дѣлалъ.

— Дуравъ! Осель!—съ искреннимъ одушевленіемъ выругалъ себя вслухъ Козельскій, разрывая на мелкіе кусочки уличающій документъ.

Онъ перешелъ въ свою маленькую, рядомъ съ кабинетомъ,

спальню, торопливо и раздраженно раздѣлся, легъ въ постель и затушилъ свѣчку съ поспѣшностью виноватаго человѣка, желающаго скорѣе „забыться и уснуть“.

И потягиваясь, и расправляя свое уставшее тѣло, онъ ощутилъ физическое наслажденіе отдыха и уже спокойнѣе думалъ о томъ, что сегодня былъ для него воистину несчастный день, что слѣдуетъ жечь письма и что надо повиниться женѣ и сказать ей, что записка писана не въ Ордынцевой, а къ одной кокотеѣ — кокотокъ жены легче прощаютъ! — и что надо напомнить Иннѣ, чтобы она написала завтра же, о чемъ онъ ее просилъ, Никодимцеву.

„И вообще надо покончить все это!“ — внезапно рѣшилъ Козельскій, подразумевая подъ „этимъ“ и долги, и вѣчное лганье женѣ, и Абрамсона, и Ордынцеву и представляя себѣ, какъ хорошо и спокойно жить безъ этого мотанія за деньгами и безъ авантюръ... Довольно ихъ... И то ноги плохо слушаются.

Въ самомъ дѣлѣ Ордынцева все болѣе походить на тронутую грушу. И рыхла, и слишкомъ подводитъ глаза и становится однообразной... И денегъ стоитъ... Того и гляди, мужъ прекратитъ ей платежи, послѣ встрѣчи у дверей пріюта, и тогда она со всѣмъ семействомъ очутится на его шеѣ! — неблагодарно думалъ Козельскій и, далекій теперь отъ желанія видѣть Ордынцеву „въ обаяніи ея роскошной красоты“, повернулся на бокъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завтра же вызвать ее обѣдать къ Кюба на Каменный островъ и сказать ей, что все открылось и что во имя спокойствія семьи слѣдуетъ принести въ жертву любовь и не видаться больше...

„То ли дѣло Ольга!..“ — пронеслась вдругъ въ головѣ Козельскаго лѣнивая, сонная и пріятная мысль, и съ нею онъ заснулъ.

Глава двадцать восьмая.

Спутникомъ Никодимцева въ купѣ былъ старый господинъ, совсѣмъ сѣдой, но крѣпкій, коренастый, съ свѣжимъ, здоровымъ, волосатымъ лицомъ и большой бородой, одѣтый въ старенькій пиджакъ и съ перчатками на рукахъ.

По обличью и костюму Никодимцевъ рѣшилъ, что этотъ господинъ не петербуржецъ, а, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ провинціаловъ, которые по зимамъ наѣзжаютъ въ Петербургъ хлопотать и наводить справки по разнымъ дѣламъ и, разсчитывая пробыть недѣлю, другую, остаются мѣсяцы и, наконецъ, уѣзжаютъ, не особенно довольные петербургскими чиновниками.

Когда Никодимцевъ вошелъ въ вагонъ, старый господинъ взглянулъ на него съ тѣмъ видомъ недоброжелательства, съ какимъ обыкновенно оглядываютъ незнакомые люди другъ друга, и плотнѣе усьялся въ свои уголки и закрылъ глаза, словно собираясь дремать.

Никодимцевъ снялъ шубу и, фетровый котелокъ, одѣлъ мягкую темносинюю дорожную фуражку и находившійся еще подъ впечатлѣніемъ прощанія съ невѣстой, припоминалъ ея послѣднія слова, взгляды и жесты и внутренне сіялъ, какъ человекъ, увѣренный въ своемъ счастіи, и мечталъ о томъ, какъ устроится ихъ жизнь.

Эти мысли навели его на другія.—о будущемъ его служебномъ положеніи. Оно казалось ему теперь далеко не такимъ прочнымъ, какъ прежде, въ виду его неожиданной командировки и послѣ его разговора съ графомъ Волховскимъ. Графъ, очевидно, не рассчитывалъ, суля мѣсто товарища, на отказъ и, разумѣется, будетъ недоволенъ, если донесенія его не совпадутъ съ мнѣніемъ графа о томъ, что толки о голодѣ сильно преувеличены и что голода нѣтъ, а есть только недородъ.

Припоминая свой разговоръ съ графомъ и съ другими лицами, Никодимцевъ очень хорошо видѣлъ, что большинство изъ нихъ равнодушно къ тому, дѣйствительно ли голодаютъ люди или нѣтъ, и что вопросъ объ этомъ является важнымъ вопросомъ лишь по столько, по сколько съ нимъ связаны личные интересы. Для Никодимцева ясно было, что это бѣдствіе являлось только однимъ изъ козырей въ интригахъ, и тѣ, кто признавали голодъ, и тѣ, которые не признавали, одинаково мало думали о немъ и рѣшительно не представляли себѣ, что можно въ самомъ дѣлѣ оставаться безъ пищи, такъ какъ сами обильно и вкусно каждый день завтракали и обѣдали.

И потому всѣ лица, съ которыми видѣлся передъ отъѣздомъ Никодимцевъ, старались заранѣе продиктовать ему то, что онъ долженъ написать съ мѣста.

Одни говорили:

— Вы увидите, что все раздуто, и если есть недородъ, то въ немъ виноваты распущенность, пьянство и невѣжественность крестьянъ и полное нерадѣніе земства.

Другіе, напротивъ, подсказывали:

— Вы увидите, какъ велики размѣры бѣдствія и какова мѣстная администрація, которая не знаетъ или нарочно скрываетъ положеніе.

Никодимцевъ все это выслушивалъ и отвѣчалъ, что онъ сообщитъ то, что увидитъ, и, такимъ образомъ, никого не удовлетворилъ.

„Вообще въ Петербургѣ равнодушны“ раздумывалъ Никодимцевъ, припоминая разговоры, газетныя статьи, балы и торжественныя обѣды, особенно многочисленныя въ ту зиму, припоминая описанія разныхъ фестивалей, бѣшеныхъ тратъ по ресторанамъ и восторговъ отъ пріѣзжихъ актрисъ.

Да и самъ онъ развѣ не былъ равнодушень, успокоившись на томъ, что пожертвовалъ сто рублей?.. Всѣ хороши. Всѣ спокойно ѣли и пили, всѣ съ большой охотой давали деньги на подписки юбилярамъ, актрисамъ и отлынивали, когда просили на голодающихъ. Ни для кого не было это бѣдствіе общественнымъ, кровнымъ дѣломъ и потому, что публика была равнодушна, приученная къ равнодушію къ общественнымъ дѣламъ, и потому, что всякія попытки менѣе равнодушныхъ людей проявить самостоятельную инициативу, встрѣчали противодѣйствіе.

И только молодежь, вродѣ Скурагина, чувствовала стыдъ и рвалась помочь и своими послѣдними деньгами, и своимъ трудомъ и ѣхала на голодъ, сама голодая, какъ ѣхала на холеру, рискуя жизнью за дѣятельную любовь къ обездоленному.

Но много ли такихъ?.. И что они могутъ сдѣлать. кромѣ того, что отдать жизнь за то, что большинство общества похоже на стадо запуганныхъ барановъ, за то, что идеалы его такъ низменны, что ограничиваются лишь собственнымъ благополучіемъ?

Чѣмъ болѣе думалъ объ этомъ Никодимцевъ, тѣмъ бесплоднѣе казалась вся его прошлая жизнь, и онъ удивлялся: почему это раньше онъ серьезно не задумывался надъ вопросами, которые теперь его тревожатъ, а если и задумывался, то гналъ ихъ прочь.

„Некогда было. Чиновникъ убивалъ во мнѣ человѣка. И еслибъ не любовь къ Иннѣ, то я и до сихъ поръ находилъ бы во снѣ и жилъ бы, какъ прежде, въ миражѣ дѣловаго бездѣлья, не зная отдыха, не понимая жизни, кромѣ служебной, и не имѣя цѣлей, бромѣ честолюбивыхъ...“

И давно ли быть товарищемъ и затѣмъ получить „портфель“ — было для него высшимъ предѣломъ мечтаній.

А теперь?..

— Вы до Москвы изволите ѣхать? — обратился вдругъ къ Никодимцеву спутникъ.

— Нѣтъ, дальше.

— Вы, конечно, петербуржецъ?

— Да! — отвѣтилъ, улыбаясь, Никодимцевъ.

— Служите тамъ?

— Служу.

— На казенной службѣ?

— На казенной.

Старый господинъ присѣлъ на край скамейки и, внезапно возбуждаясь, воскликнулъ:

— Вы извините меня, милостивый государь, а у васъ въ Петербургѣ чортъ знаетъ что дѣлается! Это какава-то помойная яма! — прибавилъ старикъ.

Никодимцевъ не подалъ реплики.

Старый господинъ еще недружелюбнѣе взглянулъ на него и, закуривъ папиросу, продолжалъ:

— Прежде хотъ хапали, но, по крайней мѣрѣ, не выматывали душу и не держали въ неизвѣстности... Можно—можно. Нельзя—нельзя. И поѣзжай домой, солоно или не солоно хлебавши... А теперь?.. Всѣ, видите ли, безкорыстные, если нельзя сорвать крупной комиссіи, за справку ста рублей не берутъ, не такъ воспитаны... Всѣ, видите ли, заняты чуть не по двѣнадцати часовъ въ сутки и всѣ любезно васъ гоняютъ отъ одного Ивана Ивановича къ другому, а вѣдь Ивановъ Ивановичей въ каждомъ министерствѣ—уйма—изъ комиссіи въ комиссію. И это называется: ускоренное дѣлопроизводство!.. Не правда ли? у васъ теперь новый типъ изнывающего отъ усердія чиновника! Всѣ они теперь съ университетскимъ образованіемъ и могутъ написать, что угодно, въ лучшемъ видѣ и ученое изслѣдованіе, и каверзу въ газетахъ противъ другого вѣдомства... только прикажи! У меня племянникъ въ Петербургѣ этимъ занимается и надѣется сдѣлать карьеру. Прохвость, я вамъ доложу, основательный... Онъ и по сыскной части служилъ, и искусство любить, и литературу почитаетъ, и называетъ себя истинно русскимъ человѣкомъ, и теперь славославить подъ разными псевдонимами свое начальство въ одномъ изъ вашихъ газетныхъ притоновъ... Разсчитываетъ получить мѣсто въ пять тысячъ! Недавно еще одна газета перевозносила нынѣшнихъ господъ двадцатаго числа. Безкорыстные, трудолюбивые, знающіе... однимъ словомъ, повѣсь въ рамку и молись на нихъ... А между тѣмъ въ тотъ самый день, какъ напечатана была статья, одну вашу шишку турнули... Вы знаете, конечно, что и турнули-то потому только, что ужъ очень оказалось наглое прикрывательство! И знаете ли, что у этого шустрого мальчика около милліона состоянія?

— Слухи ходили!—отвѣтилъ Никодимцевъ, заинтересованный этимъ словоохотливымъ, раздраженнымъ старикомъ.

— Слухи!? Я не говорилъ бы, основываясь на слухахъ... Это у васъ, въ Петербургѣ, только и живутъ, что слухами... Этотъ „мальчикъ“ купилъ недавно имѣніе рядомъ съ моимъ и заплатилъ чистоганчикомъ шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ... Надѣюсь, не выигралъ три раза подрядъ по двѣсти тысячъ и не скопилъ этихъ денегъ изъ жалованья!.. Да и за женой онъ не взялъ приданого. Я знаю ее. Она изъ нашихъ мѣстъ. А вѣдь то же считался безкорыстнымъ и готовился сіять на административномъ небосклонѣ и не даромъ былъ любимцемъ самого безкорыстнаго его высокопревосходительства! Зато, вѣроятно, его и отпустили съ миромъ... Боленъ, молъ, отъ непосильныхъ трудовъ. Получай изъ государственнаго казначейства четыре тысячи пенсін. Деньги къ деньгамъ. Живи, Богъ съ тобой, и занимайся промышленностью... Строй

заводы... Открывай руды... А подь судъ вѣдь только попадаютъ маленькіе ворюшки и изрѣдка какой-нибудь неопытный дѣйствительный статскій совѣтникъ для того, чтобы прокуроры могли время отъ времени бить себя въ грудь и вопіять о томъ, что законъ одинаково караетъ сильнаго и слабого, богатаго и бѣднаго... Слышалъ я, на дняхъ какъ распинался у васъ одинъ прокурорчикъ, обрадованный, что на десертъ къ нему попался статскій совѣтникъ, растратившій тысячу рублей казенныхъ денегъ!.. Много цивизма обнаружилъ по поводу этого статскаго совѣтника... А тайные, видно, у васъ все ангелы добродѣтели!—все съ большимъ раздраженіемъ кидалъ слова старый господинъ, повидимому не заботившійся ни объ ихъ литературности и логической связи, и словно бы желавшій, въ лицѣ своего случайнаго спутника, уязвить насолвившихъ ему чиновниковъ.

— Чѣмъ же васъ такъ огорчилъ Петербургъ? — спросилъ Никодимцевъ.

— Мазурничествомъ подь самой изысканной и, разумѣется, законной формой... Волокитой подь предлогомъ всесторонняго изученія выѣденнаго яйца, а въ сущности... Да вы, можетъ быть, спать хотите или вамъ не угодно слушать стараго болтуна?.. Такъ вы, пожалуйста, не церемоньтесь! — неожиданно сказалъ старый господинъ, прерывая свои филиппики.

— Я пока спать не хочу. Рассказывайте, я слушаю!—проговорилъ Никодимцевъ.

Этотъ озлобленный старикъ казался ему порядочнымъ чело-вѣкомъ и возбуждалъ къ себѣ симпатію. И, кромѣ того, Никодимцеву было интересно слышать, какъ ругаютъ чиновниковъ. Ему, въ его положеніи директора департамента, приходилось только слышать и даже читать о себѣ комплименты. А тутъ такой болтливый и не стѣсняющійся спутникъ!

— И мнѣ что-то не спится... Отучился я хорошо спать въ Петербургѣ... И пріѣхалъ я туда, знаете ли, когда?

— Когда?

— Въ маѣ мѣсяцѣ... Я, знаете ли, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, все еще дуракъ! Вообразилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, теперь можно скоро дѣло сдѣлать... Выслушаютъ, рѣшатъ и конецъ... А вмѣсто этого, я вотъ теперь только уѣзжаю...

— По крайней мѣрѣ, хоть успѣшно кончили дѣло?

— А никакъ не кончилъ. Плюнулъ и уѣхалъ... Пусть безъ меня оно когда-нибудь кончится и, разумѣется, не въ мою пользу... Да не въ этомъ дѣло... Не это меня злитъ... Ну скажи прямо: не находимъ основанія къ удовлетворенію вашей просьбы. Правильно или неправильно рѣшеніе, но хоть есть какое-вбудь рѣшеніе. А то водили меня за носъ... Сегодня... Завтра... Обсудимъ... Сне-

семся... И, главное, вѣдь почти всѣ эти Иваны Ивановичи, отъ которыхъ зависѣло дѣло, въ принципѣ, какъ они теперь выражаются, были за меня... Въ этомъ-то и курьезъ!

Никодимцевъ зналъ хорошо эти курьезы и про себя усмѣхнулся наивности своего спутника, вѣрившаго чиновникамъ, соглашавшимся въ „принципѣ“.

— А еще курьезнѣе то, что не только Иваны Ивановичи, но и сама высшая инстанція была за меня. Я имѣлъ честь быть у его превосходительства въ кабинетѣ и очарованъ былъ его любезностью. И руку подаетъ, и просить садиться, и предлагаетъ папирсы, и глядитъ на тебя словно бы говорить: „не вы, просители, для насъ, а мы, начальники, для васъ“. И собственными своими ушами слышалъ, — а я не глухъ, замѣтите — слышалъ, какъ онъ сказалъ, что вполне согласенъ съ моими доводами, изложенными въ докладной запискѣ, которую онъ прочиталъ, и что рѣшить дѣло, какъ я прошу. И словно бы думая, что я не повѣрю, нѣсколько разъ повторилъ мнѣ: „да, да, да!“... Казалось бы, чего лучше? Не правда ли?.. И я ушелъ, вы догадаетесь, въ полномъ восторгѣ и прямо на телеграфъ. Телеграфирую женѣ: скоро выѣду — дѣло разрѣшится благопріятно... А черезъ недѣлю захожу въ канцелярію и тамъ мнѣ показываютъ мою докладную записку и на ней въ тотъ же самый день, когда мнѣ сказали да, стоитъ помѣтка рукой его превосходительства: „нѣтъ“... Необыкновенная самостоятельность мнѣнія. Не правда ли?..

И старый господинъ продолжалъ рассказывать о сущности своего дѣла и о тѣхъ безконечныхъ мытарствахъ, какія онъ испытывалъ въ Петербургѣ, пока поѣздъ не остановился въ Любани.

Никодимцевъ вышелъ на станцію пить чай. Тамъ онъ увидалъ чиновника своего департамента Голубцова, который былъ приглашенъ Никодимцевымъ ѣхать вмѣстѣ на голодь.

— Ну что, Михаилъ Петровичъ, наши студенты ѣдутъ? — спросилъ Никодимцевъ.

— Какъ же, всѣ ѣдутъ, Григорій Александровичъ! — отвѣчалъ молодой человекъ, солиднаго и нѣсколько даже строгаго вида.

— А сучонья вы имъ выдали?

— Скурагинъ не хочетъ брать...

— Отчего?

— Говорить: не за что и не въ чему.

— Ну, я постараюсь его уговорить... Давайте-ка чай пить, Михаилъ Петровичъ!

Они сѣли рядомъ за столъ и спросили себѣ чаю.

— А статистическія данныя о голодныхъ губерніяхъ собирали?

— Всѣ земскіе отчеты досталъ. И нѣсколько статей изъ жур-

наловъ собралъ. Все исполнено, что вы приказали, Григорій Александровичъ!—съ нѣкоторой служебной афектаціей исполнительнаго чиновника докладывалъ молодой человѣкъ, недавно назначенный, по представленію Никодимцева, начальникомъ отдѣленія.

Никодимцевъ цѣнилъ въ немъ умѣнье работать, считалъ его способнымъ человѣкомъ и не совсѣмъ еще чиновникомъ и потому и пригласилъ съ собой.

Остальные пять человѣкъ, составлявшихъ его штабъ, были: докторъ и четыре студента. Другихъ помощниковъ, если понадобится, Никодимцевъ думалъ найти на мѣстѣ.

— Изъ Москвы завтра же выѣдемъ, Михаилъ Петровичъ!— замѣтилъ Никодимцевъ, поднимаясь.—Студенты знаютъ?

— Знаютъ. Я говорилъ.

— Такъ до свиданія, пока...

— До свиданія...

Когда Никодимцевъ вернулся въ купе, постель его была сдѣлана, и спутникъ его уже лежалъ подъ одеяломъ повернувшись къ нему спиной.

Легъ и Никодимцевъ, но долго не могъ заснуть.

Онъ все думалъ о своей командировкѣ и ему почему-то казалось, что съ ней предстоитъ какая-то значительная перемена въ его взглядахъ, настроеніи и въ образѣ жизни.

Чѣмъ дальше удаллся поѣздъ изъ Москвы, тѣмъ чаще въ вагонѣ и на станціяхъ были разговоры о голодѣ. Одни бранили начальства, другіе — земство, третьи — мужиковъ, четвертые — вообще всѣ порядки, но въ этихъ разговорахъ все-таки не слышалось ни возмущеннаго чувства, ни того участливаго интереса, которые бываютъ, когда люди чѣмъ-нибудь сильно потрясены.

Но когда поѣздъ пошелъ по N—ской губерніи, часть которой была постигнута бѣдствіемъ, Никодимцевъ почувствовалъ его, встрѣчая все чаще и чаще около станціи нищихъ съ больными, изможденными и исхудалыми лицами. На одной изъ маленькихъ станцій онъ увидалъ, какъ внесли въ вагонъ почти умирающаго человѣка, больного, какъ утверждалъ сопровождавшій его въ земскую больницу урядникъ, тифомъ. Но врачъ, ѣхавшій съ Никодимцевымъ и осмогравшій старика, нашелъ, что тифа нѣтъ, а есть полное истощеніе вслѣдствіе хроническаго голоданія.

Когда, наконецъ, поѣздъ пришелъ въ N, Никодимцевъ, переодѣвшись въ гостинницѣ, тотчасъ же сдѣлалъ визиты губернатору, архіерею, предсѣдателю губернской земской управы и нѣкоторымъ другимъ губерньскимъ властямъ.

Изъ разговоровъ съ этими лицами опъ убѣдился, что и здѣсь,

какъ и въ Петербургѣ, не столько интересовалъ голодъ, сколько личные счеты по поводу его.

Губернаторъ, изъ молодыхъ генераловъ, человѣкъ, слышій за просвѣщеннаго администратора, тонкаго человѣка, не догадавшійся еще чего именно надо Никодимцеву: голода, недорода или недохватки,—отозвался о положеніи дѣлъ въ его губерніи въ уклончиво-дипломатической формѣ. Нельзя сказать, чтобы все было благополучно, но не слѣдуетъ и преувеличивать. И вслѣдъ затѣмъ началъ жаловаться на тягость своего положенія, на противодѣйствіе земства и на разнузданность печати, въ лицѣ корреспондентовъ столичной печати. И когда Никодимцевъ освѣдомился, правда ли, что его превосходительство не разрѣшаетъ частнымъ лицамъ отерывать столовые, губернаторъ отвѣтилъ, что не разрѣшаетъ онъ этого въ виду высшихъ соображеній и прежнихъ циркуляровъ.

Никодимцевъ вернулся вечеромъ въ гостинницу и сдѣлалъ распоряженіе о выѣздѣ на слѣдующій же день въ тѣ уѣзды, гдѣ, по сообщенію предсѣдателя управы, былъ голодъ.

И въ тотъ же вечеръ губернаторъ писалъ одному своему петербургскому пріятелю, директору канцеляріи, что онъ удивляется, какъ изъ Петербурга прислали такого краснаго, который привезъ студентовъ и вѣрить больше предсѣдателю управы, чѣмъ ему.

„Или у васъ новыя вѣянія?“—спрашивалъ онъ.

Н. Станюковичъ

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурию).

(Продолженіе).

4-го октября.

Вчера мы выступили по дорогѣ, по которой не проходилъ, кажется, еще никто изъ европейцевъ, къ истокамъ Ялу, на западъ, къ деревнѣ Шодаренъ, что значитъ—западная деревня, которая отстоитъ отъ Пектусана на 180 ли, или 60 верстъ.

Прошли мы вчера мало—40 ли и ночевали въ китайскомъ охотничьемъ балаганѣ, въ которомъ печь и борова занимали половину пола; это же были и нары.

Въ балаганѣ слѣды охотниковъ: истоптанные китайскіе башмаки, клинокъ ножа. Это жилие хунгузовъ и теперь мы въ коренной ихъ сторонѣ.

Сегодня утромъ видно, съ какой кручи мы спустились въ эту яму. Въ два часа ночи я уже окликнулъ часового и велѣлъ будить, а въ четыре, еще въ полной темнотѣ, мы уже поднимались на утомительный, высокій и крутой перевалъ Тандынво-но. Зато съ него весь западъ и часть сѣверной стороны Пектусана, какъ на ладони.

Самый кратеръ Пектусансы закрытъ гигантскимъ острымъ осколкомъ скалы. Онъ угрюмо выдѣляется въ небѣ. На одной иззубринѣ фигура женщины. Она сидитъ, слегка наклонившись, и смотритъ въ озеро. Сафо или Лорелея. Въ ея позѣ, въ ней красота, страданье, вѣжность и полный контрастъ съ угрюмыми скалами; она вѣчно здѣсь въ своемъ одиночествѣ, она смотритъ въ страшное, зеленое, какъ глаза Лорелеи, озеро, она вѣчно одна въ этомъ безоблачномъ голубомъ просторѣ неба, на золотомъ фонѣ лиственничнаго лѣса. И прежде, чѣмъ отдаться дѣлу, я стою и смотрю и, кажется мнѣ, простоялъ бы такъ вѣчно, охваченный тѣмъ же чувствомъ, какимъ охвачена та, склонившаяся. Какимъ чувствомъ? Что такъ смотритъ она, что видитъ? Какую-то тайну, разгадка которой такъ и приковала ее на вѣки къ этому мѣсту.

*) См. «Міръ Вожей», № 9, сентябрь.

Можетъ быть, это наказаніе за эту подсмотрѣнную тайну... Пройдутъ вѣка и кто-нибудь сниметъ проклятье и, вставъ, она принесетъ міру эту великую тайну...

Ни одно извѣаніе не захватывало меня такъ, не будило всего лучшаго, что только есть во мнѣ, всѣхъ лучшихъ грезъ, всѣхъ силъ моей ушедшей молодости.

Я опять былъ молодъ, я стоялъ съ безконечной жаждой лучшей жизни, съ тоской въ груди о ней, съ живой болью сознанія, что придетъ время и жизнь людей иная будетъ, такая же чудная, безоблачная, какъ и это ароматное утро ясной осени.

И потомъ, занимаясь своей технической работой, каждый разъ, какъ взглядъ мой падалъ въ эту даль, гдѣ темная глыба скалъ, а на ней этотъ образъ красоты и загадки, я забывалъ свое дѣло и, охваченный новымъ порывомъ, смотрѣлъ туда, точно увидѣлъ вдругъ въ изображеніи искусства рѣзца все, что только чувствовала лучшаго моя душа въ жизни...

Это мощное, какъ природа, олицетвореніе возрожденной вѣры во все лучшее человѣческой души.

О, какъ жалѣю я, что не имѣю дара скульптора, художника кисти. Какое богатство здѣсь видовъ, тоновъ, типовъ, жилья. Все такъ ново, ни на что не похоже, и здѣсь въ этомъ первобытномъ мѣстѣ челоуѣчества такъ сильно чувствуется вся бездна, вся глубина, вся даль пройденнаго челоуѣчествомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все та же связь естества этого самаго первобытнаго съ самымъ усовершенствованнымъ нашихъ дней.

Но къ дѣлу. Воображаю, съ какимъ раздраженіемъ и нетерпѣніемъ какой-нибудь терпѣливый географъ будетъ читать мой дневникъ, въ массѣ хлама выживая нужныя для него новыя свѣдѣнія.

Извиняюсь заранѣе передъ нимъ и спѣшу сдѣлать слѣдующій докладъ относительно истоковъ притока рѣки Сунгари. Ориби-мори называется этотъ уголокъ, что значитъ—пять истоковъ. Пять истоковъ, осмотрѣнныхъ нами, и составляютъ притокъ рѣки Сунгари. Изъ нихъ два вытекаютъ изъ Пектусана двумя большими, чистыми, какъ слеза, быстрыми и неумолкаемыми каскадами.

Два другихъ текутъ изъ подножья маленькими ключиками, увеличиваясь незамѣтно по дорогѣ, безъ всякихъ видимыхъ притоковъ, сходясь здѣсь на одиннадцатой верстѣ всѣ пять вмѣстѣ въ одинъ уже порядочный, очень быстрый горный потокъ, шириной и глубиной до сажени. Пятый истокъ беретъ начало уже изъ Ченьбошана.

Интересующихся болѣе точнымъ положеніемъ этихъ истоковъ, отсылаю къ специально составленной картѣ всѣхъ пройденныхъ мною мѣстъ...

Что - то совершенно особенное представляетъ вся эта мѣстность притоковъ Сунгари. Съ перевала Тандынва-но мы спускаемся

по сѣверному склону Ченьбошана въ Манджурію. Лиственница и высокія могучія ели, опушенныя зеленовато-желтыми прядями, тянутся предъ нами.

Высота деревьевъ 20—25 саженой, толщина въ нѣсколько обхватовъ. Множество прекраснаго, совершенно сохранившагося отъ пожаровъ лѣса. Попадаются поляны, покрытыя первобытной, въ ростъ челоуѣка, травой... Иногда ели раздвинуты и увидишь вокругъ сказочный уютный уголокъ. Вотъ тамъ, между тѣсно надвинувшихся другъ на друга горъ — мирная полянка. Темныя ели съ серебряными стволами чередуются тамъ съ полянами теперь желтой травы.

Вотъ посреди нѣ цѣлая клумба этихъ елей, собравшихся въ тѣсный кружокъ, а тамъ на полянѣ онѣ въ одиночку и опять собрались въ уютномъ уголкѣ, у звонкаго ручья.

Это цѣлебный ключъ горячей воды и корейцы прежде ѣздили туда купаться, лѣчась отъ ревматизма, но теперь хунгузы стали такъ неспособны, что никто больше не ѣздитъ туда. На выступѣ скалы показалась вдругъ красивая козуля.

Въ томъ балаганѣ, гдѣ мы ночевали, я нашелъ рога такой козули и, чтобъ не быть хунгузомъ, я оставилъ за нихъ мексиканскій долларъ.

За однимъ изъ поворотовъ, гдѣ лѣсъ расходится и открываются первобытныя преріи травъ, мы увидѣли вдругъ у подножія горы пріютившуюся китайскую фанзу. У воротъ фанзы стояло нѣсколько китайцевъ.

Хунгузы?!

Такъ какъ тропка наша ведетъ прямо къ нимъ, то черезъ четверть часа мы къ нимъ и подъѣзжаемъ.

Насъ четверо: Н. Е., П. Н., старикъ проводникъ и я. Съ Н. Е. охотничье ружье; все остальное въ обозѣ, который ушелъ впередъ.

Всматриваемся, это нашъ переводчикъ В. В. съ тремя китайцами. Онъ отсталъ отъ обоза, чтобъ купить у нихъ картофель, который они здѣсь сѣютъ.

Но каково было мое изумленіе, когда въ трехъ китайцахъ я узналъ тѣхъ двухъ, съ которыхъ нѣсколько дней тому назадъ я снималъ фотографію и подарилъ имъ нѣсколько штукъ печеній.

— Вы же хотѣли назадъ въ Тянпай идти? — привѣтствовали насъ китайцы.

— Раздумали, — отвѣтилъ я.

Оказалось, что и фанза, гдѣ мы ночевали, ихъ. Я сказалъ имъ, что взялъ рога и что оставилъ за нихъ мексиканскій долларъ.

Старикъ разсмѣялся и весело замахалъ руками.

— Они ничего не стоятъ.

Онъ вынесъ мнѣ еще рога, а сынъ его, радостный и довольный принесъ мнѣ пару рябчиковъ.

Я хотѣлъ, чѣмъ-нибудь отблагодарить его, но деньги были въ обозѣ.

Думалъ, думалъ и отдалъ ему послѣднее смертоносное оружіе, которое носилъ при себѣ—кинжалъ съ поясомъ. Прекрасный кинжалъ изъ англійской стали.

Восторгу молодого предѣла не было. Онъ смѣялся, прижималъ кинжалъ къ сердцу, къ лицу и, сжимая въ рукахъ, трясъ его въ воздухъ.

— Очень, очень благодаренъ,—переводилъ В. В.,—это для него, какъ для охотника, самый дорогой подарокъ.

— Вотъ что. Скажите имъ, что у насъ пропала хорошая лошадь на Пектусанѣ, пусть найдутъ и возьмутъ ее себѣ.

В. В. еще остался, а мы уѣхали и долго, долго еще въ догонку намъ смотрѣли хозяева фанзы. Когда В. В. съ купленной картошкой догналъ насъ, онъ сообщилъ, что до 40 хунгузовъ выслѣживаютъ насъ съ того времени, какъ мы выступили изъ Муссана. Теперь они уѣхали по направленію къ Тяппау, думая, что мы возвратимся туда.

Все это сообщилъ старый китаецъ въ послѣдній моментъ разлуки съ В. В. Сообщилъ нехотя, противъ воли, какъ будто, можетъ быть, подкупленный нашей лаской. Я совершенно не вѣрю всѣмъ этимъ запугиваньямъ, но, во всякомъ случаѣ, тѣмъ лучше, если хунгузы, сбившись съ нашего слѣда, ушли въ другую сторону.

Такъ какъ сегодня мы выступили очень рано, то около 12 часовъ остановились покормить лошадей, кстати и самимъ поѣсть. Мы остановились въ долинкѣ, покрытой сплошь травой въ человѣческій ростъ. Трава сухая и, разводя костеръ, чуть было не надѣлали пожара. Загорѣлась трава, вспыхнула какъ порохъ и едва дружными усилиями потушили ее.

Къ концу завтрака подошли двое изъ тѣхъ китайцевъ, съ которыми мы только-что разговаривали: молодой и новый, тоже старикъ, но не отецъ.

Подошли и сѣли. Молодой смотритъ радостно, воодушевленно.

Бибики ворчатъ:

— Усѣхъ тѣхъ бродягъ стрѣлять надо, якъ собакъ. Чего вони шляются за нами?

— В. В., зачѣмъ они пришли?

— Его идетъ Шанданьонъ *), чумиза купить.

Значить, съ нами: что-то странно.

— Его говорить, что тамъ теперь хунгузъ нѣтъ, хунгузъ позади.

— Его говорить, дорогу знаетъ больно хорошо.

Такъ какъ старикъ нашъ Дишандари иногда сбивается, то я и не протестовалъ противъ ихъ сообщества. Да къ тому же и чисто дѣтская привязанность и радость дикаря, его взглядъ на меня, полный радости и удовольствія, слишкомъ ясно говорили о чистотѣ его намереній. Позавтракавъ, мы тронулись дальше, не выходя изъ лѣса: лист-

*) Китайское названіе той деревни Шадоренъ, куда и мы шли.

веница, ель, кедръ. Все тотъ же прекрасный, изумительный строевой лѣсъ, какого я никогда не видалъ, хотя видѣлъ много первобытныхъ лѣсовъ: на Уралѣ, въ Сибири, на сѣверѣ Россіи и на Кавказѣ. Никогда не думалъ, чтобъ первобытный лѣсъ могъ быть такимъ великолѣпнымъ.

Однажды мы было сбились и, еслибъ не сопровождавшіе насъ китайцы, вмѣсто Шадарена или Шанданьона, не знаю, куда и попали бы.

Когда опять мы подошли къ раздорожью, не доходя верстъ 30 до Шанданьона, китайцы стали энергично настаивать на томъ, чтобъ идти дорогой направо. И дорога лучше, и попадаются китайскія фанзы...

Дишавдари отвѣчалъ на это, что той дороги онъ не знаетъ, а всегда и онъ, и всѣ корейцы ходятъ лѣвой дорогой.

Въ концѣ концовъ китайцы такъ усердно расхваливали свой путь и ругали корейскій, что я рѣшилъ идти по ихъ дорогѣ.

Тѣмъ болѣе, что Дишавдари и самъ признавалъ, что его дорога для проѣзда на лопадняхъ очень плоха.

— Ну, въ такомъ случаѣ ѣдемъ...

И мы повернули на дорогу вправо. Въ четверти версты отъ поворота и наткнулись на китайскую фанзу.

— Здѣсь черезъ каждыя пять верстъ такая фанза, — сообщилъ молодой китаецъ.

Изъ фанзы выглянулъ владѣлецъ ея, такой уродъ, какого рѣдко приходится встрѣчать. Типичный орангутангъ.

Что-то было и отвратительное, и комичное въ его старомъ бабьемъ, голомъ отъ растительности лицѣ, въ его изжитомъ циничномъ насмѣшливомъ взглядѣ, рѣдкихъ зубахъ, во всей его грязной до нельзя фигурѣ. Что-то до нельзя отталкивающее. Но я всегда боюсь за свои первыя впечатлѣнія не въ пользу человѣка. Откровенно признаться, я всегда глушу ихъ въ себѣ. И на этотъ разъ я поступилъ также.

«Бѣдный охотникъ, несомнѣнно художникъ, иначе чтò заставило бы его всю жизнь жить въ этой глухой трущобѣ. Трущоба для меня, но для него что-то такое родное, безъ чего онъ, очевидно, и жить не можетъ: ночью эта тайга шумитъ, какъ море, утромъ тихо и торжественно. Алмазное утро осени. Треснетъ вѣтка гдѣ-нибудь и эхо отдается въ лѣсу. Дятель стучитъ, рябчикъ шумно пронесется, хлопнетъ западня съ попавшейся бѣлкой, а то зареветъ злобно и дико и самъ господивъ здѣшнихъ мѣсть, попавшійся въ капканъ тигръ»... Такъ думалъ я, и въ концѣ концовъ уговорилъ себя, и въ этой фигуркѣ урода видѣлъ уже только просто физически обиженнаго Богомъ человѣка, желающаго на лонѣ природы забыть и свое уродство, и людей, — все, кромѣ природы. Забыть и не видѣть никогда.

— Онъ жевать?

— Нѣтъ. Вотъ онъ тоже говорить, что здѣсь лучшая дорога,

Я посмотрѣлъ на урода и тотъ пренебрежительно кивнулъ мнѣ головой. Потомъ онъ что-то сказалъ, махнулъ рукой и улыбнулся отвратительной улыбкой.

Мы поѣхали дальше и въ моей головѣ все сидѣлъ этотъ оригинальный старикъ-уродъ.

— В. В., какъ вы думаете: хорошій это человѣкъ и всѣ эти, что идутъ съ нами?

— Моя не знаетъ, моя думаетъ, что хорошо. Фанза есть, картошка съѣтъ, рѣдку съѣтъ. Хунгуза нѣтъ, сказалъ, у него тоже хунгузъ была три дня назадъ и все забиралъ.

Дишандари идетъ мрачнѣе ночи.

— Онъ говоритъ, что намъ устраиваютъ западню,—шепчетъ П. Н.— надо было идти лѣвой дорогой.

Не вѣрю я этой западнѣ,—фантазія робкаго корейца она, но съ другой стороны, какъ отвѣтственный за безопасность всѣхъ находящихся со мной, я предложилъ для предосторожности ружья взять въ руки,

И солдаты неохотно взяли ружья, а Н. Е., все время не расстававшийся до сихъ поръ со своимъ винчестеромъ, сегодня, какъ нарочно, передалъ его В. В.

В. В. въ чехлѣ везетъ его за плечами.

— Ну, надо будетъ—возьму,—говоритъ Н. Е.

— Но въ тотъ моментъ, когда вы опредѣлите ваше «надо» — будетъ уже поздно. Представьте себѣ, раздастся залпъ, В. В. со страху бросается въ гѣсь...

— Да, вѣдь, ничего же этого не будетъ.

Н. Е. говоритъ гнѣвнымъ тономъ человѣка, которому за меня не ловко.

— Наконецъ я, право же, не могу: и ружье вези, и отиѣчай направление и ситуаціи мѣстности...

Я обиженъ и молчу.

— Я возьму ружье, но тогда освободите меня отъ работы.

— Освобождаю: давайте компасъ, шагомѣръ...

Н. Е., молча, передаетъ мнѣ шагомѣръ, компасъ, беретъ у В. В. свое ружье и, обиженный, отѣзжается. Я тоже обиженъ.

«Ну, что жъ,—думаю я,—къ барометрической нивелировкѣ и астрономическимъ работамъ пусть и эта прибавится...»

И вотъ я ѣду впередъ и веду карту. Меня смущаетъ, что, виѣсто запада, мы все идемъ на сѣверъ.

Пройдя около двухъ верстъ, я, наконецъ, говорю, что эта дорога куда угодно, но не въ Шодаренъ.

— Дишандари, покажите рукой, гдѣ Шодаренъ?

Дишандари показываетъ теперъ на юго-западъ.

— Спросите китайцевъ: такъ?

— Такъ.

— Почему же они ведутъ насъ такъ?

— А потому, что всѣ вони, разбойники, чого-нибудь удѣлывать зачнутъ съ нами,—отвѣчаетъ Бибикиъ.

— Дишандари говоритъ, что онъ за эту дорогу не ручается, — шепчетъ П. Н.

Сумерки быстро надвигаются, начинается дождь какъ изъ ведра, палатокъ у насъ нѣтъ.

— Поворачивай назадъ въ фанзу.

У корейца лицо радостное, а китайцы въ отчаяніи протестуютъ.

— Черезъ пять ли впереди большая хорошая фанза.

Я почему-то не говорю о принятомъ рѣшеніи завтра идти по корейской дорогѣ.

— Завтра и пойдемъ въ ту фанзу, а сегодня назадъ.

Китайцы еще говорятъ, но я уже не слушаю.

Старикъ китаецъ что-то говоритъ и уходитъ отъ насъ, а молодой возвращается съ нами.

Уже темно, когда мы снова подходимъ къ фанзѣ отшельника-урода.

Молодой китаецъ уходитъ спрашивать разрѣшенія и затѣмъ снова возвращается, говоритъ «можно» и отворяетъ ворота.

— Заѣзжай.

Первый заѣзжаетъ Бибикиъ и сворачиваетъ воротнѣй столбъ.

— Вишн, черти чего понастроили,—ворчитъ онъ,—тоже ворота называются.

Внутреннее устройство фанзы соотвѣтствуетъ своему хозяину своимъ подозрительнымъ и таинственнымъ видомъ. Низкая, не выше аршина печь, занимая половину помещенія, уходитъ вглубь и въ ней горитъ огонь, неровно освѣщая темныя стѣны. Надъ огнемъ вмазанъ громадный котелъ, наполненный водой. Изъ воды идетъ паръ. Передъ печью, не обращая на насъ вниманія, сидитъ на корточкахъ хозяинъ. Огонь какъ-то странно играетъ на его лицѣ и въ плохо освѣщенной остальной фанзѣ движутся тѣни огня.

Фанза задымленная, черная, на полкахъ и на крючьяхъ лежатъ и висятъ бѣличьи кожи, ножи, родъ пистолета, китайскіе стоптанные башмаки, всякій куда негодный хламъ, кости. Одинъ ножъ весь въ запекшейся крови и его ярко освѣщаетъ пламя.

— Вотъ самый разбойничій притонъ, какой только бываетъ въ сказкахъ,—говоритъ Бесѣдинъ.

Лицо хозяина, ярко освѣщенное огнемъ, заслуживаетъ хорошей кисти. Точно выступаютъ изъ него какія-то скрытыя, невѣдомыя намъ мысли, онъ смотритъ въ огонь и презрительная, злорадная гримаса губъ дѣлаетъ его похожимъ на дьявола.

П. Н., со словъ Дишандари, рассказываетъ исторію этого хозяина.

Онъ—бывшій капитанъ хунгузовъ. Всѣ эти фанзы ни что иное, какъ притоны хунгузскіе: всѣ хозяева ихъ жалуются, что хунгузы ихъ оби-

жають, но продолжаютъ жить, и на всякій случай человѣкъ на двадцать варить въ случаѣ неожиданныхъ гостей чумизу, сушъ изъ бѣлокъ, лапшу. Хозяинъ скупаеъ у хунгузовъ добычу — награбленное, кожи убитыхъ звѣрей, жень-шень и потомъ перепродаеъ ихъ. Не смотрите, что онъ нищій: у него есть и золото, и серебро, но онъ скупъ, какъ кашей. У него есть земля, которую обрабатываютъ ему исполу корейцы. Корейцы эти, какъ огня, боятся его; онъ владыка ихъ жизни; его встрѣчаютъ съ раболѣпными поклонами, онъ беретъ все, что ему понравится, не исключая и женщинъ. Это зародышъ тѣхъ вассаловъ-бароновъ, имена которыхъ такъ прославлены теперь ихъ предками. Этотъ предкомъ не будетъ, и ходъ событій, какъ осенній морозъ побиваетъ несвоевременные цвѣты, уничтожить и въ этомъ уголкѣ эти запоздавшіе, уже отцвѣвшіе на общечеловѣческой нивѣ цвѣты.

Какъ бы то ни было, но почтенный баронъ со всей своей сказочно-разбойничьей обстановкой навелъ на насъ нѣкоторый благодѣтельный страхъ.

Даже Н. Е. заявилъ, что здѣсь не слѣдуетъ спать, хотя, сказавъ это, легъ и моментально заснулъ.

Но остальные не легли, и я съ нашими солдатами отправился осматривать фанзу и ея дворъ.

Какъ и слѣдуетъ феодальному барону, логовище его представляло крѣпость, вполнѣ защищенную отъ пуля хунгузовъ. Маленькій дворъ и само зданіе были обнесены высокими, вершка въ три частоколомъ, вершина котораго саженьяхъ на двухъ была заострена.

Вся крѣпость имѣла видъ круга и помѣщалась на расчищенной отъ лѣса полянкѣ, сажений пятьдесятъ въ окружности. Такимъ образомъ обезопасенные и отъ ружейной стрѣльбы, мы, при надлежащемъ караулѣ, могли быть на готовѣ, если бы хунгузы рѣшились брать насъ приступомъ...

Четыре часовыхъ гарантировали безопасность: три солдата и кореецъ. Остальные всѣ—я, Н. Е., И. А., два переводчика (китайскій и корейскій) и работникъ-кореецъ Сапаги, онъ же и рассказчикъ, сидѣли въ фанзѣ. Вѣрнѣе—то спали, то просыпались.

Что до китайцевъ,—хозяина и молодого,—эти ни на мгновеніе не уснули и все время были на сторожѣ.

Я дежурилъ до 12 часовъ, затѣмъ разбудилъ И. А. и заснулъ.

Проснувшись какъ-то, я увидѣлъ сидящаго возлѣ себя молодого китайца. Онъ смотрѣлъ на моего Маузера (карабинъ) и глаза его загадочно горѣли. Я подумалъ, что въ случаѣ опасности онъ скорѣе бы его схватилъ, чѣмъ я... Я ближе придвинулъ къ себѣ карабинъ и опять уснулъ.

Я опять проснулся. Хозяинъ-уродъ протянулъ руку къ единственной лампочкѣ, висѣвшей на стѣнѣ, и, снявъ ее, сталъ подливать въ нее масла.

Я залюбовался этой и адской, и вмѣстѣ съ тѣмъ первобытной физиономіей человѣка-звѣря-дерева, который не утратилъ еще наслажденія отъ такого изобрѣтенія, какъ лампа, и сознанія, что эта лампа у него въ рукахъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня мелькнула мысль, что радость его происходитъ отъ сознанія, что, случись нападеніе и потуши они эту лампу, мы останемся въ потьмахъ. Поэтому, какъ ни берегли мы свѣчи, я зажегъ одну и поставилъ ее сзади дежурнаго.

Н. Е. проснулся и сонно бросилъ:

— Да никакого нападенія не будетъ.

— Не будетъ,—согласился я.

— А не будетъ, такъ зачѣмъ же мы мучимъ себя?—обиженно бросилъ Н. Е.

— Еслибъ мы съ вами были одни, то и спали бы... Можно одну ночь и не поспать, завтра будемъ въ деревнѣ, въ безопасности—отоспимся...

Въ пять часовъ начало какъ будто свѣтать. Такъ какъ у лошадей не было овса, а всю ночь мы держали ихъ въ крѣпости, то теперь, подъ карауломъ четырехъ человѣкъ, стоявшихъ внутри крѣпости, выпустили ихъ на поляну пощипать мерзлой и чахлой травы.

Въ семь часовъ мы выступили, поѣвъ чумизы и двухъ рябчиковъ. И китайцы ѣли: они сварили себѣ супъ изъ бѣлокъ и чумизы.

Десять такихъ, какъ я, не съѣли бы и половины того, что съѣлъ каждый изъ нихъ.

Солдаты мастера ѣсть. Н. Е. молодецъ, но и тотъ замѣтилъ:

— Какъ они не лопнуть? И вѣдь худые, какъ обглоданная кость.

— Они наѣдаются на три дня и потомъ могутъ сдѣлать переходъ въ триста ли,—объяснилъ намъ Дипандари,—это нехорошо, что они такъ ѣдятъ.

Когда наступилъ моментъ разсчета, то, позвавъ В. В., мы спросили хозяина, что онъ хочетъ съ насъ за чумизу и ночлегъ.

— Что дадутъ.

Мы дали за чумизу и за ночлегъ два доллара.

Для корейца это очень высокая цѣна и корейцы очень долго отказываются отъ нея, но баронъ, взявъ два доллара, перебросивъ ихъ съ руки на руку съ выраженіемъ такого презрѣнія, которому позавидовалъ (и самъ Мефистофель, сказалъ:

— Это только? За бессонную ночь и свороченный столбъ?

— Сколько онъ хочетъ?

Но онъ отвернулся и презрительно молчалъ.

— Еще долларъ довольноно?

— Это будетъ больше, чѣмъ преждее.

Мы дали ему еще долларъ.

На этотъ разъ онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться деньгами и послушать ихъ звонъ, пока мы собирались.

Онъ сидѣлъ на корточкахъ. Скупой рыцарь во всемъ своемъ отвра-

тительномъ великолѣпїи. Но онъ въ то же время былъ такъ типиченъ, что я не могъ не любоваться имъ и, поборя отвращеніе, предложилъ снять съ него фотографію.

— Пусть снимаетъ,—презрительно бросилъ онъ.

Я поставилъ его передъ его фанзой и снялъ его. Онъ стоялъ съ трубкой и равнодушно, съ скрытымъ злорадствомъ, сдѣлалъ за мной. Онъ какъ бы говорилъ:

— Снимайте, выдумывайте всѣ ваши инструменты, но я тоже что-то такое знаю, отчего всѣ ваши выдумки и знанія исчезнутъ, какъ дымъ... Да, да... выдумывайте, пока есть время.

И еслибъ онъ былъ одинъ, онъ, вѣроятно, хохоталъ бы такъ, что проходившій гдѣ-нибудь бѣдный кореецъ, дрожа, убѣжалъ бы далеко въ лѣсъ. Съ какимъ выраженіемъ смотрѣлъ онъ на меня, когда я осматривалъ его пистонный пистолеть съ громаднымъ дуломъ!

Молодой китаецъ завелъ меня въ сарай и показалъ на что-то громадное. Это была ручная пушка: ружье очень длинное, съ дуломъ въ кулакъ. Пять человекъ несутъ и стрѣляютъ изъ нея.

— Для кого же это?

— Для незваныхъ гостей...

— А если эти гости возьмутъ съ собой приготовленный для нихъ подарокъ?

Лицо старика стало серьезно, тревожно и съ подобострастной улыбкой онъ отвѣтилъ, что говорить о тиграхъ.

Я бы еще нѣсколько часовъ наблюдалъ этотъ, давно ушедшій въ исторію типъ, но надо было ѣхать.

Мы ѣдемъ по корейской дорогѣ налѣво.

Пораженіе обоихъ китайцевъ—хозяина и молодого—было нескрываемое.

— Скажите китайцу, чтобъ шелъ съ нами.

Онъ что-то сказалъ хозяину фавзы и, послѣ попытокъ удержать насъ, покорно пошелъ за нами.

— Что онъ сказалъ хозяину?

— Сказалъ, чтобъ передалъ его товарищу, что онъ идетъ этой дорогой.

-- Почему товарищъ его не остался съ нами?

— Онъ ушелъ узнать, нѣтъ ли худыхъ людей на дорогѣ и если бы были, онъ пришелъ бы.

Это и вчера говорили намъ китайцы, но я, съ одной стороны и вѣрилъ ему, потому что онъ смотрѣлъ на меня глазами преданной юбаки, гладилъ меня рукой, и въ то же время не вѣрилъ.

— Не повѣрилъ мнѣ начальникъ,—грустно, укоризненно сказалъ онъ, когда мы пошли.

— Повѣрилъ, но эта дорога ближе къ рѣкѣ, а мнѣ надо е осматривать.

Дорога, дѣйствительно, была отвратительна: валежники, буре болото. Все хорошее было теперь назади—Пектусанъ съ скры волшебнымъ озеромъ, пейзажи горъ и уютныхъ уголковъ, нарѣ лѣса, сказочная красота притоковъ Сунгари. То течетъ она среди громадныхъ скалъ и звонкимъ водопадомъ шумно летитъ внизъ, то спрячется въ высокой травѣ, оставляя щель не болѣе двухъ аршинъ. Но заглянешь въ эту щель, и волосы дыбомъ встанутъ: подъ этой щелью страшное, изъ черной скалы съ голубоватымъ просвѣтомъ подземелье, глубиною до ста футовъ, такой же ширины. Свѣтъ едва проникаетъ и тускло освѣщаетъ и темные своды, и пѣвнущую тамъ гдѣ-то внизу грохочущую воду. Въ одномъ мѣстѣ рѣка уходитъ подъ темный, точно руками человѣческими сдѣланный сводъ. Здѣсь, въ дикихъ первобытныхъ мѣстахъ я смотрѣлъ на эти спрятанныя красоты, поражавшія тѣмъ сильнѣе своей дѣвственной первобытностью, и чувствовалъ себя снова въ обстановкѣ дѣтства, сказокъ Эмара, которымъ вѣрила когда-то фантазія. Вѣроятно, тогда, слушая сказки, такъ и рисовалось все это въ фантазіи, потому что было что-то какъ будто очень знакомое, почти родное, и въ то же время обаятельно новое, не виданное и не подозрѣваемое.

И все это было уже назади.

— Повернитесь и въ послѣдній разъ попрощайтесь съ Пектусаномъ.

Дишандари говорятъ это и П. Н. переводить.

Я и всѣ мы повернулись и замерли.

Бѣлый, уже весь въ снѣгу выросъ передъ нами еще разъ, и въ послѣдній, громадный, величественный, весь на виду Пектусанъ.

Засыпаны были бѣлоснѣжнымъ покровомъ всѣ выступы скалъ и надъ озеромъ каменный медвѣдь и прекрасное склоненное изваяніе.

Все торжественно и тихо, все сверкаетъ алмазами снѣга. И такъ торжественно звучитъ голосъ Дишандари:

— Сегодня мы уже не прошли бы ни на Пектусанъ, ни сюда,— всѣ проходы, перевалы занесены снѣгомъ и дороги нѣтъ ни впередъ, ни назадъ... Вотъ чего и боялся я, но у начальника большое счастье. Это вчерашній дождь тамъ снѣгомъ упалъ.

Да... счастье и большое: угадать такъ изъ Петербурга день въ день...

Мы спускаемся ближе и ближе къ рѣкѣ. Родное чернолѣсье. Запахъ осины, сырость, запахъ гнѣющаго уже листа и шелестъ его. Ясная, но уже глубокая осень, щемящая грусть и пустота этого лѣса. Нѣтъ жизни, нѣтъ звѣря и птицы, все умираетъ или засыпаетъ долгимъ сномъ зимы.

Дорога все хуже и хуже и В. В. страстно, горячо, но непонятно переводить слова китайца о томъ, какъ хороша была та дорога, по которой онъ повелъ бы.

Еще ближе къ рѣкѣ и опять прекрасный лѣсъ лучше: много ясени,

въ обхватъ до двухъ саженой, прекрасная пихта, рѣдкая, но прекрасная лиственница. Иногда гривами лиственница одна, прекрасная, стройная. А какой кедръ!

Здѣсь уже можно сплавлять по рѣкѣ этотъ лѣсъ, громадной стоимости. Въ сумерки мы подошли къ цѣли нашего путешествія,—деревнѣ Шанданьонъ, населенной почти исключительно корейцами.

Съ какимъ чувствомъ удовлетворенія увидѣли мы опять мирныя картины вечера въ деревнѣ, омеги хлѣба, кукурузы, жилъе, услышали ревъ скота.

Жители никогда не видали здѣсь европейца.

Съ какимъ радушіемъ и гостепріимствомъ насъ приняли: вотъ лучшая фанза; есть курица, картофель, чумиза, рѣдка.

Вся деревня, фанзъ тридцать, разбросана версты на двѣ въ узкой долинѣ. Пять, шесть китайскихъ фанзъ—хозяева той земли, на которой живутъ корейцы. Корейцы платятъ имъ половинный урожай.

— Хунгузы есть?

— Хунгузы ушли на Пектусанъ, нѣтъ хунгузовъ.

— Обижаютъ хунгузы?

— О!

Это безнадежный, покорный вопль. Хунгузы хозяева, приходятъ и требуютъ всего: птицу, чумизу, теленка, быка, женщинъ, и все даютъ, чтобы сохранить преарійную жизнь.

Какое наслажденіе быть опять въ теплѣ, раздѣться, вытянуться въ кровати, переменить бѣлье!

— Такъ что безопасно отъ хунгузовъ?

— Теперь вполне.

— Ну, такъ сегодня караулъ корейскій: Таони и Сапаги, всѣ остальные ѣшьте и спать.

И мы уснули, какъ, кажется, никогда еще не спали.

5 октября.

Страшный грохотъ и трескъ заставилъ меня открыть глаза. Ночь темная, что-то сыпется сверху: глиняная штукатурка. Залпы выстрѣловъ?! частые, громкіе, новый и новый трескъ, какой-то злобный жужжащій, ищущій въ кого впиться свистъ. И опять залпы: то трескучіе, то глухіе—бум... бум...

Хунгузы?! Гдѣ ружье?! Гдѣ хунгузы?! Въ фанзѣ уже, перерѣзали всѣхъ и только я почему-то еще живъ? Стрѣляютъ въ бумажныя двери, стоя передъ нами? Ночь, хоть глазъ выколи. Зажечь свѣчку? Откроешь имъ все... Откроютъ и такъ... Такъ вотъ какъ это все кончается... Что жъ, какъ-нибудь, да должно же когда-нибудь кончиться... Поздно, поздно... Теперь одно мѣстоа смерти...

Тихій голосъ Н. Е.:

— Вы живы?

— Я ищу свое ружье, нашепъ... Не зажигайте свѣчку... Ружье, кинжалъ съ вами?

— Со мной.

Какой-то шорохъ.

— Кто это?

— Я, П. Н.

— Гдѣ солдаты?

— Здѣсь.

— Всѣ?

— Бесѣдина нѣтъ.

Н. Е. поймалъ кого-то за длинные волосы:

— Кто?

Молчаніе.

— Молчить и только гладить меня по колѣну,—говоритъ Н. Е.—
Что-то говоритъ.

Это Дишандари, оказывается; онъ говоритъ, что хозяинъ фанзы уже убитъ.

— Гдѣ корейцы?

— Убѣжали въ лѣсъ.

— Подползайте къ двери и садьте по стѣнамъ,—говорю я.

Я сажусь съ лѣвой стороны двери, съ правой Н. Е.

Прорвали дырку въ бумагѣ и смотримъ.

Залпы не прекращаются, но, очевидно, стрѣляютъ сзади и мы защищены отъ выстрѣловъ капитальной стѣной. Только тамъ вверху въ соломенной крышѣ безъ потолка по временамъ какой-то блескъ и точно сыпется что-то оттуда.

— Сколько жъ ихъ стрѣляетъ?

— Охъ много,—говорилъ удрученно П, Н.,—человѣкъ двѣсти.

— Сорокъ,—поправляетъ Дишандари,—это та партія, которая ушла къ Тяпшаю: у нихъ двѣ пушки,—вотъ это свѣтлое тамъ въ крышѣ мелькаетъ,—это ядра.

— Который часъ?

На мгновеніе я зажегъ спичку: половина пятого.

— Скоро разсвѣтъ. Только бы дня дождаться, чтобъ увидѣть что-нибудь.

Стрѣляютъ все сзади. Что съ лошадьми?

Заглядываю на мгновеніе въ дверь: при свѣтѣ костра видны лошади,—онѣ стоятъ совершенно равнодушныя ко всей этой трескотнѣ. Начиненныя бомбы изъ ружья-пушки иногда разрываются и огненными искрами тухнуть во мракѣ.

— Сперва съ этой стороны стрѣляли, а потомъ перешли назадъ...

— Отсюда не стрѣляли; это бомбы перелетали и разрывались и казалось, что отсюда стрѣляютъ. Они въ лѣсу засѣли и оттуда палятъ.

Ночь, не видно ничего, а съ вечера на все окружающее здѣсь не

обратили вниманія. Но недалекъ и разсвѣтъ. Ахъ, дожидаться бы свѣту. Плохо, если зайдутъ съ этой стороны и начнутъ стрѣлять въ бумажныя двери. Они, очевидно, ошибочно предположили, что мы заняли ту сторону фанзы, иначе кто имъ мѣшалъ зайти съ этой стороны,—гдѣсь тамъ и здѣсь.

Мнѣ холодно; я замѣчаю, что я не одѣтъ. Кто-то подаетъ мнѣ мѣховую рубаху.

Шорохъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Кто тамъ?

— Бесѣдинъ.

— Откуда вы?

— Сапаги взялъ мое ружье, бѣгалъ искать его: пропало... думалъ, это вы уже тамъ въ лѣсу завязала перестрѣлку...

— Тише... голоса...

Близко противъ насъ разговоръ: нѣсколько голосовъ.

— Что они говорятъ?

— Говорятъ, что тихо: убиты всѣ или убѣжали.

— Безъ команды, пока не увидите людей, не стрѣлять.

Голоса уже передъ нами.

— Что еще говорятъ они?

— Та,—это значитъ: стрѣляй, говорятъ.

Я быстро растворяю дверь: залпъ!

— Пробѣжалъ, пробѣжалъ! другой на четверенкахъ... вотъ, вотъ...

Н. Е. выбѣгаетъ и заглядываетъ за уголъ,—никого.

— Ну, теперь знаютъ, что мы живы и сюда не полѣзутъ, а выстрѣловъ ихъ, очевидно, не хватаетъ, чтобы прострѣлить заднюю стѣну и равить насъ—

— Почему такъ свѣтло?

— Кажется, фанза горитъ.

Н. Е. опять выскакиваетъ и возвращается.

— Горитъ фанза сзади, но вѣтеръ въ противную сторону, — все-таки горитъ хорошо... Хотятъ при свѣтѣ горячей фанзы, сидя въ лѣсу, какъ куропатокъ, насъ разстрѣлять, когда мы выскочимъ.

И залпы прекратились,—ждутъ нашего появленія. Негодяи ничѣмъ не хотятъ рисковать. Но хоть бы увидѣть ихъ и дороже продать свою жизнь. Какая-то злоба закипаетъ и картины прошлаго ярко встаютъ въ головѣ. Ахъ скорѣе бы свѣтъ—

Свѣтаетъ! Передъ нами овражекъ; ясно, что надо перебѣжать туда и залечь.

— Готовы всѣ?

— Готовы.

— Дайте папирсы, часы, портсигаръ.

Я надѣваю сапоги, засунуль въ нихъ часы, портсигаръ, спички и три пачки патроновъ.

Я впередъ и всѣ за мной, пригнувшись, быстро перебѣгаемъ въ оврагъ. Залпъ, но мы всѣ цѣлы... Мы сейчасъ же отвѣчаемъ залпомъ: теперь видно куда стрѣлять, — фитильные огоньки, огоньки ихъ выстрѣловъ обнаруживаютъ цѣль.

Очень скоро, впрочемъ, послѣ нашихъ залповъ выстрѣлы изъ гѣсу прекратились. Было уже настолько свѣтло, что можно было разглядѣть мѣстность.

Вскорѣ пришли В. В., китаецъ и Таони. Они всѣ сидѣли въ какой-то ямѣ. Подъ моимъ и Н. Е. прикрытіемъ стали переводить лошадей въ оврагъ.

— Двѣ лошади убиты наповалъ, двѣ ранены...

Бѣленькая лошадка, проводникъ слѣпого, убита пулей въ лобъ. Слѣпой живъ, идетъ и, по обыкновенію, тяжело стонетъ.

Когда лошади были переведены, принялись спасать вещи. Время было, — пламя уже охватило крышу.

И вещи перенесены. Свѣтло. Фанза догораетъ. Хозяинъ раненъ двумя пулями: одна въ ногу; другая въ пахъ.

У В. В. прострѣлена пуба. В. В. совершенный молодецъ: спокоенъ, какъ будто все дѣлается такъ, какъ и должно, — все предопредѣлено за много миллионъ лѣтъ.

— Моя думалъ, больше домой не будетъ.

Онъ и китаецъ проводникъ водятъ лошадей, носятъ вещи.

— Ружье нашелъ, — кричитъ радостно Бесѣдивъ.

Немного дальше отъ ружья полушубокъ Сапаги и тутъ же китайская матерія. Сапаги, слѣдовательно, бѣжалъ отъ нихъ, они догнали его и увели. Почему онъ бѣжалъ не къ намъ въ фанзу, а мимо? Было приказано раньше всѣмъ собраться ко мнѣ. Почему не стрѣлялъ? Почему не кричалъ? Очевидно, тогда еще не стрѣляли? Стрѣлять начали, когда схватили Сапаги.

Думали, что отъ залповъ мы выскочимъ и тогда при свѣтѣ костра и горящей фанзы они перестрѣляютъ насъ.

Бѣдный хозяинъ заплатилъ за гостепрѣимство.

— Скажите ему, что онъ послучитъ за всѣ убытки.

— Онъ говоритъ, что исполнилъ свой долгъ гостепрѣимства, денегъ не надо, лишь бы жить: онъ проситъ погнѣчить его.

Погнѣчить? У насъ была маленькая аптечка — хина, Иноземцевы капли, нѣсколько мудреныхъ названій, карболка, бинты.

Мы дали, объяснивъ, какъ употреблять карболку, бинты.

— Пули надо вынуть...

— Мы не доктора...

Солдаты качаютъ головами.

— Умереть: попало въ пахъ...

Животный эгоизмъ: я думаю, какое счастье, что изъ нашихъ никто не раненъ, какое счастье, что еще восемь лошадей есть.

*

Прибѣжали корейцы изъ лѣса.

— Большое, большое счастье, всѣмъ націямъ счастье, только корейское счастье пропало, нѣтъ у корейцевъ счастья.

Дишандари говорить:

— Вчера у меня была лошадь, сегодня она уже мертвая лежитъ.

— Вчера нашъ хозяинъ былъ живой, здоровый и самый богатый человекъ въ деревнѣ; сегодня онъ умираетъ, все добро его сгорѣло и семья его самая нищая изъ всѣхъ.

Сколько естественнаго благородства, простоты въ этомъ умирающемъ. Строгое, черной бородой окаймленное честное лицо, большіе глаза. Умирающій вдругъ тихо заплакалъ. О чемъ онъ плакалъ?

О прожитой жизни, о потерянномъ богатствѣ, о тщетѣ всего земного?

Никто не знаетъ, тихо и торжественно было кругомъ.

Жена прильнула къ его ногамъ и тоже плакала слезами истиннаго горя, безъ криковъ и воплей.

Молодой сынъ, 12 лѣтъ, принявшій насъ вчера въ отсутствіи отца, посчитавшій сперва насъ за хунгузовъ, стоялъ теперь такой же блѣдный и трепещущій, какъ и вчера стоялъ передъ нами.

— Позовите его.

Онъ подошелъ ко мнѣ и напряженно вслушивался.

— Пусть скажетъ фамилію отца и свое имя. Мы сообщимъ обо всемъ китайскимъ властямъ, сюда придутъ войска. Ему съ матерью пришлемъ 300 долларовъ. Пусть уйдутъ назадъ въ Корею. Тамъ вырастетъ онъ, найдетъ хорошую жену и будетъ счастливъ.

— Онъ тонкъ *)?—быстро показалъ мальчикъ на меня,—отецъ будетъ жить?

— Оконшанте не сказалъ еще свою волю. Пусть спрячетъ эти деньги, это золото; оно пригодится ему съ его матерью, пока другіе придутъ.

— Говорить, не надо деньги. Хунгузы узнаютъ, опять придутъ.

— Никто не видитъ, пусть онъ спрячетъ

Громкіе крики несутся по деревнѣ. Это болѣе храбрые, возвратившись, вызываютъ изъ лѣса своихъ робкихъ родственниковъ.

Иногда громко, настойчиво кто-нибудь кричитъ одно и то же имя. И вдругъ гдѣ-нибудь близко въ кустахъ раздается отвѣтъ. Очевидно, спрятавшійся все время слышалъ. И теперь отвѣчаетъ, но не идетъ. Начинаются цѣлые переговоры, пока, наконецъ, покажется еще одинъ бѣлый лебедь изъ лѣсу.

Постепенно около насъ собирается толпа. Они опять спокойны, удовлетворены, ласковы. Они узнали, что хунгузы опять уйдутъ за нами и оставляютъ ихъ въ покоѣ.

Хунгузы идутъ на соединеніе съ другой партіей, которая дѣйствуетъ

*) Предсказатель.

на Ялу, чтобъ совмѣстно уничтожить насъ. Они опредѣляютъ эту партію въ 40 человекъ, по имъ помогаютъ временные, всѣ эти бароны, которымъ корейцы отдаютъ половину своихъ доходовъ, своихъ женщинъ. Пушки у нихъ отъ бароновъ.

Я уже убѣдился горькимъ опытомъ, что кореецъ никогда не лжетъ и, сообщая намъ, не гнетъ никакой линіи.

Не страшны въ открытомъ бою и сто китайцевъ,—это гнусныя и въ то же время робкія гienы,—но страшны они ночью, когда кругомъ глухой лѣсъ, страшны въ засадѣ въ этихъ лѣсахъ.

Оказывается, что съ того времени, какъ мы вышли изъ Тянпая, они ловятъ насъ, но все время такъ выходило, что они получали невѣрныя свѣдѣнія. Единственный разъ, когда имъ удалось догнать и перегнать насъ, это, когда мы ночевали у скупого рыцаря. Тамъ они не рѣшились напасть и предпочли устроить засаду, въ полной увѣренности, что мы пойдемъ по ихъ дорогѣ. Свѣдѣнія о томъ, что мы свернули на корейскую дорогу, пришли къ нимъ настолько поздно, что они только къ тремъ часамъ утра успѣли подойти къ деревнѣ и такимъ образомъ почти потеряли ночь. Тѣмъ не менѣе, потерявъ терпѣніе и надежду еще разъ захватить насъ врасплохъ, они рѣшили воспользоваться оставшеюся ночью и произвели нападеніе.

Огонь нашего костра, лошади и сообщники-китайцы изъ мѣстныхъ бароновъ указали имъ безопасно нашу фанзу.

Къ счастью нашему, дорога ихъ идетъ по тому косогору,—иначе, приди они по нашей дорогѣ, пальба была бы въ наши двери.

Вѣроятно, скупой рыцарь объяснилъ имъ, что по ночамъ мы не спимъ и тѣмъ объясняется то, что они не смѣли сдѣлать нападеніе прямо на фанзу и перерѣзать и перестрѣлять насъ, пока мы еще спали.

Все это только показываетъ, какъ трусливы эти хунгузы и какая разница между ними и такими же хунгузами на Кавказѣ, гдѣ во время постройки Батумской желѣзной дороги, когда я только-что кончилъ курсъ, пятерыхъ, служившихъ на моей дистанціи десятниковъ, перестрѣляли и перерѣзали мѣстные турки. Они тоже дали нѣсколько залповъ, но затѣмъ ворвались въ балаганъ, гдѣ были десятники, и дорѣзали кто еще былъ живъ.

Точно также могли бы и должны были распорядиться и эти хунгузы, но очевидно, что и китайская храбрость недалеко ушла отъ корейской. Они хунгузы, но они ничѣмъ не хотятъ рисковать и добычу свою, тигровъ, барсовъ, медвѣдей, насъ, корейцевъ, богатыхъ китайцевъ, выслѣживаютъ и бьютъ изъ засады, устраиваютъ западни...

Во всякомъ случаѣ, характеръ врага намъ ясенъ теперь. Опасны засады и ночи. Выгода наша въ томъ, что теперь мы впереди: намъ подниматься на ближайшій косогоръ, имъ же обходить верстъ десять. Мы эту ночь все-таки спали, они нѣтъ. У насъ лошади и попеременно то верхомъ, то пѣшкомъ, мы безостановочно можемъ двигаться, по

крайней мѣрѣ, вдвое дальше, чѣмъ ови. Не теряя времени, вѣско- поѣвъ консервовъ, мы стали собираться въ походъ. Четырьмя вью- ками убавилось у насъ, да, кромѣ того, и всѣ остальные лошади должны быть такъ облегчены, чтобъ всѣ могли сѣсть верхомъ, а Дипандари и Таонъ двое на одной лошади...

Пробовали было мы нанять вьючныхъ быковъ, но корейцы объявили, что только силой ихъ можемъ заставить.

Къ силѣ я, конечно, и не думалъ прибѣгать.

Оставалось одно: облегчить себя до послѣдней степени.

Тамъ, въ Шавданьонѣ такимъ образомъ оставили мы всѣ наши консервы, запасы, великолѣпныя постели, сумки, брезенты, оставили наши чемоданы, вещи. Я, какъ старшій, показывалъ примѣръ и ле- тѣли прочь полушубки, сапоги, теплыя куртки, кожи, все бѣлье, лиш- нее платье.

Кое-что все-таки сгорѣло. Изъ инструментовъ уцѣлѣли: барометръ, шагомеръ, компасъ.

Что дѣлать со всѣмъ оставляемымъ?

Пусть возьмутъ и сохраняютъ корейцы.

— Но какъ мы сохранимъ? Придутъ хунгузы и отнимутъ.

— Тогда отдайте имъ.

— А въ огонь, чтобъ проклятымъ не досталось?—говоритъ Биби-къ.

Я не могъ рѣшиться на это. Жечь прекрасныя вещи? Нѣтъ, и вещи требуютъ уваженія.

Это одна сторона, а вотъ другая.

Эти вещи задержать здѣсь хищниковъ, а мы въ это время далеко уйдемъ.

Въ восемь часовъ мы выступили, всѣ верхомъ, съ пятью ружьями, которое каждый, сидя верхомъ, держалъ на правомъ колѣнѣ.

Такъ какъ приходилось нѣсколько сотъ сажень пройти подъ пра- вымъ косогоромъ, гдѣ засѣли хунгузы, то, для безопасности, я прика- залъ дать два залпа, чтобы обстрѣлять и обезопасить предстоящій про- ходъ... Н. Е., къ которому возвратилась вновь вся безлечность рус- скаго человѣка, смущенно говорилъ:

— Къ чему же? Ясно, что днемъ они не нападаютъ.

Но я настоялъ и мы дали сперва одинъ залпъ, вдоль лѣса, а по- го- дя второй. А затѣмъ, перейдя бродъ, скрылись въ лѣсахъ лѣваго берега рѣки. Все это открытое пространство мы прошли на рысяхъ,— чтобъ показать возможную быстроту нашего движенія,—въ разстояніи другъ отъ друга на десять сажень.

Приемъ, практиковавшійся у насъ при постройкѣ Батумской до- роги, припомнившійся мнѣ теперь. Благодаря такой растянутой линіи, труднѣе засада, труднѣе сразу перебить всѣхъ.

Но когда мы вошли въ лѣсъ, то пришлось опять идти шагомъ— передъ нами извивалась узкая тропинка, вся заваленная лѣснымъ хла-

момъ вѣковъ. Къ тому же, передъ нами было нѣсколько тропинокъ, онѣ шли частью въ близъ лежащія китайскія фанзы, частью въ корейскія.

Теперь эти фанзы брошены, вокругъ зданій растутъ высокій бурьянъ, а нѣкогда раздѣланныя поля уже заростають лѣсомъ и дикій звѣрь, дикій человекъ могутъ любоваться дѣломъ своихъ рукъ.

Дипсандари запутался въ этихъ дорожкахъ, и еслибъ не три корейца, встрѣтившихся намъ, изъ которыхъ двое за двадцать долларовъ согласились вывести насъ на Ялу, то хоть назадъ возвращайся.

При этомъ они обязались не отставать отъ лошадей.

Они шли даже быстрѣе, такъ какъ иначе, какъ шагомъ—ни лошади, ни люди идти не могли.

До сколько-нибудь безопасныхъ мѣстъ намъ надо было идти слипкомъ сто верстъ, имѣя сзади шайку атакующихъ насъ хунгузовъ и спереди такую же, идущую на соединеніе съ первой.

Въ часъ дня мы пришли въ маленькую корейскую деревушку, уже по ту сторону Чень-бо-шаня.

Эти тоже впервые видѣли людей другой расы и сперва испугались, но потомъ очень радушно приняли насъ.

Мы сварили себѣ пять курицъ съ картофелью и капустой, чумизы, лошадямъ дали столько овса, сколько онѣ могли съѣсть, и въ три часа выступили дальше.

Здѣшніе корейцы сообщили намъ, что вчера хунгузы Ялу были въ сорока верстахъ отъ нихъ и потому сегодня на ночь они уходятъ въ горы, такъ какъ ждуть ихъ прохода.

Передъ нами были двѣ дороги: корейская, глухая, безъ всякаго жилья, и китайская, съ баронскими фанзами по ней.

Для военнаго человекъ здѣсь, очевидно, и былъ рѣшающій моментъ кампаніи: выступить по корейской дорогѣ, пройти нѣсколько верстъ по ней и затѣмъ по компасу перейти лѣсомъ на китайскую дорогу.

Такимъ образомъ жители деревни невольно обманули бы преслѣдовавшихъ насъ, которые по китайской дорогѣ спѣшили бы обогнать насъ. Намъ же засѣсть въ засаду и перестрѣлять, какъ идущихъ съ Ялу, такъ и Пектусанскихъ.

Но такъ какъ лавры война не мои лавры и вся забота моя, выполнивъ научныя задачи, а онѣ уже были выполнены, сбережь довѣрившихся мнѣ людей, то я, подѣлившись своими мыслями, несмотря на усиленные просьбы Н. Е. и солдатъ, настоялъ на томъ, чтобъ безостановочно идти дальше. Но наступили сумерки и чуть замѣтную тропинку проводники очень скоро потеряли.

— У меня есть огарокъ,—пискнулъ изъ темноты И. А.

Зажгли огарокъ и дорогу нашли.

Съ огаркомъ въ рукахъ мы шли, пока онъ не догорѣлъ. Тогда корейцы зажгли березовую кору.

И вотъ при прекрасныхъ факелахъ мы идемъ, какъ днемъ. Своими спинами корейцы закрываютъ свѣтъ и сзади нашимъ преслѣдователямъ его не видно.

Да и гдѣ теперь эти преслѣдователи? Поливъ дождь, какъ изъ ведра, и увѣренные, что темной ночью, да еще въ дождь, не пройти намъ тамъ, гдѣ и днемъ съ огнемъ еще никто не ходилъ, они спятъ теперь въ замкѣ какого-нибудь своего барона.

Въ три часа ночи мы спустились въ корейско-китайскую деревню Таснуханъ на рѣкѣ Сагибудонъ Мурри, притоке Ялу, сдѣлавъ девятнадцатичасовой переходъ, пройдя 50 верстъ.

И лошади, и люди шатались отъ усталости. Н. Е., какъ ребенокъ, упрашивалъ нѣсколько разъ остановиться и ночевать.

— Ну, я упаду съ сѣдла,—капризно говорилъ онъ.

— Мы васъ привяжемъ.

Что до меня, я не чувствовалъ никакой усталости, но понималъ въ то же время, что безъ отдыха нельзя.

— Ну, господа воины, какая фанза въ лучшей позиціи въ военномъ отношеніи?

Я бы пригласилъ на этотъ военный совѣтъ компетентныхъ людей полюбоваться, какъ толково обсуждали три отставныхъ солдата этотъ вопросъ.

Наконецъ, была выбрана стоявшая посреди открытаго поля одинокая фанза. Мы тихо пошли къ ней, тихо разбудили хозяина, успокоили его, дали лошадямъ овса, не разводя костра, а въ фанзѣ занавѣсили ихъ сквозныя двери такъ, чтобъ свѣтъ не проникалъ наружу. Затѣмъ попросили двухъ корейцевъ въ помощь караулу и предупредили, чтобъ никто не выходилъ изъ фанзы.

Бесѣдникъ, Хаповъ, два корейца засѣли въ прикрытыхъ мѣстахъ. Бибики варилъ супъ, Н. Е. спалъ, я писалъ дневникъ, остальные возились съ лошадьми, кромѣ И. А., который готовилъ чай съ послѣднимъ сахаромъ, такъ какъ весь сахаръ при послѣднемъ переходѣ растаялъ.

Такимъ образомъ мы переходили совершенно на корейскую пищу.

И опять повторяю: съ этого и надо было начать, а кто хочетъ сохранить здѣсь свои привычки и вкусы, пусть лучше не ѣздитъ сюа. Истратитъ много денегъ и все-таки не сохранить.

6-го октября.

Въ шесть часовъ утра мы уже выступили впередъ.

Хунгузы Ялу прошли по китайской дорогѣ. Могутъ теперь на здоровье встрѣчаться и соблюдать тамъ другъ передъ другомъ всѣ китайскія церемоніи.

Проѣхали до вечера, и волшебная переменна. Мы ѣдемъ долиной Сагибудонъ Мурри. Ширина долины — саженъ триста всего, но куда

ни посмотришь, все это уже заселенныя и засѣяныя мѣста. Все время отсюда вплоть до Амнокы на каждой четверти версты фанзы, хозяйство, прекрасный урожай.

Первобытный лѣсъ исчезъ, горы Кореи, отдѣльныя, высокія, покрытыя высохшимъ бархатомъ осени тѣнятся около рѣки...

Голубое безмятежное небо, орелъ паритъ; виноградныя лозы съ малиново-прозрачными листьями тамъ на отвѣсныхъ скалахъ.

Корейцы и китайцы работаютъ въ полѣ, громадныя сытые быки лѣниво перевозятъ въ легкихъ санкахъ богатый урожай съ поля въ амбаръ. Кучи золотистой кукурузы, вороха громаднаго гоалина, въ крестахъ сложенная чумиза, овесъ, буда, яръ-буда, всевозможные бобы, красная и бѣлая рѣдка, колорябія, громадныя тыквы желтыя, красныя, красный перецъ, на канатахъ десятками рядовъ подвѣшенный табакъ, лукъ, чеснокъ, картофель, капуста.

Особенное изобиліе всего этого у богатыхъ китайскихъ фанзъ.

Передъ фанзой маленькая кумирня изъ камня, нарисованныя на бумагѣ фигуры, стопа молитвъ, особыхъ на каждый мѣсяць.

Передъ кумирней два столбика, выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ...

Такіе же красныя столбы передъ воротами. Въ эти ворота видны дворъ, внутренняя фанза съ широкими, клѣтчатой бумагой заклеенными окнами, съ красными разводами и письменами.

Крыша съ высокимъ скатомъ, окна особо, двери особо, комнаты большія. Во дворѣ и на высокой завалинкѣ у дома и вдоль стѣнъ грозди краснаго перца, табакъ—всѣхъ цвѣтовъ, кукуруза, рѣдка, тыквы, колорябія. Лица удовлетворенныя, спокойныя, благородныя.

В. В. нашего окликаютъ китайцы и онъ радостно кричитъ:

— Эта вся хорошая человѣки,—хунгузовъ нѣтъ.

Корейцы присѣдаютъ съ Дишандари и слышится ласковое:

— е... е... е.

Что значить: да, да, да.

Два молоденькихъ корейца, наши проводники, весело мелькаютъ впереди. Мы движемся все дальше и дальше...

Отдыхаетъ душа отъ ужасовъ жизни первобытныхъ лѣсовъ, гдѣ во мракѣ временъ свирѣствуютъ еще разбойничьи цари, бароны, надъ жизнью и имуществомъ своего раба корейца.

Корейцы честныя, благородныя, умныя, культурныя,—ни одинъ китаецъ не умѣетъ такъ ухаживать за землей, какъ кореецъ (китайцы корейцевъ нанимаютъ пахать имъ землю), а дикій баши-бузукъ дѣлаетъ съ нимъ что хочетъ и свирѣпо, какъ собрать его, тигръ, уничтожаетъ ненавистную ему культуру.

Слѣды этого уничтоженія на каждомъ шагѣ—брошенныя корейскія фанзы, цѣлыя деревни.

Шайки въ 20—30 человѣкъ, для которыхъ, для всѣхъ этихъ шаекъ, роты стрѣлковъ довольно, а безъ этой роты на сотни верстъ терроризированъ край, остановлена всякая культура.

Несчастнѣйшій кореецъ—рабъ китайскаго земельнаго собственника, рабъ хунгуза, выбивается макъ волъ его изъ силъ, таща общечеловѣческую культуру сюда. За это его обижаютъ, бьютъ, пытаются, вѣшаютъ, а онъ отвѣчаетъ врагамъ дѣтскою незлобивою, безпредѣльнымъ терпѣніемъ, непонятной среди такихъ условій челоуѣчностью, гуманностью, тонкой предупредительностью. Точно не здѣсь они выросли, а воспитали ихъ въ самой гуманной школѣ, запечатлѣвъ навѣки законы высшей гуманности.

Хочется плакать за нихъ, а они жизнерадостны и утромъ послѣ нападенія они прибѣжали изъ лѣса и уже такіе же ясные, какъ то утро было. Всѣ около умирающаго, собираютъ разбросанное добро.

А эту ночь, когда мы подѣхали къ корейской фанзѣ, хозяинъ началъ было отговариваться тѣснотой фанзы, но когда мы ему объяснили, что намъ нельзя дѣлать шума своимъ прїѣздомъ, такъ какъ за нами гонятся хунгузы, хозяинъ отвѣтилъ:

— Я думалъ объ удобствѣ высокиихъ гостей, но при такихъ условіяхъ моя фанза принадлежитъ имъ, а я ихъ сторожъ.

И надо было видѣть, сколько непоказного, врожденнаго благородства было въ его словахъ.

Не было случая въ моемъ путешествіи, чтобъ кореецъ не сдержалъ своего слова.

Не устаешь, перечисляя достоинства кроткихъ людей этой націи... И всякій, кто пробудетъ съ ними, не сомнѣваюсь, полюбитъ ихъ такъ же, какъ полюбили мы.

Даже Бирикъ, все собиравшійся «сшивать» всѣхъ живущихъ здѣсь, говоритъ любовно:

— Якъ телята, тихіе.

Мирная картина окружающаго долинки, радость жизни ея, золотистый тихій закатъ, высокія горы съ виноградниками, ихъ малиновымъ прозрачнымъ отливомъ, все словно вводитъ васъ въ какой-то храмъ жизни, гдѣ слышите вы безмятежный, ласкающій, знакомый напѣвъ, зовущій васъ опять радоваться, опять наслаждаться жизнью, отдыхать.

Душа отходитъ отъ пережитыхъ ужасовъ и возвращается къ новымъ ощущеніямъ.

Чувствую усталость, можно еще ѣхать, но хочется покоя, стакана чаю, хочется хоть на нѣсколько часовъ почувствовать себя не въ обязательныхъ условіяхъ труднаго похода.

Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ точно запирается долина со всѣхъ сторонъ бархатными, красно-коричневыми горами, образуя правильной формы эллипсъ...

Вечернія тѣни уже легли на долину, уже горитъ фіолетовымъ огнемъ рѣка и въ глубь уходитъ туда, гдѣ между бархатомъ осенней листвы почти отвѣсно виситъ громадный бѣлый пить, — то пашня трудолюбиваго корейца почти на отвѣсномъ косогорѣ.

Нарядный китаецъ въ своемъ костюмѣ излюбленнаго синяго цвѣта ѣдетъ верхомъ и держитъ на сѣдлѣ маленькую дочку.

Бубенцы его лошадки звенятъ въ воздухѣ, китаецъ любовно обнявъ дочь и что-то говоритъ ей. Онъ молодъ, худъ, тонкія черты лица его интеллигентны, во всей фигурѣ чувствуется мягкая изнѣженность. Мы выстрѣлили и онъ озабоченно, ласково что-то говоритъ дочери, слѣша успокоить ее...

В. В. все время говоритъ съ нимъ и сообщаетъ намъ:

— Больно хорошая человекъ, богатый.

У него все хорошіе люди.

— Вотъ его домъ.

Домъ нарядный, красивый, съ красными письменами, столбами и узорами.

Проѣхали еще съ полверсты и останавливаемся на ночлегъ въ деревнѣ, на половину китайской, на половину корейской.

Деревни здѣсь на каждомъ шагу, вся долина до устья—сплошное жилье. Дишандари тянетъ остановиться у его брата въ шестомъ колѣнѣ.

Братъ такой же симпатичный, какъ и Дишандари, но фанза его плоха, мала, пропиталась вся чумизой и дымомъ, который и сейчасъ пробирается сквозь щели борововъ и слѣдовательно и пола фанзы.

Все это мы уже видѣли, это, конечно, лучше, чѣмъ ночь подъ открытымъ небомъ, но В. В. увѣряетъ, что у китайцевъ будетъ намъ еще лучше.

Да и не видали еще какъ слѣдуетъ китайскаго житья-бытья.

— Такъ точно,—говоритъ Бибикъ,—у китайцевъ лучше: у нихъ все есть: и лошадямъ покой и кормъ, и хванзы лучше, и ѣда: капуста есть, картошка, лукъ, чеснокъ—все есть. И сами и стерегутъ: имъ, значить, конфузно, если у нихъ что пропадетъ.

Собственно говоря, отвратительное впечатлѣніе, которое произвели на меня первые китайцы—хунгузы и бароны—уже сгладилось трудолюбивымъ видомъ сегодняшней долины, трудомъ, накладывающимъ особенную печать на лица.

— Это другой китаецъ,—говоритъ Бибикъ,—съ бабой.

Баба—гарантія культуры.

Я видѣлъ, наконецъ, первую китаянку, съ трубочкой, зачесанную, кикъ ихъ рисуютъ, съ уродливо маленькой ногой. Она увѣренно стоитъ у воротъ своей фанзы, окруженная нѣсколькими мужчинами и видно, что здѣсь она капитанъ своего корабля.

Но какъ много китайцевъ: изъ каждой фанзы выходитъ 7—8 взрослыхъ мужчинъ.

— Это работники—тутъ хунгузы—меньше нельзя,—объясняетъ В. В. Уступая настояніямъ В. В., мы ночуемъ у китайцевъ.

Послѣ маленькихъ клѣточекъ корейцевъ большая помѣстительная комната обширнаго китайскаго дома, гдѣ мы ночуемъ, производитъ очень сильное впечатлѣніе.

Домъ состоитъ собственно изъ двухъ: наружнаго съ воротами посреди, затѣмъ обширный дворъ, и другой такой же, саженьяхъ на восьми, домъ. Мнѣ и Н. Е. отвели большую угловую комнату въ фасадномъ домѣ. Печи такія же, какъ и у корейцевъ, но не во весь полъ и съ подъемомъ отъ полу втрое большимъ. На этомъ возвышеніи стояли два столика, высотой въ полъ аршина, съ книгами на немъ. Пополкамъ стѣнъ—книги, у стѣны устроено что-то вродѣ конторки. На одной изъ полокъ стоятъ китайскія лампы, красныя китайскія толстыя свѣчи. А все къ общему напоминало въ этой высокой, въ темный цвѣтъ отдѣланной, комнатѣ кабинетъ стараго Фауста.

Насъ встрѣтилъ учитель, молодой съ тонкими чертами лица, кланяющийся и прижимающий къ груди руки.

Онъ сообщилъ, что хозяинъ ихъ уѣхалъ далеко по дѣламъ, а жена его, ей только 20 лѣтъ, немного испугалась и ушла почевать къ роднымъ. Но высокимъ гостямъ будетъ доставлено все, чѣмъ они богаты.

Потомъ оказалось, что насъ приняли за кого-то вродѣ хунгузовъ и хозяинъ съ хозяйкой предпочли свалить на учителя весь трудъ приема такихъ гостей...

Все было прекрасно и мы радовались, словно никогда ничего лучшаго не видали, словно все это принадлежитъ намъ.

— Посмотрите, какія ясли у нихъ для скота. Изъ лучшихъ они выводятъ свой скотъ и ставятъ нашихъ лошадей.

— Сами рубятъ солому и, говорятъ, сами и на водопой поведутъ.

— Посмотрите, какая у нихъ кухня, столы какіе.

— Сколько у нихъ работниковъ?

— 60. Хозяинъ нашъ лѣсомъ занимается и винокуренный заводъ имѣетъ.

— Гдѣ заводъ?

Намъ показываютъ на одинъ изъ одноэтажныхъ флигелей. Мы идемъ туда. Въ чистомъ помѣщеніи стоитъ нѣсколько котловъ, сквозь щели пола видно подвальное помѣщеніе, видны огни,—все чисто, опрятно, помѣстительно.

— Куда хозяинъ дѣваетъ выкуриваемую сулею?

— Мѣняетъ жителямъ на бобы, чумизу,—не у всякаго охота самому варить водку...

На ужинъ намъ готовится китайская лапша изъ гречневой муки, а Бесѣдинъ изъ нея же варитъ гречневья галушки на сажѣ, которыя мы будемъ ѣсть, ловя ихъ заостренной палочкой, заливая мучнистой, пахнущей саломъ и лукомъ водой, въ которой варились эти галушки.

Словомъ, сегодня мы ѣдимъ то, что всякій добрый хохолъ ѣстъ часто и съ удовольствіемъ.

А затѣмъ сонъ, всѣ вѣстѣ въ отведенной намъ комнатѣ, съ однимъ караульнымъ въ этой же комнатѣ.

7-го октября.

Сегодня опять впередъ. Все та же долина — корейцы и китайцы. Корейцы бѣдны, китайцы богаты. Земля китайская и корейцы отгѣснены къ горамъ; тамъ вершокъ за вершкомъ отвоевываютъ они себѣ пашню у скалъ, у лѣса, кустарника. Изъ десяти сноповъ—четыре отдаютъ китайцамъ, пашутъ имъ пашню.

Къ шести часамъ вечера въ десяти верстахъ отъ Мауершана спустились мы, наконецъ, на Амнокъ.

Какъ и говорилъ Дипандари, мы увидѣли здѣсь китайскія шаланды, привезшія сюда соль съ устья Амнокъ. Соль темная, вываренная изъ морской воды, куплена нами по 80 коп. за пудъ.

Мѣстное же населеніе соль не покупаетъ, а вымѣниваетъ на бобы.

Лодки приплываютъ сюда по высокой водѣ и уплываютъ весной съ грузомъ хлѣба, каменнаго угля, а также и тайно намытаго золота.

Каменный уголь въ десяти верстахъ, тамъ же и желѣзная руда; золото по всѣмъ оврагамъ, но съ неособенно большимъ процентомъ содержимости. Уголь черный, рассыпчатый, по виду коксъ.

Лучшаго качества уголь внизъ по Амнокѣ, въ 30 верстахъ отсюда и 30 отъ берега, тамъ же и желѣзная руда.

Мѣдные рудники прежде разрабатывались китайскимъ правительствомъ, теперь брошены. Желѣзные рудники разрабатываютъ желающіе, производство мелкое—чугуно-плавильное.

Золото добываютъ хищники, по преимуществу хунгузы, которыхъ поэтому по всей Амнокѣ много. На горахъ у нихъ всегда стоитъ часовая, который, завидѣвъ какую-нибудь интересную добычу, вызываетъ выстрѣломъ товарищей.

Тогда они бросаютъ работу, берутъ ружья и идутъ на охоту, будь то звѣрь, человекъ—что судьба пошлетъ.

— Не возьмутся ли китайцы отвезти насъ къ устью Амнокъ?

— Нѣтъ, они пріѣхали сюда, чтобъ всю зиму торговать.

— Не продадутъ ли они свои суденышки?

— Одинъ согласенъ—500 долларовъ.

— У насъ нѣтъ такихъ денегъ.

— У нихъ есть явка, есть пшеничная мука, китайскій сахаръ, свѣчи, капуста, картошка, лапша вязиговая, пряники.

Мы покупаемъ все, конечно.

Мука 4 рубля за пудъ, сахаръ—желтый песокъ—за фунтъ 50 коп., свѣчи сальныя 50 к. за фунтъ, маленькій пряникъ, никуда негодный—26 к., каменный уголь—50 к. за пудъ.

Цѣны, какъ видите, Кюба, но качество ниже всего, что только можно себѣ представить. Неудивительно, поэтому, что при грузкѣ въ 500 пудовъ туда, и 500 обратно они зарабатываютъ на лодку до тысячи рублей.

— Сиросу нѣтъ—привозимъ мало и дорого беремъ.

Приходилось, очевидно, отказаться отъ мысли ѣхать на лодкѣ. Нечего дѣлать!

— Переправляйте въ такомъ случаѣ на корейскую сторону:

Переѣхали и было уже совсѣмъ темно.

Китаецъ проводилъ насъ въ ближайшую деревню Ходянби.

Услыхавъ шумъ, быстроногіе корейцы успѣли уже съ семьями и скотомъ убраться въ лѣсъ.

Вызывали, вызывали ихъ, клялись и унижали, что мы мирные люди.

Сперва молчали, потомъ показался одинъ, поговорилъ, что-то вскрикнулъ и десятки бѣлыхъ корейцевъ окружили насъ и радостно закивали головами.

— Это ихъ пудни (староста) надъ 500 фанзами.

Въ дамской бѣленькой кофточкѣ, дамской шляпѣ присѣдаетъ молодой пудни и предлагаетъ цѣлыхъ пять фанзъ къ нашимъ услугамъ.

Мы беремъ одну, спрашиваемъ, есть ли овесъ, куры, яйца, солома, чумиза.

Все есть, и даже рисъ. Но капусты, картофеля, лука—нѣтъ.

Супъ изъ курицы и рисовая каша съ неприятно душистымъ китайскимъ сахарнымъ пескомъ.

— Корейцы любятъ араса.

— Араса любятъ корейцевъ.

— Если бы уведомили старосту, вся деревня встрѣтила бы высокихъ гостей.

Высокіе гости, грязные, какъ угольщики, благодарятъ, просятъ не беспокоиться и ложатся спать.

Опасность давно миновала, но солдаты при каждомъ ночлегѣ выбираютъ фанзу съ удобной позиціей.

Даже равнодушный ко всему Хаповъ, проѣзжая сегодня днемъ мимо одной фанзы, сказалъ съ удовольствіемъ:

— Вотъ хорошая позиція, — мѣсто открытое.

8-го октября.

Сегодня дневка и переговоры съ китайцами относительно дальнѣйшей поѣздки на лодкѣ.

Вся корейская деревня на этотъ день переселилась къ нашей фанзѣ и, разсѣвшись, мирно смотрятъ на насъ; нѣкоторые занимаются своимъ дѣломъ. Одинъ старикъ подтачиваетъ ножичкомъ приспособленіе для пряжи, другой кореецъ, молодой, съ греческимъ лицомъ, съ соколомъ въ рукахъ, шель на охоту, да такъ и простоялъ около насъ почти весь день.

Староста тутъ же производилъ обычный судъ и расправу.

Я сначала не зналъ, въ чемъ дѣло, но когда привели одного интереснаго преступника, П. Н. вызвалъ меня во дворъ.

Староста сидѣлъ на корточкахъ; такъ же сидѣлъ и обвиняемый передъ нимъ,

Обвиняемый—чистенькій нарядный кореецъ, въ безукоризненномъ бѣломъ, въ дамской шляпкѣ, изъ подъ которой сквозить волосяная повязка—знакъ отличія, который надѣваетъ каждый, кто имѣетъ достаточно денегъ, чтобъ купить такую повязку.

Кстати сказать, здѣсь, въ Корей, съ отличіями не церемонятся,—похвальные листы «Дишандари» «заслуженный стрѣлокъ» такъ поддѣлывать стали, что въ Новокіевскѣ открылась цѣлая фабрика ихъ.

Теперь и Дишандари, и почетная повязка больше не даются, но и поддѣльные листы покупаются, и повязки носятъ всѣ.

Молодой преступникъ обвиняется въ томъ, что, выкопавъ на китайской землѣ жень-шень, лучший продалъ, а худшій только представилъ корейскому правительству.

Этотъ худшій экземпляръ въ той землѣ, гдѣ онъ росъ, во мху, былъ завернуть въ лубокъ и лежалъ передъ старостой.

Говорять, жень-шень очень похожъ на ребенка. Тотъ, который я видѣлъ, имѣлъ дѣйствительно цвѣтъ кожи, но никакого сходства дальнѣйшаго съ человѣческимъ обликомъ не было: скорѣе узловатое тѣло уродливаго бѣлаго паука, величиной съ ладонь.

Надо замѣтить, что кореецъ, обвиняемый, постоянный житель Китайской имперіи.

Староста кричалъ пискливымъ голосомъ, ругалъ его рожденнымъ отъ дѣвушки, обвинялъ его въ государственномъ преступленіи и строжайшимъ образомъ, грозя передать его губернатору на казнь, требовалъ признанія.

Послѣ долгихъ настаиваній, въ виду заперательства обвиняемаго, ему связали сзади руки выше локтей и подвѣсили къ верхней перекладицѣ. Тѣло несчастнаго уродливо перегнулось, локти поднялись, лицо побагровѣло.

Предполагалось, вѣроятно, и дальнѣйшее, но я, боясь, не въ нашу ли честь усердствуетъ власть, просилъ при мнѣ не трогать преступника.

Его сейчасъ же и отвели въ тюрьму. Онъ ушелъ съ той же странной улыбкой, съ какой выслушивалъ всѣ крики старосты и переносилъ начало пытки.

— Спросите старосту, развѣ китайская земля принадлежитъ корейскому императору?

— Но онъ кореецъ.

— Но китайскій подданный.

— У него здѣсь братъ.

— А если и китайскій императоръ требуетъ доставлять жень-шень въ казну, то какъ же быть китайскому корейцу?

Староста смѣется:

— Не надо искать жень-шень.

— Какое наказаніе за утайку жень-шеня?

— Смертная казнь, но онъ, староста, надѣется, что пыткой и розгами добьется отъ него признанія, тогда возвратитъ корень и ничего не будетъ.

— Но если онъ дѣйствительно больше не нашель?

— Всѣ говорятъ, что нашель.

— Но почему же тогда онъ продалъ другимъ?

— Больше денегъ дали.

— Зачѣмъ же корейское правительство даетъ меньше, чѣмъ стоитъ вещь?

— Правительство требуетъ отъ насъ извѣстное количество жень-шеня,—откуда же намъ взять? Мы давно его стерегли съ той стороны.

Какой-то возмутительный произволъ, недомысліе, ограниченность во всемъ этомъ законѣ, на которомъ зиждется между тѣмъ одна изъ крупныхъ статей государственнаго дохода.

В. В. и П. Н. цѣлый день хлопотали на счетъ лодки и въ концѣ концовъ въ трехъ верстахъ выше нашли старое гнилое суденышко, пять сажень длины, $1\frac{1}{4}$ ширины за 65 долларовъ. Четыре китайца предложили свои услуги матросовъ за 50 долларовъ до Иджоу, на нашихъ харчахъ.

Торговались и уже выторговали все, что могли. Оставалось отдать только деньги.

Пошли всѣ на берегъ смотрѣть нашъ корабль. Форма его такая же, въ какомъ ѣздилъ Язонъ, Одиссей, да и величина не меньше. По краямъ кругомъ площадка, а кругомъ, высокая, въ три доски ограда. Внутри четыре отдѣленія, пятое на кормѣ для матросовъ.

Корабль нашъ окрашенъ въ черный полинявшій цвѣтъ и похожъ на гробъ. Мы называли его бабушкой. Обѣщаютъ идти по 60 верстъ въ день. Вопросъ за лапашами—поспѣютъ ли.

Остальной день проходить въ заготовленіи запасовъ.

Купили старую корову за 16 долларовъ: кожу, кровь и всѣ внутренности отдать хозяину.

Ужасный способъ ихъ бойни. Заботясь получить всю кровь, они рѣжутъ скотъ по частямъ. Сперва надрѣзываютъ шею и снимаютъ съ живой части кожи на шеѣ, постепенно добираются до артеріи и перерѣзываютъ ее. Съ полчаса уже продолжалась экзекуція надъ несчастной связанной коровой, когда позвали меня и я приказалъ прирѣзать ее.

— Говорятъ еще не вся кровь вытекла.

— Рѣжьте.

Кушили чумизы, на томъ берегу у китайцевъ картофеля, капусты, массу мелочей, не видныхъ, но въ общемъ дорогихъ,—топоръ, пилу, дровъ, рогожъ (рогожи, правда, прекраснаго качества, изъ соломы, 2 аршины — долларъ). А все вмѣстѣ съ лодкой, матросами, запа-

сами до 170 долларовъ, да расходъ на лошадей, которыя нужны будутъ отъ И-джоу до Портъ-Артура, а можетъ быть, и раньше понадобятся, если бабушка не выдержитъ, прыгая на перекатахъ по острымъ камнямъ.

10-го октября.

Второй день мы плывемъ на бабушкѣ. Ночевали въ ней-же. Принесли корейскую жаровню—глиняный горшокъ, наполненный углями, закрыли верх циновкой и было тепло. Но не безопасно. И вчера, и сегодня мы еще во владѣнїяхъ хунгузовъ и, ложась спать, съ внутренней стороны мы обложили вещами борты шаланды, обращенный къ китайскому берегу.

До двѣнадцати часовъ ночи сегодня было мое дежурство. До десяти свѣтила луна, а потомъ, хотя и темная была ночь, но по водѣ отлично видно.

Да и лодки у хунгузовъ не было, чтобъ переѣхать, могли бы только стрѣлять, но въ бокахъ нашей шаланды и мы повнадѣлаи прорѣзовъ и теперь, укрытые шаландой, могли бы много зла имъ сдѣлать.

Вчера мы проѣзжали мимо одной китайской деревушки, на которую на прошлой недѣлѣ напали хунгузы; они обложили деревню 600 долларами, каковую сумму и выплатили жители...

Они собирались послѣ этого переправиться на корейскую сторону, когда прїѣхалъ за ними нарочный изъ Шанданьона.

Районъ той партїи мы уже проѣхали, но и районовъ другихъ партїй много еще, да и прежнїе могутъ насъ настичь еще, такъ какъ была дзевка во-первыхъ, во-вторыхъ, Амнока извилиста и по водѣ длиннѣе, хотя и скорѣе.

Восходъ солнца былъ сегодня чудный.

Солнце еще за горами, и вездѣ и на всемъ сѣрыя разсвѣтныя тѣни, только въ расщелинѣ двухъ горъ въ облакахъ горятъ лучи невидимаго еще солнца. Свѣтъ не яркій и облака переливаются самыми нѣжными тонами. Точно картинка въ рамкѣ этихъ горъ самаго великаго художника-природы.

А затѣмъ и на рѣкѣ показалось солнце, сверкнули лучи и засвѣтилась рѣка, отражая разноцвѣтные камни своего мелкаго дна самыми причудливыми узорами,—вотъ фіолетовый, нѣжно-зеленый, розовый и все прозрачное, съ легкой дымкой начинающагося на водѣ утра. Дикій гусь взвился и рѣжетъ воздухъ и уже исчезаетъ въ далекой синевѣ горъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки, въ коричневомъ бархатѣ горъ тонуть здѣсь и тамъ свѣтлыя полосы убранныхъ полей хлѣбовъ. На горахъ и подъ горами жильє: фанзы, фанзы. и фанзы. И много, много, если одна больше другой на аршинъ, полтора.

Сегодня утромъ изъ сосѣдняго села пришла толпа корейцевъ; ка-

кой-то старикъ принесъ десятокъ яицъ намъ въ подарокъ и записку. Въ этой запискѣ онъ привѣтствуетъ насъ и выражаетъ сожалѣніе о томъ, что такъ опасенъ нашъ путь по Амвокѣ.

Онъ въ длинномъ бѣломъ костюмѣ; его голова повязана какимъ-то бѣлымъ полотномъ, темное лицо, черные глаза, фигура библейская.

Тутъ же и толпа китайцевъ въ круглыхъ шапочкахъ съ крылышками, какъ изображаютъ Меркурія, съ бритыми лицами, очень часто съ типичными римскими лицами.

Мы передъ нами въ нашей, классической стиль напоминающей, шаландѣ, мы современные аргонавты, и такимъ близкимъ кажется умчавшееся время древнихъ исторій, такимъ понятнымъ и простымъ кажется все то, что дѣлалось, что уже потомъ покрылось живописнымъ узоромъ времени.

Старикъ не взялъ денегъ и я очень былъ радъ этому, иначе всю картинку эту испортилъ бы этотъ долларъ.

Прощайте, друзья, мы уже огибаемъ громадную гору, уже прыгаетъ шаланда между громадными камнями бѣлаго водопада и гигантъ китаецъ, нашъ молодецъ капитанъ, всей грудью налегаетъ на свой руль и кричитъ на гребцовъ. Стоя, наклонившись, налегаютъ они на весла и летимъ мы стремительно въ какую-то невѣдомую намъ даль.

Въ порывѣ лодки, въ мужественныхъ фигурахъ моряковъ-китайцевъ—сила, удалъ и безпредѣльное спокойствіе.

Сказочникъ-кореецъ, миниатюрная фигурка, робко прижался въ углу каюты и, стоя съ широко-раскрытыми глазами, только смотритъ, что изъ всего этого выйдетъ. Это самый опасный перекалъ.

Ничего, мы уже промчались мимо бѣлой пѣны, клококущей воды, острыхъ скалъ, и рѣжетъ бабушка подъ прямымъ угломъ воду, уходя отъ новой стерегущей насъ скалы.

Много шаландъ разбилось о нее. Но уже китайцы-матросы того берега, куда направляемся мы, и гдѣ стоятъ семь такихъ шаландъ, дружно и радостно кричатъ нашему капитану:

— Хо!

Что значить: хорошо.

А онъ, громадный уродъ въ косѣ, уже бросилъ руль своему помощнику и, присѣвъ на корточки, тѣшится, какъ ребенокъ, свисткомъ, который я подарилъ ему.

Потомъ подѣвъ въ свою каюту, принесъ рѣдъку и дарить мнѣ.

Что передастъ фотографія тамъ, гдѣ все въ тонахъ, краскахъ, фигурахъ, позахъ и выраженіяхъ?

И если меня, много видѣвшаго на своемъ вѣку, захватываетъ и поражаетъ эта жизнь младенческаго періода человѣчества, то изображенная на картинахъ, въ пластикѣ, развѣ она не поразила бы и не привлекла бы ту толпу, которая наполняетъ наши выставки?

А своеобразной нѣжностью и мягкостью здѣшнихъ тоновъ, какъ

въ природѣ, такъ и въ людяхъ, достигается непередаваемая прелесть, красота, очарованіе ощущеній. Какая-то умиротворяющая, спокойная, какъ умчавшееся время, не надоѣдающая мелодія.

Иногда завоетъ что-то китаецъ и въ двухъ-трехъ нотахъ услышишь вдругъ этотъ окружающій насъ отовсюду ласкающій мотивъ.

А то услышишь вдругъ рѣзкій отголосокъ съвера, гдѣ бѣлый Пектусанъ, гдѣ вѣковая желтая равнина лиственницъ оттѣняетъ вѣжно-голубое небо, гдѣ красавица рѣка сверкаетъ и грохочетъ подъ землей, какъ громъ и молнія въ небѣ, гдѣ царство хунгуза, тигра и барса.

А день ясный, осенній пригрѣлся у этихъ горъ и слушаетъ шумъ воды, пѣсенку вѣтерка и скрипъ нашего суденышка.

Мы плывемъ и въ каждой каютѣ идетъ своя работа.

Бибику обѣдъ готовить, Халовъ спитъ послѣ дежурства, В. В. съ китайцами, П. Н. выслушиваетъ сказки корейка, Н. Е. съ инструментами наноситъ контуры рѣки, горъ, притоковъ, измѣряетъ глубину рѣки и записываетъ названіе селъ.

Я веду свой барометрическій журналъ, занимаюсь англійскимъ языкомъ, веду дневникъ, записываю сказки.

Бесѣдинъ съ Таинномъ ведутъ лошадей сухимъ путемъ, а И. А. помогаетъ Н. Е. дѣлать промѣры. Что до китайцевъ, то они гребутъ и ѣдятъ за десятерыхъ. Всю провизію нашу съѣдаютъ.

Иногда мы стрѣляемъ по уткамъ, гусямъ, но надо откровенно сказать, неудачно.

Что до меня, я всегда радъ промаху, — пусть улетаетъ скорѣе жаднымъ полетомъ, говорящимъ о жадѣ и радостяхъ жизни.

Здѣсь, приближаясь къ югу, мало знаютъ «араса» и принимаютъ насъ за японцевъ. Впрочемъ, и тѣхъ никогда не видали.

11-го октября.

Вторая ночевка на водѣ. Я, впрочемъ, ушелъ въ фанзу и въ отношеніи удобства проигралъ: ночь была теплая и спать въ паландѣ было хорошо. Въ фанзѣ же отъ горячаго пола было душно, кусали тараканы. плакалъ ребенокъ за перегородкой, стоналъ и кашлялъ девяносто-лѣтній старикъ.

Вчера, когда мы вошли въ фанзу, онъ сидѣлъ и ѣлъ. Онъ даже не повернулся къ намъ. Старое дряблѣе тѣло съ сохранившимся желудкомъ. Какъ величайшій мудрецъ и философъ, нашедшій истинную суть естества, или какъ бессознательное животное, онъ сидитъ передъ своей пищей, смотритъ на нее во всѣ глаза и жадно ѣстъ.

Я думалъ, что онъ глухъ, но сегодня утромъ, услыжавъ, что внукъ (сынъ его давно умеръ) продаетъ намъ курицу, прокряхтѣлъ:

— Курицу не надо продавать.

Со мной рядомъ спали китайцы, корейцы, по обычаю, голые; ихъ бронзовые темныя тѣла покрыты миллионами таракановъ; иногда во

*

спѣ они дѣлають сонное движеніе — слабую попытку избавиться отъ своихъ враговъ и опять спятъ богатырскимъ сномъ въ тяжелой душевой атмосферѣ.

Вечеромъ набилась полная фанза корейцевъ. Говорили о политикѣ, о текущихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ...

Я повѣрялъ прежнія свѣдѣнія. Нѣкоторая разница уже чувствуется между южнымъ и сѣвернымъ корейцемъ. Южане тѣмнѣе, глаза строже, зажигаются огоньками, рѣчь быстрая, страстная...

Но также гостепріимны и благожелательны.

— Новое время идетъ, новая цивилизація входитъ въ Корею, — что жъ, надо жить, какъ другіе живутъ. Черезъ двадцать лѣтъ не узнаютъ насъ наши дѣды.

Не сомнѣваюсь, что разъ серьезно поставится вопросъ дальнѣйшей культуры корейца, способный народъ быстро наверстаетъ пройденный культурнымъ человѣчествомъ путь.

Будетъ ли лучше имъ?

Праздный вопросъ, на который не стоитъ отвѣчать. Думаю, впрочемъ, по мягкости характера кореецъ и въ культурѣ будетъ всегда во власти другихъ.

Сегодня утромъ наблюдаю, какъ корейцы дѣлають свою прическу.

Они чешутся разъ въ мѣсяцъ. Остальное время они, проснувшись, руками пригладиваютъ кверху свою прическу, туда къ макушкѣ, гдѣ она пишкой закручена. Болѣе франтоватые смазываютъ волосы масломъ, свареннымъ съ воскомъ, кладутъ въ масло ароматныя травы, по преимуществу гвоздику.

У каждого корейца обязательно есть маленькое зеркальце, которое продаютъ разносчики-китайцы.

Не даромъ костюмъ корейца напоминаетъ костюмъ дѣвушки. Онъ и наряды любитъ, любитъ и въ зеркальце посмотриѣться, движенія его жественны, а проходя мимо женщины, онъ и совсѣмъ превращается въ какую-то дѣвушку.

А настоящая дѣвушка? Не красива, мала. У нея очень некрасивая и неграціозная походка съ какимъ-то выворачиваніемъ впередъ себя ногъ. Такъ ходятъ и богатые, и бѣдные, — очевидно такъ принято, это хорошій тонъ.

Въ шесть часовъ утра свѣту нѣтъ еще, но въ просвѣтѣ будущаго дня видно далеко...

Прозрачная стальная вода рѣки усиливаетъ свѣтъ и рельефнѣе подчеркиваетъ спрятавшійся другой берегъ. У сѣрой скалы пріютилась фанза, среди коричневыхъ и сѣрыхъ тоновъ зеленыя сосны взбираются вверхъ по скалѣ.

И все такъ рельефно въ этомъ полусвѣтѣ, какъ вырисованная до мельчайшихъ деталей картинка.

А тутъ же за поворотомъ новый перекалъ съ громадными камнями, вода бурлитъ, кипитъ и бѣшено несется у громадныхъ, отвѣсно навис-

шихъ надъ рѣкой скалъ и кажется, не рѣка уже это, а скалистый берегъ моря въ разгарѣ шторма, и нѣтъ спасенья попавшему сюда кораблю.

Наша бабушка танцуетъ на волнахъ, скрипитъ и жалуется на старость, молитъ о вѣчномъ покоѣ, но желѣзный колоссъ, нашъ капитанъ, гигантскимъ рулемъ съ страшной силой загребааетъ воду и заставляетъ и бабушку, и воду повиноваться себѣ, и извивается шаланда между то спрятавшимися подъ водой, то торчащими скалами.

Совсѣмъ близко подойдетъ къ береговой скалѣ, вотъ, кажется, подхватило и несетъ насъ и нѣтъ спасенья...

— Шкпрво!

Несется рѣзкій, дикій окрикъ капитана и четыре китайца, какъ мчащіяся собаки съ прижатыми ушами, всѣ стоя, всей силой налегаютъ на весла и мчится вода, мчимся мы, мчатся всѣ эти изъ бронзы вылитыя статуи, фигуры матросовъ-китайцевъ.

А какъ добродушно, радостно, по-дѣтски смѣются они, когда опасность миновала, и подмигиваютъ намъ.

Это мужественные, сильные люди и они храбрѣе собратьевъ своихъ хунгузовъ. Тѣ дѣйствуютъ ночью и въ лѣсу, прячась за деревьями, эти при свѣтѣ дня грудь съ грудью схватываются безпрестанно съ опаснымъ и свободнымъ врагомъ. Врагъ, котораго любятъ, впрочемъ, больше друга.

— Тамъ въ И-джоу,—говорятъ они,—васъ повезутъ по морю на настоящемъ парусномъ суднѣ, саженъ въ десять. Тамъ матросы не намъ чета,—тамъ всегда надъ головой смерть.

Бытовая картинка: вверху по рѣкѣ толпа китайцевъ-матросовъ тянетъ шаланду. Ихъ человекъ двадцать, но издали это какіе-то клубочки. Всѣ они изогнулись и пригнулись къ рѣкѣ, упираясь ногами, хватаясь руками за камни почвы. Вся поза ихъ, натянутая, какъ струна, бичева говоритъ о крайнемъ ихъ напряженіи. Такъ будутъ они тащиться еще сто верстъ, дѣлая въ день по 5—6 верстъ, на каждомъ перекатѣ выгружая и нагружая снова шаланду.

Неудивительно, что пудъ муки послѣ этого стоитъ 4 р., а пудъ соли 80 к.

Такихъ матросовъ хозяева нанимаютъ по 40 долларовъ въ годъ.

Поднявшись къ мѣсту назначенія, они отправятся въ лѣса и тамъ будутъ готовить лѣсъ для сплава.

Весной шаланда, нагруженная хлѣбомъ, при двухъ-трехъ матросахъ безпрепятственно спустится по рѣкѣ, а остальные матросы пойдутъ на плотяхъ.

И у нихъ есть своя «дубинушка», короткая, заунывная. Слышатся сперва повышающіеся, затѣмъ спускающіеся съ замираніемъ звуки:

— Ганги! Эйлей-лей!

— Ганги! Эйлей-лей!

Что-то покорное, безнадежно-терпѣливое.

Тяжела жизнь корейца.

Съ виду, впрочемъ, мало это замѣтно, а на разстояніи даже получается отрадное впечатлѣніе.

Дѣйствительно, пріютилась красиво и уютно маленькая фанза; поля около нея. Счастливыи кореець самъ хозяинъ своей земли, не знаетъ никакой круговой поруки, платитъ за десятину пашни 40 к. подати, да съ каждой фанзы 30 к., довольствуется своимъ, обходится безъ денегъ, самыя ограниченныя потребности свои—соль, зеркальце, те-семки, для наряднаго платья бумажную матерію—вымѣниваетъ на чумизу, кукурузу, рисъ, и счастливъ.

Но когда подойдешь поближе, то происходитъ нѣчто подобное тому, что мы видимъ на Пектусанѣ: издали—равнина, а спустишься—милліоны скрытыхъ, какъ западня, глубочайшихъ овраговъ.

Много такихъ овраговъ у корейцевъ,—рабство (въ голодные года родители продаютъ своихъ дѣтей), хунгузы, несправедливое, жадущее взятокъ, ищущее только предлога, чтобы схватить провинившагося и начать мотать съ него жилы—его начальство, начиная отъ ничтожнаго пудни (староста), уже облеченнаго очень большими правами (розга, легкая пытка). И это каждого, кто только провинится или подозрѣвается только въ преступленіи. А предразсудки старины, вяжущіе корейца по рукамъ и ногамъ!

За своими предками, святыми горами, имѣющими способность оплодотворять избранныхъ женщинъ, за всѣми этими драконами, ку-реями, тиграми, тысяченожками съ переселенными въ нихъ человѣческими душами, со всѣми своими тоинами (предсказателями), бонзами и ворожеями, съ убѣжденіемъ, наконецъ, что все дѣло въ томъ, чтобы удачнымъ выборомъ могилы найти, какъ кладъ, свое счастье, и тогда не надо ни образованія, ни ума, ни способностей,—всѣмъ этимъ, какъ веревками, опутанъ кореець уже много тысячелѣтій, за всѣмъ этимъ ничего онъ не видитъ, не слышитъ и слышать не хочетъ или не можетъ уже.

Это какое-то состояніе вѣчнаго дѣтства, вѣчныхъ сказокъ, того возраста, когда дѣти вѣрятъ еще въ сказки, когда ребенокъ смотритъ на каждого и сомнѣвается—кто передъ нимъ: такой же, какъ онъ, обыкновенный житель земли, или пришлецъ иного міра.

Надо бѣжать отъ злого человѣка, злой горы, тигра, барса, начальства, господина, надо бояться всѣхъ и вся...

И вся прелесть этой первобытной жизни сводится, въ сущности, къ заячьимъ ногамъ.

Но это уже не человѣкъ, а заяць.

А возьмите года невзгодъ: года эпидемій безъ докторовъ, голодные года безъ путей сообщеній.

По истинѣ, надо быть свихнувшимся человѣкомъ, чтобы въ этой первобытной идилліи находить какую бы то ни было прелесть...

А какая грязь, какія насѣкомыя...

Я уже не говорю о положеніи людей другой расы, привыкшихъ къ кое-какимъ удобствамъ и совершенно, какъ теперь мы, липенныхъ ихъ.

А ужасная проказа: въ деревнѣ Ходянби, въ 500 фанзъ, 7 прокаженныхъ. Они живутъ вмѣстѣ съ остальными; эти остальные пьютъ съ ними, ѣдятъ. И такъ по всей той Корей, которую я прошелъ.

А сколько калѣкъ, уродовъ, какая смертность!

Спросите въ каждой деревнѣ и вездѣ вамъ скажутъ или, что то же количество, что и прежде, народу живетъ теперь на свѣтѣ, или убавляется.

Убавленіе на свѣрѣ очевидно: брошенные фанзы, деревни, упраздненные города, теперь жалкія деревушки—на каждомъ шагу.

Одинъ большой оригиналъ нашего времени, большой недостаточной культурностью, говоритъ:

— Я ѣду отдыхать сюда отъ тяжести нашей культуры.

На вкусъ и цвѣтъ товарищей нѣтъ. Оригиналъ такимъ и останется, но все человѣчество не живетъ жизнью оригиналовъ.

Ему нужны безопасныя, обезпечивающія его жизнь и потребности условія существованія, и никто не станетъ спорить, что гдѣ-нибудь въ Бельгій они обезпечены, чѣмъ здѣсь.

Я, по крайней мѣрѣ, спасенный чудомъ отъ дикихъ хунгузовъ, не буду спорить и думаю, что уничтожить этихъ хунгузовъ можно только съ помощью общечеловѣческой культуры, и я думаю, что примѣръ здѣшней пятитысячелѣтней культуры, выработавшей людямъ маленькія, отупѣвшія головы и заячьи ноги—хорошій примѣръ.

Оставимъ всѣ эти вопросы,—они раздражаютъ только.

Заблужденіе, какъ эпидеміи, горячечный бредъ, приходятъ и уходятъ. Горячечнаго не убѣдишь, а выздоровѣвшаго убѣждать не въ чемъ. Да и безобидны эти заблужденія: не переменяются законы жизни отъ того, что тотъ или другой желалъ бы такъ или иначе повернуть жизнь. Жизнь идетъ по своимъ законамъ и людьми достаточно прожито, чтобы при желаніи нельзя было уяснить себѣ истинный смыслъ этихъ законовъ.

Часа черезъ два послѣ встрѣчи съ китайцами-бурлаками мы уже сами бурлачили, таща нашу бабушку по каменистому мелкому перекату.

Китайцы, голые, въ водѣ, мы не ѣ, захвативъ веревку, тащились, пригнувшись и напрягаясь по берегу.

Часа въ три протащили сажень сто. Несчастные китайцы посиныѣли, не смотря на весь свой бронзовый цвѣтъ, и щелкали зубами, какъ волки. Чѣмъ дальше, тѣмъ ниже и мельче рѣка. Такъ будетъ еще верстъ 50 до впаденія большой рѣки справа.

Все тѣ же горы футовъ въ пятьсотъ, отдѣльныя, частью покрытыя желтой и красной листвою кустарника, виноградника, рѣдкаго, никуда негоднаго лѣса.

Крайне только рѣдко попадаются обнаженные скалы и по преимуществу у обрывистыхъ береговъ.

Тогда вверхъ уходятъ каменистыя террасы, поддерживаемыя точно

колоннами; цвѣтъ этихъ скалъ сѣровато-розово-красно-темный. Косые лучи солнца просвѣчиваютъ ихъ и тогда кажутся онѣ, точно своимъ цвѣтомъ окрашенные, прозрачныя.

Сегодня пришли на ночевку въ корейскую деревню Минтоцанкари и въ первый разъ встрѣтили негостепріимное отношеніе со стороны одной корейской фанзы.

П. Н. не только не впустилъ хозяинъ, но и ругался очень энергично. Его черные глаза съ красными бѣлками метали искры, онъ не говорилъ, а кричалъ, темный, черный, взбѣшенный.

— Что онъ говоритъ?

— Онъ говоритъ: вы всѣ прокляты, другіе народы, я до сихъ поръ васъ не видѣлъ и не хочу никогда видѣть.

— Скажите ему, что мы пришли сюда не ссориться, что мы считаемъ корейцевъ братьями и до сихъ поръ вездѣ насъ встрѣчали гостепріимно, какъ слѣдуетъ встрѣчать гостей. Когда онъ къ намъ придетъ, мы встрѣтимъ его гостепріимно. А затѣмъ, оставьте его и спросите, кто желаетъ насъ принять.

— Всѣ желаютъ, кромѣ этого; его всѣ ругаютъ и извиняются; говорятъ, что онъ суеи выпилъ.

Пришелъ какой-то старикъ и сталъ кричать на строптиваго хозяина фанзы.

— Что онъ кричитъ?

— Онъ упрекаетъ этого хозяина, что онъ до сихъ поръ полагающихся съ него дровъ не доставилъ для школы, а гостямъ умѣть грубить.

Хозяинъ послѣ этого ушелъ къ себѣ и мы больше не видѣли его.

Деревушка въ восемь дворовъ, а школа есть.

Конечно, школа—это еще только звукъ пустой.

Школа и школа. Татары и корейцы тысячелѣтія обучаютъ въ своихъ школахъ, да толку мало. Чему учить и какъ учить?

— Чему учать въ школахъ?

— Женской грамотѣ, древнимъ словамъ, какъ почитать предковъ, небо, адъ, святыя горы.

— А знаніе, ремесло даютъ въ этихъ школахъ?

Что-то такое заговорили: бурумъ, бурумъ, бурумъ. Смѣются.

Смѣется и П. Н.

— Ничего этого, говорятъ, нѣтъ у насъ.

Я вспоминаю нашего предводителя дворянства Чеботаева, онъ то же настаиваетъ, что школа должна обучать древне-славянскому церковному пѣнію, но отнюдь не оскверняться разными ремеслами и знаніями: для какого-нибудь англичанина-туриста слова нашего Чеботаева такъ же звенятъ въ его ухѣ, какъ въ моемъ звенятъ эти безнадежно-добродушные бурумъ, бурумъ, бурумъ...

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Новый романъ Зола «Плодовитость» («La Fécondité»).—Грубая тенденціозность этого романа.—Крайняя нехудожественность пріемовъ.—Мелкая и пошлая критика Зола и его полное непониманіе общественныхъ причинъ вырожденія Франціи.—«Встрѣча», повѣсть г. Потапенко.—Интересные типы молодого поколѣнія, намѣчаемые авторомъ.—Произведеніе г. Михайловскаго «Изъ романа «Карьера Оладушкина».—«Маруса», рассказъ г. Короленко.

Новое произведеніе Зола, какъ и всѣ его прежнія послѣдняго періода, дѣлакомъ тенденціозное, и въ этомъ отношеніи оставляетъ за флагомъ все, что имъ написано ранѣе. Если и прежде идея, которою задается авторъ, красною нитью проходила черезъ романы Зола, то во всякомъ случаѣ она болѣе или менѣе умѣло переплеталась съ художественнымъ изображеніемъ жизни. Художественность сильно страдала отъ этого, но не подавлялась окончательно, до полнаго почти уничтоженія. Въ каждомъ его романѣ, даже наименѣе удачномъ, въ родѣ «Парижъ» или «Римъ», можно было указать прекрасныя страницы, полныя яркихъ описаній жизни, отрицать блестящія характеристики и смѣлыя обобщенія.

Совсѣмъ не то его послѣднее произведеніе «Плодовитость», которое не столько романъ, сколько соціологическій трактатъ по вопросу, очень важному для Франціи и мало затрогивающему интересы другихъ народовъ. Это чисто французское дѣло, рѣчь идетъ все время о замѣчательномъ фактѣ вырожденія дѣловой націи, численный ростъ которой не только остановился во второй половинѣ текущаго столѣтія, но началъ падать и съ каждымъ годомъ все сильнѣе. Для Франціи возникаетъ грозный вопросъ, что дѣлать, чтобы предотвратить несомнѣнное вымирание націи? Въ романѣ этотъ вопросъ трактуется авторомъ какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и весь романъ есть только иллюстрація различныхъ сторонъ его и разныхъ причинъ, его обуславливающихъ.

Въ сущности и романа нѣтъ никакого. Нѣтъ ни объединяющей фабулы, ни завязки, ни развязки, а рядъ грубо скомпонованныхъ отдѣльныхъ исторій, нанизанныхъ на общую тему—вырожденіе и борьба съ нимъ. Съ одной стороны въ общую вучу свалены исторіи разныхъ представителей всѣхъ классовъ и сословій, употребляющихъ всѣ усилія, чтобы отдѣлаться отъ дѣтей, съ другой—имъ противопоставляется исторія добродѣтельной, здоровой и счастливой семьи, истиннаго олицетворенія плодовитости. Матье Фроманъ, счастливый мужъ и семьянинъ, является представителемъ всѣхъ здоровыхъ началъ жизни какъ частной, такъ и общественной, и устами его то и дѣло говоритъ самъ авторъ. Послѣднее обстоятельство очень важно. Оно обнаруживаетъ, помимо нехудожественности самого пріема, удивительную слабость мысли Зола и неумѣніе его разобратъ въ фактахъ, подмѣченныхъ авторомъ очень вѣрно и освѣщаемыхъ каждый въ отдѣльности правильно.

Зола представляетъ самъ по себѣ очень характерное для французской буржуазіи явленіе, въ которомъ съ рѣдкой яркостью отразилось вырожденіе этого

класса и его полная неспособность къ дальнѣйшей эволюціи. Онъ видитъ зло, понимаетъ его, смѣло смотритъ ему въ глаза, но какъ только дѣлаетъ попытку къ его устраненію, сейчасъ же сказывается отсутствіе силы для борьбы съ нимъ, и Зола начинаетъ повторять банальныя мысли, даже не замѣчая ни противорѣчій, ни устарѣлости своихъ совѣтовъ. А между тѣмъ Зола—одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ умовъ Франціи, безупречный борецъ за правду, готовый доводить ее до всѣхъ логическихъ заключеній, не опасаясь никакихъ крайностей. На его примѣрѣ можно выяснить, насколько каждый изъ насъ мыслить не какъ самостоятельная, критически относящаяся ко всему личность, а какъ социальная единица, всѣми фибрами существа своего связанная со средой, со своимъ классомъ, съ временемъ и мѣстомъ. Зола—представитель французской буржуазіи, правда, лучшей ея части, самой просвѣщенной и передовой, считающей въ своихъ рядахъ интеллигенцію Франціи. Эта высоко просвѣщенная буржуазія, проникнутая всецѣло принципами 89-го года, готовая на каждомъ шагѣ отстаивать дорогія ей права гражданина и человѣка, что она и доказала недавно въ дѣлѣ Дрейфуса,—тѣмъ не менѣе, не въ силахъ перешагнуть за тотъ магическій кругъ мысли, который создается условіями ея экономического быта. Зола смѣлѣе и искреннѣе другихъ, но и онъ бродитъ все время на окраинѣ круга, колеблющійся и сомнѣвающійся, но недостаточно сильный, чтобы перешагнуть за эту окраину и взглянуть на жизнь современной Франціи съ другого берега, гдѣ тотъ же вопросъ о размноженіи разсматривается пролетариатомъ, или лучше сказать—переживается имъ.

Матье Фроманъ стоитъ на рубежѣ между обоими классами. Онъ—техникъ и очень искусный чертежникъ-механикъ, создающій проекты новыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ для завода своего родственника Бошена, крупнаго капиталиста-фабриканта, на двоюродной сестрѣ котораго онъ женатъ. У него прелестная жена, здоровая и сильная, мать уже пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ живы четверо. Это обиліе дѣтей послѣ восьмилѣтняго брака вызываетъ постоянныя насмѣшки и даже укоры со стороны другихъ родственниковъ, несравненно болѣе обеспеченныхъ, чѣмъ Матье. Въ такой чрезмѣрной плодовитости они усматриваютъ крайнюю безпечность Матье и его жены, которые плодить «нищихъ», не задумываясь о будущности своей и своихъ дѣтей. Бошени и его жена, напротивъ, всю свою гордость полагаютъ въ томъ, чтобы удесатерить свое имущество и передать его единственному сыну нераздѣленнымъ, потому что для нихъ все значеніе и смыслъ жизни въ богатствѣ. Если бы у нихъ было нѣсколько дѣтей, это богатство пришлось бы дѣлить и этимъ ослабить его силу, и они твердо рѣшаются не имѣть больше дѣтей. Мать въ особенности настойчива и даже снисходительно относится къ мужу, который на сторонѣ ищетъ удовольствія своимъ супружескимъ инстинктамъ. Ихъ мѣщанская грубая философія, сводящая все къ неизменнымъ цѣлямъ, въ основѣ которыхъ лежатъ деньги, деньги и деньги, мало смущаетъ Матье.

«Вопросъ о рождаемости дѣтей казался ему самымъ страшнымъ и грознымъ изъ всѣхъ социальныхъ задачъ въ качествѣ основного вопроса, рѣшающаго судьбу міра и человѣчества. Прогрессъ обуславливался каждый разъ избыткомъ рождаемости. Если народы подвергались процессу умственного и нравственного развитія, вызывавшаго ростъ цивилизаціи, то потому лишь, что сами плодились и множились, расселяясь затѣмъ по лицу земли. Грядущій прогрессъ, долженствующій привести къ торжеству истины и справедливости, несомнѣнно будетъ вызванъ постоянно усиливающимся напоромъ численнаго перевѣса, порождаемаго плодовитостью неимущаго рабочаго люда. Матье не высказывалъ себѣ всего этого въ столь опредѣленной формѣ и даже нѣсколько стыдился того, что обзавелся уже четырьмя дѣтьми. Его смущали совѣты Бошеновъ, практическое благоразуміе которыхъ не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію,

по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія личнаго эгоизма. Противъ нихъ, однако, боролась у него въра въ жизнь и въ то, что возможно большее количество жизни должно повлечь за собою соотвѣтственное увеличеніе счастья. Каждое живое существо, не исключая и человѣка, рождается лишь для того, чтобы создавать жизнь, передавать ее и распространять возможно болѣе въ лицѣ своихъ потомковъ».

Однако, такая упрощенная философія, основанная болѣе на инстинктѣ, чѣмъ на сознаніи своихъ общественныхъ обязанностей, начинаетъ колебаться по мѣрѣ того, какъ авторъ заставляя своего героя сталкиваться съ разными противниками спасительности его идеи плодovitости. На ряду съ представителями богатой высшей буржуазіи, тѣхъ же идей объ ограниченіи дѣторожденія держится и слѣдующій слой мелкой служилой буржуазіи, которая сокращеніемъ числа дѣтей думаетъ улучшить свое матеріальное положеніе. Представителемъ этого слоя является бухгалтеръ Моранжъ и его семья. Далѣе идетъ аристократія и представители умственныхъ интересовъ, литературы и искусства, которые проповѣдуютъ то же, что Бошены и Моранжи, во имя высшихъ интересовъ, находя плодovitость чѣмъ-то низменнымъ и унижительнымъ для человѣка. Сильное впечатлѣніе на бѣднягу Матье производитъ споръ на эту тему между нимъ и писателемъ Сантерромъ, моднымъ романистомъ, поставившимъ утонченную и развратную литературу для пресытившихся и оступившихъ верхнихъ слоевъ буржуазіи и родовитой аристократіи. Сантерръ, развратникъ и пессимистъ, щеголяющій своимъ мрачнымъ отношеніемъ къ жизни, которую въ сущности очень и очень одобряетъ и гдѣ можно пользуется ея благами «до-сыта», «до отвала». Его пріятель Сегенъ, богачъ, корчащій изъ себя философа во вкусѣ Нитше, тоже нападаетъ на плодovitость, какъ свойство неразвитыхъ и грубыхъ натуръ. Оба въ одинъ голосъ твердятъ, что парижане, ограничивая число дѣтей до *minimum'a*, поступаютъ такъ не только изъ благоразумія, но и потому, что «Парижъ хочетъ остаться самимъ собою именно потому, что онъ самый интеллигентный и богатѣе цивилизованный городъ». «Поймите же,—пытуются они убѣдить Матье.—что цивилизація, создавая новыя наслажденія, изощряя умы и открывая имъ новыя поприща дѣятельности, благопріятствуетъ отдѣльной личности въ ущербъ племени. Чѣмъ болѣе цивилизуются народы, тѣмъ менѣе они рождаютъ дѣтей. Мы, французы, идемъ впереди другихъ народовъ, и потому пришли первые къ практической мудрости, избавляющей страу отъ безполезнаго и вреднаго избытка плодovitости. Такимъ образомъ, мы подаемъ всему цивилизованному міру высоконравственный примѣръ разсудительной сдержанности. Весь міръ, безъ сомнѣнія, будетъ слѣдовать этому примѣру, когда народы станутъ достигать каждый въ свою очередь одинаковой съ нами степени совершенства».

Такое quasi-философское обоснованіе уменьшенія дѣторожденія вызываетъ въ мысли Матье полный сумбуръ и смущаетъ его до такой степени, что онъ и самъ начинаетъ колебаться, правильно ли поступаетъ онъ и его жена, слѣдуя голосу природы и повинувась своей любви? Не разумнѣе ли всѣ эти богатые и бѣдные буржуа, аристократы и умники, которые ставятъ себѣ цѣлью не увеличеніе человѣчества, а достиженіе возможно большей суммы наслажденій? Весь Парижъ представляется ему кипящимъ жаждой наслажденій, и онъ самъ почти готовъ отказаться отъ своей прежней чистой и здоровой семейной жизни и отдаться общему теченію. Его удерживаетъ не столько голосъ благоразумія и чести, сколько смутный страхъ предъ этой грязной волной разнузданныхъ страстей, въ которой, ему представлялось, погруженъ весь Парижъ. Нарисовавъ съ обычнымъ талантомъ картину опяняющей парижской ночи, Зола раздражается патетической тирадой противъ человѣчества, которое одно во всей природѣ нарушаетъ сознательно ея законы и губитъ несчетное количество жизней

*

безъ всякаго разумнаго основанія, единственно ради наслажденій. Вся тирада проникнута пантеистическимъ благоговѣніемъ къ силамъ природы и ея разумности, но обнаруживаетъ въ авторѣ поразительно слабое пониманіе социальныхъ условій жизни, которыя и создаютъ эту утонченность разврата однихъ, и грубое пренебреженіе въ другихъ классахъ общества. Правильно отрицая философію, образчики которой приведены выше, Зола ничего не можетъ придумать въ отвѣтъ, кромѣ этого воззванія къ благодѣтельной матери-природѣ.

Матье, потрясенный и возбужденный, бѣжитъ къ себѣ, домой, въ уединенный уголокъ вблизи Парижа, по нашему на дачу, гдѣ онъ устроилъ свою семью, и сгоряча начинаетъ убѣждать и жену въ необходимости ограничить число дѣтей. Къ счастью для него, здоровая и чистая натура жены возмущается его разсужденіями, и Матье также быстро впадаетъ въ оптимизмъ, какъ раньше въ пессимизмъ. Зола не даетъ себѣ никакого труда обосновать эти рѣзкіе переходы въ психикѣ героя и снова воспѣваетъ гимнъ природѣ, которая въ лицѣ жены Матье, Маріанны, одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ разсудкомъ, всегда склоннымъ къ увлеченіямъ въ сторону эгоизма.

«Дѣти росли обильнѣе всего на почвѣ нужды и невѣжества. Матье находилъ, однако, теперь этотъ социальный фактъ зависящимъ преимущественно отъ условій общественной среды, въ которой онъ происходитъ. Нужда вызывается скудоуміемъ и несправедливостью. Ошибочно было бы возлагать отвѣтственность за нее на нашу кормилицу-землю, которая, при надлежащемъ разумномъ уходѣ, могла бы прокормить и вдесятеро болѣе многочисленное населеніе. Несомнѣнно, что желательнѣе имѣть десять тысячъ счастливыхъ, чѣмъ сто тысячъ несчастныхъ, но позволительно спросить, отчего эти сто тысячъ несчастныхъ, которыхъ признаютъ теперь лишними, не могли бы потрудиться надъ расширеніемъ жизненнаго поприща, чтобы заручиться каждому такимъ же счастьемъ, какъ и десять тысячъ привилегированныхъ, эгоистическое благополучіе которыхъ хотѣли обезпечить ограниченіемъ силы природы?»—и Матье, восторженный и умиленный, примиряется съ своей жизнью, а Зола награждаетъ его за это дюжиной дѣтей.

Но всѣ остальные персонажи романа, устроившіе себѣ жизнь наперекоръ стихіямъ, жестоко преслѣдуются авторомъ, который на каждого изъ нихъ обрушиваетъ рядъ бѣдствій. Единственный сынъ у Бошеновъ умираетъ, семья ихъ разстраивается, у Сегена происходитъ скандалъ, въ результатъ котораго супруги разводятся и т. д.

Только одинъ Матье процвѣтаетъ, и это единственныи случай у Зола, когда добродѣтель торжествуетъ, а пороки наказываются. Матье бросаетъ фабрику и по авторскому велѣнію превращается изъ механика-чертежника въ заправскаго земледѣльца, удивительнымъ и непостижимымъ образомъ превращающаго пустырь въ золотое дно, гдѣ поля золотятся пшеницей, неисчислимыя стада бродятъ, никѣмъ не хранимыя, а его дюжина дѣтей плодится и множится, и подъ бокомъ развратнаго Парижа расцвѣтаетъ арадская идиллія.

Мораль отсюда такова, что надо бросить большіе города и вернуться на лоно природы, гдѣ пусть каждый обрабатываетъ садъ свой, по старинному завѣту доктора Панглосса. Правда, есть и на солнцѣ пятна, и такимъ пятномъ является сосѣдъ Матье, прирожденный крестьянинъ Лепельеръ, который не хуже парижанъ придерживается идеи ограниченія дѣторожденія и всѣми помыслами стремится вырвать своего сына изъ деревни и пересадить его въ городъ, чтобы создать ему лучшую судьбу. Но это пятнышко авторъ легко обходитъ. Когда не будетъ городовъ, соблазняющихъ крестьянъ, некуда имъ будетъ переселяться, и все придетъ въ норму. А между тѣмъ это пятно, въ видѣ крестьянина Лепельера съ его городскими вождельніями, могло бы затемнить всю идиллію автора, если бы онъ обратилъ вниманіе на фактъ, вполне установленный те-

перь, что именно сельскія общины во Франціи страдаютъ отъ вырожденія. Единственный приростъ Франціи даютъ большія города, именно крупныя фабричныя центры, безъ которыхъ Франція быстро вымерла бы. Только эти центры уравновѣшиваютъ убыль населенія въ деревняхъ, гдѣ буржуазныя тенденціи къ сокращенію дѣтей прочно укоренились и даютъ теперь блестящій результатъ въ видѣ вымиранія деревенской Франціи. Слѣдовательно, лоно природы также мало вліяетъ на нравы въ этомъ отношеніи, какъ и городской развратъ.

Противопоставленіе человѣка и природы, назойливо проводимое Зола черезъ весь романъ, доводитъ идею автора до комизма, какъ, напр., въ описаніи благополучія семьи Матье. Отъ этого вся положительная сторона романа страшно теряетъ въ глазахъ читателя. вмѣсто умнаго и талантливаго наблюдателя, предъ нами еще одинъ утопистъ, закрывающій глаза на текущую дѣйствительность и думающій увлечь читателя миражемъ. Благодаря слабости положительной части романа, много проигрываетъ и обратная сторона, гдѣ авторъ съ большимъ знаніемъ дѣла рисуетъ картины парижскихъ нравовъ. Получается невѣрное освѣщеніе и подрывается довѣріе къ автору, хотя несомнѣнно въ той части, гдѣ Зола съ свойственнымъ ему мастерствомъ выводитъ рядъ отрицательныхъ типовъ, много горькой правды, имѣющей значеніе не для одного Парижа. Избіеніе младенцевъ, практикуемое тамъ тысячею легальныхъ и нелегальныхъ способовъ, составляетъ характерную черту нравовъ современной городской жизни, на что указываетъ статистика смертности дѣтей въ большихъ городахъ всей Европы, въ томъ числѣ и нашихъ. Но впечатлѣнію отъ отрицательной части романа много мѣшаетъ нехудожественность построенія всего романа. Безчисленныя печальныя исторіи, имъ рассказываемыя, не слагаются въ общую картину жизни, какъ это мы видимъ въ другихъ произведеніяхъ Зола, напр., «Парижъ». Это послѣднее произведеніе, при всѣхъ крупныхъ недостаткахъ, даетъ превосходно нарисованную, выдержанную до мелочей картину упадка высшей французской буржуазіи. Въ «Плодовитости»—ничего подобнаго. Авторъ водитъ насъ по разнымъ притонамъ, гдѣ порокъ создалъ себѣ ремесло изъ дѣтоубійства, по альковамъ и спальнямъ, гдѣ въ тиши совершаются омерзительнѣйшія дѣла, по больницамъ и докторскимъ кабинетамъ, гдѣ науку дѣлаютъ участницей преступленія. Но все это, — не искусство, а иллюстраціи къ разнымъ положеніямъ автора, которыя торчатъ, какъ шести съ соответствующими надписями.

«Плодовитость» можетъ интересовать развѣ съ одной лишь точки зрѣнія, какъ отраженіе нѣкоторыхъ сторонъ общественнаго настроенія во Франціи, гдѣ дѣйствительно вопросъ о вырожденіи является однимъ изъ самыхъ грозныхъ современныхъ вопросовъ. Зола его не разрѣшаетъ, но натискъ, съ которымъ онъ его представляетъ вниманію большой публики, несомнѣнно окажетъ свое вліяніе.

Недавно намъ приходилось говорить о романѣ, въ которомъ авторъ дѣлаетъ неудачную попытку дать характеристику «второго поколѣнія» и вмѣсто характеристики даетъ рядъ зарисовокъ, хотя и съ добрыми намѣреніями. Предъ нами теперь новое произведеніе, гдѣ опять фигурируетъ молодое, тоже «второе» поколѣніе, именно въ новой повѣсти г. Потапенко «Встрѣча», печатающейся въ «Рус. Мысли». И нужно признать, что авторъ сумѣлъ намѣтить нѣсколько типовъ изъ этого поколѣнія и очень интересно намѣтить.

За г. Потапенкой утвердилось мнѣніе, какъ объ авторѣ, слишкомъ много пишущемъ и потому поверхностномъ. Намъ уже случалось говорить, насколько подобное мнѣніе слишкомъ огульно и вообще несправедливо, и насколько обвиненіе въ много и скорописаніи, развѣ только въ сравненіи съ малописаніемъ другихъ извѣстныхъ беллетристовъ, можетъ быть допустимо и то лишь до извѣстной степени. На самомъ дѣлѣ авторъ, дающій одно большое произведеніе въ годъ, только у

насть, при извѣстной малой продуктивности русскихъ, можетъ считаться чѣмъ-то особеннымъ, изъ ряду вонъ выходящимъ. На Западѣ это считается явленіемъ общимъ, что беллетристы, какъ, напр., Зола изъ живущихъ нынѣ, даютъ ежегодно по большому тому, который никому не кажется превосходящимъ силы автора, или истоощающимъ его талантъ. Если же оставить въ сторонѣ этотъ обычный упрекъ по адресу г. Потапенки,—за нимъ остается несомнѣнное и очень цѣнное для беллетриста достоинство—умѣнье затрогивать всегда живыя и жизненные темы. Припомнимъ, хотя бы, его «Любовь» или «Смертный бой», въ которыхъ были развиты очень важные и глубоко реальныя вопросы, способные волновать и вызывать живѣйшіе споры, именно вопросы о самостоятельности женщины, о ея правѣ на жизнь, какъ вполнѣ свободной личности. Въ названныхъ произведеніяхъ особую цѣнность имѣла оригинальная постановка самыхъ вопросовъ, не шаблонное развитіе ихъ и новое отношеніе къ нимъ автора.

Въ новой повѣсти г. Потапенко также оригинально и по своему обрисовываетъ современные типы молодежи. Повѣсть начинается живымъ и крайне характернымъ разговоромъ между отцомъ и сыномъ. Этотъ діалогъ сразу вводитъ насъ въ центръ вопроса объ отношеніяхъ между двумя поколѣніями, изъ которыхъ одно сходитъ со сцены, другое еще готовится вступить въ жизнь. Отецъ, именитый и важный чиновникъ, съ нѣсколькими либеральнымъ оттѣнкомъ мнѣній, задѣваетъ за живое юношу-студента упрекомъ въ равнодушіи, въ безразличіи, въ холодномъ отношеніи къ жизни. Въ словахъ отца собраны тѣ общія обвиненія, которыя такъ щедро сыплются на голову современнаго поколѣнія. На ироническое замѣчаніе сына, что отъ горячихъ словъ никому не становится теплѣе, отецъ раздражается дифирамбомъ въ честь старшаго поколѣнія, которое, по его словамъ, умѣло чувствовать, кипѣло и волновалось. «Въ наше время шла борьба за права человѣка въ высшемъ значеніи этого слова. Наше поколѣніе вело отчаянную борьбу, отстаивало права народа, потому что у народа тогда еще были живые враги, у которыхъ вырвали кусокъ изъ-подъ носа. Наше поколѣніе добивалось большого, очень большого, что даже и ему было не подъ силу. Наше поколѣніе, можетъ быть, заблуждалось, но оно шло на проломъ, грудью... Вотъ хоть бы твой дядя Григорій Петровичъ, вспомни-ка его судьбу, вспомни, чѣмъ онъ пожертвовалъ. Не даромъ у насъ было знамя и на этомъ знамени было написано: сѣйте разумное, доброе, вѣчное! Вотъ что такое было наше поколѣніе!» Но эта горячая тирада не оказываетъ никакого вліянія на студента, и потомъ на единѣ съ сестрой онъ поясняетъ, почему всѣ эти горячія слова ни мало его не волнуютъ.

Онъ беретъ формулярный списокъ отца, случайно попавшій ему въ руки, и холодно комментируетъ роль отца въ этой «борьбѣ», о которой тотъ такъ пылко вспоминалъ.

«— Ты понимаешь, Нада, — говоритъ онъ сестрѣ, — въ чемъ тутъ дѣло? Слова-то какія хорошія! Все самыя лучшія слова: огонь, честность, пылъ, душа, народъ, права человѣка, доброе, разумное, вѣчное... И они такъ *замаскали* эти слова, что совѣстно пользоваться ими. Они обобрали насъ... Ахъ, если я позволяю себѣ говорить такія грубыя слова, такъ, значитъ, у меня уже дошло до этого... Ты пойми, я теряюсь... Люди, на которыхъ я смотрѣлъ какъ на какихъ-то полубоговъ, вдругъ оказываются нищими, украденными у кого-то богатыя одежды и нарядившимися въ нихъ... Отецъ... Развѣ онъ одинъ? А этотъ профессоръ съ дивными волосами, мѣтящій въ высокія сферы и сдѣлавшій своимъ конькомъ затрапезныя рѣчи... Когда подадутъ шампанское, онъ встаетъ и начинаетъ деревяннымъ голосомъ жевать бездарную жвачку и жуеетъ ее полчаса. Но вотъ онъ чувствуетъ, что пора кончить, тогда онъ призываетъ на помощь два десятка честныхъ словъ, всегда готовыхъ къ его услугамъ,

возвышаетъ голосъ, выпаливаетъ ихъ съ поддѣльнымъ жаромъ, искусственно выпучиваетъ глаза въ знакъ энтузіазма и бессмысленно выкрикиваетъ: честность, трудъ, поколѣніе борцовъ, права человѣка! И бьетъ себя въ грудь и на стѣну лѣзетъ... И ему кричатъ ура, аплодируютъ, онъ всѣмъ протягиваетъ объятія въ знакъ братства народовъ... А въ то же время лазаетъ по канцеляріямъ, выхлопываетъ себѣ разныя льготныя пенсіи и устраиваетъ свои дѣлишки... И всѣ эти господа. дружески, запросто посѣщающіе кабинетъ отца, всѣ они ѣздятъ на однихъ и тѣхъ же словахъ, всѣ они никогда ничѣмъ не рискнули, не пожертвовали, все это дѣлали за нихъ другіе, а они, въ минуту, когда требовались отъ нихъ рѣшительныя доказательства, брали отпуска и ѣхали въ Монте-Карло проигрывать прогонныя деньги... А, да что говорить! Вотъ эта тетрадь...»—и онъ беретъ формуляръ отца и читаетъ изъ него отрывки: «Вотъ: въ 1865 г. герой этой канцелярской поэмки,—будемъ такъ называть его,—кончилъ университетъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ, и тогда же поступилъ на службу... Карьера пошла быстро... Въ 1871 г. онъ уже товарищъ прокурора. Но затѣмъ для пользы службы и согласно собственному желанію, его перевели въ вѣдомство министерства финансовъ. Тутъ дѣло пошло быстрѣе. Въ 1875 г. онъ уже управляетъ казенной палатой въ губернскомъ городѣ... Въ 1879 его перевели въ Петербургъ, а потомъ... потомъ онъ получаетъ свой теперешній постъ... Припомни, что было съ гордостью сказано сегодня за обѣдомъ: «въ наше время боролись за права человѣка въ высшемъ значеніи этого слова... мы вели борьбу, мы отстаивали права народа... Мы шли на проломъ, мы сѣдали разумное, вѣчное»... Вотъ какія слова. А записано это такъ: за успѣшное завершеніе податныхъ затрудненій—чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника... Подати нужны. Безъ нихъ у государства не будетъ денегъ, и за это отличаютъ наградою. Я ничего не имѣю противъ награды,—но гдѣ же тутъ разумное, доброе, вѣчное? Мы жили въ деревнѣ въ прошломъ году, и къ намъ часто ѣздилъ становой приставъ. Онъ тоже выколачивалъ недоимки, это—его обязанность. Такъ онъ не только не говорилъ, что сѣеть разумное, доброе, вѣчное, а напротивъ, разъ десять повторилъ мнѣ: пресверная наша обязанность, Сергѣй Валерьяновичъ! Если бы не семейство, такъ бросилъ бы и пошелъ хоть въ пещи къ мировому судѣ. Это я понимаю. Коли обязанъ, дѣлай, но не говори красивыхъ словъ».

Эта жестокая отповѣдь дышетъ искренностью и правдой, и разочарованіе въ значеніи красивыхъ словъ, которое переживаетъ студентъ въ повѣсти г. Потапенки, обще многимъ изъ его товарищей и сверстниковъ. Въ результатѣ—та сдержанность, которую многіе принимаютъ за равнодушіе и безчувствіе, но которая говоритъ скорѣе объ извѣстной стыдливости чувства, объ опасеніи, чтобы слова и у нихъ не оказались только слова, разъ нѣтъ полной увѣренности, что за ними послѣдуетъ и дѣло. Сергѣй, по его выраженію, «борется со словами». Его мучитъ противорѣчье, которое онъ видитъ на каждомъ шагѣ между словами и дѣломъ, и онъ страстно мечтаетъ о жизни, въ которой слово сливалось-бы съ дѣломъ. Судьба сталкиваетъ его съ дѣвухой незауряднаго типа, которая также пытается вырваться изъ пошлой житейской обстановки, гдѣ внѣшности отдано все и ничего нѣтъ внутри, ничего существа, настоящаго, своего. Она, какъ и студентъ, желаетъ добиться чего-либо своего, во что стояло-бы вѣрить и за что стояло-бы бороться. «Насъ заставляютъ вѣрить въ людей, которые не внушаютъ вѣры, и мы должны сами, во что-бы то ни стало, отыскать для себя то, во что надо вѣрить».

Бодростью и силой вѣетъ отъ этихъ словъ, подъ которыми чувствуется горячая жажда правды, и какъ далеко это отъ разочарованія или равнодушія! Первый шагъ въ направленіи къ собственной выстрадаваемой правдѣ уже сдѣланъ, когда люди разрушаютъ свои старыя иллюзіи и спокойно отворачиваются

отъ старыхъ «полубоговъ», какъ герой повѣсти. Авторъ очень вѣрно подмѣтилъ характерную для современнаго молодого поколѣнія черту, это недовѣріе къ пышнымъ словамъ и пыльнымъ рѣчамъ, наряду съ скептическимъ отношеніемъ къ ораторамъ, нѣкогда потрясавшимъ сердца, а нынѣ вызывающимъ на лицѣ молодежи легкую улыбку скрытой насмѣшки. Въ тоже время въ повѣсти отмѣчено и иное отношеніе къ тѣмъ немногимъ истиннымъ героямъ стараго времени, которые не столько говорили, сколько дѣлали, и во всякомъ случаѣ не отдѣляли словъ отъ дѣла. Такимъ живымъ человѣкомъ является братъ отца Сергѣя, Григорій Петровичъ, который былъ «неразсчитливъ» и попалъ въ ссылку. Онъ не съумѣлъ или не пожелалъ создать себѣ карьеры, услаждая себя въ тоже время пылкими словами. Въ повѣсти онъ выступаетъ простымъ и искреннимъ человѣкомъ, много пережившимъ и потому ко многому относящимся мягко и примирительно. Сергѣй присматривается къ нему и хочетъ понять, какая сила толкала его дядю туда, гдѣ прошли его лучшіе годы. Григорій Петровичъ, какъ натура открытая и искренняя, самъ идетъ на встрѣчу этой молодежи. На первыхъ же порахъ между нимъ и Сергѣемъ происходитъ любопытное объясненіе. Дядя спрашиваетъ, какой жизненный путь намѣчаетъ себѣ юноша. Тотъ колеблется, заявляя, что и самъ не знаетъ еще, а мать замѣчаетъ, что онъ будетъ, «чѣмъ будется».

«— Чѣмъ будется! Вотъ отличное слово! — воскликнулъ Григорій Петровичъ; — я всегда былъ «чѣмъ будется». Случалось переносить много тяжелаго и горькаго. Но когда вспомнишь, то чувствуешь, что жизнь была интересна, жизнь съ внутреннимъ движеніемъ...

«— А развѣ возможна жизнь безъ внутренняго движенія? — спросилъ Сергѣй.

«— Но какъ же? Есть жизнь съ однимъ только движеніемъ по службѣ... Это жизнь петербургскаго чиновника. Она вся заключается въ этомъ закодированномъ кругу. Петербургскій чиновникъ не служитъ для того, чтобы жить, а напротивъ — рождается для того, чтобы служить... За то его жизнь спокойная, течетъ тихо, какъ маленькій ручеекъ. А жизнь съ внутреннимъ движеніемъ всегда бываетъ полна опасностей...

«— Скажите, дядя, — спросилъ Сергѣй, — развѣ вы не любите Петербурга?

«— Напротивъ, я его предпочитаю всѣмъ нашимъ городамъ.

«— Такъ почему же вы не живете въ немъ?

«— Дядя Гриша думаетъ, что тамъ онъ приноситъ большую пользу...

«— Съ чего вы взяли, что я такъ думаю? — возразилъ Григорій Петровичъ. — Ахъ, да, это отголоски прошлаго. Да, было такое время, когда такъ думали. И всѣ, кто хотѣлъ наибольшей пользы, бѣжали въ деревню. И я раздѣлялъ это заблужденіе...

«— Заблужденіе? — спросилъ Сергѣй.

«— Да, я думаю, что это заблужденіе. Насъ даже посылали и теперь еще посылаютъ, — есть вѣдь такая версія учиться жизни у мужика. Но я достаточно наглядѣлся на него и пришелъ къ заключенію, что у него можно научиться развѣ только одному, дѣйствительно изумительному, искусству — не помирать, не ѣвши!.. А больше не чему...

«— Такъ, можетъ быть, его можно кое-чему научить?

«— И научить ничему нельзя, потому что «кому на умъ пойдетъ на желудокъ пѣтъ голодный»?.. Какъ я его учить буду, когда онъ ѣсть хочетъ? А онъ вѣдь никогда не бываетъ сытъ. Напихать полное брюхо какого-то мѣсива съ квасомъ еще не значить быть сытымъ... И до тѣхъ поръ, пока мужикъ не будетъ накормленъ, какъ слѣдуетъ, ничему толкомъ его не научишь... И если кто хочетъ ему добра, такъ долженъ смотрѣть вверхъ, вотъ сюда, въ вашъ Петербургъ. Тутъ дѣйствительно можно кое-чему научить...

Нѣтъ, я ничего не имѣю противъ Петербурга, потому что волею судьбы онъ держитъ въ рукахъ все благополучье моей родины»...

Такой простой, безъ всякихъ вычуръ и преувеличеній, взглядъ на себя и свое прошлое подкупаетъ студента, который чувствуетъ, что у этого человѣка есть своя твердая вѣра, не нуждающаяся въ громкихъ словахъ. Между этимъ представителемъ старшаго поколѣнія и юношей начинается сближеніе. Обоимъ интересуютъ общіе вопросы и объединяетъ живой интересъ къ жизни. Это обоюдное влеченіе и симпатія рѣзко подчеркиваютъ то разъединеніе, какое чувствуется между отцомъ и сыномъ, и показываютъ, что оба поколѣнія легко сходятся, если у обоихъ жизнь полна «внутренняго движенія», а не застыла у одного, какъ мертвое болото. И не можетъ быть никакой розни между старшими и младшими, если только эти старшіе не рѣшаютъ à priori, что у младшихъ нѣтъ и не можетъ быть своей жизни, своихъ стремленій, своего исканія правды. Много бы недоразумѣній устранилось, если бы со стороны старшихъ было такое же простое вдумчивое отношеніе къ младшимъ, какъ въ повѣсти отношеніе этого дяди, много претерпѣвшаго, но сохранившаго живое чутъе. Поменьше такого генеральства и влюбленной самоувѣренности, со стороны старшихъ, какъ у отца Сергѣя или профессора, о которомъ юноша говоритъ сестрѣ, — вотъ что прежде всего необходимо для сближенія ихъ съ младшимъ поколѣніемъ, которое нельзя подкупить одними горячими словечками, давно уже повыходшими.

Таковы типы, намѣчаемые г. Потапенко въ его интересной повѣсти, и какое-бы направленіе ни придалъ авторъ ихъ дальнѣйшему развитію, теперь же можно сказать, что основныя черты имъ обрисованы вѣрно, и повѣсть читается съ большимъ интересомъ.

Сборникъ «Русскаго Богатства» начинается произведеніемъ г. Михайловскаго «Изъ романа «Карьера Оладушкина». Одна уже подпись такого извѣстнаго литератора, какъ г. Михайловскій, привлекаетъ, конечно, къ этому произведенію невольное общее вниманіе. Но если мы отвѣдемся на время отъ подписи и займемся исключительно самимъ романомъ, то все время предъ нами стоитъ одинъ неотвязный вопросъ, зачѣмъ это произведеніе напечатано?

Прежде всего романъ вызываетъ чувство какъ бы неловкости своимъ архаическимъ языкомъ и литературными приѣмами, отъ которыхъ мы теперь такъ основательно отвыкли, что для оцѣнки ихъ приходится возстановлять въ памяти романы добраго стараго времени, когда еще такой языкъ былъ въ употребленіи. Чтобы не быть голословными, приведемъ небольшой отрывокъ, далеко не изъ худшихъ, — описаніе комнаты въ первой главѣ.

«Можетъ быть, она (комната) назначалась для маменькина сынка, наѣзжавшаго время отъ времени изъ Петербурга для засвидѣтельствованія своей любви къ родителямъ, а кстати ужъ и для устройства своихъ финансовъ, и внезапно наполнявшаго комнату звуками гремучей сабли, шпоръ и цыганскихъ мотивовъ, блескомъ мундира, запахомъ духовъ, помады и табаку. И долго еще спустя послѣ того, какъ всѣ эти звуки и запахи уносились на свою истинную родину, въ Петербургъ, добрая маменька, пригорюнившись, сидѣла въ комнатѣ, раздумывая о своемъ милomъ Анатолѣ и тщательно оберегая его пріютъ до слѣдующаго пріѣзда. А можетъ быть, тутъ помѣщалась барская фаворитка, увезенная изъ города у мелкотравчатаго чиновника или изъ доморощенныхъ Федосекъ произведенная въ Федосью Егоровну; и дила здѣсь Федосья потоки горькихъ слезъ, отлаиваясь барскимъ ласкамъ, или, напротивъ, въ себя вливала цѣлые самовары чаю въ пріятномъ обществѣ матушки попадьи и прожорлихъ богомолковъ. Можетъ быть, тутъ жилъ учитель или гувернеръ-французъ, ради прекрасныхъ глазъ котораго барыня вынисала изъ Москвы синихъ птицъ,

вмѣстѣ со многими другими пріятными и полезными предметами; и жилъ себѣ коварный педагогъ припѣваючи, вплоть до той трагической минуты, когда барыня застала его въ этой самой комнатѣ съ дѣвкой Глашкой... Ахъ, какъ со-лоно пришлось дѣвкѣ Глашкѣ!.. Весьма, однако, возможно, что ничего этого не было: ни маменькина сына, ни барской фаворитки, ни коварнаго педагога, а просто барину вздумалось оклентить комнату длиннохвостыми синими птицами и выкрасить полъ шашками подъ паркетъ, просто такъ, глазу на радость»... (Стр. 3).

Такими описаніями изобилуетъ романъ, и чѣмъ-то удивительно старин-нымъ вѣетъ отъ нихъ.

Можетъ быть, появивсь онъ лѣтъ двадцать пять назадъ, онъ произвелъ бы огромное впечатлѣніе, но авторъ не счумѣлъ ввести насъ въ настроеніе тог-дашняго читателя.

Это произведеніе не художественное, «und da liegt der Hund begraben». Г. Михайловскій не далъ ни одного образа, и его Оладушкинъ не живое лицо, а схема, въ которой уложены рядкомъ элементы для созданія типа. Его Ола-душкина мы не видимъ, не представляемъ себѣ, не смотря на всѣ усилія, съ которыми авторъ расписываетъ его, перечисляя массу отдѣльныхъ черточекъ. Отъ этого фигура становится еще мертвѣе, еще, туманнѣе. Г. Михайлов-скій—не художникъ, и этого никто не въ правѣ ставить ему въ вину. Свои публицистическіе и критическіе приемы онъ внесъ и въ свой художественный замыселъ—создать типъ ренегата, такъ сказать, безсознательнаго. Замыселъ—очень интересенъ самъ по себѣ, но онъ по плечу развѣ огромному художнику тургеневскаго пошиба, художнику, который соединилъ бы въ себѣ чуткость и пониманіе общественнаго настроенія съ глубокимъ психологическимъ анализомъ. Въ томъ же сборникѣ помѣщенъ разсказъ г. Короленко «Маруся». Съ пер-выхъ строкъ разсказъ захватываетъ, какъ сама жизнь. Охваченный этимъ настроеніемъ жизни, читатель забываетъ автора и его дѣли, а слѣдить съ не-ослабѣвающимъ интересомъ за развитіемъ житейской драмы, развертывающейся передъ нимъ. Каждое лицо—образъ, и Маруся, и ея временной мужъ, бродяга и удалецъ Василій, и Тимоха, и татаре, и ссыльный полякъ, и трусливые якуты. Авторъ не расплывается въ описаніяхъ каждой ихъ черточки, но умѣетъ отгнать то, что составляетъ сущность каждого изъ нихъ, бросивъ одно-два пятна свѣта такъ, что передъ нами встаетъ живое лицо, мы его видимъ, слышимъ, можно сказать—ощущаемъ его присутствіе все время. Сравнивая безсознательно эти образы съ другими, намъ извѣстными, мы говоримъ не-вольно: «какъ типиченъ этотъ Тимоха, истый пахарь, не знающій иной жизни, кромѣ работы около своей земли! Или эта Маруся, надломленная, но все еще упорно стремящаяся выпрямить свою жизнь, упорядочить ее во чтобы то ни стало!»

Особенно великолѣпенъ Тимоха, выписанный авторомъ во весь ростъ, съ той любовью, какую г. Короленко всегда проявляетъ къ народнымъ типамъ, въ которыхъ отпечатлѣлась вѣковая народная психологія. Тимоха—заурядный мужикъ, попавшій въ Сибирь за одно изъ безчисленныхъ дѣлъ, какія возни-каютъ изъ-за земли. И здѣсь онъ тотъ же природенный пахарь, воюющій съ якутами изъ-за земли и радующійся, когда ему удастся устроить свою полосу.

«Я смотрѣлъ на него съ новымъ интересомъ, послѣ его эпического раз-сказа о столкновеніи его земледѣльческаго, — какъ онъ выражается, — «кли-мату» съ низшимъ мировоззрѣніемъ чуждаго «поганого» племени. Отъ его без-хитростнаго разсказа о полоскѣ, распаханной днемъ, надъ которой до зары хлопочутъ темныя фигуры полудикарей, на меня повѣяло чѣмъ-то былиннымъ, и я съ невольнымъ уваженіемъ смотрѣлъ на его невзрачную фигуру... Что это за человекъ, думалъ я при этомъ, — герой своеобразнаго эпоса, сознательно отстаивающій высшую культуру среди низшей... Или, вѣрнѣе—автоматъ-па-харь, готовый, при всякихъ условіяхъ, куда бы ни закинула его судьба, при-няться за свое нехитрое дѣло, все въ тѣхъ же нехитрыхъ формахъ?»

Этого Тимоха напоминает лучшія созданія г. Короленко, напр., его безсознательнаго философа-юмориста Тюлина въ разсказѣ «Рѣка играетъ».

Не менѣе хорошъ и мужъ Маруси, бродяга Василій, «ухорѣзь», по опредѣленію Тимохи, безпокойная, удалая натура, жаждущая дѣла и сильныхъ ощущеній, какихъ не можетъ ему дать мирная степенная жизнь земледѣльца, жизнь, въ которой все размѣрено и упорядочено, чѣмъ именно она и притягиваетъ Марусю. Эта послѣдняя—какъ надломленное, искривившееся дерево. «Вѣроятно, какой-нибудь врагъ положилъ свои личинки въ сердцевину, и ростъ дерева извратился: оно погнулось дугой, искривилось. Но затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, тонкій стволъ опять выпрямился и дальнѣйшій ростъ шелъ уже безукоризненно въ прежнемъ направленіи». И она тоже добивается благообразія нарушеннаго порядка земледѣльческой жизни и выравниваетъ «свою линію».

Эти три образа выписаны на великолѣпно нарисованномъ фонѣ мѣстной жизни, гдѣ идетъ то скрытая, то явно прорывающаяся борьба не на жизнь, а на смерть между пришлымъ элементомъ, ссыльными татарами, и аборигенами края—якутами. Обѣ стороны представлены въ эпически безпристрастномъ освѣщеніи, что доводитъ картину жизни почти до иллюзіи. А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Кожинская исторія. Во время проѣзда Министра Земледѣлія черезъ Липецкъ въ августѣ этого года, одновременно съ пріѣздомъ властей къ вокзалу стали собираться толпы крестьянъ. Двое изъ нихъ держали хлѣбъ-соль. Крестьяне, въ отвѣтъ на обращенные къ нимъ вопросы, заявляли твердое рѣшеніе видѣть г. министра и изложить ему свои просьбы по поводу договоровъ, заключенныхъ съ ними г. Божинымъ, который находился тутъ же на вокзалѣ. Когда подошелъ поѣздъ и изъ поѣзда вышелъ г. министръ, крестьяне поднесли ему хлѣбъ-соль и подали свою просьбу, объясняя А. С. Ермолову, что они своей руды Кожину не сдавали, что онъ хотѣлъ у нихъ сдѣлать только развѣдки, что въ приговорѣ записаны, между прочимъ, тѣ, которые совѣтъ при составленіи его не присутствовали, а что тѣ, кто подписывались, были-де предварительно споены. Они просили защиты его высокопревосходительства, увѣряя его, что имъ не къ кому обращаться со своими просьбами, такъ какъ поданныя ими просьбы возвращены имъ назадъ, а подававшіе подверглись карамъ. Съ вокзала г. министръ прослѣдовалъ въ гостинницу минеральныхъ водъ, куда пошли толпой и крестьянскіе ходатаи, человекъ болѣе 200. Толпа стояла тихо, не слышно было ни единого громкаго слова, лишь передовые просили защиты.

Обстоятельства этого печальнаго дѣла, по словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», которымъ принадлежитъ честь раскрытія его, заключались въ слѣдующемъ:

Еще при Петрѣ Великомъ въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., были обнаружены залежи желѣзной руды, но до самаго послѣдняго времени никому не приходило въ голову ихъ эксплуатировать. Криворожская рудная горячка дала толчекъ къ изысканіямъ руды и въ Липецкомъ уѣздѣ. Понятно, за это дѣло не могли взяться крестьяне, не имѣвшіе для этого ни досуга, ни денегъ, ни знаній. Уѣздный предводитель дворянства Кожинъ, предвидя большія выгоды отъ эксплуатаціи рудныхъ богатствъ, занялся заарендованіемъ рудоносной земли у крестьянъ Липецкаго у., причѣмъ въ ходъ пускались пріемы, недопускаемые въ сдѣлкахъ между порядочными людьми.

Г. Кожинъ, пользуясь своимъ положеніемъ, оказывалъ давленіе на крестьянъ;

въ приговоръ сельскихъ обществъ объ отдачѣ въ аренду земель были занесены подписи лицъ, не присутствовавшихъ на сходахъ, практиковалось подписание крестыанъ водкой и т. д. Въ результатѣ г. Кожинъ имѣлъ нѣсколько десятковъ десятинъ заарендованной у крестыанъ земли на условіяхъ, которыя никакъ не могутъ быть признаны выгодными для послѣднихъ. Съ каждаго пуда добытой руды, согласно заключеннымъ контрактамъ, г. Кожинъ долженъ былъ уплачивать по $\frac{1}{4}$ коп., тогда какъ въ другихъ уѣздахъ, да и въ Липецкомъ уѣздѣ, но только другими лицами, крестыанамъ предложено уже отъ 1 коп. до 2-хъ. Потеря очевидная. Вычислено, что крестыане лишились 30.000.000 рублей, благодаря такой низкой цѣнѣ на руду.

Къ какимъ приемамъ прибѣгалъ г. Кожинъ, чтобы заставить крестыанъ согласиться на невыгодную для нихъ сдѣлку, видно изъ фактовъ, приводимыхъ г. Воынецемъ въ статьѣ о «Липецкой рудной эпопеѣ» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Крестыане нѣкоторыхъ селеній Липецкаго уѣзда не согласились сдать своихъ земель предводителю дворянства г. Кожину для разработки руды. Это обстоятельство повело къ неприятымъ для нихъ послѣдствіямъ:

«Крестыане этихъ селъ,—говоритъ г. Воынецъ,—стали систематически подвергаться всяческимъ прижимкамъ и даже формальнымъ преследованіямъ. Они какъ бы несутъ наказаніе за неповиновеніе, имъ какъ бы дается почувствовать невыгодность и даже опасность дальнѣйшей оппозиціи (курсивъ подл.).»

Прежде всего стали отказывать въ приемѣ этихъ крестыанъ на рудокопныя работы, несмотря на то, что потребность въ рабочихъ рукахъ есть, и рабочіе выписываются изъ другихъ губерній и даже изъ-за границы.

Лишенные заработковъ и поставленные тѣмъ въ крайне невыгодныя условія существованія, крестыане селъ Сокольска, Студенокъ и другихъ, не сдавшихъ своихъ земель г. Кожину, рѣшили сами эксплуатировать свои минеральные залежи: они начали добывать упрощеннымъ способомъ (посредствомъ боковыхъ углубленій въ оврагахъ) руду изъ нѣдръ земли и доставлять къ компаніонамъ г. Кожина—бельгійцамъ, которые платили имъ за нее по 4 к. за пудъ. Потомъ явились агенты южныхъ металлургическихъ заводовъ и предложили крестыанамъ доставлять руду на станцію желѣзной дороги съ платою по 5 коп. за пудъ. Крестыане начали расширять добычу руды, но «сдѣлано было распоряженіе прекратить добычу руды», каковое распоряженіе объявлено было на сходахъ, причѣмъ земскій начальникъ Галичъ (2-го участка Липецкаго уѣзда) отобралъ соотвѣтствующія подписки ото всѣхъ крестыанскихъ обществъ. Повинуясь распоряженію начальства, крестыане прекратили выемку руды (хотя окружный горный инженеръ Павловъ, посѣтивъ Липецкъ, и объяснилъ крестыанамъ, что по закону они могутъ рыть руду, но должны только выбрать изъ среды себя кого-либо въ качествѣ завѣдующаго работами). Начальство, однако, не удовлетвовалось этимъ и *«отъ крестыане селъ, не сдавшихъ г. Кожину свои залежи и начавшихъ сами добывать руду, начали оульно прилекаться къ уголовной отвѣтственности за неисполненіе объявленнаго распоряженія начальства и поголовно приговариваться (курсивъ подл.) къ 15-тирублевому штрафу или 3-хъ дневному аресту.»*

Г. Воынецъ приводитъ дословное прошеніе студенскихъ крестыанъ въ Липецкій уѣздный сѣздъ. По словамъ просителей, въ копіи съ рѣшенія земскаго начальника сказано, что нѣкоторые изъ нихъ при разборѣ дѣла сознались, что при разсмотрѣнн дѣла они не были; что обвиненію подверглись лица, или совершенно никогда не копавшія руды, или копавшія ее до отобранія отъ нихъ подписокъ; что, наконецъ, какъ заявляютъ трое обвиненныхъ, они «не были на судѣ, копій съ заочныхъ рѣшеній не получали», а изъ выданной товари-

щамъ ихъ воцѣн усматриваютъ, что надъ ними «не заочно, а въ присутствіи ихъ совершенъ приговоръ суда».

«Комментаріевъ сюда, — добавляетъ отъ себя авторъ корреспонденціи, — конечно, не требуется. Остается только добавить, что дѣла эти разсматривались въ уѣздномъ сѣздѣ подъ предсѣдательствомъ г. Кожина, несмотря на обращенную къ нему просьбу губернатора не предсѣдательствовать въ этомъ засѣданіи. Если въ Липецкомъ уѣздѣ у земскихъ начальниковъ признаются виновными отсутствующія лица, и приговоры о нихъ постановляются какъ о присутствующихъ, то удивительно ли, что въ крестьянскихъ приговорахъ о сдачѣ г. Кожину земли значатся подписи лицъ, не только не участвовавшихъ въ сходахъ, постановившихъ эти приговоры, но и вовсе даже находившихся въ отлучкѣ?..»

Характерны также слѣдующія цифры: Эксплоатацію желѣзной руды въ своемъ имѣніи, въ 5.000 десятинъ, и на крестьянскихъ земляхъ г. Кожинъ продалъ бельгійской компаніи капиталистовъ за два миліона руб., причемъ имѣніе его оцѣнено въ 1.800.000 руб., а земли крестьянъ только въ 200.000. Такая странная расцѣпка наводитъ на невольныя сомнѣнія, такъ какъ установлено, что въ имѣніи г. Кожина желѣзная руда почти отсутствуетъ, тогда какъ крестьянскія земли очень богаты ихъ содержаніемъ.

Рабочіе въ каменноугольной промышленности. Пользуясь новѣйшими статистическими данными, «Русскія Вѣдом.» рисуютъ неприглядную картину жизни русскихъ горнозаводскихъ рабочихъ на Уралѣ и въ южныхъ губерніяхъ. Въ 1887 году во всей имперіи этихъ рабочихъ было 397.000, въ 1896 г.— 492.000, а въ 1897 г. уже 505.500 человекъ, представляющихъ вмѣстѣ со своими семьями миллионную массу населенія, къ интересамъ которыхъ не можетъ безучастно относиться ни правительство, ни общество. Давно уже извѣстно, что положеніе нашихъ горно-рабочихъ и мало обезпечено, и плохо защищено въ сравненіи съ фабрично-заводскими. Однако среди этого класса рабочихъ есть группа, которая настолько рѣзко выдѣляется своими мрачными сторонами, что кажется, будто надъ головами этихъ людей какая-то злая сила нарочно сдвинула всѣ тагости суровой жизни горнорабочаго. Это рабочіе въ южно-русскихъ каменноугольныхъ предпріятіяхъ. Законодательная помощь требуется здѣсь тѣмъ сильнѣе, что сами горнопромышленники обладаютъ въ лицѣ бюро періодическихъ сѣздовъ и харьковскаго угольнаго комитета такой крѣпкой и правильной организаціей, которой могли бы позавидовать даже наши избалованные сахарозаводчики. Казалось бы, при высокихъ цѣнахъ на уголь, искусственно созданныхъ нашимъ протекціонистскимъ тарифомъ, при хорошей доходности предпріятій, обезпеченной какъ цѣнами, такъ и постоянными потребителями угля—желѣзными дорогами и металлургическими заводами, наши углепромышленники могли бы, безъ особаго для себя ущерба, подумать объ улучшеніи быта своихъ рабочихъ. Горнозаводчики Юга и не перестаютъ увѣрять правительство и общество въ безконечной своей заботливости объ интересахъ и нуждахъ рудокопа, но дѣйствительность, къ сожалѣнію, не оправдываетъ этихъ увѣреній, оставляя нашъ Югъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко позади того самаго Урала, о мертвящей неподвижности котораго такъ много говорятъ въ послѣднее время.

По отчету горнаго департамента, на Уралѣ (1897 г.) при 118.922 рабочихъ было 62 больницы и 47 пріемныхъ покоевъ, тогда какъ на всемъ горнозаводскомъ Югѣ (1896 г.) съ его 62.929 рабочими—лишь 34 больницы и 13 пріемныхъ покоевъ. Не лучше врачебнаго дѣла поставлена и помощь увѣчнымъ орнорабочимъ. На всемъ Югѣ существуютъ лишь три вспомогательныхъ кассы, выдавшія 24.927 р. пособія (въ 1897 г.—82.527 рабочихъ), между тѣмъ какъ уральскіе частные заводы (81.330 рабочихъ) роздали 40.056 руб.,

не говоря уже о помощи натурой и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ страхованіи рабочихъ. Въ Пермскомъ округѣ горный департаментъ нашелъ у «всѣхъ заводскихъ управленій» самое гуманное отношеніе къ интересамъ рабочихъ, которые не только пользуются обязательнымъ бесплатнымъ леченіемъ и въ случаѣ легкихъ увѣчій переводятся на менѣе тяжелыя работы, но и получаютъ пенсію, переходящую послѣ смерти рабочаго въ уменьшенномъ размѣрѣ къ его вдовѣ и дѣтямъ. На казенныхъ же заводахъ Урала существуетъ при 10.391 членовъ (всѣхъ рабочихъ 31.758) 16 горнозаводскихъ товариществъ, изъ которыхъ уплачено около 40.000 руб.; кромѣ того, со стороны казны выдано 17¹/₂ тыс. руб. пособій и пенсій. Конечно, и положеніе Уральскихъ рабочихъ далеко не обезпечено, но во всякомъ случаѣ оно несравненно лучше, чѣмъ положеніе ихъ собратьевъ на Югѣ. Но если ни медицинское дѣло, ни помощь увѣчнымъ не стоятъ ни въ какомъ соотношеніи съ числомъ горнорабочихъ вообще, то еще хуже въ однихъ только угольныхъ предпріятіяхъ: данныя о медицинской помощи приведены для всѣхъ предпріятій Юга, тогда какъ большинство благоустроенныхъ заводовъ принадлежитъ не къ каменноугольной, а металлургической промышленности. Между тѣмъ шахтеръ требуетъ большей внимательности къ своимъ нуждамъ, чѣмъ всѣ остальные группы горнозаводскихъ рабочихъ. Во-первыхъ, — по свойствамъ самаго производства, которое почти исключительно совершается при помощи мускульной силы рудокопа; нѣтъ другой отрасли, гдѣ бы ручной трудъ игралъ такую важную роль въ сравненіи съ машиннымъ, какую мы встрѣчаемъ въ рудномъ дѣлѣ. Въ однихъ лишь Соединенныхъ Штатахъ производится сколько нибудь значительная разработка каменноугольныхъ пластовъ машиннымъ путемъ (въ 1896 г. — 16,17% всей добычи), въ европейскихъ же странахъ до сихъ поръ преобладаетъ ручная разработка, единственно извѣстная и нашимъ шахтамъ. Во вторыхъ, — по самому обстоятельству труда, который происходитъ на значительной подземной глубинѣ, въ сырыхъ, темныхъ и плохо вентилируемыхъ шахтахъ и предрасполагаетъ рабочаго ко всякаго рода заболѣваніямъ. По словамъ D-g W. Ogle, завѣдующаго бюро общественнаго здравія въ Англии, рѣдкій углекопъ избѣгаетъ ревматизма въ той или иной формѣ, катарра дыхательныхъ путей, эмфиземы легкихъ; отъ неестественнаго положенія, которое принимаетъ тѣло при нѣкоторыхъ работахъ, развивается параличъ глазныхъ мышцъ. Рабочіе малокровны и слабо нервы; «на лицѣ выражается боязливость и подавленность; они ходятъ, сторбившись и пошатываясь, и выглядятъ преждевременно состарившимися». Но если такова характеристика англійскаго шахтера, то что же долженъ представлять нашъ рудокопъ, берущійся за работу въ шахтѣ прямо отъ плуга, незнакомый съ элементарной профессиональной гигиеной и плохо огражденный отъ всѣхъ опасностей рудниковаго труда — обваловъ породы, взрывовъ газа и затопленія шахты, — грозящихъ ему или смертью, или тяжкимъ увѣчьемъ? Наши изслѣдователи говорятъ о тѣхъ же болѣзняхъ и въ особенности о воспаленіи легкихъ, какъ обычной профессиональной болѣзни рудокоповъ.

Что касается несчастныхъ случаевъ съ рабочими, то по выясненіямъ извѣстнаго инженера г. Кеппена, на 100 пострадавшихъ въ каменноугольныхъ копахъ Германіи даетъ 2,97 убитыхъ, а Россія — 38,2. Если опредѣлить коэффициентъ смертности къ числу занятыхъ рабочихъ, то окажется, что за періодъ 1891—1895 гг. на 1,000 рабочихъ пришлось въ каменноугольныхъ копахъ во Франціи — 1,190, въ Саксоніи — 1,290, въ Великобританіи — 1,526, въ Бельгіи — 1,665, въ Австріи — 2,389, въ Германіи — 2,450, въ Пруссіи — 2,490 и въ Россіи — 2,522 убитыхъ. По послѣднимъ даннымъ, коэффициентъ этотъ въ Пруссіи (1897) — 2,35, во Франціи (1897) — 1,7, въ Россіи — 2,4. Во всякомъ случаѣ, если мы вспомнимъ, что регистрація несчастныхъ случаевъ ведется у насъ крайне неполно и небрежно, — какъ это ясно обнаружилось, напримѣръ,

при изслѣдованіи Бертенсономъ угольной промышленности Царства Польскаго, — то мы убѣдимся, что въ Россіи коэффициентъ убитыхъ значительно выше, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ.

Относительно заработной платы и условій жизни шахтера, Россія еще болѣе удаляется отъ Западной Европы: въ Бельгіи (1897) шахтеръ зарабатывалъ въ среднемъ 4 фр. 55 сант. за день; во Франціи — 4 фр. 14 сант., въ Англій (1897)—5 шилл. 2 пенса, или 2 р. 43 к., въ Царствѣ Польскомъ—318 р. 34 к.; что касается Донецкаго бассейна, то у насъ нѣтъ среднихъ статистическихкихъ данныхъ для послѣднихъ годовъ; единственная намъ извѣстная работа г. Богудкаго, произведенная въ 1890 г. на основаніи обширнаго цифроваго матеріала, опредѣляетъ средній годовой заработокъ рудниковаго рабочаго въ 234 руб. Уже изъ этого сопоставленія видно, насколько ниже заработокъ русскаго рабочаго, не говоря о томъ, что между рабочимъ и капиталистомъ на русскихъ копахъ постоянно трется посредникъ, въ рукахъ котораго остается иногда значительная часть заработной платы.

Самую тяжелую сторону жизни русскаго шахтера составляютъ его жилищныя условія. Нельзя безъ ужаса читать все, что писалось по этому вопросу какъ въ специальныхъ работахъ, такъ и въ общихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1890 г. рабочіе большей частью еще жили въ знаменитыхъ донецкихъ «землянкахъ» или «каюткахъ», вырытыхъ ими самими въ землѣ. Въ 1896 г. мы еще видимъ эти кютки въ полномъ дѣйствиіи. «Воздухъ, нечистота въ такихъ помѣщеніяхъ повстинѣ ужасны даже лѣтомъ. Окна въ этихъ кюткахъ отсутствуютъ, или ихъ замѣняютъ крошечныя отверстія со вставленными кусками стекла неопредѣленной формы. Право, собачья конура даже и нехорошаго хозяина содержится гораздо чище и лучше, чѣмъ землянки». И если въ 1899 г. г. Брандтъ относитъ уже эти землянки «къ области преданія», то это не больше, какъ поэтическое выраженіе. Конечно, на крупныхъ и богатыхъ рудникахъ жилищныя условія дѣйствительно нѣсколько измѣнились къ лучшему, но обобщать этихъ единичныхъ пережвѣ совсѣмъ нельзя; на старыхъ копахъ и теперь еще домишки или казармы рабочихъ «немногимъ отличаются отъ землянокъ», какъ это признаетъ и авторъ «Иностранныхъ капиталовъ». Основные мотивы жизни донецкаго шахтера мало измѣнились, и если въ 1890 г. намъ говорили о «бродячей жизни, поголовномъ пьянствѣ, нищетѣ и голи—какъ характерныхъ его чертахъ», то вѣдь и въ концѣ 1898 г. одно изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій писало: «Въ этой отрасли промышленности властно царить принципъ наибольшей выгоды; жизнь рабочаго считается по цѣнѣ, ниже которой не оцѣнивалась личность даже въ эпоху патриархальныхъ отношеній добраго стараго времени... И доселѣ положеніе нашихъ каменноугольныхъ рабочихъ способно привести въ ужасъ всякаго посторонняго наблюдателя».

Своеобразный способъ борьбы съ голодомъ. Статистики Псковскаго земства открыли удивительное явленіе, господствующее въ деревняхъ, страдающихъ хроническими голодовками, и представляющее своего рода приспособленіе къ голодаю. Явленіе это, по словамъ «Курьера» носить названіе «лѣжки». Это въ своемъ родѣ «промыселъ». Наблюдается онъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хроническій недородъ, являясь обычнымъ результатомъ хозяйственной дѣятельности, нерѣдко обостряется до полного неурожая. Естественно, что населеніе, постоянно угрожаемое голодомъ, должно искать какого-нибудь выхода изъ такого положенія. Но ни къ чему неприспособленное, невѣжественное до дикости и въ то же время терпѣливое до аскетизма, оно въ теченіе многихъ вѣковъ не нашло лучшаго исхода, кромѣ «лѣжки». Впрочемъ, «лѣжка»—это тоже приспособленіе къ минимальнымъ потребностямъ, своеобразные опыты съ отученіемъ человѣка отъ пищи. Лишь только домохозяйинъ замѣчаетъ, что

хлѣба при нормальномъ потребленіи ему не хватитъ до конца года, онъ распоряжается о сокращеніи потребительныхъ нормъ. Но, зная, что въ такомъ случаѣ ему трудно будетъ сохранить свое здоровье, а, главное, рабочія силы въ ихъ обычномъ объемѣ, онъ погружается въ «лѣжку», т.-е. попросту говоря, укладывается на печь лежать въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ. Вставая только для того, чтобы съѣсть ломоть хлѣба съ водой или истопить печь, онъ старается какъ можно меньше двигаться и больше спать. Въ такомъ состояніи человѣкъ, погруженный въ лѣжку, дѣйствительно, успѣваетъ задержать всѣ физиологическіе процессы, сократить объѣмъ веществъ до minimum'a и поэтому, безъ особаго вреда для себя уменьшить потребленіе. Не двигаясь, можетъ быть, даже совсѣмъ не думая, человѣкъ въ теченіе цѣлой зимы заботится только о томъ, чтобы меньше расходовать тепла въ организмѣ, чтобы меньше ѣсть, меньше пить, меньше двигаться, говорить, однимъ словомъ, меньше жить: этому сокращенію жизни посвящены всѣ мысли человѣка «въ лѣжкѣ». Каждое лишнее движеніе, лишнее поварачиванье шеи, руки, языка должно отозваться на усиленномъ обмѣнѣ, на лишней отдачѣ тепла, а это, въ свою очередь, можетъ вызвать излишній аппетитъ, нарушить ту минимальную норму потребленія, которая одна въ состояніи довести хлѣбные запасы до новаго хлѣба. Поэтому, чтобы меньше ѣсть, нужно меньше двигаться. Даже вовсе перестать двигаться, перестать говорить, если можно, перестать дышать и думать, лучше спать, спать и спать, потому что во снѣ всѣ процессы тоже задерживаются... Въ домѣ воцаряется мракъ и тишина. По разнымъ угламъ, а больше на печкѣ и полатяхъ, кучками и въ одиночку, лежитъ вся семья. Думы всѣхъ поглощены «лѣжкой», сокращеніемъ жизни. Нѣсколько разъ на дню и на всю ночь думы эти переходятъ въ сонъ... Ни звука... Только безпокойный сверчокъ, да легкій храпъ спящихъ нарушаютъ эту замогильную тишину. Наступаетъ полное смѣшеніе дня и ночи... Это и есть «лѣжка».

Бѣгуны въ Олонецкой губерніи. По словамъ корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ Каргопольскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи открываются цѣлыя разсадники бѣгуновъ. За открытіемъ бѣгунскаго кладбища и бѣгунской пристани въ деревнѣ Мартемьяновской на-дняхъ послѣдовало открытіе новаго пристанища бѣгуновъ въ деревнѣ Лобановской, въ домѣ крестьянина Харева. По всему тому, что ему удалось видѣть въ этомъ домѣ, можно полагать, что бѣгуны въ немъ поселились издавна и жили себѣ хорошо, подъ надежнымъ прикрытіемъ. Они занимали цѣлую половину дома, состоящую изъ двухъ свѣтлыхъ и просторныхъ комнатъ, и сверхъ того еще — подполье, гдѣ ими устроены тоже двѣ вполне удобныя и приспособленныя для житья комнаты. Проникнуть въ эти подпольныя комнаты можно тремя путями: со двора, изъ сѣней и изъ одной комнаты наверху, въ углу которой устроенъ небольшой люкъ съ лѣстницей о 6 ступенькахъ. Во всѣхъ комнатахъ виситъ и лежитъ по разнымъ угламъ и на варахъ масса мужской и женской одежды; на полочкахъ и подъ лавочками насованы десятки разной величины бурковъ и бурачковъ съ разными рукодѣліями, а въ пристроенной здѣсь же, съ боку, кладовкѣ запасено такое количество разной провизіи (муки ржаной и пшеничной, крупы гречневой и просяной, масла и пр.), что его смѣло хватить на 5—6 человѣкъ въ продолженіе чуть ли не цѣлой нашей долгой суровой зимы. Особеннаго вниманія въ этомъ подпольномъ помѣщеніи заслуживаетъ русская печь. Дѣло въ томъ, что одна изъ досокъ фундамента, на которомъ она устроена, свободно ходитъ на шарнирѣ и такимъ образомъ скрываетъ и открываетъ собою доступъ въ «подпечникъ», гдѣ свободно могутъ схорониться въ минуту жизни трудную до поддесятка человѣкъ. Правда, въ немъ душно, темно, все время приходится лежать на голой землѣ, но зато, — спасительно: рѣдко

кому не только изъ простыхъ смертныхъ, но даже и власть имѣющихъ прилетѣть сразу въ голову, что тутъ рядомъ, гдѣ-то подъ печкой, лежатъ «сущіе о Христѣ братіе и сестры», творяшіе про себя молитвы преподобнымъ Нифонту и Маруфу «о прогнаніи лукавыхъ челоѣкъ, сирѣчь, никоніанцевъ поганыхъ», этихъ жидовъ бритыхъ, губъ жареныхъ (отъ сигаръ) и табакомъ носовъ набитыхъ». Вотъ вы вошли, посмотрѣли кругомъ, порылись въ разномъ хламѣ и ушли, а вслѣдъ за вами безшумно распахнулась доска фундамента, одинъ за другимъ выползли, изъ подпечника «рабы Божіи» и въ умиленіи затагнули священный стихъ: «Слава, слава въ вышнихъ Богу и небесному Отцу, что избавилъ насъ отъ прелести и печали многоплетенныя мірскія суеты» и проч. Въ настоящемъ случаѣ творить подобныя молитвы и пѣть священныя стихи было некому, такъ какъ и самый «подпечникъ» оказался пустымъ: бѣгунны пустились наутекъ въ лѣса и въ смежныя уѣзды—Пудожскій и Повѣнепкій, а также на Вологодско-Архангельскую желѣзную дорогу съ цѣлью пробраться по ней къ своимъ единомышленникамъ въ Архангельскъ, Ярославль, Москву и Казань. Говорятъ, на-дняхъ даже черезъ самый городъ Каргополь успѣло пробраться ихъ, въ возахъ съ кренделями и другой кладью, болѣе двухъ десятковъ челоѣкъ. Въмѣстѣ съ другими, слышно, убѣжалъ и главный ихъ наставникъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, старецъ Прохоръ. Но какъ ни хитры «рабы Божіи», какъ ни спѣшатъ они убраться по добру по-здорову изъ предѣловъ Каргопольскаго уѣзда, а все-же нѣкоторые изъ нихъ сплосковали. Такъ, помимо книгъ и всякой всячины бѣгунской, въ домѣ Харева и его однодеревенца и однофамилца Ввграфа Харева задержаны были три бѣгунки—Аванасія, Любовь и Анна. Всѣ онѣ, какъ говоритъ газета, вполне признались въ принадлежности къ бѣгунской сектѣ, заарестованы и уже отправлены впередъ до разрѣшенія ихъ участи въ каргопольскую городскую тюрьму. Двѣ первыя изъ нихъ—старушки, а послѣдняя, сестра Петра Харева, въ міру—Авдотья Харева, еще молодая, 28 лѣтняя дѣвушка. Ушла она въ «скрытное» около трехъ лѣтъ тому назадъ, ушла потому, что на міру все нечисто, грѣховно, а потому будто бы и спастись на міру невозможно. «Грустную, тяжелую картину пришлось намъ наблюдать,—пишетъ корреспондентъ,—когда этой бѣгункѣ было прочитано постановленіе объ арестѣ и объ отправкѣ ее въ тюрьму. Дрогнула, поблѣднѣла вся, но ни слова, ни звука. Присутствующая при этомъ родная тетка ея, обливаясь слезами, всячески старалась уговорить ее бросить «эту пакость, эту мразь, эту язву проклятую» и пойти опять въ нимъ жить, какъ всѣ «крепленные» живутъ. Но не тутъ то было: на всѣ увѣщанія она громко говорила.— «Отстанъ, замолчи! Все равно не послушаюсь и отъ своей вѣры не отстану, потому что вѣра моя—единая, истинная и хорошая. Были когда-то у меня братья и тетки, мать и отецъ, но то было давно, на міру, «по плоти», а теперь нѣтъ у меня ни тетки, ни братьевъ, ни ролу, ни племянъ: странница я, не имѣющая здѣ пребывающаго града, но грядущаго възыскающая. Слава Тебѣ, Господи, что привелъ мнѣ пострадать за имя Твое!..»

Такъ и не послушалась «раба Божія» Анна (Авдотья Харева) своей тетки-старушки.

Толстовская колонія въ Терской области. «Пріазовскій Край» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о послѣдователяхъ Льва Толстого, проживавшихъ въ теченіе 10 лѣтъ въ Нальчинскомъ округѣ Терской области, и весной этого года покинувшихъ колонію и разбѣжавшихся въ разныя стороны. Первоначально «толстовцы» поселились въ слободѣ Нальчикъ, административномъ центрѣ нальчинскаго округа, въ 1889 году, въ числѣ двухъ-трехъ семействъ; затѣмъ, въ слѣдующіе годы число ихъ значительно увеличилось, такъ что къ концу 1898 года всѣхъ толстовцевъ, въ округѣ было уже около пятнадцати семействъ. Про-

живая первое время въ слободѣ Нальчикъ, одни изъ нихъ занимались столярнымъ ремесломъ, другіе огородничествомъ и пчеловодствомъ, третьи занимались на поденную работу—рыли на дачѣ одного мѣстнаго землевладѣльца канавы, рубили дрова. Но эти занятія не могли принести толстовцамъ болѣе или менѣе значительныхъ выгодъ, потому что столярныя издѣлія ихъ, какъ не отличавшіяся ни прочностью, ни изяществомъ отдѣлки, почти не имѣли сбыта, а огородничество и пчеловодство, въ виду крайне ограниченныхъ размѣровъ занятія ими, давали тоже очень мало дохода; что же касается поденныхъ заработковъ, то они въ слободѣ Нальчикъ носятъ скорѣе временный характеръ, нежели постоянный, оплачиваются не дороже 70 к. въ лѣтнее время и 40 к. въ зимнее, и притомъ мѣстные работодатели предпочитаютъ имѣть дѣло съ людьми, съ малыхъ лѣтъ привычными къ тяжелому труду, чѣмъ съ тѣми, которые за него принимаются впервые. Собственно говоря, толстовцы и не нуждались въ заработкахъ для поддержанія своего существованія, такъ какъ всѣ они были люди болѣе или менѣе обеспеченные въ матеріальномъ отношеніи. Цѣль ихъ занятія этимъ трудомъ—пріучить себя къ черной работѣ земледѣльца, которую они находятъ единственно честной.

Причиной распаденія колоніи, съ одной стороны, послужили возникшія между толстовцами разногласія изъ-за убѣжденій, взглядовъ на жизнь, а съ другой—обстоятельства внѣшнія, не зависящія отъ самихъ толстовцевъ.

Не распространяясь о «символѣ вѣры» толстовцевъ.—говоритъ корреспондентъ «Пр. Края»,—я нахожу не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу отношенія къ нимъ населенія (рабочаго) слободы Нальчикъ и ближайшихъ окрестныхъ переселенческихъ хуторовъ, съ которыми имъ приходилось часто сталкиваться. Для нихъ также былъ непонятенъ и принципъ непротівленія злу насиліемъ, потому что они видѣли полную непримѣнимость его къ жизни. Изъ числа слобожанъ немногіе примкнули къ толстовцамъ, но зато эти немногіе увѣровали искренно и по своему старались примѣнить къ жизни принципъ непротівленія злу. Такъ, когда къ одному изъ нихъ забрались воры съ цѣлью похищенія единственной лошади и разломали плегень, окружавшій дворъ, онъ не привялъ мѣръ къ предупрежденію вторичнаго посѣщенія злоумышленниковъ и не только по ночамъ не сталъ караулить свою лошадь, но не поправилъ и плетня. «Зачѣмъ я его буду поправлять?—возражалъ онъ сосѣдямъ.—Если у меня хотѣли взять лошадь, такъ, значить, она имъ нужна была—не стали бы зря ломать плетня».—«Посмотримъ, что ты запоешь, когда у тебя стащатъ лошадь»,—говорили сосѣди. —«Ничего не запою, потому что люди хотятъ сдѣлать мнѣ зло, а противъ зла бороться нельзя; сказано—не противься злему, такъ и слѣдуетъ не противиться»,—отвѣчалъ толстовецъ-прозелитъ. И дѣйствительно, когда однажды воры сгянули-таки у него лошадь, онъ не только не кинулся разыскивать ее, но не счелъ даже нужнымъ заявить объ этомъ полиціи или сосѣдямъ.

Русское кулачество въ Парижѣ. Русскіе предприниматели и заграничу переносятъ свои «патріархальныя» отношенія къ рабочимъ, и на этой почвѣ недавно разыгралась характерная исторія, передаваемая парижскимъ корреспондентомъ «С.-Петербур. Вѣдомостей».

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, рассказываютъ «С.-Петербур. Вѣд.», на набережной Сены, возлѣ Трокадеро, гдѣ ведется самая лихорадочная работа по устройству павильоновъ для будущей выставки, появилась партія какихъ-то странныхъ людей,—высокихъ, бородатыхъ, не говорящихъ ни слова по-французски, въ красныхъ рубахахъ, высокихъ сапогахъ и картузахъ. Занятригованные французы вскорѣ узнали, что это—русскіе рабочіе (плотники, привезенные сюда подрядчикомъ для устройства павильона сибирскаго отдѣла) и въ теченіе

первой недѣли «русскіе рабочіе» составляли въ нѣкоторомъ родѣ злону дѣя. Во всѣхъ газетахъ были статьи съ подробнымъ описаніемъ ихъ наружности, одежды, инструментовъ и образа жизни; во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ были изображенія, какъ русскій священникъ совершилъ молебствіе предъ началомъ работъ, какъ рабочіе пьютъ чай, работаютъ и т. д. Возлѣ мѣста работъ толпились любопытные, привѣтливо улыбались нашимъ соотечественникамъ, угощали ихъ папиросами, говорили имъ: «Amis russes!», «Alliance» и выразительно указывали пальцемъ въ сторону нѣмецкой границы.

Полюбопытствовали французы, поговорили и забыли «русскихъ рабочихъ»... Они, вѣроятно, больше и не вспомнили бы о нихъ, если бы объ этомъ не постарался подрядчикъ, который, пользуясь полной беспомощностью рабочихъ, вздумалъ перенести на французскую почву обычные приемы русскаго вудачества и самодурства. Въ результатъ получился громкій скандалъ, закончившійся судебнымъ процессомъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ въ газетахъ появилось сенсаціонное извѣстіе: русскіе плотники, работающіе по устройству сибирскаго навильона, взбунтовались (!!), отказались повиноваться архитектору, угрожали убить своего подрядчика и приостановили работы. Полиція, вызванная администраціей для ареста «зачинщиковъ», была встрѣчена градомъ камней, чашекъ, кострюль и т. д. и принуждена была отступить. Только слѣдующему, болѣе многочисленному отряду полицейскихъ удалось, и то съ большимъ трудомъ, арестовать главнаго зачинщика, рабочаго Степана П., который и былъ отправленъ въ тюрьму.

Послѣ трехнедѣльнаго предварительнаго заключенія, П. былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что онъ «грозилъ убить топоромъ подрядчика и оказывалъ сопротивленіе властямъ во время своего ареста, нанося побой городо-вымъ». Обвиняемому угрожалъ тюремное заключеніе отъ 6-ти мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ.

Въ качествѣ свидѣтелей явились архитекторъ, подрядчикъ и съ десять человекъ рабочихъ. На скамьѣ подсудимыхъ, между двумя жандармами, сидѣлъ П.,—крестьянинъ лѣтъ 30, съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ. Влѣднй, несудалый, онъ все время сидѣлъ неподвижно, не слуская мучительно-тоскливаго взгляда съ Распятія и не переставая шептать молитвы. Было что-то глубоко трагическое въ позѣ и взглядѣ этого беспомощнаго человека «безъ языка».

Допросъ велся при помощи присяжнаго переводчика подъ контролемъ адвоката г. Пти, прекрасно говорящаго по-русски.

— Г. П.,—обратился судья къ обвиняемому,—вы обвиняетесь въ томъ, что грозили убить вашего подрядчика, г. Соколова и даже замахнулись на него топоромъ. Признаете ли себя виновнымъ?

— Никакъ нѣтъ!—отвѣтилъ П.—Какъ мы пріѣхали сюда изъ Россіи работать, мы все работали, жизни не жалѣючи. Мы *строга работали, сердечно работали*. Ни на какія опасности не смотрѣли. Я разъ съ трехсаженной высоты упалъ... Пока здѣсь былъ князь, насъ не очень притѣсняли, мы не жаловались. А какъ уѣхалъ князь,—и пошли новые порядки. Стали давать намъ такую пищу, что никакой песъ не сталъ бы ѣсть. *Мясо и щи—полно червей; хлѣбъ такой, что прямо топоромъ его рубить надо было*. Народъ сталъ болѣть животами, отощалъ, мочи не стало работать. А подрядчикъ кричитъ, ругается, говоритъ, что мало работаемъ. Ну, я, значить, не стерпѣлъ и сказалъ ему: «Ты чего кричишь? Раньше накорми, какъ слѣдуетъ, а потомъ и гони на работу. А при гнилой пищѣ у насъ силы нѣтъ сердечно работать». Только это я ему и сказалъ.

Призвали свидѣтеля-рабочаго.

— Угрожалъ ли П. убить подрядчика?

*

— Не слышали мы этого. П.—человѣкъ хорошій, сердечный. Онъ, можетъ, грубость какую и сказалъ, а грозить смертию—не грозилъ.

— Находили вы въ пищѣ червей?

— Находили. На нашемъ столѣ разъ нашли, а на прочихъ столахъ больше. Народъ шибко болѣлъ.

Въ этомъ же духѣ показали и прочіе свидѣтели.

Архитектору защитникъ П. поставилъ вопросъ:

— Правда ли, что на слѣдующій день послѣ протеста П. о пищѣ, онъ, архитекторъ, прибѣжалъ въ казарму и закричалъ на П.: «Ищи, мерзавецъ, червей въ своей тарелкѣ, а въ чужія не суй своего носа!»

Архитекторъ смутился отъ этого вопроса.

— Я этого не говорилъ... — отвѣтилъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, это не къ П. относилось.

— Судья перешелъ къ слѣдующему обвиненію:

— Вы оказывали сопротивленіе полиціи?

— Никакъ нѣтъ! Какъ пришли полицейскіе, а мы ничего не знаемъ, не понимаемъ—мы и испугались и стали обороняться. Тогда они значить, сабли свои вытащили и на насъ, чтобы меня взять. Ну, извѣстно, товарищи сгрудились и заслонили меня,—думали, что полицейскіе хотятъ меня саблями зарубить. А я шибко испугался, думалъ: конецъ мой пришелъ—и какъ они меня взяли, хотѣлъ руку выслобонить, перекреститься хотѣлъ (и онъ истово перекрестился), а они, должно, думали, что бить ихъ хочу... А мы ихъ не трогали.

Призвали полицейскихъ.

— Билъ васъ П.?

— Бить не билъ, а сопротивленіе сильное оказывалъ.

— Когда вы его взяли, старался онъ высвободить руку?

— Да, старался. А мы ему не дали. А когда мы прошли двѣ улицы, поровнялись съ церковью, онъ сталъ показывать головой на церковь и опять сталъ рвать руку. Мы отпустили ему руку, и онъ сталъ креститься!..

Въ заключеніе г. Пти произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой нарисовалъ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, яркую картину эксплуатаціи рабочихъ. Они помѣщались въ жалкихъ и тѣсныхъ конурахъ, спали на голыхъ доскахъ, получали, сравнительно съ французскими рабочими, ничтожную плату; пища имъ выдавалась гнилая, вызвавшая повальную дезинтерію. При этомъ обращеніи администраціи и подрядчика съ рабочими было самое грубое и безцеремонное. Пока князь Тенишевъ былъ въ Парижѣ, кулацкіе аппетиты подрядчика сдерживались, а когда онъ уѣхалъ, они и перешли всякія границы. Когда же одинъ изъ рабочихъ рѣшился протестовать, подрядчикъ, чтобы отдѣлаться отъ него и дать урокъ другимъ рабочимъ, не задумываясь, взвелъ на него уголовное обвиненіе и, чтобы вѣрнѣе погубить его, не остановился даже передъ обвиненіемъ П., полуграмотнаго и религіознаго крестьянина, въ политической неблагонадежности... Во всему этому прибавилось естественное недоразумѣніе между рабочими и полиціей, которые не имѣли возможности сговориться.

Судьи приговорили П. къ двухнедѣльному тюремному заключенію, съ зачетомъ времени предварительнаго заключенія, т. е. фактически дали ему свободу. Князь Тенишевъ, присутствовавшій на судѣ, благодарилъ адвоката, г. Пти за его прекрасную защиту.

Новое женское общество въ Москвѣ. Въ газетахъ сообщалось, что недавно утвержденъ уставъ новаго общества въ Москвѣ подъ названіемъ «Общества улучшенія участи женщины». Общество имѣетъ цѣлью бороться противъ разврата и связаннаго съ нимъ пьянства. Для осуществленія этихъ цѣлей общество предполагаетъ: 1) оказывать нуждающимся нравственную и матеріаль-

ную поддержку; 2) способствовать распространению женскаго образованія и также техническихъ знаній; 3) устраивать съ особаго разрѣшенія и на основаніи уставовъ убѣжища и пріюты для падшихъ женщинъ и для малолѣтнихъ, впавшихъ въ порокъ разврата; 4) устраивать съ особаго разрѣшенія и на основаніи особыхъ уставовъ столовыя, общежитія, временныя помѣщенія, кассы взаимопомощи; 5) имѣть бюро для облегченія сношеній съ частными лицами и съ другими обществами, и для принсканія званій и мѣстъ; 6) открывать вечерніе курсы, воскресныя школы и мастерскія и др. Каждый членъ общества получаетъ право доводить до свѣдѣнія подлежащихъ властей объ обнаруженныхъ имъ случаяхъ преступленій противъ нравственности и жестокаго обращенія съ женщинами. Важно и то, что по уставу комитетъ общества (по донесеніи о преступленіи членомъ общества) ходатайствуетъ о дальнѣйшемъ направленіи возбужденнаго, такимъ образомъ, дѣла въ установленномъ порядкѣ; съ разрѣшенія подлежащей власти комитетъ, въ случаѣ необходимости дальнѣйшаго пресѣченія зла, принимаетъ потерпѣвшихъ несовершеннолѣтнихъ на попеченіе общества, помѣщая ихъ въ своихъ убѣжищахъ или у благонадежныхъ лицъ; въ случаѣ же возбужденія дѣла о совершенномъ преступленіи относительно несовершеннолѣтнихъ, комитетъ приискиваетъ, по просьбѣ потерпѣвшаго или его родственниковъ и опекуновъ, повѣреннаго для защиты въ судѣ интересовъ потерпѣвшаго. Членскій взносъ—не менѣе 3 рублей.

Драма въ Самаркандѣ. «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія объ ужасномъ убійствѣ г. Сморгунера. Загадочная драма, разыгравшаяся на нашей далекой окраинѣ, въ Ташкентѣ, и закончившаяся убійствомъ защитника, г. Сморгунера, принимавшаго горячее участіе въ своемъ клиентѣ, дворянинѣ Джорджикія, начинаетъ дѣлаться понятной. Молодой человекъ, дворянинъ Джорджикія, служилъ въ Обществѣ транспортированія кладей въ Ташкентѣ; пріѣхавъ сюда изъ Тифлиса, онъ поселился въ квартирѣ сотника Колокольцова, жившаго съ женою и дѣтьми. Тутъ же взялъ комнату тоже сотникъ А. А. Малыхановъ. Первые годы брака супруги Колокольцова жили сносно, но Джорджикія засталъ уже нѣчто крайне мучительное для жены и дѣтей своего хозяина. Страдая чисто болѣзненною страстью къ вину, г. Колокольцовъ очень мирный человекъ вообще, доходилъ до жестокости подъ влияніемъ алькоголя. Онъ былъ семейныхъ, истязалъ дѣтей, ругался и унижалъ жену, позоря ее и проклиная, хотя въ трезвомъ видѣ относился къ ней съ полнымъ уваженіемъ. Товарищи знали, какую нравственную пытку выносила беззащитная семья, но никакихъ мѣръ не принимали. Но Джорджикія, бывший постояннымъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, вступался, говорилъ съ товарищами Колокольцова и убѣждалъ его самого прекратить такую жизнь. Въ трезвомъ, т. е. здоровомъ состояніи г. Колокольцовъ калялся, но затѣмъ снова начиналось неистовство. Несчастливая жена трепетала за жизнь дѣтей, за ихъ будущее, такъ какъ отецъ билъ ихъ по головѣ, и, нерѣдко, должна была сама прятаться отъ мужа. Не встрѣчая никакой защиты, г-жа Колокольцова, естественно, обратилась къ Джорджикія, и тотъ посоветовалъ ей уѣхать отъ мужа вмѣстѣ съ дѣтьми. Ничего романческаго между г-жею Колокольцовой и ея защитникомъ не было. Джорджикія былъ женихомъ другой, любимой имъ дѣвушки, а г-жа Колокольцова была такъ истерзана вѣчнымъ страхомъ и несчастною семейною жизнью, что даже мужъ-властелинъ не ревновалъ ее ни къ кому. За сердечную жалость къ себѣ, со стороны жильца, г-жа Колокольцова платила ему заботливостью объ его вещахъ, чинила его бѣлье, платье и т. д. Когда г-жа Колокольцова, окончательно измученная и утратившая всякую вѣру въ возможность лучшаго, рѣшилась оставить мужа, то, конечно, явился вопросъ о паспортѣ. Безъ документа нельзя жить даже въ Ташкентѣ, и Джорджикія посоветовалъ г-жѣ Коло-

кольцовой временно переѣхать въ номера Александрова. Легко представитъ себѣ, какъ боялась г-жа Колокольцова вторженія мужа, находившагося какъ разъ въ болѣзненномъ періодѣ, какъ она надѣялась на охрану единственнаго своего защитника, какъ бы взявшаго на себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Въ три часа дня, 3-го января, г. Колокольцовъ пріѣхалъ къ гостиницѣ и спросилъ: здѣсь ли остановилась барыня съ двумя дѣтьми и, получивъ утвердительный отвѣтъ, направился въ номеръ. Въ это мгновеніе его увидѣлъ Джорджіянъ, бросился за револьверомъ, вернулся и, повторяя только одну фразу: «Николай Павловичъ! Николай Павловичъ!» пять разъ выстрѣлилъ въ него. Три пули нанесли г. Колокольцову легкія раны, двѣ пролетѣли мимо, но Джорджіянъ ничего не сознавалъ. Онъ вышелъ на улицу, повторяя: «Николай Павловичъ! Николай Павловичъ!» и сейчасъ же приказалъ везти себя въ полицію, гдѣ заявилъ, что онъ убилъ человѣка. Вотъ сущность дѣла, по которому г. Сморгунеръ, редакторъ-издатель газеты «Русск. Туркестанъ», выступилъ убѣжденнымъ и горячо сочувствующимъ защитникомъ обвиняемаго въ покушеніи на убійство отст. кол. секр. М. И. Джорджіянъ. Случись это дѣло здѣсь, въ столицѣ, лучшія силы нашей присяжной адвокатуры тоже безвозмездно выступили бы защищать г. Джорджіянъ, и судъ представителей общественной совѣсти вынесъ бы монятный приговоръ. Но на окраинахъ существуетъ коронный судъ, и отвергать фактъ преступленія никто не рѣшался. Защитникъ, г. Сморгунеръ, говорилъ о мотивахъ, о полной беспомощности жены и матери, за которую вступилась молодой человѣкъ, говорилъ объ общемъ безучастіи окружающихъ и вполнѣ естественно коснулся отношенія товарищей г. Колокольцова, все знавшихъ, но звать не желавшихъ. Никто изъ свидѣтелей и даже самъ пострадавшій не набросили ни единой тѣни на отношенія г. Джорджіянъ къ г-жѣ Колокольцовой и ясно, до полной очевидности было, что обвиняемый дѣйствовалъ вполнѣ безкорыстно. Коронный судъ приговорилъ обвиняемаго на поселеніе въ Томскую губ., но тутъ же, единогласно, постановилъ просить о полномъ помилованіи г. Джорджіянъ. Такимъ образомъ, дѣло казалось оконченнымъ, но вдругъ новое осложненіе. Сослуживцы г. Колокольцова оскорбились нѣкоторыми фразами, яко бы сказанными защитникомъ, г. Сморгунеромъ, и, не провѣривъ слуховъ, рѣшились мстить за честь полка. Выразителемъ негодованія, ни на чемъ, какъ оказывается, не основаннаго, явился полковникъ Сташевскій, выстрѣломъ изъ револьвера убившій г. Сморгунера.

Общественныя запашки въ Самарской губерніи.

(з а м ѣ т к а).

Въ газетахъ много говорилось о томъ, что самарское земство въ нынѣшнюю тяжкую годину народнаго бѣдствія тормозило выдачу продовольственной ссуды населенію, разъ послѣднее не соглашалось гарантировать возвратъ ея въ будущемъ общественными запашками. Какъ бы въ оправданіе самарскаго земства за такія его дѣйствія по отношенію къ населенію, одинъ изъ корреспондентовъ «Недѣли» (въ № 25) старался доказать, что «земство и до сего времени не можетъ составить какого-либо опредѣленнаго мнѣнія объ общественныхъ запашкахъ, такъ какъ результаты, даваемые запашками, пока еще мало обслѣдованы (это послѣ 7-лѣтней-то практики!). Правда, уже теперь можно отмѣтить, что запашки въ большинствѣ случаевъ далеко не процвѣтаютъ, но что именно служить причиной такому явленію—неумѣлое ли примѣненіе ихъ, или что еще другое,—многіе до сего времени затрудняются сказать».

Пишущій эти строки былъ свидѣтелемъ введенія общественныхъ запашекъ въ Самарской губерніи въ 1892 году и потому настоящая его замѣтка можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на исторію возникновенія запашекъ и отчасти объяснить малоуспѣшность ихъ результатовъ. Господа земскіе дѣятели обладаютъ слишкомъ короткой памятью, или намѣренно не хотятъ понять, въ чемъ именно кроется причина малоуспѣшности общественныхъ запашекъ, такъ какъ о нихъ довольно обстоятельно было высказано въ «Сельскохозяйственномъ обзорѣ за 1892 г.» (вып. II, стр. 65—69). Предъ введеніемъ общественныхъ запашекъ въ 1891—1892 г., тогдашній членъ губернской земской управы, г. Поздюнинъ, по иниціативѣ котораго были введены запашки, просилъ меня, какъ завѣдующаго статистическимъ бюро, составить записку объ исторіи введенія и ходѣ общественныхъ запашекъ въ другихъ губерніяхъ, о причинахъ ихъ успѣшности или малоуспѣшности, и въ концѣ-концовъ высказать о запашкахъ и мое личное мнѣніе. Записка мною была составлена, и передана г. Поздюнину. Многочисленными примѣрами, взятыми изъ практики другихъ земствъ и учреждений *). мною было доказано, что вездѣ, гдѣ запашки вводились насильно, противъ воли самихъ крестьянъ, гдѣ коллективный трудъ не являлся актомъ добровольнаго соглашенія участниковъ, они не имѣли успѣха и нерѣдко вызвали со стороны крестьянъ противодѣйствіе, что предварительно слѣдуетъ пропагандировать среди населенія идею введенія запашки, убѣдить его въ ихъ пользѣ и т. д. Г. Поздюнинъ не согласился съ моею аргументаціей и отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

— Вы теоретикъ, не земскій дѣятель, и въ этомъ дѣлѣ мало понимаете. Если крестьяне не согласятся ввести запашку, мы заставимъ ихъ силой и добьемся, чего надо.

О запашкахъ намъ лично тогда же приходилось много бесѣдовать съ крестьянами. Въ 80 хъ годахъ текущаго столѣтія общественная запашка практиковалась въ Самарской губерніи въ 46 обществахъ исключительно для удовлетворенія нуждъ церкви или духовенства. Въ большинствѣ обществъ общественныя запашки вводились на одинъ - два года, по мѣрѣ надобности, какъ у нѣмецкихъ колонистовъ, а затѣмъ опять отменялись, «виредъ до новой надобности». Вводились онѣ, напр., для уплаты долга, денежнаго или хлѣбнаго, заимодавцамъ въ неурожайный годъ, почему и запашки назывались «долговыми», или вводились на 3—5 лѣтъ для образованія капитала съ цѣлью построенія церкви или школы. Разъ эти нужды удовлетворены, и запашки прекращались. При такихъ условіяхъ весьма естественно запашки не имѣли почти никакого практическаго значенія въ смыслѣ обезпеченія населенія продовольственными или сѣменными запасами. Въ Ставропольскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ, вмѣсто запашки, нѣкоторые общества практиковали денежный сборъ съ каждой мужской души, и изъ этого сбора въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ къ 1890 году образовался общественный капиталъ, простиравшійся болѣе чѣмъ до 100.000 р., но къ голодному 1891 году весь былъ израсходованъ. Общественный денежный капиталъ существовалъ и во многихъ другихъ обществахъ уѣздовъ Бугульминскаго и Бугурусланскаго, но весь былъ израсходованъ въ 1891 году. По заявленію намъ крестьянъ, «до неурожайныхъ годовъ засѣвали при общественной запашкѣ больше, а теперь не стоитъ: тревога одна міру изъ-за пустяковъ, потому что приходится выгонять на работу съ ругней, да и сѣютъ и убираютъ не во время»... Прежде мало уходили на сторону, а теперь многіе изъ крестьянъ «стали уходить съ начала весны и на все лѣто на заработки въ Уральскую область, Уфимскую и Оренбургскую губерніи, земли сдаютъ въ аренду, иногда даже и не своимъ однообщественникамъ, иногда же въ мѣръ. Земли такъ и ле-

*) Напр., о введеніи запашекъ удѣльнымъ вѣдомствомъ въ Симбирской губ.

жать впускъ». Кто же за ушедшихъ будетъ производить общественную запашку? Затѣмъ, во многихъ обществахъ своей надѣльной земли чрезвычайно мало даже для посѣва и для себя, напр., у крестьянъ на $\frac{1}{4}$ дарственной надѣлѣ и т. д. Оттого, когда члены земской управы спрашиваютъ крестьянъ: «почему не ввели общественной запашки?»—отвѣчаютъ: «земли нѣтъ».

Отсюда и происходитъ несочувствіе населенія къ общественнымъ запашкамъ.

Когда, въ 1891 голодномъ году, въ губернскомъ земскомъ собраніи зашла рѣчь о томъ, какимъ образомъ обезпечить земству правильное поступленіе отъ крестьянъ продовольственной и сѣменной ссуды, то собраніемъ, по предложенію г. Поздюнина и всей управы, было постановлено: выдавать ссуду лишь тѣмъ обществамъ, которыя обяжутся ввести у себя общественную запашку, при чемъ на каждую ревизскую мужскую душу запашки полагалось по 200 квадрат. сажень; для болѣе правильнаго и добросовѣстнаго выполнения общественной запашки предположено выбирать изъ среды самихъ же крестьянъ особые смотрители надъ запашками, которые должны получать вознагражденіе за свои труды изъ продуктовъ запашки. Такимъ образомъ весь собранный продуктъ, съ общественной запашки распределяется слѣдующимъ образомъ: $\frac{2}{5}$ его идетъ на вознагражденіе смотрителя запашки и посѣвъ подъ будущія запашки, $\frac{1}{5}$ остается въ запасъ, $\frac{2}{5}$ должны поступать въ уплату долга отъ заемщиковъ. Запашки привились преимущественно въ обществахъ многоземельныхъ крестьянъ, каковы, напр., общества Николаевскаго и Новоузенскаго уѣздовъ, и плохо—въ малоземельныхъ (въ уѣздахъ Ставропольскомъ и Самарскомъ); съ другой стороны онѣ не встрѣтили особеннаго сопротивленія со стороны русско-мордовскаго населенія, но вызвали сильный отпоръ со стороны татаръ и башкиръ, что будетъ весьма понятно, если мы вспомнимъ, что въ традиціяхъ этой послѣдней части инородческаго населенія никогда прежде не было примѣровъ общественной запашки. Нѣкоторыя общества, хотя и получившія ссуду, не ввели общественной запашки по недоброумію къ тѣмъ цѣлямъ, какихъ предполагало достигнуть земство при введеніи ихъ. Въ Елшанской вол. (Самарскаго уѣзда) крестьяне много разъ толковали на сходѣ о запашкѣ, «но до крайности боялись ввести ее»; въ Натальинской вол. (Бузулукскаго уѣзда) крестьяне «не разбери Богъ что толковали о запашкахъ»; въ Высококоляевской вол. (Ставропольскаго уѣзда), когда среди крестьянъ пошли слухи о томъ, что имъ не дадутъ ссуды изъ-за отказа отъ общественной запашки, то 500 домохозяевъ взяли паспорта на сторону. Изъ такого же чувства страха не ввели запашки многія татарскія общества уѣздовъ Бузулукскаго, Самарскаго, Бугульминскаго и Ставропольскаго. Многіе изъ корреспондентовъ статистическаго бюро тогда же констатировали фактъ плохой, небрежной обработки земли подъ запашку, вслѣдствіе чего и урожай хлѣббовъ получился плохой: «крестьяне шли на работу неохотно, землю подъ яровое не подготавливали съ осени». Изъ 61 корреспондента статистическаго бюро въ 4 сѣверныхъ уѣздахъ 38 дали показанія въ 1892 году о плохомъ урожаѣ хлѣббовъ съ общественныхъ запашекъ, и въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ запашка была введена безъ сопротивленія, урожай хлѣббовъ получился ниже средняго. Таковъ былъ результатъ общественныхъ запашекъ въ первый годъ послѣ введенія ихъ земствомъ.

По постановленіямъ губернскаго земскаго собранія 1897 г. результаты общественныхъ запашекъ оказались аналогичными съ 1892 годомъ, и это весьма естественно: всякій вынужденный трудъ всегда бываетъ малопроизводительнень. Въ 1896 году средній урожай ржи съ запашекъ получился въ 31 п. 10 ф. съ десятины, ярового 28 п. 20 ф., въ 1897 году овсянаго 14 п. 26 ф., ярового 11 п. 22 ф. Въ отчетѣ о состояніи общественныхъ запашекъ въ уѣздахъ губернская земская управа касается и причинъ не введенія крестьянскими обще-

ствами запашекъ, при чемъ оказалось, что въ 26 обществахъ прекращены запашки «самовольно» или «безъ всякой причины», въ 6 обществахъ за неимѣніемъ на то земли, въ 6 обществахъ Алыметьевской вол., населенной татарами, запашки не введены «по невыгодности ихъ». Но такъ какъ сама управа твердо убѣждена именно въ выгоды, то она и просить уѣздныя земскія управы «производить фактическій контроль общественныхъ запашекъ о своевременномъ выполненіи работъ: времени пашни, посѣва, жнитва и молотбы и о результатѣ доставлять свѣдѣнія въ губернскую управу». Отвѣты земскихъ управъ на приглашеніе губернскаго земства вести надъ запашками неослабный контроль были резонны и просты, до такой степени просты, что они не могутъ быть поняты только наивными людьми, въ родѣ г. Поздюнина. Бугурусланское земство, составнымъ элементомъ котораго является и г. Поздюнинъ, на предложеніе управы отвѣчало слѣдующее: «Для провѣрки общественной запашки по каждому обществу на мѣстѣ потребовалось бы не менѣе года, при условіи, чтобы весь составъ управы оставилъ все другія дѣла, а такъ какъ сдѣлать этого нельзя, то постановленіе губернскаго земскаго собранія остается невыполнимымъ».

По мнѣнію Бугурусланской земской управы, «фактическій контроль общественныхъ запашекъ крайне обременителенъ и даже физически невыполнимъ по громадности района, занимаемаго запашками, и разбросанности ихъ въ частности». Но въ свое оправданіе управа старается выставить на видѣ и положительную сторону своей дѣятельности по урегулированію общественныхъ запашекъ въ своемъ уѣздѣ: «одни общества она побуждала, другія и третьи заставляла засѣвать въ двойномъ и даже тройномъ размѣрѣ» (sic!).

И губернское, и уѣздныя земства были твердо убѣждены въ томъ, что общественныя запашки должны практиковаться лишь до тѣхъ поръ, пока не уплачены крестьянами долги по ссудѣ съ 1891—1892 гг., а между тѣмъ, распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ въ 1893 г. земство оказалось сбитымъ съ своей позиціи. Этимъ распоряженіемъ вмѣнялось губернскому земству въ обязанность «весь хлѣбъ, собранный съ общественныхъ запашекъ тѣхъ обществъ, за коими числится долгъ по ссудамъ 1873 и 1880 гг., обращать на погашеніе сихъ ссудъ». Очевидно, общественнымъ запашкамъ въ Самарской губ. не предвидится и конца, и губернское земство съ этимъ, повидному, вполне примирилось. Бугурусланское земство предлагаетъ губернскому принять какія-либо радикальныя мѣры для поддержанія общественныхъ запашекъ, «ибо въ послѣднее время является опасеніе, что дѣло это можетъ совершенно упасть въ виду того, что нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ сомнѣваются, чтобы общественныя запашки могли по закону распространяться на долги населенія, сдѣланныя имъ ранѣе введенія запашекъ» *). И крестьянскія общества, съ своей стороны тоже увѣрены, что «съ уплатою долга по ссудамъ въ голодный 1891 г. и слѣдующіе годы прекратятся и общественныя запашки». Новоузенское земство и до сихъ поръ продолжаетъ вносить деньги за проданный хлѣбъ въ казначейство на уплату исключительно долговъ по займу 1891—1892 годовъ.

Уѣзднымъ земствамъ, повидному, надобно возиться съ неблагодарнымъ дѣломъ—контроля общественныхъ запашекъ. Въмѣсто того, чтобы въ это запутанное дѣло внести какой-либо свѣтъ, губернское земство постановило возбудить предъ начальникомъ губерніи ходатайство о томъ, чтобы онъ «предложилъ г.г. земскимъ начальникамъ имѣть строгое наблюденіе за правильнымъ веденіемъ сельскими обществами означенныхъ запашекъ и о разъясненіи *всѣми*

*) Постановл. губерн. зем. собр. XXXIII очередн. сессія 1897 г., 270.

зависящими отъ нихъ мѣрами *) крестьянамъ полезности и необходимости этихъ запашекъ».

Чего не могутъ сдѣлать уѣздныя земства, того могутъ де достигнуть земскіе начальники, облеченные болѣе широкими полномочіями. Въ такихъ мѣропріятіяхъ не нуждалось самарское губернскае земство въ лучшія времена своей дѣятельности.

И. Красноперовъ.

За границей.

Европейская колонизація. Колонизаціонное движеніе въ Европѣ за послѣдніе годы приняло очень широкіе размѣры и составляетъ одно изъ характерныхъ явленій оживающаго столѣтія. Большинство европейскихъ націй обнаруживаетъ неудержимое стремленіе къ распространенію своихъ владѣній «за моремъ», въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта и преимущественно въ тропическихъ странахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что европейскія націи обнаруживаютъ при этомъ удивительную беззабѣчивость; въ своемъ стремленіи раздѣлить міръ между собою, онѣ совершенно не принимаютъ во вниманіе право слабыхъ и беззащитныхъ народовъ, которыхъ онѣ безъ церемоній изгоняютъ изъ ихъ владѣній, оправдывая свои поступки тѣмъ, что это дѣлается для ихъ же пользы, такъ какъ европейская цивилизація несетъ имъ такія блага, о которыхъ бѣдные невѣжественные туземцы и понятія не имѣютъ. Но главная забота европейскихъ націй въ этой погонѣ за территориями, заключается въ томъ, чтобы предупредить другъ друга, раньше наложить руку на свободный кусокъ земли и захватить больше. Стоитъ которойнибудь изъ крупныхъ европейскихъ націй захватить участокъ земли или островъ, водрузить свой флагъ, какъ тотчасъ же является другая нація съ заявленіемъ своихъ претензій; точно коршуны слетаются всѣ на добычу и каждый торопится урвать кусочекъ. Такое характерное зрѣлище представляетъ въ настоящее время Битай, и тоже самое можно наблюдать въ Африкѣ.

Но такая стремительная колонизація отдаленныхъ странъ и заселеніе ихъ европейцами выдвигаетъ на сцену многіе очень важныя вопросы. Извѣстно, что человѣкъ можетъ приспособиться къ самымъ различнымъ климатическимъ условіямъ. Мы видимъ, что люди живутъ на крайнемъ сѣверѣ и свыкаются съ полярною стужей и даже, подобно эскимосамъ, не подозреваютъ, что жизнь возможна при иныхъ условіяхъ. Африканскіе негры конечно также находятъ тропическій зной вполне естественнымъ и не очень страдаютъ отъ него. Но что касается европейцевъ, то важный вопросъ, который теперь выдвигается на сцену, заключается въ томъ: могутъ ли они также легко приспособиться по климатическимъ условіямъ тѣхъ странъ, которыя они колонизируютъ, какъ приспособились къ нимъ мѣстные жители? Медицинскіе авторитеты высказываются на этотъ счетъ довольно неопредѣленно и далеко не единогласно, особенно въ томъ, что касается тропиковъ. Впрочемъ нѣкоторые высказываются прямо, что европеецъ никогда не можетъ акклиматизироваться въ тропикахъ: все что онъ можетъ сдѣлать—это временно сохранить свое здоровье, соблюдая всѣ предосторожности и строгія правила гигиены; но продолжительное пребываніе въ тропическомъ климатѣ для него все-таки губительно. Объ акклиматизаціи европейской расы нечего думать и, по мнѣнію этихъ авторитетовъ, Африка никогда не сдѣлается страной, заселенной европейцами. Впрочемъ это относится также ко всѣмъ странамъ тропической зоны. Нѣкоторымъ удается

*) Курсивъ нашъ.

прожить 10, 15 даже двадцать лѣтъ подъ тропиками, но такіе крѣпкіе организмы составляютъ исключеніе и все-таки въ концѣ концовъ они бывають ослаблены и люди кажутся гораздо старше своихъ лѣтъ.

Авторъ книги «The Central of the tropics» (центръ тропиковъ) Б. Киддъ, говоритъ, что европеецъ можетъ жить въ экваторіальной Африкѣ лишь какъ проѣзжай, временно останавливаясь въ ней, и для возстановленія своихъ силъ онъ непременно долженъ ѣздить въ Европу.

Другіе однако высказываютъ болѣе оптимистическіе взгляды, приводя въ доказательство статистику смертности въ англійскихъ войскахъ въ Индіи. Въ Бенгаліи, въ началѣ смертность была 77 на тысячу, а теперь всего 14. Въ Мадраасскомъ округѣ она упала съ 68 до 13, въ западной Индіи съ 78 на 9, а въ восточной Индіи со 170 до 16. Эти цифры конечно очень краснорѣчивы, но онѣ скорѣе говорятъ въ пользу улучшенія санитарныхъ условій въ войскахъ, нежели въ пользу приспособленія ихъ къ климатическимъ условіямъ, такъ какъ контингентъ войскъ въ британской Индіи по прежнему набирается въ Индіи и Англоиндійская раса еще повидимому не образовалась тамъ, и въ Индію постоянно возобновляется запасъ свѣжихъ силъ изъ Европы.

Одинъ изъ французскихъ врачей говоритъ, что самый страшный врагъ европейца въ тропикахъ — вовсе не высокая температура, которая въ сущности не можетъ дѣйствовать столь уже разрушительно на крѣпкій и здоровый организмъ — а микробъ, который мститъ европейцамъ за несчастныхъ негровъ, погибающихъ отъ жестокаго обращенія и хотя онъ дѣйствуетъ не такъ быстро, какъ европейскія пули, но разрушаетъ организмъ столь же вѣрно. Такимъ образомъ окончательное завоеваніе тропиковъ и заселеніе ихъ европейскою расою зависятъ не отъ грубой силы или стратегическаго искусства, а составляетъ дѣло европейской науки и главнымъ образомъ гигиены. Колоніальныя предпріятія очевидно должны опираться на другія основанія; не на ружья и сабли, а на подробныя изслѣдованія и знаніе патологій и бактериологій колонизируемой области, такъ какъ именно микробы препятствуютъ успѣшной колонизаціи и мѣшаютъ европейцамъ утвердить свое могущество.

Въ Англіи уже поняли это и тамъ учреждена колоніальная медицинская школа, специально для изученія тропическихъ болѣзней. Англійскіе колоніальные врачи въ послѣднее время энергично принялись за изученіе этого вопроса и англійское правительство командируетъ специальныя медицинскія миссіи въ различныя мѣста тропической области, особенно извѣстныя своимъ губительнымъ климатомъ для европейцевъ.

Это новое направленіе колонизаціонной дѣятельности должно принести плоды и быть можетъ рѣшить наконецъ спорный вопросъ насчетъ возможности акклиматизаціи европейцевъ въ тропикахъ. А пока колонизація все-таки идетъ своимъ чередомъ. Черный континентъ покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ и европейцы въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ необыкновенную дѣятельность. Между тѣмъ постройка желѣзной дороги въ Африкѣ сопряжена бываетъ съ величайшими затрудненіями; бороться приходится не только съ климатомъ и почвой, но и съ тропическою растительностью и враждебностью туземцевъ. Зачастую случается, что работа, потребовавшая нѣсколькихъ мѣсяцевъ для своего выполненія, разрушается въ нѣсколько дней и даже часовъ ураганомъ, дождемъ, наводненіемъ, а иногда проложенный желѣзнодорожный путь становится негоднымъ вслѣдствіе растительности, которая быстро покрываетъ все полотно; травы и позлудія растенія переплетаются, образуя густой, непроницаемый коверъ, подъ которымъ совершенно исчезаютъ рельсы. Но упрямый европеецъ опять и опять расчищаетъ путь и неудержимо стремится впередъ, не обращая вниманія ни на какія препятствія, въ погоню за новыми рынками для сбыта своихъ произведеній. Для него не такъ страшны всѣ смертоносныя

микробы тропиковъ, какъ паденіе цѣнъ, вызываемое конкуренціей, и связанное съ этимъ уменьшеніе прибыли. Ужасъ передъ этимъ врагомъ гонить его въ такія дебри, о какихъ и не мечтали никогда прежніе искатели приключеній.

Очень немногіе изъ европейцевъ имѣють понятіе о той страшной отвѣтственности, которая лежитъ на плечахъ главнаго строителя желѣзной дороги въ Африкѣ. Только люди съ очень крѣпкими нервами, закаленные и обладающіе чрезвычайно здоровымъ организмомъ, въ состояніи донести до благополучнаго конца такое предпріятіе. Прежде всего чувствуется постоянный недостатокъ въ хорошихъ работникахъ и волей неволей приходится обращаться къ туземцамъ, которые работаютъ плохо и неохотно. Но самое худшее—это скрытая враждебность туземцевъ, всеми способами старающихся помѣшать постройкѣ. Европейецъ долженъ быть на сторожѣ постоянно, и хорошо, если все дѣло ограничивается только уничтоженіемъ, да порчею пути. Пионеры цивилизаціи не смущаются этими опасностями и мало-по-малу прокладываютъ дорогу черезъ степи, горы и дѣвственные лѣса чернаго континента и недалеко тотъ день, когда непрерывный рельсовый путь пройдетъ отъ Мыса Надежды сплошь до Средиземнаго моря.

Одинъ изъ американскихъ общественныхъ дѣятелей. Въ настоящее время почти во всѣхъ американскихъ иллюстрированныхъ газетахъ и «Magazines» можно найти портретъ и біографію нѣкаго мистера Джонса, мэра города Толедо, въ штатѣ Огіо. Мистеръ Джонсъ въ данную минуту одинъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ; онъ заваленъ приглашеніями различныхъ политическихъ партій и общественныхъ дѣятелей на банкеты, митинги и конгрессы. Его коллеги въ городскомъ муниципалитетѣ постоянно обращаются къ нему за совѣтами, организаторы конференцій просятъ его прочесть публичные лекціи, репортеры ходатайствуютъ объ interview—однимъ словомъ, его всѣ хотятъ видѣть, говорить съ нимъ и его буквально разрываютъ на части. Его избрали мэромъ, но теперь уже поговариваютъ о томъ, чтобы избрать его губернаторомъ и даже президентомъ. Въ Бостонѣ, въ Нью-Йоркѣ, гдѣ онъ говорилъ передъ громадною аудиторіей, толпа восторженно привѣтствовала его. Но полгода тому назадъ почти никто въ Америкѣ даже не зналъ о существованіи Джонса и извѣстность его еще не переходила границъ Толедо, города съ 90.000 жителей, находящагося въ сѣверной части штата Огіо, на берегу озера Эри. Даже и тамъ онъ былъ—выражаясь политическимъ языкомъ—«новый человекъ». Карьера его была не только быстрая, но и совершенно неожиданная. Всего лишь два года тому назадъ онъ былъ извѣстенъ только какъ добрый хозяинъ, весьма любимый рабочими на своемъ нефтяномъ заводѣ, заботящійся объ ихъ нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи. Извѣстно было только, что онъ ввелъ какія-то любопытныя нововведенія на своей фабрикѣ, но большинство смотрѣло на него какъ на очень кроткаго и добродушнаго, въ тоже время нѣсколько наивнаго человѣка.

Наступили муниципальные выборы 1897 года. На выборахъ шла борьба между партіями республиканцевъ и демократовъ, но такъ какъ объ партіи были равны по силѣ, то шансы раздѣлились и ни тотъ, ни другой кандидаты не одержали побѣды. Тогда рѣшили выставить третьяго кандидата, который могъ бы соединить объ партіи. Произнесено было имя Джонса—«добраго хозяина»; онъ былъ республиканецъ; но противоположная партія не выказала большого сопротивленія, такъ какъ его всѣ любили, и Джонсъ прошелъ на выборахъ, поддерживаемый лучшими и наиболее уважаемыми гражданами Толедо.

Два года управленія Джонсомъ произвели въ городѣ Толедо такія перемѣны, о какихъ и не мечтали его жители. Всѣ почтенные люди, поддерживавшіе

Джонса своими голосами, духовенство, промышленныя общества и т. д.; очень сочувственно взиравшія на тѣ нововведенія, которыя онъ предпринималъ въ интересахъ города, были поражены его необыкновенною энергіей и тѣми радикальными перемѣнами, которыя произошли въ короткій срокъ. Всѣ въ Толедо почувствовали какое-то новое вѣяніе. Джонсу удалось смягчить строгія постановленія относительно соблюденія воскреснаго дня, гуманизировать полицію и научить ее дѣйствовать больше убѣжденіемъ и кротостью, нежели силой. Эта перемѣна въ особенности поразила всѣхъ; затѣмъ онъ позаботился также о безработныхъ, для которыхъ были устроены городскіе пріюты, гдѣ они получали квартиру и столъ въ теченіе трехъ дней, такъ какъ это считалось достаточнымъ срокомъ для пріисканія работы. Но дальнѣйшіе его планы произвели большую сенсацію въ городскомъ управленіи. Онъ заговорилъ о томъ, чтобы городъ самъ взялъ въ свои руки и электрическое освѣщеніе, и конно-железныя дороги и т. п., промышленныя учрежденія, устранивъ промышленныя общества и прекративъ выдачу концессій. Слова: «municipal ownership», (муниципальная собственность), стали повторяться безпрестанно; бюро городского мэра было постоянно переполнено разнаго рода бѣдняками, съ которыми онъ разговаривалъ съ величайшею привѣтливостью. Наконецъ, наступили выборы 1899 года. На этотъ разъ Джонсъ выступилъ передъ своими прежними избирателями съ опредѣленною программой, въ которой главными пунктами были слѣдующія: экспроприація конножелезныхъ дорогъ и электрическаго освѣщенія и передача ихъ въ вѣдѣніе города; восьмичасовой рабочей день; извѣстный минимумъ заработной платы (7 фр. 50 с.); организація помощи для безработныхъ, устройство парковъ для народа и т. д. и т. д. Избиратели Джонса пришли въ ужасъ и... выбрали другого кандидата.

Джонсъ принялъ героическое рѣшеніе, онъ объявилъ себя независимымъ кандидатомъ и назвалъ себя «республиканцемъ на манеръ Линкольна». Никто не сомнѣвался въ провалѣ Джонса, ибо противъ него были двѣ организованныя партіи, всѣ промышленныя общества, духовенство, большинство печати и все, такъ называемое, «порядочное общество». Но... за него оказался народъ, который презрѣвъ всякія преграды, налагаемыя партіями, объединился подъ независимымъ знаменемъ Джонса. Избирательная кампанія превратилась для него въ одинъ непрерывный триумфъ. За нѣсколько дней до выборовъ по улицамъ Толедо прошла грандіозная процессія въ 6.000 человекъ, объявившая своимъ кандидатомъ Джонса. Затѣмъ, когда наступили выборы, Джонсъ былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ; республиканскій кандидатъ получилъ 4.000, кандидатъ демократовъ 3.000, а Джонсъ—16.752 голоса. Разумѣется, это произвело сенсацію; вѣсть о побѣдѣ «независимаго» кандидата распространилась по всѣмъ штатамъ союза и Джонсъ сразу сдѣлался извѣстностью, и въ газетахъ, и «magazines» появились его портреты и биографія.

Джонсъ принадлежитъ къ категоріи людей, которыхъ англичане и американцы называютъ «Self made man». Онъ родился въ княжествѣ Уэльскомъ (что помѣшаетъ ему когда-нибудь быть избраннымъ на постъ президента республики), но трехъ лѣтъ былъ привезенъ въ Америку, куда эмигрировали его родители, очень бѣдные и обремененные многочисленною семьею люди. Джонсу съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ пришлось извѣдать нужду и работать для куска хлѣба. Ему было восемь лѣтъ, когда онъ очутился въ Пенсильваніи, совершенно одинъ, имѣя въ карманѣ всего 15 пенсовъ и не зная ни одной души, которая могла бы придти къ нему на помощь. Мало-по-малу ему удалось пристроиться и получить постоянный заработокъ. Заработокъ этотъ съ годами увеличивался, но Джонсъ не только работалъ, но и учился. Благодаря своимъ способностямъ и смѣливости, онъ скоро выдвинулся и добился самостоятельнаго положенія. Изучивъ нефтяное дѣло, онъ сталъ во главѣ собственнаго ке-

росинового завода, гдѣ и началъ примѣнять свой собственный новый способъ пригото­вленія керосина.

Но лишь тогда, когда онъ сталъ во главѣ собственнаго дѣла, онъ понялъ, какъ онъ самъ говоритъ, всю важность и остроту социальнаго вопроса. До этого времени онъ работалъ только для себя и для своей семьи; онъ достигъ обезпеченнаго матеріальнаго положенія, пополнилъ свое образованіе и могъ съ чистую совѣстью назвать себя добрымъ отцомъ семейства, добрымъ гражданиномъ и христианиномъ, не забывающимъ завѣтовъ Евангельскаго ученія и старающимся дѣлать добро. Но дальше этого онъ не шелъ и только тогда, когда онъ почувствовалъ, что на немъ лежитъ отвѣтственность, какъ на хозяинѣ дѣла, когда онъ началъ ежедневно сталкиваться съ рабочими, которые просили работы и зачастую не находили ее, онъ началъ размышлять и въ душѣ его родилось сознаніе социальнаго долга. Онъ самъ рассказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

«Сотни людей приходили ко мнѣ на фабрику просить работы. Скорбное выраженіе ихъ исхудалыхъ, изможденныхъ лицъ, приниженный и часто запуганный видъ, точно у побитой собаки, ихъ понижшія головы, которыя они не рѣшались поднять, чтобъ посмотреть на васъ, согбенныя спины, которыя, казалось, никогда не могли выпрямиться—все это производило на меня удручающее впечатлѣніе. Я сказалъ себѣ: неужели это возможно, чтобы въ мірѣ было столько людей безъ всякой работы, столько бѣдности и столько страданія!»

Джонсъ былъ благочестивымъ человѣкомъ; ему тотчасъ же вспомнилась Нагорная Проповѣдь и тѣ слова ея, которыя англичане называютъ «The Golden Rule» (золотое правило), и которыя говорятъ объ отношеніяхъ къ ближнему. Будучи всегда человѣкомъ дѣла, Джонсъ рѣшилъ прежде всего примѣнять это «золотое правило» у себя на фабрикѣ и скоро сдѣлался извѣстенъ какъ человѣкъ, руководствующійся «золотымъ правиломъ» въ промышленности.

Для начала Джонсъ прежде всего изучилъ до мельчайшихъ подробностей бытъ рабочихъ и былъ пораженъ, что многие семейные рабочіе вынуждены были довольствоваться заработкомъ, не превышающимъ полдоллара въ день. Тогда Джонсъ установилъ у себя минимумъ заработной платы въ одинъ долларъ. Нанимавшимся къ нему рабочимъ онъ никогда не задавалъ никакого вопроса насчетъ ихъ прошлаго, политическихъ и религіозныхъ взглядовъ и т. д. Но, выдавая рабочему причитающуюся ему заработную плату, Джонсъ заворачивалъ ее въ листокъ, на которомъ былъ напечатанъ какой-нибудь благой совѣтъ и нѣсколько дружескихъ и теплыхъ словъ, проникнутыхъ братскимъ участіемъ. Кромѣ того, желая придать «золотому правилу» болѣе торжественный характеръ, онъ велѣлъ его надписать повсюду на стѣнахъ своей фабрики и объявилъ всѣмъ своимъ рабочимъ, что это правило замѣняетъ всякій договоръ и что они должны такъ и смотрѣть на него и работать на хозяина такъ же добросовѣстно, какъ они желали бы, чтобъ онъ работалъ для нихъ. Чтобы уменьшить число забастовокъ, онъ сократилъ число рабочихъ часовъ и въ то же время повысилъ заработную плату, вмѣсто того, чтобы со­ отвѣтственно уменьшить ее. Затѣмъ онъ постановилъ, что проработавъ полгода на фабрикѣ, рабочій получалъ право на восьмидневный отпускъ съ полнымъ сохраненіемъ содержанія. Но онъ сдѣлалъ еще одно нововведеніе: по прошествіи двухъ лѣтъ, къ Рождеству, онъ роздалъ рабочимъ маленькій дивидендъ и въ конвертъ, въ которомъ заключалась эта сумма, онъ вложилъ письмо къ рабочему, заключавшее въ себѣ, кромѣ добрыхъ совѣтовъ, нѣчто вродѣ проповѣди и изложенія социальныхъ взглядовъ автора. Эти взгляды становились все болѣе и болѣе смѣлыми, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что онъ ихъ проповѣдывалъ своимъ же рабочимъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ такомъ письмѣ онъ говоритъ что «Царство Божіе» наступитъ лишь тогда,

«когда ежедневно, для всѣхъ, будетъ Рождество (Christmas). Англосаксонцы чрезвычайно чтятъ этотъ праздникъ и Джонсъ поясняетъ, что онъ подразумеваетъ подъ этими словами такой праздникъ Рождества, когда каждый человѣкъ получить право пользоваться самъ плодами своихъ трудовъ и никто не станетъ отнимать у него эти плоды, ни посредствомъ спекуляцій, ни посредствомъ другихъ, болѣе достойныхъ способовъ, какими располагаетъ современная промышленность». Джонсъ находитъ также, что должны исчезнуть конкуренціи и порожденныя ею социальныя условія, которыя аналогичны войнѣ.

Конкуренціи онъ противопоставляетъ братство, «истинное братство», о которомъ онъ часто говоритъ въ своихъ рѣчахъ. Онъ всячески старается укрѣплять и развить это чувство между своими рабочими и своимъ поведеніемъ доказываетъ, что они и онъ—*братья*.

Около его фабрики находилась пустошь, которую онъ купилъ и устроилъ на ней паркъ, гдѣ собираются семья рабочихъ, рѣзвятся и гуляютъ ихъ дѣти, и гдѣ зачастую устраиваются митинги, произносятся рѣчи и публичныя лекціи. Но Джонсъ на этомъ не остановился и началъ придумывать и устраивать увеселительныя поѣздки со своими рабочими въ окрестности города, а когда былъ готовъ его загородный домъ, то онъ отпраздновалъ новоселье вмѣстѣ со своими рабочими. Не удивительно, послѣ этого, что всѣ рабочіе, какъ одинъ человѣкъ, готовы стоять за него горой и поддержали его на выборахъ!

Занявъ должность мэра, Джонсъ продолжалъ свои нововведенія и на этотъ разъ они коснулись не однихъ только рабочихъ его фабрики, а всѣхъ вообще обитателей Толедо. Онъ ставилъ себѣ правиломъ обращаться съ рабочими такъ, какъ онъ бы желалъ, чтобы стали съ нимъ обращаться въ случаѣ, если бы онъ лишился всякихъ средствъ къ существованію; поэтому то онъ и заставилъ городъ устроить даровыя бани и даровыя квартиры для рабочихъ на случай забастовки и т. п. Но замѣчательнѣе всего, что этотъ необыкновенный человѣкъ, казавшись, поглощенный своею дѣятельностью, нашелъ время написать стихи «Пѣснь о промышленной свободѣ» и эта пѣснь переложена на музыку и уже съблалась чѣмъ-то вродѣ народнаго гимна въ Толедо.

Новый экспериментъ въ Новой Зеландіи. Вопросъ о всеобщемъ страхованіи старости до сихъ поръ еще вызываетъ горячія пренія въ Европѣ, но у нашихъ антиподовъ—новозеландцевъ онъ недавно рѣшенъ утвердительно. Новая Зеландія—это страна всевозможныхъ социальныхъ экспериментовъ и населеніе ея, не задумываясь и не заботясь о потрясеніи какихъ бы то ни было основъ и традицій, вводитъ самыя смѣлыя реформы въ своемъ законодательствѣ. Извѣстно, что большинство британскихъ колоній въ Австраліи представляетъ въ практическомъ отношеніи почти совершенно независимыя общины, обладаетъ отдѣльными выборными парламентами, издаетъ собственные законы и, не опасаясь производить разные политическіе, социальныя и экономическіе эксперименты, результаты которыхъ могутъ быть весьма интересны и поучительны для Европы. Но самая смѣлая и передовая изъ всѣхъ австралійскихъ колоній—это, безъ сомнѣнія, Новая Зеландія, насчитывающая пока не болѣе 703.000 населенія европейской расы и 40.000 маорійцевъ. Колонизація Новой Зеландіи произошла лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Представителемъ королевской власти служить (для формы) губернаторъ, но управляютъ страной: ответственное министерство, законодательный совѣтъ и палата представителей, въ которой, какъ извѣстно, участвуютъ и женщины.

Станнымъ образомъ тотъ консервативный духъ, который обнаруживаютъ англичане въ примѣненіи къ своимъ законамъ и традиціямъ, составляющимъ для нихъ святыню, совершенно исчезаетъ въ англійскихъ австралійскихъ колоніяхъ, гдѣ они чрезвычайно охотно пробуютъ разныя нововведенія въ зако-

подательной системѣ. Но изъ всѣхъ мѣропріятій прогрессивнаго и демократическаго характера, прошедшихъ въ новозеландскомъ парламентѣ, наибольшее вниманіе европейской печати возбудилъ законопроектъ о пенсіи старикамъ, такъ называемый «Old Age Pensions Act», согласно которому всѣ новозеландцы обоаго пола, достигшіе 65-лѣтняго возраста и прожившіе въ колоніи не менѣе 25 лѣтъ, имѣютъ право на пожизненную пенсію, составляющую около 450 фр. въ годъ. Однако, пенсія эта выплачивается сполна только тѣмъ лицамъ, годовой доходъ которыхъ, изъ какого бы источника онъ не происходилъ, не превышаетъ 850 фр. Если доходъ превышаетъ эту сумму, то на каждые 25 фр. излишка вычитается 25 фр. изъ пенсіи и такимъ образомъ лица, имѣющія ежегодный доходъ въ 1300 фр. и болѣе, не имѣютъ права на государственную пенсію. Точно также не имѣютъ права на нее лица, обладающія капиталомъ (Accumulated property) въ 15.000 фр. Затѣмъ не могутъ быть пенсионерами государства такіе люди, которые были приговорены къ тюремному заключенію не менѣе какъ на пять лѣтъ, или же совершили предусмотрѣнные закономъ проступки; не могутъ получать пенсію супруги, покинувшіе свой семейный очагъ болѣе чѣмъ на полгода. Но новый законъ, кромѣ того, требуетъ, чтобы каждый претендентъ на пенсію представилъ доказательства, что онъ пользуется хорошею репутациею (good moral character) и что онъ въ теченіе пяти лѣтъ, по крайней мѣрѣ, ведетъ жизнь вполне трезвую и добропорядочную. Ни китайцы, ни другія азіатскія народности не могутъ стать пенсионерами государства, хотя бы они и были натурализованы въ Новой Зеландіи, но зато маорійцы пользуются въ этомъ отношеніи совершенно такими же правами, какъ и всѣ прочіе британскіе колонисты.

Законъ введенъ въ видѣ пробы на три года, по прошествіи которыхъ колониальный парламентъ рѣшитъ, насколько онъ удовлетворяетъ своей цѣли и если вопросъ будетъ рѣшенъ утвердительно, то законъ не будетъ отмененъ и будетъ дѣйствовать и дальше. Расходы на первый годъ вычисляются приблизительно въ 100.000 ф. стерлинговъ и парламенту придется ежегодно выдавать такую субсидію для поддержанія введенной системы пенсій.

Идея учрежденія государственной пенсіи для стариковъ возникла вслѣдствіе предубѣжденія, которое существуетъ у многихъ, противъ законовъ о бѣдности и системы благотворительности. Агитация въ пользу новаго закона, началась въ Новой Зеландіи уже года три тому назадъ и побѣда далась не легко. Большинство было противъ такого закона, но меньшинство, и въ томъ числѣ женщины, энергично содѣйствовали проведенію его въ парламентѣ. Многие видѣли въ этомъ законѣ «замаскированную» благотворительность и поэтому отвергли его; другіе же опасались чрезмѣрнаго развитія пауперизма въ народѣ подъ вліяніемъ такого закона. Но не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ новымъ социальнымъ экспериментомъ и что въ законопроектѣ, конечно, будутъ введены разныя поправки, чтобы сдѣлать его болѣе отвѣчающимъ своимъ цѣлямъ. Какъ бы тамъ ни было, но маленькая колонія приковываетъ къ себѣ взоры многихъ государственныхъ дѣятелей въ Европѣ, такъ какъ безстрашно выступаетъ съ нововведеніями разнаго рода и представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ лабораторіи для производства различныхъ социальныхъ опытовъ.

Роль женщинъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Въ исторіи борьбы съ алкоголизмомъ женщинамъ безспорно принадлежитъ далеко не послѣдняя роль. Всѣ государства заинтересованы борьбою съ этимъ страшнымъ зломъ, подрывающимъ народное благосостояніе и тѣсно связаннымъ съ социальнымъ вопросомъ. Нѣкоторые изъ современныхъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ вопросѣ, заявляютъ,

что «алкоголизмъ и милитаризмъ—вотъ два бѣдствія, отъ которыхъ гибнетъ и разлагается современное общество». Извѣстный феминистскій писатель и защитникъ правъ женщины, адвокатъ Луи Франкъ, прибавляетъ кромѣ того, что это, позорящее человѣчество, не будетъ побѣждено, пока мужчина не призываетъ на помощь женщину и не сдѣлаетъ ее равноправной во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ лишь при такихъ условіяхъ женщина можетъ успѣшно бороться съ алкоголизмомъ. Франкъ указываетъ, что борьба съ алкоголизмомъ привела къ серьезнымъ результатамъ лишь благодаря содѣйствію и вліянію женщинъ, въ странахъ, гдѣ феминизмъ довольно сильно развитъ; тамъ же, гдѣ роль женщинъ въ борьбѣ была не рѣзко выражена, результаты получились весьма незначительные.

Американки первыя организовали крестовый походъ въ пользу трезвости. Въ 1873 году былъ объявленъ первый походъ противъ пьянства, извѣстный подъ именемъ «Women's Whisky War» (война женщинъ противъ виски). Въ декабрѣ 1873 года состоялся первый женскій митингъ трезвости, который привелъ къ закрытію нѣсколькихъ тысячъ кабаковъ. Въ августѣ, въ слѣдующемъ году, въ Чаутаква (въ штатѣ Нью-Йоркѣ) организовано было первое женское общество трезвости, подъ названіемъ «National Women's Christian Temperance Union» подъ предѣлательствомъ выдающейся общественной дѣятельницы, миссъ Франсисъ Вилларъ. Этотъ національный союзъ, извѣстный подъ инициалами: W. C. T. U. достигъ высокой степени процвѣтанія и вліянія въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ настоящее время союзъ этотъ насчитываетъ болѣе 400.000 членовъ и въ томъ числѣ 15.366 дѣтей. Союзъ имѣетъ болѣе 10.000 филиальныхъ отдѣленій и кромѣ того къ нему примыкаютъ различные провинціальныя союзы, преслѣдующіе одинаковыя цѣли. Центральныя комитетъ завѣдуетъ всѣми дѣлами союза, а различные роды дѣятельности распределяются по департаментамъ союза.

Доказательствомъ процвѣтанія, силы и вліянія этого союза служить великолѣпный храмъ трезвости, возвышающійся въ центрѣ Чикаго и стоившій двѣнадцать съ половиною милліоновъ, собранныхъ по подпискѣ и только среди женщинъ. Въ этомъ храмѣ помѣщается центральное управленіе гигантской женской ассоціаціи, а свободныя части этого обширнаго зданія отдаются въ наемъ. Кромѣ этого храма союзъ выстроилъ въ Чикаго госпиталь и учредилъ ассоціацію, завѣдующую издательскою дѣятельностью союза. Штатъ служащихъ при этой ассоціаціи доходитъ до 120 человѣкъ. Ассоціація издаетъ четыре газеты и разные памфлеты, книги и брошюры, имѣющія цѣлью распространеніе идей трезвости въ народѣ. Всѣ должности въ союзѣ занимаютъ исключительно женщины и мужчины принимаются лишь въ качествѣ почетныхъ членовъ.

Кромѣ этого союза въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ еще нѣсколько обществъ трезвости, въ которыхъ женщины принимаются въ качествѣ членовъ наравнѣ съ мужчинами. Къ числу такихъ смѣшанныхъ обществъ принадлежитъ католическая лига трезвости, насчитывающая 52.428 членовъ и франкмасонскій орденъ—571.900 членовъ, распределенныхъ по 9.967 ломамъ. Женщины принимаются въ этотъ орденъ наравнѣ съ мужчинами и пользуются одинаковыми съ ними правами и привилегіями. Въ своемъ послѣднемъ годовомъ отчетѣ президентъ этого общества, излагая свое «profession de foi» заявилъ, что считаетъ первымъ долгомъ ордена добиваться полнаго равноправія половъ.

Обратимся теперь къ Великобританіи. И тамъ пропаганда трезвости была организована по инициативѣ одной американки Стюартъ, которая въ 1875 году высказала мысль объ учрежденіи женской лиги противъ алкоголизма. Первое собраніе женщинъ, съ цѣлью обсужденія этого вопроса происходило въ Лондонѣ, въ январѣ 1876 г. и на немъ присутствовали всего 250 человѣкъ, но тогда эта цифра казалась очень большой. Въ апрѣлѣ было опубликовано воззваніе

къ англійскимъ женщинамъ, приглашающее ихъ учредить Національный женскій союзъ противъ алкоголизма. Подъ этимъ воззваніемъ подписались: Маргарита Паркеръ и «Mother» (мать) Стюартъ, отъ имени американскихъ женщинъ. Отвѣтомъ на это воззваніе послужилъ созывъ конференціи англійскихъ женщинъ въ Нью-Кастлѣ, въ томъ же мѣсяцѣ. На конференціи была вотирована резолюція въ пользу организациі женскаго общества трезвости подъ названіемъ: «National British Women's Temperance Association».

Англійскія женщины со свойственною имъ энергіей взялись за дѣло и обнаружали при этомъ чрезвычайную неутомимость. Такъ, на примѣръ, Леди Сомерсетъ въ теченіе одного только года предсѣдательствовала на 115 митингахъ трезвости и проча 27 публичныхъ лекцій. Въ ея бюро было получено въ теченіе года ни болѣе ни менѣе какъ 2.666 писемъ и отправлено столько же отвѣтовъ; затѣмъ она организовала 350 митинговъ и дала до 4 тысячъ аудіенцій.

Національный союзъ британскихъ женщинъ въ настоящее время имѣетъ 50,000 фр. годового дохода. Въ 1894 году въ Англии было уже 672 ассоціациі трезвости и болѣе 110,000 женщинъ принимали участіе въ разнаго рода предпріятіяхъ, специально предназначенныхъ для борьбы съ порокомъ и пьянствомъ.

Въ Швейцаріи Голубой Крестъ, проповѣдующій идеи воздержанія, насчитываетъ среди своихъ членовъ 5,087 мужчинъ и 3,900 женщинъ. Но всего успѣшнѣе идетъ пропаганда противъ пьянства въ Скандинавскихъ странахъ. Тамъ въ этомъ крестовомъ походѣ принимаютъ участіе всѣ жизненные элементы скандинавскихъ націй. Въ Швеціи существуетъ безчисленное множество ассоціаций для борьбы съ алькоголизмомъ. Женщины поступаютъ членами въ эти ассоціациі на совершенно равныхъ основаніяхъ съ мужчинами, и теперь въ Швеціи дѣйствуетъ могущественная армія въ 111,960 женщинъ, посвятившихъ свою дѣятельность борьбѣ со зломъ, подрывающимъ здоровье націи.

Въ Норвегіи вотированы очень строгіе законы противъ пьянства и сравнительно съ прежними годами потребление алкоголя значительно уменьшилось, это уменьшеніе вызвано тремя причинами: 1) давленіемъ общественнаго мнѣнія; 2) влияніемъ индивидуальной инициативы и 3) вмѣшательствомъ женщинъ. Подъ управленіемъ и патронатомъ норвежской ассоціациі трезвости существуютъ 868 ассоціаций. И въ этой ассоціациі участвуютъ также дѣти; несовершеннолѣтнихъ членовъ ассоціациі насчитываютъ уже 17,425. Кромѣ этой главной ассоціациі въ Норвегіи есть еще много другихъ обществъ трезвости, общее число членовъ которыхъ простирается до 15,000 и половину составляютъ женщины. По послѣдней статистики число женщинъ, ведущихъ активную борьбу съ алкоголизмомъ въ Норвегіи, достигаетъ въ настоящее время 57,000.

Изъ англійскихъ колоній наибольшій успѣхъ пропаганды противъ пьянства имѣется въ Новой Зеландіи, гдѣ на ряду съ уменьшеніемъ потребления алкоголя констатируется замѣтное улучшеніе соціального положенія и увеличенія породнаго благосостоянія.

«Изъ иностранныхъ журналовъ».

«Review of Reviews».—«Athenaeum».—«North American Review».—«Fortnightly Review».—«Century».—«Revue internationale».—«Tägliche Rundschau».

«Review of Reviews» рассказываетъ любопытную исторію одного фабриканта, въ штатѣ Огіо, по имени Патерсона, очевидно большого эстетика въ душѣ. Этому фабриканту не нравился унылый видъ его фабрики въ Дайтонѣ, стоявшей среди поля, лишеннаго всякой растительности, вблизи желѣзной до-

роги и онъ рѣшилъ развести вокругъ нея прекрасный, цвѣтущій садъ, чтобы было пріятно глазамъ и чтобы фабрика такимъ образомъ измѣнила свою наводящую уныніе наружность. Сначала онъ попробовалъ было развести клумбу цвѣтовъ на фабричномъ дворѣ, противъ входа на фабрику, но цвѣты оказались такими чахлами и такъ казались не у мѣста среди фабричныхъ строеній, что Патерсонъ очень огорчился неуспѣхомъ своей затѣи и рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ Ольмешеду, главному садовнику Чикагской выставки.

Ольмешедъ сначала подумалъ, что съ нимъ шутятъ: украшать фабрику цвѣтами ему казалось очень дико, но потомъ онъ и самъ заинтересовался идеей Патерсона и вмѣстѣ съ нимъ принялся за дѣло. Прежде всего онъ удалил посаженную Патерсономъ клумбу, находя что она никуда не годится и принялся устраивать все по собственному плану. Скоро лугъ передъ фабрикой узнать было нельзя; онъ весь пестрѣлъ цвѣтами, красивыми клумбами и газонами. Два сарая, находившіеся противъ главнаго входа на фабрику, были соединены аркой, обсаженной быстро растущимъ плющомъ; такой же плющъ и дикій виноградъ покрывалъ стѣны фабричныхъ зданій, а также всѣ телеграфныя и фонарные столбы. Окрестности фабрики скоро до такой степени измѣнились, что подѣзжая къ ней можно было думать скорѣе, что подѣзжаешь къ какому нибудь парку, нежели къ заводу. Но Патерсонъ этимъ не ограничился. Теперь уже фабрика не рѣзала больше его взоры своими голыми кирпичными закоптѣлыми стѣнами, своимъ унылымъ видомъ и подѣзжая къ ней онъ всякій разъ испытывалъ удовольствіе. Дѣло оказалось вовсе не труднымъ и у Патерсона родилась новая идея: такъ же точно разукрасить дома своихъ фабричныхъ рабочихъ. Но для этого прежде всего нужно было конечно возбудить интересъ самихъ рабочихъ къ этому дѣлу, такъ какъ безъ ихъ содѣйствія разумѣется ничего нельзя было бы сдѣлать. Вотъ тутъ то и заключался камень преткновения! Однако Патерсонъ не такой былъ человѣкъ, чтобы отступать и прибѣгъ къ оригинальному способу. Онъ просилъ прислать ему виды разныхъ коттеджей для рабочихъ и фермерскихъ домиковъ, окруженныхъ садами и при помощи волшебнаго фонаря показывалъ эти виды своимъ рабочимъ, объясняя имъ при этомъ, что и они могутъ быть обладателями такихъ же хорошенькихъ коттеджей, если пожелаютъ.

Патерсонъ началъ свою пропаганду въ фабричной воскресной школѣ и когда наступила весна, то онъ роздалъ дѣтямъ этой школы двѣнадцать тысячъ пакетиковъ съ сѣменами цвѣтовъ и газона. Чтобы поощрить ихъ къ садовнической дѣятельности, онъ назначилъ премію за лучшее убранство дома цвѣтами, вьющимися растеніями и устройство клумбъ и газоновъ. Мальчики и дѣвочки моложе шестнадцати лѣтъ, всѣ приняли участіе въ этомъ конкурсѣ. Объявлено было пять премій, по пяти долларовъ за лучшее декорированіе оконъ дома растеніями; за лучшей цвѣтникъ было также назначено пять премій, по десяти долларовъ каждая. Для облегченій этой работы Патерсонъ пригласилъ садовника, къ которому могли обращаться за совѣтами всѣ, служащіе у него на фабрикѣ.

Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Дѣти, поощряемыя обѣщаніемъ награды, ревностно принялись ухаживать за цвѣтами и когда дѣйствительно, благодаря ихъ стараніямъ, около каждаго домика рабочаго возникъ цвѣтникъ, вьющіеся растенія украсили крыльцо и окна, то старшіе также заинтересовались этой работой и вскорѣ къ дѣтямъ присоединились ихъ отцы и матери. Домики совершенно преобразились и видъ фабричнаго селенія совершенно измѣнился. Патерсонъ велѣлъ обсадить улицу деревьями, кустами и домики такъ привѣтливо выглядывали изъ зелени. Въ концѣ лѣта, на лугу противъ фабрики состоялась торжественная раздача премій. На этой раздачѣ присутствовало до 4000 народа, а затѣмъ состоялся праздникъ, о которомъ долго не смолкали толки въ окрестностяхъ.

*

Въ настоящее время, благодаря такому превращенію, совершенно измѣнившему внѣшній видъ, фабрика Патерсона получила прозвище: «Патерсоновскій рай», (Paterson's Paradise), между тѣмъ какъ прежде она своимъ видомъ скорѣе напоминала тюрьму.

Японская литература, какъ это видно изъ очерка напечатаннаго въ «*Athenaeum*», можетъ гордиться очень древнимъ происхожденіемъ, такъ какъ существовала уже 12 вѣковъ тому назадъ. Японскіе религиозные гимны и свѣтскія поэмы, записанныя учеными VIII вѣка, отличаются такою чистотою языка, ясными и опредѣленными формами и соблюденіемъ ритма, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать первобытными произведеніями. Очевидно они подвергались постепенной эволюціи, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, и каждая эпоха вносила какое-нибудь улучшение, какое-нибудь усовершенствованіе языка и формы. пока, наконецъ, ученые не нашли нужнымъ записать эти поэтическія произведенія въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до нихъ. Эти ученые жили при дворѣ Нара, столицѣ Японіи, во времена ея золотого вѣка. Ученые и писатели Японіи не ограничивались только собираніемъ, записываніемъ и классифицированіемъ старинныхъ поэмъ или антологій, изъ которыхъ самая знаменитая называлась «*Nanyoshi*» (мириады листьевъ); они составили анналы имперіи, правда болѣе или менѣе легендарнаго характера, но въ нихъ можно было прослѣдить исторію страны вплоть до самыхъ древнѣйшихъ временъ. Такимъ образомъ. появилось на свѣтъ нѣчто вродѣ японской энциклопедіи, которая называется «*Koziki*», т. е. «древнія вещи». Вслѣдъ затѣмъ наступилъ періодъ политическаго застоя, ознаменованнаго однако усиленіемъ литературной дѣятельности. Появились не только новыя поэмы, но и народился японскій романъ, однако японскіе романы того времени (800—1186) по размѣрамъ своимъ напоминаютъ скорѣе наши повѣсти и пересыпаны стихами. Знатоки японскаго языка утверждаютъ, что эти раннія произведенія японской литературы отличаются особенною безъискусственною прелестью и полны юмора; чтеніе ихъ должно доставить большое удовольствіе, не говоря уже о томъ, что историкъ извлечетъ при чтеніи этихъ древнихъ романовъ, много интересныхъ свѣдѣній и узнаетъ много любопытныхъ подробностей о жизни, нравахъ и обычаяхъ японцевъ того времени. Въ тринадцатомъ вѣкѣ и въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка обнаруживаются уже первые признаки интеллектуальнаго упадка. Весь этотъ періодъ времени ознаменовался появленіемъ одного только произведенія «*Genpei-Seisuiiki*»—исторія кровавой борьбы двухъ семействъ, нѣчто вродѣ Гвельфовъ и Гибелиновъ Японіи.

Слѣдующіе періоды Японской исторіи, несмотря на усиленіе смутъ, всетаки обогатили литературу, если не качественно, то количественно. Къ этому времени относится «Исторія великаго Мира»—названіе ироническое, такъ какъ страну раздирали въ то время гражданскія войны. Къ этому же времени относится и развитіе японскаго театра.

Начиная съ 1603 года японская литература начинаетъ изобиловать всевозможными произведеніями въ прозѣ и стихахъ, но—по словамъ автора статьи—мы бы напрасно стали искать въ этой кучѣ что-нибудь особенно выдающееся. Но за то исторія начинаетъ принимать все болѣе и болѣе научный характеръ и число философскихъ сочиненій начинаетъ все болѣе возрастать. Наконецъ, во второй половинѣ XIX вѣка возникаетъ переводная литература; появляются въ переводѣ произведенія англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ авторовъ и вмѣстѣ съ этимъ среди японскихъ писателей развивается подражаніе иностраннымъ образцамъ.

Авторъ статьи «*Athenaeum*» находитъ, однако, что японскіе писатели лучше бы сдѣлали, если бы придерживались своихъ національныхъ традицій по крайней-мѣрѣ

въ этомъ отношеніи, такъ какъ романы Бакона—писателя, жившаго отъ 1767 до 1848 г. и въ особенности тотъ, который называется «Hakkenden» (восемь собакъ), отличаются такою свѣжестью и оригинальностью, какая не всегда встрѣчается и въ произведеніяхъ лучшихъ европейскихъ писателей.

Извѣстный англійскій литературный критикъ Эдмундъ Госсъ приводитъ въ своей статьѣ въ «North American Review» сравненіе между современнымъ настроеніемъ англійской литературы и тѣмъ, которое существовало въ ней лѣтъ 20 тому назадъ. «Тогда, говорилъ онъ, до начала первой египетской кампаніи, наша литература носила необыкновенно мирный характеръ и воинственныя стремленія и наклонности не встрѣчались въ ней никакого поощренія. Даже въ XVIII в. замѣчалось явное отвращеніе ко всякимъ произведеніямъ, прославляющимъ буйныя и жестокия черты человѣческаго характера. Эта бедлестристка, поэзія и драма требовали идиллическаго настроенія. Даже обученіе исторіи было проникнуто такимъ настроеніемъ и вниманіе учениковъ сосредоточивалось главнымъ образомъ не на описаніи сраженій, а на внутреннемъ строѣ государственной жизни. Необыкновенныя приключенія и подвиги не занимали въ тѣ времена выдающагося мѣста въ англійской литературѣ, но во второй половинѣ нашего столѣтія произошла рѣзкая перемена въ этомъ отношеніи. Съ появленіемъ произведеній Стивенсона, и въ особенности Риддеръ Гаггарда, характеръ англійской литературы сильно измѣнился, наступилъ періодъ материалистическихъ увлеченій, и въ литературѣ начали отражаться тѣ элементы варварства, которыя теперь стали выплывать наружу во всѣхъ закоулкахъ нашей обширной имперіи. Наши непрестанныя мелкія войны стали встрѣчать сочувствіе, въ которомъ имъ прежде отказывали, и каждая маленькая война только еще сильнѣе возбуждала наши воинственные аппетиты. Въ тоже время начало развиваться, и точно потокомъ охватило всю страну, необыкновенно восторженное отношеніе ко всякаго рода атлетическимъ упражненіямъ. Пробудился интересъ къ флоту и по мѣрѣ того, какъ уменьшалась и постепенно исчезала партія мира въ странѣ, стали приноситься все большія и большія жертвы для поддержанія флота. Смѣшно читать теперь старинныя диатрибы Мэтью Арнольда противъ высшихъ классовъ; какіе же могутъ быть вопросы о высшихъ, среднихъ и низшихъ классахъ, когда варварскіе инстинкты безпрепятственно властвуютъ въ странѣ? Въ какіе-нибудь двѣнадцать лѣтъ, мы превратились въ націю, мало интересующуюся чѣмъ бы то ни было другимъ, кромѣ лучшихъ способовъ развитія мускульной силы, какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи».

Эдмундъ Госсъ находитъ, что лучшимъ выразителемъ современнаго настроенія англійской литературы служитъ Рудіардъ Киплингъ. Вся его литературная дѣятельность представляетъ ничто иное, какъ постоянное прославленіе и восхваленіе физической силы, возбужденіе воинственныхъ инстинктовъ расы. Рядомъ съ Киплингъ дѣйствуютъ въ такомъ же направленіи и другіе современные англійскіе писатели; всѣ прославляютъ физическую силу и пробуждаютъ въ молодомъ поколѣніи страсть къ атлетическимъ упражненіямъ и спорту. Напримѣръ, Джорджъ Робертсонъ въ своей «Исторіи Читраля» указываетъ какимъ образомъ молодые люди, упражнявшіеся постоянно въ игрѣ въ мячъ и крокетъ, въ верховой ѣздѣ, въ стрѣльбѣ въ цѣль и лазаніи по горамъ, могутъ утилизировать свою физическую силу, въ случаѣ надобности, и ради славы британскаго оружія и знамени. И большинство современныхъ англійскихъ литературныхъ произведеній, проникнуто этимъ чувствомъ. По мнѣнію Эдмунда Госса всѣ эти игры, которыми такъ увлекаются современные англичане, литературныя произведенія и рассказы объ историческихъ приключеніяхъ, которыми они всего больше зачитываются, въ настоящее время, указываютъ, что Англія готовится

къ великой международной борьбѣ. Но такъ какъ нація не можетъ проводить всю свою жизнь съ ружьемъ въ рукѣ и за баррикадой, то Гессе надѣется, что наступитъ наконецъ, реакція, которая и придастъ другое направленіе, какъ англійской литературѣ, такъ и стремленіямъ англійской націи.

Извѣстный оріенталистъ, профессоръ Максъ Мюллеръ рассказываетъ въ «*Fairnighly Review*» исторію одного индусскаго государственнаго дѣятеля, который, также какъ Гладстонъ въ Англіи, былъ извѣстенъ въ Индіи подъ именемъ «великаго старца». Гауризанкара—такъ звали этого замѣчательнаго чело-вѣка—занималъ должность перваго министра въ теченіе четырехъ поколѣній въ Бавнагаорѣ; но также какъ и Гладстонъ онъ совмѣщалъ въ себѣ мыслителя и дѣятеля. Главный интересъ его всегда былъ сосредоточенъ на великихъ проблемахъ человѣческаго существованія, однако это не мѣшало ему обращать вниманіе и заботится о мелкихъ и крупныхъ обстоятельствахъ повседневной жизни маленькаго государства, которымъ онъ долженъ былъ управлять. Многие англійскіе государственные люди не разъ прибѣгали къ его совѣтамъ. Ему было уже 82 года, когда лордъ Рей совѣщался съ нимъ и послѣ своей бесѣды съ нимъ лордъ Рей открыто высказывалъ свое изумленіе по поводу необыкновенной ясности ума престарѣлаго индусскаго министра и по поводу мудрости его сужденій.

Гауризанкара, съ которымъ проф. Максъ Мюллеръ поддерживалъ постоянную переписку, былъ индусскимъ философомъ чистѣйшей пробы. Онъ хорошо сознавалъ всю важность возложенныхъ на него обязанностей и выполнялъ ихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, ничего не упускалъ изъ виду, но духъ его постоянно устремлялся въ недосягаемыя высоты. Онъ былъ послѣдователемъ философіи Веданты, которую Максъ Мюллеръ сравниваетъ съ раннею христіанскою философіей. Маленькая провинція процвѣтала при его управленіи и народъ чувствовалъ себя счастливымъ. Не было чело-вѣка болѣе популярнаго въ Индіи, чѣмъ великій старецъ, котораго народъ считалъ святымъ, и къ которому всякій могъ приходиться за совѣтомъ и утѣшеніемъ, несмотря на его высокое положеніе.

Гауризанкара оставался на своемъ посту въ теченіе шестидесяти лѣтъ и удалился нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ свою уединенную резиденцію, среди садовъ и лѣсовъ, чтобы тамъ на свободѣ предаться созерцаціи и посредствомъ аскетическихъ упражненій окончательно побѣдить власть плоти надъ духомъ и отрѣшиться отъ всего того, что составляетъ жизнь. Также совмѣщеніе въ одномъ лицѣ философа-аскета и государственнаго дѣятеля въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, указываетъ, какъ много силъ еще таятся въ индусской расѣ и въ древней индусской философіи.

Инспекторъ народныхъ школъ въ Торонто, мистеръ Гюгсъ, посвящаетъ въ журналѣ «*Sentury*», статью въ которой говоритъ о значеніи Диккенса въ дѣлѣ воспитанія. Авторъ находитъ, что роль Диккенса въ этомъ отношеніи была очень велика и что между философіей Фребеля и рассказами Диккенса существуетъ полнѣйшая гармонія. Диккенсъ былъ великимъ разрушителемъ и критикомъ современныхъ педагогическихъ системъ, но въ тоже время онъ былъ и великимъ воспитателемъ. Нѣтъ ни одного педагогическаго вопроса, ни одной новой педагогической системы, которую бы онъ не затронулъ въ своихъ разсказахъ. Повидимому, это былъ первый выдающійся англичанинъ, высказывавшійся въ пользу дѣтскихъ садовъ. Онъ пробуждалъ вниманіе англійскаго общества къ дѣлу воспитанія, изображая въ своихъ произведеніяхъ одинаково безпристрастно, какъ хорошіе, такъ и дурные способы воспитанія. «Только истинный мыслитель-педагогъ могъ написать такое произведеніе, какъ «Тяжелыя

времена» восклицает мистеръ Гюсъ.—Стремился ли Диккенсъ къ улучшенію воспитательныхъ системъ и къ распространенію принциповъ истинной педагогической философіи? Несомнѣнно! Онъ былъ первымъ послѣдователемъ идей Фребеля въ Англии и это отражается въ его произведеніяхъ, такъ какъ онъ больше обращаетъ вниманіе на значеніе воспитанія въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, нежели какіе бы то ни были другіе писатели беллетристы и даже педагоги, за исключеніемъ Фребеля. Въ своихъ произведеніяхъ Диккенсъ изображаетъ 19 различныхъ школъ и первый изъ современныхъ англичанъ требуетъ учрежденія національнаго контроля въ дѣлѣ воспитанія, даже въ частныхъ школахъ, и тщательной подготовки учителей. Кромѣ того, въ его произведеніяхъ встрѣчается 14 типовъ наказанія и Диккенсъ, несомнѣнно, болѣе всякаго другого, способствовалъ проявленію и укрѣпленію гуманныхъ принциповъ въ дѣлѣ воспитанія. Заслуги Диккенса въ этомъ отношеніи очень велики, такъ какъ онъ заставилъ обратить вниманіе на эту сторону педагогическихъ системъ и принудить обращаться съ дѣтьми по-человѣчески. Почти въ каждомъ произведеніи Диккенса можно найти мысли о воспитаніи и интересъ къ педагогическимъ вопросамъ; несомнѣнно, что въ исторіи современной педагогической мысли онъ занимаетъ выдающееся мѣсто и, по мнѣнію автора статьи, вполне заслуживаетъ названіе «Фребеля Англии» потому что содѣйствовалъ своими произведеніями реформѣ англійскаго воспитанія.

«Revue Internationale» посвящаетъ статью борьбѣ за обладаніе чернымъ континентомъ, начавшейся десять лѣтъ тому назадъ и продолжающейся до сихъ поръ съ неослабвующею энергіей. Южная Африка тогда была раздѣлена между тремя европейскими націями: Англія занимала ея южную оконечность, гдѣ находилась Капская колонія съ ея развѣтвленіями; Португалія сохранила свои прежнія владѣнія въ Мозамбикѣ, на восточномъ берегу; Германія только что водворилась на западномъ берегу. Внутреннія области Южной Африки, однако, оставались свободными отъ европейской оккупаци и тамъ устроились двѣ маленькія независимыя республики боеровъ: Оранжевая республика и Южно-африканская или Трансвааль. Въ остальной части громаднѣйшей территоріи, заключающейся между колоніями англійской, португальской, нѣмецкой и Замбези, обитали два большихъ племени: Матабелы и Матоны, подъ управленіемъ могущественнаго вождя Лобенгулы. Англія, потерпѣвшая неудачу въ 1884 г. въ своей попыткѣ подчинить боеровъ, потеряла часть своего вліянія въ южной Африкѣ и поэтому пока еще не замышляла вступать въ борьбу съ Лобенгулой; Португалія держалась въ своихъ владѣніяхъ, не выказывая никакихъ завоевательныхъ стремленій, а Германія только что устроилась и поэтому не могла помышлять ни о какихъ новыхъ завоеваніяхъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда на сцену выступила знаменитая англійская компанія «Chartered Company», превратившая, спустя десять лѣтъ, 500.000 кв. миль африканскаго континента въ цивилизованную страну, усыпанную европейскими городами, прорѣзанную желѣзными дорогами и телеграфными и телефонными линиями. Но вмѣстѣ съ этимъ 500.000 кв. миль свободнаго пространства земли превратились въ провинцію британской имперіи.

Лобенгула уже раньше не разъ вступалъ въ сношенія съ европейцами, появившимися въ его владѣніяхъ въ качествѣ золотоискателей. Онъ даже далъ концессіи на разработку и эксплуатацію руды двумъ англичанамъ въ 1871 году, но повидимому, эти послѣдніе мало извлекли пользы изъ своихъ концессій. Однако слухи о существованіи золотоносныхъ росыпей во владѣніяхъ Лобенгулы все укрѣплялись и алчность его сосѣдей стала пробуждаться. Одинъ агентъ германскаго правительства попробовалъ было вступить съ Лобенгулой въ переговоры, а боеры, бѣжавшіе отъ англійской цивилизаціи, подумывали

даже объ організації нашествія въ свободныя мѣста. Въ 1887 году одинъ географъ, по порученію президента Крюгера, составилъ карту бассейна Вааль Ривера. На этой картѣ южно-африканская республика, въ границахъ определенныхъ Лондонскою конвенціей, была обозначена золотисто-желтою краскою, а владѣнія Лобенгулы темно-коричневою.

Англія предупредила завоевательныя стремленія Германіи и Трансвааля и ловко обошла Лобенгулу, заключивъ съ нимъ 11-го февраля 1888 года конвенцію, на основаніи которой Лобенгула обязывался воздерживаться отъ какихъ бы то ни было сношеній и заключенія договоровъ съ иностранными правительствами и не уступать никому ни малѣйшей частицы своей территоріи или своихъ правъ безъ разрѣшенія англійскаго верховнаго комиссара въ южной Африкѣ. Спустя нѣсколько времени, въ октябрь того же года, Лобенгула уступилъ могущественному англійскому синдикату, во главѣ котораго находился Сесиль Родесъ, право эксплуатировать рудничныя мѣсторожденія въ его владѣніяхъ. Взаимнъ этого синдикатъ обязывался выплачивать ему мѣсячную ренту въ 100 ф. ст. и доставить ему 1.000 ружей Мартини и 100.000 патроновъ или, по его выбору, канонерскую лодку, которая могла бы плавать по Замбезе—или же выдать ему сумму въ 500 ф. ст.

Синдикатъ, который добился такихъ привилегій, пользовался, кромѣ того, поддержкою англійскаго правительства и поэтому лордъ Кнутсфордъ, статсъ-секретарь колоній, незамедлительно поставилъ на видъ негрскому королю, что такъ какъ онъ не можетъ воспрепятствовать бѣлымъ доступъ на свою территорію, то гораздо благоразумнѣе будетъ съ его стороны и выгоднѣе для него, если онъ, во избѣжаніе всякихъ споровъ и столкновеній съ разными лицами, будетъ имѣть дѣло только съ однимъ, серьезнымъ и хорошо организованнымъ промышленнымъ обществомъ, подразумевающимъ подъ этимъ, конечно, новообразовавшійся англійскій синдикатъ.

Сесиль Родесъ, ставшій во главѣ этого синдиката, былъ тогда совершенно «новымъ человѣкомъ»; его имя еще не пользовалось извѣстностью, но скоро оно стало гремѣть въ финансовомъ мірѣ и въ особенности въ южной Африкѣ, гдѣ онъ сдѣлался душою всѣхъ грандіозныхъ финансовыхъ предпріятій и приобрѣлъ славу необыкновенно ловкаго финансиста, искусно играющаго милліонами. Онъ сдѣлался главою прогрессивской партіи и въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей политики империализма. Его идея южно-африканской федераціи потерпѣла поражение въ 1896 г., однако, изъ этого еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что онъ отказался отъ своего проекта. Популярность Сесилия Родеса нисколько не пострадала отъ этого неуспѣха и теперь, когда онъ снова вступаетъ на поприще политической жизни, имя его сдѣлалось лозунгомъ для одной изъ двухъ главныхъ большихъ политическихъ партій, раздѣляющихъ южную Африку. Мы присутствуемъ въ настоящее время при дуэли двухъ современныхъ дѣятелей южной Африки; одинъ, Сесиль Родесъ, служитъ олицетвореніемъ англійскаго владычества; другой—Крюгеръ, голландскаго упорства. Кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы—пока еще неизвѣстно. Недавно одинъ англійскій политикъ, говоря про Родеса, сказалъ: «Родесъ—единственный человѣкъ, который можетъ противостоять Павлу Крюгеру». Дѣйствительно, стоитъ разъ видѣть и слышать этого человѣка, чтобы убѣдиться, что онъ не откажется отъ своихъ цѣлей. Это такая непоколебимая энергія, которую ничто не останавливаетъ, никакія неудачи или препятствія. Родесъ имѣетъ массу убѣжденныхъ и горячихъ сторонниковъ, которые твердо вѣрятъ, также какъ и онъ самъ, въ осуществленіе его плановъ. Въ числу его любимыхъ плановъ принадлежитъ, какъ извѣстно, грандіозный планъ желѣзной дороги, соединяющей непрерывнымъ образомъ мысъ Доброй Надежды съ дельтою Нила. Сесиль Родесъ увѣренъ, что реализація этого проекта про-

изоидеть въ очень близкомъ будущемъ. Онъ прислалъ характерную въ этомъ отношеніи поздравительную телеграмму лорду Кигченеру послѣ побѣды при Атбарѣ. Телеграмма состояла изъ слѣдующихъ словъ: «Хорошія вѣсти. Жалью только, что вы раньше меня будете въ Угандѣ». Оба друга, на разстояніи 7.500 километровъ африканскаго материка, назначили себѣ свиданіе на берегахъ Викторіи Ньянцы, точно дѣло шло объ охотничьей прогулкѣ.

Искусный финансистъ и государственный дѣятель, отличающійся широкими взглядами, Сесиль Родесъ обладаетъ, кромѣ того, незауряднымъ ораторскимъ талантомъ. Авторъ статьи въ «Revue Internationale» слыхалъ его говорящимъ въ дѣловомъ собраніи «Chartered Company». Въ дѣйствительности же это собраніе скорѣе напоминало очень шумный и многолюдный политическій митингъ. Сесиль Родесъ обладаетъ силою убѣжденія, которая дѣйствуетъ на толпу и когда онъ говоритъ о будущности Родезіи, о величіи и грандіозности предпріятія, начатаго компаніей, то всѣ его слушатели чувствуютъ, что прежде всего онъ самъ глубоко вѣритъ въ это дѣло и въ будущность страны. Разумѣется, эта сила убѣжденія оказываетъ свое вліяніе и приобрѣтаетъ ему сторонниковъ рѣшительно во всѣхъ слояхъ англійскаго общества.

Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ сообщаетъ въ «Tägliche Rundschau» подробности о жизни американскихъ студентокъ. Лучшими женскими университетами въ Соединенныхъ Штатахъ считаются: «Vassar College» въ Нью-Йоркѣ, Уэльслей Колледжъ въ Массачусетсѣ и «Bryn Mawr University» въ Филадельфій. Изъ числа студентокъ этихъ коллегій очень многія не стремятся къ полученію академическихъ степеней, а поступаютъ туда лишь ради самообразованія. Но есть и такія, которыя добиваются высшихъ степеней въ какой-нибудь специальности. Изъ 734 студентокъ, кончившихъ за послѣдніе годы курсъ въ Уэльслей Колледжѣ, 540 посвятили себя педагогической дѣятельности; 134 вышли замужъ или остались безъ всякой профессіи; 12—практикующіе врачи и 20 посвятили себя духовной и миссіонерской дѣятельности. Старѣйшій женскій университетъ—это Вассаръ Колледжъ, основанный Метью Вассаромъ въ 1861 году. Этой коллегіи пришлось вынести не мало насмѣшекъ и борьбы, прежде чѣмъ она завоевала себѣ положеніе. Въ настоящее время въ коллегіи 52 профессора; изъ нихъ 40—женщинъ, а число студентокъ достигаетъ 600. Коллегія соединена съ обсерваторіей, имѣетъ прекрасную художественную галерею, концертный залъ, музей и бібліотеку болѣе чѣмъ въ 25.000 томовъ. Плата за полное содержаніе и ученіе въ коллегіи—400 долларовъ; за музыку и обученіе искусствамъ платится особо. Дѣвушка изъ коллегіи Вассара (Vassar Girl) такъ много разъ описывалась и воспѣвалась въ романахъ и стихахъ, что ея образъ можно считать типичнымъ для всѣхъ американскихъ студентокъ. Ничего въ этой дѣвушкѣ нѣтъ напоминающаго «синій чулокъ». Студентка этой коллегіи обращаетъ вниманіе на свою наружность и платье всегда бываетъ элегантно одѣта и весела. Но ея разговоръ, по словамъ автора статьи, вовсе не принадлежитъ къ особенно занимательнымъ, такъ какъ онъ всегда исключительно вращается въ сферѣ интересовъ коллегіи и лекцій.

Въ женскихъ коллегіяхъ обращается вниманіе также и на физическое воспитаніе и всевозможныя упражненія, служащія для развитія мускульной силы и ловкости. Какъ только заканчиваются лекціи, онѣ немедленно смѣняются спортомъ. Группы молодыхъ дѣвушекъ устраиваютъ тотчасъ же лаунъ-теннисъ, другія играютъ въ мячъ, третьи отправляются на своихъ велосипедахъ въ геологическую экскурсію, подъ руководствомъ своего профессора и т. д., и т. д. Каждую весной устраивается въ коллегіи большой гимнастическій праздникъ. Дѣвушки, которыя могутъ состязаться въ бѣгахъ съ препятствіями, въ прыж-

какъ и т. п. выходятъ на арену и показываютъ свое искусство. Однако, эти празднества не бывають открытыми для публики и на нихъ не допускаются лица мужского пола за исключеніемъ учителя гимнастики и профессоровъ. Въ зимніе мѣсяцы процвѣтаетъ другого рода спортъ—катанье на ковькахъ, а во время масляницы неизмѣнно устраиваются костюмированные балы и поѣздки на саняхъ.

Разумѣется, въ каждой женской коллегіи существуетъ нѣсколько студенческихъ клубовъ или ассоціацій, сгруппировавшихся ради какихъ-нибудь спеціальныхъ цѣлей. Литературныхъ клубовъ въ коллегіи Вассара три: Шекспировскій клубъ, Диккенсовскій и клубъ греческой классической литературы. Политическіе и другіе споры обыкновенно бывають только въ клубахъ, имѣющихъ политическій характеръ; напримѣръ, въ клубъ «Qui vive» и др. Но кромѣ этихъ можно насчитать еще съ дюжину другихъ клубовъ, также группирующихся около женскихъ коллегій и занимающихся не одними только политическими или литературными, но и общественными вопросами, такъ какъ существованіе такихъ клубовъ всегда составляетъ неотъемлемую принадлежность американскаго воспитанія.

Новый школьный законъ въ Цюрихѣ.

Швейцарія издавна славится образцовой постановкой школьнаго дѣла, въ особенности начальной народной школы. Многочисленные иностранцы-туристы, стѣвжающіеся со всѣхъ концовъ міра и такъ охотно посѣщающіе эту чудную страну ради ея величественныхъ горъ и живописныхъ видовъ, могли бы съ пользой заглянуть и въ эту область, представляющую много своеобразнаго и поучительнаго, чтобы видѣть, какъ съ малыхъ лѣтъ здѣсь подготавливаются люди, создавшіе такой благоустроенный цвѣтущій уголокъ земли, гдѣ живетъся и дышится всѣмъ такъ легко и свободно, гдѣ формы, условія и обстановка жизни такъ несравненно, такъ чарующе привлекательны. Признавая народную школу главнымъ базисомъ своего благосостоянія, швейцарцы относятся къ ней съ чрезвычайнымъ, не ослабввающимъ вниманіемъ и заботливостью; государство, общество и частные люди одинаково считаютъ себя непосредственно заинтересованными въ процвѣтаніи школы, и никакія затраты и жертвы для нея не считаются здѣсь чрезмѣрными. При такомъ любовномъ отношеніи къ дѣлу всѣхъ слоевъ общества, начальная школа въ Швейцаріи непрерывно совершенствуется и достигаетъ уровня, на которомъ къ ней уже и не примѣнно обозначеніе «начальная» въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно у насъ обыкновенно понимается, такъ какъ и программы и воспитательное воздѣйствіе здѣшней народной начальной школы превосходятъ не только нашу скромную дѣятельность, но и свѣтлыя мечты о лучшей организаціи нашей народной школы въ ближайшемъ будущемъ.

Новый и крупный шагъ впередъ на пути совершенствованія начальной школы сдѣлалъ недавно Цюрихскій кантонъ, населеніе котораго, въ силу народнаго голосованія (референдума) 11-го іюня текущаго года, большинствомъ 41.371 голоса противъ 25.860 приняло новый школьный законъ, вступающій въ дѣйствіе съ 1-го мая будущаго 1900 года. По новому закону курсъ обязательной начальной народной школы продолжается восемь лѣтъ *) (по нынѣ дѣйствующему—шесть); причѣмъ общинамъ, если онѣ того пожелаютъ, предоставляется право дѣлать особыя постановленія, чтобы ученики послѣднихъ

*) Такимъ образомъ, дѣти отъ 6 лѣтъ вплоть до 14 посѣщаютъ обязательную ежедневную школу.

двухъ классовъ въ лѣтніе мѣсяцы были заняты въ школѣ лишь два раза въ недѣлю до обѣда, т. е. всего 8 часовъ въ недѣлю; зимній же семестръ обязательно продолжается не менѣе 23 недѣль съ полнымъ комплектомъ учебныхъ часовъ. Допускаемымъ уменьшеніемъ учебнаго времени въ лѣтніе мѣсяцы имѣлось въ виду сдѣлать уступку земледѣльческимъ общинамъ, гдѣ подростки лѣтомъ помогаютъ въ работѣ, но эта уступка не удовлетворила ихъ: деревенскія общины вотивали вообще противъ удлиненія учебнаго курса и только огромное большинство городского населенія спасло этотъ пунктъ.

Далѣе законъ ограничиваетъ число учениковъ, съ которыми одинъ учитель можетъ одновременно вести занятія въ классѣ, и устанавливаетъ максимумъ— 70 человекъ. До сихъ поръ законный максимумъ былъ 100; впрочемъ, по счастливой случайности, такихъ школъ, гдѣ на одного учителя приходилось бы сто учениковъ, въ цюрихскомъ кантонѣ вовсе не оказалось; вѣтъ также школы свыше 90 учениковъ на одного учителя; въ 4-хъ только школахъ число учениковъ доходитъ отъ 80 до 90 на одного учителя и въ 14-ти школахъ колеблется между 70—80. Такимъ образомъ, устанавливаемый теперь и довольно еще высокій максимумъ санкционируетъ лишь то, что само собою установилось въ жизни. Новой нормой кантонъ Цюрихъ становится въ этомъ отношеніи рядомъ съ кантонами Бернъ, Ури, Гларусъ, Фрейбургъ и Шафгаузенъ, въ то время, какъ кантоны Люцернъ, Швицъ, Солотурнъ, Ааргау, Ст Галленъ и Тургау придерживаются еще максимум'а въ 80 учениковъ; кантоны же Нидвальдъ, Цугъ, Тессинъ и Валлисъ имѣютъ максимумъ въ 60 учениковъ, кантоны Лозанна (Waadt) и Нойенбургъ въ 50 учениковъ.

Преподаваніе ручнаго труда и руководія также усиливается: для дѣвочекъ обязательно отъ IV класса и до конца VIII (нынѣ до VI) съ числомъ часовъ въ недѣлю отъ 4 до 6; для мальчиковъ ручнаго трудъ не обязателенъ, но признается введеніе его желательнымъ и общается поддержка казны общинамъ.

Значительно расширяется бесплатная выдача учебныхъ руководствъ, принадлежностей для письма и рисованія и матеріала для руководій и ручныхъ работъ. При давно введенномъ бесплатномъ обученіи, бесплатная выдача всѣхъ принадлежностей и матеріаловъ (которая тоже давно практиковалась, была, однако, необязательной) даетъ еще бодьшую возможность самымъ бѣднымъ дѣтямъ съ успѣхомъ учиться и развивать свои духовныя силы. Давнишнее опасеніе педагоговъ, что даровщина деморализируетъ учениковъ, что они привыкнутъ считать бесплатно данныя имъ вещи ничего не стоящими и будутъ обращаться съ ними небрежно, опасеніе это по сдѣланнымъ наблюденіямъ въ кантонѣ Цюрихъ не оправдалось; напротивъ, достигались самыя хорошіе въ воспитательномъ отношеніи результаты: ученику внушалось, что общество довѣряетъ ему свое добро и онъ долженъ оправдать это довѣріе заботливымъ отношеніемъ къ вѣреннымъ ему вещамъ, и ученики, дѣйствительно, бережно обращаются съ ними.

Много хорошаго и гуманнаго вносить новый законъ въ дѣло охраны благополучія учащихся дѣтей. Но обязанности учителей и школьнаго начальства возлагается наблюденіе за тѣмъ, чтобы дѣти дома и внѣ дома не обременялись чрезмѣрно какими-либо посторонними работами. Родители и воспитатели, которые не выполняютъ своихъ обязанностей къ дѣтямъ по отношенію къ школѣ, подвергаются штрафу въ 15 франк., а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ предаются суду. Дѣти, покинутыя или находящіяся въ неблагопріятной (въ нравственномъ отношеніи) семейной обстановкѣ могутъ быть отобраны для помѣщенія въ спеціальныя учрежденія или въ извѣстныя учебному начальству семейства; расходы по этому пункту цюрихская республика принимаетъ на себя при участіи общинъ. Далѣе, государство принимаетъ на себя часть расходовъ общинъ по обезпеченію немущихъ дѣтей платнею и пищею и по опредѣленію

слабыхъ здоровьемъ въ лѣтнія колоніи. Наконецъ, государство на свой счетъ организуетъ періодическіе врачебные осмотры школьныхъ помѣщеній и освидѣтельствованіе состоянія здоровья и физическаго развитія учащихся дѣтей.

Слѣдующій пунктъ новаго закона уничтожаетъ конфессіональныя школы или отдѣльныя школы для разныхъ вѣроисповѣданій, сохранившіяся еще, какъ наслѣдіе стараго времени, въ одной изъ цюрихскихъ общинъ. Законодатель, исходя изъ того взгляда, что школа имѣетъ своей задачей не раздѣлять людей, а, напротивъ того, смягчать противоположности и сближать между собою, устанавливаетъ, какъ основное положеніе, что въ кантонѣ не должно быть государственныхъ школъ, раздѣленныхъ по вѣроисповѣданіямъ учениковъ. Результатомъ этого законодательства будетъ то, что существующія кое-гдѣ отдѣльныя реформатскія и католическія школы объединятся, если онѣ захотятъ сохранить за собою правительственную субсидію. Въ то же время законъ, отнюдь не желая стѣснять религіозное обученіе учениковъ, составляющихъ въ той или иной школѣ меньшинство, предоставляетъ, въ свободное отъ классныхъ занятій время, школьныя помѣщенія для преподавателей закона той или иной вѣры.

Въ финансовомъ отношеніи, по новому закону, значительно увеличивается участіе государства въ расходахъ на дѣло начальнаго народнаго образованія. Государство принимаетъ на себя двѣ трети жалованья (до сихъ поръ половину) народнымъ учителямъ, т. е. изъ 1.200 франковъ, составляющихъ нормальное годовое жалованье учителя начальной школы, 800 франк. уплачиваются казной и 400 общиной; кромѣ того, всѣ прибавки за выслугу лѣтъ (черезъ каждыя 5 лѣтъ по 100 франковъ, до 400 франковъ прибавочныхъ къ нормальному жалованью черезъ 20 лѣтъ) казна принимаетъ всецѣло на свой счетъ; въ другихъ же *добровольныхъ* (независимо отъ выслуги лѣтъ) прибавкахъ начальнымъ учителямъ до достиженія maximum'a оклада въ 1.800 франковъ (1.200 франковъ нормальнаго жалованья и 600 франковъ прибавочныхъ) казна, сообразуясь съ экономическимъ положеніемъ данной общины, принимаетъ участіе отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ суммы прибавки. Вознагражденіе учителя натурою (квартира, отопленіе и земля для огорода) сверхъ жалованья остается, попрежнему, на обязанности общинъ. Сверхъ того, въ находящихся въ неблагопріятныхъ условіяхъ общинахъ, не привлекающихъ хорошихъ учителей, казна принимаетъ на себя еще особое добавочное вознагражденіе, начиная съ 200 франковъ въ годъ съ прибавленіемъ черезъ каждыя три года по 100 франковъ (при обязательствѣ со стороны учителя оставаться еще 3 года) до достиженія 500 франковъ. Этимъ имѣется въ виду охранять маленькія, захудалыя и отдаленныя общины отъ слишкомъ частой перемены учителей, устремляющихся въ болѣе крупныя центры. Кромѣ того, новый законъ снимаетъ съ общинъ и перекладываетъ на казну $\frac{2}{3}$ вознагражденія учительницамъ рукодѣлій (до сихъ поръ казна не принимала никакого участія въ вознагражденіи этихъ учительницъ); этимъ послѣднимъ обезпечиваются также на счетъ казны прибавки за выслугой извѣстнаго числа лѣтъ.

Особенно благотѣльнымъ для учительскаго персонала цюрихскихъ народныхъ школъ является обезпеченіе учителей и учительницъ на случай болѣзни. По новому закону государство принимаетъ на себя всѣ издержки по временному замѣщенію учителей и учительницъ, вынужденныхъ прервать занятія въ школѣ по случаю болѣзни, призыву къ военнымъ маневрамъ или вслѣдствіе заразной болѣзни въ семьѣ учителя. Временно исполняющіе обязанности учителя получаютъ вознагражденія отъ 20 до 30 франковъ въ недѣлю въ начальной школѣ; временные учителя классовъ ручнаго труда по 80 сант. въ часть.

Наконецъ, общается государственная помощь всѣмъ образовательнымъ учрежденіямъ для слабоумныхъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и неизлѣчимо-больныхъ

дѣтей, поскольку таковыя учрежденія не будутъ созданы самимъ государствомъ. Также для воспитанія и обученія отдѣльныхъ такихъ дѣтей государство, гдѣ въ этомъ окажется потребность, будетъ выдавать субсидію.

Въ меньшей степени, чѣмъ начальную, новый законъ задѣваетъ высшую народную школу (Sekundarschule). Она, по прежнему, остается съ трехгодичнымъ курсомъ, но законъ предлагаетъ ей въ болѣе населенныхъ центрахъ увеличить курсъ и расширить программу, причѣмъ казна обѣщаетъ свое участіе при возможномъ увеличеніи затратъ. Но уже однимъ расширеніемъ начальной школы оказана косвенная поддержка высшей: тѣ ученики, которые раньше, послѣ 6-ти классовъ въ начальной школѣ, переходили въ высшую народную школу, теперь будутъ еще два года оставаться въ первой, освободивъ вторую отъ болѣе слабыхъ элементовъ; этимъ высшая народная школа получаетъ возможность заново организовать свою программу, разсчитавъ ее на болѣе основательно подготовленныхъ учениковъ. Высшая народная школа получила также большое распространеніе въ Цюрихскомъ кантонѣ. Оканчивающіе нынѣшнюю 6-тилѣтнюю начальную школу, имѣя предъ собою выборъ—дополнительные курсы въ теченіе 3-хъ полугодій, по 8 часовъ въ недѣлю, или ежедневную высшую трехлѣтнюю школу обыкновенно (50%; а въ городахъ Цюрихъ и Винтертуръ 75%) избираютъ послѣднюю. Съ новымъ закономъ участіе казны въ расходахъ Sekundarschule увеличивается въ тѣхъ же статьяхъ, какъ и въ начальной (но общая сумма увеличенія по всѣмъ статьямъ, конечно, значительно меньше, такъ какъ начальныхъ школъ несравненно больше).

Кромѣ начальныхъ и высшихъ народныхъ школъ, въ Цюрихскомъ кантонѣ существуютъ еще необязательныя школы для продолженія образованія. Число ихъ съ 52 въ 1872 году дошло въ 1898 году до 158, расходы на нихъ со стороны государства за тотъ же срокъ увеличились съ 9-ти тысячъ на 100 тысячъ франковъ въ годъ, а число учащихся поднялось съ нѣсколькихъ сотъ въ 1872 году до 6.000 въ 1898 году (изъ нихъ 4.000 мальчиковъ и 2.000 дѣвочекъ).

Весь государственный расходный бюджетъ цюрихской республики составилъ въ 1898 году (въ круглой суммѣ) 17 милліоновъ франковъ, изъ нихъ народному образованію удѣлено 4 милліона, и изъ этой послѣдней суммы 2½ милліона потрачено на народную школу. По вступленіи съ 1-го мая 1900 года въ силу новаго школьнаго закона ежегодные расходы цюрихской государственной казны на народныя школы увеличиваются независимо отъ обычнаго ежегоднаго увеличенія по сибѣтѣ, по приблизительному разсчету, на 300 тысячъ франковъ, изъ нихъ 200 тысячъ падаютъ на однѣ лишь начальныя школы. Отчасти это увеличеніе государственной помощи нѣсколько уменьшитъ расходы общинъ и облегчитъ бремя повинностей; но еще болѣе оно облегчитъ успѣшное прохожденіе продолжительнаго курса неимущимъ дѣтямъ и улучшить бытъ учащихся. Таковы въ общихъ чертахъ главнѣйшія нововведенія въ цюрихскомъ народно-школьномъ дѣлѣ по закону 11 іюня. Въ новомъ цюрихскомъ школьномъ законѣ видна та же тенденція въ дѣлѣ народнаго образованія: государство ничего не создаетъ вновь, ничего не навязываетъ, но все больше и больше расширяетъ существующее и неустанно будитъ инициативу самихъ общинъ, подталкиваетъ ихъ не ограничиваться существующимъ, а идти впередъ, и обѣщаетъ щедрую поддержку всѣмъ благимъ начинаніямъ во имя прогресса и блага народа.

И если вспомнить, что всѣ, безъ исключенія, швейцарцы обязательно прошли очень хорошую народную школу, что въ ихъ распоряженіи масса среднихъ общеобразовательныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній, что въ Швейцаріи съ ея трехмилліоннымъ населеніемъ имѣются семь университетовъ (то-есть, одинъ университетъ приходится, приблизительно, на 430 тысячъ населенія; у насъ въ Европейской Россіи 1 университетъ на 15 милліоновъ населенія; слѣ-

ловательно, у пась въ 35 разъ меньше университетовъ), если все это вспомнить, то станетъ понятнымъ, какимъ неотразимо сильнымъ орудіемъ располагають швейцарцы въ борьбѣ съ жизнью и чему они главнымъ образомъ обязаны тѣмъ высокимъ уровнемъ культуры и благосостоянія, которые здѣсь такъ ярко во всемъ сказываются и поражаютъ и радуютъ (а иногда заставляютъ даже задумываться и сравнивать) пріѣзжихъ иностранцевъ.

Н. Б—къ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Ботаника. 1) О проростаніи сѣмянъ *Neottia nidus avis*.—2) О перевариваніи бѣлковъ на съкормляемыхъ растениями. — Физика. 1) Искусственное образование шаровидной молнии.—2) Печатаніе книгъ при помощи Рентгеновскихъ лучей.—Химія. Процессы горѣнія въ жидкомъ воздухѣ.—Зоологія. Образование настоящаго жемчуга въ раковинахъ *Meleagrina margaritifera*.—Геологія. Землетрясенія, наблюдавшіяся въ Греціи въ 1893—1898 гг.—Астрономическія извѣстія.

1) Ботаника. *О проростаніи сѣмянъ Neottia nidus avis*. Врядъ ли какое другое явленіе въ растительномъ царствѣ говоритъ больше о жизни, чѣмъ проростаніе сѣмянъ; но ближайшее знакомство съ частностями этого процесса показываетъ намъ строгую зависимость его отъ внѣшнихъ условій, выясняетъ ходъ происходящихъ при этомъ химическихъ превращеній и, такъ сказать, автоматическій характеръ ихъ и невольно внушаетъ представленіе о механичности этого акта пробужденія жизни. Однако, обращаясь къ отдѣльнымъ случаямъ проростанія сѣмянъ, изучая его у различныхъ растений, мы встрѣчаемъ явленія, которыя въ настоящее время могутъ быть объяснены, лишь исходя изъ свойствъ, исключительно присущихъ живымъ существамъ. Къ числу такихъ явленій принадлежатъ особенности проростанія сѣмянъ встрѣчающейся и въ нашихъ лѣсахъ орхидеи *Neottia nidus avis*, описанное Bernard'омъ въ № 20 «Comptes rendus des séances de l'Acad. des sciences de Paris».

Neottia растетъ въ густыхъ темныхъ лѣсахъ, почва которыхъ богата гниющими остатками листьевъ; ея стебель, достигающій 6—8 вершковъ, оканчивается цвѣтучной кистью; это растение имѣетъ вмѣсто листьевъ небольшія чешуйки и все окрашено въ буроватый цвѣтъ, какъ будто высушено; оно не содержитъ зеленаго красящаго вещества (хлорофилла) и, поэтому, подобно грибамъ, вынуждено питаться готовыми органическими веществами. Въ ея плодахъ заключено безчисленное множество мелкихъ, какъ пыль, сѣмянъ, но до сихъ поръ, несмотря на неоднократныя попытки, никому еще не удалось ихъ прорастить при обычныхъ условіяхъ влажности и температуры. Опыты Bernard'a въ этомъ направленіи также окончились неудачей, но зато наблюденія надъ проростаемъ сѣмянъ при естественныхъ условіяхъ, въ лѣсу, разъяснили причину неудачъ. Весною, въ лѣсу Фонтенебло онъ нашелъ прошлогодній стебель *Neottia* съ плодами, покрытый опавшими листьями; въ плодахъ оказалось множество проросшихъ сѣмянъ на самыхъ различныхъ стадіяхъ, причѣмъ всѣ проростки были густо опутаны и пронизаны внутри нитями гриба. Какъ извѣстно, грибы (которые въ ботаникѣ называются плодовыми тѣлами грибовъ) и сами образованы изъ тончайшихъ нитей и вырастаютъ на сплетеніяхъ нитей (на мицеліи), стелющихся въ землѣ въ видѣ самой вѣжной паутины. Вотъ такими нитями мицелія и были пронизаны проростки *Neottia*. Изъ этого наблюденія Bernardъ заключаетъ, что для проростанія сѣмянъ *Neottia* необходимо присутствіе мицелія гриба. Это, на первый взглядъ, крайне певѣроятное заключеніе

не удивить ботаниковъ, такъ какъ уже давно извѣстны соотношенія между различными растительными организмами, подобныя наблюдающимся въ данномъ случаѣ. Извѣстный нѣмецкій ботаникъ Франкъ около 25 лѣтъ тому назадъ, занимаясь по порученію министерства земледѣлія изслѣдованіемъ условій произростанія трюфелей, замѣтилъ, что молодые кончики корней многихъ деревьевъ, какъ, напр., дуба, бука, каштана, тополя, сосны и др., покрыты густымъ войлокомъ нитей мицелія, нѣкоторыя же изъ этихъ нитей проникаютъ и внутрь корня. Проще всего было бы предположить, что грибокъ въ данномъ случаѣ паразитируетъ на корняхъ дерева, однако изъ наблюденій и изслѣдованій оказалось, что грибокъ не только не вредитъ деревьямъ, но, напротивъ, приноситъ имъ пользу: эти высшія растенія, повидимому, не могутъ принимать и перерабатывать органическія вещества, происходящія отъ гніенія остатковъ листьевъ, отмершихъ корней и т. д., которыми такъ богата лѣсная почва, и которыя съ величайшей легкостью утилизируются грибами. Такимъ образомъ грибокъ, пріютившійся на корняхъ высшаго растенія *), доставляетъ ему переработанныя органическія (гуминовыя) вещества почвы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воду и растворенныя въ ней минеральныя соли, получая отъ него взаменъ вещества, которыя оно образуетъ въ листьяхъ изъ углекислоты и воды при содѣйствіи солнечнаго свѣта. Соотношенія двухъ различныхъ организмовъ, соединяющихся въ одно цѣлое и пользующихся другъ другомъ для цѣлей питанія, защиты и т. д., въ наукѣ называютъ, какъ извѣстно, симбіозомъ. Симбіозъ съ грибами настолько важенъ для деревьевъ, что въ почвѣ, лишенной мицелія, отводки деревьевъ, корни которыхъ въ естественномъ состояніи снабжены микоризой, не принимаются: правда, корешки залагаются въ нихъ, но вскорѣ же останавливаются въ развитіи; съ другой стороны, сѣянцы бука или пихты при культурѣ въ питательныхъ растворахъ, слѣдовательно, въ отсутствіи грибныхъ нитей, имѣютъ весьма жалкій видъ и въ концѣ-концовъ отмираютъ.

По строенію мицелія гриба нельзя различить, повѣтому понятно, что весьма трудно узнать, какіе именно виды грибовъ вступаютъ въ симбіозъ съ высшими растеніями; въ настоящее время однако установлено, что къ ихъ числу, кромѣ трюфеля относятся также нѣкоторые изъ самыхъ обыкновенныхъ грибовъ: груздь, мухоморъ, сыроѣшка. Обиліе этихъ грибовъ, именно въ лѣсахъ, можетъ служить лишнимъ доводомъ въ пользу предположенія, что и для гриба симбіозъ съ высшимъ растеніемъ выгоденъ. Въ симбіозъ съ грибами вступаютъ далеко не одни древесныя растенія; микориза найдена также у черники, брусники, грушанки (*Rhizoglyphis*), лядвенца (*Lotus*), болотной фіалки, эрики, у нѣкоторыхъ орхидей и др., чѣмъ объясняется, что эти виды не удается вырастить въ обыкновенной садовой землѣ. Не всегда грибныя нити разрастаются вокругъ корешка, образуя его покровъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ проникаютъ внутрь корня и распространяются по его тканямъ, сплетаясь въ мелкіе влубочки внутри клеточекъ, составляющихъ поверхностный слой или лежащихъ близъ поверхности корня, и только въ разныхъ мѣстахъ выпускаютъ наружу отростки; такая внутренняя (эндотрофная, какъ ее назвалъ Франкъ) микориза свойственна, между прочимъ, орхиднымъ и въ томъ числѣ *Neottia*. Но *Neottia*, какъ и подбѣльникъ (*Monotropa*), какъ принадлежащіе къ орхиднымъ же лядьянъ (*Coralorrhiza*), и *Epipogon*, корни которыхъ также снабжены микоризой,—лишены зеленаго красящаго вещества (хлорофилла) и потому не могутъ готовить изъ углекислоты и воды органическія вещества. Относительно подбѣльника (*Monotropa*), достоверно извѣстно, что корни его не соединяются съ сосѣдними корнями другихъ растеній, изъ которыхъ бы онъ могъ высасывать органическія вещества; съ другой стороны,

*) Все это образованіе,—корень и соединенный съ нимъ войлочекъ грибныхъ нитей, носитъ названіе микоризы, данное ему Франкомъ.

самъ онъ, не содержа хлорофилла, производить ихъ также не можетъ; очевидно, что пользуясь соками, доставляемыми ему грибомъ (микоризою), онъ не отдаетъ ничего взамѣнъ, — слѣдовательно, паразитируетъ на грибѣ. Это совершенно необычный случай. мы слишкомъ привыкли видѣть, что, наоборотъ, грибокъ паразитируетъ на высшемъ растеніи, но иначе нельзя толковать отношеній гриба и *Monotropa* тѣмъ болѣе, что всѣ показанія, будто *Monotropa* поселяется на корняхъ другихъ высшихъ растеній въ первыхъ стадіяхъ своего развитія и лишь позднѣе, отдѣляясь отъ нихъ, начинаетъ питаться сапротитно (т. е. какъ гнилое растеніе), оказались основанными на неточныхъ наблюденіяхъ и въ настоящее время опровергнуты. Что касается питанія *Neottia*, то мы, повидимому, имѣемъ здѣсь подобныя же отношенія: это растеніе такъ же лишено хлорофилла, такъ же не принадлежить къ числу паразитирующихъ на другихъ высшихъ растеніяхъ и корни его такъ же снабжены микоризою. Какъ же попадаетъ мицелій гриба въ плоды *Neottia*, чтобы соединиться тамъ съ проросткомъ? *Bernard* наблюдалъ слѣдующее. Весною въ лѣсу можно найти много прямо стоящихъ прошлогоднихъ стеблей *Neottia* съ плодами, образовавшимися въ предыдущее лѣто. Эти стебли обыкновенно бываютъ сухими и содержатъ внутри полость, происшедшую вслѣдствіе разрушенія сердцевинны. *Bernard* изслѣдовалъ около 30 такихъ стеблей и постоянно находилъ въ нижней ихъ части, остающейся во влажной землѣ и потому не высыхающей, во внутренней полости, сплетенія грибныхъ нитей, соединяющихся съ микоризою старыхъ клѣтокъ, которую не трудно узнать. Итакъ, въ мертвыхъ стебляхъ *Neottia* находятся многочисленныя, но уже свободныя нити, происшедшія изъ микоризы, которыя развиваются только во влажной части вѣтви, заключенной въ землѣ; верхняя часть, возвышающаяся надъ поверхностью почвы, совершенно не содержитъ ихъ. Но тотъ стебель, совершенно покрытый гниющими листьями, въ плодахъ котораго были найдены проросшія сѣмена, оставался сырмъ весь по всей своей длинѣ, и, соотвѣтственно этому, по всей длинѣ онъ оказался пронизаннымъ нитями гриба, которыя пробрались и въ содержащую сѣмена полость плода. Мы знаемъ, что у проростковъ нѣкоторыхъ чужездныхъ растеній, какъ, напр., у павлики (*Cuscuta*), присоски вовсе не образуются, пока проростокъ не встрѣтитъ растенія, изъ котораго онъ впоследствии можетъ высасывать питательныя вещества; далѣе у тѣхъ же орхидныхъ въ плодникѣ зачатки сѣмяпочекъ, изъ которыхъ послѣ оплодотворенія образуются сѣмена, достигаютъ оковчательнаго развитія и становятся годными къ оплодотворенію лишь въ томъ случаѣ, если на рыльцѣ плодника проростетъ принесенная сюда изъ другого экземпляра плодотворная пыльца: здѣсь для развитія сѣмяпочекъ необходимо присутствіе пыльцевыхъ трубокъ, хотя бы на нѣкоторомъ разстояніи, такъ какъ пыльцевыя трубки въ это время еще не достигаютъ сѣмяпочекъ и сообщаются съ ними лишь при посредствѣ окружающихъ тканей плодника. Подобныхъ примѣровъ развитія органовъ подъ влияніемъ особыхъ спеціальныхъ раздраженій въ ботаникѣ извѣстно не мало, поэтому и зависимость проростанія сѣмянъ *Neottia* отъ присутствія грибныхъ нитей не представляется невѣроятной.

2) *О перевариваніи тѣлъ животныхъ насѣкомоядными растеніями.* Растенія, которыя ловятъ животныхъ (преимущественно насѣкомыхъ) и питаются ими, пользуются широкой извѣстностью. Спеціальныя приспособленія для этой цѣли, придающія такой своеобразный видъ, особенно экзотическимъ насѣкомояднымъ растеніямъ и этотъ необычный въ растительномъ царствѣ способъ питанія такъ поразителенъ, что не изглаживаются въ памяти тѣхъ, кому пришлось познакомиться съ ними.

Правда, теперь никто уже не вѣритъ въ существованіе растеній, способныхъ поглощать крупныхъ животныхъ или даже и человѣка, но все же рас-

тенія, переваривающія животную пищу, кажутся какими-то удивительными исключениями среди представителей того же царства живых существ. Поэтому все, касающееся этих растений, всегда представляло особенный интерес. Многим, конечно, известно, что листья насекомоядных растений снабжены железками, которые выделяют особую жидкость, служащую для переваривания животной пищи, и что выделяется эта жидкость лишь в тех случаях, когда на лист попадет маленькое животное или будет кусочек мяса или белка. Пищеварение в желудке и в кишках у животных состоит в томъ, что твердые и нерастворимые в водѣ кусочки пищи превращаются дѣйствіемъ особыхъ соковъ въ растворимыя вещества. Особенность дѣйствующихъ веществъ этихъ соковъ составляетъ то свойство, что, будучи взяты въ минимальныхъ дозахъ, они способны переводить въ растворъ весьма большія количества соответствующихъ нерастворимыхъ веществъ; подобныя явленія, т. е. превращеніе одного вещества подъ вліяніемъ минимальнаго количества другого, не вступающаго съ нимъ въ химическое соединеніе, наблюдаются не только при перевариваніи пищи въ кишечникѣ, но и во многихъ другихъ случаяхъ воздѣйствія организма на нерастворимыя вещества, напр.: когда нити паразитнаго гриба проникаютъ внутрь клѣтокъ поражаемаго имъ растенія, онѣ выделяютъ вещество, растворяющее целлюлезную оболочку этихъ клѣтокъ; подобныя вещества и въ томъ числѣ дѣйствующія начала желудочнаго и кишечнаго сока, получили названіе неорганизованныхъ ферментовъ или энзимовъ. Каждый отдѣльный энзимъ способенъ переводить въ растворъ (измѣняя, конечно, химическій составъ) лишь опредѣленную группу веществъ; такъ протеолитическіе энзимы (напр., пепсинъ) могутъ переводить въ растворимое состояніе только белки.

Уже давно было доказано, что въ выделенияхъ железъ насекомоядныхъ растений находится протеолитическій энзимъ, но въ началѣ послѣдняго десятилѣтія Dubois, а затѣмъ Тишуткинъ высказали предположеніе, что этотъ энзимъ производится въ данномъ случаѣ, не самимъ растеніемъ, а бактеріями, которыя вообще этотъ энзимъ производятъ могутъ и на кусочкахъ животной пищи, перевариваемой насекомоядными растеніями, обыкновенно находятся. Этимъ изслѣдователямъ тогда же основательно возражалъ Goebel. Недавно (въ 12-омъ номерѣ «*Botanische Zeitung*» нынѣшняго года) появился рефератъ работы Vines'a, который, задолго до работъ Добюа и Тишуткина, занимался изслѣдованіемъ выделеній железъ и содержащагося въ нихъ энзима у экзотическаго насекомояднаго *Nepenthes* и теперь подтверждаетъ показанія Гёбеля и доказываетъ, что протеолитическій энзимъ у *Nepenthes* обязанъ своимъ происхожденіемъ железкамъ листа, а не бактеріямъ, примѣная для этого новый способъ устраненія бактерій при изученіи дѣйствія выделеній этихъ железъ. Черешки листьевъ *Nepenthes* расширяясь образуютъ бокаловидные органы, служащіе для ловли мелкихъ животныхъ, иногда превышающіе въ длину 30 см. и на столько широкіе, что въ нихъ свободно пройдетъ рука ребенка. Въ этихъ бокалахъ скопляется жидкость, посредствомъ которой переваривается животная пища, и которая была тщательно изслѣдована Вайнсомъ такъ же, какъ и продукты такого перевариванія; среди нихъ найденъ былъ, между прочимъ, пептонъ, т. е. такое вещество, которое образуется изъ белковъ подъ вліяніемъ энзима и въ кишечникѣ животныхъ, причѣмъ самый сокъ, выделяемый *Nepenthes* и содержащій этотъ энзимъ, оказался обладающимъ антисептическими свойствами. Такимъ образомъ, изслѣдованія Вайнса окончательно устраняютъ возраженія Добюа и Тишуткина.

На первый взглядъ кажется, что питаніе насекомоядныхъ растений представляетъ, подобно тому, какъ и питаніе животныхъ, полную противополож-

ность съ соответствующими процессами у всѣхъ остальныхъ растений, которыя могутъ довольствоваться углекислотой и растворами солей.

Но перевариваніе пищи еще не есть питаніе: оно служитъ только для того, чтобы перевести принятыя вещества въ такія соединенія, которыя могли бы проникнуть внутрь организма и достигъ его кѣтокъ, въ которыхъ они вновь измѣняются, входя въ составъ наиболѣе важныхъ частей кѣтки—протоплазмы и ядра, т. е. превращаются въ живое вещество организованныхъ образований; это послѣднее превращеніе собственно и слѣдуетъ считать питаніемъ. Плазма и у животнаго, и у растенія почти тождественна по химическому составу, главную ея часть образуютъ бѣлковыя вещества, слѣдовательно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ для своего питанія кѣтки должны получать бѣлковыя вещества. Въ дѣйствительности такъ оно и есть: всѣ живыя кѣтки питаются бѣлками, разница только въ томъ, что животныя должны получать эти бѣлки готовыми, а растенія могутъ сами себѣ ихъ приготовить изъ болѣе простыхъ соединеній (напр., зеленныя растенія изъ углекислоты, воды и минеральныхъ солей, незеленыя—изъ сахара, органическихъ кислотъ и тому подобныхъ соединеній и минеральныхъ солей). Растенія готовятъ обыкновенно бѣлковыя вещества, растворимыя въ водѣ или въ растворахъ солей, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и имъ приходится прибѣгать къ протеолитическимъ энзимамъ, которые, какъ оказывается по новымъ изслѣдованіямъ Fermi и Biscaglioni (статья ихъ «Die proteolytischen Enzyme im Pflanzenreich» помѣщена въ № 1—5 V тома, II отдѣла Centralblatt für Bakteriologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten), широко распространены въ растеніяхъ, хотя и находятся у нихъ въ весьма малыхъ количествахъ, что легко объясняется на основаніи указанныхъ свойствъ бѣлковъ, вырабатываемыхъ растеніями. Fermi и Biscaglioni не только опредѣляли у какихъ растеній встрѣчаются протеолитическіе энзимы и въ какихъ частяхъ ихъ (въ корнѣ, стеблѣ, листьяхъ, частяхъ цвѣта, въ плодотворной пыльцѣ, въ молодыхъ образующихся органахъ, въ присоскахъ чужеядныхъ растеній, въ микоризахъ и т. д.), но такъ же изслѣдовали свойства этихъ энзимовъ, ихъ отношеніе къ свѣту и температурѣ, вліяніе этихъ факторовъ на ихъ образованіе въ растеніи, способность сохраняться, условія, при которыхъ они могутъ дѣйствовать на бѣлковыя вещества и т. д. Я не стану входить въ подробный разборъ этой работы; для насъ важно только то, что вообще протеолитическіе энзимы оказались въ наиболѣе энергично растущихъ частяхъ растеній, у чужеядныхъ—въ ихъ присоскахъ и подобныхъ имъ органахъ, служащихъ имъ для высасыванія соковъ организма, на которомъ они паразитируютъ, у насѣкомоядныхъ—въ органахъ задавливанія добычи,—словомъ тамъ, гдѣ можно ожидать, что растенію придется усваивать нерастворимыя бѣлковыя вещества, т. е. что протеолитическіе энзимы сопровождаютъ наиболѣе дѣятельные органы растеній, гдѣ происходитъ энергичный обмѣнъ и, слѣдовательно, есть основаніе думать, что растенія и вообще, не только въ специальныхъ случаяхъ питанія, пользуются этими энзимами.

Итакъ питаніе растеній по существу—относительно усваиваемыхъ веществъ, а иногда и относительно способа превращенія ихъ въ усвояемыя соединенія—одинаково съ питаніемъ животныхъ; относящаяся сюда явленія у обыкновенныхъ растеній, у насѣкомоядныхъ и у животныхъ представляютъ собой лишь частные случаи, вариации одного процесса, который можно назвать питаніемъ протоплазмы.

Отличіе насѣкомоядныхъ только въ томъ, что, недовольствуясь приготовленіемъ бѣлковъ изъ углекислоты и минеральныхъ веществъ, они еще прибѣгаютъ къ ловлѣ мелкихъ животныхъ, слѣдовательно, лишь въ пріемахъ добыванія пищи, а не утилизаціи ея, и потому образованіе въ нихъ протеолити-

ческаго энзима не представляеть особаго неожиданнаго явленія и съ точки зрѣнія питавіа, въ собственномъ смыслѣ, они вовсе не являются исключеніемъ.

Физика. 1) *Искусственное образованіе шаровидной молніи.* Въ СХХІХ томѣ Comptes rendus Парижской Академіи Наукъ Stéphane Leduc описываетъ свои опыты, предпринятые для объясненія происхожденія шаровидной молніи. Правда, вѣчто подобное удалось уже получить Planté еще въ 1878 г. при помощи электрическаго тока весьма высокаго напряженія, но опыты Leduc'a дають гораздо болѣе полную картину этого замѣчательнаго явленія. Leduc поступалъ слѣдующимъ образомъ: онъ соединилъ два тонкихъ, полированныхъ металлическихъ острія съ полюсами машины Гольца и укрѣпилъ ихъ вертикально надъ чувствительнымъ слоемъ фотографической пластинки, лежавшей на металлическомъ листѣ. Расстояніе между остриями въ опытахъ достигало 5—10 см. Подъ вліаніемъ электрическаго тока, на положительномъ полюсѣ, образуется ореоль, а на отрицательномъ—свѣтящійся шаръ, который постепенно увеличивается, пока не отдѣлится отъ острія, послѣ чего оно тотчасъ же совершенно перестаетъ свѣтиться.

Свѣтящійся шаръ направляется къ положительному полюсу, но движеніе его такъ медленно, что путь въ нѣсколько сантиметровъ онъ проходитъ отъ 1 до 4 минутъ; движется онъ не по прямому направленію, иногда уходитъ въ сторону, иногда на нѣкоторое время совсѣмъ останавливается, не рѣдко распадается на множество мелкихъ шариковъ, изъ которыхъ каждый затѣмъ уже самостоятельно продолжаетъ путь къ положительному полюсу. Какъ только шаръ достигнетъ положительнаго полюса, свѣченіе тотчасъ прекращается, какъ будто между обоими полюсами разрядъ происходитъ при посредствѣ металлическаго соединенія. На фотографической пластинкѣ, по окончаніи опыта, можно ясно видѣть и прослѣдить всѣ фазы движенія шаровидной молніи. Повидимому, эти наблюденія очень важны для объясненія явленія шаровидной молніи: чрезвычайно медленное движеніе шара, распаденіе его на мелкіе шарикѣ—все это характерные признаки естественной шаровидной молніи. Сходство идетъ еще дальше: существуетъ рѣдкая, весьма своеобразная форма молніи въ видѣ бусъ или четокъ; особенность ея состоитъ въ томъ, что она не погасаетъ тотчасъ же, какъ обыкновенная зигзагообразная молнія, а распадается на безчисленное множество мелкихъ шариковъ, которые подобно зернамъ бусъ располагаются по пути молніи и исчезаютъ постепенно. Совершенно подобное явленіе наблюдають въ своихъ опытахъ и Leduc. Если, во время движенія описаннаго выше свѣтящагося шара, насыпать на пластинку порошокъ сѣры, то на пути, уже пройденномъ шаровидной молніей, образуется множество маленькихъ свѣтящихся бисеринокъ. Этимъ опытомъ, между прочимъ, доказывается уже ранѣе предполагавшаяся связь шаровидной и четковидной молніи. (Naturwiss. Wochenschrift).

2) *Печатаніе книгъ при помощи Рентгеновскихъ лучей.* Лучи Рентгена, со времени ихъ открытій, получали весьма разнообразное и интересное примѣненіе въ медицинѣ и вообще въ наукѣ; промышленность, которая до сихъ поръ, повидимому, совершенно не интересовалась ихъ существованіемъ, сдѣлала попытку новаго и крайне оригинальнаго примѣненія ихъ, мы разумѣемъ—печатаніе при помощи этихъ лучей.

Это изобрѣтеніе принадлежитъ Izambard'у. Раньше его, въ 1896 г., американскій профессоръ Elihu Thomson сдѣлалъ слѣдующій опытъ: онъ воспроизвелъ посредствомъ Рентгеновскихъ лучей отпечатокъ сразу на тридцати, сложенныхъ стопкой, листахъ фотографической бумаги. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы опредѣлить, насколько лучи Рентгена проникають сквозь чувствительные слои этой бумаги. Въ томъ же году, но раньше, аналогичный опытъ былъ произведенъ и сообщенъ Парижской Академіи Огюстомъ и Луи Люмьерами. Идея прирѣненія Рентгеновскихъ лучей къ печатанію впервые была разработана

Izambard'омъ, который и получилъ патентъ на это изобрѣтеніе во Франціи и въ Америкѣ. Еще въ 1895 году онъ думалъ о примѣненіи электричества для полученія сразу большаго числа оттисковъ на специально приготовленной бумагѣ. Въ его аппаратѣ буквы печатались, каждая при помощи двухъ соответствующихъ другъ другу молоточковъ: одинъ находится надъ пачкой бумаги, другой подъ нею, они представляютъ собою полюсы разомкнутаго тока; при сближеніи ихъ, токъ проходитъ сквозь раздѣляющую ихъ бумагу и отпечатываетъ на всѣхъ листахъ изображеніе буквы, помѣщенной на молоточкахъ, разлагая бумагу. Въ это время, открытіе Рентгена показало ему, что нѣтъ необходимости прибѣгать къ двойной системѣ молоточковъ и, вообще, къ этому сложному механизму. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь извѣстно, что эти лучи безъ всякаго приспособленія могутъ пройти сквозь пачку бумаги. Вообще Рентгеновскіе лучи проходятъ черезъ всѣ непрозрачныя для свѣта тѣла, но задерживаются металлами или веществами, содержащими въ своемъ составѣ металлы. Слѣдовательно, если на бумагѣ или на экранѣ изобразить буквы специальными чернилами, въ составъ которыхъ входятъ металлическіе элементы, то эти буквы будутъ непроницаемы для Рентгеновскихъ лучей. Пачка чувствительной бромосеребряной бумаги, подвергнутая вліянію этихъ лучей, не представитъ для нихъ препятствія, исключая тѣхъ мѣстъ, которыя находятся подъ изображеніями буквъ, написанныхъ непроницаемыми чернилами, которыя можно назвать «радіографическими»; такимъ образомъ можно получить текстъ, сразу отпечатанный на тысячѣ листовъ. На листѣ, который служитъ экраномъ, этотъ текстъ можетъ быть написанъ или отпечатанъ типографскимъ способомъ, или же, что проще всего, прямо написанъ при помощи пишущей машины, такъ какъ для дальнѣйшаго печатанія нужно имѣть одинъ только экземпляръ. Этотъ послѣдній способъ устраняетъ всѣ длинныя и сложныя типографскія операціи набора и распредѣленія буквъ по кассамъ. Послѣ отпечатанія, чувствительная бумага должна подвергнуться проявленію и закрѣпленію изображеній посредствомъ особыхъ растворовъ; все это, въ данномъ случаѣ, производится автоматически, причемъ бумага обрабатывается соответствующими жидкостями, при помощи машинъ съ безконечной лентой, уже примѣняемыхъ для разныхъ цѣлей и дѣйствующихъ чрезвычайно быстро. Для того, чтобы получить позитивное изображеніе текста, т. е. черными буквами на бѣломъ фонѣ, указано нѣсколько способовъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ. Шрифтъ пишущей машины намазывается особымъ составомъ, къ которому не пристають жирныя радіографическія чернила; текстъ, написанный этимъ составомъ, покрываютъ радіографическими чернилами, буквы остаются бѣлыми на фонѣ этихъ чернилъ и при дѣйствіи Рентгеновскихъ лучей только онѣ эти лучи и пропускаютъ, такъ что на чувствительной фотографической бумагѣ текстъ выходитъ чернымъ. Составовъ, къ которымъ не пристають жирныя чернила, есть нѣсколько, напр., сахарная вода, глицеринъ, гумми. Если хотятъ печатать на обѣихъ сторонахъ бумаги сразу, то для этого достаточно нанести на нее чувствительный слой съ обѣихъ сторонъ полосками такъ, чтобы строчки одной стороны соответствовали промежуткамъ между строчками на другой. Чтобы приготовить двойной экранъ для такого печатанія, вторую страницу пишутъ на оборотной сторонѣ и между строчками первой, или же можно ихъ написать отдѣльно и затѣмъ соответствующимъ образомъ склеить, т. е. такъ, чтобы строчки не пришлись одна прогивъ другой.

Выгоды такого печатанія, помимо того что всѣ листы изготовляются одновременно, слѣдующія. Существующія пишущія машины могутъ дать весьма правильный и при извѣстномъ вниманіи совершенно безошибочный текстъ; такимъ образомъ, вмѣстѣ съ наборомъ устраняются и ошибки, происходящія отъ неправильнаго распредѣленія буквъ по кассамъ, далѣе здѣсь не нужна пере-

борка набранныхъ литеръ послѣ корректуры, не говоря уже о непредвидѣнныхъ замедленіяхъ, которыя могутъ произойти отъ того, что полоса, столбецъ или цѣлая страница выпадеть въ послѣдній моментъ. При печатаніи посредствомъ Рентгеновскихъ лучей ничего подобнаго, конечно, нельзя опасаться. Беретка здѣсь чрезвычайно проста; тотъ, кому это поручается, склеиваетъ въ желаемомъ порядкѣ листы текста пишущей машиной, затѣмъ онъ помѣщаетъ на оборотной сторонѣ соответствующія страницы, обращая вниманіе на то, чтобы строчки одной стороны пришлись въ промежуткахъ другой. Также не представить затрудненій и обозначеніе страницъ. Можно печатать и нѣсколько пачекъ съ разными текстами одновременно, помѣщая ихъ полукругомъ передъ аппаратомъ, производящимъ лучи Рентгена. Если нужно отпечатать листы слишкомъ большихъ размѣровъ, можно примѣнить нѣсколько Круксовыхъ трубокъ, отдѣливъ ихъ другъ отъ друга металлическими экранами. Наиболѣе интересное примѣненіе Рентгеновскихъ лучей къ печатанію представляетъ собою печатаніе въ закрытыхъ конвертахъ важныхъ дипломатическихъ бумагъ, плановъ мобилизаціи, конфиденціальныхъ циркуляровъ, вообще всѣхъ тѣхъ документовъ, которые считаются секретными, но въ дѣйствительности не составляютъ тайны, такъ какъ печатаніе ихъ поручается третьему лицу. Съ помощью же новаго способа можно сдѣлать такъ, что эти документы будутъ извѣстны только лицамъ непосредственно заинтересованнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно начальствующему лицу въ своемъ кабинетѣ написать бумагу перомъ или на пишущей машинѣ радиографическими чернилами, затѣмъ помѣстить ее, не складывая, въ конвертъ и запечатать на одномъ изъ угловъ. Онъ посылаетъ эту бумагу съ соответствующими инструкціями въ учрежденіе, назначенное специально для разсылки бумагъ. Тамъ имѣются приготовленными листы чувствительной бумаги опредѣленнаго формата, изъ которыхъ каждый заключенъ въ запечатанный конвертъ. На пачку такихъ конвертовъ помѣщаютъ, не вскрывая, конвертъ, полученный отъ начальствующаго лица и подвергнувъ все это дѣйствію Рентгеновскихъ лучей, получаютъ нужное число экземпляровъ присланной бумаги. Вся эта операція можетъ быть произведена весьма быстро и притомъ безъ участія рабочихъ, все время подъ непосредственнымъ наблюденіемъ лица, завѣдывающаго печатаніемъ, которое знаетъ свою отвѣтственность. Оригиналъ бумаги можетъ быть затѣмъ отослать обратно, оставаясь все время запечатаннымъ такъ же, какъ и воспроизведенные съ него «оттиски», если можно такъ выразиться. Затѣмъ конверты отправляются по назначенію и получателю остается только проявить заключающуюся въ конвертѣ бумагу, что возьметъ гораздо меньше времени, чѣмъ дешифрированіе депеши. Такъ какъ бумагу необходимо проявить, чтобы прочесть буквы, то всякая нескромность становится невозможной или, по крайней мѣрѣ, о ней можно сейчасъ же узнать по виду бумаги.

Для воспроизведенія рисунковъ помощью Рентгеновскихъ лучей существуетъ два способа.

Первый состоитъ въ томъ, что рисунокъ копируютъ особою жидкостью перомъ или кистью и затѣмъ, копію покрываютъ жирными металлическими чернилами; такимъ образомъ получается рисунокъ бѣлыми чернилами по темному полю, дающій позитивные отпечатки. Другой способъ состоитъ въ томъ, что на экранъ сначала наносится слой массы, содержащій металлическія частицы, на которомъ рисунокъ выскабливаютъ остриемъ иглы, и такимъ образомъ, получаютъ негативный экранъ.

Въ этомъ случаѣ, рисовальщикъ самъ воспроизводитъ оригиналъ того самаго рисунка, который будетъ отпечатанъ. Эти способы примѣнимы также и для полученія художественныхъ изображеній, причеиъ, второй изъ нихъ представляетъ большія преимущества. Онъ даетъ всѣ эффекты гравюры на мѣди, но требуетъ гораздо меньше труда потому, что вмѣсто твердой мѣдной пластинки,

здѣсь приходится имѣть дѣло съ тѣсто-образной массой. Кромѣ того этотъ способъ можетъ дать также и всѣ эффекты литографіи, потому что при печатаніи можно получить не только черныя черты, толстыя и тонкія, но также и черты сѣраго цвѣта различныхъ оттѣнковъ. Эти различія зависятъ отъ того, насколько глубоко нанесены штрихи въ металлической массѣ: густота тона пропорціональна большей или меньшей толщинѣ металлическаго слоя, черезъ который должны пройти Рентгеновскіе лучи. Такимъ образомъ, на одномъ и томъ же рисункѣ можно скомбинировать полутоны, получаемые растушевкой и рѣзкія черты офорта или гравюры. Итакъ, мы видимъ, что этотъ способъ даетъ совершенно новыя средства для воспроизведенія художественныхъ эффектовъ, потому что врядъ-ли можно думать, чтобы какой-нибудь изъ существующихъ способовъ давалъ бы возможность получить подобные результаты.

Печатаніе посредствомъ Рентгеновскихъ лучей пока еще дѣло будущаго, но, и въ настоящее время, безъ тѣхъ усовершенствованій, которыя имѣетъ въ виду и подготавливаетъ изобрѣтатель его, оно можетъ оказать важныя услуги во многихъ случаяхъ. При печатаніи газетъ, напримѣръ, можно исполнить въ часъ ту работу, которая теперь требуетъ 6-ти или 7-ми часовъ. Прибавленія, въ которыхъ печатаются послѣднія новости, доставляющія въ среднемъ работы часа на $1\frac{1}{2}$, могутъ быть отпечатаны посредствомъ Рентгеновскихъ лучей и притомъ съ меньшимъ персоналомъ рабочихъ въ теченіи $\frac{1}{4}$ часа или 20-ти минутъ. Разумѣется, и во множествѣ другихъ случаяхъ, когда требуется получить быстро большое число экземпляровъ, этотъ способъ печатанія можетъ оказать большія услуги. Издатели книгъ, музыкальных произведеній не будутъ принуждены сохранять для новыхъ предстоящихъ изданій доски стереотипа, представляющія громадныя массы металла, лежащаго безъ употребленія, другими словами, мертвый капиталъ. Несомнѣнно, они охотно замѣнятъ ихъ простыми экранами, покрытыми радиографической массой, которые легко сохраняются, занимаютъ мало мѣста, всегда готовы къ употребленію и представляютъ, сами по себѣ, незначительную цѣнность.

Въ заключеніе авторъ этой замѣтки, помѣщенной въ «*Revue Scientifique*», справедливо обращаетъ вниманіе специалистовъ, на весьма желательныя и возможныя усовершенствованія: во-первыхъ, чувствительная бромо-серебряная бумага очень дорога и, такъ называемая, радиографическія чернила съ практической точки зрѣнія могли-бы быть лучше, во-вторыхъ, отпечатки промываются и высушиваются, и абсолютно, необходимо найти способъ производить эти операціи почти моментально..

Во всякомъ случаѣ новый способъ печатанія, какъ это думаетъ и самъ изобрѣтатель его, Izambard, не предназначается къ тому, чтобы совершенно вытѣснить существующій способъ, но долженъ служить его дополненіемъ для достиженія болѣе быстрой печатанія, къ чему навѣрно должно привести цѣлесообразное соединеніе обоихъ способовъ. (R. Scientifique).

Химія. Процессы горѣнія въ жидкомъ воздухѣ. Статья К. Linde. въ которой описаны эти явленія, помѣщена въ *Sitzungsber d. Münchener Akademie d. Wiss.* 1899, стр. 65. Какъ извѣстно, при сжиженіи атмосфернаго воздуха кислородъ и азотъ сгущаются одновременно, и получающаяся жидкость имѣетъ тотъ же составъ, какъ и атмосферный воздухъ; но когда начинается испареніе этой жидкости, то составъ ея мѣняется, такъ какъ азотъ испаряется въ большихъ количествахъ, чѣмъ кислородъ, вслѣдствіе чего жидкость постепенно обогащается кислородомъ. Произведенныя въ этомъ отношеніи количественныя опредѣленія показали, что при атмосферномъ давленіи вначалѣ испаряется 92% азота и 8% кислорода, и, что когда испарится около 70% всей жидкости, остатокъ ея состоитъ приблизительно изъ равныхъ количествъ кисло-

рода и азота. При меньшем давлении, разделение происходит еще скорее и продукты испарения содержат больше азота, а при болѣе высокомъ, наоборотъ. Соответственно этому, если приблизить тлѣющую лучину къ поверхности такой жидкости, то, пока продукты испарения содержатъ преимущественно азотъ, она гаснетъ; при продолжающемся же испарении и при погружении въ жидкость,—вспыхиваетъ (несмотря на то, что температура жидкаго воздуха не превышаетъ— 180°).

Если смѣшать горючее вещество (напр., угольный порошокъ) съ жидкимъ воздухомъ, то при воспламенении такая смѣсь сгораетъ такъ же быстро и энергично, какъ и обыкновенный черный порохъ, и, если воспламенение вызывается ударомъ, происходитъ взрывъ. Этотъ фактъ особенно поразителенъ, такъ какъ явленіе происходитъ при такой низкой температурѣ. Авторъ дополняетъ эти наблюденія слѣдующими опытами. Если мельчайшій порошокъ кремезема (трепель) или пробковаго угля напитать нефтью настолько, чтобы онъ могъ принять еще достаточное количество жидкаго кислорода, то такая смѣсь, свободно лежащая, взрываетъ при воспламенении. Патроны, наполненные ею, передаютъ взрывъ другимъ такимъ же патронамъ на разстояніи 25 см., тогда какъ взрывчатая желатина *) дѣйствуетъ такимъ образомъ лишь на 15 см.

Быстроту горѣнія и измѣненія объема, сопровождающія его, опыты даютъ возможность выразить въ цифрахъ, получаемыхъ при помощи особаго прибора (Brisanzmesser). Этотъ приборъ представляетъ собой стальной приемникъ, въ которомъ производится взрывъ испытываемыхъ патроновъ, посредствомъ пистоновъ изъ гремучей ртути; получаемое при этомъ измѣненія давленія отмѣчаются особымъ индикаторомъ на барабанѣ, обтянутомъ бумагой, который вращается со скоростью приблизительно 330 сант. въ секунду. Хотя аппаратъ и не даетъ абсолютно вѣрнаго опредѣленія времени, однако, относительная продолжительность горѣнія опредѣляется весьма точно. Изъ числа изслѣдованныхъ до сихъ поръ веществъ, взрывчатая желатина занимала первое мѣсто; однако при употребленіи смѣси нефти и богатой кислородомъ жидкости, которая получается изъ сгущеннаго воздуха, происходитъ такія увеличенія давленія и объема, по которымъ указанная смѣсь далеко превосходитъ взрывчатую желатину. «Повидному, говоритъ авторъ, сгораніе подобной смѣси, несмотря на ея температуру менѣе чѣмъ въ— 180° Ц. происходитъ скорее, чѣмъ сгораніе какихъ-либо до сихъ поръ извѣстныхъ твердыхъ или жидкихъ веществъ». (Naturwissenschaftliche Rundschau).

Зоологія. *Образованіе настоящаго жемчуга въ раковинахъ Meleagrina margaritifera.* Въ Comptes rendus Парижской Академіи Léon Dignet, посланный съ научными цѣлями въ Калифорнійскій заливъ, сообщаетъ свои наблюденія, которыя должны существенно измѣнить господствующее представленіе относительно образованія жемчуга. Онъ считаетъ ошибочнымъ соединять подъ однимъ названіемъ настоящій жемчугъ (perles fines) и известковыя образованія, происходяція у моллюсковъ изъ выдѣленія железъ мантіи,—руководствуясь при этомъ способомъ ихъ происхожденія. У жемчужницъ, какъ вѣроятно и у многихъ другихъ моллюсковъ, по большей части встрѣчаются своеобразныя отложенія извести двухъ видовъ, которыя слѣдуетъ строго различать. Одни изъ нихъ происходятъ изъ особаго выдѣленія железъ мантіи, задача которыхъ при нормальныхъ условіяхъ состоитъ въ томъ, чтобы доставлять известь для утолщенія и увеличенія размѣровъ раковины соответственно росту моллюсковъ. Это отдѣленіе, отлагаясь на инородныя тѣла въ видѣ слоевъ перламутра, можетъ

*) Вещество, которое нѣмцы называютъ Sprenggelatine, представляетъ смѣсь нитроглицерина и пироксилина съ небольшимъ количествомъ камфоры и слѣдовательно ничего общаго съ желатиной не имѣетъ.

произвести образованія, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, болѣе или менѣе правильной сферической формы, называемыя искателями жемчуга «перламутровыми жемчужинами (perles de nacre)». Многочисленныя изслѣдованія относительно образованія жемчуга до сихъ поръ и производились только надъ этимъ видомъ отложеній перламутроваго вещества; но и по внѣшнему виду они рѣзко отличаются отъ настоящаго жемчуга: перламутровый жемчугъ лишь въ слабой степени обнаруживаетъ радужный оттѣнокъ, который французы называютъ «orient», и по своему блеску скорѣе приближается къ перламутру раковины, изъ котораго онъ и происходитъ; короче сказать, онъ представляетъ собой случайное образованіе, происходящее на поверхности тѣла моллюска (но внутри раковины, конечно) вслѣдствіе нормальной дѣятельности соответствующихъ органовъ.

Напротивъ, настоящій жемчугъ есть дѣйствительно болѣзненное, происходящее внутри тѣла животнаго отложеніе извести, которое можетъ появиться вслѣдствіе особыхъ процессовъ (подобно известковымъ капсуламъ трихинъ у вышихъ животныхъ) въ любомъ мѣстѣ тѣла моллюска, однако, исключая наружной части мантии.

Настоящій жемчугъ никогда не образуется сразу изъ выдѣляемаго железами вещества, какъ перламутровый жемчугъ; онъ развивается медленно, и развитие его сопровождается обильнымъ выдѣленіемъ въ извѣстной послѣдовательности. Сначала появляется только маленькая полость или вѣрнѣе пузырькъ, наполненный жидкостью, въ которой растворенныя органическія вещества постепенно уплотняются, затѣмъ пріобрѣтаютъ и сохраняютъ въ теченіе нѣкотораго времени, консистенцію слизи или студени и, наконецъ, передъ тѣмъ, какъ пропитаться известью, превращаются въ вещество, подобное конхіолину (органическое вещество раковины). По окончанію этого уплотненія вся масса образующейся жемчужины раздѣляется на болѣе или менѣе правильныя концентрическія слои, причѣмъ на границахъ ихъ остаются промежутки, въ которыхъ впоследствии и отлагается кристаллическій осадокъ (углекислой) извести. Одновременно съ раздѣленіемъ органическаго остова жемчужины на слои въ него проникаетъ и растворъ извести, доставляемый соками организма. Слоистость можно вызвать и искусственно, погружая въ крѣпкій спиртъ будущую жемчужину, когда она еще находится въ состояніи слизи или студени и когда уплотненіе еще далеко не окончено.

Въ этихъ обстоятельствахъ можно непосредственно наблюдать, какъ шарикъ раздѣляется на множество концентрическихъ слоевъ, предварительно нѣсколько уменьшившись въ объемъ; слои можно различать до тѣхъ поръ, пока масса не сдѣлается мутной вслѣдствіе полной потери воды. Пропитываніе известью также происходитъ постепенно. Сначала появляется подобіе инкрустация въ промежуткахъ между слоями органическаго вещества, гдѣ отлагаются кристаллики извести; эти слои становятся все тоньше и образуютъ только подстилку для кристаллическаго осадка, который растетъ на счетъ известковыхъ соединений, доставляемыхъ соками организма. Если провести разрѣзъ черезъ середину жемчужины, въ которой отложеніе извести уже окончилось, то можно видѣть, что она образована болѣе или менѣе тонкими, правильно отложенными, однимъ на другомъ слоями плотнаго кристаллическаго осадка, которые раздѣлены чрезвычайно тонкими прослойками конхіоллина. Средину этой системы слоевъ занимаетъ небольшая полость, въ которой, нерѣдко содержится органическое вещество или кристаллъ извести. Въ подобныхъ полостяхъ Philippi и Küchenmeister нашли остатки организмовъ, вѣроятно, паразитовъ, которые, внутри моллюска, вызывали разстройства, послужившія исходнымъ пунктомъ образованія жемчужины.

Во все время своего развитія, жемчужина остается заключенной въ пузырькъ, оболочка котораго служитъ какъ бы производящимъ слоемъ жемчу-

жны; эта оболочка во время выдѣленія извести истощается и разрушается, такъ что, по окончаніе развитія, жемчужина бываетъ покрыта только тоненькой пленкой, которая разрывается при малѣйшемъ усилии моллюска, вслѣдствіе чего жемчужина и выталкивается наружу.

Итакъ, настоящій жемчугъ не представляетъ собою, какъ предполагали до сихъ поръ простаго отложенія перламутроваго вещества, доставляемаго железами, но есть продуктъ физиологической дѣятельности, имѣющей цѣлью удалить изъ организма паразита или иную какую-либо причину раздраженія. (*Naturwissenschaftliche Wochenschrift*).

Геологія. *Землетрясенія, наблюдавшіяся въ Греціи въ 1893—1898 г.* Предварительное сообщеніе Eginitis'a, напечатанное въ *Comptes rendus* Парижской Академіи, содержитъ слѣдующія свѣдѣнія. За указанный періодъ времени во всей Греціи наблюдалось 3.187 землетрясеній; слѣдовательно, въ среднемъ въ годъ 531. Общее число, вѣроятно, должно быть, еще болѣе значительно, если бы съ самаго пачала было столько же наблюдателей, какъ и въ концѣ этого періода; тѣмъ не менѣе число замѣченныхъ въ послѣдніе годы землетрясеній оказывается меньше, чѣмъ въ первые; по отдѣльнымъ годамъ землетрясенія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1893—876	землетрясеній	1896—508	землетрясеній
1894—659	»	1897—237	»
1895—491	»	1898—416	»

Судя по этой таблицѣ, можно предположить, что сейсмическая дѣятельность періодически усиливается и ослабѣваетъ; годы 1893 и 1894, по видимому, принадлежатъ къ періоду болѣе частыхъ и сильныхъ землетрясеній, во время котораго наблюдались сильныя колебанія почвы на островѣ Занте, въ Фивахъ и Локридѣ въ Греціи, а за предѣлами ея въ Константинополѣ и Сициліи, не говоря уже о болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. Эта часть земной коры, которая испытала значительныя дислокаціи и геологическія превращенія, содержитъ повидимому большую сѣтъ трещинъ и постоянно подвергается смѣщеніямъ, которыя время отъ времени сказываются въ видѣ землетрясеній.

Землетрясенія наблюдались, особенно часто, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и декабрѣ; максимумъ въ 395 землетрясеній приходится на май; минимумъ въ 154 землетрясеній на октябрь. Сейсмическая дѣятельность возрастаетъ постепенно съ начала года до мая, затѣмъ падаетъ до октября; на сентябрь и декабрь приходится максимумы второго порядка, изъ которыхъ послѣдній особенно ясно выраженъ. По временамъ года землетрясенія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на зиму приходится 755, на весну—1.077, на лѣто—767 и на осень—588. Итакъ, максимумъ приходится на весну, минимумъ на осень; два остальныхъ времени года почти не представляютъ различія. Эти данныя значительно уклоняются отъ свѣдѣній, добытыхъ статистикой, по которымъ землетрясенія чаще приходятся въ болѣе холодное время года, чѣмъ въ болѣе теплое; это противорѣчіе предостерегаетъ отъ обобщенія результатовъ изслѣдованій, произведенныхъ въ ограниченной области; кромѣ того статистика показываетъ, что максимумы и минимумы, вычисленные для цѣлаго ряда лѣтъ, не имѣютъ значенія для каждаго отдѣльнаго года и не всегда приходятся на тотъ же самый мѣсяць или на то же самое время года.

Ночью наблюдалось 1.833, днемъ 1.354 землетрясенія; по часамъ максимумъ (347 землетрясеній) приходится на утро между 4-мя и 6-ю часами, минимумъ также на утро между 8-ю и 10-ю часами. Эти статистическія данныя также уклоняются отъ собранныхъ раньше, по крайней мѣрѣ, относительно часового максимума и минимума. Весьма сомнительно, чтобы въ дѣйствительности большее число землетрясеній приходилось на ночь (что было бы крайне

трудно объяснить), тѣмъ болѣе, что, при дневномъ движеніи, слабыя колебанія почвы трудно замѣтить; впрочемъ, пока это остается еще открытымъ вопросомъ.

Соотвѣтственно фазамъ луны, максимумъ землетрясеній приходится на полнолуіе, минимумъ на новолуіе; этотъ результатъ также не соотвѣтствуетъ прежнимъ наблюденіямъ, въ особенности выводамъ Pеггеу, по которымъ должна существовать тѣсная зависимость между положеніемъ луны и количествомъ землетрясеній, такъ какъ землетрясенія будто бы происходятъ подъ вліяніемъ приливовъ огненно-жидкой массы внутри земли, образующихся подъ вліяніемъ притяженія луны. Соотвѣтственно этому представленію, максимумъ землетрясеній долженъ приходиться на новолуіе. Также и съ положеніемъ луны на ея орбитѣ, число землетрясеній не имѣетъ никакой связи; во время перигея ихъ было 558; во время апогея 603; разница между обѣими цифрами слишкомъ невелика, впрочемъ, въ 3-хъ изъ 6 ти годовъ наблюденія максимумъ приходится на перигей, а въ 3-хъ другихъ на апогей.

Землетрясенія чаще бываютъ во время афелія, чѣмъ перигелія земли. Трудно показать, чтобы причина этого явленія заключалась въ разстояніи нашей планеты отъ солнца. Во всякомъ случаѣ это явленіе, если оно не совершенно случайно и не обусловлено иными причинами, говоритъ не въ пользу того, что близость къ солнцу благоприятствуетъ землетрясеніямъ; эти наблюденія въ связи съ указанными отношеніями числа землетрясеній по фазамъ луны показываютъ, что гипотеза приливовъ расплавленной массы внутри земли совершенно не обоснована.

Д. Н.

Астрономическія извѣстія.

Новые астрономическіе объективы Zeiss'a. Въ маленькомъ городкѣ Веймарскаго вел.-герцогства есть два замѣчательныхъ завода: стеклолитейный заводъ Шотта и оптико-механическія мастерскія Цейсса. Интересна организація предпріятій и необыкновенный ихъ ростъ. Zeiss'a собственно давно уже не существуетъ—его имя осталось только въ названіи фирмы, — все въ рукахъ товарищества, во главѣ котораго стоятъ проф. Abbe со своими достойными сотрудниками: проф. Czapski, Dr. Pulfrich, Dr. Harting, Dr. Pauly и др. Здѣсь главными руководителями являются люди талантливые съ большими научными знаніями, они не мирятся съ рутинной, и своими теоретическими изслѣдованіями, массой новыхъ и новыхъ опытовъ идутъ все впередъ и впередъ. Въ мастерскихъ Zeiss'a изготовляется только то, что придумано, конструировано лицами, принадлежащими фирмѣ, что особенно хорошо удалось. А каковы произведенія фирмы, объ этомъ, вѣроятно, приходилось слышать многимъ. Достаточно вспомнить удивительные фотографическія объективы Zeiss'a, его теле-бинокли, прекрасные микроскопы, различные физическіе приборы изящной конструкціи. Тоже самое и у Schott'a. Онъ самъ—докторъ философій, имѣетъ и въ числѣ помощниковъ, кромѣ хорошихъ практиковъ, нѣсколько лицъ съ университетскимъ образованіемъ, извѣстныхъ своими научными трудами. Еще недавно іенское оптическое стекло считалось неудовлетворительнымъ, измѣняющимся отъ времени, но масса опытовъ и изслѣдованій устранили недостатки и теперь, по признанію знаменитыхъ оптиковъ, шлифующихъ объективы: Рейфельдера, Штейнгеля, Мерца а также проф. Фогеля въ Потсдамѣ, производившаго спеціальныя изслѣдованія различныхъ сортовъ стекла передъ заказомъ большого объектива, оно лучшее въ мірѣ, превосходящее не только англійское но и французское стекло

Mantuis (Feil) своей однородностью, не говоря уже об удивительномъ разнообразіи сортовъ.

Одной изъ замѣчательныхъ новинокъ въ мастерскихъ Zeiss'a явились астрономическіе объективы, которыхъ прежде не шлифовали совсѣмъ. Объективы эти, изготовляемые изъ іенскаго стекла по системѣ Pauly изъ двухъ линзъ, но безъ *секундарнаго спектра* (безъ окраски), обратили вниманіе всего міра. Специальныя изслѣдованія показали въ числахъ ихъ несомнѣнное преимущество передъ прежними. Такъ проф. Wolf опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій 8-дюймоваго объектива Pauly, присланнаго на испытаніе въ астрофизическую обсерваторію на горѣ Königstuhle въ Гейдельбергъ.

Интересно сопоставленіе Wolf'a его изслѣдованій ахроматизма въ объективѣ Pauly съ произведенными раньше другими учеными изслѣдованіями трехъ знаменитыхъ объективовъ Фраунгофера, Грубба и Кларка:

Длина волны.	Fraunhofer.	Grubb.	Clark.	Pauly.
B 690	— 19	+ 10	0	+ 2
C 660	— 30	— 19	— 35	— 2
D 590	— 65	— 51	— 65	— 3
E-b 520	— 28	— 57	— 42	— 0
F 486	± 0	± 0	± 0	± 0
G 434	+ 92	+ 203	+ 209	+ 53
— 410	+ 362	+ 342	+ 328	+ 116

Числа въ таблицѣ — *стотысячныя* доли средняго фокуснаго разстоянія и представляютъ разстоянія фокусовъ различныхъ цвѣтовъ отъ фокуса свѣтло-голубыхъ лучей (486 F), причемъ положительное направленіе считалось по ходу лучей. Сравненіе это наглядно показываетъ, что объективъ Pauly неизмѣримо выше трехъ другихъ. Практически дѣйствительно можно принять, что въ немъ всѣ лучи сходятся въ одной плоскости. Поразителенъ видъ самого спектра звѣзды. Онъ на семь протяженіи отъ фраунгоферовой линіи B и почти до G является линейнымъ, тогда какъ въ другихъ объективахъ это неравной ширины размытая полоска съ двумя тонкими перехватами.

При наблюденіи двойныхъ звѣздъ, несмотря на вѣтряную погоду и неспокойный воздухъ, объективъ Pauly отчетливо раздѣлил такія тѣсныя пары, какъ

η Coronae	съ разстоян. въ 0,4'' и компонентами 5 и 6 величины
μ Bootis	> 0,9'' > 7 > 8 >
1 Coronae	> 0,8'' > 6 > 7 >
γ Coronae	> 0,4'' > 4 > 7 >
λ Cassiopejae	> 0,6'' > 6 > 6 >
μ Cygni	> 2,9'' > 4 > 5 >
ξ Herculis	> 0,5'' > 3 > 7 > съ трудомъ *)
0Σ 338	> 0,7'' > 6 ¹ / ₂ > 6 ¹ / ₂ >
Σ 2695	> 0,9'' > 6 > 8 >

Предѣломъ силы объектива явились звѣзды ξ Bootis (0,2'', 4—4) и 52 Argetis, которыя казались только удлинненными. Замѣчательно, что увеличеніе при этомъ употреблялось въ 825 разъ, котораго не выдерживаютъ и значительно большія трубы.

Диффракціонныя кольца вокругъ были вполне круглы.

*) Известно, что большая разность въ блескѣ составляющихъ чрезвычайно затрудняетъ дѣленіе пары.

Удивительно прекраснымъ оказался видъ, совершенно лишенныхъ окраски, лунныхъ горъ и солнечныхъ пятенъ, въ которыхъ были замѣтны необыкновенныя подробности.

Громадное практическое значеніе объективовъ Raulу и заключается въ этой чистотѣ изображеній и большей свѣтосилѣ.

Персеиды въ 1899 г. Число метеоровъ, наблюдавшихся въ нынѣшнемъ году, были не такъ значительны, какъ прежде. Очевидно, земля встрѣтила менѣе густую часть роя. Четырьмя наблюдателями на юрьевской обсерваторіи за три дня наблюденій: 9, 10 и 12 августа нов. стили (наблюденія распредѣлились неравномѣрно) нанесено на карту 256, изъ которыхъ 87 общихъ. Нѣкоторые метеоры, очевидно, принадлежали другимъ потокамъ, а не къ потоку Персеидъ, и въ обработку не вошли. Такъ какъ наблюденія падающихъ звѣздъ вообще мало точны, то весьма важнымъ является одновременное наблюденіе *одной и той же* части неба многими наблюдателями. Результаты, полученные изъ среднихъ данныхъ, являются гораздо надежнѣе, согласнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если каждый метеоръ наносится однимъ наблюдателемъ, хотя общее число метеоровъ и будетъ меньше. При обработкѣ наблюденій Персеидъ нынѣшняго года, вполнѣ опредѣленно выступило это преимущество. Когда метеоры были разбиты на группы, которымъ были даны различные вѣса въ зависимости отъ числа наблюдателей и ихъ опытности, то для площади радіаціи получились различныя размѣры въ каждой группѣ. Для болѣе точныхъ наблюденій, она была сравнительно незначительна, метеоры сходились гораздо согласнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. На этотъ разъ не было даже никакого логическаго основанія выдѣлять отдѣльные пучки, и, какъ конечный результатъ, принять для каждой группы одинъ только радіантъ:

	α	δ	
9 авг.	50,0°	55,0°	
10 авг.	44,5°	57,0°	для группы съ большимъ вѣсомъ
»	46,0°	56,0°	» » » среднимъ »
»	48,0°	48,0°	—это наиболѣе сгущенное мѣсто въ большой площади пересѣченій метеоровъ, наблюдаемыхъ съ малой точностью
12 авг.	46,0°	54,0°	

Нѣсколько иные результаты получаются изъ наблюденій г-жи Фрейбергъ въ Петербургѣ. При замѣчательномъ схожденіи метеоровъ для 10 августа радіантъ оказывается:

$$\alpha = 36,3^\circ, \delta = 55,5^\circ$$

и для 11-го августа:

$$\alpha = 36,0^\circ, \delta = 55,0^\circ$$

Съ января по апрѣль нынѣшняго года г-жей ф.-Приттвитцъ въ Берлинѣ произведенъ длинный рядъ опредѣленій *Яркости Марса* съ помощью фотометра Цѣльнера. Инструментъ давалъ изображеніе планеты въ видѣ точки, причѣмъ поставленная на пути лучей пластинка голубого стекла превращала красный цвѣтъ въ бѣлый. Принявъ во вниманіе измѣненіе разстоянія планеты отъ солнца и земли и вліяніе фазъ, г-жа Prittwitz для средней яркости Марса получила число «—1,87», т. е. Марсъ оказывается на 2,87 зв. величины ярче, чѣмъ нормальная звѣзда 1-й величины. Проф. Müller въ Потсдамѣ раньше нашелъ для яркости Марса значеніе «—1,79» зв. велич.

Во время изверженія Этны, 19-го іюля (нов. ст.) нынѣшняго года обсерваторія, стоящая на этой горѣ, подверглась серьезной опасности, но, по счастью, все-таки уцѣлѣла. Проф. Риссо, директоръ обсерваторій въ гор. Катанѣ и на горѣ Этнѣ, сообщаетъ, что огромные клубы дыма, перемѣшаннаго съ камнями, пепломъ и шлаками, поднимались изъ главнаго кратера на громадную высоту, на 350 метровъ выше, чѣмъ стоитъ обсерваторія и всего только въ 1.000 метрахъ разстоянія отъ послѣдней. При обратномъ паденіи камни глубоко входили въ песокъ, 30 штукъ упали на крышу обсерваторіи, и пробили ее, причемъ 5 изъ этихъ 30 дыръ оказались больше 30 сантиметровъ, но инструменты, по счастью, не были задѣты, не произошло и воспламененія.

Меценаты гг. Warner и Swasey, въ Соед. Шт. рѣшили подарить Западному университету (Western Reserve University) вполне обставленную астрономическую обсерваторію съ 10-дюймовымъ рефракторомъ. Г-нъ Ant. Deу, съ другой стороны, подарилъ Паркскому колледжу (Park College, Parkville Mo.) обсерваторію съ 8-дюймовымъ рефракторомъ и также вполне обставленную. Ея директоромъ назначенъ профессоръ Mattoon.

Октября 9-го можетъ быть наблюдаемо *покрытіе звѣзды 4.3 величины—κ' Тельца*. Для Москвы это явленіе произойдетъ въ 11 час. 33,1 минуты, въ 12 час. 39,0 минутъ звѣзда опять выйдетъ изъ-за диска луны.

Обращаемъ вниманіе читателей на *потокъ Орионидъ*—6-го октября и потокъ *Леонидъ*—5-го ноября ст. ст. Послѣдній можетъ быть очень эффектенъ. Наиболее вѣроятное время встрѣчи земли съ главной массой роя во вторую половину ночи съ 3-го на 4-е ноября.

К. Покровскій.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Октябрь.

1899 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Публицистика.—Юридическія науки.—Соціологія.—Политическая экономія.—Книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Ельцова. «Въ чужомъ гнѣздѣ».—*Эркманъ-Шатрианъ.* «Гаспаръ Фиксъ».—*М. Ватсонъ.* «Джовуэ Кардуччи».

К. Ельцова. Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. Очень рѣдко появляются теперь большія произведенія новыхъ авторовъ въ области беллетристики, и уже по этому одному романъ г-жи Ельцовой невольно привлекаетъ вниманіе. Печатался онъ въ 97-мъ году въ журналѣ «Новое Слово» редакціи г-на Кривенко и в°, но специфически-народническаго ничего въ немъ нѣтъ. Скорѣе напротивъ. Беллетристика журналовъ этого направленія пріучила читателя къ нарочитой тенденціозности, чего въ романѣ г-жи Ельцовой нѣтъ и слѣда и что можно бы поставить автору даже въ заслугу, если бы... Но тутъ намъ пришлось бы поставить такъ много «если-бы», что мы ограничимся лишь самымъ главнымъ: если бы его романъ былъ художественнымъ произведеніемъ, а не шаблоннымъ дамскимъ твореніемъ, въ которомъ «онъ» и «она» тянутъ любовную канитель на протяженіи двадцати-пяти печатныхъ листовъ. Авторъ, съ удивительнымъ искусствомъ, дѣлаетъ изъ пустого увлеченія своей героини длиннѣйшую романическую интригу, къ которой припутываетъ массу ни къ чему ненужныхъ пустяковъ, лицъ, никому не интересныхъ, и тысячи бездѣльныхъ разговоровъ, яко-бы психологически-важныхъ. Зато тамъ, гдѣ, по ходу дѣла, мы въ правѣ ждать описанія дѣйствія, авторъ ограничивается скромной чертой, подъ которой (или за которой) мы можемъ поинимать чтó угодно, смотря по личному настроенію.

Въ чемъ же, однако, заключается романъ «Въ чужомъ гнѣздѣ»? Прежде всего надо замѣтить, что интригующее заглавіе такъ и остается до конца загадкой, ибо ни чужое, ни свое гнѣздо не играютъ въ романѣ никакой роли. Дѣло все время идетъ не о созданіи своего, или разрушенія чужого гнѣзда, а о томъ, какъ образованная дѣвица, только-что окончившая высшіе курсы, влюбляется въ человѣка, меньше всего подходящаго къ ней и складомъ ума, и душевнымъ настроеніемъ. Образованная дѣвица, какъ то ей и полагается по штату русскихъ бытописателей, имѣетъ умъ высокій и строй души повышенный, не чужда мечтаніямъ о дѣятельности на почвѣ общественной и интересуется разными предметами, имѣющими малое и весьма далекое отношеніе къ обыденной жизни. И вдругъ съ ней происходитъ такой пассажъ неожиданный, но вообще возможный и въ дѣйствительности встрѣчающійся. Она влюбляется самымъ обыкновеннымъ и скоропалительнымъ образомъ въ свѣтскаго льва и признаннаго сердцеѣда, который и при встрѣчѣ съ ней лихо и быстро одерживаетъ побѣду и съѣдаетъ ея сердце, не давая себѣ даже труда хорошенъко

его разсмаковать и разглядѣть, чѣмъ оно отличается отъ всякихъ прочихъ имъ скушанныхъ сердецъ. Въ заключеніе герой вполнѣ вѣрно и справедливо рѣшаетъ, что всѣ женщины, такъ легкомысленно отдававшія ему свою особу, по части сердечной одинаковы и отличаются развѣ тѣмъ, что одна ломается при этомъ меньше, другая больше. И романъ кончается тѣмъ, что герой уѣзжаетъ на отдыхъ къ себѣ въ деревню, чтобы тамъ набраться новыхъ силъ для новыхъ побѣдъ, а героиня утѣшаетъ себя надеждой, что опытъ, добытый ею сравнительно дешево, послужитъ ей на пользу въ будущемъ. Выводъ, или мораль, таковъ, — молодая дѣвица, хотя бы и окончившія высшіе курсы, не застрахованы отъ увлеченій и потому имъ надлежитъ быть осторожными такъ же какъ и не получившимъ высшаго образованія. Если прибавить, что романъ до тошноты растянутъ безконечной болтовней автора, то полная характеристика творенія г-жи Ельцовой закончена.

Въ общемъ это произведеніе очень незрѣлое, въ немъ много наивности и почти дѣтскаго непониманія жизни. Какъ первый опытъ, это произведеніе все-таки заслуживаетъ вниманія. Мѣстами въ немъ попадаются недурныя описанія, хотя и чисто внѣшняго характера. Есть несомнѣнное умѣнье владѣть формою, языкъ легкій и простой. Можетъ быть, со временемъ авторъ дополнитъ эти положительныя стороны своего творчества болѣе существеннымъ содержаниемъ. Но пока рѣшительно ничего нельзя сказать о его романѣ, кромѣ сказаннаго. Авторъ напечаталъ еще небольшой рассказикъ изъ эпохи крѣпостнаго быта, скорѣе, очеркъ или воспоминаніе, въ духѣ рассказовъ Божановской или Марка Вовчка. Въ романѣ тоже сильно замѣтно подражаніе Толстому во внѣшней манерѣ. Образцы, какъ видимъ, все хорошіе, но они лишаютъ автора оригинальности, что для г-жи Ельцовой плохой признакъ.

Эркманъ-Шатрианъ. Гаспаръ Фиксъ. Разсказъ. Пер. съ франц. З. Джунковской. Изд. т-ва «Знаніе». Ред. Д. Протопопова. Спб. 1899 г. Ц. 65 к. Въ нашемъ журналѣ уже говорилось о произведеніяхъ этихъ двухъ когда-то очень популярныхъ беллетристовъ, по поводу выхода дешеваго общаго собранія ихъ романовъ и повѣстей въ изданіи Павленкова (см. «М. Б.», библиот. отд. сент. 1898 г.). Повѣсть «Гаспаръ Фиксъ» принадлежитъ къ тому же циклу полунсторическихъ рассказовъ, въ которыхъ авторы изложили въ популярной формѣ и въ извѣстномъ освѣщеніи исторію Франціи послѣ 89 г. Въ повѣсти взята эпоха Луи-Филиппа, переворотъ 48 г. и установленіе бонапартовскаго режима. Съ обычными для Эркмана-Шатриана приѣмами, въ живой и мѣстами очень яркой формѣ изложена исторія роста современной буржуазіи, представителемъ которой взятъ простой крестьянинъ Гаспаръ Фиксъ, незамѣтно, но неудержимо захватывающій въ руки экономическое положеніе цѣлаго округа. Вначалѣ это просто сильный и ловкій хищникъ, устраивающій небольшую пивоварню и постоянный дворъ, при помощи которыхъ онъ всякими правдами и неправдами выбивается на поверхность и становится замѣтной величиной. Но эти успѣхи его на поприщѣ экономической борьбы довольно скромны, хотя для Фикса они и значительны. Настоящій его подъемъ и ростъ его значенія, какъ все подчиняющей экономической силы, начинается съ того момента, когда Фиксъ постигаетъ силу политики и прибѣгаетъ къ ней, какъ могущественному орудію именно въ экономической борьбѣ. При Луи Филиппѣ онъ соединяется съ крупной земельно-промышленной аристократіей, всѣмъ своимъ вліяніемъ и неослабной энергіей поддерживаетъ депутатовъ, составляющихъ партію большинства, съ Гизо во главѣ. Знаменитая фраза послѣдняго «обогащайтесь» становится его лозунгомъ. Но въ этотъ періодъ онъ все еще идетъ на помочахъ аристократіи и католической церкви, одобряющихъ его, какъ вѣрнаго и сильнаго союзника, которому за то и перепадаютъ куски. Наступленіе февральскихъ дней застаётъ его врасплохъ. Одако, онъ быстро ориентуруется, разомъ и смѣло

присоединяется къ республикѣ и, ловко пользуясь промахами и бездарностью истинныхъ демократовъ, подготавливаетъ почву для бонапартизма, въ которомъ инстинктивно чувствуетъ своего величайшаго помощника. И дѣйствительно, съ воцареніемъ Луи Бонапарта начинается окончательная метаморфоза Гаспара Фикса. Онъ развертывается во всю, уничтожаетъ старую земельную аристократію, подчиняетъ себѣ церкви и создаетъ царство всесильнаго золотого тельца. «Деньги, деньги и девьги»—таковъ его единственный лозунгъ. Все подчиняется ему—политика, наука, религія. Фиксъ становится милліонеромъ, воротилой на бизнѣ, спекулянткомъ и учредителемъ массы предприятий. Онъ депутатъ, сенаторъ, мечтаетъ о графскомъ титулѣ,—предъ нами типъ современнаго буржуа, создающаго и направляющаго политику, покоряющаго дикія страны, открывающаго новые рынки и властно и презрительно управляющаго Франціей. Форма правленія, принципы для него ничто, потому что онъ постигъ великую тайну современности,—кто овладѣлъ экономическимъ полемъ борьбы, тотъ владыка міра. Онъ же несомнѣнно владѣетъ ключемъ современнаго хозяйства—капиталомъ, и потому также превосходно устраивается при новой республикѣ, какъ при королевскомъ и императорскомъ режимѣ. Даже лучше, ибо прежде король или императоръ и дорого стоили, и подчасъ были очень требовательны. Съ ними, какъ ни какъ, приходилось считаться. Современная же французская республика—вотъ истинное царство Гаспара Фикса, гдѣ онъ пишетъ законы, самъ ихъ выполняетъ и за все это очень дешево платитъ.

Герой повѣсти Эркмана-Шатриана не доживаетъ до этого расцвѣта и умираетъ наканунѣ гибели бонапартовскаго режима. Но какъ типъ, онъ вполне законченъ. Повѣсть написана нѣсколько схематична, кромѣ Гаспара, остальные персонажи не художественны и дѣланны, ихъ назначеніе—только отбѣнить разныя стороны главнаго героя. Благодаря сжатости изложенія, все вниманіе сосредоточено на Гаспарѣ, который подавляетъ все остальное и вырастаетъ въ эпическую фигуру титаническаго борца за личное благо, понимаемое въ самомъ узкомъ значеніи. Въ сравненіи съ нимъ, представители противоположнаго міровоззрѣнія благородные демократы, въ родѣ талантливаго доктора Лорана, слѣзкомъ ничтожны и подчасъ смѣшны своимъ благородствомъ тамъ, гдѣ требуется дѣйствовать, а не разводить умныя и высокія рѣчи. Это составляетъ крупный недостатокъ повѣсти, которая много выиграла бы, если бы жизненная перспектива была лучше выдержана и реальнѣе представлена. Тѣмъ не мѣняе, повѣсть заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ очень хорошая и общедоступная иллюстрація къ исторіи Франціи во второй половинѣ текущаго вѣка. Переводъ хорошъ и все изданіе выдержано во всѣхъ отношеніяхъ.

М. Ватсонъ. Джозуэ Кардуччи. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ Д. Кардуччи. Спб. 1899 г. Ц. 40 к. Въ свое время мы отмѣтили появленіе 1-го выпуска «Итальянской бібліотеки». Настоящій очеркъ представляетъ слѣдующій нумеръ этой интересно задуманной серіи брошюръ. Новая итальянская литература такъ мало знакома русской публикѣ, что можно только пожелать предпріятію г-жи Ватсонъ возможно большаго успѣха. Въ частности о Кардуччи можно сказать, что, несмотря на переводы отдѣльных его стихотвореній, нѣрѣдка попадавшіеся въ журнальной прессѣ, едва ли многіе у насъ имѣли о немъ какое бы то ни было общее представленіе. Эту о немъ г-жи Ватсонъ составленъ съ присущею ей серьезностью и тщательностью. Считаюсь, однако, съ указанной неподготовленностью русскаго читателя, по нашему мнѣнію, желательна была бы большая полнота историческихъ данныхъ о той средѣ, въ которой жилъ и писалъ Кардуччи. Въ его богатой литературной дѣятельности отражается вся исторія итальянскаго общества, начиная отъ великой эпохи Гарибальди до нашихъ дней, и г-жа Ватсонъ едва ли въ правѣ предполагать у своихъ читателей основательное знакомство съ этой исторіей. Мы думаемъ также,

что въ интересахъ читателей слѣдовало бы, хотя въ общихъ чертахъ, изобразить картину итальянской литературы за послѣднія 50 лѣтъ, дабы такимъ образомъ яснѣе выступила роль самого Кардуччи. Тѣ бѣглыя указанія, которыми ограничивается г-жа Ватсонъ, намъ представляются недостаточными въ этомъ отношеніи. При этомъ надо добавить, что авторъ разсматриваетъ Кардуччи почти исключительно какъ поэта, касаясь только слегка его публицистики и научныхъ работъ. Но и при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ нельзя не признать за даннымъ очеркомъ значительнаго интереса. Крупная фигура поэта-гражданина достаточно рельефно вырисовывается изъ образцовъ его стихотвореній, передаваемыхъ большею частью въ стихотворныхъ же переводахъ. Переводы эти, если и не особенно блестящи по формѣ, то, во всякомъ случаѣ, гладко и правильно передаютъ содержаніе подлинника. Отмѣтимъ только одинъ промахъ противъ стихосложенія, котораго бы слѣдовало безусловно избѣжать: два раза (стр. 23 и 48) г-жа Ватсонъ употребляетъ семистопные ямбы часто даже безъ цезуры—размѣръ, не допустимый ни въ одной просодіи.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Д'Оссонвиль. «Нужда, порокъ и благотворительность». — Н. Барсовъ. «Нѣсколько изслѣдованій».

Графъ Д'Оссонвиль. *Нужда, порокъ и благотворительность*. Перев. съ франц. Б. К. Ордина. Спб. 1899 г. Графъ Д'Оссонвиль—потомокъ доблестнаго Лафайета, но мужество его знаменитаго предка выродилось у него въ одну лишь смѣлость говорить трюизмы. Съ напыщенной серьезностью вѣщаетъ онъ истины, которыя давно уже стали достояніемъ самыхъ вульгарныхъ умовъ. Вся авторская скромность не мѣшаетъ ему не только признавать за собою, но и выдвигать на видъ свое достоинство: мужество имѣть свое мнѣніе. Книга испещрена подобными заявленіями автора: «я знаю, что смѣлость моихъ словъ такъ велика»... «быть можетъ, затрогиваніе подобныхъ вопросовъ покажется слишкомъ смѣлымъ, но оно необходимо»... «такъ какъ никогда не рано высказать смѣлую и парадоксальную мысль, то я и прошу позволенія объясниться»... «такъ какъ я въ смѣломъ настроеніи духа, то и пойду до конца въ изложеніи моей мысли»,—или въ формѣ вопросительной: «не будетъ ли слишкомъ смѣло съ моей стороны сказать?» и т. под.

Что же это за мысли, высказывая которыя, авторъ призываетъ «смѣлое настроеніе духа»? «Среди этихъ подлаживаній,—говоритъ онъ на стр. 5,—среди этихъ заблужденій и колебаній почти нѣтъ никого, кто бы посмотрѣлъ въ лицо этому вымышленному страху и кто бы мужественно произнесъ хотя бы такую, напимѣръ, рѣчь». Далѣе авторъ беретъ на себя рѣчь подобнаго мужественнаго оратора и въ пространномъ изложеніи заявляетъ, что соціальное неравенство не условно, что оно есть явленіе постоянное, ибо оно лежитъ въ природѣ вещей, забывая, что на ту же природу вещей ссылался еще Аристотель въ оправданіе рабства. Но особенную оригинальность выказываетъ графъ Д'Оссонвиль тогда, когда онъ взываетъ къ гуманнѣйшимъ чувствамъ своихъ соотечественниковъ. Упоминая о существующемъ въ Парижѣ «Убѣжищѣ для матерей» (*Asile maternel*), онъ сиѣшитъ оправдать названіе этого благотворительнаго учрежденія, глубококомысленно замѣчая: «Въ самомъ дѣлѣ, на этихъ незамужнихъ женщинъ, послѣ рожденія ими дѣтей, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на настоящихъ матерей» (стр. 85). Онъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы души падшихъ женщинъ постигало полное нравственное помраченіе. «Если у нѣкоторыхъ натуръ, совѣсть тушится и засыпается, то все же я не думаю, чтобы она совер-

шенно умирала» (стр. 101). Однако, высказавъ столь смѣлую и новую мысль, авторъ считаетъ не лишнимъ подкрѣпить ее ссылкой на Лекура. Больше рѣшительно остерегаетъ онъ читателей отъ мнѣнія, что «преступникъ—существо настолько отличное отъ насъ, такое ненормальное, такое чудовищное, что подъ грубою корою его испорченности не шевелится больше никакого человѣческаго чувства» (стр. 227). И въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ приводитъ примѣръ, какъ одинъ преступникъ выразилъ искреннюю благодарность своему защитнику на судѣ.

Но особенно неподражаемъ бываетъ гр. д'Оссонвилъ, когда онъ съ полной серьезностью высказываетъ истины, въ родѣ того, что если что-либо дѣлаешь, то слѣдуетъ дѣлать хорошо. «Если слѣдуетъ благотворить, то надо это дѣлать хорошо» (стр. 284). Иногда въ своей страсти къ подобнымъ обобщеніямъ авторъ достигаетъ истиннаго глубокомыслія. Говоря о положеніи несчастныхъ женщинъ, онъ заключаетъ: «если въ началѣ нельзя было избѣжать зла, всегда возможно было нѣчто сравнительно лучшее того, что было, а лучшее въ подобномъ существованіи не есть ли болѣе похвально, чѣмъ хорошее въ другихъ условіяхъ?» (стр. 97). Авторъ называетъ это «философскими» разсужденіями. «Не продолжая этихъ философскихъ разсужденій, я замѣчу»... переходить онъ къ дальнѣйшему изложенію.

Въ своихъ банальностяхъ авторъ, по крайней мѣрѣ, не измѣняетъ самъ себя, чего никакъ нельзя сказать о немъ, когда онъ пускается въ область болѣе серьезныхъ обобщеній. На стр. 161-й онъ разсматриваетъ фактъ возрастанія числа преступленій и касается вопроса о причинахъ этого явленія. «Объясненія такого возрастанія,—пишетъ онъ,—надо искать въ причинахъ моральнаго свойства, потому что *одны лишь моральныя причины объясняютъ великія явленія человеческой жизни*, и невозможно уклониться отъ неизбѣжности ихъ исканія». Какъ бы въ подтвержденіе столь категорически высказанной мысли всего черезъ нѣсколько страницъ, авторъ пишетъ: «Передъ нами неумолимая статистика, которая не допускаетъ въ данномъ случаѣ никакой иллюзіи. Вліяніе бѣдности на совершеніе преступленій написано въ ней большими буквами. Годы, отмѣченные въ исторіи экономической жизни Франціи, какъ годы неурожайныя—всегда ознаменовывались увеличеніемъ числа преступленій противъ чужой собственности» (стр. 169). Ниже (стр. 227) авторъ дѣлаетъ уже ссылку на этотъ фактъ. «Ничета остается, главнымъ образомъ, какъ мы это видѣли, основною причиною преступности», а еще далѣе пишетъ: «надо же сознаться, при вполнѣ ясномъ освѣщеніи вопроса фактами, что положеніе рабочихъ и занимающихся ручною работою, въ частности, прежде всего зависитъ отъ тѣхъ общихъ съ экономической точки зрѣнія условій, при которыхъ происходитъ промышленная работа народа, а что законодательство тутъ ничего не значитъ» (стр. 278). Въ виду всего сказаннаго, зачѣмъ же было на стр. 161-й тревожить «моральныя причины»?

Но графъ д'Оссонвилъ строить свои выводы не только на основаніи матеріаловъ науки и статистики, но и на основаніи непосредственнаго наблюденія и житейскаго опыта. «Очень полезно иногда вступать въ бесѣды со швейцаромъ», говоритъ онъ на стр. 70-й. И поговоривъ со швейцаромъ о послѣдствіяхъ брака для бѣдныхъ людей, онъ идетъ на одинъ изъ парижскихъ бульваровъ, куда приглашаетъ слѣдовать за собою и читателя, чтобы слѣдить за молодыми парочками, дальнѣйшей судьбѣ которыхъ онъ такъ соболѣзнуетъ. Мало того, авторъ испросилъ и получилъ разрѣшеніе помѣститься въ одной изъ клѣткообразныхъ повозокъ, называемыхъ на жаргонѣ парижскаго простонародья «курятникомъ», которыя три раза въ день собираютъ по камерамъ задержанныхъ лицъ и отвозятъ ихъ въ префектуру. Изъ описанія этой поѣздки мы узнаемъ, что въ «курятникѣ» было довольно тѣсно, что у автора

длинные ноги, а сосѣди у него были довольно противны. «Но чѣмъ-нибудь да приходится платить за пріобрѣтеніе опыта», самодовольно замѣчаетъ авторъ. Далѣе слѣдуетъ не лишнее интереса описаніе парижскихъ мѣстъ заключенія. Авторъ дѣлаетъ указанія о необходимости нѣкоторыхъ улучшеній, но въ заключеніе приходитъ къ оптимистическому выводу, что «префектура полиціи всегда стремится, когда ее предоставляютъ ей самой, къ тому, чтобы все дѣлать хорошо» (стр. 223).

Не будемъ приводить мнѣній автора о вредѣ безразборчивой подачи милостыни, о необходимости организаціи частной и общественной благотворительности,—все это стало уже общимъ мѣстомъ. Мы не считаемъ признакомъ особаго мужества, какъ это кажется автору, произносить имя благотворительности, безъ сопровожденія его бранью. Но съ другой стороны, мы отказываемся и видѣть въ нищетѣ лишь почву для упражненія въ добродѣтели достаточныхъ классовъ и примѣненія различныхъ благотворительныхъ опытовъ. Насколько серьезно относится самъ авторъ къ благотворительности и ея роли въ общественной жизни, наглядно показываетъ меланхолическое заключеніе главы объ «Общественной благотворительности». Говоря объ объединеніи въ дѣлѣ благотворительности всѣхъ благонамѣренныхъ людей, авторъ заканчиваетъ словами: «Скажутъ, это мечты. Хочу думать, что нѣтъ. Какъ бы то ни было, но развѣ нельзя позволить пометать тѣмъ, кто въ сердцѣ своемъ носитъ пламенную любовь къ Франціи и глубоко сожалеетъ о страданіяхъ нѣкоторыхъ изъ ея сыновъ, если бы даже мечты эти послужили только къ нѣкоторому утѣшенію въ печальной дѣйствительности!» Не далеко же «простираются мечты графа д'Оссонвиля!

Весь доходъ съ разсматриваемаго изданія поступаетъ полностью въ пользу С.-Петербургскаго дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ. И надо признать, что дѣна его—1 руб. за прекрасно изданный томъ въ 368 стр.—весьма умѣренна. Однако, цѣль изданія врядъ ли оправдываетъ его выборъ. Нуждающіяся образованныя женщины ничего не потеряютъ, если въ пользу ихъ будутъ издаваться серьезныя работы по вопросамъ благотворительности, которыхъ существуетъ не мало, а не образцы той высокопарной болтовни о серьезныхъ проблемахъ современности, какую находимъ мы въ книгѣ графа д'Оссонвиля. Читающая же публика, несомнѣнно, выиграетъ.

Проф. Н. И. Барсовъ. Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Спб. 1899. Настоящій сборникъ статей проф. Н. И. Барсова представляетъ собою продолженіе изданныхъ имъ въ 1879 г. «Историческихъ и критическихъ опытовъ». Содержаніе его такъ же, какъ и содержаніе «опытовъ», довольно разнообразно. Наряду со статьями, посвященными вопросамъ проповѣдничества (гомилетики): «Къ ученію о существѣ или природѣ христіанской литургійной проповѣди», «О возможныхъ улучшеніяхъ въ современной нашей проповѣди» и «О преподаваніи гомилетики въ семинаріяхъ», мы находимъ статьи, посвященныя историко-литературному изслѣдованію нѣкоторыхъ выдающихся произведеній всемірной литературы, изслѣдованія историческія («Кто былъ виновникомъ прекращенія опричнины при царѣ Иванѣ IV» и «Существовала ли въ Россіи инквизиція?»), воспоминанія и некрологи (объ И. А. Гончаровѣ, Н. А. Вышнеградскомъ и И. Т. Осининѣ) и, наконецъ, статьи публицистическія: «Вопросъ о религіозности русскаго народа въ современной печати», «Ю. Ө. Самаринъ въ 50-хъ годахъ» и др. Болѣе общій интересъ представляютъ статьи историко-литературныя и публицистическія. Первые изъ нихъ, посвященныя вопросу о литературномъ происхожденіи «Декамерона» Боккаччо и 20-ой главы романа Вольтера: «Цадигъ» имѣютъ, по утверженію автора, нѣкоторое значеніе для науки, являясь историко-литературнымъ открытіемъ. Сопоставляя XX-ую главу романа «Цадигъ», заключающую въ себѣ ученіе Воль-

*

тера о Провидѣніи, съ древне-французскимъ текстомъ VIII-ой главы стараго, распространеннаго въ теченіе XIV—XVI вѣка латинскаго сочиненія «Gesta Romanorum» («Римскія дѣянія»), авторъ приходитъ къ заключенію, что первое есть ничто иное, какъ буквальное повтореніе этой VIII-ой главы—настоящій плагиатъ во всемъ значеніи этого слова. Что касается сочиненія Боккачіо «Декамеронъ», то проф. Н. П. Барсовъ устанавливаетъ тѣсное генетическое соотношеніе между этимъ произведеніемъ и сочиненіемъ «Пиръ десяти дѣвъ» Меодія, епископа Тирскаго (III в.). При сопоставленіи оказывается, что не только внѣшняя форма сочиненія Боккачіо, но и весь складъ и тонъ рѣчи, даже отдѣльныя описанія, картины природы, а также во многихъ мѣстахъ фразеологія «Декамерона», очевидно, заимствована у автора «Пира десяти дѣвъ», нѣвѣшаго цѣлую свою зачатку христіанскаго цѣломудрія и дѣвства. Авторъ утверждаетъ, что въ «Декамеронѣ» великій итальянскій поэтъ преднамѣренно имитируетъ или, точнѣе говоря, пародируетъ «Пиръ» Меодія. Поставивъ своей задачей содѣйствовать возрожденію античнаго строя житейскаго быта и отношеній двухъ половъ въ смыслѣ эротически-эстетическаго наслажденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждый, можетъ быть, цѣли дискредитировать церковную мораль, скомпрометированную безнравственностью ея представителей, тогдашняго католическаго клира, Боккачіо прибѣгъ къ сильнѣйшему оружію своего таланта,— сатирѣ и юмору и, подражая «Пиру» Меодія, превзошелъ оригиналъ въ степени художественности.

Въ одной изъ наиболѣе интересныхъ статей сборника: «Вопросъ о религіозности русскаго народа въ нашей современной печати», проф. Н. Барсовъ сопоставляетъ и разбираетъ мнѣнія по этому поводу, высказанныя тремя крупными дѣятелями нашей литературы: Ф. М. Достоевскимъ, А. Д. Градовскимъ и К. Д. Кавелинымъ. Самъ онъ лично всецѣло примыкаетъ къ образу мыслей перваго изъ нихъ, т. е. убѣжденію, что «одною изъ существенныхъ чертъ русскаго національнаго гевія служитъ его (т. е. гевія?) православная религіозность, глубокое проникновеніе христіанскими началами жизни» (стр. 125). Это увлеченіе Достоевскимъ не даетъ автору возможности замѣтить въ его утвержденіяхъ явныхъ противорѣчій. Такъ, онъ приводитъ мнѣніе Достоевскаго, что «наша нищая неурядная земля, кромѣ высшаго своего слоя, вся какъ одинъ человекъ. Всѣ восемьдесятъ милліоновъ ея населенія представляютъ собою такое единеніе, какого нѣтъ нигдѣ и не можетъ быть. Это болѣе чѣмъ какой-либо другой народъ—организмъ». Всего черезъ нѣсколько страницъ приводится другая цитата изъ Достоевскаго: «Настоящихъ совершенныхъ христіанъ очень мало; но почему же вы знаете, сколько именно ихъ нужно, чтобы не умрала идеалъ христіанства въ народѣ». Симпатіи автора сказываются и въ неустойчивой, противорѣчивой оцѣнкѣ значенія К. Д. Кавелина. По поводу «Письма К. Д. Кавелина Ф. М. Достоевскому» авторъ говоритъ, что письмо это «есть послѣднее сконцентрированное выраженіе идей русскихъ западниковъ, о которыхъ съ полной справедливостью можно сказать, что они не знаютъ русскаго народа и судятъ о немъ, никогда не видавъ вблизи его жизни и нравовъ, не давая себѣ труда ознакомиться даже съ памятниками его духовнаго творчества, записанными и изданными уже много лѣтъ тому назадъ» (138 стр.). Однако, всего черезъ двѣ страницы онъ называетъ Кавелина «свѣдущимъ и компетентнымъ публицистомъ», которому болѣе чѣмъ кому либо другому прилично рѣшать литературные и научные вопросы.

Если вышеприведенныя мнѣнія съ трудомъ поддаются примиренію, то еще въ большемъ противорѣчій находятся сужденія автора, высказываемыя имъ о характерѣ русскаго двоевѣрія въ разбираемой статьѣ и въ статьѣ, помѣщенной ниже подъ заглавіемъ: «Элементы западничества въ русской народной словесности». «Указывали,—говоритъ онъ въ первой изъ нихъ,—и доселѣ указываютъ

на существованіе въ древней Руси и существующіе, будто бы, доселѣ остатки двоевѣрія въ русскомъ народѣ, т. е. на сознательное признаніе народомъ нѣкоторыхъ пунктовъ теоретическаго (?) міровоззрѣнія древняго язычества и исполненіе его обрядовъ. Относительно древняго двоевѣрія мы думаемъ, что оно имѣло уже въ то время характеръ не общерусскій, а мѣстный, т. е. существовало гдѣ-нибудь въ ростовской или новгородской области, но отнюдь не въ сферѣ культурнаго вліянія Кіева. Что касается позднѣйшаго двоевѣрія, то оно въ сознаніи народа давно утратило свой языческій смыслъ, и если гдѣ проявляется, то просто какъ черта бытовая, а не вѣроисповѣдная» (стр. 150).

Въ статьѣ: «Элементы западнячества въ русской народной словесности» проф. Н. Барсовъ касается вновь открытыхъ, народныхъ заклинаній. По утверженію автора, «этотъ видъ произведеній устной народной словесности нашей представляетъ доселѣ несомнѣнные признаки полной духовной русской народной самобытности». Онѣ, по буквальному выраженію автора, «вышли изъ самаго нутра русскаго народнаго духа», а потому «имѣютъ и наибольшую цѣнность, какъ матеріалъ для характеристики русскаго народнаго міровоззрѣнія въ его историческомъ развитіи» (стр. 219, 220). И что же? найденныя проф. Н. Барсовымъ въ одномъ судномъ дѣлѣ 1728 г. и относящіяся къ концу XVII вѣка народныя заклинанія, именно и характерны со стороны того, какъ глубоко проникало еще не такъ давно въ міровоззрѣніе русскаго человѣка то самое двоевѣріе, значеніе котораго ранѣе авторъ пытается ограничить. «Наиболѣе сильныя и энергическія заклинанія изъ найденныхъ мною,—пишетъ авторъ,—именно любовныя. Здѣсь заклинатель доходитъ до чисто фаустовскаго демонизма: «не благословясь и не перекрестясь»,—о чемъ нарочито заявляется въ началѣ заклинанія,—онъ идетъ молиться самому чорту, сидящему подъ толстыми оболочками въ глубокомъ омутѣ, о томъ, чтобы ему даны были въ желаемой мѣрѣ силы для одолѣнія любимой женщины. Въ остальныхъ заклинаніяхъ (напр., честолюбца, или мужа, просящаго о ненарушимости любви супружеской, и пр.) русскій человѣкъ остается вѣрнѣе самому себѣ, или, лучше сказать, своему исконному двоевѣрью: выходитъ въ чисто поле не иначе, какъ «благословясь и перекрестясь», хотя идетъ не за чѣмъ инымъ, какъ волхвовать, колдовать, т. е. завѣдомо нарушать заповѣдь своей вѣры» (стр. 223). Мало того, самый списокъ приведенныхъ заклинаній найденъ былъ у одного священника вологодскій епархіи, во время судопроизводства надъ нимъ по случаю неправильныхъ вѣщаній. Впновный объяснял, что онъ списалъ эти заклинанія для своего зятя священника съ другой рукописи, обращавшейся издавна въ народѣ «Какъ глубоко проникало, значить, суевѣріе волхвованій въ XV вѣкѣ въ жизнь народа,—восклицаетъ авторъ,—если оно нашло себѣ адептовъ даже въ клерикальномъ мірѣ, между самими священниками!» (стр. 224).

Но, если вмѣстѣ съ авторомъ признать, что сказавшееся въ приведенныхъ заклинаніяхъ настроеніе, дѣйствительно, вышло «изъ самаго нутра русскаго народнаго духа», то мы затрудняемся, какъ примирить все это съ тѣмъ, что говорилъ онъ о характерѣ русскаго двоевѣрія, возражая К. Д. Бавелинчу.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

«Сборникъ общихъ юридическихъ знаній».

Сборникъ общихъ юридическихъ знаній. Выпускъ первый. Подъ редакціей профессора Ю. С. Гамбарова. Спб. 1899 г. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. III+192. Цѣна 1 рубль. «Сборникъ» есть «начало болѣе обширнаго изданія, задуманнаго нѣкоторыми изъ лицъ, принимавшими участіе въ составленіи

программъ московской «комиссіи по организаціи домашняго чтенія». Составители желали восполнить недостатокъ въ русской литературѣ пособій, сколько-нибудь способныхъ удовлетворить нуждамъ читающей публики». Такимъ образомъ цѣль предлагаемаго изданія—популяризація социологическихъ и, въ частности юридическихъ знаній. Поэтому, разбирая редактированный проф. Гамбаровымъ «Сборникъ», мы должны принимать во вниманіе не только, въ какой мѣрѣ вошедшія въ него статьи удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ, но также и то, отвѣчаетъ ли ихъ содержаніе и изложеніе задачамъ «Сборника». Въ этомъ отношеніи мы можемъ сразу выдѣлить статьи гг. *Новгородцева и Горбунова*: «Право и нравственность» и «Развитіе государства въ Западной Европѣ». Это очень хорошія популярныя статьи, не имѣющія однако никакого самостоятельнаго научнаго значенія. Обѣ онѣ написаны весьма просто и понятно. Очеркъ г. Горбунова, кромѣ того, весьма содержателенъ, тогда какъ г. Новгородцевъ, по самому характеру своей темы, вынужденъ говорить общими мѣстами, которыя врядъ ли сильно подвинуть впередъ даже самаго неподготовленнаго читателя. Въ статьѣ г. Горбунова насъ только поразила одна фраза: «Крѣпостная зависимость крестьянскаго населенія въ Германіи, обезземеленіе его въ Англіи и непомерное обремененіе его налогами и повинностями во Франціи, а равно чрезмѣрное покровительство крупной мануфактурной промышленности, оказывавшееся во всѣхъ этихъ странахъ,—все это отвлекало капиталъ и трудъ отъ земли и приводило сельское хозяйство въ состояніе полнаго застоя и отсталости» (стр. 183). О какомъ времени говоритъ авторъ? Какъ видно изъ контекста, о XVIII в. Но, въ такомъ случаѣ, его фраза о застоѣ и отсталости сельскаго хозяйства совершенно непримѣнима къ Англіи, XVIII-й вѣкъ въ которой характеризуется приливомъ капиталовъ къ земледѣлю и техническимъ прогрессомъ послѣдняго, и по отношенію къ Германіи тоже должна быть обставлена цѣлымъ рядомъ оговорокъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ въ Германіи происходитъ обезземеленіе крестьянъ, вызываемое капиталистическимъ перерожденіемъ сельскаго хозяйства, и этотъ метаморфозъ былъ, конечно, тоже связанъ съ приливомъ капиталовъ къ землѣ и съ техническимъ прогрессомъ земледѣлія. Ваггелен предшествовало въ Пруссіи крестьянской реформѣ и ее во всѣхъ отношеніяхъ подготовило. Авторъ, кажется, забылъ, говоря о *минимомъ* отливѣ капитала и труда отъ земли въ Англіи XVIII в., что этотъ вѣкъ есть вѣкъ разцвѣта англійскаго *аграрнаго протекционизма*. Г. Горбуновъ захотѣлъ охарактеризовать одной фразой экономическое положеніе Англіи, Германіи и Франціи въ XVIII в. и, благодаря этому, получила самая грубая ошибка. Желательно, чтобы она была исправлена во 2-мъ изданіи «Сборника», которое несомнѣнно потребуетъ очень скоро. Въ общемъ, повторяемъ, статья г. Горбунова очень хороша.

Статья извѣстнаго историка учреждений г. *Ковалевскаго*, которою открывается «Сборникъ» (стр. 1—29), совѣщаетъ оригинальную научную цѣнность съ общедоступностью изложенія. Она посвящена вопросу о методахъ сравнительнаго изученія права и объ отношеніи сравнительно-историческаго правовѣдѣнія къ социологій.

Самая крупная по размѣрамъ статья «Сборника» принадлежитъ его редактору, *проф. Гамбарову*, и представляетъ сжатый очеркъ общей теоріи права («Право въ его основныхъ моментахъ», стр. 30—112). Изложеніе г. Гамбарова не вполне соответствуетъ цѣлямъ «Сборника»: оно слишкомъ трудно для того читателя, къ которому обращаются составители. Не всегда удачны и по существу разсужденія г. Гамбарова, напр., его полемика съ Берингомъ на стр. 80—82. Непонятно, о какихъ «неокантіанцахъ» говоритъ г. Гамбаровъ, приписывая имъ представленіе о религиозныхъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ, какъ о «врожденныхъ идеяхъ и абсолютныхъ требованіяхъ» (стр. 47). Авторъ почти совершенно игнорируетъ русскую литературу предмета, указанія на которую

были бы весьма полезны читателямъ и въ которой имѣется такой превосходный университетскій курсъ, какъ «Общая теорія права» Н. М. Коркунова. Какъ бы то ни было, очеркъ проф. Гамбарова можетъ быть съ пользой прочтенъ студентами юридическаго факультета, уже обладающими извѣстнымъ запасомъ юридическихъ знаній.

Наконецъ, статья г. Булакова «Хозяйство и право» совсѣмъ не мѣсто въ «Сборникѣ». Статья эта представляется намъ совершенно недоступной пониманію тѣхъ читателей, для которыхъ предназначаются подобныя изданія. Какъ научный трактатъ, она слишкомъ сжата (и въ то же время для научнаго трактата въ ней слишкомъ много мѣста удѣлено тому, что непосредственнаго отношенія къ предмету не имѣетъ), какъ популярный очеркъ, она непригодна, потому что опять-таки слишкомъ сжато трактуется о вещахъ, чрезвычайно трудныхъ и темныхъ. Авторъ желалъ выяснитъ основныя начала и границы социологическаго познанія въ связи съ принципами теоріи познанія вообще. Къ сожалѣнію, это ему не удалось, и получилось чисто-механическое соединеніе общихъ гносеологическихъ разсужденій съ нѣкоторыми соображеніями о соотношеніи между хозяйствомъ и правомъ. Осталось невыясненнымъ самое главное: что же такое хозяйство и что такое право? Штамплеръ, напр., даетъ совершенно ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но у г. Булакова мы такого отвѣта не находимъ. Бромъ того, остается совершенно неяснымъ, почему тотъ *формальный монизмъ*, котораго придерживается г. Булаковъ, долженъ вести за собой *материальный монизмъ* такъ называемаго материалистическаго пониманія исторіи. Эта неясность сама по себѣ, какъ намъ кажется, указываетъ на невыработанность гносеологическихъ воззрѣній автора, которая замѣчается и при обсужденіи другихъ вопросовъ. Такъ, авторъ *единственную социологическую реальность* видитъ (стр. 166—167) въ социальной жизни въ ея цѣломъ, и хозяйство и право разсматриваетъ, какъ простыя «абстракціи», «съ точки зрѣнія социальнаго познанія». Но г. Булаковъ нигдѣ не говоритъ, въ чемъ онъ видитъ критерій реальности, и почему части не могутъ быть такъ же «реальны», какъ цѣлое. Здѣсь авторъ самъ незамѣтно для себя подходитъ къ важнѣйшимъ проблемамъ теоріи познанія, но не только не рѣшаетъ, а даже и не ставитъ ихъ надлежащимъ образомъ, давая читателямъ какой-то суррогатъ рѣшенія... Несмотря на то, что статья г. Булакова насъ совершенно не удовлетворяетъ, мы не можемъ не признать, что по огромному значенію темы и по ея постановкѣ (не принадлежащей, впрочемъ, г. Булакову), изъ всѣхъ статей «Сборника» она представляетъ наибольшій интересъ. Умно написанная, она не можетъ пройти безслѣдно въ научной литературѣ социологіи вообще и материалистическаго пониманія исторіи въ частности. Но для того круга читателей, который нуждается въ популярной литературѣ, эта статья будетъ почти бесполезна.

Въ заключеніе мы можемъ только пожелать литературному предпріятію г. Гамбарова и его товарищей самаго широкаго распространенія. Всякій, прочитавшій «Сборникъ», если у него есть умственные запросы, вынесетъ изъ этого чтенія извѣстный запасъ знаній и духовнаго возбужденія.

СОЦИОЛОГІЯ.

Геркнеръ. «Рабочій трудъ». — Сидней Веббъ. «Положеніе труда въ Англіи за послѣдніе 60 лѣтъ». — Т. Роджерсъ. «Исторія труда въ Англіи». — Э. Вурмъ. «Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ».

Геркнеръ. Рабочій трудъ (?) въ Западной Европѣ. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. Цѣна 3 р. 1899 г. Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ переводъ сочиненія цюрихскаго

профессора Herkner'a «Die Arbeiterfrage». До сихъ поръ мы имѣли на русскомъ языкѣ изъ систематическихъ сочиненій по этому предмету только переводъ скучнаго и въ теоретическомъ отношеніи нигуда негоднаго труда Шенберга «Положеніе труда въ промышленности». («Рабочій вопросъ» Ланге въ счетъ идти не можетъ, такъ какъ въ немъ не содержится систематическаго изслѣдованія всего предмета въ его цѣломъ, а лишь философское освѣщеніе нѣкоторыхъ его сторонъ). Въ виду этого, появившійся на русскомъ языкѣ переводъ сочиненія Геркнера представляетъ для русскаго читателя, незнакомаго съ иностранными языками, цѣнное приобрѣтеніе. Геркнеръ, прежде всего, какъ всякій нѣмецъ, чрезвычайно обстоятельный человѣкъ; въ этомъ можно убедиться, взглянувъ въ оглавленіе книги: «профессиональные союзы рабочихъ», «страхованіе рабочихъ», «законодательство объ охранѣ рабочихъ», «потребительныя и производительныя товарищества», «рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ», «квартирный вопросъ», «движеніе въ пользу земельной реформы» — вотъ перечень главнѣйшихъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ Геркнеромъ; наряду съ этимъ цѣлый рядъ главъ посвященъ общему теоретическому изученію вопроса, а также исторіи социальнаго движенія въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы. Но отъ обычныхъ обстоятельныхъ нѣмцевъ Геркнеръ отличается тѣмъ, что не ограничивается однимъ нагроможденіемъ фактовъ, а главное вниманіе обращаетъ на критическое изслѣдованіе своей темы. По своему мировоззрѣнію Геркнеръ — ученикъ Brentano — принадлежитъ къ наиболѣе передовому, лѣвому крылу социаль-политическаго направленія. Въ нѣмецкой литературѣ мы не могли бы назвать изъ группы такъ-называемыхъ социаль-политиковъ *) ни одного имени, которое равнялось бы Геркнеру по широтѣ и безпристрастію общественныхъ взглядовъ его носителя, за исключеніемъ развѣ Зомбарта, стоящаго въ этомъ отношеніи совершенно одиноко и врядъ ли даже подходящаго подъ указанную группу. Въ Германіи, въ настоящее время, вообще можно подмѣтить начинающійся процессъ сближенія между идеями политическихъ представителей рабочаго движенія, съ одной стороны, и академикомъ — социаль-политикомъ — съ другой стороны. Съ тѣхъ поръ, какъ первые стали усматривать путь къ достиженію своего идеала въ социальныхъ реформахъ на почвѣ существующаго строя, и съ тѣхъ поръ, какъ — съ другой стороны — вторые начали видѣть въ социальной политикѣ не искусство власть отдѣльныхъ заплатъ на прорѣхи современнаго общества, а средство мирнаго внесенія въ него совершенно новыхъ началъ, — съ этихъ поръ создалась реальная основа для сближенія обѣихъ направленій. Новѣйшее «Бернштейнство» есть лишь одинъ изъ фазисовъ этого сближенія, причемъ, какъ это часто бываетъ, реакція противъ прежней отчужденности привела къ увлеченію противоположной крайностью. Во всякомъ случаѣ, однако, нѣкоторое духовное сродство между обѣими направленіями, сродство, обнаружившееся, напр., на цюрихскомъ конгрессѣ для охраны труда въ 1897 году, — могутъ отрицать только доктринеры того и другого лагеря. Для *полнаго* сліянія обѣихъ необходимо, прежде всего, чтобы социаль-политики внесли въ свою критику существующаго строя болшую принципиальность.

Такая принципиальность въ значительной мѣрѣ отсутствуетъ у лучшаго представителя социаль-политиковъ — Геркнера. Недостатки, или, какъ нѣсколько филистерски выражается Геркнеръ, «опасности» современнаго общественнаго строя намѣчены совершенно независимо другъ отъ друга; философское освѣщеніе всей темы въ ея цѣломъ, почти вполнѣ отсутствуетъ. Отсюда вытекаетъ также и нѣкоторый электизмъ (правда, гораздо меньшій, чѣмъ у другихъ

*) Которыхъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ социалистами или социаль-демократами.

коллегъ Геркнера по направленію) въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ мѣропріятій и направленій въ разрѣшеніи рабочаго вопроса; читатель не видитъ той общей точки зрѣнія, изъ которой вытекаетъ благопріятное или неблагопріятное отношеніе автора къ этимъ мѣропріятіямъ и направленіямъ; въ лучшемъ случаѣ эту точку зрѣнія можно только индуктивно угадать. Если оставить въ сторонѣ этотъ главный недостатокъ книги Геркнера, то, въ остальныхъ отношеніяхъ, книга почти не оставляетъ желать ничего лучшаго по рѣдкому соединенію популярности и научности въ разработкѣ темы.

Въ виду вышесказаннаго, легко понять, что наименьшими недостатками страдаютъ тѣ части сочиненія Геркнера, которыя посвящены разсмотрѣнію отдѣльныхъ сторонъ излагаемаго имъ вопроса. Во всѣхъ перечисленныхъ выше отдѣлахъ книги, Геркнеръ серьезно, безпристрастно и интересно излагаетъ свою тему, причемъ большинство высказанныхъ на эту тему мнѣній различныхъ авторовъ и направленій подвергаются критической оцѣнкѣ. Было бы неумѣстно разсматривать взгляды Геркнера на каждый частный вопросъ его темы. Остановимся лучше на нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ общественнаго міровоззрѣнія автора. Прежде всего, при чтеніи его труда пріятно поражаетъ—какъ рѣдкое исключеніе—его взглядъ на социальную политику. Задачи послѣдней Геркнеръ видитъ не въ частичной помощи «оскорбленнымъ и угнетеннымъ» вообще, а въ проведеніи въ общество болѣе совершенныхъ формъ общественного хозяйства. Въ виду этого, напр., Геркнеръ совершенно справедливо указываетъ на желательность вытѣсненія розничной торговли торговлей крупной. «Если подобный процессъ,—говоритъ онъ,—и можетъ, безъ сомнѣнія, быть очень печальнымъ для затронутыхъ имъ предпринимателей, то съ общественной точки зрѣнія противъ него ничего нельзя возразить. Вытѣсненіе мелкихъ предпріятій розничной торговли такими организаціями и предпріятіями, которыя выполняютъ свою функцію за низшее вознагражденіе, означаетъ экономическій прогрессъ» (стр. 75, ср. также стр. 161).

Изъ остальныхъ темъ, подвергнутыхъ Геркнеромъ обсужденію, остановимся прежде всего на его оцѣнкѣ кооперативнаго движенія. У насъ въ Россіи, кстаги сказать, распространены весьма смутныя представленія о характерѣ и успѣхахъ кооперативнаго движенія на Западѣ; благодаря такой смутности представленій, возможны мнѣнія, основывающія на успѣхѣ артельного движенія на Западѣ,—увѣренность въ успѣхѣ артельного движенія въ Россіи. Ближайшее знакомство съ вопросомъ должно безпощадно разрушить эту иллюзію. Производительныя ассоціаціи, по типу нашихъ артелей, на которыя, въ частности, возлагали такія большія надежды христіанскіе социалисты въ Англіи и разныя французскіе социалисты (Фурье, Бюше, Консидеранъ)—никогда не имѣли на Западѣ успѣха, а шансы ихъ на будущее еще слабѣе. Справедливо говоритъ Геркнеръ: «Рѣдко при какомъ-либо учрежденіи дѣйствительно достигнутые успѣхи такъ мало соответствовали возлагавшимся на него ожиданіямъ, какъ это случилось именно съ производительными ассоціаціями» (стр. 163).

Столь же справедливо и дальнѣйшее его мнѣніе, «что будущее не открываетъ никакихъ особенно благопріятныхъ перспективъ производительнымъ ассоціаціямъ». Успѣхъ кооперативнаго движенія выразился главнымъ образомъ въ чрезвычайномъ ростѣ потребительныхъ обществъ, за которыми прежде признавали столь ничтожное положительное, а подчасъ и исключительно отрицательное значеніе. Если мы не ошибаемся, впервые вопросъ о значеніи различныхъ типовъ кооперацій и о причинахъ ихъ сравнительнаго успѣха былъ теоретически выясненъ въ превосходной книгѣ Беатрисы Поттеръ (нынѣ Веббъ), «Cooperative Movement in Great-Britain». Идеи, высказанныя въ этой книгѣ, кажется, не имѣли никакого вліянія на представителей рабочаго движенія на континентѣ, а также не нашли себѣ отголоска въ научныхъ сферахъ. Здѣсь не мѣсто

подробно излагать эти идеи. Сущность ихъ заключается въ томъ, что только потребительныя товарищества соотвѣтствуютъ современному экономическому развитію и вліяютъ на него въ дѣйствительно реформаторскомъ направленіи. Геркнеръ не подвергаетъ критической оцѣнкѣ эти взгляды англійской экономистки, но по существу, повидимому, соглашается съ ними. Въ его книгѣ читатель можетъ найти чрезвычайно интересную рѣчь одного швейцарскаго дѣятеля, въ общемъ воспроизводящаго взгляды Поттеръ и указывающаго на принципиальное значеніе потребительныхъ обществъ (с. 167—169)*).

Изъ другихъ частей книги Геркнера отмѣтимъ чрезвычайно безпристрастное изложеніе взглядовъ социализма и коммунизма; критика этихъ взглядовъ довольно слаба: она опирается почти исключительно на новѣйшую Штаммлерову критику экономическаго матеріализма; какъ бы мы не относились къ послѣдней, во всякомъ случаѣ она носитъ чисто теоретическій характеръ и извлечь изъ нея какую бы то ни было опѣнку практической стороны социализма невозможно. Точно также и въ критикѣ анархизма Геркнеръ довольствуется повтореніемъ чисто абстрактной критики Штаммлера, основанной на ученіи послѣдняго о сущности права; отмѣтимъ также въ этой же главѣ грубую ошибку—смѣшеніе русскаго «нигилизма» съ анархизмомъ.

Сидней Веббъ. Положеніе труда въ Англии за послѣдніе 60 лѣтъ (Sidney Webb, Labour in the Longest Reign, 1837—1897, Issued under the Auspices of the Fabian Society) Спб. 1899. Юбилей королевы Викторіи—50-лѣтній въ 1887 и 60-лѣтній въ 1897 вызвали цѣлый рядъ сопоставленій положенія рабочихъ въ началѣ ея царствованія и въ настоящее время. Большая часть подобныхъ сопоставленій (напр. Progress of the Working classes during the last half-century Роберта Джиффена) страдаютъ понятнымъ въ юбилейныхъ изданіяхъ стремленіемъ подчеркнуть достигнутые результаты и замолчать обратную сторону медали. Небольшая статья Сиднея Вебба, извѣстнаго знатока экономической исторіи Англии, не отрицая указанныхъ другими экономистами успѣховъ, достигнутыхъ рабочимъ движеніемъ въ теченіе «Вѣка Викторіи», въ тоже время указываетъ на преувеличеніе ихъ. Общія выводы его заключаются въ томъ, что, конечно, положеніе рабочихъ классовъ существенно улучшилось. Заработная плата увеличилась и ея покупная сила возрасла; продолжительность рабочаго дня уменьшилась;—но этотъ прогрессъ не былъ всеобщимъ; «краснорѣчивыя таблицы Ч. Бутса показываютъ намъ, что 32% четырехмилліоннаго населенія Лондона относятся къ подраздѣленной имъ на четыре разряда бѣдность, среди которой цѣлыя семейства зарабатываютъ не болѣе гиней въ недѣлю... 300.000 лондонцевъ, которымъ не удастся зарабатывать въ недѣлю даже 18 шил. на семейство въ недѣлю, и которые живутъ въ состояніи «хронической нужды», никогда не были бѣднѣе, чѣмъ теперь. Ихъ число не могло быть выше въ городѣ, бывшемъ гораздо меньше въ 1837 г. А когда мы примемъ въ расчетъ трущобы другихъ большихъ городовъ и констатируемъ у насъ существованіе почти милліоннаго населенія (не говоря о томъ милліонѣ, который постоянно обращается къ помощи закона о бѣдныхъ), живущаго въ состояніи хронической нужды въ самомъ необходимомъ, то поймемъ, какииъ частичнымъ былъ, въ концѣ концовъ, нашъ прогрессъ». Точно также и пониженіе числа рабочихъ часовъ (на 20%, по мнѣнію Р. Джиффена) не коснулось нѣкоторыхъ многочисленныхъ разрядовъ рабочихъ. (Жельзно-дорожныхъ и трамвайныхъ рабочихъ, приказчиковъ, прислуги въ ресторанахъ, сидѣлокъ, рабочихъ у доменныхъ печей, сталелитейщиковъ и пекарей).

*) Въ настоящее время, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ извѣстной новой книги Вернштейна, вопросъ о принципиальномъ значеніи потребительныхъ обществъ поставленъ на очередь и среди политическихъ представителей нѣмецкихъ рабочихъ.

«Если въ 1897 г. мы и замѣчаемъ многосторонній прогрессъ по сравненію съ 1837 г., то все таки нельзя слишкомъ гордиться этимъ. Съ 1837 г. мы страшно немного поднялись, и было бы большей съ нашей стороны виной, если бы, при громадномъ ростѣ національнаго богатства, мы не сдѣлали за это время никакого успѣха». Объемъ брошюрки не позволяетъ автору обстоятельно доказывать свои положенія, а только иллюстрировать ихъ нѣсколькими яркими примѣрами,—но, благодаря этому, она дѣлается доступной для широкаго круга читателей.

Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англии съ XIII по XIX вѣкъ. (*Six centuries of work and wages*). Переводъ съ англійскаго В. Д. Каткова, магистранта политической экономіи Спб. 1899. Ц. 3 р. «Если бы чартисты въ 1897 г. попробовали сопоставить свое время съ 1787 г. и составили бы себѣ ясное представленіе объ общественномъ положеніи средняго рабочаго, то по всѣмъ вѣроятіямъ, констатировали бы положительное пониженіе жизненныхъ потребностей большей части народонаселенія: *Corresponding society*, вѣроятно, отмѣтило бы подобное же явленіе, если бы сдѣлало въ 1787 г. соответствующее дѣйствительности сравненіе между упомянутымъ и 1737 годами». Эти слова Сиднея Вебба находятъ себѣ обстоятельное подтвержденіе, основанное на детальной разработкѣ громаднаго фактическаго матеріала, въ извѣстной книгѣ Торольда Роджерса, недавно появившейся въ русскомъ переводѣ.

Первыя главы книги посвящены древнѣйшей экономической исторіи Англии, въ особенности описанію древняго англійскаго помѣстья (*manor*) съ его сложной структурой и съ различными классами подвластнаго лорду земледѣльческаго населенія, изъ котораго, мало-по-малу, путемъ освобожденія отъ личной зависимости съ замѣною барщины денежною платой, — выработался безземельный рабочій пролетаріатъ. Благодаря богатству англійскихъ архивовъ, Роджерсу не трудно было показать, что со времени древнѣйшихъ англійскихъ лѣтописей, почти въ теченіе трехъ столѣтій, англійскій рабочій жилъ въ избыткѣ и съ надеждой еще болѣе улучшить свое положеніе. Особенно благоприятное вліяніе на положеніе рабочаго класса оказали два важныхъ событія XIV вѣка: голодъ 1315—16 годовъ и чума 1349 г., сократившіе значительно численность рабочихъ и потому явившіеся причиною сильнаго повышенія (по Роджерсу, болѣе 50%) заработной платы. Вліяніе этихъ событій было такъ велико, что не могло быть парализовано въ теченіе цѣлаго столѣтія никакими законодательными попытками ограниченія высоты заработной платы, не смотря на суровыя наказанія, которымъ подвергались за нарушеніе «статута о рабочихъ» какъ рабочіе, такъ и работодатели. Громадные убытки, которые несло крупное землевладѣніе, побудило лордовъ сдѣлать попытку вернуться къ прежней системѣ — обработки полей барщиннымъ трудомъ, — что, по мнѣнію Роджерса, было причиною возстанія Уота Тайлера (1381 г.). Роджерсъ не приводитъ достаточно убѣдительныхъ доказательствъ этой гипотезы, и Эшли правъ, указывая, что это возстаніе могло имѣть и другія причины: настойчивое требованіе со стороны лордовъ выполненія тѣхъ натуральныхъ повинностей, которыя еще не были замѣнены денежною платой; злоупотребленія правомъ лордовъ налагать штрафы въ маноріальныхъ судахъ; существованіе нѣкоторыхъ унижительныхъ повинностей виллановъ; наконецъ, распространеніе идей Виклефа. Возстаніе было подавлено самымъ жестокимъ образомъ и при помощи удивительной безразборчивости въ средствахъ, но цѣль его была все таки достигнута: попытки вернуть барщину прекратились и крѣпостные обратились въ арендаторовъ по обычаю (*tenants by custom*). Съ XVI в. начинается упадокъ благосостоянія рабочаго класса, подѣ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ: выпуска низкопробной монеты расточительнымъ Генрихомъ VIII (сдѣлавшимъ болѣе кого бы то ни было зла

рабочимъ классамъ и вообще промышленному развитію Англіи); конфискаціи гильдейскихъ имуществъ; огораживанія общинныхъ земель для развитія овцеводства; уничтоженія правъ крестьянъ на пастбища и топливо изъ лѣсовъ; таксаціи заработной платы мировыми судьями, которые всегда были крупными землевладѣльцами и устанавливали, въ интересахъ своего класса, такія нормы заработной платы, что ее постоянно приходилось пополнять изъ приходскихъ суммъ въ пользу бѣдныхъ; закона о приходской осѣдлости; хлѣбныхъ законовъ, которыя покровительственными пошлинами доводили цѣны на хлѣбъ чуть ли не до «голодныхъ» цѣнъ; тяжелые налоги—слѣдствіе постоянныхъ войнъ; наконецъ, суровое преслѣдованіе рабочихъ организацій, на которые, путемъ софистическихъ толкованій, было распространено дѣйствіе законовъ о заговорахъ. Эгого рядъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ рабочихъ, служить достаточнымъ основаніемъ для слѣдующаго заявленія Роджерса: «Я утверждаю, что съ 1563 (годъ изданія закона о таксаціи заработной платы мировыми судьями) по 1824 г. въ Англіи существовалъ заговоръ, названный закономъ и проведенный въ жизнь заинтересованными классами съ цѣлью отнять у рабочаго его заработокъ, приковать его къ землѣ, лишить всякой надежды и повергнуть въ неизлѣчимую бѣдность... Слишкомъ два съ половиной вѣка англійскіе законы и ихъ служители стремятся низвести рабочаго до полуголоднаго существованія, подавить въ зародышѣ всякое дѣйствіе и всякое выраженіе, указывающее на недовольство, и задавить его наказаніями, когда человекъ начинаетъ вспоминать о своихъ естественныхъ правахъ. Меня не могутъ ввести въ заблужденіе лицемерныя фразы, обыкновенно служащія введеніемъ въ законы: эти красивые слова всегда стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ детальными постановленіями закона. Такъ, напр., въ законѣ Елисаветы заявляется, что «заработная плата слишкомъ низка и не соотвѣтствуетъ условіямъ времени»; далѣе говорится о «нуждѣ и обремененіи бѣднаго рабочаго и наемника»; между тѣмъ, этотъ то самый законъ и понизилъ заработную плату работника, увеличилъ его нужду и обремененіе, потому что онъ то и сдѣлалъ тѣхъ, которые заинтересованы въ томъ, чтобы держать работника въ бѣдности, судьями его заработной платы; онъ-то и далъ право требовать отъ рабочаго свидѣтельство, написанное его прежними работодателями, приходскими попечителями и надзирателями за бѣдными, когда рабочий хотѣлъ поступить на новое мѣсто, оставляя прежнее». Эпоха введенія машинъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря отсутствію законодательнаго огражденія дѣтскаго и женскаго труда и вообще интересовъ рабочаго класса, была временемъ величайшихъ страданій рабочихъ. Озлобленіе ихъ противъ машинъ, въ которыхъ они видѣли главнаго своего врага, дошло до того, что явилась потребность въ законѣ, угрожающемъ за разрушеніе машинъ смертною казнью... Раздраженіе и гнѣвъ рабочихъ классовъ возрасли, наконецъ, до крайности; страна покрылась тайными обществами и суровыми репрессіями противъ соціальныхъ волненій не достигли цѣли. Все это было причиною возникновенія въ 20-хъ годахъ фабричнаго законодательства: въ 1824 г. отмѣненъ законъ о коалиціяхъ; около того же времени проведенъ рядъ законовъ объ охранѣ дѣтей на фабрикахъ и т. д. Важнѣе всего была отмѣна законовъ о коалиціяхъ, благодаря которому сдѣлалось возможнымъ образованіе и развитіе тредъ-юніоновъ, сослужившихъ громадную службу англійскимъ рабочимъ. Такимъ образомъ, XIX столѣтіе является вѣкомъ частичнаго прогресса рабочихъ классовъ, что, впрочемъ, не даетъ еще права слишкомъ торжествовать, потому что еще далеко до возвращенія «потеряннаго рая» рабочихъ, т. е. того уровня благосостоянія, на которомъ они находились въ XV в.

Книга Роджерса пользуется слишкомъ большою извѣстностью, чтобы нуждаться въ рекомендаціи; если она и не легко читается, благодаря множеству

отступленій и отсутствію стройнаго плана, то съ другой стороны она даетъ такую массу фактическихъ данныхъ, что является необходимымъ пособіемъ для всякаго, желающаго изучать экономическую исторію Англіи.

Э. Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ. Ихъ питаніе, квартиры, доходы, косвенные налоги. болѣзни и смертность. Редакція Д. Протопопова. Пер. съ нѣмецкаго М. Мандельштама. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Изученіе рабочихъ бюджетовъ есть лучшее средство для оцѣнки положенія рабочей массы, и указанная книжка Вурма представляетъ образцовое изслѣдованіе этого рода. 1-ая глава посвящена питанію рабочихъ, въ которомъ, по словамъ автора, главнымъ образомъ, выражается образъ жизни населенія, его *standard of life*. Опираясь на физиологическія данныя объ обмѣнѣ веществъ въ человѣческомъ организмѣ, онъ доказываетъ, что въ Германіи рабочая семья изъ трехъ взрослыхъ (или 2 взрослыхъ и 2—3 дѣтей), должна тратить, по крайней мѣрѣ, 360 рублей ежегодно, чтобы правильно питаться. По пути, онъ даетъ надлежащую оцѣнку лицемѣрнымъ попыткамъ союза фабрикантовъ «Благо рабочихъ» научить своихъ рабочихъ хозяйничать «хорошо» и «дешево». Книжка эта даетъ совѣты, какъ приготовить обѣдъ для взрослого за 4,5 коп.! Вотъ меню этого обѣда для 4 взрослыхъ: 3 фунта кислой капусты, 5 фунт. картофеля и $\frac{1}{4}$ фунта свѣжаго свиного сала. Понятно, что подобное питаніе должно вести къ быстрому истощенію организма и смерти.

Во II-й главѣ авторъ переходитъ «къ другому, часто недоступному въ достаточной мѣрѣ и слышкомъ дорогому для рабочаго класса средству питанія» — къ воздуху, т. е. къ квартирному вопросу. Минимальная физиологическая норма требуетъ въ жиломъ помѣщеніи 1,5 куб. сажени воздуха, и то при существованіи вентиляціи, рабочей же въ Германіи имѣетъ не болѣе 1 саж.

Въ III-й главѣ авторъ приводитъ немногіе детально разработанные рабочіе бюджеты, которые ему удалось найти въ нѣмецкой литературѣ и сопоставляетъ ихъ съ физиологическими нормами. Важное значеніе въ этой главѣ имѣютъ многочисленныя методологическія указанія и особенно вопросный листъ, рекомендуемый имъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Было бы полезно, чтобы подобные листы были приняты и русскими изслѣдователями рабочаго быта, потому что такимъ путемъ получились бы данныя, пригодныя для сравненія съ другими странами. Конечно, у насъ будутъ нужны нѣкоторыя измѣненія вопросныхъ пунктовъ: профессиональные и политическіе союзы, расходы на страхованіе и пр. Вопросный листъ Вурма, напр., не предусматриваетъ того, что на одну кровать въ рабочей квартирѣ можетъ приходиться отъ 2-хъ до 6-ти человѣкъ (въ среднемъ 2,8) (см. М. Покровская, «Петербургскіе рабочіе», *Вѣстн. Евр.* 1899, мартъ).

Далѣе, авторъ останавливается на обложеніи косвенными налогами. Оказывается, что чѣмъ менѣе доходъ, тѣмъ большій процентъ съ него идетъ на уплату такихъ налоговъ.

IV-я глава занимается вопросомъ о доходахъ рабочихъ. Основываясь, главнымъ образомъ, на податныхъ таблицахъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что доходы свыше 900 р. имѣютъ только 10 % населенія, т. е., что только 10% населенія имѣютъ возможность выполнять требованія нормальнаго бюджета. Эти же податные списки показываютъ, что между 1879 и 1890 г. въ Германіи совершался процессъ объединенія массъ въ то время, какъ отдѣльныя единицы богатѣютъ.

Въ послѣдней главѣ авторъ указываетъ на результатъ вынужденнаго пренебреженія требованіями физиологій—чрезмѣрную болѣзненность и смертность рабочихъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Д. С. Милль. «Основаніе политической экономіи».—Д. Н. Кейнс. «Предметъ и методъ политической экономіи».—Гунисъ. «Физиократы».

Милль. Основанія политической экономіи. Переводъ подъ редакціей О. И. Остроградскаго. Изданіе Ф. А. Іогансена. 1899 г. *Habent sua fata libelli!* Быть можетъ, ни на одной книгѣ не отразилось значеніе этого изреченія въ большей степени, чѣмъ на судьбѣ «Политической Экономіи» Милля въ Россіи. Благодаря прекрасному переводу этого сочиненія въ «Современникѣ», а главнымъ образомъ, благодаря извѣстнымъ «примѣчаніямъ» переводчика, идеи Милля въ 60-хъ годахъ обратили на себя всеобщее вниманіе въ Россіи. Наряду съ Ковтѣмъ и Боклемъ, онъ былъ, вѣроятно, самымъ популярнымъ писателемъ у русской «читающей публики». «Примѣчанія къ Миллю», правда, мало затрагивали чисто-теоретическіе, абстрактные вопросы экономической науки, съ которыми имѣетъ дѣло Милль, и заключающаяся въ этихъ «примѣчаніяхъ» критика въ этомъ отношеніи внесла мало новаго. За то «примѣчанія» блестяще вскрывали общественно философское міросозерцаніе, лежащее въ основѣ системы Милля и вообще классической школы и подвергали это міросозерцаніе мастерской критикѣ, мѣстами граничащей съ геніальностью. Эта-то сторона ученія Милля и привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ знаменательную «эпоху 60-хъ годовъ», которую, вполнѣдствіи, Салтыковъ мѣтко охарактеризовалъ, какъ «хорошее и свѣтлое, но не особенно умное время», былъ впервые выдвинутъ на первый планъ вопросъ о томъ, быть или не быть въ Россіи западно-европейскому экономическому строю. Въ эти, обильные чудесами, дни казалась очень правдоподобной мысль, что стоитъ только всѣмъ честнымъ и умнымъ людямъ столкнуться между собой о томъ, какое общественное состояніе слѣдуетъ признать наилучшимъ,—и это состояніе будетъ водворено. Неудивительно, поэтому, что вопросъ о будущемъ экономическомъ развитіи Россіи сводился тогда просто къ вопросу, представляетъ ли западно-европейскій экономическій строй идеалъ, которому нужно подражать, или нѣтъ. Чернышевскій и взялся показать тѣ недостатки, которыми страдаетъ экономическая жизнь на западѣ и тѣмъ предостеречь своихъ соотечественниковъ отъ слѣдованія по ошибочному пути. Система Милля служила ему средствомъ и для критики капиталистическаго строя, и для опроверженія обычныхъ фритредерскихъ предразсудковъ. Именно это общественное значеніе работъ Чернышевскаго доставило громкую популярность одновременно и Миллю, и его комментатору. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Для русскихъ публицистовъ уже прекратилась надобность самостоятельно обосновывать критику капиталистическаго строя съ тѣхъ поръ, какъ на западѣ отрицательное отношеніе къ нему стало общимъ мѣстомъ всѣхъ прогрессивныхъ направленій. вмѣстѣ съ тѣмъ, народническая критика капитализма, родоначальникомъ которой былъ Чернышевскій и которая въ своемъ послѣднемъ выводѣ ограничивалась лишь совѣтомъ не вводить этотъ капитализмъ, потеряла всякое значеніе, съ тѣмъ поръ какъ капитализмъ, не спрашиваясь ничьихъ совѣтовъ, прочно обосновался въ Россіи, и съ тѣхъ поръ какъ обнаружилась возможность совсѣмъ иной его критики. Мѣсто Милля занялъ Марксъ, Милля перестали читать, его взгляды не возбуждаютъ интереса и если его имя упоминается, то только для того, чтобы присоединить къ нему эпитетъ «буржуазный экономіи».

Насколько основательно подобное всеобщее презрительное отношеніе къ Миллю? Конечно, отношеніе къ писателю не со стороны тѣхъ или иныхъ научныхъ круговъ, а со стороны всего общественнаго мнѣнія страны никогда не основано на простой ошибкѣ или случайности: «народы—говорить Гейне—

инстинктивно чувствуютъ, что имъ нужно для выполненія ихъ миссій». Самый фактъ равнодушнаго отношенія къ идеямъ Милля есть поэтому уже достаточное доказательство устарѣлости этихъ идей, ихъ несоответствія нуждамъ и запросамъ современности. И если мы поднимаемъ вопросъ о современном значеніи Милля, то мы думаемъ не о той широкой массѣ читателей, которые ищутъ въ книгѣ только откровенія, и которые образуютъ «общественное мнѣніе», а лишь о тѣхъ читателяхъ, которые стремятся расширить свой кругозоръ путемъ внимательнаго и безпристрастнаго изученія разнообразныхъ теченій общественной науки. Для такихъ-то людей, по нашему мнѣнію, Милль не только можетъ, но и долженъ представлять еще и теперь серьезный интересъ.

Всякое крупное произведеніе въ области общественныхъ наукъ представляетъ двоякій интересъ, во-первыхъ, съ точки зрѣнія, лежащей въ его основѣ общественно-философской, публицистической мысли, и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія чисто-научной, съ точки зрѣнія того, что оно даетъ для теоретическаго изученія общественныхъ явленій». Милль интересенъ съ обоихъ точекъ зрѣнія, но въ различномъ отношеніи. Какъ публицистъ, онъ сохранилъ по *преимуществу* историческій интересъ. Борьба между двумя противоположными общественными теченіями, индивидуализмомъ и социализмомъ, эта борьба, представляющая самое характерное и знаменательное явленіе умственной жизни нашего вѣка, составляетъ центральное мѣсто всѣхъ произведеній Милля и задаетъ тонъ всѣмъ его идеямъ. Съ этой точки зрѣнія личность Милля представляетъ выдающійся интересъ, въ виду совершенно исключительнаго положенія, въ которомъ онъ стоитъ по отношенію къ этой борьбѣ. Онъ стоитъ на перепутьи обоихъ мировоззрѣній. Воспитанный своимъ отцомъ, подъ влияніемъ идей наиболѣе послѣдовательныхъ и радикальныхъ индивидуалистовъ—идей Бентама и французскихъ материалистовъ, онъ, впослѣдствіи, съ замѣчательной искренностью перешелъ въ противоположный лагерь. Однако, вполне отрѣшиться отъ стараго онъ не смогъ; борьба обоихъ направленій во всю его жизнь осталась для него собственной душевной борьбой. Его симпатіи все болѣе склонялись на сторону новаго, но какъ теоретикъ онъ остался представителемъ стараго мировоззрѣнія. Все это ярко отразилось въ его «Политической экономіи». Теоретическая часть ея является весьма послѣдовательною, выработанною системой экономическаго индивидуализма; все, что Милль внесъ новаго въ науку, не выходитъ за предѣлы развитія старыхъ положеній и ничуть не противорѣчитъ идеямъ классической школы (за исключеніемъ развѣ отказа отъ теоріи фонда заработной платы, которой онъ былъ прежде яркимъ защитникомъ; но онъ не замѣтилъ даже, какую брешь въ старомъ зданіи теоріи проломила въ его взглядѣ на такой, повидимому, частный вопросъ). За то тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ его идеалахъ, о его взглядѣ на будущее, Милль становится рѣшительно на сторону новыхъ идей». Въ этомъ отношеніи особенно интересны знаменитыя главы «о неподвижномъ состояніи» и «о вѣроятномъ будущемъ рабочихъ классовъ». «Неподвижное состояніе» было вѣчнымъ пугаломъ для классической экономіи, которая съ ужасомъ предвидѣла неизбѣжное, по ея мнѣнію, прекращеніе накопленія капитала, что было для нея равносильно концу міра. Поэтому взгляды Милля на этотъ вопросъ должны были ей казаться не менѣ еретическими, чѣмъ тезисы Лютера—католической церкви. «Я не могу—говоритъ Милль—смотреть на неподвижное состояніе капитала и богатство съ такимъ безусловнымъ отвращеніемъ, какое обыкновенно выказывали къ нему экономисты старой школы. Я склоненъ думать, что въ общемъ это положеніе было бы значительно лучше настоящаго. Сознаюсъ, меня вовсе не прельщаетъ идеалъ жизни, который питаютъ люди, считающіе, что естественное состояніе человѣка есть борьба за существованіе; что положеніе, при которомъ каждый топчетъ, тѣснитъ, расталкиваетъ и преслѣдуетъ другихъ по пятамъ—представляющее современ-

ный типъ соціальной жизни—есть самая желательная участь человѣчества, а не печальный симптомъ одного изъ фазисовъ экономическаго развитія». Еще рѣзче разошелся Милль съ взглядами «старой школы» по вопросу о будущности рабочихъ классовъ. Дѣленіе общества на классы капиталистовъ и рабочихъ казалось «старой школѣ» столь естественнымъ и неизбѣжнымъ, что у нея даже и не возникалъ вопросъ объ измѣненіи этого состоянія. Милль, напротивъ, рѣшительно заявилъ, что «при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго прогресса, когда идеи равенства ежедневно все шире и шире распространяются въ бѣднѣйшихъ классахъ и уже не могутъ сдерживаться никакими мѣрами, ... нельзя ожидать, чтобы могло на долго удержаться раздѣленіе человѣчества на два наследственныхъ класса—работодателей и рабочихъ». Правда, путь къ такому измѣненію общественнаго строя былъ указанъ Миллемъ крайне поверхностно—онъ видѣлъ залогъ лучшаго будущаго только въ одномъ кооперативномъ движеніи, причемъ даже не замѣчалъ особаго различія въ этомъ отношеніи между производительными и потребительными союзами—но уже само указаніе на неизбѣжность паденія стараго порядка въ устахъ человѣка, который въ теоретическомъ отношеніи глядѣлъ глазами этого порядка, значило уже многое.

Съ другой стороны, Милль представляетъ интересъ, какъ теоретикъ-экономистъ. Его «Политическая экономія» есть наиболѣе послѣдовательное и систематическое изложеніе системы классической экономіи. Не отличаясь оригинальностью Смита и Рикардо, онъ превосходитъ ихъ систематичностью и живостью изложенія, и кто хочетъ познакомиться со взглядами классической школы, тотъ не можетъ обойтись безъ изученія Милля. Знакомство же это настоятельно необходимо не для однихъ лишь специалистовъ. Ничто не можетъ быть нелѣпѣе обычнаго у насъ предразсудка, что знакомство съ одной системой Маркса можетъ дать удовлетворительное знаніе экономической науки. Это невѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, самого Маркса можно понять, только зная взгляды его предшественниковъ. Во-вторыхъ, очень многіе теоретическіе вопросы совсѣмъ не затронуты у Маркса, или затронуты лишь мимоходомъ. Укажемъ, напр., на теорію рыночныхъ цѣнъ, на ученіе о международной торговлѣ, на теорію кредита, наконецъ, на теорію рынковъ, о которой недавно такъ много говорили. Наконецъ, въ третьихъ, недоконченность труда Маркса и все болѣе ощущаемая потребность въ критической провѣркѣ его системы сами по себѣ требуютъ знакомства съ иными системами. Реакція въ пользу классической экономіи, давно уже смѣнявшая на западѣ періодъ огульной ея критики, несомнѣнно наступитъ и у насъ, какъ только будетъ признана вся недостаточность распространеннаго у насъ экономическаго образованія.

Въ теоретическомъ отношеніи Милль является представителемъ болѣе позднаго теченія классической экономіи. Благодаря тому, что его публицистическія идеи переросли его теоретическіе взгляды, эти послѣдніе лишены у него той внутренней стройности и той глубины, которыми они отличались отъ Рикардо и Смита. Въ его произведеніи мы не видимъ уже отголосковъ идей «естественнаго права», одушевлявшихъ раннихъ классиковъ и давшихъ имъ возможность отличить, хотя и не вполне точно, внутреннюю сущность капиталистическаго строя отъ его вѣншихъ чертъ. Милль не проникаетъ такъ глубоко, какъ его предшественники, въ изучаемыя имъ явленія; его заслуга, наоборотъ, состоитъ въ томъ, что онъ послѣдовательно развиваетъ чисто эмпирическіе законы экономической жизни. Такъ, вмѣсто труда, какъ основы мѣновой цѣнности, у него развито ученіе объ издержкахъ производства; это было послѣдовательно, такъ какъ уже Рикардо самъ указывалъ на непрочность избраннаго имъ мѣрила цѣнности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, утрачивалось всякое соціологическое значеніе теоріи цѣнности. не говоря уже о томъ, что сведеніе цѣнности на издержки, т. е. на сумму другихъ цѣнностей, вовсе не есть разрѣшеніе вопроса. «Сред-

няя цѣна» называется у Милля уже не «естественной», какъ у Рикардо и Смита (что придавало отгѣнокъ желательности и разумности), а просто «необходимой цѣной». Самый взглядъ на мѣновую цѣнность у Милля также послѣдовательно-односторонень. Подъ мѣновой цѣнностью онъ подразумѣваетъ просто мѣновое отношеніе между товарами, и, за этимъ отношеніемъ, не видитъ въ цѣнности ничего бѣльшаго. Отсюда его ученіе объ относительности понятія цѣнности, о невозможности общаго подъема цѣнъ и т. д. У Рикардо же, наоборотъ, наряду съ мѣновой цѣнностью имѣется еще «реальная цѣнность» (real value), нѣчто абсолютное, независимое отъ обмѣна и только обнаруживающееся въ немъ,—дѣленіе, впоследствии развитое Марксомъ. Во всемъ этомъ обнаруживается слабая сторона системы Милля; но это же отсутствие глубокаго философскаго базиса облегчило Миллю изслѣдованіе конкретнаго механизма экономическихъ явленій, тогда какъ у прежнихъ классиковъ эти общіе стороны теоріи часто смѣшивались другъ съ другомъ къ обоюдной невыгодѣ (особенно у Смита). Отсюда у Милля подробное развитіе ученій о спросѣ и предложеніи и образованіи рыночныхъ цѣнъ, о денежномъ обращеніи, о кредитѣ, о международной торговлѣ. Большинство этихъ ученій до сихъ поръ еще представляютъ серьезный научный интересъ. Укажемъ, напр., на количественную теорію денегъ, которая далеко не можетъ считаться опровергнутой. Теорія международной торговли, со временъ Милля, не подвинулась почти ни на шагъ впередъ, за исключеніемъ немногихъ добавленій къ ней у Кюрна и Сиджвика, и представляетъ изъ себя замѣчательно стройное ученіе, изъ котораго еще предстоитъ сдѣлать много выводовъ. Въ краткой рецензій, разумѣется, нельзя дать изложеніе и критику всѣхъ этихъ ученій, и потому мы должны ограничиться простыми указаніями на нихъ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ мы должны отнести вполне сочувственно къ новому переводу «Политической экономіи» Милля. Къ сожалѣнію, переводъ этотъ мѣстами не вполне удовлетворителенъ, а изданіе, подобно всѣмъ изданіямъ фирмы Югансона, и совсѣмъ неудовлетворительно.

Джонъ Невиль Кейнсъ. Предметъ и методъ политической экономіи. Переводъ съ англійскаго А. Гуновскаго. Съ предисловіемъ приватъ-доцента московскаго университета А. А. Мануилова («Научно-образовательная библиотена»). Москва 1899 г. Стр. IV + 278. Цѣна 50 коп. Мысль перевести книгу Кейнса на русскій языкъ нельзя не признать удачной. Правда, русская литература обладаетъ уже переводомъ извѣстнаго трактата Менгера о «методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ частности» и составленной по Менгеру приличной компилятивной диссертаціей г. Левицкаго. Кейнсъ менѣе оригиналенъ, чѣмъ Менгеръ, но его книга содержитъ болѣе разнообразный матеріалъ, очень хорошо приспособленный къ образовательному уровню такъ называемаго средняго читателя. Это не значить, чтобы книга Кейнса не отличалась и научными достоинствами. Ея авторъ—широко образованный философъ, хорошо знакомый, повидимому, съ англійской экономической литературой. Знакомство его съ нѣмецкой литературой по политической экономіи довольно поверхностно и почти исключительно ограничивается спеціально методологической литературой. Между тѣмъ, самые крупные нѣмецкіе экономисты-теоретики (Тювенъ, Родбертусъ, Марксъ) о методѣ политической экономіи ничего не писали. Даже съ австрійской школой Кейнсъ знакомъ очень недостаточно, что, конечно, неблагоприятно отражается на его изложеніи.

Авторъ занимаетъ посредствующее мѣсто между такъ называемою абстрактно-дедуктивной школой и исторической и въ общемъ высказываетъ вѣрные и философски правильно обоснованные методологическіе взгляды. У него, однако, недостаточно развито столь важное ученіе о «соціальныхъ предпосылкахъ» политической экономіи въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ ученія

о хозяйственныхъ явленіяхъ, происходящихъ на почвѣ современнаго общественнаго уклада, характеризующагося раздѣленіемъ труда внутри общества. Впрочемъ, и по этому вопросу, Кейнсъ высказываетъ правильные взгляды, но почему-то удѣляетъ имъ мѣсто не въ самомъ центрѣ изложенія, а въ дополненіяхъ (см. «Дополненія къ главѣ IX. А. О границахъ примѣнимости экономическихъ истинъ» стр. 221—235).

Очень полезна даже для специалистовъ гл. VIII «Символическій и начертательный методы въ политической экономіи», трактующая о примѣненіи математики къ проблемамъ политической экономіи. Кейнсъ справедливо указываетъ, что «политическая экономія имѣетъ существеннымъ своимъ предметомъ количественныя отношенія и слѣдовательно опирается на математическія понятія», но, съ другой стороны, «количественныя отношенія, въ концѣ концовъ, могутъ быть ясно выражены словами обыкновенной рѣчи и, слѣдовательно, можно признавать необходимость тщательнаго количественнаго анализа, не желая въ то же время прибѣгать къ помощи математическихъ знаковъ». Авторъ примыкаетъ къ совершенно вѣрному взгляду Курно и Эджворта, сформулированному послѣднимъ въ слѣдующихъ словахъ: «Необходимо твердо установить, что математическій анализъ, вопреки обычному мнѣнію, примѣнимъ не только къ такимъ вопросамъ, въ которыхъ можно располагать числовыми данными. Гдѣ имѣются данныя, хотя и не *числовыя*, но все же *количественныя*,—напр., дано, что какая-либо величина *больше* или *меньше* другой, что она *возрастаетъ* или *убываетъ*, что она *положительная* или *отрицательная*, что она представляетъ *maxim* или *minim*,—тамъ математическій анализъ возможенъ, а иногда и необходимъ. Возьмемъ простой примѣръ: *a* больше *b*, а *b* больше *c*,—слѣдовательно, *a* больше *c*. Здѣсь математическое разсужденіе примѣнимо къ величинамъ, которыя могутъ и не поддаваться числовому опредѣленію» (Edgeworth, «Mathematikal Psychics», цит. у Кейнса, стр. 192, прим.). Дополненіе къ главѣ X, озаглавленное «О нѣкоторыхъ предосторожностяхъ, необходимыхъ при пользованіи статистикой въ экономическихъ изслѣдованіяхъ» (стр. 264—278), собственно непосредственнаго отношенія къ методологій политической экономіи не имѣетъ, но написано чрезвычайно вразумительно и прочтется съ пользою всякимъ лицомъ, приступающимъ къ изученію *методологій статистическихъ изслѣдованій*. Указанія Кейнса могли бы пригодиться даже нѣкоторымъ русскимъ профессорамъ статистики, напр., г. Барышеву. Его вниманію мы особенно рекомендуемъ § 2 названнаго «дополненія», озаглавленный «толкованіе первичныхъ статистическихъ данныхъ». Знакомство съ этимъ § могло бы избавить почтеннаго доктора политической экономіи и статистики отъ тѣхъ чисто ученическихъ промаховъ, на которыя ему указывали и въ литературѣ, и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ (см. пренія въ Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ по докладу Туганъ-Барановскаго «Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи»).

Въ заключеніе мы можемъ лишь самымъ настоятельнымъ образомъ рекомендовать книгу Кейнса всѣмъ лицамъ, приступающимъ къ изученію политической экономіи. Она не открываетъ новыхъ горизонтовъ, но сообщаетъ въ хорошемъ изложеніи уже выдержавшіе научное испытаніе методологическіе взгляды. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы мы лично считали методологію политической экономіи сказавшей свое послѣднее слово, которое оставалось бы только протоколнировать. Наоборотъ, мы думаемъ, что она наканунѣ реформы на философскихъ основаніяхъ, боѣе широкихъ и глубокихъ, чѣмъ тѣ, около которыхъ верѣлся знаменитый споръ между сторонниками абстрактнаго метода и представителями «историзма». Но пока эта неизбежная реформа, толчокъ къ которой должна дать критическая теорія познанія, не произведена, книга Кейнса можетъ считаться очень хорошей и относительно самой полной сводной работой по методологій политической экономіи.

Переводъ весьма хорошъ. Напрасно только авторъ «*economical man*» переводитъ «человѣкъ экономикѣ», а не «экономической человѣкъ», и употребляетъ плеоназмъ «налоговое обложеніе». Никакого другого *обложенія*, кромѣ того, которое заключается въ *налогахъ*, экономическая наука не знаетъ.

Гиггсъ. Физиократы. Переводъ подъ редакціей П. Струве. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 50 к. («Образовательная бібліотека», серія 2-я № 6). Ученія экономической школы, извѣстной во Франціи XVIII вѣка подъ названіемъ школы физиократовъ или экономистовъ, за послѣднее десятилѣтіе начали снова интересовать спеціалистовъ. Физиократовъ начинаютъ усердно изучать, и изслѣдованія Онкена, Шелля, Бауера, а также открытіе послѣднимъ оригинала «экономической таблицы» Кенэ, являются результатами этого изученія. Пробужденіе интереса къ идеямъ физиократовъ объясняется отчасти эволюціей экономической науки, отчасти же нѣкоторыми событіями дня. Физиократы впервые выработали систематическое ученіе о народномъ хозяйствѣ; они первые начали заниматься изученіемъ не извѣстныхъ практическихъ вопросовъ экономической политики—что составляло задачу писателей изъ группы меркантилистовъ—а всего народнаго хозяйства въ его цѣломъ, и притомъ не въ той или другой опредѣленной странѣ, а народнаго хозяйства, какъ такового. Заглавіе сочиненія одного изъ предшественниковъ физиократовъ, Капильона: «*Théorie de commerce en général*», какъ справедливо говоритъ Гиггсъ, ярко обнаруживаетъ переходъ политической экономіи изъ области искусства въ область науки. При современныхъ успѣхахъ экономической науки, и въ частности, при пробужденіи интереса къ чисто теоретическому изученію науки, естественно, обратила на себя вниманіе первая школа теоретической экономіи, а любовь къ историко-литературнымъ изслѣдованіямъ (въ особенности у нѣмцевъ) была благодарной почвой для успѣха изученія научныхъ предковъ современныхъ экономистовъ. Съ другой стороны, теперь снова выступилъ на очередь аграрный вопросъ, которому посвящена важнѣйшая часть трудовъ физиократовъ, и это, безъ сомнѣнія, не осталось безъ вліянія на отношеніе современной науки къ физиократамъ.

Къ сожалѣнію, переведенная на русскій языкъ книжка Гиггса о физиократахъ не принадлежитъ къ числу особенно удачныхъ работъ въ этой области. Гиггсъ, повидимому, весьма свѣдущій человѣкъ, но онъ совершенно лишенъ дара обобщенія, дара отвлеченія существеннаго отъ второстепеннаго, что столь необходимо въ историко-литературныхъ работахъ. Поэтому его трудъ даетъ весьма обстоятельную *внѣшнюю* исторію физиократической доктрины, т. е. исторію физиократическихъ книгъ и писателей, но онъ совсѣмъ не даетъ ни *внутренней* исторіи идей, ни даже послѣдовательнаго ихъ изложенія. Весьма поверхностна также оцѣнка Гипсомъ тѣхъ фактовъ современной физиократамъ экономической дѣятельности, которые вызвало ихъ ученіе. Изъ ошибочныхъ по существу взглядовъ Гипса отмѣтимъ его пренебрежительное отношеніе къ Летрону (*Le Trosne*), котораго онъ называетъ «популяризаторомъ» и которому, въ качествѣ такового, посвящаетъ лишь нѣсколько строкъ. Въ дѣятельности Летрона, авторъ очень интереснаго сочиненія «*De l'interêt social*», долженъ считаться, послѣ Тюрго и Кенэ, лучшимъ *теоретикомъ* физиократическаго ученія. Его полемика съ Кондильякомъ по вопросу о теоріи цѣнности не потеряла своего значенія и для нашего времени.

Въ общемъ, трудъ Гиггса можетъ служить удобной справочной книжкой, но никакъ не руководствомъ къ изученію вопроса. Въ этомъ отношеніи тѣмъ не многимъ свѣдѣніямъ о физиократахъ, которыя въ русской литературѣ содержатся въ I-мъ томѣ «Происхожденія современной демократіи» Максима Ковалескаго, а также въ статьѣ о физиократахъ г. Герценштейна, напечатанной въ началѣ 90-хъ годовъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», надо отдать безусловное предпочтеніе.

*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го августа по 15-е сентября 1899 года.

- В. Клей.** Чахотка, какъ социальное явленіе, пер. д-ра-мед. Яроцкаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Масай.** Рассказы и очерки. Нижн.-Новг. 1899 г. Ц. 50 к.
- В. Львовъ.** Народная школа. Книга для чтенія. Старшій возрастъ. Ч. I (съ 212 рис.). Москва. Ц. 70 к.
- Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1897 годъ.** Изд. Мин. Фин. Спб. 1899 г.
- Проф. I. Ранке.** Человѣкъ. Пер. подъ ред. Д. Коропчевскаго. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе», вып. 7-й.
- Шмидтъ и Палибинъ.** Естественно-историческій атласъ. Вып. II. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 5 р. по подпискѣ.
- Меньшиновъ.** Дѣти. Вып. 9-й «Этико-художественной библіотеки». Москва. 1899 г. Ц. 20 к.
- Проф. Кернеръ фонъ-Марилаунъ.** Жизнь растений. Пер. подъ ред. проф. Бородина. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Ц. за 30 вып. 12 р. 80 к.
- Отчетъ о состояніи и дѣятельности общества взаимнаго вспомошествованія учащимъ и учившимъ Томской губ.** 1899 г. Павлищевъ. Кончина А. С. Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- В. Зимницкій.** Способы и приемы обученія правописанію. Москва. 1899 г. Ц. 40 к.
- Ежъ.** На разсвѣтѣ. Повѣсть. Изд. Орѣхова «Новая библіотека». Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Короленко.** Совѣ Макара. Святочный рассказъ. Изд. Дорошенко. Спб. 1899 г. Ц. 8 к.
- П. Мериме.** Матео Фальконе. Изд. Дорошенко. Спб. 1899 г. Ц. 5 к.
- Маминъ-Сибирякъ.** Оворникъ. Изд. Орѣхова «Новая библіотека». Спб. 1899 г. Ц. 8 к.
- Э. Шатрианъ.** Гаспаръ Фиксъ. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1900 г. Ц. 65 к.
- Э. Демолень.** Отчего зависитъ превосходство англо-саксонской расы. Одесса. 1899 г. Ц. 1 р.
- Творенія Платона.** Пер. Влад. Соловьева. Т. I. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Серафимовъ.** Стихотворенія. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.
- Альфредъ Деберль.** Исторія Южной Америки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Позняковъ.** Соловьиный садъ и другіе рассказы. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- Его же.** «Было бы болото». Спб. 1899 г.
- Б. Вейнбергъ.** Работа и энергія. Четыре общедоступныхъ научныхъ бесѣды. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.
- В. Битнеръ.** Вѣрить или не вѣрить? (съ 43 рис. въ текстѣ). Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Энциклопедическій словарь.** Ф. Павленкова (съ 224 полнотипажамы). Ц. въ колѣнк. перепл. 3 р. Спб. 1899 г.
- Гѣисли Розенталь.** Основы физиологія. Съ 118 рис. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899 г. Ц. 2 р.
- Ф. Заринъ.** Стихотворенія. Спб. 1899 г.
- Френе.** Сборникъ задачъ по аналізу безконечно малыхъ. Часть I-я. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Отчетъ за 1897—1898 гг.** Общества для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ. Спб. 1899 г.
- С. Красножонъ.** Налогъ на спиртъ. Юрьевъ. 1899 г.
- Его же.** О разводѣ въ Россіи. Историч. очеркъ. Юрьевъ. 1899 г.
- Его же.** Сборникъ учено-литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ. 1899 г. Ц. 2 р.
- Гиляровъ.** Что такое философія. Кіевъ. 1899 г.
- П. Назанскій.** Н. Х. Палаузовъ (биографическая замѣтка). Спб. 1899.
- А. Дымчевскій.** Думки. Стихотворенія. Ростовъ-на-Дону. 1899 г. Ц. 70 к.
- А. Готье.** Алкалоиды жира тресковой печени. Спб. 1899 г. Изд. книжн. маг. Эриксонъ.

- Зубаревъ. Человѣчество на пути къ истинѣ. XX вѣкъ. Варшава. 1899 г. Ц. 40 к.
- Ганнушкинъ. Народонаселеніе, какъ самостоятельный факторъ въ экономической эволюціи. Москва. 1899 г.
- Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Календарь земледѣльца на 1900 годъ. Спб. 1899 г. Ц. 6 к.
- П. Астровъ. Дѣти подмостковъ. Спб. 1899 г.
- Н. Павловъ. Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ. Ч. I 15 к. Ч. II 20 к. Казань. 1899 г.
- Гѣтчинсонъ. Вышершія чудовища. Изд. Научно-образов. библіотеки. Москва. 1899 г. Вып. 6 и 7. Ц. 45 к.
- Коммерческая энциклопедія. М. Ротшильда. Изд. Форселесса. Спб. 1899 г.
- Пришлые сельско-хозяйственные рабочіе въ Херсонской губ. Докладъ земскаго санитарнаго врача Хижнякова. Херсонъ. 1899 г.
- Отчетъ Борисоглѣбской публичной библіотеки за 1898 годъ. Борисогл. 1899 г.
- И. И. Янмуль. Сосѣдскія гильдіи. Изд. Этико-художественной библіотеки. Москва. 1899 г. Ц. 20 х.
- Киплингъ. Чудо Пуранъ Багата. Изданіе Этико-худож. библ. Москва. 1899 г. Ц. 15 к.
- И. Потапенко. Забытый пономарь. Повѣсть. Изд. Этико-художественной библіотеки. Москва. 1899 г. Ц. 25 к.
- Д-ръ М. Флѣри. Патологія души (съ 14 рис. въ текстѣ). Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Georges Harley or the Life of a London Physician*» by M-r Alex. Tweede (Scientific Press). (Джорджъ Гарлей или жизнь лондонскаго врача). Докторъ Гарлей много потрудился для науки и покрылъ неувыдаемою славою свое имя, но извѣстенъ былъ среди своихъ современниковъ не только какъ ученый врачъ, но и какъ большой оригиналь. Про него ходила масса всевозможныхъ анекдотовъ и рассказы о его выходкахъ переходили изъ устъ въ уста. Двацати шести лѣтъ онъ былъ профессоромъ физиологiи въ Лондонѣ и первый поставилъ преподаванiе этой науки на должную высоту. Но, помимо своихъ научныхъ трудовъ, Гарлей прославился еще своимъ добрымъ сердцемъ столько же, сколько и своими странностями. Жизнь его очень интересна, такъ какъ полна всевозможныхъ приключенiй. Онъ даже былъ приговоренъ къ расстрѣлианiю, попавъ въ руки австралийскому патрулю, принявшему его за шпиона, но спасся бѣгствомъ, преодолевъ массу препятствiй. (Daily News).

«*A Study of Mary Wollstonecraft and the Rights of Woman*» by Emma Rauschenbusch - Clough. (Longmans, Green and Co). (Мэри Уолстонкрафтъ и права женщины). Въ этой небольшой, прекрасно изданной книжкѣ, заключается биографiя Мэри Уолстонкрафтъ, пионерши женскаго движенiя и защитницы правъ женщины, выступившей въ литературѣ въ 1792 г. съ большимъ сочиненiемъ въ пользу эмансипацiи женщины. Въ этомъ первомъ трудѣ Мэри Уолстонкрафтъ находится все, что относится къ исторiи освобожденiя женщины и идею равноправiя. Авторъ биографическаго очерка знакомитъ читателей съ литературною и педагогическою дѣятельностью этой выдающейся женщины и въ заключительной главѣ говоритъ о тѣхъ радикальныхъ перемѣнахъ, которыя произошли съ тѣхъ поръ во взглядахъ общества на природу и положенiе женщины въ свѣтъ и семьѣ и во взаимныхъ отношенiяхъ мужчинъ и женщинъ. (Bookseller).

«*Les transformations du pouvoir*» par. M. Tarde. (Превращенiе власти). Изсѣдовать въ своихъ прекрасныхъ работахъ образованiе, развитiе и логическую эволюцiю различныхъ социальныхъ явленiй (религiя, языкъ, преступность, мода и т. д.). Тардъ примѣняетъ теперь свой методъ къ «превращенiямъ, которымъ подверглась власть». Въ началѣ онъ говоритъ о происхожденiи политической жизни, исходя изъ того принципа, что политическая власть занимаетъ такое же мѣсто въ наци, какъ сознательная воля въ мозгу человека, и высказываетъ мнѣнiе, что власть имѣетъ семейное происхожденiе, объясняя этимъ престижъ старости и силы — истинныхъ источниковъ власти. Далѣе Тардъ говоритъ о семьяхъ, соединившихся вмѣстѣ для образованiя городовъ, и городахъ, которые вмѣстѣ составили нацiю. Очень интересны и краснорѣчивы главы, въ которыхъ авторъ объясняетъ роль подражанiя въ политической жизни и указываетъ, что политическое подражанiе болѣе заразительно, нежели экономическое. Онъ изсѣдуетъ законы, влияющiе на зарожденiе и развитiе партiй, значенiе оппозицiи и роль печати и подробно, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за различными превращенiями власти. (Journal des Débats).

«*Nel mondo dell' infanzia*» Lino Ferriani. (Въ мирѣ дѣтей). Авторъ не безъ основанiя находитъ, что современная педагогика недостаточно знакома съ дѣтскою психологiей и вслѣдствiе этого-то оружье, которымъ она располагаетъ, часто обращается противъ нея. Ферриани указываетъ на вредъ, приносимый абсолютною и безконтрольною диктатурой «*pater familias*», на дурныя послѣдствiя слишкомъ ранней дрессировки ума, на замѣну воспитанiя обученiемъ. Чтобы заставить ребенка учиться, педагоги злоупотребляютъ могущественнымъ, но въ то же время и опаснымъ оружиемъ, возбуждая соревнованiе и развивая такимъ образомъ въ нѣжной душѣ ребенка сѣмена зависти и злости. (Revue des Revues).

«*Funafutti; or three Months on a Coral Island.* By M-r Edgeworth David. (Murray). (Три мѣсяца на коралловомъ островѣ). Авторъ называетъ своимъ занимательную книгу: «не научнымъ описаніемъ научной экспедиціи», которая была организована сиднейскимъ университетомъ для разрѣшенія спорнаго вопроса о происхожденіи коралловыхъ острововъ. Островъ Фунафутти, на которомъ авторъ провелъ три мѣсяца, -- одинъ изъ множества коралловыхъ острововъ, кольцомъ окружающихъ лощину, имѣющую тринадцать миль въ длину и одиннадцать въ ширину. Этотъ архипелагъ находится въ трехъ дняхъ пути отъ Самоа. Фунафутти -- маленький островъ, имѣющій въ длину семь миль, а въ ширину полмили, но покрытый роскошно тропическою растительностью и представляетъ настоящій земной рай. Авторъ описываетъ жителей острова, ихъ нравы и образъ жизни и миссіонерскую дѣятельность, которая принесла уже хорошіе результаты, уничтоживъ многие жестокіе обычаи и смягчивъ нравы. Интересна также исторія заселенія этого маленькаго острова.

(Athaeneum).

«*Social England*, edited by H. Traill. London. (Cassell). (Соціальная Англія). Вышелъ четвертый томъ этой интересной исторической энциклопедіи. Каждая глава обнимаетъ огромную часть столѣтія и въ отдѣльныхъ очеркахъ изображаетъ различныя стороны жизни націи: политику и дипломатію, войны и военное искусство, флотъ и колониальныя предпріятія, воспитаніе, нравы, здоровье, сельское хозяйство, пауперизмъ, организацию труда, монетной системы и накопленіе богатствъ, литературу и прогрессъ идей, промышленность и изобрѣтенія. Всѣ отдѣльныя статьи написаны специалистами по данному вопросу. Четвертый томъ посвященъ XVII вѣку и въ немъ заключается чрезвычайно интересное описаніе соціальной жизни и эволюціи нравовъ республиканской Англіи отъ 1642 до 1660 годъ.

(Literary World).

«*L'organisation de la Paix par Emile Arnaud.* (Организація мира). Авторъ, состоящій президентомъ международной лиги мира и свободы, излагаетъ въ этой брошюрѣ послѣдовательныя фазы развитія идеи мира и исторію пропаганды мира въ Европѣ.

(Revue internationale).

«*M. Dooley in peace and war*» by F. P. Dunne (Richards). (Мистеръ Дюлей во время войны и мира). Чрезвычайно остроумная и ѣдкая сатира на испано-американскую войну, увлеченіе американцевъ военными успѣхами и т. п. Но въ этой сатирѣ одинаково достается и побѣдителямъ и побѣжденнымъ.

(Literary World).

«*Reminiscences*» by Justin Mc Carthy (Chaito and Windus). (Воспоминанія). Извѣстный ирландскій дѣятель Макъ-Кэрти въ своихъ воспоминаніяхъ, обнимающихъ почти полугодовой періодъ современной англійской исторіи, знакомитъ читателей съ чрезвычайно интересными страницами этой исторіи, съ ирландскимъ движеніемъ и различными англійскими политическими дѣятелями, съ которыми Макъ-Кэрти былъ связанъ многолѣтнею дружбой. Воспоминанія Макъ-Кэрти написаны въ отрывочной формѣ; онъ самъ говоритъ, что онъ писалъ ихъ такъ, какъ они возникали у него въ головѣ. Но отъ этого живость и занимательность разсказа не теряетъ нисколько. Онъ былъ знакомъ со всѣми выдающимися англійскими женщинами и мужчинами нашей эпохи къ какъ журналистъ и издатель онъ зналъ многихъ дѣятелей еще раньше своего вступленія въ парламентъ. Воспоминанія его избилуютъ интересными эпизодами и анекдотами изъ парламентской и общественной жизни Англіи, но, безспорно, самую интересную часть книги представляетъ та, въ которой авторъ разсказываетъ о Парнеллѣ, съ которымъ его связывала долговременная дружба, начавшаяся въ тѣ времена, когда они оба еще были неизвѣстными людьми. Дружба эта пережила расколъ парламентской партіи и даже избраніе Макъ-Кэрти на мѣсто Парнелля. Авторъ знавалъ также Диккенса, Теккерея, Карлейля, Теннисона и др., а во время своей поѣздки въ Америку познакомился съ Эмерсономъ, Лонгфелло и др. Интересны также его воспоминанія о личныхъ сношеніяхъ съ Гладстономъ, Джономъ Брайтомъ, Черчилломъ и многими другими парламентскими дѣятелями.

(Athaeneum).

«*The Martyrdom of an Empress*» (Harper and Brothers). (Мученичество одной императрицы). Незвѣстный авторъ этой книги, очевидно посвященный во всѣ тайны придворной жизни, разсказываетъ очень любопытную исторію жизни покойной австрійской императрицы и трагической смерти ея сына, кронпринца Рудольфа. Эта исторія въ первый разъ появляется въ печати въ такомъ видѣ и историческія подробности разсказа ясно указываютъ, что авторъ занималъ такое положеніе при австрійскомъ дворѣ, которое давало ему возможность все знать и видѣть, и находится въ близкихъ отношеніяхъ съ дѣйствующими лицами этой драмы.

(Daily News).

«*A Thousand days in the Arctic*» by Frederik G. Jackson. (Harper and Brothers). (Тысяча дней въ арктической области). Прекрасно иллюстрированное, двухтомное изданіе, заключающее въ себѣ повѣствованіе Джексона о его трехлѣтнемъ пребываніи въ арктической области, представляетъ цѣн-

ный вкладъ въ литературу полюса. Экспедиція Джексона была организована въ видахъ изслѣдованія Земли Франца-Иосифа, которая считается обширнымъ материкомъ и лучшею дорогою къ полюсу. Изысканія, произведенныя Джексономъ, привела его однако къ заключенію, что этимъ путемъ невозможно приблизиться къ полюсу. Экспедиціи пришлось выносить страшно тяжелыя климатическія условія, но, благодаря ея пребыванію на Землѣ Франца-Иосифа, были спасены Нансенъ и его товарищъ Югансенъ.

(Daily News).

«Théories sociales et politiques» par Ernest Charles. (Fasquelle). (Соціальныя теоріи и политики). Авторъ съ величайшимъ безпристрастіемъ изучаетъ всѣ современные соціальныя вопросы и современныхъ политическихъ дѣятелей Франціи, такъ что въ книгѣ его отражается вся соціальная исторія парламента со времени республики. Въ своей безпристрастной оцѣнкѣ авторъ не щадитъ не только мертвыхъ, но и живыхъ дѣятелей, и теперь еще подвизающихся на сценѣ французской политической жизни.

(Revue internationale).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ:

1. Жизнь европейских народовъ. Часть I. Жители юга. Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: болгаръ, сербовъ, черногорцевъ, турокъ, албанцевъ, румынъ, грековъ, итальянцевъ, испанцевъ, португальцевъ, французовъ и швейцарцевъ. Въѣсть съ характеристиками народныхъ нравовъ даны описанія мѣстной природы и государственнаго устройства. Къ книгѣ приложены 26 оригинальныхъ рисунковъ худ.: Васнецова, представляющихъ типы названныхъ народовъ. (Книга въ 570 стр. большого формата). Цѣна книги 3 р. 75 к.; въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к. Изд. 5-е, исправленное и дополненное.

2. Жизнь европейских народовъ. Часть 2-я. Жители сѣвера. Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: англичанъ, шотландцевъ, ирландцевъ, голландцевъ, бельгійцевъ, норвежцевъ, шведовъ и датчанъ. Къ книгѣ приложено 24 рисунка худ.: Васнецова и Панова, представляющихъ типы названныхъ народовъ. Цѣна книги 3 р. 75 к. Въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к. Изд. 4-е.

3. Жизнь европейских народовъ. Часть 3-я. Жители средней Европы. Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: нѣмцевъ Германіи и Австріи, сербовъ-лужичанъ, словенцевъ, чеховъ, словаковъ, русинъ, поляковъ и венгерцевъ. Къ книгѣ приложено 26 рисунковъ. Цѣна 3 р. 75 к.; въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к. Изд. 2-е.

4. На отдыхъ. Иллюстрированные рассказы для маленькихъ дѣтей. Книга отпечатана на толстой альбомной бумагѣ съ 40 картинками въ текстѣ. Цѣна книги въ папкѣ 1 р. 35 к.; безъ переплета 1 р.

5. Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей съ 24 картинками, рисованными художниками Пановымъ, Савицкимъ и Бухгольцемъ. Содержаніе: рассказы о животныхъ, растеніяхъ, явленіяхъ природы, временахъ года, промыслахъ, повѣсти и очерки изъ народной жизни. Изд. 6-е. Цѣна книги 1 р. 50 к. Въ изящномъ переплетѣ 2 р.

6. Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста. Содержаніе: исторія домашняго воспитанія въ Россіи. Наслѣдственность. Роль воспитанія. Значеніе привычекъ. Воспитаніе высшихъ органовъ чувствъ. Нервность. Воспитаніе воли. Работы, физическія упражненія на воздухѣ и въ комнатѣ, рассказы, сказки, пословицы, арифметическія задачи и наблюденія надъ явленіями природы. Изд. 4-е, совершенно переработанное. Цѣна книги 2 руб.

7. Одноголосныя дѣтскія пѣсни съ русскими народными мелодіями. Съ аккомпаниментомъ для фортепіано. Музыка А. И. Рубца. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

8. «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ».—Турки. Съ 10-ю картинками; цѣна 40 к. 2-е изд. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пров.

9. Итальянцы. Съ 6 карт. Ц. 40 к. 2-е изд. Одобр. Учен. Ком. Нар. Пр.

10. Англичане. Съ картинками. Ц. 40 к. 2-е изд. Одобр. Уч. Ком. Нар. Пр.

11. Нѣмцы. Съ 8 карт. Ц. 40 к. 2-е изд. Одобр. Учен. Ком. Нар. Пр.

12. Испанцы. Съ 8 карт. Ц. 40 к.

13. Чехи.—Поляки.—Русины. Съ 8 карт. Ц. 40 к. Одобр. Учен. Ком. Нар. Пр.

14. Болгары.—Сербы.—Черногорцы. Съ 14 карт. Ц. 40 к. Одоб. Уч. Е. Н. Пр.

Шесть книжекъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ», а именно: 1) Испанцы, 2) Итальянцы, 3) Турки, 4) Нѣмцы, 5) Англичане и 6) Чехи, Поляки и Русины—одобренны Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ пріобрѣтенію въ ученическія бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г. (VI годъ изданія)
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Изданіе П. П. Сойкина, подъ редакцію д-ра философіи
М. М. Филиппова.

Вышелъ 1 сентября № 9 (сентябрь). Содержаніе: I. Осборнъ. Отъ грековъ до Дарвина. II. Современное сельское хозяйство и аграрный вопросъ. Н. К. III. Физиологическія бесѣды. Межцентральные рефлексъ. Проф. А. А. Герцена. IV. Современные русскіе экономисты. Гл. Ш. Критика діалектическаго метода: мѣнѣе И. К.—на. Критика Ю. Жуковскаго. М. Филиппова. V. Успѣхи дарвинизма. Рѣчь, читанная на зоологическомъ конгрессѣ въ Кембриджѣ. Э. Генкеля. VI. Введеніе въ философію. Руд. Эйслера. VII. Сущность искусства и его развитіе. О. Веревкина. VIII. Памяти Н. Я. Грота. С. Кулябки. IX. Задачи искусственнаго освѣщенія. Л. А. Богданова. X. Основная ошибка. Туганъ Барановскаго. XI. Научныя новости. XII. Библиографія. XIII. Книжки, полученныя редакціей для отзыва. Приложенія: 1) Берне, Парижскія письма. 2) Б. Львовъ, Соціальный законъ. XV. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкою и пересылкою $\frac{1}{2}$ года 4 руб., на $\frac{1}{4}$ года 2 руб., комплекты за 1898 годъ ц. 7 руб. съ перес. С.-Петербургъ, Стрѣмянная ул., собств. домъ, № 12. Главная Конттора журнала «Научное Обозрѣніе».

Продолжается подписка на «Научно-энциклопедическій Словарь». Ц. съ перес. 5 руб. За журналъ «Научное Обозрѣніе» со «Словаремъ» 10 руб. съ перес.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются новыя книги:

„ИТАЛЬЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА“.

(«Критико-біографическіе очерки» М. В. Ватсонъ).

Вып. 1.

Ада Негри.

Съ портретомъ. Цѣна 50 коп.

Вып. 2.

Джозуэ Кардуччи.

Съ портретомъ. Цѣна 50 коп.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЕТСЯ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Каронина-Петропавловскаго.

съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ автора. Изданіе К. Т. Солдатенкова.
Цѣна за оба тома 3 рубля.

ЭКИПАЖЪ ДЛѢ ВСѢХЪ.

ЭДМОНДА ДЕ-АМИЧИСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

Ел. Колтоновской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скорородова (Надеждинская, 43).

1899.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Чтобы уяснить отчасти оригинальное заглавіе этой книги, считаемъ за лучшее привести выдержку изъ статьи *S. Sighile*, объ этомъ новомъ произведеніи де-Амичиса, изъ газеты «Тривупа», № 341, 10 дек. 1898 года.

«Эта прекрасная, веселая и жизнерадостная книга заслуживаетъ интереса со стороны критики и публики, какъ по оригинальности темы, такъ и потому, что она является симптомомъ политической эволюціи, совершившейся за послѣдніе годы въ авторѣ.

«Литературный міръ собственно ждалъ отъ него романа «Primo maggio», который онъ долго обдумывалъ и съ любовью писалъ, но въ концѣ концовъ счелъ недостойнымъ обнародованія.

Вмѣсто того, чтобы дать произведеніе боевое, открыто и прямо партійное, онъ далъ намъ психологическую книгу, въ которой политическій элементъ только кое-гдѣ намѣченъ, служитъ какъ бы тонкой вышивкой по ткани наблюденій и носитъ такой кротко-добрый и весело-терпимый характеръ, что могъ бы заслужить одобреніе и не принадлежащихъ къ его партіи лицъ.

«Амичисъ—человѣкъ партіи въ душѣ; но доброта этой души не позволяетъ ему отдаться шумной и бурной пропагандѣ. Въ его рѣчахъ больше любви къ человѣчеству, чѣмъ классовой вражды; въ его словахъ сіяетъ немеркнущій свѣтъ искренней вѣры, а не тревожное пламя сектантскихъ страстей.

«Что же касается самой книги, то, къ сожалѣнію, говорить о ней въ высшей степени трудно, по той же причинѣ, по которой очень трудно описывать какой-нибудь тонкій и удивительный узоръ. Прочтите эту книгу, посмотрите этотъ узоръ, — вотъ единственный совѣтъ, который можно дать, такъ какъ слово бессильно передать всю массу и разнообразіе впечатлѣній, выносимыхъ вами изъ чтенія.

«Амичису захотѣлось посѣтить всѣ линіи конокъ Турина въ теченіе года; и, наблюдая пассажировъ въ экипажѣ для всѣхъ записывая ежедневно свои наблюденія, онъ, почти незамѣтно для самого себя, написалъ цѣлую книгу, въ которой передъ читателемъ проходятъ тѣ многочисленные типы, которые мелькали передъ авторомъ.

«Здѣсь нѣтъ завязки, но вы заинтересовываетесь этими типами, какъ будто это живыя лица, которыхъ вы всегда знали; это не романъ, но соединеніе многихъ романовъ, многихъ драмъ, многихъ комедій и даже многихъ фарсовъ, ко-

торые развертывались въ общественной каретѣ передъ взоромъ незамѣтно наблюдавшаго Амичиса. И по мѣрѣ того, какъ вы продолжаете чтеніе, въ васъ усиливается удивленіе передъ тонкостью, глубиной и живостью наблюдений, которыя авторъ могъ собрать въ такой однообразной и тѣсной обстановкѣ, какъ истинный маэстро, создающій изъ одного аккорда безконечныя варьяціи.

«Не имѣетъ ли эта книга символическаго значенія? Можетъ быть.

«Экипажъ для всѣхъ можетъ быть символомъ общественности, такъ какъ здѣсь богатые и бѣдные, платя одинаковую сумму, оказываются рядомъ и не обижаются, и не удивляются.

«Конка можетъ быть также символомъ жизни. Въ ней мы переѣзжаемъ съ одного конца города въ другой, какъ переходимъ отъ рожденія къ смерти, то оставаясь одни, то попадая въ давку нажимающей толпы, которая борется за мѣста, и въ теченіе переѣзда являемся свидѣтелями комическихъ и печальныхъ эпизодовъ».

Глава I.

Январь.

Было первое января 1896 года. Утромъ я вошелъ въ конку на улицѣ *Рима*. На всемъ пути оттуда до улицы *Гарибальди* постоянно входили и выходили мужчины и дамы, которые, казалось, назначили себѣ здѣсь свиданіе, потому что въ вагонѣ и на площадкѣ, при выходѣ и при входѣ безпрестанно приподнимались шляпы и происходилъ обмѣнъ привѣтствій, поклоновъ и пожеланій, точно въ приемномъ залѣ.

На половинѣ улицы *Гарибальди* я замѣтилъ внутри вагона любопытную картинку. Среди другихъ пассажировъ сидѣла приземистая деревенская баба, съ платкомъ на головѣ и большимъ узломъ на колѣняхъ, и противъ нея—дѣвушка съ короткими волосами и обнаженной головой, бѣдно одѣтая и съ плохо вымытымъ лицомъ. А вокругъ нихъ размѣстились элегантныя барыни и барышни въ цвѣтахъ и перьяхъ и такъ сильно надушенные, что каждый разъ при открываніи двери волны аромата вырывались наружу, какъ изъ парфюмернаго магазина. Я самъ себѣ удивился: какъ могъ я въ теченіе столькихъ лѣтъ не обратить вниманія на одинъ изъ такихъ социальныхъ контрастовъ, такъ часто встрѣчающихся въ подобныхъ экипажахъ, въ которыхъ отсутствуютъ всякія общественныя переговоры между классами, гдѣ престопающе, благодаря этому, можетъ очутиться рядомъ съ представителями высшихъ классовъ, входитъ съ ними въ соприкосновеніе, присматриваться и слушать ихъ разговоры. Я съ любопытствомъ наблюдалъ то живое, неустанное вниманіе, съ которымъ эта крестьянка и дѣвушка

разсматривали своихъ сосѣдокъ—отдѣлывали на ихъ шляпкахъ, до золоченныхъ застежекъ на перчаткахъ, одѣивали на глазъ ихъ матеріи и мѣха, разглядывали портмоне у одной и молчавенникъ у другой, ихъ манеру вставать и садиться, самое малѣйшее движеніе и даже, казалось, каждую складку на ихъ платьѣ—съ такимъ упорнымъ, серьезнымъ, всепоглощающимъ вниманіемъ, какъ будто бы видѣли передъ собой существо изъ другого міра.

При этомъ наблюденіи словно лучъ свѣта озарилъ мою душу. Я сталъ вспоминать и вызвалъ въ своей памяти другія картины, аналогичныя съ этой и иныя, полныя глубокаго значенія. Мнѣ вспоминались сцены, встрѣчи, разговоры и разныя приключенія веселыя и грустныя, которыя и могутъ случаться только въ подобнаго рода «демократическихъ экипажахъ», гдѣ всѣ классы общества постоянно соприкасаются и смѣшиваются; передо мной развернулся, какъ свитокъ, длинный рядъ персонажей, которыхъ я зналъ только какъ спутниковъ по конкѣ и говорилъ съ ними только во время пути, стоя на площадкѣ. Они составляли для меня какъ бы особую семью, стоящую въ сторонѣ отъ остальныхъ моихъ ночныхъ спутниковъ. Въ моей душѣ неожиданно вспыхнула мысль, которую я едва не произнесъ вслухъ:

— Вотъ!.. этюдъ... цѣлая книга—
«*Экипажъ для вѣтъ*»!

Но въ тотъ же день моя идея была заслонена другой. Перебирая мысленно лица, наиболѣе живо сохранившіяся въ моей памяти, я остановился на двухъ, которымъ мнѣ и захотѣлось посвятить цѣлый романъ.

Это были молодой человекъ и дѣвушка. Последнюю, которая, вѣроятно,

жила въ предмѣстіи Санъ-Донато, я всегда встрѣчалъ въ конкѣ въ 7^{1/2} часовъ утра, всякій разъ, когда входилъ въ вагонъ на площадв Статуто, чтобы отправиться къ центру Турина. А юноша садился въ тотъ же вагонъ на углу улицы Сиккарди. Дѣвушка почти всегда сидѣла въ правомъ углу, со стороны кучера, а онъ, если было мѣсто, всегда рядомъ съ ней или напротивъ. Оба были небольшого роста и слабого сложенія и, казалось, не отличались здоровьемъ; одѣвались очень бѣдно, но опрятно. По виду, они принадлежали къ разряду тѣхъ бѣдняковъ, для которыхъ молодость выражается только числомъ лѣтъ, и возбуждали тѣмъ большее сожалѣніе, что, казалось, сами сознавали свое физическое убожество и стыдились его.

У юноши были опущенные глаза и лицо, которое наводило на мысль о тяжело проведенномъ дѣтствѣ и выражало привычную покорность къ бѣдности, къ страданіямъ, къ униженіямъ. О дѣвущкѣ я сказалъ бы, самъ не знаю почему, что она рано осиротѣла и прожила много лѣтъ подъ тираніей мачихи. Блѣдная и худая, съ неправильными чертами лица, съ носомъ, напоминающимъ вареный каштанъ, и острымъ подбородкомъ, какъ у старушки, она удостоилась отъ природы единственной милости,—пары красивыхъ, пріятныхъ глазъ. Вся ея молодость и женское обаяніе были въ этихъ глазахъ; они были единственнымъ средствомъ, которымъ она располагала, чтобъ хоть изрѣдка привлечь сочувственные взоры своихъ ближнихъ. Онъ могъ быть писцомъ или мелкимъ чиновникомъ безъ будущности; она—учительницей въ пріютѣ, гувернанткой или швейей въ какомъ-нибудь заведеніи.

Меня сразу поразила ихъ манера держать себя, исполненная серіознаго и вмѣстѣ грустнаго достоинства. Дѣвушка сходила всегда на площади Бастелло, а юноша ѣхалъ дальше по улицѣ По. Когда онъ входилъ въ вагонъ, они привѣтствовали другъ друга легкой улыбкой; когда она уходила, они прощались безъ улыбки, и онъ выглядывалъ за дверь, чтобъ убѣдиться, что она не упала. Они

обмѣнивались едва нѣсколькими словами и рѣдко смотрѣли другъ на друга. И странно: не смотрѣли почти ни на кого; кто бы ни входилъ—блестящій офицеръ, красивая дама—они бросали на входящаго разсѣянный взглядъ, какъ на призракъ, не вызывающій въ нихъ никакихъ мыслей. Видно было, что это—двѣ жизни, связанные безусловно опредѣленнымъ отношеніемъ: не любовной интрижкой, но обрученіемъ. Съ другой стороны казалось, что они имѣли возможность бывать вмѣстѣ только здѣсь, въ конкѣ.

Меня трогала любовь этихъ двухъ бѣдныхъ существъ, такихъ обдѣленныхъ природой и судьбой и такихъ приниженныхъ и жалкихъ, что, быть можетъ, и другъ другу они протянули руки изъ жалости, сказавши другъ другу безъ словъ:—Бѣдный юноша!—Бѣдная дѣвушка!—Кто полюбитъ тебя, кромѣ меня? Хочешь соединить твое горе съ моимъ и твою бѣдность съ моею? Хочешь, будемъ страдать вмѣстѣ и такъ любить другъ друга, чтобъ забыть о томъ, что природа заключила наши души въ два отдѣльныхъ несчастныхъ тѣла?

При этой мысли у меня рождается идея романа: любовь, супружество, многіе годы жестокой бѣдности и цѣлый рядъ несчастій и униженій, едва не доведшихъ ихъ до самоубійства; затѣмъ, дальше, торжество поправныхъ законовъ природы... любовь ребенка, крѣпкаго и красиваго, измѣнившаго всю ихъ жизнь, затѣмъ еще нѣсколько такихъ же созданий, цѣлое гнѣздо ангеловъ одаренныхъ въ равной степени, умомъ и красотой, къ общему удивленію и зависти—цѣлая семья скороспѣлыхъ гениевъ и артистовъ, которыми любятъ въ пятнадцать лѣтъ, а въ двадцать—прославляютъ... слава, богатство,—однимъ словомъ жизнь, подобная золотому сну... Но черезъ нѣсколько дней эта идея рухнула. Они не вазались уже мнѣ такими поэтичными, эти двое молодыхъ бѣдныхъ незнакомцевъ, обреченныхъ на жизнь темную и стѣсненную, но украшенную чувствомъ глубокой любви. И не лучше ли, что я не извратилъ воображеніемъ этой трогательной симпатіи, которая ими

была внушена и навѣяла такія мирныя и хорошія мечты о человѣческой жизни и природѣ? Зачѣмъ искусственно пере-дѣлывать дѣйствительность, которая сама по себѣ такъ грустна и такъ привлекательна? И я бросилъ идею романа въ общую могилу всѣхъ выкидышей фантазіи.

* * *

Я вернулся къ моей первоначальной мысли однажды утромъ, наблюдая изъ окна на площади Статуто, уже поблѣвшей отъ снѣга, вагоны трехъ скрещивающихся здѣсь линій, которые стояли въ ожиданіи часа отхода. При блѣдномъ свѣтѣ утра, окутаннаго метелью, видъ этихъ маленькихъ подвижныхъ домиковъ, съ разноцвѣтными объявленіями, напоминалъ странную и жалкую группу полузатерянныхъ въ степи палатокъ странствующихъ фокусниковъ и вызвалъ во мнѣ желаніе сойти, заглянуть сначала въ одинъ вагонъ, потомъ въ другой, — и такъ пробродить все утро, какъ искатель привлеченій.

Я это и сдѣлалъ. Пассажиры входили съ убѣленными плечами; шелъ густой снѣгъ, расплывавшійся по окнамъ; сквозь мокрая стекла, за которыми вихрился снѣгъ, такъ смутно видѣлись дома и прохожіе, что по временамъ трудно было разобрать, въ какой части Турина находишься. Шумъ производимый лошадьми, упирающимися копытами и скользящими по мостовой, среди непрерывныхъ понуканій кучера, гулъ свистковъ, крики, щелканье кнута, топотъ, звонки и звукъ рожка, удваивающійся на перекресткѣ, гдѣ пересѣкались двѣ линіи, и переѣзды черезъ обширныя свѣтлыя площади, на которыхъ мы встрѣчались и развѣзались съ темными массами другихъ вагоновъ, — все это представляло для меня какъ будто совсѣмъ новое зрѣлище и будило во мнѣ воспоминанія о тѣхъ острыхъ удовольствіяхъ, которыя доставляла въ дѣтствѣ зима. А послѣ, когда снѣгъ, пошелъ гуще и чаще, сдѣлались неожиданныя остановки, —ряды ожидающихъ вагоновъ, переполненныхъ неподвижными какъ привраки пассажирами, суета

кондукторовъ и кучеровъ, пытающихся очистить и сдвинуть колеса вагоновъ, — все это движеніе темныхъ предметовъ на спокойной бѣлизнѣ, подъ непрерывнымъ, густымъ и тихимъ бѣлымъ дождемъ, въ которомъ гасли звуки голосовъ, свистковъ и рожка, долетающіе изъ соседнихъ улицъ, — все это вмѣстѣ вызвало во мнѣ иллюзію старинныхъ путешествій, совершаемыхъ въ дилижансѣ со всевозможными сюрпризами и приключеніями, оплакиваемыхъ романтиками, и я опять хватаюсь за свой первоначальный планъ. Да, эту... книга... *Экипажъ для всѣхъ.*

* * *

Какъ разъ въ это утро передо мной выказалась въ полномъ свѣтѣ душа Джорса, кучера одной конки съ которымъ я говорилъ уже не разъ, потому что онъ фамиліарно завязывалъ разговоръ со всѣми. Скверная погода, бывшая проклятіемъ для всѣхъ кучеровъ, казалось только увеличивала его обычное хорошее настроеніе. Запаковавшись въ толстую шинель и закутавшись суконнымъ башлыкомъ цвѣта какао, въ громадныхъ, какъ у землекопа, сапогахъ и кожаныхъ рукавицахъ на суконной подкладкѣ, онъ выставлялъ лицо навстрѣчу снѣжинкамъ и весело, какъ на масляницу, шлепалъ ногами по мокрой площадкѣ вагона. Онъ приветствовалъ попадающихся навстрѣчу кучеровъ другихъ вагоновъ восклицаніями и шутками, поминутно насвистывая мотивъ изъ *Карменъ*: «Торе-адоръ»... котораго не умѣлъ кончить. Завидный характеръ! Мысли о предстоящемъ завтракѣ было достаточно, чтобы сдѣлать его счастливымъ. Всякій разъ послѣ поѣздки съ нимъ я возвращался домой съ аппетитомъ альпійскаго охотника. Ежедневно, около того часа, когда онъ начиналъ чувствовать голодъ, онъ пускался въ гастрономическіе разговоры, разжигая товарищей самыми соблазнительными картинками.

— А что, братцы, еслибъ намъ этакъ... хорошо покушать клецокъ съ вкуснымъ соусомъ, и чтобъ было много, много сыру... да горячихъ, чтобъ паръ

шелъ, хе?..—Или медленно произносили въ слухъ, раздѣляя по слогаиъ названія разныхъ деликатесовъ, которые, проѣзжая, видѣлъ въ окнахъ магазиновъ.

— Мар-та-делла болонская! Са-ламе александрійская! *)—И раздражался смѣхомъ, показывая свои крѣпкіе бѣлые зубы, рѣзко выдѣляющіеся на его смугломъ лицѣ съ блестящими усами. Онъ говорилъ, что ему сорокъ лѣтъ, но на видъ ему было не больше тридцати, судя по его энергичнымъ движеніямъ, звучному голосу, свѣжему смѣху и юношеской веселости, сверкавшей въ его свѣтлыхъ глазахъ, очень живыхъ и всегда улыбающихся. Онъ всѣмъ особенно нравился своею готовностью помочь при входѣ и выходѣ изъ вагона: старикамъ, дѣтямъ, женщинамъ и больнымъ, къ какому бы классу ни принадлежали они, и при томъ не дѣлая никакой разницы въ степени своей любезности.

Въ это утро онъ мнѣ доставилъ много развлеченій. На площади Барло Феличе въ нашъ вагонъ вошелъ огородникъ съ большой корзиной въ рукахъ, распространявшей вокругъ острый запахъ трюфелей. Это мгновенно возбуждало вниманіе Джорса, который сталъ пользоваться каждой минутой, чтобъ сдѣлать намекъ на «запрещенный плодъ», подмигивая то одному пассажиру, то другому, съ такимъ довольнымъ видомъ, какъ будто эти трюфели предназначались для его собственнаго стола.

— Вотъ такъ овощъ! Объяденіе! Уродилъ же ее дьяволь!..

Управа должна бы запретить перевозку подобнаго рода зловредныхъ продуктовъ, съ этимъ ужаснымъ запахомъ... Этого только недоставало для возбужденія его аппетита какъ разъ въ такое утро, когда онъ готовъ былъ съѣсть и тарелку!.. Вообще ему не везетъ.

Напримѣръ, одну изъ лошадей звали Ризотто **), такъ что стоило ему ее окликнуть, чтобы тотчасъ же почувствовать пустоту въ желудкѣ.

Бончилось, однако, тѣмъ, что онъ вернулся къ своему хорошему расположе-

нію духа съ появленіемъ его знакомаго господина, который привѣтствовалъ его по пріятельски:

— Добрый день, Джорсъ! Плохая погода, а?..

— Что жъ! — отвѣтилъ Джорсъ, — погода подкрѣпляющая.

— А что сегодня на завтракъ въ *Grand Hôtel*'н на Французской заставѣ?

— Рисъ и макароны... съ трюфелями.

У Джорса была семья, которая жила на Французской заставѣ, откуда начиналась его линія и куда ежедневно, къ одиннадцати часамъ, жена его приносила ему завтракъ. Онъ поглощалъ его въ пять минутъ, сидя на подножкѣ вагона. Это и былъ его *Grand Hôtel*.

Бѣглый разговоръ, происшедшій между нимъ и этимъ господиномъ, толстякомъ лѣтъ сорока, повидимому, зажиточнымъ и ничѣмъ незанятымъ, обнаружилъ передо мною большого оригинала, специфическій продуктъ коночнаго учрежденія, принадлежащій къ обширному классу людей, отдѣльные экземпляры которыхъ знакомы, вѣроятно, каждому изъ моихъ читателей.

Господинъ этотъ окинулъ взоромъ лошадей и затѣмъ спросилъ.

— Гдѣ «Пассеротто»?

— Пошелъ на линію Віали, — отвѣтилъ Джорсъ.

— А «Габріэлла»?

— Все въ лѣчебницѣ.

— Да... Эта слаба на переднія ноги и не можетъ пойти въ дѣло раньше шести мѣсяцевъ. А «Феррари»? Я его что то не вижу.

— Въ запасѣ.

— Когда пустите новый вагонъ?

— Его теперь лакируютъ.

— Да! вотъ я тутъ обычный недостатокъ: давно бы сдѣлало управленію переимѣнить тормазъ.

Этихъ словъ съ меня было совершенно достаточно, чтобъ распознать истого конкофила: ихъ я знавалъ уже не мало. Всякое общественное учрежденіе, имѣющее въ виду улучшение города, всегда привлекало къ себѣ извѣстное число такихъ любителей, принимавшихъ

*) Разные сорта итальянскихъ колбасъ.

***) Кушанье изъ риса.

близко къ сердцу его интересы и развитіе и такъ выкаившихъ во всё подробности его жизни, какъ будто бы они были акціонерами общества или учрежденія. Мой сосѣдъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые знаютъ точный счетъ открытымъ и закрытымъ вагонамъ обоихъ коночныхъ обществъ Туринскаго и Бельгійскаго, и ежедневную выручку на каждой линіи, а также имена полсотни кондукторовъ, кучеровъ и контролеровъ и провианца, возрастъ, достоинства и недостатки столькихъ же лошадей. При ежедневной ѣздѣ въ конкѣ они собираютъ разный матеріалъ, разспрашиваютъ служащихъ, подмѣчаютъ неудобства, помогаютъ собственноручно, если понадобится, поставить на рельсы соскочившій вагонъ и иногда дѣлаютъ письменныя предложенія правленію. Всѣ они почти всегда защищаютъ интересы одного изъ двухъ обществъ, дѣлая этотъ выборъ безъ опредѣленной причины, просто такъ: по чувству произвольной и необъяснимой симпатіи.

Господинъ этотъ возобновлялъ свои шутки съ Джорсомъ насчетъ *Grand' Hôtel'a* на заставѣ и смѣялся каждому его отвѣту, подмигивая то одному, то другому изъ присутствующихъ и какъ бы желая сказать:

— Какое чудакъ! Это только я могу заставить его такъ разойтись...

И затѣмъ, когда многіе изъ пассажировъ уже вышли изъ вагона, онъ обратился къ одному мнѣ, понизивъ голосъ:

— Это, знаете, очень добрый малый. Онъ былъ солдатомъ, потомъ служилъ въ упаковщикахъ, до поступленія сюда. Да ужъ тутъ, въ Бельгійскомъ о-вѣ, весь персоналъ служащихъ такой прекрасный... Въ этомъ вы и сами можете убѣдиться, не то, чтобы я хотѣлъ похвастаться... Да... у насъ нѣтъ основанія жаловаться. Я былъ за границей, но... ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ нельзя встрѣтить ничего подобнаго — именно въ отношенія персонала, замѣтите! Трудно бы сдѣлать лучший выборъ, за рѣдкими исключеніями, понятно. — Онъ улыбнулся и прибавилъ: — Тутъ можно встрѣтить самый разнообразный народъ. Вы не встрѣтите дру-

гого подобнаго общественнаго учрежденія, служащія котораго прошли черезъ столько разныхъ ремеслъ. Только здѣсь совмѣщаются и жандармы, и таможенные солдаты, и кавалеристы; найдется между ними такой, который сумѣетъ васъ выбрить, и такой, что споетъ вамъ арию изъ «Аиды» или напечатаетъ книгу, или сваритъ обѣдъ по всѣмъ правиламъ. Встрѣчаются даже моряки и бывшіе чиновники. Въ Бельгійскомъ о-вѣ есть одинъ кондукторъ, знающій на память половину Данте и говорящій полатыни. Не правда ли, Джорсъ, — есть одинъ, кончившій лицей?

— Еще бы! — отвѣтилъ кучеръ, — его голова всегда въ небесахъ...

* * *

Этотъ благословенный конкофилъ заставилъ меня вторично измѣнить мой планъ. Я попытался сдѣлать предметомъ моего изученія однихъ служащихъ на конкѣ. Меня привлекала мысль изобразить яркими красками ту жестокую борьбу, которую ведутъ между собою безчисленные искатели маленькихъ «мѣстъ». Они, подобно людямъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, бросаются плыть во всѣхъ направленіяхъ, хватаются за первую попавшуюся доску или бревно, выпускаютъ изъ рукъ одну, чтобы кинуться къ другой, то скрываются подъ водой, то выплываютъ на поверхность и хватаются за прежнюю доску, отбрасываемые, толкаемые сотней другихъ рукъ, ищущихъ спасенія въ одномъ и томъ же кускѣ дерева.

Биографія полсотни кучеровъ и кондукторовъ представила бы, какъ мнѣ казалось, удивительную, далеко не бесполезную исторію всѣхъ этихъ семей, разбитыхъ и истерзаныхъ разными несчастьями: мелкихъ обанкротившихся купцовъ, разорившихся собственниковъ, всякихъ несчастныхъ неудачниковъ, безпрестанно бросаемыхъ судьбой изъ стороны въ сторону. Изъ казармъ переходятъ они въ мастерскую, изъ мастерской въ переднюю, въ лавку, въ портерную, въ контору... Въ конку они попадаютъ изъ каретъ, фургоновъ, повозокъ и похоронныхъ дрогъ, и при томъ, столь различны

по степени образованія, культуры и по отношенію къ своему положенію, кажемуся неизбежнымъ и удовлетворительнымъ для однихъ и временнымъ, невыносимымъ для другихъ. очевидно предназначенныхъ къ новымъ паденіямъ, катастрофамъ и приключеніямъ. Меня привлекало изученіе странной жизни этихъ людей, которые цѣлый день и каждый день колесятъ въ городу, ѣдутъ на ходу, какъ солдаты въ походахъ, и сталкиваются съ людьми всѣхъ классовъ и сословій, то прикасаясь къ надушеннымъ платьямъ дамъ, то испытывая толчки пьяныхъ локтей; людей вынужденныхъ постоянно спорить, упрасивать, улаживать недоразумѣнія, быть невольными свидѣтелями любви, силетень, шутокъ, споровъ, разговоровъ и безконечныхъ несчастій. Я ходилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней съ этой новой идеей, разговаривая съ кучерами и кондукторами...

* * *

Но какъ разъ, именно въ эти дни, привлекли мое вниманіе другія лица, и я вынужденъ былъ расширить поле моихъ наблюденій.

Первою была старушка изъ деревни, которая обыкновенно прѣзжала въ Туринъ по линіи, начинающейся отъ Французской заставы. Я почти всегда встрѣчалъ ее на площадкѣ, стоящую рядомъ съ своимъ высокимъ мѣшкомъ, наполненнымъ Богъ вѣсть чѣмъ, но по виду очень тяжелымъ. Джорсъ по временамъ обращался къ ней, какъ къ знакомой: «Здравствуй, бабушка!» Та отвѣчала наклоненіемъ головы. Она никогда почти не открывала рта, — развѣ только для того, чтобы извиниться передъ кѣмъ-нибудь за свой мѣшокъ, — и ежеминутно передвигала его, чтобы онъ мѣшалъ другимъ, какъ можно меньше.

Это была совсѣмъ крохотная старушка съ короткими, до странности, руками, одѣтая въ грубое, но опрятное платьѣ, въ цвѣтномъ платочкѣ на головѣ и съ лицомъ, кроткимъ и добрымъ. Она обыкновенно стояла въ углу, опершись спиной о колонку, съ опущенной головой и съ глазами, устремленными на ноги сосѣдей, какъ будто

о чемъ-то размышляя, и не только ни на кого не смотрѣла, но, казалось, никого не видѣла; отъ времени до времени она закрывала глаза и такъ оставалась нѣсколько мгновений, какъ бы въ дремотѣ. На улицѣ *Гарибальди* она крестилась, когда проѣзжали мимо церквей *Санъ-Далмаццо*, *Троицы* и *св. Мучениковъ* или когда навстрѣчу попадалась процессія молодыхъ дѣвушекъ съ распятіемъ. Видно было, что ее пресѣдуетъ какая-то неотвязная мысль, какое-то тягостное представленіе не уходило изъ ея головы, что у нея какое-то горе скрытое и серьезное, утѣшенія которому она не ищетъ ни у кого, и котораго ничье участіе не могло бы облегчить. Разъ утромъ неожиданное сотрясеніе вагона чуть ее не сбilo съ ногъ, такъ что она едва успѣла схватиться за колонку, но ни малѣйшаго страха не отразилось на ея смугломъ, морщинистомъ лицѣ: жизнь ей, какъ видно, не была дорога. Какова могла быть ея жизнь? Я стараюсь вообразить себѣ это, глядя на нее. Согнувшаяся подъ тяжестью труда съ дѣтства, отцвѣтшая къ двадцати годамъ, взятая въ замужество ради пяди земли, принесенной въ приданное, замученная, покинутаая взрослыми сыновьями и оставшаяся, можетъ быть, послѣ пятидесятилѣтнихъ трудовъ и успѣлій, одна съ несноснымъ, больнымъ старикомъ... Она возбуждала во мнѣ глубокую жалость.

На углу улицы *Venti Settembre* *) она выходила изъ вагона, взваливала мѣшокъ на плечи и, вся взогнувшись подъ ношей, направлялась къ Порто-Палаццо Издана, на улицѣ, ее легко было принять за ребенка: такъ она была мала. Казалось, она была точнымъ изображеніемъ своей жизни: маленькая, ничтожная вещица, согнувшаяся подъ непосильной тяжестью, среди людей, которые ее толкали, не обращая на нее вниманія. Наблюдая печаль на ея лицѣ въ послѣдній разъ, когда я ее видѣлъ, я подумалъ въ немъ выраженіе не то опасенія, не то надежды, подобное страданію, го-

*) Улица «Двадцатаго сентября».

товому или, наконецъ, прекратиться, или перейти въ отчаяніе...

Другимъ «персонажемъ», привлечшимъ мое вниманіе, была дѣвушка, которую я встрѣчалъ иногда на той или другой конкѣ и всегда одну. Въ первый разъ, когда я увидѣлъ ее, сидящую въ углу вагона, профиль ея лица рельефно вырисовывался на фонѣ оконнаго стекла, надъ которымъ висѣло пестрое объявленіе о какихъ-то лепешкахъ отъ кашля, и поразительно напоминалъ лица тѣхъ дѣвственныхъ фигуръ, которыя можно видѣть въ нишахъ соборовъ. Его линіи были такъ чисты, выраженіе такъ дѣломудренно и вѣжная бѣлизна была разлита на немъ такъ равномерно, что оно навѣрное обратило бы на себя вниманіе, находясь между десятка лицами прекрасныхъ монахинь. Оно показало мнѣ еще удивительнѣе, когда она обернулась, обнаруживъ свои большіе глаза, свѣтлые и ясные, оставивши ихъ съ минутою то на одномъ изъ тѣхъ, кто ее созерцалъ, то на другомъ, и не выразила при этомъ ни малѣйшаго признака удивленія, привѣтливости или смущенія, какъ будто бы они принадлежали существу, которому недоступны человѣческія страсти.

По виду это была дѣвушка, неспособная краснѣть по невѣдннѣ грѣха, и мало измѣнилась по вѣшности съ пятилѣтняго возраста; казалось, сознаніе своего пола у нея вполне отсутствовало. Однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ ангельскихъ фигуръ, которыхъ мы не можемъ себѣ представить погруженными въ обыденныя занятія или даже заботящимися объ удовольствіи своихъ матеріальныхъ потребностей, точно тѣло для нихъ не больше, какъ чисто вѣшная форма. Однако, я почувствовалъ разочарованіе, когда она встала, чтобы выйти изъ вагона: фигура ея была слишкомъ высока и узка въ плечахъ, напоминая вытянутое дѣтское тѣло, и такъ слаба и тонка, что, казалось, ребенокъ могъ бы ее понести. Вся красота ея заключалась въ головѣ, украшенной поразительными каштановыми волосами, все же прочее въ ней было наброскомъ, сдѣланнымъ природою безъ любви. Она одѣвалась всегда очень скромно съ суровою простотою, какъ одѣлась бы

монахиня, еслибъ ей временно почему-нибудь пришлось сбросить монашеское платье.

Она возбудила во мнѣ живѣйшее любопытство и почему-то съ перваго же раза вызвала во мнѣ образъ, который меня съ тѣхъ поръ не покидалъ, образъ мертвой Викторіи Колонна на картинѣ Яковаччи, кто знаетъ, почему... И я мысленно видѣлъ ее, всю въ бѣломъ, распростертой во всю длину на катафалкѣ, въ бѣломъ покрывалѣ и въ цвѣтахъ, посреди четырехъ восковыхъ свѣчъ, и съ тѣхъ поръ я про себя называлъ ее *мертвой дѣвой*. Кто могъ быть такой, какъ она, прекрасной, и вмѣстѣ съ тѣмъ такой странной и такой всегда одинокой? У меня не явилось ни малѣйшей мысли о томъ, что, какъ я самъ зналъ по опыту, наружность бываетъ обманчива: есть лица, за которыя мы можемъ ручаться. Но я испытывалъ острое желаніе узнать и твердо рѣшилъ спросить или открыть какимъ-нибудь способомъ, кто она.

Третій «персонажъ» еще больше возбудилъ мое любопытство. Разъ утромъ, когда шель сѣлъ, вагонъ былъ остановленъ маленькимъ господиномъ, лѣтъ подл пятьдесятъ, въ очкахъ, съ сѣдымъ подбородкомъ, который хотѣлъ взойти на переднюю площадку, но, увидѣвъ меня тамъ, бросилъ суровый взглядъ и вскочилъ на заднюю. Чортъ возьми! Я разъ уже видѣлъ его совершающимъ подобный маневръ, но объяснилъ это тогда случайностью или моею ошибкой. Но теперь не оставалось больше никакого сомнѣнія: именно во мнѣ была отгадывающая сила. Но почему же? Я его не зналъ и не могъ даже припомнить, чтобы мнѣ случалось когда-нибудь съ нимъ говорить. Однако легко забыть объ оскорбленіи, нанесенномъ незнакомцу, можетъ быть, совсѣмъ невольно: какимъ-нибудь сухимъ письмомъ, или молчаніемъ, или неловкимъ движеніемъ при встрѣчѣ на улицѣ; я сталъ быстро искать въ своей памяти, но не могъ припомнить ни лица этого господина, ни какого-либо намека на его существованіе. Такъ, значить, это литературная антипатія, настолько сильная, что дѣлаетъ для него мое соудство невыносимымъ? Но, судя по виду,

этотъ гражданинъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть одержимы такого рода боязнью. По профессіи онъ, казалось, былъ очень далекъ отъ литературы: какой-нибудь нотаріусъ или конторщикъ, и при томъ почтенный отецъ семейства.

Разъ, оглянувшись случайно назадъ въ то время, какъ оба выхода въ вагонѣ были открыты, я встрѣтился съ его взглядомъ. Онъ расширилъ глаза, какъ подъ влияніемъ неприятной неожиданности, и рѣзко отвернулъ голову въ другую сторону... Тѣни моихъ предковъ! Это была, въ самомъ дѣлѣ, антипатія самаго остраго характера; этотъ человекъ способенъ меня поджечь съ двухъ сторонъ. И такъ, я почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Да... это въ моемъ-то «нѣжномъ» возрастѣ! Почему я принадлежу къ числу тѣхъ несчастныхъ глупцовъ, которые не могутъ себя представить, что ихъ ненавидятъ? Я постарался замѣтить себѣ лицо этого господина. «Другъ мой» долженъ былъ жить гдѣ-нибудь по этой линіи, я могъ еще разъ его увидѣть, открыть причину его ненависти и, почему знать, если представится случай, можетъ быть, извлечь червя изъ его сердца и кость изъ своего горла...

* * *

Между тѣмъ передо мною проходили другія дѣйствующія лица, — дѣло шло на ладъ. Я подумалъ, что на конкѣ можно было бы также наблюдать впечатлѣніе политическихъ событій, но скоро я убѣдился, что въ этомъ отношеніи нельзя много извлечь у такого народа, какъ туринцы. Были, напримѣръ, дни, когда въ обществѣ очень волновались по поводу участіи крѣпости Макали. Въ Неаполѣ въ конкѣ я услышалъ бы, нивѣсть сколько толковъ и восклицаній, а въ Туринѣ нечего было слушать. Утромъ всѣ молча читали газеты и только знакомые иногда обмѣнивались въ полголоса короткими замѣчаніями или еще чаще одними сухими отрывочными замечаніями.

Но я зналъ одного кондуктора, который такъ страстно интересовался войной, что внушалъ мнѣ желаніе о немъ

одномъ написать книгу. Онъ ѣздилъ попеременно одну недѣлю на линіи Мартинетто, а другую на линіи Віали. Это былъ длинноногій блондинъ съ блестящими глазами и впалыми щеками, сильно смахивающій на Цанарделли. Звали его Карлинъ. Онъ былъ охваченъ священнымъ пламенемъ подъ влияніемъ африканской войны и самъ говорилъ, что еще съ начала кампаніи мысль о ней преслѣдовала его неотступно и не давала покоя. Онъ прислушивался ко всѣмъ разговорамъ въ конкѣ о войнѣ и, если слышалъ, что кто-нибудь осуждалъ ее или высказывалъ зловѣщія пророчества, дѣлалъ за спиной говорящаго бурные протестующіе жесты. Добрыя же вѣсти просто опьяняли его и онъ говорилъ, про себя, громко:

— Браво Галліано! А, ничего!.. Это дѣлаетъ имъ честь! Ну, посмотримъ!

Онъ былъ недоволенъ командирами: каждый разъ онъ повторялъ, сильно жестикулируя при этомъ, что нужно открыть перекрестный огонь.

— И почему они не хотятъ открыть перекрестный огонь?— Это ему казалось такъ просто! И онъ не могъ понять, почему этого не дѣлаютъ:— Они такъ ничего не добьются... Пока не атакуютъ спереди и сзади, не достигнуть ничего. О, тогда ни одинъ бы изъ этихъ проклятыхъ негровъ не вернулся домой, ни одинъ!

Если онъ обижался на Францію за какую-нибудь оскорбительную, статью переведенную въ газетѣ, онъ находилъ, что нужно «проучить» также Францію. Это былъ любопытный примѣръ военного атавизма. Всѣ его взгляды на внѣшнюю политику заключались въ одномъ понятіи: *драться*, все равно съ кѣмъ и съ какою цѣлью. Когда онъ разъ услышалъ о рѣзні, происходящей въ Арменіи, онъ сказалъ, что слѣдовала бы туда, въ 24 часа, послать весь флотъ. У него было также очень легкое рѣшеніе восточнаго вопроса:— *бомбардировать все*.— И онъ при этомъ указывалъ широкимъ жестомъ на горизонтъ..

Его мало кто слушалъ, потому что въ Туринѣ болтуны не пользуются успѣхомъ. Былъ только одинъ пассажиръ,

который давалъ ему иногда односложные отвѣты и долженъ былъ хорошо его знать, такъ какъ ѣздилъ по абонементу, садясь каждое утро въ одномъ и томъ же часу. Это былъ господинъ суровый и толстый, типа одѣтый очень корректно, котораго Карминъ называлъ «кавалеромъ». Его я также намѣтилъ въ число дѣйствующихъ лицъ моей книги. Съ фигурой, напоминавшей рюмку, спокойный и аккуратный, онъ всегда сидѣлъ внутри вагона на одномъ и томъ же мѣстѣ, ближе къ задней площадкѣ; если же это мѣсто было занято, онъ предпочиталъ стоять на самой площадкѣ. Усѣвшись на мѣсто, онъ всегда одинъ и тѣмъ же спокойнымъ движеніемъ руки вытаскивалъ изъ одного и того же кармана сюртука *Gazzetta del Popolo*, развертывалъ ее медленно и прежде всего начиналъ читать городскую хронику, а потомъ уже остальное, но безъ малѣйшаго интереса и любопытства даже, когда тамъ были животрепещущія новости. Подъѣзжая къ Пиацца Кастелло, онъ всегда вынималъ часы,—и всегда съ одинаковымъ жестомъ,—и смотрѣлъ, который часъ, прежде чѣмъ выйти изъ вагона. Настоящій патриотъ стараго изданія, но прекрасно сохранившійся съ его любовью къ родному насиженному мѣсту, не только ревностной, но доходящей до пристрастія.

Разъ утромъ, видя какъ одна повозка должна была взѣхать на тротуаръ, чтобы пропустить конку, я, въ его присутствіи, громко сказалъ своему пріятелю:— Ну, и узка же эта улица *Гарибальди*! — Онъ поднялъ отъ газеты удивленное лицо и, повернувъ глаза въ мою сторону, но не глядя мнѣ въ лицо, пробормоталъ: — узка улица *Гарибальди*? — и опять принялся за чтеніе съ едва замѣтной иронической улыбки на губахъ. Вся душа стараго туриста выразилась въ этихъ трехъ словахъ. Я былъ въ восторгѣ и занесъ мои замѣчанія въ свою памятную книжку.

* * *

Въ тѣ же дни я сдѣлалъ другое открытіе которое также побудило меня расширить мой первоначальный планъ. Откры-

тіе это касалось... (я не найду другого, кромѣ этого грубого выраженія) особой формы конечнаго эротизма, «одной изъ многочисленныхъ психологическихъ формъ», которая, по Ферраро, является причиной меньшей способности латинской расы къ усидчивому труду по сравненію съ расой англо-саксонской. Я замѣтилъ, что существуетъ цѣлый классъ мужчинъ всѣхъ возрастовъ (по преимуществу возраста зрѣлаго и, чаще, состоятельныхъ), для которыхъ конка является подвижнымъ гнѣздомъ для эротическихъ наслажденій мысли, чѣмъ-то вродѣ постоянно обновляющагося гарема, доставляющаго воображенію утонченныя, пріятныя впечатлѣнія зрѣнія, обонянія и случайныхъ прикосновеній. Въ самомъ дѣлѣ: вдыхать, какъ въ гостиницѣ, сильный ароматъ тонкихъ дамскихъ духовъ, сидѣть по полчаса между двумя хорошенькими женщинами, то случайно облизаться съ ними колѣнами, то нажать ножку у входящей или выходящей изъ вагона барышни, то поддержать ее рукой безъ перчатки, когда она теряетъ равновѣсіе, пробираясь къ мѣсту—и разныя другія мелочи—все это доставляетъ мимолетныя наслажденія, которыя нигдѣ не доступны такъ легко и такъ часто, какъ въ общей каретѣ.

Въ этомъ классѣ людей встрѣчается большое разнообразіе любителей,—начиная съ тѣхъ, которые ищутъ какъ бы удовольствій духовныхъ: улыбки или благодарности женщины, которой они уступили мѣсто, открыли дверь, подали забытый платокъ или поддержали ребенка при выходѣ изъ вагона и т. д., и кончая тѣми, что предпочитаютъ болѣе реальныя наслажденія на площадкѣ вагона. Здѣсь въ праздничные вечера въ толпѣ стоящей публики, легко можетъ представиться случай коснуться бородой свѣжихъ волосъ дѣвушки или почувствовать на груди и лицѣ прикосновеніе и дыханіе красивой женщины, брошенной въ объятія толчкомъ вагона, или жать въ своей рукѣ попавшую въ плѣнь маленькую ручку, и сквозь рукавъ ощущать ея нѣжность...

Изучать этихъ разнообразныхъ «любовниковъ» (и особенно послѣднихъ)

на движущейся сценѣ, наблюдать то удивительное притворство, съ которымъ они, подъ маской холоднаго индиферентизма или философскаго вниманія, скрываютъ свое безмолвное опьяненіе, а также улавливать тотъ комичный контрастъ, который иногда чувствуется между важностью ихъ политическихъ рѣчей и природой ихъ зачатенныхъ мыслей и чувствъ—мнѣ казалось совершенно новымъ очень привлекательнымъ. И я открылъ у себя въ записной книжкѣ отдѣлъ для эротиковъ конки, куда и началъ заносить свои наблюденія.

* * *

У меня явилась еще большая охота писать, когда я убѣдился, насколько, при переходѣ отъ случайнаго наблюденія къ систематическому, возрастаетъ самая способность къ наблюденію, постоянно изнуряемая любопытствомъ и возбуждаемая намѣченною цѣлью. Я еще не былъ вполне твердъ въ своемъ намѣреніи, когда сдѣлалъ въ эти январскіе дни больше наблюденій, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы и нѣкоторые изъ нихъ послужили мнѣ путемъ для наблюденій еще гораздо болѣе любопытныхъ.

Я замѣтилъ, напримѣръ, что мужчинъ и женщинъ можно раздѣлить, по ихъ отношенію къ конкѣ, на два ряда: одни пользуются ею охотно, безъ всякаго отвращенія, даже получая нѣкоторое удовольствіе отъ того смѣшенія классовъ, которое здѣсь неизбежно, а другіе — только потому, что не могутъ безъ нея обойтись. И то именно обстоятельство, которое первыхъ привлекаетъ, послѣднихъ отталкиваетъ и заставляетъ жертвовать своимъ самолюбіемъ всякій разъ, когда они входятъ въ вагонъ. Во все время пути они обнаруживаютъ тысячей мельчайшихъ признаковъ свое оскорбленіе вслѣдствіе этихъ публическихъ прикосновеній, думая только о томъ, какъ бы скорѣе отсюда уйти.

Я отмѣтилъ еще двѣ группы людей, спеціально въ простонародіи (главнымъ образомъ среди женщинъ). Одни совершенно не-принужденные, съ сильно развитымъ чувствомъ равноправности, которые усажи-

ваются среди господъ и громко разговариваютъ, какъ у себя дома, нисколько не стыдятся, а какъ будто даже бравируя своей бѣдной одеждой; другіе — робкіе, чаще всего юноши и молодыя дѣвушки, даже и принадлежащіе къ среднему классу, которые входятъ въ вагонъ смущенные и съ краской на лицѣ, какъ въ чужой домъ, застѣнчиво и смиренно садятся съ опущенными въ землю глазами и, когда нужно сойти, ждутъ, пока кто-нибудь другой потянетъ за колокольчикъ, чтобы не обращать на себя вниманія.

Я отмѣтилъ также двѣ замѣчательныя категории пассажировъ всѣхъ классовъ. Одна изъ нихъ, это — равнодушные, не обнаруживающіе никакой любознательности по отношенію къ своимъ ближнимъ: они сидятъ съ безжизненными глазами, не глядя ни на входящихъ ни на выходящихъ какъ будто жизненное зрѣлище для нихъ скучно и словно ни одно человѣческое лицо не можетъ представлять для нихъ большаго интереса, чѣмъ любой камень на мостовой. Другую категорию представляютъ любопытные, которые безпрестанно переводятъ глаза съ одного лица на другое, примѣчая каждое движеніе и слово всѣхъ съ очевидною живостью мысли, вопрошающей, строящей догадки и комментирующей, какъ будто бы каждый незнакомецъ, входящій въ вагонъ, входитъ въ ихъ собственную жизнь и долженъ будетъ со временемъ оказать вліяніе на ихъ судьбу.

И множество другихъ вещей я наблюдалъ ежедневно, удивляясь, какъ могъ я не видѣть ихъ прежде, точно между мною и моими спутниками по конкѣ находилась непроницаемая завѣса, которая разорвалась только въ эти дни. Сколько нѣмыхъ тончайшихъ сценъ, какая игра физиономій и невольное обнаруженіе самыхъ сокровенныхъ мыслей и чувствъ среди этихъ людей, которые совсѣмъ не знаютъ другъ друга, которые видятся, соприкасаются на одно мгновеніе и затѣмъ, можетъ быть, никогда больше не встрѣтятся въ жизни! Какія молвіи сыпаются на лицо бѣдно одѣтой, но красивой и здоровой молодой дѣвушки со стонами сидящей vis à vis барышни, жалкой по виду, но блестяше одѣтой, которая

чувствуетъ на себѣ чужіе взгляды и отгадываетъ мысли... Какія тѣни пробѣгаютъ по лицу эlegantной дамы, бывшей царцею вагона въ теченіе пяти минутъ, когда входитъ другая, еще болѣе эlegantная, отвлекаетъ отъ нея всѣ взоры, обращая ихъ на себя, и садится передъ ней торжествующая, попирая ногами сорванный съ нея вѣнецъ... Сколько говорятъ глаза печальной пожилой дѣвушки, сидящей противъ пѣвгущей деревенской «маменьки» съ толстымъ розовымъ ребенкомъ у груди... А вотъ быстрый многозначительный обмѣнъ взоровъ и улыбокъ среди пассажировъ, когда вошедшій городской голова, котораго всѣ знаютъ, не находитъ себѣ другого мѣста и садится рядомъ съ подметальщикомъ улицъ, или когда вызывающаго вида свѣтская дама, подкрашенная и напудренная, всѣми узнаваемая съ перваго взгляда, занимаетъ мѣсто противъ бѣдной монахини, перебирающей рукою четки, съ головою неподвижно опущенной на грудь... Или, напримѣръ, видѣть, какъ молодой чловѣкъ, щегольски одѣтый, принявъ было галантную позу, сѣдя противъ молодой красивой дамы, и вдругъ, эта дама неожиданно выходитъ изъ вагона, а на ея мѣсто, противъ него, садится огромная толстая развалина съ кочаномъ капусты въ рукахъ!

И такъ смѣняется ежеминутно, какъ въ панорамѣ, общій видъ публики въ вагонѣ. На мгновение доминируетъ прекрасный дамскій полъ, распространяя смѣшанный ароматъ фіалокъ и другихъ косметикъ; затѣмъ вторгаются въ вагонъ, какъ по соглашенію, волны мелкаго люда: рабочіе, зеленщичи и прислуга съ запахомъ лука и потухшихъ трубокъ; немного спустя вагонъ превращается въ дѣтскую, гдѣ пять, шесть малышей болтаютъ ногами, пищаютъ, грызутъ яблоки и булки и сосутъ карамель; но не прошло и десяти минутъ, какъ въ вагонѣ уже остались одни закутаннѣе старики съ бородами и въ очкахъ, которые съ лицами дѣльцовъ молчаливо совѣщаются и обсуждаютъ цифры по записнымъ книжкамъ, какъ въ конторѣ.

И въ каждой изъ этихъ подвижныхъ картинокъ происходитъ безпрестанная смѣна

фокусовъ, привлекающихъ общее вниманіе: то офицеръ въ полномъ парадѣ, то священникъ читающій молитвенникъ, то дама съ букетомъ цвѣтовъ, то пьяный, самъ съ собою разговаривающій, то стонущій больноу, то спящій крестьянинъ. Это — изображеніе чловѣческаго общества, наконецъ, цѣлый міръ въ миниатюрѣ, также полный роскоши и нищеты, съ его странными сближеніями и удивительными контрастами, съ постояннымъ обмѣномъ зависти, презрѣнія и денегъ. Въ немъ есть тѣ, которые входятъ и сходятъ, и падаютъ, тѣ, которые совершаютъ весь путь и останавливаются на половинѣ, и такіе, которые не находятъ совсѣмъ мѣста или находятъ слишкомъ малое и оспариваютъ его другъ у друга; одни смѣются, другіе жалуются, но у всѣхъ одна забота: *достигнуть...* И экипажъ; перевозающій все это, подобенъ тому, другому — идетъ, идетъ, идетъ безпрестанно, —

«Чтобъ вновь придти туда, откуда вышелъ».

* * *

Въ этотъ моментъ книга вырисовывалась передо мною съ полноу ясностью: описывать все, что я день за днемъ видѣлъ въ конкѣ въ теченіе года, очерчивая наиболѣе характерныя лица изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ чаще всего; изображать поступки и отношенія, обнаруживаемые разными общественными классами при ихъ взаимномъ соприкосновеніи, не насилая дѣйствительности ни для какой цѣли, и въ концѣ концовъ описать, насколько можно правдивѣе, разнообразную чловѣческую комедію, разбросанную и разбѣгающуюся на пятнадцати длинныхъ линіяхъ, которыя, пересѣкаясь въ ста пунктахъ, какъ бы образуютъ въ общемъ круговоротъ городской жизни, особый болѣе быстрый круговоротъ и особую жизнь, витающую надъ жизнью городскихъ пѣшеходовъ. Но составленіе плана отдѣляется отъ начала выполненія труда еще шагомъ, который можетъ быть и не сдѣланъ. А его вызываетъ иногда послѣдній толчокъ, пустая случайность, подобная искрѣ, зажигающей громадное задолго подготовляемое пиротехническое сооруженіе.

Такой маленькій случай произошел со мною въ послѣдній день мѣсяца января, передъ вечеромъ. Вагонъ былъ полонъ. На площади *Виктора-Эмануила* взошла и осталась стоять на передней площадкѣ простая бѣдно одѣтая женщина лѣтъ тридцати, которая держала на рукахъ хорошенькую бѣлокурую дѣвочку 9—10 мѣсяцевъ. Она стояла лицомъ къ лошадямъ, а дѣвочка, прижавъ грудью къ ея плечу была обращена лицомъ назадъ, къ одному изъ оконъ вагона. Внутри, за этимъ окномъ, въ углу, сидѣла молодая дама, которую я видѣлъ уже нѣсколько разъ на этой линіи и которая своимъ лицомъ и своей манерой одѣваться и держать себя, въ равной степени оригинальными, сразу обратила мое вниманіе. Она была очень мала ростомъ, но красива, съ большими темными выпуклыми глазами и смуглымъ лицомъ, которое дышало жизнью и было одухотворено какою-то особенною добротою—серіозною, теплою и вмѣстѣ тревожною и отважною, какъ у сестры милосердія на полѣ сраженія. Я замѣтилъ, что когда она говорила, по временамъ кровь прилиwała у нея къ лицу, шея раздувалась и грудь такъ высоко дышала, какъ будто она была охвачена страстью. Она одѣвалась хорошо, но безъ претензіи на изящество, съ явно намѣренной скромностью, которая особенно бросалась въ глаза рядомъ съ элегантностью костюма зя няни, которая сидѣла возлѣ; въ одеждѣ ея чувствовалась даже нѣкоторая неумышленная небрежность, гармонирующая съ ея волосами слегка включенными, конечно неумышленно. Въ тотъ моментъ какъ разъ она держала стоящаго у нея на колѣняхъ мальчика (судя по виду, одного года съ лишнимъ), одѣтаго съ роскошью, такого же смуглаго, какъ она, и съ такими же, какъ у нея, большими темными глазами; онъ стоялъ опершись лицомъ и руками обѣ оконное стекло.

Такимъ образомъ, мальчикъ и дѣвочка очутились лицомъ къ лицу, раздѣленные только стекломъ.

Когда они встрѣтились глазами, то казалось, они узнали другъ друга послѣ долгаго желанія увидѣться. Это

нерѣдкій случай среди дѣтей въ такомъ возрастѣ, но подобной трогательной картины я никогда не видѣлъ. Они принялись улыбаться, потомъ смѣяться, тянуться и протягивать другъ къ другу руки—дѣвочка, наклоняясь, а мальчикъ, приподнимаясь на цыпочки. Они водили рученками по стеклу, желая потрогать другъ друга, сближались лицами и пытались все скользнуть изъ рукъ матерей. Ихъ возбуждала эта облюбованная «любовная» мимика и они волювали и смѣялись все громче, выставляя по 16 своихъ острыхъ зубовъ, взвизгивали съ раскраснѣвшимися щеками и съ такой живостью рвались другъ къ другу, что матери должны были обернуться и держали ихъ, чтобъ они не разбили себѣ головъ о стекло. Всѣ пассажиры мало-по-малу обратили на нихъ вниманіе и стали смотрѣть, улыбаясь, удивленные этой неудержимой экспансивной симпатіей и веселостью.

Вдругъ дама встала, энергичнымъ движеніемъ открыла дверь и, выйдя на платформу, подняла своего мальчугана къ дѣвочкѣ, которая ждала его съ протянутой рукой. Они хотѣли поцѣловаться, но не умѣли и, положивъ другъ другу руки на головы и вокругъ шеи, стали тереться личиками и, наконецъ, обнялись. Съ минуту они казались однимъ толстымъ ребенкомъ съ двумя головами, одѣтымъ на половину бѣдно, на половину по-барски, съ шевелюрой на половину темной, на половину бѣлокурой.

— Ишь, плутишки... туда же! — воскликнулъ Джорсъ, увидѣвъ эту сцену и, отвернувшись, стегнулъ лошадей:—Эхъ, вы проклятые бездѣльники, дармовѣды!—Онъ повернулся ко мнѣ съ веселымъ лицомъ:—Каково! въ эти-то годы, при полномъ вагонѣ!.. А бѣдный Джорсъ только таращитъ глаза...—И онъ закатился смѣхомъ; но я видѣлъ, что глаза у него были влажны.

«Готова книга», подумалъ я.

Г л а в а II.

Февраль.

Вотъ совѣтъ людямъ, задавшимся цѣлью изучать женщинъ. Наблюдайте ихъ раз-

ную манеру останавливать конку при входѣ въ вагонъ, съ улицы, и при выходѣ. Это иногда облегчаетъ пониманіе ихъ характера. Нѣкоторыя еще издали поднимаютъ зонтикъ и машутъ имъ въ воздухъ, какъ предводитель кавалеріи саблей; или кричатъ повелительнымъ голосомъ: «Стой!» нахмуривъ лобъ и протягивая руку съ такимъ жестомъ, какъ будто собираются усмирять взбунтовавшагося мужа. Другія дѣлаютъ маленькое движеніе рукой, какъ будто подзывая кого-то къ себѣ, или граціозно поднимаютъ ее съ двумя вытянутыми пальчиками, слегка наклонивъ на одну сторону голову и улыбаясь, съ видомъ школьницы, стоящей предъ своей учительницей въ просительной позѣ: это, повидимому, покорныя жены.

Какъ безконечно - разнообразна и полна глубокаго психологическаго значенія эта гамма разныхъ «стой!» — то серебрястыхъ, степенныхъ и вибрирующихъ, какъ воркованье горлинокъ или какъ любовныя восклицанія, то грубыхъ и рѣзкихъ, какъ «*мтэ!*» неприступной добродѣтели.

Тѣ, которыя провозносятъ «стой!» вѣжнымъ голосомъ, обыкновенно торопятся войти, извиняясь за остановку, съ робкимъ взоромъ и улыбаясь; другія, напротивъ, даже если находятся довольно далеко отъ вагона, не стѣсняютъ себя, подходятъ не спѣша и не обращаютъ вниманія на разные жесты нетерпѣнія ожидающихъ пассажировъ или принимаютъ видъ оскорбленной королевы.

Еще болѣе разнообразны ихъ способы останавливать конку при выходѣ изъ вагона. Однѣ поднимаются съ мѣста вдругъ и рѣзко потянувъ за веревку, звонятъ какъ разгнѣванный господинъ, зовущій слугу. Другія дѣлаютъ умоляющій знакъ кондуктору, чтобъ позвонилъ онъ, или, если стоятъ на передней площадкѣ *), обращаются къ кучеру, слегка дотронувшись до его плеча и прося его, на ухо, словно по секрету — «сдѣлать одолженіе, остановить на минутку». Помято, что у многихъ, особенно при-

надлежащихъ къ высшимъ классамъ, эта изысканная, какъ будто даже униженная вѣжливость объясняется преведеннымъ представленіемъ о грубости простыхъ людей и ихъ дурномъ отношеніи къ привилегированнымъ. Онѣ надѣются благодаря этой манерѣ, усмирить ихъ, словно злыхъ, ворчливыхъ собакъ, изъ страха услышать какую-нибудь безпричинную дерзость. А между тѣмъ, часто случается, что тѣ дурно отвѣчаютъ именно на такую утонченную любезность, интуитивно угадывая ея причину и оскорбляясь ею.

Я стоялъ, мысленно пробѣгая въ памяти эти наблюденія, сдѣланныя мною раньше, когда въ конку, вскочилъ красивый юноша, мой знакомый, богатырскаго сложенія и здоровый, свѣжій, какъ цвѣтокъ. Это былъ сынъ богатаго домовладѣльца, любившій позаняться живописью въ часы досуга, очень симпатичный по оригинальному сочетанію простосердечія и остроумія, и пріятнѣйшій компаніонъ-собесѣдникъ, потому что зналъ поль-Турина. Я продолжалъ, при немъ вслухъ, слѣдить за ходомъ моихъ мыслей.

— А! — воскликнулъ онъ; — вы провозводите въ конкѣ наблюденія? И я также

Онъ, какъ оказалось, тоже «заинтересовался «коночнымъ эротизмомъ», но былъ *специалистомъ* по части прекраснаго пола.

Онъ остановился, чтобы взглянуть на даму, сидящую внутри вагона, и затѣмъ спросилъ меня, не помню ли я, когда она вошла.

— Мнѣ кажется, на площади *Виктора-Эмануила*.

— Простите пожалуйста, — опять спросилъ онъ: — не обратили ли вы вниманія, что она, взяла пересадочный билетъ? — Я не замѣтилъ. Онъ помолчалъ немного, задумавшись, потомъ тихо сказалъ:

— Она, навѣрное, взяла его... Странно! Колесать по всѣмъ линіямъ и всегда беретъ пересадочный билетъ. Тутъ должна быть какая-нибудь причина! Можетъ быть, это для того, чтобъ дразнить любопытныхъ, а можетъ быть, чтобы сбить съ толку какого-нибудь шпиона, который преслѣдуетъ ее по пятамъ.

*) Въ Италіи публика допускается на обѣ площадки вагона. (Прим. переводч.).

Я спросилъ у него, кто она такая. Онъ зналъ, но не хотѣлъ сказать.

— Это госпожа... Пересадочная госпожа, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь. И сталъ мнѣ разсказывать о своей «спеціальности».

Онъ забавлялся изслѣдованіемъ любовныхъ тайнъ. Была, напримѣръ, одна барышня, очень извѣстной фамилія, которая всегда входила въ вагонъ со своей горничной, но дѣлала видъ, будто онъ совсѣмъ не виѣтъ. Онъ сходили объ въ одно и то же время и шли по разнымъ сторонамъ улицы, какъ будто между ними не было ничего общаго. Несомнѣнно, тутъ скрывалась какая то тайна, которую, пока еще не удалось открыть.

Ахъ, эти конки! Сколько радостей доставляютъ онъ для любви и сколько терзаній для ревности! Этотъ юноша зналъ такихъ ревнивыхъ мужей, которые безусловно запрещали своимъ женамъ ѣздить въ конкѣ. Они предпочитали скорѣе шагать двѣ мили по слякоти, чѣмъ взойти на переполненную народомъ площадку, когда внутри вагона не было мѣста. Если же они были чѣмъ-нибудь вынуждены помѣстить свои «половины» въ этой толпѣ стоящихъ мужчинъ, то все время неотступно слѣдили за лицами окружающихъ—глазами дракона, переносящаго адскія муки. Одного изъ такихъ я встрѣчалъ въ гостиной и слышалъ, какъ онъ называлъ конки безнравственнымъ учрежденіемъ, мѣстомъ всякихъ скандаловъ, подвижными домами дурной репутаціи.

Но, съ другой стороны, конка была «учрежденіемъ», очень удобнымъ для супружескаго шпіонства. Мой собесѣдникъ зналъ одну особу, которая искала въ карманахъ платья своего мужа обрывковъ коночныхъ билетовъ, чтобы убѣдиться, куда ли онъ отправлялся, куда говорилъ. Часто, когда онъ уходилъ, сказавши:—Иду въ такое-то предмѣстье, — она также тотчасъ же уходила и отправлялась по другой линіи, которая вела къ тому же пункту. Такимъ образомъ, случалось, что супруги оказывались лицомъ къ лицу другъ передъ другомъ, доѣхавъ до заставы Ницца или

Касале. Она была очень рада, убѣдившись въ ея правдивости, а онъ—взбѣшенъ тѣмъ, что за нимъ слѣдили; и вслѣдъ за этимъ разыгрывалась семейная сцена.

— На линіи Кастелло—застава Ницца,—постоянно происходятъ любовныя встрѣчи,—сказалъ онъ мнѣ, помолчавъ. Я спросилъ у него, почему.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ; — но только это такъ. Мы еще объ этомъ поговоримъ.

И, прежде чѣмъ сойти, онъ обернулся ко мнѣ, чтобы сказать:—Взгляните! Вотъ для васъ любопытная картинка.

Зрѣлище, въ самомъ дѣлѣ, было забавное. По одной сторонѣ аллеи двигалось группами многочисленное семейство: два старика, три дѣвушки и два мальчика. Всѣ они дѣлали кучеру знаки остановиться, махая въ туманѣ палкой, четырьмя зонтиками и несчетнымъ количествомъ платковъ, и подымая къ верху руки, какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе, которые съ острова просятъ помощи у проѣзжающаго (корабля).

— Непремѣнно посѣтите линію заставы Ницца,—повторилъ мнѣ живописецъ, слѣзая.—Вы тамъ найдете себѣ много *документовъ*.

* * *

Я долженъ былъ какъ разъ въ эти дни отправиться по этой линіи, чтобы навѣстить моего стараго больного пріятеля, который жилъ на *Corso* *) Галилея.

Я испытывалъ совершенно новое удовольствие проѣзжать въ это туманное зимнее утро по длинной прямой улицѣ, на которой большая закопѣлая желѣзнодорожная станція, масса фабричныхъ трубъ и толпившіеся въ туманѣ экипажи и прохожіе напоминали одну изъ улицъ Парижа или Лондона, и наблюдать, какъ, при быстромъ движеніи, городъ все больше рѣдѣтъ, пустѣетъ и дѣлается спокойнѣе, и, наконецъ, у заставы Ницца, и въ предмѣстахъ и въ людяхъ начинается уже чув-

*) *Corso*—широкая улица.

становаться мирная тишина деревни. В несколько дней я познакомился съ этой линией. Садясь въ вагонъ около 10 часовъ, я всегда встрѣчалъ идущую внизъ платформу—этотъ экипажъ-утѣшитель, безущій завтракъ для кучеровъ и кондукторовъ, нагруженный пламенно желанными корзинами; одѣ изъ нихъ посылались экономической кухней Туринскаго Общества для холостяковъ, а другія приносились въ контору или передавались въ пути по назначенію собственноручно женами или дочерьми, которыя ежедневно въ этотъ часъ стояли въ условленныхъ пунктахъ, словно ожидая любовнаго свиданія.

Возвращаясь домой къ полудню, я встрѣчалъ переполненный служащими вагонъ, который, отправившись съ площади Кастелло въ одиннадцать съ половиною часовъ подбираетъ по дорогѣ всѣхъ идущихъ обѣдать домой въ предместьѣ Санъ Сальваріа. Они зѣвали во весь ротъ, съ лицомъ, вытянутымъ отъ голода, и съ глазами, блуждающими въ нетерпѣніи. Когда же я возвращался вечеромъ, я находилъ въ вагонѣ мѣщанскія семьи, которыя отправлялись въ театръ и были такъ возбуждены необычностью событія, какъ будто подѣзжали къ Турину изъ другого города. Они оживленно болтали, какъ школьники, напоминая молодую компанію, пускающуюся въ рискованное ночное путешествіе.

Въ перерывахъ между рейсами, ожидая на заставѣ отъѣзда и глядя на лошадей, я начиналъ проникаться симпатіей къ этимъ несчастнымъ животнымъ, прагнаннымъ, по большей части, изъ Венгріи и купленнымъ на ярмаркахъ Луинго, Навары или Падуи. Нѣкоторые изъ нихъ были еще сильны и красивы, а другія уже съ согнутыми и обезображенными передними ногами, отъ ежедневной гонки. Онѣ носили самыя разнообразныя имена по фантазіи служащихъ, причастныхъ къ литературѣ и были предназначены судьбой провести день въ городской конкѣ, день въ повозкѣ, въ похоронныхъ дрогахъ, въ кибиткахъ фокусниковъ и даже послѣ смерти отдать человѣку свое мясо, кожу и кости, прослуживъ ему

десятокъ утомительныхъ лѣтъ и испустивъ духъ подъ его кнутомъ...

* * *

Съ перваго же дня я познакомился на этой линіи съ однимъ кучеромъ, очень типичнымъ. Употребляю этотъ эпитетъ въ его буквальный значеніи, потому что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ каждой группѣ служащихъ или рабочихъ какъ будто накопляютъ въ себѣ все раздраженіе, все негодованіе, весь мятежный духъ этой группы.

Это былъ приземистый, сутуловатый человѣкъ съ смуглымъ, казавшимся распухшимъ лицомъ, съ глазами горящими, какъ уголь, съ торчащей, какъ щетина, бородой и громовымъ голосомъ. Казалось, въ немъ бушевала вѣчная буря. Онъ безпрестанно ворчалъ на все и на всѣхъ — на велосипедистовъ, попадавшихся навстрѣчу, мальчишекъ, пугавшихъ лошадей, на повозки, загромаздившія дорогу, на каждого входящаго и выходящаго изъ вагона, на лошадей, на кнутъ, на колокольчикъ, на погоду. Когда онъ не ругался и не ворчалъ, то, все равно, эта злобность сказывалась у него въ каждомъ движеніи: въ манерѣ хлестать лошадей, держать возжи, поворачивать голову, взглядывать и топтать ногами. Если онъ не обрушивался противъ кого-нибудь или чего-нибудь, то невнятно произносилъ гнѣвные монологи, глядя вверхъ, какъ-будто передъ нимъ кружились въ воздухѣ видимые ему одному и возбуждавшіе его враги, или начиналъ испускать продолжительные и яростные свистки безъ всякой надобности. Во время пути отъ площади Кастелло до заставы я не видѣлъ его ни минуты спокойнымъ, точно онъ выщипалъ въ себѣ зlobу цѣлаго народа, и удивлялся, какъ онъ могъ не лопнуть. Я невольно подумалъ, что, если у него есть жена, бѣдная женщина должна навѣрное попасть въ рай. Его называла *Tempesta* *) и это прозвище чрезвычайно ему шло.

*) Т. е. буря.

*

Пассажиры жаловались на него и возмущались, но мнѣ онъ внушалъ состраданіе, потому что бѣднякъ, проводившій день подобнымъ образомъ, уже этимъ былъ наказанъ, перенося муки, далеко превосходящія тѣ, которыхъ ему могли пожелать самыя мстительныя изъ его жертвъ. Онъ тѣмъ больше заслуживалъ, на мой взглядъ, сочувствія, что на каждаго кучера *Tempesta* навѣрное приходится цѣлый десятокъ пассажировъ *Tempesta*, которые подвергаютъ такому же испытанію терпѣніе своихъ близкихъ, какъ онъ—наше.

* * *

Я не видѣлъ ни одной изъ тѣхъ любовныхъ сценъ, о которыхъ мнѣ говорилъ молодой живописецъ: не повезло. Но какъ разъ въ послѣдній день на мою долю выпала одна изъ удачнѣйшихъ поѣздокъ по этой линіи. Всѣ, вѣроятно, наблюдали, что бываютъ удачныя поѣздки, когда всѣ встрѣчи и вообще впечатлѣнія—приятны, и—неудачныя, которыя состоятъ изъ цѣлага ряда разныхъ мелкихъ огорченій. Моя удача началась еще въ концѣ Маргинетто, въ которую я сѣлъ, чтобы доѣхать до площади Кастелло, и оттуда уже отправиться къ заставѣ. Было около часу; день—прекрасный. Я нашелъ на площадкѣ Карлина, счастливаго тѣмъ, что полковникъ Питталюга выступилъ въ Ассабъ, откуда онъ, какъ говорили, долженъ былъ проникнуть въ Харраръ съ экспедиціоннымъ отрядомъ. Такимъ образомъ, планъ Карлина,—открыть противъ абиссинцевъ перекрестный огонь,—близокъ былъ къ осуществленію. Онъ говорилъ объ этомъ съ гвардейцемъ.

— Будутъ перебиты! — восклицалъ онъ:—прикончатъ ихъ, этихъ собакъ-негровъ! Ни одинъ, ни одинъ не вернется въ свою конуру!

Въ его глазахъ сверкала радость побѣды, какъ будто онъ самъ руководилъ дѣйствіями военнаго министра. Но скоро рѣ я убѣдился, что его любознательность не удовлетворялась пищей, доставляемой газетными вѣстями о войнѣ, потому что, спустя немного, я услышалъ, какъ онъ разспрашивалъ одного

пассажира относительно «австрійскаго профессора», надѣленнаго, какъ утверждаютъ, парой дьявольскихъ глазъ, способныхъ видѣть внутренность запертаго ящика. Изъ отвѣта я понялъ, что рѣчь шла о лучахъ Рентгена, и замѣтилъ, что полученное имъ объясненіе только спутало—вмѣсто того, чтобы просвѣтить—его мысли,—случай, весьма нерѣдкій между учеными и невѣждами, даже и въ политикѣ. Что у какого-нибудь человека было настолько острое зрѣніе, что давало ему возможность видѣть сквозь дерево, это была вещь, хоть и странная, но все же, доступная его пониманію, но объясненіе электрическихъ лучей произвело въ его головѣ полный сумбуръ. Онъ остался нѣкоторое время въ раздумьи, а затѣмъ опять вернулся къ африканской войнѣ, въ которой ему было, по крайней мѣрѣ, все ясно.

На задней площадкѣ стоялъ «кавалеръ» *Bischietto* *), не нашедшій внутри вагона своего обычнаго мѣста. Въ глубинѣ вагона я увидѣлъ дѣвushку изъ предмѣстья Санъ Донато; у бѣдняжки была повязка на одномъ глазу. На углу улицы Сиккарди, какъ всегда, вошелъ юноша, ея предполагаемый женихъ, который привѣтствовалъ ее меланхолической улыбкой и сѣлъ vis-à-vis. Кавалеръ, стоя противъ меня, читалъ газету очевидно онъ имѣлъ привычку читать ее и въ это время, можетъ быть, потому, что забылъ прочесть утромъ или, еще болѣе вѣроятно, прочитывалъ половину ея утромъ, а половину откладывалъ до полудня. Встрѣтившись съ нимъ на мгновеніе взглядомъ, я понялъ, что онъ не простилъ мнѣ моего сужденія на счетъ улицы *Гарибальди*.

Воздухъ былъ удивительно прозраченъ. Сквозь просвѣты, образуемые входами въ 25 поперечныхъ улицъ, солнце обливало потоками яркаго свѣта длинную, сурово-тѣнистую улицу. Съ одной стороны ея выступали бѣлыя, голубоватыя вершины высокихъ Альпъ, съ другой вы-

*) Рюмка, т. е. съ рюмкоподобной фигурой.

рисовывался классическій фасадъ Палаццо Мадама съ его сверкавшими окнами. Все это представляло одинъ изъ тѣхъ воспитательныхъ видовъ, какіе только могутъ создать вмѣстѣ природа и искусство, встрѣтившись, какъ здѣсь, лицомъ къ лицу. Какъ разъ въ это время въ конку вошелъ первый думскій секретарь, поэтъ и артистъ, и я сказалъ ему.

— Взгляни, что за красота эта улица *Гарибальди*! Не кажется ли тебѣ, что ты въ одно и тоже время въ Парижѣ, въ Неаполѣ и у подошвы Альпъ?

При этихъ словахъ «кавалеръ» поднялъ голову отъ газеты бросилъ взглядъ на улицу, на Альпы и потомъ на меня — очень быстрый, полный достоинства и благосклонный, выразившій почти прощеніе. Да будетъ благословенно небо! — подумалъ я, — теперь мнѣ открытъ путь къ побѣдѣ надъ его сердцемъ. Поѣздка начиналась удачно.

На углу улицы одно оригинальное явленіе обратило на себя вниманіе всѣхъ пассажировъ. Въ вагонъ вошла и помѣстилась внутри супружеская пара, казалось англичане, безъ сомнѣнія, мужъ и жена и, повидимому, богатые. Это были два изъ наиболѣе красивыхъ и крѣпкихъ экземпляровъ англо-саксонской расы, какіе я когда-либо видѣлъ: атлетъ и амазонка — оба съ золотистыми волосами, лазурными глазами и розовыми щеками, оба сверкающіе молодостью, силой, любовью и счастьемъ. Казалось природа создала ихъ другъ для друга, чтобы показать, какъ она можетъ быть, и чтобы они повсюду на своемъ пути возбуждали всеобщій трепетъ удивленія и зависти. Взоры всѣхъ, сидѣвшихъ въ вагонѣ, обратились на нихъ. Даже у Карлина вырвалось восторженное восклицаніе: — Вотъ такъ парочка! — Ахъ, эти бѣдные, хилые обрученныя изъ Санъ Донато, въ своемъ грубомъ, поношенномъ платьѣ, они казались еще болѣе жалкими и мизерными рядомъ съ этими величественными и блестящими британскими цвѣтками! Я испытывалъ чувство живѣйшей, почти горестной жалости къ этимъ жертвамъ жестокой несправедливости.

Дѣвушка поразила меня особенно.

Она разсматривала особу, сидѣвшую рядомъ съ нею, съ головы до ногъ, повернувъ къ ней совсѣмъ свое лицо, чтобы лучше видѣть своимъ единственнымъ глазомъ, оставшимся у нея открытымъ, она смотрѣла на нее какъ на существо, стоявшее на столько выше нея, что не могло быть и рѣчи ни о какой зависти, и ея пристальный, расширенный глазъ выражалъ столько наивнаго восхищенія и хорошей симпатіи и вмѣстѣ съ тѣмъ такое грустное и трогательное сознаніе своего ничтожества, что казался прекраснымъ. Въ этомъ взглядѣ сіяла особенная красота, напоминающая красоту святыхъ словъ, способныхъ въ моменты тяжелыхъ жизненныхъ испытаній поднять изъ глубины души неисчерпаемыя сокровища доброты и благородства.

Я наблюдалъ всѣ ея движенія. Немного спустя, она остановила свой взглядъ, такой же пристальный и доброжелательный, но менѣе живой, на англичанинѣ, потомъ взглянула на своего друга, стараясь встрѣтиться съ нимъ взоромъ. И они смотрѣли другъ на друга въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній и, казалось, каждый хотѣлъ сказать: — Какъ они хороши, и какъ счастливы, не правда ли? Но, глядя на нихъ, я еще сильнѣе привязываюсь къ тебѣ, потому что думаю: вотъ у нихъ такъ много разныхъ другихъ благъ, а у меня — только ты. Но, вѣдь мы также созданы другъ для друга!

Когда она встала, чтобы сойти на площади Кастелло, онъ протянулъ ей руку, и она слегка покраснѣла, можетъ быть, потому, что подумала о сравненіи, которое могли сдѣлать между ними и той другой парой. Ея краска немного отразилась и на его лицѣ... Стыдливость отъ сознанія своей некрасивости и бѣдности болѣе привлекательна и достойна уваженія, чѣмъ стыдливость отъ наивности.

На площади, среди народа, ожидающаго конку на заставу, мнѣ бросился въ глаза человекъ среднихъ лѣтъ, невысокаго роста, бритый, съ лицомъ и въ платьѣ бѣднаго актера. Онъ стоялъ, наблюдая улыбающимися глазами двухъ привязанныхъ лошадей. Я также сталъ смо-

трѣтъ на нихъ. Онѣ ласкали другъ дружку, какъ любящія сестры, проводили мордами по гривамъ, сближали головы, терлись висками и, приблизивъ свой ротъ къ уху другой, такъ оставались съ полузакрытыми глазами, словно разговаривали, обшѣпываясь впечатлѣніями своей тяжелой жизни и сравнивая ее съ тѣми долгими снами, которые имъ пришлось бы видѣть у подъѣздовъ театровъ и станцій, подъ охраной сплывыхъ кучеровъ. Вдругъ обрѣтый человѣчекъ обратился ко мнѣ, какъ къ знакомому, заговоривъ итичьимъ голоскомъ:

— Какъ онѣ другъ друга любятъ, а? онѣ всего — четырехъ и пяти лѣтъ — совсѣмъ еще дѣти! Но плохо спарованы: одна крѣпкая, а другая слабая; никогда не будутъ хорошо виѣстѣ работать.

А, конкофилъ! Мнѣ не нужно было ничего другого, чтобъ распознать его.

Вскорѣ затѣмъ онѣ прибавилъ:— Это прекрасная линія!— Онѣ былъ сторонникомъ Туринскаго общества. Когда мы тронулись, онѣ опять возобновилъ со мной разговоръ на площадкѣ, рассказывая о ежедневныхъ барышахъ, прямо исключительныхъ, на этой линіи Ницца, которую онѣ называлъ «царицей всѣхъ линій», съ тѣми особеннымъ выраженіемъ гордаго удовольствія, съ какимъ многочисленныя несчастные бѣдняки обыкновенно перечисляютъ и расхваливаютъ богатства знаменитыхъ милліонеровъ, какъ бы похвалявая, мысленно, грудами ихъ червонцевъ и тѣмъ доставляя себѣ минутное удовольствіе и иллюзію обладанія.

Весь переѣздъ отъ площади Кастелло былъ очень веселымъ. Не доѣзжая до площади Лагранде, когда конка была на всемъ ходу, на подножку ея вскочила молоденькая изящно одѣтая дѣвушка, которая до того ожидала на мостовой. Сдѣлавъ этотъ прыжокъ, она такъ и стояла нѣсколько мгновеній на одной ногѣ, не держась руками, какъ акробатъ, ожидающій аплодисментовъ, и затѣмъ, открывъ дверь, вошла въ вагонъ при всеобщемъ изумленіи. Только сосѣдь мой не выразилъ никакого удивленія.

— Это учительница велосипедной ѣзды для дамъ, — сказалъ, или вѣрнѣе прорбор-

моталъ онѣ. Я сказалъ ему, что въ первый разъ вижу женщину, входящую въ конку такимъ образомъ.

— Я думаю, — отвѣтилъ онѣ, — потому, что это большая рѣдкость. Такихъ въ Туринѣ всего четыре.

Въ то время, когда онѣ говорилъ, въ вагонъ вошли и усѣлись посерединѣ, другъ противъ друга, старый капуцинскій монахъ, маленькій и сухой, какъ мумія, и совсѣмъ еще молоденькій подпоручикъ, которые смотрѣли другъ на друга съ большимъ вниманіемъ, какъ существа, кажушіяся очень странными одно для другого, получившія въ первый разъ возможность рассмотреть другъ друга вблизи. Эти двое и красивая кормилица, сидящая въ глубинѣ вагона, съ своимъ громаднымъ бѣлымъ чепцомъ, краснымъ передникомъ и жемчужнымъ украшеніемъ, какъ у мадонны, рѣзко бросались въ глаза среди всей публики и представляли такой глубокой, поразительной контрастъ въ отношеніи другъ друга, что глаза всѣхъ пассажировъ безпрестанно перебѣгали, съ улыбкой, съ одного изъ этихъ лицъ на другое, какъ будто передъ ними разыгрывалась тремя характерными персонажами сцена изъ комедіи.

Я стоялъ, наблюдая эту картинку, когда конка остановилась; бритый человѣкъ сошелъ, а вошла женщина крѣпкого сложенія и съ смѣлымъ лицомъ и помѣстилась внутри вагона, съ мальчикомъ на колѣняхъ.

Кондукторъ подошелъ къ ней и подаль два билета, но она ему протянула только два сольда *).

— Нужно заплатить и за ребенка, — сказалъ онѣ съ моденскимъ акцентомъ, отчеканивая слова.

— За ребенка такого возраста? — рѣзко спросила женщина.

— Именно такого, — отвѣтилъ кондукторъ, — правила исключаютъ только грудныхъ дѣтей. А вашъ грудной?

— Что вы хотите сказать?

— Кормится ли молокомъ.

— Конечно, кормится: каждое утро, какъ только встанетъ.

— Не заговаривайте мнѣ зубовъ! Я

*) Сольдо — монета = 5 сантимамъ.

хочу сказать, кормится ли молокомъ матери.— и онъ сдѣлалъ пальцемъ знакъ указывая на источникъ, — вапимъ...

— О!.. — воскликнула разсерженная женщина, — пожалуйста повѣжливіе!

Всѣ разразились смѣхомъ. Она окинула пассажировъ угрожающимъ взоромъ, но, вдругъ, и сама разсмѣялась, чѣмъ обнаружила, что была обижена только для виду, чтобы не отвѣчать на вопросъ. Это вызвало вторичный взрывъ хохота.

Компанія была въ хорошемъ настроеніи. На углу улицы *Baretti* вошла вся запыхавшись полная особа лѣтъ пятидесяти. круглая и свѣжая, какъ цвѣтная капуста, въ шляпкѣ, напоминавшей кустъ и съ букетомъ цвѣтовъ, прижатымъ къ груди. Лошади уже тронулись, когда она вошла въ вагонъ, чтобы занять свободное посерединѣ мѣсто, но, повернувшись слишкомъ быстро, она вдругъ потеряла равновѣсіе и, вскрикнувъ, упала къ офицеру на колѣни. Это продолжалось всего одинъ моментъ, но такъ комично было видѣть эту грузную, запыхавшуюся женщину съ краснымъ лицомъ, этимъ кустомъ на головѣ и букетомъ на груди, сидящую на колѣняхъ у молодого испуганнаго офицера, что всѣ начали хохотать: сначала пассажиры, потомъ офицеръ и, наконецъ, она сама, хотя чувствовала себя до того смущенной, что садясь на мѣсто, закрыла рукою лицо.

Но этимъ еще все не кончилось. Когда подъѣзжали къ площади Санъ Сальваріо, съ улицы сдѣлала знакъ остановить вагонъ мнѣиатурная бѣлокурая дама, державшая за руки двухъ дѣтей. Кучеръ остановилъ. Она приблизилась къ передней площадкѣ и подала одного изъ мальчиковъ кондуктору, который и впустилъ его въ вагонъ. Бѣлокуренькій, улыбающийся мальчикъ (лѣтъ двухъ) былъ всѣми встрѣченъ очень ласково. Сейчасъ послѣ него вошелъ второй, совершенно похожій на перваго, такой же улыбающийся и также одѣтый. Казалось, этимъ должно было и кончиться. Но еще не видѣли тѣхъ, которые стояли за спиной матери. Кондукторъ взялъ изъ нихъ и впустилъ гретьяго — немного увеличенную копію первыхъ двухъ. Въ вагонѣ развеселились

и начали шутить: уже три! Цѣлый колледжъ! Наконецъ, появился четвертый, вызвавшій хоръ восклицаній, и еще дѣвочка лѣтъ восьми. Послѣ нихъ вошла и дама, вылитый портретъ всѣхъ пяти, такая же розовая и веселая, какъ они, и при ея появленіи всѣ замолчали. Но, замѣтивъ, что готовится еще шестое изданіе, всѣ опять развеселились, приветствуя ее улыбками восторженной симпатіи и шепотомъ почтительныхъ поздравленій. Эта общая веселость пассажировъ, ласкавшихъ дѣтей, видъ этихъ бѣленькихъ дѣтскихъ лицъ, улыбающихся неизвѣстно чему, въ отвѣтъ на улыбку другихъ, и радостное и любовное выраженіе лица этой «мамочки», проворной и свѣжей, какъ дѣвочка, доставить на нѣсколько минутъ пріятное зрѣлище.

Въ ста шагахъ отъ заставы, когда лошади бѣжали галопомъ, учительница велосипедной ѣзды вышла на площадку и спустилась на подножку съ поднятымъ гордо лицомъ и развѣвающимся по вѣтру вуалю. Затѣмъ она сошла плавно безъ всякаго прыжка, какъ будто бы двѣ невидимыя руки опустили ее на землю. Среди пассажировъ, выглядывавшихъ въ окна, чтобы посмотреть, какъ она сходитъ, я увидѣлъ удивленное лицо стараго монаха, которое какъ бы говорило: — Что за женщины народились теперь?

Такъ закончилось это счастливое путешествіе, одно изъ тѣхъ, во время которыхъ наши ближніе являются передъ нами только съ симпатичной или юмористической стороны и внушаютъ намъ мимолетную иллюзію, что жизнь — только пріятная комедія, не развлекающая лишь того, кто ея не понимаетъ, или кто

...Несчастливъ и въ удовольствіяхъ
Неудачливъ и неопытенъ.

* * *

Но, увы! Какъ непостоянно и измѣнчиво счастье даже въ конкѣ! Въ моей записной книжкѣ отмѣчено воскресенье 9 го числа, какъ несчастный день. Погода была холодная, дождливая и такая сѣрая, что казалось, будто все заволоклось пепломъ. Послѣ обѣда, вскорѣ послѣ того, какъ я взошелъ на площадку вагона на линіи Винагаіо и сталъ ря-

домъ съ добрымъ Джорсомъ, который, казалось, былъ приведенъ дождемъ въ прекрасное настроеніе, со мной произошедъ неприятный случай. Да послужить онъ въ назиданіе безпечнымъ курильщикамъ! Я взялъ въ зубы сигару, подаренную мнѣ однимъ испанскимъ журналистомъ, проѣзжавшимъ черезъ Туринъ, одну изъ тѣхъ роскошныхъ, настоящихъ гаванскихъ сигаръ, которыя производятъ на насъ, бѣдныхъ итальянцевъ, такое впечатлѣніе, какъ бѣлый хлѣбъ на привышихъ къ ржаному. При первыхъ же клубахъ дыма Джорсъ обернулся ко мнѣ, воскликнувъ:

— Вотъ такъ конфетка! какъ славно пахнетъ!

И онъ принялся вдыхать въ себя дымъ сигары, подставляя лицо изогнувъ спину, и отъ удовольствія такъ смѣялся, какъ будто сосалъ ее самъ. Я не придерживалъ сигары рукой, чтобъ не обнаружить своего неумѣнія обращаться съ такими тонкими вещами, и вдругъ отъ сотрясенія при поворотѣ вагона въ улицу эта «конфетка» выскользнула изъ моихъ губъ и стремительно покатиалась прямо въ грязь.

— Ахъ, бѣда!—вскричалъ Джорсъ съ такимъ искреннимъ огорченіемъ, словно она выскочила изъ его губъ. Но, взглянувъ мнѣ въ лицо и видя, что я стою съ видомъ вороны, у которой только что выпалъ изъ рта кусочекъ сыру, онъ звонко разсмѣялся, какъ мальчикъ. Впрочемъ, онъ тотчасъ же спохватился и, замѣтивъ мой принужденный смѣхъ, промолвилъ серьезнымъ, соболѣзнующимъ голосомъ:

— Да... ужь если курить такія сигары, такъ лучше взять экипажъ. — Но, пораженный самою острою, онъ опять разразился смѣхомъ.

— Плохое начало!—подумалъ я:—на этой линіи меня ждутъ неудачи.

И онъ скоро начались. На углу Корсо Витторіо взошелъ бывший учитель гимназіи, мой старый знакомый, съ длинными волосами и бородой, немного прихрамывающій; у него была одна изъ тѣхъ риторическихъ фізіономій старыхъ литераторовъ, которые какъ будто такъ и родились съ очками на носу. Онъ номѣстился передо мной на площадкѣ. Я

почувствовалъ себя погибшимъ. Онъ былъ безпощадный тецъ собственныхъ стиховъ, которыми мучилъ своихъ друзей, какъ брэнчанемъ на цитрѣ. Эта безжалостная порода особенно невыносима въ конкѣ, гдѣ вы не можете избѣжать пытки и вынуждены получать удары въ упоръ, находясь лицомъ къ лицу съ вашимъ палачемъ.

На мое несчастье площадка была переполнена, такъ что мнѣ нельзя было двинуться, и я, связанный по рукамъ и ногамъ, отдался въ его власть. Послѣ коротенькаго предисловія о своемъ послѣднемъ «произведеніи», онъ уперся въ мою грудь длиннымъ, костлявымъ указательнымъ пальцемъ и началъ декламировать, сначала въ полголоса, но потомъ, воодушевляясь, все громче: «*Къ человеку!*...»

Это былъ сонетъ, но написанный въ вопросительной формѣ, которая, казалось, была выбрана именно для того, чтобъ оставить слушателя къ позорному столбу. Онъ начинался словами: «Человѣкъ, кто ты?» И въ каждомъ стихѣ повторялся этотъ вопросъ, на который поэтъ, мрачнѣйшій пессимистъ, давалъ цѣлый рядъ «крѣпкихъ» отвѣтовъ, одинъ оскорбительнѣе другого для царя земли.

«Человѣкъ, кто ты?» Даже сидѣвшіе пассажиры, которые не могли понять, что онъ мнѣ декламируетъ, но видѣли его жестъ и улавливали нѣкоторыя слова, подумали, что онъ нагло меня ругаетъ и, поворачивались къ намъ, чтобы посмотреть. А онъ снова обращался ко мнѣ, прицѣливаясь пальцемъ въ мой подбородокъ: «Кто ты? Самъ по себѣ ты лжецъ и нечестивецъ!» Вниманіе пассажировъ усиливается. Ближе сидящіе улыбаются, но другіе прислушиваются съ вытянутыми лицами, выражающими удивленіе и тревогу, ожидая, что я сейчасъ подыму руку.

«Кто ты?»—продолжалъ онъ, осыпая меня эпитетами *насъкомаго, пустого пузмря, червяка, иены*—градомъ смертельныхъ оскорбленій, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мое душевное состояніе, хотя краска прилила къ моимъ щекамъ, и на страдальческія гримасы, которыя я изображалъ на лицѣ. Когда онъ началъ первый стихъ послѣдняго

трехстишія, я почувствовалъ близость послѣдняго удара, который заключалъ въ себѣ патентъ высочайшей подлости, и началъ кашлять, чтобъ заглушить голосъ декламатора. Но мой мучитель повторилъ свой стихъ.

Въ это время какъ разъ вагонъ остановился. Я долженъ былъ ѣхать дальше, но постѣснялся дольше оставаться тамъ, гдѣ молчаливо принялъ столько оскорбленій, и, желая показать публикѣ, что я съ моимъ сосѣдомъ были старыми пріятелями, вышелъ съ нимъ на площадь. Онъ мнѣ скоро началъ декламировать другое стихотвореніе...

Полчаса спустя, я вернулся туда, гдѣ вышелъ изъ вагона, чтобы отправиться по линіи Віали, взомель на площадку, переполненную народомъ, и встрѣтился съ...

Что за проклятый день! Вотъ ужъ второй непріятный случай, только и возможный, что въ коньѣ: очутиться лицомъ къ лицу и быть вынужденнымъ смотрѣть, прикасаться, смѣшиваться дыханіемъ съ стариннымъ пріятелемъ, дружба съ которымъ порвана пятнадцать лѣтъ тому назадъ и котораго ни разу не встрѣчалъ въ теченіе этихъ пятнадцати лѣтъ! Когда вы сталкиваетесь съ врагомъ, ненавидящимъ васъ и ненавидимымъ вами, дѣло обходится очень легко: вы поворачиваете къ нему спину, и онъ дѣлаетъ тоже. Но когда разрывъ съ человѣкомъ произошелъ только вслѣдствіе юношескихъ споровъ и разногласій, и когда вы уже успѣли въ этомъ раскаяться, предполагаете, что и онъ уже раскаявается, и чувствуете, что только обоюдная гордость мѣшаетъ вамъ вернуться другъ къ другу,—какъ тягостна тогда должна быть эта встрѣча.

Къ счастью, минутой спустя, два пассажира сошли, и такимъ образомъ между нами образовалось маленькое пространство, и онъ могъ медленно отодвинуться и отвернуться въ другую сторону, какъ бы затѣмъ, чтобы не мѣшать мнѣ. Но это, казалось, было еще хуже. Не видя передъ собою его лица, я могъ свободно думать и невольно отдался воспоминаніямъ прошлаго. А онъ стоялъ тутъ, мевше чѣмъ на шагъ отъ меня, такъ

что его затылокъ приходился прямо противъ моего подбородка; по едва замѣтному подергиванію его щеки я понялъ, что онъ слегка взволнованъ; я въ первый разъ видѣлъ его съ сѣдыми волосами. Мнѣ вспомнились веселые вечера, проведенные когда-то нами вмѣстѣ и разговоры, полные взаимнаго довѣрія, и длинныя прогулки, сдѣланныя съ нимъ...

Я подумалъ что, въ сущности онъ былъ очень милый другъ: немного скоропалительный и аффектированный, но по натурѣ сердечный и неспособный ни на какой неблагородный поступокъ. Мнѣ пришло также на память, какъ за семь или восемь лѣтъ передъ тѣмъ, онъ потерялъ свою мать, умершую ужасною смертью вслѣдствіе паденія изъ экипажа, и какъ послѣ того, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, онъ ходилъ блѣдный и удрученный. И я подумалъ, что мнѣ слѣдовало воспользоваться случаемъ—дотронуться до его плеча, назвать его по имени и, когда онъ обернется, встрѣтить его улыбкой, которая была бы для него призывомъ...

Но у меня не хватало мужества это сдѣлать. Тогда я подло заставлялъ себя вспоминать наши споры, перебирая оскорбительныя слова, которыя онъ мнѣ говорилъ и стараясь смягчить значеніе словъ, сказанныхъ ему мною, —однимъ словомъ, разжигать свою гордость. Такъ стоялъ я, жесткій и нѣмой, до тѣхъ поръ, пока, онъ наконецъ, не сошелъ, не взглянувъ на меня, и направился, подъ дождемъ, по улицѣ...

Я почувствовалъ болѣзненное раскаяніе, стыдась своей мелочности и сознавая, что заслужилъ обращенное ко мнѣ: Человѣкъ кто ты? Ахъ, несчастный міръ!—подумалъ я.

*
*
*

Мое вдохновеніе освѣжилось при видѣ *жардиньеръ*, которыя, по обыкновенію, появились въ послѣдніе дни масляной. Это—легкіе, открытые со всѣхъ сторонъ экипажи, въ которыхъ всѣ пассажиры сидѣли лицомъ въ одну сторону, другъ за другомъ, такъ что четверо сидящихъ впереди, слегка повернувшись,

могли видѣть двадцать восемь остальныхъ, расположенныхъ въ семи рядахъ, словно въ партерѣ миниатюрнаго театра. Такимъ образомъ, для наблюдателя открывалось болѣе широкое поле, чѣмъ въ закрытыхъ вагонахъ конки.

Я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ наблюденій насчетъ интересной породы эротиковъ, которые, не имѣя больше возможности пользоваться, тѣснотой и суматохой обнаруживали себя болѣе открыто. Самые смѣлые изъ нихъ, чаще всего молодые, прямо поворачивались спиною къ лошадямъ и, опершись въ элегантныхъ позахъ о спинки переднихъ сидѣній, разсматривали прекрасный полъ. Другіе, самые робкіе, но часто наиболѣе глубокіе наблюдатели и тонкіе цѣнители, помѣщались, стоя, сзади, откуда нельзя было видѣть женскихъ лицъ, но зато можно было любоваться разнообразными контурами женскихъ формъ, что вполне должно было вознаграждать ихъ за первое лишеніе. Оттуда, въ самомъ дѣлѣ, такъ удобно было ласкать взорами бѣлыя шея, волосы, слегка растрепанные вѣтромъ, выбившіеся изъ подъ шляпокъ локоны и длинныя косы, спускающіяся по спинамъ молодыхъ дѣдушекъ; или наблюдать разныя граціозныя движенія энергичныя и усталыя, искусственныя и простыя, съ которыми красивыя женщины садятся и устраиваются на мѣстахъ, а также, незамѣтно, производятъ болѣе тонкія наблюденія надъ пассажирками послѣдней лавки. Рѣдко случается при входѣ въ жардиньеру не встрѣтить одного изъ такихъ вдумчивыхъ наблюдателей, которые блескомъ своихъ зрачковъ выдаютъ, чѣмъ заняты ихъ мысли.

Одного оригинала подобнаго рода я увидѣлъ въ воскресенье на масляной на линіи Віали. Онъ стоялъ возлѣ меня сзади. Это былъ человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, кругленькій, розовый и безбородый, съ волнистой посѣдѣвшей шевелюрой, выглядывавшей изъ подъ небольшого цилиндра; одѣтъ онъ былъ во все черное; стоячій воротникъ рубашки сверкалъ ослѣпительной бѣлизной. Еслибъ не острый запахъ розовыхъ духовъ, распространявшійся отъ его особы, я не-

премѣнно пріялъ бы его за евангелическаго пастора.

Жардиньера была переполнена дамами и барышнями. Его живые, глубокого цвѣта, глаза безпрестанно бѣгали по этой массѣ шляпокъ, напоминавшихъ цвѣточную грядку, провожали на нѣкоторое разстояніе каждую вышедшую изъ экипажа даму, разглядывали и пронизывали сдвинутую и не пропускали ни одного движенія каждой изъ сидящихъ, когда онѣ вставали, оглядывались, оправдывали платье или давали мѣсто другимъ. Казалось, онъ мысленно дѣлалъ разныя замѣтки о нихъ, но ни тѣни чувственности не было въ его взглядѣ. Онъ выражалъ только эстетическое удовольствіе артиста, а постоянная, слегка скользящая на губахъ улыбка говорила о ясномъ и чистомъ наслажденіи воображенія. Разъ случайно я поймалъ взоръ его расширенныхъ глазъ, пристально устремленныхъ на подвижную спинку послѣдней лавочки, налѣво отъ меня, и взглянулъ туда. Оказалось, что онъ поймалъ на мѣстѣ преступленія молоденькую модистку, незадолго передъ тѣмъ вошедшую въ экипажъ вмѣстѣ съ молодымъ человекомъ. Она сидѣла, заложивъ руки назадъ, повыше пояса, и сохраняя въ лицѣ притворно-наивное выраженіе, вертѣла пальцы въ рукахъ своего пріятеля, стоявшаго за нею съ такимъ же притворно-спокойнымъ видомъ. Мнѣ показалось, что это открытіе развеселило моего наблюдателя, наполнивъ его доброжелательной радостью, напоминающею радость отца, который смотритъ на шутки дочери съ женихомъ.

Я рѣшилъ, что это одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ стариковъ, здоровыхъ духомъ и тѣломъ, которыхъ продолжаетъ привлекать прекрасный полъ, но уже не волнуетъ. Они любятъ красивую женщину, какъ утренней зарей. Безропотно довольствуясь своей ролью зрителей, они передъ проявленіями женской граціи и красоты, любви и упоеній молодости, испытываютъ только одно, чисто духовное и спокойное наслажденіе, лишенное всякой зависти и сожалѣній. Я вторично сѣв

тилъ его взглядъ, полный восхищенія, устремленный на край одной изъ среднихъ скамеекъ... и узналъ чистый профиль «мертвой дѣвы», которая, въ моемъ воображеніи, тотчасъ представила лежачей на черномъ сукнѣ, посреди четырехъ восковыхъ свѣчъ, съ закрытыми глазами и сложенными на груди руками, вся завернутая въ бѣлое покрывало и украшенная цвѣтами.

Она была по обыкновенію, одна и одѣта, какъ всегда, просто, съ бѣлой розой на шляпкѣ, съ блѣднымъ лицомъ, неизмѣнно выражающимъ ясность и спокойствіе сверхчеловѣческаго существа которое казалось, не могло ни смѣяться, ни плакать, ни краснѣть и было недоступно для всякихъ земныхъ страстей. Мое любопытство было возбуждено еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Кто она такая?.. Ея сосѣдки, отъ времени до времени, обращались, чтобъ взглянуть на нее, но она, повидимому, этого не замѣчала. Впрочемъ, она дала еще большее доказательство своей невозмутимости. На одной остановкѣ мимо насъ, съ той стороны, гдѣ она сидѣла, медленно проѣхалъ на велосипедѣ молодой офицеръ. Когда мы поровнялись, онъ взглянулъ на нее пристально и поѣхалъ дальше. Но какъ только мы тронулись, онъ повернулъ назадъ и, подобно адъютанту сопровождающему королевскую карету, сталъ ѣхать рядомъ съ нами, глядя въ сторону дѣвушки. Многіе обратили вниманіе на этотъ маневръ и начали смотрѣть на обоихъ. Офицеръ улыбнулся немного сконфуженно, но не остановился, она же не обнаружила ни малѣйшаго признака сочувствія, неволости или обиды, словно на велосипедѣ сидѣлъ шестилѣтній ребенокъ, и продолжала яснымъ спокойнымъ взоромъ слѣдить за движеніемъ колесъ, какъ будто изучая механизмъ. Онъ еще немного приблизился, не сводя съ нея глазъ, потомъ, сблвавъ усилие, проѣхалъ впередъ и исчезъ. Она обвела смотрѣвшихъ на нее пассажировъ своими большими глазами безполагая ангела, въ которыхъ не было никакой мысли, какъ будто ничего не случилось: ни она никого не видѣла, ни на нее никто не смотрѣлъ.

Одно изъ двухъ: она была или, дѣйствительно, чудомъ душевной чистоты и невинности, или, можетъ быть, напротивъ, чудовищемъ притворства. Это послѣднее предположеніе заставило меня призадуматься. Она очевидно, производила на всѣхъ очень сильное впечатлѣніе, и когда она выходила изъ экипажа на углу улицы головы всѣхъ пассажировъ, словно порывомъ вѣтра были обращены въ ея сторону: всѣмъ хотѣлось взглянуть на нее. И я видѣлъ, что ея худенькая полудѣтская фигурка, монашески скромная одежда и скромная дѣтская походка вызывали во всѣхъ столько же изумленія, какъ во мнѣ любопытства. Я уже готовъ былъ сдѣлать глупость — сойти, чтобъ разспросить о ней у швейцара того дома, въ который она вошла; но въ это время мое вниманіе отвлекъ стоявшій на передней скамейкѣ, между дамой и гувернаткой, мальчикъ, котораго я, какъ будто видѣлъ уже раньше.

Мнѣ показалось, что это тотъ самый, котораго однажды мать поднесла къ бѣлокурой дѣвчкѣ въ вагонѣ Джорса. И, въ самомъ дѣлѣ, я узналъ его мать по слегка растрепаннымъ волосамъ и смѣлому профилю, въ то время, когда она повернулась, чтобъ заговорить съ какой-то особой, которой мнѣ не было видно. На слѣдующей скамейкѣ за ними оставалось одно свободное мѣсто, и я пересѣлъ туда, чтобъ рассмотреть эту оригинальную женщину. Я думалъ много разъ, вспоминая густую краску, вспыхивавшую на ея лицѣ, и выраженіе неустрашимости сестры милосердія, которымъ дышали ея большіе черные глаза. Она разговаривала съ бѣдной дѣвчкой лѣтъ 13—14, которая сидѣла рядомъ, съ непокрытой головой, была страшно худа, какъ послѣ долгой болѣзни, и кашляла. Я былъ пораженъ ея голосомъ — энергичнымъ, горячимъ, нѣсколько охрипшимъ, какъ послѣ долгаго напряженія, но еще больше — той особенной манерой, съ которой она говорила съ этой бѣдняжкой: о чемъ-то ее распрашивала и, казалось, давала свѣты. Шумъ экипажа мѣшалъ мнѣ слышать. Въ выраженіи ея лица, жестахъ и вѣжливомъ, сердеч-

номъ тонѣ было нѣчто, удивительно гармонирующее съ тѣмъ идеаломъ отношеній между богатыми и бѣдными, который сложился у меня въ головѣ.

Идеаль этотъ состоитъ въ томъ, чтобы въ участіи къ бѣдному не было ни тѣни любощества или грубости; чтобы чувство жалости деликатно сдерживалось отъ проявленій и, по своей природѣ, ничѣмъ не отличалось отъ той жалости, которую люди испытываютъ къ *равнымъ* себѣ; чтобы сочувствіе не носило искусственнаго предвѣрнаго характера, а являлось результатомъ невольнаго безсознательнаго порыва души.

Мы были на половинѣ улицы Каріоли, когда высокій бородатый человѣкъ съ фигурой разбогатѣвшаго деревенскаго подрядчика, сидѣвшій спиной къ этой дамѣ, такъ что видны были только его громадные, красныя уши, — зажегъ сигару, «*Savonig*» и началъ дымить, какъ труба.

Движущійся воздухъ относилъ клубы прямо въ лицо дѣвочки, которая сильнѣе закашлялась и, наклонивъ голову, начала отмахиваться отъ дыма руками.

Дама оставалась съ минуту въ нерѣшимости, потомъ наклонилась впередъ и вѣжливо попросила курящаго перестать, указавъ ему на кашляющую дѣвочку.

Тотъ повернулъ свою красную физиономію, выразившую непріятное удивленіе, бросилъ взглядъ на нее, потомъ на *protégée* и продолжалъ курить.

Обычный румянецъ вспыхнулъ на лицѣ молодой женщины; кровь залила ея шею, какъ у пѣвицы, собирающейся взять трудную ноту.

— Синьоръ, — повторила она уже менѣе вѣжливо, чѣмъ прежде: — я прошу васъ перестать курить... изъ человѣколюбія, а не изъ деликатности.

Онъ только пожалъ плечами и выпустилъ новое облако дыма.

— Садись на мое мѣсто! — сказала она дѣвочкѣ рѣшительнымъ тономъ и, вскочивъ на ноги, прибавила вслухъ! — Какой невѣжа!

Тотъ рѣзко повернулся и проговорилъ съ широко раскрытыми глазами:

— Поосторожнѣе выразайтесь!

— Я говорю, какъ слѣдуетъ!

Онъ всталъ.

— О, пожалуйста!.. Я женщина, но не боюсь! — И она стояла передъ здоровеннымъ мужчиной, съ вызывающимъ, горящимъ лицомъ и неустрашимымъ взглядомъ, прижимая къ себѣ одной рукой плачущаго ребенка, а другую положивши на плечо испуганной дѣвочки. Кучеръ и пассажиры готовы были вмѣшаться, а она, эта маленькая храбрая женщина, была въ эту минуту такъ хороша, что хотѣлось расцѣловать ее.

Подавленный хоромъ враждебныхъ голосовъ, мужчина съѣлъ, ворча себѣ подъ носъ и не вынимая изо рта сигары, но уже не кура. Вскорѣ, когда мы доѣхали до улицы Бонафусъ, дама съ ребенкомъ и гувернанткой сошла, распростившись съ бѣдной дѣвочкой, и скоро затерялась въ густой толпѣ народа, стремившагося къ каруселямъ и балаганамъ на площади *Виктора Эмануила*, откула доносился адскій шумъ криковъ и нестройной музыки.

* * *

Втеченіе трехъ дней жардиньеры были осаждены цѣлой арміей разнаго рода паяцовъ и ряженыхъ, одѣтыхъ, многочисленными группами, въ одинъ и тотъ же цвѣтъ, словно они были набернованы и передѣты префектурой. Съ утра до вечера повторялось одно и то же стереотипное: «Я тебя знаю!» — съ неизбѣжными выкрикиваніями, фальцетомъ, такимъ же остроумнымъ и непріятнымъ, какъ ихъ винное дыханіе и запахъ ихъ бѣлья, сомнительной чистоты, и ихъ потной кожи. Въ моему сожалѣнію въ маленькомъ коновчномъ театрѣ интересная повседневная комедія была вытѣснена шумнымъ маскарадомъ, на которомъ я могъ наблюдать жизнь только въ шутковскихъ карриатурахъ. Поэтому я неохотно предпринялъ поѣздку во вторникъ на маслянной, послѣ обѣда.

Изъ Африки получились ужасныя вѣсти о сраженіяхъ (*Сезъа* и *Алеквъ*) съ мятежниками. Вокругъ меня пассажиры комментировали факты, обмѣнивались грустными словами по поводу гибели лю-

дей, жестокаго обращенія съ ранеными, смерти двухъ офицеровъ, Негретти и Капуто, и третьяго, сожженаго живымъ,— и все это по временамъ смѣшивалось и заглушалось праздничными звуками трубъ и рожковъ, дикими криками и пѣніемъ ряженыхъ, проходившихъ мимо, или грубыми шутками и смѣхомъ сидѣвшихъ въ конкѣ. Среди этого веселья еще болѣе трагичными и несчастными казались мнѣ эти бѣдныя далекія жертвы проклятой войны. Ахъ, какая ужасная вещь національный трауръ въ тѣ дни, которые календаремъ предназначены для веселья и кутежей!

Когда мы отѣхали немного, рядомъ со мною сѣлъ человекъ зрѣлаго возраста, у котораго, вмѣсто маски на лицѣ, былъ приклеенъ длинный горизонтальный носъ. И съ этимъ клювомъ аиста, надѣтымъ какъ бы по обязанности, онъ пресерьезно читалъ газету затѣмъ одинъ захмѣлѣвшій, полусонный рабочій, забывъ о томъ, что для развлечения себя и публики вымазалъ себѣ сажей лицо,— началъ рассказывать жалобнымъ тономъ слящему пріятелю о своихъ семейныхъ несчастіяхъ. На полпути граціозная зеленая маска, выхода изъ экипажа, вдругъ ударила меня по шляпѣ, и сказала надъ самымъ ухомъ: Долой социализмъ!— На что я не обратилъ вниманія, потому что, судя по ея глазамъ и манерамъ, едва ли она была искренней противницей коллективной собственности.

На ея мѣсто, спусти не много времени, сѣла старушка съ совершенно сѣдыми волосами, съ выраженіемъ достоинства и доброты, сохранившая въ лицѣ слѣды юношеской красоты, а вслѣдъ за ней, на передней скамейкѣ усѣлася молодой человекъ въ шутовской маскѣ и съ глазами, блестящими отъ выпитаго вина. По грубымъ рукамъ, въ которыхъ онъ держалъ бумажный кулѣкъ, видно было, что это—рабочій. И вотъ произошелъ инцидентъ, доказывающій, что въ душѣ плебея вѣжливость способна вызвать уваженіе скорѣе, чѣмъ высококѣріе. Пораженный красотой этихъ благородныхъ сѣдинъ, юноша повернулся и, опершись о спинку сидѣнья, прямо лицомъ къ

лицу противъ старушки, сталъ улыбаться съ дерзкой фамильярностью, готовый сказать ей какую-нибудь грубую остроту. Онъ началъ обычной формулой:

— А, я тебя знаю... Я тебя зналъ, когда ты была еще молода... Постарайся припомнить!

Строгий отвѣтъ непременно вызвалъ бы оскорбленіе. Но она, напротивъ, отвѣтила очень мягко, наклонивъ голову:

— Ты ошибаешься, бѣдное дитя! Когда я была молода, тебя еще не было на свѣтѣ...

Эти милыя слова, произнесенныя спокойно, такимъ доброжелательнымъ, почти материнскимъ тономъ и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти, были полною неожиданностью для молодого человека и вызвали въ немъ замѣшательство. Онъ улыбнулся, покачалъ головою, потомъ хотѣлъ возразить что-то, но не рѣшился и, чтобы выйти изъ затрудненія, опустилъ руку въ кулѣкъ, вытащилъ оттуда двѣ карамели и протянулъ ихъ старушкѣ. Та приняла, а онъ усѣлся на мѣсто и уже не сказалъ ничего больше.

Экипажъ нашъ, подобно лодкѣ, выплывающей изъ рѣки въ озеро, вѣхалъ въ густую толпу народа на площади *Виктора Эмануила*. Среди этой толпы, которая поребѣчьи дурачилась и сновавала вокругъ украшенныхъ флагами балагановъ, воющихъ шутовъ и чудовищныхъ куколъ,—при видѣ всѣхъ этихъ людей разныхъ состояній и возрастовъ, вкружившихся на деревянныхъ коняхъ, игрушечныхъ лодкахъ и велосипедахъ, качавшихся на качеляхъ и смѣшившихся на звуки трубъ комедіантовъ, сзывавшихъ человѣческую глупость, особой, наиболѣе серьезной и сохранившей человѣческой обликъ, казался кучеръ, бѣдный горбунъ съ красной кожей, который, сдерживая лошадей, безпрестанно давалъ свистки, кричалъ: «берегись!» и отталкивалъ отъ колесъ окончательно одурѣвшихъ людей, которые иногда отвѣчали ему бранью, не прощая ему тона превосходства, какимъ онъ говорилъ съ ними. Вздохъ облегченія вырвался изъ его груди, когда онъ, взвѣхавъ на мостъ черезъ По, очутился на просторѣ, внѣ опасности раздавить кого-нибудь изъ

своихъ ближнихъ, не чувствуя необходимости думать за тысячи другихъ. Онъ вынулъ изъ кармана голубой платокъ и вытеръ имъ вспотѣвшій лобъ, а когда доѣхали до площади, перепрягъ лошадей, вытащилъ корзину и, сидя на ступенькѣ, принялся поспѣшно глотать свой холодный рисовый супъ съ бобами.

Я стоялъ, наблюдая его, въ ожиданіи отъѣзда. Это былъ, на видъ, человекъ лѣтъ 35, должно быть, крестьянинъ, потому что въ ушахъ у него блестяли позолоченныя колечки, и при томъ, судя по выговору, одинъ изъ тѣхъ работниковъ на рисовыхъ поляхъ, о которыхъ ихъ коллеги по конкѣ отзываются съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ, говоря, что тяжелая жизнь кучеровъ—рай сравнительно съ адскою жизнью, какую они вели раньше.

Видя, что я его наблюдаю, онъ разсказалъ мнѣ въ отрывочныхъ и невнятныхъ выраженіяхъ исторію своего завтрака, запоздававшего на четыре часа. Случилось это потому, что самъ онъ былъ экстренно отозванъ на линію Мартинетто замѣнить отсутствующаго кучера, и корзина, принесенная женой, переходила изъ конки въ конку отъ 10 до 2-хъ часовъ, когда онъ, наконецъ, получилъ ее.

И бѣдный горбунъ, пропустившійся съ утра, торопливо глотая свой завтракъ, оглядывался при каждомъ кускѣ, не идетъ ли другая конка, уже обезпеченный при одной мысли о той толпѣ, которая будетъ сновать черезъ рельсы, заставляя его трубить въ рожокъ и кричать во все горло на площади *Виктора Эмануила*, на улицѣ *По* и *Гарибальди*—вплоть до другого конца Туррина...

— Ахъ, масляница, — воскликнулъ онъ.—Что она—для насъ, кучеровъ!.. Хотѣлъ бы я знать, кто ее выдумалъ!

И онъ сбѣлалъ такой жестъ, словно хотѣлъ швырнуть кому-нибудь въ лицо свою корзину.

Я опять поѣхалъ съ нимъ. Снова съ площади въ жардиньеру ввалилась съ дьявольскимъ шумомъ громадная волна народа, такъ что, еще не доѣзжая до

улицы *По*, конка была переполнена. Здѣсь было замѣчательное смѣшеніе цвѣтныхъ шляпокъ, цилиндровъ, вселоченныхъ шевелюръ, капюшоновъ и масокъ,—густая толпа подвижнаго, какъ ртуть, народа, среди котораго раздавались взрывы криковъ и смѣха, подобно треску лопающихся ракетъ и петардъ. Все это несло съ собою направленію къ проходившимъ вагонамъ и omnibusамъ, откуда, въ отвѣтъ, раздавались такіе же неистовые крики, словно изъ сумашедшаго дома. На каждомъ шагѣ жардиньера останавливалась, многіе выходили и входили, спорили о мѣстахъ, падали и вставали, — однимъ словомъ, тѣснили другъ друга всѣми способами и обмывались толчками, шутками и любезностями, болтая при этомъ оглушительнымъ голосомъ.

На площади *Бастелла* передо мной, на задней площадкѣ, помѣстился ряженный колосальныхъ размѣровъ, одѣтый въ черное простое домино, что дѣлало его похожимъ на брата общины милосердія. Онъ, вмѣстѣ съ двумя другими пьяницами, начиная съ улицы *Гарибальди*, сталъ приставать къ одной женщинѣ, которую я не могъ разглядѣть за ихъ фигурами. Они преслѣдовали ее ироническими вопросами и въ шутку называли «матушкой» и «бабушкой».

— Матушка, скажите, весело ль вы начали праздновать масляницу?

— Посмотри-ка: у нея въ мѣшеѣ-то совсѣмъ мало осталось пряниковъ!

— А на каруселяхъ хоть разокъ покатались?..

— Если бѣ ты зналъ, гдѣ я видѣлъ ее!..

Никакого отвѣта на все это не послѣдовало. Минуту спустя три шутника вышли, и я различилъ на послѣдней скамейкѣ старушку которая, вѣроятно, поѣхала, по обыкновенію, на углу улицы. *XX Settembre*. Она сидѣла съ платочкомъ на головѣ и съ пустымъ мѣшкомъ на колѣняхъ, и на лицѣ у нея была обычное выраженіе кротости и покорности. Она не выражала ни малѣйшаго неудовольствія на шутки, какъ будто даже не понимая ихъ, и смотрѣла изумленными глазами на маски-

рованныхъ дѣвицъ, проѣзжавшихъ мимо на велосипедахъ, и толпы ряженныхъ, которыя сновали по обѣимъ сторонамъ экипажа, топая ногами и крича, какъ козлинное стадо. Но, глядя, она казалось, ничего не видѣла. Она увидѣла только церковь *св. Мучениковъ*, когда мы мимо нея проѣзжали, и осѣнила себя крестомъ. Та *idée fixe*, которую я раньше подмѣтилъ въ ея лицѣ, будто сдѣлалась еще глубже и тревожнѣе. Она чаще прежняго закрывала глаза, опуская голову на грудь, и вдругъ вся вздрагивала, словно очнувшись отъ мучительнаго сна. Она показала мнѣ еще болѣе миниатюрной, высохшей и жалкой, словно съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ въ послѣдній разъ, она не снала вовсе и сдѣлалась еще несчастнѣе прежняго. Что съ ней случилось? Я не могъ себѣ опредѣленно представить настоящей причины ея горя, но смутно чувствовалъ, что разгадка ея тайны въ моихъ мысляхъ и что еслибы кто-нибудь сказалъ мнѣ ее, я бы убѣдился, что не открылъ ее самъ.

Она снова перекрестилась, когда мы проѣзжали мимо *св. Далмація* и еще разъ закрыла глаза, когда выѣхали на площадь Статуто и, когда я сошелъ направо, чтобъ идти домой, она сошла налево, на углу улицы *Риволи*. Я видѣлъ, какъ она удалялась, съ своимъ пустымъ мѣшкомъ подъ рукою, медленными равномерными шагами, вся согнувшись отъ своего таинственнаго горя, словно подъ невидимую тяжесть, совершенно одинокая на обширной, уже потемнѣвшей площади, маленькая, жалкая, какъ заблудившійся муравей. И съ этой черной точкой, исчезнувшей за безмолвнымъ горизонтомъ деревни, угасъ для меня весь шумъ и блескъ карнавала.

* * *

Черезъ нѣсколько дней, утромъ, я опять встрѣтилъ ее на той же линіи и искалъ случая заговорить съ нею, чтобъ открыть, наконецъ, ея тайну; но былъ отвлеченъ новымъ зрѣлищемъ.

Я заинтересовался совершенно новыми наблюденіями—тѣмъ своеобразнымъ видомъ, въ которомъ представляется коноч-

ному пассажиру избирательная борьба. Всѣ волновались въ ожиданіи этихъ административныхъ выборовъ, отъ которыхъ зависѣло преобладаніе католической или либеральной партіи. Стѣны были покрыты избирательными манифестами всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ, которые гордо подымались до самыхъ крышъ и униженно спускались до панелей, какъ бы затѣмъ, чтобъ пристать къ ногамъ прохожихъ. Движеніе на всѣхъ линіяхъ совершалось при хорѣ всевозможныхъ поощреній, просьбъ, обѣщаній, обвиненій и угрозъ, въ которомъ болѣе ясно и рѣзко выдѣлялась сотня именъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, аристократическихкихъ, мѣщанскихъ и плебейскихихъ. Они выкрикивались разными голосами со множествомъ разнообразныхъ отгѣнковъ то весело, то умоляюще; и конка, казалось, убѣгала отъ этихъ голосовъ, громяхая и звоня, и какъ будто не хотѣла объ этомъ думать, имѣя свои собственные, другія заботы. На каждой остановкѣ голоса эти слышались явственнѣе и громче, а затѣмъ опять смѣшивались въ глухомъ и отдаленномъ гулѣ, въ которомъ нельзя было разобрать ни программъ, ни именъ.

Въ вагонѣ иногда загорались горячіе споры, изъ которыхъ до моего слуха долетали только отрывочныя слова и выраженія, въ родѣ:—Шарлатанъ!—Пора кончить!—Увидимъ!—и т. п. Были такіе пассажиры, которые безъ споровъ толково открывали съ враждебнымъ видомъ другъ передъ другомъ свои газеты, нѣкоторыя же мирно производили математическіе вычисленія, и среди ихъ разговоровъ постоянно раздавалось: пять тысячъ, семь тысячъ, десять! какъ въ разговорахъ о войнѣ. Были и такіе, которые съ беззаботной улыбкой слѣдили за мелканіемъ манифестовъ на стѣнѣ, повидимому въ одинаковой степени забавляясь и красными, и черными и трехцвѣтными. Въ другихъ, проѣзжавшихъ мимо, вагонахъ я замѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ мнѣ юношей, которые съ очень занятымъ видомъ держали подъ мышкой дѣлая пачки печатныхъ листовъ, вынужденные ѣздить цѣлый день, съ ранняго утра до вечера,

къ чему ихъ побуждали, въ одно и то же время, долгъ и страсть, это—добровольные и добросовѣстные служители идеи. Одинъ такой пропагандистъ однажды помогъ мнѣ сдѣлать открытіе относительно одного изъ моихъ таинственныхъ спутниковъ по конкѣ.

Въ одно туманное утро я стоялъ на площадкѣ конки Мартинетто рядомъ съ «кавалеромъ», который стоя читалъ свою неизмѣнную газету. Вошелъ мой знакомый столяръ, въ громадной калабрійской шляпѣ и бархатномъ полиняломъ, цвѣта какао пиджакѣ, который я видѣлъ на немъ уже лѣтъ 5 или 6 подрядъ. Это былъ большой комикъ и оригиналъ какъ по характеру, такъ и по наружности. Когда онъ бывалъ серіозенъ, то съ своей огромной всклокоченной рыжеватою бородой, густыми бровями и бычачьей шеей, казался просто страшилищемъ; когда же смѣялся, то имѣлъ видъ величайшаго добряка въ мірѣ, несмотря на голосъ, громкій, какъ выстрѣлъ крупновской пушки. Это былъ философъ, выражавшій всѣ свои мысли въ формѣ взрѣченій, заносимыхъ имъ иногда въ записную книжку, которую онъ имѣлъ всегда при себѣ. Большая часть ихъ относилась къ области морали, обычаевъ, женской эмансипации и воспитанія дѣтей. Но онъ представлялъ изъ себя не абстрактнаго мыслителя а живого «пропагандиста» и страстнаго неутомимаго оратора, способнаго просвѣщать своихъ друзей въ теченіе цѣлаго года ежедневно, съ настойчивостью миссіонера. И при всемъ томъ, это былъ хорошій работникъ, на столько склонный къ воздержанію (отчасти сознательно, отчасти по инстинкту), что способенъ былъ лишить себя вина и табаку, чтобы отдать свою лепту на дѣло или на покупку брошюръ, журналовъ, а также портретовъ любимыхъ дѣятелей которыми украшалъ свою комнату. По природѣ добрый и простой, онъ въ то же время не лишень былъ остроумія и добродушно подсмѣивался надъ буржуазіей.

Войдя въ конку, онъ тотчасъ заговорилъ со мной въ полголоса: онъ очень былъ доволенъ ходомъ избирательной

агитаціи, которая, по его мнѣнію, начиналась хорошо. Одна только фраза вырвалась у него громко:—Туринъ просыпается!—Услышавъ ее, «кавалеръ» отвелъ глаза отъ газеты и посмотрѣлъ на него съ минутой съ величайшимъ изумленіемъ. Онъ продолжалъ говорить. На площадку поднялись другіе. Случайно оглянувшись, я вдругъ увидѣлъ на другой сторонѣ площадки очки и сѣдую бороду того моего таинственнаго врага, который никогда не входилъ съ той стороны, конки, гдѣ стоялъ я. Онъ смотрѣлъ на меня и на моего собесѣдника расширенными, вытаращенными глазами, переводя ихъ поминутно съ одного изъ насъ на другого такъ выразительно и съ такой ненавистью, что истина вдругъ открылась передо мной, словно ее озарилъ блескъ молніи. Такъ онъ ненавидѣлъ во мнѣ партійнаго противника!.. И въ то же мгновеніе во мнѣ промелькнуло смутное подозрѣніе: не онъ ли авторъ анонимнаго письма, полученнаго мною на другой день послѣ смерти бѣднаго Карно? Оно было озаглавлено такъ: *Достойному другу Казеріо...*

А я еще думалъ побѣдить его! Отгадавъ причину ужаса, который я ему внушаю, я долженъ убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ... Но, въ общемъ, тайна разоблачена; въ моемъ коночномъ мірѣ я сдѣлалъ первое, важное для меня открытіе, а дальше, можетъ быть... Кто знаетъ!... А пока, для удобства въ замяткахъ, я своему врагу далъ имя Гюйо (Guyot), французскаго социалиста.

Глава III.

Мартъ.

Для многихъ людей, которые мало выходятъ изъ дому и которые отъ лѣности, отъ старости или по болѣзни не пользуются уже ногами, — конка дѣлается единственнымъ средствомъ общенія съ міромъ, послѣднимъ подвижнымъ местомъ, соединяющимъ ихъ съ городомъ, въ которомъ они одиноко проживаютъ. Они совершаютъ въ конкѣ свои гигиеническія прогулки «туда и обратно», или такъ называемыя круговыя поѣздки, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ;

они въ конкѣ ищутъ пріятныхъ разговоровъ, заводятъ новыя знакомства, собираютъ новости, встрѣчаются иногда со своими друзьями и, возвратившись домой, не говорятъ ни о чемъ больше, кромѣ людей и маленькихъ случаевъ, видѣнныхъ ими по пути, — словно для нихъ не существуетъ другого общества ввѣ того, которое движется съ 7½ часовъ утра до 10 вечера по громадной желѣзнодорожной сѣти бельгійскаго и туринскаго обществъ. Могу смѣло сказать, что я составлялъ часть этой семьи во все то время, пока задумывалъ свою книгу. Еще не выходя изъ дому, я мысленно представлялъ уже себѣ лицъ, которыхъ обыкновенно встрѣчалъ въ конкѣ, и всякій разъ, когда мимо моего окна проходилъ вагонъ, образы ихъ вставали въ моемъ воображеніи; когда я выходилъ, любопытство мое обострялось, и я все думалъ, кого-то я сегодня встрѣчу, чтѣ случится, чтѣ мнѣ удастся открыть во время моей поѣздки. Конка сдѣлалась для меня тѣмъ, чѣмъ бываетъ для старыхъ пенсионеровъ кафѣ, куда они ходятъ узнавать общественное мнѣніе насчетъ событій дня. Такъ было и утромъ второго марта: едва придя въ себя отъ ужаснаго извѣстія объ Абба-Каримѣ, я отправился въ свое подвижное кафѣ, чтобъ наблюдать впечатлѣніе, произведенное этимъ страшнымъ событіемъ.

Я сразу попалъ въ вагонъ Карлина на линіи Мартинетто. Внутри сидѣли шесть или семь человекъ, нахмуренные, съ газетами въ рукахъ и не глядя другъ на друга. Казалось, что каждый боялся, взглянувши, прочесть въ лицѣ другого новость еще хуже той, которая была вычитана въ газетѣ. Всѣ обнаруживали, кромѣ страданія, еще какое-то горькое и подавленное, глухое негодование, казавшееся мнѣ угрызениемъ совѣсти и раскаяньемъ въ той глупой до вѣрчивости и ребяческомъ энтузіазмѣ, съ какимъ они столько времени предавались этимъ кровавымъ иллюзіямъ, отъ которыхъ такъ рѣзко, подобно проснувшимся пьяницамъ, очнулись въ это утро. Всѣ молчали. Вагонъ напоминалъ собою кабинетъ для чтенія, въ которомъ собралась ипохондрики. Одинъ Карлинь

находился въ ажитации. Подойдя ко мнѣ, на площадкѣ, съ лицомъ, похожимъ на Цанарделли и болѣе сухимъ, чѣмъ обыкновенно, и нервнымъ жестомъ отрывая мнѣ билетъ отъ книжечки, произнесъ: «Нелѣпость! Нелѣпость! — слово, заимствованное имъ, безъ сомнѣнія, изъ газеты.

Но онъ старался утѣшить себя, утверждая (на основаніи своихъ собственныхъ предположеній, потому что соответственныхъ извѣстій не было получено), что наша артиллерія произвела неслыханное опустошеніе. При томъ еще онъ глубоко вѣрилъ въ маюра Престинари и ожидалъ чудесъ отъ генерала Бальдисера, который долженъ «смести все». Непобѣдимый Карлинь! Вся его длинная тощая фигура пылала жаждой войны и мести. Онъ хотѣлъ бы послать туда сто тысячъ, двѣсти тысячъ, четыреста тысячъ человекъ и всѣ, до послѣдней, пушки изъ нашего арсенала, чтобы свести счеты съ этими каналами-неграмми. И онъ продолжалъ отрывать билеты съ такой яростью, какъ будто всякій разъ вырывалъ клочекъ кожи у Негуса.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней у меня не было другихъ объектов наблюденія, кромѣ него. Я узналъ, что онъ былъ не только горячимъ африканистомъ и любознательнымъ къ наукамъ, но также наблюдателемъ своихъ ближнихъ. Состоя въ службѣ уже много лѣтъ, онъ на всѣхъ линіяхъ зналъ множество лицъ, помнилъ въ которомъ часу они садились въ конку и выходили, но, не зная, кто были эти лица, дѣлалъ свои фантастическія предположенія на счетъ ихъ общественнаго положенія и состоянія, наблюдая ихъ внимательнымъ взоромъ. И казалось, что эта постоянная смѣна знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ и отрывки разговоровъ, долетавшихъ до него въ теченіе дня, доставляли ему удовольствіе. Разъ онъ сказалъ мнѣ:—Если-бъ немного больше зарабатывать, да утомляться немного меньше, эта профессія была бы въ моемъ вкусѣ. — Онъ принадлежалъ къ числу людей съ живымъ пылкимъ воображеніемъ, для которыхъ жизненное зрѣлище доставляетъ наслажденіе. Онъ съ глубочайшимъ вниманіемъ прислушивался къ спорамъ и разговорамъ людей, которые

казались ему образованными, собирая отрывки мыслей и новостей, потомъ долго молча переваривалъ ихъ и, наконецъ преобразивши и искаживши ихъ до неузнаваемости, начиналъ дѣлиться ими съ товарищами и съ пассажирами болѣе низкаго положенія.

При томъ, онъ всегда дѣлалъ видъ, что знаетъ гораздо больше, чѣмъ высказываетъ, и что вообще живетъ въ интеллектуальной сферѣ, далеко высшей его служебнаго положенія. Всегда онъ былъ серьезенъ, съ нахмуреннымъ лбомъ; только когда въ вагонъ входила какая-нибудь элегантно одѣтая женщина, онъ прищуривалъ одинъ глазъ и игриво поджималъ губы съ видомъ тонкаго и глубокаго знатока женскаго пола.

Чтобъ завязать разговоръ, онъ забрасывалъ обыкновенно словечко, словно удочку въ воду, не обращая ни къ кому участности. Если пассажиръ «клевалъ», онъ развязывалъ языкъ, если же нѣтъ, то не прибавлялъ ничего болше, ожидая другого, болѣе удобнаго случая. Или же какъ будто про себя онъ въ полъ-голоса называлъ входящихъ въ вагонъ.

— Вотъ главный секретарь въ муниципію *)... ведетъ всѣ дѣла—большой умница.—Вотъ синьора Валдата, примадонна пьемонтскаго театра; каждое воскресенье въ этотъ часъ ѣздитъ въ *Россини* на дневной спектакль.— А этотъ—кавалеръ Бенотти, ветеранъ 48 года, ѣдетъ въ кафе съ собакой.

Послѣдній былъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей этой линіи. Я много разъ видѣлъ его входившимъ въ конку около № 43 улицы *Гарибальди*; онъ всегда носилъ въ петличкѣ бантикъ съ медалью. Ему было семьдесятъ восемь лѣтъ и онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобъ всѣмъ сообщить о своемъ возрастѣ, которымъ гордился. При входѣ въ вагонъ онъ всегда извинялся за медленность, прибавляя: въ семьдесятъ восемь лѣтъ трудно быть скорымъ... Когда сосѣди улыбались, видя какъ онъ хватается обѣими руками за колонку при каждомъ встряхиваніи вагона, онъ въ

свою очередь улыбался и говорилъ.—Э, нечего подшучивать... мнѣ уже стукнуло семьдесятъ восемь...—Это былъ чистенькій вѣжливый старичокъ, уже начавшій впадать въ дѣтство, что придавало ему видъ особенной доброты. Онъ всѣмъ улыбался по-дѣтски и очень любилъ ласкать концемъ пальца щеки дѣтей, когда они сидѣли противъ него на колѣняхъ у матерей. Онъ былъ очень экспансивенъ и испытывалъ такую потребность говорить, что часто разговаривалъ самъ съ собою, покачивая въ знакъ одобренія головой. Онъ держался сутуловато, но по временамъ внезапно выпрямлялся, словно подъ вліяніемъ толчка какой-то внутренней пружины, поднималъ голову и съ гордостью смотрѣлъ вокругъ себя, можетъ быть возбужденный воспоминаніемъ какой-нибудь битвы. Но это продолжалось всего нѣсколько мгновеній. Затѣмъ онъ снова впадалъ въ свое обычное состояніе, какъ будто пружина лопалась, и принималъ видъ веселый и почтительный. У него была маленькая собака, называвшаяся Чюкетто, съ желтоватой лисьей шерстью и мохнатымъ хвостомъ; она постоянно сопровождала вагонъ, бѣжа около площадки и ежеминутно поднимая вверхъ мордочку, чтобъ взглянуть на своего господина. И онъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на нее подолгу, улыбался ей любовно, и съ беспокойствомъ искалъ ее взоромъ всякій разъ, когда проѣзжающая телѣга или экипажъ скрывали ее отъ его глазъ. Видно было что эта собака была его другомъ и утѣшеніемъ, его единственной подругой, коротавшей съ нимъ долгіе дни, когда онъ, въ слѣдствіе дурной погоды и старческой немощи, совсѣмъ не выходилъ изъ дому.

Старикъ былъ немножко глуховатъ, что заставляло его проявлять еще болше вѣжливости. Часто случалось, что онъ, улыбаясь, дѣлалъ утвердительный знакъ головой лицамъ, которыя съ нимъ совсѣмъ не говорили, или продолжалъ сохранять видъ глубочайшаго вниманія, когда собесѣдникъ его уже молчалъ. Какъ разъ одинъ изъ такихъ случаевъ, которые вызываютъ у другихъ смѣхъ, побудилъ меня, изъ чувства симпатіи

*) Дума.

къ нему, занести его въ списокъ моихъ персонажей.

Между тѣмъ мартъ начинался для меня неудачно. Базалось, отчаяніе, вызванное извѣстіемъ объ Абба-Каримѣ, разсѣяло всѣхъ моихъ знакомыхъ. Дни проходили за днями, а я не встрѣчалъ никого изъ нихъ ни на одной изъ трехъ линій, по которымъ имѣлъ обыкновеніе проѣзжать. Мнѣ не приходилось встрѣчать въ это время и другихъ, новыхъ лицъ, которыя были бы подходящими для моей книги. Да, увы! мнѣ не хватало матеріала. Меня начинало охватывать тягостное сомнѣніе: можетъ быть, я построилъ свое зданіе на иллюзіяхъ, и одной дѣйствительности недостаточно, чтобы поддержать его? Можетъ быть, нельзя обойтись совершенно безъ вымысла, какъ я предполагалъ? Переходя, изо дня въ день, отъ сомнѣнія къ увѣренности, я готовъ былъ, потерявъ мужество, вторично отказаться отъ своего намѣренія...

Однако, тѣ двое благословенныхъ влюбленныхъ изъ *Санъ-Донато* побудили меня снова взяться за перо. Я встрѣтилъ ихъ однажды раннимъ утромъ въ конкѣ, взойдя съ площади *Статутто*. Я въ первый разъ видѣлъ дѣвушку, ѣдущей изъ предмѣстья вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, который обыкновенно входилъ на углу улицы *Сиккарди*. Они сидѣли рядомъ, недалеко отъ передняго выхода. При первомъ же взглядѣ я замѣтилъ перемѣну въ нихъ обоихъ, но особенно значительную—въ ней. На ней была новая шляпка и платье, котораго я прежде не видѣлъ; больше замѣчалось спокойствія въ лицѣ и нѣжности въ глазахъ, и движенія были исполнены какого-то новаго достоинства и солидности, почти сознательнаго удовлетворенія. Оба говорили свободнѣе и улыбались чаще и увѣреннѣе, чѣмъ прежде. Я долженъ былъ бы понять сразу, но понялъ лишь нѣсколько минутъ спустя: они повѣяли, — не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Я взглянулъ на ея правую руку и увидѣлъ кольцо. Вотъ какъ!... Я почувствовалъ живѣйшую радость. Бѣдняжки! И такъ, они, нако-

нецъ, счастливы. Кто знаетъ, съ какими лишениями собирали они сольдо за сольдомъ, чтобы устроить себѣ маленькую квартиру въ *Санъ-Донато*. Несомнѣнно, они жили тамъ и, должно быть, занимали единственную комнату съ печкой, въ которой можно было варить если не служилъ имъ для этой цѣли просто каминъ. Смотря на нихъ, я представлялъ себѣ эту комнату въ третьемъ этажѣ, меблированную только самымъ необходимымъ, съ вазономъ цвѣтовъ на окнѣ, съ керосиновой лампочкой на маленькомъ столикѣ, за которымъ она вечеромъ шьетъ, а онъ что-нибудь переписываетъ, послѣ скромнаго ужина. И я воображалъ себѣ, какъ проходитъ ихъ жизнь, въ которой сочтены минуты и сантимы *), какъ произносятся въ одни и тѣ же моменты одни и тѣ же слова, какъ читается въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по одной страницѣ въ день одна и та же книга, какъ разъ въ двѣ недѣли они ходятъ въ театръ на вторую скамейку галлерей, какъ на досугѣ они предаются семейнымъ надеждамъ и мечтамъ и пр.

По обыкновенію, она встала, чтобы сойти на площади *Кастелло*: значить, продолжала ходить на работу. Бѣдная женщина! Вставая, она сдѣлала жестъ необычайно живой, и вся грація, какая только могла проявиться въ этомъ мизерномъ и столь мало женственномъ тѣлѣ, выразилась въ этомъ жестѣ, который, само собой разумѣется, былъ всецѣло предназначенъ для ея мужа. Сойдя на землю и ожидая, пока вагонъ пройдетъ мимо, она съ улыбкой посылала ему прощальный привѣтъ рукой. Это было для нея совсѣмъ ново: привѣтъ жены мужу.

И вскорѣ, всего день послѣ того, — словно эти супруги открыли для меня удачный періодъ, — я встрѣтилъ другую парочку, которой суждено было занимать мое любознательство въ теченіе всего года. Было 4 часа по полудни, когда на линіи съ улицы *Гарибальди* въ вагонъ вошла хорошенькая брюнетка лѣтъ около

*) Сантимы.

тридцати, изящно одѣтая, слегка застѣнчивая, съ чрезвычайно ясными глазами и маленькимъ дѣтскимъ ртомъ. Занявши мѣсто въ углу вагона, она обвела всѣхъ присутствующихъ быстрымъ взоромъ, отражавшимъ легкое безпокойство, которое, впрочемъ, тотчасъ исчезло. По виду, она была изъ тѣхъ лицъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ: «Вотъ порядочная женщина». На ней была черная, отдѣланная букетиками фіалокъ, шляпка, которая удивительно шла къ ея бѣлому и скромному, какъ у дѣвушки, лицу. Послѣ своего перваго взгляда, она больше ужъ ни на кого не смотрѣла; казалось, она сосредоточила все свое вниманіе на туфелькахъ ребенка, котораго держала на колѣняхъ женщина, сидѣвшая съ другой стороны. Когда конка доѣхала до площади, съ улицы *Рима* въ вагонъ вскочилъ на ходу красивый армейскій капитанъ, высокій и стройный, въ новомъ блестящемъ беретѣ и перчаткахъ ослѣпительной бѣлизны, и сѣлъ противъ нея. Они мелькомъ взглянули другъ на друга и тотчасъ оба отвернули головы въ противоположныя стороны: онъ направо, а она налево. Какая неосторожность! Еслибы они раскланялись и начали разговаривать, это не возбудило бы ничего подозрѣнія. Но тотъ обмѣнъ индифферентными взорами и одинаковый взглядъ, брошенный на присутствующихъ, какъ бы затѣмъ, чтобы убѣдиться, что никто не замѣтилъ ихъ встрѣчи, выдали ихъ. И еще болѣе выдалъ ихъ румянецъ, разлившійся по ея щекамъ, несмотря на все ея усиліе сдержать его, судя по движенію ея груди. Румянецъ потухъ въ одно мгновеніе, но въ лицѣ ея остались явные слѣды смущенія и глаза выражали безпомощное замѣшательство отъ сознанія, что ее наблюдаютъ, и какой-то смутный страхъ, вызываемый въ ней улыбкой, на которую она отъ времени до времени бросала бѣглые притворно-разсѣянные взгляды, пробѣгавшіе вдоль пассажировъ. Это свиданіе въ концѣ, очевидно, было первымъ, на которое она согласилась, чтобы вознаграждать его за другое свиданіе, отвергнутое ею въ иномъ мѣстѣ.

Должно быть, она сказала: Въ четырехъ стѣнахъ, только состоящихъ изъ дерева и стекла, какъ здѣсь.

И кто знаетъ, для сколькихъ еще парочекъ вагонъ служить преддверіемъ! И кто знаетъ, почему въ головѣ у меня родилась идея, что эта дама—жена котораго чиновника! Можетъ быть, потому, что въ лицахъ ихъ было что-то общее, можетъ быть, вслѣдствіе какого-нибудь воспоминанія, скрытаго въ моей памяти. Но только лицо ея мужа вдругъ представилось мнѣ въ квадратномъ окошечкѣ для заказной корреспонденціи такъ ясно и опредѣленно, какъ будто я въ самомъ дѣлѣ его видѣлъ. И мнѣ стало его жаль при мысли, что онъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь по близости въ эту минуту стоитъ, опущывая пальцемъ письмо, чтобъ удостовѣриться, прочно ли наложены печати. Ахъ, бѣдный чиновникъ, въ этомъ мѣрѣ нѣтъ ничего прочнаго! Все такъ же хрупко, какъ сургучъ, и скоропреходяще, какъ письмо... Но я тотчасъ же подумалъ, что пройдетъ немного времени, какъ и измѣнница его будетъ наказана, потому что блестящіе глаза капитана, подвижные и улыбающіеся, какъ у ребенка, то скользящіе по блестящему позументу на рукавѣ, то устремленные на стекло окна, въ которомъ отражался новый беретъ, не представляли большихъ гарантій продолжительности страсти.

Для нихъ уже начались разныя мелкія тревоги преступной любви. Взглядъ ея обращался на каждое лицо, появляющееся на площадкѣ, какъ бы желая угадать, кто это. Каждый новый пассажиръ, входившій въ вагонъ, вызывалъ тѣнь на ея лицѣ, уменьшая надежду остаться хоть на минуту наединѣ съ своимъ возлюбленнымъ. Всякій пристальный взглядъ кого-нибудь изъ присутствующихъ заставлялъ ея глаза искать себѣ убѣжища въ туфелькахъ ребенка, сидѣвшаго передъ ней. Ахъ, синьора, эти «четыре стѣны изъ дерева и стекла» дѣйствительно защищаютъ добродѣтель отъ полнаго паденія, но зато онѣ доставляютъ и страданіе... Между тѣмъ, они отъ времени до времени встрѣчались взглядами; и, судя по пламени, сверкающему изъ-

подъ ея полуопущенныхъ рѣсницъ— участь бѣднаго почтового чиновника была рѣшена. Увы, Бельгійское общество, можетъ быть, работаетъ отъ возлюбленныхъ еще по нѣсколько сольо, но затѣмъ его вагоны окажутся для нихъ недостаточными. Понятно, за десять сантимовъ всего получить невозможно. Когда я сошелъ на площади *Карла-Феликса*, въ вагонѣ оставалось всего пять или шесть человекъ. Мнѣ показалось, что капитанъ сказалъ себѣ: «Ну, однимъ докучливимъ пассажиромъ меньше!» А я себѣ подумалъ въ отвѣтъ: двумя персонажами больше.

Еслибы, возвращаясь домой, я не побѣхалъ случайно по линіи Боргоуово, то, можетъ быть, и до сихъ поръ не зналъ бы ничего объ одномъ изъ самыхъ оригинальныхъ и симпатичныхъ своихъ персонажей. То была по истинѣ счастливая мысль отправиться по этой конкѣ, потому что я пріѣхалъ на площадь *Кастелли* какъ разъ во время, чтобъ пересѣсть въ конку *Мартинетта*, и, войдя на площадку, тотчасъ замѣтилъ внутри вагона мою храбрую незнакомку, усмирительницу курильщика. Она сидѣла среди другихъ дамъ съ своимъ неразлучнымъ мальчикомъ на рукахъ. Спустя немного времени мнѣ представился случай узнать, кто она. Работая, по обыкновенію, на этотъ счетъ воображеніемъ, я вдругъ увидѣлъ на углу улицы своего симпатичнаго живописца, съ которымъ не встрѣчался уже болѣе мѣсяца, и сдѣлалъ ему настойчивый жестъ, приглашая его въ конку. Онъ зналъ полъ-Турина и могъ мнѣ помочь разрѣшить загадку. Онъ однимъ прыжкомъ вскочилъ на площадку, и я указалъ ему на незнакомку.

— Какъ, — спросилъ онъ — вы не знаете донну-Кихотту Ламанскую.

Замѣтивши, что говорятъ о ней, моя синьора взглянула на насъ своими темными выпуклыми глазами, но съ выраженіемъ полнѣйшаго равнодушія. Очевидно, она привыкла «видѣть», какъ говорятъ о ней.

— Весь городъ ее знаетъ, — возразилъ юноша. — донна Кихотта или Кихотина —

это ея прозвище. Мужъ ея, бывшій инженеръ, по званію, и богатый домовладѣлецъ, а она—его отчаянье. Полу-сумасшедшая, — какъ онъ ее называетъ, или — экзальтированная, какъ сказали бы мы. Вы, вѣроятно, слышали объ извѣстномъ процессѣ, бывшемъ четыре года тому назадъ, когда судили двухъ лавочниковъ, уморившихъ своего ребенка? Такъ это она была та синьора, которая хотѣла вырвать его у нихъ изъ рукъ и выпарпать имъ обѣимъ глаза, и была такъ избита, что надолго слегла въ постель. Во время судебныхъ преній, если припомните, только и говорили, что о ней.

И онъ продолжалъ: — Она обладала вулканической душой Санъ Франциска и способна была дойти, въ порывѣ увлеченія, до того, чтобы спать на солонѣ, и вела постоянную борьбу съ мужемъ, который, послушавшись ея, долженъ былъ бы пожертвовать всѣ свои дома на благотворительныя цѣли. Она была хорошо извѣстна всему бѣдному люду Турина, — состояла членомъ всевозможныхъ благотворительныхъ обществъ и пекровительствовала дѣтямъ, которыхъ мучили, и защищала животныхъ, съ которыми дурно обращались. Постоянно посѣщая мансарды, она нрѣдко бывала обманута притворной бѣдностью и несчастіемъ. Она была способна снять съ себя на улицѣ мантию и набросить его на плечи озабшей торговки или отнести на рукахъ домой подобранныя на улицѣ мальчика, сбившагося съ дороги. Со времени рожденія ребенка она немного уговорила, но все же рѣдко случался такой день, когда она не продѣлывала одного изъ своихъ сумасбродствъ. Мой живописецъ видѣлъ ее въ началѣ года въ вагонѣ, когда она отняла изъ рукъ своего сына красивую «звечку», чтобъ отдать ее какому-то бѣдному мальчику, пожирившему ее глазами, и тотчасъ же послѣ этого вышла изъ конки съ своимъ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ, и отправилась покупать ему другую игрушку. Мужъ ея дрожалъ всякій разъ, когда она выходила изъ дому, впрочемъ, онъ былъ въ нее влюбленъ.

Ее называютъ Кихотинной. Она была бы совсѣмъ недурна, еслибы не имѣла полубезумнаго вида и причисывалась лучше. Не правда ли, типикъ недурной для васъ, дѣлающаго наблюденія въ конкѣ? Полусоціалистка - полусвятая... Еслибъ она была моею женою, то я поставилъ бы ее принимать холодные души.

Пока я смотрѣлъ на донну Кихоту, онъ началъ говорить о «пересадоной» синьорѣ, которую видѣлъ три дня тому назадъ на углу улицы *Опорто*, когда она вышла изъ одной конки и другой дѣлала знакъ остановиться. Но о ней ему пока не удалось, узнать почти ничего. Впрочемъ, онъ вообще мало интересовался этими дѣлами.

— Теперь я разъѣжаю съ другою цѣлюю,—сказалъ онъ мнѣ. Я спросилъ у него, съ какою.

— Ищу себѣ жену,—отвѣтилъ онъ. Я принялъ это за шутку, но онъ говорилъ совершенно серьезно.

— Отецъ мой хочетъ, чтобъ я непременно женился. И вотъ уже три мѣсяца по два раза въ день за столомъ твердить мнѣ одно и то же. Это понятно: вѣдь я его единственный сынъ. Да, впрочемъ, и я къ этому начинаю склоняться. Мнѣ уже надоѣло вести эту глупую жизнь.

Мнѣ, однако, интересно было узнать, почему онъ искалъ себѣ жену въ «бельгійскихъ» и, туринскихъ вагонахъ, и я спросилъ его объ этомъ.

— Подобный случай былъ уже въ нашей семьѣ,—отвѣтилъ онъ серьезно и рассказалъ мнѣ, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ его дядя, немного чудакъ, но, въ общемъ, добрый малый и состоятельный, терпѣлъ постоянно преслѣдованія отъ своей матери за то, что не хотѣлъ жениться. Въ одинъ прекрасный день онъ, наконецъ, потерялъ терпѣнне и сказалъ: — Ну, хорошо. Только я не такой человекъ, чтобы могъ разыскивать себѣ невѣсту. Иду и женюсь на первой встрѣченной. — Сказано-сдѣлано. Онъ взялъ шляпу, вышелъ на улицу и послѣдовалъ за первой встрѣченной имъ дѣвушкой. Она оказалась учительницей въ дѣтскомъ приютѣ, безъ гроша

въ карманѣ. Онъ на ней женился и былъ въ высшей степени счастливъ, найдя въ ней образцовую жену и мать.

— И при томъ,—прибавилъ онъ,—какъ же поступаютъ другіе? Они ищутъ себѣ невѣсту въ гостиныхъ, въ семьяхъ. Да вѣдь вагоны—тѣ же гостиныя, только подвижныя, и въ нихъ тоже можно встрѣтить цѣлыя семьи. О, я вполне увѣренъ. Не знаю только, гдѣ я найду себѣ жену, на какой линіи и въ закрытомъ ли вагонѣ или джардиньерѣ, но я найду ее въ конкѣ. Судьба моя рѣшится отъ десяти сантимовъ, какъ отъ лотерейнаго билета. Думаете ли вы, что я буду первымъ?..

Во время нашего разговора я замѣтилъ молодую дѣвушку, вошедшую въ вагонъ незадолго передъ тѣмъ и оставшуюся на ногахъ. Она стояла, опершись плечомъ о косякъ двери, съ лицомъ, обращеннымъ въ ту сторону, гдѣ мы сидѣли. Она была одѣта въ черное платье, на шляпкѣ колыхались два большихъ черныхъ страусовыхъ пера. Ея лицо и голова красиво обрисовывались на бѣломъ блестящемъ фонѣ Альпъ, видѣвшихся сквозь верхнюю часть двери.

— О, какая чудная картина!—воскликнулъ восхищенный юноша.

— Смотрите,—замѣтилъ я ему, указывая на конечный билетикъ, который онъ держалъ въ рукѣ:—можетъ быть, это—рѣшающій?

Онъ покачалъ своей геркулесовской головой и отвѣтилъ съ важной серьезностью большаго ребенка:—Нѣтъ, не думаю, чтобы на этой линіи...

Выходя изъ вагона, онъ еще разъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой и бросилъ конечный билетикъ.

Около того времени мои веселыя наблюденія были омрачены однимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, краткимъ, но очень сильнымъ. Воспоминаніе о немъ для меня самымъ страннымъ образомъ связалось съ однимъ изъ цвѣтныхъ объявленій, вывѣшенныхъ на стѣнахъ вагона. Разнаго рода рекламы въ конкѣ тогда сильно начали входить въ обычай. Ихъ помѣщали даже на наружныхъ стѣнахъ

вагона, а внутри онѣ уже практиковались довольно давно въ видѣ вырисованныхъ на окнахъ фигуръ, висающихъ на стѣнахъ картоновъ и разныхъ надписей всевозможныхъ цвѣтовъ на потолокъ и по стѣнамъ, напоминающихъ хоръ дисгармоничныхъ назойливыхъ голосовъ, которые предлагаютъ вамъ наперерывъ немедленно обуть васъ, одѣть, перемѣнить квартиру, абонироваться на журналъ и пр. Къ этимъ объявленіямъ недавно прибавились еще новыя, дугообразно спускающіяся отъ потолка по обѣимъ сторонамъ оконъ, въ видѣ двухъ полосъ, раскрашенныхъ въ яркіе, кричащіе цвѣта съ черными и бѣлыми надписями, которыя были сдѣланы такими крупными буквами, что ихъ прочесть можно было на разстояніи ста шаговъ, и такъ же неприятно бросались въ глаза на общемъ фонѣ улицы, какъ обыкновенно рѣжетъ ухо детонирующій голосъ въ стройномъ хорѣ. Любопытнѣе всего, что городская администрація долго раздумывала надъ тѣмъ, благопрістойно ли допустить вывѣшивание рекламъ въ вагонахъ, послѣ того какъ онѣ были допущены на театральныя занавѣсы, гдѣ присутствіе ихъ еще болѣе противно эстетическому вкусу! Иногда эти объявленія приводили меня положительно въ бѣшенство. При входѣ въ конку я испытывалъ такое чувство, какъ будто вхожу въ базаръ, гдѣ непремѣнно долженъ буду купить лотерейный билетъ и откуда выйду не иначе, какъ съ охапкой пакетовъ въ рукахъ. О бѣдная поэзія! Любоваться поэтическимъ профилемъ красивой женщины, вырисовывающимся на фонѣ объявленія о слабительныхъ пилюляхъ! Или видѣть влюбленныхъ, воркующихъ подъ рекламой о новомъ средствѣ, истребляющемъ насѣкомыхъ, или, смотря на милостивую дѣвушку, устремившую глаза вверхъ, воображать, что она ласкаетъ какой нибудь поэтической образъ своей мечты, а потомъ убѣдиться, что она читаетъ надписи о навозномъ удобреніи. О низкое торгашество, все наводняющее, покрывающее, клеймящее и эксплуатирующее! Когда-нибудь еще, можетъ быть, увидимъ объявленія о минеральныхъ водахъ на головахъ статуи и

на знаменахъ? Но цивилизованный человѣкъ отличается такой эластичностью, что, въ концѣ концовъ, прियкаетъ ко всему. Продолжительность грубаго, неприятнаго впечатлѣнія обыкновенно смягчаетъ его первоначальный рѣзкій тонъ. Сначала я ему покорился, потомъ сталъ къ нему индифферентенъ и, наконецъ, мало по малу, сталъ испытывать даже какъ бы нѣкоторое удовольствіе отъ всѣхъ этихъ кричащихъ надписей: яркихъ красныхъ, желтыхъ и голубыхъ, развѣивающихся, подобно знаменамъ на вѣтру со всѣхъ сторонъ. Мнѣ какъ будто нравились и эти подвижныя стѣны, напоминающія мнѣ комнаты, въ которыхъ сумасшедшіе прибываютъ къ стѣнамъ все раскрашенное и напечатанное, попавшее къ нимъ въ руки; и вообще—эти большія человѣческія клѣтки, которыя внутри и снаружи, при помощи словъ, красокъ и рисунковъ, предлагаютъ вамъ пить, ѣсть, читать и лѣчиться, даютъ гигиеническіе совѣты, приглашаютъ на бѣга, на лодочныя гонки, велосипедный спортъ и выставку картинъ. Меня они привлекаютъ какъ живое и странное отраженіе легкомысленной и безпокойной жизни большого города вѣка,—города, охваченнаго дѣловитостью и подавленнаго собственными прихотями, жаждущаго шума и удовольствій, мучимаго безпокойствомъ, лихорадочно спѣшащаго впередъ и проживающаго жизнь.

«Оригинальныя пневматическія машины Дунлопъ»—вотъ объявленіе, которое навсегда осталось у меня въ памяти. Оно все еще стоитъ у меня передъ глазами, напечатанное бѣлыми буквами на красномъ фонѣ такимъ, какъ я его видѣлъ нѣсколько дней спустя послѣ встрѣчи съ живописцемъ въ первомъ вагонѣ, который проходилъ утромъ черезъ площадь Статуто съ моимъ добрымъ Джіорсомъ. Онъ весело напѣвалъ, какъ всегда, арію изъ Барменъ а за нимъ стояла, съ своимъ неразлучнымъ мѣшкомъ, бѣдная старушка изъ Поццоли Страда, которой я не видѣлъ съ послѣдняго дня масляной. Она показала мнѣ еще болѣе печальной и замкну-

той въ себѣ, чѣмъ въ тотъ разъ. Вѣсть со мной на переднюю площадку вскопчилъ бѣлокурый юноша и тотчасъ же завязалъ разговоръ съ другимъ уже пожилымъ господиномъ насчетъ послѣдняго нападенія, сдѣланнаго на дервишей у горы Мокрамъ. Внутри вагона, какъ теперь помню, сидѣла пожилая дама, таможенный стражникъ, и двое крестьянъ.

Было чудесное утро: свѣтлѣе и прозрачнѣе. Легкій вѣтерокъ игралъ сѣдыми локонами на склоненномъ лбу старушки, которая, по обыкновенію, стояла, устремивъ свои полузакрытые глаза на каблукъ сапогъ кучера и сложивъ на груди руки. Казалось, она стала еще меньше за это время и вѣсила теперь уже навѣрное не больше своего мѣшка. Она не обнаруживала ни малѣйшихъ признаковъ жизни въ это утро и едва дышала. И все думала, думала. Но что скрывалось за этимъ скорбнымъ челою? Какая непримиримая мысль держала вѣчно согнутой эту голову, словно ее давила невидимая тяжесть?

Отъ атаки дервишей разговоръ двухъ пассажировъ перешелъ на путешествіе германскаго императора по Италіи. Пожилой замѣтилъ, что это было «кстати» для Италіи, что это «вниманіе» подняло «нашъ престижъ» упавшій послѣ битвы при Адуъ. Тогда другой началъ говорить о войнѣ, вытащилъ изъ кармана большой листъ и развернулъ его передъ глазами своего собесѣда.

Это была раскрашенная фотографія поля сраженія при Абба-Каримъ. Горы, покрытыя абессинскими войсками и облаками дыма, отведышася пушки и потоки вооруженныхъ отрядовъ, спѣшащихъ внизъ, а тамъ, впереди, уже вспыхнувшая ожесточенная схватка, и общее смѣшеніе артиллерійскихъ обозовъ и лошадей, раненыхъ и мертвыхъ—негровъ и итальянцевъ,—съ искаженными лицами, борющихся грудь съ грудью, копьями, саблями и револьверами, окровавленныхъ и иступленныхъ среди лужъ и ручьевъ крови.

Наклонившись къ фотографіи, я съ удивленіемъ замѣтилъ около своей руки голову старушки, вышедшей изъ своей обычной неподвижности. Она старалась

придвинуться, чтобъ лучше рассмотреть. Молодой человекъ вѣжливо отклонился съ одной стороны и подоудвинулъ къ ней листъ со словами: траженіе при Абба-Каримъ.

Она съ минуту всматривалась широко-раскрытыми глазами, потомъ вдругъ все лицо ея искривилось какой-то странной гримасой, словно она смѣялась, полузакрывши глаза и выставивъ беззубыя десны. Въ то время, какъ я спрашивалъ себя, что она могла найти смѣшнаго въ этой ужасной картинѣ, она, вдругъ закрыла лицо руками и разразилась такимъ страшнымъ рыданіемъ, что меня охватила невольная дрожь.

Мы все трое бросались къ ней, спрашивая, что случилось. Она не могла сразу отвѣтить. Затѣмъ выговорила между двумя судорожными приступами рыданій:

— Тамъ былъ сынъ!..—и, опершись о перила площадки рукою припала къ ней головой, въ новомъ приливѣ отчаянныхъ рыданій.

И бесполезно было трясти ее, стараться успокоить, и напрасно добрый Джіоретъ, освободивъ одну руку отъ вожжей, старался заставить ее поднять голову, словно приговоренную къ паравлету. Рыданія потрясали все ея бѣдное немощее тѣло, и, казалось, что этотъ дѣтскій жалобный плачь никогда не кончится, что она изливаетъ все слезы, накопленныя за пять мѣсяцевъ, что жизнь ея должна кончиться вмѣстѣ съ этими слезами. Среди рыданій она повторяла все одно и то же слово—отрывистое, тихое и нѣжное, которое мы бы не поняли, еслибъ не слышали отъ нея много разъ: Джіаколинъ!...—имя своего солдата.

А, бѣдная мать! Такъ и она заслуживала обвиненія въ малодушіи, брошеннаго итальянскимъ матерямъ нѣкоторыми журналами въ эти дни!

Наконецъ Джіорсу удалось заставить ее поднять голову и сказать нѣсколько словъ. Оказалось, что она достовѣрно не знала, убитъ ли онъ такъ, какъ никто ей этого не сообщалъ; но ея сердце говорило ей, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, что она его уже больше никогда не увидитъ.

— Э, что сердце!—эхъ вы, женщины! Если не знаешь этого навѣрно...

Ну, вернется. Найдете его среди напечатанныхъ именъ.

Но нѣтъ. Священникъ читалъ ей газету и его имени тамъ не оказалось.

— Да что священникъ! Что газета! Чего можно требовать въ этой суматохѣ! Мало ли именъ можетъ оказаться пропущенными... Вотъ увидите черезъ нѣсколько дней. Право же, матушка, нечего отчаяваться!.. Ну, окажется среди взятыхъ въ плѣнъ.

Но женщина снова удержалась въ слезы: плѣнный—значило для нея заморенный голодомъ, замученный заживо погребенный хуже чѣмъ умершій.

— О, женщины!—повторялъ Джюрсъ:

— Да подождите вы немного! Ежедневно отсюда возвращаются... вернется и Джіаколинъ... Эхъ, всё вы одинаковы, матери, когда вобьете себѣ гвоздь въ голову.—И онъ прибавилъ рѣзко:—перестаньте же плакать такъ громко... Господи, Боже мой, вы мнѣ испугаете лошадей!

Никто изъ насъ больше не рѣшался заговорить; юноша изорвалъ и выбросилъ фотографію; старушка продолжала тихо плакать, закрывъ руками лицо, и плачь ея казался еще болѣе жалобнымъ и безнадежнымъ среди большой шумной улицы и всѣхъ этихъ озабоченныхъ людей, которые проходили мимо, не обращая на насъ вниманія. На углу улицы 20 го сентября она взяла свой мѣшокъ и сошла. Джюрсъ ударилъ по лошадамъ и затянулъ было мотивъ изъ *Карменъ*, но тотчасъ умолкъ и, проведя среднимъ пальцемъ подъ глазами, со вздохомъ произнесъ:

— Ахъ... проклятая война!

И долго послѣ того во всѣхъ вагонахъ и на всѣхъ линіяхъ передо мною неотступно стоялъ образъ этой бѣдной старушки, склоненной надъ перилами съ развязавшимся платочкомъ и сѣдыми растрепанными кудрями, вздрагивающей съ головы до ногъ отъ судорожныхъ рыданій. И ея образъ казался мнѣ особенно трагическимъ среди этого великаго любовнаго пробужденія природы,

которое чувствовалось во всемъ: и въ почкахъ деревьевъ, и въ бутонахъ цвѣтовъ, и въ блескѣ неба, и въ глазахъ дѣвушекъ. Въ вагонъ, проходившій черезъ семь самыхъ красивыхъ улицъ, опоясывающихъ центръ Турина и черезъ большія аллеи, тянущіяся вдоль По и Доры, врывались волны ароматнаго дыханія—смѣшанный запахъ свѣжей травы и влажной земли. На лбу и на шеѣ ощущалось нѣжное, ласковое прикосновеніе весенняго воздуха, словно приводимаго въ движеніе невидимыми душистыми вѣтрами, теплаго и чистаго, какъ дыханіе дѣвственныхъ устъ. На мгновеніе въ душѣ пробуждались розовыя надежды, свѣтлыя воспоминанія дѣтства, участія, симпатіи, порывы къ добру и къ творчеству, мечты о счастьи—всѣ золотыя сны самыхъ лучшихъ и счастливыхъ лѣтъ. Это первое вліаніе весны обнаруживалось во всемъ: и въ лошадяхъ, болѣе бодрыхъ, чѣмъ всегда, и въ кучерахъ, болѣе веселыхъ, и въ кондукторахъ, болѣе вѣжливыхъ, и въ манерѣ пассажировъ выходить изъ вагона, садиться и раскланиваться другъ съ другомъ болѣе оживленной и любезной, и въ болѣе пышномъ цвѣтницѣ дамскихъ шляпъ, на которыхъ вѣтеръ, пробѣгавшій по открытой джардиньерѣ, приводилъ въ движеніе множество разноцвѣтныхъ лентъ, перьевъ и цвѣтовъ, обдавая стоявшихъ мужчинъ смѣшаннымъ запахомъ пудры, фіалокъ и молодости.

Конки въ эти дни представляли новую, совершенно особенную прелесть: почти во всѣхъ вагонахъ можно было встрѣтить дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, выдѣлявшихся среди другихъ пассажировъ подобно лепіямъ въ бузетѣ изъ темныхъ цвѣтовъ и листьевъ. Въ джардиньерахъ мелькали прозрачныя покрывала, спускавшіяся на бѣлыя платья и бѣлыя перчатки, и сквозя эти покрывала, подъ вѣяками изъ розъ и маргаритокъ сверкали лазурные глаза, пурпуровыя ротки и свѣжія дѣтскія личики, представлявшія граціозный контрастъ съ важными и сосредоточенными позами этихъ маленькихъ фигуръ, сидѣвшихъ прямо съ сложенными на

колѣняхъ руками и неподвижными ногами въ свѣтлыхъ туфелькахъ. И эти милыя бабочки, бѣлѣвшія то тамъ, то здѣсь въ вагонахъ возвѣщали близость Пасхи и казались символомъ общенія земнаго съ небеснымъ, символомъ небесной милости въ этихъ вагонахъ, переполненныхъ свѣтскими интересами и смертными грѣхами.

О, экипажъ для всѣхъ, маленькое отраженіе міра, ты собирающій и сближающій наиболѣе рѣзкіе контрасты общества и жизни, иногда веселые, а иногда столь печальные! Гдѣ бы въ другомъ мѣстѣ я могъ увидѣть то, что мнѣ пришлось видѣть эти дни?

Въ теченіе двухъ дождливыхъ дней начали опять ходить закрытые вагоны. Но небо прояснилось къ тому времени, когда я, около 11 часовъ утра, въ послѣдней день марта, вошелъ въ вагонъ линіи Вιάль стоявшій на площади Беккариа, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ трогался, чтобы отправиться къ Порто - Палаццо. Въ вагонѣ была всего одна пассажирка, которая и до сихъ поръ такъ живо сохранилась въ моей памяти, какъ будто я видѣлъ ее въ продолженіе цѣлаго путешествія по океану. Ея рѣдкіе, черные, грубо накрашенные волосы еще болѣе старили ея желтое морщинястое лицо, на которомъ подъ двумя черными дугами, вырисованными торопливой, нетвердой рукой, дремали синіе мутные глаза и краснѣли ярко нарумяненные вялые щеки и горькій усталый ротъ, силлившійся улыбнуться своей обычной шаблонной улыбкой, казавшейся мертвой, какъ у маски, потому что ея не сопровождалъ блескъ глазъ. Если это лицо говорило само за себя недостаточно ясно, то разсѣивали всякія сомнѣнія красная гвоздика, которую она носила въ волосахъ и длинная полоса пудры, которая спускалась у нея со щеки вплоть до исхудалой шеи, обтянутой голубой ленточкой. Эгогъ цвѣтокъ и ленточка, казались еще увеличивали то впечатлѣніе преждевременной старости, которое получалось отъ ея лица; черты этого лица были словно подавлены и искажены глухимъ чувствомъ ея затаенной ненави-

сти, къ тѣмъ привракамъ, которымъ улыбались по привычкѣ ея уста. Это было одно изъ тѣхъ несчастныхъ созданій, которыя какъ только съ нихъ спадетъ блестящій покровъ юности, обнаруживаютъ во всей неприглядности низменную сторону человѣческаго существа, при видѣ ихъ, воображеніе невольно рисуетъ себѣ грязныя комнаты разныхъ притоновъ разврата, задымленные трактиры и игорные дома, въ которыхъ копошатся пьяные и раненые, сверкаютъ ножи и блестятъ глаза звѣрей человѣческой породы.

Какъ только вагонъ тронулся, вошелъ кондукторъ и протянулъ ей билетъ. Она слегка дрожащими руками вытащила изъ кармана маленькое зеленое портмонэ и вынула изъ него два солдо, которые тотъ взялъ, фиксируя ее съ едва уловимой улыбкой.

Когда конка остановилась на площади *Принца Евгенія*, неожиданно раздался говоръ молодыхъ серебристыхъ голосовъ и всѣмъ за тѣмъ съ двухъ сторонъ веселой толпой вошли молодая дѣвушка въ бѣлыхъ платьяхъ въ сопровожденіи двухъ учительницъ. Онѣ устремились въ вагонъ, взмахивая своими прозрачными покрывалами и свѣтлыми юбками, какъ летящіе голуби. И вмѣстѣ съ ними въ вагонъ ворвалось какъ бы дыханіе весны, словно неожиданный лучъ свѣта, и легкій запахъ ладоны, отъ ихъ платьевъ и волосъ, который, казалось, вливался съ каждой волной воздуха. Можетъ быть, это были воспитанницы какого нибудь колледжа, которыя, послѣ причастія, ѣхали завтракать въ деревню. Учительницы остались на площадкѣ, а пансіонерки въ одно мгновеніе заняли всѣ мѣста внутри вагона, смѣясь и щебеча, какъ птицы. Накрашенная женщина осталась посреди нихъ.

Тогда послѣдовала любопытная сцена. Видъ этой женщины поразилъ нѣкоторыхъ болѣе старшихъ дѣвушекъ, которыя перестали разговаривать и начали ее наблюдать. Ихъ молчаніе обратило на себя вниманіе остальныхъ, которыя повернулись въ ту сторону, куда смотрѣли первыя, и стали, въ свою очередь, пристально глядѣть на красную гвоздику и

ленту, и всю эту нарумявленную и напудренную старость и разрушеніе, еще болѣе ужасныя отъ этой грубой поддѣлки подѣ молодость,—и также погрузились въ молчаніе. На лицахъ у самыхъ маленькихъ выразалось полнѣйшее удивленіе, другія—полны были усиленнаго вниманія, а у старшихъ, наблюдавшихъ съ нахмуреннымъ лбомъ, появилась тѣнь не то подозрѣнія, не то безпокойства, подобнаго тому, которое вызывается въ насъ видомъ страннаго и незнакомаго насѣкомаго. Я смотрѣлъ на женщину, сидѣвшую посреди этихъ ясныхъ душъ и свѣтлыхъ платьевъ и видѣлъ на лицѣ ея поминутное безпокойное сокращеніе мускуловъ. Словно она была застигнута врасплохъ. Она бросила быстрый взглядъ на учителяницѣ, на меня, на кондуктора, но не посмотрѣла въ лицо дѣвушкамъ,—она взглянула на ихъ руки, на ихъ молитвенники, на ихъ бѣлыя туфли—бѣглымъ, смутнымъ взоромъ я, спустя нѣсколько мгновеній, медленно откинула голову и, опершись затылкомъ о стѣну, закрыла глаза и словно погрузилась въ глубокой сонъ.

Наблюдавшій ее кондукторъ понялъ въ чемъ дѣло, и, подмигнувъ мигъ, указалъ на нее.

Но я почувствовалъ приливъ острой жалости къ этой несчастной и невольно отвлекъ отъ нея глаза, какъ будто она была пронизана кинжаломъ, выходящимъ изъ стѣны, на которую она опиралась, у *Порта-Палаццо* она быстро вскоčila и, не глядя ни на кого, вышла; пансіонерки возобновили свою болтовню и смѣхъ, и вагонъ, веселый и шумный, какъ большая птичья клѣтка, продолжалъ свой путь.

Глава IV.

Апрѣль.

Совершенно свободный, въ этомъ мѣсяцѣ, отъ всякихъ занятій и мыслей, я могъ посвящать своимъ путешествіямъ больше времени и ежедневно записывать свои наблюденія. Вотъ одно изъ нихъ: конка одно изъ воспитывающихъ

учрежденій. И я не шучу. Сталкиваясь съ людьми разныхъ сословій, надменные становятся менѣе спѣсивы, самодовольнымъ эгоистамъ приходится слышать о несчастіяхъ, о бѣдности, что заставляетъ ихъ задуматься. Дама держащая на рукахъ здороваго мальчика, съ участіемъ спрашиваетъ у сидящей рядомъ простой женщины, что съ ея бѣднымъ ребенкомъ, клонящимъ голову къ ней на грудь, и эгоистичная мать выходитъ изъ конки растроганная тѣмъ вниманіемъ и симпатіями, которыя окружающіе обнаружили по отношенію къ ея цвѣтущему сыну.

Конка служить и школой вѣжливости для всѣхъ. Видя, какъ другіе уступаютъ женщинѣ мѣсто въ вагонѣ, въ концѣ концовъ тоже сдѣлаетъ, хотя бы только изъ одного истиннаго подражанія, и простолудинъ, которому это не пришло бы въ голову. Беря примѣръ съ вѣжливыхъ, которые протягиваютъ руку входящему въ вагонъ старику, или поддерживаютъ подъ руку выходящую старушку, тоже движеніе вынуждены сдѣлать и самые неблаговоспитанные люди. Такъ незамѣтно смягается грубость привычекъ и приемовъ самаго вульгарнаго челоуѣка, подъ взглядами его сосѣдей, въ которыхъ онъ читаетъ себѣ упрекъ или порицаніе, наносящіе ударъ его самолюбію. Да, эти сто вагоновъ, цѣлый годъ колесящихъ по городу—въ то же время сто маленькихъ подвижныхъ школъ, въ которыхъ разные общественные классы научаются другъ отъ друга многимъ полезнымъ вещамъ; напримѣръ, они убѣждаютъ въ томъ, что различіе между классами сводится къ чисто внѣшнему. Стоитъ только представителямъ двухъ различныхъ классовъ мысленно отвлечься отъ раздѣляющаго ихъ наружнаго различія, чтобъ почувствовать влеченіе другъ къ другу, совершенно такое же, какое испытывается равными людьми, и кажущееся рѣзкое разномысліе сглаживается послѣ перваго же разговора и взаимнаго знакомства. Въ сущности, такъ называемыя социальныя антипатіи имѣютъ корень не столько въ разности общественнаго положенія и состоянія, какъ

во взаимномъ подозрѣніи ненависти и презрѣнія другъ къ другу, и для смягченія этихъ чувствъ въживость является прекрасной школой и благотельной силой.

Все это пришло мнѣ въ голову сегодня утромъ, когда, я увидѣлъ, какъ сядишіе въ вагонъ—полный господинъ и молодой рабочій—оба наклонились одновременно, чтобы поднять билетикъ, который деревенская старуха уронила подъ лавку. Двадцать лѣтъ тому назадъ первый не нагнулся бы, да, можетъ быть... и второй тоже.

Новое знакомство: *маркизъ*. Это кондукторъ, который по степени любезности стоитъ на высотѣ той лѣстницы, низшую ступень которой занимаетъ *Темнеста*. Я познакомился съ нимъ на линіи *Валентино*. Маркизомъ прозвали его полюбители этой линіи. Онъ похожъ на маленькаго тенора: изящный, блѣнокурый и блѣдный, съ голубыми глазами и крошечнымъ ртомъ, безпрестанно улыбающимся изъ 'подъ завитыхъ усовъ. Онъ раскланивается подавая билетъ и получая деньги, проситъ извиненія, проходя впередъ мимо пассажировъ, помогаетъ дамамъ входить и выходитъ изъ вагона, деликатно поддерживая концомъ пальца подъ локоть и, съ видомъ наѣздника, принимаетъ самыя элегантныя позы на ступенькѣ вагона. У него также своя особенная и въ высшей степени изысканная манера вручать слачу маленькимъ ручкамъ безъ перчатокъ, ласково, съ улыбкой, съ наклоненной головой, словно онъ кладетъ конфекту на ладонь ребенка, и сопровождая эту улыбку такимъ пристальнымъ—вполнѣ почтительнымъ, но тѣмъ не менѣе краснорѣчивымъ взоромъ, что получающая вынуждена поблагодарить. Я сразу рѣшилъ, что онъ принадлежитъ къ типу сентиментальныхъ эротиковъ. Онъ имѣлъ видъ любезнаго хозяина, принимающаго приглашенныхъ имъ гостей, и видно было, что имѣть дѣло съ прекраснымъ поломъ доставляло ему удовольствіе. Сочувственная улыбка, взглядъ, выражающій симпатію или любопытство какой-нибудь дамы или барышни, производили

на него такое сильное впечатлѣніе, что на минуту у него захватывало дыханіе, затѣмъ онъ глубоко вздыхалъ, покрывая усы и сверкая глазами. Онъ, вѣроятно, былъ или танзоромъ въ королевскомъ театрѣ, или моделью для художника, или довѣреннымъ слугою какой-нибудь старой аристократки. Даже для отбѣтки нумеровъ въ книжечкѣ у него была своя манера—держать въ рукѣ карандашъ съ такимъ артистическимъ видомъ, какъ будто онъ набрасывалъ портреты своихъ пассажировокъ.

Если въ него влюблена какая-нибудь дѣвушка его состоянія, бѣднужка должна испытывать страшныя муки ревности при мысли, что въ то время, когда она сидитъ за работой дома или въ лавкѣ, онъ развѣзжаетъ среди богатыхъ, нарядныхъ и раздушенныхъ дамъ, раздавая на обѣ стороны билетки и улыбки и принимая каждое солдо, какъ цвѣтокъ. Она, должно быть, безпокойнымъ воображеніемъ слѣдовала за нимъ по всѣмъ направленіямъ его линіи, вздыхая и думая, скоро ли появится, наконецъ, блѣный фонарь послѣдняго переѣзда, какъ сигналъ къ ея избавленію отъ страданій.

Въ той же конкѣ, на обратномъ пути домой, я встрѣтилъ «мертвую дѣву», которую не видѣлъ съ февраля. Она сидѣла на послѣдней скамейкѣ джардиньеры, блѣдная, спокойная и безучастная, какъ всегда, выдѣляясь среди другихъ дамъ, подобно мадоннѣ, замѣшавшейся въ число картинокъ моднаго журнала. Стоя на задней площадкѣ, я могъ вблизи любоваться ея роскошными, тончайшими каштановыми волосами, подъ которыми, какъ подъ чрезмѣрной тяжестью клонилась ея шея, такая нѣжная и блѣлая, что, казалось, поцѣлуй ребенка оставилъ бы на ней пурпуровый слѣдъ. На козлѣняхъ у нея лежало что-то круглое, завернутое въ листъ газетной бумаги, и она придерживала его своей рукой, такой же блѣлой, какъ и шея и вѣсившей на видъ не больше стебелька лиліи. Въ ея длинномъ легкомъ тѣлѣ не чувствовалось никакого волненія, какъ будто весна для нея не существо-

вала, какъ будто ея ангельская натура была совершенно нечувствительна къ перемѣнамъ времени года. Теплый апрѣльскій воздухъ не заставилъ ея щеки покрыться румянцемъ больше, чѣмъ онѣ покрывались въ суровые зимніе дни, и ея шелковистые волосы спокойно лежали на свѣжихъ дѣтскихъ вискахъ, хотя ихъ затрагивалъ вѣтеръ. Такъ же спокойны, какъ волосы, были, безъ сомнѣнія, и ея мысли. Я наблюдалъ ее въ теченіе нѣкотораго времени и меня охватило еще болѣе острое любопытство узнать, кто она. Сколько я ни думалъ, я не могъ себя представить ни ея положенія, ни занятій, ни цѣли ея поѣздки, соотвѣствующихъ этой внѣшности, такъ не похожей на всѣхъ другихъ дѣвушекъ, которыхъ мнѣ приходилось когда-либо видѣть. Въ это утро моя фантазія продолжала работать надъ неразрѣшимой загадкой, но все, что приходило мнѣ на мысль, казалось неподходящимъ, несогласимымъ съ этой холодной чистотою, съ этой ясностью зимняго неба, монастырскимъ невѣдѣніемъ или высшимъ индифферентизмомъ къ міру. Мое воображеніе отдыхало, только представляя ее себя, какъ она мнѣ явилась впервые, — на погребальныхъ дрогахъ, въ цвѣтахъ и въ бѣломъ покрывалѣ, съ сложенными на груди руками и съ загадочной улыбкой на устахъ, обращенной къ сверхчужденному міру. Въ то время, когда я такъ ее себя воображалъ, при неожиданномъ толчкѣ вагона, выѣхавшаго на площадь *Виктора Эммануила*, вещь, лежавшая у нея на колѣняхъ, раскрылась, и я былъ пораженъ страннымъ, почти чудеснымъ соотвѣтствіемъ того, что я увидѣлъ, съ тѣмъ, что я себя представлялъ...

То былъ черепъ.

И такъ, тайна открыта. Я внезапно представилъ ее себя среди ужасовъ анатомическаго зала и нѣкоторое время оставался какъ во снѣ. Истина оказалась тамъ, гдѣ я совсѣмъ не предполагалъ ее. Она — студентка-медичка!

У меня записано: мнѣ никогда не удастся побѣдить сердце кавалера *Биччерино*. Сегодня мнѣ пришлось впасть

въ еще большую немилость у него. Въ обычный часъ утромъ на улицѣ *Гарибальди* онъ былъ возлѣ меня. Въ джардиньерѣ, какъ и въ закрытомъ лагонтѣ, если онъ не находилъ мѣста съ лѣвой стороны, по срединѣ, то вмѣсто того, чтобы сѣсть съ другой стороны, онъ предпочиталъ остаться на площадкѣ. У обоихъ насъ въ рукахъ была *Народная газета*. Я медлилъ начать чтеніе, чтобы налюбоваться спокойствіемъ и методичной аккуратностью, съ которой онъ, по прочтеніи первой страницы, чтобы читать вторую не разрѣзая, развернулъ весь листъ, провелъ пальцами по сгибу, вывернувши, опять сложилъ вдвое и медленно разгладилъ газету всей ладонью, прижимая ее къ груди, какъ какой-нибудь священный предметъ. И въ то время, пока онъ продѣлывалъ эту процедуру, я мысленно представлялъ его себя на службѣ, какъ онъ дѣлаетъ одно и то же число шаговъ, какъ кладезь перо всегда на опредѣленномъ мѣстѣ, какъ уходить всякій день въ одну и ту же опредѣленную минуту. Я подумалъ, что его мысли должны слѣдовать одна за другой, возникать въ такомъ же порядкѣ и съ такою же равномерностью, и что домъ его, вѣроятно, былъ точнымъ изображеніемъ его души — аккуратный и спокойный, какъ и подобало для истаго туринскаго чиновника, мирнаго и конечно неженатаго. Безъ сомнѣнія — неженатаго, потому что подобный человекъ не могъ допустить безпорядка, вызываемаго присутствіемъ въ домѣ женщины. И какъ я могъ, думая обо всемъ этомъ, совершить на его глазахъ ту непростительную неосторожность, какую совершилъ? Ища извѣстія на второй страницѣ газеты, я засунулъ между двухъ листовъ палецъ и такимъ образомъ разорвалъ ихъ. Онъ обернулся, какъ бы подъ влияніемъ инстинкта, подсказавшаго ему о совершенномъ мною варварскомъ поступкѣ, осмотрѣлъ расширенными глазами зубчатый разрывъ, который моя рука сдѣлала на краяхъ, и затѣмъ взглянулъ на меня пристальнымъ взглядомъ поверхъ очковъ, съ выраженіемъ безграничнаго удивленія и упрека. Я поглянулъ тогда всю непоправимость сдѣлан-

въ ладони—кусочекъ карамели, затѣмъ она пролетѣла слово, котораго я не разобралъ, опять взяла конфекту въ ротъ и снова начала мнѣ улыбаться, пекачавая головкой изъ стороны въ сторону. И я долго смотрѣлъ на нее, стараясь отгадать тайну очарованія дѣтства, которое, безъ словъ, говоритъ намъ тысячу самыхъ пріятныхъ вещей, смутныхъ и далекихъ, почти сверхчеловѣческихъ, которыя нельзя передать словами; я думалъ о могуществѣ этого взора, не проникающаго къ намъ въ душу, но заставляющаго разсѣяться и скрыться всѣ печальныя и дурныя мысли, какъ заря, разсѣивающая стаю ночныхъ птицъ. И я говорилъ себѣ мысленно:—Смотри на меня, смотри еще! Заставь меня забыть жалкую суету, и человѣческую ненависть, и ложь, и эгоизмъ, и гордость, заставь меня забыть все!...—Но бѣжавшая за нами собака отвлекла ее отъ очистительной миссіи и я уже не могъ привлечь ея вниманіе отъ собаки на свою особу, даже взявъ ее за подбородокъ, хотя она, по истиннѣйшей нѣжности, и оперлась щекой о мою руку. Улыбающіеся отецъ и мать обернулись ко мнѣ при этой ласкѣ, и я спросилъ у нихъ, сколько лѣтъ дѣвочкѣ. Трудно передать тонъ, которымъ они мнѣ отвѣтили въ одинъ голосъ:

— Двадцать три мѣсяца.—Они вѣроятно, сказали бы съ такимъ же выраженіемъ:—у насъ двадцать три милліона...—Я понялъ, что это число было для нихъ символомъ новой жизни, благословенія, сошедшаго на ихъ домъ. Какъ пріятно желать искренно добра своимъ ближнимъ! Я почувствовалъ самую живую радость говоря имъ мысленно:—Будьте счастливы! и да останется она съ вами на всегда, не принося вамъ никакихъ волненій и огорченій, вызванныхъ хотя бы легкой лихорадкой, или хрипотой въ горлѣ или безпокойно проведенной ночью и блѣдностью лица!

Мнѣ везетъ на счастливыя встрѣчи. Увидя на площадкѣ этого дикобраза Темпеста, котораго встрѣчалъ на линіи Ницца я рѣшилъ поѣхать по линіи Ван-

чигліа. Весна, повидимому, не смягчила его сердца. Входя въ вагонъ, я сдѣлалъ ему замѣчаніе за жестокое обращеніе съ лошадыю, звавшеюся Багіа; онъ перевелъ глаза съ лошади на меня, не мѣняя выраженія, какъ будто я былъ ея соучастникомъ. Онъ помолчалъ немного, со сжатыми зубами, но, когда на площади *Виктора Эммануила* взошла на площадку женщина съ большой корзиной и поставила ее у его ногъ, онъ началъ шептать глухія проклятія противъ корзины; на углу улицы *Принца Амедея* его окончательно вывела изъ себя глухая старушка, переходившая дорогу, которая не слышала его свистковъ; онъ началъ кричать ей во все горло одно ругательство за другимъ. Затѣмъ онъ сталъ ворчать на толпу народа, которая, выходя изъ театра, запрудила дорогу. Весьма возможно, что причиной его раздраженія была маленькая корзиночка, стоящая у его ногъ, въ которой стылъ его жалкій обвѣдъ, сѣдненный только на половину на заставѣ *Казале*. Остальную половину ему предстояло окончить только на площадкѣ *Карла-Феликса*. Бѣдный *Темпеста*! Можно себѣ представить, какъ долженъ вліять голодъ на подобный ему характеръ! И онъ, въ самомъ дѣлѣ, остановилъ лошадей передъ самымъ театромъ, повернувъ рычагъ тормоза съ такой яростью, какъ будто хотѣлъ его разорвать. Тутъ его неистовая натура подверглась большому испытанію. Въ конку должна была войти съ кучей дѣтей, большихъ и малыхъ, одна изъ тѣхъ бѣдныхъ мамашъ, всегда полныхъ страха и тревогъ, для которыхъ сѣсть въ конку значить тоже, что для другихъ отправиться въ Америку. Въ вагонѣ оставалось нѣсколько разбросанныхъ мѣсть, которыя и были тутчасъ заняты старшими дѣтьми, но нужно было еще усадить младшихъ. И мамаша кричала:—Гдѣ Карлинь?—Юліа, сядь здѣсь!—Нѣтъ, Августъ, стоять не позволю.—Карлинь, пойдн сюда, тутъ есть одно мѣсто.—Маріетта, держись хорошенько за колонку.—А *Темпеста*, повернувшись, стоялъ въ угрожающей позѣ и злился, какъ собака на цѣпи. Въ ту минуточку,

жаціи въ рукахъ бинокль. И у мужа, сидящаго ко мнѣ спиной, на крапешныхъ волосахъ, раздѣленныхъ на затылкѣ пробормомъ, положено косметики навѣрное больше чѣмъ на 10 сантимовъ, сколько стоитъ билетъ, который онъ отказался купить для своего сына и спорилъ объ этомъ съ кондукторомъ все время отъ угла улицы *Св. Терезы* до площади *Св. Карла*.

— Въ этомъ возрастѣ нужно платить...

— Но я позавчера ѣхалъ по этой же линіи и не платилъ.

— Меня тогда не было.

— Я не обязанъ этого помнить.

— Достаточно, что я вамъ это говорю. И не могу нарушить правило потому, что другой его нарушилъ.

— Э, правило!.. Всякій изъ васъ самъ сочиняетъ свое правило.

— Я не сочиняю: я исполняю предписанное дирекціей.

— Но дирекція предписываетъ также отвѣчать въ другомъ тоиѣ.

— Я отвѣчаю въ такомъ же тоиѣ, въ какомъ со мною говорятъ.

— Нужно быть вѣжливымъ!

— Но—обонимъ...

Онъ вышелъ съ семьей на углу улицы *Пляна* и направился къ театру *Гербино*, чтобъ спустить въ шестьдесятъ разъ больше той несчастной монеты, изъ-за которой онъ поднималъ столько шума. О, жалкіе бары, съ одной стороны швыряющіе ради тщеславія и удовольствій червонцы, а съ другой дрожащія надъ грошами съ такою жадностью, что заставляютъ краснѣть людей ихъ круга! О, презрѣнная порода, истинные возбудители ненависти между социальными классами, своей мелкой скаредностью безпрестанно разбрасывающіе вокругъ себя сѣмена гнѣва и отвращенія! Когда же, наконецъ, перестанете позорить себя по десяти разъ на день изъ-за пяти сантимовъ?

Я люблю конку еще за то, что получаю въ ней возможность наблюдать дѣтей, которые на улицѣ отъ меня ускользаютъ. Тутъ они у меня передъ глазами и я могу, сколько душѣ угодно, любо-

ваться ими во всей ихъ граціи, которую всѣ они проявляютъ въ своей особенной манерѣ становиться на колѣни на скамейкѣ, повернувшись спиной въ лошадамъ и опершись руками о спинку, словно о перила террасы, съ лицомъ, обращеннымъ къ пассажирамъ. Каждый день я завожу новыя знакомства. Вотъ уже два раза, возвращаясь домой, я могъ любоваться двухлѣтней дѣвочкой, которую отецъ и мать ежедневно около 6 часовъ вывозили на прогулку по линіи *Віали*. Мнѣ была симпатична эта парочка *Таддео* и *Венеронда* лѣтъ подъ сорокъ, оба маленькіе, кругленькіе и и цвѣтушіе, подобно знаменитымъ любовникамъ *Джюсти*, имѣвшіе видъ людей довольныхъ собственнымъ положеніемъ. Готовъ держать пари, что это дѣвочка была единственнымъ и запоздалымъ плодомъ ихъ тихой любви, явившимся тогда, когда они больше не надѣялись послѣ, напрасныхъ ожиданій втеченіе многихъ лѣтъ. Это можно было заключить по тѣмъ заботамъ и ласкамъ, которыми они ее окружали, не сводя съ нея глазъ, по тѣмъ взглядамъ которыми они обмѣнивались при каждомъ ея жестѣ и словѣ и благодарнымъ взорамъ, которые они бросали на всѣхъ кто ей улыбался или смотрѣлъ на нее. Въ этотъ вечеръ она стояла, на колѣняхъ, на скамейкѣ, съ приподнятымъ вверхъ личикомъ и смотрѣла на меня, стоявшаго прямо передъ ней. Ея круглое миловидное личико съ красивыми голубыми глазами было обрамлено шелковистыми каштановыми волосами спускающимися на розовое платице. Она неопредѣленно улыбалась мнѣ, какъ будто смутно припоминая, что уже видѣла меня раньше, съ тѣмъ особеннымъ смѣшаннымъ выраженіемъ доброжелательства, любопытства и шаловливости, свойственнымъ исключительно дѣтямъ, какъ будто желая сказать:—Кто ты такой? Зачѣмъ ты на меня смотришь? Чего ты отъ меня хочешь? Она въ то же время шевелила губами и надувала то одну щеку, то другую, какъ будто что-то разжевывая. Вдругъ она протянула руку ко рту и затѣмъ раскрыла ее передо мной, чтобъ показать, что у нея было

мнѣ рассказывать о другихъ подобныхъ же «несчастіяхъ», свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть. Такъ, одна въхавшая изъ деревни пожилая особа, неосторожно выходя изъ вагона, упала на свою корзину, полную яицъ, въ одинъ мигъ превратившихся въ озеро, изъ котораго она была извлечена въ самомъ ужасномъ видѣ; а яйца-то были самыя свѣжія, распространившія вокругъ чудесный ароматъ... этакая жалость! Или, въ другой разъ, безпечный огородникъ везъ съ собою полное блюдо земляники и поставилъ его на краю скамейки джардиньеры. При каждомъ вздрагиваніи вагона, ягоды десятками сыпались на улицу, гдѣ ихъ подымала шумная ватага мальчишекъ, а онъ ничего не замѣчалъ. А когда замѣтилъ... вѣдь нѣкоторыя величиной были въ мячъ, ароматомъ наполнила всю дорогу—вотъ ужъ истинная благодать Божья... ахъ несчастный! А разъ, одна бѣдная дѣвочка въ ту минуту какъ двигался вагонъ, опрокинула на площадкѣ мисочку съ супомъ, который купила въ ресторани для отца; и такъ было жалко смотрѣть на эту бѣдняжку, какъ она, ставши на колѣни, подбираетъ лапшу и горошекъ, что онъ съ кондукторомъ устроили «подписку», въ которой участвовало только ихъ двое, пожертвовавъ по десяти сантимовъ, чтобы она могла вторично купить супу.

— Но со мной,—сказалъ онъ немного погодя, съ торжествующей улыбкой,—ничего подобнаго никогда не случалось, даже въ то время, когда я былъ еще малышомъ. Мой аппетитъ всегда у меня насторожѣ. Право, могу поклясться, что не уронилъ изъ рукъ никогда ни одной вишни!

Молодецъ Джоресъ! Онъ производитъ на меня впечатлѣніе челоѣка, ни разу въ жизни не поѣвшаго до-сыта. Видъ накрытыхъ на воздухѣ ресторанныхъ столовъ вызывалъ у него трепетъ желанія. «Ахъ!—восклидалъ онъ, окидывая ихъ пристальнымъ взглядомъ:—съ какимъ бы я удовольствіемъ усѣлся за столъ!» Понятно, что сидѣніе за столомъ для него, не сидѣвшаго никогда, представлялось ему высшимъ эпикурейскимъ идеаломъ, товчайшимъ наслажденіемъ

жизни. Онъ смѣется, признаваясь, что готовъ былъ бы ѣсть въ какой угодно часъ дня, и смѣется, говоря, что триста разъ въ годъ ѣсть держа свою пишу на колѣняхъ; и смѣется, рассказывая, какъ долженъ былъ вынуть у себя изъ рта хлѣбъ, чтобы спасти отъ побоевъ бѣдную дѣвочку... Ахъ, какъ онъ добръ, самъ того не зная, и какъ мнѣ приятенъ его смѣхъ!

Памятная поѣздка (хотя я очень хотѣлъ бы ее забыть) по линіи Форо Боарио. Было восхитительное утро. Конка остановилась у воротъ тюремнаго зданія, откуда, въ сопровожденіи двухъ городовыхъ, вышли шесть юношей, блѣдныхъ и дурно одѣтыхъ, каждый съ маленькимъ узелкомъ платья подъ мышкой, и сѣли въ конку. Это были шесть заключенныхъ, отправляющихся въ полицейское бюро за полученіемъ отпускныхъ. Хотя мнѣ ничего не сказалъ кондукторъ, но я это понялъ по ихъ движеніямъ и взглядамъ, которые они бросали вокругъ на цвѣтущія деревья, на залитую солнцемъ улицу, на прохожихъ, впивая въ себя раскрытымъ ртомъ и расширенными ноздрами живительный воздухъ свободы, зажигавшій пламя въ ихъ глазахъ, вызывавшій трепетъ удовольствія въ мускулахъ лицъ, замѣтный для посторонняго взгляда, несмотря на стараніе юношей скрыть отъ всѣхъ это возрождающее оупьяненіе жизнью. При поворотѣ въ улицу Венцагіо и затѣмъ дальше въ улицу Опорто открывшіеся виды на зеленныя аллеи, ряды домовъ, холмы и Альпы, заставляли ихъ обращаться съ выраженіемъ величайшаго изумленія, словно каждый поворотъ расшатывалъ стѣны тюрьмы, изъ которой еще не успѣли вполне освободиться ихъ души. Они съ любопытствомъ оглаживали каждого вновь входящаго пассажира, какъ будто они появлялись на порогѣ ихъ тюремной камеры. Наблюдая ихъ, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что первое упоеніе свободой скоро сошло съ ихъ лицъ, и вскорѣ они омрачились тѣнью разочарованія, какъ будто столь желанный и ожидаемый часъ не сдержалъ всѣхъ своихъ обѣщаній, данныхъ

ихъ воображенію, и тюрьма начинала снова давить ихъ издали...

Юноши сошли на углу улицы *Альфieri*, а конка пошла дальше къ улицѣ *Св. Терезы*. Мы были уже почти на перекресткѣ, когда я замѣтилъ вдали, на улицѣ *20-го сентября* большое скопление народа и спросилъ у кондуктора:—Что тамъ такое?—Я видѣлъ, что онъ поблѣднѣлъ. Онъ уже понялъ. Кучеръ придержалъ лошадей, мы поѣхали совѣтъ медленно и, достигнувъ толпы, остановились. Нѣкоторые подошли къ намъ. Предыдущимъ вагономъ былъ задавленъ пятилѣтній мальчикъ, сирота, котораго содержала нищая, заста вляя его просить милостыню. Мальчикъ вырвался изъ рукъ женщины и хотѣлъ перебѣжать рельсы какъ разъ въ тотъ моментъ, когда проѣзжала конка. Колеса вагона прошли по его тѣлу, и онъ моментально умеръ. Трупъ его перенесли подъ ворота сосѣдняго дома, который толпа отъ насъ закрывала. Кучка любопытныхъ собралась вокругъ кучера, соскочившаго на землю, передавъ возжи кондуктору, который сталъ вмѣсто него, и поѣхалъ дальше. Въ толпѣ, среди волнующихся головъ, выдѣлялись каски двухъ городовыхъ, шляпа жандарма и фуражка несчастнаго кучера, которая съѣхала на затылокъ, открывъ его сѣдые кудри. Передо мной на мгновеніе показало его лицо, блѣдное, искаженное, съ открытымъ ртомъ, и затѣмъ опять скрылось. Онъ жестикулировалъ и что-то говорилъ, но шумъ толпы покрывалъ его голосъ. Я видѣлъ его руки, которыми онъ махалъ въ воздухъ, до моего уха долетѣлъ его крикъ: «клянусь!» хриплый, какъ у раненаго. Вдругъ толпа раздѣлилась на двѣ волны и среди нихъ показался кучеръ, взятый городовыми; но сдѣлавъ два-три шага, онъ остановился и, поднявъ руки къ небу, какъ священникъ передъ алтаремъ, и вода кругомъ испуганными, плачущими глазами, которые уже больше ничего не видѣли, вскричалъ голосомъ, задыхающимся отъ рыданій:—Клянусь душою отца и матери, что я не видѣлъ!—Затѣмъ онъ снова, шатаясь, двинулся въ путь, и толпа его окружила. Нашъ вагонъ тронулся.

Ахъ, затѣмъ я обернулся и взглянулъ на землю, на рельсы? Мнѣ не было бы такъ ужасно видѣть маленькое раздавленное тѣло, еслибъ я не видѣлъ его блѣдной крови, пролитой на мостовую: это было ужасно, точно что-то осталось еще отъ него и продолжало жить и страдать, умоляя о помощи. Я долженъ былъ сойти, охваченный внезапнымъ ужасомъ къ этому вагону, словно онъ былъ со-участникомъ убійства, словно и въ его стѣнахъ притаилась, какъ въ засадѣ, смерть, караулящая другихъ дѣтей, чтобъ принести ихъ въ жертву. Но мнѣ не помогло бѣгство. Все время на улицѣ я продолжалъ слышать рыдающій вопль: «Клянусь душою отца и матери», вопль отчаянный и умоляющій, и въ этомъ воплѣ, казалось, звучалъ еще другой—голосъ пролитой крови, которая, въ свою очередь, молила о пощадѣ тономъ дѣтской молитвы...

Въ теченіе многихъ дней я ничего не писалъ и не могъ войти въ конку безъ отвращенія, словно всѣ колеса были окровавлены.

Увы! Такъ это—правда, что человѣческая жизнь тоже есть ужасное колесо, которое не можетъ двинуться безъ того, чтобъ не дробить костей и сердецъ, и человѣкъ обреченъ постоянно проливать кровь?

Конка очень удобное поприще для кокетства и для изученія власти «женскаго обаянія». На улицѣ *Maria Vittoria* въ джардиньеру сѣла красивая дѣвушка, привлекавшая общее вниманіе, миниатюрная, темноволосая и великолѣпно сложенная, съ ямочками на щекахъ и розами на шляпѣ, одѣтая немного театрально, но привлекательная въ своей оригинальности. Я никогда еще не встрѣчалъ кокетства, столь разнообразнаго, глубокаго и дьявольски-утонченнаго. Оно проявлялось въ легчайшихъ, едва уловимыхъ и мягкихъ движеніяхъ всего тѣла, въ смѣхѣ какъ бы сдерживаемомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вырывающемся изъ всего существа, въ особенной манерѣ поворачивать голову и во взглядѣ, смотрящемъ на всѣхъ вообще и ни на кого

въ частности, то сверкающемъ, то потухающемъ, то вновь загорающемся. Какъ задось, она хотѣла подчинить своему обаянію не только сердца, но и неодушевленные предметы. Это была смѣсь лукавства и стыдливости, чувствительности и непринужденности, аффектаціи, и дѣтской наивности, достойная пера болѣе могущественнаго дѣвственнаго жещинъ—писателя новѣйшей школы. Она побѣдила весь вагонъ съ перваго взгляда. Всѣ смотрѣли на нее, не сводя глазъ. Поворачивался отъ времени до времени и кучеръ, чтобъ посмотреть на нее, и, даже стоявшій сзади степенный городовоной, фиксировалъ ее взглядомъ, совсѣмъ инымъ, чѣмъ слѣдовало по долгу службы. На углу улицы *Боино* конку остановилъ генералъ въ полной формѣ, немного слабый на ноги, сопровождаемый адъютантомъ. Какъ разъ собираясь войти въ вагонъ, онъ взглянул на нее такъ пристально, что дурно поставилъ ногу на ступеньку и долженъ былъ ухватиться за колонку. Въ тотъ же моментъ она встала и пересѣла немного на лѣво, чтобы дать мѣсто другой дамѣ, и въ это простое быстрое движеніе вложила столько прелести и граціи, голубиной и копачей, что глаза всѣхъ, смотрѣвшихъ на нее, мгновенно вспыхнули, словно всѣ одновременно хлопнули по стакану настоящаго бенедиктина. Любопытно, что какъ разъ надъ мѣстомъ, которое она занимала висѣлъ картонъ съ объявленіемъ, начинающимся словами *продается*—что именно, нельзя было разобрать: вѣроятно, вилла. Конечно, эта игра случайности была клеветой, по крайней мѣрѣ она не обнаружила ничего такого, чтобы дало право заподозрить кокетство дурнаго тона; вѣрнѣе всего оно было ничѣмъ инымъ, какъ инстинктивной любовью къ прекрасному. Она вышла на углу улицы *Пляна*. Жещинны обернулись и проводили ее суровымъ взглядомъ, а мужчины... инымъ взглядомъ. А она медленно удалялась отъ насъ своею непринужденной граціозной походкой, и мы еще видѣли профиль ея улыбающагося лица, въ которомъ сквозило сознание одержанныхъ побѣдъ—дюжины мельчайшихъ

стрѣлъ пронзившихъ груди ея спутниковъ въ теченіе четверти часа.

Изъ ложнаго стыда, чтобъ не идти съ большимъ сверткомъ по улицѣ, я вошелъ въ конку *Порта Суза* и былъ за это наказанъ. На площадѣ стояли молодой рабочій, его жена и мальчикъ, не нашедшіе мѣста внутри вагона. Рабочій разговаривалъ съ кучеромъ суровымъ тономъ. Онъ былъ обманутъ однимъ своимъ своимъ пріятелемъ, который вызвалъ его изъ *Vercellese*, увѣривъ, что въ Туринѣ легко найти работу; онъ пришелъ и не нашелъ ровно ничего, только напрасно обиваетъ всѣмъ пороги въ теченіе цѣлаго мѣсяца; его зажиточный родственникъ отказалъ ему въ самомъ незначительномъ займѣ; онъ больше не знаетъ, что теперь и придумать. Кучеръ посоветовалъ ему записаться въ контору предложеній труда.

— Эхъ, что контора!—отвѣтилъ тотъ, откашливаясь:—шутники! ужъ если не нашелъ я, то и они не больше найдутъ!—И онъ продолжалъ, бормоча сквозь зубы проклятія. Между тѣмъ, его сынъ сосалъ себѣ палець, устремивъ пристальный взглядъ на мой свертокъ. Я развязалъ его и досталъ оттуда ему карамельку; онъ ухватился за нее руками съ такою поспѣшностью, какъ будто ее воровалъ, и затѣмъ, улыбаясь мнѣ, началъ ее почтительно облизывать. Едва замѣтивъ это, отецъ обернулся ко мнѣ съ грознымъ видомъ, вырвалъ конфетку изъ рукъ ребенка и, прежде чѣмъ жена успѣла остановить руку, выбросилъ на улицу. Я почувствовалъ холодъ, словно отъ вонзившагося въ мое сердце ножа, и вслѣдъ затѣмъ приливъ негодванія; моя душа, вдругъ, словно распалась... словно исчезло въ ней культурное и заговорили дикіе инстинкты прошлаго. Но все это продолжалось всего одно мгновеніе.—Ахъ, несчастный!—сказалъ я самому себѣ:—и такъ, этого для тебя достаточно?..—Рабочій возобновилъ свою бесѣду съ кучеромъ, но уже тише прежняго. Жена его, бѣдная маленькая жещина, по виду добрая и печальная, обернувшись ко мнѣ украдкой, бросила на меня робкій взглядъ, какъ бы желая

сказать: «Онъ бѣденъ, несчастенъ... озлобленъ... вы понимаете...» И я отвѣтилъ ей глазами:—Понимаю.—Тогда лицо ея слегка прояснилось и, казалось, говорило:—Простите ему!—И я отвѣтилъ взглядомъ:—Я простилъ.—Ахъ, я глалъ, и не хочу лгать вторично. Тогда я еще не простилъ ему.

Сегодня приключенія болѣе пріятнаго свойства на линіи *Мартинетто*. Я стоялъ на задней площадкѣ вмѣстѣ съ Карлиномъ, потиравшимъ себѣ руки отъ удовольствія по случаю прибытія въ Туринскій интернаціональный колледжъ троихъ знаменитыхъ абиссинскихъ принцевъ, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на побѣду.

— Хоть эти уже тутъ, у насъ въ рукахъ!

Изліянія его прервалъ мой знакомый, вошедшій въ конку на углу улицы *Гаррибалди*. Это былъ тридцатилѣтній рабочій, жестяникъ, на видъ казавшійся гораздо старше, благодаря своей приземистой коренастой фигурѣ и солидному выраженію лица: недавно онъ открылъ свою лавку. Это былъ очень интересный типъ. Онъ всего достигъ своими собственными силами, благодаря своей упорной волѣ, много читалъ и даже на досугъ посѣщалъ университетъ, исключительно интересуюсь экономическими и практическими вопросами; онъ собиралъ нужный матеріалъ по книгамъ и журналамъ и вносилъ свои замѣтки въ толстыя тетради. Это былъ своеобразный социалистъ, не заботившійся о выполненіи общей социалистической программы, а всецѣло сосредоточенный на идеѣ сплоченія пролетаріата съ цѣлью достиженія цѣлаго ряда практическихъ реформъ. Онъ былъ *закономникъ*, какъ онъ самъ себя называлъ, ненавидѣлъ фразы и всякаго рода безумства, былъ, какъ чиновникъ, методиченъ во всѣхъ дѣлахъ и обладалъ такою способностью ясно мыслить и опредѣленно и ярко выражать свои мысли, что вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ факторовъ партіи, возбуждающимъ удивленіе даже въ болѣе образованныхъ товарищахъ.

Онъ поздоровался со мной, прикоснув-

шись, по своему обыкновенію, къ шляпѣ, и тотчасъ же началъ говорить о вновь вышедшей брошюрѣ: «*Минимальная рабочая плата*», которая была у него въ карманѣ, но вскорѣ умолкъ, увидѣвъ четырехъ скованныхъ по рукамъ юношей, переходившихъ черезъ улицу въ сопровожденіи двухъ городскихъ. Судя по лицамъ, это были воры, двое изъ которыхъ были одѣты вполне прилично и даже элегантно.

Карлинь опредѣлилъ ихъ одной изъ своихъ «литературныхъ фразъ».

— Воры въ желтыхъ перчаткахъ.

Но вошедшій въ эту минуту на платформу пассажиръ, человекъ лѣтъ пятидесяти, по виду какой-нибудь спившійся главный мастеръ, отъ котораго пахло водкой, высказалъ на этотъ счетъ иное мнѣніе.

— Приближается 1-е мая... Это—соціалисты.—И прибавилъ, подмигнувъ мнѣ съ иронической улыбкой:—«Товарищи»... Да, теперь настояще товарищи!

Я мгновенно прочелъ въ его сердцѣ. Итакъ, я казался ему человекомъ, который долженъ ненавидѣть социализмъ, и онъ своей шуткой хотѣлъ расположить меня къ себѣ, говоря мнѣ пріятное—принадлежалъ къ породѣ льстецовъ. Изъ любопытства я ободрялъ его улыбкой, и онъ тотчасъ же пожелалъ еще яснѣе удостовѣрить меня въ томъ, что его мнѣнія, какъ нельзя лучше, согласовались съ тѣми, которыя онъ предполагалъ во мнѣ.

— Э, что и говорить! Человекъ, у котораго голова на мѣстѣ, отецъ семейства, трудящійся, въ эти дѣла не станетъ вмѣшиваться. Свѣтъ таковъ, каковъ онъ есть. Какія-бы реформы ни были сдѣланы, на всѣхъ не угодишь. Знай—работай, и больше ничего!

Карлинь вмѣшался въ нашъ разговоръ.

— Однако,—сказалъ онъ:—намъ приходится работать слишкомъ много...

— А чтѣ до этого, такъ это другой уже вопросъ...—отвѣтилъ тотъ.

Я думалъ, что Карлинь возразитъ ему, что вопросъ именно въ этомъ, и что его не удастся разрѣшить, если не думать ни о чемъ, кромѣ работы. Но

я убѣдился, что въ его головѣ, всецѣло занятой политикой, мысль объ интересахъ его корпораціи была совершенно разъединена съ другими мыслями и терзалась, словно маленькій огонекъ въ густомъ мракѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не зналъ, что ему отвѣтить. А тотъ продолжалъ, улыбаясь, съ льстивымъ выраженіемъ.

— Не правда ли? Хороши типики, хотятъ перестроить міръ, а у самихъ одні дикости въ головѣ... Товарищи!— и прибавилъ, смѣясь: — Дѣйствительно, товарищи—по безумію!

Я думалъ, что рабочій при этихъ словахъ выскочитъ изъ конки, но обернувшись къ нему, я увидѣлъ, что лицо его удивительно спокойно.

Онъ смотрѣлъ на говорившаго съ такимъ искреннимъ и глубокимъ сожалѣніемъ, какого ни одно слово не могло бы выразить яснѣе. Понятно было, что въ этомъ своемъ ближнемъ, оставшемся глухимъ къ чувствамъ и мыслямъ, сдѣлавшимъ изъ него самого—другого человѣка, онъ видѣлъ представителя низшей породы и смотрѣлъ на него, какъ долженъ былъ смотрѣть христіанинъ первыхъ вѣковъ на язычника. Это воплощеніе невѣжества, раболѣпства и глупости не могло вызвать даже его гнѣва.

А тотъ, между тѣмъ, охваченный желаніемъ окончателно побѣдить меня, продолжалъ не обращая вниманія на него, котораго не считалъ моимъ знакомымъ:

— Что касается меня, то, когда кто-нибудь является съ намѣреніемъ обратиться ко мнѣ, я указываю ему на дверь. Я не желаю кончить, какъ тѣ «товарищи», прошедшіе мимо. Кому нравятся эти сваряды на рукахъ, тѣ, конечно, могутъ ихъ получить: хватить на всѣхъ желающихъ. Не правъ ли я?

И онъ улынулся, ожидая моего одобренія.

Тогда рабочій пустилъ въ дѣло сценической эффектъ, можетъ быть, заранѣе имъ обдуманной.

— Знаете ли вы,—обратился онъ ко мнѣ рѣзко:—объ отставкѣ нашего Барбата?

Я отвѣтилъ, что знаю, и что очень жалѣю, но что мнѣ кажутся очень уважительными причины его рѣшительнаго отказа, обнаруживающія душу честную и лишенную тщеславія и его глубокое убѣжденіе въ возможности принести гораздо больше пользы виѣ парламентскаго поприща.

— И, всетаки, досадно,—возразилъ рабочій, ставя на ступеньку ногу, чтобы сойти:—потому что это—святой человекъ.—И, пожимая мнѣ руку, онъ отчетливо произнесъ:—до свиданія, товарищи!

— До свиданія,—отвѣтилъ я и повернулся, чтобы взглянуть на того-другого.

Онъ стоялъ съ расширенными глазами и открытымъ ртомъ, приведенный въ полное изумленіе, словно христіанинъ при видѣ неожиданной выдумки фокусника.

Еще нѣкоторое время послѣ того, какъ я сошелъ, онъ продолжалъ смотрѣть на меня.

Теперь, когда я заканчиваю апрѣль, передо мной встаетъ цѣлая толпа кучеровъ и кондукторовъ, спрашивая:

— А что же мы?

И они правы, потому что каждый человекъ представляетъ собою книгу, и мнѣ очень жаль, что я могъ дать только ихъ заглавія!

Есть между ними одинъ, который былъ раньше учителемъ, монахомъ и волонтеромъ съ Гарибальди,—странная карриатура Юпитера, съ большой бѣлой курчавой головой, стоящей на площадке съ такимъ важнымъ величественнымъ видомъ, словно на триумфальной колесницѣ и раздающій билеты какъ небесныя милости. А вотъ другой—бывшій могильщикъ и кучеръ, превеселая голова, изъ породы карликовъ и большой комикъ; своими маленькими жестами и полусловами, произнесенными въ польгоса, непонятными никому изъ пассажировъ, онъ заставляеть покатываться со смѣху своихъ коллегъ. И вотъ—бывшій кучеръ у аристократа, онъ любитъ называть по имени владѣльцевъ всѣхъ проѣзжающихъ каретъ

съ гербами, съ таинственной, фамилярно-гордой улыбкой, какъ разорившійся патрицій, которому каждый гербъ напоминаетъ какія-нибудь дружескія или любовныя отношенія его лучшихъ временъ. Есть и политиканы разныхъ сортовъ, вродѣ Карлина, съ жадностью поглощающіе газеты и «маркызы», кричающіеся и подносящіе билетъ, какъ цвѣтокъ, и, такіе какъ Темпеста, вращающіеся съ утра до вечера. А ихъ жены, —какая разнообразная коллекція!

Однѣ, одѣтыя прилично, почти какъ дамы, другія въ лохмотьяхъ; сѣдыя жены юношей и молоденькія, горящіяся въ дочери своимъ мужьямъ; съ смѣлыми лицами, и съ лицами покорныхъ женъ; маленькія, живыя женщины, полныя заботы о своемъ мужѣ, которыя, принеся завтракъ, умоляютъ не кушать слишкомъ много въ торопяхъ и нетерпѣливымъ взоромъ слѣдятъ, не подходитъ ли встрѣчный вагонъ, считая оставшіеся куски и секунды. Сколько тревожныхъ и тяжелыхъ существованій удалось мнѣ угадать, наблюдая эти торопливые объѣды! Сколько я узналъ добрыхъ и благородныхъ натуръ, какой прекрасный и трогательный обмѣнъ чувствъ пришлось мнѣ наблюдать.

Вчера, напримѣръ, на линіи *Viala*, около захода солнца я былъ свидѣтелемъ очень милой сцены. Кондукторомъ вагона, полупустого, былъ красивый юноша съ темными усами и шевелюрой, съ нѣсколько меланхоличнымъ лицомъ и красивыми манерами. Когда конка остановилась на улицѣ *Св. Маврикія*, изъ одной изъ боковыхъ улицъ вышла молоденькая граціозная женщина съ непокрытой головой и съ ребенкомъ на рукахъ. Она торопливо вошла въ Джардиньеру, бросивъ вокругъ безпокойный взоръ, словно являлась на любовное свиданіе. Онъ заботливо взялъ мальчика изъ ея рукъ, посадилъ къ себѣ на колѣни, и началъ торопливо и страстно ласкать и цѣловать его, словно желая удовлетворить себя сразу; молодая мать сидѣла рядомъ и смотрѣла съ выраженіемъ величайшей нѣжности то на сына, то на мужа, который поминутно поднималъ голову, чтобы улыбнуться, и въ

этой улыбкѣ выражалось еще пылкое и свѣжее чувство. Она выбрала удобную минуту, когда вагонъ былъ почти пустъ, чтобы принести ребенка въ утѣшеніе мужу, которому такъ рѣдко приходилось любоваться имъ дома, и теперь измѣряла глазами, какое растояніе имъ остается проѣхать виѣстѣ. О, очень большое! И въ самомъ дѣлѣ на слѣдующей остановкѣ она быстро сошла съ своимъ маленькимъ грузомъ, который протягивалъ руки къ своему папѣ; а этотъ послѣдній, удерживая ее за руку, когда она была уже на улицѣ, сказалъ ей:—до вечера.

— Въ которомъ часу?—спросила она въ то время, когда вагонъ уже двигался, глядя на него взоромъ любовницы, но немного грустнымъ отъ предчувствія отвѣта.

И онъ отвѣтилъ съ тѣмъ же взглядомъ и такимъ же тономъ:

— Какъ всегда.

— Въ одиннадцать?

— Въ одиннадцать,—повторилъ онъ, качая головой.

Она вздохнула и осталась на томъ же мѣстѣ, обернувшись лицомъ къ вагону, который увозилъ отъ нея ея мужа. И они были такъ хороши, эти двое молодыхъ влюбленныхъ, смотрѣвшихъ другъ на друга черезъ все увеличивавшееся растояніе, —онъ, повернувшись назадъ, а она, протягивая къ нему издали ребенка.—эти двое бѣдныхъ супруговъ, которымъ казалось такой долгой четырехчасовая разлука, потому что ихъ сердца считали минуты и ихъ сынъ хотѣлъ ихъ объединить...

Глава V.

Май.

«Май, прекрасный май. пора любви цвѣтовъ» —и всѣхъ растений, прекрасенъ также и въ конкахъ, которыя проходя утромъ черезъ площади *Виктора Эммануила*, *Бодони* и *Мадама Кристина*, превращаются въ маленькіе огороды и подвижные магазины съѣстныхъ припасовъ и зелени, пестрящіе разнообразными цвѣтами и переполненные запахами. Въ вагонъ со всѣхъ сторонъ са-

дятся со своими покупками лавочницы, кухарки, деньщики, повара гостинницъ и дамы съ птичьими кѣтками и вазонами цвѣтовъ въ рукахъ; по временамъ вагонъ такъ загромождается всевозможными корзинками, стоящими на лавкахъ и подъ лавками, громадными кочанами капусты, лежащими на колѣнахъ, артишоками, торчащими какъ факелы, и курами, трепыхающимися въ рукахъ служанокъ,—что нельзя двинуть ни рукой, ни ногой безъ того, чтобы не прикоснуться къ чему-нибудь съѣстному. Ахъ, какой любопытный контрастъ между господскими поварами, гордо выставляющими на показъ хвостъ фазаней и фазановъ, и мелкими буржуа обоюга пола, которые отправляются на рынокъ изъ матеріальной необходимости или для удовлетворенія тонкаго вкуса, жертвуя самолюбіемъ, съ надеждой только на то, что не встрѣтятся съ знакомыми, и стараются при помощи тысячи ухищреній скрыть купленную вещь! А вотъ блондура барышня, которая своими пошлостическими движеніями и разсвѣяннымъ видомъ старается показать, что она тутъ—совсѣмъ случайно, но я вижу предательскія редики, краснѣющія изъ подъ плохо прикрывающейся крышки ея элегантнои корзинки. Или тамъ—старый отставной майоръ, барабанящій пальцами по своему кожаному саквоюжъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ только что пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ, но въ туто набитомъ саквоюжѣ ясно обрисовываются контуры пучка спаржи—столь желанной для него новинки. Напрасно и старая разорившаяся графиня старается скрыть при помощи зонтика кулекъ, прижимаемый правой рукой къ груди: я вижу зеленѣющія сквозь разорванную бумагу овощи, къ которымъ она когда то только слегка прикасалась вилкой, а теперь по пріѣздѣ домой должна будетъ разрѣзать собственными руками, уже оставшимися безъ колець. Ахъ, бѣдная графиня, сложи свой зонтикъ, который ограждаетъ тебя не отъ презрѣнія, какъ ты думаешь, а отъ симпатіи и уваженія благородныхъ душъ!

А вагонъ идетъ себѣ впередъ, разнося запахи цвѣтовъ, земляники, рыбы, сыру

и луку—разныхъ по немножку разностей, предназначенныхъ для блестящихъ трапезъ миллионеровъ, для tables d'hot'овъ иностранцевъ, для бѣдныхъ столовыхъ, въ которыхъ кормятся студенты, мелкіе чиновники, рабочіе, больные,—для мѣсть и лицъ, столь же различныхъ, какъ различные тѣ способы, которыми добыты заплаченные за нихъ деньги. Мало по малу всѣ покупки выгружаются, и вагонъ, принявъ опять свой обычный видъ, продолжаетъ легко свой путь—для того, чтобы вернувшись на прежнее мѣсто, наполниться опять цвѣтами, и запахами, и кулинарнымъ тщеславіемъ, и страданіемъ аристократической гордости, и замаскированнымъ обжорствомъ.

«Май, прекрасный май, пора любви цвѣтовъ» давалъ себя чувствовать и красивому пѣхотному капитану съ предполагаемой женой почтового чиновника, которыхъ я встрѣтилъ въ одно майское утро въ закрытомъ вагонѣ конки Винцальо. И такъ ихъ любовь еще не сошла съ рельсовъ? Возможно, хотя не вѣроятно. Какъ бы то ни было, они находились въ томъ критическомъ періодѣ, когда для пылающей любви кажутся невыносимыми всѣ стѣсенія и зависимость отъ календаря, всякая ложь, притворство и всевозможныя хитрости и предосторожности извѣсны; въ томъ періодѣ, когда страсть, ослабленная собственнымъ пламенемъ и возгордившись своей силой, готова свергнуть всякое иго, снять всѣ покровы и разорвать узы,—однимъ словомъ, завязать открытую борьбу съ цѣлымъ міромъ и съ его законами. На лицѣ у нея не было и тѣни робости. Они фиксировали другъ друга совершенно свободно и смотрѣли въ глаза другамъ смѣло, какъ бы говоря:—Ахъ, не вздумайте, пожалуйста, что мы хотимъ притворяться! То, что вы подозреваете—правда, но мы ее и не думаемъ скрывать, а гордимся ею и бросаемъ ее вамъ въ лицо!—Торжествующая любовь—мишень для безпредѣльной зависти! Замѣтили ли вы, что на лицахъ наблюдателей почти всегда является выраженіе ядовитой ревности,

что люди почти всегда испытываютъ удовольствіе при видѣ двоихъ, ненавидящихъ другъ друга, и злятся при видѣ двоихъ, которые любятъ другъ друга?

Среди пассажировъ, преслѣдовавшихъ парочку враждебными взглядами, былъ серьезный бородастый господинъ, который, судя по виду, готовъ былъ бы пронзить ихъ кинжаломъ. Онъ не могъ стоять спокойно, щипалъ себѣ усы и сопѣлъ; можно было подумать, что это и есть обманутый мужъ. Я призналъ въ немъ того, особеннаго вида, эротика, который испытываетъ ревность ко всему женскому полу, считая каждую любовь воровствомъ и личнымъ себѣ оскорбленіемъ и думая, что каждая женщина, увидя его, должна оставить своего возлюбленнаго со словами:—Прости меня, пожалуйста, я влюбилась въ тебя потому, что не знала этого господина, а теперь я должна тебя оставить.—Казалось, нашъ вагонъ пылалъ, словно онъ двигался не лошадами, а силой заключенныхъ въ его стѣнахъ страстей любви и ревности, трепещущихъ сердецъ и воспаленнаго воображенія. Тамъ сидѣли двѣ барышни съ красными возбужденными лицами, два старика, вся душа которыхъ ушла въ очки, и юноша, казавшійся загнипнотивированнымъ; даже кондукторъ принималъ солды безъ провѣрки, чтобы имѣть возможность не сводить глазъ съ прекрасной грѣшной парочки. А я съ невольной жалостью думалъ о бѣдномъ почтовомъ чиновникѣ, который въ этотъ моментъ можетъ быть говорилъ у почтоваго окошечка своимъ спокойнымъ голосомъ:—«Для васъ—ничего!»—Ахъ, бѣдняга! Для него—такъ было кое-что!

«Май, прекрасный май, пора любви цвѣтовъ».

Обаяніе его испытывалъ на себѣ и мой ветеранъ съ улицы *Гарибальди*: Я его встрѣтилъ разъ вечеромъ на конкѣ *Валентино*: онъ ѣхалъ къ Порто Палаццо, какъ всегда съ своей неразлучной собакой. Онъ стоялъ, съ торжественнымъ видомъ, довольный тѣмъ, что чувствуетъ себя хорошо, что имѣетъ возможность дышать этимъ теплымъ воз-

духомъ, напоеннымъ ароматомъ акацій, и съ необычной живостью поворачивалъ голову на каждомъ перекресткѣ, сморѣлъ на все и улыбался всему: людямъ, памятникамъ, строящимся домамъ, проходящимъ конкамъ, длиннымъ и прямымъ улицамъ и далекимъ Альпамъ. Повидимому это былъ для него одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ дней, которые старики вспоминаютъ всегда съ удовольствіемъ, какъ будто передъ ними открывается просвѣтъ, черезъ который имъ удастся взглянуть мелькомъ на лучшее время своей жизни. Онъ улыбался также и вагону, въ которомъ ѣхалъ, въ самомъ дѣлѣ очень веселому и граціозному; разнообразный цвѣтникъ дамскихъ шляпокъ, украшенныхъ цвѣтами и кружевами; гнѣздышко бѣлокуроухъ дѣтей, приведенныхъ въ удивленіе странной формой болгарскаго офицера; двѣ красивыя дѣвушки изъ простыхъ, съ непокрытыми золотистыми волосами, и три солдата, которые были слегка навеселѣ, смѣялись сами какъ дѣти и смѣшляли всѣхъ комичными замѣчаніями, относившимися къ неудачному обѣду, поданному имъ въ остеріи.

Проѣзжать свой родной Туринъ въ вагонѣ за два солда, съ этой милой компаніей, въ такую прекрасную погоду—должно быть для нашего стараго холостяка однимъ изъ наиболѣе утонченныхъ удовольствій, еще оставшихся на его долю, — подобнымъ тому, какое доставляетъ для восемнадцатилѣтняго юноши прогулка съ блестящей кавалькадой. И онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить мнѣ своихъ чувствъ; когда на улицѣ *Сиккарди* въ лицо намъ хлынула волна душистаго воздуха съ цвѣточной выставки въ саду *Читтаделла*, онъ повернулъ ко мнѣ свое лицо съ улыбающимися морщинами и воскликнулъ:—Какой чудесный вечеръ!—Онъ выпрямился на мгновеніе, словно затѣмъ, чтобы, по обыкновенію, сказать своимъ сосѣдямъ:—Знаете ли, мнѣ ужъ семьдесятъ восемь лѣтъ!—Затѣмъ онъ высказалъ мнѣ свое желаніе, чтобы на будущій годъ въ Туринѣ ввели электрическую дорогу, и выразилъ свое удивленіе передъ поразительнымъ успѣхомъ

дня, какъ человѣкъ, который еще чувствуетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы ими наслаждаться. Онъ прервалъ себя, чтобы позвать своего Чукетто голосомъ гораздо болѣе звучнымъ, чѣмъ обыкновенно. На улицѣ *Гарибалди* онъ опять замолчалъ, снялъ шляпу и сдѣлалъ низкій почтительный поклонъ. Это проѣхала мимо въ каретѣ княжна *Letizia*. Я понялъ, что эта встрѣча для его сердца стараго пьемонтца - монархиста была счастливымъ вѣщаньемъ этого золотого дня.

Нѣсколько дней спустя я встрѣтилъ на линіи *Борюсанъ-Сальваріо* донну-Кихоту съ ея неразлучнымъ ребенкомъ. Они сидѣли впереди джандирьеры, а стоялъ недалеко и, повернувшись слегка какъ бы затѣмъ, чтобы читать объявленія, могъ слышать большую часть ея горячаго разговора, который она вела съ другой дамой, та слушала ее болѣе заинтересованная, какъ мнѣ казалось, ея оригинальностью, чѣмъ предметомъ ея краснорѣчія. Волосы ея по обыкновенію были слегка растрепаны и на одномъ изъ пальцевъ руки, которой она жестикулировала, виднѣлось черное пятно, какъ у школьницы; и она все говорила и говорила своимъ горячимъ контральто съ расширенными глазами и вздувшейся шеей:—Несчастье за несчастьемъ, какъ видите. Дочка, ея единственная дочка, больная уже давно, заболѣла еще сильнѣе и больше не поправлялась послѣ того ужаснаго удара. Я послала къ ней доктора Рипцетти. Представьте себѣ, она каждую ночь видѣла во снѣ этотъ ужасный случай и пробуждалась съ крикомъ. И потомъ этотъ страхъ, что отца посадятъ въ тюрьму, что онъ лишится мѣста,—однимъ словомъ, невообразимая мука... И эта дѣвочка, безъ матери, всегда одна въ домѣ... Я ходила — поговорить о немъ—въ правленіе, но это оказалось лишнимъ, потому что за нимъ не было никакой вины. Однако, онъ уже не тотъ, что прежде. Сначала началъ было пить, чтобы забыться, понятно. Сталъ угрюмымъ и вообще какимъ-то страннымъ, съ равными *idées fixes*, и говорить гораздо меньше прежняго. Повѣрьте,

жалость охватываетъ, когда слушаешь, какъ онъ рассказываетъ о томъ, что испытываетъ, проѣзжая съ конкой: вспоминаетъ и чувствуетъ все, все; и всякій разъ его охватываетъ дрожь при видѣ ребенка, переходящаго улицу...

Въ этомъ мѣстѣ меня озарила мысль, что она говорить о мужѣ и о фактѣ, мнѣ извѣстныхъ. Слова, которыя она прибавила, мнѣ это подтвердили.

— Нѣтъ, онъ дѣйствительно не виноватъ. Нужно только слышать, какъ онъ съ рыданіемъ повторяетъ десять разъ:—клянусь душою моею бѣдной матери, что я не видѣлъ, какъ онъ проходилъ!—Человѣкъ говорящій такимъ образомъ, не можетъ лгать. Еслибы вы видѣли этотъ несчастный домъ! Дѣвочка въ томъ ужасномъ состояніи, больная, въ кровати; а онъ сидитъ надъ кускомъ хлѣба и не въ силахъ проглотить его, и посреди нихъ двухъ вѣчно тотъ несчастный мертвецъ въ крови... И тотъ крикъ, тотъ страшный крикъ постоянно звучитъ у нихъ въ ушахъ! Но теперь, онъ по крайней мѣрѣ бросилъ пить; я ему столько говорила объ этомъ! Говорятъ: кто страдаетъ этимъ порокомъ, того бесполезно убѣждать. Но когда я ему сказала:—Смотрите, если сдѣлаетесь пьяницей, то всѣ скажутъ, что вы имъ были всегда и что потому именно, по вашей винѣ, и случилось несчастье, этотъ доводъ произвелъ на него впечатлѣніе. И затѣмъ я ему сказала:—Я не хочу! понимаете? Я вамъ это запрещаю именемъ вашей покойной жены и вашей больной дочери, которая любитъ меня, какъ мать!—Бѣдняга началъ плакать и цѣловать мои руки. Ахъ, что могла бы сдѣлать женщина съ душой!..

И въ то время, когда она такъ говорила своимъ горячимъ голосомъ, съ этимъ вибрирующимъ жестомъ, вызвавшимъ улыбку на устахъ ея приятельницы, обнаруживались скрытыя въ ней сокровища пылкихъ чувствъ, устойчивость въ горѣ и мужество передъ смертью, и глубокое презрѣніе ко всѣмъ мелкимъ общественнымъ условностямъ жизни, дѣйственная чистота души въ соединеніи съ неустрашимой смѣлостью и силой, и

ея смуглое миниатюрное лицо съ неправильными чертами засіяло на мгновеніе чудесной, невыразимой красотой, гордой и въ то же время очень вѣжной и гораздо болѣе обоеительной, чѣмъ постоянная красота правильныхъ лицъ.

— Вотъ—гдѣ произошло несчастье,— сказала она, когда конка, пройдя черезъ улицу *Санта Терезу*, завернула въ улицу *Венти Септембре*. И произнесла эти слова, она прижала къ груди своего сына, покрывъ его голову руками, какъ бы защищая его отъ опасности. Спустя мгновеніе она очнулась и прибавила. толкнувъ пріятельницу локтемъ:

— Вотъ оно, это мѣсто!

На встрѣчу намъ шла другая джардиньера, на которой я, съ перваго же взгляда, узналъ кучера съ сѣдыми волосами, проходившаго тогда, въ утро несчастья въ толпѣ, въ сопровожденіи городскихъ. Онъ проѣхалъ мимо съ сосредоточеннымъ лицомъ и глазами неподвижно устремленными впередъ на дорогу, не видя донны-Кихоты.

— Обернитесь,—сказала эта послѣдняя своей пріятельницѣ:—и будьте внимательны. Вы увидите, что, проѣзжая въ томъ мѣстѣ онъ перекрестится. Онъ говорить, что дѣлаетъ это всегда съ тѣхъ поръ.

Объ онѣ обернулись; обернулся и я, и несмотря на то, что вагонъ былъ уже на разстояніи пятидесяти шаговъ, ясно видѣлъ жестъ кучера, осѣнвившаго себя крестомъ.

— Видѣли?—спросила синьора свою знакомую:—видѣли?

Она спросила это такимъ тономъ, что я ни сколько не удивился, видя, какъ она въ то же время поднесла палецъ къ углу глаза, —вѣроятно, чтобъ осушить слезу. Я понялъ, что это была слеза удовлетворенія: еслибъ онъ продолжалъ пить, то не слѣлалъ бы этого движенія; значить, онъ пересталъ—она побѣдила! А у меня промелькнула другая мысль: можетъ быть онъ и перекрестился потому, что пилъ.—Но я тотчасъ же упрекнулъ себя:

— Почему не вѣрить въ добро? Уже вѣра сама по себѣ хороша; вѣруй и ты...

И при видѣ прелестной улыбки по-

чти материнской гордости, блестявшей въ глазахъ синьоры, я мысленно повторилъ себѣ восклицаніе Фогаццаро:

— Да, прекрасна человѣческая душа!

«Прекрасный май» далъ мнѣ возможность также увидѣть моего молодого художника на послѣднемъ участкѣ линіи *Борго санъ Секондо*, какъ разъ въ утренней часъ, когда вагоны этой конки имѣютъ совсѣмъ своеобразный видъ; они переполнены Мавриціанскимъ персоналомъ, ѣдущимъ въ главную больницу: врачами, сестрами милосердія и другими служащими, а также родственниками и друзьями больныхъ, направляющимися туда съ пакетами, свертками бѣлья, фруктами и книгами въ рукахъ. Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вагонъ выходилъ изъ города въ зеленые луга, прямо противъ Монвизо, почти теряющейся въ голубой лазури неба, вскочилъ юноша свѣжій и розовый, какъ май, и еще на ступенькѣ весело сдѣлалъ мнѣ знакъ, что хочетъ мнѣ рассказать что-то интересное. Но не о пересадочной синьорѣ, которая продолжала оставаться для него тайной, хоть ему и казалось, что онъ попалъ на вѣрный слѣдъ... Нѣтъ, это былъ совсѣмъ особенный и презабавный случай, видѣнный имъ самимъ,—случай, предназначенный имъ для рубрики: *Супружеская ревность въ конкѣ*. Рѣчь шла объ одной пожилой дамѣ, которая вошла въ джардиньеру сада, незамѣтно для переднихъ пассажировъ и вдругъ среди нихъ увидѣла спину своего мужа. Онъ сидѣлъ на первой скамейкѣ рядомъ съ одной изъ общей молодой пріятельницей и велъ съ ней оживленный разговоръ, который сопровождался такими движеніями, такимъ страстнымъ всепоглощающимъ вниманіемъ, что не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія относительно характера ихъ отношеній. Чтобъ удобнѣе наблюдать сдѣланное открытіе, дама стала на площадкѣ и изъ этой обсерваторіи съ мечущими искры глазами и багровымъ лицомъ смотрѣла на влюбленный профиль своего мужа, пьющаго любовныя рѣчи, даже на два обращенныхъ другъ къ другу профиля, наминающихъ пару воркующихъ го-

лубковъ, и старалась не проронить ни одного взгляда ихъ глазъ, ни одного движенія губъ; а мой другъ стоялъ, наблюдая ихъ всѣхъ троихъ и поджидая сценку, которая должна была разыгратъся. На первой же остановкѣ у желѣзнаго моста, дама стрѣлой бросилась съ задней площадки и, какъ призракъ, очутилась на передней передъ лицомъ своего мужа и пріятельницы... Ахъ, тогда этотъ мужъ... Какое удивительное мгновенное прекращеніе! И у пріятельницы также—какъ есть, два лица покойниковъ! Бомичиѣ всего было то, что, когда они инстинктивно отклонились другъ отъ друга, словно двѣ части тѣла, разрубленнаго внезапнымъ ударомъ, жена мгновенно сѣла между ними, раскланиваясь для приличія съ обоими въ то время, какъ глаза ея пылали, какъ угли въ аду... Увы, вѣтъ,—конка неудобный пріютъ для невѣрныхъ мужей!

Я, кстати, спросилъ его, какъ идутъ его matrimonіальные поиски на рельсахъ, и къ удивленію своему увидѣлъ, что онъ покраснѣлъ и слегка пожалъ плечами, словно я напомнилъ ему шутку, которой онъ теперь стыдился и которой мнѣ не слѣдовало понимать серьезно. Онъ, однако, на минуту задумался, и потомъ рѣзко переѣмнилъ разговоръ, спросивъ меня:

— Какого вы мнѣнія о студенткахъ?

Я не понялъ его вопроса:—0 какихъ?—спросилъ я въ свою очередь.

Но я тотчасъ понялъ, что онъ спросилъ меня не затѣмъ, чтобъ узнать мое мнѣніе, а чтобъ высказать свое и онъ началъ его высказывать съ необычной для него горячностью и многословіемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что то, что говорятъ о неприличіи посылать молодыхъ дѣвушекъ въ лица и университеты, кажется ему смѣшнымъ предразсудкомъ, что глупо говорить объ опасности безнравственнаго вліянія, которому подвергаются только врожденныя кокетки, тогда какъ дѣйствительно порядочныя и серьезныя дѣвушки не только вызываютъ къ себѣ уваженіе, но еще и оказываютъ благотворное вліяніе на юношей, что истинная добродѣтель состоитъ не въ невѣдѣніи человѣческой мерзости,

а въ сознательномъ отвращеніи къ ней, и что во всякомъ случаѣ покровъ невѣдѣнія будетъ сорванъ, благодаря ежедневнымъ разговорамъ, которые придутся слышать, романамъ, театру, баламъ и газетамъ гораздо раньше, чѣмъ коснутся ихъ ушей рѣчи ихъ грубыхъ соучениковъ... и что во всякомъ случаѣ... и что вообще... и даже—когда...

Но видя, что я смотрю на него съ удивленіемъ, онъ покраснѣлъ по уши, и тотчасъ снова переѣмнилъ разговоръ, спросивъ меня, видѣлъ ли я донну-Кихотину.

Я рассказалъ ему видѣнный мною случай, а онъ мнѣ другой, о которомъ онъ слышалъ отъ своего пріятеля мѣсяць тому назадъ. Разъ она встрѣтила въ конкѣ мальчика, раздумывающаго надъ коробкой спичекъ съ порнографическимъ рисункомъ, и, купивъ у него эту коробку за четыре сольдо, выбросила на улицу. Нѣкоторые изъ пассажировъ начали смѣяться надъ ея эксцентричностью; тогда она, не долго думая, назвала ихъ эпитетомъ, хоть и не вполне подходящимъ для тактичной синьоры, но за то искреннимъ.

Произнося эти слова въ то время, какъ конка вѣзжала въ аллею *Ступиниджи*, раздѣливъ на двое праздничную компанію велосипедистовъ и велосипедистокъ,—онъ качался на ступенькѣ, вися одной ногой въ воздухѣ, уже готовый сойти, и улыбался мнѣ; но въ этой улыбкѣ и на всемъ его красивомъ розовомъ лицѣ лежала какъ бы тѣнь скрытой мысли, легкое смущеніе, но не минутное, а постоянное; эта легчайшая тѣнь вызвала у меня подозрѣніе, не напелъ ли онъ уже въ конкѣ того, о чемъ дѣлалъ видъ, что совсѣмъ пересталъ думать?

Улыбался «прекрасный май» и моимъ маленькимъ супругамъ изъ *Сандонатскаго предместья*, которыхъ я увидѣлъ разъ послѣ обѣда въ воскресенье въ переполненномъ вагонѣ по линіи *Зетавы Казае*. Они сидѣли на первой скамейкѣ; она въ шляпѣ, отдѣланной красными цвѣтами, судя по виду еще ненадѣванной и съ сиреневымъ зонтикомъ, онъ—

въ желтой соломенной шляпѣ, обшитой голубой лентой, которая казалась только что вышедшей изъ мастерской. Это необычное щегольство заставило меня подумать, что, можетъ быть, они получили какое-нибудь маленькое наслѣдство въ нѣсколько сотенъ лиръ или, еще вѣрнѣе, какую-нибудь неожиданную награду по службѣ, и ѣхали теперь отпраздновать ее скромнымъ обѣдомъ гдѣ-нибудь въ загородномъ ресторанчикѣ. Что они находились въ необычномъ настроеніи, это подтверждалъ и тотъ фактъ, что онъ, обыкновенно застѣнчивый и сдержанный, теперь сидѣлъ, держа руку на спинкѣ скамьи, вокругъ плечъ своей жены. И этотъ жестъ, которымъ онъ какъ бы хотѣлъ прижать къ сердцу и защитить свою маленькую супругу, на которую никто и не думалъ бы никогда посягнуть, словно говорилъ:—видите, эта бѣдняжка, которая никому не нравится и на которую никто не смотритъ—моя любовь, мое сокровище, моя жизнь. Я глядѣлъ, и думалъ, что, можетъ быть, позволяя себѣ такую свободу въ обращеніи, онъ утѣшалъ себя горькой и печальной мыслью, что обмѣнъ чувствъ у такихъ жалкихъ существъ, какъ они, не привлечетъ ничего вниманія, что это даже и не покажется другимъ проявленіемъ чувствъ. Я былъ оторванъ отъ своихъ наблюденій зрѣлицемъ, никогда прежде невидѣннымъ мною въ вагонѣ. На одной изъ среднихъ лавокъ сидѣли двое супруговъ, лѣтъ около сорока, прилично одѣтые. Они между собой о чемъ-то спорили въ полголоса, но очень рѣзкимъ тономъ. Вдругъ, въ одно мгновеніе, мужъ занесъ зади руку и ударилъ кулакомъ въ спину своей жены такъ гулко, какъ въ барабанъ. Всѣ обернулись; поднялся ропотъ негодованія. Но жена осталась въ томъ же положеніи, какъ ни въ чемъ не бывало, даже не вздохнула; а мужъ принялся разглаживать себѣ бороду. И оба сидѣли неподвижные и спокойные, какъ будто ровно ничего не произошло. Ропотъ смолкъ, но за негодованіемъ пассажировъ послѣдовало всеобщее комическое изумленіе передъ этимъ внезапнымъ одинокимъ ударомъ, такъ рѣзко прервавшимъ словесный споръ, нанесеннымъ

какъ бы съ обоюднаго согласія, словно это былъ сигналъ, къ которому парочка прибѣгала въ критическія минуты. И больше ничего не было. Чтобы взглянуть на эту сцену, повернулись всѣ въ вагонѣ, кромѣ моихъ двухъ маленькихъ супруговъ, которые не мѣняли своихъ позъ вплоть до пріѣзда на заставу. Здѣсь, прежде чѣмъ вагонъ остановился, она встала; я, смотря на нихъ съ боку, замѣтилъ на ея худощавомъ станѣ ту легкую округленность, которая является первымъ видимымъ указаніемъ на зарожденіе новой человѣческой жизни. Тогда я все понялъ; понялъ причину необычной роскоши и обѣда за городомъ, и его заботливаго жеста! Красные цвѣты, сиреневый зонтикъ, и новая шляпа и ласковый жестъ относились къ *нему*, ради *него* былъ этотъ парадный обѣдъ въ деревнѣ, ради *него* были роскошь и празднество. Еслибъ я даже не видѣлъ ея фигуры, то угадалъ бы это по той особенной нѣжной заботливости, съ которой молодой человѣкъ помогалъ ей сойти: онъ сошелъ сначала одинъ, а потомъ протянувъ къ ней обѣ руки, словно она шла уже не одна... Я остановился и смотрѣлъ на нихъ, какъ они удалялись въ пыли улицы, прижавшись другъ къ другу. Бѣдняга, милыя дѣти! Еслибъ я имѣлъ волшебный фонарь Аладина, я превратилъ бы ихъ бѣдную трактирорю въ блестящій дворецъ и засыпалъ бы ихъ обѣденный столъ цвѣтами и алмазами.

Но «прекрасный май» не улыбался бѣдной старушкѣ изъ *Поццо ди Страда*. Мнѣ довольно было одного взгляда, когда я увидѣлъ ее стоящій въ глубинѣ конки *Гарибальди* съ своимъ всегдашнимъ мѣшкомъ, съ глазами неподвижно устремленными въ пространство, чтобы понять, что она не получила еще извѣстій о своемъ Джаколинѣ, что она продолжаетъ терзать себѣ умъ и сердце, воображая его то плѣнникомъ, то мертвымъ, то изувѣченнымъ, голоднымъ, блуждающимъ, подобно звѣрю, изъ логовища въ логовище по таинственной странѣ, о которой она ровно ничего не знала, кромѣ одного проклятаго имени. Въ тѣ дни произвожденія сборъ пожертвованій въ пользу

раненныхъ и плѣнниковъ въ Африкѣ. И въ конку для сбора денегъ сходили молодые люди съ надписями на шляпахъ и жестяными кружками въ рукахъ. На срединѣ улицы *Гарибальди* въ нашъ вагонъ вошелъ элегантный юноша, видимо студентъ, и прошелъ съ кружкой вдоль всѣхъ скамеекъ съ обѣихъ сторонъ, держась на подножекѣ. Вотъ еще одна изъ выгодъ этого экипажа-конки: кто рѣшится отказать въ благотворительномъ сольдо подъ взоромъ столькихъ глазъ? Немногіе. Однако, я видѣлъ среди нихъ и сеньоровъ. Я сдѣлалъ взглядомъ за собиравшимъ вплоть до тѣхъ поръ, пока онъ подошелъ ко мнѣ на площадку. Когда онъ приблизился съ кружкой къ старушкѣ, она его не поняла и взглянула на него съ величайшимъ удивленіемъ, на которое только способно было ея лицо, окаменѣвшее въ выраженіи единственной мысли. Для плѣнныхъ и раненыхъ въ Африкѣ! — произнесъ юноша, рѣзко отчеканивая гласныя. Эти слова вызвали на ея лицѣ какъ бы смутный отблескъ сумерекъ и ея полужакрытыя глаза открылись. Я прочелъ въ этомъ взглядѣ ея мысль: дать что-нибудь, чтобы самое себя утвердить въ вѣрѣ, что сынъ ея живъ, какъ бы купить себѣ немножко иллюзій, что онъ еще можетъ получить это пожертвованіе. Она прынулась въ карманъ своего передника, вытащила оттуда сольдо, но опустила его обратно: ей это показалось слишкомъ мало, она достала никкелевую монету — можетъ быть свой хлѣбъ на цѣлый день или вино, держащее ее на ногахъ — и, смотря на юношу съ выраженіемъ грусти и симпатіи, почти благодарности, словно онъ самъ долженъ былъ отнести эту ленту ея сыну, она съ жестомъ вѣрующей, жертвующей святому, отъ котораго ждетъ милости, опустила свою монету въ кружку, подержавъ надъ ней съ минуту свою короткую, морщинистую и дрожащую руку. Затѣмъ лицо ея приняло прежнее выраженіе, застывшее и замкнутое, а глаза устремились вдаль къ тому видѣнію крови и ужаса, которое мучило ее уже в теченіе шести мѣсяцевъ... Пассажиръ рядомъ съ нею рѣзко отказался сдѣлать пожертвованіе, громко сказавъ собирав-

шему: — Нѣтъ, потому что увѣренъ, что до плѣнныхъ не дойдетъ ни одного сольдо! — Ахъ, варваръ, если даже подобное подозрѣніе было правдой... Къ счастью, конка въ этотъ моментъ проходила мимо деревни *Санъ-Далмаццо*, и старушка, обернувшись, чтобы перекреститься, ничего не слышала.

Ахъ, сколько несчастій несетъ въ себѣ конка даже и въ «прекрасномъ маѣ»! Трудно вообразить себѣ большее, чѣмъ то, о которомъ маѣ рассказала художавый кучеръ, день спустя, въ послѣднемъ вагонѣ на линіи *Санъ-Секондо*, гдѣ я былъ единственнымъ пассажиромъ. Онъ вѣжливо наклонился поднять билетикъ, упавшій изъ моихъ рукъ; благодаря ему, я обратилъ вниманіе на его блѣдность и растерянный видъ и спросилъ его, не боленъ ли онъ. Онъ отвѣтилъ, что нѣтъ, но что былъ боленъ, — и сейчасъ не хотѣлъ сказать ничего больше. Но видно было, что онъ ждалъ только одного доброжелательнаго слова, внушающаго довѣріе, чтобы рассказать больше, чтобы облегчить душу, въ чемъ онъ повидимому нуждался. И я ему сказалъ его; оно не сразу произвело свое дѣйствіе, но я настаивалъ, и тогда онъ заговорилъ грустными и дрожащими голосомъ, въ которомъ звучала глубокая искренность. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ три пьяныхъ незнакомца, разсерженные скромнымъ замѣчаніемъ, которое онъ сдѣлалъ относительно билетовъ, нанесли ему такіе удары палками по головѣ, что онъ мѣсяцъ пролежалъ въ больницѣ. Этихъ трехъ незнакомцевъ розыскали и коначное управленіе возбудило противъ нихъ процессъ въ вознагражденіе пострадавшаго. Процессъ былъ теперь какъ разъ въ полномъ ходу, но это-то наибольшее его и мучило: онъ желалъ бы прекращенія процесса, потому что боялся мести, и этотъ страхъ возбуждаемый постоянной работой воображенія, мало-помалу превратился въ ужасъ. — Вы меня поймете, — говорилъ онъ мнѣ, — вѣдь мы на виду день и ночь. Ударить — одна минута. А если меня ударить и сдѣлаютъ неспособнымъ къ службѣ? У меня жена и маленькая дочь; жена, такая

хорошая, и дочь, которая меня уже такъ любить...

Его голосъ прервался. Мнѣ было его жаль, я пытался его утѣшить; но это было бесполезно. Онъ признавалъ мои доводы справедливыми, но говорилъ:—Я слабъ; я уже не тотъ, что прежде. Что-жъ дѣлать, если я боюсь? Днемъ еще кое-какъ, но когда наступаетъ вечеръ и зажигаютъ огни, меня охватываетъ ужасъ, вся кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. Что-жъ, когда я не тотъ, говорю вамъ: Я слабъ! Я провелъ столько ночей безъ сна, у меня такъ страшно болѣла голова, и я бредилъ цѣлыми часами. А какъ вышелъ изъ больницы, такъ долго-долго былъ на положеніи выдаравливающаго—на полу-жалованья и сколько разъ я ложился спать голоднымъ, чтобъ оставить ужинъ моей дѣвочкѣ! А главное, вѣдь я не сказалъ тогда имъ ничего оскорбительнаго... только самое простое замѣчаніе. Я вѣжливы всегда со всѣми... Вы могли бы видѣть: всѣ пассажиры меня знаютъ, кланяются, хорошо ко мнѣ относятся...—И онъ повторялъ, какъ горестный призывъ, вонзившійся въ его мозгъ:—Пока еще день—кое-какъ, но когда зажгутъ огни...—И говоря такъ, онъ озирался по сторонамъ, въ устья темныхъ улицъ и опять принимался повторять:—слабъ я... много крови потерялъ...

Онъ внушалъ мнѣ еще больше жалости, когда я видѣлъ немного позже, съ какой робкой приниженной вѣжливостью онъ давалъ пассажирамъ билеты и принималъ монеты, какъ будто въ каждомъ лицѣ видѣлъ врага, котораго нужно было укротить и обезнечить себя защитника. Бѣдняга! И я подумалъ о томъ, сколько другихъ въ этотъ самый вечеръ могли подвергнуться оскорбленіямъ, и ругани, и жалобамъ въ Правленіе... Да, сколько мелкихъ жестокостей и ужасныхъ несправедливостей совершаются постоянно людьми, иногда—даже не сознающими этого...

А сколько несправедливостей вполне сознательныхъ! Я нахожу отмѣтку въ послѣднихъ числахъ мая: «Пьяный», и вспоминаю картинку, которая могла бы

составить сцену въ сатирической комедіи. Закрытый вагонъ линіи *Viam*, въ которомъ, среди элегантныхъ сеньоровъ и сеньоръ, сидитъ на скамейкѣ пьяный, перегнувшись вдвое, какъ плохо набитый мѣшокъ; сѣдые волосы падаютъ ему на черный отъ угля лобъ, въ слюнявомъ рту торчатъ недокуренная, погасшая трубка, изъ которой сыплется зола на его грязный оборванный пиджакъ. Онъ смотритъ на соеѣдей оупѣлыми глазами и потираетъ себѣ черными руками колѣни, потряхивая однообразно головой, словно обдумывая какія то насмѣшливыя слова, произнести которыхъ онъ уже не въ силахъ. Его полузакрытые глаза, то вспыхивающіе, то потухающіе, выражаютъ поочередно то грустное сознаніе своего звѣрства, то горькую обиду отъ вызываемаго имъ въ другихъ отвращенія, которое онъ замѣчалъ. Отвращеніе, въ самомъ дѣлѣ, и ужасъ, и негодованіе выражали лица пассажировъ, вынужденныхъ дышать однимъ съ нимъ воздухомъ и сидѣть рядомъ съ его грязными лохмотьями. Среди этихъ лицъ былъ одинъ незнакомый со мной, но знавшій меня господинъ, который, посмотрѣвъ на пьянаго, обернулся ко мнѣ и, глядя, ясно говорилъ мнѣ своей краснорѣчивой улыбкой:—Вотъ этихъ хотите вы поднять?..

— Ну да, этихъ,—хотѣлъ я ему отвѣтить:—именно этихъ; этихъ прежде всего, конечно. И вы очень ошибаетесь, если думаете, что сѣдство этого постыдно только для него одного. О, если никто изъ насъ не доходитъ до подобнаго состоянія, то лишь потому, что насъ удерживаетъ на наклонной плоскости, приводящей къ этому, много разныхъ преградъ: общество, воспитаніе, образованіе, самосознаніе, что въ сущности—совсѣмъ не наша заслуга, потому что все это уже вложено въ насъ насъ или въ нашихъ окружающихъ. А что они заходятъ вокругъ себя и въ себѣ самихъ? И что дѣлаемъ для нихъ мы, чтобъ создать для нихъ эти преграды противъ кабака, который ихъ притягиваетъ къ себѣ и губитъ? И наконецъ... можно ли быть увѣренными, что мы даемъ имъ только одни хорошіе примѣры?..

Мой монологъ былъ прерванъ у *Порта Палаццо* шумной компаніей сеньоровъ, которые стали входить безпорядочной толпой на обѣ площадки и, когда вагонъ тронулся, продолжала шумно разговаривать, смѣяться и окликать другъ друга, чрезъ открытыя двери, шутивными прозвищами и комическими жестами. Они пришли со станціи, очевидно возвращаясь съ какой-нибудь загородной пирушки, на что они намекали въ разговорѣ, и шутили надъ нѣкоторыми плохо удавшимися людьми. У нихъ были воспламененные лица, вибрирующіе голоса, смѣлыя выраженія, какъ у людей много выпившихъ крѣпкаго вина. Всѣ они были на границѣ, раздѣляющей «благоприятное» на-веселѣ отъ грубаго опьяненія, т. е. въ томъ состояніи, когда неожиданныя помраченія разума и мгновенныя задержки въ органѣ рѣчи еще благоразумно скрываются усиленіемъ воли. Но по нѣкоторымъ намекамъ, раздававшимся иногда среди общей путаницы голосовъ, можно было заключить, что ихъ день еще не былъ конченъ, что мы видѣли передъ собой на горизонтѣ еще другую серію возліаній, *quelque chose au déla*, какъ совѣтуетъ *Brillat-Savarin*, чтобъ оживить удовольствие банкета. И они дышали такою жизненностью и весельемъ, что пассажиры смотрѣли на нихъ съ явнымъ выраженіемъ симпатіи и смѣялись ихъ жестамъ и движеніямъ, изъ которыхъ иные были слишкомъ свободны и шокировали, вызывая на лицахъ гримасы, впрочемъ смягченныя снисходительной улыбкой.

— Однако, — думалъ я, глядя на нихъ:—слишкомъ много выпили и эти, несмотря на то, что имѣютъ въ своемъ распоряженіи столько другихъ, болѣе достойныхъ способовъ для развлечения. Если они не совсѣмъ пьяны, какъ тотъ, то не потому, что пили меньше, а потому что пили лучше. Если они опрятнѣе его, то потому, что ихъ занятія чище. Если ихъ не одолѣваетъ сонъ, какъ его, то потому, что они меньше устали вчера и больше спали въ эту ночь. Въ сущности, если приять въ соображеніе разницу условій,

эти представляютъ примѣръ невоздержанія не менѣе грубаго, но менѣе виновительнаго и болѣе опаснаго. Почему же ихъ не только извиняютъ, но относятся съ сочувствіемъ, а тотъ пьяный не заслуживаетъ извиненія, и отвращеніе, вызываемое имъ въ другихъ, не смягчено даже ни малѣйшимъ чувствомъ сожалѣнія?..

Въ это время пьяный, уже совершенно заснувшій, привлекъ вниманіе одного изъ компаніи, который подмигнулъ на него другимъ, и началась перекрестная игра шутокъ и насмѣшекъ надъ нимъ. Боже мой! Это бутылки по двѣ лиры осмѣивали литръ за восемь сольд!

И внутри вагона всѣ смѣялись.

Нѣтъ, не всѣ. Одна бѣлокурая, совсѣмъ молоденькая барышня, сидѣвшая въ углу, оставалась все время серьезной и смотрѣла на пьянаго съ выраженіемъ грусти и сожалѣнія, хмурия лобъ при каждой остротѣ, какъ подъ вліяніемъ тягостнаго впечатлѣнія. Какъ она мнѣ показалась прекрасна! Парини передѣлалъ бы для нея свой знаменитый стихъ. Онъ сказалъ бы ей: *ты справедлива и человѣчна!*

Это лицо отмѣчено у меня виѣсть съ другими въ майскихъ воспоминаніяхъ среди моихъ «ночныхъ симпатій», которые въ этомъ мѣсяцѣ были многочисленны, можетъ быть благодаря нествѣ, согрѣвающей и смягчающей души. «Ночныя» симпатіи! Отличаются ли онѣ по природѣ отъ другихъ? Нѣтъ, безъ сомнѣнія. Но онѣ отличаются отъ другихъ дорожныхъ симпатій тѣмъ, что глубже проникаютъ въ нашу душу и дальше сохраняются въ ней, потому что въ вагонѣ можно больше времени наблюдать лица, и кромѣ того къ зрительнымъ впечатлѣніямъ часто присоединяются впечатлѣнія отъ голосовъ. Сколько я могу вспомнить этихъ симпатій, едва сосредоточась мыслями! Лица, видѣнные полностью и промелькнувшія въ профиль, сквозь стекла и при слабомъ мерцаніи фонаря, вырисовывающіяся въ рамѣ открытыхъ дверей вагона и на фонѣ мелькавшей мимо зелени или сверкавшей водѣ По; лица дѣвушекъ, рабочихъ, женщинъ, юношей

стариковъ и матерей, лица выражавшія покорность страданію, и другія—ясныя и привѣтливныя; души сильныя и готовые на самоотверженіе для блага другихъ, пылкія сердца, исполненныя благороднаго честолюбія и стремленій, лица говорившія о дѣятельной полезной жизни въ тиши, и, наконецъ, лица, первое пріятное впечатлѣніе отъ которыхъ было утверждено и усилено какимъ-нибудь взглядомъ, словомъ, улыбкой, мимолетнымъ выраженіемъ глазъ. Какъ въ сѣрой массѣ водопада сверкаютъ алмазами отдѣльныя блестящія точки, такъ среди безразличной толпы, наполняющей вагоны, мелькаютъ отъ времени до времени эти утѣшительныя человѣческіе облики, которые вспоминаешь съ любовью, и вновь встрѣчаешь съ удовольствіемъ и навсегда сохраняешь въ памяти; эти образы друзей нашего воображенія, которыхъ мы привѣтствуемъ улыбкой и которые отдаютъ намъ привѣтъ сверкающими взорами, образы безъ имени, свѣтлые лучи души и олицетворенные аргументы отрадной философіи, которые поддерживаютъ въ насъ вѣру въ добро и любовь къ себѣ подобнымъ. Сколько изъ нихъ я вспоминаю въ видѣ медальоновъ, бюсттовъ или статуй, смотря потому въ какихъ позахъ я ихъ видѣлъ: съ билетикомъ въ губахъ, съ портманомъ въ рукахъ или съ протянутой къ звонку рукой. Иныхъ видѣлъ всего разъ, но всѣ они обособленно сгруппированы въ моемъ воображеніи, какъ привилегированное человѣчество, какъ идеальный Туринъ! И въ минуты недовольства жизнью и ненависти къ міру другіе призраки толпятся вокругъ меня со словами:—А мы? А что же мы? Почему ты насъ забываешь? Ты несправедливъ!—И ради нихъ я примиряюсь со своимъ ближнимъ, и даже въ сѣрые и холодные зимніе дни чувствую дыханіе весны — «прекраснаго мая», согрѣвающего кровь и освѣжающаго душу.

ГЛАВА VI.

іюнь.

Великая вещь—конка! Съ наступленіемъ жары, заставляющей многихъ лю-

дей оставаться съ непокрытой головой, у меня открылось новое поле для наблюдений—надъ человѣческими головами. Дѣйствительно, гдѣ, кромѣ джардиньеръ, можно такъ долго, при полномъ освѣщеніи и съ такимъ удобствомъ—если сидите сзади—наблюдать головы своихъ близкихъ? Шевелюры, кажушіяся при встрѣчахъ на улицѣ въ полномъ порядкѣ, обнаруживаютъ здѣсь тысячи недочетовъ: порѣдѣвшіе, облысѣвшіе, съ попытками искусственныхъ проборовъ,—которые являются уже не тропинками въ густой травѣ, а пустынными дорогами,—съ пасмами волосъ, перекинутыми черезъ голову къ самому лбу, словно вѣтви ивы, плачущей на могилѣ моговъ; плохо одѣтые парики, которые, при неловкомъ сниманіи шляпы, сдвигаются на бокъ и обнаруживаютъ, что голова такого-то не вся—его собственность,—однимъ словомъ, всевозможные жалкіе виды старческаго искусства, направленнаго къ тому, чтобы скрыть слѣды разрушенія, произведеннаго временемъ. Тутъ вы откроете и грубую работу плохихъ мастеровъ, которые обыкновенно оставляютъ у корней сѣдые волосы, и окраску по уменьшенной цѣнѣ, всегда—въ мрачный черный цвѣтъ, обрамляющій лица на подобіе черной каймы на траурныхъ письмахъ. Ахъ, крашенные, помните, что конка—для васъ предательница! Бомичиѣ всего видѣть, какъ въ конку съ трудомъ взбирается, хватаясь дрожащими руками за колонку, и затѣмъ, запыхавшись, падаетъ всѣмъ своимъ тѣломъ человѣкъ съ юношеской шевелюрой! Сколько мятужной старости противится природѣ! И какъ мало людей умѣютъ мирно состарѣться! Случалось иногда открывать тайны лицъ извѣстныхъ и моихъ гордыхъ противниковъ, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ обманѣ. Я могъ бы создать изъ этого не одну политическую месь. Я этого не сдѣлаю, хотя, признаюсь, не изъ великодушія. Только изъ уваженія къ своему искусству я не обнаружу... ихъ искусства.

Съ началомъ іюня я сталъ дѣлать наблюденія также надъ шляпками, при-

влеченный ихъ поразительнымъ разнообразіемъ въ этомъ мѣсяцѣ. Наблюденія эти въ сущности, сводятся къ наблюденіямъ надъ головами. И такъ я классифицировалъ ихъ на-скоро: шляпки влюбленныя, гордыя, строгія, безумныя, комичныя, безстыжія, дерзкія, невинныя. И у каждой есть свой собственный языкъ, искренній или лживый слогъ, который является цвѣты. Есть большія розы, торчащія и открытыя, которыя себя предлагаютъ, есть букеты, фіалокъ или ландышей, коварно привлекающіе взгляды и желанія въ глубь шляпы, куда и сами прячутся, или дисгармоничныя сочетанія невидимыхъ цвѣтотвъ, кажущіяся символами страннѣхъ и безпорядочныхъ мыслей; цвѣты слишкомъ пышныя, дерзко краснѣющіе на посѣдѣвшихъ головахъ и выдающіе ихъ плохо усыпленный пылъ; и скромныя одинокіе цвѣтки, говорящіе о тайномъ, глубококомъ чувствѣ. Всѣ страсти, иллюзіи и капризы женщинъ всѣхъ возрастовъ обнаруживаются въ этой притворной флорѣ, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ въ комбинаціяхъ перьевъ, лентъ, кружевъ, цвѣтотвъ и тюля волнующихся и трепещущихъ на шляпкахъ такъ, что производятъ впечатлѣніе живою растительности, выросшей изъ головы. И эти шляпки заставляютъ фантазировать, видѣть и чувствовать множество вещей: мелкія и крупныя издержки контрабандой и поддѣланныя для обмана мужей счета, горестныя вздохи чиновниковъ и семейныя ссоры, хмуря лица и согласіе, добытое ласками, гастрономическая экономія, и долгая работа терпѣливыхъ, искусныхъ рукъ, прерываемая дѣтскими плачемъ и звонками кредиторовъ, всевозможными домашними заботами и мелкими горестями. Но здѣсь, въ вагонѣ, все сверкаетъ, смѣется и создается. Выходятъ пучки розъ и толпа мыслей, входятъ пучки маку и піоновъ, встрѣчаются и смѣшиваются вѣточки плюща и геранія, пучечки вишней, земляники, — цвѣты всѣхъ временъ года, садовые и полевые, въ бутонкахъ и распустившіеся, гирляндахъ, вѣнковъ и пучкахъ, стоящіе, висящіе, падающіе и спутанные, какъ мысли, кото-

рыя подъ ними проходятъ. Шляпы—въ родѣ матросскихъ «à la Rembrandt», «à la Trianon», «à la Rosa Soma»—каждая изъ нихъ говоритъ что-нибудь свое, и кругомъ какъ будто слышится смутный шумъ голосовъ, восклицаній и вздоховъ: — Ищу мужа. — Ищу любовника. — Уважайте меня! — Надѣйтесь! — Умоляю васъ. — Я приказываю! — Я ангелъ. — Я—дьяволъ. — Я несчастна. — Пойдемте со мною. — Оставьте меня! — Мнѣ принадлежитъ міръ. — Я ничтожество. — Ищите себѣ другую, прошу васъ.

Это—пріятныя занятія; но они часто прерываются серьезными неудобствами, специфически свойственными конкамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ я испыталъ на себѣ, а другихъ привыкъ бояться—на примѣрѣ моихъ ближнихъ. Попасть, на примѣрѣ, въ закрытый вагонъ рядомъ съ какой-нибудь грѣшницей до такой степени надушенной, что вернешься домой непрѣменно съ головной болью, обезпеченной на пѣлыя сутки, или оказаться сидящимъ между двухъ незнакомыхъ вамъ друзей, которые наклоняясь другъ къ другу, ведутъ черезъ васъ оживленную бесѣду, облавая ваше лице съ двухъ сторонъ своимъ дыханіемъ, обмѣниваясь шутками и смѣхомъ; или чувствовать, какъ по вашимъ ногамъ проходить цѣлое доброе семейство,—одно изъ тѣхъ, для которыхъ ноги сосѣдей *res nullius* *),—даже не считая нужнымъ извиниться. Но еще непріятнѣе очутиться впереди курящаго, стоящаго на площадкѣ за вашей спиной и при каждомъ встряхиваніи вагона прикасающагося къ вашему затылку зажженной сигарой, еще печальнѣе, если поза вашего сигуртука окажется въ рукахъ жирной лавочницы, которая, потерявъ равновѣсіе при выходѣ изъ вагона, начинаеть цѣпляться за васъ какъ за дерево, растущее надъ пропастью. Но есть несчастіе еще и того хуже. О такомъ несчастіи я нашелъ, замѣтку: *5 іюня въ три часа по полудни на линіи Ницца въ рукахъ поэта.* Я не видѣлъ, какъ онъ взо-

*) Вещь ничья.

шелъ, но сразу услышалъ его голосъ. Онъ уцѣлся за моей спиной. Жардиньера была переполнена, такъ что бѣжать было невозможно. И онъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Это былъ новый сонетъ, до такой степени избыточной звукомъ с, что напоминалъ невыносимое жужжаніе комаровъ; этотъ тончайшій непрерывный свистъ пронизывалъ мнѣ мозги, словно около меня дразнили множество бѣшеныхъ змѣй. Моимъ со-сѣдямъ, не слышавшимъ его словъ, должно было казаться, что онъ или попрекаетъ меня цѣлымъ рядомъ проступковъ, въ которыхъ я неумѣю оправдаться, или рассказываетъ мнѣ какое-нибудь скабрешное приключеніе, а я его слушаю съ благоговѣніемъ. Позорное наказаніе! Этотъ неумолимый ротъ, приближавшійся къ моему виску съ началомъ каждаго стиха, вызывалъ во мнѣ трепетъ, какъ дуло пистолета. *Краткій, но глубокаго смысла стихъ!* Кто это сказалъ? Вотъ этотъ—такъ не былъ ни глубокомъ, ни короткомъ; онъ не кончался вовсе. Меня начиналъ охватывать ужасъ: наступитъ ли конецъ? Декламация продолжалась еще на разстояніи пяти кварталовъ, если не считать многочисленныхъ вариантовъ, о которыхъ я долженъ былъ высказать свое мнѣніе. Я освободился только на площади *Санъ-Сальваріо*, гдѣ мой палачъ вышелъ далеко неудовлетворительнымъ.

Первую приятную поѣздку въ іюнь я совершилъ утромъ въ праздникъ *Statuto* *) по улицѣ *Гарибальди* въ тотъ часъ, когда народъ направляется къ площади *Кастелло*, гдѣ производится смотръ войскамъ. Конки переполнены пассажирами, которыхъ можно видѣть только въ этотъ день и именно въ Туринѣ. Это старые отставные военные, ѣдущіе въ медаляхъ съ полинялыми лентами и съ крестами въ петлицахъ, въ блестящихъ, какъ зеркало, ботанкахъ, тщательно причесанные и

выбритые и въ благодушно-веселомъ, торжественномъ настроеніи, съ видомъ старыхъ супруговъ, празднующихъ золотую свадьбу. Все это былъ народъ, такой устойчивый и постоянный, что если бы конституцію даже и совсѣмъ уничтожили, они еще двадцать лѣтъ продолжали бы праздновать этотъ день на свой счетъ, по привычкѣ, какъ невѣрующіе продолжаютъ праздновать Рождество. На своемъ обычномъ мѣстѣ стоялъ кавалеръ Биккьерино, принадлежавшій также,—хоть не по возрасту, но по духу,—къ этой старой семьѣ, чистенькій и гладенькій, какъ игральная кость. Онъ также, какъ другіе, обращалъ сочувственные взгляды то на украшенные флагами вагоны, то на разнообразныя мундиры ветерановъ и флаги развѣвающиеся у оконъ; и глаза его необычно свѣтились. Видно было, что душа его съ спокойнымъ наслажденіемъ вдыхала воспоминаніе 48 года—Турина-столицы, «пьемонтской гегемоніи», и дыханіе графа Кавура и генерала Ламормора, еще розлитое въ воздухъ. Я слѣдилъ за нимъ, чтобы увидѣть, вспомнитъ ли онъ, несмотря на необычное душевное состояніе, что ему нужно свѣрить часы, какъ онъ это дѣлалъ ежедневно, съ электрическими часами на углу улицы *Сиккарди*. Онъ объ этомъ вспомнилъ. Встрѣтивъ затѣмъ мой взглядъ, онъ слегка нахмурился: онъ долженъ былъ помнить о моемъ варварскомъ поступкѣ съ *Gazzetta del Popolo* *).

Я какъ разъ держалъ ее въ рукахъ и собирался въ эту минуту продѣлать съ ней тоже, но, почувствовать на себѣ его взглядъ, покорно воздержался, чтобы не сдѣлаться для него еще болѣе ненавистнымъ. Вотъ какъ конка можетъ еще болѣе воспитывать воспитаннаго чело-вѣка! Не доѣзжая площади, раздались звуки королевскаго марша, исполняемаго оркестромъ рабочихъ. Всѣ эти отставные старики просвѣтлѣли, всѣ такъ вострепнулись, словно старыя ло-

*) Этотъ праздникъ *Statuto*, или конституціи, установленъ въ Италіи со времени объединенія, въ 1848, и празднуется ежегодно 1-го іюня.

Прим. перев.

*) *Gazzetta del Popolo* одна изъ самыхъ старыхъ и, благодаря общедоступности наиболѣе популярная въ Туринѣ газета либерально-буржуазнаго направленія.

Прим. перев.

шади при звукахъ военныхъ трубъ. И мое воображеніе невольно перенеслось за тридцать лѣтъ назадъ. Эти лица, эти ленты и знамена, эти ветераны въ формѣ, и старый дворецъ — *Palazzo Madama*, видѣвшійся впереди, и кавалеръ Биккьерино съ *Gazetta del Popolo* въ рукахъ,—все это, видъ всего этого, въ этой улицѣ *Гарибальди*, при звукахъ этого марша—былъ до такой степени пьемонтскій, туринскій, такъ хорошо сохранившійся, что я на мгновеніе испыталъ полнѣйшую удивительную иллюзію, дѣйствительное сомнѣніе въ томъ, что текущій годъ—1896-ой, годъ *Абба-Керима*, а не годъ первыхъ взрывовъ антузіазма объединенія, когда я видѣлъ на этой самой улицѣ толпы фанатичныхъ патриотовъ, бѣжавшія съ криками:—Да здравствуетъ Италия!

Національный праздникъ принесъ съ собою жару, и вмѣстѣ съ ней новый предметъ для наблюденій въ конкѣ; общее возрастаніе раздражительности въ отношеніяхъ людей-пассажировъ съ пассажирами и служащими и служащихъ между собою. Это ведетъ къ частымъ недоразумѣніямъ, недовольствамъ, спорамъ, жалобамъ и ссорамъ, подобнымъ тѣмъ, которыя происходятъ у птицъ въ влѣтѣ въ удушливый день. Обезумѣвшая публика въ вагонѣ почти съ яростью обмахивалась вѣерами, шляпами, платками и газетами. не находя себѣ мѣста отъ жары; изступленные, пылающія лица склонялись къ груди,—поистинѣ наводящее тоску, печальное зрѣлище! Бѣдное человѣчество! Нѣсколько лишнихъ градусовъ жары и немного пыли въ воздухъ,—и вотъ уже всѣ лица измѣнились, правила вѣжливости отброшены и мозги остановились, какъ испорченные часы. Даже въ людяхъ здоровыхъ и довольныхъ замѣчались признаки этой физической заразы, умножающей драки, сумасшествія и самоубійства. Мнѣ пришло на мысль, что средствомъ противъ этого зла было бы введеніе обязательныхъ для всѣхъ общественныхъ душей. Я подумалъ объ этомъ разъ утромъ, ожидая конку подъ окномъ своего дома и видя, какъ въ тѣни липъ

освѣжали холодной водой голову *Фараону* и *Баллеринѣ* *) Зрѣлище, надъ которымъ, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ подумать. *Фараонъ* былъ первымъ. Кучеръ, омкнувъ въ ведро большую губку, подносилъ ее къ его потному, горячему лбу и выжималъ надъ нимъ. Чувствуя, какъ эти прохладные ручейки струятся вдоль челюстей и между глазъ, по всей морщѣ, къ самымъ ноздрямъ и ко рту, разбѣгаясь и сливаясь, какъ потоки дожда, бѣдное животное подымало и качало головой, всѣми фибрами испытывая удовольствіе, расширяло глаза и било копытами. А *Баллерина* въ это время стояла, ожидая своей очереди, и нетерпѣливо поглядывала, уже взволнованная предчувствіемъ предстоящаго наслажденія, которое уже мелькаетъ въ ея глазахъ. Ахъ, какая прелесть! И какъ она заслужена послѣ столькихъ концовъ по солнцу и по пыли подъ удары хлыста и жестокое поддергиваніе возжами! Во взглядахъ прохожихъ свѣтится сочувствіе при видѣ этого облегченія и удовольствія, получаемыхъ бѣдными безответными человѣческими рабами, такими красивыми и полезными, но обреченными на тяжелый маловознаграждаемый трудъ, въ то время какъ столько другихъ изъ ихъ породы живутъ въ нѣгѣ и роскоши, ласкаемыя и любимыя, какъ люди. А кучеръ, между тѣмъ, обращаясь къ нимъ въ томъ фамиллярномъ, нѣсколько грубомъ тонѣ, который принято употреблять по отношенію къ служащимъ намъ животнымъ, какъ бы изъ инстинктивной боязни, чтобы онѣ, какъ люди, не злоупотребили излишней мягкостью:—Ну, старина, пріятно тебѣ, не бойсь... хе?.. Да откинь же немного голову, дурачина! А теперь тебѣ, дрянная баба! Теперь твоя очередь. Небось, давно ждешь—не дождешься?—И много другихъ подобныхъ словъ, сказанныхъ въ томъ же тонѣ, съ такимъ видомъ, какъ будто животное понимаетъ. И кто знаетъ? Кто можетъ знать степень этого пониманія? Что знаемъ мы, самонадѣянные бѣдвяки, и можемъ ли быть увѣренными,

*) Лошадямъ,—см. выше.

что не находимся въ большомъ заблужденіи? Развѣ не говорить *Екклезиастъ*:—«Бто знаетъ, что души животныхъ сходятъ подъ землю? Ахъ, этотъ взглядъ *Фараона!* Онъ заставилъ меня впервые почувствовать къ животному то, что я чувствую обыкновенно къ ребенку: уваженіе къ великой тайнѣ страданія, у котораго нѣтъ словъ, и права, не имѣющаго защиты. Этотъ взглядъ сказалъ мнѣ яснѣйшимъ образомъ то, о чемъ я прежде и не думалъ, что мы не будемъ стоять выше животныхъ до тѣхъ поръ, пока считаемъ себя выше ихъ настолько, что даже не обязаны чувствовать къ нимъ доброту и благодарность.

Послѣдовало нѣсколько монотонныхъ дней и цѣлый рядъ скучныхъ поѣздокъ по бѣлымъ аллеямъ среди пыльныхъ деревьевъ, безъ какихъ бы то ни было значительныхъ случаевъ и новыхъ знакомствъ или встрѣчъ съ знакомыми лицами, затѣмъ—продолжительный дождь и, наконецъ, нѣсколько удачныхъ дней и оригинальныхъ сценокъ, только и возможныхъ въ конкѣ. Свидѣтелемъ и участникомъ первой изъ нихъ былъ *Карлинъ* на линіи *Мартинетто*; и она какъ разъ прервала хвалебный гимнъ, который онъ произносилъ въ честь метеорологическаго календаря *Кюнио*, предсказавшаго на тотъ день дождь. Это, вмѣстѣ съ другими, уже исполненными пророчествами, вызывало въ немъ восторженное преклоненіе передъ наукой вообще и предъ предсказателемъ въ частности. — Ахъ, этотъ человекъ! Этотъ человекъ говоритъ съ самимъ Богомъ!—воскликала онъ въ ту минуту, когда на заднюю площадку вагона одновременно вошли, одна съ лѣвой, другая съ правой стороны—зеленщица съ непокрытой головой и нарядная барыня, обѣ лѣтъ около тридцати и съ виду гордая и рѣшительная. Случилось, что онъ обѣ одновременно очутились у входа; толкнувши другъ друга, онъ воскликнулъ въ одинъ голосъ:—«Что за манера?—Казалось бы, что на этомъ могло и кончиться. Но, усѣвшись въ вагонъ другъ противъ друга и взявши билеты,

онъ—одна жестикулируя своей толстой лиловой рукой, а другая выставяя тяжелый браслетъ на зятянутой въ перчатку рукѣ—начали опять браниться, зеленщица грубыми словами, а барыня нѣсколько болѣе сдержанно. Споръ, не смотря на дипломатическое вмѣшательство *Карлина*, дошелъ до того, что зеленщица громко воскликнула:—«Да что вы, расходились? Оттого, что важная барыня? — Тогда пошло еще лучше. «Важная барыня», которая сначала употребляла слова съ выборомъ и сдерживала голосъ, мало-по-малу разгорячась, вдругъ заговорила на своемъ обычномъ нарѣчьи, оказавшемся тѣмъ же, что и у ея противницы. Черезъ минуту всѣ присутствующіе поняли, что обѣ спорщицы родились и выросли въ одномъ и томъ же общественномъ кругу и, можетъ быть, въ одномъ и томъ же предмѣстіи *Турина* и получили одинаковое воспитаніе, и что барство одной изъ нихъ самаго недавняго и, вѣроятно, неожиданнаго происхожденія. Всѣ съ любопытствомъ наблюдали все возрастающее удивленіе на лицѣ другой, по мѣрѣ того, какъ она видѣла, что «барыня» пользуется боевыми снарядами изъ того же арсенала, откуда она позаимствовала свои. Она продолжала борьбу, но уже не съ такимъ ожесточеніемъ, глядя на свою противницу острымъ, испытующимъ взглядомъ и съ легкой улыбкой, какъ бы даже не отъ удовольствія, и кончила тѣмъ, что совсѣмъ успокоилась, когда убѣдилась, что передъ ней дѣйствительно не представительница другого враждебнаго класса, а своя сестра, преображенная фортуной. Не отпаривавъ даже послѣдняго удара, она со смѣхомъ сказала, обращаясь къ пассажиржамъ:—«А, это такая же барыня, какъ и я!»—«Барыня» отвернулась съ видомъ собственного достоинства. А *Карлинъ* философически замѣтилъ:—«Да, нужно быть въ конкѣ, чтобы видѣть ихъ, всевозможныхъ, и научиться познавать міръ. Кондукторъ, я вамъ скажу, это поистинѣ *энциклопедическій* человекъ, который ничему уже больше не удивляется на свѣтѣ.

А вотъ другая сцена. Деревья на *Корсо Виктора Эммануила*, позеленѣвшія и блестящія послѣ ливня; гряды темныхъ облаковъ, уходящихъ по небу; пылающій закатъ, ясныя Альпы словно врѣзавшіеся въ это зарево; и жардиньера, медленно плывущая, какъ будто исключительно для услугъ двухъ любовныхъ парочекъ, одна изъ которыхъ помѣстилась на передней скамейкѣ, а другая посрединѣ, спинами ко мнѣ и къ другому пассажиру, стоявшему передо мной на задней площадкѣ. Этотъ послѣдній имѣетъ видъ добраго и простого эконома или мелкаго деревенскаго собственника, одного изъ тѣхъ, что приѣзжаютъ въ городъ разъ въ десять лѣтъ и для которыхъ большой городъ—всегда новое и изумительное зрѣлище. Такимъ зрѣлищемъ, очевидно, были для него и эти двѣ любовныя парочки, которыя безпрестанно сближались головами, то отстранялись, словно задранные кубки, и томно покачивались другъ къ другу, словно у нихъ въ шеяхъ поломаны были кости. Видно было, что онъ нѣсколько шокированъ и очень удивленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно заинтересованъ. Это было ясно по тому живому вниманію, съ которымъ онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ этихъ четырехъ влюбленныхъ, съ постоянной любовной улыбкой, бросая отъ времени до времени на проходящихъ по улицѣ взгляды, какъ бы говорящіе.—Развѣ вы не видите, что тутъ происходитъ? Да это совсѣмъ неслыханное дѣло!—На площади, у памятника, на нашу площадку вошелъ новый пассажиръ, длинный и суровый, который, взглянувъ на парочки, пробормоталъ:—Могли бы, кажется, взять закрытый экипажъ.—Только что мы отъѣхали отъ площади, какъ въ конку вошли и сѣли передъ нами молодой человекъ, по виду, приказчикъ, и молоденькая швейка. Едва усѣвшись, они возобновили прерванную бесѣду и начали ворковать, какъ голубки, чуть не касаясь носами и взявшись за руки. Тогда длинный господинъ раздражительно дернувъ за звонокъ и сказавъ кондуктору:

— Это занятіе для меня не подходитъ,—соскочилъ съ конки. Кондукторъ

не понялъ, въ чемъ дѣло, но деревенскій житель закатился сочнымъ заразительнымъ смѣхомъ, въ которомъ звучала предвкушаемая имъ радость, какъ онъ расскажетъ въ деревенской аптекѣ видѣнный имъ прекрасный случай—объ удивительномъ безстыдствѣ любовниковъ въ этомъ большомъ Туринѣ, въ этомъ Вавилонѣ, въ этой Гоморрѣ, гдѣ все дозволено, гдѣ все можно найти, чего хочешь...—Спустя немного парочки были окружены и смѣшались съ другими пассажирами, но онъ продолжалъ слѣдить за ними до тѣхъ поръ, пока не выдѣвъ изъ конки на площади *Санъ-Мартино*, откуда направился на желѣзнодорожную станцію, продолжая улыбаться своей улыбкой, удивленной и лукавой, выражавшей его мысль:—Вотъ такъ Туринъ! Гм... конки! Вотъ такъ рай Магомета! Что за люди!..

Въ одно изъ воскресеній на линіи *Валентино* я встрѣтилъ *Маркиза*, кондуктора съ золотистыми усами. Онъ былъ красивъ и элегантенъ, какъ всегда, но какая удивительная перемѣна въ обращеніе его съ дамами! Нѣтъ болѣе ни мимолетныхъ улыбокъ, ни почтительно-любовныхъ жестовъ при врученіи билета къ ручку безъ перчатки, ни нѣжныхъ взглядовъ. Я сразу не понялъ причины такой перемѣны, но мнѣ ее объяснили подмигиванья и шуточки двухъ юношей-товарищей *Маркиза*, сидѣвшихъ рядомъ со мной. Къ этой необычной сдержанности побуждала его полная брUNETKA, стоявшая, какъ жандармъ на площадкѣ. Она слѣдила за каждымъ его шагомъ и движеніемъ своими большими черными и строгими глазами, блестящими изъ подъ нахмуреннаго лба, на которомъ уже ясно обозначалась подозрительная складка. Мнѣ не удалось узнать, была ли она его женой, или возлюбленной. Но говорили (да это и видно было), что она, хорошо зная слабости *Маркиза*, ревновала его и имѣла обыкновеніе совершать эти провѣрочныя поѣздки, входя въ вагонъ неожиданно, какъ контролеръ, и за какой-нибудь взглядъ или слово устранивала сцену, красивому кондуктору и нападала иногда на дамъ

и дѣвицъ со смѣлостью львицы. Ужасныя вещи: угрожающая пощечина, и, какъ слѣдствіе ея, шумъ и скандалъ! Но два черныхъ фонаря внушали ему такой ужасъ, что онъ отказывалъ себѣ даже въ удовольствіи поддержать подъ руку входившихъ въ вагонъ дамъ. Когда онъ проходилъ мимо насъ, одинъ изъ его пріятелей шепнулъ ему:

— Петръ, держи ухо востро! — Онъ натянуто улыбулся ему въ отвѣтъ. Я узналъ, что и другія жены красивыхъ кондукторовъ совершали такія же поѣздки, покупая супружескую вѣрность цѣной уплаты десяти сантимовъ въ пользу коночного управленія...

Вотъ онъ наконецъ! — подумалъ я, увидѣвъ своего знакомаго столара, и рѣшилъ тотчасъ, что первое его слово будетъ о рѣчи Жюреса во французской палатѣ по поводу дѣтскаго труда. И въ самомъ дѣлѣ, первымъ его привѣтствіемъ, когда онъ входилъ въ конку, былъ веселый вопросъ: Читали? — произнесенный гулкимъ басомъ, звучащимъ словно изъ трубы. Онъ прочелъ извлеченіе въ итальянской газетѣ и, согласно своему обычаю, украсилъ имъ стѣну своей мастерской. Онъ и въ половинѣ іюня носилъ свою калабрійскую шляпу и тотъ же вѣчный полинялый бархатный пиджакъ цвѣта какао, но его борода торчала меньше обыкновеннаго, и видъ былъ такой удовлетворенный, какъ будто онъ одержалъ какую нибудь коварную побѣду надъ префектурой.

Мы были на *Корсо Кайроли*; переполненная жандиьера медленно двигалась подъ тѣнью большихъ платановъ въ виду водъ По, пестрѣвшихъ цвѣтными яликами лодочниковъ; и отъ рѣки и отъ холмовъ вѣяло весенней свѣжестью. Всѣ пассажиры казались хорошо настроенными. Мои сосѣди съ любопытствомъ и симпатіей смотрѣли на этого рабочаго съ могучей шеей, который своимъ грубымъ голосомъ, съ видомъ добродушной важности, на ъмонтскомъ діалектѣ, перемѣшаннымъ правильнымъ, но грубымъ итальянскимъ языкомъ, сравнивалъ рѣчь *De Muni*'а съ рѣчью соціалистическаго депутата. Среди слуша-

телей была женщина лѣтъ около сорока, не нашедшая въ вагонѣ мѣста, — судя по наружности, лавочница, но одѣтая барыней, съ нѣсколько претенціознымъ, но привѣтливимъ лицомъ; она поминутно поворачивалась и смотрѣла на говорившаго, словно подозрѣвая въ немъ переодѣтаго ученаго господина.

Вдругъ столарь остановился и, приподнявшись на кончики пальцевъ и наклонивъ голову въ одну сторону, потянулъ, чтобъ прочесть заглавіе толстой книги, которую держала на колѣняхъ, полуприкрывъ ее руками дама, сидѣвшая на одной изъ ближайшихъ къ намъ лавокъ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ онъ: — сочиненіе по анатоміи!

Это была какъ разъ она, *мертвая дѣва*, сидѣвшая рядомъ съ господиномъ выдѣлявшимся своими волосами и бородой, совершенно съдыми, но причесанными очень тщательно. Онъ казался очень серьезнымъ, почти надменнымъ, какъ старый полковникъ; а по его свѣтлымъ глазамъ и прямому тонкому носу въ немъ тотчасъ можно было узнать отца мертвой дѣвы. Я не видѣлъ ея уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и почти забылъ о ней. У нея было все такое же лицо, бѣлое и нѣжной ангельской чистоты и мраморной неподвижности какъ у существа стоящаго выше всѣхъ земныхъ страстей. Однако, она, казалось, похудѣла и была блѣднѣе обыкновеннаго, и на глазахъ лежала тѣнь усталости. Несомнѣнно, это была усталость отъ приготовления къ экзаменамъ; можетъ быть, какъ разъ въ этомъ мѣсяцѣ у нея экзаменъ по анатоміи.

— Значить, студентка медицины, — сказалъ столарь.

— Дѣвушка, выбитая изъ колеи, — замѣтилъ господинъ рядомъ со мною.

— Почему? — спросилъ первый.

— Ба! — отвѣтилъ тотъ: — не ихъ это ремесло. При мысли о томъ, что онѣ тамъ видятъ и къ чему прикасаются, у меня исчезаютъ всѣ иллюзіи.

Столарь пожалъ плечами: — Тогда тоже нужно было связать и о монахиняхъ, которыя ухаживаютъ въ больницахъ за больными... А однако...

— И потомъ, вѣдь это ни къ чему не ведетъ,—перебилъ господинъ:—женщины не для этого рождены. Я никогда не позвалъ бы женщину—врача.

— Вы—да, но ваша барыня...

— У меня нѣтъ барыни,—отвѣтилъ тотъ, смѣясь. Тогда вмѣшалась лавочница:

— Не позвала-бъ и я.

При этой выходкѣ добрый столяръ, бывшій «специалистомъ» по женскому вопросу, вдругъ обернулся къ ней, какъ ужаленный, и, какъ я понялъ, хотѣлъ ей хорошо отчитать. Но въ это время она сошла. Огорченный, что ему не удалось облегчить душу, онъ возвратился къ бесѣдѣ.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—что мнѣ не понятно: какъ это сами женщины не хотятъ понять! По крайней мѣрѣ не смѣли-бъ такъ говорить! А невинность, а дѣвическая стыдливость? Ну, возьмемъ для примѣра порядочную дѣвушку. Съ нею можетъ случиться то и другое, не правда ли? Сколько лѣтъ заботились, какъ берегли, чтобъ сохранить ее, какъ мадонну. И вотъ заболѣла она,—приходить первый попавшійся здоровенный мужчина, и начинаетъ ее оглядывать и ощупывать. Мнѣ это, простите за откровенность, просто кажется мерзостью... тѣмъ то неслыханнымъ и невозможнымъ!

Нѣкоторые засмѣялись въ знакъ подтвержденія, засмѣялся и его собесѣдникъ, удивленный тѣмъ, что встрѣтилъ защитника женской стыдливости въ этой шляпницѣ и пиджакѣ. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на оригинала новѣйшей формации, и готовъ былъ подзадорить его выгрузить весь свой багажъ. Но тотъ, замѣтивъ, не поддался на это. Затѣмъ всѣ повернулись, чтобы посмотрѣть на дѣвушку, выходившую съ отцомъ изъ вагона, на поворотѣ *Корсо Виктора Эммануила*, и повидимому на всѣхъ произвела впечатлѣніе ея дѣтская походка при высокомъ ростѣ и нѣчто странное, монашеское и безплотное во всей ея фигурѣ.

— Ну, что-жь,—промолвилъ столяръ такимъ тономъ, какъ будто напелъ не ожидаемый аргументъ въ ея пользу:

— Она по виду дѣвушка, какъ слѣдуетъ.

— И однако,—улыбаясь, возразилъ его противникъ:—при мысли, что она идетъ теперь въ анатомическій залъ... Что-жь подблаестъ! Для меня не подходитъ дѣвушка, которая *знаетъ* все.

— Да... Если-бъ, напротивъ, она шла въ театръ *Regio*... Вамъ нравятся женщины, которыя *не знаютъ* ничего и *показываютъ* все. А я скорѣе назову порядочной ту, что все *знаетъ* да ничего не *показываетъ*.

Всѣ засмѣялись.

— Совсѣмъ разбить!—воскликнулъ его противникъ съ очевидной искренностью. А когда рабочій, приподнявъ шляпу, вышелъ изъ конки, всѣ посмотрѣли ему вслѣдъ съ живѣйшимъ любопытствомъ, и противникъ его громко выразилъ общую мысль:—Едва ли найдется другой подобный оригиналъ въ мірѣ!

— Ошибаетесь!—подумалъ я:—такихъ является тысяча. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ конки ими будутъ переполнены. А сумасшедшими оригиналами станутъ казаться другіе... если еще такіе тогда найдутся.

На слѣдующее утро меня ждало очень пріятное развлеченіе—одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ за всѣ эти шесть мѣсяцевъ коночной жизни. Вагонъ линіи *Винцальо* бѣжалъ по направленію къ Французской заставѣ, среди замковъ и виллъ и черезъ тѣнистыя аллеи большихъ вязовъ, принадлежащихъ къ замку Риволи который начиналъ видѣться издали, розоватый въ прозрачномъ воздухѣ и словно висящій надъ горизонтомъ. Джоржъ погонялъ лошадей съ веселостью голоднаго, слѣщащаго къ мѣсту своего насыщенія, смѣясь про себя, аппетитно, какъ ланкеръ, втягивая въ себя воздухъ, онъ устремилъ впередъ широкооткрытые глаза, какъ будто оттуда виднѣлся дымокъ его супа, и двигалъ ноздрями, словно вѣтеръ доносилъ оттуда его запахъ. Доѣхавъ до конца линіи, я долженъ былъ пройти немного назадъ пѣшкомъ къ виллѣ моего друга, знаменитаго латиниста, но сойдя съ площадки, я не могъ не остановиться, такъ какъ увидѣлъ приближавшуюся къ конкѣ маленькую полную бѣлокурую женщину съ ребенкомъ въ одной рукѣ и съ кор-

звонкой въ другой, сопровождаемую двумя мальчуганами, лѣтъ пяти и трехъ, въ которыхъ я тотчасъ узналъ глаза и носъ Джорсовы. Бѣдняга Джорсъ! Онъ, вѣроятно, пользовался большимъ расположеніемъ, и его завтракъ бывалъ развлеченіемъ для всего сосѣдства, потому что едва только прибыла жардиньера, въ то время какъ онъ перепрягалъ лошадей, его окружили съ любопытными и веселыми лицами таможенные солдаты, зеленщица, еще какихъ то три женщины и нѣсколько мальчиковъ—все маленькое общество заставы, невдалекѣ отъ которой, за городской чертой онъ жилъ въ маленькомъ домишкѣ. Какъ онъ схватилъ корзинку!—съ жестомъ любящаго отца, протягивающаго руку къ ребенку; котораго уже годъ не видѣлъ. Онъ съѣлъ на ступеньку жардиньеры, вытащилъ и поставилъ къ себѣ на колѣни жестяной судокъ съ супомъ, и, проведя рукой по усамъ, зкатилися смѣхомъ передъ лицомъ своихъ зрителей, которые его окружили, затѣмъ воскликнулъ:—За дѣло!—и принялся ѣсть.

Тотчасъ два его мальчугана, два карлузника съ смуглыми лицами, здоровые и опрятные, какъ онъ самъ, приблизились и стали смотрѣть ему въ ротъ, какъ дѣлають собаки, когда ихъ хозяинъ ѣсть, провоякая глазами каждый кусокъ отъ тарелки до горла.

— Замѣть себѣ, что они уже ѣли, — сказала жена:—не будемъ разводить всегдашней исторіи...

— Какъ, — спросилъ онъ съ полнымъ ртомъ, смотря на нихъ пристально:—и у васъ есть совѣсть?

Тѣ сдѣлали утвердительный знакъ и Джорсъ поднялъ руку для двойной затрещины, но мальчишки не ретировались, зная, что тотъ только грозить и что въ этотъ моментъ никакъ нельзя было ждать грозы.

Отецъ въ самомъ дѣлѣ опустилъ руку и вскорѣ протянулъ ложку супу, и съ которой одинъ изъ нихъ и отхлебнулъ.

— Какъ вамъ не стыдно!—воскликнула мать, оттолкнувъ одного за другимъ назадъ; но самый младшій ускользнулъ изъ ея рукъ и подскочилъ къ

отцу, чтобъ проглотить свою порцію, а послѣ него появился другой при общемъ смѣхѣ зрителей.

— Но они у тебя съѣдятъ все!—воскликнула женщина.

— А что-жъ дѣлать? — возразилъ Джорсъ:—если они никакъ не могутъ наѣсться. Они съѣли бы меня живьемъ, вмѣстѣ съ моими лошадьми, да, съѣли бы!.. Нѣтъ!—воскликнулъ онъ рѣшительно:—больше не получите отъ меня ни одной рисовой крупинки, хоть подыхайте съ голоду! Вотъ только это, и—конецъ.

И онъ насыщался, поглядывая въ глубь улицы, не покажется ли встрѣчная конка, потому что уже прошло три изъ положенныхъ десяти минутъ. И напрасно жена пыталась уговаривать его:— да ѣшь ты, какъ слѣдуетъ, не глотай такъ,—вѣдь еще есть время!—и хотя вагона еще не было видно, онъ торопился. Кончивъ супъ, онъ вынулъ графинчикъ съ виномъ, показалъ его присутствующимъ со словами:—Для внутренняго употребленія!—громко разсмѣялся и приблизилъ его къ губамъ.— Эхъ!..—произнесъ онъ затѣмъ, наклоня графинъ и осматривая, сколько въ немъ осталось:—Еще бы одинъ графинчикъ!—И онъ прибавилъ, обернувшись ко мнѣ, съ своей доброй улыбкой:

— Ничего не попало въ середину! Все разлилось по *боковымъ улицамъ*...

Затѣмъ онъ поднесъ графинчикъ къ губамъ одного сына и другого, говоря:

— Это вамъ, разбойники!

Жена схватила его за руку, но онъ все-таки далъ имъ хлебнуть, сказавъ имъ:

— Знаете, какъ двѣ губки! Кажется, кровь-бы мою выпили.

Поставивъ графинъ на мѣсто, онъ откусилъ хлѣба и оторвалъ кусокъ яичницы, расхваливая повариху, и, между однимъ кускомъ и другимъ, окликнулъ малютку, которую она держала на рукахъ:—А ты?

— Ей всего двадцать мѣсяцевъ,—сказалъ онъ, обернувшись ко мнѣ. И, прожевывая яичницу, онъ разсказалъ мнѣ, что дѣвочка только недавно стала

узнавать его, послѣ того какъ онъ перешелъ на линію *Винцалло*. Когда онъ ѣздилъ по другимъ линіямъ, то долженъ былъ обѣдать, гдѣ попадо, и дѣвочка его совсѣмъ никогда не видѣла, потому что онъ возвращался домой вечеромъ, когда она спала, и уходилъ утромъ раньше, чѣмъ она просыпалась. Такъ случилось, что дѣвочка, имѣвшая больше году отъ рожденія, совсѣмъ не знала своего отца, и разъ, когда онъ, повредивъ себѣ ногу, вернулся домой раньше обыкновеннаго, она, увидѣвъ его, испугалась и пронзительно закричала. И онъ заключилъ свой рассказъ, восклицая со смѣхомъ: Таковы шутки надъ нами нашего ремесла! Собственныхъ дѣтей пугаемъ... Но, все это ничего... пока сундучекъ здоровъ!—И онъ ткнулъ пальцемъ себя въ грудь. Затѣмъ онъ всталъ, возбужденный, какъ послѣ роскошнаго обѣда, стряхнулъ съ куртки крошки хлѣба, пошутилъ съ солдатами и съ женщинами, которые все время преслѣдовали его своими замѣчаніями и, наконецъ, увидѣвъ приближавшійся вагонъ, поцѣловалъ, одного за другимъ, мальчиковъ со словами: Прощай волченокъ, прощай, толстопузъ!—взялъ на минуту на руки изъ рукъ жены дѣвочку, коснулся къ ея лицу усами и, передавая обратно, сказалъ:—молодець, старуха! Ячница была на славу!—Затѣмъ онъ вскочилъ на площадку, схватилъ кнутъ и возжи и, стегнувъ лошадей, тронулся, оборачиваясь; чтобъ еще разъ послать привѣтъ семьѣ и шутку друзьямъ.

— Какой славный человекъ!—сказала одна изъ женщинъ.

— Всегда довольный, — прибавилъ солдатъ.

— Сверхчеловѣкъ, — сказалъ я про себя, но совершенно серьезно.

Въ тѣ дни я производилъ совершенного много рода наблюденія въ конкѣ надъ больными. Нѣкоторыхъ я встрѣчалъ уже раньше. Одинъ юноша совершалъ, можетъ быть, для развлечения, поѣздки вокругъ города по аллеямъ; онъ былъ всегда одинъ и смотрѣлъ на всѣхъ и

на все недоумѣвающимъ пристальнымъ взглядомъ, какъ человекъ чувствующій себя уже отдѣленнымъ отъ міра, а потому выдающій его на извѣстномъ разстояніи, въ особомъ свѣтѣ. Одна дама, еще молоденькая, съ очень блѣднымъ лицомъ, при каждомъ толчкѣ вагона хваталась за сердце и кривила ротъ, словно отъ удара ножа. Были тутъ и другіе съ изможденными бѣлыми лицами, на которыхъ пассажиры смотрѣли пристально, прервавъ разговоры, какъ-бы затѣмъ, чтобъ вывѣдать отъ нихъ тайну смерти. Но я никогда не видѣлъ болѣе печальнаго зрѣлища, чѣмъ то, которое представилось моимъ глазамъ разъ въ предпоследнее іюньское воскресенье, уже въ сумеркахъ, когда въ конкѣ зажигали огни. Въ закрытый вагонъ, переполненный разнаго рода веселымъ народомъ, возвращавшимся съ прогулокъ и празднествъ, съ большимъ трудомъ вошелъ человекъ лѣтъ около пятидесяти, съ блѣднымъ разстроенымъ лицомъ и поддерживаемый юношей. Едва поставивъ ногу на площадку онъ схватился рукой за спину, какъ подъ влияніемъ внезапной острой боли, и, откинувъ голову, ударилъ себя другой рукою по лбу со стономъ: О, я несчастный человекъ! Несчастный я человекъ!—Онъ, вѣроятно, страдалъ одной изъ тѣхъ ужасныхъ болѣзней спиннаго хребта, которыхъ отъ времени до времени сопровождаютъ странными и страшными ощущеніями, кажущимися какъ бы началомъ внезапнаго разрушенія организма и предвѣстникомъ неизбѣжной смерти. Скорѣе внесенный, чѣмъ введенный въ вагонъ, онъ упалъ на лавку, какъ брошенный мѣшокъ съ тряпьемъ, и обвелъ вагонъ взглядомъ умирающаго, испутивъ протяжный, подавленный и дѣтски жалобный раздрающій сердце вздохъ, — что-то среднее между стономъ и плачемъ. На пассажировъ это произвело такое впечатлѣніе, какъ будто въ вагонъ внесли трупъ. И въ самомъ дѣлѣ, ужасно было его склоненное желтѣвшее при свѣтѣ фонаря, лицо съ закрытыми, словно уже совсѣмъ потухшими глазами. Во всей этой безпечной толпѣ вдругъ рѣзко пробудилось сознание хрупкости

человѣческой жизни, мысль объ ужасной мучительной старости и представленіе тысячи всевозможныхъ болѣзней и страданій, ожидающихъ насъ, словно чудовища, которыя притаились на нашемъ пути, чтобы вспрыгнуть намъ на плечи и кусая насъ, пригнать насъ къ могилѣ. Я видѣлъ, что онъ возбудилъ во всѣхъ гораздо больше ужаса, чѣмъ состраданія. Многіе поблѣднѣли. Одна дама встала и вышла на площадку; другіе отворачивались, чтобъ не смотрѣть на него. А одинъ господинъ, подозвавъ къ себѣ кондуктора, сказалъ ему, что это недозволено, что это—безобразіе—позволять человѣку въ подобномъ состояніи входить въ конку. «Безобразіе!» Мнѣ хотѣлось ему высказать, что я думаю иначе, что если-бы не пустить въ конку этого несчастнаго, онъ терпѣлъ бы двойную муку тащиться домой пѣшкомъ, что вполнѣ справедливо, чтобъ «экипажъ для всѣхъ» перевозилъ и страданія и что этимъ самымъ онъ приноситъ благо для всѣхъ, потому что вынуждаетъ счастливыхъ людей хоть изрѣдка очутиться лицомъ къ лицу съ отчаяніемъ и смертью и проникнуться великой мыслью исключаящей всякое тщеславіе и гордость. Но слова мои пропали-бы даромъ, потому что въ ту минуту (мы переѣзжали черезъ площадь *Статута*) раздался отчаянный громъ трубъ и флейтъ изъ жардиньеры идущей внизъ изъ *Риволи*. Она была переполнена оркестромъ любителей на-веселѣ; и это новое любопытное зрѣлище играющаго вагона, въ которомъ фонари освѣщали красныя возбужденныя лица музыкантовъ, яростно, точно бѣшеные, дующихъ въ свои инструменты,—сразу отвлекло мысль всѣхъ пассажировъ отъ смерти къ жизни.

Въ это время я узналъ также нѣсколько очень интересныхъ персонажей среди коночныхъ служащихъ: одного кучера, который при каждомъ удобномъ случаѣ, говорилъ о своихъ «земляхъ» и владѣлъ гдѣ-то, дѣйствительно, клочкомъ луга, чѣмъ возбуждалъ удивленіе и зависть своихъ коллегъ, словно аме-

риканскій плантаторъ; одного кондуктора, читавшаго и перечитывавшаго въ теченіе многихъ мѣсяцевъ одинъ и тотъ же грязный, изорванный томикъ романа: *Рука покойника*, сдѣлавшійся для него книгою книгъ, въ которой онъ ежедневно дѣлалъ новыя открытія. И еще—одного кучера, зобастаго горца, который будучи очень вѣжливымъ со всѣми мужчинами, былъ грубъ и рѣзокъ съ женщинами, питая ненависть ко всему прекрасному полу, такъ что если дама дотрагивалась до его спинны кончикомъ зонтика, чтобъ остановить конку, онъ поворачивался съ такимъ бѣшенствомъ, какъ будто ему въ тѣло вонзили булавку. Кто знаетъ причину! Здѣсь должна была скрываться какая-нибудь тайна супружеской измѣны, внушившей ему такой ужасъ къ юбкамъ. И, наконецъ, разъ вечеромъ послѣ долгихъ поисковъ я случайно встрѣтилъ кондуктора-«Дантиста». Входя въ конку *Миланской заставы*, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда закончился споръ между сходящимимъ крестьяниномъ и кондукторомъ, я услышалъ какъ послѣдній пробормоталъ сквозь зубы:... *si la notte innanzi sera—**). Это стихъ изъ Данта, — подумалъ я. Кто жъ онъ такой? Я посмотрѣлъ на него. Это былъ молодой высокій брюнетъ съ маленькимъ лицомъ, съ черными умными глазами и завитыми усами, какъ у студента, изъ подъ которыхъ мелькала ироническая улыбка, какъ это обыкновенно бываетъ у преждевременнаго знатока жизни, скептическая и въ то же время добродушная. Да, это долженъ быть онъ.

— Это вы — тотъ самый, что знаетъ Данте на память? — спросилъ я безъ предисловій.

Онъ усмѣхнулся, хотя однако не казался удивленнымъ моимъ вопросомъ.

— Это басни, — отвѣтилъ онъ смѣясь:—разказы, пущенные въ ходъ моими коллегами. Я знаю его не больше, чѣмъ всѣ прошедшіе первый курсъ лица. И затѣмъ, если бъ я даже и

*) Темнѣетъ ранѣе, чѣмъ вечеръ наступать.

зналъ, то теперь бы навѣрное забылъ. — И, показывая на книжечку съ билетами, онъ сказалъ: — Вотъ мой теперешній Данте... *Моя книга*, — прибавилъ онъ съ улыбкой. Я спросилъ его, какимъ образомъ онъ изъ лица попалъ на конку. Онъ объяснилъ мнѣ это неохотно. Отецъ его, инженеръ, умеръ скоропостижно; многочисленное семейство осталось на улицѣ; попытка торговаго предпріятія не удалась, онъ получилъ было занятіе въ страховомъ обществѣ, но, мѣсяць спустя, потерялъ его вслѣдствіе сокращенія служебнаго персонала. Обычная исторія.

— А теперешняя служба? — спросилъ я.

— Ахъ!.. — отвѣтилъ онъ съ улыбкой: — Варварская, грубая и тяжелая. И онъ сталъ рассказывать мнѣ все откровенно. Мнѣ впервые приходилось слышать сужденіе о публикѣ изъ устъ «господина», низведеннаго въ такое положеніе, откуда онъ могъ смотрѣть снизу вверхъ; и я слушалъ его съ живѣйшимъ любопытствомъ. Сужденія его были умѣренными, если не по существу, то по формѣ, какими бывають вообще у людей, которыхъ несчастіе не сломило, но укрѣпило душу.

Худшимъ въ его положеніи, на его взглядъ, было — не шестнадцати-восемнадцати часовая ѣзда, не ѣда въ поездахъ и не штрафы за малѣйшее опозданіе, или промахъ, за тысячу мельчайшихъ и совершенно неизбежныхъ ошибокъ. Худшимъ было — постоянная борьба съ публикой, необходимость всегда глядѣть на всѣ стороны и защищать себя отъ всевозможныхъ козней враговъ. Это — вещи, которыя трудно и вообразить себѣ. Пьяные, которые просидѣвъ въ вагонѣ нѣкоторое время, дѣлають видъ, что попали не въ ту конку и соскакивають внизъ, чтобъ продѣлать ту же штуку со слѣдующимъ вагономъ; или мошенники, въ шестеромъ-семеромъ входящіе въ вагонъ вечеромъ въ воскресенье и нарочно завывающіе между собою ссору, чтобъ въ сутолокѣ провести кого-нибудь безъ билета; или нахалы, навязывающіе кондуктору фальшивыя монеты, яко бы

полученныя имъ отъ него въ сдачу съ лиры, хотя онѣ уже съ четверть часа пролежали въ ихъ карманахъ; или люди приходящіе въ бѣшенство оттого, что кондукторъ не можетъ размѣнять бумажки въ десять лиръ, кричащіе, что у него должна быть мелочь; однимъ словомъ плутовство и нахальство всѣхъ видовъ. А есть еще такіе, которые, потерявши какую-нибудь вещь въ конкѣ, обвиняють кондуктора, что онъ ее припряталъ и присвоилъ, или такіе, которые браняють кондуктора за то, что сами попали не въ тотъ вагонъ, или за то, что онъ не сказалъ имъ, гдѣ сойдти, а иные — за то, что онъ останавливаетъ конку передъ похоронной процессіей или батальономъ солдатъ, когда имъ нужно сѣсть; или за то, что лошадь упала, или конка тихо идетъ, какъ будто онъ виноватъ въ томъ, что «Общество» не кормить, какъ слѣдуетъ, лошадей. «Такъ ужъ это заведено, — заключалъ онъ, иронизируя: — Кондукторъ, видите ли, это — человекъ, —

Alqual si traggon d'ogni porte i pesi *).

Мы вѣзжали тогда въ широкую улицу *Верчелли*, по обѣимъ сторонамъ которой открываются боковыя улицы и переулки, теряющіеся въ поляхъ, разсѣянные, неравные по величинѣ дома придаютъ этой улицѣ уже деревенскій видъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ архитектура и окраска домовъ, присутствіе магазиновъ и нѣчто еще не поддающееся опредѣленію — сохраняють въ ней сходство съ центральными кварталами Турина. Когда мы поровнялись съ улицей *Карманьола*, кондукторъ показалъ мнѣ на стоящій невдалекѣ двухэтажный домъ съ двумя террасами и сказалъ: — Взгляните. Вотъ здѣсь я жилъ «въ счастливое время». Мой бѣдный отецъ скончался тамъ, въ первомъ этажѣ. Здѣсь намъ было все равно, какъ на дачѣ. А теперь мы живемъ въ четвертомъ этажѣ, въ улицѣ Барбару, въ двухъ вѣткахъ, и каждое утро я долженъ

*) Дантовъ «Адъ», пѣсня XXXIV, гдѣ упоминается цѣвтръ земли, «къ которому стремятся со всѣхъ сторонъ тяжести».

отмѣрить пару миль, чтобы попасть на службу до начала дня.—И онъ прибавилъ, улыбаясь:—*Homini fummo ed or sem fatti sterpi* *).

Затѣмъ онъ возвратился къ прежнему разговору.—Нѣтъ,—заговорилъ онъ: вы не можете себя и представить, съ какого рода странностями и претензіями публики намъ приходится имѣть дѣло. И наиболѣе несносными являются отнюдь не претензіи простонародной грубой толпы, желающей пѣть въ вагонѣ и на замѣчанія и просьбы отвѣчающей угрозами, которыя приходится выслушивать, не желая связываться: напримѣръ, зеленщица желаетъ во что бы то ни стало втащить въ вагонъ свой мѣшокъ величиною съ шкапъ, не забывая о томъ, что кондуктору придется изъ-за нея заплатить штрафъ; или пьяница хочетъ развалиться въ концѣ, какъ въ конюшнѣ. Гораздо болѣе раздражаютъ претензіи лицъ, которыя должны бы быть разсудительными: какой-нибудь господинъ, напримѣръ, требуетъ, чтобы кондукторъ заставилъ кого-нибудь встать и дать мѣсто его женѣ или запретилъ курить его сосѣду, который дымитъ ему въ лицо; или дама требуетъ себя мѣсто, потому что «она заплатила и имѣетъ право сидѣть», или же грозитъ довести, куда слѣдуетъ, что кондукторъ не унимаетъ сосѣда, говорящаго непристойности.

— Наибольшая для меня опасность въ томъ, — продолжалъ онъ: — что я иногда забываю о своемъ положеніи, и мнѣ хочется отвѣтять какъ равному. Разъ было я такъ и сдѣлалъ и это грозило мнѣ гибелью. Какихъ усилій нужно, чтобы пропустить мимо ушей ниня замѣчанія! И знаете, приходится пропускать... Да!.. Легко забыть о бѣдности, но о томъ, что былъ такимъ же господиномъ—трудно.

И онъ продолжалъ, говоря, что я не могу себя вообразить, съ какого рода задирами, иногда и очень хорошо одѣтыми, приходится сталкиваться въ конкѣ:

иные, не унимаясь, ворчать за спиною кондуктора на разстояніи трехъ километровъ и готовы иногда возобновить ссору на другой день; другіе завязываютъ споры и ссоры между собой по самымъ ничтожнымъ поводамъ, при чемъ первымъ виновникомъ всегда и во всемъ оказывается кондукторъ, на котораго всѣ нападаютъ точно сговорившись; ни малѣйшей ни у кого жалости къ нему, зловредному человѣку. Ему случалось иногда, оставаясь на ногахъ въ теченіе десяти часовъ, испытывать усталость и потребность хоть на минуту опереться спиной о парапетъ задней площадки. И что же?—не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь изъ пассажировъ, стоящихъ тамъ,—въ то время, какъ внутри вагона почти всѣ лавки были пусты,—угадалъ его потребность и оставилъ ему изъ жалости это мѣсто. Никогда. Каждый считаетъ, что такъ и слѣдуетъ.

— О, если бы они съ недѣлку побывали въ нашей шкурѣ!

Но все это было сказано имъ скорѣе въ сатирическомъ, чѣмъ въ жалобномъ тонѣ. Такъ заключилъ онъ свой рассказъ съ той же живостью:—Да, дѣйствительно. Замѣчать, кто входитъ и кто выходитъ, и кто зоветъ отсюда, и кто оттуда, соскакивать и вскакивать въ вагонъ, слѣдить за перекрестками, и за получаемыми сольдами, мѣнять, отмѣчать, отдавать отчеты, отвѣчать на сотни вопросовъ, улаживать ссоры, просить, уговаривать и спорить съ людьми, дурно и хорошо воспитанными, все время работая и ногами и руками, напрягая вниманіе и зрѣніе, подъ угрозой штрафа. И это—въ теченіе двѣнадцати часовъ, которые мы проводимъ на солнцѣ, подъ дождемъ, вѣтромъ и снѣгомъ, безъ отдыха, безъ праздниковъ—за пятьдесятъ сольдо въ день... Тяжелая жизнь.—И онъ прибавилъ въ шутку:—Такъ ужасно, что смерть немногимъ хуже. Если бъ Данте вернулся на землю, то прибавилъ бы къ своему аду еще коней и сдѣлалъ бы кондукторами самыхъ тяжелыхъ грѣшниковъ.

Мы пріѣхали на пустынную площадь заставы, которая имѣетъ видъ деревенскаго выгона, гдѣ-нибудь вдали отъ

*) «Адъ», пѣснь XIII: говорится о грѣшникахъ, которые «были людьми, а теперь превращены въ деревья».

Турина, и отъ которой идетъ *Миланская* улица, уже къ настоящей деревнѣ. Тутъ остроумный «дантистъ» мнѣ разсказалъ еще объ одной претензіи пассажировъ, одной изъ самыхъ любопытныхъ о какихъ мнѣ приходилось слышать. Наканунѣ въ конку вошла нѣмка, которой онъ не могъ понять и не зналъ, куда она хотѣла ѣхать. Тогда одинъ тучный, съ важнымъ видомъ, сидѣвшій пассажиръ замѣтилъ:

— Хороши мы нечего сказать! «Обществу» слѣдовало бы брать кондукторовъ, которые знаютъ языки...—Тогда онъ, кондукторъ, ему отвѣтилъ:—Разумѣется, только новые? Латинскій и греческій не обязательны?..

Въ теченіе трехъ дней—ничего новаго, кромѣ бѣгства перепуганныхъ дамъ изъ закрытаго вагона, гдѣ какой-то сумасшедшій оригиналъ вздумалъ, для развлеченія общества, достать изъ кармана и пустить себѣ на плечи двѣ бѣлыхъ ручныхъ мышки, которыя начали бѣгать по воротнику, какъ живое ожерелье: поднялся отчаянный визгъ и суматоха, привлекшіе вниманіе городского съ медалью.

«О, женщины, какъ мало

Отечество заботится о васъ!»

И затѣмъ, въ воскресенье, двадцать седьмого, во время поѣздки въ Сферистерію и обратно, двѣ желанныхъ встрѣчи. Первая на жардиньерѣ линіи *Vialli: Taddeo* и *Венеранда* съ ихъ дѣвочкой. Но какъ они измѣнились, всѣ трое! Съ перваго же взгляда я понялъ, увидѣлъ все: смертельная болѣзнь обожаемаго существа, рядъ страшныхъ дней и ночей, домъ оглашаемый рыданіями, молящаяся мать, обезумѣвшій отецъ. Дѣвочка еще казалась истомленною и блѣдною, а на ихъ лицахъ, подъ радостью возрожденія, чувствовались еще слѣды тревоги и ужаса. Какъ и въ первый разъ, я сидѣлъ позади ихъ, а малютка стояла между ними, обернувшись лицомъ ко мнѣ. Какъ намъ памятно всегда лица тѣхъ, которые оказали вниманіе нашимъ дѣтямъ. Они

узнали меня, улыбнулись; и ихъ тревожные взоры какъ бы спрашивали мои глаза:—Ну, какъ вы находите ее? очень измѣнилась? И въ тотъ моментъ еще больше обнаружилось пережитое горе, вызывавшее жалость къ этимъ людямъ, вѣроятно жившимъ въ теченіе многихъ лѣтъ совсѣмъ спокойно. Затѣмъ не ожидая моего отвѣта, они сообщили мнѣ печальную новость: кругъ... мѣсяцъ въ кровати и смертельная опасность. Они разсказали неудержимымъ потокомъ словъ всю исторію: первые симптомы болѣзни, врачъ, лѣкарства, ухудшеніе, слова больной, которыя они считали ея послѣдними словами *въ ту ночь*, когда разсудокъ ихъ отказывался служить и почва колебалась подъ ихъ ногами. Ахъ, нѣтъ, это было слишкомъ ужасно! Кто не испыталъ, тотъ не можетъ и представить себѣ! Потому—кризисъ и первые хороше признаки, первая утѣшительная слова и... и безконечная радость... Тутъ началось изліяніе благодарности доктору, кавалеру Бони. Что за сердце! вотъ гений! Ангель!.. Другого ангела—маленькаго начали выводить на воздухъ всего только три дня; это была ея третья поѣздка по выздоровленію.

— У нея начинается возвращаться здоровый цвѣтъ лица, — сказала я. А, да? начинается возвращаться? — И они взглянули на меня съ благодарностью, какъ будто мои слова разлили немного румянца на этомъ маленькомъ личикѣ, и поэтому цѣлый міръ окрасился для нихъ въ розовый цвѣтъ. И они не сводили съ нея глазъ, лаская ее руками, протянутыми какъ бы затѣмъ, чтобы удержатъ ее и защититъ. Затѣмъ произошла сцена, растрогавшая меня. Подошелъ контролеръ спрашивать билеты, и они подали свои и за дѣвочку. Онъ, взглянувъ на нее, замѣтилъ, что если бы они держали дѣвочку на рукахъ, то могли бы не платить, потому что ей нѣтъ еще трехъ лѣтъ. О, они это знали! Я хорошо понялъ ихъ мысль. Взглянувъ на нея билетъ, они могли питать свою добровольную и дорогую иллюзію представлять ее себѣ большею, чѣмъ была она въ дѣйствительности, вообще «величиной» за-

нимающей хоть маленькое самостоятельное мѣсто. Какимъ любезнымъ тономъ сказали они мнѣ, сходя: До свиданія!— А я, глядя, какъ они удалялись, представлялъ себѣ другихъ больныхъ, сидящихъ на этихъ же лавкахъ посреди обрадованныхъ родныхъ. И конка, дающая бѣднымъ выздоравливающимъ и ихъ семьямъ радость и удовольствие прогулки въ экипажѣ, которыхъ они, безъ нея, не имѣли бы, представилась мнѣ въ новомъ свѣтѣ, чѣмъ-то добрымъ и благодѣтельнымъ, чѣмъ-то вродѣ того будущаго, о которомъ я мечтаю.

Возвращаясь, я поѣхалъ въ жардиньерѣ по линіи *Ванквилля*, которая была переполнена веселыми подвыпившими пассажирами, ѣхавшими отъ Пилонской Мадонны. Мы проѣхали уже полдороги, когда я замѣтилъ среди семи затылковъ бывшихъ передо мною, одинъ, какъ мнѣ показалось, знакомый. Онъ принадлежалъ мужчине, судя по наружности, рабочему, который держалъ передъ собой раскрытую газету *Per l'idea* (за идею). Гдѣ я уже разъ видѣлъ этотъ широкий, упрямый затылокъ? Рядомъ съ нимъ сидѣлъ мальчикъ, опершись головой на руку, а рядомъ съ мальчикомъ молодая женщина, которая, обернувшись ко мнѣ, вдругъ озарила мою память. Я вспомнилъ, что это тотъ самъ рабочій, пришедшій изъ Верчеллезы и долго искавшій работы, рабочій, который, два мѣсяца тому назадъ, вырвалъ изъ рукъ своего сына и вышвырнулъ на улицу карамель, подаренную ему мной. Ахъ, проклятая кровь! Я не могъ удержать прилившаго къ сердцу гнѣва, несмотря на то, что читаемая этимъ человѣкомъ газета должна была сказать мнѣ, что умъ его былъ открытъ доступу новыхъ идей, точно такъ, какъ платые его и его семьи говорили мнѣ, что онъ нашелъ работу, а значить измѣнился за это время. Но это была только одна, единственная волна, которая тотчасъ же и отлила прочь, подавленная живѣйшимъ любопытствомъ. Увидя меня, онъ долженъ будетъ вспомнить о своемъ поступкѣ; что же выразить его взглядъ: то ли чувство, которое ему внушилъ тогда, или противоположное, или инди-

ферентизмъ? И я сталъ ждать момента, когда они будутъ выходить изъ конки. Они остановили вагонъ на углу улицы *Лагранжэ* и, выльзая, очутились такъ близко отъ меня сбоку, что не могли меня не видѣть. Я прежде всѣхъ встрѣтился взглядомъ съ женщиной, которая дѣлала видимое усиліе, чтобъ узнать меня, и дѣйствительно, послѣ минутнаго колебанія узнала, послѣ чего слегка покраснѣла и опустила глаза. Затѣмъ я встрѣтилъ взглядъ его: онъ узналъ меня сразу. Какъ наивна и фальшива гордость оскорбителя, заставляющая его принять видъ оскорбленнаго — для того, что бы обмануть и успокоить свою совѣсть! Онъ бросилъ на меня мрачный взглядъ, и ушелъ съ нахмуреннымъ лицомъ. Неужели же у меня такое ненавистное лицо буржуазнаго эгоиста, что онъ не можетъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ простить мнѣ простого акта вѣжливости? — невольно подумалъ я и почувствовалъ, что кровь опять готова прилить къ моему лицу, но раздавшійся въ ту минуту крикъ кондуктора: — *Avanti!* *) остановилъ ее. Я вспомнилъ «впередъ!» которымъ одинъ молодой, пылкій апостолъ идеи обыкновенно заканчивалъ свои рассказы о разныхъ случаяхъ неблагодарности и оскорбительнаго равнодушія, которымъ платили ему иногда. Впередъ! — всегда заключалъ онъ и отдавался дѣлу съ мужествомъ героя и терпѣніемъ святаго. Да, всѣ эти ощущенія въ тебѣ ничто иное, какъ жалкій вопль старинной безумной гордости. Впередъ!

Да, «впередъ!» Какое прекрасное заключеніе для рѣчи, и какъ легко обратиться съ этимъ благороднымъ словомъ къ нашей гордости. Плохо только, что наша гордость, слушаетъ его охотно, но при каждомъ удобномъ случаѣ готова снова приняться за свое. Это хорошее слово повторилъ я себѣ разъ въ конкѣ на улицѣ *Рима*, очутившись рядомъ съ моимъ бывшимъ другомъ Сіапуре, ѣхавшимъ со своей дѣвочкой. Последняя сидѣла немного сбоку и мотрѣла на меня, неотрываясь взорами. Вѣроятно, она меня

*) Въ данномъ случаѣ значить: «пошелъ!», а вообще — «впередъ!»

узнала: конечно, «читала» что нибудь. Но я не могъ понять выраженія ея взгляда, напоминовавшаго такой взглядъ, когда смотреть на одно лицо и вспоминають въ это время другое. Можетъ быть она слышала, какъ отецъ говорилъ обо мнѣ дурно? Или, наоборотъ, выражалъ сожалѣніе о нашей порванной дружбѣ? Я чувствовалъ себя нехорошо подъ этимъ вдумчивымъ взоромъ десятилѣтняго судьи, казалось, рывшагося въ моей душѣ и то нѣжно говорившаго мнѣ:—Вѣдь ты знаешь, что отецъ мой все еще тебя любить, почему жъ не протягиваешь ему руки?—то упрекавшаго меня: Ты ненавидишь моего отца! За что ты его ненавидишь?—Нѣтъ, дѣточка! — отвѣчалъ я ей въ моемъ сердцѣ: — успокойся. Я его не ненавижу. Я не могъ бы его ненавидѣть, да онъ того и не заслуживаетъ. И я, вѣдь, тоже виноватъ. Да, правда, я долженъ бы первымъ протянуть ему руку. Но, видишь ли, чтобъ это сдѣлать, нужно быть разсудительнымъ и добрымъ. А я ни то, ни другое, не смотря на то, что написанное мною даетъ возможность думать противное, и не смотря на мои сѣдые волосы, которые ты видишь. Я полонъ гордости. Ахъ, если бы ты знала, насколько эта жалкая гордость ставитъ насъ ниже насъ! Вотъ, я вижу, что есть свободное мѣсто около васъ двухъ; одинъ голосъ говоритъ мнѣ: «Пойди и сядь на это мѣсто, рядомъ съ ними»; но тутъ же другой кричитъ мнѣ: «Оставайся тамъ! не двигайся!» Первый—нѣженъ, и трогаетъ мое сердце, второй—рѣзокъ, и раздражаетъ меня, однако, я ему уступаю. Мнѣ стыдно передъ тобой, дѣвочка, но вотъ, видишь, я самъ предпочелъ этотъ стыдъ твоему милому сочувствію, которое я бы испыталъ, если бы исполнилъ твое да и свое также желаніе. Ну, отвернись же! Не смотри на меня больше, —я не заслуживаю взора твоихъ добрыхъ, невинныхъ глазъ, увѣряю тебя!

Конка въ эту минуту остановилась, и Сіануре обернулся, чтобъ взглянуть, куда было направлено упорное созерцаніе его дочери. Онъ посмотрѣлъ на меня. Это былъ удобный моментъ. Но я его пропустилъ. «Avanti!» — крикнулъ кондукторъ, и вагонъ тронулся. О, какъ

различно прозвучало для меня это слово сегодня и вчера! Да, — какъ-будто говорило оно: — *Впередъ*, вы все такіе же вадменные, жалкіе, презрѣнные — до смерти!

ГЛАВА VII.

Июль.

Жара, духота, экзамены: терроромъ пятерокъ и нулей вѣетъ даже на жардиньерахъ. Конка, какъ мѣстная передвижная газета, держитъ насъ въ курсѣ не только политическихъ дѣлъ, но и общественныхъ настроеній и страстей, господствующихъ въ умахъ публики. Въ теченіе цѣлой недѣли на конкахъ всѣхъ линій отъ пассажировъ всѣхъ состояній я только и слышу, что отрывки школьныхъ разговоровъ, выраженія страховъ и надеждъ, сѣтованія на трудности и опасности и вздохи да восклицанія мамашъ, говорящихъ о «предпочтеніяхъ», «несправедливостяхъ», «протекціяхъ» и «давленіяхъ». Въ вагоны, проходящіе въ полдень мимо школъ, входятъ мальчики и юноши со взерошенными волосами, возбужденными лицами и перепачканными въ чернила пальцами; они говорятъ между собой напряженнымъ, усталымъ голосомъ, какъ солдаты, разсказывающіе другъ другу случай только что происшедшей битвы. Въ голосахъ нѣкоторыхъ слышится желаніе быть услышанными, гордое самоудовлетвореніе умственной жизни и въ глазахъ ихъ мелькаютъ отдаленныя надежды на приобретеніе талантомъ славы, богатства, высокаго положенія. А я—увы!—думаю, глядя на нихъ, о томъ, сколько изъ нихъ, пройдя сквозъ горнило сотни другихъ испытаній и испробовавъ разные пути, главные и второстепенные, отступятъ, испугавшись многочисленной конкуренціи и даже, можетъ быть, будутъ считать для себя счастьемъ найти приютъ въ этихъ вагонахъ, съ книжечкой билетиковъ въ рукахъ и рожкомъ, висящимъ на шеѣ! И я жду не дождусь часа, когда будутъ отиѣнены эти «дни террора» въ нашемъ общественномъ вос-

питаніи, потому что слышимыя рѣчи заставляютъ меня думать о тысячахъ переутомившихся головъ и трепещущихъ сердецъ, о родительскихъ горестяхъ и разочарованіяхъ, о наказаніяхъ, о семейныхъ сценахъ и самоубійствахъ несчастныхъ юношей. И слыша эти жалобы на массу экзаменаціонныхъ предметовъ, я съ грустью спрашиваю себя, сколько пройдетъ времени прежде, чѣмъ благоразумно рѣшатся облегчить ученіе и обратить его изъ тягостной повинности въ здоровое и пріятное занятіе?..

Меня отвлекаетъ отъ этихъ мыслей забавный и весьма нерѣдкій въ конкахъ случай. Я стоялъ рядомъ съ однимъ остроумнымъ лицейскимъ профессоромъ, который въ это время говорилъ мнѣ о томъ, что умственное переутомленіе породитъ въ будущемъ столѣтіи новую болѣзнь—родъ шкельовой чахотки, которая приведетъ къ отупѣнію цѣлаго поколѣнія. Вдругъ онъ неожиданно замолчалъ и сталъ прислушиваться къ разговору двухъ, вошедшихъ за нами, дамъ, которыя упомянули его имя. Ахъ, конки въ эти дни очень опасны для профессоровъ! Я, въ свою очередь, прислушался.

— Главное препятствіе, — заговорила, вздыхая, болѣе молодая дама:—это воть...

И она опять назвала его фамилію. Въ прошломъ году была надежда отъ него освободиться, потому что онъ надѣлъ и директору, но у него, говорятъ, есть протекція въ министерствѣ, и онъ остался. Довольно взглянуть на него. Это—такая собака!

Дожди, ураганы, свѣтопредставленіе—лѣто, достойное зимы съ Аба-Каримомъ. Но я обязанъ закрытому вагону тѣмъ, что побывалъ въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ положеній, какія только возможны для пассажировъ конки. На линіи *Гарибальди* я встрѣтилъ, наконецъ, послѣ долгаго времени красиваго капитана съ предполагаемой женой почтового чиновника (заказная корреспонденція). При первомъ взглядѣ на нихъ мнѣ показалось, что они не были смѣлѣе, чѣмъ въ первый разъ, что успокоившаяся страсть вернула ихъ къ преж-

ней осторожности. Съ нами ѣхали другіе пассажиры, среди которыхъ я, между прочимъ, запомнилъ одного молодого человѣка, у котораго на галстухѣ торчала большая фарфоровая булавка съ отчетливою надписью: *ищу жену*; но онъ, вмѣстѣ со всѣми другими, вышелъ на площадь *Кастелло*, и мы остались втроемъ. Я видѣлъ, какъ въ глазахъ тѣхъ двухъ, сидѣвшихъ другъ противъ друга, мелькнулъ лучъ надежды. Безъ сомнѣнія, имъ нужно сказать другъ другу что-то важное, прежде чѣмъ разойтись въ разныя стороны въ качествѣ совсѣмъ незнакомыхъ людей, какъ они дѣлали всегда; и они надѣялись, что я сойду на углу улицы *По*. Но мнѣ еще нужно было пробхать порядочно, не говоря уже о томъ, что меня удерживало любопытство, неразлучное съ моею профессіей. Они испытывали нетерпѣніе. Я поймалъ его взглядъ, ясно говорившій мнѣ:—Если бы вы знали, какое вы мнѣ сдѣлали бы удовольствіе, сойдя!

— Думайте себѣ лучше, что я не понимаю, — отвѣчалъ я мысленно. — Я долженъ здѣсь остаться для наблюденій. У васъ есть ваша любовь, а у меня—моя книга.

Время шло. Одинъ изъ взглядовъ дамы сказалъ мнѣ: «Да уйдите же наконецъ!» и такъ открыто, что я почувствовалъ себя оскорбленнымъ. И я отвѣтилъ ей глазами: «Просать не такъ, попросите вѣжливѣе, можетъ быть, я и исполню».

Минуту спустя онъ бросилъ на меня рѣзкій, прямо вызывающій взглядъ, но она тотчасъ поспѣшила заглядѣть впечатлѣніе этой грубости своимъ тоскливымъ, смиреннымъ взоромъ, какъ бы говорившимъ: — Вѣдь вы понимаете... сдѣлайте мнѣ это одолженіе — у насъ остается всего одна минута... Я васъ умоляю!

Тронутый, я хотѣлъ было встать, но въ ту минуту раздался звонокъ, конка остановилась, и въ вагонъ вошло цѣлое семейство.

Тогда они оба одновременно метнули на меня такіе взоры, что мнѣ показалось, будто кончикъ зонтика и лезвіе сабли вмѣстѣ вонзились въ мое тѣло, и

я поспѣшили съйти. Но я навѣрное не обманулся: любовь ихъ была уже хилымъ цвѣткомъ, и мнѣ подсказывало сердце, что когда-нибудь я найду ее въ коней, какъ на похоронныхъ дорогахъ, совсѣмъ угасшей.

Дождь и молнія, и громы небесные. Старые ветераны должны поминутно спасаться изъ аллей въ конки, гдѣ они, съсѣжившись и покашливая, начинаютъ жаловаться на непостоянство временъ года, но то, что все пережилось, и лѣто уже не таково, какъ было въ ихъ время. На нихъ можно наблюдать результаты этихъ неожиданныхъ атмосферическихъ пережытій, которыя увеличиваютъ тягость старости, разстраиваютъ нервы и мгновенно обезцвѣчиваютъ все въ мѣрѣ для столбыхъ людей. Вагонъ напоминаетъ кабинетъ консультирующихъ докторовъ; онъ переполненъ этими старыми лицами, которыя погружены въ мрачную неподвижную серьезность и какъ будто заняты наблюденіями надъ неправильными движеніями испортившейся вѣчной машины, угрожающей имъ какимъ-нибудь неприятнымъ скорпрымъ. Какъ пережился и мой добрый ветеранъ съ улицы *Гарибальди*! Я нашелъ его забившимся въ уголокъ вагона на линіи *Винцалло*, съ глубокой вертикальной морщиной на нахмуренномъ лбу. На вопросъ мой: — какъ поживаете? — Онъ отвѣчалъ силнымъ голосомъ:

— Ничего, ничего хорошаго! Да и какъ можно хорошо себя чувствовать въ такую погоду? Нѣтъ болѣе временъ года! Кто тутъ что разберетъ? Мѣръ пошелъ вверхъ дномъ... И затѣмъ, затѣмъ, вѣдь мнѣ семьдесятъ восемь лѣтъ!

Но онъ произнесъ эту цифру уже безъ обычной своей гордости, а прерывающимся голосомъ и задерживая слова, которая словно удлиннялись и тяжелѣли на его дряблыхъ губахъ. Весь остатокъ жизненной энергіи, мерцавшей у него въ глазахъ, онъ тратилъ на то, чтобъ искать въ окно своего *Чокетто*, который, весь перепачканный, бѣжалъ мелкой рысью возлѣ вагона, и на то,

чтобъ грозить ему пальцемъ, когда онъ опять появлялся послѣ исчезновенія, потому что, какъ онъ говорилъ, ему, *Чокетто*, извѣстно, что она, хозяйня, приказывала бѣжать всегда рядомъ съ вагономъ, чтобъ избѣжать опасности, и чтобъ онъ могъ его видѣть. И казалось, что, съ упадкомъ его физическихъ силъ, росла его любовь къ этому бѣдному маленькому животному, его единственному другу, котораго онъ скоро долженъ будетъ оставить послѣ столькихъ лѣтъ вѣрной дружбы совсѣмъ одного въ мѣрѣ, можетъ быть, для того, чтобъ онъ умеръ жестокою смертью послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ скитанья. голоданья и преслѣдованія. Между тѣмъ, въ овнахъ вагона мелькаютъ виднѣющіяся подъ проливнымъ дождемъ густолиственные деревья аллей, и стройныя колонны новыхъ воротъ и углы большихъ туринскихъ улицъ... По всему этому скользить, сквозь стекла, его печальный взоръ, словно онъ думаетъ, что это одна изъ послѣднихъ его прогулокъ, что онъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ любитъ видомъ своего дорогого, прекраснаго Турина...

— Ахъ, хорошъ, да, хорошъ! — говорилъ, казалось, этотъ взглядъ. — Хорошъ даже въ эту погоду, хорошъ даже въ своемъ сѣромъ, меланхолическомъ видѣ, мокрый и грязный, какъ моя бѣдная собачка...

Наконецъ, хорошій денекъ, и хорошая сценка: новѣйшій примѣръ женскаго могущества, опять-таки возможный только въ конкѣ. На одной изъ переднихъ лавокъ жардиньеры сидѣла красивая, полная жизни дѣвушка-брюнетка въ красивомъ черномъ платьѣ съ мелкимъ жемчугомъ, ловко охватывавшимъ ея стройный станъ, съ полнымъ бюстомъ и съ розами, краснѣвшими на шляпкѣ. Она заложила ногу на ногу, вызываяще выставивъ одинъ башмачекъ, что вполне гармонировало съ ея сияющимъ, кокетливымъ лицомъ, улыбающимся доброй, широкой улыбкой. Жардиньера бѣжала подъ лучами солнца внизъ по аллѣ *Королевы Маргариты*, но должна была замедлить шагъ въ

томъ мѣстѣ, гдѣ исправляли мостовую; тутъ на встрѣчу попался пѣхотный полкъ, двигавшійся четырьмя рядами, лѣвый изъ которыхъ долженъ былъ пройти съ той стороны жардиньеры, гдѣ сидѣла красавица. Прежде всѣхъ прошли музыканты съ трубами у губъ, окидывая взоромъ это смуглое-лицо подъ розовой гирляндой и желтенькую туфельку, отбивавшую тактъ музыки, подъ наряднымъ платьемъ. Отъ музыкантовъ искра быстро передалась всей колоннѣ. По три, по пяти, по восьми заразъ, кеши проходившихъ поворачивались, взоры направлялись въ одну сторону и губы шевелились. Одни улыбаются, у другихъ вырывалось изъ устъ слово, многіе даже, пройдя, оборачивались назадъ; иные сбивались съ шагу; кто подталкивалъ сосѣда подъ локоть, кто высывался изъ ряда, чтобъ поближе разглядѣть ножку и розовую гирлянду. На десять шаговъ разстоянія эффектъ передававшейся искры былъ уже очевиденъ. Такъ двигались офицеры, солдаты, капралы, сержанты, бѣлокурые голы уроженцевъ сѣвера и темноволосяные южане, бородацы и безбородые пьемонтезцы, неаполитанцы, сицилійцы и сардинцы—всѣ оборачивались въ одну сторону, какъ будто дефилируя передъ главнокомандующимъ, съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ во взорахъ, что, наконецъ, привело въ веселое настроеніе всѣхъ пассажировъ, смотрѣвшихъ съ любопытствомъ на солдатъ и на дѣвушку, которая любезно улыбалась каждому полку, какъ довольная королева. О, женское могущество! И подумать только, что сотни колоннъ, подобныхъ этой, что всѣ военныя силы государства, проходя мимо гирлянды розъ, испытали бы то же, и что это смуглое личико могло бы зажечь электрическимъ токомъ цѣлое войско!

Опять проливной дождь, и вѣтеръ, и громъ... У кучеровъ лица совершенно мокры отъ ливня, лошади падаютъ, окна вагоновъ покрыты ручьями; дамы входятъ и садятся въ насквозь промокшихъ платьяхъ и съ перекошенными лицами, бросая сердитые взгляды на зонтики со-

сѣдокъ. Дурная погода отражается на взаимной вѣжливости даже у самыхъ изысканно-вѣжливыхъ особъ, и лица, обыкновенно симпатичныя, являются теперь въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Нѣтъ, это совсѣмъ неподходящіе дни для того, чтобъ искать себѣ въ конкѣ невѣсту: только и можно встрѣтить, что блѣдныхъ жалкихъ барышень, озлобленныхъ на судьбу. Если мой красавецъ-художникъ не успѣлъ еще себѣ найти невѣсты, то онъ только напрасно тратитъ время. Доказательство тому и другому было у него на лицѣ, когда я увидѣлъ его влѣзающимъ въ конку *Мадама Кристина*, и не только на лицѣ, но и въ томъ яростномъ движеніи, совершенно ему несвойственномъ, съ которымъ онъ рванулъ не хотѣвшій закрыться зонтикъ. На его розовомъ юношескомъ лицѣ лежала тѣнь меланхоліи и, при томъ, гораздо болѣе мрачная, чѣмъ въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ, и подъ нею сквозило еще другое выраженіе постоянного и какъ бы уже обычнаго для него раздраженія. Я спросилъ его, нашелъ ли онъ? Онъ пожалъ своимъ атлетическимъ плечомъ съ чисто ребячскимъ раздражительностью, слегка смягченной натянутой улыбкой вѣжливости, и сталъ нападать на погоду. Но я понималъ, что причина его дурнаго настроенія была совершенно другая. Я понялъ это, минуточку спустя, изъ той рѣзкой безсвязной тирады, которую онъ произнесъ противъ туринскихъ дѣвушекъ, съ внезапнымъ жаромъ наивной души, совершенно неспособной къ притворству.—Холодная, ледяная души, куклы! Красивыя куклы, набитыя деревянными стружками.

— Есть, пожалуй, нѣкая... не совсѣмъ кукла,—подумалъ я.

— Для нихъ, — продолжалъ онъ, — все въ красивыхъ позахъ, а за ними, за этими позами—ничего!.. У нихъ добродѣтель статуи. Не достаетъ горячаго вещества! Алебастровые ангелы, снѣжныя «бабы»! Алфіери хорошо сказалъ: *«тамъ, гдѣ Италия дѣлается странной бореиской»*. Истинныя дочери Борея. Я началъ его отечески увѣщевать. — Полно! Что жъ это, наконецъ? Если такой мужчина, какъ онъ, Герку-

лесь, красавецъ и артистъ, да еще во цвѣтъ лѣтъ, не будетъ имѣть успѣха, то кто же, въ такомъ случаѣ?

— Еще бы, артистъ! Очень тутъ нуженъ артистъ! Еслибъ я былъ чело-вѣкъ науки или съ какимъ-нибудь ярлыкомъ на шеѣ, — можетъ быть... — И онъ затѣмъ началъ бранить городъ, который ему тоже надоѣлъ своимъ желтымъ цвѣтомъ и правильностью, такъ что кружишься, кружишься, а все кажется, что стоишь на одномъ мѣстѣ! Иногда на него нападали капризь удожить вещи и удрать, какъ проворовавшійся кассиръ. У него не было опредѣленной цѣли: такъ, хотѣлось бы блуждать изъ города въ городъ по всей Италіи, вплоть до конца Сициліи.

— Ну, взгляните на эти дома, на эти улицы развѣ не можетъ раздражать эта прямизна и разлинованность? Вотъ таковы же здѣсь и люди! Развѣ вамъ не кажется, что всѣ похожи другъ на друга? Да какъ же нѣтъ? Да тутъ сотни барышень кажутся выкроенными одна по другой, какъ будто вырѣзаны изъ одного листа бумаги, перегнутого сто разъ, однимъ движеніемъ ножницъ!

— Ахъ! — сказала я ему, смѣясь, — тамъ должна быть одна, ускользнувшая отъ ножницъ!

Онъ пропустилъ безъ вниманія мое замѣчаніе и продолжалъ. Съ нѣкоторыхъ поръ ему все попадаютъ вагоны съ людьми, похожими другъ на друга, словно принадлежащими къ одной семьѣ: всѣ встрѣчные молодые люди кажутся ему чиновниками, старики — отставными сержантами-пенсионерами, а барышни — классными дамами.

— Э, полноте! — замѣтилъ я ему, — тутъ много красивыхъ дѣвушекъ!

— А, въ этомъ отношеніи — да! — И тутъ онъ себя выдалъ, — тутъ встрѣчаются типы... рафаэлевскіе... Блѣдное лицо съ лазурными глазами, и — чистоты, граціи удивительной! Но не хватаетъ жизни, пламени. Право, этого у сициліанки въ мизинцѣ больше, чѣмъ у десяти туринокъ съ головы до ногъ!

«Я бъ хотѣлъ, чтобъ сердце билось
Въ этой мраморной груди!»

Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ рѣзко сказалъ:

— Я, впрочемъ, больше встрѣчаю антипатичныя лица, — и обратилъ мое вниманіе на пассажировъ. — Ну, вотъ взгляните! Когда я на нихъ смотрю, то мнѣ кажется, что я въ маленькомъ музеѣ восковыхъ фигуръ. Впрочемъ, можетъ быть, это результатъ дурной погоды... Но все-таки я томлюсь. — И затѣмъ, уже слѣзая, онъ прибавилъ улыбаясь, но съ оттѣнкомъ грусти:

— Готовъ покончить съ собой...

— Онъ влюбленъ, — подумалъ я, — безъ сомнѣнія. Влюбленъ въ блѣдное лицо съ лазурными глазами. Ну, попадется же мнѣ вагонъ, гдѣ они будутъ оба!

Или меня заразилъ художникъ, или то было влияніе погоды и, можетъ быть, нездоровья, но и я въ теченіе нѣсколькихъ дней страдалъ его болѣзнию, ненавистью къ близкому, — болѣзнию, очень капризной и невыносимой въ концѣ, гдѣ антипатичныя лица, мелькающія на улицѣ только на мгновеніе, остаются передъ нами на довольно продолжительное время, и мы почти вынуждены глядѣть на нихъ. Антипатичныя... почему? Да несомнѣнно потому, что мы видимъ въ нихъ воплощеніе нашихъ предполагаемыхъ враговъ, представляя себѣ по лицамъ ихъ взгляды, чувства, вкусы и привычки, совершенно противоположныя нашимъ, настолько противоположныя, что, встрѣтившись съ ихъ обладателями, мы никогда не могли бы почувствовать другъ къ другу любви или уваженія, или вообще прійти къ какому бы то ни было соглашенію. Сколько я видѣлъ ихъ въ эти дни и о сколькихъ вспоминалъ! Да и съ кѣмъ не случается того же? Это незнакомыя особы, съ которыми мы встрѣчаемся годами, и каждый разъ при встрѣчѣ обмываемся недоброежелательнымъ или приторно-равнодушнымъ взглядомъ, или стараемся совсѣмъ не смотрѣть въ ихъ сторону; люди, взглядъ, голосъ, одно сосѣдство которыхъ вызываетъ въ насъ тревогу, безпокойство и непріятное чувство, словно отъ прикосновенія къ дес-

намъ грубой зубной щетки или отъ оставшихся на шеѣ обрѣзанныхъ волосъ; несчастныя существа, которыхъ походка, манера останавливать вагонъ, входить и выходить, садиться, платить и дтыкать билетикъ за ленту шляпы — все намъ неприятно, словно, они созданы и вымуштрованы специально для того, чтобы насъ раздражать. Увидѣвъ ихъ ряломъ съ собою неожиданно, мы вздрагиваемъ, словно отъ толчка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ смущенія, что они своимъ взглядомъ угадаютъ наши мысли и поймутъ мизерность нашей души, благодаря власти, которую имѣютъ надъ нами. Эта вынужденная близость къ конкѣ дѣлаетъ ихъ особенно несправедливыми, какъ людей, насильно вторгающихся въ нашъ домъ. Ахъ, сколько ихъ попадается въ эти дни дурныхъ настроеній! Такъ и кажется, что каждый насъ преслѣдуетъ, что они всѣ сговорились не давать намъ покоя. Не помню, сколько продолжался этотъ періодъ, но знаю, мнѣ казалось, что я тогда встрѣтилъ всѣхъ, съ которыми сталкивался въ теченіе многихъ лѣтъ. У меня было нѣсколько несчастныхъ поѣздокъ, когда пять или шесть изъ нихъ одинъ за другимъ толкали меня, входя и выходя, задѣвали меня своими зонтиками, обдавали дыханіемъ, кричали мнѣ свои «стой!» визгливые, гнусавые, грубые, методичные, раздражительные, заставляли меня слушать глупѣйшіе разговоры и мучили меня своими взглядами; казалось, говорившими мнѣ:—Мы сюда вошли именно для тебя, съ удовольствіемъ тратимъ два солдо, чтобъ тебя заставить страдать! — Баяая досада и какой стыдъ! Да, именно, постыдное страданіе отъ этихъ неблагородныхъ антипатій и жалкой злобы — червей и насѣкомыхъ нашей души, которыхъ слѣдовало бы вонъ вымести метлой...

Чувство живѣйшей жалости неожиданно прервало рядъ этихъ скверныхъ впечатлѣній. Въ жандиерѣ улицы *Гаррибалди* на одной изъ переднихъ лавокъ сидѣлъ солдатъ въ формѣ африканскихъ воиновъ, худощавый пѣхотинецъ, по видимому, совсѣмъ не замѣчавшій, что

служить предметомъ общаго созерцанія и отвѣчавшій на докучливые вопросы ближайшихъ сосѣдей односложно и сухо. Его взглядъ смутно бѣгалъ изъ стороны въ сторону и словно чего-то искалъ; это былъ именно взглядъ человѣка, ускользнушаго отъ рѣзни. Обернувшись назадъ, я былъ пораженъ: за послѣдней скамейкой стояла съ своимъ обычнымъ мѣшкомъ старушка изъ *Поццо-ди-Страда*, застывшая и словно загнипнотизированная, прикованная взорами къ фигурѣ солдата. Конечно, она продолжала жить между отчаяніемъ и надеждой и видъ этого мундира подыалъ въ ея душѣ во всей прежней силѣ бурю двухъ противоположныхъ чувствъ. Точно такой мундиръ, вотъ уже четыре долгихъ, какъ вѣчность, мѣсяца, мысленно видѣла она разорваннымъ, пробитымъ, окровавленнымъ, изрубленнымъ въ куски и разбросаннымъ по скаламъ и кустарникамъ поля, гдѣ происходила эта варварская битва. Кто знаетъ, о чемъ она думала въ эту минуту? Что она видѣла въ фигурѣ солдата? Чтò говорилъ ей призракъ ея сына, внезапно вставшій на ея дорогѣ?

— Мама, я живъ! Мама, помоги мнѣ! Мама, я умираю! Я умер! Прощай на всегда!

Было ли для нея радостью или мукой видѣть его? Ничего нельзя было угадать по замкнутому лицу старой крестьянки, привыкшей къ страданію, по ея неподвижнымъ, сухимъ, расширеннымъ глазамъ, такъ пристально устремленнымъ въ одну точку этого лица, какъ будто оттуда отвѣчалъ ей взглядъ кого-то другого, такъ пристально, что, казалось, она никогда не двинется, если конка не остановится... И я подумалъ: почему она не спрашиваетъ этого солдата съ наивностью невѣжественныхъ матерей, спрашивающихъ у незнакомца, вернушагося изъ Америки, о своемъ эмигрировавшемъ сынѣ? Можетъ быть, она ждетъ остановки, чтобы съѣсть рядомъ съ нимъ?.. Но конка остановилась, а она не двинулась. Была ли это робость? Или, можетъ быть, ее удерживалъ страхъ узнать истину? Она сошла, какъ и всегда, на перекресткѣ улицы *Венту Сетtembre* и, едва ступивъ

на мостовую, обернулась съ мѣшкомъ на спинѣ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на солдата. И затѣмъ, она двинулась въ путь, зарабатывать свой хлѣбъ, вся согнувшись отъ тяжести и отъ горя.

Право, удивителенъ этотъ міръ, въ которомъ можно дѣлать открытія—такія, напримѣръ, какъ я сдѣлалъ однажды на линіи *Заставы Казале*, вмѣстѣ съ однимъ моимъ Эмилианскимъ *) другомъ, остроумнымъ литературнымъ критикомъ и собирателемъ «человѣческихъ документовъ». Послѣдній замѣтилъ и обратилъ мое вниманіе, принимая отъ кондуктора билетъ, на его аристократическую руку, маленькую и бѣлую съ тонкими выточенными пальцами, которой соотвѣтствовало, не столько по чертамъ, сколько по выраженію, и блѣдное лицо, обрамленное тонкою каштановою бородою. Сейчас же, какъ только кондукторъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ контролеромъ по-итальянски, но съ рѣзкимъ эмилианскимъ акцентомъ **), мой другъ узналъ нарѣчіе, которымъ говорятъ высшіе классы въ его области. Мы наблюдали его манеры: онъ былъ въ высшей степени вѣжливъ, но нѣсколько взволнованъ и робокъ, какъ новичекъ на службѣ, къ которой, однако, обнаруживалъ большое усердіе.

— Здѣсь — какая нибудь тайна, — сказалъ профессоръ, постоянный изслѣдователь людей и явленій; какъ только кондукторъ отошелъ, онъ спросилъ у контролера, какъ его зовутъ. Тотъ улыбнулся и прошепталъ ему что то на ухо. Мой другъ былъ пораженъ. Оказалось, что кондукторъ былъ графъ и принадлежалъ къ одному изъ знаменитѣйшихъ родовъ славнаго города, и, быть можетъ, по матери происходилъ отъ знаменитаго

*) Эмилиі—итальянская область.

**) У итальянцевъ такъ много всевозможныхъ нарѣчій, что жители одной области совершенно не понимаютъ языка своихъ сосѣдей и въ сношеніяхъ съ ними пользуются общепитальянскимъ языкомъ. Этотъ общепитальянскій, *литературный* языкъ ближе всего стоитъ къ тосканскому нарѣчію.

Црим. перевод.

поэта. Подстрекаемые любопытствомъ, мы спросили у контролера, не знаетъ ли онъ, какими судьбами бывший графъ попалъ въ свое теперешнее положеніе. Ему это было неизвѣстно, но онъ зналъ его уже нѣсколько мѣсяцевъ. О, удивительная воля и сила души! Сначала онъ ему говорилъ:—Помните, что это ремесло не по васъ, вотъ увидите, что вы не выдержите. — Но графъ отвѣтилъ ему съ твердостью:—Вы увидите, что я приноворюсь къ нему, какъ и другіе. — И онъ дѣйствительно поставилъ на своемъ. Но онъ, контролеръ, продолжалъ отъ времени до времени давать ему совѣты: не слишкомъ деликатничать съ людьми, потому что не всѣ будутъ деликатны съ нимъ, и тѣмъ, кто обращается съ нимъ дурно, отвѣчать въ сухомъ тонѣ, если хочеть, чтобы его уважали; что есть такіе негодяи, которые, если съ ними обращаться слишкомъ мягко, стануть совсѣмъ нахалами. Но онъ уже испортилъ свою позицію, потому что одержимъ болѣзною вѣжливости, и какъ разъ поэтому—такъ уже созданъ міръ!—пассажиры вообще обходятся съ нимъ хуже, чѣмъ съ другими.

Въ то время, какъ контролеръ говорилъ, кондукторъ обходилъ вагонъ, принимая по два сольдо отъ дамъ, отъ простыхъ женщинъ, отъ рабочихъ, и никто изъ нихъ не зналъ, черезъ какой длинный рядъ знатныхъ поколѣній прошла кровь этого человѣка, такъ почтительно подававшаго имъ билетики. И, глядя на него, я думалъ, сколько людей теряютъ голову отъ потери состоянія, и проникался живой симпатіей и удивленіемъ къ нему, который съ такимъ яснымъ мужествомъ переносилъ свой жребій и зарабатывалъ хлѣбъ честнымъ трудомъ, выказывалъ себя такимъ же благороднымъ по духу, какъ и по крови.

Вернувшись къ намъ, кондукторъ подавъ билетъ граціозной дѣвушкѣ съ непокрытой головой, которая за минуту передъ тѣмъ взошла на площадку съ большимъ узломъ подъ рукой. Она обнаружилла удовольствіе по поводу любезнаго жеста и улыбки, съ которой онъ принялъ отъ нея деньги, слегка поклонившись. Когда кондукторъ опять ушелъ

въ вагонъ, профессоръ спросилъ у дѣвухи:

— Хотите сдѣлаться графиней?

Та посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Ну да, — возразилъ мой другъ; — нужно только влюбить въ себя этого кондуктора, потому что онъ графъ.

Дѣвушка разразилась громкимъ смѣхомъ, затѣмъ, указавъ ногой на корзинку съ провизіей, стоящую на площадкѣ, сказала:

— Графы такъ не завтракаютъ.

Мы подтвердили сказанное, а она все смѣялась, но вдругъ, почему-то начавъ сомнѣваться, слегка покраснѣла, стала разсматривать юношу, стоявшаго въ это время въ вагонѣ, съ живымъ любопытствомъ и мало по-малу сдѣлалась совсѣмъ серьезной, словно къ нему примѣшалась жалость. И можетъ быть, чтобъ скрыть это чувство, она опять начала улыбаться, но тотчасъ опять стала серьезна и произнесла вслухъ задумчивое: «чтожъ!» — которое можно было перевести извѣстной народной пословицей: «На свѣтѣ, какъ на лѣстницѣ: кто поднимается, а кто опускается!»

За недѣлей ливней послѣдовала хорошая погода, а за ней опять установилась тропическая жара и засуха. И хмурымъ видѣ пассажировъ опять, какъ въ первые лѣтніе дни, смѣнился нервнымъ возбужденіемъ, выражавшимся въ спорахъ, разговорахъ; въ болѣе оживленной мимикѣ лицъ, въ смѣломъ ухаживаніи и неожиданномъ пламени, вспыхивавшемъ въ глазахъ.

Въ числѣ самыхъ возбужденныхъ я однажды нашелъ на линіи *Viali* Барлина съ пылающимъ лицомъ и събѣжавшей на сторону фуражкой. Въ то время какъ я входилъ въ конку, онъ громилъ Оттоманскую имперію: извѣстія о пораженіяхъ въ Македоніи наполнили его воинственной ненавистью противъ турокъ, на которыхъ онъ призывалъ разореніе и погильель, показывая кулакъ тому, что онъ называлъ *Востокомъ*. Но, вдругъ, онъ перемѣнилъ разговоръ, и началъ грозить своимъ кулакомъ въ противоположную сторону по направле-

нію къ Швейцаріи и разразился противъ Цюриха, за изгнаніе оттуда итальянскихъ рабочихъ, говоря, что слѣдовало бы послать сто тысячъ человѣкъ съ *альпинцами* во главѣ, противъ этихъ дураковъ, чтобъ выгнать изъ домовъ, построенныхъ нами, нами — повторялъ онъ, ударяя себя рукой въ грудь — нашими священными руками. — Затѣмъ онъ просвѣтлѣлъ, заговоривъ о посылкѣ въ Сицилію правительственнаго комиссара, который, по его мнѣнію, долженъ быть тамъ *полновластнымъ намѣстникомъ и дѣлатъ, что хочетъ*. Но даже и по этому поводу онъ быстро воспламенился. — Съ этимъ безпокойнымъ народомъ, не желающимъ слушать никакихъ доводовъ, ничего нельзя сдѣлать, кромѣ какъ усмирить ихъ желѣзною рукой намѣстника, которая имъ укажетъ ихъ долгъ... — И онъ говорилъ, это, не имѣя ни малѣйшаго представленія о положеніи острова, движимый только атавистическимъ чувствомъ — преклоненіемъ передъ властью, да тѣмъ страннымъ удовольствіемъ, которое ему доставляла мысль о подавленіи какой-нибудь силой другой силы, безъ малѣйшей заботы о правѣ и справедливости. Въ концѣ концовъ онъ сдѣлалъ неожиданное и глубокое заключеніе: «Все на свѣтѣ идетъ вкривъ и вкось — вездѣ страданія и несчастья, а счастливы бываютъ только тѣ, кто отдается любви».

— *Rien que l'amour*, — сказалъ онъ съ улыбкой, которая придавала всему его лицу совсѣмъ новое для меня выраженіе. — Имѣть добрую женушку, которая тебя любить, и вести сладкую жизнь вдвоемъ, вотъ какъ тѣ: всегда неразлучны, живутъ въ любви и согласіи, словно ихъ повѣнчалъ самъ Богъ...

Парочка, на которую онъ указалъ, сидѣла на третьей скамейкѣ отъ насъ. Это были какъ разъ супруги изъ *Сандонатскаго предмѣстья*, которыхъ я не видѣлъ со времени встрѣчи на заставѣ *Казале*.

Ее я могъ хорошо видѣть, потому что она сидѣла немного бокомъ, обернувшись лицомъ назадъ, и любовалась тремя прелестными бѣлокурыми дѣтьми въ бѣлыхъ вышитыхъ платьяхъ; самое

малое дитя сидѣло на рукахъ у нарядной кормилицы. Ея положеніе сдѣлало еще болѣе истощеннымъ и жалкимъ ея лицо, лишенное природой не только женственной миловидности, но и юношеской свѣжести; но на немъ въ эту минуту сіяло то первое чувство материнства, которое заставляетъ видѣть въ каждомъ ребенкѣ брата ожидаемаго существа и вызываетъ любовное сравненіе между нимъ и тѣмъ взлелѣяннымъ образомъ. Эти мысли мелькали въ ея добрыхъ глазахъ, когда она смотрѣла на младшаго изъ трехъ дѣтей, который, въ свою очередь, началъ ей улыбаться. Навѣрнсе, глядя на него, она говорила своему:—Ты не будешь маленькимъ баринномъ, какъ этотъ, потому что твоя мама бѣдна и не можетъ тебя такъ одѣвать, но зато она сама будетъ твоей кормилицей, и ты никогда не заснешь ни у чьей груди, кромѣ ея собственной, и для тебя готовится столько заботы и любви, какъ не бываетъ и у принцевъ. Если ты и не будешь красивымъ и здоровымъ, какъ этотъ, я все такъ же, даже больше буду любить тебя и буду горда и счастлива держать тебя на колѣняхъ, сказать всѣмъ, что ты мое созданіе, и посвятить тебѣ всѣ мои силы и всю мою душу.

Ея взглядъ былъ такъ краснорѣчивъ, что кормилица, можетъ быть, угадавъ ея мысли, подняла немного ребенка и подвинула къ ней; а она, быстро протянувъ къ нему лицо, какъ жаждущій къ источнику, жадно поцѣловала его трижды, какъ могла, въ голову, съ глазами, сверкающими нѣжностью и благодарностью...

Жара увеличивается, солнце раскаляетъ черепа, и мозги начинаютъ кипѣть; кучера съ горящими глазами и висками, покрытыми потомъ, жестикулируютъ въ облакахъ пыли, возбуждая, какъ бедуины, рѣзкими окриками мокрыхъ изнемогающихъ лошадей. На линіи *Ванкиля* разъ я очутился сидящимъ за кучеромъ, который шумно изливалъ свои чувства передъ пріателемъ, стоявшимъ рядомъ съ нимъ. Онъ безпреставно махалъ свободной рукой

въ воздухъ, словно раздавая благословеніе встрѣчнымъ домамъ и деревьямъ. Съ первыхъ же словъ я подмѣтилъ, что онъ былъ разгоряченъ не только жарой, но и водкой, а, прислушавшись къ разговору, узналъ въ немъ того несчастнаго, что раздавилъ ребенка на улицѣ *Вентти Септембре*. Но, однако, возбужденіе его не было веселымъ и душа его, по обыкновенію, была переполнена печалью и горькой жалостью къ его бѣдной дочери, которая все хворала съ того ужаснаго дня и лежала тамъ, распростертая на постели съ расширенными глазами и восковыми руками, которыми она все пыталась взять крючекъ и пожницы, но они падали на одѣяло, а она говорила: «Не могу... не могу больше»...

Пріятель старался его утѣшить, но онъ отрицательно качалъ головой въ отвѣтъ, съ ожесточеніемъ закручивая тормазъ. Шумъ уличнаго локомотива заглушилъ мнѣ на время его слова. Когда я опять ихъ услышалъ, предметъ разговора былъ другой, но онъ говорилъ еще съ большимъ жаромъ. Онъ рассказывалъ, какъ, вернувшись однажды домой, увидѣлъ на ночномъ столикѣ своей большой букетъ цвѣтовъ, коробку рыбы и бутылку марсалы и спросилъ, кто принесъ всѣ эти блага.—*Синьора!*— Нечего было и спрашивать. Но въ другой разъ—еще лучше. Онъ оставилъ свою комнату въ страшномъ беспорядкѣ, какою она была уже въ теченіе нѣсколькихъ дней, и, когда вернулся, увидѣлъ, что все убрано и поставлено на свое мѣсто, однимъ словомъ, комната приняла такой видъ, какой имѣла, когда дѣвочка была на ногахъ: какъ часовня въ праздничный день... Кто жъ это сдѣлалъ? Ужъ, конечно, не дворничиха, показывавшаяся въ дверяхъ утромъ и вечеромъ и затѣмъ убѣганшая, какъ отъ чумы. Такъ это опять она! *Синьора*... Зайдя разъ навѣстить дѣвочку, она окинула взоромъ и сказала:—*Э!* Я не хочу, чтобъ моя больная лежала въ этомъ сумасшедшемъ вертепѣ!—И тотчасъ, даже не снимая шляпы, она привела все въ порядокъ.—Повидаешь ли, она, собственными руками! Не переставая съ

ней говорить и смѣяться, какъ сестра, чтобъ ей было весело. А уходя, уже на порогѣ, она сказала ей:— Не забудь же сказать отцу, чтобъ онъ не пилъ!

Тутъ кучеръ засмѣялся и затѣмъ, сдѣлавшись очень серьезнымъ, съ чувствомъ воскликнулъ:— Ахъ, одна единственная, и нѣтъ другой такой, и не можетъ быть такой... святая!

И такъ какъ пріятель его, улыбаясь, жестомъ старался сдерживать его, то онъ горячился еще больше и, какъ бы раздраженный противорѣчіемъ, ударялъ кулакомъ о парапетъ:— Да, да, святая! Ангелъ, Мадонна душой и тѣломъ; я буду кричать это всему Турину, понимаешь!— Новая попытка пріятеля успокоить его еще усилила экстазъ его благодарности, и онъ продолжалъ:— Да! за эту женщину я готовъ умереть, пусть меня замучатъ, растеразуютъ на куски, сожгутъ живьемъ!.. О, что за радость, любовь и благословеніе, — такая святая женская душа!— И онъ чмокнулъ свою руку и прибавилъ рядъ новыхъ нѣжнѣйшихъ эпитетовъ.

Выйдя изъ конки, я еще разъ обернулся и увидѣлъ, что онъ продолжалъ говорить возбужденно, съ лицомъ выставленнымъ впередъ, очевидно призывая образъ Кихотины, трясая головой при каждомъ словѣ и размахивая кнутомъ на право и на лѣво, словно затѣмъ, чтобъ дать свободный исходъ своей страсти,

Да, всѣ раздражены, но больше всѣхъ тѣ несносные дерзкіе преслѣдователи кондукторовъ, которые считаютъ виновниками жары, пыли и другихъ неудобствъ лѣтняго сезона этотъ беззащитный классъ людей. Одни ворчатъ на кучера за то, что тридцать два градуса въ тѣни, другіе препираются съ кондукторомъ за то, что *муничиніо* *) не достаточно поливаетъ улицы, и находятъ даже такіе, что требуютъ отъ контролера, чтобы онъ распорядился ѣхать скорѣе, потому что при такой ѣздѣ, — чортъ ее возьми!— нѣтъ никакого движенія воздуха въ вагонѣ. Но разъ въ последнее июльское воскресеніе, по *Корсо*

Королевы Маргариты я былъ свидѣтелемъ и достойнаго возмездія. Разразившись громомъ изъ-за какого-то пустяка, одинъ изъ этихъ ворчуновъ, воскликнулъ, выходя изъ вагона:— Сейчас же иду жаловаться въ управление!

— Управление— вотъ, — предупредительно сказалъ рабочій, стоявшій рядомъ со мной и указалъ ему управление Бельгійскаго общества, находившееся дѣйствительно какъ разъ противъ нашей жардиньеры. Тотъ, считавшій, что оно, Богъ знаетъ, гдѣ, и не имѣвшій ни малѣйшаго желанія туда отправляться, сердито взглянулъ на надпись на фасадѣ дома и послѣ минутнаго колебанія представившаго комичный контрастъ съ его прежней рѣшительностью, направился въ противоположную сторону... съ лицомъ того стараго волокиты Жоанъ Томмегау, который, когда женщина готова уступить его ухаживаніямъ, беретъ шляпу и поспѣшно ретируется, бормоча безсвязное объясненіе своего бѣгства.

— Могъ бы, по крайней мѣрѣ поблагодарить меня за указаніе, — спокойно и безъ улыбки замѣтилъ рабочій.

Это былъ тотъ жестяникъ, социалистическій «проповѣдникъ» -- «легалістъ», ѣхавшій въ предмѣстье на рабочее собраніе съ своей записной тетрадю подъ мышкой, переполненной выдержками изъ газетъ и замѣтками. Съ нимъ былъ его товарищъ, такой же призмистый и серьезный, какъ онъ самъ, кузнецъ, лѣтъ около шестидесяти, его преданный другъ и почитатель, обыкновенно сопровождавшій его въ такихъ поѣздкахъ. Этотъ послѣдній, котораго я встрѣчалъ уже раньше, былъ любопытнѣйшій субъектъ: онъ сдѣлался социалистомъ не по собственнымъ убѣжденіямъ, а по безавѣртной вѣрѣ въ убѣжденія своего товарища, безостановочное и быстрое развитіе котораго казалось ему чудомъ и служило лучшимъ доказательствомъ истинности принятаго ученія. Жестяникъ въ самомъ дѣлѣ безостановочно прогрессировалъ. Я могъ убѣдиться съ первыхъ словъ, что даже въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, когда мы не видались, умственный кругозоръ его расширился и обогатился, а рѣчь сдѣ-

*) Городская дума.

лалась болѣе свободной и точной. Я былъ положительно удивленъ, услышавъ его разсужденіе о недавнихъ общихъ выборахъ въ Бельгіи, которые онъ сравнивалъ съ выборами предшествующихъ лѣтъ, объясняя почти совершенное уничтоженіе либеральной партіи и одобрялъ союзъ социалистовъ съ радикалами, заключенный первыми безъ какихъ бы то ни было уступокъ, угрожающихъ ихъ независимости, и заключилъ тѣмъ, что даже въ случаѣ равнаго числа голосовъ всѣхъ партій, побѣда останется не за клерикалами, а за социалистами. Но, какъ человекъ практической, онъ ѣхалъ говорить своимъ слушателямъ не на эту тему. Онъ ѣхалъ убѣждать ихъ въ необходимости кооперативной ассоціаціи—доводами, взятыми изъ ихъ собственныхъ практическихъ нуждъ и интересовъ, которые онъ зналъ въ совершенствѣ, какъ зналъ нужды и положеніе всякаго предмѣстья или деревни—куда его приглашали. И въ то время, когда онъ, поминутно отклоняясь, чтобъ пропускать входящихъ и выходящихъ пассажировъ, разсказывалъ мнѣ планъ предстоящаго собранія съ той особенной, свойственной ему, простотой и скромностью въ выраженіяхъ и въ интонаціяхъ голоса, которая обладала чудесною способностью подавлять въ его товарищахъ всякую ревность къ его авторитету и зависти къ его интеллектуальному превосходству,—я наблюдалъ его стараго пріятеля, всецѣло поглощеннаго вниманіемъ къ его словамъ. Онъ поглядывалъ то на меня, то на него съ симпатіей друга и съ гордостью коллеги; что-то отеческое и вмѣстѣ приниженное было въ этихъ взглядахъ, тѣмъ болѣе трогательное, чѣмъ яснѣе становилось, что умъ его, отупѣвшій въ бездѣйствіи, слишкомъ поздно открылся свѣту новыхъ идей, отъ котораго онъ уловилъ едва смутное мерцаніе. Побуждаемый любопытствомъ, я и его вовлекъ въ разговоръ, въ который онъ вошелъ охотно, съ живостью, меня поразившей, причемъ сразу же началъ съ доказательствъ странными неопредѣленными фразами, заинтересовавшими мое вниманіе. Я распозналъ въ немъ случай, отмѣченный Де-

Вогюе, когда доктрина, рожденная избранною мыслью, распространяясь среди людей простыхъ и необразованныхъ, искажается или лучше сказать упрощается и кристаллизуется въ одномъ какомъ нибудь узко ограниченномъ, устойчивомъ тезисѣ почти раносильномъ врожденному инстинкту. Въ словахъ его я узналъ доктрину Ревана, его «Будущности науки», сведенную къ одной простѣйшей идее: что благодаря развитію науки вообще и механики въ частности, человекъ когда-нибудь дойдетъ до такого положенія, когда сможетъ получать все необходимое для себя съ самой небольшою затратой труда; что всѣ несчастія, несправедливости и всякая борьба исчезнутъ тогда сами собой, какъ буря съ прекращеніемъ вѣтра. Какими только путями вошла въ его голову, можетъ быть подобно лучу проникшему въ гротъ, эта идея, въ которую онъ непоколебимо вѣрилъ и которая служила ему темой всѣхъ его рѣчей и источникомъ сотни другихъ отрывочныхъ идей, не нашедшихъ своего выраженія въ словѣ! И я едва уловилъ основную нить этой главной его идеи, когда онъ сдѣлалъ рѣзкій переходъ, заговорилъ о будущихъ электрическихъ трамваяхъ, и, перескочивъ воображеніемъ черезъ много лѣтъ, сталъ оживленно, но туманными чертами изображать будущій городъ, не замѣчая снисходительной улыбки на устахъ своего товарища. Онъ представлялъ себѣ улицы, испещренныя всевозможными автомобилями, перевозящими мальчиговъ въ школу, рабочихъ на фабрику и женщинъ на рынокъ, передачу на лету самыхъ большихъ тяжестей, громадное экономическое сбереженіе силъ, времени, энергіи и труда,—и все это будетъ происходить «съ быстротою молніи». И онъ дѣлалъ рукой жестъ, показывающій, какъ предметъ появляется и мгновенно исчезаетъ. Онъ былъ возбужденъ этимъ видѣніемъ даже тогда, когда сошелъ съ конки на площади *Виктора Эмануила*, чтобы сѣсть съ товарищемъ на паракордъ, и продолжалъ дѣлать тотъ же жестъ: «съ быстротою молніи»,—резюмирующій его доктрину и его надежду.

Здѣсь, среди послѣднихъ июльскихъ замѣтокъ, нахожу нѣсколько строкъ, напминающихъ мнѣ одинъ удушливый вечеръ. Вагонъ бѣжалъ подъ неподвижными словно застывшими деревьями; пассажиры съ лицами, обливавшимися потомъ, обмахивались шляпами; въ домахъ, по обѣимъ сторонамъ улицы, въ окнахъ и на террасахъ вездѣ выглядывали люди съ запрокинутыми головами и открытыми ртами, какъ бы кричавшими:— Воздуху! Воздуху!

— Да: — воздуху! — взывалъ и я, съ жаждою вдыхая маленькую струю прохлады, долетавшую ко мнѣ отъ моей сосѣдки, обмахивавшейся вѣеромъ. Но когда я пробѣжалъ по народнымъ кварталамъ, гдѣ тысячи босовогихъ ребятишекъ, валялись на землѣ и копошились въ канавахъ, среди грязи и мусора, съ руками и ногами, грязными до локтей и колѣнъ, и въ рубашенкахъ, таскаемыхъ цѣлую недѣлю и по цвѣту сравнявшихся съ пылью, — съ устъ моихъ готово было сорваться иное восклицаніе. Воздухъ, — хорошо. Ну, а вода? И мнѣ пріятно было воображать себѣ большую подвижную ванну, которая катилась бы по рельсамъ вдоль этихъ канавъ и мостовыхъ и обмывала бы этихъ маленькихъ несчастныхъ замарашекъ, которые послѣ этого возвращались бы къ своимъ играмъ болѣе рѣзвыми, здоровыми и добрыми...

Сколько несчастій, непріятностей и зараженій порождаетъ эта грязь! И кто въ ней виноватъ? Отчасти, конечно, виновата небрежность, но гораздо больше нищета и невѣжество, недостатокъ времени, мѣста и необходимыхъ удобствъ и протекающее отсюда отсутствіе собственного достоинства и самолюбія. Единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ можетъ служить теорія стараго кузнеца... И, такъ или иначе, нужно ее осуществить, если не желать разстаться съ надеждой! Но въ то время, когда я признаю мысленно эти слова, мнѣ бросается въ глаза дрожащая рука кондуктора зажигающаго въ конкѣ огонь и за тѣмъ его болное растроенное лицо, кажущееся мнѣ знакомымъ. Да, это онъ, въ самомъ дѣлѣ: несчастный кондукторъ, до полусмерти избитый незнакомыми пас-

сажирями, противъ которыхъ управленіе возбудило процессъ; онъ все также боится мести съ наступленіемъ ночи. И я представляю себѣ эту дикую сцену и тѣхъ незнакомцевъ, что безъ всякаго вызова, движимые только злобнымъ инстинктомъ, подвергли смертельной опасности и сдѣлали, можетъ быть, на всегда, больнымъ и несчастнымъ честнаго человѣка. И возвращаясь къ своему идеалу побѣды надъ нищетою и невѣжествомъ, я спрашиваю себя:

— А человѣческая злоба будетъ ли когда-нибудь побѣждена?

И этотъ вопросъ, на который я не смѣю дать отвѣта, дѣлаетъ меня задумчивымъ и печальнымъ. Но—только на мгновеніе. Мнѣ приходитъ на мысль рабочій—жестяникъ, и добрый столяръ въ пиджакѣ изъ полинялаго бархата, и много другихъ, которые двигаются впередъ, разливаютъ въ народъ идеи и чувства справедливости, братства, состраданія къ слабымъ и отвращенія къ насилию, которые воспитываютъ въ немъ интеллектуальныя стремленія, классовое достоинство и вѣру въ силу идеи и прогресса—и мои надежды опять загораются, одна за другой, какъ рядъ фонарей, мелькающихъ вдоль улицы.

ГЛАВА VIII.

Августъ.

О вы, старые нувеллисты, съ любовью отыскивавшіе и описывавшіе юмористически «грубый простой народъ и новые порядки», сколько сокровищъ вы нашли бы себѣ въ конкѣ, еслибъ ее избрѣли пять вѣковъ тому назадъ!

Тутъ встрѣчаются совершающіе свое свадебное путешествіе деревенскіе новобрачные, которые, дѣлая трижды круговой объѣздъ по аллеямъ (около 12 миль), воображаютъ, что ѣдутъ каждый разъ по новой дорогѣ и, наконецъ, мучимые голодомъ, слѣзаютъ, ошеломленные «громадностью» этого Турина, неимѣющаго предѣловъ. Или удивленные горцы, которые, пріѣхавъ, на заставу, садятся въ отѣзжающій вагонъ, думая, что продолжаютъ путь, а возвращаются

*

другой дорогой на то же мѣсто и удивленно смотрятъ другъ на друга, точно упавшие съ неба. Или бѣдные поселяне, которые заснувши въ вагонѣ, пробуждаются малю спустя отъ того мѣста, гдѣ должны были сойти, и злятся на кучера, который долженъ бы ихъ разбудить или по крайней мѣрѣ «кричать станціи», какъ на желѣзной дорогѣ. Но еще забавнѣе и претенціознѣе бываютъ женщины. Я видѣлъ одну кормилицу, которая, не найдя себѣ мѣста, гдѣ бы сѣсть, не хотѣла заплатить больше одного солдо и говорила, что одно солдо вполне хорошая плата за то, чтобы стоять, и что должны «прицѣпить другой вагонъ». А то, однажды двѣ крестьянки, входя въ вагонъ, предупредили кучера, чтобы онъ оставился передъ домомъ господъ Гаре и Чимусса, совершенно неизвѣстныхъ, словно рѣчь шла объ останковѣхъ передъ королевскимъ дворцомъ. А одна молоденькая альпійка, сходя съ большимъ узломъ, у *Порто Полаццо*, попросила кондуктора подождать, потому что она сейчасъ вернется—только занесетъ вещи къ своей родственницѣ—и очень разсердилась на смѣхъ пассажировъ, назвавъ ихъ невѣжами. Нѣтъ обсерваторіи лучше конки для того, чтобы видѣть, сколько еще наивнаго невѣжества бредитъ по міру, и чтобы понять, почему такъ легко искусство обманывать ближняго. Попадаются, дѣйствительно, новички въ Туринѣ, робкіе и суетливые, которые ища свой вагонъ на скрещиваньи линій, пристають съ просьбами къ проѣзжающимъ кучерамъ, не понимаятъ ихъ торопливыхъ отвѣтовъ, бѣгутъ за вагономъ, останавливаются, бѣгутъ за другимъ, и опять останавливаются, вскакиваютъ въ третій—опять не въ тотъ и, наконецъ, сходятъ, возмущенные и выбившіеся изъ силъ, проклиная всю эту сутолоку и всеобщую адскую спѣшку, гдѣ бѣдный, порядочный человѣкъ напрасно теряетъ время и голову.

О бѣдные люди, надъ которыми смѣется міръ, бѣдняги, растеряшіеся въ большомъ городѣ! Какую жалость внушаете вы тому, кто подъ вашей суетой угадалъ вашу тревожную мысль

о тягбѣ, призвавшей васъ въ *зломучныя городскія стѣны*, или о женѣ, ожидающей въ больницѣ, или о сынѣ, котораго собираетесь навѣстити въ тюрьмѣ, или о работѣ, которой напрасно ищете, или о зажиточномъ родственникѣ—последнемъ вашемъ прибѣжищѣ,—который захлопнетъ передъ вами дверь!

Августъ начинался весело—открытіемъ новаго назначенія конки, о которомъ я никогда и не помышлялъ. Свернувъ съ *Корсо Валентино* въ улицу *Нинна*, я вошелъ въ жардиньеру, всѣ скамейки которой, кромѣ послѣдней, были заняты свадебнымъ поѣздомъ. На первой сидѣли женихъ и невеста—бѣлокурая и вся въ бѣломъ, съ цвѣтами и длинной фатой, на другихъ штукъ двадцать родственниковъ и друзей: толстая женщины въ шелковыхъ платьяхъ и напомаженные мужчины съ цвѣтками въ петлицахъ, старикъ въ старомодномъ цилиндрѣ, деревенскій священникъ и нѣсколько щегольски одѣтыхъ дѣвушечъ и дѣтей. Видно было, что они двигались такимъ способомъ въ *Муничитіо* не изъ экономіи, а по фантазіи, ради оригинальности, чтобы показать передъ всѣми свою веселость. Всѣ въ самомъ дѣлѣ были очень веселы, какъ будто уже поженили одну парочку въ это утро, сдѣлавъ приличное случаю воззваніе. Женщины болтали, мужчины пріятно улыбались при мысли о трехчасовомъ обѣдѣ, старики сидѣли съ важнымъ видомъ, а дѣвушки были взволнованы. Даже кучеръ и кондукторъ, заговаривавшіе то съ однимъ, то съ другимъ, разились этой веселостью. Рѣзко выдѣлявшаяся близина невесты подъ фатой замѣчалась издали, толпа высыпала на мостовую, женщины выбѣгали изъ лавочекъ, мальчишки подбѣгали къ конкѣ, встрѣчные ломовики и извозчики улыбались и отпускали шутки и поздравленія.

— Ишь какая красивая блондинка!

— Наилучшія пожеланія! Здоровья и дѣтокъ!

Кучера встрѣчныхъ конокъ поздравляли своего коллегу—возницу свадебнаго поѣзда, подмигивая глазами и высовывая языкъ, развеселившіеся пасса-

жиры съ любопытствомъ оборачивались, чтобъ смотрѣть на всѣхъ выѣсть. А свадебная компанія, возбужденная общимъ удивленіемъ, говорила и смѣялась громче, жестикулировала живѣе и поощряла окриками лошадей, которыя неслись уже галопомъ подѣ удвоенные свистки кучеровъ, такъ что фата невѣсты развѣвалась, поминутно сверкая въ лучахъ солнца, прорывающагося чрезъ боковыя ушицы, какъ знамя съ триумфальной колесницы. И мнѣ наша жардиньера казалась, въ самомъ дѣлѣ, свадебною колесницей, посланной какимъ-нибудь матримоніальнымъ агентствомъ или обществомъ супружеской пропаганды, нѣсколько масляничаго характера, но все же милой и симпатичной. И кто знаетъ? Можетъ быть, это и есть прообразъ свадебнаго поѣзда въ какомъ-нибудь 2000-омъ году, когда все будетъ въ общественномъ пользованіи и дочерей министровъ будутъ вѣнчать съ одинаковою пышностью, какъ и дочерей простыхъ привратниковъ...

Нѣсколько дней спустя (помню, какъ разъ въ день смерти «Реформы») въ шестидесятый разъ въ теченіе лѣта наступило ненастье, а съ нимъ опять — закрытые вагоны, въ одномъ изъ которыхъ я разъ, въ одно послѣ-обѣда, на линіи *Заставы Казале* очутился сидящимъ противъ медицинской студентки. Она окружена была разными дамами и дѣвцами, безмолвно созерцавшими ее при общемъ молчаніи. Я замѣтилъ, что на тѣхъ, которые, повидимому, ее раньше не встрѣчали, она производила тоже впечатлѣніе, что и на меня въ первый разъ. Но на этомъ блѣдномъ неподвижномъ лицѣ, идеальной дѣвственной чистоты, я замѣтилъ теперь нѣчто необычное, словно слѣдъ какой-то новой и живой мысли, проглядывающей то въ глазахъ, то въ складкахъ лба, то въ выраженіи губъ, какъ тѣнь, мелькающая на спокойной и гладкой поверхности воды. Однако, ея небесные глаза смотрѣли на окружающихъ съ прежнимъ смутнымъ выраженіемъ человека, глядящаго вдаль на предметы, о которыхъ онъ не ду-

маеть, и ея неопредѣленный, съ легкимъ изгибомъ, ротъ сохранялъ все то же выраженіе дѣтскихъ устъ, не вѣдающихъ страстнаго поцѣлѣя. Она разсѣянно гладила рукой кончикъ ленты отъ шляпы, спустившейся къ ней на грудь, и я видѣлъ, что многіе внимательно разсматривали эту длинную удивительной бѣлизны, почти прозрачную руку, которая, казалось, должна была бы расствориться отъ одного любовнаго пожатія. И это была рука, оцупывавшая черепа и снимавшая кожу съ отрѣзанныхъ членовъ на анатомическомъ столѣ и обгагрившаяся кровью при вытаскиваньи мускуловъ и нервовъ изъ зараженнаго мяса обезображенныхъ труповъ. И, однако, это представленіе не вызывало въ моей душѣ ни малѣйшаго отвращенія, какъ будто никакаа грязь не могла положить на ней пятна, не могла пристать къ этимъ чистымъ дѣвственнымъ пальцамъ, какъ, на мой взглядъ, никакая грубость не могла изъ міра проникнуть въ ея душу.

Съ этою мыслью я наблюдалъ за движеніемъ этихъ пальцевъ, казавшихся мнѣ лепестками лиліи, колеблемыми вѣтромъ; какъ вдругъ вагонъ остановился по знаку дѣвушки, стоявшей у воротъ дома: стройной и хорошо сложенной брюнетки въ ярко красной шляпѣ, отдѣланной тремя бьющими въ глаза пѣтушиными перьями. Она поспѣшно вошла въ вагонъ и сѣла на единственное свободное мѣсто рядомъ со студенткой. Ахъ, какая неосторожность! Вотъ новая опасность, прежде неизвѣстная, которой подвергаются такія грѣшницы въ конкахъ. Если бы вышла оттуда, гдѣ она была, эта несчастная отправилась пѣшкомъ, то хотя у нѣсколькихъ прохожихъ и промелькнула бы та же мысль, что теперь у насъ всѣхъ, но подѣ этими бѣглыми разрозненными взглядами она не чувствовала себя на выставкѣ, какъ здѣсь въ вагонѣ, гдѣ сразу очутилась подѣ градомъ инквизиторскихъ взоровъ, выражавшихъ сначала одно и то же подозрѣніе, затѣмъ увѣренность. Очевидно, она была новичкомъ, потому что смутилась подѣ первымъ задкомъ взглядовъ и старалась замаскировать свое

смущеніе, то отворачиваясь къ улицѣ, то читая объявленія или смотря на вѣбрь, то дѣлая видъ, что ищетъ что-то въ карманѣ. Но все это было напрасно, потому что она дышала съ такимъ трудомъ, какъ будто прошла сейчасъ не пять шаговъ, а длинный путь, наконецъ, еслибъ не выдавало ее дыханіе, то обнаружили бы влажные зрачки, пылающія щеки и дрожащія губы. Нашлись деликатные люди, почувствовавшіе неудобство и жестокость такого общаго созерцанія и терзанія ея. Но любопытство имѣетъ большую власть, чѣмъ деликатность и приличіе, а потому взгляды продолжали преслѣдовать ее, обнаруживая нечистую работу фантазіи, и кончилось тѣмъ, что выраженіе стыда смѣнилось на ея лицѣ гнѣвнымъ, и наконецъ, смѣлымъ и вызывающимъ, съ явнымъ намѣреніемъ прошептать сквозь зубы:

— Ну, да! Такъ что же изъ этого? А вы стадо негодяевъ и нахаловъ!—и желаніемъ дать всѣмъ пощечину.

Одна только студентка дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ни ея, ни общаго созерцанія, какъ будто никто и не входилъ въ вагонъ. Ни малѣйшей тѣни, кромѣ ея прежней мысли, не замѣчалось на ея лицѣ. И никогда я не понималъ и не чувствовалъ такъ ярко, какъ при сравненіи двухъ этихъ лицъ, безконечнаго превосходства очарованія, производимаго душой надъ силой, возбуждающей наши чувства. Та первая, по сравненію со второй, представлялась въ новомъ свѣтѣ красоты, граціи и достоинства и казалась существомъ, принадлежащимъ къ высшей расѣ, къ челу котораго можно коснуться поцѣлуемъ, спрятавъ за спиной руки.

Нѣсколько дней прошло безъ единой встрѣчи съ моими персонажами, но не напрасно, потому что изъ трехъ происшедшихъ случаевъ я извлекъ три правяла поведенія для коночныхъ пассажировъ, польза которыхъ неоспорима.

Первое предназначаю для молодыхъ. «Стоя въ жардиньерѣ съ пріятелемъ никогда не выражать своихъ сужденій о красотѣ пассажировъ, сидящихъ на переднихъ скамейкахъ, потому что ря-

домъ съ вами можетъ оказаться нѣкто, кому это не понравится». Примѣръ.

Юноша: — Посмотри, какая шея у этой маленькой женщины,—первая нагльво, на третьей скамейкѣ съ завитками на затылкѣ! Вотъ шея! Я обвилъ бы ее ожерельемъ изъ поцѣлуевъ!

Господинъ рядомъ (сухо):—Это моя жена, замѣтьте.

Другой совѣтъ—для дамъ. «Стоя въ конкѣ, никогда на принимать выраженія восхищенія не свой счетъ, если на площади есть памятникъ». Примѣръ. Въ вагонъ входитъ барышня и останавливается въ переднихъ дверяхъ какъ разъ передъ иностранцемъ, смотрѣвшимъ въ это время на памятникъ *Фрейюса* и говорившимъ своему спутнику:—Смотри, какой красивый ангелъ!—Барышня по-красивѣла. Товарищъ отвѣтилъ:—Онъ сдѣланъ скульпторомъ Табакки, отлить въ здѣшнемъ арсеналѣ... И барышня должна была покраснѣть до корней волосъ.

Третій совѣтъ можетъ относиться къ каждому: «Не брать съ комода въ карманъ мелкихъ денегъ безъ тщательной провѣрки». Я сдѣлалъ этотъ промахъ и, по несчастію, попалъ съ другими пассажирами въ вагонъ съ бородастымъ, дурно настроеннымъ кондукторомъ, имѣвшимъ видъ и манеры королевскаго прокурора. Онъ возвратилъ мнѣ данный мною двойной сольдо со словами:—Аргентинскій. — Онъ возвратилъ мнѣ и второй съ суровымъ взглядомъ. И этотъ то же аргентинскій. Онъ возвратилъ мнѣ и третій, оглядывая меня съ головы до ногъ и говоря мнѣ: А это греческій. А четвертый оказался румынскимъ, пятый — итальянскимъ, вышедшимъ изъ употребленія. Всѣ на меня смотрѣли, и никто не могъ подумать, что коллекція эта очутилась въ моемъ карманѣ по чистѣйшей случайности. Я покраснѣлъ, какъ ракъ; моя репутация была непоправимо подорвана. Ахъ, еслибъ тутъ былъ мой Гюйо, вотъ бы онъ торжествовалъ!

Бѣдный Гюйо! Онъ долженъ былъ провести отвратительную четверть часа въ вагонѣ, когда я былъ дѣйствительно

жестокъ. Но въ концѣ концовъ, вѣдь онъ же самъ виноватъ: нужно было лучше отправиться пѣшкомъ, и не прелъщаться единственнымъ оставшимся свободнымъ мѣстомъ, между мной и молодымъ человѣкомъ въ охотничьемъ костюмѣ, который держалъ въ рукахъ развернутый *Grido del popolo* (*Волъ народа*).

Онъ бросилъ взглядъ на меня, по томъ на газету, и отшатнулся, вдругъ съезжившись, словно охваченный внезапной дрожью и стараясь избѣгать нашихъ прикосновеній. Это и былъ жестъ, подстрекнувшій мои жестокіе инстинкты. Изъ мести я, чтобъ удвоить его муку, вытащилъ изъ кармана и, въ свою очередь, развернулъ *Lotta di classe* (*Борьба классовъ*). Я почувствовалъ, что онъ задрожалъ, какъ человѣкъ, къ вискамъ котораго приставили пару пистолетовъ. О, я былъ беспощаденъ! Но не надолго. Мысль болѣе возвышенная заняла мой умъ. Я подумалъ, что глупо удивляться медленному развитію въ мѣрѣ даже и самыхъ великихъ и благодѣтельныхъ идей, и доказательство тому, вполне очевидное, было у меня передъ глазами. Это былъ человѣкъ, который, можетъ быть, во всю свою жизнь не прочелъ ни одной газеты, ни одной книги и не захотѣлъ слушать никакихъ преній объ идеалѣ, человѣкъ, способный пройти черезъ все великое соціальное движеніе съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами. храня въ себѣ неприкосновенными, какъ догматы вѣры, бессмысленные предразсудки и предубѣжденія противъ новаго ученія и тѣхъ, кто его держится, позаимствовавъ ихъ гдѣ-нибудь случайно и безъ малѣйшей провѣрки. Онъ едва ли бы могъ,—да никогда и не пытался,—понять, не имѣютъ ли эти слова: «*борьба классовъ*» еще иного значенія, кромѣ того, которое ему приходилось слышать. Онъ отвѣтилъ бы улыбой сожалѣнія, если бы ему сказали, что она была правдой во всѣ времена и исторической необходимостью, фактомъ, существующимъ не потому, что онъ желателенъ, а потому, что онъ неизбежно долженъ существовать, какъ неизбежно должны рѣки вливаться въ

море и пары подниматься къ небу; что и своими настоящими правами гражданина онъ обязанъ все той же борьбѣ классовъ, которую онъ оспариваетъ всѣми находящимися въ его распоряженіи мыслями, чувствами и поступками! Бѣдный Гюйо! Развѣ тутъ его вина? Онъ вѣрилъ чистосердечно; онъ, въ самомъ дѣлѣ, испытывалъ въ глубинѣ души ужасъ, протягивая руку для покупки билета съ величайшею осторожностью, чтобъ не коснуться этихъ двухъ зараженныхъ листовъ, проповѣдующихъ, какъ онъ думалъ, гибель и адъ! Зачѣмъ злостововать противъ него? Вѣдь ненавидя насъ, онъ воображаетъ, что ненавидитъ порокъ и преступленіе! И думая это, охваченный жалостью, я сложилъ газету и спряталъ въ карманъ. Въ это время молодой человѣкъ вышелъ, а Гюйо тотчасъ занялъ его мѣсто, чтобъ отодвинуться отъ меня, и испустилъ вздохъ облегченія, какъ снятый съ креста.—Однимъ разбойникомъ было около него меньше.

Послѣ этого утра въ теченіе трехъ дней я замѣчалъ въ концѣ вліяніе Венеры. Какъ случается иногда на прогулкахъ, что, начиная съ выхода вилотъ до возвращенія домой попадаютъ на глаза одни любовныя сценки, какъ будто на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ любви; такъ бываетъ иногда и въ конюшнхъ пѣздкахъ, гдѣ эта богиня плутовка, размножающая народы и дурачащая сильныхъ міра, искушаетъ и насъ однимъ и тѣмъ же зрѣлищемъ. Въ первый разъ мы были въ концѣ *Корсо-Казале*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходится ѣхать въ тѣни громадныхъ вязовъ, тянувшихся двумя рядами вдоль берега, и откуда, между ихъ толстыми стволами, какъ между колоннами виднѣется сверкающая рѣка *По*, испещренная лодками рыбаковъ. Тамъ и самъ! на скамейкахъ жардиньеры сидѣли: солдатъ, старый арнакрашенный господинъ, два музыканта съ трубами на колѣняхъ и крестьянка съ кроликомъ на рукахъ, а посрединѣ дѣвушка и молодой человѣкъ, которыхъ я по первымъ же жестамъ призналъ глухонѣмыми, погруженными въ любов-

ное объясненіе. Безъ сомнѣнія, любовное. Объ этомъ говорили томные глаза и пылающія щеки молодой дѣвушки,— по виду, она была какой-нибудь мастерицей, лицо имѣла широкое, поражавшее своимъ дѣтскимъ выраженіемъ и странной улыбкой (страдальческой, но симпатичной) и хорошую фигуру. Зрѣлище было для меня совершенно новое, и я могъ наблюдать его съ полнымъ удобствомъ. Мнѣ случалось иногда видѣть эту таинственную мимику магнетизеровъ и кабалистовъ, эти смутные жесты рисующаго въ пустомъ пространствѣ, или выгоняющаго бабочекъ и играющаго на невидимой клавиатурѣ, но я не могъ себѣ представить того колорита и оригинальной модуляціи придаваемыхъ этому языку страстью. Въ жестахъ ея, главнымъ образомъ, было что-то въ высшей степени обаятельное и нѣжное, а также и въ неожиданныхъ быстрыхъ движеніяхъ нѣчто непередаваемое словомъ, что, казалось, соответствовало томному замиранію голоса и нѣжнымъ серебристымъ нотамъ, невольнымъ вырывающимся изъ растроганной груди говорящей дѣвушки. Рука ея то приостанавливалась въ воздухѣ, то чертила изящныя фигуры, то падала на колѣни въ сладкой истомѣ или съ прихотливой живостью. И ея взглядъ, въ то время, когда жестикулировалъ юноша, вмѣсто того, чтобъ устремляться на его лицо, сопровождалъ его движенія, словно, она видѣла его глаза въ его рукахъ; и во взглядѣ этомъ было столько подвижности, жизни и блеска, что передавались всѣ движенія души. Этотъ разговоръ при помощи пальцевъ и зрачковъ привлекалъ меня и я думалъ объ этой странной любви, не знавшей шопота нѣжныхъ словъ, обреченной на молчаніе въ тѣ мгновенья, когда страсть ищетъ выраженія въ самыхъ пылкихъ словахъ и самыхъ нѣжныхъ названіяхъ, и лишенной обмѣна мыслей во время объятій, о любви, для которой всѣ нѣжные эпитеты передаются только двумя взволнованными руками, не сопровождаясь музыкой и трепетомъ голоса. Мимика юноши, между тѣмъ, становилась болѣе ускоренной, словно онъ хотѣлъ восполь-

зоваться временемъ передъ предстоящей разлукой. Она же дѣлала только рѣдкіе медленные жесты, почти одни и тѣ же, какъ бы повторяя одну и ту же фразу или слово, сопровождая его постоянной улыбкой, нервнительной и мягкой. Было ли это отрицаніе? Или обмѣнаніе, или выраженіе сомнѣнія? Оба были возбуждены, но, не смотря на устремленные на нихъ взоры, не обнаруживали ни малѣйшаго признака смущенія или робости, какъ будто присутствующіе казались имъ людьми изъ другого міра, съ которыми у нихъ не могло быть никакого обмѣна чувствъ и взглядовъ,— не больше, какъ призраками, тѣнями, чѣмъ они и были для нихъ въ дѣйствительности, людьми, отъ которыхъ ни одно слово не могло проникнуть въ ихъ души, словно чрезъ громадное раздѣляющее ихъ разстояніе.

Затѣмъ они «замолчали», оба одновременно, и она повернулась, чтобъ посмотреть сначала на маленькой водопадъ По, паденія котораго она не слышала, затѣмъ на береговые вязы, съ птичками въ вершинахъ, пѣнія которыхъ она не видѣла, и на трубы музыкантовъ, казавшіяся ей такимъ же таинственнымъ инструментомъ, какъ дикарю электрической аппаратъ. Когда конка входила на площадь *Виктора Эммануила* между ними опять возобновился торопливый разговоръ, при чемъ онъ, казалось, въ чемъ-то горячо убѣждалъ ее, а она ему возражала. Затѣмъ на углу улицы *По* она остановила вагонъ, пожала ему руку и сошла, а онъ, подвинувшись на край скамьи, сталъ смотрѣть ей въ слѣдъ, пока она не исчезла, съ странной улыбкой нѣжнаго и любовнаго любопытства. Кондукторъ, стоявшій рядомъ на подвожкѣ, сдѣлалъ знакъ и подмигнулъ ему, какъ бы желая сказать:—Твоя, не бось, красавица, а?—И къ величайшему своему, да и моему, удивленію, услышалъ отвѣтъ, произнесенный чистымъ звучнымъ голосомъ, съ чувствомъ состраданія и почтенія:—Бѣдная дѣвушка!

Она одна была нѣмая.

Amour toujours! какъ говорить пѣсенка. Это былъ хорошій случай (и

говорять не рѣдкій) любовнаго преслѣдованія.

На *Корсо Виктора Эммануила* красивая дама повелительнымъ «стой!» остановила конку, порывисто вошла въ вагонъ и сѣла съ сердитымъ видомъ. Едва конка тронулась, какъ на заднюю площадку вскакиваетъ господинъ въ шляпѣ альпиниста и съ моноклемъ въ глазу и стоитъ какъ столбъ, устремивъ взоръ на красавицу, отъ которой его раздѣляютъ шесть лавокъ. На одномъ изъ перекрестковъ освобождается одно мѣсто, какъ разъ за нею, и онъ поспѣшно, съ неустрашимымъ лицомъ, пробирается по подножкѣ и садится за ея спиною, которая чувствуетъ это, не оборачиваясь, и вздрагиваетъ, какъ отъ укуса. Не проходитъ и минуты, какъ впереди показывается встрѣчный вагонъ; въ этотъ моментъ какъ разъ преслѣдователь виднѣется впереди, покачиваясь, какъ человѣкъ, желающій начать объясненіе. Но дама вдругъ вскакиваетъ и лѣвой рукой звонитъ за веревку, а правой дѣлаетъ знакъ встрѣчной конкѣ остановиться. Оба вагона останавливаются, преслѣдуемая соскакиваетъ и быстро садится въ другой вагонъ, но настойчивый преслѣдователь тоже — тотчасъ внивъ и стрѣлой за бѣглянку. Сцена, наблюдаемая всѣми, вызвала шопотъ комментаріевъ, серьезныхъ и шутивыхъ. Хорошенькая! — Вотъ наглость! — Но вѣдь это безобразіе! Слѣдовало бы изломать зонтикъ объ его морду! — Одинъ шутникъ сказалъ, что нужно бы устроить «спасательные вагоны» для одиѣхъ дамъ на главныхъ улицахъ. Но мой пріятель, стоявшій возлѣ меня, большой скептикъ, замѣтилъ ему съ саркастической улыбкой, что это было бы «убыточное предпріятіе», и затѣмъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, напротивъ, хорошо бы пустить въ обращеніе особо устроенные закрытые вагоны, въ родѣ тюремныхъ, и что это дало бы акціонерамъ жирный дивидендъ. — Въ родѣ тюремныхъ... для какой цѣли? — спросилъ тотъ. О, нечестивый языкъ! Онъ отвѣтилъ:

— Для цѣли... противоположной.

И еще любовь. Вижу на первой скамейкѣ двѣ молодыя головы такъ близко другъ отъ друга, что онѣ мнѣ кажутся нарисованными на спинѣ кучера словно на темномъ фонѣ картины: одна бѣлокурая золотистая безъ шапки, другая въ крошечной шляпкѣ, украшенной тремя гераніями, дающей возможность видѣть массу густыхъ темныхъ волосъ, блестящихъ и свѣжихъ, напоминающихъ чалму изъ чернаго бархата. Съ задней площадки, на которой я стою, не видно лицъ молодыхъ людей, но по ихъ движеніямъ я вижу, что они разговариваютъ, въ сущности ничего не говоря другъ другу, какъ говорятъ любовники, — лишь затѣмъ, чтобъ ласкать другъ друга словами, чтобъ цѣловаться голосами, улыбаясь людямъ, домамъ, деревьямъ, солнцу, словно изъ признательности къ міру за свое блаженство. Вдругъ бѣлокурая голова обернулась и я узналъ знакомаго типографа, энтузіаста, котораго, едва меня завидя, бросился по подножкѣ ко мнѣ, между тѣмъ темная головка обернулась вслѣдъ за нимъ съ любопытствомъ, и я увидѣлъ обаятельное все пылающее отъ любви личико дѣвушки лѣтъ восемнадцати, на которомъ блестяли, казалось, не два, а десятокъ глазъ.

— Вотъ и я. Добрый день! Ну, что вы скажете о Лондонскомъ конгрессѣ? Видѣли?..

Но я сразу понялъ, что онъ подошелъ ко мнѣ не для англійскихъ дѣлъ. И точно, сказавъ еще фразу, онъ, не дожидаясь отвѣта, сразу сообщилъ мнѣ, что женатъ... уже мѣсяцъ и шесть дней. Не сообщилъ лишь сколько часовъ.

— Да!.. Но только не думайте, — поспѣшилъ онъ прибавить: — я останусь всегда тѣмъ же... И она, она, знаете, женщина съ головой.

И онъ рассказалъ мнѣ все. Она занималась вязальнымъ мастерствомъ и была ученая — прошла два класса профессиональной школы; они познакомились прошедшей зимой на конференціи о трудѣ женщинъ и дѣтей, куда она пришла вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Мать его сначала немного колебалась, вслѣдствіе *направленія* дѣвушки, но кончила

тѣмъ, что дала свое согласіе, побѣжденная ея вѣшностью. О, онъ ее зналъ хорошо и былъ въ ней вполнѣ увѣренъ. Нѣтъ, въ этой маленькой головкѣ хорошо привились нѣкоторыя идеи и были ясны. Она его подруга по уму и по сердцу. Если бы всѣ были таковы, не увертывались бы ни отъ чего его товарищи послѣ визита въ *Municipio*. И онъ продолжалъ разсыпаться въ похвалахъ ей, любуясь ею своими лазурными глазами съ головы до маленькихъ каблукъ, блестящихъ подъ лавкой. Потомъ, такъ какъ ему, вѣроятно, казалось, что онъ слишкомъ легко отнесся къ первому предмету нашего разговора, онъ къ нему снова вернулся, сдѣлавшись серьезнымъ, и сказалъ въ заключеніе о конгрессѣ, делегаты *Ремесленныхъ союзовъ* представили на немъ, приблизительно, 800 тысячъ членовъ, а триста англійскихъ делегатовъ едва только 200 тысячъ... Но, что ужъ! И видѣлъ, что другой «союзъ» занималъ его въ эту минуту гораздо больше, чѣмъ тотъ, о которомъ онъ говорилъ, и заботливо помогъ ему уйти, говоря, что тамъ займутъ его мѣсто. И въ одно мгновеніе онъ сидѣлъ уже возлѣ своей прелестной подруги и продолжалъ прерванный дуэтъ, улыбаясь людямъ, домамъ, деревьямъ и солнцу. О, добрые буржуа, съ симпатіей смотрѣвшіе на этого влюбленного счастливаго юношу, и не подозрѣвали его принадлежности къ отвратительной сектѣ, проповѣдующей, между другими ужасами, какъ они утверждали, «общность жемъ». Съ кажимъ только нечестивымъ народомъ ставить насъ въ соприкосновеніе экипажъ для всѣхъ!

Веселыя любовныя впечатлѣнія смѣнились дурными. Увы! Если даже пробѣгать улицы, не прикасаясь ногой къ землѣ и не глядя по сторонамъ, то несчастья, горести и страданія найдутъ насъ и послѣдуютъ за нами и на этихъ бѣгушихъ доскахъ, и принудятъ насъ заглянуть имъ въ лицо.

Это было, какъ ударъ грома, для всѣхъ веселыхъ пассажировъ, наполнявшихъ жардиньеру линіи *Понтэ Изабелла*. Бѣдный кучеръ, шутя и

смѣялся съ стоявшимъ рядомъ пріателемъ, какъ вдругъ, на площади *Карлина*, когда онъ быстро закручивалъ тормазъ, чтобъ не набѣхать на телѣгу, рукоятка выскользнула у него изъ рукъ, съ страшной быстротой отвернулась назадъ и ранила его въ правый бокъ. Блѣдный какъ смерть, онъ упалъ на руки пассажировъ и, думая, что умираетъ, испустилъ крикъ. Всѣ встали, одна дама упала въ обморокъ, побѣждалъ кондукторъ и городской; нѣсколько пассажировъ взяли пострадавшаго и, спустивъ его, какъ трупъ, снесли черезъ площадь къ ближайшей аптекѣ. Такой внезапный переходъ сильного и веселаго человѣка къ полнѣйшей неподвижности и безплію, почти смерти, внушилъ ужасъ всѣмъ присутствующимъ, которые вдругъ страшно поблѣднѣли, словно въ первый разъ почувствовавъ всю хрупкость своей жизни. Но вслѣдъ за ужасомъ во всѣхъ проснулось состраданіе, и общій горестный шопотъ провожалъ несчастнаго, пока онъ не исчезъ въ густой толпѣ любопытныхъ. Это жадное любопытство ко всякимъ несчастьямъ—самый отвратительный остатокъ дикости въ цивилизованномъ человѣкѣ. Одинъ только пассажиръ, сухой и старый, съ желчнымъ лицомъ и темными очками, возвысилъ голосъ въ этомъ сочувственномъ шопотѣ, стараясь замаскировать свою досаду на это приключеніе, разстроившее ему нервы. О, жалкая человѣческая природа, когда же ты сбросишь маску! Слушая его, можно было подумать, что несчастіе произошло съ нимъ.

— Этого только не доставало!—воскликнулъ онъ рѣзкимъ, дрожащимъ голосомъ.—Этакій народъ безпечный, изъ-за чего рискуетъ жизнью! Ну, можно ли это допустить? Пропалъ человѣкъ! И потомъ... перепугалъ пассажировъ. Вы думаете, мнѣ его не жаль? Какъ же нѣтъ? Но нужно же подумать и о публикѣ... Право, если бы ее спросили... Одинъ разъ столкловеніе... другой разъ тормазъ... Всегда что-нибудь! Развѣ это служба? Развѣ это жизнь? О, святое, благословенное терпѣніе!..

Вскорѣ вернулся контролеръ, а черезъ

минуту прибѣжалъ и кондукторъ и, подхватывая возжи, сообщилъ, что кучеръ пришелъ въ себя. Всѣ вздохнули съ облегченіемъ, и вагонъ двинулся. Только господинъ въ темныхъ очкахъ сохранялъ свой хмурый, сердитый видъ. И понятно, почему. Тремя часами раньше несчастный случай, можетъ быть, тронулъ бы его, вмѣсто того, чтобы разсердить, но это былъ часъ обѣда, и аппетитъ былъ непоправимо испорченъ.

— Жалкое животное! — воскликнулъ я мысленно.

Но это слово вызвало совѣтъ неожиданное эхо въ моемъ сердцѣ. То былъ строгій голосъ, спросившій меня, есть ли на свѣтѣ хоть одинъ человекъ, который, перебравъ въ памяти всю свою жизнь, могъ бы съ увѣренностью сказать, что несчастіе ближняго ни разу не вызвало въ немъ раздраженія вмѣсто сочувствія, по той же неизменной, мелкой и позорной причинѣ?.. И этотъ голосъ заставилъ меня опустить голову.

Такъ ужъ случается. Какъ на спокойной голубой поверхности моря то тамъ, то здѣсь выглядываютъ головы акулъ и отвратительная щупальца полиповъ, такъ и въ нашу обыкновенно тихую, безпечную жизнь врываются по временамъ грубость, насиліе, преступленіе и смерть, чтобы напомнить намъ, что подъ кажущимся порядкомъ и гармоніей бушуетъ вѣчная борьба страстей и враждебныхъ силъ.

Дѣло было послѣ обѣда. Конка медленно шла, подъ лучами палящаго солнца, по пустынной улицѣ, движимая парой потныхъ лошадей, казалось, дремавшихъ подъ звуки собственныхъ мѣрныхъ шаговъ. Въ вагонѣ сидѣла прачка, опершись рукою о громадный узелъ бѣлья, лежавшій у нея на колѣняхъ, а рядомъ съ нею — юноша сомнительно-элегантнаго вида, завитой и надушенный, дремалъ, съ головой, покачивавшейся на груди, и съ потухшей въ зубахъ трубкой. Дремалъ и кондукторъ; всѣ въ вагонѣ молчали. Говорили только двое старичковъ противъ меня, обсуждая безъ конца монотоннымъ голосомъ послѣдній розыгрышъ лотереи. Вдругъ среди этой усы-

пляющей тишины раздается дикій крикъ: «Воръ! Воръ! Я видѣла, это ты! Отдавай мои деньги!» — Оглядываясь, вижу «элегантнаго» юношу въ рукахъ у здоровенной прачки, которая, схвативъ его одной рукой, старается другую опустить въ его карманъ. — Воръ! Воръ, это ты! Отдавай!

Вагонъ останавливается, кондукторъ вмѣстѣ съ пассажирами подбѣгаютъ; нѣсколько рукъ обсыкаваютъ его, и портмонеъ появляется.

— А-а-ахъ! — съ жестокимъ, торжествующимъ смѣхомъ восклицаетъ его владѣлица.

Воръ стоитъ, съ блѣднымъ искаженнымъ лицомъ и непокрытой головой, машинально ощупывая рукой развязавшійся галстухъ... Наконецъ, городской уводитъ его вмѣстѣ съ женщиной, и группа удаляется, сопровождаемая толпой любопытныхъ и мальчишекъ, выбѣгавшихъ изъ всѣхъ угловъ. Вагонъ продолжаетъ свой путь. Сказать, что я за столько лѣтъ жизни никогда прежде не видѣлъ вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія! Это зрѣлище такъ меня поразило, какъ я не могъ себѣ и представить.

— Разбойникъ! Каналья! — кричали вокругъ меня.

Я чувствовалъ сначала, что раздѣляю это негодованіе, но чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе, и мало-по-малу происшедшая сцена видоизмѣнилась въ моемъ воображеніи.

Обокраденная женщина была Италія, а обокравшій явился въ образѣ персонажа съ лентами и крестами, но обстоятельства были различны: въ моемъ видѣннн сосѣди отворачивались въ противоположную сторону, чтобы не причинить вору безпокойства, а стоявшіе дальше навдоялись, полиція же отдавала честь...

И еще одно дурное впечатлѣніе — грустная встрѣча на линіи *Винчалло*, на улицѣ *Рима*: мой добрый Джіорсѣ, который, увы! уже не разглядываетъ гастрономическихъ магазиновъ, не насвистываетъ арійки изъ «Карменъ» и не улыбается, у котораго голосъ неузна-

ваемъ и лицо, какого я никогда у него не видѣлъ. Между двумя остановками онъ медленнымъ, грустнымъ и всегда одинаковымъ голосомъ,—словно говорилъ самому себѣ,—разказалъ мнѣ о болѣзни своей жены, которой было совсѣмъ плохо, что его очень беспокоило. Вотъ и въ это утро она ему сказала:

— Иди, Джіорсъ, иди спокойно! все будетъ хорошо.

Но онъ въ этомъ не увѣренъ. Вчера, напримѣръ, у доктора было совсѣмъ нехорошее лицо, какого онъ не хотѣлъ бы видѣть.

— А когда подумаю!..—воскликнулъ онъ, обернувшись ко мнѣ.—Потому что это такая женщина, что не можетъ быть другой такой... Я это не для того, чтобы хвастаться, вы повѣрите, а нужно же быть справедливымъ... Встанетъ въ четыре часа и цѣлый день на работѣ, а вечеромъ еще, какъ вернусь, застаю ее съ иглкой въ рукахъ... И никогда ни одного каприза, ни одного лишне истраченного солда, ни одной мысли о себѣ, ни одной непріятности мнѣ... Что я говорю непріятности! Ни одного слова, которое не должно бы быть между нами сказано... — И онъ прибавилъ послѣ паузы:—И что я сдѣлаю, если ея у меня не будетъ?..—И опять повторилъ, завернувъ тормазъ:—Да, что я сдѣлаю, если ея не будетъ?..

Я напрасно старался поднять въ немъ духъ. Онъ слѣдовалъ за ходомъ своихъ мыслей, не обращая вниманія на мои слова, и восклицалъ отъ времени до времени тономъ глубокой жалости къ самому себѣ:—Ахъ, бѣдный Джіорсъ!—Его больше всего мучило то, что онъ долженъ стоять тутъ, на привязи, въ то время, какъ она тамъ совсѣмъ одна, безъ ухода, терзаетъ себя мыслью, что въ домѣ беспорядокъ, что малыши на улицѣ, что ему не будетъ готовъ завтракъ.

Онъ вспоминалъ ея доброту и все ея жертвы, принесенныя семьѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ не имѣлъ мѣста и никакой поддержки, а у нихъ былъ уже двухлѣтній ребенокъ, котораго нужно было ухитриться кормить, разъ вечеромъ она вышла достать не-

много дровъ и, вернувшись, вдругъ зашаталась и почти упала къ нему на руки.

— Что съ тобой? — спросилъ у нея Джіорсъ.

Она стала смѣяться: она зашла къ приятельницѣ, торгующей спиртными напитками, и по предложенію той, выпила лишній глотокъ.

— А, неправда! Это было бы слышно по запаху. Бакъ, ничего! Ты—голодна! Тогда она расплакалась. Чтобы накормить до сыта сына, она цѣлый день ничего не ѣла.

— Но чего стоило заставить ее въ этомъ признаться!.. Нѣтъ, ужъ такой другой подруги не можетъ быть! Ахъ, бѣдный Джіорсъ!

Въ эту минуту онъ остановилъ вагонъ, чтобы дать взойти господину, и тотчасъ опять тронулъ, но тотъ шумно велѣлъ остановить вагонъ:—Не видишь, чортъ... что садится еще моя жена!—И затѣмъ глядя ему въ лицо, прибавилъ сквозь зубы:—Хоть утромъ, по крайней мѣрѣ, могли бы ужъ не пить.

А Джіорсъ съ кротостью, которая меня тронула больше всего, промолвилъ: «Извините. Я право не видѣлъ... Эхъ, голова у меня—вверхъ дномъ».

И, отѣхавъ немного, онъ опять повторилъ, покачивая головой и глядя вдаль:

— Да! что я сдѣлаю, если ея не будетъ?

Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней я встрѣчалъ все своихъ знакомыхъ персонажей, словно все они назначили мнѣ свиданіе. Разъ утромъ на линіи *Понте Тереза* встрѣтилъ кондуктора *Маркиза*, рассыпавшаго всю свою элегантность и грацію передъ жѣнщиной, уже немолодой, но барски одѣтой и надушенной, которая провожала его отъ скамьи до скамьи томнымъ взоромъ. По виду она казалась отставной актрисой и, при томъ, одной изъ тѣхъ бѣшеныхъ жѣнщинъ, для которыхъ съ четвертымъ десяткомъ начинается вторая молодость гораздо сумасброднѣе первой, и которая вслѣдствіе особенной развращенности чувствъ и воображенія, ищутъ приклю-

ченій среди людей, стоящихъ ниже ихъ собственнаго положенія, какъ нѣкоторые пьяницы-аристократы, пресытившись выпить, устремляются въ простые кабаки. Ахъ, неосторожная! Я предвижу на ея румянахъ слѣды пяти пальцевъ той ужасной ревновой бронеетки, въ присутствіи которой господишъ *Маркизъ* былъ робкимъ и солиднымъ, какъ семинаристъ.

Увидѣлъ я однажды и конкофила, пылкаго паладина бельгійскаго общества.. и за какимъ занятіемъ! Я никогда не думалъ, что страсть къ конкѣ можетъ дойти у простаго диллетанта до такого градуса, чтобъ заставить его участвовать самолично въ постановкѣ сошедшаго съ рельсовъ вагона! Съ какимъ энтузіазмомъ онъ налегалъ плечемъ о парапетъ, упираясь ногами о землю, пыхтя и задыхаясь съ пылающимъ лицомъ, какъ мученикъ Дантова ада, но гордый сознаниемъ, что трудится для «святого дѣла».

Увидѣлся я и со своимъ преслѣдователемъ сонетистомъ, который сѣлъ рядомъ со мной на послѣдней скамейкѣ, съ своей мучительной улыбкой на губахъ. Но на этотъ разъ я былъ спасенъ рабочимъ, сидѣвшимъ передо мной, съ отвратительной вонючей трубкой въ зубахъ, дымившей въ лицо моему сосѣду. Прокашлявъ мнѣ въ ухо первое четверостишье, онъ остальные, давись и ругаясь, долженъ былъ скупать самъ, чтобъ не порвать себѣ легкяхъ. Вотъ: бранять табачную монополію, а она подчасъ бываетъ благодѣтельна, вынуждая покупать дешевый табакъ.

На линіи *Ланго* я встрѣтилъ, послѣ четырехъ мѣсяцевъ, эротика съ длинноблѣкурой шевелюрой и голубыми глазами, напоминающаго евангелическаго пастора. Онъ стоялъ въ жардиньерѣ, почти цѣликомъ занятой воспитанницами колледжа отъ 14 до 18 лѣтъ, одѣтыми въ сиреневый цвѣтъ съ черными шелковыми пелеринками. Онѣ оживленно разговаривали между собой, наклоняясь отъ скамейки къ скамейкѣ своими стройненькими фигурками и мелькали передъ нимъ своими граціозными профилями и дѣвственными бюстами...

его идеальная жардиньера!.. О какъ его ясный взглядъ интеллектуальнаго эротика пробѣгалъ по этимъ плечамъ и юношескимъ шеямъ, словно погружаясь въ эти свѣжія шевелюры, словно купаясь въ этой розовой весѣ! Какъ наслаждался онъ за свои десять сантимовъ.

Я увидѣлъ также кавалера Бикьерино и, о чудо! Не на обычной улицѣ *Гарибальди*, а на линіи *Віали*, подвѣвшаго и болѣе блестящаго чѣмъ когда либо. Повидимому онъ пользовался короткимъ лѣтнимъ отпускомъ и вѣхалъ въ конкѣ для прогулки, потому что я никогда не видѣлъ его въ такой невозмутимо-спокойной позѣ и съ такимъ яснымъ, свободнымъ отъ всякой «канцелярской» мысли лицомъ. Онъ обводилъ взоромъ улицы и площади, наблюдалъ длинные ряды деревьевъ, проѣзжающія бочки съ водой для поливки улицъ и рабочихъ, приготовлявшихъ ямки для посадки новыхъ акацій; всквозь его обычную яность проглядывала гордость стараго туринца, влюбленнаго въ свою Мекку. Онъ любовался прямизной и симметричностью улицъ и господствующимъ на нихъ порядкомъ, отмѣчая съ удовольствіемъ, что всѣ прохожіе, идущіе къ Но, держатся правой стороны, а поднимающіеся вверхъ—лѣвой, какъ и слѣдуетъ въ цивилизованномъ городѣ и какъ однако нигдѣ не бываетъ кромѣ Турина. Но недобѣжая Туринскаго театра, спокойствіе его было нарушено. Кондукторъ воскликнулъ:— А вотъ онѣ, стачечницы!—и мы увидѣли длиннѣйшую процессію женщинъ разныхъ возрастовъ, двигавшуюся отъ моста Бенне, и подымавшую пыль, какъ войско. Оттуда къ намъ доносился глухой и смутный говоръ, какъ отъ рѣкъ, текущей по камнямъ. Это были работницы, одной изъ фабрикъ въ паркѣ, забастовавшія уже два дня тому назадъ и шедшія въ префектуру. Кавалеръ рѣзко обернулся, чтобы взглянуть на нихъ, и я увидѣлъ на его лицѣ внезапную удивительную перемѣну, какъ у чловѣка, почувствовавшаго заворотъ кишечка. Я не поаялъ бы лучше того, что происходило въ его душѣ, даже

еслибъ онъ взялъ ее въ словахъ. Я повялъ, что уже одинъ фактъ *стачки*, взятый самъ по себѣ безотносительно къ тому, были ли стачечники правы или виноваты, и къ ихъ поведенію, мирному или бурному, возмущалъ ужаснѣйшимъ образомъ всѣ его чувства и принципы, оскорблялъ всѣ его инстинкты и казался ему громаднымъ злоупотребленіемъ, поправіемъ всѣхъ законовъ и преступнымъ нарушеніемъ естественнаго и общественнаго порядка. Это было для него почти тѣмъ же, какъ еслибъ онъ увидѣлъ, что дома и деревья повыскакивали изъ своихъ рядовъ и стали плясать тарантеллу. Конка скоро оставила процессію далеко позади, но онъ продолжалъ на нее смотрѣть, повернувшись назадъ, въ весьма неудобной позѣ, съ такимъ нахмуреннымъ лбомъ и такими расширенными мрачными глазами, что мнѣ стало его жаль. Видно было, что онъ страдаетъ, что онъ не можетъ переносить этого зрѣлища, этой «аномалии» на этихъ прямыхъ улицахъ, среди этихъ домовъ одной высоты, въ этомъ Туринѣ, гдѣ всѣ ходятъ въ такомъ порядкѣ по такъ хорошо содержимымъ аллеямъ.

Вѣднѣй кавалеръ Биккьерино! Онъ смотрѣлъ такъ не потому, что имѣлъ злое сердце. Судя по лицу, онъ былъ человѣкомъ, способнымъ понять и почувствовать человѣческое страданіе и помочь слабымъ, когда они просятъ справедливо и прилично. Но нужно было, чтобъ состраданіе, чувство справедливости и всѣ другія прекрасныя вещи входили въ его душу, не задѣвая четырехъ основныхъ истинъ, поддерживающихъ ее, какъ четыре солдата окружающіе въ монументѣ статую Карла Альберта. А именно: чтобъ стачечники устраивали стачку, не прекращая работы, чтобъ они отправлялись въ префектуру въ досужее время, чтобы шли по одиночкѣ и притомъ по тремъ стамъ различнымъ улицамъ, и чтобы каждый несъ по красивому листу бумаги, въ которомъ все было бы изложено и объяснено хорошимъ канцелярскимъ стилемъ.

Кавалеръ Биккьерино безъ сердца?!

Но чтобъ такъ думать, нужно не знать, что во всѣхъ театрахъ Италии на трогательныхъ драмахъ турянка больше всѣхъ прибѣгаютъ къ платкамъ и разражаются «браво», похожими на рыданія. Доказательствомъ тому послужилъ тогда же случай, говорятъ, не рѣдкій въ конкѣ. На поворотѣ улицы *Ванкилья* цѣлое семейство вышло провожать молодую дѣвушку, которая по конкѣ направлялась къ сѣверной желѣзнодорожной станціи. Старый отецъ и хромая сестра обнимали ее, мать, склонившись къ ея груди, плакала навзрыдъ; кучеръ и кондукторъ смотрѣли не смѣя напомнить имъ объ опозданіи, всѣ присутствующіе были растроганы. И вотъ кавалеръ Биккьерино былъ первымъ предложившимъ ей свои услуги. Онъ взялъ изъ ея рукъ узелъ, съ такимъ участливымъ лицомъ, спросивъ: «Позволите?» такимъ растроганнымъ добрымъ голосомъ, что я тутъ же поклялся никогда больше не причинять ему неприятностей. Нѣтъ, бѣдный старый служака, я никогда больше не скажу, что узка улица *Гарibaldi*, никогда не разорву пальцемъ *Gazetta del Popolo*, и если буду имѣть счастье съ тобой познакомиться, постараюсь говорить на самомъ чистомъ пьемонтскомъ нарѣчьи, которое только когда либо раздавалось на сценѣ театра *Rossini*, и не коснусь ни одной изъ четырехъ идей, стоящихъ на стражѣ твоего разума, даже еслибы мнѣ для этого пришлось наложить цѣпи на свои собственныя.

Жаль, что его здѣсь не было... Впрочемъ, нѣтъ,—потому что, можетъ быть, даже растрогавшись, онъ увидѣлъ бы въ этой сценѣ примѣръ смѣшенія классовъ, который оскорбилъ бы въ его душѣ чувство «общественнаго порядка». Но мнѣ эта сцена показалась наиболѣе привлекательной изъ всего, что мнѣ приходилось видѣть въ конкѣ. Жардиньера остановилась на углу улицы *Марии Кристины* и *Баретти*, поджидая стараго каменщика, съ пиджакомъ въ накидку, котораго велъ подъ руку другой, молодой каменщикъ. Помогаю ему сѣсть, товарищъ распростиз-

ся съ нимъ со словами: поправляйся же! — и конка двинулась. Вошедшій сѣлъ рядомъ съ красивой дѣвушкой, совсѣмъ молоденькой, съ еще дѣтскимъ личикомъ, которому золотистые волосы, розовый румянецъ и свѣтлое платье придавали какую то особенную ясность и яркость, такъ что улыбка, съ которой она обращалась къ своей горничной, сидѣвшей около нея съ другой стороны, казалась сверкающимъ лучемъ на свѣтломъ фонѣ и выражала еще дѣтскую мысль. Рабочій, вѣроятно, внезапно заболѣлъ и потому принужденъ былъ прервать работу: шапка держалась криво на его сѣдыхъ растрепанныхъ волосахъ, какъ будто его подвѣли съ земли, и самъ онъ сидѣлъ, согнувшись, весь блѣдный опершись подбородкомъ. Но грудь и глаза его выражали тотъ непобѣдимый страхъ и уныніе, которые вызываетъ всякая болѣзнь въ этомъ возрастѣ, напоминая о смерти. Передъ нимъ и за нимъ сидѣли дамы съ элегантно одѣтыми дѣтьми, а на другихъ скамейкахъ, обычный смѣшанный народъ. Вдругъ на поворотѣ въ *Корсо Витторіо* раздался крикъ. Это вскрикнула блѣлая дѣвушка. Потерявшій сознание каменщикъ упалъ головой на ея плечо. Первое ея чувство было — ужасъ, и она отшатнулась назадъ, но тотчасъ же она опять наклонилась, чтобъ удерживать падающаго рабочаго; такъ какъ одними руками она справиться не могла, то старалась поднять его всей своей фигурой и, приведя его въ прежнее положеніе, подставила свое плечо подъ его помертвѣвшую голову, которая тяжело на него упала, теряя шляпу. И все это — въ одно мгновеніе. Ахъ умица! Какъ быстро на ея красивомъ англійскомъ лицѣ страхъ уступилъ мѣсто рѣшимости и отвращеніе — состраданію, и какъ ангельски она была хороша, вся блѣдная отъ волненія, но твердая и почти гордая, съ этимъ прекраснымъ зломъ, наклоненнымъ къ несчастной безжизненной головѣ рабочаго, опиравагоса на нее, какъ на дочь. Конка остановилась, нѣсколько человекъ подошли, чтобы вынести больнаго, но онъ уже пришелъ въ себя, благодаря пузырьку съ какой-

то эссенціей переданному однимъ изъ пассажировъ, и открылъ глаза. Дѣвушка подняла его шляпу и заботливо надѣла ему на голову, расправляя своими бѣлыми ручками его сѣдые волосы, помогла ему сойти, поддерживая своими ладонями подъ локти и смотрѣла, какъ онъ удалялся съ помощью двухъ прохожихъ. Когда вагонъ тронулся, она не выдержала наплыла въ душу разнородныхъ чувствъ и, улыбаясь пассажирамъ, которые на нее смотрѣли, вдругъ разразилась слезами...

Г л а в а IX.

Сентябрь.

Въ сентябрѣ конка принимаетъ новый видъ. Въ ней опять показываются исчезнувшіе было *travet*, освѣжившіеся мѣсячнымъ отпускомъ, и загорѣвшіе отъ морскихъ вѣтровъ, дамы, сияющія удовольствіемъ отъ совершеннаго «круговаго путешествія» или проведеннаго винограднаго сезона, лица возвращающихся изъ деревни, которыхъ сразу можно отличить по любопытнымъ взорамъ бросаемымъ ими на Туринъ, невиданный въ теченіе довольно долгаго времени: въ нихъ сияетъ радость возвращенія къ городскимъ удобствамъ и развлеченіямъ; и наконецъ чуждыя лица проѣзжающихъ путешественниковъ, обрачивающихся на каждомъ перекресткѣ, чтобы взглянуть на незнакомыхъ улицы. Цѣлыя семьи въ деревенскихъ костюмахъ, пріѣхавшія съ морскаго берега или съ горъ, чтобъ опять отправиться на пригородныя дачи, наводняютъ жардиньеры своими ящиками и чемадавами. Всѣ они пріятно возбуждены путешествіемъ и обдаютъ скучающихъ и дремлющихъ, во время обязательныхъ перерѣздовъ по пыльнымъ дорогамъ, городскихъ пассажировъ волнами морской свѣжести, ароматомъ травы и лѣсовъ, невольно возбуждая въ нихъ смутное представленіе бѣлыхъ вилъ, зеленыхъ аллей и голубой марины. Скука еще увеличивается послѣ того, когда конка принимаетъ свой прежній видъ на длинныхъ пустынныхъ уллицахъ, въ кото-

рыхъ встрѣчаются только немногіе прохожіе съ шляпой въ одной рукѣ и съ платкомъ въ другой, и гдѣ приходится проѣзжать мимо цѣлаго ряда домовъ съ закрытыми окнами, которые словно дышутъ сквозъ отверстія своихъ жалюзи мрачнымъ молчаніемъ покинутыхъ квартиръ. А для плѣнниковъ таможенной заставы тоска и раздраженіе увеличиваются еще постояннымъ созерцаніемъ холмовъ и Альпійскихъ вершинъ, которые смотрятъ на лежащія противъ нихъ улицы, насмѣшливо зовутъ къ себѣ и лукаво подзадориваютъ. Къ этимъ послѣднимъ принадлежу и я, для котораго эти чувства усиливаются еще досадою, — почти не встрѣчатъ своихъ персонажей среди массы незнакомыхъ лицъ, наполняющихъ мою подвижную студию.

Прежде всего я встрѣтилъ, съ ихъ идоломъ, Таддео и Венаранду, посвятившихъ въ горахъ и еще потолстѣвшихъ съ лицами выразавшими благоденствіе. Они провели двадцать дней въ Оспиціо Санъ-Джованни д'Андорно: мнѣ расхваливали мѣстополюженіе, воздухъ, воду, хлѣбъ и привѣтливость жителей. Но больше всего они были рады тому, что дѣвочка возвращалась въ цвѣтущемъ видѣ. И въ самомъ дѣлѣ, она блестяще поправилась; и я присутствовалъ при ихъ торжествѣ. Стоя между ними на послѣдней скамейкѣ, въ розовомъ платьѣцѣ, съ своими густыми каштановыми волосами, раздѣленными проборомъ и рассыпающимися по плечамъ, и съ толстенными голыми рученками, она засыпала отца и мать вопросами, заигрывала съ сосѣдями и хохотала, разливая кругомъ лучи своей веселости. Это маленькое личико мадонны, дышущее жизнью, скоро привлекло общее вниманіе. Прежде всѣхъ обернулись двѣ сидѣвшія впереди барышни и заговорили съ ней, лаская ея волосы; затѣмъ съ болѣе отдаленной скамейки обернулась цѣлая семья и стали дѣлать ей привѣтливые знаки, въ отвѣтъ на которые она посыпала поцѣлуи; и наконецъ всѣ находившіеся въ вагонѣ дѣвочки, мальчики и дамы поварачивались на ея неугомонное щебетанье и улыбались ей.

Подъ этими привѣтливими взглядами, словами и улыбками маленькая актриса еще болѣе оживилась, порозовѣла, похорошѣла и положительно засверкала жизнью. Что вы чувствовали тогда, бѣдные Таддео и Венеранда? Даже въ самой мрачной жизни попадаются такіе счастливые дни, остающіеся на всегда въ памяти какъ волшебные лучи солнца.

Родители, присутствующіе при вѣнчаніи ихъ сына въ Капитоліи, едва ли испытываютъ большее блаженство, чѣмъ-то, которое сіяетъ на круглыхъ лицахъ этихъ добряковъ съ сверкающими на глазахъ слезами и затрудненнымъ дыханіемъ, словно радость ихъ душила. Они дѣлаютъ надъ собой величайшее усиліе, чтобъ слерживаться, но вдругъ мамаша теряетъ на мигъ самообладаніе: ей нужно прижать къ сердцу свое сокровище, которому она обязана лучшими часами своей жизни. А Таддео, чтобъ замаскировать ея волненіе оборачивается ко мнѣ съ сіяющимъ изъ-подъ притворнаго равнодушія лицомъ и говоритъ мнѣ натянутымъ взволнованнымъ голосомъ: — Погода будто возстановилась, но... едва ли на долго.

Вторымъ былъ художникъ, который разъ утромъ вскочилъ, рядомъ со мной, въ жардиньеру на улицѣ *Рима*; онъ былъ веселъ, словно получилъ премію на періодической выставкѣ.

— Вы уже *горожанинъ*? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, я пока еще въ Перозѣ, но бываю имъ трижды въ недѣлю.

Три въ недѣлю поѣздки въ Туринъ для человѣка, не имѣющаго дѣла и живущаго въ двухъ съ половиною часахъ отъ желѣзнодорожной станціи, это — подумалъ я — много, и сравнивая его новую веселость съ мрачнымъ настроеніемъ прошлаго раза, я рѣшилъ, что на это должны существовать вѣскія причины. Я спросилъ у него, какимъ образомъ разсѣялось его отвращеніе къ геометричности Турина, къ желтому цвѣту и однообразнымъ улицамъ, на которыхъ, какъ ему казалось, всегда находишься на одномъ мѣстѣ. Отъ отвѣтилъ мнѣ, улыбаясь, что оно прошло, но не сказалъ какъ.

— А антипатія къ дочерямъ Борея, къ алебастровымъ ангеламъ и барышнямъ, вырванными однимъ движеніемъ ножницъ изъ листа бумаги, перегнутого сто разъ?

— Ахъ!—отвѣтилъ онъ:—то у меня былъ скверный періодъ... Это бываетъ у всякаго. Но теперь... все измѣнилось.

— Что жъ, вы отказались отъ поисковъ въ конкѣ? Или, можетъ быть, уже нашли?

Онъ разсмѣялся, слегка покраснѣвъ, и быстро перемѣнилъ разговоръ, глотая слова. Онъ окончательно отказался отъ открыть тайну «пересадочной синьоры». — Ахъ, это сильнѣе меня!—говорилъ онъ:— не могу!—И онъ разсказалъ мнѣ, какъ однажды твердо рѣшился во что-бы то ни стало выслѣдить ее. Найдя ее на линіи *Віали*, онъ видѣлъ, какъ она вышла изъ конки на улицѣ *Кристины* и сѣлъ въ другую—*Понте Изабелла*, и онъ сѣдѣлъ тоже. Но доѣхавъ до площади *Кавура*, она опять сошла и сѣла въ конку, *Заставы Казале*, и онъ послѣдовалъ за ней. На площади *Виктора Эмануила* она сошла въ третій разъ и стала ожидать конку *Ванкилья*, и онъ тоже ждалъ въ двадцати шагахъ отъ нея. Но, когда она не сѣла въ подъѣхавшій вагонъ, хотя мѣста были, и стала ожидать слѣдующаго, онъ, наконецъ, отказался отъ своего предпріятія и ушелъ домой съ еще болѣе обостреннымъ любопытствомъ. Во время этихъ перѣздовъ онъ видѣлъ въ ея рукахъ десятисантиметровый альбомчикъ, съ обозначенными красными чертами линіями всѣхъ конвокъ, который она держала раскрытымъ, постоянно перелистывая и раздумывая надъ нимъ, какъ офицеръ главнаго штаба надъ топографической картой большихъ маневровъ. Кто знаетъ: какіе обширные планы коночной стратегіи и запутанныя комбинаціи она составляла для своихъ поѣздокъ, контръ-поѣздокъ, притворныхъ поѣздокъ для отвода глазъ? Кто знаетъ: съ какою цѣлью? Кого хотѣла обольстить, чего добиться? Глубокая тайна! Лучше объ ней не думать; предпріятіе безнадежное.

Но въ то время, какъ онъ все это говорилъ, я ясно видѣлъ, что онъ ду-

маеть о другомъ, что сердце у него переполнено радостью и разсказъ этотъ, служить той же цѣли, какъ иногда у дамъ вѣтеръ, чтобы скрыть нѣкоторыя невольныя выраженія лица. Въ промежуткахъ между фразами онъ взгляды валь туда и сюда, на всѣ вагоны, проходящія вблизи и вдаль, напрягая зрѣніе, какъ будто въ каждомъ изъ нихъ могла оказаться особа, которую онъ искалъ. Всѣ его движенія и выраженія лица показывали, что онъ занятъ какой-то хорошей счастливой мыслью, проникающей его всецѣло, какимъ то дорогимъ образомъ, съ которымъ онъ тайно говоритъ даже тогда, когда говоритъ съ другими и о другихъ предметахъ, который неотступно вьется между нимъ и всѣмъ, что его окружаютъ, какъ огненные круги, прыгающіе передъ вами въ воздухѣ послѣ того, какъ мы долго смотрѣли на солнце.

Вдругъ я почувствовалъ, что не могу дальше сдерживать себя, и неожиданно сказалъ ему:

— Послушайте, къ чему притворяться? Скажите мнѣ правду. Вѣдь вы *нашли*, но не хотите мнѣ признаться, изъ страха, чтобъ я не внесъ ее въ свою книгу?

На этотъ разъ онъ разсмѣялся такимъ натянутымъ, искусственнымъ смѣхомъ, что я былъ увѣренъ, что угадалъ. Несомнѣнно: только страхъ попасть въ печать удерживалъ его отъ признанія.

Онъ продолжалъ отрицать, улыбаясь, покачивая головой и смотря на кончикъ своего сапога, и въ то же время какъ бы обдумывалъ, продолжать-ли ему настаивать на своемъ отрицаніи или разсказать мнѣ всю правду.

— Ну, хорошо...—началъ онъ.

Я приготовился слушать признаніе.

— Ну, такъ вотъ... Нѣтъ!—промолвилъ онъ смѣясь:—Если-бъ это уже была правда... Я скажу вамъ первому, когда это рѣшится... Но вѣдь еще нѣтъ...

Его «еще нѣтъ» слѣдовало понимать «уже есть».

— Не можете ли вы мнѣ, по крайней мѣрѣ сказать, на какой линіи вы ее увидѣли въ первый разъ? Это такое смутное указаніе!

— Ну, хорошо... На линіи *Понте Изабелла*.

— Въ закрытомъ вагонѣ или въ жардиньерѣ?

— ...Въ закрытомъ.

Онъ на настолько одурѣлъ въ своей страсти, что сказавъ мнѣ это, глядѣлъ на меня съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, какъ будто я имѣлъ въ своихъ рукахъ такъ много данныхъ, что могъ открыть и лицо.

— Ну, ничего, — сказалъ я ему: — будьте увѣрены, что я открою тайну раньше, чѣмъ вы мнѣ признаетесь.

И въ то время, какъ онъ собирался выйти изъ конки, я спросилъ у него, дѣйствительно-ли это у него серьезно.

Онъ положилъ мнѣ на плечо руку и, наклонившись къ моему уху, шепнулъ мнѣ тономъ такой горячей и глубокой страсти, на которую я никогда не считалъ его способнымъ:

— Ахъ!.. До потери разсудка.

И онъ спустилъ ногу на землю въ то время, когда вогонъ уже двинулся, и отвернулъ лицо въ другую сторону, чтобы скрыть отъ меня свой стыдъ, что такъ себя выдалъ.

А вотъ на конецъ, послѣ трехъ съ лишнимъ мѣсяцевъ, и донна Бихота, которую я увидѣлъ, когда она направлялась къ конкѣ *застава Казале* отъ Южной желѣзнодорожной станціи. Она шла въ сопровожденіи трехъ дѣтишекъ и носильщика, нагруженнаго багажемъ, вся раскраснѣвшись, какъ всегда, въ воинственнаго вида шляпѣ и съ корзиной въ рукахъ, изъ которой выглядывали крендели. Гдѣ достала она эти маленькія движимости съ стриженными подъ гребенку волосами, всё одинаково и опротно одѣтыя, но очевидно изъ бѣдной среды, жавшіяся къ ней и улыбавшіяся ей какъ матери? Я сразу угадалъ, что это было «одно» изъ ея «сумасбродствъ», но какого именно рода, я могъ понять только изъ разговора ея съ пожилой дамой, начавшей осторожно спрашивать ее о дѣтяхъ, лаская ихъ и глядя на нее съ любопытствомъ. Два мальчика, говорила она, хорошо попра-

вились—довольно взглянуть на ихъ лица. А дѣвочка—мало. Она еще требовала большихъ заботъ. Объ этомъ она хотѣла переговорить съ ея матерью, къ которой и везла ее теперь. И она распространилась о подробностяхъ болѣзни, поминутно взглядывая на ея блѣдное личико безпокойнымъ любовнымъ взоромъ, словно желая имъ его окрасить. Въ концѣ концовъ я понялъ, что это были бѣдныя дѣти, взятыя ею въ разныхъ семьяхъ и прожившія у нея двадцать дней на виллѣ въ Валь-Сезии, гдѣ она каждое лѣто содержала на свой счетъ маленькую *альпійскую колонію* для слабыхъ дѣтей. Пожилая дама начала ее хвалить, говоря, что если-бъ другія поступали также, то тысяча бѣдныхъ мальчиковъ могли-бы поправить свое здоровье. Но донна Бихота прервала ея похвалы и покачала головой, внезапно опечаленная и растроенная мыслью о собственномъ безсиліи, о бѣдности своихъ одиночныхъ силъ предъ лицомъ такой безграничной нужды, передъ безчисленнымъ множествомъ болѣзненныхъ дѣтей, остающихся въ городѣ даже въ самые жаркіе мѣсяцы дышать отравленнымъ воздухомъ темныхъ и грязныхъ трущобъ.

И она повторяла, вѣроятно, сама не зная, возгласъ Толстого: Что дѣлать?

— Что же дѣлать?—повторяла она такимъ горячимъ горестнымъ голосомъ, что, казалось, эта мысль должна была подавлять въ ея сердцѣ всякое удовлетвореніе отъ сдѣланнаго хорошаго поступка. И еще больше голоса объ этомъ говорили ея глаза, черные и расширенныя, пристально устремленные на три эти дѣтскія головки съ выраженіемъ горькаго сожалѣнія, что ихъ такъ мало: только три! не тридцать и не триста, не тридцать тысячъ, какъ хотѣлось-бы ея пламенному состраданію.—Ахъ, что дѣлать?—Была минута, когда мнѣ хотѣлось отвѣтить ей:—Да то, что ты дѣлаешь, прекрасная душа!—Но если-бъ я далъ этотъ отвѣтъ въ самой вѣжливой и почтительной формѣ, то даже отъ *нихъ* заслужилъ бы эпитетъ нахала, или сумасшедшаго... Такъ, видите-ли, внѣдрились мнимыя приличія въ наше общество, идущія въ разрѣзъ съ искрен-

ностью и поэзіей! Поэтому я рѣшилъ отвѣтить ей печатно.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней я не встрѣчалъ никого больше, но за то, собирая отрывки разговоръ въ вагонахъ и жардиньерахъ, открылъ новый родъ оригиналовъ, осмѣивающихъ дачную жизнь и дачниковъ. Это—горожане, которые чувствуютъ себя въ Туринѣ прекрасно даже въ самый разгаръ лѣта, предпочитаютъ *Caffe'romano* и вечернія прогулки въ конкѣ всѣмъ деревенскимъ удовольствіямъ и смѣются надъ тѣми «дураками», которые, изъ гигиеническихъ предразсудковъ или барскаго чванства отказываются отъ всѣхъ городскихъ удобствъ и закапываютъ себя въ горномъ уединеніи или даже среди выжженныхъ равнинъ, гдѣ жарятся на солнцѣ и изнываютъ отъ тоски. Такъ одинъ толстый господинъ, развалившись въ вагонѣ, ѣдко осмѣивалъ однихъ знакомыхъ, которые съ дачи засыпаютъ своихъ друзей умоляющими письмами, чтобъ они пріѣхали разсѣять смертельную унылость ихъ дней, и когда одинъ изъ нихъ попадетъ туда, они такъ изливаются передъ нимъ въ благодарности, что онъ проникается, сочувствіемъ къ ихъ бытью. А третьяго дня, напримѣръ, одинъ засидѣвшійся въ городѣ чиновникъ взорадовался по поводу дурной погоды, думая о дачникахъ живущихъ въ горахъ: какъ они застигнутые раннимъ холодомъ будутъ сидѣть въ комнатахъ и по цѣлымъ днямъ топтать печи, какъ въ январѣ, вздыхая по Турину и досудая на себя, что у нихъ не хватаетъ мужества, вернуться въ него. А вчера элегантный старичекъ съ перекосеннымъ ртомъ издѣвался надъ однимъ семействомъ, которое, желая, чтобъ всѣ считали его уѣхавшимъ въ деревню, живетъ въ заперти съ закрытыми жалюзи и выходитъ на улицу только ночью, какъ злоумышленники, преслѣдуемые полиціей. Однако, не всѣ испытываютъ жестокую потребность находить удовольствіе въ представленіи о несчастіи другого. Попадаются въ конкѣ просто веселыя лица разныхъ отставныхъ, которые наслаждаются лѣтомъ всѣми своими фибрами и цѣнятъ жару какъ усыпитель-

ницу своихъ недуговъ, довольные тѣмъ, что городъ не такъ многолюденъ и шуменъ, и длинные дни сокращаютъ мучительную безсонницу, и оживающіе подъ солнечными лучами, какъ змѣи. Къ послѣднимъ принадлежитъ и мой добрый ветеранъ, который, выйдя разъ утромъ изъ своего 43 №, сѣлъ въ жардиньеру на улицѣ *Гарибальди*, съ Чюкетто на рукахъ, и привѣтливо обратился ко мнѣ съ той особенною веселою говорливостью, которая отличаетъ стариковъ, когда они совсѣмъ здоровы. Онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя хорошо и былъ бы вполне счастливъ, еслибъ не его маленький другъ, у котораго колесомъ повозки была повреждена лапка. Вслѣдствіе этого онъ вынужденъ былъ вотъ уже цѣлую недѣлю выносить его на рукахъ «подышать воздухомъ». Бѣдный старичекъ! Чувствуя себя вѣрными, онъ позволялъ себѣ развлеченіе—поѣздку на озеро съ билетомъ туда и обратно, совсѣмъ одинъ, и вернулся оттуда совсѣмъ удовлетвореннымъ и ничуть не усталымъ. Кроме того онъ испытываетъ радость преданнаго монархиста по поводу предстоящаго бракосочетанія принца неаполитанскаго и отеческую вѣжность къ принцессѣ—«Прекрасная особа, прекрасная особа!» Онъ говоритъ объ этой свадьбѣ, какъ о событіи, которое ему непремѣнно нужно увидѣть собственными глазами, чтобъ спокойно прожить послѣдніе годы и съ миромъ закрыть глаза.

— Если-бы мнѣ только выльчить вотъ этого! — сказалъ онъ спустя немного, лаская собачку, которая вѣзжала отъ благодарности и старалась лизнуть его въ лицо.

— Повѣрьте, это мнѣ было большой неприятностью: онъ послѣдній другъ бѣднаго старца. Да, безъ шутокъ: вѣдь мнѣ уже, знаете, семьдесятъ восемь съ половиной... Впрочемъ, я не жалуясь. Желудокъ варитъ хорошо съ нѣкотораго времени, а вѣдь этимъ могутъ похвалиться не всѣ въ моемъ возрастѣ. Правда! У меня вотъ есть старый товарищъ, который этимъ страдаетъ. Я ѣду теперь навѣстить его. Эта конка довезетъ меня какъ разъ до его подъѣзда. Большое удобство, не правда ли? Особенно въ та-

віе хорошіе дни. Вы уже выходите? Ахъ, осторожнѣе! Не сходите, пока совсѣмъ не остановится. У васъ еще совсѣмъ здоровый юношескій видъ—долго ли до несчастья! Вотъ какъ... Всего хорошаго! Счастливый путь!

Счастливецъ! О человѣческая душа, стремящаяся къ безконечному и довольствующаяся столь малымъ!

Дѣлаю другое открытіе, противоположное, но относящееся только въ женскому полу,—такого состоянія души, которое можно бы назвать *сентябрьской хандрой*. Я встрѣчаю въ вагонахъ многихъ барынь и барышень въ дурномъ настроеніи, какъ бы терзаемыхъ глухимъ и упорнымъ раздраженіемъ, которое сквозитъ въ ихъ неподвижныхъ глазахъ и мелькаетъ на сжатыхъ губахъ, и я читаю его причины въ косыхъ взглядахъ, которые они бросаютъ, проѣзжая мимо станціи, на дамъ въ дорожныхъ платьяхъ, идущихъ или ѣдущихъ въ экипажахъ съ шляпными коробками и мѣшками. О, эти не принадлежатъ къ числу осмѣивающихся деревню! Это жены и дочери бѣдныхъ буржуа, которымъ профессія или кошелекъ запрещаютъ «темное уединеніе»: Онѣ обречены на вынужденное и далеко не безропотное пребываніе въ городѣ и озлоблены на Туринъ и на рабство или скаредность супружскую и родительскую, да и противъ уѣхавшихъ подругъ, предвида ихъ торжествующіе взгляды по возвращеніи и соболизнующіе разспросы. Какъ легко угадывается то, что кружится въ этихъ головкахъ, украшенныхъ цвѣтами, во время длинныхъ переѣздовъ въ жардиньерахъ! Это мѣсяцъ путешествій, горныхъ поѣздокъ и гонокъ на озерахъ, прощальныхъ праздниковъ на купальныхъ курортахъ, шумныхъ поѣздокъ съ вилды на виллу, сопровождаемыхъ неожиданными встрѣчами и смѣлымъ ухаживаніемъ, нѣжными разговорами въ тѣни и беззаботной свободой, которая въ городѣ съ его тысячею открытыхъ глазъ и мелкими домашними работами, не мыслима. Всѣ эти видѣнія кружатся передъ сомкнутыми глазами глядящими далеко черезъ головы лошадей,

въ глубь длинныхъ пыльныхъ аллея на окутанный дымкой горизонтъ. А въ мысляхъ подъэтими нахмуренными злами подготавлиются ѣдкіе намеки, сарказмы и упреки, которые въ часъ обѣда или сна посылаются на голову въ тонѣ жалобы или приговора какого-нибудь несчастнаго, дошедшаго до того состоянія, когда столъ и постель кажутся двумя орудіями пытки. Въ самомъ дѣлѣ, встрѣчаются хорошенькія личики, такъ сурово и такъ вызывающе нахмуренныя, что я со страхомъ отклоняюсь при ихъ приближеніи, какъ отъ тѣхъ забіякъ, которые ищутъ предлога, чтобъ напасть на перваго встрѣчнаго. Иногда попадаетъ сразу нѣсколько, такъ что жардиньеры кажутся переполненными супружескою злобой, дымомъ домашнихъ битвъ, въ которыхъ я чувствую себя, какъ путешественникъ ѣдущій въ вагонѣ со взрывчатыми веществами. Враждебныя взгляды не щадятъ и меня:

— Ты тоже, должно быть, одинъ изъ этихъ мужей-мучителей, которые заставляютъ своихъ женъ задыхаться въ городѣ!—И если иногда одинъ изъ этихъ взглядовъ, встрѣтившись съ моимъ, смягчается, мое тщеславіе тотчасъ же наказывается плохо сдерживаемымъ зѣвкомъ, который говоритъ мнѣ прямо въ лицо: «О не обманывайтесь на свой счетъ—вы тоже мнѣ неприятны!».

Однако, и въ конѣкъ при помощи воображенія можно наслаждаться деревней. Я въ ней совершаю пріятнѣйшія прогулки. Я въ первый разъ проѣхалъ до конца линію заставы Ланцо и сдѣлалъ во время этой поѣздки новое открытіе: наблюдатель расширяетъ для себя міръ.

Какъ только переѣдешь мостъ на Дорѣ и свернешь съ улицы *Понте Моска* въ широкое корсо *Эмилии*, сразу почувствуешь удовольствіе выхода толпы на свободу. Оно проявляется во всемъ: въ взглядѣ, въ болѣе свободномъ дыханіи, въ мысляхъ, до того прояснившихся, что хочется пѣть отъ радости. По переѣздѣ черезъ желѣзную дорогу Ланцо, чувствуешь себя уже за предѣлами Турина. Городъ постепенно переряжается изъ большой барыни въ грубую мѣщанку съ гладкимъ румянцемъ и яснымъ

наивнымъ взоромъ. Разбросанные дома пестрѣютъ развѣшеннымъ постельнымъ и дѣтскимъ бѣльемъ, какъ во время процессій флагамъ; на лавкахъ красуются столѣтнія вывѣски; площади сливаются съ огородами, боковыя улицы—съ узенькими тропинками, которыя теряются въ зеленыхъ поляхъ. Ёдешь мимо длинныхъ стѣвъ мастерскихъ и уединенныхъ виллъ, мимо широкихъ рововъ съ текущею водою, которая убаюкиваетъ своимъ тихимъ журчаньемъ дремлющія улицы. Затѣмъ появляются первыя деревянныя террасы съ наружными лѣстницами, первыя гряды, двери съ изображеніемъ святаго на одной сторонѣ и объявленіемъ префектуры на другой, то тамъ, то здѣсь пасущіяся коровы, загорѣлыя на солнцѣ женщины; и всюду миръ и безмолвіе, въ которомъ проходящая конка, со мной и еще однимъ заснувшимъ пассажиромъ, производитъ столько шума, какъ проѣзжающая почта въ захолустной деревнѣ. Затѣмъ, читаю надпись надъ запертымъ входомъ: *Театръ Жандун* и вижу афиши другихъ неизвѣстныхъ мѣст театровъ, между прочимъ, *Театра заставы Ланцо*, въ которомъ представляется знаменитый Chef d'oeuvre Александра Дюма «Бинъ». Какая странная тоска меня охватила, когда я вообразилъ себя запертымъ въ одномъ изъ этихъ спящихъ домиковъ—даже съ тою лишь цѣлью, чтобъ, поживши тамъ, понять, какъ глубоко уединеніе на границѣ шумнаго города!.. Но эти мысли разсѣваются на заставѣ, гдѣ присутствіе маленькой желѣзнодорожной станціи и таможни, движеніе ломовиковъ, телеги и лавки съ фруктами — вызываютъ опять жизнь и веселость городского движенія и деревенскихъ работъ, и онѣ входятъ мнѣ въ душу. Ожидая обратнаго отъѣзда, я заглянулъ въ закрытый вагонъ безъ оконъ и въ группѣ кучеровъ и кондукторовъ послѣшно обѣдавшихъ среди цѣлой батареи корзинъ, увидѣлъ молодого «дантиста», уплетавшаго яичницу со сковороды. Завидѣвъ меня, онъ воскликнулъ: «Вотъ!.. какими судьбами вы очутились на границѣ обитаемаго міра? Взгляните, взгляните, какая отличная столовая...

...«E come il rap per fame si mangiava» *).

Какъ разъ на этихъ линіяхъ и въ этомъ мѣсяцѣ приходится часто совершать поѣздки въ конкѣ совершенно безлюдной или съ однимъ лишь компаньономъ, въ которомъ замѣчаешь проявленіе страннаго чувства, похожего на то, какое испытываетъ человѣкъ, одинокого прогуливающійся по великолѣпнымъ садамъ и заламъ большихъ дворцовъ: мимолетная иллюзія господства и обладанія богатствомъ и роскошью. Эти одинокіе пассажиры кажутся гордыми и довольными тѣмъ, что они—одни въ вагонѣ, что лошади будто бѣгутъ исключительно для ихъ удовольствія, что кучеръ впереди и кондукторъ сзади, находятъ здѣсь тоже исключительно для ихъ услугъ, и на лицахъ ихъ читаются фантастическіе монологи важныхъ господъ. Гдѣ, кромѣ конки, можно получить за десять сантимовъ столь пріятное наслажденіе для фантазіи? Въ этихъ улицахъ кондуктора и кучера, свободные за отсутствіемъ публики и счастливые этой кратковременной свободой, громко разговариваютъ, напѣваютъ и насвистываютъ, весело привѣтствуя своихъ коллегъ, ѣдущихъ въ другихъ пустыхъ вагонахъ, и обмѣниваясь съ ними шутками и поклонами, въ которыхъ обнаруживается мальчишеская фамиллярность, связывающая всѣхъ имѣющихъ общія занятія и заботы и общія причины для смѣха, жалобъ и критики, все равно, кто они—депутаты, солдаты или ученики. Это пріятныя «случайности», часы отдыха для этихъ несчастныхъ всеобщихъ слугъ. Если Карлину тогда удастся захватить въ свои руки слушателя, то онъ съ наслажденіемъ выгружаетъ весь свой багажъ, накопившійся за цѣлую недѣлю. Я далъ ему говорить довольно долго въ одинъ изъ этихъ безлюдныхъ переѣздовъ и понялъ лучше, чѣмъ когда-либо, въ какую странную чудовищную смѣсь сплетаются всевоз-

*) Изъ Дантова «Ада» (п. XXXII): «И какъ голодный пожираетъ хлѣбъ».

Прим. перев.

можныя новости подитическія, научныя и общественныя, вылавливаемые изъ газетъ и разговоровъ пассажировъ, въ умѣ простаго человѣка, который при полномъ отсутствіи образованія, необходимаго, чтобъ понять и связать ихъ, надѣленъ природною склонностью къ разсужденію и живымъ воображеніемъ. Въ нѣсколько мннутъ онъ отмѣтилъ и объяснилъ всѣ главнѣйшіе факты послѣдняго мѣсяца, сопровождая ихъ самыми странными разсужденіями и неожиданными выводами, какіе только можно вообразить. Въ землетрясеніяхъ Исландіи и Мессины, въ наводненіи въ Феррарѣ и бурѣ, пронесшейся надъ Мессиной, онъ видитъ указанія на какую-то порчу въ міровой машинѣ, признаки распаденія вселенной, — и это его серьезно озабочиваетъ.

— Что-то будетъ? И вся эта великая наука не можетъ ровно ничего сдѣлать, чтобъ предупредить то, что случится?

Затѣмъ онъ безъ всякихъ переходовъ бросается въ позитку съ полнымъ отсутствіемъ интеллектуальной стыдливости, особенно свойственной дѣтямъ и людямъ необразованнымъ, удерживающей насъ быстро переходить отъ одного сюжета къ другому, чтобъ собесѣдникъ не подумалъ, что мы на него исчерпываемъ всѣ наши идеи и что мы неспособны долго остановиться на одной мысли. Въ Специи спущенъ новый броненосецъ *Карль-Албертъ*, а въ Сестри крейсеръ *Колонъ*, отправляющійся въ Испанію, значитъ, заключается союзъ между Италіей и Испаніей. Говорятъ объ италотунисскомъ трактатѣ, вотъ, значитъ и новый тройственный союзъ: Италія, Испанія и Франція. Противъ кого? И затѣмъ, опять прыжокъ. Этотъ Нансенъ, который такъ торжественно возвращается въ Христианію, открылъ новый міръ, не правда ли? Въ эти дни говорятъ объ открытіи золота въ Новой Зеландіи, — это и сдѣлано Нансеномъ — открыть міръ полный сокровищъ. Вотъ, можетъ быть, почему русскіе направляются къ Даніи и Норвегіи, лежащимъ въ этой же сторонѣ: чтобъ прежде всѣхъ нахватать золота; это ясно, какъ день.

И онъ продолжалъ въ томъ же стилѣ,

фабрикуя всевозможныя комбинаціи изъ разсѣянныхъ и искаженныхъ матеріаловъ, накопляющихся въ его полутемной головѣ. Я видѣлъ, что мои объясненія только увеличиваютъ путаницу его представленій, и, вздыхая, слушалъ его, уже не прерывая, и думалъ о томъ, что пока не наступитъ улучшенія въ положенія рабочихъ, пока школы не откроются для всѣхъ жаждущихъ, не уменьшится въ мірѣ тьма невѣжества, невѣжества наводненного отрывками и смѣшеніемъ идей, въ которыхъ трудноѣ уловить какую-нибудь ясную мысль, чѣмъ въ совѣсть дѣвственныхъ некультурныхъ мозгахъ.

Удивительный человѣкъ Карлинъ. Его преобладающее состояніе — капѣніе. Онъ закипаетъ по всякому поводу, но чаще всего изъ-за военныхъ мечтаній и плановъ.

— Опять шестьсотъ армянъ убиты! Чортъ возьми! — восклицаетъ онъ, сжимая кулакъ: — Нужно сейчасъ же отправить туда нашихъ «морскихъ колосовъ», проплыть вдоль всѣхъ проклятыхъ береговъ и бум бум-бум! — взорвать все на воздухъ и сжечь все до послѣдней вещи, чтобъ не осталось ни одного лоскутка отъ чалмы по всему лицу земли!

Проговоривъ это, онъ взялъ книжечку и сталъ отмѣчать билеты съ такимъ рѣшительнымъ лицомъ, какъ будто вычислялъ, сколько понадобится пушекъ для предстоящаго предпріятія. Затѣмъ онъ спряталъ книжечку въ карманъ и сталъ на площадкѣ, скрестивъ руки и устремивъ пристальный взоръ на горизонтъ, какъ адмиралъ разглядывающій съ броненосца непріятельскія крѣпости.

Тутъ для меня наступилъ періодъ (уже не первый въ теченіи года), похожій на тѣ нумера журналовъ во время мертвого сезона, въ которыхъ отъ начала до конца при всемъ желаніи нельзя найти ни одной мало-мальски значительной и интересной статейки, ни одной строчки хроники, ни одного живого слова, какъ будто жизнь, отражаемая въ этихъ журналахъ, погасла. Кто не наблюдалъ такихъ же мертвыхъ періодовъ въ конкѣ? Въ теченіе дѣлаго ряда

дней вы не встрѣчаете ни одного оригинальнаго человѣка, ни одной красивой женщины, ни одного привлекательнаго ребенка; всѣ пассажиры вамъ незнакомы, словно население вашего города обмѣнили, и даже, по странной случайности, всѣ служащіе новые. Ни одного случая, ни одного разговора — ничего рѣшительно, чтобы прервало однообразие вашихъ поѣздовъ, какъ будто молодость, любовь и веселость покинули «учрежденіе» уже старое, дряхлое и близкое къ смерти, какъ древніе омнибусы. Я не встрѣчалъ ничего сколько-нибудь любопытнаго, кромѣ одной жардиньеры, занятой бѣдными старушками изъ богадѣльни, для которыхъ это былъ еженедѣльный день выхода. Всѣ онѣ были одѣты въ сѣрый цвѣтъ и такъ согнуты, какъ-будто сзади дулъ на нихъ сильный вѣтеръ, и надъ этими столѣтними лицами съ тысячами морщинъ въ жардиньерѣ ярко выдѣлялось дугообразное объявленіе, напечатанное большими бѣлыми буквами на голубомъ фонѣ: *Романическаѧ библиотекѧ Сперани.*

Наконецъ, въ одно воскресенье я встрѣтилъ столяра-пропагандиста въ его вѣчномъ пиджакѣ изъ полинялаго бархата. Онъ былъ занятъ оживленной бесѣдой съ бородаатымъ, коренастымъ кондукторомъ съ большущей головой и такого крошечнаго роста, что приходился ему только по плечо.

Съ перваго же взгляда я угадалъ, что онъ ему проповѣдывалъ, и подумалъ, что, можетъ быть, онъ имѣлъ обыкновеніе пользоваться часами мертвой службы для того, чтобы забросить слово коночнымъ служащимъ. И въ самомъ дѣлѣ, едва меня увидѣвъ, онъ подошелъ и подтвердилъ, что я не ошибся. Онъ дѣйствительно ѣздилъ по конкамъ, чтобы проповѣдовать свою вѣру кучерамъ и кондукторамъ, и уже успѣлъ обратитъ многихъ. Вотъ только этотъ, карликовое отродье, никогда не смѣется, твердъ и устойчивъ, какъ камень, и все изъ-за нѣсколькихъ пядей земли, вѣрнѣе грязи съ пескомъ пополамъ, на берегу Тарно, которыми онъ владѣлъ. Но это была странная собственность, постоянно скрывавшаяся подъ водой и не приносящая

ему ни одного сента дохода. Онъ дожилъ въ ней только большимъ букомъ, который онъ самъ посадилъ, рассчитывалъ со временемъ срубить и отъ продажи его выручить лиръ шестьдесятъ.

— Это человѣкъ, способный понять многое, — проговорилъ столяръ: — Онъ слѣдитъ за развитіемъ моей мысли: изъ одной производительной и потребительной ассоціаціи развивается цѣлая группа, изъ одной группы — нѣсколько группъ и такъ далѣе, отъ общинъ къ провинціямъ и отъ провинцій распространится на всю страну. Мысль ему нравится, онъ съ ней согласенъ. Но какъ только мы переходимъ отъ промышленной собственности къ земельной, тутъ онъ хватается за свое дерево и тогда его уже ни съ мѣста.

Это дерево было для кондуктора послѣднимъ необходимымъ аргументомъ противъ идеѣ столяра. Стволъ этого бука врывался въ механизмъ новой гигантской соціальной машины, которой онъ тоже удивлялся, и внезапно останавливалъ ея движеніе. Говоря это, столяръ пристально смотрѣлъ на спину кондуктора, стоявшаго въ сторонѣ, но я понималъ, что мысленно онъ видѣлъ передъ собой не лицо, а проклятое дерево, главную помѣху къ побѣдѣ, своимъ непріателемъ и живо работалъ воображеніемъ надъ тѣмъ, какъ бы сразитъ его; это было очевидно по нетерпѣливому движенію пальцевъ, которыми онъ тербилъ свою бороду и трепалъ пачку своихъ брошюръ въ рукѣ. Я спросилъ его, куда онъ ѣдетъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, хлопнувъ рукой по брошюркамъ, что ѣдетъ распространитъ ихъ въ предмѣстіи *Санг-Сальваріо*, гдѣ его ожидали друзья. При этомъ ему пришло на мысль какое то воспоминаніе, вдругъ прояснившее ея лицо и заставившее его разсмѣяться: воспоминаніе объ его торжествѣ, объ одной изъ тѣхъ удачныхъ его выходовъ противъ властей, которыя составляли его гордость. Вотъ такъ приключеніе! Полиція сдѣлала ему визитъ въ его мастерскую, подозрѣвая, что онъ устроилъ у себя складъ нелегальныхъ брошюръ. А у него не было ни запрещен-

ныхъ, ни дозволенныхъ, потому что— тутъ онъ мнѣ подмигнулъ— онъ книгъ не держалъ. Полковникъ перерылъ и пересмотрѣлъ все, не найдя, конечно и клочка напечатанной бумаги. Но на стѣнѣ, какъ разъ противъ двери висѣлъ большой социалистическій *Календарь на 1896 года*. Бригадиръ взглянулъ на него и, сочтя совершенно безвреднымъ, прошелъ мимо и затѣмъ вышелъ изъ его мастерской, вѣжливво раскланиваясь. Вотъ такъ фарсъ! При этомъ воспоминаніи мнѣ овладѣла бурная веселость; онъ радовался, что ему удалась противъ властей одна изъ тѣхъ замысловатыхъ, въ одно и то же время смѣшныхъ и дерзкихъ выходокъ, которыя на всегда остаются въ исторіи революціонныхъ хитростей къ посрамленію деспотизма. И онъ хохоталъ до упаду, потирая руки и тряса головой. Затѣмъ онъ вдругъ сталъ серьезенъ и заговорилъ со мной о женскомъ берлинскомъ конгрессѣ: женскій вопросъ всегда былъ однимъ изъ наиболѣе его интересовавшихъ. Онъ по этому поводу развернулъ свою потертую записную книжку и показалъ мнѣ нѣсколько своихъ сентенцій противъ порнографіи, написанныхъ мельчайшими буквами, карандашемъ. Когда я собирался сойти на углу *Курсо Валентино*, онъ подалъ мнѣ свою громадную лапу и прошепталъ на ухо низкимъ голосомъ:

— А теперь я возвращусь къ дереву. О, я хоть полъ года проработаю, а таки добыю своего!.. Я вамъ тогда сообщу.

И затѣмъ съ площадки, когда я былъ уже на улицѣ, онъ подмигнулъ мнѣ, смѣясь, и сдѣлалъ жестъ наносащаго удара топоромъ по стволу дерева.

Два дня спустя я попалъ на Темпесту, на линіи *Ницца*. Вотъ субъектъ, котораго столяру никогда не удастся обратить. Онъ находился въ періодѣ черной ярости на велосипеды, вслѣдствіе одного случая, происшедшаго недѣлю тому назадъ. Одинъ неосторожный велосипедистъ захотѣлъ пересѣчь рельсы передъ самой конкой, но былъ отброшенъ ею и полетѣлъ, вверхъ ногами,

на землю. И хотя несчастье и убытки были понесены имъ однимъ: изломанный въ дребезги велосипедъ, разбитая голова и испугъ, — но Темпеста былъ внѣ себя, какъ будто все это произошло съ нимъ. Онъ не могъ перекипѣть за цѣлую недѣлю, какъ сказалъ мнѣ кондукторъ. Видъ велосипедиста заставлялъ его метать изъ горла громовыя стрѣлы. А въ этотъ день велосипедисты, казалось, назначили другъ другу свиданіе, чтобы его мучить. Онъ замѣчалъ ихъ въ глубинѣ улицы на невѣроятно-далекомъ разстояніи и сопровождалъ ихъ путь ругательнымъ монологомъ и, когда кто-нибудь изъ нихъ ѣхалъ нѣкоторое время рядомъ съ жардьянсерой, онъ окликивалъ колеса злобнымъ взоромъ, сжавъ зубы. какъ-будто страдалъ отъ того, что не можетъ дать пинка ногой. Его особенно раздражали пожилые велосипедисты, которыхъ онъ и осмысливалъ больше всѣхъ ругательствами. На поворотѣ улицы *Бурдинъ* онъ замѣтилъ двухъ дамъ на велосипедахъ и промолчалъ на этотъ разъ, но язвительная улыбка, съ которою онъ обернулся посмотреть на нихъ, была поистинѣ достойна кисти художника. Я ѣхалъ издалека и могъ вдоволь налюбоваться этимъ зрѣлищемъ; около заставы повстрѣчалась цѣлая туча велосипедистовъ, а потому Темпеста, подавленный численностью неприятеля, не могъ нападать на каждого отдѣльно и долженъ былъ прибѣгнуть къ общимъ проклятіямъ, которыя онъ бросилъ по сторонамъ, какъ сѣмена несчастья. Меня ждалъ сюрпризъ. Я познакомился съ его женой и двумя сыновьями, пяти и восьми лѣтъ, ожидавшими его съ корзиной завтрака. Я столько разъ думалъ о несчастныхъ жертвахъ, обреченныхъ на сожительство съ нимъ, что когда наконецъ ихъ увидѣлъ, то сталъ разсматривать съ участливымъ любопытствомъ. Но я почувствовалъ облегченіе. Это были типы способные отстоять себя. Жена его казалась его родной сестрой: приземистая женщина съ подвижнымъ гордымъ лицомъ, растрепанными волосами и боевыми глазами, безусловно способная дать ему отпоръ — и не только сло-

весный; сыновья, похожіе на отца до смѣшнаго, съ странными угрюмыми лицами, будущіе антагонисты общества покровительства животнымъ, видимому давно практиковали большую часть лексикона отповскихъ ругательствъ. Жена мужественнымъ движеніемъ подала ему корзинку, которую онъ ворча взялъ и, не сказавъ ни слова, усѣлся на ступеньку вагона и сталъ ѣсть по медвѣжьи, разжевывая подъ взглядами двухъ медвѣжатъ молчаливыхъ и нахмуренныхъ.

— Это единственный моментъ втеченіе дня когда онъ затихаетъ,—сказалъ кондукторъ,— въ сторонѣ наблюдавшій его вмѣстѣ со мной. И прибавилъ, добродушно улыбаясь: Грубая порода!

Нахожу среди своихъ замѣтокъ подъ рубрикой: *Грубая порода* разныя наблюденія, сдѣланныя въ эти дни относительно вѣжливости мужчинъ съ женщинами въ конкѣ и главнымъ образомъ относительно уступки мѣстъ первыми вторымъ. Я не думалъ, что найдется столько грубияновъ, и при томъ не въ одномъ какомъ-нибудь классѣ. И какое забавное разнообразіе грубости въ нихъ приемахъ! Добрякъ Валентино Каррера, собиравшійся написать книгу *объ итальянской грубости*, нашелъ бы для себя въ конкѣ много матерьяла. Есть такіе безсовѣстные, которые, сидя внутри вагона съ полнымъ комфортомъ, еще любуются, съ видимымъ восхищеніемъ красивой дамой, стоящей на площадкѣ въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Попадаются и сидящіе изъ непреодолимой лѣнности, но стыдящіеся этого и избѣгающіе взглядовъ «просительницы», какъ бы не замѣчая ея присутствія. Есть такіе, которые встаютъ передъ дамами и не беспокоятъ себя изъ-за простолудинокъ, или такіе, которые уступаютъ мѣсто молодымъ, но сидятъ передъ старыми. Иные достигаютъ въ своей грубости предѣла: остаются сидѣть передъ женщиной, которая шатается отъ слабости и вынуждена держаться за ремень, чтобы не упасть, иногда съ ребенкомъ на рукахъ или въ ожиданіи его... Но самый комичный и памятный случай я видѣлъ на улицѣ *Гарibaldi*

въ тотъ же день поѣздки съ Темпестою. Поздно вечеромъ конка шла подъ проливнымъ дождемъ. Внутри вагона весело болтали пять или шесть здоровяковъ, по виду принадлежавшимъ къ крупному купечеству, судя по ихъ краснымъ блестящимъ при свѣтѣ фонаря лицамъ; они ѣхали послѣ кутежа. А на площадкѣ стояли двѣ дамы, которымъ вѣтеръ набивалъ дождь въ спину. Веселые приятели, сидѣвшіе у входа, не только видѣли ихъ, но и бросали на нихъ любезные взоры; а дамы обмѣнивались между собою на ихъ счетъ шутивными замѣчаніями:

— Вотъ такъ кавалеры!—Они, кажется, надъ нами смѣются!—Была минута, когда онѣ подумали, что ошиблись, потому что одинъ изъ кавалеровъ всталъ и протянулъ руку къ внутренней ручкѣ двери. Но какое издѣвательство! Онъ хотѣлъ только плотнѣе задвинуть дверь, чтобы въ щель не дуло. Тогда обѣ дамы разразились самымъ искреннимъ смѣхомъ, которому вторили и другіе пассажиры стоявшіе вокругъ нихъ на площадкѣ. Между тѣмъ, въ вагонѣ краснолицыя возобновили оживленную бесѣду, довольные тѣмъ, что они въ вагонѣ подъ защитой отъ дождя, хлеставшаго по дамскимъ плечамъ. Любезная латинская кривь.

А вотъ, въ другой разъ, — графская вѣжливость. Закрытый вагонъ ѣхалъ, когда уже стемнѣло, по улицѣ *Черная*. На дворѣ шелъ мелкій дождь. Среди насъ на площадкѣ былъ аристократическій кондукторъ; онъ протягивалъ мимо плечъ пассажировъ свою блѣлую руку, и принимая сольдъ и подавая билеты съ своей обычной, нѣсколько робкой и заботливой вѣжливостью усерднаго новичка. Одинъ господинъ съ большими усами, мой шапочный знакомый, далъ ему бумажку въ одну лиру, сильно полинявшую. Тотъ поднесъ ее къ фонарю и сталъ тщательно разсматривать.

Господинъ обидѣлся и произнесъ громко: — Хорошая манера!

Кондукторъ покраснѣлъ.

— Я долженъ убѣдиться,—отвѣтилъ онъ.

— Но что сказали бы вы, если бы и

я сталъ такимъ образомъ разсматривать вашу сдачу?

— Но... застѣнчиво возразилъ кондукторъ: — Я сказалъ бы, что вы въ правѣ это дѣлать.

— Да,—промолвилъ господинъ:—всякій понимаетъ вѣжливость по своему.

Кондукторъ посмотрѣлъ на него съ минутой, наклонилъ голову какъ бы затѣмъ, чтобъ проглотить пилюлю, и отошелъ.

Тогда я сказалъ моему знакомому, что это графъ, настоящій графъ и называлъ ему имя. Онъ подумалъ, что я шучу, но я подтвердилъ. Тогда онъ, на минутой задумавшись,—воскликнулъ:

— Но вѣдь я не могъ себѣ этого представить! — Тонъ этого восклицанія меня поразилъ. Оно вырвалось помимо воли, и потому выражало непосредственное чувство—сожалѣнія. Онъ какъ бы хотѣлъ имъ сказать: — Если-бъ я это зналъ, то былъ бы меньше рѣзокъ или не сказалъ бы ничего. — Курьезно! А почему такъ?—спросилъ я себя. Почему если-бъ то, что онъ считалъ невѣжливостью, было сдѣлано графомъ, вѣвѣшивающимъ свои поступки, это бы оскорбило его меньше, чѣмъ простой такой же поступокъ некультурнаго человѣка, у котораго невѣжливость можетъ быть безсознательною? Почему ему досадно сознать, что онъ поступилъ невѣжливо и несправедливо, только изъ-за того, что оскорбленный ему равенъ и еще изъ болѣе высокой по происхожденію семьи? Но обратившись къ самому себѣ, я отвѣтилъ тотчасъ, что если-бъ со мной произошелъ подобный случай, быть можетъ и я, подъ вліяніемъ того же несправедливаго чувства, разразился бы такимъ же нелогичнымъ, восклицаніемъ. И по какой причинѣ? Да безъ всякой! Эти слова были бы во мнѣ, какъ теперь въ немъ, неожиданнымъ голосомъ похороненныхъ, но не умершихъ идей, старыхъ чувствъ, полученныхъ нами по наслѣдству и перемѣшанныхъ въ нашей душѣ съ новыми чувствами равенства и справедливости, — чувствъ, которыя таятся въ насъ часто безъ нашего вѣдома, такъ что мы сами бываемъ поражены, когда они при случаѣ обнаружи-

ваются; это—голосъ стараго сознанія, въ которое наша мысль заглядываетъ только мелькомъ и то изрѣдка... А между тѣмъ, если бы мы это сознаніе исследовали въ основѣ, то поняли бы, что враждебная оппозиція самымъ дорогимъ нашимъ и свѣтлымъ гуманитарнымъ и гражданскимъ стремленіямъ приходитъ не только извнѣ... Точно такъ, какъ самый ревностный апостолъ новой вѣры носитъ всегда скрытыхъ ея противниковъ въ своемъ сердцѣ... Я еще больше убѣдился въ справедливости своей мысли, когда увидѣлъ, какъ мой знакомый при появленіи кондуктора старался избѣжать его взгляда.

25. *Мертвый день.* 26. *Ни строчки.* 27. *Воскресеніе. «Сестра Тереза», драма въ 5 дѣйствіяхъ, дневное представленіе.* — Изъ туринскаго театра *Арена*, на корсо *Санъ Мавриціо*. слынула волна народу, три супружескихъ пары, одна за другой, вошли въ конку и заняли въ ней всѣ оставшіяся мѣста. Последняя сѣла передо мной. Вотъ какъ! Это мои маленькіе супруги изъ *Санъ-Донато*. Я такъ много о нихъ думалъ и думаю, что мнѣ кажется страннымъ, что они меня не знаютъ и не привѣтствуютъ, какъ друга. Бѣдная маленькая женщина! Какъ могла ей придти мысль отравиться въ ея состояніи раздирать себѣ сердце муками умирающей монахини? Последній актъ, вѣроятно, заставилъ ее рыдать; ея грудь еще тяжело дышала и глаза распухли отъ слезъ. Блѣдность ея лица показываетъ, что волненіе было слишкомъ сильнымъ, что она была близка къ обмороку. Объ этомъ говоритъ и тревожная, любовная заботливость ея мужа, старающагося ее успокоить.

— Это моя вина,—сказалъ онъ ей,—мнѣ не слѣдовало тебя вести.

— Да нѣтъ же,—возражаетъ она. Она его оправдываетъ, а винитъ себя. Ей первой пришла въ голову эта мысль; но, съ другой стороны, хоть и пришлось страдать, она не раскаивается, что пошла. Я въ первый разъ услышалъ ея голосъ: добрый и робкій, томный, словно немногорукастый. Черезъ мѣсяць или, можетъ быть, черезъ нѣсколько дней онъ ставеть

еще мягче и вѣжливѣе и будетъ произносить тысячу любовныхъ словъ у изголовья колыбели... Старый неисправимый ребенокъ! Не вложилъ ли я столько любви въ этихъ молодыхъ, чтобы ждать съ безпокойствомъ того дня, котораго они оба такъ страстно ждуть и который можетъ оказаться несчастнымъ? Маленькая женщина такъ тщедушна на видъ, что нужно скорѣе гнать отъ себя эту мысль, чтобы не поддаться грустному предчувствію—не видѣть ее больше послѣ того рокового дня. И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда конка заворачивала въ корсео *Маргарита*, я увидѣлъ подвигающуюся по аллеѣ Королевскаго Парка небольшую погребальную колесницу въ сопровожденіи только двухъ лицъ. Бѣдная маленькая женщина! А ея гробъ, можетъ быть, будетъ провожать только одинъ человѣкъ... Но она вдругъ, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ рѣзкихъ переходовъ, которые свойственны женщинамъ въ ея положеніи, отерла слезы и начала смѣяться; онъ испустилъ вздохъ и улынулся, а мое предчувствіе разсѣялось. Съ какою охотой просунуть бы я свое лицо между ихъ головами и сказалъ бы имъ: «Вы развѣ не знаете, что я вашъ другъ? Хотите меня крестнымъ для своего ребенка?»

Вотъ работа твоему воображенію въ этомъ направленіи, старый неисправимый ребенокъ! Какъ бы я продолжалъ? Что бы я имъ сказалъ? Чтѣ бы они подумали обо мнѣ?

И однако... я когда-нибудь-таки вывину эту штуку,—предвижу.

Другую пару головъ, между которыхъ мнѣ не хотѣлось просовывать свою, я увидѣлъ дня два спустя, поздно вечеромъ, въ жадиньерѣ на улицѣ *Гарибальди*,—пару совершенно въ моемъ родѣ, чѣмъ маленькіе супруги. Хотя, стоя на передней площадкѣ, я могъ видѣть ихъ въ лицо на разстояніи только трехъ скамеекъ, я узналъ ихъ не сразу, потому что мужчина былъ переодѣтъ. Только, когда они повернулись другъ къ другу профилами, чтобы обмѣняться словомъ, я узналъ капитана, элегантно одѣтаго въ статское платье, и предполагаемую

жену почтоваго чиновника. Увы! Все кончается. Съ перваго же взгляда я замѣтилъ на ихъ лицахъ черныхъ предвѣстниковъ угасшаго счастья. Они, должно быть, недавно обмѣнялись очень ѣдкими фразами. Она была огорчена и казалась взволнованной, а его лицо выражало одну подавленную скуку и глаза скользили по мелькавшимъ лицамъ, по освѣщеннымъ кафе, по проходящимъ мимо офицерамъ, которые были «свободны», и дымамъ въ свѣтлыхъ платьяхъ, отстранявшимся передъ жадиньерой. А она неотступно слѣдила за нимъ своимъ взоромъ. Разъ она, не оборачиваясь, ему что-то сказала, вѣроятно, одно изъ тѣхъ односложныхъ словъ, которыя являются какъ бы взрывомъ послѣ долгаго безмолвнаго разговора. Онъ въ отвѣтъ повернулся къ ней немного спиной и, откинувъ назадъ голову, поднялъ глаза, какъ бы взывая къ небу о помощи. Они больше не говорили. Но въ позѣхъ двухъ сидящихъ рядомъ особъ иногда замѣчается нѣчто, едва уловимое, говорящее о томъ, что души ихъ раздѣлены. Они производили на меня впечатлѣніе ствола, разорваннаго пополамъ, такъ что части еще соприкасались, но раздѣляющая ихъ линія была видна. Итакъ, конка, бывшая ихъ триумфальной колесницей, сдѣлалась теперь погребальной. И кто знаетъ, сколько подобныхъ парочекъ, сколько умершихъ и умирающихъ чувствъ несутъ тѣ другія переполненные жадиньеры, бѣгущія впереди, сзади, рядомъ! Чувства, которыя, какъ и это, зародились въ конкѣ, здѣсь испытали первыя радости встрѣчъ и первый страхъ быть выслѣженными и заплатили по десяти сантимовъ за свои первыя наслажденія... Когда я взглянулъ на скамейку, Марсъ уже улетѣлъ, а одинокая Венера сидѣла съ мрачными глазами, устремленными въ пространство, въ которыхъ какъ будто застыло выраженіе послѣдней жалобы...

Былъ ясный свѣжій вечеръ, словно весною. Я не помню, чтобы когда-нибудь такъ любовался чудеснымъ зрѣлищемъ, которое представляеть видъ на

городъ съ конки въ хорошую лѣтнюю ночь. Подъ длинными гирляндами электрическихъ фонарей, зажженныхъ высоко посреди улицъ, мелькають огоньки другихъ жардиньеръ, напоминающихъ красивые, зеленые, бѣлые и голубые глаза большихъ невидимыхъ головъ, приближающихся къ намъ навстрѣчу издалека; тысячи фонарей на площадяхъ и на аллеяхъ мерцають со всѣхъ сторонъ сквозь листву деревьевъ, придавая городу видъ безконечной обширности; и это множество народа, толпящагося у кафе, собирающагося группами у дверей домовъ, на террасахъ и гуляющаго по тротуарамъ, эти безчисленные лица, проходящія мимо, то блѣдныя при свѣтѣ электричества, то золотистыя отъ газа, то неясныя въ тѣни или полусвѣщенныя полосами свѣта, льющагося изъ магазиновъ, кажутся какимъ-то фантастическимъ народомъ, живущимъ въ постоянной смѣнѣ дня и ночи подъ небомъ, на которомъ безъ всякихъ законовъ мелькають плеяды лунъ. Тамъ и сямъ вдаль виднѣются тѣ же контрасты свѣта и тьмы; черныя массы деревьевъ, кажущіяся большимъ лѣсомъ, съ мелькающими въ немъ бивучными огоньками, большія открытыя пространства, на которыхъ преслѣдуютъ другъ друга и встрѣчаются разноцвѣтныя звѣзды, длинные ряды домовъ сливающіеся въ одну черную стѣну, и ряды дворцовъ, на которыхъ словно играетъ лучъ зари. Провѣжающему такъ среди этой игры свѣта, среди отдыхающей праздно толпы, въ воздухѣ, напоенномъ ароматомъ травъ и цвѣтовъ и городскихъ садовъ и наполненномъ звуками играющей въ пивныхъ оркестровой музыки, кафешантанныхъ мотивовъ, народныхъ пѣсней и блуждающихъ по городу мандолинъ и гармоникъ, невольно кажется, что онъ попалъ въ чудесный городъ, гдѣ царствуетъ вѣчный праздникъ и совсѣмъ неизвѣстны горе, усталость и лишения. Но очарованіе тотчасъ разбѣсается при взглядѣ на кучера и кондуктора. Ахъ, ихъ усталыя лица съ смыкающимися глазами, ихъ несчастныя ноги, стоящія съ четырехъ часовъ утра и готовыя подкоситься, ихъ хриплые сонливые голоса напоми-

нають вамъ многихъ, о многихъ такихъ же, какъ они, которые, въ то время какъ одна часть жителей предается веселымъ удовольствіямъ, слѣшать вытянуть на бѣдной постели свои поющіе члены, чтобъ на другой день подняться съ зарею и начать тяжелый мучительный трудъ...

Былъ такой же ясный и свѣжій вечеръ, послѣдній въ сентябрѣ. Войдя въ жардиньеру *Винцалло*, на углу улицы *Черная*, я сразу встрѣтился съ моимъ пріятелемъ, профессоромъ и остроумнымъ журналистомъ, который ѣхалъ въ двумя дѣвочками. Въ старшей я тотчасъ узналъ его единственную дочку. Онъ только что пріѣхалъ на Южную станцію изъ своей виллы, находящейся въ окрестностяхъ Иврен, и отвозилъ домой дочь своего родственника, гостившую у него недѣлю. — «Вы должны его знать», прибавилъ онъ.

Это была дочь *Сіапуре*! Она сидѣла передо мной, такъ что ея темная коса касалась моихъ рукъ, которыми я оперался на палку; когда она обернулась, я ее сейчасъ узналъ. Она довольно выросла за эти три мѣсяца, какъ я ее не видѣлъ, и развилась умственно, судя по ея красивымъ чернымъ глазамъ, устремленнымъ на меня пристально. Я перевелъ разговоръ на другой предметъ, но во все время пути не могъ оторвать своихъ мыслей отъ этой дѣвочки. Она повернулась, чтобы слушать нашъ разговоръ, но продолжала смотрѣть на меня, словно понимала, что, говоря о другомъ, я думаю о ней и объ ея отцѣ. Она смотрѣла на меня, слегка наклонившись въ мою сторону и какъ бы говорила мнѣ своими добрыми выразительными глазами: — О, въ этотъ разъ ты непременно заговоришь, ты передашь ему поклонъ, и я принесу ему слово примиренія... Скажи же, наконецъ, это хорошее слово! — И въ этотъ разъ хорошее слово многократно готово было сорваться съ моихъ устъ, но я его удерживалъ. Я говорилъ себѣ: — Когда конка будетъ на углу корсо *Опорто*, я скажу... — И затѣмъ: — Когда завернетъ на корсо *Виктора-Эмануила*. — По-

томъ:—Когда подъѣдемъ къ памятни- ку.—Но назначенный пунктъ прохо- дить, а я молчалъ. Эта коса, прика- савшаяся къ моимъ рукамъ, вызвала во мнѣ такое чувство, словно меня кто подталкивалъ пальцемъ. и глаза, смо- трѣвшіе на меня, говорили мнѣ все нѣж- нѣе:—Да говори же! Тебѣ стоитъ только сказать: «Поклонись отъ меня своему отцу», и все будетъ между вами по старому, вѣдь вы никогда не переста- вали любить и уважать друга друга!

О, безсовѣстный! Мы проѣхали уже корсо *Гумберта*, а я все молчалъ. Они должны были выйти на площади *Карло Феллича*, у меня оставалось не болѣе трехъ минутъ. Я негодовалъ на себя, но чувствовалъ, что у меня не хватаетъ духу. Но вотъ отчего можетъ зависть слѣлать и не слѣлать хорошей поступокъ! Когда мы подъѣзжали къ площади, до моего слуха донесся изъ открытаго кафе «*Могна*» нѣжный и захватывающій мотивъ изъ симфоніи *Весври*, одинъ изъ самыхъ первыхъ, слышанныхъ мною въ дѣтствѣ. Онъ всегда вызываетъ въ моей душѣ мно- жество дѣтскихъ воспоминаній. первая волненія въ театрѣ, лицо моей молодой матери въ глубинѣ ложи, сцену, видѣн- ную какъ во снѣ, разную смѣсь воспо- минаній, веселыхъ и грустныхъ, смут- ныхъ и далекихъ, словно изъ другой жизни. О, благословенная музыка. бла- городный другъ и таинственная благо- дѣлательная вдохновительница къ добру!

— Дѣвочка, поклонись отъ меня тво- ему отцу...

Ея живое и нѣжное *si* показалось мнѣ одной изъ нотъ этой музыки...

Глава X.

Октябрь.

На порогъ октября встрѣчаю контро- лера-великана, представляющаго собой одинъ изъ самыхъ любопытныхъ ти- повъ, какія я встрѣчалъ въ теченіе нѣ- лаго года. Онъ касается головою по- толка вагона, плечами заслоняетъ двери и колетъ пассажировъ концами своихъ громадныхъ усовъ, по формѣ напомя-

нающихъ букву *S* на театральной афи- шѣ. Онъ—бывшій жандармъ и въ сущ- ности остается имъ до сихъ поръ, пе- ремѣнивъ только мундиръ, но употреб- ляя на новой службѣ тѣ же приемы и языкъ, которые практиковалъ въ ста- рой. Наружность у него очень суровая. Когда онъ останавливается передъ пас- сажиромъ, то всегда кажется, что онъ хочетъ позвать его къ допросу, онъ разсматриваетъ билетикъ, какъ паспортъ, и возвращаетъ его, пристально глядя въ лицо, какъ бы говоря про себя:— У этого видъ подозрительный!—Онъ ни съ кѣмъ не заводитъ разговора и ни- кому не улыбается. Я слышалъ только два сказанные имъ слова, и они носили характеръ жандармскій. Онъ рѣзко ска- залъ одному, стоявшему на ступенькѣ:— Это запрещено.—У меня есть сильное подозрѣніе, что онъ носитъ въ карманѣ пару ручныхъ кандаловъ. Навѣрное его общественные и политические взгляды находятся въ полной гармоніи съ его виѣшнимъ видомъ. Смотря на него, я думаю о тѣхъ многочисленныхъ людяхъ, которые, очутившись случайно въ извест- номъ общественномъ положеніи или про- фессіи, заимствуютъ отъ нихъ и свой нравственный обликъ, кристаллизуясь въ немъ, какъ дѣти, изъ которыхъ воспи- тывали разнаго рода шутовъ и уродоу, когда шутство было въ модѣ. И пред- ставляя себѣ работу надъ человѣческими мозгами этихъ безчисленныхъ фабрикъ, имѣющихся у современнаго общества, я вижу, что неприяТЕЛЬскія мастерскія работаютъ слишкомъ много и удачно, чтобъ возможно было оказать противо- дѣйствіе этому производству, снабжен- ному такими привилегіями и такъ хо- рошо управляемому.

Этого контролера Голиа я увидѣлъ первый разъ на линіи *Ванкилья*, гдѣ я заставлялъ его ожидать, такъ какъ долго не могъ найти своего билета. Онъ возвратилъ мнѣ его послѣ серьезнаго и тщательнаго осмотра, сопровождая про- низывающимъ взглядомъ. Когда онъ по- вернулся, я увидѣлъ у него за ухомъ ирради, можетъ быть, отъ удара по- жомъ при какомъ-нибудь арестѣ. Выйдя изъ конки, онъ стоялъ нѣкоторое время

*

выпрямившись, какъ колонна, посреди улицы и смотрѣлъ подозрительнымъ взглядомъ на удаляющійся вагонъ, какъ нѣкогда смотрѣлъ вслѣдъ тюремному акыпажу, не вполнѣ надежному..

Послѣ этого пугала я нѣсколько дней въ конкѣ встрѣчалъ все только довольныхъ людей. Октябрь мнѣ улыбался. Первымъ былъ мой милый Джіорсѣ на линіи *Винцалло*, веселый и свѣжій, какъ утро. Я тотчасъ спросилъ его о женѣ. Выздоровѣла! Выздоровѣла уже довольно давно и хорошо поправляется, цвѣтетъ, какъ невѣста; здорова и дѣтвора, три бездонныхъ мѣшка — чистое разоревіе! И, улыбнувшись, онъ попытался засвистать на мотивъ изъ Карменъ, но у него не вышло. Потомъ онъ началъ сообщать мнѣ новости о старушкѣ изъ *Поцио ди Страда*. Съ ума сходить отъ радости, бѣдняга! Въ это утро она проѣзжала въ конкѣ: совсѣмъ другое лицо, словно воскресла! Сынъ ея оказался живъ, и она получила черезъ министерство «военныхъ дѣлъ» лоскутокъ грязной бумаги съ четырьмя словами своего плѣнника, пріѣхавшій *оттуда* въ большомъ пакетѣ вмѣстѣ съ другими письмами, собранными и отосланными священникомъ, посланнымъ туда папой. Она, какъ есть, виѣ себя, словно выпила, и такъ счастлива, что просто сердце радуется, глядя на нее, горемычную! Она носитъ листокъ за пазухой въ маленькомъ кошелькѣ изъ овечьей кожи, и показываетъ ему и другимъ.

— Письмо пришло, ладно. Но когда пріѣдетъ сынъ? Кто знаетъ? Когда будетъ заключенъ миръ? Вы не слышали ль чего-нибудь? Я не читаю газетъ—глаза болятъ отъ мелкихъ словъ... И онъ закатился своимъ обычнымъ смѣхомъ. На передней лавкѣ сидѣлъ продавецъ устрицъ съ корзиной на колѣняхъ, и онъ принялся его поддразнивать. Это продуктъ для возбужденія аппетита, не правда ли? Неужто на свѣтѣ такую дьявольщину для возбужденія его? Какой вкусъ имѣютъ эти безголовыя животныя? Онъ никогда ихъ не проб-

валъ во всю свою жизнь и испытывалъ острый зудъ отвѣдать ихъ въ это утро. И говоря это, онъ безпрестанно обращивался въ промежуткѣ между однимъ подергиваніемъ возжами и другимъ и поглядывалъ на корзину съ такимъ комичнымъ и недовѣрчивымъ любопытствомъ, что продавецъ, наконецъ, досталъ одну устрицу и, вскрывъ, подалъ ему. Джіорсѣ взялъ ее и держа во рту какъ бы затѣмъ чтобъ опредѣлить вкусъ, спросилъ:

— А сколько она стоитъ?

— Полтора сольдо,—отвѣтилъ тотъ.

— Ахъ, чортъ возьми!—воскликнулъ онъ, глотая устрицу съ ужаснѣйшей гримасой:—И у тебя хватаетъ стыда брать за эту гадость деньги, какъ за хлѣбъ?

Всѣ пассажиры разсмѣялись

Однако эта «горьковатая слезъ» раздражила ему аппетитъ и онъ долженъ былъ нести двойную муку, пока наступилъ часъ удовлетворенія.

Другую довольную душу я встрѣтилъ на линіи *Банкилья*. Мнѣ достаточно было привѣтствія этого человѣка, чтобъ увидѣть, что онъ совершенно преобразился. Это былъ тотъ несчастный кучеръ, который былъ избитъ пьяными и остался съ хроническимъ страхомъ. Видя переиравъ въ его лицѣ, я подумалъ, не улажена ли ссора, и спросилъ его объ этомъ. У него прошла по лицу тѣнь: нѣтъ еще. Но у него была другая причина радоваться, и онъ разсказалъ мнѣ ее, опять повеселѣвъ. Ему выпала на долю одна изъ тѣхъ счастливыхъ картъ фортуны, которыя являются въ жизни бѣдняковъ тѣмъ же, чѣмъ побѣды въ жизни генераловъ. Три дня тому назадъ, пріѣхавъ съ пустымъ вагономъ на заставу *Казале*, онъ поднялъ подъ лавкой сафьянный бумажникъ, завернутый въ газету; не открывая, сунулъ его себѣ въ карманъ и на обратномъ пути, соответственно правилу, вручилъ его контролеру, чтобъ тотъ отнесъ въ дирекцію. Возвращаясь опять къ заставѣ, онъ встрѣтилъ на площади *Виктора-Эммануила* толстаго господина, который,

вскочивъ на площадку, спросилъ у него замирающимъ голосомъ:

— Нашли?..

Услышавъ утвердительный отвѣтъ, онъ, раскинувъ руки, упалъ на лавку и едва могъ отдышаться. Актъ заключительный: появленіе господина въ дирекціи, допросъ, провѣрка, врученіе ему бумажника и отсчитыванье имъ опредѣленнаго процента для кондуктора: сто лиръ!

— Понимаете ли, сто лиръ! Красненькая огненная бумажка, совсѣмъ новенькая, словно только-что изъ печати! Ахъ, Боже милосердый, какъ онъ пришли во время!—Послѣ того несчастія, когда онъ три мѣсяца пробылъ на половинномъ жалованьи, онъ никакъ не могъ оправиться. Его семья вела мучительную жизнь; они должны были впроголодь питаться, чтобъ уплачивать долги, и не видѣли конца своимъ несчастіямъ. И вотъ, вдругъ... Ахъ, нужно признать, что это самъ Богъ! — И его блѣдное лицо, обыкновенно испуганное, сіяло такимъ довольствомъ, что невольно охватывала жалость при взглядѣ на него. Охватывала жалость при мысли, что сто лиръ могутъ произвести такое возрожденіе въ душѣ человѣка, и даже излѣчить его отъ страха быть убитымъ. И онъ разсуждалъ о своемъ счастьи, чтобы полнѣе наслаждаться имъ. На всѣхъ линіяхъ ежедневно, конечно, случается находить разныя вещи: платки, шпильки, ключики, портсигары и даже любовныя письма, но чтобъ найти портмоне съ тысячей лиръ, такъ это ужъ дѣйствительно рѣдкій случай. Это называется *счастливымъ родиться*. Онъ описалъ мнѣ сцену того вечера, какъ вернувшись домой сталъ развѣвать красненькую бумажку, какъ знамя, передъ лицомъ жены и надъ головами засыпающихъ дѣтей. Бѣдная женщина ударилась въ слезы, а дѣти, пробудившись, повскакивали съ постелей и привялись плясать и смѣяться.

— А что жъ будетъ, — спросилъ я его, — если получите тысячу лиръ отъ выиграннаго процесса?—Лицо его вдругъ омрачилось при этомъ вопросѣ и, казалось, къ нему вернулся его обычный

страхъ.—Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ тихо,— я предпочелъ бы не получать ихъ.—И онъ слегка задумался; затѣмъ воскликнулъ, оживляясь: — Ахъ! еслибъ ужъ только не было другихъ несчастій!..— И онъ прибавилъ униженно: — Вѣдь я никому не дѣлаю зла, я никому не хочу зла, и никто не долженъ бы желать мнѣ... Не правда ли? За что мнѣ дѣлать зло?

Потомъ, озираясь кругомъ, онъ сказалъ съ такой тревогой въ голосѣ, что мнѣ стало больно: — Какъ сократился уже день!

Вѣдняя, онъ еще не выльчился.

Третьимъ довольнымъ лицомъ былъ новый персонажъ, старый маленькій священникъ, котораго я увидѣлъ вышедшимъ изъ Южной желѣзнодорожной станицы съ саквоюжемъ и зонтикомъ и направившимся къ конкѣ *Казале*. Потому, какъ онъ блуждалъ взоромъ, пріостанавливаясь, по площади, какъ внимательно прочелъ на вагонѣ надпись прежде чѣмъ войти и какъ, войдя, разсматривалъ все съ улыбкой любопытства и удивленія, я рѣшилъ, что онъ первый разъ въ Туринѣ или не бывалъ въ немъ давнымъ-давно. У него былъ видъ священника съ горъ: лицо съ румянцемъ и очень ясные глаза съ выраженіемъ добрымъ и наивнымъ, почти дѣтскимъ. Онъ вошелъ въ вагонъ, какъ въ дружескій домъ, улыбаясь всѣмъ, точно въ благодарность за хорошій приемъ и, какъ только сѣлъ, спросилъ у меня, проходить ли конка черезъ площадь *Виктора-Эммануила*. Тонъ, которымъ я ему отвѣтилъ, побудилъ его тотчасъ же завязать фамиллярный разговоръ. Онъ тридцать лѣтъ не былъ въ Туринѣ и въ первый разъ входилъ въ конку. Правда, онъ много о ней слышалъ, но представлять и видѣть это еще далеко не одно и то же. Онъ поворачивался, какъ ребенокъ, и смотрѣлъ на кондуктора, на кучера, на скамьи, на разсѣянные стекла и на проходящія мимо вагоны. И мнѣ вспомнился другой священникъ, тоже горный житель, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ выражалъ на мосту рѣки *По* восхищеніе, видя въ первый разъ пароходъ. Такъ этотъ восхыщался конкой:

— Вотъ такъ штука, вотъ такъ штука... И останавливается, когда нужно? И на каждой улицѣ есть своя особня? И вотъ такъ и идетъ вездѣ по рельсамъ какъ желѣзная дорога?

И всякій разъ, когда вагонъ двигается, онъ выражаетъ живѣйшее удовольствие.

— Ну, дѣйствительно, прекрасная штука... безъ толчковъ... и какъ бѣжить! Прекрасная вещь, въ самомъ дѣлѣ, прекрасная. А теперь, кажется, скоро пустятъ электрическіе? Вотъ будетъ чудо. Ахъ, приятно видѣть подобныя вещи!..

И онъ улыбался вокругъ, пассажирамъ, какъ будущимъ товарищамъ по предстоящему длинному путешествію, съ которыми хоть онъ еще и не знакомъ, но долженъ будетъ познакомиться, благодарилъ, какъ за подарокъ, кондуктора за билетъ и созерцалъ нѣкоторое время съ удивленіемъ колокольчикъ. Когда на площади *Сольферино* я всталъ, чтобы сходить, и онъ тоже приподнялся и вѣжливо раскланялся. какъ знакомому, видимо довольный тѣмъ, что ему еще не сейчасъ сходить, а придется пробить еще въ такой прекрасной компаніи, развеселившейся отъ его любезной улыбки, которою онъ отвѣчалъ на насмѣшливыя улыбки окружающихъ, очевидно, принимая ихъ за утонченный знакъ городской вѣжливости...

Но и «прекрасная компанія» давала не мало поводовъ къ насмѣшкѣ въ эти дни. Нахожу среди замѣтокъ: *Галилео Феррарисъ*. Это воспоминаніе объ одной совѣстной съ нимъ поѣздкѣ по линіи *Аллеи Маргариты*. Въ газетахъ въ это время было опубликовано предложеніе, сдѣланное обществомъ городскому управленію о введеніи электрическаго трамвая, и въ концѣ не мало можно было слышать толковъ на этотъ счетъ. Быть можетъ, двумъ элегантнымъ лавочницамъ или модисткамъ, развлекавшимъ насъ въ теченіе пяти минутъ, не мѣшало бы знать, что этотъ красивый брюнетъ съ блѣднымъ лицомъ, мягкой улыбкой на губахъ и полувскрытыми глазами, стоявшій съ наклоненной головой и незамѣтно прислушивавшійся

къ ихъ разговору—знаменитый электротехникъ. Болѣе молодая, въ шляпкѣ, одѣланной магнoliaми, клалась, что никогда не ступила бы ногой въ вагонъ электрической дороги и на вопросъ: почему? живо отвѣтила:— Да какъ же? А если проволока порвется? Вѣдь все взлетитъ на воздухъ!—Но подруга объ этомъ не безіоковалась. Она слышала, что главная опасность состоитъ въ другомъ: если, входя или выходя, какъ-нибудь неосторожно задѣтъ ящичекъ, въ которомъ «закупорены искры», то получишь такое сотрясеніе, что замертво упадешь на землю, какъ отъ удара по головѣ. Какъ любовался ими Феррарисъ, поглаживая черную бороду своей маленькой женской рукой! Но это не было самымъ забавнымъ изъ того, что ему приводилось слышать. Такъ, напримѣръ, накануне вечеромъ онъ слышалъ, какъ одинъ старикъ дѣлалъ самыя мрачныя предсказанія насчетъ этихъ новыхъ проволокъ, растягиваемыхъ надъ другими. уже раньше проведенными между домами. Насытивъ воздухъ электричествомъ, онъ вызоветъ разстройство нервовъ, всевозможныя странности и извращеніе идей, а также безумныя дерзости разрушительныхъ партій, которыя вскорѣ міръ обратятъ въ адъ... Какъ странно, не правда ли? Слышать подобныя разговоры въ одномъ изъ самыхъ образованныхъ городовъ Италіи, среди преклоненія передъ наукой и гражданской доблестью и славой, слышать почти тѣ же рѣчи, которыхъ можно ждать развѣ на берегахъ Викторіи Нанца!

— Довольно!—заключила молодая модистка:— Они ужъ не знаютъ, какую еще изобрѣсти дьявольщину для сокращенія жизни.

— Восхитительно!—промолвилъ Феррарисъ. Та обернулась и, увидѣвъ красиваго брюнета, повидимому слушавшаго ее и поддерживавшаго ее мнѣніе, наградила его сочувственной благодарной улыбкой.

Ъъ этимъ днямъ относится странная въ моихъ замѣткахъ, озаглавленная «Явленія эротическаго электричества», которую можно переписать дѣлкомъ.

Это, можетъ быть, приближеніе сентиментальнаго сезона, чувствуемое въ воздухѣ, и мысль о томъ, что октябрь—последній мѣсяцъ жардиньеръ, представляющихъ столько удобствъ для созерцанія прекраснаго пола, последний мѣсяцъ легкихъ лѣтнихъ одеждъ, которыя вскорѣ будутъ замѣнены высокими воротами, плотно обхватывающими шею, и просторными плащами, скрывающими талию, служатъ причинами замѣчаемой мною у эротиковъ особенной пристальности взглядовъ, млѣющихъ отъ чувственности больше, чѣмъ въ самые жаркіе лѣтніе дни? Любопытѣйшій типъ замѣченъ мною сегодня, утромъ, на площади *Мадама Кристина*: корректно одѣтый господинъ въ золотыхъ очкахъ и съ бородою султана, блѣдный и серьезный, какъ Гамлетъ, стоитъ въ глубинѣ жардиньеры, опершись однимъ плечомъ о колонку, и высовывается всѣмъ туловищемъ всякій разъ, когда входитъ или выходитъ какая-нибудь дама, чтобъ узнать, изъ какой мастерской вышелъ ея башмачекъ. Когда же съ улицы раздавался женскій голосъ, останавливающій конку, онъ всякій разъ дѣлалъ осторожное, едва уловимое подготовительное движеніе, выдвигая впередъ ту ногу, на которую ему придется опереться, чтобъ выглянуть. Это дѣтски маскируемое проявленіе чувственнаго любопытства представляло комичный контрастъ съ почти трагической серьезностью его бородастаго лица, и, вѣроятно, еще болѣе съ мыслями, которыя кружились въ его головѣ, но ничѣмъ не выражались въ этихъ глазахъ, смотрѣвшихъ сквозь золотые очки: выпуклыхъ, сѣрыхъ и нѣмыхъ, какъ два стеклянныхъ шарика. Ахъ, еслибъ можно было, хоть въ одномъ вагонѣ, проникнуть въ мысли, скрытыя за таинственнымъ покровомъ этихъ лицъ, серьезныхъ, холодныхъ, невинныхъ индифферентныхъ—какой открылся бы содомъ мыслей и представлений, желаній и предположеній, безконечно отличающихся отъ тѣхъ, которыя выражаются масками! Исключеніе, впрочемъ, составляетъ одно лицо—лицо «мертвой дѣвы», вошедшей въ конку на перекресткѣ корсо *Валентино* и привлекевшей на

себя, какъ и другія, взоръ золотыхъ очковъ. Это блѣлое дѣвственное лицо было такимъ чистымъ, что, можно поклясться, навѣрное не скрывало и тѣни такой мысли, которую уста не могли бы вымолвить, и не покрылось бы краской даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она знала, что эти очки созерцали сквозь платъ ея наготу. Какъ всегда, взгляды всѣхъ обратились на нее, но на этомъ чистомъ мраморѣ, какъ всегда, не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, не отразилось никакого чувства въ отвѣтъ. Только, когда она съѣла, вещь совсѣмъ необычная, голова ея съ живостью повернулась направо и налево, словно она когото искала на улицѣ, того, кто долженъ былъ ее искать...

День спустя я встрѣтилъ на улицѣ *Гарибальди* кавалера Биккьерино. Я стоялъ въ это время въ срединѣ площади съ моимъ знакомымъ рабочимъ-жестяникомъ, одѣтымъ въ рабочее платье и державшимъ подъ мышкой свернутую газовую трубку. Положительный и точный въ каждой вещи, кавалеръ остановилъ конку, трижды поднавѣ и опустивъ палку; прежде чѣмъ войти, онъ взглянулъ на лошадей, вполне ли онѣ остановились, и прежде чѣмъ сѣсть на последнюю скамейку, тщательно смахнулъ съ нея пыль носовымъ платкомъ. Затѣмъ, чтобъ оправить платье, онъ слегка наклонилъ голову и одно плечо, какъ всегда дѣлаетъ курица, собиравшаяся встряхнуть крыльями, и, совершивъ эту операцію, усѣлся неподвижно. Жестяникъ съ своей обычной серьезностью и медленностью мыслителя, говорилъ со мной о новыхъ функціяхъ англійскихъ городскихъ управленій. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ занимался этимъ вопросомъ, урывая для него, какъ всегда, время у сна, съ тѣмъ особеннымъ прилежаніемъ, которое составляло его особенность, дѣлая вырѣзки изъ газетъ и выписки изъ журналовъ въ свою толстую памятную книжку. Остановившись было, чтобъ взглянуть на операцію незнакомаго ему господина, онъ продолжалъ:

— Когда говоримъ мы, это кажется неслышанной вещью. Но вотъ, напри-

мѣръ, въ Бирмингамѣ, когда окончится семидесятипятилѣтній срокъ аренды на участокъ города, сланный предпринима-телю для расширенія, городское управ-леніе сдѣлается собственникомъ всѣхъ вновь выстроенныхъ домовъ, съ еже-годнымъ доходомъ въ сто тысячъ фун-товъ стерлинговъ. Это уже большой шагъ къ тому, чтобъ городское управленіе сдѣ-лалось дирекціей большого кооператив-наго предпріятія, акціонерами котораго будутъ всѣ горожане...

Но едва замѣтному движенію плечъ кавалера я замѣтилъ, что онъ услышалъ послѣднія слова и легкое наклоненіе его головы убѣдило меня въ томъ, что онъ слушалъ нашъ разговоръ.

Жестяникъ, поглаживая себѣ под-бородокъ своей почернѣвшей отъ жести рукой, продолжалъ спокойно цитировать такимъ тономъ, словно диктуя.

— Во многихъ англійскихъ городахъ водопроводы, газовое и электрическое ос-вѣщеніе находятся во владѣніи города, что приносить барыши при громадномъ пони-женіи цѣны. Городское управленіе Глазго присоединило къ этому еще и конки, сокративъ рабочіе часы служащихъ, уве-личивъ имъ жалованье и введя плату по 5 вмѣсто 10 сантимовъ на расстоя-ніи подумили, и доходъ, получаемый городомъ, теперь далеко превосходитъ плату, прежде вносимую ему частными обществами...

Все порицаніе, какое только можетъ выразить спина и затылокъ гражданина, я увидѣлъ въ движеніяхъ кавалера, ко-торому всѣ эти цитаты должны были казаться или очень преувеличенными, или совсѣмъ вымышленными фанта-зіей.

Между тѣмъ, жестяникъ продолжалъ, наставная на примѣръ Глазго, приняв-шаго на себя, къ выгодѣ своей и пуб-лики, также нѣкоторыя функціи болѣе частнаго характера.

— Право, почему бы общественному управленію не взять на себя, напри-мѣръ, устройства прачешныхъ заведеній?

При этомъ послѣднемъ ударѣ добрый кавалеръ Биккьерино рѣшительно поте-рялъ самообладаніе и, обернувшись, чтобы посмотрѣть на насъ, выразилъ

въ своихъ круглыхъ глазахъ и откры-томъ ртѣ все удивленіе, на которое только способна человѣческая душа. Онъ бросилъ взглядъ на оратора, потомъ на меня, какъ бы желая удостовѣриться, и я прочелъ въ немъ свой приговоръ. Человѣкъ, слушающій, съ вѣдомъ со-гласія, странности и нелѣпости подоб-наго рода, можетъ быть только сума-шедшимъ, заслуживающимъ самой глу-бокой жалости; ему можно простить и сужденіе объ уличѣ Гарибальди и обра-щеніе съ *Guzetta del Popolo*. По ма-нерѣ, съ которою онъ повернулъ спину и принялъ прежнюю позу, я понялъ, что у меня не оставалось ни малѣйшей надежды вернуть себѣ его уваженіе.

Я сдѣлалъ еще и другую несчастли-вую поѣздку спустя нѣсколько дней, памятнаго двадцать второго числа. Впро-чемъ, она началась для меня хорошо. Я былъ занятъ собираніемъ между пас-сажирами всѣхъ подобныхъ вырази-ній: Истинно говорю... Будемъ гово-рить правду... Правду говоря... Будемъ искренни... Говоря откровенно... Будемъ говорить прямо... и т. д., которыя, сры-вааясь удивительно часто съ языка у всѣхъ, служатъ краснорѣчивымъ дока-зательствомъ почти всеобщей человѣ-ческой лжи. Изъ сознанія этой постоян-ной лжи у человѣка вырастаетъ подо-зрѣніе, что ему нието никогда не вѣ-рить. Увлеченный этой идеей, я былъ доволенъ, что мнѣ удалось собрать хо-рошую коллекцію въ теченіе десяти ми-нутъ на линіи *Форс Боаріо*, и стоялъ, наблюдая съ любопытствомъ въ разго-ворѣ двухъ господъ эту употребительную манеру вѣжливейшимъ образомъ обзывать другъ друга лжецами. — Вы говорите правду? — Это дѣйствительно такъ? — Вы даете свое честное слово? — Какъ вдругъ то мистическое чувство, которое даетъ намъ знать о присутствіи за спиной врага, заставило меня обернуться и я узналъ злые глаза и вражескую бороду Гюйо, который тихо говорилъ съ дру-гимъ толстымъ, сонливымъ господиномъ, сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ съ правой стороны. Понятно само собой, что онъ долженъ былъ всегда меня ненавидѣть,

но, судя по его взгляду, послѣдняя сцена съ *Grido* и *Lotta* *) особенно ожесточила его ненависть, и въ груди его гнѣзвился планъ мести. — Теперь его очередь, — подумалъ я, и сталъ ждать, настроивъ ухо.

Сердце меня не обмануло. Не прошло и минуты, какъ до меня долетѣли слова, отчеканиваемые съ той особенной выразительностью и рѣзкостью, когда говорящіе предназначаютъ свой разговоръ для кого-нибудь третьяго, въ немъ не участвующаго. Это былъ страшный голосъ, выходившій словно изъ воздрей и сопровождавшійся присвистываніемъ. Орудіемъ мести была выбрана газета, которую онъ держалъ въ рукахъ.

— Видѣли? — спросилъ онъ своего сосѣда: — *Бюро труда* закрыто.

И послѣ паузы: — кажется также, что Кадронки въ Сициліи рѣшили приступить къ энергичнымъ мѣрамъ. Онъ прикрылъ уже коралонскую социалистическую федерацію.

Сонливый господинъ отвѣчалъ односложно, подтверждая:

— Ну, теперь все пойдетъ на ладъ. Запретили также и ту книгу, Джюффрида...

— Написанную въ тюрьмѣ...

— Высиженную въ тюрьмѣ!

Я подумалъ, что уже конецъ. Но онъ хорошо запасся боевымъ матерьяломъ. И онъ отмѣтилъ (я слышалъ, какъ дрожалъ его голосъ отъ радости) еще «прекрасный приемъ» оказанный французскимъ социалистамъ и другимъ основателямъ стекольнаго завода рабочими въ Кармо — со свистками!

— Ну, теперь я свободенъ! — подумалъ я. — но опять ошибся. Онъ еще прошелся на счетъ амнистіи, которой тогда съ дня на день ожидали для политическихъ.

— Знаете ли, что вѣдь она простирается и на тѣхъ злодѣевъ изъ Сициліи? Вотъ такъ подарочекъ для насъ!

Онъ долженъ былъ чувствовать величайшее торжество. Но я, однако, ощу-

щаль въ сердцѣ только удивленіе; удивленіе при мысли, что два человѣка, живущіе одновременно и принадлежащіе къ одному и тому же классу, могутъ чувствовать и думать столь различно по однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ своего времени, и при томъ оба такъ убѣждены въ своей правотѣ, что питаютъ другъ къ другу ненависть и сожалѣніе, какъ къ существу совершенно отличному и враждебному по расѣ, религіи и цивилизаціи. Гюйо не говорилъ больше, считая, что у меня не осталось уже духа въ тѣлѣ. Я прикидывался убитымъ, чтобъ поддержать его въ иллюзіи. Но слово *злодѣи* внезапно возродило въ душѣ моей подозрѣніе: это слово попадалось дважды въ анонимномъ письмѣ, полученномъ мною послѣ убійства президента Карно. Такъ письмо, значить, прислано дѣйствительно имъ? Въ то время когда я надъ этимъ раздумывалъ онъ вышелъ изъ конки и сталъ удаляться по улицѣ шагомъ побѣдителя, не бросивъ даже ни единого взгляда на «то», что осталось отъ меня въ конкѣ. Вся его фигура дышала глубокой увѣренностью, что онъ меня прикончилъ.

На той же линіи, въ слѣдующій вечеръ, вѣдуци отъ заставы *Форо Боаріо*, въ часъ свободнаго выхода солдатъ, я увидѣлъ новую престелную картинку: вагонъ, переполненный артиллеристами съ монахиней — тюремной сестрой милосердія — посредникъ, которая вѣбла видѣ св. Варвары, покровительницы оружія, триумфально сопутствуемой отрядомъ своихъ воиновъ по Турину.

На козлахъ былъ протезе донны Бихоты. Распознавъ его, я тотчасъ подскѣлъ къ нему на площадку, чтобы посмотрѣть, былъ ли онъ на веселѣ. Нѣтъ, или по крайней мѣрѣ казалось, что нѣтъ. Однако, лицо его было красно и какъ всегда нахмурено. Бросивъ мелькомъ взглядъ на меня, какъ на извѣстнаго частаго посѣтителя конки, онъ поѣхалъ. Но вскорѣ пришлось остановиться: черезъ аллею была протянута цѣпь, такъ какъ долженъ былъ проходить Миланскій поѣздъ. Предстояло нѣсколько минутъ ожиданія. И, увы! Какъ чело-

*) Названія газетъ, которыя держали въ рукахъ авторъ и его сосѣдъ при послѣдней встрѣчѣ съ Гюйо.

мѣкъ мѣняется только снаружи! Едва вагонъ остановился, онъ соскочилъ и побѣжалъ къ лавочкѣ, чтобъ хлебнуть стаканчикъ крѣпкой. Кондукторъ закричалъ ему въ слѣдъ.

— Эй, смотри, барыня идетъ!

Онъ остановился при этомъ окликѣ и подозрительно оглянулся кругомъ, тотъ засмѣялся; тогда онъ пожалъ плечами и отправился пить. Этой *барыней* не могла быть никто иная, кромѣ донны Кихотины, всѣмъ извѣстной его покровительницы и строгой воспитательницы, требовавшей отъ него воздержанія. И такъ, если это «смотри» способно было испугать его, то, значить, этотъ чело-мѣкъ не потерялъ еще способности къ невольному волненію. Онъ взошелъ на площадку вытара я ротъ рукой и, тронувшись въ путь, какъ только проѣздъ былъ свободенъ, началъ выгружать ту скудную толику философіи, которую приобрѣлъ за пять сантимовъ. Съ деревьевъ на корсо *Опорто* падали сухіе листья. Онъ началъ разсуждать по поводу листьевъ, какъ бы обращаясь къ лошадаей. Одинъ, два, три... и безъ конца: это предвѣстники зимы. Ахъ, сколько всякой всячины они предвѣщали! Безконечный рядъ дней съ дождемъ и вѣтромъ, рѣжущимъ въ лицо, непроглядные туманы и морозы, долгія ночи и пяти часовые дни и безконечныя поѣздки по снѣгу, прерываемыя долгими остановками, паденіемъ лошадей и сходомъ съ рельсовъ. Вдругъ, онъ обернулся ко мнѣ, какъ къ знакомому.

А эта бѣдная дѣвочка, какъ то она проведетъ зиму съ своимъ ужаснымъ кашлемъ, раздирающимъ ея душу? Ей сказали, что воздухъ Ривьеры былъ бы очень для нея полезенъ. Н-да! Только никто не указывалъ гостиницы, гдѣ бы ее держали даромъ. У кого деньжонокъ нѣтъ, съ тѣмъ смерть не церемонится. Одни господа могутъ упротить ее подождать.

И только, послѣ всего этого изліянія, онъ нашелъ нужнымъ сообщить мнѣ, что у него была единственная больная дочка, которая, послѣ одного несчастія, никакъ не можетъ поправиться. Но какого несчастія—онъ мнѣ не сказалъ.

Когда конка переѣзжала корсо *Гумберто*, взглядъ его вдругъ сдѣлался пристальнымъ и лицо еще больше нахмурилось. Я понялъ причину, только когда увидѣлъ корсо *Опорто*, запруженное толпами мальчиковъ, выходившихъ изъ городской школы Монвизо. Тогда для бѣдняги началась настоящая мука. Мальчики, крича, бѣгали другъ за дружкой взадъ и впередъ черезъ рельсы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лошадей, словно заигрывая съ опасностью, а несчастный кучеръ напрасно упрасивалъ ихъ, угрожалъ и проклиналъ съ измѣнявшимся лицомъ, сдерживая возжи дрожащими руками и вода вокругъ расширенными, испуганными глазами, передъ которыми вставалъ кровавый призракъ убитаго ребенка. И въ лицѣ его, какъ и во всѣхъ движеніяхъ выражалась мучительная борьба между желаніемъ скорѣе проѣхать это мѣсто и отвращеніемъ, почти ужасомъ къ этой ѣздѣ, словно, помимо мальчишекъ какое-то другое, одному ему видимое препятствіе, загромождало ему дорогу. Завернувъ въ улицу *Венти Сетембре*, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и отеръ потъ со лба.

И на всей улицѣ *Венти Сетембре* онъ не произнесъ ни слова и проѣхалъ, не оборачиваясь, мимо мѣста, гдѣ произошло несчастіе, съ напряженнымъ вниманіемъ устремивъ взоръ на средину улицы. Только на *Аллен Маргариты* онъ обернулся опять, чтобы взглянуть на падающіе листья и возобновилъ свои разсужденія насчетъ зимы. Одинъ, два, и такъ, мало-по-малу, опадуть всѣ: деревья теряютъ свои волосы. Уже вѣтъ запахомъ мертвыхъ дней. Эта зима кажется будетъ еще печальнѣе лѣта. Ну, что вы скажете? Былъ ли когда такой несчастный годъ? Столько смертей! Что касается до меня... То, просто, убраться во свояси и только—пора! Но видѣть, какъ другіе... Ахъ, тяжело жить!

Тутъ, вдругъ перегаувшись черезъ парапетъ, словно собираясь выброситься, онъ прорычалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Прочь!.. на босого мальчика, который, переходя рельсы, вздумалъ пола-скать рукою морду лошади.

— Эхъ, эти ребята! — воскликнулъ онъ почти плачущимъ голосомъ:—уморять они меня... Горе да и только!

И остановивши вагонъ на площади *Эмануила Филиберта*, онъ съ безнадежнымъ видомъ опустилъ возжи на парапеть...

Въ эти послѣднiе октябрьскiе дни я совершилъ самыя прiятныя свои поѣздки. Пунктомъ моего отправления была *Порта Цампиццо*, откуда расходятся къ предмѣстiямъ восемь прямыхъ улицъ, а излюбленной линiей—линиа *Понте Изабелла*; я проѣзжалъ ее въ послѣднiй разъ въ одно изъ тѣхъ кроткихъ ясныхъ октябрьскихъ утръ, когда кажется, что къ улыбкаѣ уходящаго сезона примѣшивается меланхолическая пастушащая, и въ воздухѣ носится какъ бы грусть прощанiя. Проѣхавъ черезъ центръ города и часть этой безконечной улицы *Кристинина*, даль которой ускользаетъ отъ глазъ, поворачиваешь въ смѣющуюся на солнцѣ *Аллею Рафаэля* и выѣжаешь на просторъ, мимо мелькающихъ новыхъ университетскихъ зданiй (которые своими высокими башнями, похожими на минареты, напоминаютъ громаднiй восточнiй фаланстеръ) и обширнмъ паркомъ *Валентино*, тянущимся вдоль берега и, въ концѣ концовъ, сливающимся, въ объятiяхъ съ рѣкой. Здѣсь ничто не говоритъ о прошедшемъ; все полно молодостью и надеждами, и кажется, что шумъ и дымъ жизненной битвы сюда не долетаютъ. Далѣе проѣзжаешь черезъ молодой городъ съ улiцами, названными все въ честь разныхъ артистовъ и поэтовъ, гдѣ рѣдкiе деревянныя домики еще могутъ противостоять атгакѣ великолѣпныхъ виллъ и дворцовъ—этихъ блестящихъ авангардовъ, окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ, а оттуда черезъ *Корсо Данта* достигаешь, наконецъ, улицы *Монкальери*, гдѣ конка совсѣмъ останавливается у подошвы холмовъ среди полнаго удивленiя и безмолвiя. Я тамъ сошелъ, чтобы ждать обратнаго вагона, и любовался веселымъ открытымъ пейзажемъ. Тамъ тянулись пустынные берега По, темнѣющiе подъ тѣнью лѣсовъ съ

пирамидою Монвицо на горизонтѣ, уже поблѣвшей отъ снѣга, здѣсь сверкали прозрачныя и широкiя воды съ отражающимися въ нихъ деревьями, дальнiе краснѣлъ замокъ Валентино, а за мной выглядывали холмы, уже начинавшие желтѣть. Все было свѣжо, воздухъ благоухалъ осенними растенiями, но казалось, что въ немъ пробѣгало еще дыханiе весны.

Въ конку вошла парочка влюбленныхъ, которые держали другъ друга за руки, быть можетъ, возвращающаея съ какой-нибудь романической прогулки: съ розовыми лицами, возбужденные свѣжимъ воздухомъ и движенiемъ, сiяющiе отъ любви. Кучеръ напѣвалъ ариѣву, глядя на Альпы. Ничѣмъ другимъ не нарушалось это великое молчанiе. Былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда къ намъ предательски врывается въ душу мысль о смерти и опечаливаетъ ее. Я смотрѣлъ на двухъ любовниковъ и думалъ: эти двое—апрѣль, а я... текущiй мѣсяць...

Тамъ, за мостомъ, вдали виднѣлся ресторанъ Олимпико, теперь запертый, напоминающiй мнѣ шумные юношескiе праздники, и дорогихъ друзей, и жаркiе литературные споры... Какъ все это мнѣ кажется теперь далекимъ: и домъ, и друзья и тѣ идеи! И однако я испытывалъ смутное чувство удовольствiя въ этой тишинѣ, какъ будто чувствовалъ сладостное утѣшенiе и начало безконечнаго отдыха... И я съ огорченiемъ услышалъ крикъ кучера:—Впередъ—какъ будто мнѣ кто-нибудь сказалъ... «Ну, ступай! Возвращайся къ городскому шуму и къ заботамъ жизни... Возвращайся къ работѣ и... къ сознанию старости».

Мнѣ пришлось пережить одну изъ тѣхъ минутъ, которыя не забываются, одну изъ тѣхъ неожиданныхъ встрѣчъ, которыя оставляютъ насъ пораженными и задумчивыми, и кажутся чѣмъ то въ родѣ таинственнаго предостереженiя судьбы. На поворотѣ съ площади *Карло-Феличе* въ улицу *Сакки*, въ конку вошелъ контролеръ лѣтъ около пятидесяти, низенькiй и полнмъ, съ огромны-

ми красноватыми усами, на половину закрывавшими его лицо, и начал свой контрольный обход по подножкѣ вокругъ жардиньеры. Судя по осторожности, съ которой онъ хватался за колонки и передвигалъ ноги, я подумалъ, что онъ новичекъ въ своей службѣ, которая такъ мало соответствовала его тѣлосложенію. Когда онъ былъ уже недалеко отъ меня на площадкѣ, я все же не могъ видѣть, такъ какъ два стоявшіе пассажиры загромождали его отъ меня; но я услышалъ, какъ онъ громко сказалъ кондуктору: — Это 136 номеръ. — Этотъ голосъ что то пробудилъ въ моей памяти, но что то очень далекое и смутное, тотчасъ исчезнувшее, какъ тѣнь пролетѣвшей птицы. Такъ какъ послѣдняя скамейка была свободна, онъ проходилъ между нею и предпоследней, чтобы провѣрить билеты стоявшихъ пассажировъ. Остановившись передомною, онъ промолвилъ прикоснувшись рукою къ своею фуражкѣ. — Билетъ вашъ, синьоръ... и вдругъ остановился съ открытымъ ртомъ и рукою въ воздухъ, пристально глядя мнѣ въ лицо. Мы нѣсколько мгновений вопросительно смотрѣли другъ на друга, и вдругъ, одновременно съ устъ его сорвалось мое имя, а съ моихъ—его... Онъ невольно сдѣлалъ движеніе ко мнѣ, но тотчасъ, словно спохватившись, откинулся назадъ. Я наклонился и поцѣловалъ его въ щечу; онъ отдалъ мнѣ поцѣлуй и хотѣлъ что то сказать, но не могъ. Мы оба улынулись, немного задыхаясь отъ волненія. И тутъ волны воспоминаній мгновенно нахлынули на меня. Школа въ Моденѣ... его желѣзная кровать въ углу нашей четырехугольной комнаты... жаркіе споры на общественныя темы подъ деревомъ въ герцогскомъ саду, свѣтло-сѣрая шинель, которую онъ носилъ въ военномъ колледжѣ въ Асти... бѣглыя встрѣчи во время войны 66 года. Мы съ нимъ не видѣлись тридцать лѣтъ, и я о немъ ничего не зналъ.

— Ну?..

— Ну?..

Но разговоръ на этомъ и остановился; насъ окружали чужіе люди; я видѣлъ, что у него дрожали губы и что онъ не

можетъ продолжать. Онъ сдѣлалъ рукою знакъ, какъ бы говоря: — А, послѣ! — и продолжалъ свой обходъ. Контролеръ! Послѣ тридцати лѣтъ.. Онъ! Черезъ какія мытарства онъ долженъ былъ пройти?.. Я вспомнилъ его удачныя топографическія чертежи, которымъ всѣ завидовали, его постоянное хорошее настроеніе, его смиреніе, съ которымъ онъ разъ отправился въ карцеръ изъ-за бунта товарищей, въ которомъ на прини- малъ участіе. Затѣмъ, наирагая свою память, я припомнилъ, что слышалъ о его поѣздкѣ въ Америку, гдѣ онъ учительствовалъ въ элементарной школѣ. И я ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда мои сосѣди сойдутъ, чтобы распросить его и сказать ему, что сохранилъ о немъ добрую память; но вдругъ увидѣлъ, что онъ уже сходитъ. Онъ еще разъ, съ улицы, сдѣлалъ мнѣ прощальный жестъ рукою, улыбаясь съ выраженіемъ легкой грусти. Затѣмъ повернулся спиною и пошелъ по направленію къ Корсо. А я слѣдилъ за нимъ глазами пока могъ, съ какимъ то страннымъ чувствомъ удивленія и ужаса и думалъ, что благодаря игрѣ пустого случая я въ этотъ день могъ бы очутиться передъ нимъ въ томъ же положеніи, какъ онъ передомною, въ такой же фуражкѣ обшитой галуномъ и съ той же фразой на устахъ:

— Вашъ билетъ, господинъ...

Послѣ этого я его больше ни видѣлъ.

За этимъ романтическимъ приключеніемъ слѣдовала водевильная сценка, которую я предпочелъ бы лучше не видѣть и рассказывать только затѣмъ, чтобы не опускать ничего случающагося въ конкѣ. Но кто могъ бы предвидѣть послѣдовавшую сценку, наблюдая эту жардиньеру за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, когда я въ нее вошелъ на площади *Статуто*? Всѣ пассажиры въ ней были, повидимому, люди приличные, какъ слѣдуетъ, съ которыми такъ не гармонировало висѣвшее посреди вагона объявленіе крупнымъ шрифтомъ: *Лошадный навозъ. Продается по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ вблизи Бельгийскаго общества.* Какъ сейчасъ вижу военнаго врача въ мундирѣ, бри-

гднаго генерала съ *Gazetta di Forino* въ рукахъ, двухъ учительницъ школы *Склонисъ*, дамъ, дѣвицъ и почтенныя лица чиновниковъ съ солидными окладами. Миръ и приличіе царствовали между этими избранными пассажирами, тихій разговоръ заглушался топотомъ галопировавшихъ лошадей. Не было никакихъ признаковъ послѣдовавшаго взрыва. Вдругъ воздухъ огласился звукомъ пощечины и, оглянувшись я увидѣлъ двухъ сѣпнвшихся синьоровъ безъ шляпъ, которые схвативши одинъ другого за галстуки, колотили другъ друга палками по головамъ. Одна дама кричала, остальные были близки къ обмороку; быстро образовалась толпа вокругъ дравшихся, отъ которыхъ видны были только растрепанныя головы да двѣ мелькавшія въ воздухѣ палки. Борьба тотчасъ прекратилась, но противники не выпускали другъ друга изъ рукъ, держась за горло въ томъ же положеніи, какъ бы представляя «европейское равновѣсіе:»—если ты не тронешь, и я не трону; но если ты, только двинешься, я тебя раздавлю!—И эта парочка въ такой позѣ на бѣгущей жардиньерѣ производила оригинальное впечатлѣніе, словно пластическая группа, изготовленная на премію и возимая на масляничной колесницѣ на показъ народу. Бучеръ остановилъ было конку, но противники уже рознялись и сѣли на мѣста приведенные въ себя мысля объ утерянныхъ шляпахъ. Мнѣ такъ и не удалось увидѣть ихъ лицъ, потому что сосѣди ихъ оставались на ногахъ, стараясь потушить начавшійся словесный споръ, и не могъ разобрать, о чемъ шла рѣчь, такъ какъ болтовня комментаторовъ покрывала ихъ голоса. Объясненія эти были очень противорѣчивы. Кто говорилъ, что ссора произошла изъ-за того, что одинъ дымилъ въ лицо женѣ другого, а кто напротивъ, утверждалъ что причиной былъ нечаянный толчокъ ногою въ ея ногу, а кто вставалъ на томъ, что виной была не нога, а слишкомъ вольная рука. Всѣ соглашались только въ одномъ, что дѣло началось съ супружеской пощечины. Наконецъ, когда умпротворителя

опустился на свои мѣста, я различилъ эту триаду по блѣднымъ искаженнымъ лицамъ и двумъ измятымъ шляпамъ: хорошенькая женщина съ здернутымъ носикомъ, мужъ съ угреватымъ лицомъ и худощавый блондинъ съ усами, завитыми по послѣдней модѣ. Наконецъ, кучеръ съ насмѣшливымъ лицомъ бывшего ломовика, обернувшись, вывелъ заключительную мораль изъ всего происшедшаго:

— Знаете, правду сказать,—началъ онъ, энергично плюнувъ:—образованные и необразованные—всѣ на одинъ покрой; какъ только дѣло коснется бабы, такъ сейчасъ въ рукопашную!

Этимъ вульгарнымъ привлеченіемъ я долженъ былъ бы заключить свой «октябрь», еслибъ по счастливому наитію, какъ разъ въ предпослѣдній вечеръ, не сѣлъ въ конку *Viali* на углу *Корсо Маргарита* и *Корсо Oddone*. Входя я увидѣлъ рваную шляпу, приподнявшуюся съ головы, которая при первомъ взглядѣ показалась мнѣ незнакомой; но, сядя въпереди, я узналъ того мраморщика, который три года тому назадъ приходилъ ко мнѣ дать свѣдѣнія о трудѣ мальчиковъ, когда я думалъ писать книгу о раннемъ дѣтскомъ переутомленіи. И въ то же мгновение я увидѣлъ рабочаго, когда-то выпшвырнувшаго изъ рукъ сына данную ему мною карамельку; онъ сидѣлъ на той же скамейкѣ вѣстѣ съ женою и мальчикомъ. Встрѣтившись съ его взглядомъ я замѣтилъ, что въ немъ промелькнуло воспоминаніе о той сценѣ. Это была небольшая, какъ мимолетная тѣнь, но въ ней чувствовалась еще сохранившаяся злоба и въ то же время плохо скрываемое удивленіе, что я знакомъ съ его товарищемъ, и что тотъ почти дружелюбно меня привѣтствуетъ.

Я сидѣлъ впереди нихъ, къ нимъ спиною, и находился въ какомъ-то безпокойномъ и вѣстѣ пріятномъ ожиданіи, самъ хорошенько не зная чего, и думалъ, что любопытство должно побудить его спросить у другого имя незнакомца, котораго онъ оскорбилъ, и что можетъ быть одного слова въ отвѣтъ было бы

достаточно, чтобъ измѣнить это чувство слѣпой антипатіи ко мнѣ, рожденной; какъ и многія другія, отъ досаднаго сознанія сдѣланной ошибки.

Я въ самомъ дѣлѣ услышалъ говоръ пониженныхъ голосовъ, но которымъ понялъ, что головы сблизились. Короткость этого разговора убѣдила меня въ томъ, что я предполагалъ по газетѣ, которую въ прошлый разъ видѣлъ въ его рукахъ: онъ не нуждался ни въ какихъ разъясненіяхъ, когда ему назвали мое имя... Наступило довольно продолжительное молчаніе, во время котораго мнѣ казалось, что я слышалъ его мысли. Я такъ слышалъ его слова, какъ будто онъ провозносилъ ихъ вслухъ. И я внутренно отвѣчалъ ему:—Видишь, ты обманулся. Да, тогда ты мнѣ нанесъ глубокую рану, но не думай, что я сохранилъ къ тебѣ злобу. Я вѣдь понялъ. Ты былъ тогда безъ работы, покинутымъ, несчастнымъ. Ты былъ озлобленъ противъ людей и тебѣ показалось насмѣшкой, что твоему сыну дали конфету, когда ни у него, ни у тебя, ни у жены не было хлѣба! Ну, подумай, развѣ я тебя не понялъ и не простилъ?— И я думалъ о томъ, что ему хотѣлось чѣмъ-нибудь выразить свое чувство, но я не представлялъ себѣ, какъ онъ можетъ это сдѣлать, не насилуя своей гордости, что было трудно, какъ я хорошо понималъ по собственному опыту.

— Ничего не скажетъ и ничего не сдѣлаетъ,—подумалъ я: просто, выходя, поклонится мнѣ, и тѣмъ все кончится. Но съ меня и того достаточно. Вѣдь я увѣренъ, что онъ перемѣнилъ чувства; зачѣмъ же нужно, чтобъ онъ выразилъ это словами?

Но я ошибся. Когда вагонъ заворачивалъ въ *Корсо Санъ-Мавриціо*, я снова услышалъ быстрый шопотъ, за тѣмъ короткое молчаніе, потомъ нѣкоторое движеніе, словно отъ какого-то перемѣщенія, и въ то время, какъ я себя спрашивалъ, что означало это приговленье, я вдругъ ощутилъ сначала чье-то дыханіе надъ ухомъ потомъ маленькую руку на своемъ плечѣ и дѣтскія губы, скользнувшія по моей щекѣ. Ахъ дорогой мальчикъ! Они его послали.

Онъ былъ безмолвнымъ вѣстникомъ, передавшимъ мнѣ залогъ нашего примиренія. Можете себѣ вообразить, какъ я его привялъ...

Глава XI.

Ноябрь.

Чѣмъ больше приближался конецъ года, тѣмъ чаще я думалъ о томъ днѣ, когда мнѣ придется оставить конку, столько времени занимавшую все мои мысли, и предчувствовать, что это будетъ для меня тяжело, какъ тяжело романисту разстаться съ міромъ своего романа, съ тою только разницею, что мнѣ придется разставаться не съ образами фантазій, а съ живыми людьми. Конечно, я буду продолжать ѣздить по конкѣ и встрѣчаться съ моими персонажами, видѣть любопытныя сценки и случаи, но занятый другими мыслями, буду дѣлать наблюденія только случайно, не прислушиваясь, не всматриваясь и не разспрашивая, не предпринимая для этого специальныхъ поѣздокъ, и мои персонажи мало-по-малу поблѣднѣютъ въ моихъ глазахъ, ступаютъ и, наконецъ, потеряются въ толпѣ. Да, съ концомъ 1896 года завершится для меня дѣйствительно своеобразный годъ жизни, и хотя мнѣ, съ одной стороны, хочется этого конца, чтобъ вернуть свободу своимъ мыслямъ, я, въ то же время, желалъ бы его отдалить... И поэтому я въ этотъ послѣдній періодъ умножилъ число моихъ поѣздокъ, ища и наблюдая событія и лица съ особенною жадностью, какъ бы желая этой интенсивностью мысли продлить остающуюся для меня короткій промежутокъ времени. Между тѣмъ, все-что изъ моихъ плановъ, вѣроятно, было замѣчено, потому что кучера и кондуктора стали смотрѣть на меня съ необычнымъ, и особеннымъ у каждаго, любопытствомъ—въ зависимости отъ того, какое у кого складывалось представление о цѣли моей работы. Одни, когда я ихъ спрашивалъ, смотрѣли на меня съ величайшимъ и комическимъ изумленіемъ, какъ на рѣдкаго звѣря или сумасброда, затѣвающаго противъ

нихъ вѣчто такое таинственно-странное, чего они не могутъ себѣ представить никакими усиліями своего воображенія. Другіе думали, что я собираюсь дать генеральное сраженіе *перомъ* въ ихъ защиту, и какъ только я къ нимъ обращался, тотчасъ старались свести разговоръ на трудности своей службы, на скудость рабочей платы и разныя обиды, нанесенныя имъ или кому-нибудь другому и предлагали мнѣ планы цѣлаго ряда реформъ. А встрѣчались и такіе, которые подозрѣвали, что я шпионъ бельгійскаго или туринскаго общества и ловкій мошенникъ, желающій, подъ предлогомъ сочиненія романа, заставить ихъ высказаться на счетъ служебныхъ порядковъ. Они держались на сторожѣ и на всякій мой самый невинный и далекій отъ подозрительнаго сюжета вопросъ спѣшили отвѣтить:—Ахъ, что до меня, то я не могу жаловаться.. исполняя свои обязанности... относятся ко мнѣ хорошо... такъ что...—Подъ этимъ «такъ что» подразумѣвалось:—Я не вкляну, заклянъ удочку другому.

Ближе всѣхъ къ истинѣ былъ Карлинъ, который предсталъ передо мною вечеромъ перваго ноября на линіи *Виами* съ такой улыбкой на лицѣ, какъ будто поймалъ своего пріятеля на намѣреніи пошутить надъ нимъ.

— Ага, — сказалъ онъ мнѣ:—такъ вы всѣхъ насъ хотите въ стихахъ описать?

Въ день Святыхъ въ Туринѣ можно видѣть не частое для него зрѣлище—громадное стеченіе народа. Черезъ *Корсо Маргарити* и всѣ другія улицы, ведущія отъ центра къ берегамъ Доры, на мостахъ, по аллеямъ королевскаго парка и луговымъ тропинкамъ тянулись сотни процессій, направлявшихся къ кладбищу, сотни черныхъ потоковъ и ручейковъ, несшихъ въ своихъ медленныхъ волнахъ столько цвѣтовъ, словно для этого дня опустошены были всѣ пригородные сады Турина. Конка на каждомъ шагу разрывала на двое большія толпы народа, такія густыя и такъ дружно слившіяся, что онѣ казались громадными семьями родныхъ и друзей.

семьями многочисленными, какъ древніе роды,—отъ сторбленныхъ дѣдовъ до ведомыхъ за руки внучатъ, съ сильными мужественными представителями, идущими во главѣ процессіи съ огромными вѣнками въ рукахъ. Цѣлыя вереницы мужчинъ и женщинъ, съ маленькими вѣнками, останавливались на минуту шпалерами на нашемъ пути, представляя безконечное разнообразіе лицъ: задумчивыхъ и разсѣянныхъ, ясныхъ и озабоченныхъ, иногда съ печатю недавняго горя, но гораздо чаще—равнодушія или скуки. И вся эта громадная толпа двигалась въ глубокомъ молчаніи, словно обезоруженное и плѣнное войско. Жардиньера была переполнена вѣнками, лежавшими и стоявшими на колѣняхъ у дамъ и у простыхъ женщинъ, нѣкоторые—изъ анютинныхъ глазокъ и великолѣпныхъ розъ, и, быть можетъ, тутъ же по сосѣдству сидѣлъ и разглядывалъ ихъ кладбищенскій воръ, собираясь ночью похитить съ нихъ ленты. О, конка, маленькая панорама міра за десять сантимовъ! Стоя въ глубинѣ, я видѣлъ съвозъ отверстіе большого вѣнка изъ лавровъ и безсмертиковъ двѣ прислоненныя другъ къ другѣ головки юноши и молодой дѣвушки, ворковавшихъ на первой лавкѣ, и эта идиллія, заключенная въ такую траурную рамку, заставляла меня думать о томъ, сколько бы другихъ юношей обмѣнялись любовными словами въ этотъ день и сопровождали бы своихъ красавицъ среди могилъ и крестовъ, пробѣгая печальныя надписи взорами, блестящими радостью раздѣленной любви...

Передо мной сидѣла женщина, державшая въ рукахъ маленький вѣнокъ изъ лиловыхъ цвѣточковъ, въ нѣсколько сольдо, и, очевидно, предназначенный для ребенка и говорила, говорила много, печальнымъ, озабоченнымъ голосомъ своему жестокому мужу, не отвѣчавшему ей вовсе. Какая жалость! Я съ первыхъ же словъ позналъ, что она была недовольна вѣнкомъ, который казался ей слишкомъ мизернымъ и недостойнымъ ея дорогаго покойника, и упрекала мужа въ скупости или въ томъ, что онъ спустилъ въ трактирѣ деньги, за которыя можно было бы купить лучшей вѣнокъ.

— Бѣдное дитя! Бѣдное дитя!—говорила она съ такимъ волненіемъ и съ такою глубокою грустью, что невольно сжималось сердце. И она смотрѣла и поворачивала въ рукахъ вѣнокъ съ видомъ ребенка, разочарованнаго давно жданнмъ подаркомъ, бросая отъ времени до времени грустные, завистливые взоры на большіе богатые вѣнки своихъ сосѣдокъ. Есть мелкія горести, возбуждающія больше жалости, чѣмъ крупныя несчастія. Я стоялъ, отвернувшись въ другую сторону въ то время, когда бѣдная мать сошла на мосту Бенне, и смотрѣлъ, какъ на *Корсо Санг-Мариццио* вѣзжала другая жардиньера, подобно нашей переполненная людьми и вѣнками, и перерѣзывала такой же темный людской потокъ, въ волнахъ котораго плавали всѣ цвѣты съ его ограбленныхъ береговъ.

Я совершилъ такую же поѣздку въ день поминовенія умершихъ. Но народу было мало, и онъ терялся въ сыромъ туманѣ, заволакивавшемъ городъ, движущіяся вереницы людей казались излали процессіей призраковъ, которые возвращаются изъ города на кладбище послѣ визита, сдѣланнаго родственникамъ. Былъ холодный, совсѣмъ какъ зимою, вечеръ. Въ жардиньерахъ было всего нѣсколько лицъ. Вниманіе мое привлекла дама, сидѣвшая одиноко на одной изъ послѣднихъ скамеекъ. На видъ ей было лѣтъ сорокъ. На ней было черное шелковое полинялое платье и бѣдная шляпа, отдѣланная дикими розами, а въ рукахъ маленькій вѣнокъ съ двумя инициалами. Но эти бѣдныя розы, сматыя и полинялыя, казались свѣжими и даже яркими по сравненію съ мертвенною блѣдностью ея лица, съ ввалившимися щеками, изнуреннаго и высохшаго, какъ кожа на черепѣ. На немъ лихорадочно горѣли расширенныя неподвижныя глаза, выражавшія смертельную усталость и безконечную грусть. Это поношенное платье рѣзко обрисовывало формы не тѣла, а, вѣрнѣе, скелета, на вискахъ и на шеѣ выдѣлялись жилы, какъ надписъ сдѣланная на веленовой бумагѣ. Вѣнокъ словно говорилъ: «У меня горе»; платье: «Я бѣдна»; лицо: «Я умираю».

Казалось, что она несла эти цвѣты на кладбище для себя самой. По виду это была старая дѣвица, влывшая въ бѣдность, быть можетъ, совсѣмъ одинокая, на свѣтѣ. Внезапно съ ней начался припадокъ кашля. Быстро схватившись за спинку сосѣдней передней скамьи и опустивъ на нее голову, она принялась отчаянно кашлять, судорожно встряхиваясь всѣмъ тѣломъ, словно ея грудь внутри сжимали клещами, вся съезжившись и сгибаясь своей дивной фигурой, одинаково тонкой въ плечахъ и въ талии и напоминавшей согнутый стволъ деревца, для котораго достаточно одного порыва вѣтра, чтобы быть выдернутымъ съ корнемъ. И она все кашляла, кашляла безъ конца и безъ перерыва въ своей безнадежно-отчаянной позѣ, качая розами на шляпкѣ и вытянувъ впередъ руку съ вѣнкомъ, чтобы не измать его. Она кашляла сухимъ, рѣзкимъ неумолимымъ кашлемъ, который, казалось, никогда не кончится, словно сдѣлавшись ея языкомъ, потокомъ какихъ-то неясныхъ словъ, горячечнымъ рассказомъ о долгой жизни, полной несчастій и страданій, настойчивымъ и страстнымъ отчаяннымъ призывомъ смерти. Нѣкоторые изъ пассажировъ смотрѣли на нее со смѣшаннымъ выраженіемъ жалости и отвращенія.

— Вотъ этой не придется праздновать Рождества!—вслухъ замѣтилъ кондукторъ.

— Грубо!—отвѣтилъ я ему глазами. Мальчикъ, сидѣвшій невдалекѣ отъ нея, смѣялся. Наконецъ, когда конка уже подѣзжала къ площади *Бенне*, несчастная перестала кашлять и, обезсиленная, подняла голову, чтобы убѣдиться, не испорченъ ли вѣнокъ, и расправила его своей мертвенной рукой. Потомъ, словно вспомнивъ о томъ представленіи, которое дала присутствующимъ, она обвела всѣхъ своимъ померкшимъ, смущеннымъ взглядомъ, словно прося извиненія за невольное оскорбленіе, и съ трудомъ подняла костлявую руку сдѣлать знакъ оставить конку.

Какъ дурно судить о сердцѣ необразованнаго человѣка по одному грубому

слову! Тотъ самый, кондукторъ, котораго я называлъ грубымъ, поспѣшно вскочилъ прежде нея внизъ и съ почти тельной и грустной заботливостью помогъ ей сойти. А я, не сказавшій грубыхъ словъ, не сдѣлалъ этого движенія. Вотъ она, реторика благородныхъ сердецъ!

Начало ноября принесло мнѣ еще другое грустное впечатлѣнiе. Въ одно дождливое меланхолическое утро я вышелъ на площади *Статую*, въ конку *Мартинетто*, гдѣ я нашелъ Каряна, поспѣшившаго выразить мнѣ свое восхищенiе по поводу дуэли пражскаго депутата Кошута.

— Читатели? Кошуты! Вотъ такъ молодецъ! Въ его возрастъ—на дуэли... Чертъ возьми! Мнѣ это нравится...

Прочитавъ въ газетѣ извѣстiе о дуэли, онъ рѣшилъ, что рѣчь идетъ о Кошутѣ - отцѣ, не зная, что онъ умеръ. А онъ его зналъ, такъ какъ ему его разъ показали въ конкѣ, и ему казалось удивительнымъ, чтобы такой пожилой человѣкъ могъ еще отстаивать свои права *саблей*. Когда я ему сказалъ, что дуэлистъ былъ сынъ Кошута, а старикъ умеръ годъ тому назадъ, онъ былъ страшно пораженъ. Потомъ, придя въ себя, онъ, чтобы скрыть свое смущенiе, обратилъ свой восторгъ на Кiоно, автора «Предсказателя погоды», предсказавшаго дождь именно на сегодня.

— Вотъ тоже великiй человѣкъ, гонима, дѣлающая честь Турину.

Между тѣмъ, мы повернули въ улицу *Гарибальди* и скорѣ должны были остановиться, встрѣтивъ похоронную процессiю: жалкiй третьеразрядный катафалкъ съ повѣшенными на немъ маленькимъ плушевымъ вѣнкомъ. Его сопровождалъ священникъ и еще нѣсколько лицъ, главнымъ образомъ старики, сгорбленные и прихрамывающiе, подъ зонтиками.

Грустно было видѣть эту жалкую процессiю подъ частымъ дождемъ, на этой шумной улицѣ, гдѣ никто даже не оборачивался взглянуть на нее, среди этихъ стѣнъ, испещренныхъ театральными объявленiями, сморщившимися отъ

дождя. Какъ разъ въ ту минуту, когда я обратилъ вниманiе на то, что большинство провожавшихъ стариковъ были съ лентами въ петличкахъ, мнѣ бросилась въ глаза маленькая перепачканная въ грязи собачка полъ катафалкомъ, показавшаяся мнѣ знакомой... Да, дѣйствительно: это былъ Чюкетто. О, мой бѣдный ветеранъ! Такъ это его, значитъ, увозили! И въ самомъ дѣлѣ, обернувшись посмотреть, изъ какихъ воротъ двинулись похороны, я прочелъ надъ ними номеръ 43. Это были тѣ самыя ворота, изъ которыхъ я столько разъ видѣлъ выходящаго ветерана съ приподнятой рукой, чтобы остановить конку. Бѣдный мой ветеранъ! Въ послѣднiй разъ, когда я его видѣлъ, онъ былъ такъ доволенъ своей поѣздкой на озеро и женитьбой неаполитанскаго принца. И въ это утро, какъ всегда, онъ остановилъ свою конку въ обычномъ мѣстѣ, но, увлы уже не поднялъ руки, и остановилъ не затѣвъ, чтобы взойти въ нее. Онъ взомелъ въ другой экипажъ, предназначенный всецѣло для него одного и направляющiйся за геродскую черту... А его бѣдный Чюкетто, его послѣднiй другъ провожалъ его въ послѣднiй разъ, оставаясь совсѣмъ одинокимъ на свѣтѣ, одинокимъ и безъ хлѣба, какъ онъ грустно предвидѣлъ. И такъ, бѣдный ветеранъ совершилъ свой путь и отправлялся отдыхать съ миромъ. Но эта несчастная, грязная собачка, бѣжавшая во главѣ шествiя, какъ ближайшая родственница, внушала еще большую жалость, чѣмъ похоронныя дроги, увозившия ея господина. И я долго не могъ освободиться отъ мысли о ней, представляя себѣ, какъ она одиноко вернется въ туманный геродъ, въ которомъ у нея больше не было крова и гдѣ она никого не любила...

Первой моей веселой встрѣчей въ этомъ мѣсяцѣ (не по существу, конечно, а по стеченiю обстоятельствъ) былъ поэтъ сонетистъ. Онъ меня встрѣтилъ въ удачную для себя минуту. Вслѣдствiе праздника жардиньера была переполнена, на площадкѣ насъ стояло уже шестеро сверхъ комплекта, такъ

что я не могъ сдѣлать ни малѣйшей попытки къ защитѣ. Но, къ величайшему моему удивленію, онъ не тотчасъ началъ меня атаковать. Онъ былъ въ ужасномъ настроеніи, съ усами, торчащими, какъ иглы дьявола, разсерженный на редактора одного журнала за то, что тотъ не принялъ его стиховъ.

—Осель!.. слабоумный! кретинъ, способный забраковать стихи Леопарди, показанные ему безъ подписи, и наполнять страницы журнала всякой дрянью. Да! вѣдь, онъ печаталъ кое-что изъ вашихъ вещей, вы его должны знать,—прибавилъ онъ безъ малѣйшаго намѣренія меня оскорбить.

Я начиналъ уже чувствовать себя въ безопасности, когда онъ неожиданно прибавилъ:—Кстати, вотъ послушайте, какъ я измѣнилъ...

Я подумалъ, что уже погибъ, но былъ спасенъ. На площадку, звонко смѣясь, вскочила цвѣтущая молодая дѣвушка, растрепанная и разбитая, которая, втолкнувшись въ нашу тѣсноту, прервала декламатора на его первомъ стихѣ. Она попыталась просунуться въ лверь, но не смогла, отступила назадъ, бросивъ грубую остроту кондуктору, двинулась вправо, потомъ влѣво; въ полминуты она обезпокоила всѣхъ и со всѣми смѣялась, вертась вокругъ самой себя и при каждомъ толчкѣ вагона падая на руки своихъ сосѣдей, заигрывавшихъ съ нею шутками, на которыя она отвѣчала громкимъ смѣхомъ, обдавая всѣхъ своимъ жаркимъ дыханіемъ и запахомъ своихъ волосъ. И смѣшно было смотрѣть на всѣ эти лица, бородатыя и степенныя, засіявшія отъ внезапнаго оживленія, безъ различія возраста и класса, словно рой сонныхъ бабочекъ, всполохнувшихся отъ зажженной среди нихъ свѣчки. Тутъ были рабочіе и почтенные отцы семействъ въ цилиндрахъ, чиновники и студенты, до того перекидывавшіеся въ тѣснотѣ враждебными взорами, а теперь вдругъ словно сразу примиренные и побратавшіеся какимъ-то волшебствомъ и обмѣнивавшіеся сочувственными улыбками, какъ люди, выпившіе вмѣстѣ и чокнувшіеся бокалами. Вотъ она, вѣчная власть жен-

скаго обаянія! И поэтъ, также захваченный этимъ повѣтріемъ, не сводилъ глазъ съ растрепанной вызывающей шевелюры, отъ времени до времени наклонявшейся и въ его сторону. Однако, на лицѣ его мелькало выраженіе и другого чувства: не то досады, не то горькаго сожалѣнія, что такъ ничтожна была власть поэзии, его гордости и отрады: довольно было появиться этой молодой ослицѣ, чтобъ не только отвлечь вниманіе его слушателей, но и спутать въ его головѣ «выстраданные стихи» и направить совсѣмъ въ другую сторону его собственный священный огонь. Когда дѣвушка, бросивъ присутствующимъ привѣтствіе въ насмѣшливомъ тонѣ, явно доказывавшемъ сознаніе одержанныхъ побѣдъ, спрыгнула съ конки, онъ хотѣлъ возобновить свою декламацию. Но я тоже долженъ былъ сходить, а потому онъ успѣлъ прожужжать мнѣ только половину перваго одиннадцатисложнаго стиха засѣяшаго у меня въ спинѣ, какъ сломавшаяся стрѣла.

Наконецъ, золотой часъ и подъ прекраснымъ ноябрьскимъ небомъ, чистымъ и сверкающимъ, какъ сталь. Войдя въ конку на углу *Французской улицы*, я нашелъ на площадкѣ старушку изъ *Поццо ди Страда*, съ ея неразлучнымъ мѣшкомъ. Лицо ея хоть и не преобразилось въ такой мѣрѣ, какъ это описывалъ Джіоресъ, но все же казалось измѣнившимся: глаза на немъ словно увеличились и лобъ сталъ выше, а морщины разгладились. Во взглядѣ ея съвозила напряженная мысль, но мысль эта была: онъ живъ! На лбу ея еще лежала тѣнь нѣкоторой грусти, но, очевидно, она уже воображала своего безконечно отдаленнаго отъ нея сына не распростертымъ въ крови на землѣ, а на ногахъ съ протянутой къ ней рукой и какъ бы говорящаго: «Мужайся! Когда нибудь увидимся».

По временамъ она закрывала глаза и лицо ея тогда принимало выраженіе упорной готовности къ терпѣнію, къ долгой жизни одною крохотной надеждой, съ непреклоннымъ мужествомъ человѣка, повисшаго надъ бездною и ждущаго помощи съ неба. Было 15-е ноября. Есть

числа, которыя не забываются. Рядомъ со мной стоялъ, опершись спиной о парапетъ, господинъ съ *Stampa* въ рукахъ—человѣкъ крупныхъ размѣровъ, занимавшій двойное мѣсто и погруженный въ чтение. Въ это утро я не читалъ газетъ. Заглянувъ въ его листокъ, который онъ держалъ развернутымъ, я прочелъ подзаголовокъ одного изъ столбцовъ, напечатанный крупнымъ шрифтомъ, который меня поразилъ: *Заключеніе мира съ Абиссиніей. Возвращеніе плѣнныхъ*. Я едва не вырвалъ у него газеты. Бросивъ взоръ на старушку, я понялъ, что она еще не знала. Тогда я сказалъ моему сосѣду, что у этой женщины сынъ въ плѣну у негуса и что она еще не знаетъ о мирѣ. Я попросилъ дать мнѣ газету, чтобъ сообщить ей эту новость. Онъ быстро повернулся и взглянулъ на нее, но газеты мнѣ не далъ:

— О чортъ возьми! — воскликнулъ онъ:—но я ей скажу самъ! — И онъ громко, почти рѣзко обратился къ ней:—Послушайте, добрая женщина! Миръ уже заключенъ. Вы этого еще не знаете? Вотъ объ этомъ телеграмма въ газетѣ. Извѣстіе пришло сегодня ночью, но миръ заключенъ уже съ двадцать шестого октября, т. е. сынъ вашъ свободенъ уже двадцать дней! Плѣнныхъ тотчасъ отправили черезъ Харраръ, здѣсь производятъ выдачу по счету и не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ отправятъ въ Зеилу. До Зеилы дней двадцать, оттуда двинутся въ первые дни будущаго года. И такъ... Ранѣе конца января онъ будетъ здѣсь... Хотите взглянуть въ газету?..

Или она ничего не поняла, или удивленіе подавило въ ней всѣ другія чувства, но она не выразила ни малѣйшаго признака волненія. Она взяла газету, скользнула по указанному мѣсту мертвымъ взглядомъ безграмотной и посмотрѣла на господина, нахмутивъ лобъ какъ бы затѣмъ, чтобъ подготовить свою мысль къ тому объясненію, котораго спрашивали дя глаза.

— О, святое терпѣніе!—воскликнулъ господинъ, смѣясь.—Да вѣдь я же сказалъ ясно! Извѣстіе пришло по телеграфу. Заключенъ миръ съ Африкой, и плѣнные возвращаются. Вашъ сынъ свобо-

денъ. Вѣдь у васъ тамъ сынъ? Ну, такъ вотъ, черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца онъ будетъ въ Туринѣ, съ нами.

Тогда только лицо ея измѣнилось, но не сразу, а мало-по-малу; и затѣмъ. вдругъ, повернувшись рѣзкимъ движеніемъ, она припала головой къ колонкѣ и зарыдала, закрывшись рукою, какъ плачутъ дѣти въ уголкѣ.

Господинъ сталъ смѣяться, но съ искривленнымъ ртомъ, потомъ наклонился поднять газету, которую она уронила, и, бережно сложивъ ее, спряталъ въ ея мѣшокъ. Спустя немного, она оторвала свое лицо отъ колонки и улыбнулась намъ всѣмъ, какъ будто весь миръ для нея внезапно переизмѣнился; она казалась помолодѣвшей; взяла газету, поблагодарила господина и спросила, все ли тамъ такъ напечатано, какъ онъ ей говорилъ. Онъ отвѣтилъ, что да. Тогда она тщательно спрятала газету за пазуху. Конка въ ту минуту проходила мимо первыи *Санъ-Долмаціо*, она осыпала себя востомъ.

— И такъ,—сказала я ей,—скоро увидите Джаколина?

Она улыбнулась и не выразила ни малѣйшаго удивленія, что я знаю это имя, наполняющее для нее весь миръ. Но въ тотъ мигъ, словно внезапно вспомнивъ всѣ перенесенныя страданія, всѣ ужасы, всѣ мучительныя безсонныя ночи въ теченіе цѣлаго года, она нахмурилась и, покачавъ головой, подняла глаза къ небу и воскликнула съ отгѣнкомъ невыразимой горести и содроганія, смѣшаннаго съ гнѣвомъ:

— Ахъ! измучилась же я!

Но лицо ея тотчасъ опять прояснилось и, выходя изъ конки съ своимъ мѣшкомъ, прижатымъ къ боку, она улыбнулась господину, давшему ей газету, и съ материнской нѣжностью провела рукою по его рукаву.

Холодъ въ эти дни начиналъ уже пощипывать; послѣдніе дачники вернулись въ городъ; Туринъ принялъ свой обычный зимній видъ, веселый и шумный; всѣ конки были переполнены и городское движеніе было въ полномъ разгарѣ. Одинъ совершенно обыкновенный

*

случай далъ мнѣ возможность наблюдать любопытный моментъ въ этой шумной мелькающей жизни. Я ѣхалъ подъ вечеръ по конкѣ *Viali*. Передъ кафе Лигура на рельсахъ завязла, преграждая путь конкѣ, большая телѣга, запряженная тройкой лошадей и нагруженная строевымъ дѣсомъ; ломовики хлестали лошадей, другіе палками и руками подталкивали колеса, стараясь ихъ сдвинуть, всё кричали и пыхтѣли, но ничего не выходило. Въ нѣсколько минутъ съѣхались и остановились въ три ряда вагоны всѣхъ скрепяющихся здѣсь линій: *Viali*, *Санъ-Сальваріо*, *Ванкильо*, *Корсо Валентино* и *Моста Изабеллы*, которые какъ будто нарочно ускорили свой ходъ, привлеченные извѣстиемъ о приключеніи. Странно было смотрѣть на всѣ эти разноцвѣтные громады, неподвижно выстроившіяся въ рядъ другъ за другомъ, подобно подвижнымъ домамъ странствующихъ актеровъ на ярмаркѣ, и переполненные стоящими и сидящими людьми, которые высовывались въ окна и съ площадки, чтобъ разглядѣть отдаленное препятствіе, краснорѣчиво жестикулируя въ воздухѣ. Это было собраніе человѣческихъ кѣлѣтокъ, сторающихъ отъ нетерпѣнія: одни изъ-за этой остановки опаздывали на работу, другіе на любовныя свиданія, на визиты, на обѣды, на всякаго рода занятія, вызывая своимъ опозданіемъ въ соннѣ другіхъ, неприсутствующихъ здѣсь лицъ, тоже беспокойство, досаду и раздраженіе. Это была яростная полудоми-ческая досада, выставлявшая на видъ слабую сторону городской ультра-правильной жизни, въ которой малѣйшее уклоненіе отъ этой правильности уже производитъ путаницу и беспорядокъ. Какой-нибудь *laudator temporis acti* непременно, улыбнувшись, сказалъ бы въ этомъ случаѣ, что старинные омнибусы обѣхали бы препятствіе, сдѣлавъ кругъ, а побѣдившая и вытѣснившая ихъ конка остается безсильной плѣнницей. Да, это было бы большимъ униженіемъ для моего конкофила! Прогрессируютъ и совершенствуются разныя двигательныя машины, но человѣкъ, котораго они двигаютъ, остается все однимъ

и тѣмъ же: ребячески любопытнымъ и жаднымъ до развлеченій, какъ школьникъ. Поглазѣть на такой обыденный случай столпилось множество народа — на улицѣ, подъ воротами, у входовъ и въ окнахъ домовъ; и когда совершенно отчаялись сдвинуть тяжесть и стали перепрагать лошадей, въ конкахъ шесть роевъ пассажирозъ всѣхъ возрастовъ и классовъ мужичвъ и женщивъ бросились къ нимъ со всѣхъ сторонъ и стали ео смѣхомъ и визгомъ, толкая другъ друга, брать приступомъ площадки и наполнять вагоны: всѣ были возбуждены экстраординарнымъ приключеніемъ, превратившимъ однообразіе ихъ ежедневной жизни. И затѣмъ въ проѣзжающихъ вагонахъ можно было видѣть комментирующихъ это чрезвычайное событіе возбужденной жестикуляцией. Рядомъ со мной стоялъ мой ядовитый другъ «Шопенгауеръ».

— Что за ребенокъ человѣкъ! — сказалъ я ему, указывая на это зрѣлище.

А онъ, указавъ мнѣ на трехъ несчастныхъ лошадей, которыхъ ломовики продолжали безжалостно хлестать, отвѣтилъ мнѣ съ своей обычной ѣдкостью:

— Ребенокъ и звѣрь. — Затѣмъ онъ прибавилъ съ нѣкоторой досадой: — Ты всегда видишь человѣка только съ одной стороны.

Странно! Слова эти вызвали во мнѣ двойственное чувство. Человѣкъ во мнѣ порадовался, думая: тѣмъ лучше! а писатель былъ огорченъ. И притомъ, увъ! удовольствіе очень быстро разсѣялась, а огорченіе не умерло еще и до сихъ поръ...

Тутъ, какъ разъ подъ 18 числомъ, я нахожу страницу, всецѣло относящуюся къ другу Шопенгауэру, на которой его мрачной философіи противопоставляется фактической аргументъ, показывающій, что не слѣдуетъ высказывать общаго, формулировать рѣзкаго осужденія человѣческой души, такъ какъ въ противномъ случаѣ часто пришлось бы дѣлать исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, мы готовы мнѣять свое мнѣніе о человѣкѣ каждыя двѣ недѣли, а иногда и каждыя двадцать четыре часа, тотъ же,

кто постоянно повторяетъ одно и то же, навѣрное пять разъ въ десяти говорить неправду. Фактическій аргументъ я нашелъ, ѣдучи вечеромъ 18-го ноября на конкѣ *Корсо Винцалло*. Внутри вагона были заняты всѣ мѣста кромѣ двухъ; тамъ сидѣли дамы, барышни, нѣсколько простыхъ дѣвушекъ, и между прочимъ адвокатъ изъ мелкихъ, котораго я зналъ въ лицо. На углу *Корсо Витторіо* вошла женщина... Лучше, если бы она не входила. Не знаю, включаютъ ли такихъ несчастныхъ въ число тѣхъ, которыхъ нельзя допускать въ вагонъ. Если да, то, вѣроятно, она вошла безъ вѣдома кондуктора. Это была женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ дурно одѣтая и безъ шляпки, прикрывавшая лицо черной полумаской. Лице? Ахъ, у этой несчастной не было лица! Отъ переносицы и до рта оно было съѣдено ракомъ, такъ что казалось, будто какой-нибудь звѣрь обглодалъ его до кости. А надъ этой ужасной язвой, которой она не могла закрыть отъ сидѣвшихъ съ ней рядомъ, двигались сѣрые маленькіе глаза, выражавшіе высшую степень несчастія, какое только можетъ вынести человѣческая душа. Я стоялъ снаружи и видѣлъ, что когда она вошла и сѣла, пассажиры единодушно сдѣлали движеніе ужаса. Каждый не хотѣлъ на нее смотрѣть и не могъ—поворачивался, чтобъ на нее взглянуть, и тотчасъ рѣзко отворачивалъ голову. Но они выдержали не долго. Сначала встали двѣ рядомъ съ ней сидѣвшія дамы и вышли на площадку браниться съ кондукторомъ за то, что тотъ ее впустилъ; затѣмъ вышла третья; столпились и остальные изъ другой части вагона — всѣ, кромѣ одной, отдѣленной отъ этой несчастной всего однимъ мѣстомъ. Это была маленькая брюнетка съ большими черными глазами и слегка растрепанными волосами. Она, спустя мгновеніе, тоже встала, но не для того, чтобъ бѣжать. Взглянувъ мелькомъ на мѣсто, съ котораго встала, и какъ-будто найдя его грязнымъ, она сдѣлала шагъ налѣво и сѣла рядомъ съ той женщиной. Ахъ, мнѣ кажется, что я слышу голосъ друга моего: онъ непремѣнно назвалъ бы ее

Донкихоткой милосердія и нашелъ бы, что это прозвище очень къ ней подходит. Но нѣтъ! онъ не сказалъ бы этого слова, если бы видѣлъ, съ какимъ спокойнымъ достоинствомъ, съ какой милой простотой она это сдѣлала. Она даже не взглянула на удалившихся дамъ съ чувствомъ собственного превосходства и съ упрекомъ, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ другая; она и не заговорила съ несчастной, а сѣла рядомъ съ нею молча только затѣмъ, чтобы та не оставалась одна въ образовавшейся вокругъ нея могильной пустотѣ, какъ вокругъ трупа, какъ вокругъ чего то нечистаго, зараженнаго, распространяющаго міазмы, чтобы она видѣла около себя человѣческое существо не питающее къ ней ужаса и не чувствовала себя всѣми покинутой. И она ее поняла, потому что повернулась взглянуть на нее. Она не улыбнулась, такъ какъ ни лицо ея, ни душа, увы! уже не могли улыбаться, но глаза ея, блеснувшіе на мгновеніе, словно сказали ей:— Я тебя поняла и благодарю...

Эхъ, что мнѣ за дѣло до того, что въ челоуѣчествѣ такъ много подлости и эгоизма! Однѣмъ такой поступокъ омываетъ его отъ тысячи низостей, одна такая душа озаряетъ тысячи темныхъ душъ и заставляетъ меня открыть людямъ братскія объятія. О, добрая, мужественная Донкихотка! И подумать только, что я лишь впоследствии, вспоминая о происшедшемъ, вполне ее понялъ: она нарочно сдѣлала видъ, что мѣсто ея грязно, чтобъ та не подумала, что она садится рядомъ изъ жалости...

Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ долгихъ поѣздокъ подъ пожелтѣвшими, полуобнаженными деревьями, въ густомъ туманѣ, похожемъ на мельчайшую пыль, въ которой плавали сухіе листья. Я не встрѣчалъ ни одного изъ мовхъ знакомыхъ пассажировъ, но зато сдѣлалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ и новыхъ наблюденій надъ конкой, какъ сценой честолюбія и выставкой тщеславія. Люди знаменитые или воображающіе себя знаменитыми, красивыя женщины и новѣйшіе Аполлоны, всѣ они любятъ конку,

въ которой можно себя выставить съ полчаса на показъ десятку согражданъ, вынужденныхъ смотрѣть на нихъ даже безъ собственнаго на то желанія и невольно уносить въ своемъ мозгу «негативы» ихъ лицъ. Объ искусствѣ рисовать въ конкѣ можно бы написать нѣсколько страницъ. Одни, чтобъ выставить себя на показъ, прохаживаются по вагону, какъ по гостинной, съ одной площадки на другую, иные остановивъ вагонъ, подходятъ къ нему медленно, чтобъ дать возможность пассажирамъ полюбоваться граціей и величіемъ своей походки, или поднимая руку къ веревкѣ, чтобъ позвонить, тоже ищутъ эффектныхъ позъ, какъ актеры или актрисы, вскакивающіе съ кресла, чтобъ указать нахалу на дверь. А есть такіе оригиналы, которые ѣздятъ въ конкахъ, чтобъ выставять на показъ свое сходство съ знаменитостями. Я, напримѣръ, встрѣчалъ на нѣкоторыхъ линияхъ подѣльнаго Виктора-Эммануила, снимокъ съ д'Азеліо, грубую копію съ Чиадини, но мнѣ никогда не приходило въ голову, что можно гордиться своимъ сходствомъ съ разбойникомъ. А между тѣмъ я однажды вечеромъ встрѣтилъ подобнаго чудака, забившагося въ уголъ конки *Мартинетто*, въ которой ѣхалъ Карлинъ. Одна дама выбѣжала изъ вагона и испуганно глядѣла на него съ задней площадки. Три другія, оставшіяся внутри, наблюдали его съ недовѣріемъ изъ противоположнаго угла. И было изъ-за чего: это былъ человекъ съ сердитымъ лицомъ, вызывавшій подозрѣніе уже однимъ своимъ вѣшнымъ видомъ. Онъ былъ закутанъ большимъ испанскимъ плащомъ, закинутымъ за одно плечо, и имѣлъ на головѣ большую калабрійскую шляпу, изъ-подъ которой двигались большіе совиные глаза, торчалъ преступный носъ и громадные вызывающіе усы. Тѣнь отъ большой шляпы и падающій сверху свѣтъ придавали лицу его, съ рѣзко выдающимися освѣщенными чертами и темными впадинами, нѣчто сатанинское. Онъ медленно, какъ автоматъ, поворачивалъ голову и фиксировалъ расширенными глазами то одного, то другого изъ своихъ наблюдателей, которые невольно

опускали передъ нимъ взоры. Кто былъ этотъ оригиналъ? Несомнѣнно не бѣднякъ какой-нибудь, потому что платье его было дорогое и опрятное. Пассажиры на площадкѣ дѣлали различныя предположенія. Кто думалъ, что это бѣглый каторжникъ, а кто, — что это калабрійскій разбойникъ, проходящій черезъ Туринъ; одинъ юноша даже выразилъ сомнѣніе, не Джэкъ ли это — потрошитель животныхъ?

— Но съ такими лицами, — сказалъ совершенно серьезно одинъ старикъ: — слѣдовало бы по закону запретить входить въ вагонъ. (О, еслибъ поручить издавать законы трусамъ, какая получила бы тираннія! И однако дождемся еще этого). Всѣ ожидали его выхода, чтобъ лучше разсмотрѣть, и были удивлены на площади *Кастелло*: онъ всталъ. Онъ не былъ высокъ ростомъ. Длинна талия ввела насъ въ заблужденіе. Когда онъ показался на площадкѣ, всѣ разступились вокругъ него. И улыбка, скользнувшая въ ту минуту у него на губахъ, объяснила мнѣ тайну. Это былъ просто весельчакъ и, можетъ быть, очень добрый малый, пользующійся своимъ видомъ пугала изъ тщеславія и старающійся подбирать костюмы и принимать позы, соответственныя его лицу, изъ страннаго вкуса распространять ужасъ на ночныхъ конкахъ. И, быть можетъ, эти маленькіе театральные триумфы были главною, если не единственною, пищею *de l'orgueil qui nous fait vivre*, какъ выражается Зола; потому что гордость, это — одна изъ тѣхъ человѣческихъ страстей, которыя питаются самыми разнообразными вещами, начиная отъ геронима до преступленія. Какъ только онъ сошелъ, возобновились громкіе комментаріи на его счетъ.

— Это должно быть сумасшедшій! — сказалъ Карлинъ. Одна женщина воскликнула: — Да онъ сродни дьяволу! — А граціозная дама, все еще не пришедшая въ себя отъ страха, сказала мнѣ, улыбаясь: — Это навѣрное социалистъ!

На слѣдующій день — сюжетъ для картины Джіакома Гроссо. Въ закрытомъ вагонѣ *Альбертинской Академіи* возѣдала блестящая дама сре-

ди группы бѣдняковъ, словно владѣлица замка, припимающая своихъ вассаловъ. Контрастъ между нею и ея спутниками еще увеличивался, благодаря грязному, усѣянному обрывками бумаги, апельсинами корками и каптановыми скорлупами полу вагона, на который спускалась ея царственная одежда. Всѣ глядѣли на нее молча, какъ на выставленное въ витринѣ произведеніе искусства. На видъ ей было не болѣе двадцати лѣтъ. Лицо ея было красиво и отличалось удивительною бѣлизной—одно изъ тѣхъ лицъ туринскихъ женщинъ, смѣшаннаго французско-итальянскаго типа, въ которыхъ каждая черта, взятая отдѣльно, не отличается особенною красотой, но все въ цѣломъ оно поражаетъ изяществомъ и гармоніей. По видимому, она была недавно замужемъ. Одѣтая въ черное суконное расшитое платье и въ накидкѣ изъ дорогаго мѣха, въ роскошной шляпѣ съ страусовыми перьями и яркими розами, она вся сверкала брилліантами. Ихъ было на ней столько, что для любого изъ смотрѣвшихъ на нее составило бы цѣлый капиталъ, можетъ быть, произвело бы полный переворотъ въ жизни, блестящее осуществленіе мечтаній! И однако лицо ея съ еще полудѣтскими очертаніями выразило милую и чистосердечную наивность и легкая краска, вспыхнувшая на немъ отъ смущенія и отъ удовольствія возбуждать столько вниманія, обнаруживало такую граціозную скромность и простоту души и сама она, казалось, чувствовала себя такъ хорошо среди этого бѣднаго люда, не боясь запачкаться о большую корзину старухи, сидѣвшей рядомъ, или о грязныя ноги мальчика, котораго держала на колѣняхъ бѣдная женщина напротивъ; что всѣ на нее смотрѣли съ уваженіемъ и симпатіей. И это побудило меня задуматься надъ тѣмъ, не слѣдуетъ ли того оскорбленія и раздраженія бѣдняковъ, которыя они испытываютъ отъ соприкосновенія съ роскошью, приписать скорѣе тѣмъ особеннымъ самоудовольственнымъ и тщеславнымъ пріемамъ, съ которыми она выставляется на показъ, чѣмъ самый роскоши—ея блеску

и красотѣ, способныхъ радовать взоры даже тѣхъ, кто ея лишенъ. Но картинка была еще особенно привлекательна тѣми разнообразными мыслями, которыя, подъ уваженіемъ и симпатіей, сквозили у наблюдателей такъ ясно, какъ будто были написаны у нихъ на лбу. Старуха, по видимому, производила оцѣнку дорогаго платья матеріи и накидки, сравнивая ихъ стоимость съ суммами своего прихода и расхода, своимъ домашнимъ бюджетомъ. Мать мальчика, по виду жена рабочаго, съ очень взможденнымъ лицомъ, смотрѣла, вѣроятно, думая о той блаженной жизни, которую должна вести эта дама, вставая въ десять часовъ, чтобы цѣлый день наслаждаться досугомъ безъ малѣйшей заботы въ головѣ. Одна простая дѣвушка, какъ очарованная, была прикована взорами къ ея серьгамъ, и глаза ея явно говорили, что она охотно готова питаться черствымъ хлѣбомъ и зелеными яблоками, чтобы имѣть право хоть на одну часть въ теченіе дня одѣть эти звѣзды.

Въ блестящемъ взглядѣ, которымъ ее пронизывалъ молодой рабочій, сквозило представленіе о томъ сверхчеловѣческомъ наслажденіи, которое доставила бы любовь этой полубогини, такой бѣлой и нѣжной, закутанной въ столько драгоценныхъ и раздушенныхъ тканей, а дурно одѣтый старикъ наблюдалъ ее изъ угла вагона съ такимъ изумленнымъ видомъ, какъ будто безсознательно для себя самого раздумывалъ надъ глубокой тайной соціального закона, ставящаго на такомъ огромномъ разстояніи одно человѣческое существо отъ другого. Но съ наибольшою жадностью пожиралъ ее глазами кондукторъ Маркизъ, стоявшій рядомъ со мною на площадѣ. Однако, онъ напрасно тербилъ свои бѣлокурые усы, напрасно принималъ живописныя позы тевора и волновался, сдвигая фуражку, чтобы провести рукой по горячему лбу: ему не удавалось привлечь вниманіе красавицы. Она смотрѣла только на своихъ поклонниковъ внутри вагона, переводя съ одного на другого свои ясные спокойныя глаза, въ которыхъ свѣтилось сочувствіе въ отвѣтъ на симпатіи, возбуж-

жденныя ею. Но, увя какъ иногда капризно сердце человѣческое! На углу улицы *Мадзини* она остановила вагонъ и сошла. Всѣ въ вагонѣ, побуждаемые тѣмъ любопытствомъ которое ищетъ разъясненія характера человѣка въ его походкѣ, бросились къ окнамъ смотрѣть на нее... Она хромала! И вотъ почти во всѣхъ лицахъ мелькнула улыбка удовольшенія, даже въ лицѣ дѣвушки, которая воскликнула: — Какая жадность! — Но это не было злорадствомъ. Ахъ, вѣтъ! Это было маленькимъ утѣшеніемъ для обреченныхъ на лишенія. Она обладала столькими дарами природы, была такъ счастлива, настолько счастливае ихъ, что... пусть же окажется хоть маленькое пятнышко на этомъ счастьи! Оно, конечно, не уравнивало сторонъ, но дѣлало хоть немного меньше то, громадное унижительное неравенство, которое ихъ раздѣляло. Всѣ съ этою мыслью опять заняли свои мѣста. А маркизь, поднявъ носъ, какъ охотничья собака, утѣшался въ своемъ неуспѣхѣ тѣмъ, что втягивалъ въ себя ароматы духовъ, оставленныхъ ею въ его маркизскихъ владѣніяхъ.

Результаты одной драмы отъ концы: Это было однимъ изъ послѣднихъ и наиболѣе пріятныхъ эпизодовъ моего ноября. Вечеромъ въ воскресенье, когда уже стемнѣло, конка *Мартинето* остановилась въ улицѣ *По* передъ театромъ России, откуда выходила толпа народа носящъ дневного представленія Пьемонтскаго товарищества. Одинъ господинъ, поставивъ на площадкѣ маленькаго трубочиста, вошелъ на нее съ женою и двумя дочерями. Такъ какъ въ этотъ день въ театрѣ шли «*Трубочисты*», старая возродившаяся драма Саббатини, вотъ уже двѣ недѣли заставлявшая рыдать весь Туринъ, то я подумалъ, что этотъ трубочистъ былъ маленькій актеръ наиболѣе растрогавшій зрителей, Евгений Теста, котораго его родные изъ каприза везли домой въ театральномъ костюмѣ. Но нѣтъ: то былъ настоящій трубочистъ, атакованный у театральнаго подъезда еще не успокоившейся отъ слезъ и отъ волненія семьей чувствительныхъ буржуа. Они везли его для

своего удовольствія на свой счетъ къ Сандонатскому предмѣстью, гдѣ, по его словамъ, онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ. Когда всѣ усѣлись внутри вагона, отецъ семейства посадилъ мальчугана къ себѣ на колѣни съ хвастливымъ вызывающимъ выраженіемъ христіанскаго милосердія и поэтической вѣжливости и сталъ отечески ласкать его, поглядывая на другихъ пассажировъ, въ то время какъ его жена и дочери смотрѣли на него влажными глазами, засыпая множествомъ вопросовъ. Отецъ и мать, по виду, были зажиточными купцами, но вышедшими изъ бѣдности; дочери, обученныя и облагороженныя въ школахъ, придали имъ нѣкоторый лоскъ литературнаго и сентиментальнаго воспитанія. Послѣднія, хотя тоже растроганныя, сохраняли видъ сдержаннаго достоинства, а у первыхъ волненіе выражалось нѣсколько грубо, но зато искренне. Странная власть театра! Они въ самомъ дѣлѣ видѣли въ этомъ мальчикѣ главное дѣйствующее лицо въ драмѣ — бѣднаго маленькаго горца, бѣгавшаго по сценѣ, чтобы спастись отъ побоевъ своего жестокаго хозяина, — проданнаго въ первомъ актѣ, мучимаго во второмъ и возвращеннаго семьѣ въ третьемъ, послѣ того, какъ всѣ его считали задохнувшимся въ трубѣ; они изливали на него все свое страстное состраданіе, которымъ пронились, сидя въ галлерей. Теперь онъ принималъ всѣ эти вѣжливости, не выражая ни малѣйшаго удивленія на своемъ черномъ лицѣ, остававшемся грустно-равнодушнымъ, какъ будто онъ сознавалъ, что это не больше, какъ счастливыя минуты и приключеніе, и думалъ о томъ, что вся эта доброта и вниманіе не избавятъ его отъ необходимости вставать на разсвѣтѣ на другой день и приниматься за свою трудовую, тяжелую жизнь. Въ вагонѣ одни смотрѣли на эту сценку съ сочувствіемъ, другіе съ насмѣшливой улыбкой, находя такое изліяніе чувствъ нѣсколько театральнымъ и, быть можетъ, излишнимъ. Одинъ господинъ, находившійся рядомъ со мною, передалъ выраженіе этой улыбкѣ словами:

— Эхъ, эти пауты нарочно торчатъ

возлѣ театра, чтобъ, воспользовавшись волненіемъ публики, выманить нѣсколь- ко солдо!

— Плуты!.. Еще бы!..

Мнѣ хотѣлось бы у него спросить, считалъ ли онъ безцестной хитростью то, когда, собираясь просить для себя чего-нибудь у начальства, онъ выбиралъ для этого самый удобный моментъ?.. Ка- кой утонченности отъ живущихъ виро- голодь требуютъ утонченные сытые лю- ди! Между тѣмъ разспросы и ласки про- должали изливаться на мальчика и пре- кратились только на площади *Статуи*, гдѣ семейство остановило конку, чтобъ сойти. Отецъ поцѣловалъ его, а барыш- ни потренили по щекѣ, не боясь за- начкаться.

— Прощай, бѣдное дитя! Смотри, не забудь, гдѣ мы живемъ! Да смотри, чтобъ у тебя ихъ не отняли.

Они намскали на тѣ солдо, которыя они ему дали. И дѣйствительно, какъ только они сошли, мальчикъ вытащилъ изъ за пазухи деньги и началъ считать.

— А! видите?—сказалъ торжествую- ще мой сосѣдь,—видите, какой, плутъ? Деньги нужны ему, а вовсе не нѣж- ности.

— Это совершенно вѣрно, — отвѣ- тилъ я ему.

— Вотъ жадный алгыинникъ! Отвра- тительный Шейлокъ! Жалкій сребро- любецъ!

Въ это время вошла моя интерес- ная незнакомка, «Мертвая дѣва», сту- дентка, сопровождаемая отцомъ. Пре- жде чѣмъ мы успѣли доѣхать до поло- вины улицы, вагонъ былъ переполненъ внутри и на площадкѣ. Многие на нее смотрѣли, но какъ всегда казалось, что она этого не замѣчаетъ. Вдругъ она оживилась и, улыбувшись, быстро за- кивала головой, какъ будто кого-то при- вѣтствовала сквозь стекло входной двери, и я увидѣлъ странную, неожиданную, невѣроятную вещь: все лицо ея, до кор- ней волосъ вдругъ покрылось густой краской и глаза выплхнули новымъ блескомъ, живымъ и очень нѣжнымъ, словно подъ вліяніемъ чуда, словно она въ эту минуту вдругъ превратилась изъ мраморной статуи въ живую женщину

съ плотью и кровью. И ея отецъ тоже кого-то привѣтствовалъ улыбкой и дру- желюбнымъ взглядомъ. Я быстро обер- нулся назадъ, чтобъ взглянуть сквозь окошко, кто былъ виновникомъ чуда, но очутился передъ провѣтывающимъ цвѣтнымъ стекломъ съ объявленіемъ о хинной водкѣ Мигонэ и успѣлъ увидѣть сквозь верх- нее маленькое стекло въ двери мельк- нувшій цилиндръ, раскланявшійся и тот- часъ исчезнувшій, какъ крыло сокола. А! этотъ цилиндръ могъ принадлежать только молодому человѣку, и притомъ любимому, а любимымъ могъ быть только ея женихъ. Ея глаза, сіяя, неподвижно были устремлены на это невидимое для меня лицо, ея румянецъ слегка по- блѣднѣлъ, но не погасъ и полуоткры- тая, словно говорящія уста выдавали ускоренное биеіе сердца. Все это раз- сѣвало всякое сомнѣніе. Итакъ, мерт- вая дѣва—влюблена! Мертвая дѣва— не вѣста! Значитъ, это было возможно? И меня охватило такое жадное любо- пытство узнать, кто былъ онъ, что я едва удержался, чтобъ не выглянуть за дверь. Но моего терпѣнія хватило не на долго, и я все-таки всталъ, рѣшив- шись потянуть за колокольчикъ раньше, чѣмъ мнѣ было нужно.

— Ктотъ онъ ни былъ, я узнаю его по глазамъ...—подумалъ я. Вагонъ остановился; я открылъ дверь и очутился передъ художникомъ въ цилиндрѣ съ пы- лающимъ лицомъ, котореовыдавало все. Онъ сдѣлалъ жестъ сильнаго удивленія и, еще больше покраснѣвъ, пролепеталъ мнѣ съ улыбкой человѣка, застигнутаго врасплохъ:

— Послѣ я вамъ сообщу новость...

— Ахъ, зачѣмъ же? — отвѣтилъ я ему, сходя.—Вы мнѣ только объясните, а новость я уже знаю и радуюсь.

И я оставилъ его удивленнымъ, впро- чемъ, не на столько, какъ удивленъ былъ самъ. Такъ это она была таин- ственная богиня, она, мертвая дѣва! Кто бы могъ это предвидѣть? И однако я долженъ былъ это подозрѣвать съ тѣхъ поръ, какъ онъ произнесъ пере- до мной свою курьезную рѣчь въ защиту студентокъ. Но, впрочемъ, это одно изъ такихъ указаній, которыя вспоминаются

послѣ того, какъ дѣло выяснится. Такъ это она! Колоссъ влюбился въ духа. А почему бы и нѣтъ? Бракъ двухъ противоположностей. Красивая пара, во всякомъ случаѣ. И я долго не могъ опомниться отъ удивленія. Мертвая дѣва!.. Но какая жъ она мертвая? Вѣдь видѣніе измѣнилось. Все еще одѣтая въ бѣлое и распростертая, какъ мертвая, но съ алжющими щеками и раскрытыми объятіями... О, совсемъ иное дѣло! Въ концѣ концовъ, все устроилось какъ нельзя лучше для меня, какъ для писателя.

Я вернулся домой удовлетвореннымъ.

Но не суждено было ноябрю закончиться для меня весело. Онъ закончился печальной встрѣчей. Былъ какъ разъ послѣдній день, день убійства графини Лара. Въ воздухѣ стоялъ туманъ, деревья на Корсо Санъ-Мавриціо бѣлѣли, словно обсыпанныя кристаллами каменной соли, солнце безъ лучей печально, какъ глазъ умирающаго, смотрѣло съ сѣраго неба. Войдя въ конку, шедшую по направлению къ *Корсо Маргариты*, я увидѣлъ сквозь стеклянную дверь лицо сеньора Таддео и поклонился ему. Онъ взглянулъ на меня пристально, но не отвѣтилъ мнѣ на поклонъ. Тогда только при второмъ взглядѣ я увидѣлъ, какъ страшно онъ перемѣнился, и мысль, внезапная какъ молнія, пронзила мою голову: дѣвочка умерла! Высунувъ слегка направо голову, я увидѣлъ также лицо его жены, и та же мрачная мысль опять промелькнула во мнѣ: дѣвочка умерла! Оба они были блѣдные и казались постарѣвшими и отжѣченными той особенной трагической печалью, безжизненной и безнадежной, напоминающей выраженіе безконечнаго удивленія, наблюдаемое иногда на лицахъ мертвецовъ. Первымъ моимъ сознательнымъ чувствомъ былъ ужасъ и желаніе поскорѣе бѣжать, чтобъ не встрѣтиться съ ними, чтобъ не узнать... Но меня удержала надежда: можетъ быть, ихъ постигло какое-нибудь другое несчастіе, не это— потеря всего состоянія, смерть отца или матери или смертельный испугъ отъ какой-нибудь грозившей имъ опасности. Дѣвочка могла быть въ вагонѣ не между

родителями, какъ всегда, а рядомъ съ матерью, на мѣстѣ, котораго я съ плошадки не могъ видѣть. И хотя для того, чтобъ убѣдиться, мнѣ нужно было сдѣлать всего одинъ шагъ, у меня не хватало для этого мужества, словно, я боялся увидѣть вмѣсто дѣвочки маленькій гробикъ. Возможно ли это? Я вспомнилъ, какою я видѣлъ въ послѣдній разъ, незадолго передъ тѣмъ, такой рѣзвой и хорошеенькой, возбуждавшей всеобщій восторгъ, сверкавшей здоровьемъ и весельемъ среди своихъ торжествующихъ родителей. Это воспоминаніе подняло во мнѣ духъ, и я сдѣлалъ шагъ направо. Ахъ, я не увидѣлъ маленькаго гробика, но я увидѣлъ почти тоже— букетъ цвѣтовъ на колѣняхъ у матери. Цвѣты въ рукахъ, съ этимъ лицомъ... Она могла ихъ держать только затѣмъ, чтобъ отнести на кладбище, на ту могилку. Однако я стоялъ въ живомъ безпокойствѣ и не теряя еще надежды. Я хотѣлъ увидѣть, остановятся ли они на площади *Бенне*, чтобъ оттуда направиться на кладбище. Почему знать? Если бы они не остановились, я подумалъ бы, что дѣвочка жива. Прошло всего нѣсколько минутъ ожиданія, но мнѣ онѣ показались такими долгими! Я не сводилъ съ нихъ глазъ, сердце у меня ускоренно билось. Конка завернула съ площади къ *Корсо Маргариты*... Жива! — подумалъ я. Но въ это мгновеніе отецъ поднялся, чтобъ остановить и раздался звонъ колокольчика, заставившій меня затрепетать какъ отъ рѣзкаго: «Нѣтъ!» въ отвѣтъ на мои слова. Конка остановилась и двое несчастныхъ прошли мимо меня. Онъ посмотрѣлъ на меня и узналъ. Но я не рѣшился ему поклониться. Онъ бросилъ на меня мрачный взглядъ и сказалъ рѣзкимъ голосомъ:— Она умерла... да... А мать прошла, мимо, не глядя на меня.

Глава XII.

Декабрь.

Въ новомъ мѣсяцѣ я былъ охваченъ новымъ приливомъ жара бѣгать по конкамъ и охотиться за персонажами и за

приключеніями, лъстя себя, какъ суевѣрный мечтатель, наивной надеждой, что, такъ какъ я собираюсь заканчивать книгу, фортуна должна обо мнѣ позаботиться и послать мнѣ на прощаніе оригинальные случаи и сцены, способные придать моему *Экипажу* романическое заключеніе. А подѣ этой надеждой я таилъ намѣреніе даже сочинить всю послѣднюю главу при помощи фантазіи, если случай мнѣ не поможетъ. О, неизлѣчимая болѣзнь романтизма! Она подстрекала меня, во что бы то ни стало, приправить природу пикантнымъ соусомъ и украсить ея архитектураю, какъ украшаютъ пудинги на парадныхъ обѣдахъ. Да, ко мнѣ на послѣдокъ вернулась эта наследственная болѣзнь, между тѣмъ какъ до сихъ поръ у меня было желаніе брать жизнь такую, какою она была, и писать свою книгу искренно и безхитростно.

Но это настроеніе длилось не долго; мой планъ бѣгать по конкамъ былъ сразу потушенъ одной изъ тѣхъ Туринскихъ мятежей, которыя заставляютъ разныхъ смутныхъ поэтическихъ мечтаній и планы такъ же прятаться на дно души, какъ мы прячемъ наши носы въ воротники и руки въ карманы. Передъ этой дѣйствительной опасностью разсѣялось мое желаніе романическаго финала. И это, я думаю, было къ лучшему для моихъ записокъ.

Шель густой свѣгъ; широкіе, какъ коночные билетки, хлопья стлались по всей длинѣйшей улицѣ *Ницца* и покрывали ее бѣлымъ ковромъ, заглушавшимъ шумъ вагоновъ, которые катились въ свѣгу по невидимымъ рельсамъ. И посреди этой азіійской бѣлизны чернѣлъ, какъ медвѣдь, Темпеста, въ надвинутой на глаза фуражкѣ, въ рукавицахъ и валенкахъ, и такъ сильно закутанный, что отъ лица остался одинъ только грушеобразный носъ да пара щетиныхъ усовъ, которые двгались когда онъ ворчалъ. Онъ ворчалъ на свѣжные хлопья, попадавшіе ему въ ротъ, на рабочихъ, расчищавшихъ дорогу, на пассажировъ, которые, входя, отряхивали прямо ему на ноги свои зонтики и

всякій разъ съ изступленіемъ дергаль за намокшую парусиновую занавѣску, отчего она, словно обиженная, откидывалась, выставляя его подѣ непогодѣ.

— Что, скверная погода, а? — въжливо спросилъ я его.

Онъ отвѣтилъ мнѣ грубо:

— Вы это мнѣ говорили? Хорошая новость!

— Это, должно быть, продлится нѣкоторое время, — прибавилъ я.

— Этого я не знаю, — проворчалъ онъ.

Ахъ, бѣдный Темпеста! Я невольно вспомнилъ одного сумасшедшаго, изъ виллы Кристины, который обрисовывалъ карандашемъ разные части тѣла, болѣвшія у него, чтобъ удобнѣе извлечь лютаго звѣря, сидѣвшаго, по его мнѣнію, въ больномъ мѣстѣ и причинявшаго ему страданіе, кусая тѣло. И я спросилъ себя, не сидѣлъ ли и у него въ тѣлѣ въ какой-нибудь бѣшенный звѣрь, а можетъ быть, и цѣлый звѣринецъ, рвавшій его на куски? Да, но въдѣ и въ каждомъ изъ насъ сидятъ такой звѣрь, хоть самый маленькій червячекъ или гусеница, вызывающій въ насъ иногда злобныя настроенія на цѣлыя дни? И однако, чѣмъ больше я изучаю Темпесту, тѣмъ больше убѣждаюсь, что дома, въ своей семьѣ, онъ не долженъ быть злымъ человѣкомъ. Онъ на службѣ изливаетъ такъ много яду, что едва ли можетъ сохранить что-нибудь для своихъ, послѣ двѣнадцати-часоваго рабочаго дня. Минутами мнѣ хочется хлопнуть его рукой по плечу и сказать ему дружески: — Скажи-ка, благословенный дикобразъ, съ какой стороны къ тебѣ прикоснуться, чтобъ не пораниться?—Но тутъ о него укололась одна пожилая дама, робкимъ тономъ попросившая его остановитъ коньку:—Будьте любезны...—Онъ отвѣтилъ пожатіемъ плечъ и слѣдующимъ комплиментомъ:—Что за «*будьте любезны*»! Говорятъ просто: остановите!—Вѣжливость разстрѣвала ему нервы, какъ музыка нѣкоторымъ животнымъ.

На площади *Санъ - Сальваріо*, гдѣ мальчики играли въ свѣжки, ему попалъ въ носъ комокъ свѣга; онъ бросилъ на виновниковъ яростный взглядъ и зарычалъ, какъ леопардъ, а затѣмъ

привылся вымещать свою злобу на одной из лошадей *Ливорно*, которая прихрамывала. Онъ осмалъ ее бранью, называлъ разбойникомъ и плутомъ, и каждый эпитетъ сопровождалъ ударомъ кнута. Одинъ изъ пяти пассажировъ, стоявшихъ на площадкѣ, отважился сдѣлать ему вѣжливое замѣчаніе:—Но чѣмъ же она виновата, если хвораетъ?

Онъ рѣзко повернулся.

— Да, потому что это порокъ, хитрость. Она хромаетъ только, когда со мной, чтобы вы знали.

Онъ фыркнулъ и затѣмъ прибавилъ:

— Нужно знать животныхъ, прежде чѣмъ говорить.

Тотъ отвѣтилъ ему спокойно:

— Да, это вѣрно—прежде чѣмъ говорить, нужно знать животныхъ.

Всѣ засмѣялись. И тогда произошло чудо: улыбнулся и Темпеста.

Но это былъ словно лучъ въ ущельи, мелькнувшій и опять исчезнувшій. Онъ тотчасъ нахмурился и опять привылся хлестать «Ливорно», называя его змѣей и Іудой, и продолжалъ, заливать на протяжении всей длиннѣйшей бѣлой улицы свою неутомимую злобу.

Безостановочно шелъ снѣгъ, такой мелкій и густой, что можно было собирать его обѣими руками и катать шарики. Вагоны казались призраками подъ бѣлыми покрывалами; ихъ нельзя было разглядѣть даже тогда, когда явственно слышался топотъ усталыхъ лошадей и окрики кучеровъ, выглядывающихъ изъ подъ навѣсовъ, какъ караульные въ окошки походной крѣпости. Но весь этотъ снѣгъ не охладилъ воинственнаго мила Карлина, котораго я встрѣтилъ однажды послѣ обѣда на линіи *Винцальо*. Онъ неистовствовалъ по поводу истребленія экспедиціи Чекки и главнымъ образомъ противъ министерства, заявившаго, что не вѣдетъ намѣренія дѣлать военныхъ захватовъ какъ всегда, онъ хотѣлъ все сжечь, истребить, уничтожить, стереть съ лица Африки Бенадиръ.

— Вообще,—гремѣлъ онъ,—что это такое! Намъ отовсюду достается. а мы не можемъ отплатить! У!.. рожи!..

И онъ никакъ не могъ успокоиться, доказывая, что у насъ слишкомъ много людей, милліоны безработныхъ, переполненіе человѣческаго стада, такъ что нужно пользоваться всякимъ случаемъ выселить пѣкоторое количество, чтобы освободить Италію и занять «земли этихъ собакъ».

— И что они думаютъ дѣлать со всѣмъ этимъ народомъ? Вѣдь у насъ переполненіе. Всѣ наши бѣды происходятъ отъ этого. Это размноженіе насъ разоряетъ...

И онъ тутъ же приводитъ своеобразное доказательство нашей чрезмѣрной плодовитости. Какъ разъ три дня тому назадъ по этой самой линіи съ одной женщиной начались родовыя схватки, такъ что отъ ея сосѣдства едва-едва не пострадалъ одинъ пассажиръ. Пришлось остановить конку и перенести ее въ ближайшую портерную на улицѣ *Рима*, а когда вагонъ возвращался, новорожденный уже оралъ, какъ пѣтухъ. — *И такъ*, видите!..

Это несвоевременное рожденіе, въ самомъ дѣлѣ, было для него вѣскимъ доводомъ въ пользу его воинственной политики въ Африкѣ.

— Бомбардировать! Бомбардировать!—повторялъ онъ свой припѣвъ ко всему, стоя на площадкѣ со скрещенными на груди руками и пристально смотря на бѣлую отъ снѣга площадку *Кастелло* такимъ взглядомъ, какъ смотрѣлъ Наполеонъ I въ 1814 году въ Мессонье. Но какія различныя мысли витаютъ иногда внутри конки! Въ этотъ моментъ съ одной стороны въ вагонъ сидѣло нѣсколько красивыхъ дамъ, въ двухъ углахъ—два господина въ цилиндрахъ и бѣлыхъ галстухахъ, очевидно, ѣхавшіе на званый обѣдъ, а какъ разъ противъ дамъ съ подюжины молодыхъ блестящихъ офицеровъ и между ними красавецъ, бельгійскій поручикъ. Въ глазахъ молчаливой компаніи вспыхивали искры, и въ этомъ подвижномъ салонѣ вѣяло дыханіемъ флирта, чувствовалась игра симпатій и влеченій, нѣсколько сдерживаемыхъ ради приличія, работа возбужденнаго воображенія, сопровождаемая мечтами о совершенно другихъ по-

бѣдахъ и сраженіяхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорилъ Карлинтъ, грозя надъ сибѣгомъ кулакомъ... Это тоже символъ: политикъ, кричащая и желающая передрѣлатъ мѣръ, и любовь—госпожа этого міра, смѣющаяся у нея за плечами. Но я своей мысли не высказалъ Карлину, не желая лишать его, быть можетъ, самой большой радости въ жизни. И такъ какъ возможно, что онъ въ этотъ вечеръ въ дослѣдній разъ появлялся въ моихъ запискахъ, я, выходя изъ вагона, сердечно раскланялся съ нимъ, что онъ перетолковать, какъ знакъ сочувствія ко всей его политикѣ 1896 года, и улыбнулся мнѣ въ отвѣтъ улыбкой министра, довольнаго преданностью депутата.

Свѣтъ продолжалъ падать, и я даже началъ входить во вкусъ этихъ вечеровъ, проводимыхъ внутри вагона, привлеченный видомъ фамиллярной близости, связывающей всѣхъ пассажировъ, тѣсный кружокъ которыхъ напоминалъ веселый военный бивакъ. Довольные, что укрылись отъ непогоды и ощущая не лишнее пріятности чувство животной теплоты, разливавшейся по тѣлу, они особенно были склонны къ дружескимъ бесѣдамъ. Разъ, вечеромъ, наканунѣ праздника Непорочнаго Зачатія въ одну изъ такихъ пріятныхъ поѣздокъ я встрѣтилъ на линіи *Черная* туринскаго городского голову, который сидѣлъ въ углу вагона не узнавній никѣмъ, даже кондукторомъ. Послѣдній, стоя на площадкѣ, съ любопытствомъ разглядывалъ его сквозь стеклянную дверь. Навѣрное, знаменитый голова, видя, какъ этотъ кондукторъ, весь закутанный въ башлыкъ, намокшій отъ свѣгу, смотреть на него взоромъ замерзшаго нищаго, который съ улицы слѣдитъ за человѣкомъ, сидящимъ въ теплѣ, въ ресторани, — былъ очень далеко отъ мысли, что этотъ кондукторъ такой же графъ, какъ и онъ, да еще, можетъ быть, происходящій изъ болѣе древняго рода и ужъ навѣрное изъ болѣе знаменитой въ исторіи Италіи фамиліи. Но на лицѣ кондуктора не было замѣтно никакихъ мрачныхъ мыслей: на немъ выражалась его обычная, спокойная покорность судьбѣ. Его, по-

видимому, развлекало необычное оживленіе общества, состоявшаго изъ мелкихъ мѣщанъ и опрятныхъ рабочихъ, которые вели между собой разговоры на разные тѣмы. Говорили о выставкѣ Луццатти, о крупныхъ потеряхъ Неаполитанскаго банка, о проектѣ военного налога, говорили фразами, выхваченными изъ утреннихъ газетъ, и тѣмъ особеннымъ тономъ—полугорько-скептическимъ, полупутливо-индифферентнымъ, которымъ въ Италіи принято разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ. Водворилось долгое молчаніе, послѣ котораго одинъ пассажиръ въ надвинутой на лобъ огромной шляпѣ, затемнявшей все лицо его, за исключеніемъ подбородка, заговорилъ по поводу закона о страхованіи рабочихъ.

— Вотъ мы и въ сенатѣ! — подумалъ я и сталъ слѣдить за присутствующимъ сенаторомъ—головою. И сенатъ, дважды отложившій этотъ законъ, былъ въ пухъ и прахъ разнесенъ пассажиромъ въ большой шляпѣ и его сосѣдомъ.

— Все черезъ этихъ полумертвыхъ харкуновъ, реакціонныхъ старикашекъ! Законъ давно бы вошелъ въ силу, еслибъ не долженъ былъ проходить черезъ эту кладбищенскую переднюю, въ которой яростно оспариваются всѣ благодѣтельные для народа законы!..—И другія мнѣнія были въ этомъ же родѣ. Нечего сказать, пріятная поѣздка для сенатора! А вотъ и третій, сдѣлавъ скачекъ отъ Рима къ Турину, начинаетъ жаловаться на работы по расчисткѣ свѣга, гудя своимъ контрабасомъ, что въ какой-то сосѣдней провинціи, на его родинѣ, дѣло это поставлено куда лучше. Ахъ, эта конка! сколько козней таятъ она для великихъ должностныхъ лицъ! Но мужественный голова выдержалъ неустрашимо второй залпъ, какъ и первый, фиксируя съ разбѣянной философской улыбкой объявленіе о шоколадѣ Тальмона, висѣвшее между двумя окнами. Явившійся на смѣлу разговоръ о крушеніи банка въ Комо его освободилъ. И въ то время, какъ шла, все оживляясь, новая бесѣда, мимо проѣзжали другіе вагоны съ такими же веселыми компаніями, освѣщенными фонариками; эти подвижныя залы клубовъ и саллѣ, ма-

ленькія аптеки пригородныхъ деревень и мініатюрныя залы коммунальныхъ совѣтовъ со всѣми этими разнообразными лицами важными и веселыми всевозможныхъ политикановъ, клеветниковъ и сплетниковъ, сонливыхъ и подвыпившихъ... Они показываются на мгновеніе и тотчасъ исчезаютъ въ свѣжномъ вихрѣ.

Послѣ снѣга начался туманъ, тотъ особенный зимній туринскій туманъ, непроницаемый и холодный, съ рѣзкимъ запахомъ гаря, который наполняетъ всякое пустое пространство и покрываетъ весь городъ какъ бы громаднымъ покрываломъ неподвижнаго, почти осязаемаго пепла и скрываетъ отъ глазъ дома, деревья, людей, вагоны, сливая въ одно все видимое пространство на разстояніи пяти шаговъ. Онъ, какъ сѣрая стѣна, загораживаетъ всѣ площади и улицы и наполняетъ отверстія воротъ словно дымъ, выходящій изъ тысячи горящихъ погребовъ, такъ что прохожему кажется, что исчезли цѣлыя кварталы домовъ, поглощены землей въ парахъ огромнаго кратера. Вагоны бѣгали, точно въ сумерки, разрывая цѣлый рядъ влажныхъ покрывалъ; встрѣчные вагоны не были видны на самомъ близкомъ разстояніи и только въ послѣднюю минуту словно выросли изъ земли; прохожихъ совсѣмъ нельзя было разсмотрѣть, кромѣ тѣхъ, которые, слышавъ топотъ лошадей, испуганно шмыгали черезъ рельсы. Эти торопливыя звуки свистковъ и рожковъ встрѣчающихся вагоновъ вызывали представленіе о городѣ, встревоженномъ какимъ-нибудь несчастіемъ и подавленномъ угрозой какой-нибудь серьезной таинственной опасности.

Я стоялъ на площадкѣ, тѣснымъ со всѣхъ сторонъ, съ однимъ молодымъ постомъ, пріѣхавшимъ съ Кубы, для котораго новъ былъ Туринъ, ново было и это зрѣлище, усиливавшее его природную меланхолю. Пріѣхавшій недавно въ Европу и всего за день изъ Франціи, онъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, что находится въ Італіи, въ которой, какъ онъ воображалъ, даже въ сѣверныхъ городахъ, должны быть такія же ясныя мягкія зимы, какъ на его родномъ

островѣ. Онъ почти испуганно озирался по сторонамъ и говорилъ мнѣ на своемъ заатлантическомъ итальянскомъ нарѣчій:—Но вѣдь это Сибирь! Это Шницбергент! А какъ вамъ нравится этотъ ужасъ?—Да,—отвѣтилъ я:—у меня вкусы эскимоса. Меня возбуждаетъ этотъ туманъ. Я ничего не вижу, не распознаю перекрестковъ, и даже не знаю, по временамъ, въ какомъ пунктѣ нахожусь. Городъ мнѣ кажется увеличившимся. Я воображаю, что нахожусь въ Лондонѣ, Петербургѣ или въ Нью-Йоркѣ. Мнѣ нравится чувствовать вокругъ себя человѣческое движеніе, не видя его. Туманъ для меня нарушаетъ монотонность жизни, даетъ множество неожиданныхъ и необычныхъ ощущеній. Этотъ странный резонансъ заглушаемый шумомъ, привлекаетъ меня, какъ новый языкъ вещей. Мнѣ пріятнѣе, чѣмъ на солнцѣ, встрѣтить друга въ этой темнотѣ, словно въ тѣни дѣвственнаго дѣса или очутиться передъ красивой женщиной, явившейся передо мною будто въ разорвавшихся облакахъ или слушать голоса невидимыхъ знакомыхъ и таинственный смѣхъ дѣвушекъ, исчезающій въ воздухѣ, какъ голоса домашнихъ. И затѣмъ, что жъ вы хотите? Мнѣ особенно нравится городъ вечеромъ, сверкающій огнями и переполненный людьми, работающими и развлекающимися (что мнѣ кажется наибольшимъ торжествомъ человѣческой культуры) подъ этимъ траурнымъ плащомъ, который природа раскинула надъ городомъ, не будучи въ силахъ подавить его жизнь и веселость.

Но, казалосьсь, пріѣзжій не былъ убѣжденъ. Еслибъ онъ рѣшился остаться въ Італіи, то навѣрное не основался бы въ Туринѣ. Онъ спросилъ меня, удобенъ ли городъ для художественнаго творчества, достаточно ли онъ итальянскій по виду, чтобъ дать вдохновенію поэта тѣ вышнія пособія, которыя онъ получаетъ въ Венеціи, въ Неаполѣ, во Флоренціи, въ Римѣ; не ощущается ли въ немъ монотонности?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—монотонности не можетъ быть въ свободѣ. Здѣсь—просторъ для ума. Мнѣ кажется, что

мысль должна расширяться, витая по этимъ обширнымъ площадямъ, носясь вдоль длиннѣйшихъ улицъ и высокихъ аллей, бѣгущихъ отъ всѣхъ частей города къ деревнямъ. Зданія мало привлекаютъ взоры, но именно благодаря этому они не отвлекаютъ отъ величія дѣла, отъ красоты природы; притомъ дома то здѣсь, то тамъ отступаютъ другъ отъ друга на довольно далекомъ разстояніи, оставляя для глазъ свободное пространство, чтобъ любоваться на Альпы и на окрестные холмы. Ни въ одномъ городѣ нельзя увидѣть столько зелени, столько синевы и бѣлизны. Ни въ одномъ городѣ вы не увидите такой свѣжей, такой блестящей улыбки весны, которая тутъ кажется возрожденіемъ міра. Для меня же, бывшаго свидѣтелемъ его многочисленныхъ перемѣнъ, здѣсь имѣютъ особенную прелесть воспоминанія. Я здѣсь повсюду ищу слѣдовъ прошлаго, меня зовутъ тысячи голосовъ давно исчезнувшихъ лицъ и вещей, которые меня зовутъ, а здѣсь пью воздухъ молодости отечества и моей собственной. Я люблю многими красотою, существующими только въ моихъ очахъ, потому что ихъ освѣщаетъ и краситъ лучъ, исходящій изъ моего сердца. Изъ глубины каждой улицы я вижу городъ Италіи, а въ ласточкахъ, порхающихъ вокругъ *Палацо Мадама*, свои исчезнувшія надежды, которыя все еще поютъ мнѣ и привѣтствуютъ меня.

Юноша пожалъ плечами.

— А какъ вы находите характеръ туринцевъ?—спросилъ онъ еще:—они не кажутся вамъ немного холодными и замкнутыми, вѣсколко... черезчуръ сѣверянами, сказалъ бы я.

— Онихъ неможеть судить иностранецъ и даже итальянецъ изъ другой провинціи, если не поживешь здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ. Добродушіе ихъ скрыто, а сердце не открывается по первому порыву; но вѣдь иногда то, что приходится завоевывать, послѣ становится намъ еще дороже. Благоразумная деликатность и обдуманность въ общаіяхъ предохраняетъ ихъ отъ горькихъ разочарованій, и потому въ добрыхъ всегда можно встрѣтить больше доброты, чѣмъ предполагалось.

Недостатки ихъ скорѣе носятъ отрицательный характеръ, а потому никому не причиняютъ зла. Они вамъ покажутся жесткими, но именно потому за нихъ можно ухватиться и держаться: они не выскользнутъ изъ рукъ. Въ чувствахъ часто глаза выражаютъ очень много, а уста съ достоинствомъ молчатъ, что дѣлаетъ ихъ еще болѣе дѣльными. И кто отличается недостатками противоположными и сознаетъ ихъ, тотъ именно любить такихъ людей. Это связываетъ меня съ Туринюмъ еще узами благодарности. Я такъ связываю дѣлами чувствъ, мыслей и крови, что не могъ бы жить въ другомъ мѣстѣ ни за какія блага: даже еслибъ мнѣ при бѣдности общали богатство, при болѣзни—здоровье, даже еслибъ я зналъ, что найду тамъ сотни новыхъ друзей а здѣсь лишусь послѣдняго; и я увѣренъ, что мнѣ будетъ служить всегда большимъ утѣшеніемъ сознание, что я умру здѣсь.

Въ то время, какъ я произносилъ эти послѣднія слова, стоявшій недалеко отъ меня господинъ, лица котораго я тогда не могъ видѣть, медленно, медленно, какъ автоматическая статуя, повернулъ голову и встрѣтился со мною глазами... А, я его побѣдилъ наконецъ! Я сразу понялъ по его взгляду, что мнѣ все было навсегда прощено: и критика улицы *Гарибальди*, и обращеніе съ газетой *del Popolo*, и безумная теорія муниципальнаго социализма! Добрѣйшій кавалеръ Бикьерино, образцовый чиновникъ—не знаю какого—королевскаго вѣдомства и наиболѣе чистый и ревностный изъ туринцевъ, когда-либо рожденныхъ и имѣющихъ родиться,—былъ растроганъ, побѣжденъ; онъ былъ—мой. Выходя изъ коня, онъ прикоснулся рукою къ своему цилиндру и, прежде чѣмъ скрыться въ туманъ, обернулся въ мою сторону съ доброжелательной улыбкой отнявшей у меня послѣднее сомнѣніе. Да здравствуетъ Куба! Я приобрѣлъ еще одного друга. Это хорошее предзнаменованіе для конца года.

Наконецъ, недѣлю спустя, туманъ разсѣялся и мы опытъ увидѣли засіявшее солнце. Ковки начинали свободно бѣгать

по ясному городу, словно окрашенному въ новыя, болѣе живыя цвѣта и пазоченному со всѣхъ сторонъ широкими снопами свѣта. Кучера и кондуктора, выбывшіеся изъ силъ за цѣлую недѣлю тревогъ и трудовъ, весело, какъ выпущенные изъ тюрьмы, привѣтствовали прозрачный воздухъ, въ которомъ ясно вырисовывались бѣлоснѣжныя Альпы, которыя, казалось, еще приблизились за время этой непогоды. У *Порта Палаццо*, гдѣ я въ часъ завтрака ждалъ конку заставы *Данцо*, былъ пиръ. Кондуктора и кучера всѣхъ прибывшихъ вагоновъ быстро соскакивали на землю и, усѣвшись на ступенькахъ надъ корзинками съ зеленью принимались за ѣду, перемѣшивая съ торопливыми глотками шумныя восклицанія по адресу продавщицъ зелени и вновь прибывающихъ коллегъ ихъ, закутаныхъ съ головы до ногъ и въ огромныхъ рукавицахъ посреди этой занесенной снѣгомъ площади, на которой кое-гдѣ мигали костры, легко было принять за отрядъ казаковъ, расположившихся съ своимъ обозомъ въ степи на стоянку, еслибъ къ этому русскому пейзажу не примѣшивалась чисто итальянская подробность: кучи сицилійскихъ апельсинавъ, желтѣвшихъ на лоткахъ среди горной травы и лавровыхъ вѣтвѣкъ, предвѣстниковъ Рождества.

Войдя въ свою конку, я на площадкѣ встрѣтился съ моимъ бѣловурнымъ типографомъ, молодымъ супругомъ, веселымъ и свѣжимъ, какъ воздухъ. Онъ заговорилъ со мной объ *Антонио Мачео*, спросивъ, какъ я думаю: смогутъ ли кубанскіе инсургенты вести борьбу, не смотря на его смерть? Но я замѣтилъ, что ему хотѣлось сообщить мнѣ что-то другое и догадался, что это была пріятная новость и что онъ искалъ способа, какъ бы поделкатнѣе сказать мнѣ о ней. Послѣ нѣкотораго предисловія, онъ дѣйствительно, съ очевидной радостью объявилъ мнѣ, что можетъ быть... если все пойдетъ хорошо... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣло социализма пріобрѣтетъ еще одного ратника... Оставалось только вопросомъ, товарищъ это или товарища. Я поздравилъ его. Онъ откѣтилъ съ чисто ребяческою радостью.

Сдѣлавъ нѣкоторый расчетъ, онъ рѣшилъ, что ребенокъ появится на свѣтъ въ половинѣ апрѣля... быть можетъ, въ самый день рожденія Лассала: было бы хорошимъ предзнаменованіемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ рѣшилъ, что если родится мальчикъ, онъ непремѣнно дастъ ему три имени: Фердинандъ (Лассаль), Фридрихъ (Энгельсъ) и Карлъ (Марксъ). Онъ потерялъ себѣ руки и затѣмъ принялся расхваливать свою жену. О, онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше былъ ею доволенъ. Сильна въ работѣ, не смотря на свое положеніе, добра и заботлива къ его матери и ни капельки не измѣняетъ идеямъ, какъ это случается съ другими послѣ замужества. Она ему всегда сама напоминала:

— Эрнесто, не забудь о сегодняшнемъ собраніи... Не забудь возобновить подписку на газету... Дадимъ отъ насъ что-нибудь въ *избирательную кассу*...

И даже какъ разъ сегодня она поторопила его отнести маленькую сумму собранныхъ денегъ одному товарищу, оставшемуся безъ работы и больному, который жилъ въ предмѣстьи *Санъ Сальваріо*. Они проводили вечера вмѣстѣ за чтеніемъ книгъ, взятыхъ изъ библіотеки *Книжной ассоціаціи рабочихъ*, хоть предпочитали летучія брошюры, покупая ихъ на свой счетъ. Жена его особенно увлеклась біографіями знаменитыхъ социалистовъ: *Елеоноры Эвелингъ*, *Эни*, *Безантъ*, *Северини*. И ихъ разговоры продолжались до-поздна, когда матушка уже засыпала. Потомъ, вдругъ спохватившись, онъ подумалъ, что слишкомъ много и слишкомъ фамиллярно рассказывалъ мнѣ о своихъ семейныхъ дѣлахъ, и, сдѣлавъ серьезное лицо, спросилъ меня, вѣрю ли я въ ходящіе слухи о закрытіи всѣхъ социалистическихъ оружковъ и ассоціаціи труда въ *Лугурин*. Но такъ какъ я улыбулся и сталъ настаивать на томъ, чтобы онъ продолжалъ говорить мнѣ о своей семьѣ, то онъ, съ жаромъ пожавъ мою руку, заговорилъ съ еще большею откровенностью. Да, онъ дѣйствительно былъ счастливъ, ему попалась добрая, хорошая дѣвушка, какую только можно было желать. Это такое хорошее дѣло—жить въ полномъ

согласиѣ, быть связанными одною идеей, одной общей надеждой. Какъ часто, слушая хорошую музыку, они понимали другъ друга безъ словъ и были оба растроганы почти до слезъ, думая о товарищахъ другихъ странъ, объ общемъ дѣлѣ, о будущемъ, о своемъ ребенкѣ, которому, быть можетъ, суждено дожить до лучшихъ временъ. А я, въ свою очередь, глядя на этого красиваго юношу, на этого «врага семейнаго начала», такого влюбленнаго и счастливаго, думалъ о томъ, насколько семья его облагораживала и давала ему силу, какъ хороша была и здорова его любовь, тогда какъ въ его годы женитьба большинству юношей буржуазіи обыкновенно представляется еще очень отдаленнымъ событіемъ, которое явится заключеніемъ многихъ лѣтъ случайной любви, соблазна и адюльтеровъ, выгоднымъ контрактомъ для округленія капитала или ступенью въ карьерѣ. И я утверждаюсь въ вѣрѣ, что въ самомъ дѣлѣ благодѣтельнѣе былъ бы тотъ социальный переворотъ, который далъ бы возможность имѣть каждому юношѣ въ этомъ возрастѣ семью, что для него теперь недоступно или по экономическимъ причинамъ, или въ силу сложившихся предрасудковъ.

Въ то время, какъ я такъ раздумывалъ, а онъ собирался сойти, я вдругъ замѣтилъ, какъ онъ что-то быстро сунулъ въ карманъ господина, стоявшаго передъ нами. Удивленный, я спросилъ у него объясненія. Онъ улыбнулся. Это была крохотная брошюрка, стоющая пять сантимовъ: *Клеветники социализма*. Онъ имѣлъ обыкновеніе часто незаметно втыкать ихъ въ карманы буржуа на конкѣ. О, не для того, чтобъ ихъ обратитъ, совсѣмъ нѣтъ! Только чтобъ «просвѣтитъ ихъ мысли», чтобъ разрушить тѣ нелѣпыя легенды на счетъ социализма, которыя распространяются въ умахъ многихъ, заставляя считать его совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть.

— По прїѣздѣ домой они начинаютъ читать изъ любопытства, а потомъ мало-помалу разубѣждаются въ нѣкоторыхъ предрасудкахъ. Все-таки маленькій выигрышъ.

И онъ мнѣ рассказалъ, что многіе

употребляли этотъ способъ распространенія идей не черезъ уши, а черезъ карманы. Мысль эту подалъ мой знакомый столяръ, сующій брошюрки во всѣ сюртуки безъ особенныхъ издержекъ, такъ какъ получалъ сорокъ процентовъ скидки.

Подмигнувъ мнѣ на господина, онъ прибавилъ:

— Я уже успѣлъ въ это утро услужить тремъ...

Онъ сказалъ это съ такимъ торжествующимъ довольнымъ видомъ, какъ будто сдѣлалъ три обращенія, и соскочилъ на площади *Санъ-Карло*. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока бѣлокурая его голова, золотящаяся на солнцѣ, не затерялась въ толпѣ.

А вотъ еще одна улыбка на челѣ моего умирающаго года, еще веселая страница въ заключительной главѣ— другой счастливый человекъ. Это молодой художникъ, вскочившій рядомъ со мной на площадку на улицѣ *Гарибальди* съ цвѣткомъ въ петлицѣ и съ розовымъ лицомъ, краснорѣчиво говорившимъ о близкой свадьбѣ. Я предупредилъ его слова, сказавъ, что обо всемъ догадался уже давно, со времени нашей послѣдней встрѣчи, когда по лицу нѣкоей красавицы разлился пурпурный румянецъ. Онъ при этомъ, въ свою очередь, покраснѣлъ, а я принесъ ему свои поздравленія: премилое ангельское созданіе, которымъ я любовался много разъ, думая, что счастливъ будетъ тотъ гражданинъ Италіи, надъ которымъ оно раскроетъ свои крылья.

Глаза его вспыхнули, но онъ заговорилъ очень спокойно.

Да, все было уже назначено на январь. Онъ доволенъ. У нея хорошая натура, стойкій и справедливый характеръ, образованіе и горячая привязанность къ отцу, отставному лѣхотному полковнику съ двумя медалями: она должна оказаться отличной матерью и они проживутъ въ полномъ согласіи.

Но я понималъ, что это спокойствіе психолога, изслѣдователя только обычное

лицеѣріе влюбленныхъ; подъ этими безстрастными словами чувствовалась пылающая душа, и я былъ увѣренъ, что даже если бы у нея и не было «хорошей натуры», «стойкаго характера» и всѣхъ качествъ «отличной матери», онъ все также страстно любилъ бы ее и добивался бы ея любви всѣми способами.

— Вы знаете, что она студентка, медичка?—спросилъ онъ меня.

Я притворился, что не знаю и, шутя, спросилъ его, позволить ли онъ ей продолжать свои занятія.

— О нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!—порывисто воскликнулъ онъ, и въ его голосѣ прозвучала отелловская ревность, пылавшая во всѣхъ его фибрахъ противъ всего медицинскаго факультета, всего студенчества и всѣхъ возможныхъ ея пациентовъ, не исключая и грудныхъ младенцевъ.

Мнѣ оставалось узнать только одно, дѣйствительно ли онъ познакомился съ нею въ конкѣ, и я спросилъ его объ этомъ. Онъ искренно разсмѣялся: да, это было такъ, на линіи *Понте Изабелла*, въ концѣ мая.

— Помните, — сказалъ онъ мнѣ, — исторію, напечатанную въ газетахъ, о томъ, какъ вагонъ бельгійскаго общества наѣхалъ на почтовую карету и разбилъ ее, ранивъ кучера?

Я не помнилъ. Ну, такъ вотъ, онъ встрѣтился съ нею первый разъ въ этомъ вагонѣ и она на него произвела впечатлѣніе тѣмъ, что въ то время, какъ другія дамы визжали и падали въ обморокъ, она смѣло и спокойно пошла на помощь упавшему и, приподнявъ его окровавленную голову, положила къ себѣ на колѣни и стала отирать платкомъ.

— Вотъ энергичная и сердечная дѣвушка! — сказалъ онъ себѣ тогда и остался тоже раненымъ, но для его раны, увы! платокъ былъ бесполезенъ. Потомъ... онъ ее опять увидѣлъ. И такъ мало по-малу... Но онъ умолчалъ о первыхъ проявленіяхъ своихъ чувствъ, оставшихся безъ отвѣта въ тотъ довольно долгій періодъ, когда онъ напалъ

далъ на туринскихъ барышень, «дочерей Борея холодныхъ, какъ Альпы, и выкроенныхъ по одной мѣркѣ», а тотчасъ перескочилъ къ разсказу о томъ, какъ внезапно расположила она въ его пользу отца въ первый же разъ, когда они встрѣтились въ вагонѣ.

— Да, все было такъ именно, — заключилъ онъ, — на линіи *Понте Изабелла*, въ закрытомъ вагонѣ, на которомъ стоялъ номеръ 125-й.

Не замѣтивъ, что я при этомъ засмѣялся, онъ раскрылъ портфель и бережно, какъ реликвию, вытащилъ изъ него бѣленькій билетикъ, оставшійся отъ той памятной поѣздки неприкосновеннымъ, какъ будто это происходило вчера.

— Такъ, — сказалъ онъ съ своей наивной улыбкой: — если она когда-нибудь заставитъ меня раскаться, я покажу ей его и скажу: плохо же я употребилъ свои десять сантимовъ!

Но любовь и счастье, сверкавшія на добромъ лицѣ богатыря-ребенка, опровергли кажущуюся искренность этого предположенія. И онъ спряталъ обратно въ портфель маленькій билетикъ, по которому онъ проѣхалъ въ земной рай.

Да, онъ дѣйствительно былъ счастливъ. Мнѣ это подтвердилъ его взглядъ и тонъ невольнаго сожалѣнія, которымъ онъ спросилъ меня, какъ идетъ моя работа, словно миллионеръ, спрашивающій бѣднаго родственника о его процессѣ изъ-за наслѣдства лиръ въ сто. Онъ былъ до такой степени счастливъ, что, спрашивая меня, нѣтъ ли и его въ моей книгѣ, онъ далъ мнѣ понять, что совсѣмъ не прочь туда попасть. Но, выходя изъ конки, онъ привѣтствовалъ меня улыбкой, которая показывала, что мысли его уже далеко отъ меня. Его слова «добрый вечеръ!» относились ко мнѣ, но улыбка къ барышнѣ изъ вагона № 125. Но у меня было позволеніе ввести его романъ въ мой *Экспажъ*, и я оставался доволенъ поѣздкой.

А вотъ и еще одинъ счастливецъ, но не къ моему удовольствію; напротивъ,

даже—это была очень скверная минута, пережитая мною въ характерномъ вагонѣ кануна Рождества. Онъ тронулся отъ *Порта Палаццо*, биткомъ набитый дамами и дѣтьми, нагруженными разными символическими фигурками младенца Христа и пастуховъ, яслями и ослинками, полуутопавшими въ зелени лавровъ и миртъ, съ игрушками въ рукахъ, коробками винныхъ ягодъ на колѣняхъ и апельсинами или гранатами въ карманахъ. Однимъ словомъ, вагонъ представлялъ изъ себя смѣсь Ноева ковчега, маленькаго лѣса и кладовой, откуда слышался гулъ, визгъ и смѣхъ ятихъ празднично настроенныхъ душъ. Передо мной, на задней площадкѣ, стояли два жандарма, повернувшись спиной къ двери, а навѣто отъ меня была группа пожилыхъ, солидныхъ лицъ, дружелюбно обсуждая постановленіе палаты о туринской благотворительной лотерей. Послушавъ нѣкоторое время ихъ разговоръ, я повернулся, чтобъ взглянуть внутрь вагона и встрѣтился взоромъ съ сидѣвшимъ тамъ Гюйо. Онъ тотчасъ рѣзко отвернулся въ другую сторону, наморщивъ лобъ съ видомъ чловѣка, отворачивающагося отъ ядовитой змѣи. Безпощадный Гюйо! Онъ не довольствовался своей жестокой мстью два мѣсяца тому назадъ—онъ ненавидѣлъ меня на смерть. Это въ самомъ дѣлѣ неумолимый врагъ!

Я ждалъ, что взглядъ его, подстрекаемый тою самою ненавистью, которая заставила его отвернуться, опять встрѣтится съ моимъ, желая дать ему понять, что его ядовитыя стрѣлы не остались въ моемъ тѣлѣ, что я цѣлъ и невредимъ и въ состояніи распространять въ обществѣ зло. Значитъ, видъ моего лица для него, въ самомъ дѣлѣ, невыносимое наказаніе, если онъ не хочетъ преслѣдовать меня своими взглядами!—подумалъ я. Но—терпѣніе. На площадку стали входить другіе пассажиры, заставляя перемѣщаться стоявшихъ тамъ. Произошло общее смѣшеніе, всѣ толкались и тѣснили другъ друга, ища для себя мѣста, гдѣ бы удобнѣе устоять во время толчковъ вагона. Когда давка прекратилась, такъ какъ нѣкоторые сошли,

я опять заглянулъ внутрь и къ своему величайшему удивленію встрѣтилъ взоръ моего врага, смотрѣвшаго на меня съ легкой, почти доброжелательной улыбкой! Неужели свершилось чудо?.. Я подумалъ, что, можетъ быть, послѣ перваго непобѣдимаго чувства отвращенія, возбужденнаго въ немъ моимъ видомъ, онъ вспомнилъ о своей мести и испытывалъ раскаяніе и сожалѣніе, что слишкомъ меня обидѣлъ и хотѣлъ дать мнѣ понять, что если онъ и не раскаивается, то все же считаетъ себя вполне отомщеннымъ и съ сегодняшняго дня собирается прекратить вражду. Однако его улыбка этого не говорила вполне ясно. Это была язвительная улыбка, въ которой мерцалъ лучъ злорадства. Глядя на него, я замѣтилъ, что взоръ его бѣгалъ по мнѣ изъ стороны въ сторону, какъ маятникъ, и недоумѣвать, въ чемъ дѣло?.. Ахъ, гнусный злодѣй! Случилось,

«Какъ нерѣдко
Случается у насъ»,

что два жандарма, раздѣленные другъ отъ друга волной входящихъ и выходящихъ пассажировъ, окружили меня съ двухъ сторонъ и я стоялъ между ними, какъ арестантъ. И Гюйо любовался этой картиной. Эта картина представляла для него исполненіе его затаеннаго желанія и пророчества, мой неизбѣжный и вполне заслуженный конецъ, то мѣсто, которое онъ предназначалъ мнѣ въ обществѣ. А я еще льстилъ себя надеждой... Но что меня наибольше сердило, такъ это не радость его въ ту минуту, а мысль, что онъ перенесетъ эту радость домой и станетъ расписывать картину передъ семьей, и забавлять ею въ *café* друзей, что этотъ мой воображаемый арестъ въ значительной степени—о, безъ сомнѣнія!—украшитъ ихъ праздникъ. И я захотѣлъ тотчасъ же сойти. Меня удержала было мысль, что и это бѣгство доставитъ ему, въ свою очередь, удовольствіе, но я не могъ дольше терпѣть: потянулъ за звонокъ и соскочилъ, нарушая картину. Но, соскакивая, я бросилъ ему взглядъ, навѣрное заставившій его подумать:

— Ишь, какой свирѣпый! Вотъ она,

*

его настоящая натура, когда сказала! Впрочемъ, чего и ждать отъ такихъ людей: они на все способны...

Но это былъ единственный непріятный случай въ моемъ послѣднемъ мѣсяцѣ.

Въ яркое, залитое солнцемъ рождественское утро конка была переполнена дамами, закутанными въ шубы, дѣвочками, прижимавшими къ груди огромныя куклы съ бѣлокурыми кудрями, мужчинами, везущими сладкое приравленіе къ обѣду, расфранченными лавочницами и бритыми рабочими. У всѣхъ были ясныя оживленныя лица, рѣзкій контрастъ съ которыми представляли хмурыя фізіономіи кучеровъ и кондукторовъ, печальныхъ или сердитыхъ отъ мысли объ ожидающемъ ихъ днѣ, который для нихъ начался при свѣтѣ звѣздъ и долженъ окончиться впроголодь при шумѣ и дерзостяхъ пьяныхъ, послѣ нѣсколькихъ наскоро проглоченныхъ кусковъ. Ахъ, эти торжественныя дни праздниковъ! Для сколькихъ людей они ужасны...

Войдя въ конку на площади *Карло Феличе*, чтобъ отправиться на площадь *Статуто*, я точно вошелъ въ тотъ же самый вагонъ, въ которомъ сдѣлалъ свою первую поѣздку на Новый годъ. Въ немъ было постоянное движеніе и смѣна публики; одни входили, другіе выходили, обмѣниваясь поклонами, улыбками и любезностями, какъ въ салонѣ. На растояніи отъ площади *Санъ-Карло* до площади *Кастелло* вагонъ носилъ чисто барскій видъ: все страусовыя перья да лисья муфты, ослѣпительный блескъ браслетовъ и булавокъ, нарядныя молитвенники и коробки съ конфетами; отовсюду слышались комплименты и пахло духами. Много ли было среди нихъ такихъ, которые думали о «божественномъ ребенкѣ», родившемся среди быковъ и ословъ тысяча восемьсотъ девяносто шесть лѣтъ назадъ, и о завѣтѣ, оставленномъ имъ міру *quod superest date pauperibus?*

Увы! Для однихъ этотъ праздникъ означалъ начало масленицы, для другихъ открытіе королевскаго театра, для этихъ

шумный семейный праздникъ, а для тѣхъ дорогой подарокъ; и единственными алтарами, привлекавшими вниманіе, были окна и витрины магазинноу, мимо которыхъ пробѣгали конки. Быть можетъ, не въ одномъ изъ тысячи крещеныхъ, которыхъ я видѣлъ проходящими мимо, зарождалась мысль, — измѣнить съ этого дня свою жизнь, свои привычки, стать добрѣе, стать лучше и справедливѣе, любить всѣхъ и прощать всѣмъ, какъ дѣлаетъ великій учитель, память котораго праздновалась въ этотъ день. А всѣ эти лица сидѣвшихъ передо мной дышали только жаждой роскоши, наслажденія и суетныхъ удовольствій. На площади *Кастелло* вошла супружеская пара и, не найдя мѣста внутри вагона, осталась противъ меня, на площадкѣ. Я узналъ предлагаемую жену почтоваго чиновника, нашу капитаншу, которая стояла, прижавшись къ руцѣ низенькаго, смиреннаго на видъ мужчины лѣтъ сорока, ея мужа, безъ сомнѣнія. Онъ неопредѣленно улыбался, полузакрывъ глаза, какъ будто наслаждался близостью влюбленной въ него дѣвушки за спиной своей жены. И такъ, капитанъ былъ забыть! И нѣжность ея являлась не наслѣдствомъ, оставшимся отъ офицера, а означала возвращеніе раскаявагося сердца къ священнымъ супружескимъ чувствомъ, къ скромному, но прочному счастью ограниченному окошкѣ для заказныхъ писемъ. И я этому порадовался, такъ какъ имѣю теперь возможность назидательно закончить въ своей книгѣ исторію ея приключенія.

Одно мгновеніе она на меня посмотрѣла и, казалось, узнала меня, вспомнивъ, быть можетъ, о днѣ, когда она и ея спутникъ хотѣли выселить меня изъ вагона, и по лицу ея прошла тѣнь... Но чего ей было бояться? О возможности попасть въ печатъ она навѣрное и не воображала. И въ самомъ дѣлѣ, она тотчасъ же оправилась и еще крѣпче прижалась къ руцѣ мужа, который теперь уже совсѣмъ закрылъ вѣки, изобразивъ на лицѣ еще болѣе нѣжную улыбку. *Сти, божественное дитя.*

Послѣ Рождества наступили дни, когда я положительно никого не встрѣчалъ, словно всѣ мои персонажи уже оставили меня и скрылись въ туманѣ, начавшемъ опять заволакивать городъ, въ сырость и густомъ туманѣ, окутывавшемъ всѣ предметы. Только въ одинъ изъ послѣднихъ дней я встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ вагонѣ линіи *Мартинетто*. Стоя на площадкѣ, нѣсколько влѣво отъ входа, я замѣтилъ профиль супруги изъ предмѣстья *Сан-Домато*, которая сидѣла, слегка наклонивъ голову въ противоположную отъ меня сторону въ позѣ сидящей мадонны. У меня промелькнула мысль. Я высунулъ голову... Эхъ, право, я никакъ не думалъ, чтобъ у меня было столько чувствъ къ этимъ двумъ несчастнымъ созданіямъ. Я испыталъ настоящую радость. Она держала на рукахъ грудного ребенка, а направо отъ нея сидѣлъ ея мужъ. Но полно, она ли это? Въ позахъ ея и въ движеніяхъ было столько граціи, сколько можетъ дать ея материнство такому жалкому тѣлу, и въ глазахъ сіялъ новый свѣтъ: они выражали какъ бы гордое и счастливое сознаніе ея необходимости для другого существа и, казалось, стали больше и нѣжнѣе: взоръ ихъ, какъ взоръ человѣка, всматривающагося вдаль, былъ пристально устремленъ на два другихъ маленькхъ глаза, какъ будто въ нихъ для нея открывался новый таинственный міръ. Значитъ, тотъ, котораго ждали, явился, величайшее утѣшеніе въ несправедливости судьбы и природы, дорогая надежда всѣхъ дней и часовъ, вознесшій ее высоко, какъ королеву, и внезапно расширившій для нея жизнь, какъ мысль о героическомъ подвигѣ! И, казалось, что она именно въ этотъ моментъ отвѣтила смѣлымъ, побѣдоноснымъ голосомъ, который былъ признакомъ здороваго и счастливаго тѣла.

— Да, явился! — Она улыбнулась, робко оглянулась вокругъ, бросила вопрошительный взглядъ мужу и, покрасивъ начала растегивать лифъ, затѣмъ рѣшительнымъ движеніемъ поднесла къ груди ребенка, который прицалъ къ ней своимъ сразу стихшимъ ротикомъ

и жадно началъ сосать. Тогда она подняла свое розовое торжествующее лицо и, честное слово, въ ту минуту была прекрасна! Мужъ ея смотрѣлъ на маленькое раздувшееся отъ усилій личико съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: — Пей, дѣтка, возьми отъ нея вмѣстѣ съ молокомъ все хорошее: доброе сердце и любовь къ Труду, покорность бѣдности, мужество, нѣжность и силу, и ты будешь добрымъ и честнымъ, ты будешь нашимъ богатствомъ и славой!

Я оставилъ ихъ въ этомъ положеніи и сошелъ, мысленно посылая свои лучшія пожеланія имъ обоимъ и маленькому новому персонажу, котораго побилъ раньше его появленія на свѣтъ, сдѣлавшись его воспріемникомъ въ своемъ сердцѣ и который останется для меня пріятнымъ воспоминаніемъ.

А вотъ и торжественный для меня послѣдній день. Выйдя подъ вечеръ изъ правленія Туринскаго Общества, я перешелъ пустынную площадь *Заставы Ницца* и сѣлъ въ конку линіи *Площадь Кастелло* за нѣсколько минутъ до ея отбѣзда. Фонари едва мерцали въ густомъ туманѣ, покрывшемъ площадь; какъ призраки, двигались въ немъ кучера, кондуктора и городовые, заливая въ смѣхъ и остротахъ свою веселость, прибрѣтенную въ сосѣднихъ трактирахъ на проводахъ стараго года. Мнѣ показалось, что я услышалъ среди этихъ голосовъ знакомое ворчаніе Темпесты, но оно было тотчасъ заглушено неистовымъ пѣніемъ пьяной компаніи, раздавшимся изъ маленькаго ресторана на площади.

Когда вагонъ отбѣжалъ, я сидѣлъ въ немъ одинъ, въ углу. Это былъ часъ, когда конки, направляющіяся къ предмѣстьямъ, переполнены народомъ, а возвращающіяся назадъ, къ центру Турина, напротивъ, почти совсѣмъ пусты. Я могъ бы свободно протянуться на лавкѣ и спать, но несмотря на усталость послѣ безсонной ночи и дѣлаго дня, проведеннаго въ конкахъ, я не могъ даже ни на минуту забыться. Меня разбѣвалъ видъ туманной улицы, по которой мелькали

незнакомыя caffè, углы поперечныхъ улицъ, которыхъ я въ этомъ мракѣ не узнавалъ, и широкіе темные промежутки между яданами съ мерцающими въ нихъ отдаленными огоньками деревни, и я воображалъ себѣ, что въѣзжаю въ какой-то большой иностранный городъ.

Это была послѣдняя моя поѣздка въ течение года. При мысли объ этомъ, — вѣроятно, въ зависимости отъ главной цѣли, руководившей мною въ течение года, — головою осаждала странная путаница образовъ и воспоминаній; впечатлѣнія отъ всѣхъ совершенныхъ мною поѣздокъ какимъ-то удивительнымъ образомъ тѣсно связались между собой, какъ будто я не прерывалъ этихъ поѣздокъ никакими другими занятіями, какъ будто я совершалъ непрерывное путешествіе въ течение четырехъ сезоновъ, день и ночь, выходя изъ одного вагона только затѣмъ, чтобъ войти въ другой, колеса взадъ и впередъ по всѣмъ линіямъ и не имѣя другого жилища, кромѣ конки. Всѣ видѣнныя мною лица, сцены, встрѣчи и случаи столпились въ моей памяти, рѣзко выдѣлившись отъ всѣхъ остальныхъ событий моей жизни, какъ будто эти послѣднія относились къ моему другому я, какъ будто за этотъ годъ я создалъ въ своемъ представленіи совершенно особый міръ, обособленный отъ того, съ которымъ я встрѣчался и сталкивался въ конечныхъ лнній.

Но, можетъ быть, подъ влияніемъ одиночества, или усталости и дурной погоды, наиболѣе живо всплывали въ моей памяти грустные лица и сцены. Далекое, словно въ туманѣ, проходили передо мной парочки влюбленныхъ на праздничныхъ жардиньерахъ, фигуры охотниковъ, масляничныя маски, веселыя компаніи, подкрашенные головы, цвѣтуція кормильцы, монахини и меланхоличныя старыя дѣвы, жандармы и «совратители», всѣ они показывались и тотчасъ исчезали. А вблизи передъ собой я видѣлъ словно застывшій образъ старой матери, рыдающей при видѣ картины Абба-Карина, мрачныхъ Таддео и Венеранду, поверженныхъ въ отчаяніе смертью дорогого существа, печальный катафалкъ добраго ветерана, перерѣзывающій до-

рогу конкѣ, окровавленный трупикъ раздавленнаго ребенка, притворяющуюся спящей, старую кокотку, смущенную любопытными взглядами невинныхъ существъ съ вѣнками цвѣтовъ на головахъ. Сколько горя и страданія даже въ этихъ нѣсколькихъ подвижныхъ человѣческихъ клѣткахъ, куда еще не проникаютъ болѣе крупныя горести и страданія! Грусть эта на мгновеніе была прервана появленіемъ художника подъ-руку съ «мертвой дѣвой», блѣлоураго типографа съ его подругой и счастливыхъ супруговъ изъ *Санъ-Дonato*. А затѣмъ прилила опять волна печальнаго народа: несчастная женщина, избѣденная ракомъ, чахоточная, задыхающаяся отъ кашля, мать, горюющая о мизерности своего вѣнка, раненый кондукторъ и всѣ его коллеги, оковенѣвшіе, разбитые и изнемогающіе отъ усталости, съ мучительнымъ желаніемъ соснуть и боязнь штрафа, выражающимися въ глазахъ; а посреди нихъ мой старый товарищъ по Моденской школѣ съ его печальнымъ жестомъ, сдѣланнымъ имъ мнѣ на прощанье...

Течение этихъ мыслей было прервано внезапной остановкой конки. Гдѣ мы находились? Я смутно узналъ сквозь туманъ площадь *Низимы*. Нѣсколько лицъ вошло въ конку. Вагонъ опять двинулся, а я погрузился въ свои воспоминанія.

Несчастія, страданія, горести... А сколько также злобы, подлости и позора! Но тутъ въ душѣ моей происходитъ борьба. Изъ-за жестокой фізіономіи Темпесты — мучителя лошадей — выступаетъ доброе честное лицо Джорса, говорящаго мнѣ съ улыбкой:

— Ты зналъ меня одного; но, вѣдь, есть много другихъ Джорсовъ, могу тебя увѣрить.

Вслѣдъ за толпой грубыхъ, пьяныхъ рабочихъ выступаетъ мой жестяникъ, указывая мнѣ на группу своихъ товарищей, на лицахъ которыхъ, какъ и на его лицѣ сіяетъ новое чувство достоинства, лучъ интеллектуальной жизни, неутомимый и святой пылъ апостола гражданственности, братства и мира. Предо-

мною проходить толпою надменные гордецы, оскорбленные плебейскими прикосновеніями—эти главные виновники ненависти и ожесточенія въ обществѣ, но на мгновеніе цѣпь ихъ прерывается и среди нихъ мелькаетъ нѣжный обликъ бѣлокурой барышни, поддержавшей голову лишившагося чувствъ рабочаго... Передъ взоромъ моимъ встаетъ отвратительный богатый эгоистъ. не вѣрщій въ голодъ, клеветущій на бѣдняковъ и жадно гоняющійся за каждыиъ сантимомъ. Но рядомъ съ нимъ является добрая мѣщанская семья, растроганная драмой и ласкающая маленькаго трубочиста. Вслѣдъ за ними показываются торжествующая фигура толстаго господина, преслѣдователя всѣхъ слабыхъ и малыхъ, грознаго бича кондукторовъ, но изъ-за его головы выглядываетъ *пламенное* лицо донны Бихоты, и ворчанье его покрывается ея нѣжнымъ голосомъ, говорящимъ мнѣ:

— Я здѣсь, и я одна стою цѣлаго отряда тѣхъ!

Меня опять опутываютъ надменные, бездушные, гнусные, и говорятъ мнѣ:

— Что значать мечты! Миръ—это мы!

Но еще разъ показывается донна Бихота и Джорсъ, бѣлокурая барышня, супруги изъ *Санъ-Донато* и типографъ съ золотистыми волосами, чтобъ прокричать мнѣ хоромъ:

— Нѣтъ, тѣ не составляютъ міра, какъ черныя тучи не составляютъ неба, даже и тогда, когда покрываютъ его сплошь. Надѣйся на насъ, вѣруй въ насъ, утѣшайся нами! На челѣ нашемъ—грядущее, въ сердцахъ вашихъ побѣда, мы будемъ владѣть міромъ!

Вторично, остановкой конки, было прервано теченіе моихъ мыслей. Я разглядѣлъ сквозь туманъ обелискъ мятежниковъ 1821 г. Мы стояли на площади *Санъ-Сальваріо*; опять вошло нѣсколько пассажировъ, и вагонъ тронулся.

Наконецъ усталость меня одолѣла, и я закрылъ глаза. Я чувствовалъ, что сонъ начинаетъ сковывать мои мысли, и погрузился въ какое-то странное состояніе лихорадочной дремоты, весь взволнованный разбуженными образами. Мнѣ

мерещилась сквозь окно вагона улица, залитая потоками бѣлаго свѣта, множество движущихся ярко освѣщенныхъ вагоновъ громадныхъ повозокъ для перевозки тяжестей и экипажей всѣхъ размѣровъ и формъ, приводимыхъ въ движеніе не лошадьми, а какою-то скрытою силой; они постоянно скрещивались и гонялись другъ за другомъ съ молниеносною быстротою, какъ въ смутномъ представленіи стараго кузнеца—пріятеля жестяника. И время, когда улицы оглашались щелканіемъ хлыста и криками ломовиковъ и кучеровъ, казалось мнѣ очень отдаленнымъ, едва сохранившимся въ моей памяти. Вагонъ, въ которомъ я ѣхалъ; представлялся мнѣ обширнымъ и элегантнымъ, какъ салонъ, и люди, его наполняющіе, тоже казались мнѣ очень измѣнившимися. Они были одѣты въ разные костюмы, но безъ особеннаго различія, словно богатые и бѣдные приблизились другъ къ другу—одни спустившись, а другіе поднявшись до приличной середины, и въ манерахъ себя держать не чувствовалось рѣзкаго контраста; грубости и изысканной любезности,—онѣ свелись къ одинаковой у всѣхъ вѣжливости, полной простаго спокойнаго достоинства. Нѣкоторыя вещи выходили въ моемъ представленіи странными и заставляли надъ собой задуматься. Я видѣлъ передъ собой двухъ людей, дружелюбно разговаривающихъ объ общественномъ управленіи. У одного изъ нихъ были бѣлыя нѣжныя руки, а у другого грубыя и загорѣлыя—работія. Я удивился, видя ихъ такъ фамильярно бесѣдующими, и еще болѣе удивился, когда услышалъ, какъ первый сказалъ:—Когда открылось засѣданіе...—А второй вскорѣ началъ съ жаромъ ему возражать. И возраженія эти первый выслушивалъ съ почтительнымъ вниманіемъ, какъ равный отъ равнаго...

Мнѣ казалось, что лица эти я гдѣ-то видѣлъ очень давно, въ первые годы моего дѣтства.

Не удавалось мнѣ представить себѣ и обновленнаго лица кондуктора въ красивомъ мундирѣ, стоящаго на площадкѣ и вѣжливо предупреждающаго выходящихъ пассажировъ—остерегаться проѣзжающихъ экипажей. Смутное воспоминавіе

будилъ во мнѣ и сидящій въ углу вагона мальчикъ, опрятный и улыбающійся. съ связкой книгъ подъ рукой.

— А гдѣ я этого встрѣчалъ?—спрашивалъ я себя при видѣ рабочаго, переставшаго читать и вѣжливо уступившаго мѣсто вошедшей въ вагонъ старушкѣ, бодрой и хорошо сохранившейся, которая привѣтствовала присутствующихъ улыбкой. Последняя тоже казалась мнѣ знакомой, но изгладившіяся изъ памяти за много лѣтъ.

Вдругъ, словно неожиданный лучъ проникъ въ мою голову, и лица эти освѣтились для меня одно за другимъ. Въ разговаривающихъ объ общественныхъ дѣлахъ я узналъ туринскаго синдика и своего знакомаго столяра-пропагандиста, въ кондукторѣ обновленнаго Темпесту, къ мальчикѣ — маленькаго трубочиста, а въ старушкѣ — мать солдата. И этотъ контрастъ между старыми образами и новыми костюмами, взглядами и манерами, составлявшими нѣкогда предметъ моихъ смутныхъ и жаркихъ мечтаній, доставлялъ моему сердцу невыразимую радость и трогалъ меня до слезъ. Мнѣ хотѣлось дѣлать свою радость со всѣми. праздновать ее, кричать:—Такъ это, значить, ни сонъ! Какъ это хорошо! И какъ могъ я считать это сномъ! — Но меня предупреждаетъ мой сосѣдъ, который, схвативъ мою руку, тоже восклицаетъ:—Нѣтъ, это не сонъ, какъ могъ я такъ ошибаться, считая это сномъ?—Я поворачиваюсь и встрѣчаюсь съ чьими-то очками и бородой: это Гюйо.

Мое удивленное восклицаніе и сонъ были прерваны энергичнымъ «стой!», раздавшимся въ конкѣ, и я рѣзко пробудился какъ отъ толчка. Открывъ глаза, я узналъ сквозь туманъ площадь *Викторіа-Эммануила*, гдѣ мнѣ сѣдовало сойти, чтобъ сѣсть въ конку *Винчано* и отправиться на площадь *Статуто*.

Я съ трудомъ нашелъ мѣсто на переполненной площадкѣ, куда на улицѣ *Рима* вошли еще двое, одинъ изъ которыхъ остался на ступенькѣ, вися одной ногой въ воздухѣ, какъ акробатъ на трапеціи.

Все это были хорошо одѣтые люди въ блестящихъ цилиндрахъ съ завитыми усами, свѣжіе и возбужденные веселымъ полуночнымъ ужиномъ, а также и мыслью о концѣ года,—кто знаетъ, почему? Всѣ смѣялись въ этой тѣсотѣ, пуская другъ другу въ носъ, въ уши и въ затылокъ клубы дыма и прося другъ у друга извиненія за невольные толчки въ бокъ и за раздавливаніе мозолей, и все это—съ маскарадною фамильярностью. Общая веселость и шумъ еще возрастали, когда конка останавливалась, чтобъ выпустить или выпустить какую-нибудь даму; четвернымъ или пятерымъ для этого приходилось сосканивать на землю, а стоявшимъ у входа вбрыть въ себя животы и груди, впрочемъ, не настолько, чтобъ не чувствовать мягкихъ прикосновеній тальмъ и муфтъ и тонкихъ ароматовъ женскихъ волосъ, вызывающихъ сверканіе глазъ.

Табъ пробѣжали первый кварталъ улицы *Рима*, миновали возвышавшіяся въ туманѣ памятники Эммануила Филиберта и завернули въ улицу между двумя площадями: *Санъ-Карло* и *Кастелло*. Тутъ, пропуская одного толстаго господина, я оглянулся и очутился лицомъ къ лицу, при полномъ электрическомъ освѣщеніи, съ моимъ бывшимъ другомъ *Сіануре*, который открылъ глаза и ротъ съ тѣмъ особеннымъ рѣзкимъ выраженіемъ удивленія, которое вызывается неожиданною встрѣчею съ врагомъ. И тотчасъ же я почувствовалъ, что на лицѣ у меня тотчасъ отразилось такое-же выраженіе. Былъ всего одинъ моментъ, когда я пересталъ говорить себѣ:—Обратись къ нему, вѣдь ты же передавалъ поклонъ черезъ дѣвочку!—И движимый звѣрскою гордостью, повернулся къ нему спиною. Я раскаялся въ своемъ поступкѣ равнѣе, чѣмъ успѣлъ его совершить.

— А, лицемѣръ! Такъ ты, значить, не былъ искрененъ, передавая поклонъ, если не можешь повторить его теперь!

Но теперь, послѣ моего поступка, было поздно, я это сознавалъ.

— Все кончено, я упустилъ послѣдній случай, который никогда мнѣ боль-

ше не представится, и мы навсегда останемся врагами. О, жалкая душа!

— Эдмондо, — вдругъ раздался его голосъ, котораго я не слыхалъ столько лѣтъ.

Я быстро повернулся и, охвативъ его шею рукою, поцѣловалъ его въ лицо. Онъ сдѣлалъ тоже и отдалъ мнѣ поцѣлуй.

Съ минутоу мы оставались въ этой позѣ, съ стѣсненнымъ дыханіемъ, не будучи въ силахъ произнести ни слова. На площадкѣ стоялъ тотъ колоссальный кондукторъ ех-жандармъ; онъ бросилъ на насъ строгій взглядъ, очевидно, не считая подобную сцену благопристойной. Но Сіапуре не обратилъ на него вниманія. У него глаза были влажны, у моего добраго Сіапуре. Сжавши еще разъ мою руку въ своихъ рукахъ, онъ потянулъ за звонокъ, чтобы сойти.

— Я хотѣлъ-бы увидѣться съ тобой оиать завтра, — сказалъ я ему.

— Я приду къ тебѣ съ дѣвочкой, — отвѣтилъ онъ.

И сошелъ. Я ощущалъ глубокое удовлетвореніе, но оно продолжалось не долго и смѣнилось чувствомъ сожалѣнія къ самому себѣ. О, Боже мой! И нужно было столько лѣтъ, чтобы совершить такой простой, такой справедливый и хорошій для обоихъ поступокъ!

Меня разсѣялъ Джорсъ, рядомъ съ которымъ я очутился, когда остальные сошли на углу улицы *Гарибальди*. Онъ находился въ веселомъ настроеніи; ему нравился туманъ, который, по его, неизвѣстно откуда взятой, философіи, «укрѣпляетъ душу». Его возбуждали лакомые предметы, выставленные въ окнахъ колбасныхъ. Онъ съ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ объ удивительномъ индюкѣ, котораго онъ видѣлъ въ окнѣ магазина на улицѣ *Рима*. — Эхъ, чортъ возьми! Вотъ такъ животное, просто чудо! Громадный, какъ лошадь, и бѣлый, какъ молоко!

У него текли слюнки и глаза блестяли, и онъ смѣялся, говоря это, и приходилъ въ восторгъ, какъ будто это благо ожидало его на французской за-

ставѣ за обѣдомъ съ его волчатами, гдѣ ему не придется даже присѣсть и въ этотъ вечеръ.

Но онъ прервалъ свою рѣчь, чтобы оказать любезность молодой нянькѣ, взшедшей на площадку съ прелестной дѣвочкой на рукахъ, на видъ одного годика съ небольшимъ, бѣлой и румяной, какъ персикъ, въ эlegantномъ голубомъ капорѣ, расшитомъ тонкою бѣлою шерстью, такъ что казалось, словно ея личико окружено вѣнкомъ изъ жасмина. Джорсъ повернулся назадъ, чтобы открыть дверь, но нянька сдѣлала ему отрицательный жестъ и сказала, чтобы онъ не беспокоился: дѣвочка была капризна и не любила сидѣть внутри вагона, а предпочитала оставаться на площадкѣ и смотрѣть, какъ бѣгутъ лошади. Ей не было еще и шести мѣсяцевъ, когда она твердо выразила это свое желаніе. Сказавъ это, нянька стала рядомъ съ нимъ, приподнявъ дѣвочку такъ, что голова ея почти касалась головы Джорса. Близость этой дѣвочки возбуждала Джорса до крайней степени. Онъ громко хохоталъ: — Вотъ такъ барышня! Вы желаете оставаться на площадкѣ, стоять тутъ около Джорса! И нисколько не боитесь его большихъ страшныхъ усовъ? Ахъ что за милое созданье! Вы другъ намъ-кучерамъ? Умная барышня! И онъ наклонялъ къ ней свое лицо, испытывая удовольствіе отъ мягкаго прикосновенія обшивки на ея капорѣ и глядѣлъ на нее съ нѣжностью отца и радостью ребенка.

Никогда онъ мнѣ не казался такимъ добрымъ, какъ въ эту минутоу, а его жизнерадостность такой честной и здоровой, никогда я не понималъ яснѣе, чѣмъ въ этотъ разъ, изъ какихъ чистыхъ и глубокихъ источниковъ врожденной доброты происходила его веселость и бодрость, его энергія въ трудѣ и спокойная ясность его честной души.

— Ахъ, моя красавица! — продолжалъ онъ восхищаться, — взгляните, какіе лазоревые глазки и что за ротикъ! Вотъ дѣвочка, которая найдетъ себѣ мужа и безъ приданого! Честное слово, я хотѣлъ бы имѣть такую, еслибъ не имѣлъ уже троихъ...

Мы были уже на площади *Статуто*, совершенно сѣрой отъ тумана, а онъ все продолжалъ свои любовныя признанія.

Я попросилъ его остановить вагонъ, онъ остановилъ и сказалъ мнѣ своимъ сердечнымъ голосомъ:

— Съ новымъ годомъ, господинъ!

— Съ новымъ годомъ, Джорсъ!—
отвѣтилъ я.

Онъ видимо былъ пораженъ тономъ; которымъ я сдѣлалъ это пожеланіе. Онъ взглянулъ на меня и затѣмъ отвѣтилъ мнѣ словомъ, которое я повторялъ себѣ много разъ и которое кажется мнѣ самымъ лучшимъ и самымъ мудрымъ изъ человѣческихъ словъ:

— Будемъ надѣяться!

Да, мой добрый Джорсъ, будемъ надѣяться!..

К о н е ц ъ .

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

